This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

P Slav 176.25

Bound
MAY 15 1908

Harvard College Library

FROM THE

PRICE GREENLEAF FUND

Residuary legacy of $711,563 from E. Price Greenleaf,
of Boston, nearly one half of the income from
which is applied to the expenses of the
College Library.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXXII. — 1/14 НОЯБРЯ 1907.

1316-39

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

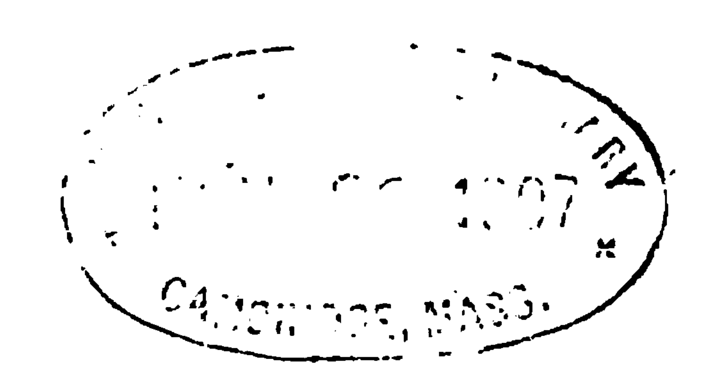
Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

PSlav 176.25
~~Slav 30.2~~



Н. П. ОГАРЕВЪ

и

ЕГО ЛЮБОВЬ

Оставивъ, въ первыхъ числахъ декабря 1841 года, жену Марію Львовну въ Неаполѣ и направляясь, чрезъ Римъ, Вѣну, Берлинъ, въ Россію, Огаревъ, послѣ двухъ съ половиною дней пути изъ Неаполя, писалъ женѣ о своемъ прибытіи въ Римъ:

13 *).

1841.—Середа (декабря) 8 [1]).

Вотъ я и въ Римѣ. Пріѣхалъ грустный, усталый, недовольный. Два дня съ половиной—съ глупѣйшими англичанами и съ моимъ сосѣдомъ сициліанцемъ (peintre en miniature—много таланта), съ которымъ мы съ трудомъ объяснялись на французскомъ языкѣ. За неимѣніемъ комнатъ, на ночлегахъ я спалъ съ нимъ вмѣстѣ и не могъ ни за что приняться—иначе я тебѣ уже нѣсколько разъ писалъ бы съ дороги. Маша! Знаешь ли ты, что̀ такое одиночество, совершенное одиночество между людьми? Ни одного лица дружнаго, ни одного горячаго рукопожатія, ни одного поцѣлуя, полнаго любви, и въ сердцѣ такая пустота, и въ го... смѣсь,—это невыносимо!—Я думалъ о тебѣ. Что̀ ты ...же мой! твое одиночество еще хуже. Ты не имѣешь ... движенія кареты, которое по неволѣ успокаиваетъ

...ше: октябрь, стр. 650.

...мнѣнія, описка: среда приходилась *7-го* дек. нов. ст. (1841 г.).

всѣ чувства, даже воспоминаніе. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что я никогда не могу тебя оставить, и ты—меня. Докончимъ нашъ путь вмѣстѣ, онъ вмѣстѣ все же счастливѣе, чѣмъ порознь. Счастья совершеннаго, блаженства мечтательнаго я не ищу; его, быть можетъ, вовсе нѣтъ на свѣтѣ. Оно мелькаетъ въ воображеніи первой юности и исчезаетъ съ лѣтами. Покоряюсь судьбѣ—съ желчнымъ ропотомъ, конечно, но покоряюсь. Гляжу назадъ, гляжу на настоящее:

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью...

О! Маша, Маша! если бъ намъ обоимъ было по пятнадцати лѣтъ! какъ тепло, какъ всепреданно бросились бы мы въ объятія другъ друга! Но жизнь и мы сами—по крайней мѣрѣ я самъ— стерли съ души возможность этой дѣтской, полной любви, которая не вѣритъ, что можетъ кончиться, и себялюбіе и какая-то задняя мысль выглядываютъ изъ-подъ лоска, оставленнаго юностью. Грустно! Но это такъ! Иногда мнѣ кажется, что я никому неспособенъ вполнѣ отдать самого себя, кромѣ самого себя, своего самолюбія и человѣчества, которое болѣе или менѣе живетъ во мнѣ, какъ абстрактъ... Но, можетъ быть, я еще ошибаюсь. Напиши мнѣ, убѣди меня, что я еще ошибаюсь, что во мнѣ много теплаго, юношескаго чувства. Можешь ли ты меня убѣдить въ этомъ? Если бъ ты знала, какъ я страдаю отъ своего собственнаго нравственнаго ничтожества, отъ способности увлекаться низкими страстями, отъ этой глупой слабости характера, которая дѣлаетъ меня, можетъ быть, болѣе себялюбивымъ, нежели я могу быть. Гамлетъ!—ты не читала, не вникала въ Гамлета,—вѣдь это я, чисто я. Это тотъ человѣкъ, который способенъ наплевать себѣ въ лицо за слабость своей души и неспособенъ преодолѣть этой слабости и сдѣлать что-нибудь.

Я взялъ этотъ листъ бумаги, потому что тутъ—Эмсъ. Мнѣ хорошо было въ Эмсѣ. Да скажи, Бога ради, отчего всякое воспоминаніе о времени, проведенномъ съ тобой, даже грустно, печально проведенномъ,—такъ мнѣ мило, такъ мнѣ дорого, такъ хочется плакать объ этомъ времени? Маша! мы любимъ другъ друга! Чортъ возьми всѣ анализы—мы любимъ другъ друга. Послушай! еслибъ я сдѣлался горькимъ пьяницей, распутникомъ, еслибъ я безъ памяти влюбился въ другую; еслибъ ты безъ памяти влюбилась въ другого, отдалась другому—еслибъ все это сдѣлалось какъ нельзя хуже,—это были бы уклоненія, и черезъ

нѣсколько времени мы опять бы сошлись, обнялись, забыли бы все худое и—любили бы другъ друга. Правда? Я думаю, что правда. Дай мнѣ руку, обними и поцѣлуй меня! Мы не плакали, какъ разставались,—а теперь, когда думаемъ другъ о другѣ. О, больно, больно! Три мѣсяца, четыре мѣсяца, глупое путешествіе—скучно, досадно! Ну! да надо имѣть твердость мужа. А гдѣ я ее возьму! Ужъ не въ себѣ ли? Какъ же! Какой я твердый человѣкъ! Я смѣшонъ и жалокъ.

Но были хорошія минуты на пути: Molle di Gaeta, Terracina, Идри, Альбано. О! какъ это все хорошо! Какъ Римъ хорошъ съ горы Альбано! Народъ въ римскихъ владѣніяхъ въ 20 разъ красивѣе неапольскаго. Что за чудесныя лица! — Колизей поражаетъ красотой; всѣ развалины Рима удивительно живописны, стоятъ моря Неапольскаго. И какъ живо чувствуешь эту историческую почву! Римъ древній, Римъ Теодориха, Римъ католическій; исторія человѣчества вся тутъ. Но какъ это все грустно! Какъ все это пахнетъ могилой! и какъ посмотришь, какой блѣдный цвѣтокъ выросъ на этихъ развалинахъ! Сициліанецъ мнѣ плохо разсказывалъ объ отношеніяхъ Сициліи къ Неаполю. Бѣдная Сицилія! Бѣдный Неаполь! Сегодня мы ночевали въ Cisterno. Я вскочилъ въ часъ ночи и намаралъ какіе-то стихи. Потомъ легъ и въ четыре часа былъ опять на ногахъ. Ходилъ по комнатѣ и думалъ о тебѣ. Время шло, я сталъ будить сициліанца. Онъ мнѣ сказалъ: „Et moi — j'étais avec ma pauvre femme!“ — „Vous êtes marié?“ — „Je suis veuf, monsieur!“ — Я чуть не расплакался и не обнялъ этого бѣднаго человѣка. Вотъ была бы порядочная глупость! Жаль, что не онъ сдѣлалъ твой портретъ: онъ за 200 фр. сдѣлалъ бы отличную вещь.

Въ Римъ я пріѣхалъ въ три часа. Остановился въ Hôtel Servy. Пообѣдалъ. Пошелъ въ Café. Пошелъ въ другой Café. Нашелъ Etienne'а Мишелева, который завтра везетъ къ тебѣ это письмо. Пошелъ въ Café Nuovo, гдѣ по крайней мѣрѣ 500 человѣкъ. Театра нѣтъ. Скучно! Походилъ по темнымъ улицамъ. Пришелъ. Пишу. Боже мой, какая тоска! Хочу спать, или нѣтъ,—ничего не понимаю. Мнѣ кажется, ты умнѣе этого письма отъ меня не получишь, благодаря вліянію дороги.

Но ты, мой другъ, ищи развлеченія, если только можешь. Ступай въ Парижъ, дѣлай такъ, чтобъ быть счастливой — если можешь. Я бы заложилъ самого себя или бы продалъ, чтобъ ты была совершенно счастлива; я вѣдь такой неуклюжій, что ничего не могу устроить для этого.

Прощай! Обними меня, благословимъ другъ друга, поцѣлуемся.

Да какъ же это, три мѣсяца — и даже руки не пожать другъ другу?

Прощай! еще разъ цѣлую тебя!

14.

Четвергъ (8 дек.).

Я спокойнѣй, я разсѣяннѣй. Римъ, Римъ! Только одинъ Римъ на свѣтѣ. Чтò за жизнь для художника! Чтò за роскошь артистическая! Я ожилъ. Потомъ у меня нашлось маленькое общество русскихъ артистовъ; между ними Митюша Бибиковъ. (Не думай, чтобъ я пьянствовалъ, не хочу, не стану — ради тебя). Артисты меня оживили. Сколько талантовъ, сколько способностей въ Россіи! О! надежда, надежда! Опять я вѣрю въ будущность моей родины, опять люблю ее, опять чувствую, что во мнѣ есть жизнь молодая, сильная. Но мнѣ грустно! Я желалъ бы слушать музыку и плакать, и много-много плакать. Но Митюша не умѣлъ устроить на сегодняшній вечеръ, чтобъ я могъ слышать русскихъ пѣвцовъ (одинъ Михайловъ, ученикъ и любимецъ Рубини; говорятъ, отлично поетъ). Завтра я ихъ услышу. Кстати—въ субботу я отправляюсь черезъ Болонью въ Венецію; въ Анконѣ мнѣ нечего дѣлать, потому что пароходъ въ Тріестъ изъ Анконы идетъ только 27-го. До Венеціи съ курьеромъ (всегда сопровождаемымъ жандармомъ)—три дня. Былъ на почтѣ — письма отъ тебя не было. Зачѣмъ ты не со мною? я тебя выучилъ бы наслаждаться искусствомъ. Развей въ себѣ эту сторону, лучшую въ человѣкѣ.

Утромъ былъ въ соборѣ св. Петра. Чтò за площадь, чтò за колоннады, чтò за куполъ! Но онъ невыгодно окруженъ домами, такъ что нѣтъ точки, съ которой было бы видно весь куполъ, а фасадъ самой церкви уродливъ, хотя имѣетъ важность. Но внутри — чудо! Огромно, величаво, благородные размѣры! Но надо все это видѣть, пересказать нельзя. Потомъ я встрѣтилъ Матьё. Кое-какъ пообѣдалъ у ресторатора, гдѣ собираются всѣ артисты. Русскіе артисты въ Римѣ выше всѣхъ. Потомъ пошли мы въ Ватиканъ. Боже великій!! чтò за зданіе, чтò за залы! Я видѣлъ Аполлона Бельведерскаго, я видѣлъ „Бойцовъ“ Кановы, Лаокоона, я видѣлъ кучу древнихъ статуй. Я потерялся въ этомъ мірѣ. Я отдохнулъ и блаженствовалъ въ созерцаніи. Природа въ Неаполѣ и искусство въ Римѣ — можно прожить вѣкъ въ какой-то блаженной дремотѣ. Когда я пришелъ въ картинную галерею, уже начинали запирать. Завтра пойду нарочно. Се-

годня Ватиканъ былъ открытъ, а завтра надо заплатить. Вообрази, что открытъ съ $1/2$ третьяго до четырехъ часовъ. $1\,1/2$ или два часа. Какъ глупо! Завтра—форумъ, картины и кн. Трубецкая. Сейчасъ жду Матюшу и Воробьева изъ турнкласса. Ужѐ еще напишу.

Пятница.

Вчера Матьё и Воробьевъ ушли поздно; мы много хохотали, и несмотря на то мнѣ было скучно, и когда я остался одинъ, я впалъ въ хандру невыносимую; не сталъ писать къ тебѣ, а написалъ стихи, которые покажутъ тебѣ расположеніе моего духа. Стихи, которые я тебѣ послалъ въ прошлый разъ, очень скверны, не вписывай ихъ въ тетрадку. А эти впиши. Сегодня я проснулся въ семь час. и какъ то мнѣ было легче; я докончилъ картину Неаполя; впиши это вслѣдъ за стихами, которые у тебя подъ заглавіемъ „Неаполь“, и выставь надъ ними № 5. Только кончилъ, явился ко мнѣ сициліанецъ-артистъ, compagnon de voyage, Faia, о которомъ я тебѣ писалъ. Это мнѣ помѣшало писать къ тебѣ. А теперь я отправляюсь въ Ватиканъ.

Когда утро проходитъ, я начинаю тревожиться; тоска и безпокойство растутъ, растутъ, и я не знаю, куда дѣваться. Думаю о тебѣ. Когда представлю себѣ, что ты вечеромъ, усталая, наслушавшись разныхъ несносныхъ пустяковъ, приходишь ложиться одна, — мнѣ такъ хочется плакать, мнѣ такъ тебя жаль; ужъ мнѣ начинаетъ казаться, что я виноватъ передъ тобой и собою, что уѣхалъ, что можно было бы какъ-нибудь уладить и остаться. А между тѣмъ это судьба. Но куда она выведетъ мою жизнь, эта судьба? Что̀ такое твоя жизнь? Все загадка, все темно; я самъ себя не понимаю. Тоска! тоска!

Ужъ поскорѣй бы быть въ Москвѣ; тамъ по крайней мѣрѣ дружній привѣтъ—а это великое дѣло. Какъ я боюсь потерять внутреннюю полноту, которая меня всегда дѣлала чистымъ и тихимъ; ужасно боюсь! Мнѣ кажется, что жизнь сдѣлала то, что я ни къ людямъ, ни къ вещамъ не приступаю какъ къ святынѣ, не вѣрю и не благоговѣю. А такъ жить слишкомъ горько. Свята любовь, свята дружба! Знаешь ли ты это чувство, когда жмешь кого за руку и чувствуешь въ этомъ рукопожатіи какую-то святыню, какое-то таинство великое? Ну, вотъ это-то чувство было во мнѣ, и вотъ оно-то и гаснетъ. Глубина и тишина и свѣтъ пропадаютъ. Неужто я старѣю, Маша?

Ну! прощай, другъ мой!! Завтра я еще пошлю тебѣ письмо, послѣднее изъ Рима. Обними меня! Все дальше, все дальше мой путь. Получу ли я отъ тебя письмо здѣсь? Дай Богъ! Не

могу долго не знать, что̀ ты дѣлаешь. Прощай! будь здорова, спокойна, тверда, счастлива, если можешь.

Addio, carissima!

15.

Суббота (10 дек.).

Въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ изъ Рима! Сегодня вечеромъ я уже буду еще дальше. Какъ грустно покидать Италію! Но ты не будешь грустить по ней, ты никого не оставишь такъ, какъ я тебя, и выѣдешь изъ Неаполя, уѣдешь отъ людей, съ которыми скучала и ничего не имѣла общаго. Но уѣхать отъ тебя, да еще изъ Италіи, да еще въ Петербургъ, это изъ рукъ вонъ. Вчера я видѣлъ картины Ватикана; это чудо—этого я и не воображалъ; это нѣсколько картинъ сряду, стоящихъ Рафаэлевой Мадонны della Sedia, т.-е. еще его двѣ Мадонны и Преображенье. Вѣнчаніе Богородицы, Мадонна Foligno—это удивительно. Рафаэль одинъ изъ всѣхъ живописцевъ схватилъ возможный типъ Христа. Онъ понялъ въ немъ двѣ стороны—любовь и пророческое вдохновеніе, вдохновеніе, которое говоритъ: Я сынъ Божій! Въ этомъ случаѣ Рафаэль болѣе христіанинъ и выше, какъ художникъ, всѣхъ другихъ. Другіе поняли въ Христѣ смиреніе, спокойствіе жертвы; онъ понялъ покой самосознанія, самоувѣренности, лучше сказать — покой вѣры. Христосъ, вѣнчающій Богородицу,—именно это лицо любящее, но вмѣстѣ съ полнымъ сознаніемъ своей силы; я лучше этого Христа не видалъ. А Мадонна! какая непорочность, какая женственная тишина! Неподражаемо! Лицомъ Христа въ Преображеніи я не совсѣмъ доволенъ: оно также не менѣе выразительно, но на меня оно произвело непріятное впечатлѣніе шириной лица. Но что̀ за композиція! А въ Мадоннѣ Foligno, не говоря уже о самой Мадоннѣ и Младенцѣ — что̀ за Іоаннъ Креститель! Вотъ пророкъ-то! — Потомъ Причащеніе св. Іеронима Доминикино, потомъ три Ангела на гробѣ Спасителя и Іоаннъ Креститель Guercini и многое еще, Спаситель Correggio — ну! просто ты живешь въ волшебномъ мірѣ. Наконецъ, фрески Рафаэля. Нѣтъ, Маша! если ты пріѣдешь въ Римъ, ты проживешь годъ, и никого тебѣ не нужно, и только будетъ хотѣться жить, жить, наслаждаться; вся мелочь, вся грязь жизни пропадутъ, здѣсь становишься безпеченъ, чистъ и глубокъ, какъ художникъ. Даже Митюша Бибиковъ поумнѣлъ и очень порядоченъ, и многое для него доступно, чего я и не думалъ.—Обѣдаемъ мы во 2-мъ часу. Послѣ обѣда я поѣхалъ въ Forum и Колизей. Что̀ передъ этимъ

вся Помпея! Ничто. Въ Колизеѣ была процессія монаховъ; заходящее солнце освѣщало одну часть внутренней стѣны; огромныя развалины, на которыхъ всюду наросла трава и плющъ, удивительное освѣщеніе, арки, которыя составляютъ перспективы невообразимыя;—я стоялъ, какъ въ какомъ-то волшебномъ снѣ, и чуть не заплакалъ; слезы все-жъ были и будутъ выраженіемъ всего лучшаго. Христіанство здѣсь вездѣ настроилось надъ древнимъ міромъ—à la lettre; не говоря о церквахъ, прилѣпленныхъ къ древнимъ портикамъ,—Римъ древній на два аршина глубже въ землѣ Рима христіанскаго. Даже эта superposition des siècles поражаетъ.

А письмо отъ тебя не пришло. Это дурно, Маша! Ну! если ты не писала — это непростительно, потому что теперь до Питера, можетъ, ничего не будетъ отъ тебя. Да и ты ждешь не дождешься письма отъ меня; сегодня получишь первое, завтра 2-е, послѣ-завтра 3-е. А я—можетъ, ни одного! Какъ же это глупо! Положимъ, Римъ оживилъ меня — а дорога, можетъ, скучнѣе города,—чортъ возьми, какъ несносно. Пиши, Бога ради; по крайней мѣрѣ чтобъ я зналъ, чтò ты дѣлаешь, не тревожился и не падалъ духомъ. Мы друзья съ тобой, Маша, дай руку,— въ широкомъ значеніи слова. Много смутнаго прошло по нашей жизни, не станемъ поминать это; она могла бы быть безконечно полна... но и теперь хорошо! Каждому изъ насъ можно поплакать на груди другого — и это много, это большее, чтò жизнь можетъ дать, потому что спокойнаго, свѣтлаго счастія жизнь не можетъ дать. Да будетъ это сказано! Вечеромъ былъ я у кн. Трубецкой, говорилъ объ искусствѣ; я просидѣлъ больше часа, былъ очень краснорѣчивъ. Потомъ ужиналъ съ артистами. Сегодня укладываюсь, ѣду въ Palazzo Borghese и смотрѣть Моисея Микель-Анджело, обѣдаю, ѣду къ кн. Трубец. за какимъ то письмомъ, сажусь въ карету и скачу въ Болонью. — Я теперь еще въ горячкѣ, послѣ всего, чтò я вчера видѣлъ, и не могу придти въ настоящую тарелку; а настоящее расположеніе духа— тоска. Слава Богу, что хотя на минуту выходишь изъ нея. Это письмо отправится съ кондукторомъ. Я буду уже въ Болоньѣ, когда оно дойдетъ до тебя. Теперь я нигдѣ не замѣшкаюсь, увлекательнѣе Рима ничего нѣтъ.—Сегодня еще съѣзжу, посмотрю вещи, чтобъ тебѣ что-нибудь послать съ кн. Трубецк., который ѣдетъ въ Неаполь 26-го декабря и ergo къ 29-му доставитъ. Чтò это будетъ, не знаю; надо разсчитать, чтобъ было хорошо и недорого, потому что почты нестерпимо дороги,—до Болоньи 120 фр. кромѣ ѣды. Прощай!—Прощай, Маша! Обнимаю, цѣлую

и благословляю тебя. Вѣрь — разлука для меня тяжела, вѣрь, что мнѣ жаль оставлять тебя безъ друга; положи голову ко мнѣ на плечо въ воображеніи и отдохни спокойно. Addio, addio... еще разъ—addio.

16.

Болонья, вторникъ (13 дек. нов. ст.).

Вотъ уже другая недѣля, какъ мы разстались, Маша! Уѣхалъ я не далеко; но зато теперь помчусь. Какъ ни ждалъ въ Римѣ письма отъ тебя, но вѣчный „niente“ звучалъ мнѣ изъ-за рѣшетки почтамта. Грустно! Можетъ, въ Вѣнѣ найду письмо. Да какъ же это такъ долго не знать, что̀ ты дѣлаешь? Я въ какомъ-то странномъ снѣ, гдѣ дивныя мѣста, дивныя статуи, дивныя картины вдругъ смѣняются на одиночество невыносимое, тоска гнететъ, а потомъ опять виды: картины, зданія, статуи. Гдѣ я? что̀ со мною? Я не могу придти въ себя. Вотъ сегодня я шатался въ Пинакотекѣ съ глупымъ бельгійцемъ и почти не замѣчалъ его; а видѣлъ одни чудеса, видѣлъ мученичество св. Агнесы Доминикино, еще двухъ мучениковъ его, еще Мадонну его же, Цецилію Рафаэля, Богоматерь надъ тѣломъ Іисуса—Гвидо, избіеніе младенцевъ Гвидо, распятіе Гвидо, Мадонну Гверчини. Ахъ! Маша! далъ же мнѣ Богъ способность забываться въ этомъ мірѣ! Такъ хорошо становится на душѣ, такъ много задумываешься. Глядя на картины, я много думалъ о христіанствѣ, и именно о христіанствѣ католическомъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, убѣдился я въ истинѣ, высказанной Фейербахомъ, что христіанство есть обожаніе des Gemüths. Что̀ можетъ быть такъ gemüthlich, какъ созданіе святой дѣвы, обожаніе непорочной женственности? Да посмотри ты на всѣхъ Мадоннъ Рафаэля: какая кротость и чистота, какое умиленіе и молитва въ этихъ лицахъ! Эта чистая женщина—это идеалъ женщины! И смотря на эти картины, ты просто убѣждаешься въ истинѣ католической Богородицы; ты не можешь вѣрить, чтобъ это существо было запятнано чѣмъ-нибудь плотскимъ, это поэзія des Gemüths, поэзія женственности. И какая глубокая поэзія въ этомъ соединеніи дѣвы и матери! женской непорочности и женской любви! Чистота, нѣжность, тишина и полнота души женщины—тутъ все есть. И не подумай подойти къ ней съ земной любовью, нѣтъ! на эту женщину довольно смотрѣть, довольно обожать, и поцѣлуя не нужно, одно колѣнопреклоненіе и безмолвное созерцаніе—и только! и довольно!

Das Ewig-weibliche
Zieht uns hinan! (Goethe).

Бракъ — уступка, которую das Gemüth дѣлаетъ тѣлу. Но бракъ съ этой точки зрѣнія нерасторгаемъ, потому что das Natürliche все же теряется im Gemüthlichen; любовь внутренняя (платоническая), христіанская, die Liebe aus dem Gemüthe heraus, освѣщаетъ и просвѣщаетъ все. Эту любовь расторгнуть — грѣхъ. Но нашъ вѣкъ интеллигентный не можетъ дать мѣста этой гордости des Gemüths; у насъ освѣщаетъ и просвѣщаетъ все разумъ, сознаніе, der Geist, который всему покажетъ свое святое мѣсто въ мірѣ и не допуститъ человѣчество остановиться ни на непосредственности чувственности (der Natürlichkeit, — міръ древній), ни на непосредственности чувства (des Gemüths, — міръ христіанскій). Можетъ быть, на сознаніи и духѣ разовьется новый міръ, полнѣе и величавѣе міра древняго и міра христіанскаго (конечно, индустріальный фурьеризмъ не есть порожденіе духа). Но элементъ духа не проникъ еще дѣйствительное общество, — отъ этого христіанство существуетъ; но элементъ духа (сознаніе) проникаетъ въ общество, — отъ этого христіанство болѣе и болѣе становится внѣшней формою. Современному художнику написать Мадонну, или мученика, или чудо — натяжка ума, которая не будетъ внутренно согрѣта. — Не рви этого письма; оно намъ обоимъ послужитъ.

Сейчасъ на улицѣ раздалась неаполитанская пѣсня, и у меня чуть слезы не брызнули. Какъ я глупъ! и въ какомъ хаосѣ моя голова насчетъ моей жизни и моихъ чувствъ и желанія — это просто страданіе!

Я путешествую съ итальянцемъ-негоціантомъ и бельгійцемъ-фабрикантомъ à tiers frais, что̀ сдѣлаетъ, что я до Венеціи доѣду за 15 рублей. Мы выѣзжаемъ въ ночь и послѣ завтра въ Венеціи. Мои товарищи тупы насчетъ искусства, но добрые малые. Бельгіецъ тоскуетъ по Бельгіи и скучаетъ, какъ я же, одиночествомъ. Итальянецъ ѣдетъ по дѣламъ въ Вѣну. Жандармовъ съ нами никакихъ не было; а о разбойникахъ ни слуху, ни духу.

Въ комнатѣ становится темно. Скоро обѣдать. Вечеромъ докончу письмо къ тебѣ. Пока жму тебѣ руку, душа моя. Въ комнатѣ холодно, и мнѣ — чортъ знаетъ, какъ скучно и грустно — и некому руку подать...

Вечеромъ.

Я гулялъ по городу съ моими пріятелями-непріятелями. Они встрѣчали друзей — а я былъ одинъ. Скучно! Воротился домой. Сходилъ въ café, почитать procès Quenisset — занятъ. Чортъ возьми! Прошелся по улицѣ, видѣлъ кукольный театръ на пло-

щади,—оригинально и смѣшно! Но все же скучно. Пришелъ домой. Спать никакъ не хочется. Виноватъ! спросилъ бутылку вина и пью ее одинъ. Просто для того, чтобъ произвести физическую экспитацію, которая мѣшала бы совершенной тоскѣ овладѣть мною. Такъ я проведу время до 3-хъ часовъ; а въ 4-мъ уѣду. Чѣмъ больше смотрю въ себя, тѣмъ больше удивляюсь. Что̀ я за странный уродъ! смѣсь самой грубой чувственности и самаго утонченнаго спиритуализма. Право! я истинное выраженіе вѣка, борьба der Natürlichkeit и des Gemüths, не разрѣшенная, но разрѣшаемая въ сознаніи, разумѣ, духѣ. Потому-то и борьба, что это противорѣчіе въ эту минуту разрѣшается, но не разрѣшено; еслибъ вовсе не было потребности разрѣшенія—я былъ бы счастливъ въ святости христіанства; еслибъ было разрѣшеніе—я блаженствовалъ бы въ новѣйшей философіи. Но я прямое дитя вѣка, борюсь и не нахожу примиренія. Если бъ ты знала это внутреннее страданіе, невозможность побѣдить ни мысль, ни обстоятельства — ты заплакала бы надо мной. Если ты уронишь слезу на эти строки, которыя льются изъ души, я сцѣлую ее съ твоихъ глазъ, и мнѣ будетъ легче. Я давно не плачу—и мнѣ вдвое тяжелѣе; жизнь утомила и нервы, и душу, и ни на что не нахожу въ себѣ слезъ.

Когда я пришелъ домой, я думалъ о произведеніяхъ искусства и написалъ стихи. Походилъ по комнатѣ—и написалъ другіе. Читай ихъ и посмотри, что̀ за уродъ человѣкъ, въ которомъ такая смѣсь ощущеній! И всѣ меня любятъ и хвалятъ! Чортъ знаетъ, какъ это досадно! Поймите, ради Бога, что я уродъ нравственный, мученикъ тѣла, души и духа. Пожалѣйте обо мнѣ, а не хвалите меня. Поплачь обо мнѣ, Маша! Твои слезы всего отраднѣе. О! еслибъ ты была моя Мадонна! Но ты такое же тревожное существо, какъ и я.

1.

Поэзія.

Когда сижу я ночью одиноко
И образы святые въ тишинѣ
Такъ изъ души я вывожу глубоко,
И звонкій стихъ звучитъ чудесно мнѣ;—

Я счастливъ! мнѣ ужъ никого не надо.
Весь міръ во мнѣ! Созданіе души
Самой душѣ есть лучшая отрада,
И такъ его лелѣю я въ тиши...

И вижу я тогда, какъ дерзновенно,
Исполненъ мыслью, дивный Прометей
Унесъ съ небесъ огонь священный
И въ тишинѣ творитъ своихъ людей...

2.

Тоска.

Дайте же звуки мнѣ, звуки тревожные,
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!
Развѣ не видите, люди холодные,—
Жаркія слезы нужны для меня!

Слезы ль тѣ будутъ—мольбы, умиленія,
Страсти тоскующей, полной огня,
Или страданія, или стремленія,—
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!

Если вы видите, люди холодные,
Если дѣйствительно вы мнѣ друзья,
Дайте же звуки мнѣ, звуки тревожные,
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!..

И ни единаго друга около меня не было. Моя жалоба ударилась объ стѣну и заглохла. Этимъ двумъ стихотвореніямъ разстояніе полчаса. Чтò за хаосъ, Маша! Пожалѣй обо мнѣ. Теперь я еще могу написать 500 стиховъ, но не стану изъ уваженія къ искусству. Могу написать тебѣ 20 страницъ, но не стану, чтобъ не разорвать твоего сердца. Сейчасъ возьму пакетъ и запечатаю и буду до 3-хъ часовъ ночи шляться изъ угла въ уголъ и топить печь въ моей холодной комнатѣ. Кстати, я сдѣлалъ небольшія поправки въ стихотвореніи „Le Cauchemar"—и не имѣю къ нему ненависти. Чортъ возьми! Неужели я изъ самолюбія говорю о моихъ стихахъ? Еще этого недоставало—глупаго самолюбія!

Прощай! Маша! прощай. Напишу изъ Ровиго и изъ Венеціи. Цѣлую бѣднаго Сталю,—мой типъ въ уродливомъ видѣ.

17.

Венеція 15 (3). Четвергъ.

Вотъ я наконецъ и въ Венеціи! Дорога меня утомила. Мы ѣхали вечеромъ; солнце садилось. За два льё до Венеціи мы

сѣли въ гондолу и поплыли по Лагунамъ. По водамъ игралъ лиловый отблескъ, на небѣ было не совсѣмъ чисто, и Венеція смутно сквозь туманы вставала изъ воды. Я былъ въ очарованьи. Звонъ колоколовъ встрѣчалъ насъ. Мнѣ было хорошо и грустно! Я не говорилъ ни слова съ моими спутниками. А глядя на Венецію, думалъ о тебѣ и о Неаполѣ, а слушая звонъ колоколовъ, думалъ о Москвѣ и о давно прошедшемъ. Среди самыхъ лучшихъ впечатлѣній я какъ-то умѣю наводить на себя грусть, тревожить себя сомнѣніями и воспоминаніями. Это часто тебя смущало, Маша, и ты сердилась на меня. Но въ воспоминаніи и въ грусти есть что-то такъ глубоко тихое и святое, что не надо слишкомъ винить меня. Стремленіе къ блаженству такъ естественно; а признайся, что всякое блаженство въ будущемъ—фантазія, между тѣмъ какъ блаженство прошедшее—дѣйствительность. Я стремлюсь назадъ, потому что я знаю мое прошедшее блаженство. Самая лучшая минута въ настоящемъ меня уноситъ въ даль блаженную, но все же въ даль прошедшаго блаженства. Когда солнце гаснетъ, мнѣ становится грустно; я помню другія минуты при захожденіи солнца. Помню, какъ мы его провожали когда-то съ балкона маленькаго деревенскаго дома, и отецъ мой былъ тогда живъ, и ты такъ тепло меня любила, и я такъ тепло любилъ тебя,—и я плачу—какъ дитя, почти самъ не зная о чемъ. Потомъ мелькаетъ передо мной синенькое платье и пунцовый платочекъ, и какъ все это было скромно, и какъ все это было тихо и какъ хорошо! и какъ казалось, что ничего въ мірѣ больше не надо! Мертвый человѣкъ прошедшее, Маша! его разбудишь въ воображеніи, а въ самомъ дѣлѣ, какъ ни тревожь его,—лежитъ себѣ, не воскресая. Ахъ! Боже мой! какъ я въ то время былъ спокоенъ! какъ чистъ въ душѣ! какъ полонъ теплой вѣры въ жизнь! Стихи я писалъ скверные, а въ душѣ было столько любви и упованія; теперь стихъ мой становится (не всегда) звученъ и полонъ, я это чувствую; а на душѣ тоска и, страшно сказать, кажется—холодъ. Ну, если не холодъ, то по крайней мѣрѣ теплота юноши страшно борется съ опытомъ, съ разувѣреніемъ въ самомъ себѣ, съ скукой жизни. Чтò изъ меня выйдетъ? Но чтò бы ни вышло, едва ли лучше того, чтò во мнѣ было.

Долго мы гуляли по Венеціи. Площадь св. Марка, огромная, съ безсчетнымъ множествомъ освѣщенныхъ лавокъ—чудесно хороша. Бельгіецъ мой удивительно тупъ, ему Венеція нравится какъ только глупому, но доброму человѣку можетъ нравиться.— Онъ купилъ черешневый чубукъ и стамбулку и куритъ турецкій

табакъ, и въ наслажденіи великомъ. Мой неаполитанецъ—человѣкъ практическій, купецъ настоящій, но добрый малый. Съ нимъ путешествовать очень экономно. Если онъ къ тебѣ явится съ письмомъ отъ меня,—пожалуйста, въ мое воспоминаніе прими его хорошенько; онъ очень недуренъ собою, славно говоритъ по-французски и будетъ радъ служить въ чемъ надо, и купитъ мебель, сдѣланную въ Неаполѣ, потому что хочетъ жениться и все говоритъ о своей невѣстѣ. Право, есть добрые люди на свѣтѣ, но какъ они невыносимо скучны, этого высказать нельзя. Есть также и умные люди, которые невыносимо скучны. Но что жъ изъ этого! Надо жить со всѣми. Сатина, кажется, нѣтъ въ Венеціи. Мнѣ очень грустно будетъ съ нимъ разъѣхаться. Я очень знаю, что вся его жизнь въ другихъ, а я его любимецъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, я все писалъ очень скверные стихи, надо въ этомъ сознаться. Но вотъ сегодняшніе не дурны.

(Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе Огарева: „Когда тревогою безплодной“...)

О тебѣ мнѣ подумать страшно! Ты должна находиться въ такой ужасной пустотѣ, что морозъ бѣгаетъ по кожѣ, когда объ этомъ вздумаешь; а я нерѣдко объ этомъ думаю. Но надо однако намъ обоимъ быть потверже духомъ. Да какъ это сдѣлать, чортъ возьми? Глупыя обстоятельства, скука, досада, все это мѣшается въ головѣ и сердцѣ, и поневолѣ впадаешь въ нестерпимую тоску.

Думаю о нашихъ отношеніяхъ къ Сталинькѣ. Вотъ еще горе и испытаніе! Чтò онъ? каковъ? Если Циммерманъ его не возьметъ — неужели оставить его съ Анетой? Да какъ же быть съ этимъ, что объ этомъ ребенкѣ можно жалѣть, а любить его нельзя, такая антипатическая натура? А между тѣмъ какая-то отвѣтственность лежитъ на совѣсти. Постарайся его хорошенько пристроить, или не бросай его и таскай съ собой и няней. Да вѣдь это изъ рукъ вонъ несносно,—право, не придумаю, чтò тутъ дѣлать, какъ поступить благородно, съ любовью—если не къ самому ребенку, то по крайней мѣрѣ къ его дѣтству.—Ну, онъ умретъ безъ тебя? И за то ты будешь укорять себя. Où est l'issue?

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты меня обняла и поцѣловала теперь! Я бы такъ хорошо заснулъ... Два часа ночи. Спать хочется, и не могу рѣшиться итти. Скучно, а кажется все лучше не спать, лучше прибавить еще строки двѣ къ письму. И ничего ими не скажешь—а все будто легче. Изъ Тріэста, куда я отправлюсь завтра вечеромъ на пароходѣ,—не знаю, успѣю ли

написать нѣсколько словъ. Постараюсь. Но въ тотъ же день я долженъ уѣхать въ „эйльвагенѣ“ въ Вѣну. Изъ Вѣны напишу много. Но едва проночую болѣе одной ночи. Надо спѣшить. А возятъ скверно. Можетъ быть, въ Вѣнѣ найду письмо отъ тебя. — Свѣча моя догораетъ, Маша! видно, надо лечь. Завтра рано встать и идти смотрѣть Венецію. Запечатаю теперь письмо. Прощай, другъ мой! Благословляю и цѣлую тебя сотни и тысячи разъ. Маша! другъ мой! Вотъ просто напишешь—Маша! другъ мой,—и какъ-то ужъ легче, будто не такъ одинъ.

Прощай.

18.

Тріестъ 16 (4).

Пишу къ тебѣ отсюда нѣсколько словъ, другъ мой, милая моя Маша! пишу только для того, чтобы ты не подумала, что я пропалъ въ морѣ. Противный вѣтеръ или, лучше, противная буря сдѣлала то, что вмѣсто семи час. утра мы пріѣхали вечеромъ. Я видѣлъ въ самомъ дѣлѣ бурю на морѣ. Чудесно! Я, ты знаешь, не страдаю на морѣ, и потому цѣлый день просидѣлъ на палубѣ. Качка была такъ велика, что стоять было невозможно, и волны переплескивались черезъ бортъ. Но я наслаждался. Я не боялся, вѣрю въ свою звѣзду (je crois à mon étoile), и вотъ я въ Тріестѣ, гдѣ смотрѣть нечего и, кажется, очень скучно.— Завтра въ восемь час. отправляюсь взять мѣсто въ эйльвагенѣ, и въ два час. уѣду.—Въ Венеціи я узналъ, что Сатинъ уѣхалъ въ Миланъ. Мнѣ стало грустно. Зачѣмъ судьба не захотѣла, чтобъ я его встрѣтилъ? Я отдохнулъ бы возлѣ его любящаго сердца. Изъ Вѣны напишу и къ нему. Къ тебѣ же я напишу изъ Вѣны предлинное посланіе. А теперь усталъ до смерти и спать хочется. Милый другъ! длинна дорога, скучна дорога. Гдѣ я буду на мѣстѣ? Нигдѣ, кажется. Весь вѣкъ пройдетъ въ томъ, что мѣста себѣ не сыщу.

Прощай! Обнимаю и цѣлую тебя. Когда-то что-нибудь объ тебѣ узнаю. Пора бы. Прощай! Христосъ съ тобой, Маша моя! Addio! Все дальше и дальше я. Addio!

Кланяйся Сатину и всѣмъ.

Помиришься ли ты съ нимъ во имя мое? Друга моя! Не умѣешь ты разгадывать людей.

19.

Тріестъ 20 (8) дек.

Еще разъ Тріестъ. Вчера писалъ тебѣ отсюда, и сегодня еще разъ. Не нашелъ мѣста въ дилижансѣ въ Вѣну, и долженъ былъ цѣлый день проскучать въ Тріестѣ. И въ самомъ дѣлѣ проскучалъ. Претошный городъ. Я исходилъ его вдоль и поперекъ; здѣсь рѣшительно меркантильный духъ. И зданія, и люди, и разнообразіе націй — все дышетъ неэлегантнымъ корыстолюбіемъ. Вчера я писалъ къ тебѣ письмо — отвѣтъ, начатый въ Монтрэ,—это была лучшая минута изъ всего дня. Ты получишь то письмо въ концѣ января.

Кой-какъ добивая день, я пошелъ вечеромъ въ концертъ. Отрывки изъ „Нормы", славно игранные на флейтѣ Г. Морнизи, вытянули у меня слезинку. Арія была, очень хорошо исполненная, изъ „Норманновъ" Mercadante, мнѣ понравилась. Но кошачій голосъ примадонны и непроходимый оркестръ выгнали меня изъ концерта прежде конца. Итальянская музыка и ты бродите у меня въ головѣ. Съ музыкой легче, грусть тише и тоска не такъ томительна. Въ концертѣ я увидалъ лицо—мнѣ показалось, это Дингельштедтъ (я о немъ тебѣ говорилъ иногда). Я вспыхнулъ или поблѣднѣлъ — не знаю, но знаю, что не могъ свести съ него глазъ. Потребность симпатическаго рукожатія такъ сильно заговорила, что сердце забилось, и я не вытерпѣлъ, подошелъ:—Sind Sie Herr Dingelstedt?—„Nein".—Verzeihen Sie; eine wunderbare Aenlichkeit mit einem alten Freunde... и я ушелъ. Но грудь стѣснилась, душѣ было больно. Давно прошедшее отозвалось. Раздольная жизнь, тысячи надеждъ, тысячи мечтаній, потомъ луна сквозь замерзшее окно казарменной комнаты, потомъ ты и все-все — и это все такъ разлетѣлось, и я одинъ, въ чужомъ городѣ, съ чужими людьми, сходство, обманувшее меня, и всѣ эти люди, все, что̀ было такъ безмолвно, такъ далеко. Звукъ раздался и смолкнулъ, и ничего не осталось, кромѣ воспоминанія, а широкая дѣйствительность исчезла... Въ какихъ отношеніяхъ я съ моими дорожными товарищами? Надоѣли они мнѣ оба ужасно. Но я ужъ свыкся съ ихъ лицами, мелкими потребностями и простодушнымъ дружелюбіемъ. Мнѣ лучше, когда я могу сказать имъ какую-нибудь глупость. Въ очень оригинальной тавернѣ я встрѣтилъ русскаго, который 25 лѣтъ изъ Россіи и учителемъ англійскаго языка въ Тріестѣ. Я заговорилъ съ нимъ. Онъ навѣкъ простился съ родиной. Какое

впечатлѣніе произвели на него звуки родного языка? Чтò поворотилось въ его сердцѣ? Не знаю... Я больше вижу въ людяхъ, чѣмъ въ нихъ въ самомъ дѣлѣ есть. Можетъ, это худо—а можетъ, хорошо. По крайней мѣрѣ, въ этомъ есть теплота.

Сатинъ у меня изъ головы не выходитъ. Какъ же это было разъѣхаться? А мы такъ много сдѣлали бы теперь другъ для друга!..

Я тебѣ писалъ въ письмѣ, которое дойдетъ до тебя послѣ, что желаніе и страданіе—одно. О, какъ это правда! Я писалъ, что этому нѣтъ конца, нѣтъ разрѣшенія. Вѣчно желать и страдать. Святость грусти, блаженство стремленій—они тяжелы: но я ихъ беру съ резигнаціей. Слезы изъ глубины души, слезы любви къ чему-то недостижимому—я ихъ люблю. Плачу и благословляю. Во мнѣ нѣтъ желчи. О! я еще чувствую юношескую теплоту, которая можетъ отогрѣть многихъ. Скажи это Сатину.— Вечеромъ хотѣлъ писать къ тебѣ; хотѣлъ писать стихи; но заснулъ. Первую ночь спалъ безъ кошмара. — Мое мѣсто взято. Черезъ 4 часа ѣду. Теперь уложусь. Я очень аккуратно укладываюсь ради тебя. Тучкову писалъ. Схожу купить шубу-бурнусъ,—лучше ничего не нахожу для дороги и дешевле.

Прощай! Прощай, моя Маша! Помни меня, люби меня. Помни любящаго ребенка и во имя любви прощай ему глупости прошедшія и будущія. Обними и поцѣлуй меня. Дай ручку. Хорошо бы хоть 1/4 часа посидѣть вмѣстѣ. Прощай. Addio. Благословляю тебя.

20.

Вѣна 25 (13) дек.

Наконецъ два письма отъ тебя, два письма, которыя дышутъ любовью. Благодарю. Долго я ихъ ждалъ и не былъ покоенъ. Теперь знаю, чтò ты дѣлаешь, какъ живешь,—и доволенъ, доволенъ тѣмъ болѣе, что ты лучше живешь, нежели я думалъ. Я думалъ—домашнее преслѣдованіе, болтовня—еще болѣе тебѣ надоѣдаютъ. Въ графинѣ Сухт. находилъ афектацію, которой, можетъ быть, и нѣтъ, и вѣроятно, глухота производитъ un semblant d'affectation. Но скажи ей, что я цѣлую ея руки за дружбу къ тебѣ. Ты нашла въ себѣ раскрытое чувство къ изяществу неаполитанской природы... О! въ такомъ случаѣ ты дольше проживешь въ Неаполѣ, чѣмъ думаешь; я не могъ разстаться съ этой природой, и теперь не могу ее забыть.—Ты учишься пѣть, ты была на музыкальномъ вечерѣ. Я долго могъ бы прожить

этой жизнью. Ѣзди въ музей еще — ужъ будто тебя одну не будетъ это занимать? — никогда не повѣрю. Живи, живи въ этомъ роскошномъ мірѣ прекраснаго, въ природѣ и искусствѣ, и среди одиночества, среди печали—ты все еще выищешь минуты чудеснаго блаженства. Долгор. говоритъ, что надо жить такъ и потомъ иногда предаваться обществу и шуму людскому, когда потребность разсѣянія слишкомъ заговоритъ. Я не люблю балъ и не вижу въ немъ поэзіи, или — если вижу — то очень удушливую. Потребность общества выражается во мнѣ иначе,—это потребность сказать и услышать симпатическое слово, или вдругъ увидѣть себя увлеченнымъ какою-нибудь людскою дѣятельностью въ лучшемъ смыслѣ. Есть минуты, когда одиночество тяжело; надо говорить и слушать,—но, ради Бога, не пустословіе,—не тупое пустословіе свѣтскихъ людей. Теплыя рѣчи, теплыя рукожатія, остроты въ припадкѣ веселости — безъ претензій, безъ злости, безъ тупости—движеніе гуманное—вотъ чего мнѣ надо. О! какъ жизнь могла бы быть полна, согрѣта, роскошна! И отчего же этого нѣтъ? Зачѣмъ судьба даетъ столько возможности блаженства и такъ мало блаженства въ дѣйствительности? Обстоятельства, люди, ежедневность — все это такъ невыносимо душитъ-душитъ, и едва ли одинъ день можно прожить въ полномъ наслажденіи. Зачѣмъ я *теперь* съ тобой разстался. Знаешь ли, что мы въ послѣднее время много сблизились? Были минуты, когда мы смотрѣли другъ на друга исподлобья — говорю откровенно. Въ Неаполѣ это какъ-то прошло. Въ обоихъ зазвенѣли симпатическія струны, и мы были такъ близки, такіе нѣжные друзья мы были, Маша, — и вотъ надо было уѣхать. Сатинъ пріѣхалъ и не засталъ меня. А я увѣренъ, что въ теперешнемъ положеніи мы могли бы *втроемъ* быть счастливы. Зачѣмъ же обстоятельства мѣшаютъ жить? Страшный и неразрѣшимый вопросъ! Неужели индивидуальность не достойна вниманія свыше? Неужели стройный гармоническій ходъ существуетъ только въ общемъ, а частное, личное — осуждено на страданіе? Да развѣ общее не заключается въ личномъ? Развѣ я не столько же гуманенъ, какъ и человѣчество? Зачѣмъ только личность бродитъ въ безпорядочномъ движеніи и страждетъ, вольно или невольно йствуетъ, и все страждетъ? Но въ письмѣ, которое ты полушь послѣ, я развилъ эту тему. Есть гармонія въ страданіи. › полной резигнаціей принимаю и благословляю этотъ удѣлъ— радать гуманно.

Но надо дать тебѣ отчетъ въ моемъ путешествіи изъ Тріеста Вѣну. Проѣхалъ я Карніолію (Каринтію) и Стирію. Эго

двѣ славянскія страны. Горы и скалы дикія и печальныя, но которыя глубоко трогаютъ душу. Грустно становится, глядя на нихъ, и въ сердцѣ рождается какое-то тоскливое стремленіе къ безконечному. Зачѣмъ пѣснь славянина грустна? Зачѣмъ онъ всегда ходитъ въ раздумьи и тоскуетъ? Зачѣмъ славяне выбрали себѣ мѣстомъ жительства лѣса дремучіе, степи унылыя, горы печальныя? Зачѣмъ они стали на почву, гдѣ природа тосклива? Русь, Польша, Богемія, Стирія — возьми что̀ хочешь, возьми противоположность лѣсовъ и степей — но вездѣ одно: природа тоскуетъ и человѣкъ тоскуетъ. Знаешь ли, что это историческій вопросъ, что на этомъ можно гадать загадку славянской будущности? Можно смотрѣть вдаль и многое выводить изъ этого грустнаго, глубоко-внутренняго и вмѣстѣ мощнаго элемента славянскаго поколѣнія. Я призадумался. Мысль о̂ родинѣ проснулась тревожно, и мнѣ хотѣлось въ Россію, скорѣе въ Россію. Я увидѣлъ снѣгъ на полянѣ, и слеза навернулась. Дитя я! глупый ребенокъ! Можетъ быть, человѣкъ съ бо̀льшимъ сознаніемъ способенъ быть космополитомъ; разумно мы принадлежимъ человѣчеству болѣе, чѣмъ родинѣ. Но я дорожу моею естественною (natürliche, nicht geistige), не-духовною привязанностью къ родинѣ; эта теплая любовь къ отчизнѣ никогда не погибнетъ, я проживу и умру съ ней. Нѣтъ, чортъ возьми, космополитъ — холодный человѣкъ; — оставляю это разумное существованіе Бак. [1]), а я чувствую, что принадлежу націи, и это чувство есть великая сила въ моей душѣ. Я стану понимать общій человѣческій элементъ въ народности и стану любить народность. Благословляю мою Россію и не оторвусь отъ нея.

Но наконецъ я въ Вѣнѣ. Прежде всего скажу, что я здѣсь отдохнулъ съ порядочными людьми, съ проф. Нейманомъ и Дворачекомъ. Съ Дворачекомъ я говорилъ по-русски. Хорошъ нашъ языкъ! Въ самомъ языкѣ я вижу элементы великаго развитія, великой будущности. Мы бесѣдовали. Душа отогрѣлась. Крѣпко мы пожали другъ другу руку.—Я былъ доволенъ. Я такъ легко вздохнулъ. Теплая слеза скатилась; её никто не замѣтилъ; но мнѣ хорошо было. И не надо показывать людямъ слезы, но надо плакать. Плакать — лучшее блаженство въ жизни. Слезы выражаютъ теплоту души, а когда на душѣ тепло, такъ хорошо жить, такъ хочется благодарить Бога за это существованіе! Обними меня, Маша! Иногда я понимаю, что я не совсѣмъ дурной человѣкъ.

---

[1]) Бакунину.

Ну! что жъ я еще дѣлалъ въ Вѣнѣ? 1) Отправился къ Сирею, купилъ пѣнковую трубку съ изображеніемъ Государя и наслѣдника и чубукъ удивительной красоты. Что за работа на трубкѣ! Это—артистическая вещь. Такъ какъ Сире мнѣ досталъ ее, то я долженъ былъ тутъ же заплатить около 500 франковъ. Купилъ настольный коверъ М. А. Купилъ себѣ теплую обувь,— еще кое-что. Былъ у Ротшильда за деньгами. Былъ у Струве, нашего Legationsrath'а, по совѣту Неймана. Струве—славный человѣкъ. У Вильбанка не былъ. Разъ—никто не знаетъ гдѣ онъ живетъ, а 2) — право, не къ чему. Вотъ мои похожденія. Теперь—болѣе интересныя вещи. Я слышалъ прекрасно исполненное „Сотвореніе міра" Гайдна. Поговоримъ объ немъ. Двѣ вещи: либретто и музыка. Нѣмцы очень любятъ это либретто. Для меня оно отвратительно. Начинается съ полновѣсныхъ словъ Моисейскаго мірозданія и потомъ расплывается въ повтореніе мелочей и приторно-холодное нѣжничанье Адама и Евы. Музыка начинается торжественно; музыка технически удивительная; музыка часто полная вдохновенія. Но большею частью характеръ торжественности теряется, міръ не благоговѣетъ передъ Творцомъ, но пляшетъ; въ музыкѣ веселость наивно-плясовая. Кажется, Гайднъ хотѣлъ выразить радость ощущенія жизни. Но я желалъ бы радость болѣе внутреннюю, болѣе проникнутую благоговѣйнымъ ощущеніемъ жизни. Бетховенъ иначе бы, лучше бы понялъ задачу и со смысломъ болѣе глубокимъ обработалъ бы даже этотъ самый либретто.—Во мнѣ родилась мысль написать новое мірозданіе — въ сторону юдаизмъ и die Mosaische Urkunde. Но въ большомъ сомнѣніи я насчетъ собственныхъ силъ. Трудно философскую задачу выставить въ ясныхъ образахъ, гдѣ бы работа мысли не была чувствительна подъ поэтической формой. Трудно избѣгнуть диссертаціи. Но кто же напишетъ музыку? — Если бы только либретто было удачно, то найдется музыкантъ изъ ряда неизвѣстныхъ; изъ всѣхъ извѣстныхъ никто не можетъ. Да главное дѣло, въ силахъ ли я написать либретто. Стану думать. Я самъ художникъ темный, найдется товарищъ-художникъ, также никѣмъ незнаемый и не замѣчаемый, а созданіе можетъ выйти дивное. — Самолюбивъ я или нѣтъ?— Право, не понимаю. Но есть какое-то упованіе на художническую будущность. Кажется, это сказано откровенно и, можетъ быть, очень самолюбиво и самонадѣянно. Но я это чувствую — хорошо или худо, нѣтъ нужды скрывать передъ тобой. Боже избави полагаться на геніальную будущность, но теплая жизнь художника, вѣчно создающаго, вотъ чего я жажду. На-

слажденія въ своихъ созерцаніяхъ и созданіяхъ — вотъ чего я хочу. Міръ творчества—цѣль, пріютъ, вся жизнь тутъ—полная, свѣтлая. Одно меня мучитъ — какъ изгнать самолюбіе и поставить на его мѣсто одну святую любовь къ искусству? А я ужасно самолюбивъ самъ съ собою. Это скверно и мучительно.

У Сире я прочелъ твое 1-е письмо, дома—2-е. Еще разъ благодарю, Маша, за любовь. Быть можетъ, еще намъ суждено быть много счастливыми вмѣстѣ. Диссонансы разрѣшатся въ созвучіи. Неужели моя жизнь окончится диссонансомъ, какъ недоработанная симфонія или пѣснь безумца? Не вѣрю, не вѣрю. Не хочу вѣрить. Поцѣлуй меня, другъ мой.

Я два дня въ Вѣнѣ, и въ 1-й разъ пишу къ тебѣ. Странно! Не могъ приняться за перо. Подержу его надъ листомъ бумаги, да и оставлю. Прости мнѣ это. Желаніе бѣгать по улицамъ, говорить съ новыми знакомцами, смотрѣть, глазѣть—какъ говорится, — волненіе путешественника — вотъ въ чемъ проходилъ день. А съ полуночи до утра я спалъ, какъ убитый. — Вѣна хороша, какъ городъ, и на улицахъ много движенія. Вчера въ полночь я, поужинавъ съ Н. и Дв., отправился въ церковь Св. Стефана. Благородная готическая наружность, темный сводъ внутри, органъ, движеніе толпы — все это произвело на меня впечатлѣніе. Н. замѣтилъ — грустное впечатлѣніе; какъ вспомнишь, какъ во время оно входилъ въ храмъ съ религіознымъ благоговѣніемъ,—и—и—и какая-то струна въ душѣ лопнула и не звучитъ больше.

Твоя исторія съ англичаниномъ смѣшна и досадна. Но насчетъ position dans le monde — я все-таки, грѣшный человѣкъ, ничего не понимаю. Мѣсто при дворѣ и открытый домъ только даютъ право держать въ почтительномъ разстояніи людей. Я не могу дать этого положенія, ты сама знаешь. Гдѣ же тутъ недостатокъ любви? А мѣсто въ своей комнатѣ между хорошими друзьями—я могу дать; а мѣсто на террасѣ Villa Reale и душу, полную чувства, я могу дать, а остального я не понимаю.

Борьба съ моимъ другомъ Мишелемъ мнѣ нравится. Честь и слава Констант. Кланяйся ему.

Благодарю за Сатина. Маша! еще разъ вникни въ эту глубоконѣжную и страдающую душу, и ты, право, горячо протянешь ему руку.

Прощай! Ты получишь изъ Вѣны еще письмо и гостинецъ въ генварѣ.

Еще разъ становлюсь передъ тобой на колѣни, кладу голову тебѣ на руки и благодарю за любовь, которая дышетъ въ твоихъ

письмахъ, и потомъ крѣпко тебя цѣлую. Мы вѣдь скоро будемъ вмѣстѣ и счастливы. Благословляю тебя, Маша. Прощай! помни, люби меня; люби за теплоту моей любви — это лучшее, что во мнѣ есть.

Горькое пьянство мнѣ отвратительно съ поѣздки на Везувій. Не безпокойся объ этомъ—вотъ тебѣ моя рука — не буду пить до самозабвенія. — Но за бутылку вина съ симпатическимъ человѣкомъ не отвѣчаю. — Страннику усталому и любопытному нѣтъ времени для женщинъ. Будь спокойна. — Что-то еще хотѣлъ сказать? Забылъ. Addio, carissima; жму тебя къ сердцу— теплому сердцу—Маша, повѣрь—теплому.

Сегодня праздникъ, и я ѣду въ Прагу. Addio!

Можешь подѣлиться многимъ изъ письма или всѣмъ—съ Сатинымъ,—я, кажется, много уже не способенъ написать къ нему. Но все же довольно. Я его люблю, какъ самаго нѣжнаго брата.

Получишь письмо изъ Праги, Дрездена, Берлина, Риги, Дерпта, etc... etc... Addio!

Наконецъ, я разстаюсь съ моими прескучными спутниками.

21.

Прага, 27 (15) дек.

Здравствуй, Маша! Ночь, день и ночь везла меня карета и наконецъ привезла въ Прагу, чтобъ черезъ нѣсколько часовъ увезти въ Дрезденъ. Можетъ, ты догадалась написать въ Дрезденъ на имя Майера. Куда бы хорошо сдѣлала. Теперь-то, когда я совсѣмъ одинъ, я опять понимаю сладость писемъ, вещь, отъ которой я было отвыкъ и начиналъ ненавидѣть писать и получать письма. Но когда не съ кѣмъ слова сказать, но когда ни одного близкаго человѣка возлѣ тебя нѣтъ—тоска безъ писемъ. Пиши же какъ можно чаще. Кажется, я не оставляю тебя безъ писемъ; много ли, мало ли, сколько успѣваю, столько и пишу.— Здѣсь мнѣ надо посмотрѣть соборъ, говорятъ—замѣчательный. Послѣ кёльнскаго мнѣ нравится вѣнскій. Чудесное зданіе, такъ и врѣзалось въ память. Сколько я ни наслаждался Колизеемъ и р скими развалинами, но чувствую, что, по моей славянской г стной натурѣ, я больше симпатизирую съ развалинами средн хъ вѣковъ, и печальная природа мнѣ ближе къ сердцу, чѣмъ р кошь Италіи. Однако Италія мнѣ показалась какимъ-то волш бнымъ сновидѣніемъ. А здѣсь, въ славянскихъ странахъ, я не в снѣ, а на яву, и все дѣйствительно трогаетъ за живое. Я

ѣхалъ; опять снѣгъ, поле. Что-то родное отозвалось въ душѣ. Я думалъ о Россіи, и двѣ маленькія пьесы спѣлись на какой-то голосъ, „знаемый дѣтьми". Ты ихъ найдешь на 4-ой страницѣ этого листка; за послѣднюю я постою, а 1-ое—такъ,—puff.

Я радъ—чему?—что со мной нѣтъ ни Балестрера, который привезъ тебѣ письмо, ни бельгійца. Addio, любезные товарищи; дай Богъ нигдѣ не встрѣтиться.—Однако это гадко съ моей стороны. Они меня проводили такъ ласково, съ такимъ участіемъ... Что жъ дѣлать, что они глупы? Право—это неумѣстная гордость и подлость пренебрегать людьми, а съ другой стороны—глупо тратить жизнь съ дураками.—Я даже не обѣдалъ съ ними въ послѣдній день вѣнскаго пребыванія, а обѣдалъ съ Нейманомъ и Дворачекомъ. 1000 разъ благодарю Галах. за это знакомство. Они оба меня приняли такъ симпатически и оба такіе славные люди, что я не пропущу случая еще побывать въ Вѣнѣ. Нейманъ великій англоманъ, но пошире, чѣмъ Мишель. Дв.—славянинъ. Къ стыду моему я признаюсь, что совершенно лишенъ благороднаго желанія слитія славянскихъ племенъ; но все же не могу совсѣмъ отдѣлаться отъ бóльшаго участія къ славянамъ, чѣмъ къ другимъ народамъ. Да вѣдь, ей Богу, безъ пристрастія—это великое племя и будетъ еще играть огромную роль въ судьбахъ человѣчества. Въ славянинѣ ты никогда не встрѣтишь нѣмецкой филистрёзности, французской поверхностности, англійскаго себялюбія, итальянской вертлявости; но въ немъ все: нѣмецкій спекулятивный умъ, французская гуманность, англійская практичность, итальянская хитрость. Даже способность музыкальная, гдѣ чувство гармоніи и мелодіи равносильны, ставитъ его выше нѣмцевъ и итальянцевъ въ музыкѣ. Ты скажешь, что славяне ничего еще не произвели въ музыкѣ, какъ нѣмцы или итальянцы; да, славяне еще ничего не произвели. Они еще не жили. Они будутъ жить и производить. Взгляни на русскихъ артистовъ въ Италіи—да кто жъ, какъ не они, во главѣ искусства?—Прости меня, если я тебѣ надоѣлъ этой диссертаціей. Съ вѣнскаго пребыванія и съ путешествія по славянскимъ землямъ я въ припадкѣ славянизма. Даже на многіе народы сталъ смотрѣть съ другой точки зрѣнія. А Россія-то моя—глава, средоточіе всего поколѣнія. Чортъ возьми! не сердись на меня, другъ мой! Я говорю объ этомъ оттого, что я этимъ одушевленъ, просто крылья новыя выросли и я летаю съ гордостью отъ береговъ Адріатическаго моря до Берингова пролива.—Еще мы съ Нейм. говорили о Шекспирѣ и о древнихъ—и мысль моя вертится въ сферѣ искусства собственно-поэтическаго, искусства,

выраженнаго словомъ.—Вѣдь еслибъ ты уѣхала, а я остался на мѣстѣ, тебѣ бы во 100 разъ было легче, а мнѣ во 100 разъ грустнѣе. На дорогѣ все поймаешь какое-то одушевленіе, а на мѣстѣ—одиночество, тоска, — страшно подумать. Бѣдное мое дитя, милая моя Маша! я въ эту минуту страдаю за тебя и за себя. И что жъ Гал. [1]) къ тебѣ не пишетъ; это скверно. Я бы желалъ тебѣ столько симпатическихъ писемъ, чтобъ ты не видѣла, какъ время идетъ; желалъ бы и симпатическихъ людей, да это еще рѣже писемъ!—Я нѣсколько разъ думалъ о твоей исторіи съ англичаниномъ. Какъ бы не вышли непріятности! Этотъ шутъ можетъ мстить. Охота тебѣ такъ наотрѣзъ оскорблять людей! Охота людямъ привязываться! Ни винить, ни оправдывать не могу. Но жизнь должна научить получше выносить глупыхъ; они не виноваты, что глупы, и можно удаляться тихо, не оскорбляя ихъ...

Сатина обнимаю; напишу ему изъ Берлина, гдѣ надѣюсь встрѣтить много интереснаго. Черезъ три дня я буду въ Берлинѣ, но думаю ночь провести въ Дрезденѣ, потому что очень устаю. Поѣзжай въ Парижъ; дорога лечитъ тоску. Но берегись моря; еслибъ можно, я желалъ бы, чтобы ты ѣхала сухопутно.

(Далѣе, на 4-й стр. листка, слѣдуютъ стих. Огарева: „Дорога" и „Кабакъ".)

Да, мнѣ многое и многое хочется схватить изъ поэтической грусти и жизни Россіи. Наша народность довольно оригинальна и содержитъ довольно глубокій поэтическій элементъ, чтобъ трудиться представить ее въ поэтическихъ образахъ. И именно надо спуститься въ низшій слой общества. Тутъ-то истинная народность, всегда трагическая. Высшій и средній слой, довольно уродливо проникнутый европейской жизнью, имѣетъ больше комическаго элемента. Да Господи, Боже мой! Мои два послѣднія письма похожи на диссертаціи. Вотъ поймалъ новую идейку и вожусь съ ней.—Прости, Маша! я могу и надоѣсть, настроившись на оный ладъ.

Теперь дай обнять и расцѣловать себя, другъ мой! Говорятъ, надо нести письмо на почту. Дай понѣжничать съ тобой на прощанье. Какъ же ты далеко отъ своего друга! Часто обнимаю тебя во снѣ, и такъ грустно становится, что на яву и горы, и моря насъ раздѣляютъ. И потомъ я все же утомленъ дорогой и съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда могу пріостановиться въ моихъ поѣздкахъ. Четыре мѣсяца скакать безъ умолку!.. Можешь быть

[1]) И. П. Галаховъ.

увѣрена, что я изъ Карлсбада [1]) ни на шагъ не тронусь. Скука смертная ѣздить. Отдохнуть возлѣ тебя—хочу, хочу, хочу. Какъ часто я повторялъ это слово: хочу! а судьба все дѣлаетъ на выворотъ. Прощай, Маша! Иду въ соборъ. Дай ручку! благослови и поцѣлуй меня, какъ я тебя. Пекись о своемъ здоровьи. Прощай! Еще разъ обнимаю Сатина. Прощай, Маша—прощай...

22.

Лейпцигъ, 29 (17) (дек.).

Я не писалъ изъ Дрездена, потому что не написалось. Пріѣхавъ послѣ обѣда, я вечеромъ пошелъ въ театръ. Давали „Кортеца“,—Спонтини. Пѣли скверно. Опера суха и скучна. Безплодный сюжетъ, написанный совершенно филистрёзно, и филистрёзная музыка. Я подарилъ либретто дворнику въ Hôtel de Rome. Итакъ, я былъ опять въ Hôtel de Rome. Но объ этомъ послѣ. Ѣхалъ я съ французомъ, англичаниномъ, графомъ Пахта (губернаторомъ Ломбардіи) и нѣсколькими нѣмцами. Французъ—типъ легкомыслія. Англичанинъ—типъ самой уродливой странности. Гр. Пахта—благовоспитанный человѣкъ, чиститъ ногти на станціяхъ. Нѣмцы тупы изъ рукъ вонъ. Англичанинъ въ foyer, въ театрѣ, выпилъ по стакану всѣхъ имѣющихся сортовъ сироповъ и съѣлъ 20 пирожковъ; видно, отъ этого ему показалось слишкомъ дорого заплатить три талера за входъ въ галлерею, и мы ходили съ нимъ пополамъ сегодня. Но возвратимся къ вчерашнему дню.—Пришелъ я изъ театра. Въ сосѣдней комнатѣ пѣла англичанка и какой-то теноръ. Дай Богъ имъ здоровья. Я отдохнулъ отъ скучной оперы. Я слушалъ ихъ и ничего не дѣлалъ. Слушалъ, и плакать хотѣлось. Они пѣли Беллини. Пѣли хорошо. Мнѣ такъ было сладко и грустно. Я одинъ—а ихъ двое, да еще поютъ. Снѣгъ шелъ, площадь стала бѣлая. Я стоялъ у окна и слушалъ. Объ чемъ я думалъ, Маша, не знаю. И не знаю, хорошо ли или горько мнѣ было. Знаю, что когда они кончили, я бросился на постель и—заснулъ. Sic transit gloria mundi.

Сегодня всталъ. Хотѣлъ писать къ тебѣ. Явился Адольфъ. Я чуть не расцѣловалъ его. Господи Боже мой! какое я дитя! Я радъ броситься на шею каждому, кто мнѣ сколько-нибудь напомнитъ близкаго человѣка. Ужъ вчера я долго смотрѣлъ на

[1]) Т.-е. будущимъ лѣтомъ.

домъ, въ которомъ мы жили; а когда увидѣлъ Адольфа—чуть не заплакалъ. Маша, Маша! много горя въ жизни, много и хорошаго. Забудемъ горе. Мнѣ не было хорошо, когда мы были въ Дрезденѣ. Далеко не было хорошо. Мы были вмѣстѣ—и не близки. Но мы были вмѣстѣ, и я только это помню, и мнѣ горько было быть одному. Хорошенькаго мальчика ужъ не было. Мнѣ служилъ какой-то кривой. Очень хорошо служилъ, но мнѣ было досадно, зачѣмъ не тотъ. Еслибъ мы вмѣстѣ слушали моихъ сосѣдей, я бы весь былъ въ музыкѣ; а тутъ я погрузился самъ въ себя, думалъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ и личныхъ страданіяхъ—и тосковалъ; и музыка заставляла меня думать о чемъ-то ей постороннемъ, между тѣмъ какъ я обыкновенно имѣю даръ, слушая музыку, ни о чемъ не думать, кромѣ музыки. Я же глупо думаю о самомъ себѣ. Мнѣ всегда моя жизнь кажется преступленіемъ передъ самимъ собою; съ одной стороны, я вижу заглушенное чувство, съ другой—неразвитую способность, и мнѣ кажется, что то, что̀ Богъ въ меня посѣялъ, упало на безплодную землю. Что̀ дѣлать, другъ мой; анализисъ—въ воздухѣ, а анализисъ самого себя горекъ, убійственъ, а отдѣлаться отъ него нельзя.

Ну-съ! Потомъ я пошелъ въ галлерею. Постоялъ передъ „Ночью“ Корреджіо, передъ „Нептуномъ“ Рубенса и, наконецъ, передъ Мадонной. Это мой идеалъ. Я лучше ничего не нахожу. Ты станешь смѣяться—а, право, правда: я заплакалъ передъ Мадонной, и мнѣ стало стыдно. Французъ и англичанинъ оба ходили со мной. Французъ глупъ, а англичанинъ непроходимая скотина. Кстати, французъ былъ два года въ Россіи и въ Петербургѣ, знаетъ Баранта, который писалъ „L'Histoire des ducs de Bourgogne“, а въ Москвѣ знаетъ Спиро, который писалъ „Отче нашъ“ на выставку. Этотъ французъ—истинная середина между Барантомъ и Спиро, т.-е. онъ ни герцоговъ Бургунскихъ, ни „Отче нашъ“ не умѣетъ написать. Что за вздоръ вертится на языкѣ! Но—впередъ, моя исторія! Въ два часа по полудни сѣлъ я въ карету, прицѣпленную къ паровой машинѣ, и въ шесть часовъ очутился въ Лейпцигѣ. Одѣлся и отправился къ Петерсону. Петерсонъ на этотъ разъ живетъ въ Дрезденѣ у стора Diethe, изъ чего ты можешь заключить, что я его не видѣлъ. Мнѣ это было жалко. Я люблю его. Онъ не уменъ, но глубоко-внутренній человѣкъ (Gemüth-Mensch), а я это уважаю больше всего. Отправился къ Laube—дома нѣтъ. Завтра въ шесть часовъ утра отправляюсь въ Берлинъ по желѣзной же дорогѣ. Въ Берлинѣ буду въ два часа пополудни и пробуду $1^1/_2$ дня. Я ужасно

радъ видѣть Фролова—я его люблю и ради него, и ради Галахова.

Возвратясь отъ безуспѣшныхъ визитовъ въ маленькую комнату въ Hôtel de Bavière—я намаралъ три страницы стиховъ и мараю четвертую къ тебѣ. Время ни больше, ни меньше, какъ два часа ночи. Спать не хочется. Скучно. Глупая свѣчка не хочетъ горѣть до утра и скоро совсѣмъ уйдетъ въ подсвѣчникъ. Обидно! Замѣчаешь ли ты пустоту въ моемъ теперешнемъ письмѣ? Ну! это оттого, что во мнѣ самомъ теперь пустота. Самое несносное чувство во время безсонницы. Ахъ, Маша, Маша! Кто жъ отогрѣетъ мнѣ душу? Поцѣлуй меня, другъ мой!—Маленькая комната, въ которой диванъ съ постелью разодвинулись настолько, что можно пройти человѣку. Печка, отъ которой пышетъ, когда затопишь, а перестанешь топить—комната какъ погребъ. Какъ-то вспомнились казармы! Скучно было тамъ и грустно! Да душа-то была какая живая! Бывало, ночь не спишь оттого, что гордо вѣришь въ себя, въ будущность, въ людей и жизнь иную. А теперь не спишь—и вина не пьешь оттого, что тебѣ это прискорбно—разъ, и отъ того, что въ нѣмецкомъ городѣ позднѣе 10 часовъ нельзя достать ни пол-капли вина. А хорошо бы. Бутылка вина дала бы сонъ. Не брани вино, Маша! Древніе создали Вакха, пьянство олицетворили въ богѣ. А греки были народъ умный, изобрѣли гекзаметръ.—Пожалуйста не бранись, когда станешь читать всѣ эти глупости. Подумай, что̀ такое шляться одному по бѣлу свѣту—и прости. Изъ Берлина я пришлю стихи—напишу письмо посноснѣе. Прощай, Маша! Благословляю тебя. Обними меня, моя бѣдная одинокая друга. Дай тебѣ Богъ побольше свѣтлыхъ минутъ, чѣмъ мнѣ. Цѣлую тебя. Addio. Марія! Мерочка!

Прощай, Маша!

Обнимаю Сатина.

Въ Берлинѣ отъ тебя письмо—это вѣрно. Мнѣ надо писемъ отъ тебя. Слышишь ли—надо!

Пиши же почаще и почище.

23.

Берлинъ 1 (янв.) 1842 (19 (дек.) 1841).

Два письма отъ тебя, и какія нѣжныя! О! Маша, дай броситься къ тебѣ на шею и еще разъ плакать, какъ плакалъ, читая ихъ. Мнѣ стало хорошо и грустно, стало теплѣе на сердцѣ.

Я чувствовалъ, что я связанъ съ жизнью тысячью узами, что̀ все-таки не мѣшаетъ жизни быть уродливой смѣсью противорѣчій и внутри, и внѣ. Но противорѣчія, поминутно возникая, поминутно разрѣшаются. Съ жадностью ловлю я каждый мигъ примиренія. Мигъ примиренія—мигъ любви. Что такое любовь, что такое любовь къ женщинѣ? И, Боже мой! Любовь все одна, все одна и та же, отношенія различны. Нѣтъ ни большей, ни меньшей любви. Настоящая любовь всегда безконечна. Я безконечно люблю тебя, Маша! Но какъ? страсть это или влюбленность? Нѣтъ, Маша, это любовь святая, крѣпкая, глубокая. Знаешь ли ты это чувство — когда положишь голову на плечо женщины и чувствуешь, что душа отдыхаетъ? Вотъ моя любовь. Ты поняла, что мы были очень близки въ Неаполѣ, и я это понялъ. Какъ это сдѣлалось? Не знаю. Но знаешь ли, что Италія, несмотря на антипатію, съ которою ты будто бы взглянула на Неаполь,—Италія разбудила въ тебѣ многія хорошія стороны. Право! не оставляй Италіи. Не ищи счастья за морями. Его не поймаешь на большихъ дорогахъ. Счастье внутри. Счастье—или лучше блаженство—это сознаніе любви, это теплая молитва, это тишина и вѣра. Еслибъ можно было всегда поддерживать внутри это любящее спокойствіе, которое обнимаетъ весь міръ, свѣтло разливается на все окружающее, страдаетъ терпѣливо, жалѣетъ, грустить, но не тревожитъ, не рветъ душу на клочки! Еслибъ это только можно! Рѣдки эти минуты! Но ихъ скорѣе можно найти подъ яснымъ небомъ, когда солнце грѣетъ, когда море плещется, когда все зелено,—скорѣе, чѣмъ въ шумѣ людскомъ. Останься въ Неаполѣ. Мнѣ кажется, это лучше. Это не принужденіе—Боже избави. Не этого совѣта слушайся, но внутренняго влеченія. Я это высказалъ, потому что ты сама пишешь объ этомъ. А я бы къ тебѣ пріѣхалъ встрѣтить весну въ Италіи. О! какъ бы это было хорошо! Но ради Бога — поступай какъ желаешь; мнѣ будетъ тяжело, если я остановлю тебя въ томъ, что̀ тебѣ кажется блаженствомъ или наслажденіемъ. Маша! мы во многомъ не поняли другъ друга. Это много горечи влило въ жизнь, много ранъ растравило въ сердцѣ. Но, мнѣ кажется, раны заживаютъ. Мнѣ кажется, мы лучше понимаемъ другъ друга. Я часто думаю о всей твоей жизни, изъ нея вывожу и цѣню каждое твое чувство и поступокъ. Думай также иногда и обо мнѣ. Дай значеніе каждому моему чувству и поступку вслѣдствіе всей моей жизни. Мы еще болѣе сблизимся, и придетъ время, когда настанетъ совершенная гармонія. Черныя пятна мы простимъ другъ другу. Возьмемъ другъ отъ друга все, что̀

въ насъ есть свѣтлаго, широкаго, нѣжнаго,—и хорошо будетъ. Обними меня, поцѣлуй и благослови. Хорошо жить на свѣтѣ. Не правда ли?

Ну, теперь отчетъ. Я цѣлый день съ Фроловымъ. Мнѣ кажется, мы другъ другу полезны. Этотъ человѣкъ сохранилъ свѣтъ и энергію на днѣ души; тишина просвѣчиваетъ сквозь всѣ горечи, которыя онъ испыталъ. Оттѣнокъ грусти въ его свѣтлыхъ и спокойныхъ глазахъ совершенно выражаетъ его натуру. Вчера мы встрѣтили Новый годъ. Намъ обоимъ было грустно и мы не смѣли высказать этого другъ другу. Это какъ-то трудно дѣлается. Я читалъ стихи. Онъ еще довольно силенъ въ душѣ, чтобъ дѣлать на поприщѣ литературы. Мы говорили о многомъ. Я опять отдохнулъ. Но все какъ-то грустно было. Кстати, поздравляю съ Новымъ годомъ. Отчего не встрѣтили его вмѣстѣ? Новой гармоніи съ новымъ годомъ хотѣлъ бы я,—а какая-то разорванность въ душѣ, въ жизни—непреодолима. Я пришелъ домой печальный. Прилегъ на диванъ и нечувствительно заснулъ. И во снѣ ничего не видѣлъ. И вотъ какъ я началъ новый годъ. А ты—ты какъ его начала? Мнѣ кажется, что ты опять не поѣхала на балъ и встрѣтила его одна и плакала и обо мнѣ думала... Но твердость, твердость, Маша! Разсѣйся, когда грустно. Думай обо мнѣ только тогда, когда на душѣ тихо, любовь свѣтла, грусть терпѣлива. А когда тяжело и мечешься во всѣ стороны — разсѣйся, ѣзди, говори, хотя бы это и надоѣдало, но будь въ движеніи; это хорошее лекарство, противное какъ всѣ лекарства, но полезное.—Фр., право, энергическій человѣкъ. Едва ли бы я такъ же переносилъ столько.

Ну—а теперь очень для тебя интересное. Liszt въ томъ же hôtel'ѣ. Я третьяго дня съ нимъ ужиналъ. Онъ тебѣ много и премного кланяется. Насилу узналъ меня, потомъ изъявилъ радость. За ужиномъ былъ поэтъ Рельштабъ—несносное существо. Сухой критикъ. Ständchen его лучшее произведеніе. Онъ увѣряетъ, что Шубертъ испортилъ его стихи. Дуракъ нестерпимый! Liszt много говорилъ. Но воля твоя—антипатическая натура, натура внѣшняя. Тщеславіе—а внутри пусто. Я не люблю его. Сегодня его концертъ;—грѣшный человѣкъ—иду въ оперу „Норма", которую хорошо даютъ; воля твоя — это простительно. Завтра „Донъ-Жуанъ", послѣ завтра лекція Шеллинга. Въ философіи много дѣется, ворочается и переворачивается. Въ Берлинѣ нѣтъ много жизни на улицахъ — но какъ-то чувствуешь, что мысль жива. Отчего внѣшность Берлина мнѣ напомнила Москву, не понимаю.

За симъ, милый другъ, я кончаю письмо и иду къ Liszt'у.

Прощай, Маша! И писать къ тебѣ хочется, и идти хочется къ Liszt'у, и опять какое-то безпокойство на душѣ. Просто, я неспособенъ еще жить одинъ. А иногда съ людьми неспособенъ жить. Все противорѣчія. Прощай, другъ мой, цѣлую тебя крѣпко. Тутъ другъ твой вздохнулъ. Прощай еще разъ.

Твой Коля.

...Но помни лишь, что я тебя любилъ глубоко,
И съ грустію сказалъ тебѣ—прощай!

На четвертой страницѣ стихи, писанные въ очень скорбную минуту въ Дрезденѣ. Они войдутъ въ цѣлое.

(Далѣе слѣдуетъ, подъ заглавіемъ „Дрезденъ", стихотвореніе Огарева, извѣстное теперь подъ другимъ, позднѣйшимъ заглавіемъ: „Gasthaus zur Stadt Rom".)

24.

Берлинъ, 4 янв. (1842 г.) (22 дек. 1841 г.).

Маша! милый другъ Маша! Два дня не писалъ къ тебѣ, и самому досадно и грустно. Я знаю, что̀ тебѣ мое письмо! Но я загулялся въ Берлинѣ. Не подумай, чтобъ запировался. Очень далеко отъ этого. Мы ведемъ съ Фроловымъ самую скромную жизнь. Мы съ нимъ хорошо сошлись. Можетъ быть, я немного полезенъ этому отличному человѣку. Онъ страдаетъ внутренно [1]), такъ что и здоровье его отзывается (этого не пиши Галахову)—но энергія его даетъ ему силу учиться, трудиться, смѣяться, и поверхностный глазъ не замѣтитъ въ немъ муки. Много надо тебѣ разсказывать. Съ чего начать? Я видѣлъ Каткова—мы поклонились робко, холодно—но поклонились. Глупо или нѣтъ—но я любилъ Катвова, и рука невольно схватилась за шляпу. Мы издалека видѣлись на лекціи Шеллинга. Онъ носитъ бороду и похожъ на артиста; похудѣлъ и похорошѣлъ. Даже не знаю, хорошо ли ты сдѣлала, что послала ему денегъ. Онъ щекотливъ, и если узнаетъ, очень оскорбится. Я и Фролову не говорилъ объ этомъ. Но почему же ты думала, что я могу быть недовольнымъ этимъ поступкомъ? Маша! еслибъ побужденіе сердца, благородное побужденіе было даже невыгодно или обидно для меня, то и тогда бы я смотрѣлъ на него съ уваженіемъ. Бак. [2]) въ

[1]) Фроловъ незадолго передъ этимъ (въ концѣ 1840 г.) потерялъ жену. Она была сестра И. П. Галахова.

[2]) М. А. Бакунинъ.

Дрезденѣ; кажется, онъ мало учится; голова его замѣняетъ ему занятія, но все же это еще болѣе нехорошо. Я познакомился съ Вердеромъ, который очень милъ, но такъ какъ въ пятницу ставится его драма „Колумбъ“, то онъ впопыхахъ и суетится ужасно, и въ этомъ много филистрёзности и нѣмецкости (что̀ одно и то же). Намъ эти картины ужасно смѣшны. Познакомился съ книгопрод. Veit. Я печатаю здѣсь мои переводы на нѣмецкій русскихъ поэтовъ и чуть ли не обязался работой, которая, впрочемъ, мнѣ по-сердцу. Сегодня иду знакомиться съ M-lle Frohmann, дочь книгопродавца, который нѣкогда былъ другомъ Шиллера и Гёте. Она дѣвица этой же эпохи. Былъ у Листа съ визитомъ. Куча народа. Онъ въ пальто „cloche“ съ капюшономъ. Обращается со всѣми какъ всегда—знаешь:—я, дескать, вамъ дѣлаю милость приласкать васъ. Это для меня нестерпимо. Онъ репетировалъ Гуммелевъ „Септетъ“. Чудесно! Я былъ въ восторгѣ. Чортъ знаетъ, какъ въ этомъ человѣкѣ геніальное перемѣшано съ пошлою аффектаціей, что̀ все-таки составляетъ противную личность. Во время игры явился M-r съ дамой, очень хорошенькой. Окончивъ, Liszt всталъ, взялъ ее за руку и сказалъ: „Ah! bonjour, chère!“ У него это перешло въ манеру. А нѣмочка сказала ganz deutsch: „Ach, es war ja so schön!“—Liszt и мнѣ говоритъ: „Ah! bonjour, cher!“ Но я не умѣю въ глаза сказать: ach, es war so schön! И потомъ для этого надо маленькій розовенькій ротикъ. А у этой нѣмочки чудесный ротикъ. Я сказалъ Liszt'у, что писалъ объ немъ. Онъ былъ очень доволенъ. Онъ жалко самолюбивъ. Вердеръ замѣчаетъ нравственное паденіе въ обществѣ, которое ставитъ на пьедесталъ съ подобострастіемъ исполнителя-виртуоза, а не творца. Прежде, нежели перейду къ вещамъ, еще скажу о знакомыхъ лицахъ. Здѣсь въ Hôtel de Russie я нашелъ M-r et M-me Olsoufieff et M-lle Salomon. Ха-ха-ха! Дмитрій-царевичъ и маленькая вѣдьма—въ Берлинѣ. Я отправился съ визитомъ—не засталъ. Вечеромъ я читаю Фролову стихи—вдругъ Demetrius самъ лично является. Фроловъ посидѣлъ и ушелъ, и я имѣлъ часа два на плечахъ этого толстаго Obrist von Ols., который глупѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ повелъ меня къ Амаліи. Амалія! о, Амалія! Амалія стара, Амалія дурна, но ея молодое сердце все еще носится въ платонической любви и ея маленькая ручка все еще гладитъ безшерстную спинку Коринны, которая также въ Берлинѣ. Амалія все еще очень зла. Спрашивала про тебя. Дмитрій хочетъ идти къ Шеллингу на лекцію. Ну! будетъ объ нихъ. Ты у меня просишь сплетенъ etc... вотъ ихъ тебѣ. Ну! довольно!

Я видѣлъ „Норму"! Я видѣлъ „Эгмонта"! Я видѣлъ Клару Штихъ. Я слышалъ Симфонію. Норма растрогала меня. M lle Assandri красавица и хорошо поетъ. Но она субъективно поняла Норму; у ней Норма кроткое, нѣжное, любящее существо, а не страстно-благородное. Но почему же не понять ее и такъ? Можетъ, такъ она болѣе еще возбуждаетъ симпатіи и сожалѣнья. Adalgisa—M-lle Marziale—поетъ еще лучше, но не хороша. Полліонъ—M-r Rafaele... забылъ фамилію—глупый теноръ, крикунъ. Но Полліонъ долженъ быть глупъ; онъ и въ пьесѣ глупъ; если ты увидишь „Норму" въ Италіи—вспомни меня; Полліонъ глупъ, какъ пробка. Но Норма! Маша! пожалуйста вспомни меня и въ память мнѣ поплачь при „Casta diva" и „Qual cuor tradesti". Это глубоко выхвачено изъ души. Я возвратился изъ „Нормы" довольно печаленъ.—Ну—„Эгмонтъ". Что за созданіе! Гёте великій мастеръ. Есть тутъ лицо бродяги, крикуна народнаго. Боже ты мой, какъ это хорошо! Weiss его играетъ безподобно. Клара—M-lle—чортъ знаетъ какъ зовутъ—отвратительно манерна. А что это за милое созданіе Клара! Можетъ быть—это лучшее созданіе Гёте. Впрочемъ, не знаю, и Гретхенъ, и Миньона, и Оттилія—хороши. Читай по-нѣмецки, Маша! Вотъ тебѣ занятіе. Дивный міръ раскроется передъ тобою. Читай опять „Фауста", „Wahlverwandschaften", „Эгмонта", „Wilhelm Meisters Lehrjahre". Это торжество женщинъ. Клара, Миньона и болѣзненная Оттилія—торжество женственности. Das Ewig-weibliche zieht uns hinan!

Я помирился и съ сномъ Эгмонта. Эгмонтъ (Девріенъ) былъ плохъ. Но Альба (Зейдльманнъ)—чудо. Зейдльманнъ малъ ростомъ, плохо сложенъ. Въ Альбѣ онъ кажется огромный, плотный мужчина, точь въ точь старые портреты Альбы. Онъ спокоенъ, важенъ и страшенъ. Весь характеръ и лицо Альбы. Зейдльманнъ геніальный актеръ. Клара Штихъ, о которой много говорилъ Грановскій, показалась мнѣ слишкомъ нѣмецкою, но умной актрисой. Но дурна собой. Комики: Rüthling, Grün и особенно Beckmann—превосходны. Мнѣ собственно надоѣла нѣмецкость и типы нѣмецкихъ лицъ, особенно женскихъ. Льняной цвѣтъ волосъ противенъ. Въ залѣ „Hötel de Russie" Moser даетъ концерты à grand orchestre. Играли симфонію Гайдна, увертюры изъ „Eurianthe" Вебера и D-dur симфонію Бетховена. D-dur симфонія глубоко потрясла меня. Исполненіе чудесно. Зачѣмъ же тебя здѣсь нѣтъ, Маша? Мы бы такъ могли наслаждаться!

Образъ жизни мой слѣдующій. Поутру отъ 7 до 12 я дома и занятъ. Я много пишу. Въ 12 я съ Фроловымъ до 12 ночи. Вечеромъ мы всегда въ театрѣ или на концертѣ. Сегодня у

Листа. Насчетъ Шеллинговыхъ лекцій я завтра напишу Сатину. Прочтешь у него. Обнимаю его. Прошу его не сердиться, что долго не пишу, зная, какъ это для него нужно. Чортъ знаетъ, Маша! глупая страсть писать стихи—цѣлый день съ Фрол.—не даютъ времени. Это гадко. Но, впрочемъ, отвлеченіе, право, гуманное и можно простить.

Вотъ я будто въ дѣятельности, будто занятъ. И долженъ бы быть спокоенъ, доволенъ. Ничуть! Съ каждымъ наслажденіемъ растетъ страшная тоска. Опера заставляетъ страдать какимъ-то стремленіемъ, трагедія мучитъ, наука наваливаетъ вопросы, разрѣшимые въ четырехъ стѣнахъ кабинета и неразрѣшимые при первомъ шагѣ въ свѣтъ. Зачѣмъ моя душа такъ глупо сдѣлана, что всякое впечатлѣніе пробуждаетъ печаль? Я думалъ, что я свѣтлая натура, а каждый стихъ мой плачетъ. Странно и страшно жить на свѣтѣ. Есть вещи, отъ которыхъ съ ума можно сойти— и не сходится; отъ которыхъ умереть можно—и не умирается. Есть вещи, которыя могли бы дать блаженство—оно не приходитъ. А, кажется, чего бы недоставало для счастья? Могу даже имѣть верховую лошадь—какъ говорила покойная тетушка. Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ, ты меня любишь, и я тебя люблю,—и друзья есть,—и все-таки по большей части—

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка.

Отчего это? Впрочемъ,—это не совсѣмъ мой взглядъ на жизнь. Мой взглядъ глубоко грустенъ, но не такъ отчаянно сухъ. Écoutez:

Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь потухшій, вспыхнувъ блѣдно,
Исчезнетъ жизнь моя.
Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье—
И вотъ что жизнь моя...

Я знаю вліяніе, которое произведутъ на тебя эти 8 стиховъ. Но я сцѣлую твою слезу, Маша! Милый другъ! Мери—ко мнѣ, ко мнѣ! Право, скучно безъ поцѣлуя. Но я не хочу тебя тревожить. Время утираетъ слезы. А тамъ мы опять увидимся. Да зачѣмъ же время утираетъ слезы? Развѣ оно сильнѣй и любви, и грусти? Глупо! Много соціальныхъ вопросовъ пробудилось. Гёте въ „Wahlverwandschaften“ задѣлъ безсознательно вопросъ о бракѣ, и разрушительно. Странно! Ищешь выхода и себѣ, и людямъ— и не находишь. Жалко себя, жалко людей!

Дай ручку, обнимемся и благословимся. Прощай, Маша! Еще разъ напишу изъ Берлина.

25.

Берлинъ, 25 ст. ст. (дек.).

Сегодня у насъ Рождество. Что-то ты подѣлываешь, Маша? Хотѣлъ бы я на тебя взглянуть. Скучно или весело? Грустно или нѣтъ? Мнѣ грустно. Сейчасъ ушелъ Фроловъ. Мы много говорили о Галах., о Гран., о m-me Кenny [1]). Фроловъ энергическое, но на днѣ души убитое существо, убитое дѣйствительнымъ горемъ. Въ немъ много доброты, много нѣжности. Я на него смотрю съ удивленіемъ и печалью. Онъ мнѣ показываетъ братское участіе. Благодарю его. Я имѣю всѣ свойства ребенка; мнѣ нужно кого-нибудь, на кого опереться; мнѣ тогда легче страдать, а страданіе невольно составляетъ основу моей натуры. Болѣзненная, жалкая натура! Безсиліе — мой девизъ во всемъ. Отъ этого я и Сатинъ такъ сродны. Мы страдаемъ желаніемъ и безсиліемъ. Прости глупое сравненіе: мы смотримъ на жизнь, какъ старикъ на женщину. Старикъ хочетъ любить и не можетъ; мы хотимъ блаженствовать, и не можемъ. Отчего это? право, не знаю. Много вопросовъ мы перебрали съ Фроловымъ, вопросовъ, близкихъ къ сердцу. Вопросы неразрѣшимы — выхода нѣтъ. Во всѣхъ насъ настолько гуманности, чтобъ дѣло счастья человѣческаго сдѣлать нашимъ собственнымъ. Всѣ мы больше страдаемъ страданіями людей вообще, чѣмъ нашимъ личнымъ. Въ этомъ есть по крайней мѣрѣ залогъ теплоты душевной, непроходимой. Горько было бы потерять и это. Сухость всего ужаснѣе. Но, слава Богу, она невозможна. Тяжело, когда отъ пріемчивости впечатлѣній и отъ внутренняго огня страдаешь, но тутъ все же есть сознаніе своей гуманной личности, можно смотрѣть на себя безъ омерзѣнія. Ужъ и это утѣшеніе. Въ страданіи есть любовь, а любовь есть отрада. Но все же душно — и негдѣ вздохнуть пошире. Вопросы философскіе мучатъ. Всякое ученіе доходитъ до пустого формализма, который доказываетъ односторонность. Кажется, это случилось съ гегелизмомъ. Хочешь изъ него выйти, и выходишь только въ личныя требованія, которыя, можетъ, сходятся на потребность личнаго блаженства, и нѣтъ ничего непреложнаго, нѣтъ полной истины. Граждан-

---

[1]) Другая сестра Галахова.

ственность мучитъ. Наконецъ, своя жизнь, свои личныя отношенія мучатъ — и вездѣ одно страданіе. Было время, я умѣлъ много плакать и скоро утѣшался; теперь мало слезъ, но сосредоточенное страданіе становится тоской. Одно творчество, одинъ трудъ извлекаютъ изъ этой тоски. Но каждый стихъ шепчетъ— я тебѣ говорилъ это; и тутъ—только выраженіе того, что̀ внутри. Стало, внутри очень плохо. Но все же легче, когда можно высказаться. Можно принять жизнь съ двухъ сторонъ — съ комической и трагической. „Pathos" трагедіи лежитъ у меня въ основаніи моей натуры. Но я способенъ и къ комизму. И что̀ всего ужаснѣе, что комизмъ еще страшнѣй и мучительнѣй. Это насмѣшка надъ людьми и собой, надъ своимъ и ихъ страданіемъ.

Вчера былъ концертъ Листа. Я восхищался. Но... но... онъ заставилъ пѣть „Rheinweinlied", квартетъ голосовъ безъ оркестра, его сочиненія; мысль та—der Rhein soll deutsch seyn. Король присутствовалъ. Послѣ „Septette" Листъ потребовалъ другой рояль. Сегодня я былъ у него. Говорятъ, что въ первомъ роялѣ клавиши были испорчены прежде концерта, т.-е. сломаны молотки... Eine Kabale! Не знаю, насколько этому вѣрить. Но еще разъ—Листъ внѣшняя, антипатическая натура, которая, бывъ гуманной, когда его хвалила Жоржъ-Зандъ,—сдѣлается чѣмъ хочетъ, когда будутъ хвалить другіе. Нехорошо это! Я понимаю, отчего Жоржъ-Зандъ съ нимъ разсталась. Онъ игралъ фугу Баха превосходно. Завтра у него репетиція квинтета принца Прусскаго. Пойду. Концертъ черезъ два дня. А я послѣ-завтра ѣду. Концертъ въ пользу построенія Кёльненскаго собора.

Сегодня мы были въ Кёнигштадтскомъ театрѣ. Бекманъ былъ забавнѣе, чѣмъ когда-нибудь—и никто изъ насъ не вынесъ веселости. Едва пришли ко мнѣ—явился Олсуфьевъ. Warum?—Um dummes Zeug zu plaudern.—Wie gefällt Ihnen dieses? (Поговорка Бекмана). Но скоро ушелъ. И тутъ-то мы говорили объ Галаховѣ. Фролову хочется, чтобъ онъ женился. Трудно. Едва ли онъ полюбитъ, едва ли выберетъ безъ ошибки и едва ли будетъ счастливъ. Мы придумали ему жену со всѣми превосходствами—насколько его любимъ. Но этотъ идеалъ едва ли найдется въ Москвѣ, едва ли найдется въ Берлинѣ или въ Парижѣ; еще менѣе въ Пекинѣ; а съ остальными онъ будетъ мученикъ. Странное положеніе!

Долго я еще ходилъ въ раздумьѣ. Но наконецъ спать пора. Второй часъ. Не могу ничего болѣе сказать. Хаосъ въ головѣ. Прощай, Маша! крѣпко цѣлую и благословляю тебя. Грустная, одинокая постель. Въ сердцѣ тоже хаосъ. Прощай! до завтра!

27 ст. ст., 6 час. утра.

Здравствуй, Маша, и прощай! Сегодня я ѣду. Не сердись, что я долго прожилъ въ Берлинѣ. Это было полезно. Я ѣду съ полной увѣренностью, что скоро возвращусь. Ѣду — и мнѣ хочется видѣть Россію, быть въ Россіи, въ Москвѣ и т. д. Вчера я былъ въ театрѣ, видѣлъ „Колумба“ Вердера. Есть недурныя лирическія мѣста. Все—уродливо. Мнѣ пришлось узнать Вердера только съ комической стороны; онъ впалъ въ жалобы на дирекцію, какъ Іоганисъ [1]), хотя содержаніе въ немъ поглубже. Что̀ это дѣлаетъ самолюбіе! Безуміе да и только! „Колумбъ“ былъ просто скученъ. Дикіе смѣшны. Сцена ихъ казни не нужна; бунты матросовъ надоѣдаютъ. Два послѣдніе акта длиннѣе предыдущихъ. Не такъ дѣлалъ Шекспиръ. Всегда послѣдніе акты короче. Знаешь ли ты законъ тяготѣнія? Камень, падающій сверху на землю, падаетъ чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ скорѣе. Развязка происшествій человѣческихъ идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ближе къ концу. Шекспиръ зналъ жизнь. „Колумбъ“ — эпосъ, а не драма; но можно разсказывать, а не заставлять говорить. Вотъ тебѣ драматургическія замѣчанія — не знаю, кстати или некстати. Такъ пришлось; много думалъ и говорилъ объ этомъ. Нѣтъ вещи, о которой бы я не думалъ и не говорилъ въ продолженіе этого времени. Ну! что жъ изъ этого? Вчера пришло письмо отъ Галахова. Имъ тамъ всѣмъ очень хорошо, тепло, уютно. Да, въ жизни есть что-то противорѣчащее. Какъ сладить? Кто сладилъ? Развѣ тотъ, кто сдѣлался пошлымъ. Нѣтъ! Покорный слуга! А какъ-то такъ много желаешь счастья своимъ друзьямъ! Иногда будущность представляется мнѣ такою дѣятельною. Я берусь за работы. Я созидаю. Я полезенъ. Я учусь и много узнаю. Чаще—начать работу лѣнь; созданіе плоско; пользы никакой, и я ничего не знаю. Unser Wissen ist Stückwerk, сказалъ Шеллингъ. Отрывочныя понятія и никакой связи между всѣми.—Я уже тебѣ, кажется, писалъ, что на лекціи у Шеллинга я поклонился Каткову. Я глупъ и дитя. Я любилъ его и простилъ ему. Вчера мы встрѣтились на улицѣ и говорили; онъ былъ учтивъ и въ замѣшательствѣ, но и радость была видна на его лицѣ; я былъ тронутъ, но принялъ видъ спокойный; мы сказали нѣсколько словъ и разошлись. Оскорбленіе, нанесенное Катковымъ, — совершенно личное; ребяческое самолюбіе не могло расшевелить во мнѣ гнѣва, а развѣ сорвать улыбку. Вотъ отчего прощается Каткову. Оскорбленіе, наносимое Баку-

[1]) Музыкантъ въ Москвѣ, пріятель Огарева.

нинымъ, гораздо хуже. Его нельзя простить; оскорбленіе всему, чтò въ насъ глубоко человѣческое. Умъ, который такъ великъ, что показываетъ въ человѣкѣ душу; а между тѣмъ души нѣтъ и все лучшее употреблено какъ средство къ достиженію мелкой цѣли. Это оскорбленіе непростительно.

Я все еще не написалъ къ Сатину, сейчасъ стану писать.

Чтò же еще сказать тебѣ насчетъ берлинскаго пребыванія? Я доволенъ, тѣмъ болѣе, что уже послѣ едва ли я поѣду въ Берлинъ. Впрочемъ, ничего не знаю. Многое начинаетъ представляться еще съ другой стороны. Точка зрѣнія мѣняется. Смотришь дальше, но все, чтò далеко, представляется смутно. Отъ этого тяжело. Древо знанія сгубило Адама и родъ его—и едва ли есть когда этому искупленіе.

Теперь прощай! Еще дальше отъ тебя! Въ холодъ, въ снѣгъ. Учись музыкѣ и итальянскому языку. Живи въ искусствѣ. Этотъ пріютъ всего надежнѣе. Будь покойна насчетъ меня. Я грустенъ, но спокоенъ. Есть какая-то тишина и вѣра на днѣ души. Можетъ, и у тебя есть. Лелѣй это чувство, оно разливаетъ свѣтъ даже и тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ скорби. Прощай, Маша! Люби и помни. Обнимемся и благословимся. Моя привязанность къ тебѣ велика; пусть увѣренность въ ней дастъ тебѣ свѣтлое спокойствіе. Мы увидимся какъ только можно скорѣе; можетъ, точка зрѣнія на вещи двадцать разъ измѣнится, но любовь останется та же. Я тебя цѣлую съ какимъ-то благоговѣніемъ. Прощай, Маша! Твой другъ.

Кланяйся всѣмъ. Цѣлую Станю.

M-lle Frohmann, пожилая дѣвица Гётевскихъ временъ, восхищалась моими нѣмецкими переводами, за что я ее очень полюбилъ—и пѣла, за что я ее возненавидѣлъ. Она дала мнѣ музыкальныя произведенія внука Гёте — Walther Goethe. Я ихъ тебѣ привезу самъ. Скоро ли это будетъ?

Еще разъ цѣлую тебя, милая моя Меричка.

26.

1 генваря ст. ст. (1842 г.). Россія. Таурогенъ.

Граница переѣхана. Я дома. Съ какимъ чувствомъ я опять увидалъ родину—я самъ не могу дать себѣ отчета. Но въ душѣ было такое волненіе, что мнѣ надо было сидѣть на открытомъ воздухѣ, чтобъ свободно дышать. Прошедшее, настоящее, будущее — все я перебралъ, то грустно, то съ упованіемъ. Но—

все надо тебѣ разсказать въ хронологическомъ порядкѣ. Слушай! Фроловъ посадилъ меня въ кабріолетъ почтовой кареты въ Берлинѣ—и мнѣ казалось, что ему было жаль меня, или я свое чувство перенесъ на него. Мнѣ его жаль было безъ сомнѣнія. Онъ ужасно одинокъ въ Берлинѣ. На его письменномъ столѣ портретъ его покойной жены, прямо у него передъ глазами. Онъ часто вздрагиваетъ, вѣчно въ какомъ-то нервическомъ ознобѣ; а голова свѣтла—и трудится. Возлѣ меня въ кабріолетѣ толстый бельгіецъ, добрый малый, какъ всѣ бельгійцы; я думалъ, это—такъ... Но къ великой радости—артистъ, ѣдущій давать концертъ въ Петербургъ—кларнетистъ Бланъ. Много болталось о музыкѣ. Въ дилижансѣ куча народа. Аптекарь бранится съ солдатомъ за то, что солдатъ на станціи цѣлуетъ служанку при г-жѣ аптекаршѣ. Г-жа аптекарша очень хороша собой, и аптекарь цѣлуетъ ее при всѣхъ съ утра до вечера. Нѣмцы говорятъ, какъ всегда, очень много и очень скучно. Насилу добрались до Кенигсберга. Тутъ Бланъ цѣлое утро игралъ на кларнетѣ. Боже мой, какъ это играетъ человѣкъ! Я былъ въ восторгѣ; это звуки, которые доходятъ до сердца; я провелъ два блаженныхъ часа, слушая его; это Паганини кларнета. Онъ и дѣйствительно имѣетъ европейскую славу. Вообрази себѣ, что ему 26 лѣтъ, онъ головой меня выше и 3-мя головами толще, на лицо дать сорокъ. Лысый. Но простота, добродушіе и глубокая любовь къ музыкѣ заставляютъ любить его. Изъ Кенигсберга въ Тильзитъ—одна ночь. О, ужасная ночь! въ душной каретѣ съ вонючими жидами. Бланъ говоритъ, что ему было тошно. Изъ Тильзита присоединился къ намъ en tiers frais молодой англичанинъ. Одинъ изъ лучшихъ англичанъ, какого я только встрѣчалъ. Черезъ четыре часа мы были въ Таурогенѣ—первомъ пограничномъ русскомъ городѣ. Таможни учтивы. Комната въ гостинницѣ отличная. Мы выспались. Черезъ два часа ѣдемъ въ Питеръ. Бланъ съ англичаниномъ, а я съ неизвѣстнымъ русскимъ полковникомъ. Я имъ уступилъ пріятность ѣхать вмѣстѣ, иначе Бланъ былъ бы съ человѣкомъ, не говорящимъ по-французски. Черезъ четыре дня мы въ Петербургѣ.

Ну! теперь поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Въ первый разъ провожу его одинъ безъ близкихъ сердцу. Мы пили шампанское подъ новый годъ съ Бланомъ и англичаниномъ, много пѣли, но весело не было. Англичанинъ знаетъ кучу англійскихъ народныхъ пѣсенъ, которыхъ мотивы очень милы. Потомъ я легъ; долго не спалось. Во снѣ видѣлъ тебя. Проснулся—грустно стало. Я доволенъ, что я въ Россіи; но до сихъ поръ я такъ

одинокъ, такъ между чужими, что не образумлюсь. Поцѣлуй меня, Маша! обними крѣпко — благословимъ другъ друга. И такъ, 42-й годъ — мы врозь. Что-то неловко на душѣ. Прощай. Товарищи просыпаются. Одѣваться въ походъ. Addio! вотъ еще стихи на прощанье:

Туманъ упалъ на снѣгъ полей,
И утро дышетъ холоднò,
И въ небѣ солнце безъ лучей
Стоитъ, какъ блѣдное пятно.
И горе страннику, чей взоръ
Не видитъ далѣ—близорукъ!
И чьи уста твердятъ укоръ,
Кто духомъ палъ подъ ношей мукъ.
Не вѣрю я, что тамъ лежитъ
Безбрежно-тихiй, теплый край,
Гдѣ солнце яркое блеститъ,
Цвѣтетъ и дышетъ вѣчный Май.
Сквозь мглу унылую смотрю,—
Душѣ ясна иная даль,
И Бога я благодарю
И за туманъ, и за печаль.

Кланяйся всѣмъ. Цѣлую Станю. Обнимаю... Всѣмъ счастливый годъ. Въ Питерѣ найду отъ тебя писемъ.

Прощай. Цѣлую тебя еще разъ. Addio!

27.

Петербургъ. 10 генв. ст. ст. Hôtel Coulon.

Два дня уже я въ Петербургѣ.—Съ чего начать? Начну съ того, чтò ближе къ сердцу,—съ твоего письма. Знаешь ли, что я никогда не бывалъ такъ доволенъ твоими письмами, какъ теперь. Ты никогда не была такъ нѣжна. Я даже нашелъ упрекъ, что не говорю ласковаго слова въ письмахъ. Другъ мой! Это неправда. Я не могъ не быть ласковымъ въ письмахъ, потому что у меня въ душѣ есть ласка; я ее чувствую. Еслибъ мнѣ можно было теперь одинъ часъ держать тебя въ объятiяхъ, поцѣловать и плакать—я бы отдалъ годы жизни. Во мнѣ есть въ самомъ дѣлѣ перемѣна, но не въ отношенiи къ тебѣ, а въ отношенiи къ жизни. Не знаю, съ чего у меня такая тоска на душѣ, что я пересказать не могу. Какъ будто у меня кого-нибудь изъ близкихъ не стало, какъ будто у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ, чтò бы меня привязывало къ жизни, — вотъ чувство

въ этомъ родѣ. Оно невольно должно было высказаться въ письмахъ. Не его ли ты приняла за холодность? Нѣтъ, Маша, тутъ нѣтъ холодности. Я знаю, что это чувство ни на чемъ не основано, совершенно ложно; а между тѣмъ страдаю безконечно. Еслибъ ты на мигъ явилась и сказала бы утѣшительное слово, просто посмотрѣла бы съ любовью — я бы отдалъ годъ жизни. Ужъ не разлука ли наша произвела его? Не знаю. Я думаю, что въ разлукѣ можно быть сильну духомъ. Это какая-то нравственная мучительная болѣзнь. Можетъ быть нервическій припадокъ. Но я ни на что не могу взглянуть, ни на что прекрасное не могу взглянуть, — не почувствовавъ мучительнаго отрицанія. Увижу хорошенькое личико — мнѣ кажется, вотъ она умретъ; увижу хорошаго человѣка — мнѣ кажется, онъ долженъ быть ужасно несчастливъ. Во всемъ мнѣ выказывается темная, отрицательная сторона. Странно и несносно, какъ безсонница. Когда я читалъ твое письмо, мнѣ было легче, потому что я плакалъ. Я чувствовалъ, что меня любятъ. Но въ этомъ домѣ, гдѣ я теперь, столько дурныхъ воспоминаній. Но авось дурное не повторится. „Авось"—главное выраженіе жизни русской, да и вообще человѣческой жизни. Наша разлука—не нападай на нее; я не хочу укорять судьбу ни въ чемъ. Разлука показываетъ, что мы любимъ другъ друга. Благодарю судьбу за это. Вычеркну изъ памяти все, что было въ апрѣлѣ и маѣ. Вѣдь мы любимъ другъ друга, Маша? Ты сама это говоришь. И я это говорю. Давай вѣрить!.. Я не могу жить одинъ. Теперь нѣтъ ни одного человѣка, кто бы меня поднялъ духомъ. Я думаю, мнѣ отъ этого такъ тяжело. Ты новый годъ грустно встрѣтила! Бѣдная моя Маша! Я одинъ новый годъ [1]) встрѣтилъ съ Фроловымъ. Мы оба будто не смѣли сказать, какъ намъ было тяжело. Другой новый годъ я встрѣтилъ въ Таурогенѣ глупо; я объ этомъ писалъ тебѣ. Кстати, я писалъ тебѣ 3 письма изъ Рима, 1 изъ Болоньи, 1 изъ Венеціи, 2 изъ Тріэста, 1 изъ Вѣны, 3 изъ Берлина, 1 изъ Таурогена. Всѣ ли ты получила? Это письмо идетъ съ Крюковымъ, который будетъ въ Неаполѣ; но письмо пошлетъ прежде. Тебѣ балы сыплются, когда ты ихъ не хочешь. Можетъ быть, я много испортилъ твою жизнь; это тяготѣетъ надо мною. Я, пріѣхавъ сюда,—отправился къ Виссаріону [2]). Онъ въ Москвѣ. Панаевы и Язык. мнѣ рады. Панаевъ написалъ повѣсть въ 1 № превосходную. Никогда не писалъ такъ хорошо. Повѣсть назы-

---

[1]) Т.-е. по новому стилю.

[2]) Т.-е. къ Бѣлинскому.

вается „Актеонъ“; это—продолженіе „Онагра“. Повѣсть вырываетъ слезы. Сегодня я пріѣзжаю къ Носкову. Тихо вхожу въ комнату. Онъ увидалъ меня и бросился ко мнѣ на шею: у него были слезы на глазахъ. Мнѣ стало стыдно, что меня такъ любятъ. Но это была моя лучшая минута въ Петербургѣ. Смотрѣлъ m-me Allan. Она умѣетъ меня трогать ужъ и тѣмъ, что я ее вижу; это субъективно; я съ нею вижу какую-то часть моего прошедшаго — и, самъ не знаю почему, ни одного факта изъ жизни не связывается съ этимъ. Brassant былъ превосходенъ. Я видѣлъ Тальони въ балетѣ: „Dux“. Балетъ такъ глупъ, что и Тальони не можетъ произвести большого впечатлѣнія. Но я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ея благородную фигуру и граціозныя движенія.

Когда среди людей стою я одинокъ,
И взоръ нечаянно встрѣчаетъ въ ихъ собраньѣ
Красавицу—едва раскрывшійся цвѣтокъ,
Грацьозно-легкое, роскошное созданье,—
Мнѣ вдругъ становится такъ страшно за нее!
Я думаю—какъ локонъ русый посѣдѣетъ,
Чело наморщится, согнется станъ ея,
Померкнетъ ясный взоръ и жизнь оцѣпенѣетъ...
И мало ли съ чего намъ можно постарѣть!
Есть тайная тоска,—съ нея старѣютъ рано;
И мало ли съ чего намъ можно умереть!
Есть скорби тайныя,—съ нихъ умираютъ рано.

Въ № 1 „Сказка для дѣтей“ Лермонтова. Это—начало стихотворнаго романа. Это просто роскошь. Ключниковъ здѣсь и недоволенъ имъ. Прости ему, Господи. Можетъ быть—самая лучшая пьеса Лермонтова. Я спишу и пришлю тебѣ.

Володя былъ у меня, я былъ у него, и мы не застали другъ друга. Хастатовъ хлопочетъ. Я имъ очень доволенъ. Но сегодня хотѣлъ меня вести и—я не засталъ его. Виною оказался человѣкъ, который не зналъ, что онъ дома. Я много надѣюсь. Но не иначе могу знать, какъ дня черезъ три, и тогда къ тебѣ напишу. Хастатовъ выходитъ въ отставку. Хочетъ ѣхать за границу. Да, говоритъ, не могу иначе жить—надо, чтобъ я былъ влюбленъ. Такая душка этотъ Хастат.! У Панкратьевой былъ. Она глупа по-прежнему. Больше ни у кого еще не былъ. Постараюсь скорѣй побывать вездѣ и все кончить. Еще праздники мѣшали ради дѣла съ крестьянами [1])—ergo, ничего не знаю. Сто-

[1]) Рѣчь идетъ о крѣпостныхъ Огарева (с. Верхній-Бѣлоомутъ, зарайскаго уѣзда, рязанской губ.), которыхъ онъ отпускалъ на волю. Съ цѣлью оформить эту сдѣлку, онъ и пріѣхалъ въ Петербургъ.

лишныхъ здѣсь нѣтъ. Они, говорятъ, даютъ балы въ Саратовѣ.— Хастатовъ тамъ былъ, ѣздивъ на Кавказъ хозяйничать. Я веду себя очень аккуратно. Вѣрь, что ради тебя ничего опрометчиваго не сдѣлаю. Но мнѣ здѣсь нестерпимо скучно. Письма на почтѣ отъ тебя не нашелъ; говорятъ, что еще почта не приходила. Какъ же это знать только то, что ты мѣсяцъ тому назадъ дѣлала? Это ужасно! Грановскій такъ счастливъ, какъ достоинъ быть счастливымъ [1]). Крюковъ превозноситъ его жену. Я очень обрадовался Крюкову. Рѣдкинъ издаетъ журналъ юридическій. Баронъ [2]) переводитъ и печатаетъ Шекспира. Да! Я желаю видѣть ихъ. Хорошо чувствовать теплое рукожатіе. Но я не знаю—мнѣ вездѣ тошно. Пиши мнѣ о себѣ со всею подробностью. Я умѣю жить такъ, что никакихъ фактовъ не представляется; а внутренняя борьба чувствительна, и только,—и то потому, что больно. Но зачѣмъ я тебѣ пишу то, что не можетъ тебя успокоить. Что же дѣлать, когда въ душѣ ничего другого нѣтъ! Блѣдное небо и снѣгъ мнѣ милы, но печальны. Кстати, снѣгу почти нѣтъ. Всѣ ѣздятъ на колесахъ по дорогамъ, а въ городахъ на саняхъ очень скверно. Что-то будетъ съ будущимъ урожаемъ?

Маша! Поцѣлуй меня и благослови, какъ я тебя. Отведи мнѣ душу. Я задыхаюсь просто. Мнѣ тебя надо. Особенно теперь надо. Маша! Мы страдаемъ—и насъ нѣтъ другъ съ другомъ! Зачѣмъ это? Прощай!.. Кланяйся Сатину. Изъ сего письма онъ узнаетъ обо всѣхъ. Поцѣлуй Станю. Всѣмъ мое почтеніе. Жалко m-lle Seidl. Кланяйся ей отъ меня. Прощай, Маша! Черезъ три дня еще напишу. Addio. Еще разъ цѣлую...

28.

Москва.

Ужъ давно я къ тебѣ не писалъ. 1-е—былъ въ дорогѣ, 2-е— почта ходитъ не ежедневно. Пріѣзжаю къ Галахову—нахожу твое письмо. Долго я собирался писать—и не могъ до сихъ поръ; я былъ какъ въ лихорадкѣ, пока читалъ его, и послѣ. Это ужъ такъ невыносимо тяжело, что я не знаю, куда голову приклонить. Сомнѣнія, упреки! Да еще бы съ нѣжностью, а то съ жестокостью — ничѣмъ неоправданной. Я холоденъ, говоришь ты, въ моихъ письмахъ. — Богъ тебѣ судья, Маша; ты будто сердишься за то, что я пишу стихи, и говоришь, что если мнѣ

[1]) Грановскій женился незадолго передъ этимъ (15 окт. 1841 г.).
[2]) Н. Х. Кетчеръ.

грустно—ну! напишу стишокъ, и очень доволенъ. Маша! и ты не видишь, что, слава Богу, есть выходъ изъ жизни въ искусство, и не видишь также, что стихъ не выгоняетъ горя, а возводитъ его до творчества. Ты страдаешь—я это знаю. Я люблю тебя, другъ мой; я бы хотѣлъ, чтобъ каждая минута твоей жизни была счастлива, исполнена любви, широкаго блаженства, и все на свѣтѣ готовъ для этого сдѣлать; но ты сама не потребуешь безчестнаго поступка, а отказаться отъ поэзіи, отъ своей человѣчности—безчестно. Ну! то-есть я не могу равнодушно вспомнить твоего письма; оно меня раздираетъ... Знать тебя несчастливой, страдающей вдалекѣ — невыносимо. Но ты говоришь, что я не счастливъ;—я страдалецъ по своей внутренней натурѣ, ты это знаешь;—а безъ тебя не могу идти дальше въ жизни—и это ты знаешь, и за что̀ же всѣ упреки? Видѣть, что ты мучишься безвыходно, видѣть, что ты съ каждымъ письмомъ больше и больше раздираешь мнѣ душу, — ужасно. Маша, бѣдный, милый другъ мой, прошу на колѣняхъ, со слезами, успокойся, люби меня такъ, чтобъ тебѣ въ голову не пришло упрекать жестко. Поцѣлуй меня—такъ давно я не прижималъ тебя къ сердцу. Хочется отогрѣть тебя, бѣдный мой ребенокъ, ты тамъ зябнешь одна. — О нападеніяхъ противъ *нихъ* [1]) — не скажу ни слова, потому что мы обѣщались другъ другу не говорить объ этомъ. —Маша! зачѣмъ мутить наши отношенія жесткими упреками? Развѣ я не знаю, что ты сама не вѣришь ни твоимъ сомнѣніямъ, ни упрекамъ, а вѣришь только, что я тебя люблю, что я стремлюсь къ тебѣ, что броситься тебѣ на шею для меня блаженство. Намъ было хорошо въ Неаполѣ, и ты будто не помнишь и не сознаешь, что мы близки, нужны другъ другу,—а не должны стоять feindselig. Но я и самъ-то боюсь начать упреки. Полно объ этомъ. Сядь ко мнѣ, обними и успокой меня, моя дѣвочка! Мнѣ такъ тяжело, что не знаю, куда дѣваться. Пріѣзжаю къ Галахову. M-me Kenny [2]) въ чахоткѣ, Фроловъ явился въ Москву, и у нихъ въ домѣ тяжело бывать; а m-me Kenny такъ мила, что-то такое кроткое и милое въ ней. Сестра моя [3]) разорилась—съ большимъ трудомъ я надѣюсь спасти ей тысячъ шесть доходу. Плаутинъ все проигралъ. Они ѣдутъ въ Кострому, въ деревню къ его матери. Гнусность этого человѣка необычайна. Я былъ всѣмъ этимъ разстроенъ. А тутъ еще твое

---

[1]) О друзьяхъ Огарева.

[2]) Сестра И. П. Галахова и покойной жены Фролова.

[3]) Анна Платоновна, замужемъ за Плаутинымъ.

письмо. Я былъ какъ помѣшанный—не спалъ ночь и не могъ даже писать къ тебѣ; но только въ душѣ копилась горечь великая. Хандра нестерпимая мучитъ меня. Да за что же мы оба мучимся, Боже мой? Но скоро мы будемъ вмѣстѣ—можетъ, опять будешь покойнѣе. Намъ хорошо было въ Неаполѣ, Маша. Ради Бога, не забывай этого; вычеркни изъ памяти горькое и оставь только то, гдѣ была любовь, и намъ будетъ хорошо. Я хотѣлъ бы лелѣять тебя, какъ цвѣтокъ, чтобъ тебѣ всегда было тепло и свѣтло; Маша, если не умѣю, если не нахожу въ себѣ достаточно элементовъ, чтобъ сдѣлать твое счастье, если ты страдаешь—не моя вина; желаніе искренно, любовь искренна. Вотъ и все. Если я тебѣ нуженъ, повѣрь, что и ты мнѣ нужна; это всегда взаимно. Ради Бога, оставимъ упреки. Зачѣмъ мучить другъ друга, когда мы можемъ любить другъ друга? Обнимемся, благословимъ другъ друга, и да будетъ съ нами миръ и любовь.

Ну! хочешь московскихъ новостей? Изволь. 1-е — умерли: Варвара Ив. Юшкова, А. Д. Мансурова, (de mauv. mal.) Обольянинова, дочь сестры, твоя крестница, мать Кетчера, дочь Щепкина, меньшая, la passion de Katkoff, Иванъ Васильевъ Немродовъ, Степанъ Сазоновъ. — Видишь, смертность сильная во всѣхъ сословіяхъ. — Женились: кромѣ Грановскаго — никого. Онъ блаженствуетъ. Барышни же всѣ въ дѣвкахъ. Лиза Бибикова была костюмирована Перуві̇анкой съ большими перьями на головѣ. Дуня Кобылина больна, и я ее еще не видалъ. M-me Sailhas [1]) не больна, и я ее видѣлъ. Онѣ ужасно скучаютъ— все однѣ да однѣ. Беременность мѣшаетъ графинѣ выѣзжать. Вообще такъ вездѣ пусто. Домъ Розенбергъ продалъ. Нашелъ я у m-me Sailhas наши старые мёбели. Мнѣ стало грустно. Какъ это все проходитъ — и радость, и горе,—и что̀ изъ этого всего будетъ? Еще кое-что, что̀ опять пройдетъ. Скучно жить на свѣтѣ, господа! Грановскій мнѣ далъ обѣдъ; его жена мила, не хороша собой, но въ ней что-то наивное, gemüthlich,—свѣтленькіе глазки, свѣтлое сердце. Василій Петр. [2]) далъ мнѣ обѣдъ. Обѣдалъ я у m-me Sailhas съ глазу на глазъ. Ховр. еще не видалъ. M-lle Chouchou [3]) произвела эффектъ необычайный; она на всѣхъ балахъ, и всѣ отъ нея безъ ума. Léon Gagarine въ гусарахъ гдѣ-то въ Вереѣ. Онъ промотался въ пухъ, имѣетъ актрисъ и ревнуетъ

[1]) Графиня Саліасъ, писательница (Евг. Туръ), урожденная Сухово-Кобылина.
[2]) В. П. Боткинъ.
[3]) Дочь Ховриной, красавица, за которою въ Римѣ, весною 1840 г., ухаживали Ганкевичъ и И. С. Тургеневъ.

жену такъ, что сжегъ ей плечо сигарой. Онъ проигралъ часы Бугаевскому (который все живъ) и не отдавалъ. А тотъ пріѣхалъ къ Леону, да и взялъ ихъ. Léon сказалъ, что Буг. укралъ у него часы. Потомъ они судились. Доказано, что Леонъ подлецъ. Генералъ ему сказалъ: „Вы надѣетесь на свою знатную родню". А Леонъ отвѣчалъ: „Какое! у меня и теща—Мартынова". Это мнѣ ужасно нравится.

Елагина—славная женщина. Гоголь грустить — „Мертвыя Души" не прошли.—Ну, что жъ еще? Право не знаю. Тоска смертная. Въ Н. я провелъ время тихо и умно.

Помѣшали. Галаховъ былъ сейчасъ. Онъ благодаритъ тебя за письмо. Онъ очень разстроенъ. M-me Kenny, кажется, хуже. Очень слаба. Гал. напишетъ письмо къ кн. Гагар., за которымъ ты можешь послать въ русское посольство. Письмо къ Тургеневу также отправится—и ты за нимъ пошлешь. Mais c'est une réputation douteuse—слыветъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, а Богъ знаетъ. Кобылина въ Парижѣ. Адресъ ея: Rue basse du Rempart № 48, M-r le Comte de Naurais, а онъ ужъ и скажетъ, гдѣ ее найти.—Да вотъ бѣда, что отъ Тучкова писемъ не имѣю, а денегъ онъ не высылалъ, хотя онѣ и должны быть, и письмо мое имъ получено. Изъ Бѣлоомута мнѣ на дняхъ привезутъ. Ты можешь для скорости взять у Ротшильда, а ему вышлю вексель на Турнейзена. Устиновъ и Долгорукій тебѣ это обдѣлаютъ.

Но ты мнѣ не пишешь, ѣдешь ты или нѣтъ, а только Галахову. Маша! гдѣ ты, что̀ ты? Право, такъ грустно, что мочи нѣтъ. Отъ внутренняго волненія съ твоихъ писемъ, разлуки, сестры, etc., etc.—и отъ вчерашней стерляди у Вас. Петр.—я нездоровъ и сижу дома сегодня. Ѣздить скучно. Je suis dans une disposition insoutenable.

Почта ходитъ въ понедѣльникъ и четвергъ. Въ понедѣльникъ пошлю большое посланіе тебѣ. Сегодня цѣлое утро мѣшаютъ, а между тѣмъ пора на почту посылать. И Сатину въ понедѣльникъ напишу. У него ни гроша денегъ, а Астраковъ не можетъ выслать. Но постараемся къ понед. Бѣдный Астрак.! У него водяная (хотя и лучше), и онъ почти помѣшанъ. Нигдѣ ничего утѣшительнаго.

Маша! Хотя бы ты утѣшительное что̀ написала. Прощай, другъ мой,—спѣшу на почту. Обними и поцѣлуй меня. Маша! да не раздирай меня сомнѣніемъ; я и безъ того въ хандрѣ. Счастливъ я по натурѣ не могу быть. Но много минутъ счастья можешь ты мнѣ дать. Прощай! Люби меня... Цѣлую тебя 20 т. разъ.

29.

5 (17) февраля.

Гдѣ ты? что̀ ты? Ждалъ долго твоего письма; нѣтъ! Наконецъ, рѣшаюсь писать еще разъ въ Неаполь. Лучше—еслибъ я получилъ еще письмо; можетъ быть, тяжелое непріятное впечатлѣніе, которое на меня имѣло послѣднее, исчезло бы. Это впечатлѣніе меня преслѣдуетъ. Ты разбранила все, что̀ во мнѣ есть хорошаго; но послѣ этого за что жъ ты меня любишь? Но полно упрекать; скажи лучше, что это писано въ припадкѣ тоски,—и протяни мнѣ ручку. Я же не могу отбиться отъ этого припадка непроходимой хандры. Даже за бутылкой я не веселъ, и не хочется никуда выѣхать изъ дома—да и только. Взялъ у Гранов. книгъ, сижу да читаю. Я долго ѣздилъ, ничего не дѣлая. Голова становится пуста; можетъ, и отъ этого такъ нестерпимо скучно, пусто. Выходъ нуженъ; стиховъ что-то не пишется съ тѣхъ поръ, какъ ты въ стихотворствѣ увидѣла удовлетворенный эгоизмъ. Ну!—наука, если не искусство. Фроловъ пріѣхалъ сюда; вотъ человѣкъ сильный; ужъ какъ его горе гнететъ, а ничего не видать; отражается это горе на тѣлѣ—только; онъ, очевидно, самъ боленъ. А мы съ Галах. совсѣмъ не такіе; мы промечемся да и расшибемся. Онъ такъ разстроенъ, что на него тяжело смотрѣть. Они всѣ думаютъ везти m-me Kenny назадъ въ теплую сторону, да едва ли она до весны дотянетъ. А какое у ней славное лицо, несмотря на болѣзнь, и такая кроткая и милая натура. Serge Гал. съ женою здѣсь, носитъ усы, а жену возитъ. Ты не сердись на Jean [1]), если онъ опять не написалъ; ему бѣдному такъ трудно. Имъ трудно, и, кажется, въ самомъ дѣлѣ, послѣ ихъ несчастій—куда я лѣзу съ моимъ горемъ? А между тѣмъ оно для меня такъ же дѣйствительно и такъ же важно. Фр. говоритъ, что я неизлечимъ, т.-е. тоска моя, т.-е. этотъ Гамлетовскій элементъ—сомнѣніе, рефлексія, Gruebeln. Мой день проходитъ кой-какъ. Нѣсколько разъ обѣдалъ я у Гран., у m-me Sailhas, у сестры, разъ у Ховриной. Видѣлъ Душу К., которая больна, но все такъ же хороша. Душ. Паш. вышиваетъ въ пяльцахъ, танта Ольга похудѣла ужасно. Sophie Pachkoff есть отъ часу принимаетъ видъ головы, съ которой бился Русланъ. Ужасъ что̀ за величина головы!.. а у маленькой мала.—Сестра моя по обыкновенію въ половину понимаетъ или очень

---

[1]) Т.-е. на Ив. П. Галахова.

хладнокровно принимаетъ будущую бѣдность. Дѣти милы. Иноземцевъ говорилъ про Станю, чтобъ ему масла (huile) давать въ волю, если онъ ѣсть хочетъ, и вообще давать бы ему больше воли во всѣхъ поступкахъ и желаніяхъ.—Ховрина въ большомъ свѣтѣ московскомъ; Chouchou принята съ рукоплесканіемъ, и въ самомъ дѣлѣ славная дѣвочка. Но въ нихъ обѣихъ есть что-то такое остановленное, съ чѣмъ никакъ не сладишь. Lise Чирковъ больна и скучна. Nicanor толстъ невѣроятно. Вообще, со всѣми скука неотразимая и невыразимая. Вчера поутру былъ у Чаадаева: matinée—скука! M-me Séniavine donne de matinées. Вотъ тебѣ все о Москвѣ и московскихъ. Денегъ мнѣ ни откуда не везутъ и не шлютъ, несмотря на мою (и твою) крайнюю нужду. Представленіе пошлю въ Петербургъ. Немедленно жду рѣшенія, т.-е. не жду, а на дняхъ ѣду въ деревню, но прежде дождусь твоего письма, которое мнѣ необходимо.—Теперь вотъ тебѣ разсказъ о томъ, какъ мои дни устраиваются: отъ 8 до 1 дома—читаю. Отъ часу до 10 вечера внѣ дома. Отъ 10 до часу ночи читаю, потомъ сплю. Три ночи сряду вижу тебя во снѣ, Маша! Чтò это значитъ? Я сплю довольно мало, чтобъ ничего не видѣть во снѣ, но теперь все тебя и только тебя вижу, и ты такъ грустна и нѣжна; и, проснувшись, мнѣ тяжело, я еще больше тоскую. Маша! несмотря на то, что я пишу стихи, право, у меня много любви и преданности, больше, чѣмъ ты думаешь. Исключительности я не понимаю, это правда; но гармонію привязанностей къ людямъ—я бы могъ понять. Да Богу не угодно. Ты меня упрекала въ холодности. Иногда мнѣ самому кажется, что я холоденъ какъ ледъ, оттого, что какая-то пустота и неудовлетворенность въ душѣ; да ужъ многому и не вѣрится. Какое-то удручающее чувство, отъ котораго просто задыхаешься, господствуетъ во мнѣ. Будетъ ли когда выходъ, не знаю, а теперь хоть ложись и умирай; такъ, кажется, только одного и попросишь у Бога, чтобъ никто обо мнѣ не плакалъ.

Вчера обѣдалъ съ Гоголемъ; онъ былъ очень милъ.—Кенъ съ женой въ Парижѣ; они родня Тургеневу.

Я думаю, ты этимъ письмомъ будешь менѣе довольна, чѣмъ какимъ-нибудь. Я и самъ имъ недоволенъ. Да чтò дѣлать? Нельзя вызвать изъ души—чего въ ней нѣтъ. А въ моей душѣ теперь пустота совершенная. Я даже съ трудомъ могу приняться за перо. Чтò сказать? Что я глупъ и скученъ? Стоитъ ли это того! А больше ничего нѣтъ во мнѣ. Я читаю даже только для того, чтобы не опуститься совсѣмъ, чтобы быть заняту,—принуждаю себя читать. Взялъ нарочно историческія книги, чтобы быть за-

няту безъ размышленія. Мышленіе вообще, спекуляція—не даетъ мнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, или лучше не дается мнѣ. Жизнь въ дѣятельности человѣческой тяготитъ; личныя отношенія мучатъ. Я не знаю, куда приклонить голову. Скорѣй бы ужъ въ деревню и совершенное одиночество. Да тамъ съ ума сойдешь.—Скорѣй назадъ къ тебѣ. Буду спѣшить. Можетъ быть, будетъ лучше. Странное дѣло: я не вижу довольныхъ лицъ. Всѣмъ скучно, грустно, кому отъ чего; кто мучимъ думою, кто—обстоятельствами. Гдѣ свѣтлая молодость, когда все было весело, всему вѣрилось? Всѣ-то мы постарѣли.

Кончу это глупѣйшее изъ глупѣйшихъ писемъ.

Обними и благослови и поцѣлуй меня, моя Маша! Не брани, а жалѣй. Pitié—я рѣшаюсь уже даже это жалкое чувство вымаливать.

Сат. мы еще не написали, но обнимаемъ его.

Кланяйся всѣмъ. Ховр., кажется, не такъ скупа, да и, можетъ, съ своей стороны (entre nous soit dit) имѣетъ право быть недовольною Анетой.

Обнимаю тебя! Бѣдный другъ — свою бѣдную Машу. Прощай! Скучно жить на свѣтѣ, господа.

30.

Февраля 12 (24). Москва.

Твоимъ послѣднимъ письмомъ я былъ гораздо довольнѣе, другъ мой! Я вижу, что ты спокойнѣе, да и наслаждаешься хорошими вещами. Музыка и море!—право, мнѣ кажется, ничего больше въ жизни не нужно. Но гдѣ застанетъ тебя мое письмо, не знаю. Гдѣ бы то ни было, лишь бы нашло тебя счастливою. Трудно сладить съ жизнью, трудно примириться въ душѣ съ самимъ собою. Задачи не разрѣшаются, желанія не удовлетворены, настоящее скучно. Къ сожалѣнію, ни ты, ни я, никогда не примиримся съ жизнью. Я отъ нея требую немного—и того она не даетъ; ты требуешь много — и того она не даетъ. До вѣчности далеко, а пока тоска смертная. Вчера однако я провелъ день хорошо. Обѣдалъ у Ботк. и оставался до полуночи. Лангеръ все время игралъ на фисгармоніи. Давно я не имѣлъ такого удовольствія. Тутъ же я встрѣтилъ стариннаго знакомца—Мосолова. Хорошій малый! Счастливый человѣкъ! Артистъ, вѣчно живетъ въ деревнѣ, занимается живописью — и только. Живетъ вдвоемъ, т. е. съ женой—и больше имъ никого не надо. Я его

узналъ третьяго дня въ театрѣ, не видѣвшись лѣтъ десять. Въ театрѣ я былъ только разъ. Давали „Матроса", водевиль, довольно дурно переведенный, но хорошій. Матросъ возвращается на родину послѣ двадцати-лѣтняго плаванія. Его считали умершимъ. Жена его вышла замужъ за другого. Матросъ скрылъ, кто онъ. Одна дочь его догадалась и бросилась къ нему на шею. Но чтобъ не нарушить спокойствія семейства, Матросъ ушелъ, пока она была въ обморокѣ,—и уже его никто никогда не увидитъ на родинѣ. Щепкинъ игралъ Матроса. Я плакалъ, какъ безумный. Я радъ былъ плакать. Слезы какъ-то давно были на душѣ, и будто легче, какъ сплачешь ихъ. Это одна изъ лучшихъ минутъ, проведенныхъ въ Москвѣ. Ты мнѣ столько описывала и свой родъ жизни, и балъ графини Сухтеленъ, и кто у тебя бываетъ, и гдѣ ты бываешь, что я рѣшился писать тебѣ и мои похожденія. Ты же жаловалась, что я никогда не пишу объ этомъ, а пишу только то, что во мнѣ происходитъ. Да какъ же быть, Маша! Фактовъ такъ мало, а внутри переживается такъ много! Легче ли отъ этого, не знаю; а переживается-то много. Но не хочу тревожить тебя моими тревогами; ужъ и такъ, кажется, я написалъ два сумасшедшихъ письма, которыя вѣроятно не принесутъ тебѣ отрады. Прости мнѣ ихъ, какъ я тебѣ прощаю то письмо, которое меня огорчило и оскорбило. О, Маша! еслибъ ты могла быть счастливою! Вотъ все, что я желаю.

Ну—дальше. Ховрина звала меня вечеромъ, дня два тому назадъ. Пили шампанское за мой пріѣздъ.—Всегда одинъ вопросъ приходитъ въ голову: за что меня такъ любятъ? я другимъ даю гораздо менѣе. Съ большею частью людей встрѣчаюсь съ какимъ-то неудовольствіемъ. Кажется, вотъ такъ никого бы не надо. Благодарю ихъ всѣхъ, кто мнѣ оказываетъ дружбу; а не могу отвязаться отъ какой-то дикости, нелюдимости. Гадко!

Былъ вечеръ у Елагиной. Она также такъ добра со мной. Правда, и я, если можно сказать такъ, влюбленъ въ нее, т.-е. въ ея свѣтлый умъ и свѣтлое сердце. Вотъ этого-то человѣческаго счастія, т.-е. міра душевнаго, добиваюсь я, да нѣтъ! что-то нейдетъ на ладъ. У M-me Sailhas бываю я довольно часто. Мнѣ тамъ хорошо, свободно, можно говорить вздоръ и видѣть прекрасное лицо, двѣ вещи, которыя доставляютъ великую отраду. У Галах. бываю черезъ день. Сегодня онъ звалъ обѣдать. Я боялся мѣшать имъ, пріѣзжая обѣдать безъ зову; но теперь онъ мнѣ объявилъ, что могу, когда хочу; ergo, я буду почти ежедневно. M-me Кенny живетъ и даже мила, но гаснетъ понемногу. Галъ съ ней нѣженъ и заботливъ, какъ только способенъ быть нѣж-

нымъ и заботливымъ, а это очень много. Фрол. тоже. Но они видимо оба разстроены. Тяжело смотрѣть на нихъ, тѣмъ болѣе, что это люди, которыхъ я горячо люблю. Намедни я заставилъ Г. писать къ тебѣ, думалъ, что его письмо, можетъ, будетъ утѣшительнѣе, чѣмъ мое. Намедни я былъ у Астракова. Мнѣ просто было страшно. Семь мѣсяцевъ тому назадъ видѣлъ здороваго, бодраго человѣка, а нашелъ человѣка, который не имѣетъ жизни на двѣ недѣли. Худъ, желтъ, безъ голосу, безъ силъ, и сердитъ, и — сумасшедшій. Ужасно! Жена его горько плакала. Я пожалъ ей руку. Тяжело; я весь день былъ въ какомъ-то судорожномъ состояніи и отъ того казался веселымъ. M-me Ducl. больна; я все еще не видѣлъ ее. За то Monsieur очень здоровъ, и я его видѣлъ. Видѣлъ Вѣру Толстую; она хотѣла тебѣ писать; похорошѣла. Видѣлъ Анну Матв. — добрая старушка! M-me Хрушовъ est plus bête que jamais, sourde et absurde.

Принялся я здѣсь за работу. Читаю. Я сталъ глупѣть безъ дѣла. Можетъ быть, поможетъ. Теперь все еще не справился— такъ все пусто и грустно. Хандра. Я даже боюсь говорить о состояніи духа съ тобой,—хандра моя непріятна. Оттого я стараюсь, чтобъ письмо мое было спокойно, и ты не встревожялась бы, читая его, и могла бы безъ заднихъ мыслей наслаждаться моремъ и солнцемъ. Скоро и я буду наслаждаться моремъ и солнцемъ.—Жду окончанія дѣла съ бѣлоомутцами и съ сестрой. Бѣдная сестра думаетъ, что ѣдетъ на годъ въ деревню, а похоже, что на десять лѣтъ; мнѣ хотѣлось бы увидать, какъ они сядутъ и поѣдутъ, а то все боюсь, чтобъ онъ не проигралъ своей рубашки. Я тебѣ въ понедѣльникъ выслалъ денегъ 2.700 франковъ и тутъ же, наконецъ, получилъ письмо отъ Тучк., что онъ уже давно выслалъ тебѣ 10 т. руб., вслѣдствіе чего отдай 1000 рублей Сат., а я здѣсь возьму деньги, которыя ему посылать хотятъ. Одно меня тревожитъ—вѣдь у тебя однако никого нѣтъ въ Неаполѣ, съ кѣмъ ты могла бы провести время хорошо. Ты бранишь, что мало писалъ о Листѣ. Я послѣ больше писалъ. Вотъ еще о немъ: онъ зажился въ Берлинѣ и все еще не бывалъ въ Россіи. Въ Берл. онъ давалъ концертъ студентамъ по 2 грош. входъ. Этотъ благородный поступокъ и произвелъ ожидаемый эффектъ, то-есть, сказали:—ай да Листъ! Право, эта аффектація отвратительна, потому что это Листъ. Онъ могъ бы такъ высоко стоять...

Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ:

Сосѣдкѣ.

Въ деревнѣ, въ мирномъ уголкѣ—
Я помню—въ дѣтствѣ мы играли,
Въ саду весною—на пескѣ,
По вечерамъ осеннимъ—въ залѣ.
Меня въ столицу увезли.
Я выросъ, вы большія тоже,
Но вы въ деревнѣ расцвѣли
На блѣдный цвѣтъ полей похоже.
Я не забочусь о себѣ.
Нѣтъ нужды, что бъ со мной ни сталось;
Но въ вашей будущей судьбѣ
Прочесть страницу бы желалось.
Что? влюблены вы или нѣтъ?
Мечтаете ли ночью звѣздной?
Иль безъ любви, не зная свѣтъ,
Взросли вы барышней уѣздной?
И только надо, наконецъ,
Вамъ мужа—и безъ нѣжной страсти
Вы побредете подъ вѣнецъ,
Покорны папенькиной власти?
Гадали ль вы про жениховъ?
Что жъ вышло? Тотъ ли, сердцу близкій,
Или сосѣдъ, что любитъ псовъ,
Плечами дюжій, ростомъ низкій?
Да въ нашей грустной сторонѣ,
Скажите, что жъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать—женѣ,
А мужу—съ псами ѣздить въ полѣ?

Это писано дѣвицѣ Ѳоминой, съ которой я встрѣтился въ дилижансѣ; мы разстались, когда ей было года два или три, а мнѣ лѣтъ семь. Ну! я ей этихъ стиховъ не показалъ, да и не покажу, а напечатаю. Второй № [1]) имѣетъ два моихъ стихотворенія. Мѣшаютъ. Прощай, другъ мой Маша, обнимаю и цѣлую, и благословляю тебя. Будь счастлива. Прощай. Станю цѣлую. Всѣмъ кланяюсь. Будь же весела. Addio. Дней черезъ пять уѣду. Addio.— Всѣ тебѣ кланяются.

31.

Москва. Февраль.

Все еще Москва. Любовь къ ней, отвращеніе отъ поѣздки въ деревню и Плаутинскія дѣла меня держатъ до послѣ-завтра.

---

[1]) Т.-е. „Отеч. Записокъ".

Два письма отъ Маши лежать возлѣ меня. Одно она мнѣ приказываетъ разорвать. Не могу. Напротивъ, перечитываю, ищу, спрашиваю самъ себя: où en sommes nous donc?—и не могу рѣшить задачи, и не знаю выхода. Ты уже давно и часто говоришь, что между нами прошло столько бурь, что мы, ни тотъ, ни другой, не можемъ ихъ забыть; ты говоришь, что мнѣ хорошо и безъ тебя, что я отдалъ тебѣ клочокъ моего сердца, а ты хотѣла полной любви; наконецъ, ты говоришь, что ты уже теперь не ревнуешь, — и наконецъ, что въ твоемъ сердцѣ стремленія (dahin) ко мнѣ нѣтъ.—Où en sommes-nous donc?—Страшно!—Потомъ: ты страдаешь, сердце рвется — любить и жить полной жизнью. Я тоже страдаю, но моё сердце въ такомъ хаотическомъ состояніи, что я самъ ничего не разбираю въ немъ, несмотря на огромный даръ рефлексіи.—Où en sommes-nous donc?

Лѣта не выходъ; напрасно ты ждешь старости, чтобы успокоиться. Холодъ, тоска еще тяжеле, чѣмъ неудовлетворенное стремленіе; въ нихъ сожалѣніе и проклятіе на всю прошлую жизнь. А жить надо, а для жизни надо блаженство. Я, съ моей стороны, отъ него отказался, я ему не вѣрю. Было время, когда я вѣрилъ, что любовь и дружба крѣпко свяжутся въ моей жизни, что, силенъ ими, я пойду далеко, буду жить полно, много дѣлать и горячо любить каждое дѣло. Не клочки любви хотѣлъ я дѣлить, но полное, безконечное чувство любви хотѣлъ дать всѣмъ близкимъ, ждалъ гармоніи, а не ревности. Ну! да я отказываюсь отъ блаженства. У меня выходъ есть— in's Allgemeine! Боюсь, чтобъ онъ не былъ абстрактенъ, а если и будетъ абстрактенъ, все какъ-нибудь можно прожить и съ абстрактомъ. Любовь къ женщинѣ—самое лучшее чувство на землѣ. Любовь женщины даетъ полное блаженство. Да гдѣ же я найду? Да еще стану ли и искать-то? Ты смотришь на меня, какъ на человѣка, который по натурѣ хорошъ, „могъ бы озарить свѣтомъ сердце женщины", но который не можетъ дать отвѣта на всѣ твои потребности, не можетъ утолить этой жажды чего-то, чего ты сама не въ состояніи опредѣлить. Словомъ—я для тебя какое-то прошедшее, отъ котораго трудно тебѣ оторваться оттого, что es liegt was darin, къ которому ты даже часто чувствуешь влеченіе, человѣкъ, который тебѣ нуженъ, потому что все же даетъ отвѣтъ на что-нибудь. Любовь это или нѣтъ? Разбери сама. Я скажу тебѣ, что̀ такое: это любовь, но не та, которую обыкновенно понимаютъ подъ словомъ: amour,—не та страсть, гдѣ столько пылу, нѣжности и блаженства; но привязанность глубокая, сильная, нескончаемая. Ради Бога, не теряй ее, не думай обо мнѣ съ не-

навистью, прощай, ежели я въ чемъ виновенъ, но смотри на меня, какъ на друга, всегда любящаго, тепло и неизмѣнно. Это чувство даетъ отраду, силу жить дальше. Не знаю, найдешь ли ты когда блаженство, я отъ него отказываюсь. Но дать тебѣ блаженство, ей Богу, еслибъ это сію минуту стоило мнѣ жизни—я умеръ бы очень довольный. А какъ я дамъ тебѣ блаженство? Не знаю. Могу отдать тебѣ все, что̀ у меня есть въ душѣ, да ты этого не примешь; а чего во мнѣ нѣтъ—мнѣ и взять негдѣ. Еслибъ я могъ тебѣ проложить путь къ счастью,—сколько бы это мнѣ ни стоило, я сдѣлаю; могу жертвовать всѣмъ, кромѣ убѣжденій и привязанностей, могу жертвовать жизнью и моей личной честью.—Ну! а какъ знать, что̀ будетъ?—Италія, кажется, имѣетъ на тебя благодѣтельное вліяніе, чувство прекраснаго сильно говоритъ въ тебѣ. Маша! можетъ быть, въ насъ есть еще отголоски другъ другу!.. Есть или нѣтъ—ничего не могу понять; голова моя въ хаосѣ, въ душѣ столько чувствъ противоположныхъ... Одно знаю: все бы отдалъ, чтобъ возвратить, хотя на минуту, себѣ и тебѣ то чувство любви, съ которымъ намъ когда-то такъ хорошо было; а тамъ ужъ была не была, выноси Господь куда знаетъ.—Грустно, крѣпко крустно. Другъ мой, дай мнѣ руку. Можетъ быть, мы еще много нужны другъ для друга. Вѣдь все же нельзя прожить безъ женщины, которая, хотя не съ любовью, по крайней мѣрѣ, съ дружбой, съ участіемъ, съ сожалѣніемъ взглянетъ на тебя, а ты это, можетъ быть, можешь и сдѣлаешь.—Чортъ знаетъ, я расплакался, какъ ребенокъ. Что̀ слезы, другъ мой, и къ чему онѣ?—сожмись въ себѣ, да и живи крѣпко.—Не знаю, гдѣ ты, а не хотѣлось бы посылать письмо черезъ третьи руки.—Тучковъ писалъ, что уже давно выслалъ деньги, и потому ты вѣроятно уѣхала. Хотя бы пришло уже письмо ко мнѣ, пока я здѣсь. Я погожу посылать сегодня это письмо. Еще подумаю. Мое письмо не холодно, у меня на сердцѣ горько, а тепло,—и что̀ бы ни было—я благословляю тебя такъ же отъ души, какъ и прежде. Я скоро къ тебѣ буду. Буду спѣшить. Ты одна—безъ друга. Маша, я безхарактеренъ, но, право, кажется не столько, какъ всѣ думаютъ. Я могу быть другомъ, Маша, — больше, могу быть твоимъ ангеломъ-хранителемъ. Ты пишешь о моей склонности къ вину. Правда, можетъ быть, есть во мнѣ многое, что̀ мѣшаетъ мнѣ сдѣлать женщину счастливою мной самимъ. Я преданъ страстямъ и случаю. Я кажусь тихъ, а мнѣ безъ разгула жить невозможно. Иной разъ даже нѣтъ силъ противустоять желанію—растратить жизнь въ чемъ-нибудь буйномъ, въ безуміи, которому не было бы границъ. Добродѣ-

тели тутъ нѣтъ, морализмъ условный вытолкнетъ меня, какъ человѣка запятнаннаго; но есть ли тутъ дѣйствительно безнравственность—сомнѣваюсь. Тутъ есть свои гуманныя стороны. Да вѣдь и то — надо же куда-нибудь дѣвать себя. Трудъ—не могу свыкнуться съ трудомъ, не выдерживаю; постараюсь, но не знаю, слажу ли съ трудомъ. А жить-то все же хочется. Разгулъ—замѣна блаженству. Есть въ душѣ какой-то червякъ, который подъѣлъ всякую возможность блаженства. Ну! такъ и гуляй, буйная головушка! Жизнь пройдетъ судорожно. Умру — не пожалѣю о ней, да и не прокляну ее. Спасибо за то, что̀ было. Спасибо за мигъ любви, спасибо за опьяненіе, спасибо за великое чувство любви къ людямъ, которое неизмѣнно прошло по всей жизни.

Астраковъ умеръ полоумный. Жена его—разбитое одинокое существо. Вчера Душа Кобылина разсказывала мнѣ, что одна Ланская была лѣтъ 16-ти. У нея два брата; меньшого она крѣпко любила. Она играла съ нимъ, хотѣла его щекотать. Онъ бѣжалъ, она за нимъ. Онъ въ свою комнату и бросился на постель. Она схватила пистолетъ со стола и, играя, выстрѣлила. Братъ не вздохнулъ уже ни разу. Она хотѣла броситься въ колодезь. Ее удержали. Она была въ сумасшествіи, которое разрѣшилось въ тихую грусть. Къ старшему брату ходилъ молодой человѣкъ. Она въ него влюбилась. Онъ въ нее. Женились — два мѣсяца полнаго счастья. Братъ ея и мужъ отправляются на охоту. Братъ нечаянно убилъ мужа изъ ружья. Она осталась беременна и съ тѣхъ поръ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова. Случилось это мѣсяца полтора тому назадъ.—Хорошо жить на свѣтѣ, Маша?—Нѣтъ, ей Богу, не пожалѣю о жизни. Жизнь—рядъ случайностей безъ смысла, и только.

Однако, когда въ человѣкѣ есть содержаніе, жизнь бы не должна быть рядомъ случайностей. Что̀ жъ наша жизнь? Наша встрѣча? наша любовь? наши раздоры? Неужли случайности? Или все было необходимымъ слѣдствіемъ развитія нашихъ натуръ? Чортъ знаетъ!—Das Grübeln, Гамлетовскій элементъ—мучитъ меня, не наполняя душу и ничему не помогая. Зачѣмъ же у меня-то такая безплодность? Въ душѣ столько страсти и любви—а жизнь ни къ чорту. Не знаю, понятна ли тебѣ вся горечь, которая меня томитъ. Но знаю, что еслибъ я могъ тебѣ сказать: я страдаю, и ты бы взяла меня за руку и сказала бы мнѣ: мнѣ тебя жаль—легче было бы.

Что я не удовлетворяю всѣмъ потребностямъ твоей души—это мнѣ не оскорбительно. Это фактъ—и только. Это горько, но

все же я знаю, что я тебѣ нуженъ, что часто я могу облегчить тебѣ страданія теплымъ участіемъ. Теплѣе ты едва ли найдешь въ комъ-нибудь участія. Галаховъ человѣкъ съ нѣжной душой, ну, а я все-таки больше къ тебѣ привязанъ. Одно меня оскорбило въ твоемъ письмѣ—это твое влеченіе къ Листу и Каткову. Правда, они много имѣютъ сходства. Но неужели только эти внѣшнія, не проникнутыя никакой любовью натуры тебѣ и нравятся? Болотные огоньки это, Маша. Бѣжать за ними надо по безплодной почвѣ, и только для того, чтобъ увѣриться, что они не существуютъ. Мнѣ прежде казалось, что Катковъ можетъ любить; въ этомъ я долженъ былъ разувѣриться. Поклонился я ему оттого, что нельзя у него отнять по крайней мѣрѣ внѣшняго благородства; а что жъ съ этимъ дѣлать, что въ немъ много сквернаго, и во мнѣ много сквернаго. А въ Листѣ я ни на минуту не сомнѣвался—это блестящій человѣкъ снаружи, но безъ всякой человѣческой внутренности.

Ты пренебрегла моими друзьями; мнѣ антипатичны тѣ, которыхъ ты любишь. А все же ты иногда стремишься ко мнѣ и требуешь меня—иначе тебѣ горько. Зови, Маша, когда хочешь, я твой. Нуженъ — явлюсь. Надо тебя успокоить — успокою съ любовью, какъ умѣю, но всегда съ любовью. Не нуженъ — стремись, куда влечетъ тебя желаніе. Издали буду смотрѣть на тебя и прибѣгу, какъ скоро ты закричишь:—нуженъ!

Я усталъ отъ моего письма. Нѣсколько дней не могъ рѣшиться писать и удалялъ отъ себя минуту, въ которую надо было раскрыть всѣ раны сердца. Теперь все, отъ чего такъ пусто, больно, горько жить на свѣтѣ, вдругъ расшевелилось, и просто даже тѣло ослабѣло! Прощай! Письмо отправлю завтра — и потому еще успѣю написать листокъ. Можетъ, скажу что-нибудь по-отраднѣе.

Я помню робкія желанья,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанья,
Я помню слезы и любовь.

Шло время. Ласки были рѣже,
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣ же
Желанья съ прежнею тоской.

Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ просило вновь,
И новыхъ ласкъ, и вдохновеній,
Просило новую любовь.

Пришла пора, прошло желанье,
И въ сердцѣ стало холоднò,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

32 [1]).

24 февраля.

Я все еще въ Москвѣ. Дѣло Плаутинское все еще не кончено. Сегодня или завтра кончится.

Долго я не рѣшался послать тебѣ, другъ мой, письма, уже давно написаннаго. Въ немъ такой хаосъ любви, тоски и слабости, что рѣшительно можно сказать: вотъ это какъ бредитъ человѣкъ! Но я посылаю. Я хочу, чтобъ ты знала, что и я все же не изъ тѣхъ людей, которые отдѣлываются отъ страданій стишками, да и все тутъ. Я хотѣлъ, чтобъ ты знала, что я страдаю глубоко. Твои письма одни за другими бросали меня въ страхъ за тебя, за твою будущность. За себя я не боюсь; въ самомъ дѣлѣ, „das Allgemeine ist genug allgemein", чтобъ занять цѣлое существованіе человѣка! Ты же вѣдь въ самомъ-то дѣлѣ не устоишь въ любви къ общему. У тебя свои личныя, неопредѣленныя, часто неистинныя потребности возьмутъ верхъ надо всѣмъ. Письма, что я получилъ третьяго дня,—я отдалъ читать Галахову. Мнѣ надо было дружеское участіе, и я его въ самомъ дѣлѣ нашелъ въ этой нѣжной и благородной душѣ. — Мы были мирны, близки съ тобой въ Неаполѣ — но тебѣ было скучно, ты тосковала. Теперь меня нѣтъ, ты стремишься ко мнѣ, ты жаждешь, чтобъ я возвратился, долгая разлука тебя пугаетъ. Но, читая твое письмо, мнѣ стало тяжело. Да полно, ко мнѣ ли это стремленіе? Не есть ли это стремленіе къ чему-нибудь, чтò бъ увлекало, прельщало, овладѣло всѣмъ твоимъ существованіемъ? А я? Да когда же (развѣ давнымъ-давно) я былъ тѣмъ человѣкомъ, который тебя увлекаетъ?—Мнѣ хочется вернуться къ тебѣ; я тебя люблю: отвѣчаешь ли ты мнѣ, что я тотъ человѣкъ, которому ты предашься, котораго голосъ тебѣ будетъ голосомъ истины? Чтò ни говори, другъ мой, внутренній опытъ все же довольно мнѣ раскрылъ глаза и на вещи, и на людей, что можно иногда со мной и согласиться! Маша! ты хочешь, чтобъ я жертвовалъ тебѣ всѣмъ, подъ-часъ убѣжденіями, всегда друзьями, иногда впадалъ бы въ смѣшное (le ridicule); ну, тогда ты, можетъ быть, на нѣкоторое время не стала бы

[1]) Продолженіе того же письма.

тосковать. А знаешь, чтò такое эта жертва? это не жертва, а подчиненіе. А подчиненіе мужа всегда смѣшно, и ты за него же взглянешь со временемъ на меня съ презрѣніемъ. Если ты любишь меня, стремишься ко мнѣ—ну! и отдайся мнѣ. Повѣрь, что у меня довольно любви, чтобъ дать тебѣ покой и счастье. Не обладаніе нужно въ супружествѣ, но внутренняя связь. Каждому свобода въ извѣстной сферѣ. Любовь мужчины и женщины исключительна для самой себя; она не терпитъ такой же любви къ другимъ; но она даетъ жить свободно всякому человѣческому чувству. Отдайся мнѣ — я не стану мѣшать ни твоей склонности къ свѣту и его забавамъ (только бы ты не ставила меня въ свѣтѣ въ ложное положеніе), да и ты не мѣшай мнѣ любить то и тѣхъ, чтò и кто важны въ моемъ существованіи. Не старайся разбивать святыни моей души, а вмѣстѣ со мною пойдемъ съ любовью къ единой истинѣ, по одному человѣческому направленію. Чортъ возьми! Не одна же малодушная тоска живетъ во мнѣ, но и всѣ свѣтлыя гуманныя чувства. Мы можемъ быть счастливы. Иди за мной! Я вернусь къ тебѣ какъ можно скорѣе. Мой отпускъ — почти несомнѣненъ. Неаполь, можетъ быть, пріучилъ тебя любить изящное, жить съ природой. Я тебя глубже введу въ этотъ міръ. Тутъ тебѣ раскроется многое, чтò ты не хотѣла знать; прояснится многое, въ чемъ ты ошибалась.—Неужели, Маша, это бредни—и мы сойдемся—и ты опять будешь стремиться (—не ко мнѣ—), тосковать, я буду видѣть, что ты страдаешь, самъ буду страдать, и все безвыходно, и потомъ играть роль невольника твоей тоски, твоихъ желаній,—и такъ мы оба промучимся, охладѣемъ наконецъ другъ къ другу или расторгнемся съ горькимъ чувствомъ вражды непримиримой?— Маша! подумай — эта будущность ужасна. А если ты не свыкнешься со мной, не отдашься мнѣ, если твое желаніе будетъ идти въ сторону—ты дойдешь до такого конца и выкинешь изъ своей жизни отношеніе ко мнѣ, лучшее отношеніе изъ всей твоей жизни. Я—истина для тебя, потому что я менѣе люблю свою личность, а болѣе то, чтò называется человѣческимъ, т.-е. божьимъ. Со мной ты пойдешь ко всему, чтò прекрасно, а безъ меня ты пропала, ты пойдешь изъ одного личнаго отношенія къ другому, изъ одного каприза въ другой; а я-то выйду (скрѣпя сердце) in's Allgemeine—и уживусь. Ты должна быть со мной и идти со мной. Нашъ союзъ можетъ быть просвѣтленъ высокой любовью къ истинному и прекрасному. Во мнѣ эта любовь никогда не пропадетъ, а въ тебѣ безъ меня пропадетъ, затеряется въ личныхъ, ничѣмъ непросвѣтленныхъ отношеніяхъ.

Итакъ, за мной и со мной! Съ обѣихъ сторонъ свобода разумная и союзъ внутренній. Опять намъ будетъ данъ миръ души, и блаженство возвратится. Такъ, что-ли?

Это письмо обдумано, но не холодно. Съ живымъ участіемъ къ тебѣ я писалъ его. Жду на него въ отвѣтъ—живого участія ко мнѣ.

Теперь обнимемся, какъ два любящія существа. Да благословитъ тебя Богъ. Еще мы будемъ счастливы. Прощай! Поцѣлуй и скорое свиданіе.

P.-S. Пишу въ Парижъ, потому что ты 23-го хотѣла туда выѣхать. Посовѣтуйся съ Margolin. Елагина пишетъ о тебѣ Тургеневу. Тучковъ уже давно послалъ деньги. Странно, что ты не получила.

Кланяйся всѣмъ.

Addio!

Если же твое желаніе необходимо пойдетъ въ сторону, и мы добьемся до образа жизни подъ заглавіемъ: un arrangement de ménage... Боже мой! какой пошлый конецъ прекрасно-начатой любви.

33.

Марта 21. Пенза.

Я уже давно думалъ быть на пути въ Европу; а между тѣмъ ничуть не бывало,—благодаря дѣйствіямъ Тихомолова, сижу въ г. Пензѣ. Огромный убытокъ грозилъ мнѣ, и насилу Тучковъ отвратилъ это. Надѣюсь завтра отсюда выѣхать въ Европу. Галаховъ мнѣ твоихъ писемъ не присылалъ сюда. Можетъ, и ты путешествуешь, и оттого не пишешь. Можетъ, ты въ большой столицѣ и тебѣ весело. А я здѣсь проѣхалъ мимо большого дома, гдѣ наверху полукруглое окошечко, воздухъ былъ весенній,—славное время пришло на память. Всѣ эти воспоминанія мучительно тревожатъ. Я ихъ люблю и не знаю, куда я выхожу, начавъ такъ прекрасно. Я люблю этотъ городъ за все то, что̀ онъ мнѣ далъ. Часто я думаю: съ какой точки смотрѣть на былое? любоваться ли имъ, какъ чѣмъ-то законченнымъ, и вести жизнь отъ него независимо? Или это былое имѣетъ въ себѣ довольно силы, чтобъ никогда не закончиться, вѣчно и хорошо живъ...

25 марта. С. Акшено [1].

Мих. М. Устиновъ помѣшалъ, и вскорѣ цѣлый день былъ ...е разобранъ. Вечеромъ мы уѣхали къ Тучкову, гдѣ я прожилъ

---

[1]) С. Старое-Акшено—пензенское имѣніе Огарева.

дня полтора [1]). Дорога, этотъ форсированный маршъ чортъ знаетъ съ какого времени, разстроили меня; я не хотѣлъ больной оставаться у Тучкова и поѣхалъ въ Акшено, гдѣ и теперь не выхожу изъ комнаты. Григорій меня лечитъ, а Носовъ за мной ходитъ. Больше я никого не вижу. Болѣзнь моя, разумѣется, не важна, и я бы поѣхалъ и больной, еслибъ можно было ѣхать; полная распутица, по дорогамъ рѣки, а рѣкъ нельзя переѣхать. Досадно. Одиночество совсѣмъ не встати. Можетъ быть, я тебѣ нуженъ, Маша, и хотѣлъ бы летѣть къ тебѣ со всей поспѣшностью преданности; а между тѣмъ осужденъ пробыть здѣсь недѣли 2 или 2½. И ни одного слова отъ тебя. Конечно, Галаховъ не могъ думать, что, заботясь о томъ, чтобы не было убытка тысячъ въ 75, а только въ 5,—я останусь дольше; я всего на все хотѣлъ пробыть двѣ недѣли, а вотъ ужъ 3-я, какъ не могу выбраться. Люди здѣсь нестерпимы. Я открылъ, что Маршевъ плутъ и поступилъ со мной подло; какъ скоро докажу это, то выгоню его вонъ. Мнѣ лучше, когда я одинъ. По крайней мѣрѣ, могу читать, писать, думать. Пенза, Чертково и наконецъ этотъ домъ мнѣ напоминаютъ тебя, и такъ тяжело становится [2]). Куда же вся эта жизнь выйдетъ? О, лишь бы ты была счастлива! Вотъ когда я пріѣду къ тебѣ—конечно, мы бросимся другъ другу на шею—вѣдь мы не можемъ не любить другъ друга. За что же?— Ты мнѣ скажи: могу ли я сдѣлать тебя счастливою? Мой образъ жизни, мыслей, мои надежды, мои занятія могутъ ли быть тобой уважены, можешь ли ты идти за мной? Или я только тебѣ мѣшаю жить? Если я нуженъ тебѣ — я не разстаюсь съ тобой, а со всею возможной для меня силою стану приводить наши существованія въ гармонію. Если я лишній — я ѣду на Кавказъ, шашка пробьетъ мнѣ путь къ дѣятельности, которой я еще никогда не испыталъ, но которую жажду. Странно! я желаю войны; мнѣ кажется, это поприще будетъ мое. Но если я тебѣ нуженъ, обними меня, Маша, — я отказываюсь отъ всякаго поприща, и пусть жизнь идетъ тихо; но и ты тогда дашь мнѣ жизнь тихую, чтобъ и я могъ быть съ тобой счастливъ, чтобъ мы оба могли развиться человѣчески.

Живу я здѣсь въ комнатѣ, бывшей моимъ кабинетомъ. Въ залѣ твои рукодѣльницы, а остальная половина дома заперта изъ

---

[1]) А. А. Тучковъ былъ сосѣдомъ Огарева по пензенскому имѣнію и въ эти годы много помогалъ ему по хозяйству; позднѣе Огаревъ, какъ извѣстно, женился на его дочери.

[2]) Въ Пензѣ Огаревъ узналъ и полюбилъ Марію Львовну, въ Чертковѣ—провелъ первые мѣсяцы супружества.

экономіи дровъ. Правда, еще папенькинъ кабинетъ, въ которомъ бильярдъ. Кстати я взялъ у Грановскаго книгу, а то бы и читать было нечего. Тружусь надъ Пушкинымъ, котораго также захватилъ нѣсколько книгъ [1]). Самъ пишу. Есть минуты страннаго спокойствія, свѣта души. Фантазія работаетъ, и я въ какомъ-то блаженномъ полу-снѣ. Есть минуты свѣтлой мысли. А тамъ вдругъ скука несносная. Первый день у меня былъ жаръ, и я не выходилъ изъ комнаты; но теперь я хожу и въ часъ скуки играю съ Носовымъ на бильярдѣ. Завелся гитарой. Кой-какъ добью двѣ недѣли. Вчера забрелъ въ нетопленную половину посмотрѣть комнату отца и нашу. Возвратись, блаженное время! Нѣтъ! Аминь! уже пропѣли вѣчную память.

У Тучкова мнѣ было хорошо. Славный человѣкъ. Его дружба мнѣ отрадна. Какъ онъ хлопоталъ о моихъ дѣлахъ и самъ чуть не занемогъ. У него гувернантка славная дѣвица, я у нихъ провелъ время en bonne causerie. Но нездоровье и потребность одиночества выгнали меня. А ѣхать далѣе опасно; чортъ возьми, не думалъ же я такъ долго пробыть на родинѣ. А какъ теперь хочется въ Италію!—Мы поживемъ въ Римѣ, не правда ли? Съѣздимъ въ Палерму? Съѣздимъ во Флоренцію? Боже! сердце бьется, какъ вздумаю, сколько наслажденій ожидаетъ. Но, можетъ, вихрь иной жизни увлечетъ тебя, и Италія совсѣмъ тебѣ будетъ не нужна, а меня влечетъ въ страну искусствъ и вдохновенія. Неужели наши желанія розны?—ну, полно объ этомъ. Kommt Zeit, kommt Rath.

Въ Пензѣ видѣлъ всѣхъ [2]). Тѣ же лица:

Но въ нихъ не видно перемѣны—
Все въ нихъ на прежній образецъ;
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ... etc.

Лиз. Григ. опять похорошѣла. Лиза замужемъ и глупа. Аплечеевъ сплетничаетъ и обижается. Ал. Дм. бросаетъ односторонній взглядъ. Ив. Ник. остритъ и играетъ въ вистъ. Дядя все тотъ же, очень насъ любитъ. Слышалъ у него квартетъ Мендельсона. С. Н. скучнѣй, чѣмъ когда-нибудь. М. А. къ тебѣ написалъ письмо. Авд. Петр. Аб. все та же безподобная старушка. Опять всѣхъ лечитъ Лашков. и смотритъ козломъ. Баловъ нѣтъ, барышенъ нѣтъ. Пенза провинціальнѣй, чѣмъ

[1]) Огаревъ переводилъ тогда Пушкина на франц. и нѣм. яз.

[2]) Т.-е. родныхъ Маріи Львовны, семью ея дяди, мѣстнаго губернатора Панчулидзева.

когда-нибудь. Jacques все даетъ обѣды. Дмитрій все такъ же непроходимъ. Въ твоей свѣтелкѣ наверху никто не живетъ и нѣтъ свѣчки у полукруглаго окна по вечерамъ; въ нашемъ домѣ никого нѣтъ. Пусто, все пусто и грустно. И жизнь пуста и грустна. Прощай, Маша! Спѣшу отправить на почту. Съ утра подморозило, можно доѣхать въ Саранскъ, не утонувъ.

Und die alten Bilder kehren wieder,
Doch die Zeit, die kehret nicht zurück!..

Addio! Поцѣлуй меня. Богъ благослови тебя.

Im Geisterhauche tönt's mir zurück:
Dort, wo du nicht bist—ist das Glück...

Музыки бы надо и слезъ. Ни того, ни другого нѣтъ.

34.

31 марта. Акшено.

Завтра твои имянины, Маша, а я не съ тобой и не знаю, гдѣ ты, и ни строки отъ тебя не имѣю. Сильно проснулось желаніе тебя видѣть, обнять тебя. А между тѣмъ я сижу на мѣстѣ, въ деревнѣ; здоровье мое поправляется; кажется, полетѣлъ бы отсюда, а между тѣмъ говорятъ, что опасно; опасно утонуть, опасно заболѣть снова. Глупыя дѣла все надѣлали; я этого простить не могу Вас. Михайл. Ужъ хотя бы въ Москвѣ хворалъ! Но ты не очень безпокойся о моемъ недугѣ; какъ видишь, я пишу, и довольно четко, слѣд. не слабъ; даже въ полдень выхожу на балконъ. Солнце грѣетъ. Снѣгъ таетъ понемногу. Весной пахнетъ. Мнѣ весной всегда грустно. Весна мнѣ напоминаетъ другую весну, давно прошедшую, лучшую изъ всей моей жизни,—ты ее знаешь. Зачѣмъ та весна не продолжалась цѣлый вѣкъ! Я бы не усталъ съ такого однообразія. Маша, Маша! поцѣлуй меня и возьми слезу, которая невольно вырывается. Сердце сжато и пусто. Въ немъ схоронено что-то, чтò прежде жило роскошно. Мнѣ страшно становится жить на свѣтѣ. Я чувствую, что ты никогда не примешь счастья, которое я могу тебѣ дать, и я не буду счастливъ. А между тѣмъ еще душа просится къ тебѣ, между тѣмъ положить голову къ тебѣ на плечо былъ бы отдыхъ. Завтра твои имянины! Ты въ этотъ день у насъ обѣдала, на тебѣ было бѣлое шолковое платье съ клѣточками, ты надѣвала его въ первый разъ. Мой отецъ былъ ласковъ, а намъ было неловко. Послѣ мы были одни, и намъ хорошо было.—

1-е апрѣля! А жизнь-то вся—1-е апрѣля. Здѣсь я одинъ — und grüble—по обыкновенію. Ухожу самъ въ себя, выкопаю все, чтò во мнѣ дурного—

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью...

Странное существованіе! я старъ и молодъ. Мучитъ жажда наслажденія, а я не вѣрю въ его возможность. Желаешь, стремишься — достигнешь, и все пропало, и нѣтъ наслажденія. Все надоѣдаетъ, какъ игрушки избалованному ребенку. Давай новыхъ! а съ новыми та же скука. Когда же все это кончится! Хорошо Богъ устроилъ, что мы живемъ не вѣчно.

Вчера мнѣ пришелъ въ голову неапольскій мотивъ [1])...

Вотъ Pasquarillo бѣжитъ по Chiai'ѣ; вотъ букетъ цвѣтовъ, лаззарони оборванный; солнце жаркое, море, Капри — и опять хочется въ Италію. Признаюсь, мнѣ больше никуда и не хочется; шумъ моря и шумъ толпы и какое-то раздолье жизни—этого не дастъ мнѣ туманная Германія. Она мнѣ наскучила, и Акшено мнѣ немного надоѣло, хотя я здѣсь по крайней мѣрѣ много работаю.—Перевелъ „Донъ-Жуана" Пушкина всего. Читаю.—Надо какъ-нибудь занять время,—я же почти ничего не ѣмъ и почти ничего не сплю; но странно—почти не похудѣлъ, все тотъ же румянецъ невинности и вдобавокъ усы, которые быстро идутъ въ походъ.

1 апрѣля.

Тутъ я вчера кончилъ, потому что надо было написать къ Тучкову. А тамъ я заснулъ. Давно я такъ хорошо не спалъ. Я думалъ видѣть тебя во снѣ, какъ то часто случается, но нѣтъ, спалъ какъ убитый.—Ну! поздравляю тебя. Вотъ тебѣ поцѣлуй. Какъ проведешь ты этотъ день? Какъ я приду тебѣ на память? Ничего не знаю, давно ничего не знаю и не понимаю. Все въ головѣ смутно... Ну! да полно хандрить. Ты, чай, въ шумной столицѣ проведешь день весело. Кого ты видѣла, кого ты видаешь? Кто и чтò успѣли занять твое воображеніе?—Я знаю, какъ я проведу мой день — такъ, какъ вчера проводилъ, т.-е. читалъ, писалъ, лежалъ, ходилъ, etc.,—etc.,—однообразно.

Правда, есть въ этомъ однообразіи разныя фантазіи, которыя позволяютъ не умереть со скуки. А потомъ въ пять дней привыкнешь ко всякому образу жизни.—Къ несчастію, я думалъ въ

[1]) Въ оригиналѣ приложены и ноты.

двѣ недѣли кончить всѣ дѣла и теперь быть уже по крайней мѣрѣ въ Таурогенѣ; но судьба опредѣлила иначе; а книгъ-то я съ собой почти не захватилъ. Одна только и есть: „Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1496 bis 1535, Ranke". Книга хорошая, но не вѣчная, и потому я ее скоро кончу. Распечатывать ящикъ, который у Тучкова, не хочется, потому что все же дней черезъ восемь надо бы уѣхать. Тучковъ мнѣ прислалъ романъ... [1]),—который я уже проглотилъ.—Сегодня велѣлъ служить обѣдню, хотя самъ и не могу итти (на чтò ты, вѣроятно, не разсердишься) и распустилъ твоихъ рукодѣльницъ, придравшись къ твоимъ имянинамъ, а собственно потому, что ихъ трескотня меня утомила и что я могу безъ нихъ пройтись по залѣ. День твоихъ имянинъ значитъ что-нибудь для меня, а не для другихъ. А для меня онъ много значитъ. Этотъ день ярко обозначаетъ каждую эпоху нашей жизни. Главное—надо устроить нашу жизнь во что бы то ни стало. Мы не должны затеряться въ тоскѣ безплодной, а тѣмъ менѣе разрозниться. Да, Маша—я чувствую, что у меня достаточно любви, чтобъ устроить твою жизнь нераздѣльно съ моею. Я вѣрю въ возможность этого—и, можетъ быть, мы еще будемъ много счастливы. Лишь бы и ты того же хотѣла. Мы выбросимъ изъ головы, что каждый изъ насъ долженъ брать все, а давать ничего. До сихъ поръ мы въ этомъ много грѣшили. Не надо мѣшать жить другъ другу, но всегда стремиться жить одною жизнію. Тутъ все дѣло въ любви; при любви нельзя жить разными жизнями. Находить на всякое чувство отголосокъ другъ въ другѣ, безпрестанно гáрмонизировать—о! блаженство, блаженство, гдѣ ты?

Ты теперь, я думаю, поешь порядочно. Ты мнѣ будешь пѣть, когда я пріѣду? Чтò жъ ты будешь пѣть? Неапольскій мотивъ будешь пѣть?—Мой баритонъ часто звучитъ въ пустынѣ. Носовъ его слушаетъ, но я не думаю, чтобъ онъ имъ наслаждался.

Чтò Сталинька? Cet enfant me pèse comme un remords. Никогда бы я не долженъ былъ соглашаться на твою страсть воспитывать. Да вѣдь кто жъ съ тобой сладитъ!

Ну,—поцѣлуй меня, Маша, въ день имянинъ. Грустно мнѣ, ей Богу! При всѣхъ занятіяхъ такая пустота въ сердцѣ, что я иногда думаю, что съ ума схожу.

Прощай, Маша, не забывай меня.

Скоро и я поѣду; можетъ, слѣдующее письмо напишу изъ Москвы, какъ предвѣстника моей особы.

---

[1]) Неразборчиво.

Addio—обнимаю и благословляю тебя.
Toujours à toi.

35.

Апрѣля 8-го с. с.

Судьба меня преслѣдуетъ. Только-что оправился и черезъ нѣсколько дней надо бы ѣхать — какъ опять снѣгъ, морозъ и вьюги. Озими пропадаютъ. Крестьяне въ уныніи. Едва ли что-нибудь у насъ будетъ на будущій годъ. Нынче заводъ далъ пять тысячъ руб. барыша, и то хорошо—нѣтъ убытку. Дѣла скверны, здоровье скверно, на душѣ тяжело. Скверная жизнь! И скучно. Въ четырехъ стѣнахъ почти безвыходно, потому что въ остальныхъ комнатахъ стужа. По дорогамъ проѣзду нѣтъ. Вотъ мое положеніе. Моя внутренняя полнота и нѣкоторое спокойствіе духа, которое я рѣдко теряю, начинаютъ оставлять меня. Я внутренно бѣшусь, и только. Отъ тебя ни строки. Изъ Москвы ни отъ кого ни строки. Кажется, все, что̀ я люблю, меня забыло. Да гдѣ же ты наконецъ, Маша? хотя бы изъ жалости кто-нибудь сказалъ. —Сегодня получаю отъ Тучкова извѣстіе, что тетушка Ольга Пашкова умерла. Еще лучше. Зачѣмъ же не Егор. Ив.? Зачѣмъ милое созданіе должно уступить мѣсто этому циклопу? Зачѣмъ жизнь должна была пройти въ страданіяхъ и остановиться на сороковомъ году? Это просто сѐрдитъ. — А можетъ, оно такъ лучше. Можетъ быть, доживъ до сорока лѣтъ, я и самъ захочу умереть. Вѣдь большой отрады и въ жизни нѣтъ. Счастье? гдѣ оно? — Любовь? — проходитъ. Заботы житейскія скучны. Что̀ остается? Міръ фантазіи? Да и это не удовлетворяетъ. Человѣкъ реалитетъ и хочетъ реалитета. Да къ чему же все это дано, эта жажда истины, эта жажда любви и блаженства? Или желаніе само себѣ награда? Нѣтъ! покорнѣйшій слуга. Дайте мнѣ прекрасную дѣйствительность. Блаженство въ фантазіи—это безотчетная грусть, стремленіе сладостное, а потомъ тоска. Нѣтъ! въ извѣстный возрастъ это глупо и надоѣдаетъ. Дайте мнѣ блаженство въ дѣйствительности, или выкиньте меня вонъ изъ этого міра, гдѣ я лишній и безполезный. Да кто же дастъ блаженство? Маша! ты?—Это было въ твоей волѣ. —Я не могу вспомнить [т]ои письма, которыя я получилъ въ Москвѣ. Никогда я не [и]спыталъ столько безумно-горькихъ минутъ. Разъ я проснулся съ энергіей человѣка писалъ къ тебѣ. Да выдержу ли я эту [эн]ергію? Создамъ ли я самъ твое и свое счастье? Мой орга[ни]змъ такъ разстроенъ на эту минуту, что, мнѣ кажется, я никогда не соберу довольно силъ душевныхъ, чтобъ быть энерги-

5*

ческимъ человѣкомъ. Какъ ребенка надо меня ласкать и тѣшить—можетъ, я тогда только буду доволенъ. Но я отталкиваю отъ себя это эгоистическое, страдальческое положеніе, гдѣ—man lässt sich lieben — вмѣстѣ съ тѣмъ, и beherrschen. Нѣтъ! хочу воли и силы. Ужъ если не отвяжусь отъ эгоизма, такъ пусть же мой эгоизмъ будетъ активенъ. А между тѣмъ, написалъ страницу, и усталъ, насилу сижу. Впрочемъ, это слабость послѣ болѣзни. Придетъ весна, придутъ силы. Посмотримъ, судьба! кто кого?

Мои письма не утѣшительны. Да откуда же я возьму утѣшеніе, когда его во мнѣ нѣтъ? Вѣра въ будущность спокойную, блаженную исчезла. Что это: опытъ или тоска больного воображенія? Что бы ни было, отъ этого не легче, что узнаешь, какъ и отчего. Сильнѣй всего одно: какое-то упованіе вырвано изъ сердца, и въ сердцѣ пусто. Желаніе томитъ, не удовлетворяя. Нѣтъ! просто мнѣ бы сегодня не надо брать пера въ руки. Я слишкомъ разстроенъ слабостью моего тѣла, и несмотря на солнце, которое наконецъ вздумало выглянуть, ничто не представляется въ свѣтломъ видѣ. Развѣ смѣяться? но—

. судорожный смѣхъ
Не заглушаетъ тайнаго мученья...

Ты знаешь ли, что я не могу рѣшиться писать мои стихи къ тебѣ въ письмахъ? Ты скажешь: напишетъ стишки, да и спокоенъ. Обидно мнѣ было это читать. Стало быть, стихи-то отъ спокойствія душевнаго идутъ! Куда хорошо, если бъ это было въ самомъ дѣлѣ! И что жъ, наконецъ,—выкинуть изъ жизни искусство—la seule planche de salut?—Merci! Я еще жить хочу! Какъ бы ни жить, да жить. Мнѣ жаль, что я не музыкантъ. Была ошибка въ дѣтствѣ, что я не захотѣлъ учиться. Музыка мнѣ отраднѣй поэзіи. И потомъ она исключительнѣе; въ нее можно уйти и отъ себя, и отъ людей.

Прости мнѣ, что я пишу, можетъ быть, жестко и горько. Какъ быть? Пишу въ минуту какого-то невыносимаго душевнаго разстройства, а пишу оттого, что почта. Обними меня и не сердись. Изорви письмо, коли хочешь. Ну! дай ручку и поцѣлуй меня. Ей Богу, не хотѣлось бы тебя тревожить. Да самъ не знаю, куда дѣться.—Вчера цѣлый день читалъ Вал. Скотта. Сегодня тоже стану. Да когда жъ я вырвусь отсюда? Чортъ возьми. Досадно!

Слышала ли ты Рубини? Видно, я его не услышу. Онъ Богъ вѣсть куда уѣдетъ.—Какъ мнѣ хотѣлось встрѣтить весну на Рейнѣ!

А придется встрѣтить ее около Берлина, т. е. въ такомъ же скверномъ климатѣ, какъ теперь въ с. Старомъ-Акшенѣ. Какъ мнѣ здѣсь все надоѣло! И моя комната, съ глупымъ каминомъ, который я топлю два раза въ день и съ трудомъ поддерживаю тепло; и эти попы и дворня по воскресеньямъ; и управитель, который хотя и хорошій человѣкъ, но приходъ его возбуждаетъ во мнѣ ненависть и отвращеніе; и I. I. Маршевъ, который удостоиваетъ меня визитомъ черезъ день, какъ лихорадка. Я съ его женой крестилъ у Носова дочь—Марію, рожденную 1-го апрѣля. M-me Marcheff ходитъ въ припрыжку, носитъ черные зубы и бѣлокурые волосы, цвѣтъ лица крупичатый съ розовымъ блескомъ на щекахъ (что̀ по-русски называется „кровь съ молокомъ"). Говорятъ, она очень любитъ литературу. Но она меня очень боится, и потому я имѣю удовольствіе ее почти не видѣть, а видѣвши, почти ни слова не говорить.—Репаманти собирался ко мнѣ пріѣхать, но я прошу Григорія Хар. увѣрить его, что я слишкомъ боленъ, чтобъ принять его, и что проѣзду нѣтъ. M-me Véschniakoff почтила меня письмомъ, въ которомъ просила 1.000 руб. сер. взаймы для воспитанія своего балбеса, и въ случаѣ моего согласія обѣщала прислать мужа ко мнѣ съ визитомъ. Послѣднее обѣщаніе уже достаточно было для моего несогласія. Теперь вѣроятно мы въ непримиримой враждѣ съ Вешняковыми. Вопреки пословицѣ я нахожу, что добрая брань лучше худого мира.—Къ Чулкову я убоялся послать сказать о томъ, что лежу на диванѣ въ кабинетѣ моего радклифскаго за̀мка въ с. Стар.-Акш. и читаю сиръ В. Скотта. Они бы не поняли, что не надо мѣшать человѣку читать С. В. Скотта, и можетъ быть толстый Чулковъ, полагая пользу въ движеніи отъ Смалькова до Акшена для своего здоровья,—притащился бы. Что касается до самой Александры Николаевны—ты хотя и возымѣла къ ней нѣкотораго рода нѣжность, но, вѣроятно, и у тебя это чувство миновалось. Такъ все проходитъ на свѣтѣ, и я пою Requiem aeternam моей небывалой дружбѣ къ моей сытой сосѣдкѣ.

Тучковъ мнѣ показываетъ дѣятельную и дѣйствительную дружбу. Это меня утѣшаетъ. По крайней мѣрѣ, знаю, что за 40 верстъ есть человѣкъ, котораго я люблю и который меня любитъ.

Зачѣмъ у меня въ нравѣ нѣтъ суровости? Какая-то бабья потребность нѣжности, которая меня губитъ. Прости это выраженіе. Но то, что̀ я люблю въ женщинѣ, мнѣ въ самомъ себѣ досадно, потому что переходитъ въ какое-то прекраснодушіе и безсмысленную слабость.

Чтò же еще сказать тебѣ? Скажу, что если ты съ нетерпѣніемъ ждешь моего пріѣзда, то я съ равнымъ нетерпѣніемъ жду моего отъѣзда. Я не могу жить безъ ласки. Мнѣ тебя надо. Какъ ты меня примешь? Есть ли у тебя стремленіе ко мнѣ, или въ самомъ дѣлѣ твое письмо говоритъ правду: нѣтъ стремленія? Рѣши вопросъ.—Но нѣтъ! будетъ о томъ письмѣ. Можетъ быть, ты была нервически разстроена. Человѣкъ не въ силахъ бороться съ своимъ организмомъ, хотя такая слабость и приравниваетъ его къ низшимъ тварямъ въ цѣпи существъ. Да вѣдь мы въ этомъ не виноваты.

А есть сила духа. Есть что-то повыше животнаго потворства минутнымъ впечатлѣніямъ и страстямъ. Да надо къ этому благопріятныя обстоятельства. Человѣкъ, который выше обстоятельствъ,—великій человѣкъ. Я—не великій человѣкъ.

Нѣтъ! усталъ. Надо запечатать и лечь. Голова идетъ кругомъ, и спина болитъ нестерпимо. Прощай, Маша! обними меня. Скажи: мы еще будемъ счастливы?.. Цѣлую и благословляю тебя. Всегда твой другъ—всегда—вездѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ. Помни это. Вотъ тебѣ моя рука на это. Прощай!

36.

Апрѣля 14 с. с. С. Старое-Акшено.

Вдругъ получаю отъ тебя четыре письма. Слава Богу! Одно ко мнѣ и Галахову—разомъ. Боже мой, Маша, зачѣмъ же понимать насъ вкривь и вкось? Что жъ мы, въ самомъ дѣлѣ, тебя не любимъ что ли? За кого же ты наконецъ принимаешь Галахова (ужъ я не говорю о себѣ — можетъ быть, я человѣкъ совершенно ничтожный, malveillant, бездушный, etc.), — что его полагаешь въ какомъ-то (несуществующемъ) заговорѣ противъ тебя? Мы писали къ тебѣ съ любовью — это вѣрно. Ты повѣришь, если не почитаешь насъ за подлецовъ. Мое письмо было вызвано твоими, изъ которыхъ я показалъ Галахову самое легкое. Что я ничего не перетолковывалъ, можешь сама увидѣть изъ своихъ писемъ — я ихъ тебѣ привезу.

Я хотѣлъ кончить тревожное состояніе, въ которомъ мы оба находимся, тѣмъ, чтобъ поднять насъ обоихъ до спокойствія духа, въ которомъ жизнь была бы настолько проникнута любовью и истиной, что всѣ неопредѣленныя, скажу смѣло, эгоистическія стремленія должны бы исчезнуть. Гдѣ же тутъ—méconnaître? Я знаю, что ты часто скучаешь моимъ pseudo-апатическимъ

нравомъ, моимъ неумѣньемъ доставить тебѣ наслажденіе; — я съ своей стороны ухожу въ себя, часто не находя отзыва тому, что̀ мнѣ близко къ сердцу. Это состоянье противорѣчія двухъ эгоизмовъ (я въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, ничто иное, какъ эгоистъ)—тяжело. А мы любимъ другъ друга quand-même. Неужли же взаимная привязанность не будетъ довольно сильна, чтобъ вырвать насъ изъ удушливаго положенія и поставить высоко, человѣчески высоко? — Вотъ что̀ я думалъ, когда я писалъ къ тебѣ. Мнѣ было тяжело въ то время, я задыхался отъ твоихъ писемъ, мнѣ надо было говорить о нихъ.—Галаховъ мнѣ явился, какъ общій другъ, другъ съ душою нѣжной и благородной. Я говорилъ съ нимъ. Можетъ быть, это было дурно — я по крайней мѣрѣ не нахожу этого. Узкой морали я никогда не проповѣдывалъ, и въ моемъ письмѣ, насколько я помню (а, кажется, мнѣ мудрено его забыть) — была не мораль, а что-то человѣчески-прекрасное — назови это моралью, если хочешь, слово ничего не значитъ, но не смѣшивай съ обыденной моралью, которую іезуиты проповѣдуютъ на piazza'хъ Рима и Неаполя. Можетъ быть, перечитавъ мое письмо, ты найдешь въ немъ достаточно страданія и привязанности, чтобы взглянуть на него иначе. Я тебя люблю, Маша, — и какъ бы ты жестко ни отвѣчала на мои задушевные призывы, на крикъ, который невольно вырывается изъ больной груди, — я все буду любить тебя...—Письму M-me Bollviller не удивляюсь. Gute Leute und schlechte Musikanten. — Но перервемъ тяжелый разговоръ. Мы увидимся въ лучшемъ расположеніи духа, можетъ быть хорошо сойдемся и, можетъ быть, намъ лучше будетъ, чѣмъ когда-нибудь. Почему не надѣяться? Почему не желать того, что̀ такъ бы хорошо было?—Твои письма изъ большой столицы показываютъ, что ты не такъ тревожна, что тебѣ лучше. Въ нихъ проглядываетъ любовь ко мнѣ. Prenons de grâce la planche de salut— она у насъ есть, въ нашей волѣ вынырнуть изъ волненія и сдѣлать свою жизнь насколько можно блаженною.

Елагина писала о тебѣ Тургеневу. Отчего ты не отыщешь Кеновъ? Тургеневъ ихъ вводитъ всюду.—Я завтра чѣмъ свѣтъ, несмотря на дорогу, снѣгъ дождь и холодъ,—ѣду къ Тучкову. [illegible]ще грозитъ бѣда съ заводомъ, надо ее отвратить. Дѣла [illegible]скверны, доходу + . — = 0. Надежда на будущій годъ плоха. [illegible]прѣль необыкновенно ужасенъ. Я уже давно не дышалъ возду[illegible]мъ, и затворничество меня свело бы съ ума, еслибъ Тучковъ [illegible] навѣстилъ меня намедни. Пробывъ у него нѣсколько дней, я [illegible]правлюсь къ тебѣ.

Обними меня: черезъ пять дней Свѣтлое Воскресенье. Въ первый разъ я такъ его встрѣчу—далеко отъ тебя, безъ торжественности, безъ этого колокольнаго звона, который я такъ люблю въ эту ночь,—въ Яхонтовѣ [1]) за перепиской съ казенной палатой. Тучковъ меня обниметъ отъ души, я это знаю. Но Тучковъ не женщина, — ton baiser me manquera. Мнѣ опять грустно и плакать хочется. Да нѣтъ ихъ, слезъ, — откуда ихъ взять? Во мнѣ является что-то черствое иногда, я старѣю. Жизнь надоѣдаетъ и я на нее сержусь.

Кончаю письмо. Еще надо много писать, а встану рано, если усну. Можетъ быть, придется отдыхать въ тарантасѣ. Я сегодня попробовалъ съѣздить въ Новое-Акшено, чтобъ ознакомиться съ воздухомъ. Воздухъ скверенъ. Дорога — снѣгъ и грязь. Тарантасъ качается не хуже парохода въ бурю, какъ я ѣхалъ изъ Венеціи въ Тріестъ.

Какъ мнѣ хочется въ Италію!

Прощай, Маша, цѣлуй меня крѣпко; не сердись на меня — дурного намѣренія не было. Да за что же предполагать его? Я и Галаховъ,—въ самомъ дѣлѣ, нашла ты двухъ враговъ, которые за тебя все отдадутъ — кромѣ истины.

Addio!

Твой Коля.

Скоро увидимся. Цѣлую Станю.

Я поѣду прямо на Франкфуртъ. Если ты будешь уже на пути въ Карлсбадъ, то тотчасъ по полученіи этого письма пиши въ Берлинъ или Лейпцигъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ май на дворѣ—и я еще не съ тобою! Теперь мучитъ желаніе уѣхать отсюда. Я здоровъ, но слабъ... Теперь, какъ прошло, скажу, что я очень былъ боленъ.

Апрѣля 15-го. Яхонтово.

Скажу нѣсколько словъ. Я здѣсь на пять дней и послѣ ѣду къ тебѣ. Дорога еще импратикабельна; но нужды нѣтъ, мнѣ ужъ скучно сидѣть въ деревнѣ.

37 [2]).

Москва. 19 мая.

Я давно не писалъ тебѣ, дорогая Маша, не зная, гдѣ ты. Но, получивъ твою записку отъ 7-го (которою я былъ доволенъ),

[1]) Имѣніе А. А. Тучкова.

[2]) Подлинникъ по-французски.

я спѣшу ѣхать, такъ какъ мнѣ осталось только справить кое-какія бумаги. Итакъ, за этимъ письмомъ вскорѣ послѣдую я самъ. Пишу и ѣду въ Карлсбадъ, такъ какъ ты скоро должна туда пріѣхать.

Не буду говорить о нашихъ письмахъ, въ которыхъ высказалось наше взаимное неудовольствіе. Забудемъ о нихъ. Намъ надо, встрѣтившись, начать снова быть добрыми друзьями. Намъ надо усвоить себѣ такой образъ дѣйствій, при которомъ жизнь была бы легка для обоихъ. Пусть эти слова тебя не оскорбляютъ; я чувствую, я сознаю, что они неизбѣжны. Извлечемъ пользу изъ нашей долгой разлуки. Каждый изъ насъ имѣлъ возможность сосредоточиться, жить на свой ладъ, по своему желанію, каждый могъ понять, чтò ему нужно. Надо дать свободу всякой личности, т.-е., всему, чтò есть наиболѣе интимнаго въ человѣкѣ. Надо сдѣлать такъ, чтобы мы никогда не могли смотрѣть другъ на друга, какъ на нѣчто чуждое, какъ на помѣху нашему внутреннему развитію. Пусть связью между нами будетъ любовь, полная терпимость и заботливость. Будемъ свободны и дружны. Будемъ счастливы, сколько можемъ. Отбросимъ всякую злобу и не будемъ мѣшать другъ другу любить и уважать тѣхъ, кого мы любимъ и уважаемъ. Довольно недоразумѣній. Обнимемся, Маша, и постараемся, чтобы миръ и любовь длились вѣчно.

Ты писала И. Г. [1]), что хотѣла бы видѣть меня и ходить за мною, если я боленъ. Благодарю тебя. Ты вѣрно уже знаешь, что я дѣйствительно былъ боленъ, но теперь я совершенно здоровъ и, кажется, толстѣю.

Но сердцемъ и умомъ я боленъ по-прежнему. Я возбуждаюсь искусственной веселостью; въ дѣйствительности, я печальнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Я жажду блаженства—и боюсь, что уже потерялъ способность испытывать его.

Если бы я могъ придти къ тебѣ съ молодой душой,—можетъ быть, мы были бы болѣе счастливы. Но я чувствую, что сомнѣніе въ возможности примирить блаженство и жизнь—старитъ и мучаетъ меня. Ни знаніе, ни жизнь, не могутъ дать мнѣ мира и наслажденія. Не хочу больше думать, и всю силу желанія, всю страсть, которая мучитъ, всю животворящую любовь, сколько [illegible] есть ея во мнѣ, отдамъ искусству. Искусство исключительно. [illegible]многіе стучатся въ его дверь, еще меньшее число входитъ [illegible]утрь. Въ немъ можно обособиться и жить. Я хочу жить—[illegible]льше мнѣ ничего не надо. Боже мой, Боже мой!.. если бы ты

1) Галахову.

только знала, сколько во мнѣ боли и желаній! Но зачѣмъ говорить все это письменно? Мы скоро увидимся. А пока благословляю и цѣлую тебя. О, Маша, Маша! Какъ я хотѣлъ бы, чтобы ты была счастлива... и я тоже.

Прощай. До скораго свиданія.

Сообщ. М. О. Гершензонъ.

ИЗЪ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

(Les vaines tendresses.)

Слеза.

Удлиннены твои рѣсницы тушью,
Въ глазахъ искусственная томность разлита̀,
Но не смягчаетъ взоръ, дышащій странной сушью,
Твоихъ рѣсницъ поддѣльныхъ густота.

Есть мертвенность въ искусственной подкраскѣ,
И будь твой взоръ лазурью окаймленъ,
Но выраженья мягкости и ласки
Отъ этого принять не можетъ онъ.

Глаза иные сердце привлекаютъ,
Они, несчастная, тебѣ — живой укоръ, —
Прекрасные и въ мигъ, когда ихъ опускаютъ:
Въ глазахъ всего дороже — взоръ.

И все-таки я думаю невольно:
Ужель весь цвѣтъ въ душѣ твоей заглохъ?
Порою, чтобъ спасти—лишь пожалѣть довольно,
И лиліи послѣдней слышенъ вздохъ.

Великодушныя дней юныхъ побужденья,
Что̀ кажутся смѣшными въ эти дни, —
Спасти живую душу отъ паденья
Ужель — мечта безумная они?

е скрытъ ли здѣсь, подъ грубою мазней —
сточникъ слезъ, глубоко затаенныхъ,
тӧ хлынуть вдругъ изъ глазъ твоихъ струей,
акъ слезы свѣтлыя очей незагрязненныхъ?

о всякихъ — грѣшныхъ, ангельскихъ — слезахъ
створены соль и вода живая,
одникъ ихъ чистъ во всѣхъ людскихъ глазахъ.
дѣ искрененъ — тамъ онъ достоинъ рая.

опомни, какъ спасла слеза одна
Магдалину, бывшую блудницу;
олей слезу послѣднюю: она
жизнь твою омоетъ, и — рѣсницу.

О. Чюмина.

„ДОНЪ-ЖУАНЪ“

ГРАФА АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО

Историко-литературный этюдъ.

Окончаніе.

XIV *).

Первое, на чемъ приходится остановиться при разборѣ поэмы Алексѣя Толстого, это—мистическій прологъ, придающій всей поэмѣ характеръ чего-то отвлеченнаго и сверхъестественнаго. Возвращаясь къ вопросу о самобытности и оригинальности произведенія Толстого, мы видимъ, что прологъ этотъ по мысли и даже построенію близко напоминаетъ знаменитый Гётевскій прологъ къ первой части „Фауста“; и тутъ, и тамъ—борьба Неба съ Адомъ изъ-за обладанія избраннымъ человѣкомъ; и тамъ, и тутъ, хвалебный гимнъ мудрости Творца, гимнъ, который поютъ ангелы, прерывается злобной хулой побѣжденнаго, но не покорившагося Сатаны; и въ обѣихъ поэмахъ Сатана временно пріобрѣтаетъ власть вредить любимцу Неба, котораго ему, однако, не дано погубить окончательно.

Какъ извѣстно, Гёте для своего пролога воспользовался бесѣдой Бога съ Сатаною въ книгѣ Іова; такимъ образомъ, и прологъ къ „Донъ-Жуану“ имѣетъ нѣкоторую связь съ библейскимъ разсказомъ.

Упомянутыя произведенія, т.-е. книга Іова, прологъ къ „Фаусту“ и прологъ къ „Донъ-Жуану“—интересны и замѣчательны

*) См. выше: окт.) стр. 483.

не только по своему содержанію, но и по проявленію въ каждомъ изъ нихъ самостоятельной личности ихъ автора. Если книгу Іова написалъ древній, безусловно вѣрующій богословъ, то прологъ къ „Фаусту"—плодъ не столько религіозныхъ вѣрованій, сколько философскихъ размышленій его творца, а прологъ къ „Донъ-Жуану" — произведеніе не богословское, не философское, а прежде всего поэтическое, поэтически разрѣшающее возникающіе вопросы; авторъ одного — ученый, глубокомысленный философъ, другого—преимущественно поэтъ.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, сравнивъ всѣ три упомянутыя обработки. Въ книгѣ Іова Господь такъ характеризуетъ своего избранника: „Нѣтъ такого, какъ онъ, на землѣ: человѣкъ непорочный, богобоязненный и чуждый всего худого". Вся задача Сатаны состоитъ въ томъ, чтобы заставить Іова произнести хулу на Бога и отречься отъ Него; Богъ даже не споритъ съ Сатаной, не утверждаетъ, что Іовъ останется вѣренъ Ему. Онъ прямо даетъ Сатанѣ власть отнять у Іова всѣ блага и наслажденія его жизни; когда же Іовъ не произноситъ никакой хулы, Онъ разрѣшаетъ Сатанѣ поразить его самого лютой болѣзнью; усилія Сатаны и на этотъ разъ тщетны—Іовъ съ покорностью принимаетъ и терпитъ муки проказы и одиночества. Только въ бесѣдѣ съ упрекающими его друзьями, усугубляющими своими рѣчами его нравственныя мученія, Іовъ говоритъ, что терпитъ безвинно, и вопрошаетъ Божество о причинахъ своихъ страданій, т.-е., говоритъ о непостижимомъ для него и невѣдомомъ; сознавъ же заносчивость своего желанія „отыскать сущность Божества, доискаться постиженія совершенства Всемогущаго", онъ „раскаивается на прахѣ и пеплѣ"; но все же онъ не согрѣшилъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ Господь говоритъ друзьямъ его: „возгорѣлъ гнѣвъ Мой на тебя и на двухъ друзей твоихъ за то, что вы не говорили предо Мною такъ справедливо, какъ рабъ Мой Іовъ"; поэтому Іову съ избыткомъ возвращается то, чего онъ лишился ковнями Сатаны, и онъ благоденствуетъ долгіе годы, чтобы умереть „насытившись днями".

Существованіе Бога, Его могущество, власть, ни на минуту не подвергаются авторомъ сомнѣнію; даже грѣхъ, въ который Сатана хочетъ вовлечь Іова, не есть отрицаніе, недопущеніе несомнѣннаго факта, а просто хула на неоспоримое высшее начало мірозданія.

У Гёте дѣло обстоитъ сложнѣе: архангелы славятъ Божію премудрость, выражающуюся въ міровой гармоніи. Мефистофель одинъ порицаетъ міровой строй; особенно не по сердцу ему

земной міръ, который плохо устроенъ; плохо созданы и люди, которымъ Богъ далъ отблескъ небеснаго свѣта и разума; они не умѣютъ имъ пользоваться и съ его помощью дѣлаются еще животнѣе, чѣмъ прежде. Господь спрашиваетъ, знаетъ ли онъ раба Его Фауста, и Мефистофель такъ его характеризуётъ:

Не какъ другой тебѣ онъ угождаетъ —
Чудакъ все неземнымъ однимъ себя питаетъ;
Броженіемъ его уноситъ неизмѣнно,
Свое безумство онъ едва ли сознаетъ;
Давай ему звѣзды небесной непремѣнно;
Земля, неси ему свой лучшій плодъ,
И все, что близко или отдаленно,
Никакъ въ немъ жажды не зальетъ [1]).

Богъ дополняетъ эти слова замѣчаніемъ, что Фаустъ пока еще смутно служитъ Ему, и дозволяетъ Сатанѣ искушать его, какъ хочетъ, уже указывая, однако, на тѣ особенности Фауста, которыхъ злу не побѣдить:

Добрый человѣкъ въ своемъ стремленьи темномъ
Найти сумѣетъ настоящій путь.

Разница между Фаустомъ и героемъ библейской повѣсти очевидна; тамъ это просто хорошій, богобоязненный человѣкъ, не „мудрствующій лукаво“, и только подъ вліяніемъ особенныхъ несчастій задающійся отвлеченными вопросами о тайнѣ бытія. Не будь этихъ бѣдствій, онъ и не подумалъ бы о такихъ вопросахъ; а другой всю жизнь проводитъ именно въ такихъ изысканіяхъ и размышленіяхъ и своими трудами, усиліями и мученіями служитъ Богу не меньше и не хуже Іова.

Господь предрекаетъ спасеніе избраннаго Имъ человѣка, чего нѣтъ въ книгѣ Іова. Тѣ самыя свойства души человѣка, которыя тамъ вызываютъ строгую отповѣдь Бога, хотя и не осуждаются Имъ, здѣсь отмѣчаются какъ спасительныя его особенности. Уже раньше Лессингъ сказалъ, что еслибы ему былъ предложенъ выборъ между истиной и исканіемъ ея, то онъ предпочелъ бы послѣднее. Знаніе обусловливаетъ покой, а исканіе его—дѣятельность. Такъ какъ покой, въ свою очередь, вызываетъ застой всѣхъ душевныхъ силъ, а дѣятельность, наоборотъ, б[illegible]итъ ихъ и напрягаетъ, то необходимо, чтобы въ мірѣ суще-с[illegible]овало нѣчто, вызывающее дѣятельность вообще лѣниваго че-л[illegible]ѣка. Такимъ возбуждающимъ элементомъ мірозданія является

---

[1]) „Фаустъ“. Переводъ А. Фета.

одинъ изъ духовъ отрицанія, характеризуемый Богомъ, какъ хитрецъ, плутъ (Schalk), который менѣе всѣхъ остальныхъ Ему въ тягость, и который даже бываетъ полезенъ міру.

Собственно поэтическаго въ прологѣ Гёте сравнительно немного; хвала архангеловъ, мало прочувствованная, относится только къ мудрости Божества, не касаясь ни любвеобилія, ни милосердія, ни другихъ Его свойствъ. Послѣднее наставленіе Бога свѣтлымъ духамъ повелѣваетъ имъ „скрѣплять безусловной мыслью то, что̀ призракомъ паритъ въ явленьи".

Въ сравненіи съ красивымъ, величественнымъ, но въ сущности холодно-разсудочнымъ прологомъ Гёте, прологъ къ „Донъ-Жуану" кажется однимъ сплошнымъ гимномъ радости и восторга, проникнутымъ любовью и благодарностью къ Творцу. Даже самая обстановка пролога способствуетъ усиленію получаемаго отъ него поэтическаго впечатлѣнія; мѣсто дѣйствія—красивая страна въ ясный весенній вечеръ; небесные духи спускаются на землю, и они, сами святые и безгрѣшные, испытываютъ обаяніе молодого, свѣжаго трепета благодатной, святой весны, когда надъ красою земли широко распахнулись объятія синяго неба, и въ воздухѣ звучитъ и раздается ликующій хоръ безчисленныхъ голосовъ природы. Чистъ воздухъ, чиста поверхность озеръ и рѣчекъ, зеленѣютъ лѣса и поля, и всюду слышится звонкая тревога, все живетъ, радуется и громко хвалитъ Бога. По ясному небу торжественно плывутъ облака, озаренныя солнцемъ, словно одѣтыя въ парчевые покровы; миновало холодное царство зимы съ ея суровыми бурями и морозами, и они рвутся навстрѣчу молодымъ лучамъ оживающаго солнца. Одинъ за другимъ распускаются пестрые, душистые цвѣты; а въ перегонку съ облаками вьются въ голубомъ пространствѣ стаи летящихъ съ юга журавлей, и въ прозрачной вышинѣ звонко раздаются радостные клики, которыми они уже издали привѣтствуютъ знакомыя, любимыя мѣста и славятъ Бога. Какъ молитвенный ѳиміамъ струится ароматъ цвѣтовъ, и тутъ же, въ травѣ, плещутъ и журчатъ расторгнувшіе ледяныя оковы ручьи, отражающіе въ своей прозрачной синевѣ лучезарную красоту возрожденнаго небеснаго свода съ миріадами звѣздныхъ міровъ. Мало-по-малу гаснетъ лучистый блескъ заката, въ небѣ загораются первыя звѣзды; и вотъ, изъ чащи засыпающей рощи раздается звучный соловьиный рокотъ. Среди общей шумной радости соловьиныя пѣсни однѣ говорятъ о чемъ-то возвышенномъ, прекрасномъ, но далекомъ, о страстной любви и безконечной тоскѣ, питаемой въ немъ трепетомъ листьевъ, журчаньемъ водъ, вѣющими во мракѣ снами, и въ то же время

звучащими ему какъ обѣщаніе другой, невѣдомой весны, другой далекой красоты. Пѣснь соловья—какъ бы заключительный аккордъ общаго хвалебнаго гимна природы, порывъ ея къ идеалу, т.-е. къ Божеству, отблескъ котораго разлитъ въ мірѣ, являющемся отдѣльнымъ лучомъ его немеркнущаго сіянія. Чтò же такое это Божество? Это—совокупность всѣхъ явленій, полнота всѣхъ сіяній, свѣтъ, чуждый тѣни; въ немъ—покой могущества; вкругъ него—тревога временъ. Раздвинутый мірозданіемъ, мстительный хаосъ мятется въ коварномъ стремленіи поднять мутно-плещущія волны обмана на Божью благодать, и Богъ допускаетъ споръ между враждующими началами мірозданія, чтобы въ битвѣ рожденія и смерти основать нескончаемость творенія, продолженіе мірозданія, торжество вѣчной жизни; такъ какъ законъ движенія заключается именно въ нарушеніи и возмездіи,—и въ томъ, чтобы собственныя Его мудрость и благость являлись еще ярче и очевиднѣе. Элементъ зла олицетворяется въ Сатанѣ,—томъ самомъ падшемъ ангелѣ, который нѣкогда ближе другихъ стоялъ къ Богу; было время, когда онъ былъ чистъ и свѣтелъ, какъ прочіе ангелы, а теперь при одномъ его приближеніи природа содрогается—сверкаютъ багровыя зарницы, туманъ густой пеленой разстилается надъ болотами, земля колеблется, соловей прерываетъ неоконченную пѣсню, звѣзды меркнутъ... Ангелы спрашиваютъ, зачѣмъ онъ вышелъ изъ бездны, и Сатана сообщаетъ имъ о своемъ намѣреніи погубить небеснаго избранника, юнаго Жуана де-Маранья. Исходя изъ того, что въ мысляхъ Донъ-Жуана иногда видны колебаніе и безпокойство, и что онъ неопытной душой стремится къ неяснымъ, но высокимъ цѣлямъ, Сатана хочетъ сбить съ толку искателя идеала. Для этого онъ заставитъ юношу въ каждой любимой имъ женщинѣ видѣть сперва искомый идеалъ, а потомъ жалкую на него каррикатуру. Ему достаточно найти одну слабую сторону въ человѣкѣ, чтобы совершенно подчинить его себѣ, и такую сторону онъ подмѣтилъ въ гордости Жуана. Молодая горячность и пылкое воображеніе легко введутъ его въ заблужденіе, и въ каждомъ подходящемъ личикѣ онъ все будетъ зрѣть не копію, а оригиналъ, который Сатана „изъ дружбы“ покажетъ своему любимцу. Гордость его б[illegible]етъ страдать каждый разъ, когда исчезнетъ передъ нимъ вид[illegible]ья совершенство. Онъ будетъ продолжать искать, побуждаемый у[illegible]рствомъ и пламенной волей, но въ концѣ концовъ, мучимый в[illegible]ной жаждой идеала, собьется съ толку, начнетъ „небесное и[illegible]ать на землѣ“, въ каждомъ торжествѣ себѣ готовитъ горе. [illegible] это свѣтлые духи возражаютъ, что у Ада нѣтъ власти надъ

тѣмъ, кто ищетъ свѣта и вѣчной красоты, и этимъ какъ бы предрекаютъ торжество истины надъ обманомъ и ложью.

Въ этомъ прологѣ Богъ не появляется вовсе; отъ Его лица говорятъ ангелы, воплощающіе въ себѣ доброе начало міра; а Сатана, олицетвореніе полноты зла, по замыслу поэта могущественнѣе Мефистофеля, который самъ называетъ себя только частью враждебной Богу силы.

XV.

Элементъ мистическій—кромѣ пролога—даетъ себя ясно чувствовать и еще въ нѣкоторыхъ сценахъ поэмы, а именно въ сценѣ на кладбищѣ и въ заключительномъ явленіи всѣхъ сверхъестественныхъ силъ, принимающихъ участіе въ судьбѣ героя.

Сцена на кладбищѣ ярко характеризуетъ отношеніе самого автора къ сверхъестественному. Какъ извѣстно, Толстой интересовался и занимался мистикой, и вѣрилъ во вліяніе міра неземного на судьбы нашего матеріальнаго міра. По крайней мѣрѣ сцена на кладбищѣ даетъ полное основаніе предполагать въ немъ эту вѣру, потому что въ ней онъ объясняетъ поступки и настроенія своего героя вліяніемъ на него добрыхъ и злыхъ началъ мірозданія.

Донъ-Жуанъ, не въ силахъ будучи убить въ себѣ воспоминанія о Доннѣ-Аннѣ, рѣшаетъ во чтò бы то ни стало погубить ее, думая хоть этимъ способомъ прекратить непонятное томленіе, терзающее его душу. Онъ является въ виллу Анны, а сопровождающему его Лепорелло велитъ себя ждать на кладбищѣ, гдѣ погребенъ убитый имъ командоръ. На этомъ же кладбищѣ сходятся Сатана и ангелы. Злой духъ торжествуетъ, потому что ему удалось исполнить свой коварный планъ—Жуанъ не видитъ открывшагося ему пути ко спасенію, и долженъ погибнуть. Но ангелы еще полны надежды; въ то время какъ Сатана ложью и обманомъ завлекаетъ Жуана все ближе и ближе къ безднѣ, они прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы указать несчастному еще доступный путь спасенія, убѣдить его въ ложности дороги, по которой онъ идетъ, и направить, наконецъ, ко благу его лучшія стремленія. Ареной ихъ упорной борьбы съ Сатаною является сама мятежная, страждущая душа Жуана. Онъ колеблется передъ тѣмъ какъ погубить Анну; его тревожатъ какія-то томительныя сновидѣнія, не оставляющія по себѣ ясныхъ и опредѣленныхъ воспоминаній, отъ которыхъ однако онъ пробуждается

весь въ слезахъ. Эти колебанія и мученія — слѣдствія происходящей изъ-за него борьбы. Свѣтлые духи являются ему ночью, посылаютъ ему сны, полные предостереженій и откровеній, и пытаются прояснить его спящія очи:

Въ безмолвіи ночи
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили;
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали.
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача,
И рвался къ намъ сонный,
Рыдая и плача.
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;
Онъ помнилъ видѣнье,
Но требовалъ снова
Ему примѣненья
Средь міра земного,
Пока его очи
Опять не смежались,
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь онъ преступный
Гналъ замыслъ обратно.
И мысли доступна
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И нашъ онъ былъ снова,
Рыдая и плача.

Такимъ образомъ, читатель сразу понимаетъ тѣ причины смутнаго настроенія Жуана, о которыхъ ему иначе пришлось бы только догадываться, и мистическая мысль получаетъ новое подтвержденіе и основаніе.

Кромѣ колебаній Жуана, поддерживаемыхъ въ немъ ангелами, его можетъ спасти еще то обстоятельство, что, несмотря на всѣ свои проступки, Жуанъ не преступилъ загадочной грани, в предѣлахъ которой Провидѣніе даровало человѣку свободу воли, не совершилъ своего послѣдняго рокового преступленія.

До сихъ поръ мистика поэмы была ясна и понятна; но то,

что теперь слѣдуетъ, значительно усложняетъ элементъ необычнаго и затрудняетъ его пониманіе. Сатана настойчиво утверждаетъ, что гибель Жуана неотвратима, и что ему не о чемъ больше хлопотать и безпокоиться. Но довершить дѣло онъ не самъ: „на всякій случай" онъ вовлекаетъ въ свою борьбу съ ангелами еще третью силу, являющуюся, по существу поэмы, излишней; она имѣетъ прямое отношеніе къ оккультическимъ изслѣдованіямъ самого автора.

Сатана на конечную гибель Жуана вызываетъ какую-то таинственную силу, привыкшую безразлично повиноваться добру и злу, и приказываетъ ей потворствовать всѣмъ прихотямъ Жуана, разрушая всѣ встрѣчающіяся преграды, и самого его раздавить въ своемъ слѣпомъ усердіи. Пользуясь тѣмъ, что загадочная эта сила одинаково повинуется всѣмъ, кто бы ни далъ ей приказаніе, ангелы повелѣваютъ ей дать Жуану послѣднее предостереженіе и открыть ему глаза. Едва успѣли духи исчезнуть, какъ на кладбище является Жуанъ и бросаетъ статуѣ командора свой кощунственный вызовъ. Невѣдомая сила, стерегущая случай приняться за дѣло, воплощается въ каменное изваяніе, обѣщаетъ свою помощь и въ послѣднемъ явленіи дѣйствительно приходитъ къ Жуану, чтобы предостеречь его и произвести надъ нимъ казнь. Покорная ангельскому велѣнью, она открываетъ ему глаза на его собственныя чувства; онъ сознаетъ свою любовь и вѣру — и спасенъ. Сатана и вызванная имъ сила теряютъ власть надъ Жуаномъ и должны признать себя побѣжденными.

Эпизодъ съ этой роковою силой, воплощающейся въ командорову статую, представляется весьма запутаннымъ и туманнымъ. Во всѣхъ предыдущихъ обработкахъ сюжета вполнѣ ясно говорится, отъ кого именно—отъ Бога или дьявола—является статуя. Иногда даже въ нее воплощается искупленный, свѣтлый духъ самого убитаго командора, милосердно являющагося спасти грѣшника. Но Ал. Толстой въ привидѣнія, какъ они представляются человѣческому воображенію, не вѣрилъ. При созданіи своего Жуана онъ имѣлъ въ рукахъ сочиненіе аббата Кальме [1]) о духахъ и привидѣніяхъ, въ которомъ авторъ отрицаетъ правдоподобность и возможность такихъ явленій, и подкрѣпляетъ свои сужденія доводами христіанской религіи. Повидимому, Толстой проникся вѣскостью доводовъ аббата, потому что у него, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, душа командора на землю не возвращается, и

---

[1]) „Dissertations sur les Apparitions des Esprits et sur les Vampires ou les Revenants de Hongrie, de Moravie, etc." Par le R. P. Dom Augustin Calmet.

статуя приходитъ не отъ Бога и не отъ Его врага, а отъ какой-то средней силы, одинаково подвластной обоимъ, но въ то же время связанной съ ними какими-то такими отношеніями, при которыхъ ни тотъ, ни другой, не могутъ довести до конца своего дѣла, не заручившись ея участіемъ. Благодаря неясности источника, и поступки этой силы — т.-е. появленіе статуи и ея безрезультатное исчезновеніе — представляются непонятными и нарушающими гармонію произведенія. Возникаетъ также немаловажный вопросъ о томъ, что̀ это за средняя сила, почти необъяснимая христіанской мистикой и во всякомъ случаѣ довольно ей чуждая? Сатана вызываетъ ее какъ „душу земли, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ“, какъ „незримое астральное теченье“, всегда струившее магнитный токъ черезъ вселенную. Объясненія, хотя бы частичнаго, всѣхъ этихъ странностей слѣдуетъ искать въ оккультическихъ наукахъ. Оккультизмъ признаетъ существованіе Божества, единаго, но троичнаго въ лицахъ. Міроздавіе есть результатъ дѣятельности Божества и, какъ всякое другое произведеніе, носитъ въ себѣ отпечатокъ создавшей его силы. Міроздавіе есть въ то же время и отраженіе Божества, и подобно Ему едино, но троично въ своихъ проявленіяхъ. Проявленія эти оккультизмъ подводитъ подъ понятія противоположныхъ другъ другу духовнаго и матеріальнаго міровъ, связуемыхъ между собою среднимъ, астральнымъ міромъ. Астральный міръ, отражающій Божество въ формѣ менѣе совершенной, нежели міръ духовный, стоитъ все-таки выше міра матеріальнаго, отражая въ себѣ и этотъ низшій міръ во всей его точности, но уже въ нематеріальномъ видѣ. Объ этомъ именно мірѣ говоритъ Гёте во второй части „Фауста“, когда рѣчь идетъ о „матеряхъ“, вокругъ которыхъ носятся картины жизни, движущіяся, но безжизненныя:

Euer Haupt umschweben
Des Lebens Bilder regsam, ohne Leben.
Was einmal war, in allem Glanz und Schein,
Es regt sich dort, denn es will ewig sein.

Отсюда видно, что въ астральномъ мірѣ сливаются элементы духа и матеріи, подобно тому, какъ въ полу-тѣни присутствуютъ элементы полной тѣни и полнаго свѣта. Соединеніемъ въ астральномъ мірѣ противоположныхъ началъ міроздавія можетъ быть объяснено воздѣйствіе ангеловъ на Донъ-Жуана... Во время сна, т.-е. пассивнаго его состоянія, ему, подъ вліяніемъ воли ангеловъ становился доступенъ астральный міръ, и онъ познаетъ

въ немъ Божество и истину болѣе совершенными, чѣмъ они являются въ низшемъ мірѣ. Но онъ теряетъ эту способность, какъ только матеріальный міръ пріобрѣтаетъ надъ нимъ власть. Астральный міръ, въ который ангелы увлекали Жуана, доступенъ человѣку потому, что въ составъ сложной „человѣческой сущности" входитъ такъ-называемое „астральное тѣло", происходящее изъ астральнаго міра, точно воспроизводящее матеріальное тѣло человѣка и между прочими свойствами обладающее способностью покидать физическое тѣло, отзываясь на магическія воздѣйствія (физическое тѣло тогда поддается магнетическимъ внушеніямъ) и сопровождать духъ человѣка послѣ его смерти. Вотъ этими-то свойствами астральнаго тѣла и можетъ быть объясненъ весь эпизодъ со статуей командора, какъ онъ описанъ у Ал. Толстого. Астральное тѣло командора, не покинувшее его духъ въ загробномъ мірѣ, подъ вліяніемъ магическихъ заклинаній Сатаны вселилось въ каменное изображеніе того человѣка, въ составъ сущности котораго нѣкогда входило, и придало бездушной вещи подобіе жизненности, заставивъ ее двигаться и говорить. Астральныя силы, какъ элементъ серединный, безразличны къ добру и злу, и покоряются обоимъ; когда усиливается въ нихъ матеріальное начало, сильнѣе всего искажающее Божество, астральныя силы дѣйствуютъ въ направленіи пагубномъ и вредномъ, — и наоборотъ — съ усиленіемъ начала духовнаго, астральные элементы направляютъ свою энергію на благое. Такимъ образомъ, человѣкъ, благодаря соприкосновенію своему съ астральнымъ міромъ, имѣетъ возможность вліять на него въ томъ или другомъ направленіи, свободно выбирая между добромъ и зломъ; вотъ почему Сатана говоритъ туманной фигурѣ, явившейся на его зовъ, чтобы она разсѣкла или затянула спутанную имъ петлю—„по выбору Жуана".

Введеніе астральной силы въ борьбу ангеловъ съ Сатаною на первый взглядъ оказывается весьма невыгоднымъ для Жуана. И дѣйствительно—онъ, который, казалось, стоялъ отдѣльно отъ всего міра, не подчинялся, повидимому, никакимъ,—ни земнымъ, ни небеснымъ авторитетамъ,—вдругъ оказывается подъ вліяніемъ и даже во власти этихъ авторитетовъ, и какъ будто даже лишается свободы воли и самостоятельности. Неожиданное открытіе это способно даже убить въ читателѣ всякій интересъ къ Жуану; что̀, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательнаго въ героѣ, котораго авторъ лишилъ всякой возможности чѣмъ бы то ни было проявить свою независимость, свою самостоятельность? Чтобы спасти Жуана отъ подобнаго осужденія, слѣдуетъ еще разъ указать на то, о

чемъ уже говорилось выше—на свободу выбора между добромъ и зломъ, которая дана человѣку, и въ предѣлахъ которой вполнѣ можетъ проявиться его личность.

Всѣ тѣ названія и свойства астральной силы, которыя перечисляетъ Сатана, приписываются ей оккультистами и могутъ быть объяснены сущностью самаго понятія. Но во всякомъ случаѣ нельзя считать, чтобы введеніе въ поэтическое произведеніе такого сложнаго оккультическаго представленія было удачной попыткой; въ данномъ случаѣ оно является однимъ изъ недостатковъ поэмы, такъ какъ только запутываетъ и усложняетъ вопросъ, въ сущности простой и ясный.

Изо всего, что̀ было сказано, опредѣленно выступаютъ отношенія къ Жуану борющихся изъ-за него сторонъ: самое милосердное и любвеобильное участіе со стороны Бога, щедро одѣляющаго его высочайшими благами жизни и прощающаго его, несмотря на тяжкія и многочисленныя прегрѣшенія, и злобная вражда со стороны Сатаны, не столько къ самому Жуану, сколько къ Создавшему его такимъ душевно-прекраснымъ; въ немъ говоритъ и зависть, когда онъ вспоминаетъ, чѣмъ онъ самъ былъ, и чѣмъ можетъ, современемъ, стать Жуанъ, если используетъ всѣ свои душевныя силы. Отсюда стремленіе Сатаны во что̀ бы то ни стало погубить его, обративъ во вредъ ему его богатые задатки.

Но, какъ извѣстно, Жуанъ Толстого обрѣтаетъ спасеніе своей душѣ, подобно герою Мериме́ и Фаусту; и хотя идея такого конца по существу своему тождественна, но самые, такъ сказать, процессъ и пружины этого спасенія въ упомянутыхъ произведеніяхъ различны.

Начать съ Фауста. Онъ, подобно Жуану, ищетъ достиженія истины,—своей высокой, завѣтной цѣли,—ищетъ ее въ неустанной, непрерывной дѣятельности; но эта его дѣятельность долгое время превратно направлена. Онъ ищетъ удовлетворенія въ наукѣ, въ любви, въ государственной дѣятельности, въ придворной жизни, въ самыхъ смѣлыхъ, страшныхъ предпріятіяхъ, въ классической древности, въ войнѣ,—и находитъ его, наконецъ, на склонѣ своихъ дней, въ упорномъ трудѣ, направленномъ не на удовлетвореніе своихъ личныхъ желаній и потребностей, а на пользу человѣчества. Въ полезномъ, безкорыстномъ трудѣ таится и его спасеніе—духъ его обрѣлъ правый путь, съ котораго его пытался сбить Мефистофель, и неистощимая небесная любовь прощаетъ и покрываетъ его прошлыя заблужденія, избавляя его отъ адскихъ мукъ. Любовь спасенной и просвѣтленной Гретхенъ бу-

детъ поддерживать и просвѣщать его и впредь на пути къ достиженію высшаго духовнаго совершенства.

Меримé, описывая спасеніе своего героя, становится на иную точку зрѣнія. Онъ приписываетъ его пламенному сокрушенію о совершенныхъ имъ преступленіяхъ, которое охватываетъ душу Жуана послѣ бывшаго ему грознаго видѣнія, и безпримѣрной силѣ и искренности раскаянія, которымъ ему удается загладить его послѣдній страшный грѣхъ—убійство непримиримаго Донъ-Педро. Этотъ взглядъ — взглядъ самой средневѣковой легенды, которую Меримé пересказываетъ, и въ которой еще крѣпко коренится аскетическій духъ.

Конецъ Жуана по Ал. Толстому хотя и не вполнѣ чуждъ аскетизма легенды, но все же отличается отъ нея. Жуана спасаетъ то, что онъ, всю жизнь обманами водимый, теперь приходитъ къ сознанію, постигаетъ свои собственныя чувства, видитъ, что полюбилъ Анну той настоящей любовью, къ которой стремился, и обрѣтаетъ утраченную имъ вѣру. Правда, гибель Анны какъ будто наноситъ ей ударъ. Жуанъ клянетъ молитву, рай, блаженство, душу, и не хочетъ покориться; но эта вспышка отчаянія пройдетъ, и любовь, наполняющая его душу, укрѣпитъ и поддержитъ въ немъ спасительную вѣру, потому что любовь есть живой источникъ вѣры. Жуанъ удаляется въ монастырь, гдѣ, подобно брату Амброзіо у Меримé, поражаетъ всю братію постоянствомъ своего раскаянія и примѣромъ глубокаго смиренія.

Такимъ образомъ, въ концѣ Толстовской поэмы слились разнородные элементы, производящіе своеобразное впечатлѣніе; да и самый герой произведенія кажется весьма странной, загадочной личностью. Эта странная натура развертывается все шире и глубже, и доходитъ, наконецъ, до силы и мощи, какою не надѣлялъ ее еще ни одинъ ея истолкователь.

XVI.

Донъ-Жуанъ—какъ говоритъ о немъ прологъ — любимецъ Творца и природы, пылкій, увлекающійся мечтатель, отважный идеалистъ, призванный къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ; грядущее сулитъ ему славу и почести, но свойственная ему гордость грозитъ возможностью паденія и гибели.

Дѣйствіе поэмы происходитъ десять лѣтъ спустя послѣ пролога и изображаетъ, строго говоря, послѣдніе эпизоды жизни Жуана. За эти десять лѣтъ всѣ задатки, вложенные въ его душу, успѣли

развиться; онъ испыталъ, мучимый Сатаною, рядъ горькихъ разочарованій и составилъ себѣ свое міросозерцаніе. Въ поэмѣ мы встрѣчаемся съ нимъ въ моментъ окончательнаго завершенія его развитія.

Изъ сцены передъ судомъ инквизиціи мы узнаемъ, что Донъ-Жуану лѣтъ двадцать-пять съ небольшимъ; что друзей у него много, но что онъ имъ, повидимому, не слишкомъ-то довѣряетъ; что въ церковь онъ не ходитъ, а если и ходитъ, то такъ, забавы ради, или если надѣется встрѣтить тамъ любимую имъ женщину; что онъ непочтительно отзывается о святой инквизиціи, и даже осуждаетъ ея дѣянія, а главное — вѣчно занятъ интригой, какъ будто ищетъ чего-то въ этихъ связяхъ, и чего-то особеннаго ждетъ отъ любимыхъ имъ женщинъ. Изъ разсказовъ Лепорелло объ его господинѣ выясняется, что Донъ-Жуанъ — человѣкъ съ широкими, либеральными взглядами на религію:

Человѣкъ
Молиться воленъ, какъ ему угодно,
Не влѣзешь силой въ совѣсть никому,
И никого не вгонишь въ рай дубиной.

Его самого ничто не заставитъ отказаться отъ своихъ убѣжденій; если онъ и измѣнитъ имъ, то только — когда твердо убѣдится въ несостоятельности прежнихъ взглядовъ. Онъ возстаетъ противъ религіозныхъ гоненій, противъ утѣсненія низшихъ классовъ высшими, и высказываетъ такой взглядъ:

Если бы сравняли всѣхъ правами,
То не было бъ ни отъ кого вражды.

Донъ-Жуанъ неустрашимъ и отваженъ; опасность никогда не заставляетъ его терять голову; борьба ему всегда по душѣ; онъ знаетъ свои силы, и охотно мѣряется ими съ достойнымъ противникомъ, будь это въ открытомъ, честномъ бою, въ которомъ онъ такъ опасенъ, что, по выраженію Анны, „дышитъ кровавой смертью“ — или въ скрытой борьбѣ засадъ, уловокъ, хитростей и увертокъ, какъ борьба его съ инквизиціей.

Умъ его несомнѣненъ. Иначе онъ не стремился бы изслѣдовать своимъ умомъ все, что̀ намъ завѣщало преданіе, не предпринималъ бы сызнова работу долгихъ вѣковъ, не пытался бы проникнуть въ нѣдра жизни и разрѣшить ея загадки.

Жуанъ великодушенъ. — Несмотря на то, что Боабдилъ покушался на его жизнь, онъ не убиваетъ его, а, напротивъ, спасаетъ и укрываетъ отъ преслѣдованій властей; онъ и Октавіо

и убиваетъ его только тогда, когда ясно видитъ, что цетъ его смерти.
на-Анна говоритъ про него:

> Онъ былъ преступенъ, но порочен не былъ.

дѣйствительно, въ немъ нѣтъ низости, свойственной по-ѧже въ своихъ преступленiяхъ онъ идеалистъ; его возму-Донъ-Цезарь, который губитъ несчастную Инесу съ пол-авнодушiемъ, такъ, ради какой-то прихоти. Въ поступкѣ Жуану всего противнѣе ложь. Онъ самъ не разъ губилъ ю имѣлъ несчастiе полюбить его; но дѣло въ томъ, что ъ всегда искренно увлекался своими жертвами. Вѣдь въ женщинѣ, привлекавшей его, онъ думалъ найти свой пылкое воображенiе, возбуждаемое надеждой, дорисовы-у ея совершенства такими, какими онъ желалъ ихъ найти; но, поэтому, что онъ никогда —

> Въ любовныхъ приключеньяхъ
> Не обольщалъ съ холодностью безстрастной,
> И никогда разсчитывать не могъ...
> . . . .
> Воображенью дать лишь стоитъ волю,
> Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
> Минутной вѣрой мнѣ наполнитъ душу,
> Искусственнымъ восторгомъ опьянитъ;
> Краснорѣчиво жгучiя слова
> Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ
> Я непритворно въ роль свою войду,
> И до развязки самъ себѣ повѣрю...

итъ Жуанъ, размышляя о своихъ отношенiяхъ къ Аннѣ. а воображенiя — отличительная и даже роковая особен-го души. Не будь ея, Сатанѣ едва ли бы удалось такъ морочить и терзать Жуана, какъ онъ это дѣлаетъ; не , Жуанъ не въ состоянiи былъ бы съ совершенной прав-о говорить Аннѣ, что—

> Для обмана не былъ онъ рожденъ.

и ко всѣмъ этимъ свойствамъ прибавить еще и счастли-вшность Жуана, то получится дѣйствительно рѣдкостное iе выдающихся достоинствъ, оправдывающее названiе лю-рироды, данное ему въ прологѣ.
главная черта его характера — это живущая въ немъ ьная жажда идеала, не умирающая вопреки всѣмъ разо-

чарованіямъ; да онъ и не знаетъ въ мірѣ ничего такого, что бы могло замѣнить ему искомое блаженство, заставить его хоть на мгновеніе забыть ту жажду счастья, которой нѣтъ на свѣтѣ утоленья.

Въ Жуанѣ есть какая-то мощная сила, пугающая и чарующая, какая-то власть надъ людьми и самимъ собою. Эта власть подчиняетъ ему всѣхъ, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился: примѣръ—всѣ его жертвы, не исключая и Донны-Анны, напрасно боровшейся противъ своего чувства. Исключенія не составляетъ и Октавіо, видѣвшій, что Жуанъ недостоинъ Анны, и командоръ, противившійся браку Анны съ Жуаномъ, и все же принужденный сознаться, что Жуанъ съумѣлъ и его очаровать. Власть Жуана надъ самимъ собою такъ же велика.

Не останавливаясь на менѣе крупныхъ ея проявленіяхъ, разбросанныхъ въ поэмѣ, обратимся къ сценѣ, слѣдующей за появленіемъ статуи. Смерть Донны Анны открыла Жуану глаза на самого себя, и когда онъ немного оправился послѣ поразившаго его несчастья, онъ невольно задалъ себѣ неизбѣжный вопросъ:

Чѣмъ кончу я?
Искать любви мнѣ болѣ невозможно,
А жизни мстить я право потерялъ.

Мысль о самоубійствѣ, какъ о легчайшемъ выходѣ изъ такого положенія, посѣщаетъ его однако лишь на мгновеніе, и онъ отказывается отъ нея, потому что это — способъ малодушный и недостойный:

Убить себя? То было бы легко!
Несостоятельные должники
Выходятъ часто такъ изъ затрудненья;
Но этимъ долга выплатить нельзя—
Я долженъ жить; я умереть не смѣю!
Я долженъ жить; и жаль, что слишкомъ скоро
Меня избавитъ смерть отъ этой муки.

Онъ ясно понимаетъ, что смерть его не можетъ искупить всѣхъ совершенныхъ имъ преступленій; смерть была бы для него теперь невыразимымъ облегченіемъ, но въ немъ достаточно мужества, чтобы побороть въ себѣ постыдную слабость:

...этимъ долга выплатить нельзя!

А долгъ Жуана передъ жизнью—огромный; онъ столько разрушилъ жизней, столько разбилъ идеаловъ и сердецъ, что хоть чѣмъ-нибудь обязанъ вознаградить ихъ за причиненныя имъ бѣдствія.

Для этого-то онъ и принуждаетъ себя къ жизни, т.-е. къ существованію, отравленному жгучими воспоминаніями и безпощадными упреками совѣсти. Какъ же сложится для Жуана такая жизнь? Авторъ даетъ на это отвѣтъ въ эпилогѣ, завершающемъ драму. Жуанъ находится при смерти. Онъ удалился отъ міра въ монастырскія стѣны, гдѣ проводитъ остатокъ своихъ дней въ подвижническихъ трудахъ, поражающихъ даже самыхъ опытныхъ и суровыхъ отшельниковъ:

Раскаянья такого постоянство
Высокій есть для братіи примѣръ.
До сей поры онъ ходитъ въ власяницѣ,
Ни разу онъ не снялъ своихъ веригъ.
Я не видалъ подобнаго смиренья.
Доселѣ все не хочетъ онъ постричься,
Достойнымъ не находитъ онъ себя.

Разумѣется, нравственный переворотъ, происшедшій въ душѣ Жуана, совершился не внезапно; несомнѣнно, ему пришлось выдержать рядъ тяжкихъ искушеній, упорную борьбу съ міромъ и съ самимъ собою, прежде чѣмъ дойти до наполняющаго его душу смиренія и раскаянія. Но такая натура, какъ его, не останавливается на полъ-пути; если прежде ничто не удерживало его на пути исканія истины, то что̀ же можетъ помѣшать ему теперь, когда этотъ путь найденъ? Когда лучшія стороны его души, жаждавшей истины и достиженія идеала, направлены были въ ложную сторону, то онъ способенъ былъ на неслыханныя, чудовищныя преступленія; до какой же нравственной высоты можетъ подняться человѣкъ, одаренный пламенной волей, упорствомъ, неутолимой жаждой совершеннаго и прекраснаго, когда всѣ силы его могучей души будутъ, наконецъ, направлены по вѣрному и прямому пути? Возможность такого перерожденія заключается въ самой сущности характера Донъ-Жуана, такъ же, какъ въ ней же заключалась и причина его пагубной и преступной дѣятельности.

Какъ бы то ни было, но Донъ-Жуанъ достигаетъ, наконецъ, успокоенія и примиренія, о чемъ и говоритъ дивный погребальный хоръ монаховъ, оканчивающій поэму.

Жуанъ сознаетъ свою силу, и это сознаніе, вмѣстѣ съ чувствомъ своего превосходства надъ людьми, упорство, сила стремленій, несдержанный порывъ ума, жажда дѣятельности, помогаютъ ему свысока смотрѣть на жизнь и ея блага и презирать кумиры остального человѣчества. Высокой душой онъ ожесточенъ на обманъ и ложь, окружающіе его, и, негодуя на несоотвѣт-

ствіе между его идеаломъ и дѣйствительностью, онъ враждуетъ съ властью, призвавшей его къ бытію.

Но то, что̀ даетъ разгадку его характера, это—особыя свойства его любви. На ней построено все его міросозерцаніе.

XVII.

Любовь, какъ ее понимаетъ Жуанъ,—источникъ всѣхъ истинъ, первая причина великихъ дѣлъ; она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ возвышенныя чувства человѣческаго сердца—

Честь, совѣсть, состраданье, дружбу, вѣрность,
Религію, законовъ уваженье,
Привязанность къ отечеству...

Обманутый въ этомъ основномъ чувствѣ, Жуанъ отвергаетъ и то, что̀ оно въ себѣ вмѣщаетъ:

Религія! Не на любви ль ея
Основано великое начало?
Но если основанье есть ничто—
Тогда и самое ничтожно зданье.
Коль нѣтъ любви—то нѣтъ и убѣжденій;
Коль нѣтъ любви—то, знайте, нѣтъ и Бога!

Отсюда его презрѣніе къ людямъ, лишеннымъ любви, къ тому поддѣльному міру, въ которомъ они чувствуютъ себя удовлетворенными, и въ которомъ ему, Жуану, тяжело и душно. Отсюда и его стремленіе все попрать и унизить, что̀ люди чтутъ и уважаютъ, и каждой своей цѣли достигать скоро, не разбирая средствъ и ничѣмъ не стѣсняясь и не смущаясь. Отсюда и его невѣріе, являющееся плодомъ обмана. Это не холодное умственное разсужденіе атеиста, это—слѣдствіе его горячаго стремленія къ идеалу. Когда Жуанъ еще искренно и глубоко предавался любви, онъ такъ же горячо вѣрилъ въ Бога и Его благость; но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ исчезала для него истинная, прозрѣваемая имъ любовь, остывала и вѣра. Вѣра Жуана, сердечная, а не разсудочная, вернется къ нему съ былой силой, какъ только вновь затеплится въ немъ чистая и святая любовь.

У Жуана Ал. Толстого есть и еще одна особенность: это—космополитизмъ. Въ немъ нѣтъ привязанности къ родинѣ—је чувство къ ней онъ ставитъ на одинъ уровень съ мимо'нымъ чувствомъ къ какой-нибудь красавицѣ:

Нерѣдко, прелестницу
Покидая средь сна,

Я измѣною лѣстницу
Укрѣплялъ у окна;
Такъ и нашъ, о, Испанія,
Я кончаю союзъ,
И съ тобой, безъ прощанія,
Навсегда разстаюсь.

А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

Кто приковалъ
Къ извѣстному пространству человѣка?
Кто ограничилъ вашъ свободный духъ
Стѣной, горами, моремъ иль заставой?
Когда бъ любовь оправдывалась въ мірѣ,
Отечествомъ была бы вся земля.
И человѣкъ тогда душою вольной
Равно любилъ бы весь широкій міръ,
Отечествомъ бы звалъ не только землю,
Онъ звалъ-бы имъ и звѣзды, и планеты.

Набросанныя выше общія черты характера Жуана въ изображеніи Ал. Толстого намъ уже знакомы; это, въ большинствѣ случаевъ, черты, уже встрѣчавшіяся въ предыдущихъ обработкахъ сюжета, но въ Жуанѣ Толстого онѣ какъ будто слились, чтобы создать новый образъ. Мы узнаемъ въ немъ и Жуана Теноріо, и де-Маранья, узнаемъ безстрашіе и силу духа, присущія герою Мольера, неотразимую обаятельность и искренность чувства Пушкинскаго Жуана, христіанское смиреніе и аскетическую стойкость брата Амброзіо, неутолимую жажду идеала, угаданную въ немъ Гофманомъ и Мюссе, разочарованность Байроновскихъ героевъ, отвагу, ловкость, опытность и искусство въ бою испанскаго гидальго временъ Тирсо-де-Молино,—однимъ словомъ, въ Жуанѣ Толстого слились самыя замѣчательныя черты длиннаго ряда его предковъ и въ немъ данъ міровой образъ, поражающій своей колоссальной мощью, глубиной и богатствомъ своихъ свойствъ и, кромѣ того, полный высокаго идеализма и большой реальности.

XVIII.

Судьба каждаго человѣка зависитъ отъ отношеній его къ міру высшему, духовному. Въ понятіе о духовномъ мірѣ входятъ представленія о совѣсти, религіи и Божествѣ, и тѣ отношенія, въ которыя человѣкъ становится къ этимъ представленіямъ. Отно-

шенія Жуана къ совѣсти и религіи намъ уже извѣстны. „Что такое совѣсть?“—спрашиваетъ онъ себя,—и вотъ его отвѣтъ:

Совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?
Все громкія и пышныя слова,
Все той же лжи лишь разныя названья!
Къ чему же намъ зазрѣньями стѣсняться?
Не вѣря ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
Достигну скоро, все попру ногами,
Унижу все и жизни отомщу!

Взглядъ Жуана на Бога тоже довольно простъ. Если существуетъ та высокая любовь, о которой онъ мечтаетъ, то существуетъ и Божество, въ которомъ она воплощается; а нѣтъ одной—не существуетъ и другого. Между тѣмъ, Жуанъ страдаетъ своимъ невѣріемъ, и только и желаетъ, чтобы ему дана была возможность отказаться отъ него; это какой-то заколдованный кругъ: лишь бы повѣрить—все равно, въ существованіе ли Бога, или въ существованіе истинной любви. Если доказано будетъ, что Богъ есть, то этимъ самымъ Жуану дана будетъ увѣренность въ существованіи идеальной любви, исполняющей Божество; а если онъ найдетъ, наконецъ, эту любовь, то этимъ самымъ онъ убѣдится въ томъ, что Богъ несомнѣнно есть. Любви онъ въ жизни еще не нашелъ,—онъ требуетъ, чтобы хоть Божество доказало свое существованіе. Послѣ убійства Октавіо, когда Анна призываетъ на его голову Божій громъ, Жуанъ съ тоской отвѣчаетъ:

Увы, никто не слышитъ, донна-Анна,
Проклятій вашихъ. Ясенъ сводъ небесъ,
Мерцаютъ звѣзды, лавръ благоухаетъ,
Торжественно на землю сходитъ ночь,
Но въ небесахъ все пусто, донна-Анна,
Въ нихъ Бога нѣтъ. Когда бъ внезапно громъ
Теперь ударилъ, я бъ повѣрилъ въ Бога,
Но громъ молчитъ—я вѣрить не могу.

Въ этихъ словахъ—столько же богохульства, сколько и затаенной надежды, что Божество, можетъ быть, откликнется на этотъ вызовъ, заговоритъ громовымъ голосомъ, подтвердитъ свое существованіе, и дастъ человѣку вѣру. Что это такъ—слѣдуетъ въ дальнѣйшихъ словъ Жуана; онъ съ возрастающими скорбью и влеченіемъ рисуетъ Аннѣ свою мечту:

О, если бы я могъ въ Него повѣрить,
Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ,

Какія бъ лилъ горячія я слезы,
Какія бы молитвы я нашелъ!
О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
Чтобы еще Онъ жизнь мою продлилъ,
И могъ бы я, босой и въ власяницѣ,
Простертый въ прахъ и съ пепломъ на главѣ,
Хоть долю искупить тѣхъ преступленій,
Которыя безвѣрьемъ рождены!
Какихъ бы я искалъ себѣ мученій,
Какимъ бы истязаньямъ предалъ плоть,
Какъ жадно бъ я страданьемъ упивался,
Когда бы могъ повѣрить въ Божество!
О, горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

Это мѣсто поэмы вполнѣ достаточно и логично объясняетъ обращеніе Жуана: онъ созналъ, что долженъ жить, вспомнилъ предсмертныя слова Анны, которая говорила, что онъ спасется только покаяньемъ, и сталъ приводить въ исполненіе то, о чемъ нѣкогда самъ вполнѣ искренно говорилъ ей. Допустить, въ данномъ случаѣ, неискренность Жуана—неправильно; бывалъ же онъ искрененъ въ другихъ случаяхъ, и ему нѣтъ основанія лукавить теперь.

Къ людямъ Жуанъ относится свысока и съ пренебреженіемъ. Его возмущаетъ въ нихъ равнодушіе, съ которымъ они смотрятъ на темныя стороны жизни, покорность, съ которою они склоняются передъ судьбой и обстоятельствами; ему противны повседневность и низменность ихъ стремленій и интересовъ, ненавистны установленные ими обычаи и учрежденія. Поэтому онъ—врагъ всего, что̀ внушаетъ обыкновеннымъ людямъ уваженіе и благоговѣніе. „Взгляни вокругъ",—говоритъ онъ Аннѣ:—

Достойны ль ихъ кумиры поклоненья?
Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный міръ
Той жаждѣ правды, чувству красоты,
Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
Вездѣ условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболѣпство!
Весь этотъ міръ нечистый я отвергъ,
Но я другой хотѣлъ соорудить
Свѣтлѣй и краше видимаго міра;
Имъ внѣшность я хотѣлъ облагородить.

Въ этихъ словахъ Жуана слышится что-то Фаустовское, какъ бы отзвукъ пѣсни духовъ:

Увы! Увы!
Его ты разбилъ,

Прекрасный міръ,
Могучей рукой...
Всевластный
Сынъ праха!
Прекрасный,
Воскресни,
Чтобъ сердцемъ его возсоздать!

Но Жуанъ, въ этомъ отношеніи, идетъ дальше Фауста; Анна говоритъ про него, что онъ „высоко стоитъ надъ жизнью“, и онъ самъ такъ думаетъ:

Возстань же, донъ-Жуанъ!
Иди впередъ, какъ ангелъ истребленья,
Брось снова вызовъ призраку любви,
Условій пошлыхъ мелкія сплетенья
Вокругъ себя какъ паутину рви—
Живи одинъ, для мщенья и для страсти!
На зло судьбѣ иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытіе призванъ,
Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,
Надъ жизнью такъ господствуй, донъ-Жуанъ!

Эти слова произноситъ уже не идеалистъ Жуанъ, а какой-то байроническій герой, которому міръ рисуется жалкимъ и ничтожнымъ, и который съ сатанинской гордостью ставитъ себя выше всего окружающаго. До сихъ поръ Жуанъ былъ понятенъ и близокъ читателю; внезапно проявляющійся въ немъ духъ какого-то сверхъ-человѣческаго озлобленія, байроническаго возмущенія и тщеславнаго самодовлѣнія—все портитъ. Покуда Жуанъ открыто былъ занятъ исключительно самимъ собою, онъ былъ привлекателенъ и естественъ; какъ только онъ пробуетъ облечься въ пресловутый Чайльдъ-Гарольдовъ плащъ и выставить свои личныя стремленія какъ проявленія терзающей его міровой скорби, онъ теряетъ интересъ. Изъ человѣка съ богатой, своеобразной натурой онъ обращается въ банальный, избитый, даже нѣсколько опошленный типъ романическаго героя со всѣми его замашками. Поэтому слова его и поступки не всегда соотвѣтствуютъ другъ другу, и рѣчи оказываются эффектнѣе и сильнѣе дѣлъ. Такъ, напр., узнавъ отъ Лепорелло, что онъ находится подъ наблюденіемъ членовъ инквизиціи, онъ восклицаетъ:

Мнѣ по̀ сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросилъ. Кровная вражда
Ужъ началась открыто между нами;

Взойди жъ, моя зловѣщая звѣзда!
Развейся, моего возстанья знамя!

Возстанье это проявляется тѣмъ, что онъ заставляетъ Лепорелло нарядиться монахомъ и съ его помощью обманываетъ офицера священной стражи и убиваетъ командора. Въ своей ненависти ко всему повседневному и обыденному Жуанъ доходитъ до крайностей.

Жуанъ достигъ своей цѣли — добился привязанности Анны; онъ торжествуетъ; ему кажется, что онъ дѣйствительно одну ее и видитъ, и помнитъ, и что —

Теперь онъ все нашелъ, теперь онъ счастливъ.

Чувство, которое возбуждаетъ въ немъ появленіе командора въ самый разгаръ его восторга и увлеченія, съ одной стороны, вполнѣ естественно; всякій разсердился бы на помѣху, прекратившую пріятную бесѣду; но въ Жуанѣ говоритъ нѣчто большее, нежели простая досада. Его дѣйствительно обдаетъ холодной водой отъ словъ нареченнаго тестя. Онъ вдругъ понимаетъ, что испытываемые имъ за минуту передъ тѣмъ „восторгъ и жизни полнота“ были поддѣльны, ложны. Его комедія его самого увлекла настолько, что въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній онъ счастливъ, и даже готовъ вѣрить:

Да! Вѣрь, о, ангелъ! Вѣры! Намъ надо вѣрить!
Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!

Каково же должно быть его негодованіе, когда въ минуты такого блаженства и упоенія его тревожатъ напоминаніемъ о ненавистныхъ ему будничныхъ мелочахъ жизни, вродѣ соблюденія освященныхъ обычаемъ правилъ этикета? Разумѣется, гнѣвъ его обращается на отца Анны, хотя никакого намѣренія убивать его изъ этой досады и не истекаетъ. Донъ-Жуанъ просто хочетъ порвать цѣпи, которыми онъ боится быть опутаннымъ, и убиваетъ Донъ-Альвара нечаянно, защищаясь отъ нападенія старика, взбѣшеннаго его дерзкой серенадой подъ балкономъ Нисеты.

Подобно Мюссе, Ал. Толстой увлекся своимъ героемъ, и какъ тотъ преувеличивалъ идеализмъ Жуана, такъ этотъ преувеличиваетъ его разочарованность и озлобленность. Въ этомъ состоитъ недостатокъ характеристики Жуана; внесенный въ нее элементъ байронизма не возвысилъ, а наоборотъ, уронилъ вы-

дающуюся фигуру героя поэмы. Не будь этого, характеристика его была бы безупречна.

XIX.

Главный рычагъ жизни Жуана, безспорно,—чувство любви, не столько той мистической любви, на понятіи которой зиждется его міросозерцаніе, сколько реальнаго чувства къ избранной имъ женщинѣ. Такая способность феноменально часто и вполнѣ искренно испытывать это чувство—самая поразительная черта его характера.

Донъ-Жуанъ относится къ своему чувству не легкомысленно; напротивъ, онъ самъ благоговѣетъ и преклоняется передъ нимъ:

Любовь онъ въ мысли ставитъ
Такъ высоко, такъ свято понимаетъ,
И для него ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
Что отъ малѣйшаго прикосновенья
Легко мрачится онъ и увядаетъ.

Для него любовь—не узкое, эгоистическое чувство двухъ людей, заставляющее ихъ отрѣшиться отъ міра, а нѣчто роднящее его со вселенной, такое чувство, которое возвышаетъ его и приближаетъ къ Божеству. Такое же пониманіе любви и такое же отношеніе къ ней онъ ожидаетъ встрѣтить и у любимой женщины, и мечтаетъ соединить въ одномъ сердцѣ разбросанные по мірозданью лучи любви, чтобы этимъ сжатымъ свѣтомъ ярко озарить неясныя стремленія своей души:

О, если бы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
Одно звено той безконечной цѣпи,
Которая, въ связи со всей вселенной,
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству,
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность--безъ конца.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу всякое разочарованіе вдвойнѣ тяжело и горестно. „Женщины меня безстыдно обманули",—говоритъ Жуанъ,—„и я не могъ продолжать любить ихъ"; но—

Самъ себѣ я оставался вѣренъ;
Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
Которая являлась въ нихъ сначала...

Жуанъ понималъ ихъ подлогъ, и въ немъ тотчасъ же зарождался другой, неясный образъ; тогда онъ—

Чтобы любви священное начало
Борьбою двухъ явленій не нарушить,
Спѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ...
Онъ съ собой былъ честенъ,
И двумъ идеямъ вмѣстѣ не служилъ.

Любовь Жуана чужда всякой ревности; онъ всегда охотно уступалъ мѣсто счастливому сопернику, и только тогда рѣшалъ дѣло шпагой, когда соперникъ докучалъ ему назойливыми придирками; но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о томъ, что Анна прежде любила Октавіо, и можетъ быть и его любитъ только вполовину, ему тягостна:

Просторно сердце женщины...
Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ
Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
Среди любви живой и настоящей,
Нерѣдко запоздалый отголосокъ
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тутъ нѣтъ: подобныя явленья
Въ природѣ женской. Но дѣлиться я
И съ тѣнью даже не могу тѣмъ сердцемъ,
Которое мнѣ отдалося. Въ немъ
Я долженъ быть одинъ.

Когда же Анна успокаиваетъ его насчетъ своихъ чувствъ къ отверженному Октавіо, настаивая на сознательности своей любви къ нему, Жуану, то онъ—въ восторгѣ. Ему кажется, что женщина, такъ понимающая любовь, выше своихъ сестеръ, что все ей доступно,—поэтому онъ открываетъ ей свои завѣтныя мысли.

Жуану не такъ легко разстаться съ своей любовью, какъ это кажется; разлюбить для него каждый разъ значитъ разочароваться и обмануться; а его любовь къ Аннѣ, къ тому же, не похожа на прежнія его увлеченія. Онъ полюбилъ ее не за одну красоту; его поразило въ ней что-то особенное и своеобразное; ея записка, въ которой она признается ему въ любви, непривычнымъ образомъ потрясаетъ и волнуетъ его; онъ ощущаетъ какой-то непонятный сердечный трепетъ, и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя о причинахъ такого необычайнаго настроенія. Наконецъ, онъ объясняетъ его себѣ мыслью, что „это кровь играетъ", и рѣшаетъ добыть себѣ Анну, не разбирая, какое чувство влечетъ его къ ней. А дѣло въ томъ, что при встрѣчѣ съ Анной Жуанъ полюбилъ ее истинной, святой любовью, но

только, ослѣпленный прежними заблужденіями, не сознаетъ близости спасенія и самъ себя не понимаетъ. Въ порывѣ увлеченія онъ доходитъ до того, что сватается къ ней; и въ сущности лишь изъ покорности прежнимъ своимъ привычкамъ порываетъ съ невѣстой. Тутъ къ собственному его изумленію оказывается, что забыть ея онъ не можетъ; роковая катастрофа съ командоромъ не измѣняетъ его настроенія; напротивъ, онъ начинаетъ сомнѣваться въ самомъ себѣ, и даже на минуту готовъ допустить, что любитъ Анну по-настоящему; но горькій и многократный опытъ не даетъ ему углубиться въ эту мысль. Онъ колеблется передъ тѣмъ, чтобы окончательно погубить Анну:

И этотъ новый призракъ счастья
Исчезнетъ, какъ всѣ прочіе. Да, да,
Я излечусь; но это излеченье
Тяжеле будетъ самаго недуга,
И я куплю спокойствіе мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этотъ цвѣтъ
Несорваннымъ, но издали дышать
Его томительнымъ благоуханьемъ,
И каждый день, и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?

Но такое положеніе дѣлъ немыслимо при его кипучей натурѣ. Онъ мечтатель, но требуетъ отъ жизни исполненія своей мечты, и въ то же время не вѣритъ въ ея осуществленіе; поэтому, чѣмъ скорѣе обнаружится неизбѣжный обманъ, тѣмъ лучше для него,—и участь Анны рѣшена. У Жуана еще не сложилось опредѣленнаго плана дѣйствій, но онъ чувствуетъ присутствіе въ себѣ „своего демона", который подскажетъ ему всѣ его рѣчи и поступки, и который уже теперь разжигаетъ губящій пламень и грозное чувство, о которомъ Жуанъ самъ не можетъ съ точностью сказать—

Любовь ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
Иль ненависть похожа на любовь?

Онъ еще не дошелъ до пониманія самого себя, и не сознаетъ своей любви; а между тѣмъ волнующее его чувство есть именно любовь; ослѣпленный и „всю жизнь обманами водимый", онъ не можетъ еще уразумѣть, въ чемъ дѣло; но читатель все понимаетъ, благодаря сценѣ на кладбищѣ. Совершенно „сбитый съ толку", Жуанъ приходитъ къ Аннѣ и говоритъ ей, что уѣзжаетъ, что убійцы рыщутъ по его слѣдамъ, и что единственный для него исходъ—это снова броситься въ омутъ отчаянія

и преступленій, такъ какъ искать утѣшенія и поддержки въ религіи для него немыслимо. Жуанъ разсказываетъ ей то, что происходитъ въ его душѣ, и хотя онъ пришелъ съ жестокимъ и преступнымъ намѣреніемъ, и самъ, можетъ быть, не вполнѣ сознаетъ всю правду своихъ словъ, но онъ открываетъ ей единственное еще возможное средство къ своему спасенію. Онъ безсознательно наталкиваетъ ее на мысль о томъ, что спасти его можетъ она... При встрѣчѣ съ нею въ его озлобленной, негодующей душѣ родилась надежда; но онъ не могъ себѣ повѣрить— зло слишкомъ завладѣло имъ, и онъ, желая убить въ себѣ мучительное чувство, „святотатно его попралъ". Но это не спасло его. „Я преступникъ",—говоритъ Жуанъ, и въ его словахъ снова слышится полная искренность,—„но я уже наказанъ:

Не удалося мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ
Не въ силахъ я изгладить, ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда бъ я могъ, хоть изрѣдка, васъ видѣть—
Не здѣсь—о, нѣтъ, но въ церкви гдѣ-нибудь;
Незримый вами, въ темномъ углубленьи,
Межъ нищими, колоннами сокрытъ,
Когда бъ я могъ, хоть издали, украдкой,
Вашъ иногда услышать голосъ—о!
Тогда, быть можетъ, былъ бы я спасенъ,
И вѣрить вновь тогда бы научился!

Но Донъ-Жуанъ ошибается; такое спасеніе для него немыслимо; онъ, несомнѣнно, не могъ бы удовлетвориться такимъ положеніемъ дѣлъ; скрытая любовь его такъ и не прорвалась бы наружу, а злыя побужденья его все же заставили бы погубить Донну-Анну и самому погибнуть вмѣстѣ съ нею. Необходима такая катастрофа, которая поразила бы все существо Жуана, дала бы, наконецъ, исходъ его чувствамъ; его могучей натурѣ нужны и могучія потрясенія; и этимъ именно путемъ и осуществляется его спасеніе. Поступокъ Анны, спасающей того, на чью голову такъ недавно она призывала небесное проклятіе, знаменуетъ побѣду Жуана надъ нею. Но торжество надъ послѣдней его жертвой не удовлетворяетъ героя. Онъ сознаетъ, что не вполнѣ достигъ своей цѣли, что внезапность и расплохъ помогли ему, что онъ не вполнѣ узналъ сердце Донны-Анны, и что ему не пришлось, подобно герою Мольера, сломить ея сопротивленье:

Побѣду я укралъ какъ воръ. Не такъ
Мнѣ овладѣть хотѣлось этимъ сердцемъ!

Нѣтъ: шагъ за шагомъ, медленно впередъ
Все далѣе и далѣ подвигаться,
Вражду, и стыдъ, и совѣсти боренье
Въ послѣднія убѣжища тѣснить,
И гордую противницу мою,
Самой ей къ изумленью, заставить
Мнѣ сдѣлаться послушною рабой—
Вотъ гдѣ была бы цѣнность обладанья,
Вотъ что побѣдой полной я бъ назвалъ!
Нѣтъ, недоволенъ я собою. Много
Нетронутыхъ я въ ней оставилъ струнъ,
И много темныхъ сердца тайниковъ
Я не извѣдалъ...

Изъ этой неудовлетворенности вытекаетъ и нетерпѣливое желанье:

Скорѣй, скорѣй прожить мнѣ эту жизнь
И весело пробиться до конца!..

Но какъ безцѣльна и пуста эта жизнь!..

То, что снилося мнѣ, того нѣтъ наяву!
Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?
Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
Смысла въ ней безпокойной душой не ищи,
Но какъ камень, сорвавшись съ свистящей пращи,
Такъ лети все впередъ безъ оглядки!
Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
Ужъ я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
Но зато я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
Безполезно шипящую чашу!

Но и на этотъ разъ чувство его къ Аннѣ все еще продолжается, несмотря на видимую развязку; въ послѣднемъ свиданіи онъ колеблется, гордость и упорство вспыхиваютъ въ немъ съ прежнею силой, и онъ отталкиваетъ отъ себя предлагаемое Анной средство ко спасенію. Съ потерей Анны въ немъ вдругъ все проясняется; онъ впервые сознаетъ, что потерялъ все, что ему еще было дорого, и что любитъ ее такъ, какъ всегда мечталъ полюбить. Обезумѣвъ отъ горя, онъ, только-что сознавшій въ себѣ любовь и былую вѣру,—

Клянетъ молитву, рай, блаженство, душу...

— и снова вызываетъ на бой и Адъ, и Небо.

Но эти безразсудныя проклятія не губятъ Жуана; онъ при-

деть въ себя и покорится, потому что любитъ и вѣритъ, а эти чувства спасутъ его:

Любовь есть сердца покаянье,
Любовь есть вѣры ключъ живой;
Его спасетъ любви сознанье,
Не конченъ путь его земной.

Въ поэмѣ гр. Ал. Толстого есть одна особенность, какъ будто странная, если принять во вниманіе самый сюжетъ произведенія: въ немъ сравнительно мало говорится о жертвахъ Жуана; въ двухъ, трехъ мѣстахъ вскользь упоминается о его большомъ непостоянствѣ, и ни одна изъ любившихъ его женщинъ, кромѣ Анны, въ драмѣ не появляется. Если же мы обратимся къ самымъ раннимъ разработкамъ сюжета, то увидимъ, что въ нихъ центръ тяжести лежитъ именно въ этой особенности Жуана; уже во второй передѣлкѣ легенды упоминается списокъ его жертвъ, да и у позднѣйшихъ писателей такой выгодный мотивъ не оставленъ безъ вниманія; у Пушкина, кромѣ Анны, въ Жуанѣ принимаетъ участіе Лаура; онъ самъ вспоминаетъ Инесу; у Меримè подробно разсказывается, кто именно попалъ въ списокъ Жуана; Ленау изображаетъ исторію пяти или шести увлеченій своего героя, а въ концѣ пьесы даже выводитъ на сцену всю толпу обманутыхъ имъ женщинъ; у Ал. Толстого ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ. Причины такой сдержанности слѣдуетъ искать не въ легендѣ, а въ душѣ самого поэта.

Трудно себѣ представить болѣе рѣзкія и полныя противоположности, нежели самого Ал. Толстого и Жуана. Тогда какъ одинъ всю жизнь проводитъ, влюбляясь и измѣняя, другой увлекается всего одинъ разъ, увлекается безъ памяти, хотя и не красавицей, и женится на ней. Толстой неохотно останавливается на такой чертѣ своего героя, которая была ему непонятна и даже казалась непривлекательной; вовсе обойти ее молчаніемъ онъ не могъ, потому что она существенна, но зато онъ по возможности поверхностно затронулъ ее. Толстой видѣлъ въ Жуанѣ искателя идеала, и для него важенъ только тотъ моментъ, когда онъ находитъ, наконецъ, воплощеніе своей мечты. Такой Жуанъ не могъ безъ разбора увлекаться каждой встрѣчной; настоящій идеалъ—единъ; поэтому Жуанъ никого, кромѣ этой идеальной женщины, окончательно полюбить не можетъ. Отсюда вытекаетъ необходимость изобразить, въ лицѣ Анны, существо почти-что неземное, и во всякомъ случаѣ исполненное бо́льшей святости, чѣмъ всѣ женщины міра.

XX.

Такая задача для Ал. Толстого не представляла особенной трудности, такъ какъ взглядъ на любовь, высказанный Жуаномъ, вполнѣ раздѣлялся самимъ авторомъ. Это видно изъ лирическихъ стихотвореній Толстого, въ которыхъ иной разъ прямо перефразируется та или другая мысль, выраженная въ поэмѣ.

Такихъ примѣровъ много. Взять хотя бы фразу Жуана о—

Безконечной цѣпи,
Которая въ связи со всей вселенной
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству,—

и слѣдующія строки:

Слiясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сiянье правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено.

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ, что—

Ничего въ природѣ нѣтъ,
Чтò бы любовью не дышало...

—и такъ объясняетъ свою мысль:

Когда Глагола творческая сила
Толпы мiровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкiе лучи.
И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.
И любимъ мы любовью раздробленной
И тихiй шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ, на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

То же самое думаетъ Жуанъ, когда говоритъ, что мечталъ соединить въ одномъ сердцѣ „раскинутые врозь по мiрозданью" лучи любви; но онъ хочетъ достичь на землѣ того, чтò возможно только на небѣ, гдѣ—

Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Чтò не вмѣстятъ земные берега.

Подобно своему герою, Толстой въ любви не признаетъ половиннаго чувства:

Коль любить, такъ безъ разсудку,

—говоритъ онъ:

Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
Не развѣдывалъ, не распытывалъ,
Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
Очертилъ свою буйну голову!

Любовь его чужда ревнивости; полюбивъ, онъ разлюбить не можетъ; но—

Безъ повода и права негодуя
Ужъ не кипитъ бунтующая кровь;
Моя любовь, о, другъ, и не ревнуя,
Осталась та же, прежняя любовь...

которая сходна съ бурнымъ горнымъ потокомъ, успокаивающимся, какъ только онъ покидаетъ тѣсное ущелье и привольно разливается по равнинѣ.

Такая любовь не имѣетъ мѣры и предѣла; даже смерть не въ состояніи поколебать ее:

Кто будетъ въ той странѣ, о, другъ, твоя забота,
И кто твоя печаль?

. . . .

Прощальный взоръ бросая нашей жизни
Душою, другъ, вглядись въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ,
Кого звала, кого любила ты,
Чтобы не могъ моей молящей рѣчи
Небесный хоръ навѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи,
Въ странѣ лучей, и помнить, и грустить.

Земная разлука столь же безсильна передъ любовью—поэтъ духовно всюду слѣдуетъ за любимымъ существомъ:

Средь суеты мірского развлеченья,
Среди заботъ,
Моя душа въ надеждѣ и въ сомнѣньи
Тебя зоветъ,
И трудно мнѣ умомъ понять разлуку,
Ты такъ близка!
И хочетъ сжать твою родную руку
Моя рука.

Уже изъ этихъ намековъ можно видѣть, какова должна быть женщина, способная внушить такое чувство. Въ ней должно быть столько чистоты и святости, чтобы смотрѣть на нее могли только съ благоговѣніемъ. Ал. Толстой очень смутно описываетъ ея наружность—онъ цѣнитъ единственно духовное содержаніе той, которую любитъ. Въ его лирикѣ рисуется, строго говоря, одинъ женскій типъ — портретъ его жены; поэтому въ немъ такъ много чисто субъективнаго, присущаго исключительно ей—тихая скорбь, гнетущія ее воспоминанія, и т. п.; но въ этомъ типѣ есть и другія черты, болѣе общія: привѣтливое, участливое отношеніе къ чужимъ бѣдамъ и горестямъ—

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна
И скорбь ничья тебя не проходила мимо!..

—примиряющее вліяніе на всѣхъ окружающихъ:

Тебя такъ любятъ всѣ; одинъ твой тихій видъ
Всѣхъ дѣлаетъ добрѣй и съ жизнію миритъ;—

наконецъ, полное забвеніе самой себя и неумолимая, строгая суровость къ своимъ дѣламъ и чувствамъ:

Къ себѣ лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вѣчно холодна.

Такое полное отрѣшеніе отъ самой себя особенно рельефно выражено Ал. Толстымъ въ стихотвореніи: „Горними тихо летѣла душа небесами“... Въ немъ онъ описываетъ тоску просвѣтленной, безгрѣшной души по оставленному ею міру:

Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.
Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю!
Было бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого бы!

При наличныхъ понятіяхъ о любви и характерѣ внушившей эту любовь женщины, отношеніе поэта къ ней не можетъ не быть въ высшей степени одухотвореннымъ и идеальнымъ; въ лицѣ Анны Толстой изобразилъ свой высочайшій идеалъ женщины; поэтому любовь Жуана къ ней, хотя и поздняя, и даже долгое время неясно сознанная, по существу своему чиста и возвышенна, такъ какъ другое чувство къ такому прекрасному и благородному существу, какъ Анна, поэту представляется немыслимымъ.

XXI.

Личное отношеніе Ал. Толстого къ женщинѣ объясняетъ и характеръ героини его поэмы.

Обликъ Донны-Анны не есть независимый результатъ творческой дѣятельности поэта; подобно типу Жуана, онъ имѣетъ свою литературную исторію.

Въ противоположность герою легенды, сохранившему, во всѣхъ обработкахъ, свое первоначальное имя, главная героиня этихъ обработокъ называется то Изабеллой, то Эльвирой, то Терезой, и только въ послѣднихъ произведеніяхъ за нею упрочивается имя Анны, перешедшее и къ героинѣ Толстого. Характеръ ея разрабатывается также довольно разнообразно, хотя и не можетъ поспорить въ этомъ отношеніи съ образомъ Жуана. Да оно и понятно. Въ то время какъ Жуанъ, подъ перомъ своихъ творцовъ, проявляетъ самыя разнородныя свойства и особенности своего нрава, Донна-Анна, въ глазахъ этихъ писателей, находится какъ бы въ нѣкоторой зависимости отъ Жуана. Они сперва создаютъ его образъ, а ея характеръ развиваютъ уже потомъ, въ томъ направленіи, которое представляется имъ правильнымъ и желательнымъ при наличіи извѣстнаго типа Жуана. Вотъ почему главная героиня поэмъ о Жуанѣ всегда какъ-то блѣднѣе самого героя. У Ал. Толстого она впервые нѣсколько освобождается отъ гнета превосходства ея героя,—и тогда получается тотъ возвышенный женскій портретъ, который смѣло можно поставить на ряду съ самыми выдающимися изображеніями женщинъ во всемірной литературѣ.

Изо всѣхъ характеристикъ главной героини, заключающихся въ разобранныхъ выше произведеніяхъ о Жуанѣ, мы остановимся только на Эльвирѣ Мольера, Аннѣ Гольдони, Терезѣ Мериме̂, Аннѣ Гофмана и Аннѣ Пушкина. О героинѣ испанца Молино говорить не стоитъ, такъ какъ въ его изображеніи она является личностью безцвѣтной, такъ же, какъ и въ первой итальянской обработкѣ; поэтому обратимся сразу къ Эльвирѣ Мольера. Это—безобидное, кроткое существо; она мечтала посвятить себя служенію Богу, а вмѣсто того увлеклась Жуаномъ до такой степени, что забыла свои обѣты, бѣжала изъ монастыря и вышла замужъ за Жуана. Счастье ея непрочно—мужъ покидаетъ ее, и горе Эльвиры такъ глубоко и такъ искренно, что трогаетъ всѣхъ, даже ея конюха и Лепорелло—но только не Жуана; она слѣ-

дуетъ за нимъ, не хочетъ вѣрить въ возможность его измѣны, умоляетъ объяснить причину его внезапнаго отъѣзда, готова удовлетвориться всякимъ объясненіемъ Жуана; видя его безчувственную холодность, пытается проклинать его—и не можетъ; еще незадолго до его конца, она является къ Жуану съ послѣдней трогательной мольбой—покаяться и заслужить небесное прощеніе. Эта сцена — прообразъ предсмертнаго разговора Толстовской Анны съ Жуаномъ; тѣ же увѣщанія, то же незлобивое прощеніе прежнихъ обидъ, та же отрѣшенность отъ міра и то же стремленіе спасти погибающаго грѣшника. Есть нѣчто общее между этими двумя женщинами и Анной Гольдони; она тоже не проклинаетъ и даже молится о своемъ оскорбителѣ.

Совершенно не похожи на этотъ типъ женщинъ Тереза Меримѐ и Анна Пушкина; первая, увлекшись Жуаномъ, умираетъ для всего на свѣтѣ, кромѣ своей любви; обманутая Жуаномъ, умертвившимъ ея отца. Тереза уходитъ въ монастырь. Но только-что она начинаетъ успокаиваться и отдыхать отъ поразившаго ее удара, какъ судьба снова сталкиваетъ ее съ Жуаномъ. Вина его и долгая отлучка не измѣнили сердца Терезы; она вскорѣ снова подпадаетъ подъ его вліяніе. Монахиня, она соглашается нарушить свои обѣты и бѣжать съ нимъ; она борется сначала противъ искушенія, но устоять не можетъ; зато и нѣтъ для нея возврата. Послѣдній обманъ Жуана, когда онъ не является за нею въ условленный часъ, сражаетъ несчастную Терезу. Прощальное письмо его и разсказъ его духовника не позволяютъ ей ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что на этотъ разъ все безвозвратно кончено; всего ужаснѣе для нея мысль, что Жуанъ никогда не любилъ ее; ей не страшно, что она согрѣшила,—ее гнететъ только одна эта роковая, неотвязная дума. Жизненныя силы ея подорваны; она отказывается отъ врачебной помощи; утѣшенія религіи тоже потеряли для нея значеніе и цѣну; вернуть Терезу къ жизни могло бы только возвращеніе къ ней Жуана, т.-е. то, что̀ для него было бы безповоротной гибелью; такая женщина не могла бы понять Жуана Толстого, и потому является прямой противоположностью его спасительницѣ—Аннѣ.

Анна Пушкина очаровательна, но, строго говоря,—пуста и не стойчива; ея поведеніе съ Жуаномъ довольно плохо согласуется съ ея рѣчами о вдовьей вѣрности и мести, которой она грозитъ убійцамъ мужа. Правда, она не любила командора, и вышла за него по настоянію матери; но вѣдь Анна Граббе тоже не любитъ Октавіо, за котораго ее выдаетъ отецъ, и Гофма-

новская героиня равнодушна къ своему жениху, но ни та, ни другая, не хотятъ сдаться, тогда какъ эта безъ борьбы склоняется на мольбы Жуана, и даже назначаетъ ему новое свиданіе. Впрочемъ, самое чувство ея къ нему едва ли глубоко и серьезно, а вѣрнѣе всего—мимолетный капризъ скучающей, избалованной женщины.

Въ пониманіи Гофмана—Анна является столь же богато одаренной натурой, какъ и Жуанъ; быть можетъ, ей предназначено было Небомъ спасти грѣшника; но онъ слишкомъ поздно встрѣтилъ ее, и не только не исправился, но и ее вовлекъ въ свое паденіе. Анна, сраженная роковымъ чувствомъ Жуана, борется съ любовью, которую испытываетъ къ нему, потому что долгъ и совѣсть не позволяютъ ей измѣнить Октавіо, котораго, какъ ей казалось, она любитъ. Ненависть къ убійцѣ отца, любовь, угрызенія совѣсти—все это терзаетъ и жжетъ ея душу; она сознаетъ, что гибель Жуана одна только можетъ успокоить ее, и въ то же время знаетъ, что покой она найдетъ только въ смерти. Гибель Жуана для нея означаетъ приближеніе и ея конца, и она молитъ Октавіо на годъ отложить свадьбу, потому что надѣется не дожить до нея.

То, что̀ Гофманъ только намѣтилъ, то Толстой развилъ и разработалъ до тонкостей,—начиная съ идеи о томъ, что именно Анна могла бы спасти Жуана, открывъ ему глаза на его пагубное заблужденіе.

XXII.

Донну-Анну Толстого нельзя понять и оцѣнить сразу; даже самъ Жуанъ, опытный и тонкій сердцевѣдецъ, не вполнѣ постигаетъ и исчерпываетъ ея душевныя содержаніе и глубину. И дѣйствительно, Анна—существо выдающееся. Впервые мы видимъ ее въ обществѣ Жуана, ея нареченнаго жениха, но ничего не знаемъ про нее, кромѣ того, что Донъ-Жуанъ долго и напрасно старался добиться ея благосклонности. Въ разговорѣ съ Жуаномъ Анна позволяетъ заглянуть себѣ въ душу. Она беззаботно и безгранично счастлива, и вся ушла въ созерцаніе своего благополучія, до такой степени, что не хочетъ и думать о возможности горя и несчастія. Но счастье не разслабляетъ ея души—напротивъ; она первая задается вопросомъ, каковы будутъ ихъ жизненныя задачи, и ставитъ себѣ цѣлью помогать Жуану и

поддерживать его въ его возвышенныхъ стремленіяхъ; любовь не должна имъ препятствовать:

Я буду помогать тебѣ. Когда
Любовь твои стремленья заградитъ,
Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомню.
Я не хочу тебѣ преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мѣшать я не должна.

Съ первыхъ же словъ Анны видны ея вдумчивость и серьезность; это не слабая, измѣнчивая женщина, какъ Донна-Анна Пушкина; это—личность съ твердыми убѣжденіями и ясными, опредѣленными взглядами. Въ ней есть частица отцовской твердости и рѣшимости, но она сама еще не вполнѣ сознаетъ таящуюся въ ней силу, смягченную женской кротостью и не имѣвшую еще случая проявиться; но пусть обрушится на нее ударъ судьбы,—и гордая отвага вспыхнетъ въ ней, и она, не колеблясь, приметъ роковой вызовъ.

Подобно Жуану, Анна до встрѣчи съ нимъ не была удовлетворена своей жизнью, и тоже искала идеала, который, наконецъ, увидала въ немъ. Поэтому ея полубевсознательная привязанность къ Октавіо была не болѣе, чѣмъ „ребячество“— вѣдь она тогда —

Сама себя еще не понимала.

Ея любовь къ Жуану ничѣмъ не похожа на ея прежнія чувства къ Октавіо. Прежде чѣмъ судьба свела ее съ Жуаномъ, Анна много слышала разсказовъ о немъ, —

Глубоко была возмущена,
И сильно на него негодовала.

Предубѣжденіе ея противъ него было полное; но это не помѣшало ей, изъ чувства справедливости, постараться понять и разгадать этого страннаго человѣка; она стала наблюдать за нимъ, незамѣтно для него самого изучать его, и скоро, благодаря своему свѣтлому уму, дошла до сознанія, что онъ не таковъ, какимъ его считаютъ, и что существуетъ какое-то роковое противорѣчіе между его душой и жизнью. Стремленіе разъяснить себѣ тайну его характера вызвало въ Аннѣ участье къ Жуану, потомъ удивленіе, перешедшее наконецъ въ глубокую, сознательную любовь. Въ томъ, что Анна, не довѣряя своимъ юочнымъ сужденіямъ, долгимъ обдумываніемъ объяснила себѣ

„этотъ нравъ, непонятый никѣмъ“, и заключается главная цѣнность ея чувства; и этимъ же объясняется, почему Анна такъ долго и упорно не поддавалась на исканія Жуана. Она держалась, на его счетъ, очень опредѣленныхъ взглядовъ, и только медленно и постепенно измѣнила ихъ; каково же ей видѣть, какъ жестоко и ужасно она обманулась,—обманулась въ томъ, въ кого вѣрила, какъ въ самого Бога!

Анна, по словамъ командора, „никогда ни въ чемъ не знала мѣры“; какъ прежде она пламенно ненавидѣла Жуана, такъ же беззавѣтно и полюбила его; но поступокъ Жуана, какъ громомъ сразившій ее, вызываетъ въ ея душѣ ужасающую бурю. Покуда Жуана нѣтъ при ней, она увѣрена въ своей безпредѣльной ненависти къ нему, и всѣ помыслы ея обращены къ тому, какъ бы отомстить ему за причиненныя имъ бѣдствія и стереть его съ лица земли. Но стоитъ только Октавіо упомянуть при ней о Жуанѣ, чтобы въ душѣ Анны снова заговорила ея горячая привязанность къ ея злодѣю. Даже и теперь, когда она зоветъ на его голову всѣ проклятія, какія только знаетъ, она не перестаетъ считать его существомъ выдающимся, далеко превосходящимъ своими силами и задатками преданнаго ей, покорнаго Октавіо. Ея фраза о томъ, что Жуанъ иначе поступилъ бы на его мѣстѣ, и что —

Любить онъ могъ бы, если бъ захотѣлъ,

—какъ молніей озаряетъ для зрителя или читателя ея душевное состояніе.

Характеръ Анны развивается въ поэмѣ постепенно и последовательно, и тѣ ея особенности, которыя чуются въ началѣ, вполнѣ выясняются только къ концу произведенія. Анна сходитъ со сцены какъ разъ въ тотъ моментъ, когда душа ея вполнѣ раскрылась; поэтому впечатлѣніе, которое она оставляетъ послѣ себя, необычайно цѣлостно и ярко.

Конфликтъ между ненавистью и любовью, терзающій душу Анны, дѣлается невыносимымъ къ серединѣ второй части поэмы. Анна знаетъ, что Октавіо на смерть дерется съ Жуаномъ, и въ мучительномъ томленіи ждетъ исхода поединка. Въ эти минуты въ ней говоритъ всецѣло одно чувство вражды къ Жуану; онъ убилъ ея отца, убилъ святыню ея души, чистыя мечты и завѣтныя убѣжденія, ввергнулъ ее въ отчаяніе, низринулъ въ невѣріе, обманулъ не только ее, но и Бога, и природу; кромѣ личной ненависти за тѣ бѣдствія, въ которыя онъ вовлекъ ее

своимъ коварствомъ, Анна стремится отомстить ему и изъ чувства дочерняго долга; ее терзаетъ не страхъ лишиться въ лицѣ Октавіо своего послѣдняго друга, а мысль о томъ, что Жуанъ опять можетъ выйти невредимымъ изъ рѣшительной схватки; она жаждетъ его смерти, какъ единственнаго средства успокоенія ея наболѣвшей души:

Октавіо нейдетъ. Я знаю, гдѣ онъ.
Но мысль о немъ мнѣ не тревожитъ сердца—
Я не страшуся друга потерять—
Страшуся только, чтобъ его противникъ—
Изъ боя вновь не вышелъ невредимъ...
Уже во мнѣ изсякли безъ возврата
И жалость, и участіе...
И чуждыя мнѣ чувства поселились
Въ опустошенномъ сердцѣ. Страшно, страшно!
Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратить мнѣ можетъ!
Пока онъ живъ, ни здѣсь, ни на могилѣ
Отцовской, ни въ стѣнахъ монастыря,
Не въ силахъ я ни плакать, ни молиться.

И въ такой-то моментъ, когда вражда и ненависть Анны дошли, повидимому, до крайняго предѣла интенсивности, Донъ-Жуанъ, убивъ Октавіо, является въ домъ оскорбленной, негодующей сироты—поступокъ совершенно неслыханный и безпримѣрный. Анна поражена этой дерзостью; она знаетъ, что ненавистный врагъ—въ ея рукахъ, и что ничто не можетъ помѣшать ей самой убить его; но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея не хватаетъ рѣшимости на этотъ шагъ. Что же, какъ не любовь, удерживаетъ ее? Съ каждымъ словомъ Жуана его обаяніе надъ Анной возрастаетъ; она перестаетъ проклинать, и доходитъ до того, что совѣтуетъ ему искать прощенія и утѣшенія въ религіи. Но тутъ голосъ глашатая, объявляющаго по улицамъ объ отлученіи Жуана отъ церкви и преданіи его суду духовныхъ властей, открываетъ ей глаза на грозящую ему опасность. Жуанъ хочетъ уйти—она останавливаетъ его; является офицеръ священной стражи, ищущій Жуана, чтобы арестовать его. Любовь побѣждаетъ, въ этотъ критическій мигъ, всѣ другія чувства и стремленія. Анна заслоняетъ собою своего злодѣя, и съ поразительнымъ хладнокровіемъ отклоняетъ отъ него опасность. Этотъ порывъ сокрушаетъ ее; она признаетъ себя побѣжденной, и Жуанъ торжествуетъ. Но Анна не въ состояніи вынести позора. Воспитанная отцомъ въ суровыхъ понятіяхъ незапятнанной рыцарской чести и преданности долгу, она, поправъ эти священ-

ныя чувства, измѣнила имъ и самой себѣ; сознаніе ея чудовищной вины гнететъ Анну. Никто не знаетъ о случившемся; она можетъ думать, что и у Жуана есть основаніе держать это въ тайнѣ; но Аннѣ нѣтъ дѣла до мнѣнія и приговора людей; она не подчинялась имъ, когда любила Жуана, не придастъ имъ цѣны и значенія и теперь. Она опозорена въ собственныхъ своихъ глазахъ, совѣсть упрекаетъ ее въ малодушіи и преступной слабости, и Анна рѣшается на самоубійство, потому что смертью только и можетъ она, по ея понятіямъ, загладить свое паденіе и искупить поступокъ, ею совершенный. Она отравляется. Этимъ искуплена ея вина предъ памятью убитаго отца и ея совѣстью по отношенію къ ея долгу. Теперь она можетъ подумать и о своей любви, разъ гибель неизбѣжна вслѣдствіе принесенной ею искупительной жертвы. Анна новымъ подвигомъ выражаетъ глубину и безкорыстіе своего чувства къ Жуану—идетъ къ нему съ послѣдними словами предостереженія и увѣщанія. Она помнитъ, что онъ отъ нея ждалъ спасенія, и она дастъ его ему, но не такъ, какъ онъ того желалъ. Она близка къ смерти; земное для нея уже болѣе не существуетъ; она ушла отъ него, и „вѣчность началась". Просвѣтленному духовному ея взору вполнѣ открыта теперь тайна жизни Жуана; то, о чемъ ея любящее сердце только догадывалось, ей стало ясно:

Въ душѣ ея нѣтъ болѣе упрековъ—

она хочетъ только одного — спасти гибнущаго, преступнаго, но все же дорогого ей человѣка. Нераскаянность Жуана и послѣднія слова, которыя она отъ него слышитъ, не возмущаютъ ее; она можетъ только молиться за него:

Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,
Которая свою сгубила душу!

Анну обвиняли въ томъ, что она устраиваетъ Жуану мелодраматическую сцену, вродѣ столь излюбленныхъ французскими авторами патетическихъ сценъ, а затѣмъ уходитъ, чтобы съ собой покончить. Этотъ упрекъ неоснователенъ, потому что Анна вполнѣ опредѣленно говоритъ, что „умираетъ"; значитъ, дѣло уже сдѣлано. Мелодраматическая сцена совершенно не въ духѣ Анны; въ ней и вообще нѣтъ ничего неестественнаго и насильственнаго, да и самый моментъ не таковъ, чтобы думать о патетическихъ эффектахъ. Для Анны разговоръ съ Жуаномъ — это заключи-

тельный аккордъ ея жизни, моментъ, почти рѣшающій ея нравственную жизнь или смерть; какимъ невыразимымъ блаженствомъ было бы для нея, если бы Жуанъ раскаялся еще до ея смерти, и она могла бы покинуть міръ съ сознаніемъ, что гибель ея была не напрасна, и что ей дано было спасти другую, страждущую, ослѣпленную, но все же благородную душу. Жестокое, намѣренное непониманіе Жуана, съ которымъ онъ приглашаетъ свою умирающую жертву принять участіе въ его разгульномъ празднествѣ, наноситъ Аннѣ послѣдній ударъ. Эта кара — совершить смертный грѣхъ, погубивъ свою душу ради другого и напрасно—эта кара ужаснѣе всего, что она перенесла, и искупаетъ ея самоубійство. Сила любви Анны, грѣшащей, падающей и приносящей въ жертву ей не только свое существованіе, но и свою душу, дѣйствительно необычайна. Эта сверхъестественная мощь подымаетъ ее высоко надъ уровнемъ остальныхъ смертныхъ женщинъ и дѣлаетъ ее „точь въ точь на свой похожей идеалъ". Это и есть сущность ея характера, та причина, по которой любовь ея является спасеніемъ для Жуана. Въ ея всепрощающей самоотверженности воплощается идеалъ непрестанно манившей его небесной любви; познай онъ это раньше, участь Анны не была бы столь трагична, но въ то же время и нравственное ея просвѣтлѣніе не было бы столь ярко и полно.

Характеръ Анны не исчерпывается указанными выше чертами; въ ней есть еще масса другихъ сторонъ и особенностей, дополняющихъ ея обликъ. Въ первыхъ сценахъ, въ которыхъ она появляется, въ ней—очаровательная мягкость, ласка, придающія ей что-то нѣжное и граціозное; въ остальныхъ же сценахъ въ ней проявляются такая страстность и величественность, что трудно узнать въ ней прежнюю беззаботную, счастливую любимицу престарѣлаго отца; она обращается въ страдалицу, чуть что не святую.

Анна глубоко религіозна; въ своемъ сближеніи съ Жуаномъ она видитъ перстъ Провидѣнія; она не перестаетъ вѣрить даже и тогда, когда всѣ ея идеалы низвергнуты и поруганы; даже врагу своему она указываетъ на молитву, какъ на путь ко спасенію. Самоубійство Анны не противорѣчитъ ея вѣрѣ и набожности. Она знаетъ, что губитъ свою душу, и страдаетъ мучится этимъ сознаніемъ; но она не находитъ другого выхода изъ своего положенія, и этотъ послѣдній внутренній ея конфликтъ глубоко трагиченъ; грѣшница — и въ то же время святая, гибнущая—и все же просвѣтленная, она не можетъ не

вызвать глубокаго сочувствія и удивленія. Будучи сама натурой сильной, Анна ищетъ эту силу и въ любимомъ человѣкѣ, и нужна вся мощь и ширь духа Жуана, чтобы вполнѣ постичь ее,—но уже поздно: судьба ея исполнилась.

А какія великія дѣла могли бы совершить эти могучія духомъ личности, если бы судьба ихъ сложилась иначе!

Пламенный идеализмъ Жуана и безграничная, стойкая любовь Анны—способны были бы создать тотъ свѣтлый, прекрасный міръ, о которомъ мечталъ Жуанъ. Въ этой четѣ каждый равенъ другому—силою своей души и глубиной своихъ страданій.

Маргарита Саломонъ.

ИЗЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКО *)

I.

П. С. [1])

Что злой!? Съ нимъ рядомъ злая слава
Угрюмымъ стражникомъ бредетъ;
Но добряковъ душа лукава:
Добрякъ самъ славу проведетъ.

И ныньче скорбь въ душѣ я чую,
Какъ вспомню сторону родную.
Готическій съ часами домъ...
Село голодное кругомъ...
И шапку мужичокъ снимаетъ,
Завидѣвъ флагъ... Флагъ—знакъ, что „панъ“
Гостей въ хоромахъ принимаетъ.
Упитанъ „панъ“ тотъ, какъ кабанъ,
И въ хлѣбосольствѣ очень рьянъ.
Ведя отъ гетмановъ дворянство,
Онъ презавзятый „патріотъ“.
Онъ вѣренъ духу христіанства
И въ Кіевъ ѣздитъ каждый годъ.
Онъ въ свиткѣ радъ межъ господами

*) Всѣ четыре стихотворенія являются въ настоящемъ переводѣ впервые и заимствуются изъ перваго полнаго изданія „Кобзаря“, вышедшаго, въ Петербургѣ, въ началѣ 1907 года, п. р. Доманицкаго.—Въ 1904 г., въ „Вѣстникѣ Европы“, былъ напечатанъ переводъ нѣсколькихъ стихотвореній изъ Шевченко (авг., 677 стр.).

[1]) Инициіалы имени неизвѣстнаго лица, которому было авторомъ посвящено стихотвореніе.

азаться добрымъ простакомъ.
)товъ пить водку съ мужиками...
 вольнодумецъ подъ хмелькомъ.
нъ весь тутъ, хоть пиши перомъ!
акъ пару каждый день перчатокъ,
ѣняетъ женщинъ—и спроста
ь годъ. изъ дѣтей своихъ съ десятокъ
амъ креститъ именемъ Христа...

Не правда ль—грязь, позоръ?! Къ чему
го такъ люди не зовутъ?
го на него всѣ не плюютъ?
е топчутъ въ грязь?.. О, люди! Хуже
ѣтъ васъ... Вамъ чарку поднеси
ь кускомъ подгнившей колбасы,
 послѣ мать хоть попроси,—
.ать отдадите...
Жаль не злого,
е пьянаго Петра Кривого;
 жаль, до боли жаль людей—
лѣпыхъ, юродивыхъ дѣтей!

г.
къ морекъ.

II.

Мать-покрытка [1]).

Жизнь—часто рай... Но что милѣе,
то краше въ жизни и святѣе,
акъ мать—съ тепломъ любви въ очахъ,
ъ ребенкомъ-крошкой на рукахъ?
іяжу я на нее порою,
аюся диву,—и печаль
другъ хлынетъ въ сердце... Станетъ жаль,
акъ жаль ея... И я съ тоскою,

---

[1]) ...айнѣ, какъ и въ Великороссіи, замужнія женщины не ...ой. Это правило распространяется и на дѣвушекъ, при... ...одовъ, такихъ дѣвушекъ — „покриваютъ"—надѣваютъ им... ...зъ платка. Отсюда и названіе—„покрытка".

Волненьемъ трепетнымъ томимъ,
Склонюсь предъ нею головою,
Какъ передъ образомъ святымъ
Той Матери, что въ міръ нашъ грѣшный,
Какъ солнца лучъ во мракъ кромѣшный,
Живого Бога принесла...

Какъ жизнь ея теперь свѣтла!
Она встаетъ въ молчаньи ночи
И, устремивъ къ ребенку очи,
Его, какъ счастье, бережетъ,—
Не спитъ и только солнца ждетъ,
Чтобъ взоромъ, полнымъ теплой ласки,
Опять глядѣть въ родные глазки,
Глядѣть и думать: „Ты—мое,
Мое!..“ Молиться на него
И за него молиться Богу.

Идетъ ли улицей она,—
Душа въ ней гордостью полна.
Забывъ и горе, и тревогу,
Она царицею глядитъ
И словно людямъ говоритъ:
„О, все село пройдите наше,
Весь міръ, но мальчикъ мой—всѣхъ краше!“
А если кто-либо порой
Посмотритъ на дитя,—какой
Восторгъ въ душѣ ея! Сіяя,
Она идетъ-бредетъ домой,
Неся малютку,—и ей мнится:
Село глядитъ—не наглядится...
Онъ—въ радость всѣмъ; а безъ него—
Нѣтъ въ ихъ деревнѣ ничего...
Счастливая!
Но дни мелькаютъ...
Неслышно дѣти подростаютъ,
Ихъ, словно травку, гонитъ ввысь;
А выросли, и разошлись
На заработки, да въ солдаты.
Отъ грезъ, отъ счастья твоего
Ужъ не осталось ничего.
Одна ты средь печальной хаты...

Глядишь тоскливо въ темноту.
Старушкѣ нечѣмъ наготу
Прикрыть,—ей не во что одѣться...
Нѣтъ дровъ, чтобъ въ холодъ обогрѣться...
И будь онѣ,—гдѣ силъ найти
Огонь бѣднягѣ развести.
Лежитъ одна и еле-еле
Молитву шепчетъ на постели—
Все за дѣтей, за нихъ...
. . . .

А ты,
Дитя и мукъ, и нищеты!
Ты пробираешься средь дола,
Въ стыдѣ минуя робко сёла,
И, полемъ-степью идучи,
Ты плачешь горестно въ ночи...
И днемъ, и ночью—то кручина,
То стыдъ тебя бросаютъ въ жаръ.
Щебечутъ птицы: „Вишь ты—сына
Несетъ покрытка на базаръ!"

Гдѣ жъ краса твоя, что̀ прежде
Ярко расцвѣтала?
Ею люди любовались...
Нѣтъ ея,—пропала.
Отнялъ все, все взялъ ребенокъ!
Выгналъ изъ-подъ крова,—
И пошла ты сжатой степью,
Не сказавъ ни слова.
Какъ зараза, всѣмъ страшна ты...
А дитя родное
Ни сказать, ни встать не въ силахъ:
Вѣдь оно—грудное.

Будетъ день—и скажетъ сынъ твой
Съ лаской, не сурово,—
Скажетъ: „мама!.." О, святое,
Золотое слово!
Вспыхнешь вся ты и разскажешь,
Всю разскажешь повѣсть,

Какъ паничъ забылъ лукавый
 Бога, стыдъ и совѣсть.
Но не долго будетъ счастье.
 Дѣтство скоро минетъ.
Подростетъ твой сынъ, твой Ваня,
 И тебя покинетъ,
Чтобы каждый на распутьи
 Надъ тобой глумился...
Упрекнетъ тебя потомъ сынъ,
 Что на свѣтъ родился.
Скажетъ: „Въ томъ ты виновата,
 Что я вѣкъ томился".
Ты жъ его любить ввѣкъ будешь,
 Будешь плакать горько—
И межъ псами на морозѣ
 Сгинешь средь задворка.

Оттого-то жаль, жаль тяжко
 Матери несчастной:
Мать дитя, какъ счастье, любитъ
 Всей душою страстной—
И за жизнь его готова
 Вѣкъ терпѣть невзгоды.
Мать отдастъ ребенку въ жертву
 Молодые годы.
Мать погубитъ, не жалѣя,
 Жизнь въ трудѣ безплодномъ.
А дитя... дитя, быть можетъ,
 Выростетъ негоднымъ
И, для матери вѣкъ цѣлый
 Лишь служа помѣхой,
Для души ея не будетъ
 Никогда утѣхой.

Хорошо жить только барамъ.
 Баре бѣдъ не знаютъ
И не знаютъ, какъ ихъ дѣти
 Въ домѣ выростаютъ:
Матерей тамъ нѣтъ,—кормилицъ
 Къ дѣтямъ нанимаютъ.

1849 г.
А ъская Коса.

III.

Иду однажды я въ ночи
По-надъ Невой и, идучи,
Веду бесѣду самъ съ собою:
„О, если бъ волею судьбы
Не никли въ трепетѣ рабы,—
То не стояло бъ надъ Невою
Вотъ этихъ каменныхъ палатъ.
Была бъ сестра и былъ бы братъ...
Теперь же—золъ и горя много.
Ни Бога нѣтъ, ни полубога.
Псари съ псарятами царятъ.
А мы—въ забаву имъ... Мы скачемъ
Съ борзыми, холимъ ихъ, да плачемъ!"

Вотъ такъ-то позднею порою
Въ раздумьи брелъ я надъ Невою
И, полный горестной тоски,
Не вижу, что изъ-за рѣки,
Какъ бы изъ ямы, надъ волнами
Моргаетъ кошка мнѣ глазами...
Не очи кошки то блестятъ,—
То фонари, дрожа лучами,
У Петропавловки горятъ.
И, трижды плюнувъ, я смутился,
Крестомъ невольно осѣнился—
И прочь пошелъ средь тьмы угрюмой
Все съ той же, что и раньше, думой...

1860 г. 13 ноября.
Петербургъ.

IV.

Богдану Хмельницкому.

Когда бъ изъ гроба ты воспрянулъ
И вновь на Перейславъ глянулъ,
Да на „замчище“ [1]) поглядѣлъ,—
Ты бъ хмелю, водки захотѣлъ.

О, препрославленный казачій
Разумный батько! Ты въ смердячей
Жидовской хатѣ сталъ бы пить;
Ты бъ радъ себя былъ утопить
Среди свиней въ грязи стоячей.

Аминь тебѣ, великій муже!
И чѣмъ славнѣе ты,—тѣмъ хуже.
Когда бъ на свѣтъ ты не родился,
Иль въ колыбели бы упился,
Мнѣ не пришлось купать бы въ лужѣ
Тебя, преславнаго...
Аминь!

1859 г.
Перелславъ.

Перев. Павелъ Тулубъ.

---

[1]) „Замчище“—развалины зáмка съ остатками старинной крѣпости вблизи Пе-
...славля.

ЦЕРКОВЬ, ПАПСТВО
И
ГОСУДАРСТВО

въ IV-мъ вѣкѣ

Окончаніе.

VI *).

Въ исторіи пелагіанства проявилось впервые стремленіе римскихъ епископовъ присвоить себѣ догматическій авторитетъ надъ церковью; но одновременно съ этимъ шло стремленіе захватить іерархическую власть надъ церковью, принимая апелляціи отъ епископовъ и духовенства другихъ епархій. Въ этомъ отношеніи мы видимъ въ Африкѣ такой же рѣзкій отпоръ притязаніямъ Рима, какъ и въ области догматики, и такую же твердую рѣшимость отстоять самостоятельность провинціальнаго епископата. Чрезвычайно поучительно въ этомъ отношеніи столкновеніе, вызванное еще при папѣ Зосимѣ, дѣломъ пресвитера Апіарія. Этотъ Апіарій, отлученный отъ церкви своимъ епископомъ Урбаномъ — въ городѣ Сиккѣ — за разныя преступленія, — апеллировалъ въ Римъ и былъ тамъ возстановленъ въ своемъ санѣ. Это дѣло вызвало въ Африкѣ большое неудовольствіе. Обращеніе въ Римъ пресвитера съ жалобой на судъ своего епископа противорѣчило всѣмъ преданіямъ африканской церкви и грозило подорвать церковную дисциплину. Въ виду этого, соборъ 418 г. постановилъ

*) См. выше: октябрь, 441 стр.

въ 17-мъ канонѣ, что пресвитеры, дьяконы и низшіе клерики, недовольные судомъ своего епископа, могутъ съ его согласія обращаться къ сосѣднимъ епископамъ; если они и ими останутся недовольны, то могутъ апеллировать къ примату своей провинціи, или къ африканскому собору. Если же кто обратится съ жалобой въ какой-нибудь судъ за̀-моремъ, то того никто не долженъ въ Африкѣ допускать къ церковному общенію. Въ отвѣтъ на это папа Зосима отправилъ въ Африку епископа Фаустина съ двумя пресвитерами и съ грамотой, въ которой предписывалъ легату пригрозить епископу Урбану отлученіемъ отъ церкви, если онъ будетъ противиться оправданію Апіарія, или не явится въ Римъ для отвѣта. Это неслыханное требованіе было мотивировано ссылкой на каноны *Никейскаго* собора.

Такая ссылка папской канцеляріи на постановленія Никейскаго собора представляетъ собою интереснѣйшій фактъ въ исторіи папской власти и психологическую загадку. Дѣло въ томъ, что Никейскія постановленія не давали римскому епископу ни малѣйшаго основанія для распоряженій, принятыхъ имъ какъ по отношенію къ епископу Урбану, такъ и по отношенію къ пресвитеру Апіарію. Каноны, на которые ссылался папа въ своей грамотѣ, были постановлены не вселенскимъ Никейскимъ соборомъ, а позднѣйшимъ соборомъ въ Сардикѣ, на которомъ присутствовали почти исключительно западные епископы, и то не изо всѣхъ провинцій—такъ, напримѣръ, Африка не была представлена въ Сардикѣ, и постановленія тамошняго собора не были извѣстны въ этой провинціи.

Да и приведенные въ папскомъ посланіи каноны могли лишь съ явной натяжкой служить опорою для притязаній папы. Соборъ въ Сардикѣ, имѣя въ виду обезпечить православныхъ епископовъ отъ низложенія ихъ аріанскими, постановилъ: если епископъ, низложенный своими товарищами по провинціи, обратится въ Римъ, и папа найдетъ необходимымъ произвести новое разслѣдованіе его дѣла, то ему надлежитъ написать объ этомъ епископамъ, живущимъ по сосѣдству съ провинціей, гдѣ это случилось, для того, чтобы они это дѣло тщательно разслѣдовали и постановили согласный съ истиной приговоръ. Далѣе было сказано, что если такой епископъ станетъ просить папу, чтобы онъ отрядилъ своего [п]ресвитера для того, чтобы онъ принялъ участіе съ упомянутыми [еп]ископами въ судоговореніи второй инстанціи, то папѣ предо[ст]авляется по своему усмотрѣнію исполнить это желаніе или [пр]изнать достаточнымъ судъ однихъ епископовъ. Какъ изъ этого [вид]но, епископы Сардика, допуская апелляцію въ Римъ, вовсе не

предоставляли своему римскому собрату право судоговоренія, а лишь болѣе скромное право признать необходимость вторичнаго разсмотрѣнія, т.-е., такъ сказать, право кассаціи и передачи дѣла въ судъ иного состава, но опять-таки мѣстный судъ. Притомъ, предоставленное римскому епископу право простиралось только на случай — низложенія епископа мѣстнымъ соборомъ, а вовсе не на всю область дисциплинарной власти провинціальныхъ соборовъ [1]). Поэтому этотъ канонъ вовсе не давалъ папѣ Зосимѣ права отлучать отъ церкви епископа Урбана или требовать его на судъ въ Римъ. Также несостоятельна была ссылка на другой канонъ, касавшійся апелляціи пресвитеровъ на судъ епископа. Соборъ въ Сардикѣ въ этомъ отношеніи лишь постановилъ: пресвитеру или дьякону, отлученному своимъ епископомъ, предоставляется право прибѣгнуть къ сосѣднимъ епископамъ для того, чтобы дѣло его было снова разсмотрѣно и приговоръ его епископа былъ подтвержденъ или отмѣненъ. Очевидно, что и изъ этого канона никакъ нельзя было вывести право Апіарія обращаться въ Римъ и право римскаго епископа лично отмѣнять судебный приговоръ епископа Сикки. Собравшіеся въ Сардикѣ епископы были далеки отъ мысли лишить себя дисциплинарной власти надъ своимъ духовенствомъ и возвести римскаго епископа въ положеніе верховнаго судьи по всему пространству церкви.

Но еще болѣе замѣчательно, чѣмъ эта беззастѣнчивая натяжка, то, что приведенные каноны выдавались папской канцеляріей за Никейскіе. Произошло ли это по недосмотру со стороны составителя грамоты, или преднамѣренно и съ вѣдома папы? Историки весьма различно отзываются на этотъ вопросъ. Такой сравнительно объективный католическій историкъ, какъ Гефеле, утверждаетъ, что папа Зосима дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ bona fide; Лёнингъ выражаетъ относительно этого большое недоумѣніе [2]), находя, что „истинное положеніе дѣла было несомнѣнно извѣстно римскому епископу".

Какъ же объяснить этотъ странный пріемъ римской куріи? Подлогомъ въ современномъ значеніи этого понятія это назвать нельзя. Невѣжество и небрежность канцелярскихъ дѣльцовъ, конечно, могли тутъ имѣть вліяніе. Никейскій соборъ происходилъ почти на сто лѣтъ раньше, а со времени собора въ Сардикѣ также уже прошло 64 года. Составители сборниковъ соборныхъ

---

[1]) См. Löning. Gesch. d. d. Kirchenrechts, p. 453.

[2]) Indessen muss es doch höchst bedenklich erscheinen, wenn die römischen Bischof, denen das richtige Verhältniss unzweifelhaft bekannt sein konnte und musste, и т. д. Ibid.

постановленій въ то время часто производили свою работу механически, не обозначая происхожденія отдѣльныхъ постановленій, и именно каноны собора въ Сардикѣ встрѣчаются въ рукописяхъ, какъ простое продолженіе Никейскихъ постановленій. Но все же посланіе Зосимы нельзя объяснить простымъ промахомъ. Въ Римѣ, который желалъ быть руководителемъ церкви, должны были знать постановленія перваго вселенскаго собора. Затѣмъ, это не одинокій случай, а цѣлая система. Уже Иннокентій I ссылался на Сардикскія постановленія, выдавая ихъ за Никейскія. Главное объясненіе нужно, по нашему мнѣнію, искать въ самоувѣренности и традиціонномъ убѣжденіи римскихъ куріаловъ, что ихъ епископъ призванъ управлять церковью. Это было какъ бы новымъ проявленіемъ стариннаго римскаго духа, воспитаннаго на почвѣ міровового владычества—„tu regere populos, romane, memento“; съ той разницей однако, что христіанскій Римъ имѣлъ болѣе высокія полномочія и болѣе идеальные мотивы для владычества надъ христіанскимъ міромъ. При такомъ убѣжденіи всякія доказательства на право такого владычества играли лишь второстепенную роль; миѳическіе ученики и преемники апостола Петра, не подлинныя соборныя постановленія—становились, какъ и съ натяжкой истолкованные тексты, неотъемлемой принадлежностью куріальнаго стиля.

Но африканскую церковь, во главѣ которой стояли образованные богословы и люди глубоко убѣжденные въ высокомъ призваніи епископата, нельзя было тогда обойти такими средствами.

Къ счастью, до насъ дошли протоколы собора, состоявшагося 25 марта 419 г. Этому предшествовалъ другой соборъ въ концѣ 418 г.; отвѣтъ этого собора Зосимѣ до насъ не дошелъ; можетъ быть, и не дошелъ до этого папы, скончавшагося 26-го декабря 418 года. Происшедшая въ Римѣ по смерти Зосимы схизма при избраніи новаго папы затянула дѣло. Наконецъ, восторжествовавшій надъ своимъ соперникомъ папа Бонифацій возобновилъ полномочія Фаустина, и тогда началось интересное состязаніе между этимъ легатомъ и соборомъ африканскихъ епископовъ.

Предсѣдательствовалъ на соборѣ, на которомъ присутствовало 217 епископовъ, *папа* Аврелій,—вопреки притязаніямъ папскаго легата на предсѣдательство—на второмъ мѣстѣ сидѣлъ Валентинъ, п имасъ (старшій по лѣтамъ епископъ) Нумидіи и лишь третье м сто было предоставлено легату Фаустину. Въ виду недоумѣній, в званныхъ ссылкой папскаго посланія на постановленія Никей- го собора, Аврелій приказалъ принести и прочесть Никейскіе оны. Фаустинъ прервалъ его, требуя, чтобы сначала была

прочитана папская грамота, коммонитарій, и заявилъ при этомъ, что кромѣ соборныхъ каноновъ нужно держаться и многаго, чтò установлено обычаемъ.

На этомъ, Алипій изъ Тагасты, ученикъ и близкій другъ Августина, прервалъ легата, указавъ, что дѣло уже раньше разсмотрѣно, и текстъ, на который ссылается Зосима, не совпадаетъ съ текстомъ постановленій Никейскаго собора. Въ виду этого, онъ предложилъ отправить посланцевъ въ Константинополь, Антіохію и Александрію, гдѣ можно найти подлинные списки Никейскихъ постановленій, а также просить римскаго епископа, чтобы и онъ сдѣлалъ то же самое. Это не понравилось Фаустину, который предложилъ просить папу, чтобы онъ самъ произвелъ изслѣдованіе дѣла. Наведеніе же справокъ въ чужихъ (!) городахъ вызоветъ мнѣніе, будто между западными церквами существуетъ распря.

Послѣ этого Аврелій приказалъ читать коммонитарій. Августинъ внесъ, такъ сказать, примирительное предложеніе, заявляя, что они готовы держаться приведеннаго тамъ канона подъ условіемъ тщательнаго разслѣдованія Никейскихъ каноновъ. Съ этимъ всѣ согласились, причемъ была внесена оговорка:—„мы согласны на то, чтò было постановлено въ Никеѣ“. Но такъ какъ мнимый Никейскій канонъ, который епископы согласились соблюдать до полученія справки, касался только апелляцій епископовъ, а не низшаго духовенства, то этимъ постановленіемъ африканскихъ епископовъ исключалось вмѣшательство Рима въ дѣло Апіарія. Легатъ сдѣлалъ еще одну попытку смягчить пораженіе Рима, предложивъ просить папу разсмотрѣть, слѣдуетъ ли настаивать на апелляціи Апіарія. Но африканскіе епископы съумѣли устранить этотъ выходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый поводъ къ спору. Они сообщили, что Апіарій самъ просилъ простить его, что на него была возложена эпитимья и онъ снова принятъ въ лоно церкви. Но для избѣжанія какихъ-либо столкновеній его удалили изъ Сикки съ правомъ быть пресвитеромъ во всякой другой епархіи.

Въ заключеніе, Аврелій приложилъ къ протоколу находившійся въ карѳагенской церкви списокъ Никейскихъ каноновъ, съ оговоркой, что относительно вѣрности его будетъ наведена справка въ восточныхъ церквахъ.

Сообщая объ этомъ папѣ Бонифацію, соборъ выражалъ въ своемъ посланіи требованіе, чтобы имъ было предоставлено право жить по Никейскимъ канонамъ, и надежду, что африканскіе епископы не будутъ впредь подвергаться высокомѣрному обра-

щенію, и что относительно ихъ будетъ соблюдаться то, что не безъ настоянія съ ихъ стороны слѣдовало бы соблюдать. Относительно же содержанія Никейскихъ каноновъ епископы писали, что справлялись во многихъ рукописяхъ латинскаго текста Никейскихъ каноновъ и нигдѣ не находили того, что̀ сказано въ папскомъ коммонитаріи.

Дѣло Апіарія, однако, этимъ не кончилось. Онъ не исправился и, четыре года спустя, подалъ поводъ къ новому, торжественному заявленію африканскаго епископата противъ притязаній Рима. Въ своемъ новомъ мѣстопребываніи, въ городѣ Табракѣ, Апіарій вызвалъ своимъ поведеніемъ противъ себя такія нареканія, что снова былъ лишенъ собраніемъ епископовъ своего сана. Онъ опять обратился въ Римъ къ папѣ Целестину и нашелъ снова покровителя въ епископѣ Фаустинѣ, который его однажды возстановилъ въ санѣ пресвитера и, повидимому, теперь смотрѣлъ на его дѣло, какъ на свое личное дѣло. Они оба снова отправились въ Карѳагенъ и пытались передъ засѣдавшимъ тамъ въ 424 году соборомъ, на которомъ присутствовалъ и Августинъ, добиться своей цѣли—Апіарій своего оправданія, Фаустинъ кромѣ того — судебнаго верховенства Рима. По этому поводу, соборъ отправилъ папѣ Целестину слѣдующее знаменательное посланіе: „Черезъ пресвитера Льва ты намъ писалъ, что очень былъ обрадованъ прибытіемъ Апіарія; и мы бы порадовались этому, если бы онъ оказался невиновнымъ. Но преступленія, въ которыхъ его обвиняютъ жители Табраки, такъ чудовищны, что самъ Фаустинъ не въ состояніи провести свое намѣреніе послужить Апіарію защитникомъ вмѣсто того, чтобы стать его судьею. Сначала Фаустинъ противился оскорбительнымъ образомъ собору и требовалъ подъ предлогомъ защиты привилегій римской церкви, чтобы Апіарій, принятый на основаніи мнимой апелляціи къ папѣ въ лоно церкви, былъ бы и въ Африкѣ допущенъ къ общенію съ нею. Но прочтеніе приложенныхъ документовъ убѣдило Фаустина, что это недопустимо. Послѣ трехдневнаго разбора дѣла Господь положилъ конецъ волокитѣ Фаустина и ухищреніямъ Апіарія, ибо наконецъ послѣдній признался во всѣхъ своихъ ужасныхъ преступленіяхъ“.

Въ виду этого соборъ проситъ папу, чтобы онъ впредь не принималъ у себя прибывающихъ къ нему съ жалобами изъ Африки и не допускалъ отлученныхъ отъ церкви къ общенію съ нею, какъ это и постановлено Никейскимъ соборомъ. Точно также онъ долженъ отказывать въ принятіи апелляцій отъ пресвитеровъ и низшихъ клериковъ, потому что *отцы* не подвергли африкан-

ской церкви такому ограниченію и Никейскія постановленія предоставляютъ низшихъ клериковъ, какъ и епископовъ, суду своихъ митрополитовъ. Разумно и справедливо *отцы* признали, что всѣ дѣла должны быть рѣшаемы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они возникли, и что всякому разслѣдованію присуща помощь св. Духа, въ виду особенно того, что всякому предоставлена апелляція отъ перваго суда къ провинціальному или даже генеральному собору всей области. Вѣдь никто же не повѣритъ, что Господь можетъ внушить единоличному судьѣ, кто бы онъ ни былъ, справедливость и отказать въ ней большому числу собравшихся на соборъ епископовъ! И какую же можетъ имѣть силу судебный приговоръ, состоявшійся за моремъ, куда не могли быть привлечены необходимые свидѣтели?

Наконецъ, соборъ протестуетъ противъ присылки легатовъ отъ римскаго епископа, не находя нигдѣ соборнаго постановленія, узаконяющаго это. То, что римляне прежде ссылались по поводу этого чрезъ легата Фаустина на постановленія Никейскаго собора, африканскіе епископы признаютъ неправильнымъ, такъ какъ они не нашли такихъ постановленій въ спискахъ, полученныхъ ими отъ Кирилла Александрійскаго и Аттика Константинопольскаго и пересланныхъ ими римскому епископу Бонифацію.

Въ заключеніе, африканскіе епископы просятъ Целестина не присылать въ Африку, по настоянію какихъ бы то ни было просителей, своихъ клериковъ для исполненія приговоровъ „того ради, чтобы духъ свѣтской надменности не вторгся въ церковь Христову, которая должна быть свѣточемъ простоты и смиренія. Такъ какъ жалкій Апіарій нынѣ удаленъ за свои преступленія изъ церкви, епископы выражаютъ упованіе, что Целестинъ въ своей справедливости и умѣренности ихъ впредь пощадитъ присылкой Фаустина. Да сохранитъ Господь, господинъ *братъ нашъ* (domine frater), еще долго тебя и твои молитвы за насъ“.

Какъ изъ этого видно, попытка римскихъ епископовъ выдавать постановленія собора въ Сардикѣ за Никейскія и во имя авторитета перваго вселенскаго собора подчинить себѣ африканскую церковь—потерпѣла полную неудачу. Африканскіе епископы, убѣдившись, что римская курія вводила ихъ въ заблужденіе, пошли еще дальше въ своей оппозиціи Риму и не захотѣли признать для себя обязательными постановленія Сардика, которыя были усвоены другими западными церквами [1]).

Во всемъ этомъ единодушномъ протестѣ африканской церкви

---

[1]) Langen, 729.

противъ надвигавшейся власти Рима Августинъ принималъ постоянное и дѣятельное участіе. Но на ряду съ этимъ мы имѣемъ передъ собою непосредственное заявленіе Августина по вопросу объ отношеніи папы къ африканскимъ церковнымъ дѣламъ, которое поэтому заслуживаетъ особаго вниманія. Это — письмо Августина къ папѣ Целестину, написанное въ началѣ его правленія въ 422 г., т.-е. въ промежутокъ между протестомъ двухъ африканскихъ соборовъ по дѣлу Апіарія. Замѣчательно, что это письмо Августина къ Целестину не находится въ рукописяхъ, заключающихъ въ себѣ его переписку, и сохранилось только въ одной, Ватиканской рукописи. Письмо это было вызвано дѣломъ Антонія, епископа въ мѣстечкѣ Фуссалѣ, который былъ туда рекомендованъ Августиномъ изъ числа его пресвитеровъ, въ виду его знакомства съ пунійскимъ языкомъ, но затѣмъ, по многочисленнымъ жалобамъ его паствы, за вымогательства и разные проступки лишенъ на съѣздѣ епископовъ власти, хотя и оставленъ въ званіи епископа. Обѣ стороны, какъ населеніе мѣстечка, такъ и Антоній, остались недовольны этимъ приговоромъ и апеллировали въ Римъ. Антоній считалъ неправильнымъ лишеніе его власти; жители Фуссалы, которымъ онъ грозилъ вмѣшательствомъ свѣтскихъ властей и военной экзекуціей для исполненія ожидаемаго приговора апостольской каѳедры, были противъ оставленія его въ санѣ епископа.

Дѣло поступило въ Римъ еще при папѣ Бонифаціѣ, который потребовалъ отъ епископовъ, судившихъ Антонія, объясненія, вѣрно ли было изложено дѣло Антоніемъ. Письмо Августина служитъ отвѣтомъ на этотъ запросъ, но ему пришлось его отправить уже новому папѣ — Целестину.

Въ письмѣ къ папѣ, съ которымъ онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, Августинъ нигдѣ не выражаетъ неудовольствія противъ того, что апелляція Антонія была принята въ Римѣ; но онъ отнюдь не принимаетъ и положенія призваннаго къ отвѣту подчиненнаго. Онъ проситъ папу придти къ нему на помощь своимъ совѣтомъ; онъ проситъ его содѣйствовать (collaborare) епископамъ, покаравшимъ Антонія: взывая къ памяти апостола Петра, Августинъ проситъ папу помочь жителямъ Фуссалы, которые молятъ о его милосердіи во Христѣ гораздо усерднѣе, чѣмъ Антоній.

Августинъ, далѣе, отстаиваетъ правильность приговора надъ Антоніемъ и ссылается при этомъ на прецеденты и авторитетъ самого „апостольскаго престола“, постановлявшаго подобные приговоры или утверждавшаго приговоры другихъ (aliorum judicta

9*

firmante). Августинъ приводитъ въ примѣръ изъ недавняго прошлаго три случая, когда епископы изъ Мавританіи Цесарійской подверглись ограниченіямъ въ правахъ съ оставленіемъ въ санѣ. Изъ словъ Августина, однако, нельзя усмотрѣть, состоялись ли эти приговоры при какомъ-либо участіи римскаго епископа, или восходили ли они къ нему на утвержденіе.

Слѣдуетъ ли изъ этого письма, что Августинъ признавалъ здѣсь право римскаго епископа перерѣшать судебные приговоры мѣстныхъ епископскихъ съѣздовъ или соборовъ? Этого отнюдь нельзя сказать. Вѣдь по дѣлу Антонія не состоялось въ Римѣ никакого приговора, а послѣдовалъ лишь запросъ. Отвѣчая на него, Августинъ не отказывался отъ принципа кареагенскихъ соборовъ держаться постановленій Никейскаго собора. Отвергать всякое обращеніе въ Римъ, противиться всякому взаимодѣйствію провинціальныхъ церквей съ римской было къ лицу донатистамъ, но никакъ не ихъ противникамъ, африканскимъ православнымъ. Уваженіе къ каѳедрѣ св. Петра въ Римѣ, откуда Карѳагенъ получилъ христіанство, было въ Африкѣ естественно и глубоко.

Мы полагаемъ, что Августинъ былъ очень послѣдователенъ въ этомъ вопросѣ. Въ общемъ интересѣ церкви онъ считалъ необходимымъ взаимодѣйствіе церковныхъ властей въ центрѣ и въ провинціи, и онъ могъ еще вѣрить въ возможность провести эту политику безъ ущерба для самостоятельности мѣстныхъ церквей и для торжества правды. Въ подтвержденіе этого мы можемъ привести очень характерное заявленіе Августина въ письмѣ его къ Классиціану, который былъ отлученъ отъ церкви мѣстнымъ епископомъ со всей своей семьей и домочадцами и обратился къ нему съ просьбою о заступничествѣ. Горячо возставая противъ рѣшенія, подвергавшаго, изъ-за проступка одного лица, опасности „многія души", Августинъ отвѣчалъ Классиціану, что намѣренъ поднять это дѣло на провинціальномъ соборѣ, а если понадобится, то написать объ этомъ и апостольскому престолу для того, чтобы надлежащее въ такихъ дѣлахъ было установлено и утверждено со всеобщаго согласія (concordi omnium auctoritate).

Вотъ это стремленіе къ соглашенію всѣхъ авторитетовъ слѣдуетъ признать принципомъ, которымъ руководился Августинъ по отношенію къ римской каѳедрѣ во всѣхъ вопросахъ — какъ догматическихъ, такъ и дисциплинарныхъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и слова его поученія къ паствѣ по пелагіанскому вопросу: „апостольскому престолу уже посланы постановленія двухъ соборовъ и оттуда уже пришелъ отвѣтъ. Дѣло кончено".

Августинъ обращался въ Римъ не за полученіемъ предписанія свыше, а чтобы заручиться соглашеніемъ всѣхъ авторитетовъ.

VII.

Изображенныя нами отношенія Августина вполнѣ соотвѣтствуютъ его теоретическимъ опредѣленіямъ власти римскаго епископа, съ которыми мы теперь и познакомимся. Эти теоретическія соображенія освѣтятъ приведенные факты и съ своей стороны найдутъ въ нихъ подтвержденіе.

Взглядъ Августина на происхожденіе и значеніе папской власти представляетъ собою интересный моментъ въ исторіи развитія этой власти и ярко оттѣняетъ собою столь различную отъ него *римскую* теорію, послужившую основаніемъ для папской теократіи. Мы уже упоминали о томъ, какъ тѣсна была связь между христіанской Африкой и Римомъ, и какъ съ другой стороны первая всегда проявляла большую самостоятельность по отношенію къ римской церкви. Августинъ былъ преемникомъ обоихъ этихъ преданій. Онъ высоко цѣнилъ римскую церковь, но все же онъ былъ слишкомъ самостоятеленъ какъ богословъ и его міровоззрѣніе было слишкомъ широко, чтобъ онъ могъ быть слѣпымъ поклонникомъ ея. Все философское міровоззрѣніе Августина располагало его въ пользу принципа единства. Самое понятіе церкви было для него неразлучно съ этимъ принципомъ. Долголѣтняя борьба съ донатизмомъ побудила его ставить еще выше въ церкви знамя единства. Не даромъ уже у его предшественника Оптата церковь прямо обозначается словомъ „unitas". Но что могло бы служить наиболѣе нагляднымъ выраженіемъ этого единства, какъ не представленіе о единомъ пастырѣ, получившемъ свою власть отъ того апостола, которому Христосъ поручилъ пасти „овцы своя"? Мы на самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ у Августина мѣста, гдѣ онъ отдаетъ преимущество римской церкви передъ другими, гдѣ онъ признаетъ за римскимъ епископомъ почетное первенство среди другихъ: „Римская церковь,—говоритъ Августинъ,—всегда обладала превосходствомъ (principatui) апостольской каѳедры". Обращаясь къ папѣ Бонифацію съ указаніемъ на общее всѣмъ епископамъ высокое пастырское положеніе, Августинъ, оговариваясь, прибавляетъ: „хотя ты преобладаешь (надъ ними) высотою твоего положенія".

Но не всегда такъ было. Весьма часто Августинъ сопоставляетъ римскаго епископа съ другими безъ всякой оговорки въ

Онъ ставитъ на одномъ ряду „каѳолическихъ епи-
анасія (александрійскаго) и Юлія (римскаго)."
зываетъ: „Кипріана (карѳагенскаго) и римскаго епи-
ана—епископами двухъ выдающихся церквей". Онъ
ъ своемъ сочиненіи *О христіанскомъ ученіи* (II, 3),
чиненія должны считаться каноническими, которы
аковыми большинствомъ церквей и наиболѣе уважае-
енно апостольскими престолами". Здѣсь, какъ видно,
ркви не отдается никакого преимущества передъ дру-
ольскими церквами.

еще болѣе усомниться въ реальномъ значеніи того
ва, которое Августинъ признаетъ за римской цер-
а встрѣчаешь у него мѣста, гдѣ она вовсе не упо-
ь числѣ обязательныхъ для христіанъ авторитетовъ.
воемъ письмѣ къ Януарію (№ 54.1) Августинъ гово-
воду разнообразія относительно постныхъ дней или
ѣдни ежедневно или въ извѣстные дни, что обычаи,
не на писаніи, а соблюдаемые повсюду по преда-
дятъ или къ апостоламъ, или установлены общими
соборами. Еще рѣшительнѣе отрицается Августиномъ
ьное преимущество за римскимъ епископомъ такъ,
инъ подчиняетъ его наравнѣ съ другими епископами
вторитету. Такъ, онъ говоритъ въ сочиненіи *О един-*
ви (28): „Не то вѣрно, чему учатъ отдѣльныя лица;
ическимъ епископамъ не слѣдуетъ вѣрить, если они
ся и впадаютъ въ противорѣчіе съ Св. Писаніемъ".
онъ говоритъ, что ученію всей церкви должно отда-
очтеніе передъ мнѣніемъ какого-либо епископа. Какъ
ода до постановленія Ватиканскаго собора!

мѣ этого есть мѣста, прямо направленныя противъ
римскихъ епископовъ на привилегированное положе-
ркви. Напоминая что донатистовъ осудилъ римскій
Мелхіадъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, Августинъ
„Если этотъ приговоръ былъ неправиленъ, то имъ
прибѣгнуть къ вселенскому собору, чтобы отмѣнить
ругомъ мѣстѣ, Августинъ прямо усвояваетъ себѣ выра-
ріана въ его полемикѣ противъ римскаго епископа
заявляетъ, что никто не желаетъ вознестись до зва-
па надъ епископами; судъ надъ всѣми они предоста-
поду" [1]).

ложеніе въ книгѣ Лангена о взглядахъ Августина на римскій епископ-

Изъ такихъ разнорѣчивыхъ отзывовъ Августина о римскомъ епископатѣ можно было бы, конечно, извлечь выводъ, къ которому и пришелъ Рейтеръ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ, что представленія Августина о значеніи папства—*колеблющіяся*. Но подобнымъ заключеніемъ нельзя удовлетвориться. Противорѣчивыми могутъ оказаться отзывы Августина о папствѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы стали принимать ихъ—напримѣръ, выраженіе *превосходство* (principatus) римской каѳедры—въ такомъ смыслѣ, который они получили благодаря позднѣйшему возвышенію Рима. Но всѣ кажущіяся противорѣчія исчезаютъ въ идеальномъ представленіи о церкви, которымъ жилъ Августинъ. Въ этомъ идеальномъ образѣ не было мѣста для притязаній римскихъ епископовъ на реальную власть. Все то, изъ чего политика римской церкви съумѣла извлечь для себя политическую выгоду, въ этомъ идеальномъ образѣ получаетъ лишь аллегорическій духовный смыслъ.. Въ особенности это относится къ значенію апостола Петра, исходной точкѣ римскаго величія. Въ Римѣ рано сложился образъ этого апостола, не вмѣщавшійся въ рамки первоначальныхъ представленій христіанскихъ общинъ. Чѣмъ болѣе возвышался этотъ образъ, тѣмъ далѣе простирались притязанія его преемниковъ. Прозаическая, какъ и встарину, миѳологія римлянъ овладѣла этимъ образомъ и сдѣлала изъ апостола привратника царства небеснаго, вслѣдствіе чего власть *ключей* стала монополіей его преемниковъ. Но такой взглядъ не сразу возобладалъ внѣ предѣловъ римской епархіи. Въ Африкѣ Тертулліанъ, какъ выше указано, возражалъ папѣ Зефирину, что власть „связывать и разрѣшать" не перешла къ нему, ибо была личнымъ достояніемъ Петра, и согласно съ этимъ и Августинъ училъ, что она была въ лицѣ Петра передана церкви [1]). „Этой церкви были даны ключи царства небеснаго, когда были даны Петру", говоритъ Августинъ. Или: „когда Петръ получилъ ключи, онъ представлялъ собою святую церковь". Поэтому Ав-густинъ не разъ называетъ Петра олицетвореніемъ церкви (figuram или personam ecclesiae gerens). Въ томъ, что ключи были даны одному только Петру, Августинъ видитъ лишь символъ единства церкви.

Ограничивая такимъ образомъ власть преемниковъ Петра надъ царствомъ *небеснымъ*, Августинъ лишаетъ ихъ своимъ аллегорическимъ толкованіемъ въ то же время и единовластія надъ *земною* церковью. Они не могли наслѣдовать отъ апостола того,

[1]) Hotch. Die Gesellschaftsordnung der chr. Kirche, p. 105.

чтò и ему не было дано. *Скала*, на которой Христосъ построилъ свою церковь, имѣетъ для Августина иной смыслъ, чѣмъ для римлянъ. Не на личности Петра хòтѣлъ Христосъ построить свою церковь, а вѣру Петра основать на той скалѣ, о которой говоритъ апостолъ Павелъ, и которая есть самъ Христосъ. „Ибо Христосъ скала,—а Петръ представляетъ народъ христіанскій".—Существенно здѣсь,—говоритъ Августинъ,—слово petra (скала). Оттого и Петръ получилъ названіе отъ скалы, а не скала отъ Петра, — какъ не отъ христіанъ былъ названъ Христосъ, а отъ Христа получилъ свое названіе христіанинъ".

Метафорическое истолкованіе *скалы* принимаетъ у Августина и другую форму. Скала, на которой построена церковь, объясняется, какъ непрерывная преемственность епископовъ. „Сосчитайте епископовъ,—восклицаетъ Августинъ,—начиная съ престола Петра,—вотъ та скала, которую не сокрушатъ врата ада". Но рядъ римскихъ епископовъ для Августина лишь символъ всего епископата. Августинъ не сомнѣвается въ подлинности ряда римскихъ епископовъ отъ Петра до современнаго ему Анастасія, но эта увѣренность для него служитъ также залогомъ того, что и въ другихъ апостольскихъ церквахъ существуетъ такая же непрерывность въ преемственности, хотя она въ нихъ и не установлена епископскими списками. Говоря о римскихъ епископахъ, Августинъ разумѣетъ совокупность прочихъ, какъ „pars pro toto". Такъ, напримѣръ, онъ заявляетъ (въ разсужденіи противъ „основаній манихейства"), что его „удерживаютъ въ церкви единогласіе народа (христіанскаго) и преемственность епископовъ, начиная отъ престола Петра и кончая современнымъ епископатомъ [1]). Въ этомъ смыслѣ Августинъ выставляетъ Петра, главенство (principatus) котораго онъ признаетъ,—представителемъ всего современнаго ему епископата. Въ одной изъ своихъ проповѣдей Августинъ указываетъ на Петра словами: „который тогда былъ нашимъ символомъ (figura nostra").

Такому же духовному истолкованію подверглось у Августина другое завѣтное слово—„паси овцы моя". Въ одной проповѣди Августинъ объясняетъ, что любовь Петра побудила Христа поручить ему свою паству. Но теперь этого Петра нѣтъ въ живыхъ: онъ принятъ въ сонмъ мучениковъ. Поэтому можно утѣшаться мыслью, что если въ настоящее время не окажется до-

---

[1]) Приводя эти мѣста, Лангенъ говоритъ, что Августинъ „unter der Unüberwindlichkeit des Felsens nur den ewigen Fortbestand der bischöflichen Sucession und die dadurch bedingte Kirche, nicht an die ewige Dauer und Unfehlbarkeit des römischen Stuhles, als eine ganz besondere Institution"—gedacht hat.

брыхъ пастырей, то самъ Господь будетъ пасти своихъ овецъ. Еще знаменательнѣе другое мѣсто, гдѣ Петръ выставляется представителемъ (figurabatur) единства всѣхъ пастырей, но только добрыхъ, „умѣющихъ пасти овецъ Христовыхъ для Него, а не для себя“.

Но въ особенности удаляется Августинъ отъ традиціонныхъ представленій римлянъ о Петрѣ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о немъ, не какъ о пастырѣ, а какъ о человѣкѣ. Римляне видѣли въ Петрѣ лишь главу апостоловъ, забывая за этимъ человѣка. Августинъ любилъ вести рѣчь о Петрѣ, какъ о грѣховномъ человѣкѣ. Онъ и тутъ ставитъ его высоко: „Никто, какъ бы онъ ни преуспѣлъ въ вѣрѣ,— восклицаетъ Августинъ,—не долженъ съ нимъ равняться“. Но онъ часто отмѣчаетъ человѣческія слабости Петра, имѣющія въ глазахъ Августина великое символическое значеніе. Если Петръ, съ одной стороны, служитъ для него олицетвореніемъ церкви, то въ то же время онъ является для Августина типомъ (figura) человѣка съ его колебаніями между сильной вѣрою и недостаткомъ вѣры. Августинъ ссылается на разсказъ Евангелія о томъ, какъ Іисусъ, идя по морю, подозвалъ къ себѣ Петра,—какъ тотъ испугался и вызвалъ упрекъ Христа: „Маловѣрный, зачѣмъ усомнился ты!“—Петръ въ глазахъ Августина настоящій представитель земной церкви, „смѣшанной“, по своему составу: „Церковь Христова имѣетъ въ себѣ твердыхъ и слабыхъ и не можетъ быть ни безъ твердыхъ, ни безъ слабыхъ. Такъ и апостолъ Петръ былъ первообразомъ обоихъ разрядовъ людей,—т.-е. твердыхъ и слабыхъ, ибо безъ тѣхъ и другихъ не можетъ обойтись церковь“.

Разсказъ Евангелія о двукратномъ отреченіи Петра служитъ Августину другимъ доказательствомъ человѣческой слабости апостола. Августинъ при этомъ вооружается противъ тѣхъ, кто думаетъ оправдать апостола словами, что онъ отрекся лишь отъ человѣка во Христѣ, а не отъ Богочеловѣка;—вѣдь самъ апостолъ призналъ своимъ покаяніемъ свое отреченіе.

Человѣческая немощь апостола обнаружилась не только въ слабости его вѣры, но и въ непослѣдовательности его ученія. По свидѣтельству апостола Павла, Петръ отступилъ отъ истины [1]), „принуждая язычниковъ жить по-іудейски“ (къ Гал. 2, 14), за что его осуждалъ Павелъ, ученіе котораго приняла вся церковь. ало того, самъ Петръ въ Антіохіи не держался іудейскаго ычая и ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками; когда же туда прибыли

[1]) Si potuit Petrus aliter sapere, quam veritas habebat..

„нѣкоторые отъ Іакова, сталъ таиться и устраняться, опасаясь обрѣзанныхъ“. Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе іудеи....

Настаивая на слабостяхъ и непослѣдовательности ученія апостола Петра, Августинъ былъ, конечно, далекъ отъ мысли приписывать его преемникамъ непогрѣшимость. Защищая папу Зосиму отъ обвиненія въ склонности къ пелагіанству, Августинъ приводитъ въ его пользу то, что Пелагію не удалось его „до конца“ обмануть, что̀, конечно, не исключаетъ возможности впасть въ заблужденіе. Возражая донатистамъ, обвинявшимъ папу Мелхіада въ отпаденіи отъ вѣры (традиторствѣ), Августинъ приводитъ въ его пользу только то, что современные этому папѣ донатисты не возводили на него такого обвиненія, и общій гуманный принципъ, что подозрѣваемаго не слѣдуетъ считать виновнымъ, пока его вина не доказана. Но Августинъ въ этомъ случаѣ идетъ еще далѣе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (53) онъ прямо допускаетъ возможность апостазіи преемника Петра. „Не было бы,—говоритъ онъ,—ущерба церкви и невиннымъ христіанамъ, еслибы въ ряду епископовъ отъ Петра до Анастасія, (занимавшаго въ это время римскій престолъ) вкрался какой-нибудь традиторъ“.

Не приписывая преемнику апостола Петра непогрѣшимости, Августинъ не признаетъ ея и за преданіемъ римской церкви, и потому отрицаетъ обязательность для всѣхъ другихъ церквей слѣдовать во всемъ нормамъ и обычаямъ римской церкви. Это ярко проявляется въ разсмотрѣнномъ уже нами письмѣ Августина къ Казулану противъ римскаго анонима [1]), запальчиво настаивавшаго на повсемѣстномъ соблюденіи поста по субботамъ, установившагося въ Римѣ. На громкое заявленіе римскаго анонима, что „Петръ, глава апостоловъ, привратникъ неба и основа церкви“—научилъ римлянъ, будто только постомъ побѣждается дьяволъ, Августинъ иронически отвѣчаетъ: а развѣ другіе апостолы по всему земному кругу учили христіанъ вопреки Петру не соблюдать поста (prandere),—и указываетъ на „восточныя“ страны, откуда пошла проповѣдь Евангелія, не знающія субботняго поста.

Предположенію, что и другіе апостолы, Іаковъ въ Іерусалимѣ, Іоаннъ въ Эфесѣ и пр., учили тому же, что̀ и Петръ,—но что на Востокѣ отпали отъ этого ученія,—Августинъ противополагаетъ, какъ возможное, другое предположеніе, „что въ Римѣ не сохранили апостольскаго преданія“.—При такой дилеммѣ возникла бы, восклицаетъ Августинъ, безконечная распря.

---

[1]) „Вѣстн. Европы“. 1895. Ноябрь—Декабрь. Переписка Августина.

Какой же выводъ изъ этого указываетъ Августинъ?—Онъ не говоритъ, что для избѣжанія распри всѣ должны признать непогрѣшимость римскаго преданія, но требуетъ, чтобы разныя церкви, проявляя единую вѣру, хотя бы и держась различныхъ обычаевъ, жили между собою въ такомъ же согласіи, какъ и сами апостолы.

Письмо къ Казулану представляетъ особый интересъ въ виду того, что Августинъ въ немъ прямо противополагаетъ авторитету римской апостольской церкви авторитетъ другихъ апостольскихъ церквей на Востокѣ, какъ равносильный. Это уваженіе Августина къ авторитету „Восточной церкви“ представляетъ новое основаніе къ тому, чтобы не преувеличивать значенія, какое Августинъ придавалъ Риму. Авторитетъ римскаго епископа возрасталъ соразмѣрно съ отчужденіемъ между римской и греческой половиной имперіи и съ паденіемъ въ глазахъ западныхъ христіанъ авторитета восточныхъ церквей. Въ дни Августина такое отчужденіе еще не вполнѣ наступило,—во всякомъ случаѣ еще не было теоретически ощутительнымъ. Единство христіанской церкви на римскомъ Западѣ и греческомъ Востокѣ еще поддерживалось политическимъ преданіемъ — фактическое раздѣленіе имперіи между двумя братьями еще не означало ея раздробленія, тѣмъ болѣе, что еще появлялись императорскіе указы, подписанные обоими императорами и обязательные для обѣихъ половинъ имперіи. Единство поддерживалось вселенскими соборами; еще въ годъ смерти Августина указомъ императоровъ Ѳеодосія II на Востокѣ и Валентиніана III на Западѣ былъ созванъ соборъ въ Эфесѣ, на который получилъ спеціальное приглашеніе и Августинъ. Какое это было бы интересное зрѣлище въ исторіи—Августинъ на вселенскомъ соборѣ!

Но помимо духа времени, мы должны отмѣтить въ жизни Августина спеціальную причину, поддерживавшую въ немъ уваженіе къ авторитету восточныхъ церквей: это—ересь донатистовъ, съ которою Августинъ боролся всю жизнь. Убожество этихъ отщепенцевъ нельзя было сломить указаніемъ на авторитетъ Рима,—они на это отвѣчали, что и среди римскихъ епископовъ были традиторы, т.-е. измѣнники Христу, нарушившіе чистоту іерархическаго преемства. Единственнымъ побѣдоноснымъ въ глазахъ Августина аргументомъ противъ нихъ служило обвиненіе, что они „отсѣкли себя отъ того корня восточныхъ церквей, откуда пришло Евангеліе въ Африку. „Кому не ясно,—заявлялъ Августинъ донатистамъ,—что правда на сторонѣ тѣхъ (африканскихъ церквей), которыя находятся въ общеніи съ апостольскими

церквами, имена коихъ помѣчены въ ихъ священныхъ книгахъ и ими упоминаются?"

Въ непрерывной борьбѣ съ донатистами Августинъ все болѣе проникался идеей единства церкви, но эта единая церковь, въ лоно которой онъ призывалъ донатистовъ, была не римская, а вселенская, со включеніемъ восточныхъ апостольскихъ церквей.

Этимъ значеніемъ послѣднихъ для Августина нужно объяснять его, такъ сказать, деликатность по отношенію образа дѣйствія іерусалимской церкви въ дѣлѣ Пелагія. Двойное оправданіе Пелагія въ Іерусалимѣ и въ Діосполѣ было для Августина тяжелымъ ударомъ — въ его глазахъ тамъ была оправдана явная ересь, ибо, по его утвержденію, „въ ученіи о первородномъ грѣхѣ и о благодати, христіанская вѣра и каѳолическая церковь никогда не измѣнялись. Между тѣмъ, Августинъ далекъ отъ всякаго намека на то, что Діоспольскій соборъ отпалъ отъ христіанской истины. Онъ объясняетъ печальный результатъ оправданія Пелагія недостаточнымъ знаніемъ латинскаго языка со стороны 14 собравшихся въ Діосполѣ епископовъ-грековъ, и изворотами, т.-е. обманомъ, Пелагія. Августинъ даже не говоритъ прямо объ оправданіи Пелагія, оставляя какъ бы самый фактъ подъ сомнѣніемъ (videtur). Это, очевидно, тотъ же пріемъ, который мы отмѣтили со стороны Августина по отношенію къ папѣ Зосимѣ. Какъ Августинъ выгораживалъ папу, утверждая, что онъ былъ обманутъ Целестіемъ, хотя и не *до конца*, такъ онъ щадилъ іерусалимскаго патріарха и соборъ одной изъ восточныхъ церквей. Въ обоихъ случаяхъ онъ не хотѣлъ, чтобы ересь, противъ которой онъ боролся, могла ссылаться на поддержку двухъ собраній преемниковъ апостоловъ; идея единства и святости вселенской церкви была для Августина слишкомъ дорога, чтобы подчеркивать личныя заблужденія нѣкоторыхъ ея представителей.

Какъ въ дѣлѣ папы Зосимы, такъ и въ данномъ случаѣ образъ дѣйствія Августина нужно объяснять его желаніемъ поддерживать миръ и единство церкви и потому избѣгать всего, что̀ могло бы вызвать разногласіе и разрывъ между церквами и послужить поощреніемъ ереси. Щадя авторитетъ и чувство самолюбія діоспольскихъ епископовъ, Августинъ не упрекаетъ ихъ въ томъ, что они взялись рѣшать дѣло, уже рѣшенное африканскими соборами. Такое отношеніе къ восточнымъ епископамъ вытекало у Августина не изъ одной только деликатности и уваженія къ ихъ сану, а изъ его общаго взгляда на церковь, допускавшаго въ единствѣ разнообразіе и настаивавшаго въ разнообразіи на единствѣ. Августинъ различаетъ не разъ западную

и восточную церковь, но это для него только двѣ формы единой церкви; въ самой западной онъ различаетъ на ряду съ римской—миланскую, гальскія и африканскія церкви. Это живые органы общаго тѣла, которымъ Августинъ предоставляетъ извѣстную самостоятельность. Мы уже упоминали о широтѣ взгляда Августина на различіе обрядовъ въ отдѣльныхъ церквахъ—по поводу соблюденія постныхъ дней. Такъ же рѣшительно высказался Августинъ и за свободу мнѣній въ области *ученія*. Онъ допускалъ существованіе такихъ вопросовъ, относительно которыхъ иногда между собою не согласны даже самые ученые и лучшіе защитники каѳолической нормы (regulae); при соблюденіи общаго строя вѣры одинъ изъ нихъ говоритъ объ одномъ и томъ же предметѣ лучше и истиннѣе, чѣмъ другой [1]).

Уже указанное выше отношеніе Августина къ апостольскимъ церквамъ на Востокѣ должно было помѣшать ему подчиниться въ такой степени авторитету преемниковъ св. Петра, какъ это ему приписываютъ современные католическіе историки. Но другимъ еще противовѣсомъ противъ римскихъ притязаній были для Августина *соборы*.

VIII.

Вѣкъ Августина былъ эпохой процвѣтанія соборовъ, частой и плодотворной ихъ дѣятельности. Примѣняясь къ административнымъ дѣленіямъ имперіи, соборы были чрезвычайно разнообразны, представляя собою съѣзды епископовъ то по провинціямъ,—которыя со времени Діоклетіана стали сравнительно мелкими единицами,—то по областямъ, то для всей церкви; такъ же разнообразны были они по числу съѣзжавшихся членовъ. Если число послѣднихъ бывало очень значительно, соборы назывались на Западѣ, въ отличіе отъ другихъ, „plenaria“ и пользовались большимъ авторитетомъ. Съѣзды епископовъ обусловливались мѣстными потребностями; случай и личное вліяніе созывающихъ играли при этомъ значительную роль. Регламентаціи не было ни по отношенію къ числу членовъ, необходимыхъ для составленія законнаго собранія, ни относительно компетенціи и распредѣленія соборовъ въ іерархическомъ порядкѣ. При такомъ положеніи дѣла могли возникать сомнѣнія въ правильности постановленій того или другого собора. Самъ Августинъ испыталъ это на себѣ; ему пришлось отнестись скептически къ карѳагенскому

[1]) Contra Jul. I. 6.—Reuter, 168.

собору 256 г., несмотря на авторитетъ предсѣдательствовавшаго на немъ епископа Кипріана, — чтобы не дать орудія въ руки донатистамъ. Но онъ составилъ себѣ прекрасную теорію, которая могла не только успокоить его относительно всѣхъ разногласій и противорѣчій между соборами, но и придавала имъ великій смыслъ—признавая ихъ частнымъ проявленіемъ истины, постепенно и прогрессивно открывающейся. „И сами соборы, происходящіе по отдѣльнымъ областямъ и провинціямъ, уступаютъ безъ всякихъ околичностей авторитету болѣе полныхъ соборовъ, происходящихъ по всему земному кругу. Полные же соборы сами часто исправляютъ другъ друга, — т.-е., позднѣйшіе отмѣняютъ постановленія болѣе раннихъ,—когда вслѣдствіе опыта раскрывается то, что̀ было скрыто, и познается то, что̀ было раньше невѣдомо“.

Поводомъ къ этому характерному заявленію послужило для Августина прославленіе имъ собора въ Арлѣ, созваннаго императоромъ Константиномъ въ 314 г. при возникновеніи донатистской распри и признавшаго неосновательность ихъ жалобъ на кареагенскаго епископа Цециліана. Этотъ Арльскій соборъ являлся по отношенію къ африканскимъ соборамъ „высшимъ“ (plenario concilio), какъ бы собраннымъ со всей земли, и выставлялся таковымъ у Августина въ полемикѣ съ донатистами. Если Арльскій соборъ, который не былъ вселенскимъ, имѣлъ въ глазахъ Августина такой авторитетъ, то еще бо̀льшій авторитетъ должны были имѣть для него соборы, дѣйствительно собранные со всего земного круга, т.-е. вселенскіе. Этому авторитету вселенскихъ соборовъ подчиненъ, въ глазахъ Августина, и римскій епископъ. Онъ высказалъ это, правда не въ догматической формѣ, а въ разсужденіи, не оставляющемъ, однако, сомнѣнія. Въ одномъ изъ своихъ полемическихъ посланій противъ донатистовъ Августинъ укоряетъ ихъ въ безстыдномъ упорствѣ въ схизмѣ, несмотря на то, что они обличены столькими судьями. Онъ напоминаетъ имъ, что они обжаловали измѣну Цециліана у заморскихъ церквей съ *двойнымъ* разсчетомъ. Если бы имъ удалось тамъ обличить Цециліана, они бы вполнѣ восторжествовали; если бы имъ это не удалось, то, упорствуя въ своей ереси, они могли отговариваться тѣмъ, что пострадали отъ плохихъ судей. — „Вѣдь такъ говорятъ,—замѣчаетъ Августинъ, —всѣ недобросовѣстные истцы, хотя бы неправота ихъ обнаружилась до очевидности. Какъ будто имъ нельзя на это возразить и справедливо возразить: хорошо, допустимъ, что епископы, судившіе въ Римѣ, были плохіе судьи, но вѣдь оставался полный соборъ вселенской

церкви, гдѣ можно было потягаться съ самими судьями, такъ, что если бы тѣ судьи были уличены въ несправедливомъ приговорѣ, донатисты были бы объявлены правыми".

Это мѣсто ясно указываетъ, что Августинъ считалъ совершенно правильнымъ обжалованіе постановленія епископскаго собора въ Римѣ и перенесеніе дѣла для новаго разсмотрѣнія на вселенскій соборъ, какъ въ высшую инстанцію.

Но приведенное мѣсто интересно еще своимъ заключеніемъ. „Пусть донатисты докажутъ,—восклицаетъ Августинъ,—что они такъ поступили! Но что они такъ не поступили—легко доказать тѣмъ, что церковь во всемъ мірѣ не имѣетъ съ ними общенія; или же они тамъ проиграли дѣло,—чтò доказывается ихъ отдѣленіемъ отъ церкви". Что дѣло донатистовъ не подвергалось разсмотрѣнію на вселенскомъ соборѣ—было общеизвѣстно и не нуждалось въ подтвержденіи. Упоминаніе Августиномъ этого факта имѣетъ другой смыслъ: онъ хочетъ сказать, что хотя донатисты и не были осуждены на вселенскомъ соборѣ, но они осуждены всею церковью, прервавшей съ ними общеніе. Существуетъ поэтому, въ глазахъ Августина, въ церкви помимо вселенскаго собора другая высшая инстанція, окончательно рѣшающая спорные вопросы, молчаливое согласіе или обычай *всей* церкви. „*То*, чего держится вся церковь, хотя бы оно и не было установлено соборами, *то*, чтò всегда соблюдалось, считается предметомъ вѣры, какъ будто бы оно было передано авторитетомъ апостоловъ". Нѣтъ надобности, по словамъ Августина, чтобы переданное апостолами было засвидѣтельствовано ихъ сочиненіями: многое, чтò не оказывается ни въ писаніяхъ апостоловъ, ни въ соборныхъ постановленіяхъ ихъ преемниковъ, признается апостольскимъ преданіемъ потому, что соблюдается въ предѣлахъ всей церкви [1]). Поэтому нѣтъ надобности всякій разъ прибѣгать къ вселенскому собору: когда, по появленіи посланія папы Зосимы противъ пелагіанцевъ, послѣдніе потребовали суда на вселенскомъ соборѣ, Августинъ горячо возражалъ имъ, что веселенскіе соборы созываются рѣдко, лишь когда появляется сомнѣніе по отношенію къ каѳолической истинѣ; они же осуждены не епископскимъ судомъ, а всѣми помыслами и всею жизнью каѳолической церкви въ прошломъ и настоящемъ—всѣмъ каѳолическимъ народомъ.

Такимъ образомъ, на ряду съ постановленіями вселенскихъ соборовъ Августинъ указываетъ еще на другой авторитетъ въ церкви—*преданіе*, признанное всѣмъ христіанскимъ народомъ

[1]) De bap., IV, 81, и II, 12.

(concensus omnium, quod semper ab omnibus et ubique). Другими словами, Августинъ признаетъ, что помимо устанавливаемыхъ соборами каноновъ, т.-е. *писаннаго* права, въ церкви живетъ написанная христіанская правда, что вопросъ о высшемъ авторитетѣ въ церкви и о гарантіи ея непогрѣшимости разрѣшенъ. Это обстоятельство подало поводъ Рейтеру, находившему отзывъ Августина о значеніи папской власти *колеблющимся*, заявить, что и вопросъ о высшемъ авторитетѣ въ церкви, служащемъ гарантіей ея непогрѣшимости, разрѣшенъ Августиномъ сбивчиво. „Общій епископатъ и римскій апостольскій престолъ, прочіе до извѣстной степени равноправные (koordinirte) апостольскіе престолы, абсолютно полный соборъ (Plenarconsil) и относительно полный соборъ—являются у Августина представителями церкви; но ни одинъ изъ этихъ авторитетовъ, ни всѣ въ совокупности, не считаются настоящимъ представительствомъ церкви. Послѣдняя не обладаетъ безусловно вѣрнымъ, несомнѣнно ее представляющимъ органомъ въ видѣ особаго учрежденія" (p. 353). Рейтеръ ищетъ причины такой неясности и неопредѣленности выраженій Августина объ этомъ предметѣ въ колебаніяхъ его мысли между принципами авторитета и разума, вѣры и знанія. Не соглашаясь съ этимъ, мы обратимъ вниманіе на то, что отзывы, взятые изъ сочиненій, написанныхъ на протяженіи сорокалѣтней литературной дѣятельности, и большею частью съ полемической цѣлью, легко могутъ показаться формально противорѣчивыми и заслонять истинную мысль автора.

Еще важнѣе другое соображеніе, безъ котораго нельзя правильно судить о представленіяхъ Августина о церкви. Вѣкъ Августина былъ критической эпохой въ жизни церкви, когда въ ней слагались новыя формы быта, но жила и сила прошлаго. Это былъ вѣкъ процвѣтанія соборовъ вселенскихъ и провинціальныхъ, изъ которыхъ одни часто противорѣчили другимъ. Среди этихъ періодическихъ соборовъ росло могущество римскаго епископа, которому было суждено расколоть христіанскую церковь на восточную—соборную, и западную—папскую. Въ то же время жива еще была память эпохи, когда церковь не знала вселенскихъ соборовъ, руководясь общимъ преданіемъ. Вышеприведенное мѣсто Рейтера, которымъ имѣется въ виду характеризовать неопредѣленность взглядовъ Августина, можно прямо признать историческимъ изображеніемъ его эпохи,—до того оно вѣрно ее отражаетъ.

Однако, кромѣ неизбѣжнаго вліянія среды и историческаго момента, мы склонны искать причины того, почему Августинъ

не углубляясь въ *юридическую* сторону вопроса, кто долженъ представлять собою высшій авторитетъ церкви,—и почему онъ не взялъ на себя точное опредѣленіе отношеній между полными и неполными соборами, между вселенскими соборами и римскимъ епископомъ, между соборами и общимъ преданіемъ,—не тамъ, гдѣ ее указываетъ Рейтеръ, а въ идеалистическомъ представленіи Августина о церкви, которое не нуждалось въ такихъ опредѣленіяхъ. Церковь, какъ земное учрежденіе, даже въ пору своего скитанія на землѣ, должна устремить свой взоръ на „горній Іерусалимъ", куда она ведетъ свою паству. Этотъ горній Іерусалимъ, т.-е. Божье царство, долженъ служить ей путеводной звѣздой. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о земныхъ пастыряхъ церкви и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ терялъ для Августина свое значеніе. Самъ устремивъ свой взоръ на Божье царство, Августинъ пребываетъ въ увѣренности, что Тотъ, Кто основалъ церковь, будетъ и управлять ею; и даже еслибы церковь лишилась земныхъ пастырей,—ея пастыремъ будетъ Царь небесный.

IX.

Но церковь была на землѣ не одна. Въ своемъ скитаніи на землѣ она находилась въ постоянномъ соприкосновеніи съ господствовавшей на землѣ властью. При всемъ своемъ стремленіи къ идеальнымъ интересамъ своего небеснаго призванія она имѣла земные интересы, удовлетвореніе которыхъ зависѣло отъ этой власти, т.-е. отъ государства. Какъ же смотрѣлъ Августинъ на государство? Какое положеніе отводилъ онъ ему по отношенію къ Божьему царству и къ земной церкви?

Въ дни Августина государство на Западѣ едва держалось. Запершись въ крѣпости, западный императоръ былъ безпомощнымъ зрителемъ разрушенія варварами Рима — тысячелѣтняго побѣдителя народовъ. Совсѣмъ другое представляла собою церковь. Трудно теперь себѣ вообразить то впечатлѣніе величія, мощи и благости, какое производила христіанская церковь на современниковъ Августина. Въ дѣтскіе годы Августина церковь пережила послѣдній кризисъ въ своей борьбѣ съ языческимъ міромъ, — попытку императора Юліана возродить язычество и отнять у христіанства привилегіи, дарованныя церкви ея предшественниками. Но эта безславная попытка лишь увеличила славу церкви. А тридцать лѣтъ спустя, міръ былъ свидѣтелемъ поразительной сцены, когда христіанскій епископъ, преградивъ

входъ въ церковь могущественнѣйшему императору, только-что побѣдившему своихъ соперниковъ и снова возсоединившему подъ одною властью всѣ части римской имперіи,—заставилъ его смириться и принять покаяніе за поступокъ, осужденный церковной властью. Для всего міра было ясно, что высшая власть не только на небѣ, но и на землѣ есть церковь; на землѣ—такъ какъ ей подчиняется императоръ, на небѣ, ибо ей предоставлены „ключи" отъ царства небеснаго; и этотъ епископъ, побѣдившій императора, былъ Амвросій Миланскій, учитель и воспріемникъ въ крещеніи Августина.

Такой конкретной антитезѣ между церковью и государствомъ вполнѣ соотвѣтствовала принципіальная антитеза, въ которую ихъ поставилъ Августинъ въ своемъ сочиненіи „О Божьемъ царствѣ".

Къ земному царству онъ относитъ все, что живетъ или жило по закону человѣческому въ противоположность закону божественному; но такъ какъ земная жизнь людей главнымъ образомъ проявляется въ политическихъ учрежденіяхъ и въ судьбѣ основанныхъ въ разное время государствъ, то всѣ недостатки „земного царства", отмѣчаемые Августиномъ, приходятся на долю государствъ, изъ которыхъ послѣднимъ и главнымъ является римская имперія. Какъ надо было ожидать со стороны гражданина небеснаго царства, скитальца на землѣ, у Августина по отношенію къ *государству* часто проявляется полное равнодушіе къ его интересамъ; то отсутствіе патріотизма, въ которомъ такъ часто обвиняли христіанъ римской имперіи, не разъ слышится и у него. Онъ считаетъ неразумнымъ „хвастаться обширностью и величіемъ государства" и, сравнивая благополучіе человѣка средняго достатка съ заботами богача, отдаетъ предпочтеніе первому передъ вторымъ и—по аналогіи—малому государству передъ великимъ. Его равнодушіе распространяется и на форму правительства, и на личность правителей; слова Августина: „Не все ли равно, подъ чьимъ правленіемъ приходится жить человѣку, всегда близкому къ смерти (moriturus)", весьма характерны для вѣка частыхъ революцій и раздѣловъ имперіи!

Но отрицательное отношеніе Августина къ государству не ограничивается простымъ равнодушіемъ. Оно принимаетъ принципіальный характеръ; отрицаніе получаетъ, такъ сказать, положительное содержаніе и становится осужденіемъ. Это осужденіе мотивируется полной несостоятельностью государства какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ; оно осуждается и за способъ его возникновенія, и за его цѣли и

пріемы въ настоящемъ, и, наконецъ, въ виду ожидающей его судьбы. Объ этой судьбѣ Августинъ говоритъ мимоходомъ, но въ энергическихъ выраженіяхъ: — „Земное царство не будетъ долговѣчнымъ, — ибо, когда его постигнетъ послѣдняя кара, проклятіе, оно уже не будетъ государствомъ". — Подробнѣе обсуждаетъ Августинъ возникновеніе государства: оно есть порожденіе грѣха. Это проявляется, во-первыхъ, въ томъ, что самое порожденіе гражданъ земного царства опорочено грѣхомъ [1]). Но и самое возникновеніе всякаго государства обусловливается грѣхомъ. Рабство, по Августину, есть слѣдствіе грѣха, ибо Господь создалъ людей свободными. „Никто, — говоритъ Августинъ, — по природѣ своей, первоначально созданной для него Господомъ, не есть рабъ другого человѣка или грѣха". — Ссылаясь на слова Даніила, Августинъ утверждаетъ, что первой причиной рабства былъ грѣхъ, такъ какъ только по его винѣ человѣкъ былъ поставленъ въ зависимое положеніе и подчиненъ другому человѣку. Августинъ старается подкрѣпить это утвержденіе историческими фактами. Въ Писаніи нигдѣ не упоминается о рабахъ, пока праведный Ной не покаралъ этимъ наименованіемъ грѣховнаго сына (Хама). И въ латинскомъ языкѣ слово рабъ (servus) произошло, какъ полагаютъ, оттого, что побѣдители, которые по праву войны могли убивать побѣжденныхъ, щадили ихъ и сохраняли (servabant) въ качествѣ рабовъ. Это разсужденіе о происхожденіи рабства изъ грѣха Августинъ переноситъ и въ область политическую, на отношенія правителей и подданныхъ. Ссылаясь на свидѣтельство изъ Книги Бытія, Августинъ заявляетъ, что Господь, создавъ человѣка по своему образу и подобію разумнымъ существомъ, предоставилъ ему господствовать лишь надъ неразумными тварями; поэтому человѣкъ не долженъ властвовать надъ человѣкомъ, а только надъ скотомъ. Оттого первые праведники болѣе походятъ на пастырей стадъ, чѣмъ на людскихъ царей. Господь этимъ хотѣлъ показать, что согласно съ порядкомъ творенія всякая власть надъ человѣкомъ есть слѣдствіе грѣхопаденія; ибо положеніе раба справедливо признается удѣломъ грѣшника.

Еще опредѣленнѣе осуждается у Августина возникновеніе государства въ знаменательной аналогіи между государствомъ и разбойничьимъ станомъ: — „Что такое государство, если въ немъ нѣтъ справедливости (remota justitia), какъ не огромные разбой-

[1]) XV, c. 2. — Parit cives terrenae civitatis peccato vitiata natura, — гражданъ же небесного царства — parit gratia a peccato naturam liberaus.

ничьи станы? Вѣдь и разбойничьи станы не что иное, какъ мелкія державы". Такъ какъ Августинъ обыкновенно употребляетъ слово „justitia" не въ юридическомъ смыслѣ, а въ религіозно-этическомъ, въ смыслѣ *праведности*, то можно было бы думать, что онъ своей оговоркой—remota justitia—какъ бы выгораживаетъ христіанскія государства. Но вторая половина фразы, отождествляющая разбойничьи станы съ маленькими государствами, весьма ослабляетъ силу оговорки, устанавливая качественную однородность сравниваемыхъ предметовъ вообще. Августинъ старается подробно разъяснить эту однородность: „И разбойничій станъ управляется волею начальника, его члены связаны общимъ уставомъ; добыча дѣлится по уговору. Если же это злое дѣло разростается, вслѣдствіе прилива новыхъ злодѣевъ, до того, что станъ захватываетъ города и покоряетъ народы, тогда онъ и открыто называетъ себя царствомъ".

Этими словами Августинъ устанавливаетъ происхожденіе государствъ отъ разбойничьихъ шаекъ какъ бы нормальнымъ способомъ ихъ возникновенія. Въ подкрѣпленіе своей мысли онъ напоминаетъ о происхожденіи Рима и подробно описываетъ возстаніе гладіаторовъ въ 72 г. до Р. X., которые подъ предводительствомъ трехъ вождей захватили почти всю Италію и изъ маленькой и презрѣнной шайки сдѣлались царствомъ (regnum), страшнымъ даже римлянамъ.

Что Августинъ именно въ насиліи и завоеваніи усматривалъ характернѣйшую черту государства, уподобляющую его разбойничьему стану, видно и изъ его скептическаго замѣчанія по отношенію къ историку Юстину, идеализировавшему древнѣйшій вѣкъ, когда, по его словамъ, цари избирались за мудрость (moderatio), народы не имѣли законовъ, и каждое государство соблюдало свои границы, не вторгаясь въ предѣлы другого.—Нинъ былъ первымъ государемъ, отступившимъ отъ этого прадѣдовскаго обычая подъ вліяніемъ новой страсти—властолюбія. Сомнѣваясь относительно вѣрности такой характеристики *древнѣйшаго* вѣка, Августинъ признаетъ, согласно съ Юстиномъ, достовѣрными завоеванія Нина, основателя первой великой монархіи, и по этому поводу восклицаетъ: „Нападать войной на сосѣдей, обижать и покорять безобидные народы изъ-за одного властолюбія,—какъ же это называть, какъ не великимъ разбоемъ?" [1])

---

[1]) Populus sibi non molestos sola regni cupiditate conterere et subdere quid aliud quam grande latrocinium nominandum est. C. D. L. V, c. 6.

Но земное государство опорочено не только способомъ своего возникновенія изъ насилія и властолюбія: оно порочно по самому существу своему. То, что оно считаетъ своимъ благомъ, есть благо земное, и удовлетвореніе, доставляемое этимъ благомъ, такъ же суетно, какъ и самое благо. А такъ какъ всякое подобное благо не можетъ не доставлять тревоги тѣмъ, кто его ищетъ, то и земное государство большею частью само себя раздираетъ усобицами и войнами, и стремится одержать побѣды, пагубныя для другихъ и смертоносныя для обѣихъ сторонъ. Что бы ни послужило государству поводомъ къ войнѣ, оно стремится къ побѣдѣ и къ господству надъ народами, будучи само порабощено пороками (captiva vitiorum).

X.

Однакоже мы встрѣчаемъ у Августина и иного рода соображенія относительно государства, вытекающія изъ другого теченія мыслей. Если осужденіе государства главнымъ образомъ обусловливается его противоположностью Божьему царству, то съ другой стороны самое *соотношеніе* этихъ представленій становится поводомъ къ болѣе благопріятнымъ отзывамъ о земномъ государствѣ. Самая аналогія съ Божьимъ царствомъ облагораживаетъ земное царство. Оно можетъ служить его *подобіемъ*, символомъ, отраженіемъ (umbra), какъ выражается Августинъ. Подобно тому, какъ рабыня Агарь и ея сынъ, рожденный въ плоти, являются предзнаменованіемъ Сары и ея сына, рожденнаго въ благодати, — такъ часть земного царства стала образомъ и подобіемъ небеснаго царства, обозначая не себя, а другое царство, и потому *служа* ему. Ибо не ради самого себя оно учреждено, а какъ предтеча и для обозначенія своего первообраза". — Поэтому-то, — говоритъ Августинъ далѣе, — мы находимъ въ земномъ царствѣ двѣ стороны (formae), — одну, обозначающую его самого, и другую, обозначающую небесное царство. Августинъ ищетъ аналогіи между земнымъ и небеснымъ царствомъ не только въ области Ветхаго Завѣта; даже факты языческой исторіи получаютъ возвышенный смыслъ благодаря аналогіи, устанавливаемой Августиномъ между ними и христіанскими таинствами. Такъ въ „убѣжищѣ", устроенномъ Ромуломъ для привлеченія гражданъ въ основанный имъ городъ, Августинъ видитъ символъ (umbra) „отпущенія грѣховъ, посредствомъ котораго собираются граждане вѣчнаго отечества".

Значенiе государства возрастаетъ, если оно служитъ не только образомъ или символомъ небеснаго царства, но находится съ нимъ въ непосредственной духовной связи. Въ этомъ отношенiи получаетъ большое значенiе вышеупомянутая оговорка, которую сдѣлалъ Августинъ при уподобленiи государства разбойничьему стану. „Чтò такое—восклицаетъ онъ—государства, какъ не большiе разбойничьи станы, если изъ нихъ устранена справедливость (remota justitia)!" — Чтò разумѣлъ подъ этимъ Августинъ, мы узнаемъ изъ его критики опредѣленiя, даннаго *республикѣ* Цицерономъ, гдѣ Августинъ старается съ помощью дiалектики доказать, что римская республика не заслуживала своего названiя „res publica".

Въ сочиненiи о государствѣ Цицеронъ влагаетъ въ уста Сципiону слова, что республика означаетъ res populi, т.-е. достоянiе народа. Народъ же онъ опредѣляетъ словами—собранiе людей, связанныхъ между собою правовымъ соглашенiемъ—juris consensa—и общимъ интересомъ. Объясняя, чтò значитъ правовое соглашенiе, Цицеронъ доказываетъ, что безъ справедливости не можетъ быть и республики, ибо, гдѣ нѣтъ истинной справедливости, тамъ не можетъ быть и права. Присоединяясь къ этой аргументацiи, Августинъ даетъ ей неожиданный оборотъ: „Справедливость есть конечно та добродѣтель, которая каждому воздаетъ то, чтò ему слѣдуетъ";—а если такъ, то какая же справедливость тамъ, гдѣ человѣка отнимаютъ у Бога и предоставляютъ его нечистымъ демонамъ? Это ли значитъ воздавать каждому то, чтò ему слѣдуетъ? Вѣдь тотъ, кто отнимаетъ усадьбу у купившаго ее и передаетъ ее тому, кто не имѣетъ на нее никакого права, несправедливъ; а кто самъ себя изъялъ изъ-подъ власти Бога, сотворившаго его, и служитъ злымъ духамъ, тотъ развѣ справедливъ? Такимъ образомъ, Августинъ, не оспаривая общепринятаго до него опредѣленiя справедливости — „отдавать каждому свое", придаетъ ей новый, болѣе глубокiй смыслъ, перенося ее изъ области человѣческихъ отношенiй въ область религiозную, требуя, чтобы справедливость воздавалась въ государствѣ истинному Богу, творцу человѣка, имѣющему поэтому право на него, какъ на свое достоянiе. Другими словами, Августинъ обусловливалъ истинную справедливость признанiемъ истиннаго Бога. Если сопоставить это положенiе Августина съ вышеприведенной оговоркой, что государства, не обладающiя Божьей справедливостью, лишь разбойничьи шайки, то отсюда нужно сдѣлать заключенiе, что всѣ нехристiанскiя государства, кромѣ древне-еврейскаго, не заслуживали въ его

глазахъ иной оцѣнки. Однако, не взирая на эту оговорку, мы находимъ у Августина болѣе благопріятныя сужденія о государствѣ, очевидно относящіяся не къ одному христіанскому, но и къ языческимъ. Отвергнувъ Цицероновское опредѣленіе республики и народа, Августинъ предлагаетъ свое: народъ есть сборище разумныхъ людей, соединенныхъ согласнымъ общеніемъ вещей, которыми оно дорожитъ (concordi communione rerum quas diligit). Чѣмъ бы ни дорожило это сборище, если только это сборище не животныхъ, а одаренныхъ разумомъ существъ, и если оно соединено согласнымъ общеніемъ того, что̀ ему дорого, говоритъ Августинъ, такое сборище не безъ основанія называется народомъ; оно тѣмъ достойнѣе, чѣмъ возвышеннѣе предметы, на которые распространяется его согласіе, и оно тѣмъ менѣе достойно (deterior), чѣмъ хуже эти предметы. Съ точки зрѣнія этого опредѣленія, — замѣчаетъ Августинъ, — римскій народъ нельзя не назвать народомъ, а „дѣло" его (res) безъ сомнѣнія должно называться республикой. Августинъ прибавляетъ, что подъ это опредѣленіе подходятъ и всѣ другія государства — Аѳинское, Египетское и всѣ прочія. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ всѣ государства и языческія, и христіанскія подведены подъ одну категорію, и опредѣленіе ихъ, включая въ себѣ мѣрку для различной оцѣнки ихъ, всѣ ихъ одинаково надѣляетъ признакомъ разумности. Но главнымъ достоинствомъ государства, главнымъ признакомъ, далеко возвышающимъ его надъ разбойничьимъ станомъ, — это, въ глазахъ Августина, присущее государству стремленіе къ *миру*.

Миръ есть высшее благо на землѣ. „Здѣсь мы считаемъ себя счастливыми, когда пользуемся миромъ". — Такъ велико благо мира, что даже въ земныхъ и бренныхъ дѣлахъ нѣтъ ничего пріятнѣе мира для слуха, нѣтъ ничего достойнѣе для желанія, ничего лучшаго нельзя пріобрѣсти [1]). А это высшее благо обезпечивается государствомъ; мало того, оно и составляетъ назначеніе и главную цѣль государства. „Даже земное государство, которое не живетъ вѣрою, стремится къ земному миру и на него направляетъ согласіе гражданъ путемъ власти и повиновенія для того, чтобы установить между ними извѣстное единеніе человѣческихъ воль по отношенію къ предметамъ, относящимся къ смертной жизни". — Въ земномъ государствѣ все направлено къ достиженію земного мира. Государство ищетъ

---

[1]) Nihil gratius soleat audiri, nihil desiderabilius concupisci, nihil postremo possit melius invenire. C. D. L. XIX, c. 11.

не только внутренняго, но и внѣшняго мира; для установленія этого мира оно предпринимаетъ войны. Даже воюя, земное государство желаетъ обезпечить миръ; ибо, если оно побѣдитъ и у него не будетъ супротивника, оно станетъ обладать миромъ. Этого мира добивается оно путемъ тяжелыхъ войнъ; этотъ миръ становится наградой побѣды, которую считаютъ славной. Августинъ видимо одобряетъ такое сочувственное отношеніе къ побѣдѣ; „ибо,—говоритъ онъ,—когда побѣждаетъ тотъ, кто сражается за справедливое дѣло, кто же не привѣтствуетъ его побѣду, усматривая въ ней наступленіе желаннаго мира?"—Съ этой точки зрѣнія, Августинъ готовъ ставить высоко интересы и успѣхъ земного государства, къ которымъ онъ относился пренебрежительно съ высоты небеснаго царства. Войну и побѣду, обезпечивающую миръ, онъ называетъ дѣйствительнымъ благомъ и благословеніемъ Господа: „Haec dona sunt et sine dubio Dei dona sunt"!

Но значеніе государства, какъ источника и блюстителя земного мира, еще болѣе возрастаетъ въ глазахъ Августина въ виду универсальнаго значенія мира. Миръ есть выраженіе гармоніи и порядка, царящаго во вселенной и установленнаго ея творцомъ. Государство, установляя миръ, становится звеномъ мирового порядка. „Миръ тѣла есть соотвѣтствіе его частей; миръ души безсознательной—угомонъ страстей; миръ души разумной—гармонія между разумомъ и волей; миръ домашній — согласіе членовъ семьи въ повиновеніи общему авторитету; миръ государства—гармоническое (ordinata) согласіе гражданъ по отношенію къ власти и повиновенію; миръ небеснаго царства—самое гармоническое и согласнѣйшее общеніе съ Богомъ и взаимно въ Богѣ". — Такимъ образомъ, земной миръ, обезпечиваемый государствомъ, становится необходимымъ условіемъ для достиженія высшаго назначенія человѣка. „Богъ, мудрѣйшій творецъ и справедливѣйшій распорядитель всѣхъ твореній, создавшій, какъ лучшее украшеніе земли, смертный родъ человѣчесвій, даровалъ людямъ соотвѣтствующее ихъ жизни благо, земной миръ и все, что нужно для его обезпеченія, съ тѣмъ, что тотъ, кто въ земной жизни воспользуется, какъ должно, благами, ведущими къ миру, обрѣтетъ миръ безсмертный въ вѣчной жизни, а тотъ, кто ими не воспользуется, не обрѣтетъ мира земного и утратитъ миръ небесный".

Съ этой точки зрѣнія измѣняется взглядъ Августина и на правителей государства: прежнее равнодушіе его къ качеству этихъ правителей замѣняется сочувствіемъ къ торжеству пра-

ведныхъ правителей. „Тамъ, гдѣ поклоняются истинному Богу, полезно, чтобы держава добрыхъ правителей (boni) была велика, обширна и продолжительна, и это желательно не столько для нихъ, сколько для дѣлъ человѣческихъ".

Правда, въ данномъ случаѣ сочувствіе къ торжеству земного государства и его правителей обусловлено поклоненіемъ истинному Богу; встрѣчаются также у Августина и такія мѣста, которыя прямо ограничиваютъ высокую оцѣнку земного мира [1]), не распространяя ее на неправедныхъ. Но такія оговорки понятны у автора „Божьяго царства"—и нисколько не умаляютъ высказаннаго выше положенія, что земное христіанское государство въ его глазахъ высоко возвышается надъ разбойничьимъ станомъ вслѣдствіе того и поскольку оно является блюстителемъ и источникомъ мира,—мира, правда, земного, но важнаго и для гражданъ небеснаго царства, пока скитающихся на землѣ. „Пользуется—говоритъ Августинъ—небесное царство во время своего здѣшняго скитальчества также и земнымъ миромъ, и въ дѣлахъ, касающихся смертной природы человѣка, соблюдаетъ законъ, установленный *человѣческой* волею, насколько это допускается благочестіемъ и религіей".

Еще опредѣленнѣе выражается Августинъ по этому вопросу въ особой главѣ, которую онъ ему посвящаетъ. Онъ говоритъ, что и народъ, отчужденный отъ Бога, любитъ однако свой миръ, и что этому нельзя не сочувствовать. Вѣдь и въ нашемъ интересѣ, чтобы онъ не утратилъ своего мира, ибо, пока смѣшаны между собою оба царства, и мы пользуемся миромъ „Вавилона". Поэтому и апостолъ предписывалъ, чтобы церковь молилась за царей, а пророкъ Іеремія, предсказывая вавилонское плѣненіе, увѣщевалъ народъ Божій, чтобы онъ молился за Вавилонъ, объясняя, что „его миръ и вашъ миръ".

Если Августинъ въ интересахъ земного мира усвоилъ себѣ завѣтъ апостола молиться за царей,—не исключая языческихъ,—то онъ долженъ былъ тѣмъ ближе принимать къ сердцу интересы христіанскихъ императоровъ. Онъ и проявляетъ это чувство въ особой главѣ, посвященной вопросу, въ чемъ заключается истинное благополучіе христіанскихъ императоровъ. Оно состоитъ, по его объясненію, не въ продолжительности правленія, и въ безмятежной кончинѣ съ передачей престола сыну, не въ побѣдѣ надъ врагами государства и подавленіи возстанія враждебныхъ гражданъ. Такія блага выпадали на долю и государей,

[1]) Pacem iniquorum nec pacem esse dicendam. II, 375.

поклонявшихся демонамъ и не принадлежавшихъ къ царству Божію, подобно христіанскимъ императорамъ. Изображая благополучіе послѣднихъ, Августинъ даетъ имъ подробное наставленіе для жизни, заслуживающее особеннаго вниманія потому, что хотя въ немъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь о личныхъ свойствахъ государей, о ихъ добродѣтеляхъ, какъ частныхъ лицъ, въ этомъ поученіи однако заключается отчасти и политическая программа — наставленіе христіанскому государству. „Мы считаемъ ихъ — говоритъ Августинъ — счастливыми, если они управляютъ справедливо, если ихъ не исполняютъ гордыней рѣчи, высоко ихъ прославляющія, и подобострастіе людей, слишкомъ смиренно ихъ почитающихъ; но если они помнятъ, что и они люди; если они употребляютъ свою власть для вящаго распространенія поклоненія Богу, дѣлая эту власть слугою (famulam faciunt) Его славы; если они боятся Бога, чтутъ Его и поклоняются Ему; если болѣе любятъ то царство, гдѣ имъ не придется опасаться соперниковъ, чѣмъ свое; если они медлятъ карать, легко прощаютъ; если прибѣгаютъ къ карѣ изъ-за нуждъ государственнаго управленія и его охраненія, а не для удовлетворенія чувству ненависти и вражды; если эта снисходительность въ прощеніи ведетъ не къ безнаказанности преступленія, а руководится надеждою на исправленіе; если суровыя мѣры, къ которымъ они такъ часто бываютъ принуждены прибѣгать, возмѣщаются сострадательной кротостью и щедростью благодѣяній; если они тѣмъ воздержнѣе въ удовлетвореніи страстей, чѣмъ болѣе вольны предаваться имъ; если они предпочитаютъ подавлять дурныя влеченія, чѣмъ побѣждать народы, и если все это они творятъ не ради жажды пустой славы, а изъ любви къ вѣчному блаженству“.

Приведенныхъ здѣсь указаній достаточно, чтобы на ихъ основаніи составить себѣ представленіе о воззрѣніяхъ Августина на государство. Они прежде всего показываютъ, что государство занимало сравнительно незначительное мѣсто въ его помыслахъ. Всѣ его помыслы были обращены на Божье царство и на устроеніе „той его части, которая скиталась на землѣ“. Земное государство являлось ему въ принципѣ противоположностью Божьяго царства; съ этой точки зрѣнія Августинъ и прослѣдилъ исторію земного государства. Земныя цѣли этого государства, его формы и виды Августина не интересовали. Его взглядъ въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовалъ настроенію христіанъ въ римской имперіи, съ одинаковой покорностью переживавшихъ эпохи преслѣдованія и болѣе благопріятныя для нихъ времена. Съ этимъ настроеніемъ гармонировала и теорія Августина объ отноше-

ній подданныхъ къ властямъ. Если власть была въ рукахъ добрыхъ правителей, подданные должны были считать это за благо, ниспосланное Богомъ, которое нужно принимать съ благодарностью; если правители были злые и жестокіе, они должны *были* видѣть въ этомъ испытаніе, въ которомъ слѣдовало проявлять христіанскую доблесть и добродѣтель. Равнодушіе Августина къ государству особенно можно усмотрѣть въ томъ, что, несмотря на высокое превосходство, которое онъ признаетъ за христіанскимъ государствомъ предъ языческимъ, онъ, можно сказать, обходитъ молчаніемъ знаменательнѣйшій фактъ въ исторіи земного государства — его превращеніе изъ языческаго въ христіанское, вслѣдствіе чего оно изъ враждебнаго царству Божію учрежденія обратилось въ пособника ему на землѣ. Этотъ переломъ въ исторіи земного государства настолько слабо отмѣченъ Августиномъ, что это подало поводъ его критикамъ упрекнуть его въ упущеніи, и утверждать, что его сочиненіе о царствѣ Божіемъ было построено на *анахронизмѣ*. Есть, конечно, не мало соображеній, объясняющихъ этомъ мнимый анахронизмъ. Несмотря на торжество христіанства, сила язычества еще давала себя чувствовать въ государственной жизни, особенно въ Римѣ, гдѣ еще до конца IV в. языческая Викторія продолжала красоваться въ сенатѣ, какъ символъ языческой традиціи. Эта сила язычества проявлялась даже въ политическихъ переворотахъ, совершавшихся на глазахъ у Августина—въ гибели императоровъ Граціана и Валентиніана II, въ торжествѣ языческаго узурпатора Гильдона въ Африкѣ. Вліяніе язычества чувствовалось также въ нравахъ и представленіяхъ христіанъ, въ особенности въ театральныхъ зрѣлищахъ, сохранившихся отъ временъ „служенія демонамъ" въ ущербъ нравственности. Но указанное упущеніе историка „Царства Божія" объясняется не одними побужденіями, заимствованными изъ его личнаго опыта и изъ среды, его окружавшей. Оно имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, вытекая изъ самаго существа его міровоззрѣнія. Оно всего болѣе свидѣтельствуетъ объ идеализмѣ, о *трансцендентальности* этого міровоззрѣнія. Царство Божіе, въ помыслахъ о которомъ жилъ Августинъ, стояло такъ неизмѣримо высоко надъ міромъ, что предъ нимъ сглаживались, исчезали существенныя различія между языческимъ и христіанскимъ государствомъ. Передъ царствомъ небеснымъ какъ то, такъ и другое, одинаково представляло собою земное государство.

Идея антагонизма между земнымъ государствомъ и Божьимъ царствомъ удерживается Августиномъ, несмотря даже на личный

опытъ, убѣдившій его въ благихъ послѣдствіяхъ для церковнаго единства вмѣшательства государственной власти въ дѣла церкви. Послѣ продолжительнаго разногласія съ другими африканскими епископами, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что только воздѣйствіе государства можетъ положить конецъ донатистской смутѣ, и присоединился къ ихъ ходатайству у императоровъ о принятіи карательныхъ мѣръ противъ ереси. Онъ и лично обращался къ императорскимъ чиновникамъ за защитой своей паствы отъ мѣстныхъ донатистовъ. Но тѣмъ болѣе слѣдуетъ принять во вниманіе, что эта практика не отразилась на его воззрѣніяхъ. Августинъ началъ писать сочиненіе „О Божьемъ царствѣ" (410—426) еще во время горячей борьбы съ донатистами, продолжавшейся до 420 г., и тѣмъ не менѣе въ этомъ сочиненіи ни однимъ словомъ не упоминается объ участіи государства въ этой борьбѣ.

Но если съ одной стороны практическая польза, которую можно было извлечь изъ мощи государства для нуждъ церкви, не побудила Августина отказаться отъ антитезы между Божьимъ царствомъ и земнымъ государствомъ, то съ другой стороны—что особенно важно—и самая антитеза не ослѣпляла его насчетъ высокаго значенія государства. Мы въ этомъ отношеніи считаемъ должнымъ отмѣтить замѣчательную эволюцію въ его мысли. Въ началѣ его сочиненія „О Божьемъ царствѣ", когда онъ имѣетъ дѣло съ братоубійцами Каиномъ и Ромуломъ, основателями первыхъ городовъ, онъ даетъ полный просторъ своей антитезѣ; въ концѣ же сочиненія мы находимъ вышеуказанную, превосходную главу о миротворческомъ призваніи государства. Нѣтъ уже и намека на пренебреженіе или даже равнодушіе къ государству на краснорѣчивыхъ страницахъ, на которыхъ Августинъ развиваетъ свою глубокую мысль о государствѣ какъ объ учрежденіи, предназначенномъ по своей природѣ и согласно общему мировому порядку — устанавливать миръ на землѣ. Данная имъ формула сохраняетъ свое значеніе для всѣхъ временъ. Установленіе мира продолжаетъ быть и въ наше время лучшимъ удѣломъ государства—мира внѣшняго между народами, мира внутренняго между исповѣданіями, расами и классами. При такихъ условіяхъ въ отзывахъ Августина о государствѣ не можетъ быть однообразія. Но противорѣчія мы въ этомъ не находимъ. Взглядъ Августина на государство представляетъ аналогію съ его отношеніемъ къ земной церкви, которую онъ то выставляетъ какъ смѣшанное учрежденіе, заключающее въ своемъ составѣ добрыхъ и злыхъ, то превозноситъ за ея высокое назначеніе. Подобнымъ

образомъ и государство, хотя и возникло изъ грѣховныхъ стремленій человѣка, можетъ служить великой цѣли и сдѣлаться такимъ образомъ орудіемъ и проявленіемъ божественнаго порядка вещей. Двойственность въ оцѣнкѣ какъ церкви, такъ и государства исчезаетъ передъ единствомъ, которое вносится въ міръ Августиновской идеей „Божьяго царства“. Какъ земныя учрежденія, *скитающаяся* на землѣ церковь и государство, живущее по человѣческому закону, представляютъ *оба* антитезу „Божьему царству“; но какъ церковь, собирая гражданъ для „Божьяго царства“, является составною его частью, такъ и государство, живя по закону божественному, можетъ быть *слугою* (famula) „Божьяго царства“.

XI.

Таковы представленія Августина о „Божьемъ царствѣ“, церкви и государствѣ. Эти представленія имѣли огромное вліяніе на дальнѣйшую жизнь западнаго христіанства; они, можно сказать, органически вошли въ составъ средневѣкового міровоззрѣнія. Но было бы искаженіемъ образа Августина и его исторической роли—отождествлять средневѣковое міровоззрѣніе съ его представленіями, возлагать на него отвѣтственность за всѣ послѣдствія этого міровоззрѣнія, утверждать, что всѣ средневѣковые дѣятели, исходившіе изъ его идей или ссылавшіеся на него, дѣйствовали въ *его духѣ* или дѣлали *его* дѣло. Нужно помнить, что корни средневѣкового міровоззрѣнія кроются не въ одномъ Августинѣ, а въ общей почвѣ, на которой и онъ стоялъ, и что оно развивалось при условіяхъ, которыя были ему совершенно чужды. Его личнымъ, главнымъ вкладомъ въ средневѣковое міровоззрѣніе была идея Божьяго царства. Этотъ созданный имъ— въ извѣстномъ смыслѣ — образъ сіялъ лучезарной звѣздой надъ темными вѣками, смѣнявшими собою античную цивилизацію. Идея Божьяго царства, осуществляющагося въ мірѣ, была въ теченіе вѣковъ царствующей идеей западной цивилизаціи. Эта идея заключала въ себѣ самую глубокую и единственно въ то время возможную философію исторіи, объединявшую и освѣщавшую какъ прошлыя, такъ и будущія судьбы человѣчества. Она была живымъ источникомъ идеализма, побуждавшаго человѣка отрываться отъ земного, преходящаго и устремлять мысль къ совершенному и вѣчному. Наконецъ, идея Божьяго царства нашла себѣ практическое примѣненіе въ сужденіяхъ средневѣкового

человѣка о церкви и государствѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ учрежденій.

Всего болѣе, конечно, отъ этого выиграла церковь въ ея состязаніи съ государствомъ: образъ Божьяго царства сталъ священнымъ знаменемъ, которое развѣвалось надъ ея тріумфальнымъ шествіемъ. Этотъ образъ вдохновлялъ идеалистовъ въ числѣ ея борцовъ, служилъ оправданіемъ для ея честолюбцевъ, увлекалъ за собою недоумѣвающія и ослѣпленныя массы... Этотъ высоко стоявшій надъ землею образъ парализовалъ того противника, который могъ заградить ей путь къ власти надъ землею— государство. Но соотвѣтствовало ли то, что̀ извлекали изъ идеи Божьяго царства восторженные поборники церкви и дѣльцы куріи—мыслямъ Августина? Совпадалъ ли его идеалъ съ идеалами Григоріевъ и Иннокентіевъ? Тождественно ли его „Царство Божіе“ съ той теократіей, которую старались создать римскіе епископы?

Можно отвѣтить, что между этими двумя *тео*-кратіями такое же разстояніе, какое раздѣляетъ въ мысляхъ Августина два понятія—*небеснаго* и *земного царства* (civitas coelestis и civitas terrena). Въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ отступали отъ Августина тѣ, кто изъ его представленія о Божьемъ царствѣ извлекали аргументы въ пользу возвышенія церкви... Они забывали, что „скитающаяся на землѣ“ церковь съ ея смѣшаннымъ составомъ была въ его системѣ *антитезой* Божьяго царства. Лишь по окончаніи вѣковъ, по отдѣленіи отъ нея „дурныхъ“, она сливалась съ Божьимъ царствомъ. Если у него встрѣчается выраженіе, что церковь уже теперь называется или есть Божіе царство, то это относилось къ идеальной, а не къ видимой церкви — къ сонму святыхъ, предназначенныхъ къ спасенію въ предѣлахъ церкви.

Далѣе, средневѣковые поборники церкви имѣли въ виду возвышеніе *папской* церкви, точнѣе, возвышеніе власти римскаго епископа надъ міромъ. Но ничто не было такъ чуждо мыслямъ Августина, какъ представленіе о папской власти надъ церковью. Онъ безусловно стоялъ на точкѣ зрѣнія *вселенской* церкви. Если онъ признавалъ за римскимъ епископомъ почетное положеніе среди епископовъ (principatus), то онъ дѣлалъ это въ интересахъ церкви, чтобъ воспользоваться римскимъ апостольскимъ преданіемъ въ пользу того, что̀ онъ считалъ истиннымъ ученіемъ церкви, но онъ былъ далеко отъ того, чтобы признавать истиннымъ то, что̀ римскій епископъ выдавалъ за таковое въ силу своего авторитета. Представленіе о намѣстникѣ Божіемъ, создан-

ное Римомъ, Августинъ съ его просвѣтленнымъ философіей представленіемъ о Богѣ принялъ бы за кощунство.

Съ бо́льшимъ основаніемъ могли ссылаться на Августина средневѣковые противники государства, стремившіеся подчинить его власти церкви. Идея Божьяго царства носила въ самой себѣ представленіе о другомъ царствѣ, противоположномъ Божьему, и осужденіе его. И хотя эта противоположность у Августина прежде всего религіозная и моральная, т.-е. относится къ царству дьявола, царству демоновъ или языческихъ боговъ, но въ своей „исторіи Божьяго царства" Августинъ самъ распространяетъ свою антитезу на политическое государство. Оно есть *земное* государство въ антагонизмѣ съ небеснымъ: оно возникло изъ грѣха и насилія, оно живетъ земными страстями и цѣлями, и потому уподобляется даже разбойничьему стану. Даже когда земное государство становится изъ языческаго христіанскимъ, когда ему представляется возможность проникнуться принципомъ *справедливости*, не въ смыслѣ античныхъ юристовъ и философовъ, а въ томъ религіозномъ смыслѣ, который придаетъ этому понятію Августинъ,—на земномъ государствѣ остается клеймо его происхожденія и его земного назначенія.

Съ другой стороны, Августинъ обращается къ государственной власти не только за защитой противъ насилій, учиняемыхъ донатистами надъ православнымъ духовенствомъ и церквами, но и за помощью для сдержки и подавленія еретиковъ государственными законами, въ борьбѣ какъ съ донатистами, такъ и съ пелагіанцами. Согласно съ этимъ, въ глазахъ Августина ростетъ и теоретическая оцѣнка государства. Онъ называетъ счастливыми тѣхъ христіанскихъ императоровъ, которые „пользуются своею властью для возможно широкаго *распространенія почитанія* Бога (Dei cultum), дѣлая свою власть слугою Его величія". Онъ простираетъ это требованіе и на внутреннюю политику, призывая государство внушать еретикамъ—не прибѣгая къ смертной казни—„цѣлебный страхъ, который, хотя и не даетъ еще сладкаго плода доброй совѣсти, но, по крайней мѣрѣ, въ тайнѣ помысловъ сдерживаетъ дурныя наклонности".

Конечно, въ этихъ сужденіяхъ Августина о государствѣ много точекъ соприкосновенія съ средневѣковой теоріей о государствѣ. Но, тѣмъ не менѣе, ошибались средневѣковые публицисты, которые видѣли въ Божьемъ царствѣ Августина оправданіе своей теоріи о подчиненіи государства церкви, и удаляются отъ истины тѣ современные ученые, которые выводятъ изъ Августина средневѣковую теорію о государствѣ. Въ особенности нужно остере-

гаться слишкомъ узкихъ формулъ при опредѣленіи вліянія Августина на средневѣковыя понятія о церкви и государствѣ. Для примѣра укажемъ на формулу, которую находимъ въ весьма дѣльномъ и научномъ современномъ изслѣдованіи объ исторіи каноническаго права. Особенность Августина, — говоритъ Лёнингъ,—не въ томъ, что онъ оправдывалъ принудительныя мѣры со стороны государства противъ еретиковъ,—это было въ ходу и до него: епископъ Оптатъ требовалъ даже смертной казни для донатистовъ. Особенность Августина и не въ томъ, что онъ ставилъ церковь выше государства и видѣлъ въ государствѣ грѣховное дѣло,—это былъ древне-христіанскій взглядъ. „Но Августинъ первый поставилъ государство на службу церкви,—указалъ государству путь, на которомъ оно могло изъ дьявольскаго града (civitas diaboli) превратиться въ Божій градъ" [1]).

Правильно ли опредѣляетъ эта формула взглядъ Августина на значеніе государства? Въ эпоху Августина можно отмѣтить разныя теченія въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства. Еще не было забыто отрицательное отношеніе христіанъ къ государству, которому когда-то Тертулліанъ далъ такое характерное выраженіе: „И цесари стали бы вѣрить въ Христа, еслибы они, какъ цесари, не были необходимы міру (saeculo), или еслибы христіане могли быть цесарями". Здѣсь выражена мысль о полной несовмѣстимости христіанской церкви съ государствомъ, чувство полной къ нему враждебности. Отголосокъ этой вражды мы слышимъ у донатистовъ, негодующихъ на преслѣдованія со стороны государства. „Какое дѣло — говорили они—императору до церкви?"

Но то, что̀ Тертулліану казалось невозможнымъ, совершилось: цесари стали христіанами, и отношеніе къ нимъ представителей церкви измѣнилось. Благодарность за оказанное покровительство и потребность найти опору въ императорской власти среди появившихся въ церкви раздоровъ побудили многихъ христіанъ видѣть въ императорѣ „Богомъ поставленнаго общаго *епископа*, который долженъ устанавливать миръ Божій среди спорящихъ сторонъ", какъ выразился первый историкъ церкви, епископъ Евсевій о Константинѣ. Такъ и второй вселенскій соборъ возносилъ благодарственную молитву къ Господу за то, что Онъ установилъ императорскую власть для поддержанія общаго мира въ церкви и для утвержденія истинной вѣры. Въ силу этого

[1]) Löning. „Gesch. d. d. Kirchenrechts". Глава объ Августинѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда Лёнингъ дѣлаетъ ссылки на Августина. Но ни одна изъ этихъ цитатъ не служитъ прямымъ подтвержденіемъ указанной выше формулы.

соборъ проситъ императора утверждать его постановленія. Согласно съ такимъ взглядомъ, Константинопольскій соборъ 448 года назвалъ императора Ѳеодосія архіереемъ-царемъ (archiereus-basileus).

Въ разрѣзъ съ этимъ шло другое теченіе, противополагавшее царству—*священство*, и потому ставившее церковь выше государства. Еще въ языческую эпоху установился взглядъ, что священство превыше всякой власти на землѣ, насколько небо выше земли. А, такъ сказать на глазахъ у Августина, Амвросій, который подвергъ церковной пенѣ могущественнаго Ѳеодосія, указалъ императору его скромное мѣсто въ церкви. По его словамъ, даже православный императоръ стоитъ не *надъ* церковью, а *въ* церкви. Для императора не можетъ быть высшаго почета, какъ называться сыномъ церкви.

Не только на Западѣ, но въ самомъ Константинополѣ, другой современникъ Августина, Златоустъ, присвоивалъ церкви безусловное господство надъ государствомъ. Если такъ думали въ Миланѣ и Константинополѣ, то римскіе епископы пошли еще дальше и въ своихъ отношеніяхъ формулировали ту теорію, которую ихъ средневѣковые преемники такъ успѣшно осуществляли. Феликсъ III внушалъ императору Зенону, что когда рѣчь идетъ о божественныхъ дѣлахъ, онъ обязанъ, по велѣнію Божьему, подчинить свою императорскую волю іереямъ Христа. А Гелaсій I, въ своемъ поученіи императору Анастасію о двухъ властяхъ, управляющихъ міромъ, напомнилъ ему, что онъ стоитъ въ почетѣ выше всего человѣческаго рода, но долженъ смиренно склонять свою голову передъ іереями.

Въ сужденіяхъ Августина о церкви можно отмѣтить всѣ три указанныя теченія. Но соединенныя въ общемъ синтезѣ они утрачиваютъ свою односторонность. Старинная вражда христіанъ къ языческому государству нашла у него полное и принципіальное выраженіе въ его представленіи о земномъ государствѣ, отверженникѣ Божьяго царства, возникшемъ изъ грѣха и братоубійства, подобно разбойничьему стану. Но какъ отдѣльный человѣкъ, рожденный отъ грѣха, можетъ при помощи благодати отрѣшиться отъ него, такъ и земное государство можетъ проникнуться праведностью и стать пособникомъ Божьяго царства.

Съ другой стороны, въ противность принципу донатистовъ: „ ікое дѣло императору до церкви?“—Августинъ требуетъ отъ с ѣтской власти заботливаго отношенія къ интересамъ и нуждамъ ц ›кви, но ему совершенно чуждъ византійскій взглядъ на импер ора, какъ на общаго епископа и какъ царя-архіерея.

Наконецъ, признавая земную церковь скитающеюся на землѣ частью царства Божьяго, возлагая на нее обязанность собирать гражданъ для Божьяго царства, Августинъ ставитъ церковь невыразимо выше государства, но это относится къ ея идеальной сторонѣ, а не къ ея представителямъ. У Августина совершенно не было *іерархическихъ тенденцій* и ему чуждо превознесеніе священства на счетъ царской власти, а тѣмъ болѣе было бы ему чуждо средневѣковое представленіе о власти папы надъ міромъ во имя церкви. Это было бы въ его глазахъ превращеніемъ церкви въ земное учрежденіе, т.-е. отпаденіе отъ царства Божьяго. Въ этомъ пунктѣ мы усматриваемъ главнѣйшее различіе между Августиномъ и его средневѣковыми послѣдователями. Говоря о церкви, они разумѣютъ нѣчто иное, чѣмъ онъ.

Поэтому мы и не можемъ согласиться съ вышеприведенной формулой — что Августинъ поставилъ государство на службу церкви. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ упоминаетъ о служеніи государства, онъ имѣетъ въ виду служеніе государства не церкви, не іерархіи, не римскому епископу,—а Богу. Можно сказать, что истолкователемъ Божьей воли для государственной власти является церковь,—но не папская курія, а церковь въ томъ духовномъ смыслѣ, какъ ее понималъ Августинъ. Затѣмъ и самое служеніе государства церкви имѣетъ въ устахъ Августина не тотъ смыслъ, какой ему придавали въ средніе вѣка. Августинъ требуетъ отъ государства только защиты церкви отъ еретиковъ и — подъ конецъ — принудительные противъ послѣднихъ законы. Отсюда весьма далеко до средневѣкового представленія о подчиненіи государства церкви также и въ свѣтскихъ вопросахъ (in temporalibus). При поставленной антитезѣ земного и небеснаго у Августина не могло быть и помысла о вторженіи церкви въ область государства ради расширенія ея власти. Онъ прямо высказываетъ мнѣніе, что церковь обязана повиноваться законамъ государства, и при случаѣ даже опредѣленно выдѣляетъ изъ-подъ вліянія церкви сферу государственной дѣятельности. Требуя отъ представителя государственной власти кроткихъ мѣръ по отношенію лицъ, виновныхъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ православнаго духовенства, онъ говоритъ: иное дѣло управлять провинціей, и иное дѣло—дѣйствовать въ интересахъ церкви! Августинъ идетъ далѣе: въ концѣ своего сочиненія „О Божьемъ царствѣ“ онъ признаетъ за государствомъ самостоятельное высокое призваніе на землѣ—водвореніе мира. Эта мысль Августина не нашла себѣ отклика въ церковной средневѣковой литературѣ, но она болѣе заслуживаетъ вниманія, какъ характерная черта

Августиновскаго воззрѣнія, чѣмъ мысль, что „государство должно поступить на служеніе церкви“.

Поэтому мы не согласны и со второй частью вышеприведенной формулы,—будто служеніемъ церкви государство изъ града дьявола обратится въ градъ Божій. Этого съ точки зрѣнія Августина никогда бы не могло случиться съ государствомъ—„denn das Dort ist niemals Hier“. Но, исполняя свое призваніе водворять миръ на землѣ, государство становится факторомъ установленнаго Богомъ мірового порядка.

Идеи Августина слѣдуетъ не истолковывать съ точки зрѣнія ихъ пониманія позднѣйшими вѣками, но оцѣнивать въ связи съ современной ему эпохой. Тогда выяснится ихъ великое значеніе въ той знаменательной эволюціи, которая играетъ такую важную роль въ культурной исторіи западной Европы. Проповѣдь Евангелія о царствѣ, которое „не отъ міра сего“, создала церковь, и церковь, живя помыслами объ этомъ *небесномъ царствѣ*, восторжествовала надъ враждебнымъ ей міромъ и побѣдила его. Но чѣмъ болѣе она побѣждала, тѣмъ болѣе она сама приближалась къ формамъ земного царства. Папская теократія была неизбѣжнымъ результатомъ дальнѣйшаго историческаго движенія при условіяхъ, въ которыя была поставлена западная церковь. Но тѣмъ не менѣе, владычество новаго Рима было царствомъ „отъ міра сего“, т.-е. противоположнымъ полюсомъ евангельской проповѣди о грядущемъ небесномъ царствѣ. Въ этой эволюціи церкви между двумя ея полюсами—Евангеліемъ и теократіей—былъ моментъ равновѣсія между основнымъ идеаломъ и его осуществленіемъ въ владычествующемъ надъ землею учрежденіи. Этотъ моментъ знаменуетъ и выражаетъ собою безсмертное твореніе Августина „О Градѣ Божіемъ“. „Царству не отъ міра сего“ здѣсь даны уже реальныя очертанія. Оно уже проявляется и „въ мірѣ семъ“ въ лицѣ церкви, которая „нынѣ уже называется царствомъ небеснымъ“, но въ самую церковь чрезъ это уподобленіе вливается идеальное содержаніе. Царство Божіе Августина — не *земное* учрежденіе. Оно охватываетъ прошлое, настоящее и грядущее, зло и добро, небо и землю, Божество и человѣка. Въ этомъ „Царствѣ Божіемъ“ также и церкви указано свое мѣсто и назначеніе. Она признана *частью* Царства Божьяго, но *земною*, и ея жизнь направлена не къ *землѣ*, а къ *небу*.

В. Герье.

НАШИ ДНИ

Семейная исторія.

O, sancta simplicitas!
Гуссъ — на кострѣ.

I.

По большой проѣзжей дорогѣ изъ стараго густого лѣса вышелъ на широкую поляну молодой человѣкъ. Поверхъ свѣтлой ситцевой рубахи на выпускъ у него накинуто на плечи старое сѣренькое пальто—такъ могъ быть одѣтъ кто угодно; студенческая фуражка сама по себѣ еще не свидѣтельствовала ни о чемъ; но по интеллигентному лицу — нервному, энергичному, можно было уже безошибочно опредѣлить, что молодой человѣкъ принадлежитъ къ учащейся молодежи и къ типу извѣстнаго закала.

Молодой человѣкъ взглянулъ на небо. Безоблачно. Полная луна, поднявшись высоко-высоко, какъ будто на минуту пріостановила свой бѣгъ и безстрастно освѣщала картину безмятежнаго покоя земли.

Въ созерцательномъ настроеніи остановился юноша. Красота этой ночи захватила и его. Но на его задумчивомъ, немного суровомъ лицѣ эта красота вызвала только отпечатокъ тихой грусти. Онъ смотрѣлъ на развернувшуюся передъ нимъ тонущую въ серебряномъ свѣтѣ даль полей, смотрѣлъ на виднѣвшуюся подъ горой извилистую ленту рѣчки съ разбросаннымъ по берегу кустарникомъ, смотрѣлъ на дорогу, тянувшуюся черезъ поле къ деревнѣ у рѣчки,—и преждевременная морщина между бровей юноши дѣлалась все глубже, и пробѣжавшая на мгновеніе по его губамъ улыбка была горькой.

Онъ досталъ изъ кармана брюкъ большіе серебряные часы,

посмотрѣлъ, подумалъ, взглянулъ еще разъ на даль подъ горой, и быстро, точно торопясь наверстать потерянное въ раздумьи время, пошелъ по дорогѣ. Сдѣлавъ съ полсотни шаговъ, онъ свернулъ въ сторону: здѣсь, наискось отъ дороги, поляну пересѣкала аллея старыхъ-старыхъ высокихъ березъ. Аллея вела къ массивнымъ каменнымъ столбамъ воротъ, рѣзко, еще издали выдѣлявшихся своей бѣлизной на темной зелени старыхъ запущенныхъ акацій. Акаціи, вмѣстѣ съ старой заржавѣвшей желѣзной рѣшеткой на каменномъ фундаментѣ, окружали, какъ непроницаемая стѣна, небольшой парадный дворъ усадьбы и въ концѣ сливались съ липовыми аллеями сада, куда выходилъ главный фасадъ барскаго дома.

Ворота оказались открытыми. Юноша вошелъ во дворъ и опять остановился.

Изъ дома доносились со стороны сада чуть слышные здѣсь звуки музыки. У крыльца, побрякивая бубенчиками, стояла тройка сѣрыхъ въ яблокахъ, запряженная въ рессорную коляску. Юноша лошадей зналъ, но этого кучера видѣлъ впервые.

— Груздевскія?—спросилъ онъ.

Кучеръ съ высоты козелъ съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Его.

— Самъ здѣсь?

— И самъ, и барыня.

Юноша повертѣлъ въ рукахъ суковатую палку и въ раздумьи посмотрѣлъ на ступеньки крыльца.

Ночной усадебный сторожъ, ходившій вокругъ дома, пришелъ сюда и, признавъ знакомаго, поклонился:

— Здравствуйте, Сергѣй Ивановичъ. Къ барину?

Юноша кивнулъ головой и промолвилъ:

— Здравствуйте, Матвѣй. Да.

— Вѣдь отперто надо-быть крыльцо-то.

Юноша съ минуту подумалъ и нерѣшительно сказалъ:

— Поздновато, неловко... гости у васъ.

Сторожъ улыбнулся.

— Свои вѣдь: Андрей Өедоровичъ съ барыней.

— Все-таки. Еще помѣшаешь ихъ музыкѣ... Подите-ка, велите Зосѣ сказать Всеволоду, какъ кончатъ играть, что я жду ее въ саду. Я шелъ изъ города—домой, завернулъ.

— Хорошо.

Сторожъ пошелъ къ заднему крыльцу, юноша—къ садовой калиткѣ. Въ саду по темной липовой аллеѣ онъ прошелъ до

цвѣтника предъ террасой и сѣлъ на чугунную скамейку у большой овальной клумбы.

Отсюда музыка была слышнѣе.

Луна залила террасу и фасадъ дома своимъ неуловимымъ фантастическимъ свѣтомъ: и потрескавшаяся штукатурка стѣнъ, и почернѣвшее дерево ступеней и перилъ—стали кованнымъ серебромъ; а на немъ, какъ огненные камни въ оправѣ, горѣли освѣщенныя изнутри окна и дверь на террасу. Въ эту отворенную на двѣ половинки дверь можно было разглядѣть и сидѣвшихъ въ гостиной. Марья Николаевна—за рояле́мъ. Всеволодъ, за своимъ пюпитромъ, сидѣлъ спиной къ дверямъ въ садъ; направо отъ него стоялъ пюпитръ Груздева, налѣво—Игнатовича. Въ окно виднѣлась сѣдая голова Софьи Петровны, а за ней, облокотившись на мягкую спинку кресла, склонилась надъ головой матери—Зина.

Савельевъ зналъ ихъ всѣхъ, и не въ первый разъ приходилось ему видѣть ихъ такъ, всѣхъ вмѣстѣ.

Онъ сидѣлъ теперь на скамейкѣ, прислушивался къ музыкѣ и въ душѣ его все сильнѣе и сильнѣе разростало́сь чувство неудовольствія собой. Онъ не пошелъ въ домъ. Что̀ за малодушіе! Стоя на пути къ самымъ отчаяннымъ дѣйствіямъ революціонной пропаганды, когда дѣло пойдетъ о жизни и смерти,—онъ вдругъ поддался какой-то сантиментальности и не захотѣлъ лишить Всеволода еще нѣсколькихъ минутъ наслажденія той жизнью, которую они съ нимъ сами же не-сегодня-завтра будутъ разрушать.

Но развѣ онъ, Савельевъ, виноватъ, что такъ любитъ музыку! И откуда это у него? Ужъ не наслѣдственность же? Вѣдь его отецъ всю жизнь пѣлъ только тропари да ирмосы своимъ надтреснутымъ басомъ въ ихъ убогой сельской церкви, а мать даже и „аллилуія“ никогда не пѣвала. Самъ онъ не поетъ и ни на какомъ инструментѣ не играетъ, а вотъ такъ все и кажется ему, что музыка—это его стихія. Онъ знаетъ, онъ понимаетъ, что̀ музыкально, что̀ велико въ музыкѣ—это и Всеволодъ ему говорилъ. Откуда же, откуда это?

Онъ упрямо напрягаетъ мысль, чтобъ уяснить себѣ неясный вопросъ; характерная складка между бровей опять очерчивается рѣзко, глубоко, и чрезъ минуту раздумья онъ уже, какъ бы рѣшивъ всѣ сомнѣнья, говоритъ себѣ: „Да, если тутъ есть наслѣдственность, то именно духовная. Музыка—это тотъ пока единственный языкъ, на которомъ человѣку можетъ стать понятнымъ все мистическое. Музыка должна быть основой религіи будущаго. У меня, готовящагося разрушить религію предковъ, это атавизмъ

религіозной касты, изъ которой я вышелъ. Отвергнувъ все ея внѣшнее, обрядовое, я все неуловимое духовное воплотилъ въ эту страстную любовь къ музыкѣ. Теперь, въ такую рѣшительную минуту, отдаться еще разъ музыкѣ—это такъ естественно. Это—религіозный порывъ, это—молитва. Вѣдь вся пропаганда, вся проповѣдь самоотверженной активной борьбы — она во имя религіи, во имя нашей вѣчной связи съ грѣхами и съ ошибками прошлаго, съ свѣтлыми упованіями грядущаго,—она во имя религіи любви къ человѣчеству, во имя любви къ обездоленнымъ, къ тѣмъ самымъ, за кого нѣкогда пострадалъ и Великій Назареянинъ...“

Савельевъ сидѣлъ и слушалъ.

Онъ не зналъ, чей именно квартетъ играли тамъ, въ гостиной, но эти звуки были такіе возвышающіе, такіе нѣжные, что, казалось, само небо спустилось сегодня здѣсь на землю.

Савельевъ слушаетъ и пристально смотритъ изъ своего отдаленія на играющихъ.

Да, онъ ненавидѣлъ этого отвратительнаго крѣпостника — Андрея Ѳедоровича Груздева; онъ презиралъ этого ничтожнаго льстиваго поляка Игнатовича, служащаго подлымъ орудіемъ подлыхъ дѣйствій въ рукахъ Груздева,—а теперь онъ, презирающій и ненавидящій, весь подъ обаяніемъ дивныхъ звуковъ, которые виртуознымъ смычкомъ Андрея Ѳедоровича извлечены изъ тайниковъ его драгоцѣнной віолончели. А какъ трогательно поетъ у Игнатовича вторая скрипка въ общемъ хорѣ! Удивительная вещь квартетъ! Амплитуда гармоніи. Выше и оркестра!

Савельевъ чувствуетъ, что музыка въ эту минуту такъ же смягчаетъ и скрашиваетъ всѣ трещины и всѣ темныя пятна, какія надѣлала жизнь въ его душѣ, какъ сглаживаетъ и скрашиваетъ лунный свѣтъ всѣ шероховатости освѣщаемой имъ картины. Чувство недовольства собой переходитъ у Савельева въ ясное, мирное настроеніе. И онъ уже не упрекаетъ себя въ малодушіи, что оставилъ Всеволода еще на нѣкоторое время въ мистически-музыкальномъ общеніи съ небомъ, предъ тѣмъ какъ звать его—принять на себя тяжелую ношу горя земли. Еслибы онъ сразу вошелъ давеча въ комнату, и Всеволодъ увидалъ бы его,—общее настроеніе было бы нарушено. Сбиваясь и поправляясь, Всеволодъ доигралъ бы, конечно, свою партію въ квартетѣ... но къ чему было бы портить...

Савельевъ сидитъ и слушаетъ, — и опять ему думается: „Отчего вотъ эти „подлецы“, Груздевъ, Игнатовичъ, обладаютъ даромъ исторгать изъ мертваго дерева божественные звуки, а я

вотъ—„благородный, самоотверженный борецъ з
вѣка“, Сергѣй Савельевъ, не могу доставить ни
гимъ того наслажденія, которое они сейчасъ дост
и мнѣ?“

Онъ начинаетъ анализировать то чувство
которымъ была подсказана эта мысль, и находитъ
мучительной зависти къ таланту.

И онъ чувствуетъ, какъ это вызываетъ въ ду
мятицу сомнѣній. Сколько разъ упрекалъ онъ
въ то время, когда тактика требуетъ, чтобъ у
строгой дисциплинѣ догмовъ, установленныхъ „резо
непокорный умъ начиналъ анализировать и такти
цѣлесообразность подчиненія имъ, и самое право
зывающихъ подчиняться. А въ заключеніе, и сам
вергались имъ критикѣ, вѣрной или ошибочной—
безпощадной. Такъ и теперь, отрывки мыслей въ ег
другъ друга, ниспровергали другъ друга и внос
въ его душу. Борьба за счастье обездоленныхъ
страждущихъ! Ну, хорошо—дадимъ обездоленны
ніе, возвысимъ униженныхъ, прекратимъ страдані
Надо дать имъ и все то, что имѣютъ счастливы
числѣ всѣхъ другихъ благъ, и вотъ это счастье
шать, но и *понимать* этотъ языкъ боговъ, э
звуки музыки, низводящіе небо на землю. Если это
чего добиваться на свѣтѣ: быть сытымъ, обутымъ
дить потомство, которое опять будетъ сыто, обут
въ потѣ лица будетъ зарабатывать свою сытость
обувь? Зачѣмъ? Развѣ о хлѣбѣ единомъ живъ
вѣкъ?

Савельеву вспомнилось стихотвореніе, когда-т
въ какой-то книжкѣ, поразившее его и заученно
теперь, вдохновленный звуками квартета, обласка
ческимъ свѣтомъ луны, онъ вполголоса декламир

Люди живы—красотою,
Въ Божьемъ мірѣ разлитою:
Струнъ природы хоромъ стройнымъ,
Солнца свѣтомъ—полднемъ знойнымъ,
Вешнихъ водъ веселымъ плескомъ,
Снѣга дѣвственнаго блескомъ,
Дѣвы ясными очами,
Звѣздъ мерцающихъ лучами,
Сердца сладкимъ замираньемъ,
Милыхъ устъ живымъ лобзаньемъ...

Люди живы — красотою,
Человѣкомъ добытою:
Камня стройнымъ изваяньемъ,
Красокъ дружнымъ сочетаньемъ,
Мѣднымъ гласомъ трубъ могучихъ,
Гуслей рокотомъ пѣвучихъ,
Каждой пѣсни вѣщей силой,
Каждой сказки ложью милой,
Да святою мощью слова,
Вдохновеннаго, живого.

Когда будетъ уничтожено все то, что̀ есть въ жизни народа отрицательнаго, надо будетъ дать счастье положительное,—дать то, чѣмъ люди живы—красоту. Съумѣемъ ли?... Сможемъ ли?... Предательница „мать природа“ такъ несправедлива: талантами создавать красоту жизни частенько она надѣляетъ господъ Груздевыхъ и Игнатовичей и... и не даетъ этихъ талантовъ многимъ изъ благороднѣйшихъ людей... Можетъ быть, кончивъ борьбу за обездоленныхъ, угнетенныхъ и униженныхъ, надо будетъ начинать новую—за облагораживаніе и очищеніе душъ господъ Груздевыхъ и Игнатовичей. А можетъ быть, нельзя будетъ обойтись и безъ уничтоженія многихъ красивыхъ сторонъ самой культуры, созданной на торжествѣ сильныхъ и безсердечныхъ, злостныхъ, но талантливыхъ людей? „Ну и пусть! — думаетъ Савельевъ: — Пусть сгинутъ они, пусть сгинетъ весь старый строй съ *его* красотою,—народится красота новая, неизвѣданная, непознанная: безъ красоты міръ не живетъ!“

II.

Послѣдніе звуки квартета замерли тихимъ аккордомъ. Игравшіе встали и положили свои инструменты. Всеволодъ, потягиваясь, распрямлялъ спину. Савельевъ видѣлъ, какъ тотчасъ же подошла къ нему горничная Зося и что-то сказала ему. Всеволодъ оглянулся въ открытую дверь въ садъ. Савельевъ сейчасъ же всталъ и пошелъ къ террасѣ. Оставаться долѣе въ ожиданіи было уже неудобно.

Всеволодъ тѣмъ временемъ вышелъ на террасу, замѣтилъ идущаго къ нему Савельева и быстро спустился по ступенькамъ на дорожку цвѣтника. Онъ крѣпко пожалъ протянутую ему Савельевымъ руку и серьезнымъ тономъ сказалъ:

— Сергѣй, здравствуй! Что̀ новаго?

Савельевъ тоже серьезно, спокойно отвѣтилъ:

— Насъ вызываютъ. Надо ѣхать.

Всеволодъ сдвинулъ брови. Его разгорѣвшееся отъ игры лицо сразу стало блѣднѣе, и онъ нервно, тихо спросилъ:

— Когда?

Савельевъ отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ ѣхать уже завтра, да, можетъ быть, придется переждать день-два, чтобы не слишкомъ обратить на себя вниманіе.

Всеволодъ такъ же нервно, тихо сказалъ:

— Да, да, хорошо! Тебѣ кто сообщилъ?

— Я получилъ вчера письмо отъ Ивана Николаевича, въ которомъ онъ писалъ, чтобы я вышелъ на вокзалъ и встрѣтилъ тамъ горняка.

— Ну?...

— Я встрѣтилъ его. Мы узнали другъ друга по условной позѣ; онъ подошелъ, спросилъ фамилію и передалъ письмо отъ Ивана Николаевича. А затѣмъ, уже на словахъ, сообщилъ всѣ инструкціи.

— Экъ ее свѣтитъ-то! экъ свѣтитъ! — восклицалъ въ это время Груздевъ, выйдя изъ дома на террасу и любуясь луной, освѣщавшей каждый цвѣтокъ, каждый листикъ въ саду. За нимъ вышли и Марья Николаевна, и Зина.

— Вы, господа заговорщики! — громко обратился онъ къ Всеволоду и Савельеву: — куда вы тамъ скрываетесь? Такія ночи не годятся для заговоровъ — онѣ назначены Господомъ Богомъ для любовныхъ свиданій.

Молодые люди направились изъ аллеи къ террасѣ. Савельевъ слегка приподнялъ фуражку, кланяясь супругамъ Груздевымъ.

— Здравствуйте! — тѣмъ же начальническимъ, снисходительно-фамильярнымъ тономъ встрѣтилъ его Груздевъ. — Вы что же это, молодой человѣкъ, не входите въ домъ, а вызываете товарища въ кусты?

Савельевъ равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ:

— А я войду. Не хотѣлъ нарушать гармонію вашего квартета.

Онъ поднялся на ступеньки террасы и поздоровался съ Груздевыми и съ Зиной.

Марья Николаевна сразу же обратила вниманіе на Всеволода. По его задумчивому лицу, по выраженію его глазъ, смотрѣвшихъ черезъ все окружающее куда-то въ далекую даль, она догадалась, что Савельевъ уже успѣлъ сообщить брату что-то важное и тревожное. Тревога охватила и ее.

А Андрей Өедоровичъ все тѣмъ же грубоватымъ тономъ, съ усмѣшкой, иронически покрикивалъ:

— Да-съ, этакъ по ночамъ-то только темныя личности ходить-съ! Вы съ недобрыми намѣреніями?

Савельевъ злобно улыбнулся и съ ироническимъ смиренствомъ сказалъ:

— Ну, вотъ, видите: я съ самыми добрыми намѣреніями, а вы меня въ темныя личности производите; а я-то думалъ угодить вамъ своею скромностью.

— Ну, ну, не сердитесь!—отозвался Груздевъ.—По долгу службы. Намъ вмѣняется въ обязанность быть подозрительными. По долгу службы я бы давно долженъ вызвать васъ къ себѣ въ волостную контору и произвести допросъ: о чемъ это вы все съ мужиками бесѣдуете? Да еще и вызову.

И онъ, дѣйствительно, подозрительно сталъ смотрѣть Савельеву въ глаза.

Савельевъ не сморгнулъ и, принимая вызывающе-серьезный видъ, сказалъ:

— Спѣшите, я завтра уѣзжаю.

Груздевъ разсмѣялся.

— А уѣзжаете, такъ и слава Богу. Скажу тоже: спѣшите. Скатертью дорога. Васъ не будетъ—мнѣ спокойнѣе.

Вмѣшался Всеволодъ:

— Я удивляюсь, Андрей Өедоровичъ, зачѣмъ вамъ нужно говорить непріятныя вещи Сергѣю Ивановичу у насъ въ домѣ? Если по долгу службы—такъ могли бы это дѣлать у васъ въ канцеляріи.

— Извините-съ! — съ ехидствомъ отозвался Груздевъ. — Я здѣсь чувствую себя немножко дома, а по долгу службы я могу бесѣдовать съ Сергѣемъ Ивановичемъ хоть на большой дорогѣ. Оставимъ это.

И обратился къ Савельеву:

— Извините-съ, если нанесъ вамъ незаслуженное оскорбленіе. Но *вы* съ добрыми намѣреніями, такъ и *я* съ добрыми намѣреніями.

Савельевъ спокойно, безучастнымъ тономъ сказалъ:

— Я завтра уѣзжаю, такъ зашелъ проститься.

Марья Николаевна, какъ бы желая загладить рѣзкость мужа, любезно спросила:

— Куда же вы торопитесь? Вѣдь лѣто только началось. Не въ Петербургъ?

Савельевъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ не сразу:

— Нѣтъ... я ѣду на урокъ... мнѣ товарищъ наше шій урокъ.

Марья Николаевна сказала:

— Но вѣдь у васъ и здѣсь есть нѣсколько уроко

— Да, но я отказался отъ нихъ,—отвѣтилъ Саве тамъ выгоднѣе.

Груздевъ, прищурившись, посмотрѣлъ на него:

— Куда же вы собственно?

— Въ Екатеринославскую губернію.

— Къ кому?

Груздеву показалось, что Савельевъ на мгновеніе но тотъ сразу же нашелся и отвѣтилъ:

— Не знаю. Ѣду въ Екатеринославъ, а тамъ дастъ мнѣ подробный адресъ.

Въ глазахъ Груздева ярко разгорѣлся тлѣвшій о насмѣшливый тонъ сталъ вдругъ серьезно участливымъ еще болѣе насмѣшливымъ, когда Груздевъ возразилъ С

— Но какъ же вы ѣдете на „болѣе выгодныя чѣмъ здѣсь, а не знаете даже—къ кому?

— Послушайте, Андрей Ѳедоровичъ! — вмѣшалс лодъ:—Сергѣй пришелъ проститься со мной, а вовсе н чтобы давать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Это неу такой допросъ.

Груздевъ снисходительно улыбнулся.

— Да ты почему такъ пѣтушишься? Можетъ быт Ивановичъ просто удовлетворилъ бы мое невинное люб а мнѣ странно, что ты торопишься даже помѣша отвѣту.

Всеволодъ окончательно вспылилъ:

— Мнѣ странно, что вы вашему невинному люб вашей манерѣ допрашивать, придаете крайне неблаго оттѣнокъ!

— Удивительно, какая у нынѣшней молодежи разв терпимость!—уже съ ясно выраженной досадой сказалъ и повернулся къ Всеволоду спиной.

— Нетерпимость тутъ ни при чемъ!—горячился Все А у васъ вотъ нѣтъ такта. По вашему служебному п вы должны понимать, что такого рода вопросы сов умѣстны. Если бы вы задали ихъ даже мнѣ, такъ и то бы основаніе находить ваше поведеніе безтактнымъ, Ивановичъ вовсе не такъ близокъ съ вами, чтобы интересоваться его личными дѣлами.

Игнатовичъ и Софья Петровна, разговаривавшіе въ это время въ гостиной о дѣлахъ по имѣнію, вышли теперь на террасу. Савельевъ подошелъ поздороваться къ старухѣ, поздоровался и съ Игнатовичемъ.

— Что это вы такъ поздно? — спросила Софья Петровна.

Савельеву пришлось повторить причину его прихода и оправданія. Софья Петровна тоже спросила его, къ кому онъ ѣдетъ.

— Chère belle-mère, — саркастическимъ тономъ вмѣшался Груздевъ, — не спрашивайте: это — государственная тайна.

— Нѣтъ! Вы положительно несносны, Андрей Ѳедоровичъ,— сказалъ Всеволодъ. — Намъ остается одно съ Сергѣемъ — уйти. Пойдемъ, Сергѣй.

— Ну, если кто несносенъ, такъ это ты!—возразилъ серьезно Груздевъ.—И безтактно съ твоей стороны ставить въ глупое положеніе твоего товарища. Успокойся, я не буду смущать васъ; я уѣзжаю. Мнѣ давно пора. Ну-съ, до свиданья.

Онъ сталъ прощаться со всѣми; на прощанье поцѣловалъ жену.

— Такъ ты завтра заѣдешь за мной до обѣда? — спросила она.

Онъ отвѣтилъ:

— Да, я надѣюсь, что успѣю кончить всѣ дѣла утромъ. У Сосницкаго позавтракаю и заѣду за тобой.

Софья Петровна сказала:

— Такъ завтра у насъ опять пообѣдаете?

— Нѣтъ, chère belle mère, обѣдать завтра надо дома. Мнѣ надо распорядиться и по своему имѣнію, и съ сѣнокосомъ.

— Ну, а съ вами стало быть все улажено? все ясно? — спросилъ онъ, обращаясь къ Игнатовичу.

— Все, все будетъ исполнено, Андрей Ѳедоровичъ,—отвѣтилъ Игнатовичъ съ льстивой улыбкой.

Софья Петровна пошла провожать зятя. Съ ней пошелъ и Игнатовичъ, предварительно простившись съ Марьей Николаевной и другими на террасѣ и пожелавъ всѣмъ покойной ночи.

Всеволодъ спросилъ Марью Николаевну:

— Ты, значитъ, ночуешь у насъ?

— Ну, да. Мужъ поѣхалъ ночевать къ Сосницкому: у него тамъ какое-то дѣло по порубкѣ лѣса; завтра онъ разберетъ и заѣдетъ за мной.

— Очень радъ, — сказалъ Всеволодъ:—мнѣ надо съ тобой поговорить.

— Прощаюсь и я,—сказалъ Савельевъ, подходя къ Марьѣ Николаевнѣ, потомъ къ Зинѣ.

— Пойдемъ, я провожу тебя до околицы,
володъ.

Всеволодъ повелъ теперь Савельева черезъ
ной они встрѣтили Софью Петровну.

— Куда же вы?—сказала она Савельеву,
прощаться:—поужинайте.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не ужинаю, да
а то мои улягутся, а подымать ихъ совѣстно.

Всеволодъ провожалъ его до воротъ.

— Я боюсь оставаться дольше,—говорилъ
вельевъ: — того и гляди, проговоришься. И ты
провожай, не надо возбуждать ихъ подозрите
завтра ѣду, а ты—дня черезъ два, чтобы они
этомъ заговора.

Всеволодъ сказалъ:

— Да, ужъ я устрою, устрою какъ-нибу
слова о тебѣ.

— Такъ стало-быть мы съѣдемся съ тобой
Вотъ, возьми письмо Ивана Николаевича. Оно
у тебя.

Они распрощались, и Всеволодъ съ опущен
дленно вернулся черезъ дворъ въ домъ.

III.

Въ столовой былъ накрытъ ужинъ. Зина ѣ
Марья Николаевна—молоко съ булкой. Софья П
венно не ужинала, а только присутствовала.

Всеволодъ сѣлъ за столъ, машинально взя
потомъ оставилъ его, сказалъ, что не хочетъ,
задумчиво смотрѣлъ на стаканъ.

— Да что съ тобой?—сказала Софья Пе
время былъ такой веселый... Ужъ не принесъ
ныхъ вѣстей твой товарищъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, мамочка, — ожи
отвѣтить Всеволодъ: — нѣтъ, просто меня разс
съ Андреемъ Ѳедоровичемъ.

— Да что же Андрей Ѳедоровичъ? Андрей
чего не сказалъ тебѣ.

Всеволодъ съ досадой замѣтилъ:

— У него скверная манера воображать,

скаго начальника заключается въ отравленіи существованія всѣмъ окружающимъ.

— И совсѣмъ ты напрасно на него нападаешь,—вступилась Марья Николаевна.—Ты всякую его шутку повертываешь въ дурную сторону.

— Ну, хорошо, не будемъ объ этомъ,—сказалъ Всеволодъ.

Они замолчали. Наскоро всѣ кончили ужинъ и разошлись, пожелавъ другъ другу покойной ночи. Софья Петровна пошла къ себѣ въ спальню, Зина въ свою комнату наверхъ, а Марья Николаевна и Всеволодъ еще остались въ столовой.

— Ты не хочешь спать?—спросилъ Всеволодъ сестру.

— Нѣтъ еще. Ты хотѣлъ поговорить со мной.

— Да. Если ты не прочь, то лучше сегодня: завтра могутъ помѣшать.

— Что же,—поговоримъ.

Прислуга пришла убрать со стола, и Всеволодъ сказалъ:

— Пойдемъ на террасу.

— Пойдемъ.

На террасѣ чувствовалась вечерняя свѣжесть, и Марья Николаевна сказала:

— Принеси мнѣ, пожалуйста, изъ передней платокъ, да и ты возьми фуражку.

Всеволодъ принесъ. Они сѣли на террасѣ другъ противъ друга: она въ кресло-качалку, онъ на стулъ.

— Ну! Я слушаю.

Всеволодъ помолчалъ и сказалъ:

— Ты на десять лѣтъ старше меня, Маша, но я знаю: ты еще не успѣла состариться, и я думаю, что ты поймешь меня. То, что̀ я хочу сказать тебѣ, это пока тайна. Само собой,—если бы я не былъ увѣренъ, что ты меня не выдашь, я бы тебѣ ее и не говорилъ. Но это тайна всего на нѣсколько дней... а тамъ, напротивъ, когда меня уже не будетъ, ты должна будешь передать и мамѣ, и отцу все то, что̀ я сейчасъ тебѣ скажу.

— Ты меня пугаешь, Всеволодъ,—сказала Марья Николаевна съ дѣйствительно испуганнымъ выраженіемъ лица:—что̀ это значитъ, что тебя *больше не будетъ?*

Всеволодъ усмѣхнулся:

— Не бойся, Маша: я не готовлюсь къ самоубійству. Меня не будетъ больше *здѣсь*—я уѣзжаю.

— Ну, это еще не такъ страшно,—ласково сказала Марья Николаевна:—хотя... по нынѣшнимъ временамъ... Куда? вмѣстѣ съ Савельевымъ?

— Нѣтъ, Маша, не вмѣстѣ. Я давно обдумалъ это, и вотъ, теперь, послѣ столкновенія съ Андреемъ Ѳедоровичемъ...

— Да полно! что ты! какое столкновеніе? точно это въ первый разъ! Развѣ онъ сказалъ тебѣ что-нибудь особенно обидное?

— Нѣтъ, ничего. Но ты знаешь: иногда довольно маленькой капли... Да дѣло не въ Андреѣ Ѳедоровичѣ. Дѣло въ томъ, что меня окружаетъ здѣсь. Дѣло въ общемъ строѣ нашей жизни.

— Ну, да, я знаю, что онъ не хорошъ, что онъ не удовлетворяетъ тебя... но что значитъ твое: „я уѣзжаю"?

— Уѣзжаю совсѣмъ, навсегда, сестра.

— И все-таки не понимаю. Отъ кого ты уѣзжаешь: отъ отца? матери? меня съ мужемъ?

— Ото всѣхъ. Я больше не встрѣчусь съ вами.

— Нѣтъ, объясни мнѣ толковѣе, Всеволодъ, все,

— Маша, я хочу начать другую жизнь.

— Какую?

— Я хочу сдѣлаться рабочимъ.

Ей стало какъ-то неловко, захотѣлось улыбнуться же время было сознаніе, что разговоръ этотъ для бр серьезное. И она серьезно и сердечно, но подчерк удивленіе, спросила:

— Рабочимъ? Какимъ?

— Пойду куда-нибудь на фабрику, сначала черно а тамъ пристроюсь къ какому-нибудь мастерству.

Марья Николаевна помолчала и потомъ тѣмъ же с и сердечнымъ тономъ заговорила:

— Послушай, Всеволодъ. Ты знаешь,—я люблю знаешь, что наши взгляды на жизнь во многомъ сходны, то, что ты сейчасъ говоришь,—прости мнѣ,—это про Я понимаю, когда гимназисты третьяго класса, на Майнъ-Рида и Купера, бѣгутъ въ Америку,—это наи этомъ есть смыслъ. Ты—юристъ на второмъ курсѣ, с таго отца, съ такими связями, какъ наши,—ты пойдеш бочіе? Зачѣмъ? Бросать все для того, чтобы сдѣлать изъ тѣхъ, кого тебѣ же нужно и возможно защищать мать, и это легче въ твоемъ теперешнемъ положеніи.

— Милая Маша! Ты говоришь избитыя истины, давно перестали быть истинами. Нѣтъ, душа моя. По бочему классу, оставаясь въ прежнемъ положеніи, я и не хочу. Я самъ хочу принадлежать къ этому рабоче

— Послушай, Всеволодъ!—продолжала отстаивать с Николаевна.—Вѣдь это такъ старо—„хожденіе въ наро

это уже было въ шестидесятыхъ годахъ, это пережито и признано несостоятельнымъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что это признано несостоятельнымъ?— прервалъ Всеволодъ.—Неужели весь тотъ подъемъ народнаго духа, который мы видимъ теперь, могъ бы совершиться, еслибы не было этого хожденія въ народъ?

— И ты находишь, что этотъ подъемъ хорошъ, что такъ и должно быть? По-твоему, совершающіяся безобразія—не безобразія?

— Когда прорѣзываются зубы, ребенокъ болѣетъ: такъ и народъ, выходящій изъ пеленокъ, переживаетъ кризисъ всякихъ болѣзней. Но дѣло не въ этомъ. То, что̀ ты назвала хожденіемъ въ народъ, это уже устарѣло для нашего времени. Шла интеллигенція въ народъ—просвѣщать его...

— Или чтобы вести пропаганду революціи?

— Ну, да, если хочешь, и вести пропаганду революціи. Теперь идутъ въ народъ, въ рабочіе, чтобы *стать народомъ*, чтобы стать рабочимъ, потому что будущее принадлежитъ только рабочему народу. Мы, называющіе себя интеллигенціей, войдемъ въ него, чтобы усилить его контингентъ единицами бо̀льшаго умственнаго развитія; но мы идемъ въ него и потому, что намъ самимъ среди него развиваться удобнѣе. Оставаясь среди такъназываемыхъ высшихъ классовъ, мы не можемъ развиваться иначе, какъ только въ духѣ и характерѣ этихъ высшихъ классовъ. Правильное развитіе грядущей интеллигенціи рабочаго класса возможно только въ его же собственной средѣ. Мы, теперешніе, вотъ вся наша семья Любищевыхъ,—мы наросты, а я хочу принадлежать къ самому стволу дерева.

— Что же, по-твоему, физическій трудъ выше умственнаго?— съ легкой усмѣшкой спросила Марья Николаевна.

Всеволодъ отвѣтилъ такимъ равнодушнымъ тономъ, которымъ говорятъ о вопросахъ хотя и дорогихъ сердцу, но уже рѣшенныхъ и не волнующихъ:

— Ни выше, ни ниже. Просто—безъ грубаго физическаго труда не можетъ быть никакой культуры. Сто̀итъ остановиться грубому физическому труду—міръ опять вернется въ дикое состояніе. Мы, живущіе, не зная физическаго труда, находимся въ рабской зависимости отъ тѣхъ, кто трудится за насъ. Я не хочу быть рабомъ,—понимаешь, самъ для себя, въ душѣ, не хочу чувствовать этой зависимости. Я хочу быть альфой и омегой моего существованія и окружающей меня культуры.

— А я этого не хочу, Всеволодъ!—страстно возразила

Марья Николаевна: — Быть рабочимъ! быть мужикомъ! Нѣтъ, тогда лучше не жить! Пусть несправедливо, что одни живутъ богато, другіе бѣдно, — но вѣдь равенства нѣтъ и въ природѣ. Вѣдь мужики и рабочіе — и они не хотятъ оставаться бѣдными. Ты хочешь идти въ рабочіе, а рабочій стремится сдѣлаться бариномъ. Вѣдь, если бы я была крестьянка, я бы только о томъ и мечтала, какъ выбиться изъ своего жалкаго положенія и достичь того, что̀ я вотъ теперь имѣю. Растеніе не можетъ желать засухи. Вѣдь, надѣюсь, и ты въ положеніи рабочаго будешь стремиться самъ подняться, да и другихъ поднять до самой высокой ступени благосостоянія...

— Милая Маша, это не совсѣмъ такъ. Благосостояніе — понятіе условное. То, что̀ мы называемъ благами жизни — блага очень относительныя. Ты вотъ любишь носить бриллiантовыя кольца на пальцахъ, а мнѣ это кажется безобразіемъ. Мы воспитались съ тобой въ одинаковыхъ условіяхъ, а даже на такую пустую вещь взгляды у насъ различны. Всѣ и всегда будутъ стремиться достигнуть жизни въ довольствѣ и красотѣ, но самое понятіе о довольствѣ и красотѣ значительно видоизмѣняется. Будущее должно выработать новое міровоззрѣніе для новаго, не рабски-капиталистическаго, а свободно-трудового общества.

— Постой, все это я знаю, все это я сто разъ слышала. Но вѣдь вашъ „свободный трудъ" будетъ не производить разныя цѣнныя вещи. Я понимаю, если бы вы нивеллировали все подъ-одно: у всѣхъ одинаковые наряды, у всѣхъ одинаковый кусокъ хлѣба, одинаковое жилище, — ну, тогда, это было бы ясно; но вѣдь, повторяю, при этихъ условіяхъ и жить не стоитъ; вѣдь это была бы жизнь не людей, а насѣкомыхъ. А разъ вы будете производить нѣчто бо̀льшее, чѣмъ нужно для простого поддержанія полуживотнаго состоянія, значитъ, вы будете производить тѣ или другіе предметы роскоши. Вѣдь и дикари, самые первобытные, при первой же возможности стремятся къ роскоши и украшеніямъ. Сама природа создаетъ, наконецъ, роскошь въ видѣ цвѣтовъ.

— Вѣрно, Маша, — спокойно говорилъ Всеволодъ: — И я скажу тебѣ больше: я думаю, что будущее общество свободныхъ представителей труда достигнетъ еще высшей степени культуры и роскоши, чѣмъ современное, да только способы распредѣленія этой роскоши будутъ другіе, чѣмъ теперь.

— Но какіе же?

— Справедливые. Только по приговору трудящихся массъ

будутъ возвеличиваемы отдѣльныя единицы; только ихъ приговоръ возвыситъ благосостояніе отдѣльныхъ лицъ.

— Ну, это ужъ совсѣмъ несправедливо! Какая тутъ справедливость! Я буду работать, буду „вырабатывать—какъ вы выражаетесь—цѣнности“, и мнѣ нельзя будетъ пользоваться ими иначе, какъ только съ разрѣшенія толпы другихъ? Да почему? Съ какой стати?

— Потому, Маша, что сама, одна, ты ничего не въ состояніи создать. Ты даже куска хлѣба себѣ изъ земли добыть одна не можешь. Только какъ частица общей машины имѣешь ты значеніе.

— Ну, положимъ, я не частица машины, а человѣкъ сама по себѣ,—замѣтила съ усмѣшкой Марья Николаевна, довольная, что поймала брата на неудачномъ выраженіи; и, помолчавъ, сказала:—Ну, пусть я согласилась бы съ тобой; но ты покажи мнѣ на какомъ-нибудь примѣрѣ, что̀ значитъ по-твоему „справедливое распредѣленіе“?

Вопросъ вызвалъ у Всеволода радостную готовность отвѣтить ясно, полно; и вспышка огонька въ глазахъ, и порывистый жестъ, который онъ сдѣлалъ, точно хотѣлъ встать и весь сразу приблизиться къ сестрѣ, говорили объ этой готовности передать свою мысль другому какъ можно скорѣе, всю, со всѣми изгибами, со всей убѣжденностью въ ней, какую чувствовалъ самъ. Но въ слѣдующее же мгновеніе онъ уже остановился въ раздумьи и, проведя рукой по лбу, сдержанно произнесъ:

— Радъ показать! Но... видишь ли, это не поддается такъ легко облеченію въ конкретныя формы... Разъ мы отрѣшаемся отъ стараго міра, мы отрѣшаемся и отъ его понятій. Въ будущемъ все ново. Ново не только что̀ и ка̀къ будетъ „справедливо“ распредѣлено, но и самое понятіе о справедливости будетъ отлично отъ того, къ которому человѣчество пріучало себя тысячелѣтіями и которое оно считаетъ неизмѣннымъ. Я не хочу, да и не могу сказать тебѣ: будетъ такъ-то и такъ-то. Но возьмемъ примѣры, которые могутъ дать тебѣ понятіе объ общемъ направленіи будущаго распредѣленія житейскихъ благъ. Скажемъ такъ: кто имѣетъ право пользоваться наибольшей суммой этихъ благъ сверхъ нормы, нивеллирующей всѣхъ? Конечно, талантъ, умъ, трудъ. Но вѣдь все, что̀ умный и талантливый человѣкъ своимъ трудомъ можетъ создать и дать, какъ предметъ первой необходимости или наслажденія массамъ—все это онъ создаетъ дѣлаетъ не для себя же? А именно только для массъ и благодаря массамъ. Возьмемъ пѣвца или поэта: ихъ дѣло, съ точки

зрѣнія практической пользы, самое непроизводительное. Но вѣдь ни пѣвцу, ни поэту не придетъ въ голову замыкаться со своимъ талантомъ для самого себя. Напротивъ, имъ нужны цѣнители, нужны восторги толпы, и притомъ искренніе, не купленные, неподкупные. Имъ нужно стать любимцами массъ. Возьми Нерона. Не было положенія болѣе могущественнаго, чѣмъ положеніе императора Рима. А Неронъ—императоръ — искалъ аплодисментовъ толпы, какъ поэтъ и пѣвецъ.

Марья Николаевна пожала въ недоумѣніи плечами и съ усмѣшкой сказала:

— Что̀ за примѣръ ты берешь! Неронъ былъ тщеславный сумасбродъ, а не поэтъ и пѣвецъ.

Всеволодъ горячо возразилъ:

— Я не сужу о его талантѣ, я говорю о его настроеніи. Онъ инстинктивно угадывалъ, что величіе цезаря покоится на страхѣ предъ силой, на чувствѣ дурномъ и лживомъ, и хотѣлъ замѣнить это чувство свободной, безкорыстной любовью. Сознаніе, что ты кѣмъ-то любимъ безкорыстной любовью, и при томъ любимъ *такъ* многими, всѣми, кто предъ тобой: толпою, — это является, повидимому, высшимъ благомъ, какое намъ доступно. И вотъ здѣсь основаніе для справедливаго распредѣленія земныхъ благъ. Посмотри,—своихъ любимцевъ толпа не только возноситъ на пьедесталъ, нѣтъ—она не ограничивается однимъ платоническимъ выраженіемъ восторговъ,—она щедро несетъ имъ дары, она окружаетъ ихъ роскошью. Посмотри, какъ изъ свободныхъ приношеній, изъ свободнаго сбора дани таланту создается благосостояніе талантливыхъ людей, будетъ ли это талантливый архитекторъ, талантливый адвокатъ, администраторъ, организаторъ какого бы то ни было предпріятія, талантливый проповѣдникъ,—кто бы ни былъ, разъ онъ талантъ, разъ онъ сила, нужная массамъ, и въ свою очередь дающая благосостояніе или наслажденіе массамъ, эта сила должна быть и будетъ поддержана добровольными жертвами со стороны всѣхъ другихъ жизнеспособныхъ и жаждущихъ жизни единицъ!.. Останутся тебѣ и богатство, и роскошь, не будетъ только одного—владычества капитала, который несправедливо овладѣваетъ богатствами и распредѣляетъ ихъ по своему произволу въ силу своей власти.

— Постой,—остановила его Марья Николаевна:—ты говоришь:—будутъ добровольно приносить дары. Но вѣдь, чтобъ я могъ дарить что-нибудь „талантамъ“, надо и мнѣ имѣть прежде всего что-нибудь. Наконецъ, представь себѣ, что талантливому человѣку толпа подарила милліонъ,—вотъ тебѣ и капиталъ.

— Да,—отвѣтилъ Всеволодъ: — но капиталъ, который не можетъ приносить процентовъ, капиталъ только для личнаго пользованія и проживанія. Не будетъ наслѣдства, не будетъ возможности помѣщать этотъ капиталъ въ предпріятія, приносящія *доходъ* на капиталъ. Не будетъ смысла хранить и накоплять капиталы въ своихъ рукахъ. Люди будутъ проживать то, чтò они создаютъ, будутъ пользоваться жизнью. Ты знаешь: „posséder n'est rien; jouir—c'est tout".

— Прекрасно,—смѣясь, согласилась Марья Николаевна: — я всегда была такого мнѣнія. Да и я ли одна! Все дворянство всегда предпочитало „jouir"—и потому теряло право „posséder". Но вотъ чтò: нарисуй ты хоть приблизительно, но такъ, чтобъ это было мнѣ понятно: какъ можно устроить жизнь иначе, чѣмъ теперь. Я знаю, что, по-вашему, тамъ, въ „будущемъ строѣ свободно организованнаго труда", орудія производства, земля, продукты производства, продукты земли, все должно быть общимъ—ну, а дальше: неужели дѣлить всѣмъ все поровну?

Всеволодъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это будетъ дѣлиться пропорціонально единицамъ труда, произведеннаго каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Пока не осуществлена первая часть теоріи—обобществленіе, относительно второй—распредѣленія—можно строить всякіе планы, а потомъ они могутъ быть просто-нà-просто выработаны самòй свободной жизнью гораздо лучше всякихъ теорій. Вѣдь на нашихъ теперешнихъ теоріяхъ все-таки лежитъ отпечатокъ понятій, выработанныхъ нынѣшнимъ капиталистическимъ строемъ. Какъ бы мы ни хотѣли, мы не можемъ вполнѣ отрѣшиться отъ нашего теперешняго „я". А тамъ еще какъ будетъ, такъ и будетъ. Я, по крайней мѣрѣ, представляю себѣ это распредѣленіе такъ, что трудъ отдѣльныхъ лицъ будетъ учитываться, какъ учитывается теперь электрическая энергія. Каждый человѣкъ, сообразно съ своими индивидуальными качествами, физическими и умственными силами, будетъ представлять подобіе электрической лампочки. Одна человѣческая лампочка будетъ горѣть въ сто свѣчей, другая въ одну свѣчу. Но это уже будетъ зависѣть только отъ свойствъ самой лампочки, а электрическій токъ, съ которымъ онѣ будутъ соединены, будетъ для всѣхъ одинаковъ. Это и будетъ наиболѣе справедливое распредѣленіе труда и богатствъ. Это даже должно будетъ уничтожить зависть относительно неравномѣрности распредѣленія благосостоянія.

Марья Николаевна покачала головой и съ усмѣшкой недовѣрія сказала:

— Какой ты ребенокъ! Ты вѣришь въ сказки и вѣришь въ то, что въ сказочномъ царствѣ можетъ измѣниться самая природа человѣка.

Всеволодъ съ спокойной увѣренностью отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не увлекаюсь сказками; я вѣрю логикѣ, вѣрю въ послѣдовательность своихъ мыслей, а мыслю я примѣрно такъ: я вотъ хорошо играю на скрипкѣ; но я не могу завидовать успѣху пѣвца, если у меня нѣтъ голоса; мнѣ въ голову не придетъ требовать, чтобы люди слушали мое пѣніе съ такимъ же удовольствіемъ и выражали бы мнѣ такіе же свои восторги, какъ хорошему пѣвцу. Или—я не претендую на роль большого художника, на роль администратора какой-нибудь фабрики, на роль строителя какого-нибудь замѣчательнаго желѣзнодорожнаго моста, или что-нибудь подобное. Я знаю свои силы, и у меня нѣтъ ни стремленія къ тому, что̀ выше ихъ, ни зависти къ тѣмъ, у кого есть таланты создать именно то, что̀ мнѣ недоступно. Но зато при теперешнемъ строѣ я могу и завидовать, и досадовать, что какой-нибудь идіотъ пользуется всѣми благами культуры только потому, что въ его рукахъ является капиталъ, приносящій ему проценты, а проценты эти не что̀ иное, какъ кристаллизованный трудъ трудящихся массъ и талантовъ. При строѣ соціалистическомъ я буду равенъ въ своемъ благосостояніи со всѣми. Всѣ блага культуры будутъ мнѣ доступны ровно въ такой же мѣрѣ, въ какой они будутъ доступны и другимъ—въ мѣру моего личнаго труда и моихъ личныхъ талантовъ. Все это выяснится въ будущемъ само собою, теперь же мы знаемъ только одно: современныя формы должны быть разрушены, капиталъ долженъ перейти въ руки трудящихся массъ. Поэтому-то я, не дожидаясь, когда у меня этотъ капиталъ отнимутъ и заставятъ меня войти въ трудовую массу силой, иду въ нее теперь же, добровольно отказываясь отъ участія во владѣніи капиталомъ. Чѣмъ больше будетъ въ рядахъ новаго строя людей, которые, подобно мнѣ, сознательно и добровольно отреклись отъ стараго, тѣмъ легче, съ меньшими болями, совершатся роды новаго строя. Я иду въ рабочіе для того, чтобъ такого рабочаго, какъ мы привыкли понимать его до сихъ поръ, рабочаго, какъ раба капитала, больше не было. Мы, отрекающіеся, являемся мировыми посредниками между вами, еще благоденствующими на лонѣ старой цивилизаціи, и той арміей обездоленныхъ рыцарей труда, которая идетъ завоевывать себѣ и другимъ новое, міровое, общее счастье. Уходя отъ васъ въ новый строй, мы вмѣстѣ съ собой спасаемъ то, что̀ въ старой куль-

турѣ окажется достойнымъ спасенія. Христіане для римлянъ были только сектой, которую они надѣялись истребить, а кончилось тѣмъ, что ничего не осталось отъ древняго міра, и „секта“ похоронила его великихъ боговъ. Но то, что̀ было въ древнемъ мірѣ красиваго, умнаго, достойнаго, то не умерло, и опять воскресло въ эпоху „Возрожденія“. Такъ пусть же то, что̀ изъ нынѣ существующаго достойно жизни, будетъ спасено нами и перейдетъ живымъ и въ новый строй...

Всеволодъ говорилъ еще долго. Марья Николаевна продолжала оспаривать его; но, возражая ему безъ страстной убѣжденности съ самаго начала, она, чѣмъ больше слушала его, тѣмъ больше склонялась на его сторону, и ея возраженія постепенно становились уже не возраженіями, а простыми вопросами. А онъ говорилъ ей:

— Я знаю, ты не пойдешь по моей дорогѣ, я знаю, что ты скажешь: „У меня дѣти, у меня нѣтъ силъ отрѣшиться отъ того положенія, въ которомъ я выросла, я не смѣю принять на свою отвѣтственность судьбу моихъ дѣтей, которыя еще слишкомъ малы, чтобы рѣшать, что̀ имъ дѣлать“,—ну, да, они дѣти твоего мужа. Нечего скрывать: мы враги съ Андреемъ Ѳедоровичемъ—не личные враги, а потому, какъ разслоилась вся современная жизнь. Но вотъ въ этомъ-то и заключается трагизмъ нашего существованія, что теперь, въ одной и той же семьѣ, люди, скованные другъ съ другомъ старыми условіями общежитія, смотрятъ на жизнь разными глазами. Они не въ силахъ придти къ соглашенію и не въ силахъ порвать связывающей ихъ цѣпи. Но вспомни, что такія же семьи были и тогда, когда умиралъ древній языческій міръ и нарождался новый христіанскій. И тогда въ одной и той же семьѣ были и мучители, и мученики. Ты не рѣшишься пойти со мной, и я не позову тебя съ собой, потому что у тебя малолѣтнія дѣти, дѣти Андрея Ѳедоровича. Но развѣ ты поручишься, что эти дѣти, когда выростутъ, не пойдутъ противъ ихъ отца и противъ тебя, точно такъ же, какъ я теперь пошелъ противъ своего. Нашъ отецъ служитъ бюрократическому строю, братъ—офицеръ, жена его—стала сестрой милосердія, оба тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, тоже поддерживаютъ этотъ строй, готовясь пожертвовать за него своей жизнью на поляхъ Манчжуріи, а я, вотъ, ухожу въ ряды борцовъ противъ этого строя. И я не сомнѣваюсь, что побѣда будетъ за мной, за нашими, и знаю, что громадное большинство людей, теперь еще индифферентныхъ, охотно примкнутъ къ новому строю, какъ только увидятъ его торжествующимъ.

IV.

На другой день утромъ Всеволодъ и Марья Николаевна еще спали, когда Софья Петровна, напившись кофе, гуляла по своему саду-парку. Она прошла къ отдѣльной бесѣдкѣ, возвышавшейся на углу садовой ограды, поднялась по нѣсколькимъ расшатаннымъ ступенькамъ въ эту бесѣдку и сѣла отдохнуть, смотря на разстилавшуюся у подножья сада поляну.

Передъ ней было цѣлое море великолѣпной ржи, ровное, однообразное, зеленое море, слегка колыхавшееся подъ легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Урожай обѣщалъ быть хорошимъ. А тамъ, за рѣкой, шли полосы крестьянскихъ хлѣбовъ. Отсюда, издали, было видно, какъ онѣ пестрѣли, какъ были разнообразны: гдѣ хуже, гдѣ лучше.

Софья Петровна, еще на дняхъ, объѣзжала вмѣстѣ съ Игнатовичемъ свои поля, проѣхала кстати и по крестьянскимъ, и теперь она думала: какая разница въ обработкѣ полей и въ ожидаемомъ урожаѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Ѳедоровичъ нашелъ имъ въ управляющіе Игнатовича, урожаи имѣнья значительно улучшились. Софья Петровна въ душѣ бранила мужиковъ, что они все жалуются на малоземелье да на плохіе урожаи, тогда какъ ея собственное хозяйство убѣждало ее, что всѣ неурожаи зависятъ больше всего отъ плохой обработки.

Но когда Софья Петровна мысленно переносилась къ итогамъ своего хозяйства, оно ее все-таки не радовало. Имѣнье было ея родовое, имѣнье огромное, но въ общемъ доходы какъ-то все уменьшались да уменьшались, усадьба старѣла, разваливалась, а на улучшеніе не было денегъ. Денегъ вообще имъ никогда не хватало. Правда, имъ приходится вести широкій образъ жизни; положеніе мужа обязываетъ къ пріемамъ, къ извѣстному представительству, и ни жалованья, ни доходовъ начинаетъ не хватать. Еще хорошо, что не велики расходы пока на Всеволода и на Зину, а то вѣдь приходится помогать и женатому и выдѣленному Мишѣ, да и Машѣ съ Андреемъ Ѳедоровичемъ.

„И никому-то ихъ доходовъ не хватаетъ! — думаетъ Софья Петровна.—Что это за странная жизнь такая! Да гдѣ же, наконецъ, люди, у которыхъ не только концы съ концами сходятся, но и остатки бываютъ? Богаты, всѣ богаты, а въ концѣ концовъ—долги, долги и долги“.

А тутъ еще сулятъ,—что̀ дальше, то̀ будетъ хуже. На войну израсходовали, Богъ знаетъ, сколько. Что̀ стоили одни сборы Маши съ Надей, а тутъ еще всевозможныя пожертвованія. Все надо, надо... А мужики требуютъ пониженія аренды. Рабочіе стали дороже, да и тѣхъ нѣтъ. Въ лѣсу порубки. „А вотъ соберемъ урожай,—опять не радость,—въ отчаяніи шепчетъ себѣ Софья Петровна:—пойдутъ залежи, цѣны будутъ давать низкія—Господи, какъ только жить будемъ?! Еще хорошо, что мой Николай Петровичъ держится своего мѣста, а не будь этого жалованья, такъ съ однимъ имѣньемъ и не управиться, — хоть продавай. А что̀ тамъ-то на югѣ дѣлается... пугачёвщина".

Всеволодъ подходилъ въ это время къ бесѣдкѣ. Онъ, видимо, искалъ мать и, увидавъ ее, направился прямо къ ней. Онъ поднялся въ бесѣдку, подошелъ къ матери, фамильярно-ласково поцѣловалъ ея руку и, по укоренившейся привычкѣ, произнесъ по-французски:

— Bonjour, chère maman.

— Bonjour, mon ami,—отвѣтила ему Софья Петровна, обнимая и цѣлуя его.—Однако, ты сегодня проспалъ.

— Я долго не могъ уснуть, maman.

— Знаешь, я думаю, музыка разстраиваетъ тебѣ нервы. Я замѣчала, что каждый разъ, когда вы играете по вечерамъ, ты бываешь очень возбужденъ и жалуешься на безсонницу.

— Можетъ быть, maman. Но я теперь долго не буду играть.

— Отчего же... Можно—днемъ.

— Мама, мнѣ надо поговорить съ вами серьезно.

— У тебя такой видъ, какъ будто ты провинился. Что̀ такое, дорогой мой, говори.

— Мама, я хочу покинуть васъ.

Софья Петровна съ изумленіемъ и растерянностью посмотрѣла на сына.

— То-есть, какъ это покинуть?

— Такъ, мама, — какъ выросшіе сыновья покидаютъ отчій домъ.

— Я не понимаю тебя... Ты выросъ... но вѣдь тебѣ еще предстоитъ окончить курсъ, еще два года, если только не будетъ этихъ... вашихъ глупыхъ забастовокъ.

— Мама, я совсѣмъ не буду кончать курса.

— То-есть, какъ это... почему?

— Такъ, мама. Для той дѣятельности, какую я хочу избр ть, мнѣ моихъ познаній—оффиціальныхъ — совершенно до-

статочно, а то, чему я хочу учиться самъ по себѣ и для себя, для этого у меня будетъ время во всю мою жизнь.

Лицо Софьи Петровны стало глубоко печальнымъ. Тихо, безъ раздраженія, безъ обиды, а скорѣе добродушно, она сказала:

— Нѣтъ, вы, нынѣшняя молодежь, положительно съ ума сошли. Выдумали играть въ политику, а сами ищете предлога, какъ бы перестать учиться.

Всеволодъ такъ же спокойно возразилъ:

— Мама, вы, кажется, не можете упрекнуть меня въ лѣности. Я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ гимназіи, вы знаете, что я хорошо занимался и въ университетѣ.

— Такъ что̀ же это? что̀? Объясни ты мнѣ, пожалуйста: какъ это можно говорить, что не хочешь продолжать учиться, не хочешь пріобрѣтать всѣмъ необходимыя знанія? Что̀ же, ты хочешь быть, какъ тѣ, что начитаются глупыхъ запрещенныхъ книжекъ и, вмѣсто того, чтобы быть дѣйствительно полезными членами общества, мутятъ Россію и разоряютъ народъ?

— Мама, а вы знаете, какія это знанія, которыя намъ преподаютъ въ университетахъ?—съ легкой усмѣшкой спросилъ Всеволодъ.

— Нѣтъ, не знаю. Но разъ правительство находитъ нужнымъ ихъ вамъ преподавать...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, мама, что намъ преподаютъ многое, безъ чего слѣдовало бы обойтись, а не даютъ того, что̀, по-нашему, всего нужнѣе.

— Ну, а эти всѣ головорѣзы, которые устраиваютъ забастовки, какую же науку они проходятъ теперь?

Всеволодъ съ добродушной улыбкой, но и съ такимъ достоинствомъ, что въ немъ чувствовалось торжество побѣды, отвѣтилъ:

— Большую, мама: они проходятъ курсъ гражданскаго права.

— По подпольнымъ учебникамъ? — съ оттѣнкомъ пренебреженія спросила Софья Петровна.

— По такому учебнику, мама, который весь разойдется въ этомъ году, и изданіе котораго уже больше никогда не повторится, — съ тѣмъ же торжествомъ отвѣтилъ ей Всеволодъ и, воодушевляясь все болѣе, продолжалъ: — Въ будущемъ много поколѣній прекрасно кончатъ курсъ, получатъ дипломы, пріобрѣтутъ всякія знанія; но того курса, который выпалъ на долю нынѣшнему поколѣнію, они пройти уже будутъ не въ состояніи. Этихъ лекцій, какія дало наше время намъ, мама, они уже не услышатъ. И вы всѣ, которые говорите, что эта молодежь бездѣль-

начаетъ, что она не хочетъ учиться,—вы ничего не понимаете. Она въ одно время и учится, и осуществляетъ пріобрѣтенныя знанія.

Софья Петровна съ грустной усмѣшкой и легкой ироніей спросила:

— Такъ-что ты считаешь, что ты всѣ науки уже прошелъ?

Всеволодъ спокойно отвѣчалъ:

— Да, мама, всѣ, какія мнѣ нужно, чтобы выйти на то поприще, которое я избираю.

— Какое же?

— Поприще ремесленника, соединенное съ добровольнымъ учительствомъ.

— То-есть, что̀ это, Всеволодъ? Неужели ты хочешь пуститься въ пропаганду? Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это! Неужели я должна тебя выдать жандармамъ?

Въ голосѣ Софьи Петровны теперь зазвучалъ уже страхъ матери за судьбу сына.

Всеволодъ въ свою очередь почувствовалъ непріязнь къ ней, какъ человѣку другого міра:

— Совсѣмъ нѣтъ, мама. Пропаганда, жандармы, — это все можетъ придти въ свое время, и васъ вовсе не касается. А говорю я вамъ о своемъ рѣшеніи для того, что не вижу надобности играть въ прятки, и вамъ нужно же знать, почему и куда я пошелъ, хоть мы, быть можетъ, уже и никогда не встрѣтимся.

— Ты какой-то выродокъ, Всеволодъ, среди нашихъ. Господи, за что мнѣ такое наказаніе на старости!

Старуха вдругъ какъ будто сразу постарѣла на нѣсколько лѣтъ. Лицо ея измѣнилось; вся она, оставаясь сидѣть неподвижно, точно сползла ниже, и голосъ сталъ глуше, слабѣе.

Всеволодъ заговорилъ успокаивающимъ тономъ:

— Мама, я не вижу особенныхъ основаній для васъ, чтобъ печалиться. Вѣдь вы, какъ мать, должны желать мнѣ счастья. Но не надо же думать, что мое счастье можетъ уложиться только въ тѣ формы, какія вы для него знаете. Мое счастье тамъ, гдѣ я самъ хочу найти его. Я не дѣлаю ни одного изъ тѣхъ предосудительныхъ проступковъ, за которые вы могли бы упрекнуть меня.

Не сознавая отъ волненія, что̀ говоритъ, она прервала его словами:

— Да лучше бы ты былъ картежникомъ, пьяницей, чѣмъ пропагандистомъ.

Всеволодъ только улыбнулся и сказалъ:

— Видите, мама, какія у васъ превратныя понятія. Такъ вотъ представьте себѣ, что и наша университетская наука идетъ подъ такимъ же девизомъ, что̀ и вы: будь ты лучше дуракомъ и невѣждой, но не смѣй идти по одному пути съ другими народами.

Наступило молчаніе. Софья Петровна, не привыкшая оспаривать сына въ томъ, что̀ касалось его личной жизни, чувствовала, что у нея нѣтъ теперь иныхъ доводовъ для этого спора, кромѣ тѣхъ, которые, какъ она знала, уже оказались несостоятельными въ другихъ родственныхъ ей по духу семьяхъ „ихъ круга", гдѣ подобныя семейныя „исторіи" обнаружились уже раньше. Теперь дошла очередь и до ея сына. И она чувствовала себя безпомощной и тѣмъ не менѣе дѣлала слабыя попытки побороть его рѣшимость. Она говорила:

— Но скажи мнѣ серьезно, Всеволодъ: какъ можешь ты предпочесть роль какого-нибудь ремесленника дѣятельности, которая тебѣ открывалась на служебномъ пути, благодаря нашимъ связямъ и положенію твоего отца?

— Пойми меня, мама,—отвѣчалъ ей Всеволодъ теперь уже сердечнымъ и страстнымъ тономъ, переходя въ обращеніи къ матери неожиданно для самого себя съ „вы" на „ты":—пойми, что не стоитъ учиться, служить, прислуживаться и подслуживаться, какъ это дѣлаютъ „дѣлающіе карьеру", и все только для того, чтобъ хорошо ѣсть, пить, одѣваться у хорошаго портного, ходить въ балетъ, принимать нужныхъ людей и такъ далѣе. Есть еще помимо этого жажда духовнаго удовлетворенія, а въ той жизни, какую я видѣлъ до сихъ поръ вокругъ себя, я его не нахожу.

— Такъ неужели ты надѣешься найти это духовное удовлетвореніе въ обществѣ грубыхъ, необразованныхъ фабричныхъ рабочихъ?

— Надѣюсь, мама.

— Не понимаю.

Всеволодъ опять на минуту замолчалъ, задумался, а потомъ заговорилъ тѣмъ же серьезнымъ, но уже болѣе спокойнымъ тономъ:

— Правда, мама, этотъ рѣзкій переходъ изъ одной сферы въ другую можетъ казаться на первый взглядъ страннымъ и непонятнымъ. Его, можетъ быть, труднѣе объяснить, чѣмъ почувствовать. Скажу тебѣ вотъ что̀: я не мало присматривался къ жизни людей интеллигентныхъ профессій, и я видѣлъ, что ихъ положеніе не даетъ имъ времени быть *философами* въ житейскомъ смыслѣ слова; они не могутъ даже быть просто прямолинейными въ своей

профессіи. Наша жизнь такъ сложна, что на каждомъ поприщѣ отъ каждаго человѣка требуются тысячи компромиссовъ. Адвокатъ ли я, докторъ ли, инженеръ ли — я не только „я“, самъ по себѣ, а еще вдобавокъ и вывѣска. У меня должна быть извѣстная обстановка, „мундиръ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, — то платье, по которому меня встрѣчаетъ толпа. До того ума, который скрытъ подъ этимъ платьемъ, подъ этимъ мундиромъ, эта толпа, можетъ быть, никогда и не доберется, но по платью она меня судить будетъ. При теперешнемъ строѣ жизни нѣтъ такого адвоката, который могъ бы удовольствоваться скромной комнаткой, потому что эта скромность будетъ лжесвидѣтельствовать о недостаткѣ его знаній или его практики. Поэтому каждый изъ нихъ прибѣгаетъ къ саморекламированію въ той формѣ или другой. А зачѣмъ все это? Развѣ всѣ они счастливы? Вѣдь они произносятъ на судѣ громкія слова о справедливости, о законности, а ложь уже заключается въ самой оцѣнкѣ ихъ положенія. И чѣмъ больше у нихъ „дѣлъ“, тѣмъ меньше времени у нихъ остается для ихъ личной духовной жизни. И всѣ, всѣ такъ! Ты и сама была свидѣтельницей, какъ у насъ же за обѣдомъ выдающійся, всѣми почитаемый юристъ, ученый, сановникъ и общественный дѣятель говорилъ, что онъ уже много лѣтъ ничего не читаетъ, кромѣ телеграммъ въ газетахъ да кассаціонныхъ рѣшеній сената: времени нѣтъ! А вѣдь это значитъ, что онъ ничего и не знаетъ изъ того, что̀ творится вокругъ него въ текущей жизни! А вѣдь онъ готовъ высказывать авторитетно свои мнѣнія и сужденія объ этой самой жизни, которая идетъ мимо него и познакомиться съ которой у него нѣтъ времени внѣ его прямыхъ служебныхъ или научныхъ занятій. Скучно такъ жить, мама!..

Онъ остановился, ожидая отъ нея возраженій. Но Софья Петровна задумалась и молчала. Всеволодъ продолжалъ:

— Теперь представь себѣ мое положеніе ремесленника. Представь себѣ, что осуществленъ мой восьмичасовой рабочій день. Значитъ, у меня всегда будетъ нѣсколько свободныхъ часовъ для личной жизни. Въ эти часы я могу учиться не тому, чего требуетъ моя та или другая интеллигентная профессія, а тому, чего требуетъ моя жаждущая знаній и свѣта душа. Я могу читать не то, что̀ такъ или иначе необходимо для той или другой интеллигентной профессіи, а то, въ чемъ я дѣйствительно могу почерпнуть глубочайшую мудрость всего человѣчества.

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ черпать эту мудрость гдѣ хочешь, еслибъ ты поступилъ на государственную службу или выбралъ бы какую-нибудь другую интеллигентную профессію?

— Помѣшаетъ служба, помѣшаетъ профессія. Онѣ потребуютъ отъ меня такого склада жизни и такого напряженія духовныхъ силъ, что мнѣ не останется ни этихъ силъ, ни времени на свободную жизнь свободнаго духа.

Онъ замолчалъ, точно почувствовавъ, что въ его словахъ есть что-то высокопарное, что̀ можетъ быть понято матерью какъ простое фразерство. Онъ посмотрѣлъ на нее пытливымъ взглядомъ; но она слушала его съ спокойной грустью, становясь безучастной къ его доводамъ и не примиряясь съ фактомъ. Онъ продолжалъ:

— Въ положеніи рабочаго я физическимъ трудомъ, механической работой за станкомъ или у машины заработаю то, что̀ мнѣ обезпечитъ мое скромное существованіе рабочаго, а мой умъ будетъ все время свободенъ отъ труда, навязываемаго ему извнѣ, будетъ совершать лишь ту духовную работу, которая ему желательна и доставитъ наслажденіе. Я буду *человѣкомъ* въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не умной машиной, вырабатывающей по заказу другихъ умственныя цѣнности. Ко всѣмъ явленіямъ окружающей меня обыденной жизни я могу тогда относиться безъ тѣхъ предвзятыхъ, иногда чисто профессіональныхъ, мнѣній, какія неизбѣжны въ каждой интеллигентной профессіи. Вѣдь у кожевника, ткача, слесаря, столяра, точки зрѣнія на высшіе вопросы человѣческаго бытія не могутъ быть такъ различны, какъ неизбѣжно должны быть онѣ различны у адвоката, военнаго, священника, доктора, чиновника; и если я хочу быть духовно свободнымъ человѣкомъ, не дожидаясь того времени, когда все общество перестроится на новыхъ началахъ и когда взаимныя отношенія людей всѣхъ профессій станутъ проще, то я долженъ уйти отъ профессій, налагающихъ свои путы именно на мой духъ. И я рѣшилъ, что теперь самый простой путь къ счастью свободы есть физическій трудъ...

V.

Ни Софья Петровна, ни Всеволодъ за разговоромъ не замѣтили, какъ подошелъ Игнатовичъ. Поздоровались съ нимъ, и Софья Петровна обратилась съ обычнымъ утреннимъ вопросомъ:

— Что̀ новаго, Антонъ Ѳомичъ?

— Что̀ можетъ быть новаго, что̀ не было бы старымъ!—съ кислой улыбкой отозвался Игнатовичъ.—Сейчасъ получилъ извѣщеніе, что за ночь совершены три большихъ порубки въ Горкинской рощѣ. Лѣсникъ божится и клянется, что онъ ничего не

видалъ и не слыхалъ, а я думаю, что онъ, подлый, самъ лѣсъ продалъ.

Софья Петровна покачала сокрушенно головой и сказала:

— Что же, хорошія деревья?

— Я вотъ пришелъ сказать вамъ, что сейчасъ ѣду осматривать. Лѣсникъ говоритъ, что строевыя семивершковыя бревна.

— Ну вотъ, ну вотъ, всегда такъ! — начинала сердиться Софья Петровна.—Боже мой, сколько они у насъ лѣсу порубили!

И, обращаясь къ Всеволоду,—она сказала раздраженно:

— Вотъ ты бы, если не хочешь учиться, пошелъ бы да поучилъ мужиковъ уваженію къ чужой собственности.

Всеволодъ совсѣмъ спокойно возразилъ:

— Мама, мнѣ пришлось бы начать съ проповѣди уваженія къ чужой нуждѣ. Что̀ же имъ дѣлать, если имъ негдѣ взять? Можетъ быть, отъ этихъ нѣсколькихъ бревенъ зависитъ существованіе тѣхъ, кто ихъ вырубилъ. Вѣдь вы не разбирались въ этомъ. Будетъ ли у васъ тремя деревьями больше или меньше, отъ этого ничто не измѣнится въ складѣ вашей жизни.

— Ты Богъ знаетъ что̀ говоришь!—сердясь, сказала Софья Петровна.

А Игнатовичъ усмѣхнулся и дразнящимъ тономъ сказалъ:

— Если бы вы, Всеволодъ Николаевичъ, сами попробовали нажить вотъ такое имѣніе, собственнымъ трудомъ составить себѣ состояніе, такъ вы бы такъ не разсуждали. Если бы вы попробовали вырубить у мужика, не спрося его, жердь въ лѣсу, такъ онъ бы васъ этой жердью уложилъ на мѣстѣ.

— Ну, ну, зачѣмъ такъ грозно! — въ свою очередь усмѣхнулся Всеволодъ. — Не преувеличивайте, не сдѣлаетъ этого мужикъ.

— Какой мужикъ, — возразилъ Игнатовичъ: — есть всякіе. Мужикъ дорожитъ только *своимъ* добромъ и каждой своей копѣйкой гораздо больше, чѣмъ мы съ вами рублями. Имѣйте съ ними дѣла, вотъ какъ *я* — перестанете жалѣть ихъ. Жалуются на малоземелье, а сколько есть полосъ необработанныхъ. Жалуются, что земля у нихъ стала плохо родить,—отчего же она родитъ у насъ? Никакими силами не заставите вы ихъ обрабатывать собственную землю какъ слѣдуетъ.

— А вы пойдите и научите ихъ, чтобы они дѣлали такъ же, какъ дѣлаете и вы,—сказалъ Всеволодъ, и въ тонѣ его прозвучало презрѣніе къ управляющему.

— Нѣтъ, ужъ это я вамъ предоставляю,—съ сарказмомъ и въ то же время съ льстивой улыбкой отвѣтилъ Игнатовичъ. — Я съ му-

жиками объ ихъ дѣлахъ и разговаривать не хочу. Учить мужиковъ—такъ лучше рѣшетомъ воду черпать.

— Отчего же такъ? Вы бы вотъ шли управляющимъ къ мужикамъ.

— Благодарю васъ. Пусть другіе.

— Ну, что-жъ. Найдутся и другіе. Повѣрьте, недалека пора, когда мужикъ будетъ не только чернорабочимъ, исполняющимъ ваши требованія, но и участникомъ во всѣхъ выгодахъ тѣхъ полей, которыя будутъ воздѣланы подъ вашимъ искуснымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ.

Софья Петровна молчала. Ее не интересовала суть завязавшагося между Всеволодомъ и Игнатовичемъ спора. Она была подавлена одной лишь мыслью: ея родной сынъ, ея Всеволодъ, идетъ въ разрѣзъ со всѣми традиціями своей семьи. Только это, только одно это и занимало ее теперь.

Она встала и пошла къ дому. Игнатовичъ и Всеволодъ пошли за ней.

При поворотѣ изъ боковой аллеи къ дому, тамъ, гдѣ черезъ заборъ открывался видъ на деревню подъ горой и на всѣ окрестныя поля, Всеволодъ, указывая Игнатовичу рукой на убогую деревню, сказалъ:

— Вотъ посмотрите и сравните. Мы здѣсь—на горѣ, и все кругомъ въ цвѣтущемъ состояніи. У нихъ тамъ, внизу — болото подъ ними, болото вокругъ нихъ. Кто же загналъ ихъ туда? Да мы. Мы, собственники этой земли. Съ давнихъ поръ, отъ предковъ къ потомкамъ переходитъ это положеніе: мы на горѣ, а они внизу, въ болотѣ. И это положеніе—прототипъ всего нашего государственнаго строя. Отвратительно, что со времени освобожденія крѣпостныхъ прошло сорокъ слишкомъ лѣтъ, и до сихъ поръ ни они не съумѣли вылѣзти изъ болота на гору, ни мы не вытащили ихъ оттуда. Посмотрите на этотъ народъ тамъ, на болотѣ: онъ вырождается. Какой процентъ между ними рахитиковъ, какой процентъ страдающихъ маляріей и ея спутниками— малокровіемъ, худосочіемъ. Вы обвиняете ихъ, что они небрежны въ собственномъ хозяйствѣ, — а мѣрили ли вы ихъ силу? Въ состояніи ли они быть энергичными и дѣятельными, когда они голодны, ослаблены тѣмъ бѣдственнымъ существованіемъ, которое вы же имъ создали. Нѣтъ, вы спуститесь къ нимъ и выведите ихъ оттуда, изъ болота на гору, иначе...

— Иначе?..

Игнатовичъ смотрѣлъ на Всеволода съ вызывающимъ видомъ льстиваго вниманія, въ которомъ ясно сквозила насмѣшка.

Всеволодъ бросилъ на него суровый взглядъ и убѣжденно произнесъ:

— Иначе они, когда имъ станетъ не въ моготу, стащатъ васъ самихъ въ свои низины и утопятъ васъ въ своемъ болотѣ.

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! — не задумываясь, сказалъ съ усмѣшкой Игнатовичъ.

VI.

Марья Николаевна вышла только къ завтраку. Поздно поднялась сегодня и Зина. Софья Петровна упрекнула ее за это.

Зина, какъ-то необычайно задумчивая сегодня, смутилась, лицо ея вспыхнуло, и, нѣжно обнявъ мать, она грустно, почти покорно, сказала:

— Мамочка, я всегда плохо сплю въ лунныя ночи... поэтому и проспала...

Марья Николаевна сидѣла за завтракомъ съ вялымъ видомъ и задумчиво молчала. Молчала и Зина, уставившись на Всеволода горящимъ взглядомъ, точно она разсматривала его, точно впервые увидѣла:

— Зина, что жъ ты ничего не ѣшь? — спросила Софья Петровна.

Зина не отвѣчала и продолжала смотрѣть на Всеволода.

— Зина! Проснись!

— А? Что̀, мамочка?

— Проснись, говорю.

Зина покраснѣла, уткнулась въ тарелку и принялась поспѣшно ѣсть.

Въ серединѣ завтрака пріѣхалъ Андрей Ѳедоровичъ. Онъ былъ не въ духѣ, усталый отъ дороги и запыленный. Нàскоро умывшись, онъ присѣлъ къ столу.

— Ну что̀?—спросила его Марья Николаевна.

— Да что̀! Все скверно. Опять со всѣхъ сторонъ жалобы. Мужики отказываются косить.

— Что̀ же они говорятъ?

— Да одни требуютъ увеличенія платы, другіе вовсе ничего не говорятъ. Пусть, говорятъ, трава пропадаетъ—не наша.

— Этакое варварство!—воскликнула Софья Петровна.

— Да-съ!—отозвался Груздевъ.—И есть признаки, что революціонная пропаганда проникла, кажется, и въ нашъ уѣздъ. По молчаливому виду мужиковъ я чую недоброе.

Софья Петровна сурово посмотрѣла на Всеволода щаясь къ зятю, сказала:

— Да... времячко! Зараза проникаетъ даже въ так куда, казалось бы, ей и доступа быть не должно.

— Все жиды! Жиды!—вскрикнулъ Андрей Өедоров ряя кулакомъ по столу.—Это они, они хотятъ разруш скую землю!

Всеволодъ посмотрѣлъ на него съ холодной усм съязвилъ:

— Прибавьте еще и измѣнниковъ, подкупленныхъ яп милліонами.

Груздевъ отвѣтилъ ему суровымъ взглядомъ стар младшаго и съ паѳосомъ произнесъ:

— Подкупленныхъ русскихъ — не вѣрю! Ну, а ме дами—онъ злобно улыбнулся и процѣдилъ:—найдутся...

— Полноте, Андрей Өедоровичъ! — спокойно и возразилъ ему Всеволодъ.—Вамъ, земскому начальнику владѣльцу, зятю такого сановнаго лица, какъ мой отец слѣдовало бы лучше понимать положеніе Россіи и не ув легендами, которыя могутъ смущать развѣ только с поповъ да темныхъ лавочниковъ и мужиковъ. Я ду всѣ, русскіе, хорошо знаемъ наши грѣхи, и смѣшно го жидахъ и о японцахъ.

— Мнѣ кажется, Всеволодъ, ты судишь одностор вступилась за мужа Марья Николаевна: — Ты такъ ж тельно отвергаешь то, что̀ Андрей такъ рѣшительно даетъ. Ты такъ же фанатично кричишь: „жиды ни при какъ Андрей кричитъ: „все жиды!“

— И японцы,—съ ироніей вставилъ Всеволодъ.

Софья Петровна вмѣшалась:

— Японцевъ ты самъ прибавилъ, — Андрей Өедор нихъ не говорилъ.

— Но не отвергъ сего моего прибавленія... хотя б въ части, относящейся къ жидамъ,—съ улыбкой сказалъ Вс

— И Андрей правъ,—поддержала Марья Николае жидовъ нѣтъ отечества, а о подкупности ихъ и ты, в спорить не станешь;—такъ отчего же нельзя допуст гдѣ-нибудь тамъ, за-границей, кто-нибудь изъ вліятельн довъ получилъ отъ японцевъ деньги, чтобы черезъ наши своихъ жидовъ смутить Россію?

Всеволодъ насмѣшливо посмотрѣлъ на сестру и съ комъ сознанія своего превосходства сказалъ:

— Японцы—умные люди и не станутъ бросать деньги тамъ, гдѣ все сдѣлалось само собой безъ ихъ денегъ, а только благодаря ихъ шимозамъ.

— И жидамъ!—твердилъ свое Андрей Өедоровичъ.

— Гдѣ?—спросилъ его вызывающимъ тономъ Всеволодъ.

— Вездѣ!—задорно, рѣзко отвѣтилъ Андрей Өедоровичъ:— Вездѣ: и въ банкахъ, и въ печати, и въ учебныхъ заведеніяхъ, и даже въ арміи. Мы были всегда слишкомъ уступчивы, мы допускали жидовъ всюду...

— Когда это было *намъ* выгодно, нужно,—съ усмѣшкой прервалъ его Всеволодъ.

Андрей Өедоровичъ, становясь все болѣе возбужденнымъ и повышая голосъ, продолжалъ:

— Намъ было нужно бороться съ жидовскимъ вторженіемъ въ нашу жизнь, какъ мы всегда боролись съ вторженіемъ иноземцевъ. Намъ было нужно не принимать изъ еврейскихъ рукъ ничего: ни денегъ, ни просвѣщенія въ ихъ духѣ, никакихъ ихъ благъ. Не будь у насъ жидовъ,—то, что̀ вы называете освободительнымъ движеніемъ совершилось бы теперь, если оно нужно, скорѣе, вѣрнѣе, прочнѣе. Теперь это только жидовскій товаръ, недоброкачественный, не установленной мѣры, неполнаго вѣса. Я тебя спрошу: развѣ жиды участвовали въ созданіи Руси, нашей великой, святой Руси? Когда совершалось освобожденіе Руси отъ татарскаго ига—гдѣ были жиды? Когда Русь освобождалась отъ поляковъ въ 1612 г.—гдѣ были жиды? Освобожденіе Россіи отъ двунадесяти языковъ и освобожденіе всей Европы отъ Наполеона жидами ли сдѣлано? Когда Русь отстаивала себя подъ Севастополемъ, гдѣ были жиды?

Голосъ Андрея Өедоровича гремѣлъ, когда онъ произносилъ эти слова. Софья Петровна и Марья Николаевна, слушая его, смотрѣли ему въ глаза, и, встрѣчая ихъ сочувственные взгляды, Андрей Өедоровичъ чувствовалъ себя готовымъ пойти и совершить какой угодно подвигъ, чтобъ дать исходъ своему русскому чувству. Онъ всталъ, сдѣлалъ два шага по комнатѣ и потомъ, остановившись передъ Всеволодомъ и смотря ему прямо въ глаза, съ тѣмъ же паөосомъ произнесъ:

— Вся слава, все величіе Россіи создались безъ участія жидовъ! Такъ скажи, неужели ты, русскій, по совѣсти и справедливости стоишь за то, чтобы жиды воспользовались всѣми правами русскихъ гражданъ?

И Софья Петровна, и Марья Николаевна, смотрѣли теперь на Всеволода съ напряженнымъ вниманіемъ; несогласныя съ

нимъ, онѣ разно чувствовали въ этотъ моментъ свои о
къ нему: Софья Петровна болѣла душой за сына, съ
у нея рвалась духовная связь; Марья Николаевна, серд
лѣе близкая къ мужу, чѣмъ къ брату, была способна
ихъ спорѣ оцѣнивать доводы того и другого только
споръ становился для нея интереснымъ самъ по себѣ.

Завтракъ былъ конченъ, но всѣ, кромѣ Андрея Өе
еще сидѣли за столомъ.

Съёжившись, точно ей было холодно, съ неподвиж
вленными на Всеволода глазами, сидѣла на своемъ мѣс
По выраженію ея лица нельзя было бы опредѣлить,
сторонѣ въ эту минуту ея умъ и сердце; но въ ея взгл
такое вниманіе, точно вмѣстѣ съ тѣмъ, что она сейча
шитъ отъ брата, должна будетъ рѣшиться ея судьба.

И Всеволодъ въ свою очередь окинулъ всѣхъ взгл
еще больше, чѣмъ въ словахъ Андрея Өедоровича, в
общемъ ожиданіи, *какъ* онъ отвѣтитъ, онъ почувствовалъ
И онъ всталъ, точно для того, чтобъ его голосъ былъ с
слышнѣе, и, не отходя отъ стола, держась руками з
стула, онъ заговорилъ съ убѣжденіемъ и энергіей, рав
тріотическому паөосу Андрея Өедоровича. Онъ отвѣчал

— Да, я стою за полное равноправіе евреевъ. По
нецъ отбросить этотъ предразсудокъ. Говорю это не
щиты интересовъ еврейства, а ради защиты интересовъ
Виновниками того, что намъ, передовымъ русскимъ запа
приходится отрекаться отъ русской самобытности, вин
этого — говорю вамъ — вы, такъ-называемые истинно-русс
Вы сдѣлали теперь ненавистнымъ самое имя русскаго:
синонимомъ защиты всякаго мракобѣсія. У евреевъ ес
недостатковъ и пороковъ. А у русскихъ развѣ ихъ
еще какіе! И свои особенные, и привитые отъ всѣхъ
имѣвшихъ вліяніе на нашу исторію. Но еврейство и
редъ въ ногу со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, а в
шими старорусскими идеалами не только не хотите и
куда идетъ весь міръ, а хотите вернуться назадъ къ
считается отжитымъ, что̀ признано негоднымъ. Какъ есть
русскіе, такъ есть и истинно-еврейскіе евреи, и они
годный для будущаго типъ. Но передовое еврейство —
отстаиваетъ религію отцовъ своихъ, развѣ оно дорожит
еврейскими особенностями? Оно, вмѣстѣ со всѣми пе
людьми всѣхъ народовъ, вѣритъ, что еще нигдѣ нѣтъ
всеобъемлющей вѣры и нѣтъ національности соверше

своей узко-національной культурѣ. Оно не видитъ смысла въ томъ, чтобъ толкать темную массу еврейства, сырой матеріалъ, на полную ассимиляцію съ какимъ бы то ни было другимъ народомъ только ради того, что у этого народа имѣется свое собственное готовое государство. И лучшіе евреи предпочитаютъ оставить свой родной сырой матеріалъ сырымъ, пока не найденъ общій для всѣхъ народовъ путь въ обѣтованную землю истины и свободы. Передовое еврейство пойдетъ и поведетъ за собой своихъ только подъ знаменемъ религіи разума и сердца. Вамъ дороги *ваши* святые; намъ, жаждущимъ истины, видящимъ ее въ неустанномъ движеніи впередъ, дороги святые *наши*. Всѣ тѣ, кого вы называете теперь крамольниками, будутъ для будущихъ поколѣній святыми мучениками за правду.

Онъ остановился, взволнованный, и перевелъ дыханіе. Онъ ждалъ возраженія, но Андрей Ѳедоровичъ только посмотрѣлъ на него не то съ недовѣріемъ, не то съ сожалѣніемъ. И Всеволодъ продолжалъ:

— Вы говорите, что евреи не участвовали въ созданіи Руси и поэтому не имѣютъ права на русское гражданство. Но самъ-то русскій народъ до сихъ поръ не имѣетъ этихъ правъ гражданина. Теперь же, въ завоеваніи этихъ правъ, въ освободительномъ движеніи Россіи евреи идутъ въ первыхъ рядахъ. Евреи, больше другихъ страдавшіе отъ безправія, борются за себя и за другихъ. И посмотрите—они, вѣчно упрекаемые въ трусливости, какую они проявили храбрость, какъ только увидали разумную для нихъ цѣль борьбы. Въ вашемъ старомъ государствѣ евреямъ не было мѣста,—въ государствѣ новомъ оно принадлежитъ имъ по праву участія въ созданіи его. И никому изъ русскихъ не будетъ отъ этого хуже, чѣмъ теперь. Уже давно признано, что еслибы у Россіи на берлинскомъ конгрессѣ былъ такой еврей, какъ у Англіи ея Дизраэли, вмѣсто русскаго князя Горчакова,—такъ и истинно-русскіе, и обще-славянскіе интересы оказались бы лучше защищенными. Кто, какъ не мы сами, русскіе, создали теперь такое положеніе, что нѣтъ никакой возможности бороться дальше за русскую исключительность и за недопущеніе равноправія евреевъ? Какъ буду я бороться противъ тѣхъ, кто идетъ подъ знаменемъ свободы и прогресса? Какъ могу я стать въ одни ряды съ тѣми, кто отстаиваетъ негодную старину? Сліяніе всѣхъ народовъ въ одно нераздѣльное человѣчество должно же рано или поздно наступить. Отстаивать исключительность національности значитъ задерживать естественный ходъ цивилизаціи...

Груздевъ, долго молчавшій, прервалъ его теперь довол неожиданнымъ замѣчаніемъ:

— Постой, ловлю тебя на словѣ. Ты говорилъ сейчасъ, теперешніе борцы за свободу, или, какъ мы ихъ называе крамольники, для будущаго поколѣнія будутъ святыми. Допуск Значитъ, вы желаете, чтобы ихъ и чтили, во вѣки вѣковъ, и святыхъ. Но не забудь, что тѣ святые, противъ которыхъ боретесь теперь, *наши* святые, которыхъ вы отвергаете, тоже были въ древнее время передовыми людьми, они тоже ролись съ мракомъ язычества и отстаивали высочайшіе иде своего времени, жертвуя за нихъ жизнью. Я думаю, что должны бы къ нимъ относиться съ большимъ уваженіемъ, е требуете уваженія къ вашимъ передовымъ борцамъ и муч камъ. Вѣдь тотъ самый народъ, который вы хотите осчас вить вашими идеалами, васъ еще не призналъ, а идеалами т святыхъ и мучениковъ онъ живетъ тысячу лѣтъ.

Всеволодъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— Пусть такъ. Но идеалы вашихъ святыхъ были — у требляю ваше слово — безпочвенны. Они всѣ основывались то на представленіи о загробной жизни и о грѣховности зем бытія. Идеалы нашего времени выросли изъ почвы эконо ческой жизни. Они стремятся создать радость не на небѣ на землѣ, они не признаютъ грѣховности земного счастья, стараются сдѣлать земное безгрѣшнымъ. Ваши святые святы вашего Бога, но они уже не святые ни въ глазахъ магоме вина, ни въ глазахъ еврея или буддиста. А наши святые с жутся святыми для всѣхъ народовъ и всѣхъ религій.

Споръ начиналъ принимать отвлеченный характеръ, и Груздева не было желанія продолжать его. Онъ нашелъ, давно надо было уѣзжать, и теперь такъ заторопился, что Со Петровна даже не успѣла поговорить съ нимъ на прощань томъ, что̀ объявилъ ей Всеволодъ утромъ о своемъ отъѣздѣ. и говорить не хотѣлось: она все еще какъ-то считала сл сына сказанными не серьезно и не хотѣла посвящать въ с разговоръ съ Всеволодомъ другихъ. Ничего не говорила этомъ съ Софьей Петровной и Марья Николаевна. Между и Всеволодомъ было рѣшено, что онъ самъ объяснится матерью, а ея роль будетъ только ролью защитницы посту брата уже послѣ его отъѣзда.

Какъ только Груздевы уѣхали, Всеволодъ сейчасъ же уш въ свою комнату и сталъ собираться къ отъѣзду. Онъ бралъ собой лишь самое необходимое, оставляя все, что̀ казалось

предметами роскоши или такихъ потребностей, отъ которыхъ въ новой жизни ему приходилось отказаться. Долго вертѣлъ онъ въ рукахъ свою любимую скрипку и взялъ на ней нѣсколько аккордовъ pizzicato; потомъ положилъ ее въ футляръ и, поставивъ ее въ уголъ на столъ, смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на дорогого покойника. Потомъ заглянулъ въ альбомы, гдѣ у него были карточки дорогихъ ему знакомыхъ,—все молодежь обоего пола. Онъ оставлялъ даже и эти альбомы, и только долго разсматривалъ ихъ, прощаясь съ ними. Онъ зналъ, что уходитъ на жизнь, не только не имѣющую ничего общаго съ его прежней жизнью, но полную неожиданностей и опасностей. И ему вспомнилось, что такъ собирался въ походъ на Дальній Востокъ его братъ Михаилъ. И Всеволодъ сталъ укладываться быстрѣе, рѣшительнѣе.

Когда онъ пришелъ передъ обѣдомъ къ матери окончательно проститься съ ней, она все еще не хотѣла вѣрить, что онъ уѣдетъ. Она не выдержала и разрыдалась. У Всеволода тоже были слезы на глазахъ, когда онъ успокаивалъ ее: но этотъ мимолетный взрывъ сантиментальности только укрѣпилъ его рѣшимость. Онъ передалъ матери письмо, написанное имъ для отца, и просилъ переслать съ ея собственными объясненіями, когда она найдетъ это болѣе удобнымъ.

Не ограничиваясь увѣщаніями и слезами. Софья Петровна переходила къ угрозамъ. Она говорила, что пошлетъ нарочнаго къ Андрею Өедоровичу и велитъ арестовать сына.

— Что?.. почему? зачѣмъ? — спокойно возражалъ ей Всеволодъ. — Исправить—вы меня не исправите, а озлобить—озлобите. Я не мальчикъ, скоро буду совершеннолѣтнимъ,—знаю, чего хочу. Оставьте меня въ покоѣ. Этимъ вы, по крайней мѣрѣ, предотвратите возможность непріятныхъ событій въ вашей семейной жизни. Брату и сестрамъ мой уходъ только выгоденъ. Отецъ можетъ лишить меня моей части наслѣдства, да, — но я и самъ отъ него *принципіально* отказываюсь. Долговъ я не надѣлаю, векселей не дамъ, выручать меня вамъ не придется. А стало-быть мирно разстаемся.

Софья Петровна — уже молча — плакала.

Когда подали лошадей, чтобы довезти Всеволода въ городъ на станцію желѣзной дороги, Софья Петровна хотѣла-было ѣхать проводить его; но онъ этому рѣшительно воспротивился и просилъ ее подавить всякіе слѣды волненія, чтобы отъѣздъ его не носилъ исключительнаго характера, а походилъ бы на поѣздку въ Петербургъ по какому-нибудь обыденному случаю.

Всеволодъ не находилъ удобнымъ сказать что бы то ни было о причинѣ своего отъѣзда Зинѣ. Когда онъ, встрѣтивъ ее одну въ гостиной, сталъ прощаться съ ней въ ласково-шутливомъ тонѣ, Зина бросилась къ нему на шею, крѣпко обняла его и со слезами восторга на глазахъ, тихо прошептала ему на ухо:

— Севка, я все знаю! Я слышала, сидя наверху на своей террасѣ, все, о чемъ ты говорилъ съ сестрой Машей: Знай: я такая же, какъ ты, я сочувствую тебѣ, я хочу убѣжать съ тобой...

— Что ты, что ты, Зина! Богъ съ тобой!—испуганно прервалъ ее Всеволодъ. — Куда тебѣ, милая, куда тебѣ! Ты еще ребенокъ. Сиди тутъ и слушайся маму.

Но Зина восторженно лепетала:

— Знаю, знаю... Но я выросту. Еще недолго, и я уйду, какъ ты.

Они опять крѣпко обнялись и расцѣловались. Вошедшая въ это время Софья Петровна, глядя на ясное, улыбающееся лицо Зины, не могла и подумать, что она провожаетъ брата навсегда.

VII.

Чрезъ нѣсколько дней Всеволодъ и Савельевъ ѣхали въ вагонѣ третьяго класса на югъ. Вагонъ былъ переполненъ. Разговоры шли о войнѣ и о начавшейся мобилизаціи въ ближайшихъ уѣздахъ. Какой-то мѣщанинъ, сидѣвшій на скамейкѣ противъ Всеволода и выходившій въ другое отдѣленіе вагона, вернувшись, говорилъ:

— Тамъ запасного солдатика жена провожаетъ. Въ мобилизацію стало-быть попалъ. Сидятъ, другъ на дружку смотрятъ, да такъ и заливаются: баба реветъ, а мужикъ пуще того. У бабы ребеночекъ на рукахъ, тоже поглядитъ на тятьку съ мамкой, да какъ завопитъ — одна потѣха! Воины!

Всеволодъ и Савельевъ встали и пошли въ сосѣднее отдѣленіе полюбопытствовать.

Запасный, мужикъ лѣтъ сорока, съ вклокоченной бородой, болѣзненный, сидѣлъ потупя голову и тихо плакалъ. Всеволодъ участливо спросилъ бабу:

— Призываютъ?

Баба посмотрѣла на него и заголосила:

— Обездолили меня, несчастную! На кого я съ малымъ

дитей останусь? Кто хозяйство править будеть? И совсѣмъ моему идти не надо. На очереди старшины племянникъ,—да, вишь, у того рука, того ослобонили, а моего взяли. Ходила жаловаться земскому и воинскому. Да развѣ насъ послушаютъ. Имъ принеси „барашка въ бумажкѣ", а то и говорить съ тобой не хотятъ. Эхъ, горе такое наше!

И слезы опять безудержно полились по ея лицу.

На сосѣдней скамейкѣ сидѣлъ молодой парень и игралъ на гармоникѣ. Онъ былъ, видимо, выпивши, посматривалъ вокругъ себя съ улыбкой и отчаянно терзалъ гармонику. Прислушавшись къ словамъ бабы, онъ расхохотался и, обращаясь къ Всеволоду и Савельеву, пьянымъ голосомъ сказалъ:

— Эхъ-ма! гуляй во всю! Вездѣ, видно, такъ-то. Не мы одни. Вотъ я вамъ доложу, господа студенты: вы учиться не хотите и на войну не идете, а мы по вашей милости погибать должны. За что̀ идемъ? Какого чорта мнѣ въ этой ихъ китайской землѣ, а вотъ, говорятъ, пожалуйте. Намъ теперича, крестьянамъ, земли не даютъ, а вамъ, господамъ, еще мало, мы для васъ еще у китайцевъ отбирать землю должны. Вотъ хошь бы я теперича иду: за что̀, спрашивается, погибаю? У насъ сейчасъ въ городѣ какъ будто бунтъ былъ: полицмейстера, стало-быть, избили. Я не участвовалъ, я ни-ни... я человѣкъ смирный... а жалко: потому — стоитъ онъ того, чтобы его бить. Теперича вы такъ разсудите, господа: есть у насъ въ городѣ два купца, и вотъ тоже, стало-быть,—какъ вы—студентами были. Народъ богатый, учиться, стало-быть, не захотѣли. Что̀ имъ! Вышли. Но только, стало-быть, все-таки солдатчины не миновали: въ мирное время, стало-быть, съ нами подъ одну шапку попали. Вотъ одинъ изъ нихъ въ строю со мной рядомъ стоялъ, другой—въ другой ротѣ. Маршировали это они честь честью... все какъ слѣдуетъ. Унтеръ имъ мироволитъ, потому во всякое время—то трешницу, то пятишницу. Ну, ничего,—и намъ отъ нихъ перепадало: гдѣ водкой угостятъ, гдѣ что̀, — это бы все ничего. Но вотъ ка̀къ вы теперича это самое можете разсудить: вотъ сейчасъ насъ въ призывъ всѣхъ потянули, собрались, а ихъ и нѣтъ! Ну, думаемъ, видно съ горя запили, — забулдыги, прямо сказать, первые по городу, скандаловъ отъ нихъ бывало не мало, только самого полицмейстера не колачивали, а что городовымъ—не разъ попадало. Ну, вотъ, думаемъ, и теперь: загуляли гдѣ-нибудь наши молодцы. Только, хвать-похвать, слышимъ: одинъ, говорятъ, въ городовыхъ служитъ, стало-быть за порядкомъ наблюдаетъ; другой пріятель въ причетники поступилъ, на

клиросѣ „аллилуія“ поетъ. Какъ вы думаете: это по случаю? Вотъ вы и разсудите. Мы такъ думаемъ, это науки... Эхъ-ма! гуляй во всю!..

Гармоника такъ и заливалась у него въ рукахъ, а продолжалъ:

— Я человѣкъ смирный, а только почему это, те господамъ земли понадобилось? Вотъ отецъ-то этого самаг хомщика“, который теперича „аллилуія“ поетъ, онъ хлѣбомъ торгуетъ да зѐмли скупаетъ. Землй у него т тыщи десятинъ. Вотъ намъ теперича доподлинно извѣ него, окромя всѣхъ прочихъ, два имѣнья есть—въ одном десятинъ и въ другомъ тыща. Стало-быть, они у него лѣ больше двадцати во владѣніи, а онъ въ нихъ ни ра бывалъ. Не видалъ, какая тамъ у него земля есть. При съѣздятъ, всѣмъ распорядятся, хлѣбъ соберутъ, денежки чатъ, а онъ сидитъ себѣ, на счетахъ пощелкиваетъ. Ста онъ теперича китайской земли тоже тыщу десятинъ купит казчика пошлетъ, хлѣбъ соберетъ, денежки получитъ, на счетахъ пощелкивать будетъ. А я, стало-быть, долже пропить. На кой чортъ мнѣ эта китайская земля?!

Онъ на минуту пріунылъ, опустилъ голову, покачал потомъ какъ-то неожиданно, но апатично спросилъ:

— Вы изъ купцовъ будете?

Савельевъ прищурился, усмѣхнулся и отвѣтилъ за Вс

— Мы изъ крестьянъ.

Парень лѣниво, немного презрительно посмотрѣлъ н улыбнулся и сказалъ:

— Не похоже.

Вмѣшался сидѣвшій тутъ же пожилой мужикъ въ об ной одеждѣ:

— Отчего не похоже? У насъ въ волости два кресть сына въ студентахъ-то ходятъ. Ты думаешь: ты мужи ракъ, такъ и всѣ мужики дураки?

Парень насмѣшливо посмотрѣлъ на него и, выводя нoту на гармоникѣ, улыбаясь, сказалъ:

— Ты уменъ, я вижу.

Мужикъ вызывающимъ тономъ отвѣтилъ ему:

— Я-то глупъ, да все не такой дуракъ, какъ ты.

Савельевъ остановилъ ихъ:

— Да вы изъ-за чего ругаться начали?

Мужикъ отвѣтилъ:

— А такъ, время теперь горячее, военное,—какъ не р

Когда Всеволодъ и Савельевъ вернулись отъ запасныхъ изъ другого отдѣленія, Всеволодъ сказалъ:

— Да... у нихъ мобилизація, и у насъ тоже... и мы съ тобой попали въ мобилизацію.

Савельевъ усмѣхнулся и, помолчавъ, произнесъ, не то шутя, не то серьезно:

— Не по чужой ли очереди, какъ они?

Оба стали задумчиво смотрѣть въ окно.

VIII.

День двадцатый іюня начался въ усадьбѣ Кукурановыхъ тревожно съ самаго утра. Работникъ, выѣхавшій на парѣ лошадей съ сѣнокосилкой на луга, прискакалъ обратно верхомъ, держа другую лошадь въ поводу. Онъ слѣзъ у крыльца управляющаго и велѣлъ прислугѣ вызвать его. Игнатовичъ сейчасъ же вышелъ. Работникъ разсказалъ ему, что когда онъ пріѣхалъ на луга, тамъ уже косили мужики, и когда онъ спросилъ, что̀ это они дѣлаютъ, они безъ всякихъ разговоровъ со смѣхомъ бросились на него, выпрягли лошадей, сломали сѣнокосилку, а его съ лошадью прогнали въ поле.

Игнатовичъ крѣпко выругался. Нѣкоторое время въ задумчивости промолчалъ, потомъ сказалъ:

— Осѣдлай лошадь, скачи въ Груздевку и скажи Андрею Ѳедоровичу, что я прошу его распоряженій.

Работникъ пошелъ сѣдлать, Игнатовичъ вернулся къ себѣ. Онъ посмотрѣлъ на часы: идти доложить Софьѣ Петровнѣ было еще рано,—она спала. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, раздумывая, что̀ предпринять. Идти объясняться съ мужиками онъ не рѣшался: боялся быть избитымъ. Онъ смутно чувствовалъ, что волна народнаго движенія, охватившая уже сосѣднія губерніи, докатилась и до нихъ. Отношенія его къ крестьянамъ всегда были обостренныя: человѣкъ дѣловой, онъ не любилъ играть въ политику, не интересовался выгодами или невыгодами мужиковъ и зналъ лишь одно—заботу объ улучшеніи ввѣреннаго его управленію имѣнія. Кромѣ жалованья, онъ получалъ проценты изъ чистаго дохода. Человѣкъ пришлый, онъ не имѣлъ никакихъ связей съ окрестнымъ населеніемъ и смотрѣлъ на мужиковъ—какъ на рабочую машину. Съ его вступленіемъ въ управленіе имѣніемъ, были удалены нѣкоторые изъ мѣстныхъ

рабочихъ и замѣнены пришлыми. Кукурановы не могли нахвалиться его хозяйственностью, а мужики его возненавидѣли.

Луга, которые они теперь начали косить, были когда-то, при крѣпостномъ правѣ, въ пользованіи мужиковъ; но и послѣ освобожденія крестьянъ они всегда косились исполу, а вотъ уже два года, какъ Игнатовичъ упразднилъ испольныя работы. Онъ осушилъ всѣ болотистыя мѣста и вмѣсто осоки засѣялъ ихъ люцерной, и косить сталъ косилкой. Мужики вознроптали, но ничего подѣлать съ нимъ не могли. Значительную часть сѣна онъ продавалъ имъ же; но, лишенные заработка и лишенные половины того количества сѣна, которое они собирали, мужики почувствовали всю „тѣсноту" своего положенія. Они ходили съ жалобами и просьбами къ самой Софьѣ Петровнѣ, ходили къ Груздеву, какъ къ главноуправляющему имѣньемъ тестя, писали „бумагу" самому Кукуранову, почти никогда не бывавшему въ имѣньѣ, и все кончилось для нихъ ничѣмъ. Игнатовичъ настаивалъ на своемъ правѣ вести хозяйство такъ, какъ это выгоднѣе, а владѣльцамъ имѣнія важно было даже малое увеличеніе доходности его: при ихъ огромныхъ расходахъ у нихъ было столько своихъ нуждъ, что имъ было не до мужицкихъ. Всѣ ихъ совѣщанія по этому вопросу всегда кончались одной и той же неизмѣнной резолюціей: „Мы вступаемъ въ періодъ правильнаго хозяйничанія; для того и существуютъ сельскохозяйственныя орудія, чтобы возвышать доходность имѣнія. А если мужикамъ тѣсно, то пусть выселяются туда, гдѣ просторно. Существуютъ свободныя казенныя земли и переселенческій комитетъ, его дѣло заботиться о благосостояніи мужиковъ, а не наше,—они не крѣпостные наши. Если имъ не прокормиться земледѣліемъ, пусть идутъ въ отхожіе промыслы, ищутъ другихъ заработковъ: тогда сѣно и хлѣбъ нашего имѣнія къ ихъ услугамъ, пусть будутъ покупателями. Чѣмъ больше они заработаютъ на сторонѣ, чѣмъ будутъ сами богаче, тѣмъ и намъ выгоднѣе: продукты нашего имѣнія найдутъ сбытъ на мѣстѣ, а то, право, не знаешь, кто помѣщики—они или мы? Мы скоро сами перестанемъ получать доходы, и намъ жить будетъ нечѣмъ, а мужикамъ и такъ даются всякія льготы. На этихъ испольныхъ работахъ они своей небрежностью только портятъ наши поля и луга".

Мужики въ свою очередь разсуждали иначе:

— Отцы и дѣды наши эту землю косили, такъ кто же можетъ лишить насъ права пользоваться этимъ покосомъ. Царь освободилъ мужиковъ, а господа опять закабалили ихъ. Развѣ это не кабала, что загнали насъ въ болото, и ни къ какому

клочку земли приступу нѣтъ? Да этакъ-то мы и въ крѣпостное право не живали".

Слухи о дѣлежѣ помѣщичьей земли въ пользу мужиковъ, распространившіеся въ другихъ губерніяхъ, проникли и сюда, и какъ всегда бываетъ, что вѣрятъ тому, чему хочется вѣрить, мужики были убѣждены, что стоитъ „выкурить" помѣщиковъ, какъ комаровъ и мошекъ дымкомъ, и всѣ помѣщичьи земли перейдутъ въ крестьянское пользованіе этимъ же лѣтомъ. Иначе, де, изведутъ мужика, поставятъ на его мѣсто машину, и тогда ужъ ничѣмъ дѣла не поправить.

Игнатовичъ и Груздевъ, какъ насадители новыхъ порядковъ, при которыхъ машина замѣняла мужицкую силу, представлялись мужикамъ главными виновниками новаго закрѣпощенія. Глухая, затаенная, ненависть къ нимъ росла и крѣпла съ каждымъ днемъ. Игнатовичъ все это понималъ. Но онъ до такой степени былъ увѣренъ въ незыблемости землевладѣльческихъ правъ и считалъ такимъ важнымъ дѣло увеличенія доходности имѣнья, что никогда и не задумывался даже надъ возможностью измѣненія существующаго порядка отношеній между землевладѣльцами и крестьянами.

Но теперь онъ готовъ былъ укрыться за спину Груздева, какъ своего непосредственнаго начальника. Онъ зналъ, что Груздевъ раздѣляетъ его взгляды на веденіе хозяйства, что Груздевъ имъ доволенъ. Груздевъ—земскій начальникъ, въ его рукахъ власть, такъ вотъ пусть онъ какъ хочетъ, такъ и усмиряетъ мужиковъ. Принявъ такое рѣшеніе, онъ послалъ сказать въ барскій домъ, чтобы его позвали, какъ только Софья Петровна встанетъ, и чтобы предупредили ее, что ему очень нужно ее видѣть.

Софья Петровна уже проснулась; и какъ только сказали ей объ этомъ, она поспѣшила наскоро одѣться и велѣла позвать Игнатовича.

Когда онъ разсказалъ ей о случившемся, Софья Петровна совсѣмъ растерялась.

— Вѣдь это... что же это такое?.. Бунтъ!—говорила она, заикаясь и трясясь отъ волненія:—Вѣдь этакъ они и сюда придти могутъ... Вѣдь это... они насъ разнесутъ.

И прежде чѣмъ Игнатовичъ успѣлъ сказать ей что-нибудь, она, овладѣвъ собой и наморщивъ брови, рѣшительно сказала:

— Нѣтъ, ужъ я лучше уѣду. Вы тутъ расправляйтесь, какъ знаете. Велите мнѣ скорѣе заложить лошадей, мы съ Зиной сейчасъ же поѣдемъ въ городъ... къ губернатору.

Игнатовичъ сталъ успокаивать ее. Ея тревожное настроеніе

передалось и ему; но онъ понималъ, что *онъ* уѣхать не можетъ. Ей легко было сказать: „я уѣзжаю, а вы расправляйтесь тутъ, какъ знаете"; а ему сказать, что онъ уѣдетъ—это значило отказаться отъ службы, потерять выгодное мѣсто: это совсѣмъ не входило въ его планы. Можетъ быть, еще все кончится пустяками, и надо было именно теперь показать себя преданнымъ дѣлу. Если останется Софья Петровна, она все-таки можетъ говорить съ мужиками, какъ человѣкъ властный, какъ жена чиновника. За ея спиной Игнатовичъ считалъ себя въ большей безопасности; а если она уѣдетъ, онъ одинъ сдѣлается козломъ отпущенія. И онъ, стараясь казаться хладнокровнымъ и даже равнодушнымъ, говорилъ:

— Полноте, Софья Петровна. Это такіе пустяки, изъ-за которыхъ вамъ не стоитъ и безпокоиться. Я уже послалъ нарочнаго къ Андрею Ѳедоровичу; онъ пріѣдетъ, прикрикнетъ на мужиковъ, и кончится все тѣмъ, что они для насъ скосятъ косами сѣно, а стоимость сѣнокосилки мы съ нихъ взыщемъ.

Его голосъ былъ такъ убѣдителенъ, улыбочка не сходила съ его губъ, Софьѣ Петровнѣ такъ хотѣлось, чтобъ все было именно такъ, какъ говорилъ Игнатовичъ, что она начинала вѣрить ему и успокаиваться. Ей подали утренній кофе; она предложила чашку и Игнатовичу. Но не успѣли они еще взять чашки въ руки, какъ въ комнату вбѣжала, ворвалась какъ вихрь, босоногая, растрепанная дѣвочка—дочь лѣсника. Она ревѣла и кричала:

— Тятьку убили! Тятьку убили!

— Какъ? кто?—одновременно спросили, вставъ изъ-за стола и подходя къ ней, Игнатовичъ и Софья Петровна.

Всхлипывая сквозь слезы, дѣвочка отрывисто разсказывала:

— Мужики, мужики убили! Лѣсъ пришли рубить мужики. Много—вся деревня. Тятька не давалъ, ругался. А они ўчали рубить. Тятька выстрѣлилъ, въ мужика попалъ. А они на него съ топорами. Такъ и зарубили! А лѣсъ рубятъ... много мужиковъ... вся деревня... Ой, батюшки, тятьку убили!..

Дѣвочка легла на полъ, начала кататься и голосить:

— Ой, убили!.. Ой, сердешные, убили...

Растерянные, Софья Петровна и Игнатовичъ смотрѣли другъ на друга. Но Софья Петровна на этотъ разъ уже твердымъ голосомъ сказала ему:

— Лошадей! Сію же минуту лошадей!

Она позвонила. Прибѣжала горничная Зося, и Софья Петровна приказала:

— Скажи Θедору, чтобы сейчасъ же закладывалъ тройку въ коляску... въ городъ.

Игнатовичъ не пробовалъ и отговаривать ее. Въ свою очередь онъ сказалъ Зосѣ:

— Вели Ивану осѣдлать Красавчика: поѣдетъ въ Груздевку.

И, обратившись къ Софьѣ Петровнѣ, сказалъ:

— Напишите вы Андрею Θедоровичу сами, чтобы онъ вызвалъ солдатъ.

— Хорошо,—сказала Софья Петровна:—да я и сама ѣду къ губернатору.

Она пошла въ кабинетъ, потомъ вернулась, взяла свою чашку кофе и опять пошла туда, прихлебывая кофе, и наскоро написала письмо зятю.

Дѣвочку лѣсника увели на кухню—накормить и успокоить. Софья Петровна велѣла разбудить Зину и звать ее внизъ. Зосѣ было велѣно укладывать чемоданы. Игнатовичу давались послѣднія порученія, какъ поступить съ бунтовщиками и охранять усадьбу.

Зося вошла и сказала:

— Иванъ готовъ.

Софья Петровна передала ей письмо.

— Вотъ, отдай письмо и скажи, чтобы скакалъ какъ можно скорѣй къ Андрею Θедоровичу.

Зося вышла. Но прежде чѣмъ успѣли подать лошадей, Софья Петровна увидала въ открытое окно небывалое явленіе. По дорогѣ къ усадьбѣ ѣхалъ цѣлый обозъ мужицкихъ телѣгъ. Телѣги были пустыя и въ нихъ сидѣли, гдѣ по-одиночкѣ, гдѣ по-двое, мужики и бабы.

— Это что̀ еще такое?—обратилась она къ Игнатовичу.

Тотъ въ недоумѣніи пожалъ плечами и тоже сталъ смотрѣть въ окно. Обозъ въѣзжалъ на дворъ.

Софья Петровна, дрожа отъ волненія, сказала Игнатовичу:

— Идите, узнайте, что̀ это.

Блѣдный отъ страха, Игнатовичъ отправился къ мужикамъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся:

— За хлѣбомъ, изволите видѣть, пріѣхали.

— Что̀ же это—дневной грабежъ?

— Дневной грабежъ,—глухо отозвался Игнатовичъ, разводя руками:—требуютъ открыть амбары и отдать имъ весь господскій хлѣбъ.

— Что̀ же вы сказали?

— Сказалъ, что доложу вамъ, а они хохочутъ и кричатъ: „отпирай, не то замки сломаемъ“!

— Да что же это?.. что же это?.. — взволнованно ходя по комнатѣ, то вскрикивала, то шептала Софья Петровна.—Вѣдь это же настоящій бунтъ... это пугачевщина!.. Гдѣ же наши рабочіе? Велите имъ гнать разбойниковъ со двора.

Игнатовичъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, рабочимъ не справиться. Если мужики не послушаются васъ или не дождемся Андрея Өедоровича, тутъ поможетъ только воинская сила.—Выйдите и пригрозите имъ.

Софья Петровна, чтобъ скрыть страхъ, приняла негодующій видъ:

— Чтобы я пошла разговаривать съ ними? Да ни за что!.. Зина! Гдѣ же ты, Зина? Зося! Гдѣ барышня? Лошадей скорѣй!

Со двора доносился гулъ толпы. Слышались крики, хохотъ, шумъ двигающихся телѣгъ, и отъ времени до времени въ общій шумъ рѣзкой ноткой врывалось ржаніе лошадей.

Игнатовичъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ, опустивъ голову.

— Да идите же, унимайте ихъ!—говорила Софья Петровна: —что же вы стоите?

— А что я могу подѣлать?—убѣждалъ ее, въ свою очередь, трусившій Игнатовичъ. — Пойдемте вмѣстѣ. Что такое я? Маленькая сошка, управляющій. Вы—владѣлица, вы—Кукуранова. Страхъ передъ властью у нихъ еще не потерянъ. Выйдите къ нимъ.

У крыльца зазвенѣли бубенчики: кучеръ подавалъ тройку.

— Ну, вотъ,—сказалъ Игнатовичъ:—вамъ все равно надо выходить.

Спустилась сверху и Зина. Зося уже объяснила ей, въ чемъ дѣло, и дѣвочка вышла взволнованная, но какъ-то особенно оживленная. Ея лицо то блѣднѣло, то вспыхивало румянцемъ, глаза горѣли, губы были плотно сжаты и улыбались болѣзненной улыбкой.

— Зина,—сказала ей Софья Петровна:—тутъ бунтъ. Мы сейчасъ ѣдемъ. Одѣвайся.

Зина какъ-то странно посмотрѣла на мать и не торопилась двигаться съ мѣста.

Игнатовичъ, боясь остаться одинъ, продолжалъ стоять на своемъ:

— Выйдите къ нимъ. Можетъ быть, вы ихъ и такъ успокоите.

— Хорошо,—сказала наконецъ Софья Петровна. И рѣшительно пошла къ крыльцу.

Мужики, видя, что поданы лошади, толпой сгрудились у парадного крыльца.

Софья Петровна вышла и громко, взволнованно сказала:

— Вы что̀ тутъ бунтуете? Что̀ вамъ надо?

Нѣсколько голосовъ весело отвѣтили:

— Мы не бунтуемъ. Мы за хлѣбушкомъ пріѣхали. Отпирайте-ка амбары-то!

— Да какъ вы смѣете!—закричала Софья Петровна, забываясь и теряя самообладаніе.—Вѣдь васъ за это всѣхъ въ Сибирь сошлютъ.

— Ладно, разсказывай!—крикнулъ ей кто-то изъ толпы, и опять нѣсколько голосовъ загудѣло:

— Отпирайте! Пока мы сами не сломали. Вышла воля народу, чтобы землю и добро ваше мужикамъ, а васъ чтобы и духомъ здѣсь не пахло.

Все, что̀ когда-либо было въ душѣ Софьи Петровны властнаго, все, что̀ вѣками укрѣплялось въ ихъ роду самоувѣреннаго, гордаго, все сразу всплыло теперь наружу; и на дерзость толпы Софья Петровна съ дерзостью самозабвенія отвѣтила рѣзкимъ окрикомъ:

— А вотъ я сейчасъ поѣду къ губернатору! Онъ пришлетъ солдатъ, такъ вамъ покажутъ, какая вышла воля!

И повернувшись, она, дрожа отъ гнѣва, вошла обратно въ домъ.

Въ толпѣ раздались хохотъ и голоса:

— Ладно! Ѣздила одна такая-то!.. Ребята! выпрягай лошадей!

Семка, молодой парень, первый бросился къ пристяжной, чтобы снять постромки. Кучеръ съ козелъ хватилъ его кнутомъ.

— А-а, да ты еще драться!—крикнулъ Семка.—Погодь ужо̀! Ребята, бери!

И, прежде чѣмъ кучеръ успѣлъ опомниться, его стащили съ козелъ и, осыпая пинками и ударами, поволокли за ноги по двору.

Лошадей тѣмъ временемъ уже выпрягали, съ шутками, со смѣхомъ. Говорили:

— Что̀ же теперь дѣлать съ конями-то?

— Моя добыча!—крикнулъ Семка и вскочилъ на одну изъ пристяжныхъ.

Толпа отвѣтила дружнымъ смѣхомъ.

— А коли такъ, и я не буду плохъ,—сказалъ степенный мужикъ, державшій въ поводу коренника.—Конь-отъ добрый. Ну-ка, Василій, подсади!

рядомъ молодой парень помогъ мужику .
ошадь. Третью какой-то мужикъ уже уводилъ въ
ра.

во, ребята!—кричалъ Семка, сидя верхомъ на при-
ушай команду! Не робѣй! Не зѣвай! Дѣйст
вы, разбойники! — шутливо говорили въ т
овладѣли!

,—отзывался торжествующій Семка:—наша
тѣ. Прощенья просимъ.

уѣхалъ со двора къ тому мѣсту, гдѣ сто

баба, коня новаго купилъ!—подъѣзжая,
оявшей тутъ, у телѣги.

очилъ съ лошади, привязалъ ее за поводъ къ
ворилъ своей бабѣ:

и, караулъ. Конокрады не стибрили бы.
пойду.

проквнувъ оставленную у параднаго крыл
ся хлынула къ хлѣбнымъ амбарамъ. Ключни
лъ давать ключи, ему дали раза два по
принесъ ихъ.

двери амбаровъ распахнулись, и мужи
ачали таскать изъ сусѣковъ хлѣбъ. Таска
, ведрами, таскали въ мѣшкахъ, въ подолах
и въ шапкахъ, и все ссыпали въ привезен
ога. Закипѣла горячая работа.

Петровна, опустивъ голову на руки, сидѣла
иной. За подъемомъ гнѣва и безудержной с
адокъ. Когда ей сказали, что лошадей отп
жики, она никакъ не могла сообразить, что
.

менемъ нѣсколько мужиковъ, уже успѣвъ н
хлѣбомъ, забрались на барскую кухню и ш
у:

ютавъ, поѣсть бы.

поваръ дрожащими отъ испуга руками до
его было съѣстного, и все отдавалъ мужикам
похваливали, жевали и, выходя на крыльцо

а, подходи! Трактиръ новый открылся.

въ кухнѣ сейчасъ же начала рости. Ско
ѣсно, что не повернуться, до куска рукой

тянуться. Да и все съѣдобное оказалось разобраннымъ. Тогда сразу нѣсколько человѣкъ двинулись въ комнаты. Въ этомъ движеніи было что-то стихійное, непроизвольное. Все совершалось безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, безъ плана. Такъ вода, выступивъ изъ береговъ и не имѣя опредѣленнаго русла, растекается во всѣ стороны.

Кто-то изъ шедшихъ впереди сказалъ:

— Смотри-ка, ребята, никакъ тутъ ходъ въ подвалъ.

— Ой-ли!—радостно откликнулись задніе.—Поди-ка, и вино есть, заморское. Валяй, ребята, высаживай!

Подвалъ былъ закрытъ люкомъ съ висячимъ замкомъ. Откуда-то взялся ломъ. Засадили его подъ пробой, и четверка дюжихъ рукъ выворотила сразу и замокъ, и пробой.

Притащили изъ кухни свѣчку и спустились въ подвалъ. Но свѣчка оказалась ненужной: въ маленькія подвальныя окна свѣту проникало достаточно. Мужики и бабы, какъ муравьи, полѣзли внизъ по лѣстницѣ. Въ подвалѣ оказались полныя полки винъ, банокъ съ вареньемъ и консервовъ.

Пока толпа разносила хлѣбъ изъ амбаровъ, все шло еще чинно, несмотря на горячечную поспѣшность, съ которой каждый торопился захватить себѣ побольше. Но тамъ брали то, что̀ считали своимъ — хлѣбъ. Онъ ничѣмъ не отличался отъ того хлѣба, который всѣ получали и съ своихъ полей, которымъ питались каждый день: имъ не опьянишься, не объѣшься. Но когда въ сумракѣ подвала глазамъ первыхъ спустившихся туда мужиковъ и бабъ представилось то, что̀ до сихъ поръ было для нихъ лишь предметомъ грёзъ, запретнымъ плодомъ, одной изъ причинъ зависти къ барской сладкой жизни, одной изъ причинъ ненависти къ „празднымъ“ обладателямъ этихъ „благъ“, недоступныхъ изнывающему въ трудѣ батраку,—тогда всѣхъ начала охватывать страстная жажда скорѣе воспользоваться возможностью испытать неизвѣданное наслажденіе безграничной сытости сладкимъ и запретнымъ.

И начался разгромъ. Всякій тащилъ, что̀ могъ. Въ небольшомъ подвалѣ сразу стало тѣсно. Верхніе, стоя на узкой лѣстницѣ, требовали, чтобы ихъ пустили внизъ, — нижнимъ въ подвалѣ негдѣ было повернуться. Одни, нагрузившись, выползали, другіе протискивались на ихъ мѣсто. Копошился муравейникъ. Изъ люка протягивались вверхъ руки съ бутылками и банками; наверху, у люка, эти банки и бутылки перехватывались тѣми, кто, стоя тутъ на колѣняхъ или присѣвъ на корточки, былъ ближе, и опять передавались — дальше. У кого-то

нашлись карманные ножи со штопорами, сейчасъ же начали откупоривать бутылки, пить прямо изъ горлышка. Бабы хватались прежде всего за банки и жестянки, но не отставали и въ выпивкѣ, требуя отъ мужиковъ своей доли. Шумъ, говоръ, смѣхъ. Прежде чѣмъ подѣйствовало вино, толпа была уже опьянена самымъ разгуломъ этого разноса. Все ей казалось здѣсь забавно, ново, весело, неудержимо смѣло, хорошо!

А въ комнатахъ понемногу начинался разгромъ вещей. На дворъ тѣмъ временемъ пріѣхали опоздавшіе,—изъ колеблющихся. Увидя, что другіе насыпали полныя телѣги хлѣба, а амбары уже опустѣли, они набрасывались теперь прямо на то, что̀ первое попадалось на дворѣ подъ руку, и первыми полѣзли черезъ террасу въ домъ. Растерянная домашняя прислуга безпомощно смотрѣла на то, что̀ дѣлали мужики, боясь даже возражать имъ: примѣръ избитаго кучера и ключника подѣйствовалъ на всѣхъ устрашающимъ образомъ.

Игнатовичъ куда-то спрятался. Зося, бѣгавшая искать его на зовъ Софьи Петровны, вернулась ни съ чѣмъ. На дворѣ она видѣла, какъ мужики, увязавъ на телѣгахъ полога съ насыпаннымъ хлѣбомъ, нагружали поверхъ его разный домашній скарбъ. Одна изъ бабъ стащила изъ кухни самоваръ и, точно все еще чего-то боясь, засовывала его на телѣгу въ хлѣбъ. Другіе, чтобы не прозѣвать, начали хватать въ кухнѣ кастрюли.

И преданная барынѣ Зося схватила въ столовой серебряныя ложки, утащила ихъ въ свою комнату и заперла ихъ въ свой сундукъ. Потомъ пришла и сказала Софьѣ Петровнѣ:

— Давайте, барыня, еще, что̀ есть, прятать. Я скажу, что это мое, а послѣ отдамъ вамъ все.

— Оставьте, Зося, не стоитъ, — тихо, апатично сказала Софья Петровна, подавленная отчаяніемъ. — Только бы уѣхать, только бы выбраться изъ этого ада... Подите, поищите хоть какихъ-нибудь лошадей, только бы уѣхать, только бы вонъ отсюда.

А мужики и бабы съ шумными разговорами проходили и ходили по ея комнатѣ, не обращая вниманія ни на нее, ни на сидѣвшую въ углу Зину, какъ будто ихъ тутъ и не было. Ходили, ко всему присматривались и, что̀ поглянется, уволакивали.

Съ Зиной сдѣлалось что-то необычайное. Съ того момента, какъ начался разгромъ, она не произнесла ни слова. Она не отвѣчала или отвѣчала полусловами на вопросы матери и старалась не быть у нея на виду. Она долго, внимательно наблюдала за всѣмъ происходившимъ вокругъ, и ея глаза горѣли восторгомъ, губы были полуоткрыты. Потомъ, какъ-то неожиданно

даже для самой себя, она схватила лежавшіе на столѣ ключи и начала отпирать всѣ шкапы и ящики, стала вынимать изъ нихъ вещи, платье, посуду, бѣлье, все, что могла, и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ совала все это въ руки мужикамъ и бабамъ, наполнявшимъ комнату, входившимъ и уходившимъ. Тѣ принимали, иногда посматривали на вещи, потомъ на барышню, не то съ удивленіемъ, не то съ недовѣріемъ, — не обдѣлила бы она ихъ, — молча брали и поспѣшно тащили на свои телѣги.

Въ дѣйствіяхъ всѣхъ была такая торопливость, иногда порывистость, точно въ домѣ былъ пожаръ, и всѣ общими силами торопились спасти имущество. Одна только Софья Петровна, углубившись въ кресло, низко опустивъ голову, плакала, не отнимая платка отъ глазъ, чтобы ничего не видѣть.

На пожарахъ работаютъ быстро — быстро и здѣсь разнесли все. Какой-то хозяйственный мужичокъ снялъ съ петель печки мѣдную дверку и понесъ ее на телѣгу. Другой, чтобы не упустить своего, засунулъ руку въ трубу и вытащилъ вьюшки. Какой-то старикъ сталъ останавливать его, говоря:

— Что ты дѣлаешь? Расхищаешь! Вѣдь усадьба все равно наша будетъ. Это негоже печки портить.

— Ну, тамъ наша не наша, — дѣловито сказалъ мужикъ, тащившій вьюшки: — можетъ, будетъ твоя, а можетъ, и не твоя, а у меня вотъ дома нонѣ печку перекладываютъ, такъ мнѣ эти и годятся.

Добрыя, старыя вина, добытыя изъ стараго подвала, произвели свое дѣйствіе и вездѣ оставили свои слѣды и въ видѣ пустыхъ бутылокъ и всякой нечисти, и въ видѣ настроенія попировавшихъ. На ступенькахъ кухоннаго крыльца спала баба, — можетъ быть, и отъ усталости, — у амбара на землѣ подъ телѣгой спалъ, разметавъ по сторонамъ руки, мужикъ со слѣдами сардинокъ и варенья на бородѣ. Посреди двора два мужика и двѣ бабы, отнимая другъ у друга награбленное, ругались и дрались, собравъ вокругъ себя толпу, судившую, кто правъ, кто виноватъ. Молодой рыжеватый курчавый парень не ограничился барскимъ домомъ, а побывалъ и въ людскихъ, и стащилъ у кучера величайшую гармонику. Теперь, надвинувъ шапку на затылокъ, рыжий парень ходилъ взадъ и впередъ по двору и, наигрывая на гармоникѣ что-то жгучее, выкрикивалъ:

— Я къ забавочкѣ ходилъ,
Новы сапожкй сносилъ;
Не жалѣлъ я сапоговъ,
Потѣшалъ свою любовь!

Преданной своимъ господамъ Зосѣ не было никакихъ выгодъ участвовать въ дѣлежѣ расхищаемаго имущества: пришлая, ни съ чѣмъ здѣсь не связанная, она знала, что на господскія милости она можетъ разсчитывать еще и въ Петербургѣ. И съ искреннимъ участіемъ и самопожертвованіемъ она хлопотала, какъ бы теперь выручить барыню съ барышней изъ тяжелаго положенія. Она нашла пріятеля работника, тотъ заложилъ рабочую лошадь въ телѣгу и, незамѣченный въ ряду другихъ мужицкихъ телѣгъ, выѣхалъ въ боковой калиткѣ сада на малопроѣзжую полевую дорогу. Зося уговорила Софью Петровну бѣжать этимъ путемъ, и Софья Петровна пошла. Попавшіеся навстрѣчу мужики и бабы дали ей дорогу и, насмѣшливо поглядывая на нее, повидимому, еще ничего не рѣшали, какъ поступить съ владѣльцами имущества, которое сейчасъ безъ колебаній грабили. Сама Софья Петровна молчала и уходила, какъ бы ничего не слыша, не видя.

Привычка повиноваться старшимъ заставила и Зину пойти безпрекословно за матерью. Но, вся охваченная интересомъ къ совершающемуся, Зина съ такимъ трепетнымъ вниманіемъ смотрѣла по сторонамъ, стараясь уловить всѣ подробности разгрома, какъ будто эта картина казалась ей такой привлекательной, какой она еще никогда не видала.

Зося усадила ихъ въ телѣгу.

— Вы, барыня, уѣзжайте, а я останусь; я, что̀ можно, укараулю, спасу, да и вамъ лучше: какъ я здѣсь буду, такъ никто васъ еще не хватится, а въ случаѣ чего—скажу, что вы заперлись у себя наверху.

Едва Софья Петро́вна съ Зиной на своей телѣгѣ успѣли съ малой полевой дороги выбраться на большую, какъ имъ повстрѣчалась тройка Андрея Ѳедоровича. Онѣ остановились, и Груздевъ съ удивленіемъ призналъ тещу и своякеницу въ сѣдокахъ телѣги.

Софья Петровна разсказала ему, что̀ случилось, и уговаривала его не ѣздить въ усадьбу.

Груздевъ сначала хотѣлъ отправить ихъ въ своей коляскѣ въ городъ, а самъ на телѣгѣ вернуться.

— Не безпокойтесь, chère belle-mère, — съ самоувѣренной улыбкой говорилъ онъ:—со мной они такъ разговаривать, какъ съ вами, не посмѣютъ. За мной сейчасъ же идутъ солдаты; черезъ часъ или черезъ полтора они будутъ здѣсь. Я тѣмъ временемъ захвачу виновныхъ съ поличнымъ и буду знать, кого надо арестовать.

— Да, но они могутъ убить васъ, — съ сомнѣніемъ отвѣтила Софья Петровна, подавленная горемъ.

— Не убьютъ! — храбрясь, сказалъ Груздевъ: — я первому мерзавцу, который посмѣетъ подойти ко мнѣ, всажу пулю въ лобъ.

Но потомъ, пораздумавъ, онъ сказалъ:

— А вотъ я боюсь за васъ: чтобы съ вами чего-нибудь не случилось. А тамъ въ усадьбѣ, конечно, я одинъ пока-что уже ничего не спасу.

Софья Петровна, грустно покачавъ головой, сказала:

— Да и спасать уже нечего: все растащено.

Груздевъ помолчалъ, подумалъ и потомъ рѣшительно сказалъ:

— Садитесь. Я довезу васъ до города. Я вѣдь только о васъ и безпокоился, такъ спѣшилъ. Теперь, зная, что вы въ безопасности, я успѣю прибыть туда съ войскомъ.

Поступая такъ, онъ не только побаивался за себя, но и считалъ неудобнымъ пріѣхать въ усадьбу въ телѣгѣ: онъ боялся, что этимъ будетъ нарушенъ престижъ власти. А послать Софью Петровну съ Зиной въ телѣгѣ въ городъ тоже казалось неудобнымъ.

Они сѣли всѣ вмѣстѣ въ коляску и направились къ городу. Работнику въ телѣгѣ велѣно было не возвращаться въ усадьбу, а ѣхать также въ городъ. Груздевъ хотѣлъ имѣть въ немъ свидѣтеля-очевидца разгрома при докладѣ губернатору.

А въ усадьбѣ, между тѣмъ, еще и черезъ часъ и черезъ два послѣ отъѣзда Софьи Петровны продолжали разносить все, что̀ еще оставалось нерастащеннымъ отъ огромнаго имущества. Изъ мебели остались пока еще на мѣстахъ только самыя громоздкія, не легко сдвигаемыя вещи. Вытаскавъ всѣ вьюшки и выломавъ печныя дверцы во всѣхъ печкахъ, отвинчивали ручки у дверей и рамъ. Кто еще былъ потрезвѣе, тащили что̀ можно, — пьяные, съ пѣснями, уже уѣзжали со двора.

Только молодой парень, овладѣвшій кучеровой гармоникой, не обращая теперь ни на кого вниманія, сидѣлъ на террасѣ и, какъ изступленный, наяривалъ плясовой мотивъ.

Старая баба, въ обтрепанной посконной юбкѣ и заплатанной, полинявшей ситцевой кофтѣ, подошла къ нему и рѣзкимъ, хриплымъ голосомъ сказала:

— Ну, Васютка! Будетъ тутъ тебѣ барствовать-то! Подымайся! Я телѣгу увязала—къ дому пора.

Парень было-пріостановился; пьяными глазами посмо на мать; улыбнулся во всю ширь; не вставая, перекинулъ съ одной на другую, — и громче прежняго заревѣла у не рукахъ гармоника.

И въ этотъ мигъ, какъ отдаленный раскатъ грома, і шался въ полѣ за усадьбой грохотъ барабана. Подходили со:

А. Луговой

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

И

ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

XXII *).

Въ то время, какъ равноапостольные братья Кириллъ и Меѳодій вели въ Тавридѣ мирную проповѣдь и разыскивали мощи святого Климента, нѣсколько сотъ русскихъ кораблей, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ, неожиданно подступили къ Константинополю 18-го іюня 860 года,—тѣхъ кораблей, которые еще недавно, чуть не наканунѣ, осмѣлились сдѣлать нѣсколько дерзкихъ набѣговъ на византійскія владѣнія въ Тавридѣ. Но то были, очевидно, первыя попытки, а теперь русскіе обложили столицу съ моря и съ суши. Императора Михаила не было въ столицѣ; онъ былъ въ Малой Азіи, въ походѣ противъ арабовъ, а городомъ управлялъ стратегъ Никита Орифа. Въ нашествіи русскихъ видѣли кару Божію.

„Развратная столица — говоритъ историкъ — преобразилась. Ростовщики стали творить милостыню; забывшіе о храмѣ сдѣлались вдругъ богомольными. Вмѣсто веселія—всюду угрюмыя лица, поникшіе взоры. Плачъ и рыданія оглашали воздухъ. Изрѣдка разносился хотя и ложный, но страшный слухъ: — Варвары

*) См. выше: октябрь, 556 стр.

(т.-е. русскіе) уже перелѣвли черезъ стѣны и взяли городъ". Пока дано было знать императору объ опасности, патріархъ Фотій среди общаго унынія, прерываемаго литіями и моленіями, произнесъ первое слово о нашествіи русскихъ, которое исторія сохранила намъ полностью. „Не теперь надлежало рыдать,— поучалъ энергичный пастырь, — а быть благоразумными во всю жизнь; не теперь раздавать богатства, когда и самъ не знаешь, будешь ли владѣть ими, а раньше воздерживаться отъ чужого, когда настоящая кара еще не постигла насъ; не теперь оказывать милость, когда жизнь готовы отнять у насъ, а рвньше, когда у насъ была власть; не теперь ходить ко всенощнымъ службамъ, ударять себя въ грудь, воздѣвать руки къ небу и стенать, когда на насъ направлены острыя жала смерти, а раньше упражняться въ добрыхъ дѣлахъ и раскаиваться въ злыхъ дѣяніяхъ. Горе мнѣ, что вижу, какъ туча варваровъ увлажняетъ кровію окаменѣвшій во грѣхахъ городъ нашъ! Горе мнѣ, что дожилъ до этихъ несчастій и нѣтъ исхода изъ нихъ! Уже грубые и жестокіе варвары расхищаютъ городскія предмѣстія! Проливайте слезы, ибо умножилось зло—и нѣтъ спасителя, нѣтъ помощника! Настало, братіе, время прибѣгнуть къ Матери Слова, единой нашей надеждѣ и прибѣжищу. Къ Ней воззовемъ съ благоговѣніемъ: спаси городъ Твой, какъ сама знаешь, Владычица! Помолимся Ей, дабы разсѣяла тучи враговъ и озарила насъ лучами спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ настоящаго гнѣва!"

Окого 20-го іюня, возвратился императоръ и съ трудомъ проникъ въ столицу. Объ оборонѣ никто не думалъ,—такъ всѣ были убиты бѣдствіемъ, и уже 24-го іюня Михаилъ началъ переговоры съ русскими о мирѣ, а 25-го заключилъ „миръ и любовь", и въ тотъ же день, послѣ обнесенія вокругъ города патріархомъ раки съ ризой Богоматери, русскіе, получивъ хорошій откупъ, отступили отъ Константинополя, а вмѣстѣ съ ними отошла, по выраженію Фотія, и „страшная гроза"; народъ вмѣстѣ съ митрополитомъ возблагодарилъ Заступницу за избавленіе отъ ожидаемаго плѣна.

Послѣ ухода русскихъ, опустошившихъ византійскую казну, положеніе импер. Михаила, и безъ того непрочное, стало еще болѣе шаткимъ. Въ это время въ придворныхъ сферахъ сталъ выдвигаться нѣкій Василій, прозванный Македоняниномъ, такъ какъ его мать была македонская славянка. Въ молодости Василій былъ простымъ конюхомъ, но, благодаря своему атлетическому сложенію и красотѣ, скоро сталъ замѣтенъ на столичномъ гипподромѣ, гдѣ собиралась вся византійская знать, до безумія

увлекавшаяся ристалищами и выше ставившая конюховъ и жокеевъ, чѣмъ своихъ правителей.

Василій воспользовался своими внѣшними качествами, приблизился къ императору, также увлекавшемуся гипподромомъ, и не менѣе того женщинами, а еще болѣе попойками, за что̀ Михаилъ получилъ почти лестное въ его время прозваніе „кесарявьяницы". Василій не дремалъ: снискалъ довѣріе и дружбу императора, возвысившаго его до степени куропалата (собственно — смотрителя дворца, а по нынѣшнему — министра двора) и незамѣтно собиралъ вокругъ себя недовольныхъ правленіемъ, и въ одну изъ осеннихъ ночей 867 г. вывелъ пьянаго Михаила изъ дворца и предательски убилъ его. Въ ту же ночь, византійскій Биронъ, такой же безпощадный въ преслѣдованіи своихъ враговъ, какъ и курляндскій конюхъ, былъ провозглашенъ императоромъ, подъ именемъ Василія I (867 — 886), и тѣмъ положилъ основаніе македонской, собственно славянской династіи.

Правленіе умнаго и энергичнаго Василія прошло въ жизни Херсонеса очень тихо. При этомъ императорѣ городъ выпускалъ собственную мѣдную монету съ начальной буквой имени императора и крестомъ. Въ раскопкахъ эта монета—самая распространенная. Она не чеканная, а литая, грубой работы. Подобная же монета встрѣчается съ перерывами и позднѣе, вплоть до Василія II и Константина IX (975—1025). По мнѣнію Косцюшки-Валюжинича, такая монета выдѣлана, несомнѣнно, на мѣстѣ. „Она—говоритъ Косцюшко—вытѣсняетъ всякую другую и прямо поражаетъ своимъ обиліемъ". Въ раскопкахъ найдено и нѣсколько золотыхъ монетъ съ именемъ Василія I и его сына, соправителя Константина VI, но не мѣстнаго чекана.

Конецъ IX-го и начало X-го вѣка прошли въ жизни Херсонеса также спокойно. — Разъ только лѣтопись отмѣчаетъ, что херсонесцы, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ императора Льва VI (наслѣдника и сына Василія, 886—912), который велъ крайне неудачную борьбу съ болгарами, возстали и умертвили императорскаго намѣстника, стратега Симеона (около 891 г.). Но причины такого возстанія не ясны.

Сосѣдніе съ Херсонесомъ хозары въ этотъ періодъ все болѣе и болѣе теряютъ значеніе. Ихъ тѣснитъ новое тюркское племя— мадьяры или, какъ ихъ называютъ византійскіе историки, турки, а за ними явились изъ-за уральскихъ степей этнографически родственные мадьярамъ печенѣги; они оттѣснили отъ Херсонеса не только хозаръ, но и мадьяръ, которые должны были искать имъ кочевій далѣе на западѣ, а сами печенѣги на довольно

долгое время стали не только сосѣдями Херсонеса, но и его помощниками въ торговлѣ съ сѣверомъ и востокомъ.

Послѣ упомянутаго нашествія русскихъ на Тавриду и Константинополь, связи русскихъ съ Тавридой и Византіей ростутъ и крѣпнутъ, и исторія Херсонеса, Византіи и Руси все болѣе и болѣе переплетаются. Херсонесъ въ это время сдѣлался главнымъ торговымъ пунктомъ, черезъ который направлялись товары Византіи, Малой Азіи и болѣе отдаленныхъ странъ на сѣверъ Руси и обратно. По замѣчанію проф. Будиловича, „Херсонесъ въ это время хотя и не былъ особенно близокъ къ Руси, но составлялъ для нея почти такой же неизбѣжный и знакомый рынокъ, какой для нашихъ деревень составляютъ ближайшіе къ нимъ города,—такъ какъ здѣсь русскіе пріобрѣтали для себя всѣ произведенія византійско-азіатской промышленности и искусствъ и сбывали свое сырье. Отсюда шло и христіанство, и современная наука. Такимъ образомъ, Херсонесъ былъ какъ бы культурнымъ мостомъ между Византіей и Русью".

По словамъ Константина Порфиророднаго, ближайшее къ Херсонесу племя печенѣговъ состояло въ договорѣ съ имперіей и несло службу въ сношеніяхъ Византіи и Херсонеса съ другими народами сѣвера. Посольства и караваны отправлялись изъ Херсонеса подъ охраной печенѣговъ, которые выдавали заложниковъ въ обезпеченіе безопасности пути, и за это получали отъ императора соотвѣтственные дары... О размѣрахъ торговли Херсонеса говоритъ большая премія, которую получалъ городъ отъ императора,—по словамъ Константина, десять литръ [1]) золота и еще двѣ по уговору.

Тотъ же вѣнценосный историкъ сообщаетъ, что византійскіе императоры должны были жить съ печенѣгами (какъ и съ хозарами) въ дружбѣ и добромъ согласіи, дабы удерживать повторявшіеся все чаще и чаще набѣги русскихъ на Византію и на Корсунь. Однако, въ данномъ случаѣ дружба съ печенѣгами мало помогала византійцамъ: набѣги русскихъ повторялись, и въ царствованіе того же Льва II русскій князь Олегъ Вѣщій „пошолъ на греки" и „прибилъ свой щитъ на вратахъ Царя-града" (около 907 г.), какъ говоритъ поэтъ, другими словами, возвратился съ побѣдой и хорошей добычей.

Въ 912 году скончался Левъ VI, прозванный за свою ловкую политику Мудрымъ, и властителемъ Херсонеса сталъ шестилѣтній сынъ Льва, Константинъ VII, прозванный Багрянород-

---

[1]) Единица вѣса—около фунта.

нымъ (Порфирогенетъ). За его малолѣтствомъ, короткое время (912 — 913) правилъ съ именемъ императора его дядя Александръ, родной братъ Льва, а затѣмъ, именемъ Константина правила его мать Зоя и совѣтники, среди которыхъ видную роль игралъ начальникъ флота Романъ Лакопенъ, изъ армянъ.

Къ этому времени относится интересное письмо константинопольскаго патріарха Николая Мистика къ епископу херсонесскому. Въ этомъ письмѣ патріархъ воздаетъ хвалу епископу за его заботы о просвѣщеніи свѣтомъ христіанства какого-то народа, „обманутаго и едва не уловленнаго злымъ демономъ изъ нѣдръ благочестія". Патріархъ предлагаетъ архипастырю Херсонеса избрать достойное лицо въ епископы для этого народа и прислать его въ Константинополь для посвященія. Отсюда ясно, что въ это время Херсонесъ въ лицѣ своихъ духовныхъ пастырей занимался самостоятельной проповѣднической дѣятельностью. А разъ дѣло идетъ о цѣломъ народѣ, то, видно, миссіонерская дѣятельность была широка, а въ данномъ случаѣ и успѣшна.

Несомнѣнно, въ Херсонесѣ подготовлялась почва, чтобы въ будущемъ принять въ свое христіанское лоно и языческаго князя Владимира.

Роману при его умѣ не трудно было устранить отъ правленія непользовавшуюся популярностью Зою, захватить власть въ свои руки и править имперіей въ качествѣ регента и съ именемъ Романа I (919—945), а когда Константинъ подросъ, — Романъ выдалъ за него свою дочь Елену, захватилъ въ свои руки всю власть и придумалъ для себя титулъ „василеопатера" (отца царя).

Въ правленіе Романа I, русскій князь Игорь совершилъ свой первый и неудачный походъ на Константинополь (941 г.). Патрицій Ѳеофанъ сжегъ „греческимъ огнемъ" суда Игоря, и русскому князю пришлось возвратиться на родину сухимъ путемъ, занимаясь грабежомъ и разбоемъ.

Впослѣдствіи между Игоремъ и Романомъ былъ заключенъ договоръ, дошедшій до насъ полностью.

По договору, въ которомъ Херсонесъ вездѣ называется Корсунемъ, русскій князь не долженъ присвоивать себѣ власти надъ Корсунемъ, а равно русскіе не должны обижать корсунянъ, приходящихъ къ устью Днѣпра ловить рыбу, а равно русскій князь обязанъ защищать корсунянъ отъ нападеній „черныхъ болгаръ".

Судя по этому договору, корсуняне уходили далеко на рыбный промыселъ, который, очевидно, составлялъ важную статью

народнаго хозяйства и доходовъ. Интересны дальнѣйшія подробности, сообщаемыя лѣтописцемъ по этому поводу. Присланные отъ императора въ Кіевъ послы сказали князю: „Царь радъ миру и хочетъ имѣть любовь съ княземъ русскимъ. Твои послы,—говорили они князю,—приводили нашихъ царей (Василія и Константина) къ присягѣ, а цари послали насъ привесть къ присягѣ тебя и мужей твоихъ“.

На другое утро, Игорь собралъ пословъ своихъ на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Здѣсь князь и некрещенные русскіе положили свое оружіе, щиты и золото и клялись, а крещенные присягали въ церкви св. Ильи. По окончаніи присяги, Игорь одарилъ пословъ мѣхами, воскомъ и рыбой и отпустилъ ихъ.

Съ удаленіемъ Романа, вся полнота власти перешла къ Константину VII, который до этого вынужденъ былъ заниматься науками и искусствами и въ это время писалъ свое обширное сочиненіе „О фемахъ“, т.-е. о византійскихъ провинціяхъ. До насъ дошло только три главы этой интересной исторіи, написанной державнымъ историкомъ, въ томъ числѣ и послѣдняя глава (53-я), относящаяся спеціально къ Херсонесу.

XXIII.

9-го ноября 959 года, скончался Константинъ Багрянородный, и на престолъ вступилъ его сынъ Романъ II (959—960), вмѣстѣ съ которымъ онъ изображался на позднѣйшихъ монетахъ, которыя въ изобиліи встрѣчаются въ раскопкахъ Херсонеса. Еще за три года до смерти отца, юный Романъ II влюбился въ очень популярную въ столицѣ красавицу Анастасо. Стоустая молва называла ее дочерью столичнаго кабатчика, хотя оффиціальныя хроники называютъ ее „дѣвицей благороднаго происхожденія“. Анастасо, когда стала входить въ моду, перемѣнила свое простонародное имя на болѣе звучное и аристократичное—Теофано. Лѣтописецъ и современникъ, Левъ Діаконъ, говоритъ, что „Теофано была самой замѣчательной и очаровательной красавицей и утонченнѣйшей женщиной своего времени“.

Первымъ правительственнымъ актомъ новаго правителя Романа II было извѣщеніе всѣхъ государей о вступленіи на престолъ „василевса космократора“ (царя и властителя міра) Романа II. Великолѣпныя грамоты, писанныя золотомъ, серебромъ и киноварью, смотря по значенію лица, были разосланы во всѣ концы

извѣстнаго въ то время міра и, между прочимъ, „Еленѣ, великой княгинѣ кіевской, благочестивой архонтессѣ Россовъ".

Царствованіе Романа II не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ въ жизни Херсонеса, и о немъ только говорятъ дошедшія до насъ въ большомъ числѣ мѣдныя монеты, носящія на себѣ нѣкоторые бюсты, большинство же—монограмму императора и крестъ.

Старыя дворцовыя интриги и заговоры на жизнь императора начались вскорѣ по вступленіи его на престолъ, и уже 15-го марта 963 г. столицѣ стало извѣстно, что императоръ внезапно заболѣлъ и скоропостижно скончался. Молва обвинила въ его смерти красавицу-жену, о связи которой съ извѣстнымъ полководцемъ и побѣдителемъ арабовъ Никифоромъ Фокой ходили упорные слухи.

За смертью мужа, Теофано сдѣлалась регентшей, такъ какъ оба ея сына, Василій II (род. 957 г.) и Константинъ VIII (род. 961 г.) были еще дѣтьми; кромѣ того, у нея было еще двѣ дочери — Ѳеодора, вышедшая впослѣдствіи замужъ за саксонскаго императора Оттона II, и Анна, родившаяся въ годъ смерти Романа и выданная потомъ замужъ за русскаго князя Владимира. По византійскимъ обычаямъ, оба малолѣтніе князя еще при жизни отца были вѣнчаны на царство, что въ то время было необходимо въ цѣляхъ упрочить за ними при помощи церкви шаткое право на престолъ.

Энергичный и счастливый въ войнѣ Никифоръ, находившійся въ то время въ Малой Азіи, поторопился возвратиться въ Константинополь, хотя и съ опасностью поплатиться головой у ногъ своего заклятого врага, евнуха Вринги, фактически правившаго имперіей. Никифору и здѣсь повезло: народъ его торжественно встрѣтилъ, какъ побѣдителя арабовъ; онъ ловко воспользовался моментомъ и, опираясь на преданную ему армію, принудилъ Врингу отказаться отъ должности, захватилъ власть въ свои руки, и 16-го августа того же года патріархъ Поліевктъ повѣнчалъ Никифора Фоку на царство, при живыхъ малолѣтнихъ императорахъ. Но Никифоръ былъ дальновиденъ и остороженъ: онъ именовалъ себя только „опекуномъ надъ царями самодержцами до ихъ совершеннолѣтія".

Черезъ мѣсяцъ послѣ вѣнчанія Никифора на царство, состоялось его бракосочетаніе съ Теофано, тяготившейся опекой двухъ старыхъ евнуховъ — министра и патріарха. Трудно, конечно, предполагать, чтобы 21-лѣтняя вдова могла полюбить 50-ти-лѣтняго угрюмаго, сухого и некрасиваго полководца. Скорѣе всего здѣсь игралъ простой житейскій разсчетъ.

Въ критическую минуту Никифоръ обратился къ крайне опасной финансовой мѣрѣ: уменьшенію вѣса монеты съ сохраненіемъ ея нарицательной стоимости. Фактъ, который надо знать археологу Херсонеса, чтобы не сбиться въ оцѣнкѣ монетъ этого времени. Правда, это была довольно обычная мѣра въ средніе вѣка, но въ данномъ случаѣ она переполняла чашу терпѣнія. А тутъ еще голодная столичная чернь по временамъ открыто негодовала на царя за то, что имъ не раздавались хлѣбъ, вино и деньги.

Надъ сѣдой головой угрюмаго Никифора все болѣе и болѣе сгущались тучи и готовилась буря-гроза, и въ то же время все ярче разгоралась заря новаго героя—счастливца армянина Іоанна Цимисхія, къ которому видимо тяготѣло и сердце Теофано. Молва уже говорила о связи Цимисхія съ красавицей-императрицей. Онъ не терялъ времени и съ помощью подкупленныхъ евнуховъ не только сносился съ Теофано, но даже видѣлся съ нею въ недоступныхъ постороннему покояхъ царскаго гинекея [1]). На этихъ свиданіяхъ рѣшено было убить Никифора съ тѣмъ условіемъ, что Теофано станетъ женой Цимисхія и сдѣлаетъ его царемъ.

Ждать было опасно; и вотъ, въ ночь съ 10-го на 11-ое декабря 969 г., заговорщики, переодѣтые въ женскія платья, по одному были проведены въ гинекей. Теофано лично скрыла ихъ въ безчисленныхъ комнатахъ и закоулкахъ дворца. При наступленіи роковой ночи, Никифоръ получилъ записку такого содержанія: „Царь! знай: этой ночью тебѣ готовятъ ужасную смерть. Прикажи обыскать гинекей: тамъ спрятаны люди, пришедшіе убить тебя“. Царь приказалъ начальнику евнуховъ обыскать весь дворецъ, но тотъ не нашелъ никого.

Былъ пятый часъ утра, когда, по словамъ одной арабской лѣтописи, Теофано сама ввела заговорщиковъ въ опочивальню. Цимисхій вошелъ послѣднимъ. Заговорщики, примѣтивъ отягченнаго дремотой и обманутаго ласками жены императора, который по обыкновенію спалъ въ углу комнаты, на шкурѣ пантеры, подъ образомъ Спасителя и Богоматери, бросились на него точно хищные звѣри, и одинъ изъ нихъ уже ошеломилъ ударомъ меча пробудившагося отъ шума императора, который только успѣлъ сказать: „Божья Матерь, помоги мнѣ!“, какъ на него набросился самъ Цимисхій съ угрозой и бранью... Медлить было нельзя и опасно; тогда одинъ изъ заговорщиковъ наноситъ царю смертельную рану ножомъ...

---

[1]) Женская половина дворца.

Съ Никифоромъ все было кончено, и Цимисхій торопился облечься въ царскія одежды. Убійцы, сторонники Цимисхія, и прибѣжавшіе защищать Никифора кричали въ царскихъ покояхъ: „Многая лѣта самодержцу Іоанну, нашему великому государю! Многая лѣта царямъ нашимъ Василію и Константину!"

Веселый, обаятельный и обладавшій исполинской силой Іоаннъ Цимисхій, въ то же время отличный полководецъ и искусный дипломатъ, приложилъ всѣ усилія, чтобы искупить хорошимъ правленіемъ свое позорное дѣяніе надъ императоромъ, которому нѣкогда самъ помогалъ облечься въ порфиру. Патріархъ отказался короновать Цимисхія, пока онъ не оправдается въ убійствѣ. Тогда Цимисхій свалилъ вину на Теофано и не только не принялъ ея руки, но даже удалилъ ее въ монастырь, а самъ женился на царевнѣ Ѳеодорѣ, дочери Константина Багрянороднаго, и еще больше своего предшественника напомнилъ о правахъ юныхъ царевичей, Василія II и Константина VIII. Все это, вмѣстѣ взятое, разомъ создало популярность новому правителю.

Вскорѣ Цимисхію представился случай поправить ошибку Никифора въ отношеніи Святослава, который, въ началѣ 971 г. захвативъ у болгаръ Переяславецъ и въ надеждѣ дальнѣйшихъ побѣдъ и завоеваній, уже сообщилъ въ Царьградъ: „Хощю на вы ити и взяти вашъ градъ, яко и сей". Однако, весной того же года Цимисхій и съ суши, и со стороны рѣки окружилъ Святослава гораздо болѣе сильнымъ и войскомъ, и флотомъ. Русскій князь выдержалъ тяжелую двухмѣсячную осаду, послѣ которой вынужденъ былъ заключить миръ, главнымъ условіемъ котораго Святославъ далъ такое обязательство: „Яко же николиже помышлю на страну вашю, ни собираю вой, ни языка иного не приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Греческою, ни на власть Корсунскую и елико есть городъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да и никто помыслитъ на страну вашю, да и азъ буду противненъ ему и борюся съ нимъ".

Такимъ образомъ, по этому миру Херсонесъ съ его владѣніями не только избавлялся на нѣкоторое время отъ покушеній на него русскихъ, но они даже приняли на себя обязательство охранять его родъ отъ постороннихъ покушеній. Отсюда же ясно, что Херсонесъ того времени все еще имѣлъ большое значеніе въ механизмѣ Византійской имперіи, разъ въ условіяхъ мира о немъ говорятъ первымъ, даже тогда, когда русскіе не дѣлали и покушеній на богатый торговый городъ.

Однако, несмотря на мудрое правленіе Цимисхія, не долго свѣтилась на небѣ его звѣзда. Въ августѣ 975 г., когда Ци-

мисхій возвращался изъ побѣдоносснаго похода въ Сирію, появилась, по словамъ историка Льва Діакона, „удивительная, необыкновенная, превышающая человѣческое понятіе комета". Современные астрологи увѣряли, что она предвѣщаетъ царю что-то недоброе. Другіе, уже post factum, утверждали, что комета между прочими бѣдствіями предрекала и взятіе Херсонеса Владиміромъ. Дѣйствительно, 10-го января 876 г. почти внезапно скончался Цимисхій. Молва упорно твердила, что его опоилъ ядомъ его же первый министръ, евнухъ Василій.

XXIV.

Константинополь, въ ту эпоху, занималъ мѣсто современнаго Лондона или Парижа, а Херсонесъ Таврическій былъ громаднымъ по тому времени торговымъ центромъ.

„Византійцы—говоритъ Герцбергъ—были тогда почти единственными посредниками восточно-азіатской торговли того времени съ западными и сѣверными странами, такъ какъ всѣ индійскіе и китайскіе товары приходили къ нимъ по средне-азіатской караванной дорогѣ и чрезъ Хозарскую землю. Византійскія монеты преобладали въ тогдашнемъ мірѣ, за исключеніемъ восточныхъ халифатовъ, и византійцы снабжали западныя страны нужной имъ золотой монетой, которая обращалась тамъ нѣсколько вѣковъ позднѣе"...

Относительно наукъ и искусства говорить нечего: Константинополь стоялъ во главѣ всей Европы. Какъ было, при такихъ условіяхъ, не принять религію Царьграда и не породниться съ его царскимъ домомъ. И русскій князь Владиміръ рѣшилъ это сдѣлать. Для этого надо было отправиться либо въ Константинополь, либо въ Корсунь.

Идти въ столицу Византіи съ войскомъ было далеко, трудно и не по средствамъ, а безъ войска—для русскаго князя, грозившаго имперіи походомъ, и не безопасно; къ тому же здѣсь онъ рисковалъ жизнью, и могъ не получить руку Анны. И Владиміръ *мирно* направился въ Корсунь; отсюда онъ разсчитывалъ воздѣйствовать на царей и здѣсь же положить начало своей грандіозной реформы, обновившей всю Русь. Но почему же онъ, однако, шелъ съ большимъ войскомъ? На это было много причинъ. Во-первыхъ, было небезопасно двигаться по враждебнымъ печенѣжскимъ степямъ, гдѣ еще не такъ давно сложилъ голову князь Святославъ съ своей вѣрной, но усталой дружиной.

Во-вторыхъ,—не гоже было великому князю правителю Русской земли идти на крещеніе съ малымъ числомъ людей. Да, наконецъ, для воздѣйствія, надо было имѣть съ собой внушительныя силы. Владиміръ собралъ ихъ и весной 988 г. былъ подъ стѣнами Корсуня. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ ближайшій свидѣтель событій, лѣтописецъ Несторъ.

„Въ лѣто 6496 (988 г.) иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьскый, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, и задали града стрѣлище едино [1]), и боряхуся крѣпко изъ града; Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: „Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта". Они же не послушаша того, Володимеръ же изряди воа своа и повелѣ приспу [2]) сыпати къ граду. Симъ же спущимъ Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть и ношаху к себѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. И се мужъ Корсунянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: „Кладези, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идетъ по трубѣ, копавъ, перейми".

„Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: „Аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещу". И ту абье повелѣ копати преки трубамъ и прояша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашеся. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаголяще сице: „Се градъ ваю славный взяхъ; слышу же се, яко сестру имате дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ". И слышаста царя, быста печальна и вздаста вѣсть, сице глаголюща: „Не достоить хрестеаномъ за поганыя даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нама единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя.

„Се слышавъ, Володимеръ рече посланымъ отъ царю: „Глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дней законъ вашъ и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послани нами мужи". И си слышавша царя рада быста и умолиста сестру свою, имяненемъ Аньну и посласта къ Володимеру, глаголюща: „Крестися и тогда послевѣ

---

[1]) Разстояніе полета стрѣлы.

[2]) Насыпь.

сестру свою къ тобѣ". Рече же Володимеръ: „Да пришедъше съ сестрою вашею, крестятъ мя"...

Въ греческой церкви существовалъ обычай, какъ видно изъ требника, давать крещаемымъ имена святыхъ, какіе придутся чрезъ седмицу дней послѣ крещенія. Въ 988 г., Пасха Христова была 8-го апрѣля; св. Василія Парійскаго было 12-го апрѣля, а св. Василія Амасійскаго—26-го апрѣля. Посему можно думать, что крещеніе Владиміра, нареченнаго Василіемъ, если не совершено въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, что непремѣнно отмѣтилъ бы лѣтописецъ, еслибы это ему было извѣстно, то за семь дней до того или другого Василія, т.-е. 5 или 19 апрѣля".

Прежде всего съ положительностью можно утверждать, что Владиміръ принялъ въ крещеніи имя Василія не въ память ближайшаго святого, а въ честь императора, какъ и Ольга. Далѣе, если даже принять,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—что Владиміръ остановился и обложилъ городъ съ бухты,—другими словами, прибылъ сюда воднымъ путемъ,—такъ для этого надо имѣть Днѣпръ свободнымъ, а онъ освобождается ото льда только въ концѣ марта, а часто и въ апрѣлѣ. И кромѣ того, надо было имѣть достаточно времени, чтобы отсюда дойти съ цѣлой эскадрой до Херсонеса, а самый походъ начать зимой или съ началомъ распутицы. Да и всѣ послѣдующія событія должны были совершиться съ чрезвычайной быстротой, чтобы Владиміръ успѣлъ креститься даже 19-го апрѣля. До этого, должна была кончиться начатая осада, получено согласіе императоровъ и Анны, долженъ былъ состояться пріѣздъ ея въ Херсонесъ и необходимо было все подготовить къ совершенію великихъ христіанскихъ таинствъ. Все это было бы слишкомъ скоро, если принять въ соображеніе, что въ то время не было ни пушекъ, ни пароходовъ, ни телеграфовъ, и все совершалось помощью рукъ и попутнаго вѣтра.

Въ виду указаннаго, соображеній епископа Филарета признать нельзя, и мы полагаемъ, что крещеніе Владиміра совершилось не весной 988 г., а нѣсколько позднѣе, и во всякомъ случаѣ не ранѣе лѣта, или даже осени того же года. А быть можетъ, даже и въ слѣдующемъ—989 г. Эта дата (если она не ошибочна), совпадаетъ съ показаніемъ современнаго историка Льва Діакона, единственнаго византійскаго писателя, обмолвившагося всего нѣсколькими словами по поводу этого важнаго въ исторіи Руси событія, которое и для Византіи имѣло немалое значеніе.

Левъ Діаконъ въ своей хроникѣ вспоминаетъ о Херсонесѣ попутно, по поводу появленія на небѣ въ ночь на 7-е апрѣля 989 г. огненныхъ столбовъ (метеоры или сіянье), „которые на-

водили страхъ на всѣхъ, кто ихъ видѣлъ", и въ которыхъ Левъ Діаконъ прочелъ презнаменованіе взятія Херсонеса тавро-скиѳами, т.-е. руссами (выражалось этимъ названіемъ презрѣніе). Интереснѣе всего то, что историкъ ни словомъ не обмолвился о царевнѣ Аннѣ. Очевидно, въ политическомъ мірѣ рука византійской принцессы цѣнилась тогда очень низко.—Этой же даты держится и баронъ Розенъ, подвергшій подробному изслѣдованію этотъ вопросъ [1]). Академикъ Васильевскій, основываясь на словахъ арабскаго лѣтописца Аль-Мекина (ум. въ 1275 г.), кстати сказать, единственнаго послѣ Льва Діакона иностраннаго писателя, упоминающаго объ этихъ событіяхъ, полагаетъ, что взятіе Херсонеса не стоитъ въ связи съ крещеніемъ Владиміра, и что походъ Владиміра на Херсонесъ совершенъ не до крещенія въ 988 г., а „много позже того".

Но такъ ли это?—Аль-Мекинъ пишетъ слѣдующее: „И взбунтовался открыто Варда Фока, и приглашалъ людей признать его за царя во второмъ Джумада 377 г. (т.-е. 987 г.), и овладѣлъ всѣми землями Румъ (грековъ) до береговъ моря. И стало важнымъ дѣло его, и боялся царь Василій боязнью великою. И истощились богатства его, и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ Руссовъ; они же были его врагами; а онъ просилъ у него помощи. И царь Руссовъ согласился на это и просилъ родства съ нимъ. И женился царь Руссовъ на сестрѣ Василія, царя Грековъ, послѣ того какъ онъ (Василій) поставилъ условіемъ принять христіанство и отправилъ къ нему митрополитовъ, которые обратили въ христіанство его и весь народъ его владѣній. А не было у нихъ до этого времени духовнаго закона и не вѣровали они ни во что. И они — народъ великій, а съ этой поры всѣ они стали христіанами по сіе время. И отправился царь Руссовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василія и соединился съ нимъ. И оба они сговорились пойти на встрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились на него сушею и моремъ, и обратили его въ бѣгство, и завладѣлъ Василій всѣмъ своимъ государствомъ и побѣдилъ Варду Фоку и убилъ его" (въ апрѣлѣ 989 г.).

Показанія Льва Діакона и слова Аль-Мекина—по мнѣнію Васильевскаго—„въ корнѣ подрываютъ авторитетъ русскаго лѣтописнаго сказанія" и даютъ нашему академику право утверждать, что „взятіе Херсонеса вовсе не находилось въ прямой связи съ крещеніемъ русскаго князя".

---

[1]) См. его монографію—„Импер. Василій Болгаробойца"... 1883.

Извѣстный историкъ русской церкви, профессоръ Голубинскій, въ своемъ недовѣріи къ лѣтописцу Нестору идетъ еще далѣе. Основываясь на житіи св. Владиміра, написанномъ монахомъ Іаковомъ, вѣроятно, нѣсколько раньше этой части Несторовой лѣтописи, а именно на словахъ: „На другое лѣто по крещеніи Володимеръ къ порогамъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя“,—полагаетъ, что Владиміръ крестился за два года до похода въ Херсонесъ, т.-е., приблизительно въ 987 г., и кромѣ того проф. Голубинскій полагаетъ, что Владиміръ крестился не въ Корсунѣ, а въ Василевѣ.

Однако, какъ намъ кажется, они оба глубоко заблуждаются и даже впадаютъ въ ошибку, довѣряя мимолетной замѣткѣ византійскаго историка, такъ мало интересующагося даннымъ фактомъ,—или краткимъ словамъ арабскаго ученаго, которому даже не было извѣстно имя русскаго князя и который пишетъ почти черезъ триста лѣтъ послѣ истекшихъ событій; они довѣряютъ нашему лѣтописцу, который отмѣчалъ эти событія черезъ 85—90 лѣтъ послѣ крещенія Владиміра, т.-е. когда если не могъ почерпнуть свѣдѣній у очевидцевъ событій (хотя и это возможно), то узналъ подробности крещенія князя отъ дѣтей очевидцевъ [1].

Всякій, кто читалъ нашу лѣтопись, не могъ не замѣтить, что княженіе Владиміра лѣтописецъ излагаетъ въ самомъ обширномъ объемѣ. По мнѣнію нашего покойнаго академика Сухомлинова, „Владиміра можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи; подвиги его изображались съ наибольшей подробностью и живымъ сочувствіемъ“. И эти подробности, и сочувствіе лѣтописца, ясно показываютъ, насколько онъ интересовался описываемыми событіями. Кромѣ того, Несторъ, несомнѣнно, понималъ все значеніе крещенія князя и, конечно, приложилъ все стараніе, чтобы собрать возможно полныя, возможно точныя свѣдѣнія, касающіяся этихъ событій, и изъ самыхъ надежныхъ источниковъ; всѣ эти событія онъ иногда излагаетъ съ ясностью очевидца. Вспомнимъ, какъ онъ говоритъ о запискѣ, брошенной Анастасомъ, о самомъ крещеніи и уходѣ Владиміра изъ Херсонеса.

Обратимъ вниманіе и на хронологію — порядокъ лѣтъ, — что̀ имѣетъ важное значеніе въ лѣтописяхъ. „Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, — говоритъ Сухомлиновъ,—примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ при-

---

[1]) Несторъ, какъ извѣстно, родился около 1056—57 года и 17-ти лѣтъ, т.-е. около 1064 г., поступилъ въ Кіево-Печерскую лавру.

чинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ служатъ сто-семь лѣтъ, означенныхъ въ древней лѣтописи, но не описанныхъ; значитъ, они были выставлены прежде нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо событія".

А если такъ, то событія, относящіяся ко временамъ Владиміра, могли быть занесены въ первые списки лѣтописи очень близко къ моменту совершенія этихъ событій (замѣтимъ—дѣло списыванія лѣтописей и житій такихъ людей, какъ Владиміръ, считалось богоугоднымъ), а это давало право лѣтописцу говорить объ извѣстныхъ фактахъ точно, съ положительностью и также смѣло отрицать нелѣпые слухи о крещеніи Владиміра гдѣ-либо помимо Херсонеса, а тѣмъ болѣе въ какомъ-то маленькомъ и никому неизвѣстномъ Василевѣ, что̀ совершенно не вяжется ни со значеніемъ самаго факта крещенія, представлявшимъ собой только начало великой реформы, ни съ характеромъ князя Владиміра, любившаго пышность и всякія торжества и пиры.

Въ томъ же житіи монаха Іакова говорится, что послѣ крещенія и бракосочетанія „сотвори Владимиръ чреженіе [1]) веліе убогимъ и страннымъ, и вдовицамъ, и по улицамъ многіе сосуды повелѣ поставляти всякаго брашна исполнены, питія множество отъ меду и вина и олуя, еже есть пиво, и отъ всякаго овощія, и еже кто что требоваше невозбранно съ радостію насыщашеся".—„Се же не свѣдуще право глаголитъ,—яко крестился есть Володимеръ Кіевѣ, иніи же рѣша въ Василевѣ".

Послѣ этого, никто, думаю, не остановится передъ отвѣтомъ на вопросъ: кому больше вѣрить—Льву Діакону, Аль-Мекину или лѣтописцу Нестору?

Этимъ я не хочу сказать, что въ нашей лѣтописи — только непреложная точность. Нѣтъ, нисколько: ошибки и обмолвки возможны и у самыхъ серьезныхъ современныхъ писателей.

Но прежде чѣмъ закончить наше повѣствованіе о Владимірѣ, два слова о корсунянинѣ Анастасѣ, предавшемъ городъ Владиміру. Кажется, всѣ историки и повѣствователи называютъ его священникомъ или епископомъ, а между тѣмъ для этого нѣтъ никакихъ основаній. Нашъ лѣтописецъ называетъ его просто „мужъ Корсунянинъ, имянемъ Настасъ". Далѣе, въ томъ же мѣстѣ читаемъ: „Володимеръ же (по браченію) поемъ царицу и Настаса и попы Корсуньски". Опять нѐ упоминается званіе На-

[1]) Угощеніе.

стаса. Ниже, подъ 989 г., говорится: „И наченші Володимиръ Кіевѣ здати церкви пресвятыя Богородицы и яко сконча, украси ю иконами и поручи ю Настасу Корсунянину и попы Корсунскыя пристави служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни: иконы, и сосуды, и кресты“.—И здѣсь ни слова о профессіи Анастаса. Но, несомнѣнно, онъ не былъ священникомъ—иначе было бы помянуто его званіе и скорѣе всего ему была бы поручена кіевская церковь, заключавшая корсунскія церковныя принадлежности, старостой которой онъ и былъ назначенъ, чѣмъ Владиміръ отблагодарилъ и отмѣтилъ услугу корсунянина.

Прошло двадцать-семь лѣтъ со времени завоеванія Херсонеса и крещенія Владимира „И боляше (онъ) велми, въ ней же болѣсти и скончася мѣсяца іуля въ 15 день (1015 г.). Умре же на Берестовѣмъ и потаиша. Ночью же межю двему клѣтми проимавше помостъ, обертѣвши въ коверъ и ужи свѣсиша на землю; възложьше и на сани [1]), везъше поставиша въ святѣй Богородици, юже бѣ создалъ самъ. Се же увѣдѣвше людье, безчисла снидошася и плакашася по немъ, боляре аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту мороморяну [2]), схраниша тѣло его съ плачемъ, блаженаго князя. Се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже крестися самъ и люди своя. Дивно же есть се, колико добра створилъ землѣ Русьстѣй, крестивъ ю. Мы же хрестьяне суще, не воздаемъ почестья противу онаго възданья. Аще бы онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погынуша“.

Такъ закончилъ свои дни первый русскій завоеватель и властелинъ Херсонеса, горячо любимый народомъ, ласковый князь Владиміръ Красное Солнышко, признанный нашей церковью Равноапостольнымъ и причисленный къ лику святыхъ. День его ангела празднуется въ день его кончины 15-го іюля, когда благодарные потомки совершаютъ крестный ходъ изъ Севастополя въ Херсонесъ.

Владиміръ въ крещеніи, въ честь императора Византіи, мы видѣли, былъ названъ Василіемъ, но любившій его народъ удержалъ за нимъ его прозваніе и языческое имя, а церковь санкціонировала его.

Черезъ четыре года окончила свои дни и супруга Владиміра, княгиня Анна.

---

[1]) Въ то время покойниковъ возили на саняхъ даже лѣтомъ.

[2]) Мраморная гробница.

Умеръ Владиміръ, но осталось жить его великое наслѣдіе. „Религія объединила русскихъ и грековъ,—говоритъ Кулаковскій,—и культурное воздѣйствіе Корсуня на Приднѣпровье (а чрезъ него на всю Русь) стало болѣе живымъ и непосредственнымъ. Изъ Херсонеса шли въ Россію предметы христіанскаго культа и разнаго рода издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, предметы роскоши и украшенія. Археологическія находки, сдѣланныя не только на территоріи Кіева и Кіевской земли, но и далекаго Новгорода, Рязани и другихъ мѣстъ, ясно говорятъ о торговомъ значеніи Херсонеса для Руси тѣхъ временъ". И такихъ предметовъ церковной и свѣтской утвари,—говоритъ проф. Кондаковъ,—вывозилась изъ Херсонеса масса. Они даже создали въ древности названіе стиля или пошиба корсунскаго. „И подъ этимъ именемъ въ древней Руси разумѣли не только все рѣдкое, высокое, но и чудное старинное".

Владиміръ, хотя и возвратилъ византійскимъ императорамъ Херсонесъ, но не порывалъ связей съ богатой Таврикіей, на которую, очевидно, имѣлъ большіе виды. Съ этой цѣлью онъ старался насколько возможно ослабить вліяніе хозаръ, которые опять начали властвовать здѣсь, послѣ того какъ печенѣги, нѣсколько разъ нападавшіе на Русь въ княженіе Владиміра, передвинулись далѣе на западъ къ берегамъ Дуная.

По византійскимъ источникамъ, Владиміръ въ послѣдній годъ своей жизни согласился съ византійскими императорами предпринять совмѣстный походъ противъ хозаръ. Походъ этотъ состоялся, хотя и не занесенъ въ русскую лѣтопись, причемъ хозары были разбиты и въ первомъ сраженіи былъ взятъ въ плѣнъ ихъ предводитель, по имени Цулъ.

„Упоминаніе объ этомъ событіи слишкомъ кратко,—говоритъ Кулаковскій,—но рѣчь идетъ о морскомъ походѣ (столос), а потому и можно догадываться, что театромъ военныхъ дѣйствій было побережье Азовскаго моря". Можно думать, что въ связи съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что Владиміръ послѣ своей смерти оставилъ своему младшему сыну Мстиславу Тмутараканскій удѣлъ, т. е. нынѣшній Таманскій полуостровъ, который въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій былъ подъ властью хозаръ. Съ утвержденіемъ русскаго князя въ Тмутаракани, надо полагать, и Херсонесъ освобождается отъ опеки хозаръ.

XXV.

Возвращенный Владиміромъ Византіи Херсонесъ, исполнивъ великую роль въ исторіи земли Русской, ослабленный постоянными нападеніями и разрушеніями, мало-по-малу сходитъ съ исторической сцены. Свѣдѣнія о немъ попадаются все рѣже, и они становятся и скудны, и смутны.—Къ царствованію Комнена, Константина Дуки (1059 — 1067 г.), относится одна интересная надпись, найденная въ 1895 г. съ наружной стороны городской стѣны вблизи пристани. Надпись гласитъ: „Сооружены ворота желѣзныя преторскія, возобновлены и прочія ворота города при Исаакѣ Комненѣ, великомъ царѣ и самодержцѣ римскомъ (ромейскомъ), и Екатеринѣ, благочестивой Августѣ, заботами Льва Аліата, патриція и стратега Херсонесскаго и Сугдейскаго (Судака). Мѣсяца апрѣля, индикта 12, въ лѣто 6567" (т.-е. 1059 г. по Р. Х.).

Уже раболѣпное величаніе правителя, который съ трудомъ взобрался на тронъ и едва держался на немъ, и присутствіе въ Херсонесѣ стратига (губернатора) ясно показываютъ, въ какомъ подчиненіи имперіи въ то время находился городъ. — Сооруженіе главныхъ (преторскихъ) воротъ изъ желѣза и ремонтъ всѣхъ прочихъ воротъ—ясно говорятъ, что была необходимость оградить себя отъ окружавшихъ городскія владѣнія половцевъ, остатковъ печенѣговъ и хозаръ, а весьма вѣроятно и отъ покушеній на нихъ ставшихъ почти сосѣдями русскихъ, которые были очень близко къ Сугдеѣ, входившей въ Херсонесскую фему. За это до нѣкоторой степени говорятъ свѣдѣнія, которыя отмѣчены нашимъ лѣтописцемъ подъ 1066 годомъ. Въ это время въ Тмутаракани правилъ князь Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Мудраго, по словамъ лѣтописца, „мужъ добль, ратенъ, возрастомъ лѣпъ и красенъ лицемъ". Непріятный сосѣдъ съ такими качествами!

Въ это самое время на политическомъ и торговомъ горизонтѣ стали выдвигаться итальянцы, собственно—генуэзцы. Они легко получили разрѣшеніе византійскаго императора плавать и торговать на Черномъ морѣ. А это въ корень подрывало торговлю, а слѣдовательно, и благосостояніе Херсонеса, все еще державшаго главныя нити торговли въ своихъ рукахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стала рости и богатѣть Сугдея (Судакъ). Корсуняне возстали и обратились съ жалобами къ бездарному наслѣднику

Константина Дуки—Михаилу VII (1071—1078), отдавшему туркамъ большую часть Малой Азіи и потерявшему владѣнія имперіи въ южной Италіи.

Михаилъ VII, хорошо извѣстный въ исторіи по столь необычному для правящей фамиліи прозвищу Парапинака, т.-е. „мошенника“ [1]), повидимому не обратилъ вниманія на жалобы корсунянъ и не принималъ мѣръ къ защитѣ интересовъ города. Это вызвало цѣлую бурю. Корсуняне возмутились и, вѣроятно, позволили себѣ насилія надъ византійцами,—судя по тому, что Михаилъ, занятый неудачной войной съ сосѣдями, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи русскаго великаго князя Всеволода и просилъ его послать отрядъ для усмиренія корсунянъ.

Русскому князю, искавшему усиленія своего вліянія въ Тавридѣ, это было на-руку, и онъ послалъ въ Корсунь отрядъ подъ командой своихъ сыновей, тмутараканскаго князя Глѣба и Владиміра, тогда еще 20-ти-лѣтняго юношу, отличавшагося колоссальной силой. Сохранилось преданіе о побѣдоносной борьбѣ этого Владиміра съ правителемъ Ѳеодосіи (Кафы), за что русскій князь получилъ почетное прозваніе „единоборца“—Мономаха. Повидимому, Всеволодъ и самъ собирался направиться въ Херсонесъ, но сверженіе Михаила VII помѣшало этому.

Судя по тому, что русскій князь послѣ низверженія Михаила удалилъ изъ Херсонеса свой отрядъ, можно думать, что Никифоръ, смѣнившій Михаила, не питалъ особыхъ симпатій къ русскимъ и ему не нравилось усиленіе ихъ въ Тавридѣ. Есть глухое указаніе, что въ царствованіе Никифора корсуняне отомстили русскимъ за усмиреніе ихъ при Михаилѣ тѣмъ, что захватили нѣсколько русскихъ судовъ.

Раздоры и дворцовая революція не прекращались во все царствованіе Никифора, который имѣлъ неосторожность, къ величайшему изумленію духовенства и всей столицы, вступить въ бракъ съ женой низверженнаго, но здравствовавшаго Михаила VII, красавицей Маріей, дочерью грузинскаго царя, женщиной рѣдкаго по своему времени образованія; она согласилась на этотъ незаконный бракъ, въ надеждѣ передать престолъ своему малолѣтнему сыну отъ Михаила. Но Никифоръ назначилъ преемникомъ другого. Тогда оскорбленная Марія, видя невозможность устроить такое наслѣдство для сына, перешла на сторону недо-

[1]) Дословно—„воръ четвертой части“. Прозванъ такъ за то, что во время голода издалъ приказъ покупать хлѣбъ только изъ кесарскихъ житницъ, гдѣ, съ согласія императора и перваго министра Никифорица, голодающимъ отпускалось только три-четверти того, что они должны были получить за свои деньги.

вольной Никифоромъ партіи, во главѣ которой сталъ извѣстный богачъ и командующій войсками въ Малой Азіи Алексѣй Комненъ, и сама содѣйствовала возведенію его на престолъ. Уже 1-го апрѣля 1081 г. Никифоръ долженъ былъ спасать свою жизнь въ св. Софіи, гдѣ на другой же день былъ коронованъ Алексѣй I Комненъ (1081—1118). „Въ первый разъ, по прошествіи пятидесяти лѣтъ,—говоритъ Герцбергъ,—опять взялъ въ руки бразды правленія великій человѣкъ и началъ трудную задачу: возстановить разрушившееся государство. Положеніе Византіи въ это время было критическимъ, и она была на краю гибели. Малая Азія—во власти бунтовщиковъ и турокъ; со стороны Италіи постоянно грозили норманны; и если исключить острова, то владѣнія Алексѣя ограничивались побережной полосой Малой Азіи и Балканскимъ полуостровомъ. Дисциплина въ народѣ и арміи была глубоко потрясена, администрація дезорганизована, связь областей съ центромъ ослабѣла, а на окраинахъ даже утрачена. И новый кесарь принялся все приводить въ порядокъ съ гигантской энергіей".

Въ 1094 г. въ Херсонесъ былъ сосланъ самозванецъ, выдававшій себя за Константина, сына несчастнаго императора Романа Діогена. Самозванецъ вступилъ здѣсь въ сношенія съ половцами и бѣжалъ къ нимъ. Половецкіе князья повѣрили самозванцу и задумали посадить его на отчій престолъ. Въ 1095 г. они предприняли большой походъ за Дунай, перешли его и осадили Адріанополь. Однако походъ кончился неудачно для самозванца: онъ попалъ въ плѣнъ, былъ ослѣпленъ и этимъ закончилъ свою авантюру.

Въ томъ же году, по разсказу, къ которому иные относятся съ недовѣріемъ, въ отместку за ограбленіе русскихъ судовъ въ предыдущее царствованіе, русскіе князья Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и Ярославъ Ярополковичъ совершили походъ на Херсонесъ, пригласивъ съ собою хозаръ. При Кафѣ (Θеодосіи) русскіе одержали побѣду, и Херсонесъ будто бы заключилъ миръ, обязавшись возвратить корабли и уплатить военныя издержки". Надо думать, что какое-то столкновеніе русскихъ съ корсунянами въ это время дѣйствительно было, но трудно себѣ представить, чтобы все это разыгралось подъ стѣнами Кафы, а не Херсонеса.

Въ то время какъ Херсонесъ находился подъ большимъ давленіемъ половцевъ, Алексѣя Комнена тѣснятъ турки и особенно норманны. Противъ послѣднихъ Алексѣй съумѣлъ пріобрѣсть дѣятельную помощь быстро крѣпшаго и завоевывавшаго многіе

ранки венеціанскаго флота. Помимо своей цвѣтущей торговли съ Византіей и Западомъ, венеціанцы стремились развить коммерческія сношенія съ мусульманскими странами и Востокомъ настолько, насколько это было возможно безъ прямого столкновенія съ имперіей. И херсонесцы, благодаря свободѣ плаванія венеціанцевъ по Черному морю, скоро почувствовали на себѣ тяжелую руку венеціанскихъ купцовъ, которые не считали Херсонесъ достаточно удобнымъ для нихъ портомъ и тяготѣли къ болѣе близкимъ къ востоку—къ Судаку и Ѳеодосіи. Опираясь на венеціанскій флотъ, за отсутствіемъ надежнаго собственнаго, Алексѣй Комненъ къ концу своего труднаго 37-лѣтняго царствованія (ум. 15 августа 1118 г.), расширилъ свои сѣверныя границы до Дуная и вновь пріобрѣлъ всѣ побережья Малой Азіи и укрѣпилъ ихъ. Умирая, Алексѣй Комненъ передалъ престолъ сыну своему Іоанну II (1118—1143), который нанесъ большое пораженіе половцамъ, послѣ чего Херсонесъ, если и не освободился окончательно отъ опаснаго и тяжелаго сосѣдства, то во всякомъ случаѣ оно стало болѣе легкимъ и безопаснымъ.

Далѣе свѣдѣнія о Херсонесѣ становятся еще рѣже, отрывочнѣе и неопредѣленнѣе.

Въ царствованіе богато одареннаго физически и нравственно сына Іоанна II, Мануила I (1143—1180), вспоминаетъ о Херсонесѣ (Карсунь) арабскій географъ Эдризи, посѣтившій Тавриду около 1150 года. Страну, къ которой принадлежитъ это побережье, Эдризи называетъ Хазаріей, какъ называютъ ее въ этомъ и послѣдующемъ вѣкѣ итальянскіе, собственно генуэзскіе и венеціанскіе, писатели, вспоминающіе о ней. Но надо знать, что Эдризи писалъ свои записки среди итальянцевъ—въ Сициліи.

Итальянцамъ дарованныя Византіей права казались недостаточными. Имъ хотѣлось бо̀льшаго. „Мысль уничтожить въ конецъ Византійское царство—говоритъ Герцбергъ—уже носилась въ воздухѣ среди западныхъ народовъ „папистовъ", ненавидѣвшихъ греческихъ „схизматиковъ", съ которыми было столько непріятныхъ столкновеній, начиная съ перваго крестоваго похода (1096 г.). Генуэзцы и венеціанцы, еще такъ недавно невольно облагодѣтельствованные Византіей, первые же открываютъ противъ нея разрушительный походъ. Весной 1204 г., въ правленіе Алексѣя V, союзныя войска четвертаго крестоваго похода были уже въ окрестностяхъ Константинополя, утромъ 13-го апрѣля столица Византіи перешла въ руки франкскихъ завоевателей, а 16-го мая того же года торжественно короно-

ванъ въ св. Софіи и возсѣлъ на престолъ Константина Великаго маркграфъ фландрскій Балдуинъ, какъ глава учреждаемаго на развалинахъ Византійской имперіи феодальнаго государства—Романіи".

XXVI.

Завоеваніе Византіи нанесло смертельный ударъ и Херсонесу, такъ какъ всѣ берега Чернаго моря свободно открылись для торговыхъ оборотовъ итальянскихъ республикъ, которыя уже не были связаны никакими обязательствами.

Ставъ вполнѣ независимымъ, Херсонесъ, всегда такъ упорно оберегавшій свою индивидуальность, вскорѣ послѣ паденія Византіи вошелъ и, надо думать, безъ принужденія, въ удѣлъ трапезундскихъ Комненовъ. Послѣдніе потомки Комненовъ, собственно внуки свирѣпаго Андроника, трагически погибшаго отъ руки Исаака Ангела,—Алексѣй и Давидъ,—при содѣйствіи и помощи знаменитой грузинской царицы Тамары, дальней ихъ родственницы, основали на сѣверныхъ берегахъ Малой Азіи новое царство. Мѣстныя греческія войска, а частью и бѣжавшія изъ Византіи, признали царемъ 22-лѣтняго Алексѣя, и онъ началъ править при содѣйствіи брата, избравъ своей столицей Трапезундъ. Этого-то Алексѣя признали своимъ царемъ и таврическіе греки съ Херсонесомъ во главѣ.

Однако покровительство трапезундскаго Комнена не спасло Херсонесъ отъ дальнѣйшаго паденія. До насъ дошелъ одинъ агіографическій памятникъ, а именно слово Лазаря Трапезундскаго о чудесахъ св. Евгенія. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается, какъ однажды изъ Тавриды шелъ греческій корабль съ начальствомъ, которое везло ежегодную дань трапезундскому царю отъ Херсонеса и Готскихъ Климатовъ. Буря вмѣсто Трапезунда занесла судно въ Синопъ; здѣсь его захватилъ въ плѣнъ намѣстникъ султана, Рейсъ Гетумъ. Богатая сравнительно добыча прельстила султана, и онъ распорядился послать отдѣльный отрядъ пограбить Херсонесъ и ближайшія владѣнія... Гетумъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе: совершенно опустошилъ Херсонесскую область и съ награбленной добычей возвратился въ Синопъ.

Съ этого времени начинается, можно сказать, систематическое разграбленіе и разрушеніе Херсонеса, и послѣдующая исторія города—одна его мартирологія.

Не успѣли херсонесцы оправиться отъ погрома турокъ, какъ

съ сѣвера появились полчища татаръ. Они настолько тѣснили городъ, что трапезундскій намѣстникъ счелъ невозможнымъ долѣе оставаться въ городѣ, и долженъ былъ покинуть Херсонесъ. Мало помогали ему и его ближайшіе сосѣди—алланы, которые, по словамъ современника, еп. Θеодора, „жили по близости отъ *Херсона* столько же по своей волѣ, сколько и по желанію херсонесцевъ, какъ нѣкое огражденіе и охрана".

Но противъ сильныхъ татаръ алланы было плохой охраной, особенно послѣ того какъ татары разбили въ 1224 г. русскихъ и половцевъ при р. Калкѣ и почуяли въ себѣ великую силу. Забравшись въ Тавриду, которая съ этого времени чаще называется татарскимъ именемъ Крымъ, они здѣсь чувствовали себя *полными* хозяевами. И, какъ повѣствуетъ арабскій писатель Ибнъ-эль-Атиръ, вскорѣ послѣ пораженія на Калкѣ многіе русскіе купцы и богачи, проживавшіе въ Херсонесѣ, боясь, вѣроятно, мести татаръ, нагрузили на суда, что было цѣннаго, и отправились къ берегамъ Малой Азіи. Но и тутъ не повезло корсунянамъ: когда они уже приближались къ городской пристани, одно судно погибло. Остальнымъ корсунянамъ тоже *навѣрно* не сладко жилось при такомъ режимѣ. А тутъ еще генуэзцы, воспользовавшись своимъ вліяніемъ, вынудили императора Андроника отказаться отъ торговли съ Херсонесомъ и не посылать болѣе своихъ судовъ въ Крымъ. Сами же одно время задержали чуть не всѣ херсонесскія суда, отправлявшіяся на соляные промыслы или на рыбную ловлю. А въ 1248 г. надъ самимъ Херсонесомъ разразилась тяжелая гроза: его разбили полчища Ногая.

Однако живучій городъ держался. Въ 1253 г. плылъ мимо Херсонеса по пути изъ Константинополя въ Судакъ и далѣе въ Золотую Орду посолъ Людовика IX, Рюисбрукъ (Рубруквисъ), о которомъ упоминали мы выше. Въ своемъ дневникѣ онъ отмѣтилъ, что въ то время Херсонесъ былъ самостоятельнымъ, ни отъ кого независѣвшимъ городомъ, который свою самостоятельность получалъ цѣной дани татарамъ.

Прошло нѣсколько рабскихъ, томительныхъ лѣтъ въ жизни разслабленнаго Херсонеса. Какъ вдругъ до корсунянъ донесся радостный слухъ, что мелкій никейскій царекъ Михаилъ Палеологъ, 15 августа 1261 г., при содѣйствіи генуэзцевъ, возвратился въ Константинополь и овладѣлъ имъ. Въ глазахъ грековъ это было своего рода воскрешеньемъ ихъ царства. И лучъ надежды озарилъ корсунянъ; они уже видѣли помощь возродившейся имперіи. Но надежда на лучшее оказалась напрасной.

Жадные генуэзцы за свою, правда, большую услугу потребовали отъ Палеолога соотвѣтствующей благодарности, и скоро получили отъ него широкое право исключительной торговли по берегамъ всего Чернаго моря. Послѣ чего они прочно обосновались въ мѣстности Ѳеодосіи, которая быстро разрослась въ богатый торговый центръ съ новымъ именемъ—Кафы.

Естественные враги генуэзцевъ венеціанцы, успѣвшіе уже широко развить свою торговлю на Черномъ морѣ, тоже вскорѣ добились у Палеолога и для себя привилегій. Онъ и имъ разрѣшилъ поселиться въ Крыму, и они выбрали себѣ Сугдею (Судакъ), которую именовали по своему—Солдайя.

Могъ ли хотя какъ-нибудь бороться Херсонесъ противъ двухъ такихъ сильныхъ соперниковъ? Конечно, нѣтъ. И бывшему властелину черноморской торговли—Херсонесу—приходилось погибать въ своемъ безсиліи. Онъ обѣднѣлъ, но не терялъ къ себѣ уваженія: съ его мнѣніемъ считались. Такъ, хорошо извѣстно, что въ 1280 г., на соборѣ въ Константинополѣ присутствовалъ среди прочихъ и епископъ херсонесскій Левъ. Но хозяевами Херсонеса въ это время, повидимому, были татары. Это можно вывести изъ того, что въ Степенной Книгѣ между 1280 и 1284 гг. отмѣчена женитьба князя смоленскаго и ярославскаго, Ѳедора Ростиславича Чернаго, на дочери хана Менгу-Темира. При чемъ указывается, что ханъ подарилъ своему зятю 36 городовъ, въ числѣ коихъ называется и Корсунь. Однако за точность этого свѣдѣнія ручаться нельзя, такъ какъ Степенная Книга составлена значительно позднѣе, хотя составитель могъ пользоваться современными событію источниками.

Около 1300 г., по арабскимъ источникамъ именно въ 1298 г., надъ Херсонесомъ опять стряслась большая бѣда. Въ Крымъ забрались турки, конечно, не въ качествѣ туристовъ, а съ цѣлью пограбить. Татары, считавшіе себя хозяевами мѣстности, преслѣдовали грабителей, и турки бѣжали черезъ Херсонесъ. Татары не оставили своимъ вниманіемъ не только преслѣдуемыхъ, которые тащили, что̀ могли, но и мирныхъ гражданъ, которыхъ за оказанную услугу обирали, какъ умѣли. Но еще болѣе пострадали отъ татаръ въ это время главные враги Херсонеса—Сугдея и Кафа. Они отказались платить татарамъ дань; а въ Кафѣ даже былъ убитъ внукъ Ногая, который былъ посланъ для сбора дани. Тогда обозленный Ногай явился на побережьѣ съ огромнымъ войскомъ, опустошилъ рядъ городовъ, а Кафу сжегъ, причемъ было перебито множество купцовъ различной національности.

Такое бѣгство чрезъ Херсонесъ прямо показываетъ, что нѣкогда грозная и могучая городская стѣна, сдерживавшая цѣлыя арміи и полчища, теперь не могла защитить отъ горсти мародеровъ.

Можетъ быть, многострадальный и выносливый Херсонесъ съумѣлъ бы оправиться и отъ этихъ нашествій и погромовъ. Но злая судьба преслѣдовала его. Ненасытные итальянцы, главнымъ образомъ генуэзцы, несмотря на то, что торговля ихъ по берегамъ Чернаго моря разрослась и достигла блестящаго состоянія, а главная ихъ факторія Кафа называлась даже таврическимъ Константинополемъ, все же еще боялись и умирающаго Херсонеса. Пользуясь своимъ флотомъ и силой, они, въ 1350 г., яко бы по договору, въ дѣйствительности же силой захватываютъ Херсонесъ и запрещаютъ византійцамъ торговлю по берегамъ Чернаго моря, а въ Херсонесъ даже совершенно запрещаютъ входить грекамъ для какихъ бы то ни было цѣлей, и торговлю здѣсь разрѣшаютъ *только итальянцамъ*. Другими словами, лишаютъ Херсонесъ всѣхъ правъ состоянія, существованія и связываютъ его по рукамъ и по ногамъ. А чтобы онъ не могъ выкрутиться изъ этихъ невозможныхъ условій, хитрые генуэзцы тутъ же рядомъ съ Херсонесомъ, въ маленькомъ Чембало (Балаклавѣ) устраиваютъ отдѣльную факторію и сажаютъ сюда своего консула (1357 г.).

Безсильный и почти безземельный византійскій императоръ Іоаннъ Кантакузенъ не могъ ни отмѣнить запрещенія итальянцевъ, ни препятствовать устройству ихъ факторіи, которую генуэзцы поторопились укрѣпить надежными башнями, грозные остатки которыхъ высятся и понынѣ надъ маленькой Балаклавой.

Такимъ образомъ, торговля, которой Херсонесъ былъ обязанъ своимъ прежнимъ величіемъ, совершенно упала. Городъ обнищалъ, херсонесская епархія обѣднѣла.

Словомъ, вся торговля и власть были теперь въ рукахъ итальянцевъ, ярыхъ католиковъ, ненавидѣвшихъ „коварныхъ схизматиковъ грековъ". Они тѣснили ихъ, гдѣ могли, и нигдѣ не давали схизматикамъ хода. „Колоніи итальянцевъ—говоритъ Кулаковскій—задолго до описываемыхъ событій были опорными пунктами римско-католической пропаганды, направленной не только на невѣдавшихъ христіанства кочевниковъ, но и на греческихъ схизматиковъ". Миссіонерская дѣятельность возложена была на орденъ миноритовъ, которые вызвали цѣлый рядъ капищъ на побережьѣ Чернаго моря.

Такъ, уже въ 1318 г. возникла епископская каѳедра въ Кафѣ. Ее занималъ францисканецъ Джироламо. Въ 1333 г., существовали каѳедры въ Херсонесѣ и Боспорѣ; первую занималъ англичанинъ Ричардъ, вторую — итальянецъ Францискъ де Камарино. Первый имѣлъ свою каѳедру въ церкви св. Климента. Къ обоимъ этимъ епископамъ вмѣстѣ обращалъ свое посланіе папа Іоаннъ, поучая ихъ искоренять схизму.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если между тѣснимыми отовсюду таврическими архипастырями возникалъ споръ изъ-за каждаго обола. Тянулись эти споры годами и въ данномъ случаѣ едва не дошло до убійства слѣдователя-іеромонаха. Послѣ чего дѣло было передано па рѣшеніе константинопольскаго патріарха. Въ документахъ, касающихся этой многолѣтней тяжбы, нерѣдко указывается на бѣдность херсонесской митрополіи; и, основываясь на свидѣтельствахъ о бѣдности, патріашій судъ въ 1390 г. постановилъ: „Мѣстность Кинсанусъ и всѣ приморскія мѣста: Фуна, Аланія, Алуста, Ламбадъ, Партенита, Сикита, Хрихари возвратить херсонесскому митрополиту".

Однако этимъ дѣло не кончилось, и въ слѣдующіе годы митрополиты херсонесскій и сугдейскій опять являются въ Константинополь съ своими жалобами и тяжбой. Наконецъ, въ 1396 г., патріархъ вызываетъ обоихъ митрополитовъ въ Константинополь для слушанія дѣла по новому обвиненію херсонесскаго сугдейскимъ—на этотъ разъ въ томъ, что херсонесскій митрополитъ, „получивъ довольно денегъ", дозволилъ благословить пятый бракъ, ранѣе сего воспрещенный сугдейскимъ.

Судъ долженъ былъ состояться въ апрѣлѣ 1397 г. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила до насъ резолюціи суда, и неизвѣстно, какую кару понесъ безпокойный и сребролюбивый херсонесскій архипастырь, презрѣвшій церковный уставъ.

Есть точныя свѣдѣнія, что въ 1440 г. для Херсонеса былъ рукоположенъ патріархомъ константинопольскимъ Митрофаномъ митрополитъ херсонесскій; имя архипастыря остается пока неизвѣстнымъ, и по имѣющимся свѣдѣніямъ это—послѣдній архипастырь Херсонеса, но самый фактъ назначенія сюда митрополита показываетъ, что Херсонесъ, потерявшій всякое торговое значеніе и всѣ средства къ существованію, все еще считался болѣе или менѣе важнымъ духовнымъ центромъ, сохранявшимъ старыя традиціи и крѣпость православія, — что̀, какъ намъ кажется, служило одной изъ причинъ преслѣдованія его итальянскими католиками.

Несмотря на то, что Херсонесъ въ то время, можно сказать,

находился въ агоніи, итальянцы не могутъ разстаться съ нимъ и продолжаютъ держать въ немъ отдѣльнаго консула, хотя рядомъ, въ Чембало, находится ихъ бойкая и хорошо защищенная факторія. Такъ, въ дошедшемъ до насъ уставѣ для генуэзскихъ колоній въ Крыму, отъ 28 февраля 1449 года, сказано, что „чиновники колоній за утвержденіе въ должности платятъ государственный налогъ: консульства Горзоніи—четыре сонма, а Джалиты и Алусты—по два сонма". Размѣры налога показываютъ, что Херсонесу генуэзцы придавали въ то время бо́льшее значеніе, чѣмъ Алуштѣ и Ялтѣ.

Пока совершаются эти событія, турки все ближе и ближе подходятъ къ Константинополю.

Весной 1453 года 165 тысячъ турецкихъ войскъ и 145 судовъ окружили столицу имперіи и съ моря, и съ суши. Императоръ Константинъ XI Палеологъ дѣлалъ послѣднія попытки сопротивленія, рѣшивъ скорѣе погибнуть въ неравномъ бою, чѣмъ безславно сдать столицу, все еще великолѣпную и полную прежняго величія. — И вотъ, въ ночь на 29 мая начался послѣдній предсмертный бой византійцевъ, теперь уже соединившихся съ итальянцами, для отраженія общаго врага. Подъ звуки набата, звонъ колоколовъ, подъ стенанія женщинъ и дѣтей, горячо молившихся во всѣхъ церквахъ, удалось отбить первыя аттаки турокъ. Но къ утру туркамъ удалось прорваться въ городъ, и въ полдень султанъ Магометъ II торжественно вступилъ въ Константинополь, теперь уже турецкій Стамбулъ. Магометъ вошелъ въ св. Софію, занялъ византійскій престолъ; главный мулла прочелъ мусульманскій символъ вѣры, и величественный соборъ Юстиніана перешелъ во владѣнье ислама и на куполѣ вмѣсто креста засіяла луна.

Магометъ пожелалъ видѣть своего соперника; но его уже не было въ живыхъ: тѣло Константина было найдено среди павшихъ при защитѣ. Султанъ разрѣшилъ похоронить его съ царскими почестями, но голову царя приказалъ отрубить и до вечера выставить на видномъ мѣстѣ, чтобы всѣ могли убѣдиться въ его смерти.

Такъ палъ послѣдній византійскій императоръ Константинъ XI Палеологъ; такъ свершилось одно изъ величайшихъ событій въ исторіи Европы, рѣшившее дальнѣйшую участь Херсонеса и всего Крыма, послѣдствія котораго чувствуются и теперь. Послѣ взятія Константинополя, султанъ немедля осадилъ Галату, генуэзскую часть города, разрушилъ ея стѣны, отдалъ на раз-

грабленіе дома и имущество жителей, а ихъ самихъ разогналъ или продалъ въ рабство.

Послѣ такого разгрома, сношенія Генуи съ ея крымскими колоніями стали очень затруднительными, потому что приходилось переплыть Босфоръ, оба берега котораго были въ рукахъ турокъ. Однако храбрые генуэзскіе капитаны не разъ благополучно проскакивали чрезъ проливъ и доставляли въ Кафу боевые запасы и войско. „Явился — говоритъ Кулаковскій — другой путь, по которому поддерживались сношенія метрополіи съ колоніями, начавшими увядать, а именно черезъ Молдавію, Венгрію и далѣе на Западъ“. Но и здѣсь, въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, генуэзцы не оставляютъ Херсонесъ въ покоѣ. Городъ это время фактически не существовалъ; едва оставалась его тѣнь, но и она не даетъ покоя назойливымъ итальянцамъ, которымъ надо было торопиться спасать свою шкуру. Такъ, отъ 1470 года до насъ дошло свѣдѣніе, что генуэзскій консулъ Кафы, Кьявройя (Chiavroia), предлагалъ своему правительству „окончательно разрушить стѣны и башни необитаемаго города, дабы турки не заняли его и не укрѣпили вновь“. Ясно, что въ это время твердыни Херсонеса не были окончательно разрушены и въ хорошихъ рукахъ могли еще служить надежнымъ оплотомъ. Поэтому предложеніе кафскаго консула было частью приведено въ исполненіе.

Такъ кончилъ свои дни нѣкогда богатый и славный Херсонесъ. Но вотъ скоро стряслась бѣда и надъ врагами его. Въ 1475 году, у береговъ Крыма появилась эскадра султана, который до этого устраивалъ завоеванное царство и который считалъ, что съ завоеваніемъ Константинополя ему принадлежитъ все, чѣмъ владѣла имперія, въ томъ числѣ и ея шаткія владѣнія въ Крыму. При этомъ посѣщеніи турецкія войска уничтожили богатую Кафу и нѣсколько другихъ городовъ, а жителей ихъ по обыкновенію перебили, разогнали или увели въ плѣнъ.

Ослабѣвшіе къ этому времени татары уже не могли оказать сопротивленія туркамъ. Чуя крѣпкую силу турокъ, они поторопились бросить свою открытую столицу Солхатъ (Старый Крымъ), замкнулись въ хорошо закрытомъ ущельемъ Бахчисараѣ (1458 г.) и признали надъ собой главенство султана, который, однако, обязался назначать хановъ изъ рода Гиреевъ, и татары остались владѣльцами степныхъ пространствъ полуострова. Съ тѣхъ поръ древнее, звучное имя Тавриды смѣнилось грубымъ татарскимъ — Крымъ.

Такимъ образомъ, Херсонесъ и весь Крымъ отошли во владѣніе Оттоманской имперіи.

XXVII.

Послѣ этого, болѣе ста лѣтъ имя Херсонеса не попадаетъ на страницы исторіи. И только въ 1578 г. посланникъ польскаго короля Стефана Баторія къ крымскому хану, Мартынъ Броневскій, посѣтилъ Херсонесъ, и вотъ что̀ нашелъ онъ: „Достойныя удивленія развалины явно свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда былъ великолѣпный, богатый, славный и многолюдный городъ, съ отличной пристанью. У самаго берега пристани, а также во всю ширину перешейка, отъ одного берега моря до другого, еще и теперь возвышается высокая стѣна, многочисленныя и большія башни изъ огромныхъ тесанныхъ камней.

„У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые ведутъ воду за четыре мили отъ города. Въ нихъ и теперь еще есть очень чистая вода.

„Городъ уже много вѣковъ (?) стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ одни развалины и опустошенія. Сохранившіяся стѣны и башни обнаруживаютъ удивительное искусство. Царскій дворецъ съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами виденъ въ той же части перешейка. Но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпантина, мѣста которыхъ и теперь еще видны внутри, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для ихъ собственныхъ домовъ и публичныхъ зданій. Оттого городъ пришелъ въ еще большее разрушеніе: не видно даже и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій. Дома лежатъ во прахѣ и сравнены съ землею... Большой греческій монастырь остался въ городѣ. Стѣны его храма еще стоятъ, но безъ кровли, а всѣ украшенія этого зданія разрушены и разграблены“.

Еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ, Херсонесъ (Корсунь) упоминается въ „Книгѣ Большого Чертежа“, составленной по повелѣнію царя Михаила Өедоровича. За этотъ періодъ о Херсонесѣ успѣли настолько забыть, что не знали даже истиннаго его географическаго положенія.

Извѣстный историкъ временъ Екатерины II — Татищевъ даже не хотѣлъ признать совершенно вѣрное указаніе „Книги Большого Чертежа“, что Херсонесъ находится въ 30 верстахъ отъ Бахчисарая, и говорилъ: „Въ Большомъ Чертежѣ, описуя Крымъ, (автор) Корсунь городъ кладетъ отъ Бакчисарая 30 верстъ, на что *оное самымъ писателемъ вымышлено*“.

Да и не одинъ Татищевъ забылъ положеніе Херсонеса,—

забыли его и другіе старые историки, и русскіе, и иностранные. Миллеръ искалъ его гдѣ-то у Керчи, Леклеръ и Девиль—у Ѳеодосіи, Билингъ—у Карасу-Базара, Нарушевичъ—у Козлова (Евпаторіи), Данвиль—при Керкенискомъ заливѣ. Даже въ самое недавнее время были попытки искать „древній“ Херсонесъ гдѣ-то вдали отъ современныхъ развалинъ.

Послѣ „Большого Чертежа“ прошло полтораста лѣтъ гробового молчанія о Херсонесѣ, и только почти наканунѣ присоединенія Крыма къ Россіи вновь вспоминаютъ о немъ. Въ 1773 г., мимо Херсонеса проѣзжалъ командующій русскими войсками, кн. Долгорукій. Въ поданной имъ императрицѣ реляціи, между прочимъ, значится: „Подлѣ берега лежитъ небольшая греческая деревня Акъ-Яръ, по коей и гавань именуется, а влѣво чрезъ гавань Акъ-Яра—Херсонъ, древнѣйшій во всемъ Крыму городъ. Развалившіяся стѣны съ высокими башнями показываютъ вдали четвероугольную его форму, но время не дозволяло ѣхать къ нему“...

23-го апрѣля 1783 года, Екатерина Великая въ манифестѣ объявила о присоединеніи Крыма къ русской державѣ, а 2-го мая русская эскадра, подъ командой адмирала Мекензи, въ составѣ одиннадцати судовъ съ 2.600 душъ команды, вошла въ Ахтіарскую бухту. Адмиралъ ошвартовалъ всѣ суда въ южномъ заливѣ бухты, очистилъ здѣсь лѣсъ и началъ строить казармы, адмиралтейство, магазины для провіанта, госпиталь и церковь во имя св. Николая. Командиры судовъ и офицеры начали также строить для себя дома вдоль берега южной бухты, а женатые матросы—на хребтѣ горы, гдѣ теперь Мичманскій бульваръ. Такимъ образомъ, было положено основаніе городу Акъ-яру или Ахтіару. Но вскорѣ, согласно господствовавшей тогда модѣ, онъ былъ переименованъ въ Севастополь, что̀ означало—славный городъ. Въ то же время Потемкинъ командировалъ сюда подполковника Бальдани, для провѣрки показаній нашей лѣтописи и для снятій плана мѣстности Херсонеса, и ученаго нѣмца Габлица—для собиранія всевозможныхъ свѣдѣній о Крымѣ.

Въ 1787 г., Екатерина совершила свое путешествіе въ Крымъ. Побывала она въ строящемся Севастополѣ и въ Херсонесѣ, и въ память посѣщенія была выбита медаль съ вензелемъ императрицы и надписью: „Царица Херсониса Таврическаго“. Отсюда Екатерина доѣхала только до Байдарскихъ воротъ (тогда перевала), и такъ была поражена красотой крымской природы, что, любуясь видомъ съ утесовъ перевала, назвала „Крымъ лучшей жемчужиной своей короны“. Восхищеніе императрицы и свиты,

конечно, поселило интересъ къ Крыму и въ частности къ Херсонесу. Въ 1793 году, мы уже видимъ здѣсь извѣстнаго академика Палласа, которому русское правительство поручило внимательно осмотрѣть и изслѣдовать Крымъ и особо Херсонесъ. И вотъ что пишетъ онъ въ своемъ знаменитомъ „Путешествіи", продолжавшемся почти два года:

„Окрестности Севастополя или Ахтіара представляютъ поистинѣ землю классическую. На каждомъ шагу вы наталкиваетесь на греческія древности, которыхъ прежде было здѣсь гораздо болѣе, *потому что городъ Ахтіаръ возникъ изъ развалинъ древняго Херсонеса*, каковый находится въ разстояніи двухъ верстъ отъ Ахтіара, на западной сторонѣ Карантинной бухты. При занятіи Крыма существовала еще большая часть стѣнъ Херсонеса, построенныхъ изъ прекрасныхъ тесанныхъ камней, прекрасныя городскія ворота и значительная часть крѣпкихъ башенъ, изъ которыхъ одна стояла надъ самой бухтой и еще при моемъ посѣщеніи, въ 1794 г., находилась въ порядочномъ состояніи. Но постройка города Ахтіара была причиной уничтоженія этого древняго города. Прекрасные квадеры были выкопаны даже изъ фундамента стѣнъ затѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтіарѣ дома. Даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ мнѣ таковые не извѣстны. Мнѣ только удалось найти прекрасную надпись на бѣломъ мраморѣ временъ императора Зенона. Я нашелъ эту надпись у моего друга Габлица. Видѣлъ я въ Ахтіарѣ еще и другія незначительныя надписи вмѣстѣ съ плохимъ барельефомъ, изображающимъ мужскую фигуру въ одеждѣ, со свиткомъ въ рукѣ, съ надгробной надписью. Ее сохраняютъ у церкви. Изъ неполной латинской надписи, которой сохранилась только половина, кажется можно заключить, что и генуэзцы владѣли этимъ городомъ. Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ *старомъ* Херсонисѣ, доказывается тѣмъ, что изъ него вывезены прекрасная мраморная капитель, колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринѳскаго ордена, въ 4 пяди высоты и въ 3 пяди въ поперечникѣ, которую я видѣлъ у вице-адмирала Пустошкина. Въ этихъ развалинахъ находили также много обработаннаго мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря.

„Расположеніе улицъ и домовъ различать болѣе нельзя, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено. При томъ большомъ населеніи, какое должно было здѣсь (въ древнемъ городѣ) находиться, объемъ города слишкомъ малъ, чтобы помѣстить всѣхъ жителей; большая часть

должна была помѣщаться внѣ города, на отдѣльныхъ участкахъ.

„Вокругъ города видны также различныя пещеры въ обрывахъ известняка, въ которыхъ, можетъ быть, помѣщались моряки приходившихъ сюда кораблей. Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, это доказываетъ находящееся менѣе, чѣмъ въ верстѣ отъ города, восьмиугольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе, аршинъ на пять внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку, подземный ходъ въ 15 саженей длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется. За этимъ колодеземъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, повидимому, показываетъ, что указанные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода.

„Кромѣ всѣхъ этихъ остатковъ, по всему Херсонесу встрѣчаются одиночно разсѣянныя зданія, изъ большихъ обтесанныхъ камней, бывшія, быть можетъ, башнями, построенными для безопасности деревенскихъ жителей на случай нападенія тавроскиѳовъ".

Таково было состояніе Херсонеса во время посѣщенія его Палласомъ, и такъ безжалостно растаскивали драгоцѣнные остатки древняго города основатели Севастополя. Къ позору нашему, тащилъ не только простой народъ, не понимавшій значенія и святости Херсонеса, а даже высшее интеллигентное начальство. Такъ, Палласъ указываетъ, что „генералъ Каховскій, пожалованный въ графы, намѣреваясь воздвигнуть часовню въ память своей супруги, приказалъ свезти (въ Георгіевскій монастырь) множество огромныхъ тесанныхъ камней изъ древнихъ сооруженій Херсонеса. Но это намѣреніе не осуществилось".

Нѣсколько позднѣе Палласа проживалъ въ Крыму (1799—1801) Петръ Сумароковъ, который очень близко познакомился съ Крымомъ и Херсонесомъ и свои замѣтки и наблюденія изложилъ въ интересныхъ „Досугахъ крымскаго судьи". „Погибшій Херсонесъ—писалъ Сумароковъ—предсталъ съ богатымъ завѣщаніемъ; повезли изъ него мраморъ, каменья, столбы, карнизы. Севастополь всѣмъ одолженъ до послѣдняго камушка древнему Херсонесу... Въ Херсонесѣ Ахтіаръ ископалъ всѣ свои украшенія, хотя сей градъ скрываетъ, конечно, еще довольно достопамятныхъ вещей для охотниковъ древности".

Почти одновременно съ Сумароковымъ побывалъ въ Крыму

и Херсонесѣ (въ 1801 г.) извѣстный англійскій путешественникъ Кларкъ (Clarke), оставившій по себѣ популярныя въ свое время „Travels in various countries of Europe et cet.“. Онъ тоже говоритъ о расхищеніи Херсонеса нами. Изъ ненависти ли къ русскимъ, или изъ сожалѣнія къ гибели цѣнныхъ историческихъ вещей, но строки его, относящіяся къ Херсонесу, насквозь пропитаны желчью. Русскіе — пишетъ Кларкъ — „взорвали фундаменты, разграбили могилы, разрушили храмы и, собравъ огромное количество камня и мрамора, наслаждались страннымъ удовольствіемъ продавать эти драгоцѣнные обломки какъ простой строевой камень“. И тутъ же прибавляетъ: „Турки люди полные вкуса и учености по сравненію съ русскими“.

Бертье-Делагарду очень не нравятся, какъ онъ самъ говоритъ, „общепризнанныя мнѣнія“ Палласа, Сумарокова, Кларка о расхищеніи Херсонеса. Онъ не хочетъ вѣрить имъ. И „старается доказать совершенную ихъ невѣрность“. Правда, можно еще не вѣрить Кларку, какъ иностранцу, не расположенному къ русскимъ и писавшему „cum ira et studio“, который, по словамъ Бертье, несмотря на то, что „гостепріимно былъ принятъ въ Крыму, имѣлъ всюду доступъ, все же выкралъ секретныя карты и съ наглостью хвастался этимъ предъ всей Европой, натравляя свое правительство на Крымъ и распространяя о Россіи безсмысленныя и гнусныя клеветы. Такъ что даже французы и нѣмцы, переводя Кларка, возмущались имъ и считали необходимымъ дѣлать разныя смягчающія примѣчанія“. При такихъ условіяхъ, конечно, можно не вѣрить Кларку, но съ Палласомъ и Сумароковымъ, которые долго жили въ Крыму, и которые говорятъ о расхищеніи, какъ очевидцы и съ гражданской скорбью, такъ поступить нельзя. И вотъ Бертье, чтобы доказать, что русскіе не расхищали Херсонеса, прибѣгаетъ къ странной аргументаціи. Начавъ съ того, что „средневѣковый Херсонесъ — не что иное, какъ полуварварскій городъ, о которомъ упоминается большею частью только потому, что онъ былъ, а вокругъ него, во всемъ Крыму, стояло уже совершенное, безпросвѣтное варварство; что это городъ, о которомъ только и говорятъ, что о его взятіи и разрушеніи“, — онъ, перечисливъ ихъ до послѣднихъ дней существованія Херсонеса и сообщивъ далѣе, безъ особыхъ основаній, что онъ не вѣритъ „полному очевидныхъ преувеличеній“ описанію Броневскаго, — заканчиваетъ свое возраженіе словами: „Я не нахожу словъ для выраженія той жалкой нищеты, того глубокаго архитектурнаго невѣжества и безграмотности, которыя съ непререкаемой ясностью встаютъ изъ раскопокъ Херсонеса. Развалины нашихъ самыхъ

бѣдныхъ слободъ покажутся совершенствомъ по сравненію съ херсонесскими". Отсюда выводъ: „Изъ Херсонеса русскіе ничего не тащили, такъ какъ и нечего было тащить".

Говорить такъ значитъ—намѣренно сгущать краски, впадать въ крайность и въ противорѣчіе съ самимъ собой. Да и для насъ важны не тѣ „жалкіе" остатки, которые сохранились отъ византійскаго Херсонеса послѣднихъ дней его жизни, вѣрнѣе — его медленной агоніи, а то, что находится между ними, подъ ними и внѣ стѣнъ городища—на мѣстѣ упокоенія почившихъ въ этомъ городѣ мертвыхъ.

Варварство среднихъ вѣковъ было такое же въ Херсонесѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ того времени. Жалкія развалины Херсонеса, сохранившіяся даже до временъ Бертье-Делагарда, были уже не такъ ничтожны, какъ хочетъ сказать самъ Бертье. Вѣдь изслѣдованію ихъ онъ посвящаетъ прекрасный обширный трудъ. А стоитъ ли изслѣдовать груду мелкихъ камней и мусора? Кто станетъ тратить на это время? Правда, здѣсь на мертвомъ урочищѣ — груды мелкаго мусора, но среди него за наше время открыта базилика Уварова, съ чуднымъ мозаичнымъ поломъ, который теперь составляетъ украшеніе Эрмитажа, и нѣсколько цѣнныхъ колоннъ и капителей; открыты и еще основанія церквей съ мозаичными полами, и въ общемъ найдено столько мрамора, что онъ окружаетъ толстой стѣной большой дворъ херсонесскаго музея; а тамъ,—за городской стѣной!.. И все это за послѣднее время, когда систематично ведутся раскопки. Все это вовсе не такъ ничтожно.

Не довѣряя Палласу, Бертье, повторяемъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Въ другомъ мѣстѣ самъ же Бертье говоритъ: „Описаніе Палласа — точное, ясное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко вѣрное, даже въ мелко спеціальныхъ вопросахъ". Тогда надо вѣрить, а не возражать. Да и трудно не вѣрить, разъ Палласъ, вмѣстѣ съ Сумароковымъ, долгое время былъ очевидцемъ разрушеній и расхищенія остатковъ города.

Послѣ этого странно слышать изъ устъ гр. Бобринскаго и его единомышленниковъ, будто „Бертье-Делагардъ блистательно доказалъ, насколько обвиненія въ расхищеніи русскими Херсонеса пристрастны и преувеличены". Нѣтъ, ужъ лучше сознаться въ своемъ варварствѣ, которое въ этомъ отношеніи мало измѣнилось у насъ со времени Палласа, чѣмъ уклоняться отъ истины. Это — грустно, но... правдиво.

Я думаю, теперь почтенный инженеръ-археологъ, подарившій науку прекрасными обширными изслѣдованіями по исторіи Херсо-

неса, и самъ откажется отъ своихъ словъ. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ Бертье-Делагарда свела съ прямой дороги та ошибочная мысль, несомнѣнно навѣянная Палласомъ, что доставшіеся намъ остатки города принадлежатъ „новому“ Херсонесу, который уже при основаніи былъ чѣмъ-то мизернымъ, и что у Казачьей бухты надо искать другой—богатый „древній“ Херсонесъ.

Расхищенія продолжались и послѣ Палласа и, вѣроятно, приняли грандіозные размѣры, судя потому, что въ 1805 г., какъ кажется, по иниціативѣ академика Келера, командированнаго около этого времени въ Херсонесъ, состоялось высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ въ Крыму. Съ своей стороны, херсонскій губернаторъ, дюкъ де-Ришелье, въ вѣдѣніи котораго находился и Крымъ, предписалъ: „имѣть наблюденіе, чтобы частными людьми, по Крыму путешествующими, не было собираемо древнихъ рѣдкостей“.

Однако предписанія начальства плохо исполнялись,—и несмотря на грозные, приказы на противоположной сторонѣ Херсонесской бухты въ тридцатыхъ годахъ выросло каменное зданіе карантина изъ тѣхъ же „жалкихъ“ остатковъ города. Въ сороковыхъ годахъ, по словамъ кап. Аркаса, позднѣе подробно изслѣдовавшаго городище, „мы подвергли развалины Херсонеса большому уничтоженію“.

Въ Крымскую кампанію на развалинахъ Херсонеса побывали французы, стояли здѣсь нѣкоторое время и тоже воспользовались—чѣмъ могли.

Да и позднѣе, уже въ наше время, доморощенные археологи не оставляли своимъ вниманіемъ остатковъ Херсонеса. Вотъ что̀ сообщаетъ архитекторъ Авдѣевъ: „Въ концѣ семидесятыхъ годовъ между прочимъ былъ раскопанъ храмикъ съ красивой, хорошо сохранившейся мозаикой. Желая сберечь драгоцѣнную находку, возвели вокругъ храмика высокія каменныя стѣны, сдѣлали дверь и заперли ее крѣпкимъ замкомъ. Но увы! и это оказалось недостаточнымъ: черезъ нѣкоторое время мозаика была... расхищена при цѣломъ замкѣ. Тогда убрали и плохо охранявшія стѣны“.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я впервые знакомился съ этими мѣстами, я лично видѣлъ—на сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты, въ одной маленькой пристани вмѣсто сваи была прекрасно сохранившаяся капитель—несомнѣнно изъ Херсонеса. Въ то же время мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ севастопольцемъ, имѣвшимъ заведеніе минеральныхъ водъ, и онъ сообщилъ, что для добыванія необходимой углекислоты, по примѣру другихъ, давно пользуется мраморомъ херсонесскихъ развва-

линъ, собираніе котораго составляетъ промыселъ. Сколько при этомъ погибло цѣнныхъ фрагментовъ—кто знаетъ!

Еще недавно можно было видѣть въ садикахъ и дворикахъ нѣкоторыхъ домовъ Севастополя херсонесскія мраморныя плиты, а также куски капителей, попавшихъ въ кладку „Инженерной" пристани.

Косцюшко-Валюжиничу былъ доподлинно извѣстенъ одинъ служитель Марса, „любитель древностей", который—вопреки предписанію дюка де-Ришелье „не собирать древнихъ рѣдкостей"—собиралъ и отправлялъ ихъ какому-то любителю.

И это почти на дняхъ!

Варварское расхищеніе дорогихъ намъ остатковъ прекратилось только съ того времени, когда Херсонесъ перешелъ въ вѣдѣніе Императорской Археографической Коммиссіи (1888 г.) и получилъ необходимыя средства на производство раскопокъ и на охрану остатковъ. И все же, по словамъ завѣдующаго раскопками, К. К. Косцюшко-Валюжинича, не разъ дѣлались попытки стащить цѣнный мраморъ или набрать на развалинахъ камня. И это — при охранѣ! Какъ послѣ этого возражать противъ расхищенія?! Да что̀ Херсонесъ! Одинъ русскій интеллигентный туристъ умудрился въ 20—25 лѣтъ уничтожить сталактиты пещеръ Чатыръ-дага,—быть можетъ, лучшіе сталактиты Европы, на созданіе которыхъ природа потратила тысячелѣтія! И даже одинъ изъ такихъ сталактитовъ служитъ украшеніемъ (хотѣлось бы сказать: укоромъ) Ливадійскаго сада.

Этимъ мы и закончимъ наши повѣствованія о прошломъ Тавриды, игравшей немалую роль въ эпоху исторіи основанія русскаго государства, какъ главный проводникъ къ намъ греческой культуры и образованности, начиная съ самой грамоты,—повѣствованія, навѣянныя развалинами Херсонеса.

Е. Э. Ивановъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—Новая Исторія.

(Сонетъ З. Каппера, 1848.)

Вновь чистый листъ Исторія раскрыла
И пламенно-сверкающимъ рѣзцомъ
Потомству въ назиданье начертила
Слова неизгладимыя на немъ:

„Куда бы я свой взоръ ни обратила,
Нѣтъ страшныхъ лицъ передъ моимъ лицомъ;
Ночную тьму я свѣтомъ побѣдила,
И гадъ—безвреденъ въ бѣшенствѣ своемъ.

„Не вижу я колѣней преклоненныхъ,
Не вижу спинъ, на барщинѣ согбенныхъ,—
Дѣяній злыхъ и въ тайныхъ мысляхъ нѣтъ;

„Надъ міромъ—власть всего людского рода,
Одинъ для всѣхъ законъ, одна свобода,—
Любовь среди народовъ и совѣтъ!“

II.—Хоръ лириковъ.

(Изъ Арно Гольца.)

Любовь... Луна... Изъ-за Лассаля
Кто въ старину не спалъ ночей?
Передъ свисткомъ локомотива
Теперь смолкаетъ соловей.

Хоть мы и „вѣчные младенцы"
(Такой ярлыкъ намъ вами данъ),
Но въ насъ поэзія теряетъ—
Увы!—послѣднихъ могиканъ.

Въ пустыя бочки мы колотимъ,
Крича: „Вина простылъ и слѣдъ!"
И солнцу рады мы... но только
Не электрическому, нѣтъ!

Не въ правѣ ль въ честь Анакреона
Мы постучать и покричать?
Жизнь мимо? Пусть! Ихтіозавровъ
Мы будемъ дружно воспѣвать.

III.—Романъ.

(Изъ Лейтгольда.)

Храмъ божій одиноко
Подъ сѣнью липъ стоитъ;
Унылый звонъ далеко
Разносится—гудитъ.

Ручьи въ аббатствѣ старомъ
Рокочутъ и журчатъ;
Монахини по парамъ
Гуляютъ чинно въ рядъ.

За дымкой покрывала
Сверкнулъ знакомый взоръ...
И ночь въ душѣ настала,
Какъ совѣсти укоръ.

IV.—Да будетъ свѣтъ!

(Изъ Г. Мейнерта, 1848.)

Земля была предвѣчной мглой одѣта,
Пульсъ бытія на ней не трепеталъ,
Когда Творецъ, предвѣстницу разсвѣта,
Изъ бездны искру первую воззвалъ.

„Да будетъ свѣтъ!“ зиждительной отрады
Раздался кличъ—и вихрями лучей
Сверкнули ослѣпительные взгляды
Раскрывшихся въ безбрежности очей.

И до сихъ поръ намъ слышится, какъ нота
Въ аккордѣ міровомъ, святая рѣчь:
„Дать людямъ свѣтъ—Моя была забота;
Людская же забота—свѣтъ сберечь!“

В. Лихачовъ.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

Романъ Люкаса Малета.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

XVIII *).

Пеппи Сентъ-Джонъ слегка положила руки на плечи м-ру Иглезіасу и улыбнулась ему. Она казалась совсѣмъ молодою, но очень измученною, и уголки ея рта вздрагивали.

— Если бы вы были кто-нибудь другой, я поцѣловала бы васъ. Но я этого не сдѣлаю, не пугайтесь, милый другъ. Обѣщаю вамъ быть вполнѣ корректной, но мнѣ захотѣлось васъ повидать. Я вела себя до глупости добродѣтельно. Все прошлое пошло на смарку. Чисто и пусто. И я сама уныла, какъ пустопорожнее пространство до начала сотворенія міра.

Пеппи вздрогнула, провела рукою по глазамъ и прислонилась головою, въ большой черной съ перьями шляпѣ, къ плечу м-ра Иглезіаса, а онъ спокойно обнялъ ее рукою. Сегодняшній день былъ для него днемъ испытанія. Онъ встрѣтился въ Кенсингтонскомъ паркѣ съ Джорджемъ, видимо его избѣгавшимъ за послѣднее время—подъ вліяніемъ жены и достопочтеннаго м-ра Невингтона. Они откровенно объяснились, и извѣстіе о переходѣ Доминика въ лоно католической церкви такъ смутило Джорджа, что онъ почти убѣжалъ отъ стараго друга, оказавшагося „папистомъ". Теперь, ожидая признаній Пеппи, м-ръ Иглезіасъ заранѣе поблѣднѣлъ и стиснулъ зубы, чтобы не выдать своего волненія.

---

*) См. выше: октябрь, стр. 612.

— Я дала чистую отставку Аларику Баркингу,—продолжала Пеппи сдавленнымъ голосомъ; — я посовѣтовала ему заняться исключительно военною службой и спровадила его въ Африку— эту мерзкую дыру. Онъ—хорошій офицеръ, и навѣрно попадетъ въ герои, если его не убьютъ. А его не убьютъ—я почувствовала бы это. Я порвала съ нимъ мѣсяцъ тому назадъ, но сегодня утромъ я простилась съ нимъ передъ его отъѣздомъ.

Пеппи отошла отъ Доминика и повернулась къ нему спиной.

— Это огорчило меня болѣе, нежели я ожидала. Не думайте, что я влюблена,—она поглядѣла на него черезъ плечо,—плохое я выбрала бы для этого время, но я была привязана къ Аларику; онъ — славный малый, и мы съ нимъ ладили. Притомъ, когда достаточно потреплешься по свѣту, то мысль о всякой перемѣнѣ становится несносной, а я привыкла къ нему.

Пеппи стояла передъ Доминикомъ, опустивъ глаза и медленно разстегивая и стаскивая длинныя перчатки.

— Не знаю: рѣшилась ли бы я въ концѣ концовъ съ нимъ разстаться, если бы мнѣ не захотѣлось сдѣлать пріятное Фаллоуфильду?

М-ръ Иглезіасъ выпрямился, выраженіе лица его сдѣлалось жесткимъ, глаза блеснули. Пеппи замѣтила это; она ласково потрепала его по спинѣ.

— Ну, ну, не пускайтесь по ложному пути, мой негодующій герой! Фаллоуфильдъ былъ правъ. Игра подходила къ концу, и онъ хотѣлъ, чтобы я, какъ собака джентльмена, сама вышла изъ комнаты, прежде чѣмъ мнѣ дадутъ пинка. Это много пріятнѣе, не такъ ли? Видите ли, у Аларика явилась добродѣтельная привязанность,—Пеппи скорчила презрительную гримасу,—молодая леди—племянница Фаллоуфильда—хорошенькая дѣвушка,—я видѣла ее въ тотъ вечеръ, когда мы оба съ вами были въ театрѣ,— совсѣмъ новенькая изъ коробочки, бѣленькая, розовенькая, хорошо воспитанная, настоящая ingénue и во всѣхъ отношеніяхъ — подходящая партія.

Пеппи лукаво, даже вызывающе глядѣла на Доминика.

— Бѣдняжка Аларикъ! Я на него не въ претензіи. У его с ршаго брата нѣтъ дѣтей, а въ домѣ — куча денегъ. Весьма е ественно, что его родные желаютъ женить его.

— Но если,—гнѣвно заговорилъ Доминикъ,—если этотъ мол ой человѣкъ—капитанъ Баркингъ—желаетъ жениться, почему б ему не жениться на васъ, если, конечно, вы согласились бы п іять его предложеніе?

Пеппи швырнула на столъ перчатки, а вслѣдъ за ними—и свою соболью накидку.

— Фу! Мнѣ жарко! Я сяду, если вы ничего противъ этого не имѣете. Да, вотъ на этомъ креслѣ, оно кажется такимъ удобнымъ... Благодарю васъ. Кстати, у васъ много очаровательныхъ вещей. Я намѣрена ихъ разсмотрѣть. Такъ пріятно видѣть вашу обстановку.

Она разсѣянно скользнула взоромъ по картинамъ и мебели.

— Что же касается до моего брака съ Аларикомъ Баркингомъ, къ нему имѣется нѣкоторое препятствіе въ образѣ законнаго супруга.

Пеппи сложила руки на колѣняхъ и глядѣла черезъ плечо на подошедшаго къ окну м-ра Иглезіаса.

Вотъ тайна, открытія которой онъ всегда боялся! Онъ осуждалъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощутилъ радость при мысли о томъ, что Пеппи останется Пеппи Сентъ-Джонъ, и у него мелькнулъ лучъ надежды — нѣжной и робкой. Не къ нему ли она явилась въ самый тяжелый часъ своей жизни за утѣшеніемъ и сочувствіемъ? Доминикъ, пораженный отступничествомъ вѣрнаго Джорджа, былъ особенно признателенъ ей за это доказательство довѣрія. Грѣшная, заблудшая—женщина, похожая на облако поднимаемой вѣтромъ пыли, — вернулась къ нему, и онъ радовался этому сдержанно, но глубоко. Теперь онъ чувствовалъ себя сильнымъ и чистымъ. Эту увѣренность давала ему вѣра; сегодня онъ вернулся отъ обѣдни очищеннымъ и просвѣтленнымъ и не могъ отказать въ поддержкѣ никакому существу въ мірѣ. Его отношенія къ Пеппи выяснились и приняли иной опредѣленный характеръ. Служа прежде всего Господу Богу, онъ могъ любить ее и служить ей.

Его раздумье длилось нѣсколько минутъ, и Пеппи потеряла терпѣніе.

— Доминикъ Иглезіасъ, — неожиданно рѣзко воскликнула она,—все ли ясно между нами?

Онъ подошелъ къ ней серьезный, но съ облегченнымъ сердцемъ.

— Говорите, все ли ясно между нами?—повторила она повелительно.

— Да, все ясно. Вашъ приходъ показалъ мнѣ, насколько вы мнѣ довѣряете. Я признателенъ и счастливъ.

— Ахъ! — съ облегченіемъ вздохнула Пеппи. Она сидѣла, нагнувшись впередъ, держа руки между колѣнъ, и заговорила, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону:

— Если уже говорить всю правду, я порвала съ Аларикомъ не только для того, чтобы дать ему свободу, и также не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать угодное Фаллоуфильду. Пусть тѣ, кто поглупѣе меня—упражняются въ такой альтруистикѣ, а я люблю кое-что получить за свои деньги. Я сдѣлала это главнымъ образомъ для того, чтобы вернуть васъ.

Она подняла голову и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— И я вернула васъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь, — я ничего лучшаго не желаю, какъ вернуться къ вамъ.

— Значитъ, послѣ того, что я вамъ сказала,—вы готовы принять слова мои на вѣру, безъ всякихъ объясненій?

— Дружба не нуждается въ объясненіяхъ,—сказалъ Иглезіасъ съ оттѣнкомъ величавости; — она принимаетъ, не торгуясь, то, что̀ ей даютъ, и оставляетъ за дающимъ полную свободу. Тутъ возможны извѣстныя умолчанія—не только словесныя, но и мысленныя: мудрая экономія въ проявленіяхъ симпатіи. Въ своемъ желаніи услужить, дружба не должна заходить слишкомъ далеко и говорить слишкомъ много; корень ея долженъ быть въ уваженіи къ индивидуальности особы для нея дорогой. Таково мое credo.

Онъ говорилъ кроткимъ тономъ, съ рыцарскимъ выраженіемъ въ лицѣ и словахъ.

— Итакъ, будьте увѣрены, что довѣренное мнѣ вами—священно, и ваше желаніе о чемъ-нибудь умолчать — будетъ для меня не менѣе священно.

Пеппи задумалась, на губахъ ея играла улыбка, глаза загадочно свѣтились.

— Вы очаровательны, милый другъ, и вы сто̀ите того, чтобы ради васъ надуть чорта. Но на первыхъ порахъ мнѣ будетъ житься не совсѣмъ беззаботно, и вы должны будете присматривать за мною. Обѣщаете?

— Обѣщаю.

— Да, кстати,—продолжала она не безъ оттѣнка гордости: — во избѣжаніе недоразумѣнія, я должна сказать разъ навсегда, что финансовый вопросъ — тутъ не играетъ никакой роли. У меня собственныя деньги—не милліоны, конечно, но жить на нихъ можно. Для того, чтобы спасти ихъ отъ когтей шакала, я и поспѣшила разойтись съ нимъ; затѣмъ я кое-что выиграла на биржѣ, на скачкахъ, въ карты... Не совсѣмъ добродѣтельный способъ обогащенія,—Пеппи снова скорчила гримасу, — но теперь этому конецъ. Надѣюсь, что Каппадочіа будетъ способство-

вать увеличенію моихъ рессурсовъ—ея потомство очень дорого цѣнится. Noblesse oblige... А въ концѣ концовъ, съ моимъ голосомъ и лицомъ, я могу быть недурною актрисой. Вы не знали, что у меня есть профессія? Такова слава, милый мой, такова слава! Я дебютировала тринадцати лѣтъ и продолжала играть до тѣхъ поръ, покуда, благодаря „шакалу", это не сдѣлалось для меня такимъ же недостижимымъ, какъ добродѣтель, самоуваженіе и порядочная домашняя обстановка...

Голосъ Пеппи задрожалъ. Доминикъ сѣлъ рядомъ съ нею. Она взяла его руку въ свои и не выпускала.

— Ну вотъ, мнѣ стало легче. Я впадаю въ дѣтство. Мнѣ хотѣлось бы досыта наревѣться, но я этого не сдѣлаю. Мой девизъ: „Впередъ полнымъ ходомъ!" Что же касается сцены, то едва ли не въ ней—разрѣшеніе всѣхъ затрудненій. Зачастую меня мучительно туда тянетъ. Это—гнусная профессія для мужчины, и не особенно душеспасительная—для женщины, но она даетъ возможность выдѣлиться, а въ этомъ—все. Притомъ искусство всегда останется искусствомъ, и по немъ невольно тоскуешь. Я была страшно рада увидѣть васъ въ театрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—смущена. Неужели вы дѣйствительно имъ интересуетесь?

— Въ умѣренной степени,—Доминикъ старался говорить беззаботно, усиливаясь развлечь ее;—въ настоящее время я даже заинтересованъ постановкою одной пьесы, которая должна имѣть большой успѣхъ.

— Вы дали на это деньги? —рѣзко спросила Пеппи.

— Нѣкоторую сумму—да,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь:—ко мнѣ обратились за помощью, и отказать было бы черезчуръ жестоко.

Выраженіе лица Пеппи омрачилось; оно сдѣлалось почти бурнымъ.

— Надѣюсь отъ всей души, что сумма эта—строго опредѣленная? Что касается до меня, я не вѣрю, чтобы для истиннаго таланта нужны были какія-то чрезвычайныя мѣры и особые пути. Правда, порою антрепренеры ставятъ плохую вещь и калѣчатъ—въ угоду британскому лицемѣрію — хорошую, но они рѣдко отказываются отъ пьесы, могущей дать деньги. Бѣдняги вовсе не завалены chef d'oeuvr'ами. Пьеса, нуждающаяся въ искусственно подготовленномъ успѣхѣ,—по большей части оказывается дрянью. Публика въ общемъ — все же лучшій судья. Ея приговоръ имѣетъ рѣшающее значеніе.

Пеппи, тревожно блуждавшая по комнатѣ, подошла къ Игнезіасу и погладила его по плечу.

— Послушайте, мой уже не безъимянный возлюбленный...

Учитесь уму-разуму. Все это я испытала на себѣ—лучше, чѣмъ кто бы то ни было. „Шакалъ“, о которомъ я упоминала (хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ не залѣзалъ непонятнымъ образомъ въ нашъ разговоръ),—тоже принадлежалъ къ числу непризнанныхъ геніевъ. Они — сущій ядъ, говорю вамъ. Они отравятъ вашъ душевный покой, высосутъ изъ васъ все до гроша и добраго слова не скажутъ... Но довольно о нихъ. Покажите мнѣ ваши богатства—книги, картины, все, чтò принадлежало вашей матери, если только это не слишкомъ огорчитъ васъ? Я хотѣла бы прикоснуться къ ея вещамъ. И, пожалуйста, откройте двери. Я хочу видѣть вашу спальню.

Въ слѣдующіе полчаса Пеппи выказала себя очаровательной собесѣдницей, женственной, чуткой, деликатной. Одинокій кедръ растрогалъ ее почти до слезъ.

— Въ немъ есть нѣчто трагическое,—говорила она,—но я рада, что онъ имѣется у васъ. Онъ такъ живописенъ и скрашиваетъ банальность окружающаго. Отчасти онъ похожъ на васъ, Доминикъ, только онъ уже отцвѣлъ, а вы еще въ полномъ жизненномъ цвѣту. И ваши комнаты прелестны, онѣ похожи на васъ. Что же касается до остальныхъ — меня ввели въ гостиную, отдѣланную въ такихъ цвѣтахъ, что я остолбенѣла... Но теперь мнѣ пора уходить.

Она очень нѣжно улыбнулась м-ру Иглезіасу.

— Мнѣ стало лучше, въ тысячу разъ лучше. Теперь все выяснилось. Я — на настоящемъ пути. Съумѣю ли я только удержаться?

Губы Пеппи дрожали; она съ мольбою глядѣла на Доминика.

— Не тревожьтесь. Я увѣренъ, что у васъ достанетъ мужества.

— Но все же вы обѣщаете приходить какъ можно чаще, покуда я не войду въ колею? Это будетъ адски трудно на первыхъ порахъ.

Доминикъ Иглезіасъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

— Если Богъ мнѣ поможетъ, я къ вашимъ услугамъ до конца моей жизни.

Пять минутъ спустя, м-ссъ Парчеръ, поддерживаемая оскорбленною и негодующей Элизою, наблюдала изъ-за дверей столовой, какъ м-ръ Иглезіасъ провожалъ незнакомую лэди въ собольихъ.

Спускаясь по лѣстницѣ, Пеппи, вообще такая ловкая и увѣренная въ движеніяхъ, неожиданно споткнулась и упала бы, если бы Доминикъ не успѣлъ вò-время поддержать ее.

Въ ту же минуту Декурси-Смитъ, неряшливо одѣтый, подошелъ къ подъѣзду своею шлепающей походкой и вдругъ отступилъ, машинально поднявъ руку, словно защищая лицо отъ удара.

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, я не ушиблась, — отвѣтила Пеппи встревоженному Иглезіасу, — но я очень испугалась. Я поѣду прямо домой. Проводите меня до экипажа. Впрочемъ — нѣтъ. Я лучше пойду одна. Даю вамъ слово, что я не ушиблась... Но я должна о многомъ подумать, мнѣ нужно побыть одной, мнѣ нужно успокоиться. Приходите скорѣе. Я очень счастлива. Прощайте.

XIX.

Грязное предмѣстье, ряды огородовъ, истоптанныя гряды, запахъ гнили и отбросовъ, мрачное небо, нависшее надъ кошмарнымъ городомъ, рѣзкій вѣтеръ, крутящій въ воздухѣ всякій соръ, — все это могло разстроить самые сильные нервы.

Сердце Пеппи, быстро шагавшей по грязной мостовой, было переполнено чувствомъ горечи и униженія. Ея душа только-что попыталась развернуть крылья, и вотъ еще разъ ей предстояло съ обрызганными грязью крыльями пасть на землю. Ей казалось, что она вырвалась изъ тюрьмы, но ключъ снова заскрипѣлъ въ замкѣ, и она оказалась лицомъ къ лицу съ тюремщикомъ.

Сердце ея учащенно билось, а рука машинально касалась кармана ея длиннаго пальто, въ которомъ лежалъ маленькій, отдѣланный серебромъ револьверъ.

Декурси-Смитъ шелъ рядомъ съ нею. Нѣсколько лѣтъ прошло со времени ихъ послѣдняго свиданія, и Пеппи съ отвращеніемъ замѣтила, до чего онъ опустился. Его грязная одежда, опухшее лицо, красные глаза, нетвердая походка — внушали ей ужасъ. Бѣдность это или неряшество?

— Неужели у васъ нѣтъ другого костюма?

— Ваши деликатныя чувства оскорблены тѣмъ, что вашъ супругъ одѣтъ какъ бродяга? А чья же это вина? Если судить по вашему собственному костюму, вы легко могли бы помочь бѣдѣ...

Онъ продолжалъ свои причитанія съ истерическою болтливостью, и Пеппи пожалѣла о своемъ вопросѣ.

— Здѣсь невозможно говорить, и притомъ я не вижу необходимости длить наше свиданіе, — сказала она, едва устоявъ на ногахъ отъ рѣзкаго порыва вѣтра.

— Говорите за себя, прошу васъ!—прервалъ Смитъ:—для меня въ высшей степени интересна встрѣча съ моею женою, успѣвшею подняться за это время по общественной лѣстницѣ. Я, наоборотъ, опустился, какъ и подобаетъ ученому и джентльмену въ нашъ вѣкъ лавочниковъ и угожденія Маммону. Но именно потому примѣръ моей жены высоко поучителенъ, и я...

Порывъ вѣтра заглушилъ конецъ тирады.

— Эти разглагольствованія знакомы мнѣ, какъ мой старый башмакъ,—прервала Пеппи,—довольно я наслушалась ихъ. Перейдемъ къ дѣлу. Вы прислали мнѣ идіотское письмо, угрожая гибелью и позоромъ. Чтὸ это означаетъ? Нѣчто реальное или мелодраматическій фокусъ? Говорите скорѣе. Чтὸ вамъ нужно отъ меня?

Изъ-подъ газовой вуали видно было, что большіе глаза Пеппи горѣли мрачною злобой, а красныя губы были плотно сжаты. Смитъ отшатнулся.

— Вы... вы хотѣли бы убить меня?

— Да. Очень бы хотѣла. У меня въ карманѣ есть кое-что для этого, а на дорогѣ никого нѣтъ. Но не бойтесь. Я не собираюсь васъ убивать. Это было бы неудобно для меня по своимъ послѣдствіямъ.

Говоря такимъ образомъ, Пеппи думала о вчерашнемъ возобновленіи дружбы съ Доминикомъ, о томъ свѣтломъ, благородномъ содержаніи, которое онъ вносилъ въ ея жизнь, и въ горлѣ у нея поднялось рыданіе. Она замедлила шаги.

— Чего вамъ нужно, Декурси?—Отвѣтьте прямо—разъ въ жизни.

— У меня есть шансы на успѣхъ,—заговорилъ онъ поспѣшно,—меня ожидаетъ слава, я унижу тѣхъ, кто унижалъ меня. Но вчера я узналъ, что вы... вы стоите между мною и осуществленіемъ моихъ надеждъ. Вы готовы сыграть со мною гнусную штуку. Вотъ я и написалъ вамъ.

Пеппи презрительно взглянула на него.

— Опять деньги? Неужели вамъ не стыдно вѣчно попрошайничать? Я увеличила ваше содержаніе, и оно аккуратно выплачивается вамъ. Я имѣю въ рукахъ ваши росписки. Вы знаете, что у васъ нѣтъ на меня никакихъ правъ. Со дня свадьбы я не стоила вамъ ни копѣйки; я сама платила за каждый кусокъ хлѣба, хотя вы и толковали о вашихъ громадныхъ доходахъ. Я даю вамъ семьдесятъ-пять фунтовъ въ годъ, и не могу давать больше, такъ какъ я должна содержать себя.

— Съ которыхъ это поръ вы прибѣгаете ко лжи, моя прекрасная леди?—фыркнулъ Смитъ.

— Я никогда не лгу. Это чистѣйшая правда.

— Вы переигрываете вашу роль,—расхохотался Смитъ;—это не годится—даже передъ покинутымъ мужемъ.

Выраженіе лица Пеппи заставило его снова отшатнуться.

— Ради самого Господа, скажите, что̀ вамъ нужно? Довольно съ меня этой грязи.

— Вы не вѣрите въ меня, и потому мнѣ трудно съ вами говорить,—сказалъ онъ сумрачно;—вы всегда потѣшались надъ моимъ талантомъ, вы лишили меня увѣренности въ моихъ силахъ...

— Хорошо, хорошо. Все это я знаю наизусть. Перейдемъ къ дѣлу. Что̀ вамъ нужно?

— Я кончаю третій актъ моей пьесы...

Пеппи всплеснула руками.

— Опять пьеса? Да вы съ ума сошли? Всѣ антрепренеры вернутъ вамъ ее, не прочитавъ.

— Я обойдусь на этотъ разъ безъ нихъ. Я обращусь прямо къ публикѣ. Мнѣ обѣщали дать денегъ на устройство двухъ утреннихъ спектаклей. Я принялъ безъ колебанія, такъ какъ это—простое помѣщеніе денегъ: вѣдь я знаю, чего стоитъ моя пьеса. Она геніальна, ни болѣе, ни менѣе, какъ геніальна...

— Причемъ же я тутъ?—изумилась Пеппи, и вдругъ, соединивъ оба конца загадки, она съ отчаяніемъ и злобою воскликнула: — Понимаю! Вы тянете деньги съ Доминика Иглезіаса, обираете его, пользуясь его великодушіемъ? Но я этого не допущу,—слышите? Я положу этому конецъ.

— Почему? Вамъ самой нужны его деньги?

— Грязное животное!—задыхаясь, воскликнула Пеппи.

— До вчерашняго дня я не имѣлъ понятія о вашемъ знакомствѣ съ нимъ,—продолжалъ Смитъ, становившійся все спокойнѣе по мѣрѣ того, какъ Пеппи теряла самообладаніе;—я думалъ, что вы мѣтите выше, чѣмъ въ отставныхъ банковскихъ служащихъ. Но скромность вашихъ вкусовъ можетъ повести къ осложненіямъ. Я замѣтилъ, какъ долго вы оставались у него.

Пеппи молчала, стоя на дождѣ и вѣтру.

— На этотъ разъ, прекрасная и гордая лэди, насталъ мой чередъ—приказывать, а вамъ—повиноваться,—продолжалъ онъ, захлебываясь отъ торжества.—Если вы встанете между Доминикомъ Иглезіасомъ и мною, я разоблачу нѣкоторые факты изъ его жизни, бросающіе тѣнь на его репутацію, и ему все равно придется откупаться отъ меня. Дамы изъ Кедроваго коттэджа ревнивы какъ кошки и — болтливы. Я поставлю его въ невозможное положеніе...

— Вы тамъ живете?—спросила она разсѣянно.

— Да. Это васъ оскорбляетъ? Утѣшьтесь,—я занимаю тамъ одну комнатку — надъ изящною гостиной вашего друга. Но не могу ли я узнать: чтò вы намѣрены дѣлать? Предупредить вашего зрѣлыхъ лѣтъ поклонника и этимъ погубить его, или — держать языкъ за зубами, какъ подобаетъ благоразумной женщинѣ?

Пеппи шла, не отвѣчая. Направо темнѣла свинцовая бурная рѣка. По близости разгружали баржу съ кирпичомъ. Люди и лошади стояли въ холодной водѣ; слышалось шлепанье, крики, хлопанье бича. По желѣзнодорожному мосту съ ревомъ и свистомъ прокатилъ поѣздъ. Пеппи машинально слѣдила за рабочими. Единственный даръ, полученный ею отъ жизни, казался ей загрязненнымъ, захватаннымъ нечистыми руками. Онъ страннымъ образомъ пришелъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ, чтò было въ ея жизни самаго отвратительнаго. Чтò ей дѣлать? Умолчать — нечестно. Подвергнуть его опасности—хуже денежныхъ потерь.

— Я не выдамъ васъ. Я ничего не скажу, — проговорила она наконецъ.

— Даете слово?

— Даю. Довольно съ васъ, низкое животное. Вы достаточно меня унизили.

Смитъ близко подошелъ къ ней, трясясь отъ истерическаго возбужденія.

— Я не хочу быть неблагодарнымъ, дорогая моя. Я готовъ забыть прошлое, признать васъ моею женою и раздѣлить съ вами мой успѣхъ. Для васъ есть роль въ моей новой пьесѣ. Видите, я великодушенъ, я готовъ идти на примиреніе...

— Или вы дѣйствительно хотите, чтобы я убила васъ!..— крикнула Пеппи: — Говорю вамъ, я за себя не отвѣчаю. Если вы дорожите жизнью—прочь съ дороги!

XX.

Ночью Доминику не спалось. Въ шумѣ вѣтра и шелестѣ вѣтвей стараго кедра ему чудились давно умолкшіе шаги и голоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ его непонятнымъ образомъ преслѣдовали воспоминанія о банкѣ Баркингъ и К°, о годахъ, проведенныхъ на службѣ. Онъ вовсе не желалъ о нихъ вспоминать, но всевозможные дѣловые эпизоды назойливо лѣзли ему въ голову, и служебный персоналъ—съ сэръ-Абелемъ во главѣ — проносился въ какой-то дикой пляскѣ. Онъ задремалъ наконецъ, но и во

снѣ онъ продолжалъ грезить банковской вакханаліей; только теперь во главѣ ея уже являлся чахоточный анархистъ Паскаль Пеллетье, а женщина въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли стояла тутъ же съ непроницаемымъ лицомъ, грустными глазами и куталась въ свой вышитый драконами шарфъ.

Доминикъ проснулся въ тревожномъ настроеніи и не чувствовалъ себя освѣженнымъ послѣ короткаго сна. За завтракомъ онъ нашелъ записку отъ Декурси-Смита, уже не просившаго, а требовавшаго пятьдесятъ фунтовъ. Возможно, что у м-ра Иглезіаса нѣтъ при себѣ такой суммы, но такъ какъ онъ настолько же свободенъ, насколько авторъ письма—занятъ, онъ можетъ въ видѣ развлеченія съѣздить за этою суммою.

Прочитавъ наглое посланіе, Доминикъ почувствовалъ себя разстроеннымъ и оскорбленнымъ. Пеппи Сентъ-Джонъ предупреждала противъ ненасытности и наглости подобныхъ людей; онъ приписалъ тогда ея слова предубѣжденію, но теперь онъ начиналъ думать, что она была права. Эгоизмъ неудачниковъ вытравляетъ изъ нихъ все человѣческое. Декурси готовъ пустить его по міру, но онъ совсѣмъ этого не желаетъ.

Доминикъ отложилъ записку и принялся за газеты. Съ театра войны не было важныхъ извѣстій, но въ отдѣлѣ хроники онъ замѣтилъ въ концѣ столбца нѣсколько строчекъ, напечатанныхъ въ опроверженіе тревожныхъ слуховъ о предстоящемъ банкротствѣ извѣстнаго банкирскаго дома. Слухи эти очень преувеличены; потеря банка, конечно, весьма значительны, вслѣ; деорганизація южно-африканскаго предпріятія и потерь, вь ныхъ войною, но эти потери—чисто временныя, и лицамъ, щимъ во главѣ банка, безъ сомнѣнія удастся счастливо п вратить опасность.

Именъ не было, но Доминику не нужно было называт Сонъ его оказывался чуть ли не пророческимъ. Отложив зету, онъ взялся за другую, и тутъ только замѣтилъ кон надписанный знакомымъ почеркомъ. Письмо было отъ с сэръ-Абеля Баркинга.

Въ теченіе слѣдующей четверти часа Доминику Игл пришлось пережить величайшую внутреннюю борьбу. Онъ уз что банкъ Баркингъ и К° находится дѣйствительно едва на краю гибели, вызванной смѣлыми операціями „америка м-ра Реджинальда, котораго этотъ ударъ сломилъ нравст и физически.

„Въ виду столь тяжкихъ обстоятельствъ,—писалъ сэръ-А —я обращаюсь къ вамъ, добрый другъ, какъ къ человѣку, б

знакомому съ операціями нашей фирмы. Ваша опытность можетъ быть намъ полезной при нынѣшнемъ кризисѣ, и я, не колеблясь, обращаюсь къ вамъ за помощью, такъ какъ увѣренъ, что вы не откажетесь заплатить намъ вашъ долгъ признательности".

Выраженія сэръ-Абеля не отличались тактичностью, но за этими дутыми фразами чувствовалась настоящая мольба о помощи. Доминикъ угадывалъ ее, и онъ спрашивалъ себя: долженъ ли онъ, не взирая на грубость и неблагодарность, выказанныя ему главою фирмы, поспѣшить теперь къ нему на помощь и сдѣлать все отъ него зависящее для спасенія банка?

Онъ шагалъ по комнатѣ, съ письмомъ въ рукѣ. Все было для него слишкомъ ясно. Предпріимчивый племянникъ ощипалъ этихъ жирныхъ старыхъ гусей. Онъ предоставилъ имъ самодовольно гоготать о ихъ мудрости и опытности, а тѣмъ временемъ вытаскивалъ у нихъ по перышку, и теперь, оказавшись на половину голыми, они подняли отчаянный крикъ. Обязанъ ли онъ позаботиться о томъ, чтобы у нихъ снова отросли перья?

За эти десять мѣсяцевъ Доминикъ пережилъ переоцѣнку цѣнностей. Онъ научился цѣнить свободу; его уже не тянуло въ ярмо. Религія исцѣлила терзавшій его страхъ одиночества; онъ радостно привѣтствовалъ открывшійся ему далекій горизонтъ—общеніе съ Богомъ. И въ ожиданіи этого у него былъ на землѣ вновь обрѣтенный другъ—Пеппи Сентъ-Джонъ.

Думая о ней, онъ не могъ не вспомнить о молодомъ воинѣ и младшемъ сынѣ, и объ его отношеніи къ Пеппи, которую онъ бросилъ, какъ только остыла его страсть,—но къ нему Иглезіасъ былъ безпощаденъ. Пусть его станетъ нищимъ,—подѣломъ ему!

И тѣмъ не менѣе Доминикъ какъ-то чувствовалъ себя не вправѣ уклониться отъ возлагаемыхъ на него судьбою обязанностей. Онъ вспомнилъ, какъ, еще будучи мальчикомъ, онъ, рискуя жизнью, спасъ отъ адской машины Паскаля—противнаго пестраго кота, похожаго своими сѣдыми усами на сэръ-Абеля. Онъ успокаивалъ кота и нѣжно прижималъ его къ себѣ. Неужели же теперь, просвѣщенный свѣтомъ ученія Христова, умудренный опытомъ, онъ окажется менѣе великодушнымъ и безгнѣвнымъ, чѣмъ безсознательный ребенокъ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ перваго побужденія?

Путь къ совершенству лежитъ, быть можетъ, именно черезъ порогъ банкирскаго дома Баркингъ и К°. Но прежде чѣмъ дать окончательный отвѣтъ, онъ долженъ повидать Пеппи Сентъ-Джонъ. Она имѣетъ на него права, и онъ сдѣлаетъ такъ, какъ она рѣшитъ.

XXI.

— Въ виду вашей телеграммы, я не былъ у васъ вчера,— говорилъ Иглезіасъ, — но сегодня я зашелъ рано и безъ приглашенія, во-первыхъ, потому, что я желалъ лично убѣдиться въ томъ, что вы не ушиблись, а во-вторыхъ, оттого, что произошло нѣчто такое, по поводу чего я желалъ бы съ вами посовѣтоваться. Я нуждаюсь въ вашей санкціи.

Послѣ рѣзкаго вѣтра на улицѣ и блѣднаго солнечнаго сіянія маленькая гостиная Пеппи показалась Иглезіасу душною и грязноватою. И сама Пеппи, въ утреннемъ платьѣ изъ чернаго брокара съ голубовато-лиловыми разводами, скрывавшемъ очертанія ея стройной фигуры, казалась тоже какою - то обтрепанною. Черная лента въ видѣ перехвата на плечахъ—залоснилась и помялась. Лицо ея подъ черною массою волосъ, поднимавшихся шлемомъ надъ лбомъ, казалось неестественно мало, блѣдно и безкровно; глаза походили на темные тайники невыразимой скорби.

Черты ея не оживились; она не сдѣлала попытки привѣтствовать его, но стояла неподвижно, держа по собачкѣ на каждой рукѣ. Доминикъ даже подумалъ: не нарочно ли она взяла ихъ, услышавъ его голосъ? Она избѣгала подать ему руку.

Глядя на нее, онъ менѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ состраданіе къ Аларику Баркингу, и перспектива работы на его пользу совсѣмъ не привлекала его.

— Вы страдаете,—воскликнулъ онъ почти рѣзко,—и вы несчастны! Я бѣшусь, видя васъ въ такомъ состояніи, и желалъ бы наказать за это тѣхъ, кто этому виною!

Лицо Пеппи еще болѣе поблѣднѣло и выразило тревогу, но она сдѣлала попытку вернуться къ прежнему безпечному тону.

— Вамъ пришлось бы искать ихъ въ отдаленныхъ временахъ. Но мнѣ пріятно видѣть васъ разгнѣваннымъ. Это идетъ къ вамъ и льститъ мнѣ. Не храпи, Каппадочіа! Хорошія манеры—прежде всего, дитя мое! Но даю вамъ слово, что я не ушиблась на вашей лѣстницѣ. Просто, я одѣлась соотвѣтственно погодѣ въ это ужасное платье. Я думала, что когда цвѣты на немъ полиняютъ, они станутъ розовыми, а они стали голубыми. Я вся—точно въ синякахъ, и это соотвѣтствуетъ настроенію: я чувствую себя избитой. Но я здорова. Я никогда не хвораю.

Пеппи сбросила собачекъ на полъ. Онѣ жалобно взглянули на нее, но она не смягчилась.

— Убирайтесь! Вы слишкомъ тяжелы. Я устала васъ держать.

Она высморкалась и посмотрѣла на Иглезіаса.

— Ну, въ чемъ дѣло? На что вамъ нужна моя санкція?

Не ожидая отвѣта, она опустилась на колѣни, подставляя огню свои голыя, до локтей руки.

— Говорите, милый, и заодно помѣшайте уголья въ каминѣ. Мнѣ нынче не по себѣ!

Доминикъ въ краткихъ словахъ передалъ ей содержаніе письма сэръ-Абеля.

Пеппи поднялась и обернулась къ нему. Она оживилась и казалась менѣе безкровною.

— Вотъ что̀! Я ничуть не удивляюсь. Бѣдняги увидали наконецъ, что у нихъ въ гнѣздѣ оказалась кукушка? Аларикъ былъ весьма плохого мнѣнія о Реджинальдѣ, но его никто бы не послушалъ. А что̀, по-вашему—дѣло плохо?

— Ничего не могу сказать, не ознакомившись съ подробностями.

— Они зовутъ васъ спасти погибающій корабль? Вы пойдете?

— Это будетъ зависѣть отъ васъ.

— Во имя всего святого—причемъ тутъ я?

— Мой долгъ по отношенію къ вамъ — стоитъ на первомъ планѣ. Люди, причинившіе вамъ обиду и огорченіе—мои враги. Членъ этой семьи сыгралъ относительно васъ гнусную роль, по моему мнѣнію, и потому я лишь съ вашего согласія могу оказать услугу его роднымъ.

Румянецъ окрасилъ щеки Пеппи, глаза ея загорѣлись, губы улыбнулись милою улыбкой, но она попрежнему держала руки за спиною.

— Понимаю, понимаю!—воскликнула она.—Но какимъ образомъ, возлюбленный мой безумецъ, ухитрились вы родиться шесть вѣковъ тому назадъ, во времена рыцарства? Развѣ теперь мужчины такъ обращаются съ женщинами? Я смѣюсь, но я готова плакать оттого, что именно на моемъ пути явился такой странствующій рыцарь...

— Мое поведеніе кажется мнѣ вполнѣ естественно и просто,— отвѣтилъ Иглезіасъ нѣсколько холодно.

— Знаю, милый, въ этомъ-то и заключается весь паѳосъ,— отвѣтила Пеппи нѣжнымъ материнскимъ тономъ.—Но мы должны обсудить дѣло. Заинтересованы ли вы лично въ томъ, чтобы выволить этихъ сѣвшихъ на мель пловцовъ? Нѣтъ? Но они, по крайней мѣрѣ, хорошо вамъ заплатятъ?

— Вѣроятно они сдѣлаютъ какія-нибудь предложенія, но я ничего не приму. Я получаю пенсію.

— Вы не питаете къ нимъ личныхъ симпатій?

— Никакихъ. Наши отношенія были чисто дѣловыми. Разстояніе между хозяиномъ и служащимъ—велико.

— Вздоръ!—воскликнула Пеппи:—для нихъ было бы честью завязать шнурки у вашихъ ботинокъ.

— Я и не добивался близости къ нимъ; я считаю ее неудобною для себя. Но скажу откровенно, что многолѣтнія сношенія съ финансовымъ міромъ не прошли для меня безслѣдно, и я былъ бы глубоко потрясенъ разореніемъ фирмы, которой такъ долго служилъ. Не по натурѣ, но по привычкѣ я сталъ дѣловымъ человѣкомъ. Дѣла интересуютъ меня. И чѣмъ они запутаннѣе и сложнѣе, тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ я попытался бы распутать ихъ. Помимо всего этого, мнѣ кажется, что это—мой долгъ, отъ котораго я не имѣю права уклониться.

Въ голосѣ его послышалось при послѣднихъ словахъ что-то похожее на экзальтацію. Пеппи замѣтила, что онъ уже не смотрѣлъ на нее. Его духовному взору рисовалось нѣчто невидимое и непонятное ей, и ея женская ревность возмутилась.

Съ самаго начала Иглезіасъ имѣлъ въ ея глазахъ привлекательность. Онъ плѣнялъ ея художественный вы костью своей индивидуальности, законченностью своего и чертъ, своей серьезностью и сдержанностью, прикры глубину и страстность натуры. Онъ говорилъ ея матер инстинктамъ своимъ невѣдѣніемъ міра, своей удивитель практичностью, и она старалась оградить его отъ свѣт самой себя. Тому, что̀ было въ ея характерѣ дѣтскаго нравился своею экзотичностью, ореоломъ окружавшей е ственности, дѣлавшей его похожимъ на героя леген романа.

Но событія послѣднихъ дней дурно повліяли на Пе ожесточили, озлобили ее; въ присутствіи Доминика она вала себя виновною въ предательствѣ,—это удручало и жало ее, и она смутно переносила на него частицу сво драженія. Ея артистическіе, материнскіе, наивно-чист стинкты молчали, уступивъ мѣсто менѣе благороднымъ віямъ. Восторженность Иглезіаса, его спокойствіе, ат окружавшей его загадочности, самое изящество его внѣш злили ее, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она замѣтила, ч одной принадлежатъ всѣ его мысли. Ей захотѣлось об его, вызвать его на вспышку гнѣва.

— Доминикъ Иглезіасъ, — неожиданно рѣзко воскликнула она, — вы слишкомъ не отъ міра сего! Я не совсѣмъ въ васъ вѣрю. Сойдите на землю, станьте болѣе обыденнымъ и похожимъ на человѣка. Кто вы такой въ концѣ концовъ? Что̀ вы такое?

Онъ очнулся отъ внезапнаго раздумья и вопросительно поглядѣлъ на нее. Переходъ отъ его мечтаній къ дѣйствительности — въ образѣ грязноватой гостиной Пеппи, самой Пеппи въ поблекшемъ капотѣ съ синими разводами, ея игрушечныхъ собачекъ — былъ слишкомъ рѣзокъ. Онъ улыбнулся, какъ бы извиняясь, и заговорилъ очень вѣжливо и мягко:

— Кто я и что̀ я, дорогой другъ? Весьма обыкновенный человѣкъ, который по несчастной случайности потерялъ съ дѣтства зрѣніе, и въ лучшіе годы жизни, когда люди накопляютъ духовныя сокровища для себя и ближнихъ, — бродилъ въ потьмахъ, не зная о цѣли своего земного существованія. Онъ тосковалъ по тому, чего не зналъ, но не замѣчалъ своей собственной слѣпоты...

— Ну и что̀ же? — прервала Пеппи. Ей хотѣлось вышутить его мистическія бредни, но почему-то не хватало духу.

— И вотъ недавно, уже послѣ встрѣчи съ вами, Богу угодно было даровать мнѣ свѣтъ.

Пеппи, не отрываясь, глядѣла на него большими глазами, въ которыхъ читались вопросъ и сомнѣніе.

— Понимаю... Вы увѣровали. Но какимъ образомъ я причастна къ вашему обращенію?

— Во-первыхъ—любовью, такъ какъ дружба къ вамъ пробудила отъ сна мое сердце. Во-вторыхъ — скорбью, такъ какъ, узнавъ васъ ближе, я понялъ, какъ благороднѣйшія стороны вашей натуры служили порою недостойнымъ цѣлямъ, а это — самое прискорбное, что̀ только можетъ быть на свѣтѣ.

Наступило молчаніе, прерываемое лишь храпѣніемъ собачекъ. Пеппи, съ полнымъ презрѣніемъ къ романтизму, высморкалась и заговорила нѣсколько хрипло:

— Прошлое—на смарку. Та̀къ я сказала, та̀къ оно и будетъ! — въ голосѣ ея вдругъ послышались лукавыя нотки: — Я люблю комплименты, а вы сказали мнѣ сейчасъ величайшій комплиментъ. Мнѣ еще нужно переварить его. Итакъ, если только вы не боитесь работы, я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы отправились въ Сити.

— Я отдыхалъ почти цѣлый годъ. Боюсь только, что мнѣ пр[illegible]дется рѣдко васъ видѣть.

Она порывисто подошла къ нему и положила руки на его плечи, глядя ему прямо въ лицо.

— Слушайте, трижды милый невинный мой другъ! Съ тѣхъ поръ какъ вы упомянули страшное слово: „любовь", наши отношенія получили иной оттѣнокъ. Развѣ вы не понимаете, что мнѣ —такой, какова я есть,—приходится воевать съ семью сидящими во мнѣ бѣсами, если я желаю вести съ вами дѣло на чистоту, какъ я обѣщала вамъ? И такъ какъ я очень вами дорожу, мнѣ лучше порѣже видѣть васъ, покуда я не вошла въ новую колею. Въ извѣстномъ смыслѣ Аларикъ былъ громоотводомъ, а теперь его нѣтъ.

Она отступила, глаза ея потемнѣли.

— Есть еще и другія обстоятельства—грубыя, недостойныя, о которыхъ вамъ лучше не знать, но въ виду ихъ вамъ не слѣдуетъ бывать часто. До нашего послѣдняго свиданія я и не подозрѣвала объ ихъ существованіи; они всплыли неожиданно. Не разспрашивайте меня, я даю вамъ слово, что я права; пусть ни это, ни ваша религія—не разлучатъ насъ. Вы католикъ? Тѣмъ лучше. Я менѣе боюсь этой вѣры, чѣмъ какой-нибудь другой. Она дѣлаетъ святыхъ изъ грѣшниковъ.

Она протянула ему руку.

— Итакъ—до свиданія. Я поработаю надъ моими старыми ролями,—это пригодится.

Когда дверь затворилась за нимъ, Пеппи кинулась ничкомъ на диванъ и зарыдала.

XXII.

На слѣдующій день Доминикъ отправился къ сэръ-Абелю. За зеркальными окнами и панелями изъ краснаго дерева притаилась тревога, особенно сильно ощущавшаяся въ кабинетѣ главы фирмы. Великолѣпный портретъ сэръ-Абеля былъ теперь явною насмѣшкою надъ оригиналомъ. Банкиръ похудѣлъ, сморщился, платье висѣло на немъ мѣшкомъ, языкъ съ трудомъ произносилъ напыщенныя тирады.

Онъ усадилъ Иглезіаса въ кресло, называя его „своимъ дорогимъ другомъ", и немедленно посвятилъ его въ подробности, касавшіяся положенія дѣлъ; Доминикъ разспрашивалъ, знакомился съ отчетами,—словомъ, они какъ будто помѣнялись ролями. Онъ вернулся домой поздно—съ кипою бумагъ, но въ бодромъ, повышенномъ настроеніи, довольный результатами своего рабочаго дня.

М-ръ Иглезіасъ вошелъ безшумно, открывъ дверь своимъ ключомъ, но изъ столовой неслись звуки шумнаго веселья. Обѣдъ былъ оконченъ, и м-ссъ Парчеръ съ миссъ Гартъ стояли, взявшись подъ-ручку, между тѣмъ какъ Фарджъ съ Іортингтономъ, вдохновленные недавнимъ посѣщеніемъ цирка, изображали одинъ—льва, другой—охотника. Первый, стоя на четверенькахъ, съ мѣховымъ ковромъ изъ передней на плечахъ, рычалъ изо всѣхъ силъ и кидался на охотника, отражавшаго его нападенія съ помощью классическаго орудія—зонтика. При каждомъ скачкѣ льва, люди взвизгивали и хихикали, прижимаясь другъ къ другу.

— Берегись, хищникъ!—вопилъ Іортингтонъ:—только черезъ мой трупъ доберешься ты до этихъ невинныхъ жертвъ. А что̀, я не попалъ вамъ, Чарли, нечаянно въ глазъ?

— Нѣтъ, Берти, вы задѣли меня по носу... Р-ра! Ра-ра-ра! Р-ра!

Но вдругъ рычаніе прекратилось. М-ссъ Парчеръ вскрикнула:

— Какъ вы напугали меня, м-ръ Иглезіасъ!

— Пожалуйста, простите. Я не зналъ, что столовая занята, иначе я позвонилъ бы. Я зашелъ извиниться, что не успѣлъ протелефонировать вамъ о томъ, что я принужденъ опоздать къ обѣду.

— Мы догадываемся о томъ, что̀ могло васъ задержать!—воскликнула вызывающе миссъ Гартъ.

— Молчи, Лиззи!—шепнула м-ссъ Парчеръ, а Декурси-Смитъ, появившійся въ дверяхъ, саркастически расхохотался.

М-ръ Иглезіасъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на нихъ. Онъ слишкомъ мало, изумительно мало думалъ объ этихъ добрыхъ людяхъ. Теперь онъ почувствовалъ враждебную атмосферу. Съ удвоенною вѣжливостью онъ обратился къ хозяйкѣ, извиняясь за причиненное ей неудобство. Его вызвали въ Сити по важному дѣлу, и въ будущемъ ему тоже придется надолго отлучаться изъ дому, что̀ связано съ невозможностью для него присутствовать на обѣдахъ и завтракахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это очень неожиданно, м-ръ Иглезіасъ!

— Совершенно неожиданно для меня и по многимъ причинамъ—не желательно, но, къ сожалѣнію, избѣжать этого нельзя.

Онъ поклонился дамамъ и прошелъ къ себѣ; Смитъ догналъ его.

— М-ръ Иглезіасъ, вы получили отъ меня сегодня письмо, требующее отвѣта.

Доминикъ остановился на верхней ступени лѣстницы.

— Я получилъ ваше письмо,—отвѣтилъ онъ холодно.

— Полагаю, что, не взирая на дѣла въ Сити, вы удостоили прочесть его? Мы цѣнимъ всю важность вашего сообщенія—вы знаете, какъ я уважаю все, имѣющее отношеніе къ торговлѣ и ея представителямъ! Литература и искусство—пачкотня въ сравненіи съ нею. Но и лавочникъ—прошу прощенія: финансистъ—долженъ держать слово, данное бѣдному чорту, принадлежащему къ этой профессіи. Я долженъ васъ просить дать мнѣ деньги безъ замедленія.

Смитъ покачивался, запустивъ руки въ карманъ панталонъ; отъ него вѣяло наглостью.

— Я прочелъ ваше письмо и прошу васъ вспомнить, что я обѣщалъ оказать вамъ поддержку, какую дозволяютъ мнѣ мои средства, а каковы они—извѣстно мнѣ одному. Ваше требованіе превышаетъ ихъ, и потому я долженъ вамъ отказать.

— Отказать!—не вѣря ушамъ, повторилъ Смитъ.

— Да, отказать. Когда ваша пьеса будетъ окончена, я заплачу расходы по двумъ представленіямъ; но я не могу давать вамъ безъ конца авансы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы говорите со мною, какъ будто дѣло идетъ о благодѣяніи? Я ни отъ кого въ мірѣ не принялъ бы благодѣянія, особенно — отъ васъ. Я даю вамъ случай великолѣпно помѣстить ваши деньги. И вашъ тонъ моралиста—совсѣмъ не къ лицу вамъ. Не думаете ли вы, что я слѣпъ? Я держу въ рукахъ вашу репутацію.

— Мою репутацію?—повторилъ Иглезіасъ, вспыхивая оскорбленною гордостью и негодованіемъ.

Смитъ попятился, у него затряслись колѣни, и онъ трусливо залепеталъ:

— Извините, м-ръ Иглезіасъ, это у меня такъ сорвалось... Я измученъ, заработался... И сегодня эти идіоты довели меня до бѣлаго каленія. Вы великодушно поступили со мною. Я самъ не сознаю, что̀ говорю... Я какъ-нибудь обойдусь эти дни. Мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ. Покойной ночи.

Войдя къ себѣ, Доминикъ ощутилъ облегченіе при видѣ знакомыхъ предметовъ. Онъ разложилъ бумаги, готовясь проработать часть ночи, но эта мысль не тяготила его, работа уже не была для него подневольною. Она была свободнымъ трудомъ,—и эту свободу духа давала ему вѣра.

Онъ вспомнилъ о Пеппи, этой странно обольстительной женщинѣ измѣнчивыхъ настроеній. Какъ она умна, какъ хорошо она знаетъ людей! И вдругъ у него мелькнула мысль, заста-

вившая его подскочить на мѣстѣ. Чтò если „шакалъ" Пеппи былъ не кто иной, какъ его сосѣдъ Декурси-Смитъ, неровные, шлепающіе шаги котораго онъ слышалъ наверху надъ своею головой?

XXIII.

— Я не писала вамъ, Рода, такъ какъ не знала, желаете ли вы съ Джорджемъ видѣть меня. Но все же, когда лэди Сэмюэльсонъ предложила завезти меня къ вамъ, я согласилась.—Серена произнесла эти слова съ большимъ достоинствомъ и выразительно зашелестѣла юбками.

— Очень рада васъ видѣть, Серена,—говорила м-ссъ Лёвгровъ, подводя ее къ почетному мѣсту на диванѣ.—Ваше посѣщеніе развеселитъ бѣднаго Джорджи, онъ что-то скучаетъ. Увы, не все въ этомъ домѣ идетъ такъ гладко, какъ прежде...

Тутъ м-ссъ Лёвгровъ тяжело вздохнула, и Серена—хотя роль ангела-утѣшителя была въ сущности не въ ея средствахъ—насторожилась. Она обладала большимъ запасомъ любопытства, бывшимъ всегда къ услугамъ ея знакомыхъ.

— Это началось еще въ то время, какъ вы и м-ръ Иглезіасъ гостили у насъ въ ноябрѣ, Серена.

— Пожалуйста, Рода, не упоминайте этого имени! Послѣ всего, чтò я перенесла,—я думала бы, что простая деликатность требуетъ этого.

Воображаемый романъ Серены съ м-ромъ Иглезіасомъ былъ самымъ интереснымъ эпизодомъ ея жизни. Она тщательно разработала его въ умѣ, взвѣшивая каждую мелочь, припоминая малѣйшую подробность ихъ встрѣчъ и разговоровъ, и мало-помалу она безъ труда представила себя героинею сложной интриги, чтò чрезвычайно подняло ее въ ея собственныхъ глазахъ и даже въ глазахъ ея близкихъ, придавъ ей романическій интересъ.

Никогда еще Серена не давала такого рѣшительнаго отпора своей сестрѣ-филантропкѣ, какъ теперь. Никогда она такъ не занимала собою небольшой избранный кружокъ въ Слоуби. Серена говорила о сердечныхъ дѣлахъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

М-ссъ Лёвгровъ поспѣшила извиниться; ея смиреніе смягчило Серену, которая нашла, что Рода измѣнилась къ лучшему.

— Чтò же случилось съ Джорджи?

— Ахъ, это ужасно! Онъ едва рѣшился сказать мнѣ. Онъ

зналъ, какъ я буду поражена и какое это оскорбленіе для нашего дорогого викарія! Вѣдь онъ у насъ въ домѣ познакомился съ человѣкомъ, который оказался католикомъ!

— Кто? Чтò?—воскликнула Серена.

Она забыла о своемъ намѣреніи держаться свысока и сохранять безучастный видъ: любопытство преодолѣло всѣ прочія соображенія.

— М-ръ Иглезіасъ, конечно,—кто же другой?—отвѣтила м-ссъ Лёвгровъ съ чувствомъ тайнаго удовлетворенія. То, чтò она имѣла сообщить, было ужасно, но воздержаться отъ сообщенія—было бы еще ужаснѣе.

— Хуже всего то,—продолжала она, довольная эффектомъ своихъ словъ,—что онъ такъ долго держалъ это отъ насъ въ полной тайнѣ. Разумѣется, я не знала, насколько паписты двуличны: вѣдь мы, слава Богу, не имѣемъ случая встрѣчаться съ ними въ домахъ, гдѣ мы бываемъ. И все же, чтобы м-ръ Иглезіасъ, бывшій у насъ своимъ человѣкомъ, казавшійся такимъ безупречнымъ джентльменомъ, честнымъ и прямымъ, чтобы онъ...

— Вы ошибаетесь, Рода!—воскликнула Серена, не выдержавъ роли величественно-хладнокровной лэди:—можетъ быть, вы съ Джорджемъ были изумлены, но не я! М-ръ Иглезіасъ всегда внушалъ мнѣ подозрѣнія. Я не разъ предупреждала васъ. Тогда вы съ Джорджемъ сердились, теперь вы сами видите, что я была права. Я рѣдко ошибаюсь. Даже Сюзанна согласна съ тѣмъ, что я очень наблюдательна. Послѣ его поведенія со мной—никакой поступокъ со стороны м-ра Иглезіаса не удивитъ меня... Вы видѣли его послѣ того, какъ это обнаружилось, Рода?

— О, нѣтъ. Онъ заходилъ два раза, но, къ счастію, Джорджи не было дома. Онъ часто ходитъ теперь гулять, бѣдный Джорджи,—м-ссъ Лёвгровъ шумно вздохнула,—затѣмъ онъ написалъ Джорджу длинное письмо, но этого письма мнѣ не показали.

М-ссъ Лёвгровъ поднесла платокъ къ глазамъ.

— Послѣ многихъ лѣтъ супружества мнѣ очень тяжело, Серена, оттого, что между мною и Джорджи нѣтъ полной откровенности. Прежде, слыша о несогласіяхъ между супругами, я всегда жалѣла женъ, но все же обвиняла ихъ; теперь я думаю иначе...

— Миссъ Элиза Гартъ!—визгливо доложила горничная.

Серена встала вмѣстѣ съ хозяйкою. Чувство достоинства приказывало ей уѣхать, любопытство—удерживало ее на мѣстѣ. Притомъ, неловко обидѣть Роду. Джорджъ также будетъ огорченъ, не заставъ ее.

Она усѣлась въ кресло, такъ какъ миссъ Элизѣ, въ качествѣ новопришедшей, полагалось занять почетное мѣсто. Серена рѣшила держаться какъ можно холоднѣе, но миссъ Элиза была въ боевомъ настроеніи.

— Вы извините, м-ссъ Лёвгровъ, что я прихожу одна, безъ Пышечки? У нея ужасная невралгія; она совсѣмъ себя не бережетъ. Я посовѣтовала ей прилечь и скушать чего-нибудь съ чаемъ. А она мнѣ: „Лиззи, милая, не въ пищѣ я нуждаюсь, а въ душевномъ покоѣ".

— У всѣхъ у насъ — свои горести,—вздохнула хозяйка, а Серена зашуршала—изъ чувства симпатіи къ ней, или въ видѣ протеста противъ словъ миссъ Гартъ—трудно рѣшить.

— Многихъ горестей можно избѣжать. Стбитъ только быть на сторожѣ. Мы бываемъ недостаточно осмотрительны. Мама съ дѣтства внушала намъ осмотрительность. Я очень осторожна, но Сюзанна — не всегда. Нельзя слишкомъ довѣрять людямъ.

— Ахъ, въ этомъ-то и несчастье бѣдной дорогой Пышечки!— воскликнула миссъ Гартъ, пользуясь удобнымъ случаемъ. — Довѣрчивость—величайшій изъ ея недостатковъ. Не то чтобы наши джентльмены были неблагодарны... Даже м-ръ Смитъ, бывшій вначалѣ такимъ медвѣдемъ, очень измѣнился къ лучшему. Да и кто не смягчился бы подъ ея вліяніемъ! Есть, правда, такой человѣкъ, но это—не мистеръ Смитъ. Въ его брачной жизни была, какъ и у м-ссъ Парчеръ, тяжелая драма; они могутъ подать другъ другу руку. Вы этого не понимаете, вы слишкомъ счастливы въ вашей семейной жизни, м-ссъ Лёвгровъ.

Хозяйка судорожно перевела духъ.

— Но не всѣ такъ счастливы. М-ръ Смитъ, вращающійся въ избранномъ кругу, разсказываетъ объ этомъ обществѣ удивительныя вещи. Онѣ касаются, между прочимъ, и небезъизвѣстнаго намъ джентльмена... Кстати, вы часто видите м-ра Иглезіаса?

У миссисъ Лёвгровъ на лбу выступили капли пота.—Не такъ часто, какъ прежде. Джорджи много гуляетъ въ теплую погоду, ему нуженъ моціонъ, а у нея масса хлопотъ по хозяйству: хотя прислуга и давно живетъ у нихъ, за всѣмъ нужно присмотрѣть самой. Приходится иногда отказывать гостямъ...

Почтенная дама всѣми силами старалась перемѣнить разговоръ, но отъ большой Элизы трудно было отдѣлаться.

— Я спрашиваю васъ ради Пышечки. Ея интересы должны быть ограждены. Мнѣ лично—все равно, какимъ образомъ этотъ джентльменъ проводитъ время. Но репутація Кедроваго коттэджа можетъ пострадать...

Тутъ чувство справедливости восторжествовало у м-ссъ Лёвгровъ надъ мелочною ревностью и обидчивостью.

— Что касается до репутаціи, я думаю, что м-ръ Иглезіасъ стоитъ выше всякихъ подозрѣній. Конечно, перемѣна религіи — ужасное дѣло, особенно когда на это рѣшается близкій вамъ человѣкъ и хотя иностранецъ родомъ, но воспитывавшійся въ Англіи. Никто не былъ этимъ такъ пораженъ, какъ м-ръ Лёвгровъ и я. Опять-таки: раннее вставанье и рыбный столъ причиняютъ хлопоты хозяйкѣ дома, но что касается репутаціи — я по совѣсти скажу, миссъ Гартъ, что считаю м-ра Иглезіаса неспособнымъ ни на что дурное.

Элиза покачала головою.

— Видѣть — значитъ убѣдиться, м-ссъ Лёвгровъ. Что можно думать, когда видишь дамъ, разодѣтыхъ по послѣдней модѣ, пріѣзжающихъ въ гости къ джентльмену? Стиль — самый элегантный, но не такой, какой м-ссъ Парчеръ можетъ одобрить въ посѣтительницахъ нашего дома, при нашихъ отношеніяхъ съ нашими джентльменами. М-ръ Смитъ далъ мнѣ дружескій намекъ, — онъ знаетъ болѣе, чѣмъ говоритъ. Нѣтъ, м-ссъ Лёвгровъ, не взирая на ваше давнишнее знакомство съ нимъ, я должна сказать, что тутъ была недостойная игра, касающаяся интересовъ и привязанностей моего друга, м-ссъ Парчеръ.

Серена агрессивно зашуршала, и миссъ Гартъ обернулась къ ней:

— Вы что-то сказали, миссъ Лёвгровъ?

— Я ничего не сказала! — воскликнула Серена.

Она была возмущена. „Хитрая вульгарная особа! Ея обращеніе прямо оскорбительно. Она думала сдѣлать мнѣ непріятность, но она ошибается. Я знаю болѣе, чѣмъ она думаетъ“.

Серена внутренно кипятилась. Ужъ если со стороны м-ра Иглезіаса была игра, то исключительно по отношенію къ ней. Если она сама не была единственнымъ предметомъ его любви, пусть она будетъ по крайней мѣрѣ единственною жертвою его коварства. Мысль о томъ, что м-ссъ Парчеръ желаетъ дублировать съ нею роль обманутой героини — показалась ей неслыханною дерзостью! Она надменно обернулась къ хозяйкѣ.

— Не знаете ли вы, Рода, когда вернется Джорджъ? Я готова подождать его, но я не могу ожидать безъ конца. Я должна соблюдать приличія относительно лэди Сэмюэльсонъ. Отсюда до Ladbroke-Square — очень далеко, а мнѣ еще надо одѣться къ обѣду. У лэди Сэмюэльсонъ строго соблюдается свѣтскій этикетъ и она любитъ порядокъ. Мнѣ, конечно, не трудно быть

аккуратной. Мама требовала отъ насъ аккуратности. Она находила, что опаздывать грубо, и я тоже это нахожу.

— Мнѣ будетъ очень жаль, если вы уѣдете, Серена. Джорджъ очень огорчится,—гостепріимно настаивала м-ссъ Лёвгровъ.

— Это что-то новое для м-ра Лёвгровъ—уходить въ вашѣ пріемный день,—не безъ скрытаго сарказма замѣтила Элиза. — Кажется, ранѣе этого не случалось?

— М-ссъ и миссъ Бэллэрдъ! — кстати доложила горничная.

М-ссъ Лёвгровъ поспѣшно встала, обрадовавшись на этотъ разъ богатымъ диссиденткамъ изъ торговаго сословія, которыхъ она втайнѣ нѣсколько стыдилась. Миссъ Гартъ становится очень зла. Жаль будетъ, если она пересидитъ Серену.—Вы знакомы? Кузина моего мужа—миссъ Лёвгровъ! Вы уходите, миссъ Гартъ? Мой привѣтъ м-ссъ Парчеръ. Желаю ей скорѣе поправиться отъ ея невралгіи. Нынче многіе страдаютъ отъ этой болѣзни, не правда-ли, миссъ Бэллэрдъ? Надѣюсь, что вы еще не прощаетесь, Серена?

— Право, не могу вамъ обѣщать, что дождусь Джорджа, Рода. У лэди Сэмюэльсонъ,—Серена возвысила голосъ,—у лэди Сэмюэльсонъ (м-ссъ и миссъ Бэллэрдъ переглянулись между собою и почтительно насторожились) масса приглашеній, и, разумѣется, она желаетъ, чтобы я съ нею всюду бывала. Дома я должна помогать ей принимать гостей. У меня очень мало свободнаго времени. Передайте Джорджу мое искреннее сожалѣніе.

— Вы очень добры, Серена,—смиренно сказала м-ссъ Лёвгровъ.

„Рода измѣнилась къ лучшему, — говорила себѣ Серена, проходя по Триммеръ-Грину: — кажется, она поняла, что м-ръ Иглезіасъ дурно поступилъ со мною? Она заступилась за него, положимъ, но, кажется, больше для того, чтобы осадить эту ужасную миссъ Гартъ. Никогда не повѣрю, чтобы онъ обращалъ какое-нибудь вниманіе на м-ссъ Парчеръ. Интересно, какая дама пріѣзжала къ нему: та ли самая, которую мы видѣли въ театрѣ?..“

Вплоть до самаго дома лэди Сэмюэльсонъ, Серена не переставала соображать и предполагать.

XXIV.

Доминикъ Иглезіасъ долго колебался, прежде чѣмъ предпринять рѣшительный шагъ и присоединиться къ римско-католической церкви.

Онъ опасался утратить свою свободу; онъ слишкомъ долго жилъ внѣ религіозныхъ интересовъ, и внѣшнее подчиненіе культу пугало его,—какая-то непонятная робость его удерживала въ преддверіи новой жизни. Онъ рѣшился на это внезапно, подъ вліяніемъ настроенія, охватившаго его съ непобѣдимою силой.

Это было еще весною. Лондонъ разукрасился флагами по случаю паденія Лэдисмита; звонили колокола, развѣвались мокрые флаги, на улицахъ стонъ стоялъ. Доминикъ, вышедшій посмотрѣть на народный праздникъ, возвращался утомленный толкотнею. Грязный троттуаръ казался чернымъ отъ массы народа; желтоватый отблескъ заката придавалъ нѣчто зловѣщее сѣрому небу. Иглезіасу почудилась въ немъ угроза; Лондонъ въ этотъ часъ казался ему страшнымъ и отталкивающимъ. Черты его были нахмурены, движенія — грубы, смѣхъ — хриплъ, одежда— забрызгана грязью. Иглезіасъ чувствовалъ себя смущеннымъ, одинокимъ, беззащитнымъ передъ этимъ чудовищемъ въ образѣ города.

Желтый отблескъ заката ложился на архитравъ и колонны фасада большого храма,—и фигура Пресвятой Дѣвы, его вѣнчающая, выдѣлялась съ особою рельефностью. Въ это время до него донеслись слабые звуки музыки изъ-за дверей запертаго храма, и они показались ему небесной гармоніей. Иглезіасъ понялъ, что для него настала минута безповоротнаго рѣшенія. Медлить долѣе было бы нечестно. Съ одной стороны была столица—эмблема матеріальныхъ и соціальныхъ стремленій міра, смѣшенія радостей и скорби, роскоши и нищеты, высшей культуры и гнуснаго разврата. Съ другой стороны была церковь—строгая, требовавшая чистаго сердца и чистыхъ рукъ, обѣщающая неземное блаженство послѣ долгаго тернистаго пути.

„Еслибы знать, еслибы знать!—говорилъ себѣ Иглезіасъ.— Но вѣдь мы ни въ чемъ не увѣрены, а цѣна такъ высока: отреченіе отъ всего земного...“

Въ немъ вдругъ пробудился призывъ плоти, голосъ ея—всегда сдерживаемый и подавляемый. Онъ увидѣлъ себя въ воображеніи жаждущимъ всѣхъ наслажденій міра, обуреваемымъ всѣми его страстями. Онъ пережилъ минуту величайшихъ искушеній, словно въ немъ — Доминикѣ Иглезіасѣ, отставномъ банковскомъ служащемъ — воплотилось человѣчество съ его многообразными желаніями и порывами. И поборовъ ихъ, онъ отворилъ тяжелую дверь и вошелъ.

Внутри храма былъ сумракъ, и дымъ отъ ладана поднимался облакомъ къ высокому куполу; фигуры молящихся казались издали

черными точками. Лишь высокій алтарь сіялъ свѣчами, и надъ нимъ царила среди золотыхъ лучей таинственная безцѣнная святыня Тѣла Господня.

Спокойно и безбоязненно, какъ человѣкъ, возстановленный въ своихъ правахъ, Доминикъ прошелъ впередъ и преклонилъ колѣна, какъ дѣлалъ это, будучи ребенкомъ. Ему даже почудилось, что онъ чувствуетъ на своемъ плечѣ руку матери, когда-то водившей его въ церковь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже открывалъ духовнику тайны своей души. Съ этого дня въ сердцѣ его воцарились спокойствіе и миръ; онъ нашелъ себѣ пристанище среди волнъ житейскаго моря.

Теперь былъ августъ—душный и знойный; не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка; солнечные лучи свѣтили какъ-то безжизненно и тускло въ облакахъ пыли. За городомъ было не лучше, чѣмъ въ городѣ, и Доминикъ, сидя около шести часовъ вечера на скамьѣ близъ Barnes-Common, гдѣ онъ познакомился съ Пеппи, ощущалъ недостатокъ въ воздухѣ. Большой свѣтъ, играющій въ „поло“, — разъѣхался. Малый свѣтъ, или скорѣе то, что не называется „свѣтомъ“, — оставалось въ городѣ, въ количествѣ пяти-шести милліоновъ. Доминикъ тоже оставался въ Лондонѣ; онъ также работалъ по буднямъ въ августовскую жару и духоту, а по праздникамъ искалъ, подобно имъ, прохлады и отдыха, и зачастую не находилъ ихъ.

За послѣдніе два мѣсяца онъ рѣдко видѣлъ Пеппи и не имѣлъ отъ нея извѣстій. Случайно или умышленно она не оказывалась дома въ тѣ дни, когда ему удавалось вырваться, чтобы зайти къ ней. Затѣмъ она куда-то уѣхала на три недѣли со своею пріятельницею, миссъ Дотти Пэррисъ, alias — Шарлотта Кольтгёрстъ.

Со времени его возвращенія въ банкъ и его догадки о томъ, что Декурси-Смитъ—ея мужъ, на дружбу ихъ словно пала тѣнь. Покуда этотъ мужъ оставался безъимяннымъ, Доминикъ отвлеченно сожалѣлъ о ея бракѣ, но теперь, когда его существованіе оказывалось фактомъ, обставленнымъ весьма непріятными подробностями, Доминикъ ловилъ себя на мысляхъ и ощущеніяхъ, не дѣлавшихъ ему чести. Негодованіе, отвращеніе, непонятное чувство ревности и ненависти—все это было, можетъ быть, вполнѣ естественно, но едва ли могло способствовать спасенію души.

Напрасно онъ говорилъ себѣ, что его подозрѣніе относительно тожественности Декурси-Смита съ мужемъ Пеппи было основано на одномъ предположеніи. Онъ не могъ освободиться отъ этого убѣжденія, и пребываніе подъ одною кровлей съ этимъ

человѣкомъ дѣлалось для него невыносимымъ, да и въ самой атмосферѣ Кедроваго коттэджа ощущалась враждебность. Комната его уже не была безопаснымъ убѣжищемъ. Но среди усиленныхъ занятій у него не было ни досуга, ни энергіи для пріисканія новаго помѣщенія. Куда ему дѣваться? Лондонская пустыня пугала его.

Тѣмъ временемъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что между нимъ и Пеппи начинается какое-то отчужденіе: ихъ словно раздѣлялъ призракъ Декурси-Смита, и это дѣлало ихъ сношенія принужденными и неискренними. Онъ дорого бы далъ за то, чтобы узнать правду, но это было личнымъ дѣломъ Пеппи, и онъ не могъ вторгаться въ ея довѣріе. Покуда она молчитъ, онъ не можетъ заговорить первый. И все же, несмотря ни на что, онъ болѣе жаждалъ по временамъ ея голоса и присутствія, чѣмъ сознавался въ этомъ самому себѣ.

Джорджъ Лёвгровъ также не показывался, и Доминикъ чувствовалъ себя очень одинокимъ и покинутымъ.

Сегодня это ощущеніе было настолько сильно, что онъ рѣшилъ зайти къ Пеппи въ надеждѣ что-нибудь узнать о ней, но его ожидало разочарованіе. Хорошо выдресированная горничная дружелюбно приняла его и сообщила, что госпожа ея вернулась въ городъ, но что она выѣхала по театральному дѣлу и вѣроятно поздно будетъ дома. Поэтому Доминикъ дошелъ до Barnes-Common и присѣлъ отдохнуть на знакомую скамью—мѣсто его знакомства съ Каппадочіей, происшедшаго болѣе года тому назадъ. Онъ погрузился въ раздумье. Кедровый коттэджъ уже не былъ для него домомъ,—онъ избѣгалъ его, насколько могъ. Быть можетъ, съ закатомъ солнца воздухъ посвѣжѣетъ и легче станетъ дышать. Теперь и эта мѣстность напоминала раскаленную печь. Мѣдно-красный отблескъ стоялъ надъ Лондономъ, какъ огненный столпъ; на сѣро-голубомъ небѣ сгущались пепельныя облака съ бѣлыми краями. Не разразятся ли они освѣжающимъ ливнемъ и грозою? Въ этой надеждѣ онъ продолжалъ сидѣть.

Доминикъ нуждался въ скоромъ отдыхѣ и ощущалъ потребность освѣжиться. Онъ не могъ скрывать отъ себя, что усиленныя занятія и жара—начинаютъ плохо вліять на его здоровье. Еще сегодня, возвращаясь отъ ранней обѣдни, онъ по дорогѣ изъ Кенсингтона въ Church-Street почувствовалъ такую слабость, что не безъ труда добрался до своей прежней квартиры въ Holland-Street и попросилъ у маленькаго лысаго привратника позволенія войти и отдохнуть.

Въ комнатахъ нижняго этажа, защищенныхъ ставнями, было

темно и прохладно; только большое окно столовой было отворено, и старичокъ, поставивъ у него стулъ, принесъ стаканъ воды для м-ра Иглезіаса.

— Я желалъ бы предложить вамъ какой-нибудь другой напитокъ, сэръ, но у меня кромѣ воды ничего нѣтъ.

Вода была свѣжая, прохладная, и Доминикъ съ признательностью выпилъ ее, словно ее подала ему рука матери. На глазахъ его навернулись слезы при видѣ заброшеннаго садика. Отъ великолѣпнаго лавроваго куста остался одинъ остовъ, но плющъ и жасминъ еще вились по стѣнкѣ; въ пустомъ каменномъ бассейнѣ чирикали воробьи. Отдыхавшему въ сумракѣ и прохладѣ Доминику это мѣсто показалось успокоительнымъ: грустныя воспоминанія какъ-то сгладились,—остались одни лишь милыя и нѣжныя. Ему захотѣлось совсѣмъ остаться здѣсь.

Доминикъ обратился къ привратнику, стоявшему передъ нимъ въ позѣ, выражавшей озабоченность, восхищеніе и почтительность.

— Значитъ, домъ все еще отдается внаймы?

— Да, сэръ, и по всей вѣроятности онъ не скоро будетъ сданъ. Нужны большія передѣлки, а хозяинъ не желаетъ входить ни въ какіе расходы. Уже перестали и смотрѣть квартиру.

— А цѣна не высока?

— Очень не высока, сэръ, для такой приличной мѣстности.

И теперь, сидя на неудобной скамьѣ, Доминикъ мечталъ о прохладныхъ старомодныхъ комнатахъ. Хорошо было бы подвести тамъ свой жизненный итогъ и испустить духъ въ знакомой съ дѣтства обстановкѣ!

Онъ поднялъ глаза къ блѣдному раскаленному небу и бѣловатымъ облакамъ,—и вдругъ двигавшаяся мимо толпа, свѣтлыя платья женщинъ и дѣтей померкли передъ нимъ, подернулись туманомъ. Ему показалось, что онъ проваливается въ какую-то темную бездну, и столбы удушливой пыли поднимаются кругомъ, обволакиваютъ его и душатъ—мертвымъ пластомъ.

Но тутъ изъ тьмы и духоты ему предстала Пеппи—въ запыленномъ автомобильномъ костюмѣ и вуали, принося съ собою утѣшеніе и помощь.

XXV.

— Вы приходите въ себя, милый другъ. Положительно, у васъ лучшій видъ. Вы нуждались въ порядочномъ обѣдѣ. Знаете, вы были въ такомъ состояніи, что я думала: не придется ли

призвать на помощь кого-нибудь для того, чтобы отвезти васъ сюда? Вы были великолѣпны, какъ всегда. Достоинства въ васъ было столько, что хватило бы на цѣлую династію, да еще осталось бы. Вы можете учить, какъ надо падать въ обморокъ съ достоинствомъ. Я не хочу сказать, что вы упали въ обморокъ,— слава Богу, этого не было,—но вы были весьма къ этому близки... Да, да, милый...

Пеппи перегнулась черезъ столъ и дружелюбно погладила его руку.

— Я хочу напугать васъ для того, чтобы вы были осторожны; много есть на свѣтѣ лишнихъ людей, но вы не принадлежите къ ихъ числу. Примите къ сердцу мои слова, не то я не буду знать ни одной спокойной минуты. Что же касается внѣшности — вы извините меня, если я войду въ подробности костюма, — то она подходитъ скорѣе ко дню открытія скачекъ, чѣмъ къ Barnes-Common въ жаркій августовскій день! Этотъ сѣрый цилиндръ, сѣрый сюртукъ и прочее — внушили толпѣ благоговѣйный ужасъ. Не обижайтесь, милый. Вы не виноваты въ томъ, что вы такъ элегантны и красивы. Вашъ портной — настоящій перлъ. Но какъ онъ долженъ любить васъ! Онъ долженъ былъ бы васъ одѣвать даромъ, ради одного удовольствія— примѣрять на васъ костюмъ.

Обѣдъ былъ превосходный: супъ—горячій, прозрачный какъ янтарь, вино — девяносто-двухъ-лѣтнее Ayala, въ мѣру замороженное, и все menu—въ томъ же родѣ. Хрусталь, серебро, фарфоръ — красиво выдѣлялись на бѣлой скатерти при свѣтѣ свѣчей подъ розовыми абажурами. Двери въ гостиную были отворены, и это производило впечатлѣніе бо́льшаго простора и прохлады.

Пеппи, въ пышномъ платьѣ изъ чернаго муслина, затканнаго блѣднорозовыми розами съ листьями цвѣта бронзы, ухаживала за своимъ гостемъ, болтала съ нимъ и подбодряла его. Глаза ея какъ-то особенно свѣтились и голосъ звучалъ нѣжно и ласково. Никогда не была она болѣе привлекательной, болѣе естественной, никогда не было въ ней столько милой веселости.

Доминикъ Иглезіасъ радостно и благодарно отдавался очарованію женщины и окружающаго ее комфорта. Умѣренный во всемъ, онъ и наслаждался умѣренно. Но теперь онъ былъ растроганъ и счастливъ. Жизнь казалась ему отрадною въ этотъ часъ облегченія послѣ физическаго страданія; онъ радовался возобновленію дружбы съ Пеппи и наслаждался матеріальными благами.

— Какое счастье, что у меня оказался приличный обѣдъ!— продолжала Пеппи:—иногда моя интендантская часть оказывается не на высотѣ по праздникамъ—теперь, когда прошлое... гмъ!.. пошло на смарку... Дѣло въ томъ, что Ліонель Гордонъ, директоръ театра „Двѣнадцатаго Вѣка", долженъ былъ рѣшить сегодня вечеромъ условія моего ангажемента. Онъ — плутъ и проходимецъ, и даже въ годы юности не былъ красивъ, но онъ—самый опытный антрепренеръ въ Англіи и никогда не нарушаетъ слова, что̀ случается съ нѣкоторыми изъ нихъ. Словомъ, говоря по правдѣ, я нѣсколько волновалась въ ожиданіи его отвѣта, возлюбленный мой мечтатель, и если бы мой ангажементъ не состоялся, это огорчило бы меня. Поэтому я заказала хорошій обѣдъ—въ видѣ утѣшенія на случай неудачи, или для того, чтобы отпраздновать успѣхъ. Ужъ такая порода мы, артисты!—Пеппи разсмѣялась.

— И вашъ ангажементъ состоялся?

— Да, милый. Ліонель принялъ меня. Онъ былъ бы дуракомъ, если бы этого не сдѣлалъ, такъ какъ онъ меня знаетъ; ему извѣстно, какую школу я прошла. Притомъ Фаллоуфильдъ былъ мнѣ очень полезенъ, и въ виду послѣднихъ событій (я сказала ему, что не возьму ни одного пенса изъ денегъ Аларика), я съ чистой совѣстью могла прибѣгнуть къ помощи Фаллоуфильда. Мое жалованье будетъ на первое время номинальнымъ, покуда я не покажу себя, но все дѣло—въ случаѣ; я увѣрена, что буду имѣть успѣхъ, а денежныя дѣла уладятся сами собою.

Она положила локти на столъ и поглядѣла на Иглезіаса.

— Я страшно рада, что вы сегодня со мною. Вѣдь это— поворотный пунктъ. Волны опять несутъ меня по прежнему направленію — къ театральнымъ волненіямъ, интригамъ, зависти, доброму товариществу, жаждѣ успѣха, торжеству и разочарованію. Можете ли вы понять, что я одновременно люблю и ненавижу мою профессію? Я уже вижу ряды головъ, отъ которыхъ при первомъ выходѣ въ дрожь бросаетъ. Я уже загораюсь желаніемъ побороть ихъ апатію и недружелюбіе, одержать побѣду надъ публикой, склонить ее куда хочется, какъ вѣтеръ клонитъ траву...

Пеппи снова протянула руку черезъ столъ и погладила руку Иглезіаса. Глаза ея сверкали отъ возбужденія, но голосъ дрожалъ и срывался.

— Вы меня благословляете, милый, возлюбленный, на этотъ новый путь? Въ концѣ концовъ, вѣдь это вы вернули меня къ честному труду. Вы должны благословить меня на него.

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, дорогой другъ?—отвѣтилъ Иглезіасъ, и голосъ его тоже дрогнулъ.—Я—вашъ теперь и всегда.

Съ секунду они глядѣли другъ другу прямо въ глаза. Затѣмъ Пеппи порывисто встала.

— Пойдемъ на балконъ,—сказала она,—мы готовы расчувствоваться, а это не годится. Для васъ оно вредно послѣ вашего поведенія въ Barnes-Common, и для меня — тоже, хотя и по другой причинѣ. Тутъ страшная жара. Я васъ еще не отпущу, милый. Я телефонировала въ контору экипажей, чтобы за вами прислали кэбъ въ половинѣ одиннадцатаго. Покуда вы посидите смирно и отдохните. Намъ подадутъ кофе на балконъ.

Доминикъ безпрекословно послѣдовалъ за Пеппи наверхъ, она быстро шла впереди; они прошли черезъ спальню, гдѣ онъ почувствовалъ запахъ ириса. Лунный свѣтъ фантастически ярко смѣшивался тамъ съ газовымъ освѣщеніемъ, озаряя мебель темнаго дерева съ мѣдной инкрустаціей, зеленое шолковое покрывало и драпировки. Пеппи, не извиняясь, провела его на бѣлый съ бѣлыми перилами балконъ.

Куполъ неба казался громаднымъ и совершенно прозрачнымъ; тяжелыя тучи разсѣялись. На сѣверѣ и востокѣ отблескъ лондонскихъ огней поднимался на горизонтѣ; звѣзды были блѣдныя, но молодой мѣсяцъ ярко свѣтилъ, заливая дорогу, кусты и гигантскіе вязы яркимъ серебрянымъ, пересѣченнымъ черными тѣнями свѣтомъ. Въ воздухѣ было тихо, но въ немъ уже не чувствовалось духоты; отъ нестерпимаго зноя осталась вечерняя мягкость. Даже фасадъ террасы, слишкомъ разукрашенный цвѣтами и бьющій на эффектъ, принялъ при лунномъ свѣтѣ оттѣнокъ живописности, имѣвшій въ себѣ что-то восточное.

Пеппи молча подвела своего гостя къ тростниковымъ кресламъ, подложила ему подъ спину подушку, придвинула перламутровый столикъ и налила кофе въ двѣ чашки.

Затѣмъ она подошла къ периламъ и, поднявъ голову, заложивъ руки за спину, смотрѣла на лунный свѣтъ, обволакивавшій ея стройную фигуру съ головы до ногъ серебристымъ легчайшимъ покровомъ. Иглезіасъ видѣлъ, какъ волнуется ея грудь, вздрагиваютъ вѣки и сжимаются губы, словно боясь проронить слово, которое она считала благоразумнымъ не произносить.

Это сдержанное волненіе, въ связи съ необычайностью обстановки, производило сильное впечатлѣніе на Доминика. Когда онъ проходилъ черезъ надушенную, фантастически освѣщенную спальню навстрѣчу очарованію лунной ночи, воображеніе пере-

носило его къ давнишнимъ юношескимъ мечтамъ, рождавшимся въ немъ при чтеніи поэтовъ и звукахъ музыки и оставшимся неосуществленными среди исполненія ежедневныхъ обязанностей.

Утомительныя занятія въ Сити, мелкія непріятности въ Кедровомъ коттэджѣ, отвращеніе, внушаемое ему присутствіемъ Де-Курси-Смита,—все это отпало отъ него, словно всего этого никогда и не было. Очарованіе данной минуты говорило скорѣе его душѣ и чувству, чѣмъ чувственности, но тѣмъ не менѣе его охватила страстная жажда земной красоты—тоска по красотѣ формъ, пластикѣ, красотѣ природы и далекихъ странъ. Это была тоска по широкимъ, несущимся къ морю рѣкамъ, по придорожнымъ могиламъ, по великому и грозному лику обнаженной пустыни, по садамъ съ томно журчащими фонтанами, скрытымъ въ сердцевинѣ старинныхъ городовъ. Онъ жаждалъ красоты звуковъ и словъ, и прежде всего—красоты юности съ ея безграничными упованіями.

Очнувшись отъ этого миража, онъ отвѣтилъ Пеппи, когда она съ серьезнымъ взоромъ, но съ улыбкою на губахъ подошла къ нему.

— Какъ вы чувствуете себя, Доминикъ? Отдохнули вы?

— Да, я отдохнулъ,—отвѣтилъ онъ,—болѣе того: я живъ и грежу наяву, и все—благодаря вамъ.

Выраженіе лица Пеппи смягчилось; оно стало покровительственно-материнскимъ. Она откинулась на спинку кресла и сложила руки, но громадная напряженность воли и нервовъ сквозила подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ.

— Говорите мнѣ о себѣ,—сказала она,—говорите, надо пользоваться минутою прозрѣнія. Никто васъ не услышитъ. Сосѣдей, слава Богу, нѣтъ дома, а голоса и шаги въ отдаленіи дѣлаютъ сознаніе нашей полной уединенности еще отраднѣе. Говорите со мною, Доминикъ!.. Я нѣсколько возбуждена этими театральными хлопотами, а вы всегда меня успокаиваете. Я, право, умница и заслуживаю награды. Мнѣ многое хотѣлось бы знать.

— Ну, я могу сказать вамъ очень немногое. Только-что сейчасъ, въ виду грандіознаго полета моей фантазіи, я чувствовалъ себя пристыженнымъ скудостью содержанія моей жизни! Эта скудость особенно поразила меня сегодня, когда я дважды рисковалъ уйти навсегда изъ этого удивительнаго міра. Мнѣ пришло въ голову: какъ мало я видѣлъ, какъ мало насладился жизнью, какъ мало я знаю! Не хотѣлось бы покидать міръ, не воспользовавшись его радостями, не ознакомившись съ нимъ ближе.

Иглезіасъ остановился,—свойственная ему сдержанность не одобряла этого порыва; она говорила въ немъ и среди неудовлетворенной тоски по красотѣ жизни. Онъ боролся съ нею, какъ съ поднимающимся приливомъ.

— И все же,—прибавилъ онъ,—въ другихъ отношеніяхъ я не стану жалѣть, когда наступитъ конецъ, такъ какъ влеченіе къ невѣдомому—сильно во мнѣ. Пусть, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ и отсутствія дарованій, жизненный мой опытъ оказался ничтожнымъ и я не совершилъ ничего выдающагося, но великое завершеніе всего земного—смерть съ ея высшимъ прозрѣніемъ—ожидаетъ меня, какъ и всякаго другого, и она сулитъ разгадку всѣхъ тайнъ...

— Не къ чему вамъ такъ спѣшить съ этимъ дѣломъ, милый другъ,—прервала Пеппи,—еще успѣете попасть на поѣздъ, который не уйдетъ безъ васъ. И затѣмъ, видите ли, я еще живу на свѣтѣ, и мнѣ... трудно безъ васъ обойтись...

Доминикъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо, обволакиваемое дымкою луннаго свѣта.

— Я радъ этому,—сказалъ онъ спокойно,—такъ какъ вы, дорогой другъ, стали для меня тѣмъ, чѣмъ не было для меня ни одно существо въ мірѣ, и самое грустное, что̀ могло бы постигнуть меня—за исключеніемъ утраты вѣры,—было бы сознаніе, что я уже не нуженъ вамъ.

— А ваша религія?—спросила она съ оттѣнкомъ ревности.

— Моя религія запрещаетъ грѣхъ, но она проповѣдуетъ любовь, и лишь съ помощью любви мы становимся ближе къ Богу.

— Вы вѣрите въ это?—спросила Пеппи.

— Я въ этомъ увѣренъ.

Они снова замолчали. Они достигли того предѣла, когда слова служатъ скорѣе помѣхою мысли. Въ это время среди тишины послышались стукъ колесъ, звонки омнибуса, утомленный тяжелый шагъ лошадей и мотивъ солдатской пѣсни. Пеппи подумала о драмѣ большинства людей, живущихъ безсознательною жизнью, чуждою всякихъ идеаловъ, но не лишенною извѣстнаго героизма, и ей показалось, что люди, стоящіе въ сторонѣ отъ толпы, не раздѣляющіе съ нею ея горестей и радостей — нуждаются въ оправданіи. Она долго пристально смотрѣла на Иглезіаса и послѣ нѣкотораго колебанія спросила:

— И все же я не понимаю васъ въ вашей отрѣшенности отъ жизни. Если вы не боитесь любви, скажите мнѣ: почему вы женились?

А онъ, словно угадывая ея побужденія, отвѣтилъ съ нѣсколько горделивой улыбкой:

— Не истолковывайте ложно моихъ побужденій, дорогой другъ. Я—вполнѣ нормальный человѣкъ изъ плоти и крови, съ нормальными наклонностями и естественнымъ влеченіемъ къ семьѣ, женѣ, дѣтямъ, домашнему очагу и всему такому. Но при жизни матери я не могъ думать объ этомъ.

— А послѣ ея смерти?

— Для всего—свое время. Что можетъ быть противнѣе расцвѣта любви у человѣка пятидесяти слишкомъ лѣтъ?

Пеппи сдѣлала гримаску.

— Новое самопожертвованіе въ формѣ самоуничиженія?

— Оно не было ужъ такъ велико,—замѣтилъ Иглезіасъ не безъ юмора:—я былъ всегда требователенъ и желалъ слишкомъ многаго. Я привередливъ. Мои вкусы гораздо выше моихъ средствъ, а мои желанія — неизмѣримо выше моего положенія и личныхъ свойствъ. Притомъ, до послѣдняго времени кругъ моихъ знакомствъ былъ очень ограниченъ. Я не хочу, чтобы меня сочли болѣе дерзкимъ, чѣмъ я есть на дѣлѣ, но у меня былъ извѣстный идеалъ, оказавшійся недостижимымъ. Въ такихъ дѣлахъ я не допускаю компромисса и соображаюсь только съ моими вкусами. Я всегда считалъ, что лучше совсѣмъ обойтись безъ чего-нибудь, чѣмъ удовлетвориться вторымъ сортомъ.

— Среди женщинъ не нашлось ни одной достойной? Бѣдняжки!

Пеппи задумалась, и вдругъ задорно разсмѣялась.

— Если бы онѣ это знали! Я вспомнила льнувшій къ вамъ увядшій листъ, питавшій, очевидно, надежды!

Пеппи обернулась къ Иглезіасу. Глаза ея сіяли, какъ звѣзды, но губы дрожали.

— Однако у васъ оригинальная манера излагать ваши воззрѣнія! Счастье для меня, что голова моя не такъ легко кружится. Итакъ, я одна царю въ вашемъ сердцѣ?

— Да, дорогой другъ, за исключеніемъ моей любви къ покойной матери, вы одна царите въ немъ, — отвѣтилъ онъ спокойно.

Пеппи оперлась локтями о колѣни, уронила голову на руки и долго сидѣла такъ, согнувшись, въ лунномъ сіяніи.

— Я получила отвѣтъ,—прошептала она срывающимся голосомъ: — онъ — лучше и хуже, чѣмъ я ожидала! Все равно, я рада; то, что есть во мнѣ лучшаго—радуется и ликуетъ. Благодарю васъ, трижды любимый, не отъ міра сего, мудрый другъ мой!

Нѣкоторое время они сидѣли молча; затѣмъ Пеппи, сдѣлавъ надъ собою усиліе, заговорила, но уже совершенно въ другомъ тонѣ:

— Послушайте, милый, имѣете ли вы понятіе о томъ, до какого состоянія вы довели себя? Говорю вамъ прямо: это не нравится мнѣ. По моему мнѣнію, вамъ пора разстаться съ банкомъ Баркингъ и К°.

— Это скоро окончится. Теперь я за управляющаго. Сэръ-Абель—въ Маріенбадѣ, другихъ компаньоновъ также нѣтъ въ городѣ.

— Мнѣ это нравится! Лѣнивые скоты.

— Но дѣла поправляются. Они уже почти налажены.

— Благодаря вамъ.

— Отчасти—да. Существовало предрасположеніе къ паникѣ, изъ-за котораго было затруднительно опредѣлить дѣйствительное положеніе дѣлъ. Однако, съ помощью терпѣнія и нѣкоторой дипломатіи, мнѣ удалось это выяснить. Результаты оказались настолько удовлетворительны, что два солидныхъ банка согласились финансировать наши предпріятія до приведенія въ порядокъ южно-африканскаго дѣла.

— Значитъ, неосторожные пловцы спасены?

— Да. И поэтому, какъ только сэръ-Абель кончитъ курсъ леченія, я удаляюсь отъ дѣлъ.

Пеппи разсердилась.

— Къ чорту его леченіе! Какое мнѣ дѣло до его печени или подагры? Пусть онъ платится за то, что объѣдался въ теченіе полувѣка. Я не думаю о немъ. Я думаю только о васъ, милый другъ,—болѣе чѣмъ когда-либо послѣ нашего объясненія,—голосъ ея сдѣлался очень нѣжнымъ:—вы не должны убивать себя, я этого не хочу, я не допущу этого. Будьте благоразумны, откажитесь отъ вашей маніи принесенія себя въ жертву, или сохраните ее исключительно для меня. Напишите этому Баркингу, чтобы онъ поторопился, что вы замучились до смерти, вытаскивая изъ ямы его противный банкъ... А вотъ и экипажъ! Я не подозрѣвала, что уже такъ поздно.

Такимъ образомъ, Доминику вторично пришлось пройти за Пеппи черезъ спальню, гдѣ пахло ирисомъ, фантастически освѣщенную луннымъ свѣтомъ и газовыми рожками. Онъ снова увидѣлъ темнаго дерева мебель съ мѣдными инкрустаціями, зеленое шолковое покрывало и драпировки.

Онъ инстинктивно хотѣлъ пройти мимо какъ можно скорѣе, но на полъ-пути Пеппи остановилась, обернулась и преградила ему путь, широко раскинувъ руки.

— Постойте на минутку, такъ какъ, по всей вѣроятности, мы уже не встрѣтимся въ этомъ домѣ, мой возлюбленный. Онъ слишкомъ удаленъ отъ центра, я должна перебраться въ городъ. На будущей недѣлѣ начнутся репетиціи. И затѣмъ, когда прошлое идетъ на смарку, надо начинать съ перемѣны мѣста, такъ какъ съ извѣстнымъ мѣстомъ всегда бываютъ связаны нѣкоторыя воспоминанія. Я ни о чемъ не сожалѣю, я увѣрена въ себѣ и жажду работы. Въ концѣ концовъ, артистка—всего сильнѣе во мнѣ. Я приняла рѣшеніе и держу носъ по вѣтру. Я смѣло могу смотрѣть въ глаза всему сущему на землѣ, и я признательна Ліонелю Гордону за то, что онъ взялъ меня, и Фаллоуфильду—за то, что тотъ „подмазалъ" его. И все же эти „перемѣны жизни"—не то что увеселительная поѣздка за городъ. Онѣ даются не легко...

Пеппи провела рукою по глазамъ, полу-смѣясь и полу-плача.

— Ахъ, любите меня, Доминикъ, любите меня по-своему—чистою любовью,—это все, чего я прошу, чего я хочу,—только любите меня всегда, всегда...

Она положила руки ему на плечи и откинула голову назадъ. А онъ, нагнувшись къ ней, цѣловалъ ея блѣдное лицо, мягкіе густые волосы, пурпуровыя губы, ея темные глубокіе глаза, безстрашно глядѣвшіе на зло, измѣрившіе его наслажденіе, и тѣмъ не менѣе мужественно отъ него отвернувшіеся. Онъ цѣловалъ ихъ нѣжно, почтительно и гордо, со всею чистотою и рыцарствомъ истинной дружбы.

— Вотъ мнѣ и лучше. Да благословитъ васъ Богъ. Не тревожьтесь. Я буду честно вести игру до конца. Только будьте тверды. Бросьте проклятый банкъ. А теперь—ступайте, милый. Покойной ночи.

XXVI.

Честный Джорджъ Лёвгровъ одиноко блуждалъ по Кенсингтонскому саду.

Съ нѣкоторыхъ поръ это вошло у него въ привычку, и онъ неизмѣнно приходилъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Доминика Иглезіаса, возвращавшагося отъ ранней обѣдни, и пораженный извѣстіемъ о его переходѣ въ католичество, съ ужасомъ бѣжалъ отъ него.

М-ръ Лёвгровъ шелъ по тѣнистой нижней аллеѣ, окаймленной цвѣточнымъ бордюромъ и густымъ кустарникомъ. Эта аллея, защищенная отъ вѣтра и снабженная множествомъ скамеекъ, по-

сѣщается преимущественно няньками съ дѣтьми, и Джорджъ приходилъ сюда полюбоваться малышами, возсѣдающими въ колясочкахъ или бѣгающими на толстенькихъ ножкахъ. Они скакали, трубили, барабанили, расходуя запасъ энергіи, накопившійся послѣ крѣпкаго сна и сытнаго завтрака. Онъ осторожно пробирался среди нихъ, слѣдя влажными глазами за ихъ бѣготнею и прыжками, боясь помѣшать имъ своею неуклюжею фигурою. Порою онъ тщетно пытался уловить дружелюбный взглядъ которой-нибудь изъ этихъ важныхъ маленькихъ особъ, но онѣ оставались царственно-безучастны къ его присутствію и нѣмому обожанію.

Уже съ нѣкоторыхъ поръ, еще до разрыва съ другомъ, онъ началъ ощущать громадную пустоту въ своей благословенной семейной жизни, особенно со времени своего выхода изъ членовъ городского совѣта, и масса свободнаго времени сильно тяготила его. Не потому ли онъ заскучалъ, что жизнь его шла слишкомъ гладко?—спрашивалъ онъ себя, возмущаясь собственною неблагодарностью. И тѣмъ не менѣе, онъ жалѣлъ о томъ времени, когда служилъ въ банкѣ: объ утренней спѣшкѣ съ опасеніемъ опоздать къ дилижансу, о продолжительной ѣздѣ по улицамъ, объ утренней газетѣ, просматриваемой дорогою, объ общемъ завтракѣ въ обществѣ другихъ служащихъ—всѣ они были хорошіе люди... А какъ было пріятно возвращаться домой къ вечеру съ какимъ-нибудь маленькимъ гостинцемъ для жены, пройтись по саду, осмотрѣть маленькій питомникъ, выслушать отъ жены о новостяхъ дня и потолковать о добромъ времени, когда онъ выйдетъ въ отставку и они заживутъ на покоѣ. Какимъ удовольствіемъ была каждая поѣздка за городъ, посѣщеніе выставки, воскресный отдыхъ, наконецъ! Еслибы у него бѣгало по дому двое-трое такихъ малышей—тогда другое дѣло! Но объ этомъ нельзя и заикнуться при женѣ; онъ обязанъ щадить ея чувства.

Джорджъ былъ въ одномъ изъ такихъ настроеній и въ тотъ памятный весенній день, когда ему встрѣтился Доминикъ. Онъ чрезвычайно обрадовался другу и вспыхнулъ какъ дѣвица, встрѣтившая случайно предметъ своего поклоненія. Доминикъ шелъ задумавшись, лицо у него было какое-то особенно просвѣтленное, „торжественное"; онъ словно не сразу узналъ его, но затѣмъ поздоровался съ нимъ со своею обычною сердечностью.

Джорджъ помнилъ, какъ они пошли вмѣстѣ по аллеѣ, и онъ признался Иглезіасу въ своихъ сомнѣніяхъ и „малодушіи" обвиняя себя за то, что поддается фантазіямъ. Тотъ прервалъ его Напрасно онъ, наименѣе эгоистичный и чистѣйшій изъ людей

вянитъ себя! Эта похвала заставила Джорджа вспыхнуть до корней волосъ, и онъ высказалъ свою радость по поводу того, что старый другъ не измѣнился къ нимъ всѣмъ, какъ онъ сталъ бояться со дня посѣщенія театра. Ему казалось, что Доминикъ скоро переѣдетъ отъ нихъ въ болѣе фешёнэбльную часть Лондона. Доминикъ улыбнулся и спросилъ — почему? И тогда онъ, краснѣя и путаясь въ словахъ, заговорилъ объ „очаровательной леди", видѣнной ими въ театрѣ. Она, очевидно, принадлежитъ къ другому, болѣе высокому кругу и, конечно, болѣе подходитъ къ Доминику, чѣмъ всѣ они. Онъ невольно любовался ими въ театрѣ и строилъ разные планы...

Доминикъ прервалъ его съ нѣсколько холодной улыбкою. Эта дама хороша собою, очень умна и очень несчастна; иногда она посылаетъ за нимъ, если онъ нуженъ ей, какъ было и въ тотъ вечеръ, но, быть можетъ, они даже и не увидятся болѣе, и вообще онъ не думаетъ мѣнять образа жизни. Почему онъ такъ рано вышелъ сегодня изъ дому? Онъ возвращается отъ ранней обѣдни.

Джорджъ помнилъ, что онъ прямо остолбенѣлъ на мѣстѣ, но Доминикъ, словно не замѣчая его ужаса, спокойно и откровенно заговорилъ съ нимъ, сообщивъ ему о пережитой имъ борьбѣ и долгихъ колебаніяхъ, приведшихъ его въ концѣ концовъ на истинный путь. Онъ вернулся къ вѣрѣ своихъ отцовъ и нашелъ въ этомъ полное успокоеніе.

Въ голосѣ друга звучалъ сдержанный восторгъ, но какъ онъ, Джорджъ, растерялся передъ этимъ неожиданнымъ признаніемъ, какъ онъ старался не глядѣть ему въ глаза, что-то бормоча о томъ, что ему еще нужно „освоиться съ этою мыслью", что религіозный вопросъ можетъ разлучить навсегда самыхъ близкихъ, и, наконецъ, подъ первымъ попавшимся предлогомъ сбѣжалъ отъ Доминика.

Онъ помнитъ, какъ несся домой, уже не замѣчая расшалившихся дѣтей, и даже врѣзался, какъ слонъ, въ ихъ толпу, произведя замѣшательство въ ихъ рядахъ. Ему казалось, что все пошло навыворотъ: кумиръ его палъ съ пьедестала и разбился въ дребезги!

Предразсудки имѣютъ громадную власть надъ людьми, и честный Джорджъ, думая о католичествѣ, рисовалъ себѣ кровавые ужасы среднихъ вѣковъ, отожествляя церковь съ инквизиціей. Какъ могъ Доминикъ, имѣвшій счастье воспитываться въ Англіи, вернуться къ этимъ дикимъ вѣрованіямъ, къ этимъ фанатическимъ обрядамъ, онъ — такой спокойный и благородный,

такой безукоризненный джентльменъ? А главное—какъ приметъ это его жена? А Сюзанна? А Серена? Что онѣ скажутъ? Бѣдный, бѣдный другъ! Ужъ лучше бы онъ оказался замѣшаннымъ въ какую-нибудь „такую“ любовную исторію...

Вердиктъ м-ссъ Лёвгровъ, конечно, оказался таковъ, какого онъ ожидалъ: всякія сношенія съ отступникомъ были прерваны, но—страннымъ образомъ—что-то порвалось и въ благословенной семейной жизни Джорджа, и съ тѣхъ поръ, переживая среди своихъ долгихъ прогулокъ исторію разрыва, онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію, что вина была, можетъ быть, не всецѣло на сторонѣ Доминика. Онъ уже готовъ былъ усомниться въ непогрѣшимости сужденій своей жены.

Съ англ. О. Ч.

ИЗЪ КНИГИ „ТОСКА БЫТІЯ“

1.

Пускай мы счастливы, пусть блещутъ наши встрѣчи
И солнцемъ радости, и яркою мечтой,
Пускай веселіемъ играютъ наши рѣчи,
Но все жъ, прійдетъ пора—и смолкнемъ мы съ тобой.

Летитъ къ небытію сорвавшееся слово,
За часомъ часъ летитъ и жизнь мелькнетъ, какъ часъ,
И старость хилая къ намъ подойдетъ сурово,
Чтобъ въ бездну вѣчности навѣкъ низринуть насъ.

Такъ для чего жъ слова, желанья и волненья?
О, замолчи скорѣй!—въ молчаньи пусть замрутъ
Всѣ наши помыслы, порывы и стремленья,
Всѣ эти спутники мелькающихъ минутъ.

2.

При свѣтѣ звѣздъ.

Миріады песчинокъ сіяютъ кругомъ,
Небеса—словно море безъ дна.
То, что̀ здѣсь, на землѣ, мы землею зовемъ,—
Изъ песчинокъ песчинка одна.
Ужасъ душу объялъ, разумъ смолкъ... Боже мой!
Освѣти! осѣни! успокой!

3.

О, жизнь печальная моя!
Жизнь безъ желаній, безъ волненій,
Безъ сердца сладкихъ упоеній,
Безъ вѣры въ лучшіе края,
О, жизнь печальная моя!

О, смерть грядущая моя!
О, страшный часъ уничтоженья!—
Исчезнетъ слухъ, угаснетъ зрѣнье
И въ безднѣ мглы погибну я....
О, смерть грядущая моя!

Д. Ратга

ТОЛЕДСКІЙ СОБОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Vicente-Blasco Ibañez. La Catedral. Novella. 1907.

III *).

Семинарія закалила духъ Габріэля. Изучая исторію испанской церкви, и въ особенности толедскаго собора, часто и подолгу останавливаясь на его подробностяхъ, Габріэль восторгался величіемъ прошлаго и горѣлъ жаждой служить церкви съ такимъ же блескомъ, какъ прелаты минувшихъ вѣковъ. Болѣе всего онъ восхищался тѣми епископами, которые защищали интересы церкви съ оружіемъ въ рукахъ, сражались противъ мавровъ и еретиковъ, брали крѣпости и города, расширяя владѣнія церкви. Эти воинствующіе князья церкви построили остовъ толедскаго собора, мощную громаду изъ бѣлоснѣжнаго камня. Сооруженіе собора длилось цѣлыхъ три вѣка. Послѣ воинствующихъ епископовъ, которые возвели основу храма, смѣнившіе ихъ болѣе культурные прелаты заботились объ украшеніяхъ, устанавливали драгоцѣнныя рѣшетки, воздвигали рѣзные порталы, увѣшивали соборъ картинами, обставляли его драгоцѣнностями. И столько мастеровъ разныхъ эпохъ работали надъ сооруженіемъ и украшеніемъ храма, что внутри его собраны образцы всѣхъ архитектурныхъ стилей, когда-либо господствовавшихъ въ Испаніи, отъ мавританскаго до готическаго во всемъ его развитіи—отъ примитивной простоты до пышности цвѣтущей поры готики. А въ отдѣльныхъ подробностяхъ отдѣлки есть даже украшенія стиля барокъ.

---

*) См. выше: октябрь, стр. 682.

Разсматривая всѣ эти образцы разныхъ эпохъ, Габріэль вспоминалъ имена и жизнь отдѣльныхъ епископовъ, участвовавшихъ въ возведеніи храма. Чаще всего онъ останавливался у часовни святого Идлефонса, гдѣ находилась гробница кардинала дона Хиля-де-Альборноза, воинствующаго прелата, который во время изгнанія папъ въ Авиньонъ не могъ примириться съ бездѣльемъ придворной жизни при авиньонскомъ папскомъ дворѣ; онъ отправился въ Италію воевать противъ еретиковъ, овладѣлъ, съ помощью набраннаго имъ войска, множествомъ итальянскихъ городовъ и подчинилъ ихъ папской власти. Самъ онъ разбогатѣлъ какъ король отъ награбленной добычи и основалъ въ Болоньѣ „испанскую коллегію". Папа, зная о его грабительскихъ набѣгахъ, потребовалъ отъ него отчета. Тогда донъ Хиль предсталъ передъ папой съ повозкой, нагруженной ключами и зàмками.

— Это—ключи отъ городовъ и крѣпостей, которые я покорилъ папской власти,—сказалъ онъ.—Это и есть мои счета.

Габріэль восторгался доблестью и мужествомъ кардинала Альборноза, и ему было особенно отрадно, что такія качества проявилъ именно служитель церкви.

„Если бы въ нашъ маловѣрный вѣкъ,—думалъ Габріэль,—нашлись такіе люди, они подняли бы католичество на прежнюю высоту".

Габріэлю было восемнадцать лѣтъ, когда онъ лишился отца. Старый садовникъ умеръ спокойно, довольный тѣмъ, что вся его семья состоитъ на службѣ при соборѣ и что такимъ образомъ традиціи семьи Луна не нарушены. Томасъ, старшій сынъ, занялъ должность отца еще при его жизни. Эстабанъ былъ сначала пѣвчимъ и помощникомъ пономаря, а потомъ произведенъ былъ въ „силенціарія", наблюдающаго за тишиной въ храмѣ, и получилъ, вмѣстѣ съ деревяннымъ шестомъ, жалованье въ шесть реаловъ въ день; это былъ предѣлъ его желаній. Относительно же младшаго сына садовникъ былъ увѣренъ, что въ немъ ростетъ будущій отецъ церкви и что на небесахъ ему предназначено мѣсто по правую руку отъ Всевышняго.

Габріэль пріобрѣлъ въ семинаріи ту суровость духа, которая превращаетъ служителя церкви въ воина, и интересы церкви были ему ближе, чѣмъ событія въ родной семьѣ. Смерть отца не произвела поэтому на него сильнаго впечатлѣнія. Его тревожили болѣе важныя политическія событія. Это было время сентябрьской революціи. Въ семинаріи и въ соборѣ всѣ очень волновались, обсуждая съ утра до вечера вѣсти, которыя доходили изъ Мадрида. Старая Испанія, съ ея великимъ историческимъ про-

шымъ, клонилась къ упадку. Кортесы, объявившіе себя учредительнымъ собраніемъ, казались этимъ чернымъ рясамъ, возбужденно слѣдившимъ за газетными извѣстіями, какимъ-то вулканомъ. Каноники радовались, читая рѣчи Мантеролы, но зато приходили въ смертельный ужасъ отъ революціонеровъ, уничтожавшихъ въ своихъ рѣчахъ все прошлое. Духовенство возлагало всѣ надежды на донъ-Карлоса, который началъ воевать въ сѣверныхъ провинціяхъ. Имъ казалось, что стòитъ королю баскскихъ горъ спуститься въ кастильскія равнины, чтобы все пришло въ порядокъ. Но проходили годы, донъ Амадео пріѣзжалъ и снова уѣзжалъ, наконецъ провозглашена была республика, а дѣла церкви не поправлялись. Небо оставалось глухимъ къ мольбамъ правовѣрныхъ. Одинъ республиканскій депутатъ провозгласилъ войну противъ Бога, похваляясь тѣмъ, что Богъ не заставитъ его молчать,—и безбожіе продолжало изливать свое краснорѣчіе, какъ воду отравленнаго источника.

Габріэль жилъ въ состояніи воинственнаго возбужденія. Онъ забылъ свои книги, не думалъ о своей будущности, пересталъ пѣть мессы. Ему было не до заботъ о себѣ и своей карьерѣ теперь, когда церкви грозила такая опасность...

Отъ времени до времени и все чаще и чаще изъ семинаріи стали пропадать то тотъ, то другой воспитанникъ, и на вопросы о томъ, гдѣ они, профессора семинаріи отвѣчали съ лукавой усмѣшкой:

— Они тамъ... съ честными людьми. Не могли спокойно смотрѣть на то, чтò творится... Молоды... кровь горячая!

И они съ отеческой гордостью относились къ этимъ проявленіямъ горячей молодой крови.

Габріэлю тоже хотѣлось уйти вслѣдъ за отважными товарищами. Ему казалось, что наступаетъ конецъ свѣта. Въ нѣкоторыхъ городахъ революціонная толпа врывалась въ храмы и оскверняла ихъ. Еще не убивали служителей церкви, какъ въ другихъ революціяхъ, но священники не могли выйти на улицу въ рясѣ, не рискуя подвергнуться издѣвательствамъ. Воспоминанія о прежнихъ толедскихъ епископахъ, объ этихъ смѣлыхъ князьяхъ церкви, безпощадныхъ къ еретикамъ, будили въ душѣ Габріэля воинственный пылъ. Онъ никогда еще не выѣзжалъ изъ Толедо и всю жизнь провелъ подъ сѣнью собора. Испанія казалась ему равной по величинѣ всему остальному міру, и онъ чувствовалъ страстное желаніе увидѣть что-нибудь новое, увидѣть воочію все то необычайное, о чемъ онъ читалъ въ книгахъ.

Однажды онъ поцѣловалъ въ послѣдній разъ руку матери, почти не замѣчая, какъ дрожала всѣмъ тѣломъ бѣдная, почти ослѣпшая старуха. Ему тяжелѣе было покинуть семинарію, чѣмъ родной домъ. Онъ выкурилъ послѣднюю папиросу съ братьями въ соборномъ саду, не открывая имъ своихъ намѣреній, и ночью убѣжалъ изъ Толедо, запрятавъ въ карманъ прелестную шолковую „бойну"—берэтъ карлистовъ,—сшитую бѣлыми руками какой-нибудь монахини въ одномъ изъ толедскихъ монастырей. Вмѣстѣ съ Габріэлемъ бѣжалъ его сверстникъ, сынъ звонаря. Они вступили въ одинъ изъ маленькихъ карлистскихъ отрядовъ, которыми полна была Манча, потомъ прошли въ Валенцію и Каталонію, горя желаніемъ предпринять нѣчто болѣе серьезное для защиты короля церкви, чѣмъ кража муловъ и взиманіе контрибуцій съ богачей.

Габріэль находилъ дикую прелесть въ этой бродяжнической жизни, проходящей въ вѣчной тревогѣ, въ страхѣ быть застигнутыми войскомъ. Его произвели въ офицеры, въ виду его знаній, а также благодаря рекомендательнымъ письмамъ отъ нѣкоторыхъ каноников толедскаго собора; писали о его выдающихся способностяхъ и о томъ, что было бы жаль, еслибы онъ остался простымъ пономаремъ.

Габріэлю нравилась свобода этой жизни внѣ всякихъ законовъ; онъ чувствовалъ себя какъ школьникъ, вырвавшійся изъ-подъ надзора. Но все-таки онъ не могъ скрыть отъ самого себя разочарованія, которое онъ испыталъ, ближе приглядѣвшись къ этимъ церковнымъ войскамъ. Онъ воображалъ, что увидитъ нѣчто подобное крестовымъ походамъ, увидитъ воиновъ, которые сражаются за вѣру, преклоняютъ колѣни для молитвы, отправляясь въ бой, и ночью, ложась спать послѣ пламенныхъ молитвъ, спятъ чистымъ сномъ праведниковъ. Вмѣсто всего этого, онъ увидѣлъ недисциплинированное войско, которое не подчинялось начальникамъ и неспособно было бросаться въ битву съ храбростью фанатиковъ, готовыхъ принести себя въ жертву для праваго дѣла. Напротивъ того, имъ хотѣлось продлить войну какъ можно дольше, чтобы продолжать жить на счетъ жителей страны и длить бездѣлье, которое было имъ такъ по душѣ. При видѣ вина, золота и женщинъ они устремлялись впередъ для грабежа, отталкивая начальниковъ, если тѣ хотѣли ихъ удержать.

Глядя на эти шайки грабителей, можно было подумать, что вернулись—среди современной культуры—времена кочевыхъ дикихъ ордъ: та же древняя привычка отбирать, съ оружіемъ въ рукахъ, хлѣбъ и жену у другого; тотъ же старинный кельто-

иберійскій духъ, склонный къ междоусобіямъ и воскресшій подъ предлогомъ политической распри. Габріэль не встрѣтилъ, за рѣдкими исключеніями, въ этихъ плохо вооруженныхъ и еще хуже одѣтыхъ войскахъ никого, кто бы сражался за идею. Среди воюющихъ были авантюристы, любившіе войну для войны, были искатели счастья, были крестьяне, которые въ своемъ пассивномъ невѣжествѣ пошли въ ряды партизановъ, но остались бы дома, если бы кто-нибудь другой посовѣтовалъ имъ остаться. Эти жалкіе, довѣрчивые люди были твердо убѣждены, что въ городахъ жгутъ на кострахъ и пожираютъ служителей церкви, и пошли въ горы, чтобы спасти общество отъ возвращенія къ варварству. Общая опасность, утомительность длинныхъ переходовъ, нужда и лишенія уравняли всѣхъ партизановъ—восторженныхъ, вѣрующихъ, скептиковъ, образованныхъ и невѣждъ. Всѣ чувствовали одинаковое желаніе вознаградить себя за лишенія, удовлетворить звѣря, котораго всѣ носили въ себѣ, раздраженнаго невзгодами и опасностями походной жизни. Они предавались поэтому пиршествамъ и неистовствамъ во время набѣговъ и грабежей. Они входили въ маленькія мѣстечки съ возгласами: „да здравствуетъ вѣра!“—но при малѣйшемъ неудовольствіи защитники вѣры ругались какъ язычники, и ихъ божба не щадила ничего святого.

Габріэль привыкъ къ этой кочевой жизни и ничѣмъ не возмущался. Прежняя скромность семинариста исчезла подъ суровостью воина.

Донна Бланка, невѣстка короля, появилась передъ его взоромъ, какъ героиня какого-нибудь романа. Романтичная и нервная принцесса стремилась уподобиться вандейскимъ героинямъ. Верхомъ на маленькой лошади, съ револьверомъ за поясомъ, въ бѣлой „бойнѣ“ на распущенныхъ волосахъ, она мчалась во главѣ вооруженныхъ отрядовъ, которые воскресили въ центрѣ Испаніи жизнь и бытъ доисторическихъ временъ. Развѣвающіяся складки ея черной амазонки служили знаменемъ для зуавовъ—отряда, составленнаго изъ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ авантюристовъ. Это были отбросы всѣхъ армій въ мірѣ, солдаты, предпочитавшіе слѣдовать за честолюбивой женщиной вмѣсто того, чтобы вступить въ иностранный легіонъ въ Алжирѣ, гдѣ ихъ ожидала болѣе суровая дисциплина.

Взятіе Куэнки, единственная побѣда за всю войну, оставила глубокое впечатлѣніе въ душѣ Габріэля. Отрядъ людей въ „бойнахъ“, взобравшись на городскія стѣны, вступилъ въ городъ и разлился широкимъ потокомъ по улицамъ. Выстрѣлы изъ оконъ

домовъ не смогли остановить побѣдителей. Всѣ были блѣдны, у всѣхъ были помертвѣвшія губы; глаза сверкали и руки дрожали отъ жадности и жажды мести. Опасность, отъ которой они избавились, и радость первой побѣды вскружили имъ головы. Двери домовъ ломились подъ ударами прикладовъ, оттуда выбѣгали перепуганные люди и падали, тотчасъ же проколотые штыками. Внутри домовъ женщины вырывались отъ партизановъ, одной рукой вцѣпляясь имъ въ лицо, а другой придерживая платье. Въ „институтѣ", мѣстной общественной школѣ, самые невѣжественные изъ воиновъ на глазахъ Габріэля разбивали шкафы съ инструментами въ физическомъ кабинетѣ, негодуя противъ этихъ дьявольскихъ изобрѣтеній, посредствомъ которыхъ нечестивцы, по ихъ мнѣнію, сообщались съ мадридскимъ правительствомъ. Они бросали на полъ и разбивали прикладами и сапогами золоченыя колеса аппаратовъ, диски электрическихъ машинъ.

Семинаристъ глядѣлъ съ сочувствіемъ на это разрушеніе. Подъ вліяніемъ семинарскаго обскурантизма, онъ тоже боялся науки, которая въ концѣ концовъ роковымъ образомъ приводитъ къ отрицанію Бога. Эти горцы, думалъ онъ, совершаютъ, сами того не зная, великое дѣло. Хорошо, если бы вся нація послѣдовала ихъ примѣру. Въ прежнія времена не существовало выдумокъ науки, и Испанія была счастливѣе. Для благополучія страны достаточно знаній служителей церкви, а невѣжество народа только способствуетъ спокойствію и благочестію. А это развѣ не все?

Война кончилась. Партизаны, преслѣдуемые войсками, прошли въ самый центръ Каталоніи и наконецъ, отброшенные къ границѣ, принуждены были отдать оружіе французскимъ таможеннымъ чиновникамъ. Многіе воспользовались амнистіей, радуясь возможности вернуться домой, и въ числѣ ихъ былъ Маріано, сынъ звонаря. Ему не хотѣлось оставаться на чужбинѣ. Кромѣ того, отецъ его умеръ, и онъ надѣялся занять его мѣсто и поселиться на соборной колокольнѣ. Онъ могъ разсчитывать, что ему дадутъ эту должность, въ виду заслугъ всей его семьи, служившей при соборѣ, и, главное, въ награду за то, что онъ три года сражался за вѣру—и даже былъ раненъ въ ногу. Онъ почти могъ причислить себя къ мученикамъ за христіанскую вѣру.

Габріэль не послѣдовалъ примѣру малодушныхъ и сдѣлался эмигрантомъ. „Офицеръ не можетъ присягнуть на вѣрность узурпатору",—говорилъ онъ съ высокомѣріемъ, усвоеннымъ имъ во время службы въ этомъ каррикатурномъ войскѣ, гдѣ доведенъ былъ до крайнихъ предѣловъ старинный военный форма-

лизмъ, гдѣ босяки, опоясанные шарфами, передавали другъ другу приказанія, всегда называя другъ друга „господинъ офицеръ". Но истинною причиной, по которой Луна не хотѣлъ вернуться въ Толедо, было то, что ему пріятнѣе было отдаться теченію событій, пожить въ новыхъ странахъ и перемѣнить образъ жизни. Вернуться въ соборъ—значило остаться въ немъ навсегда и отказаться отъ дѣятельной жизни. А онъ отвѣдалъ во время войны прелесть свободной мірской жизни, и ему не хотѣлось такъ скоро отказаться отъ нея. Онъ еще не достигъ совершеннолѣтія,—ему оставалось еще много времени впереди, чтобы закончить ученіе. Жизнь священника—вѣрное убѣжище, куда всегда еще будетъ достаточно рано вернуться. Къ тому же мать его умерла, и письма его братьевъ не сообщали ему никакихъ перемѣнъ въ сонной жизни верхняго монастыря, кромѣ женитьбы садовника и помолвки средняго брата, Эстабана, съ одной молодой дѣвушкой изъ семьи соборныхъ служащихъ; — бракъ съ посторонними собору противорѣчилъ бы традиціямъ семьи.

Луна жилъ болѣе года въ эмигрантскихъ поселеніяхъ. Его классическое образованіе и симпатіи, которыя внушала его молодость, въ значительной степени облегчали ему жизнь. Онъ разговаривалъ по-латыни съ французскими аббатами, которые съ интересомъ слушали молодого богослова, разсказывавшаго имъ о войнѣ, и обучали его французскому языку. Они устроили ему уроки испанскаго языка въ богатыхъ буржуазныхъ семьяхъ, преданныхъ церкви. Въ тяжелыя минуты, когда у него не было никакихъ средствъ къ жизни, его спасала дружба съ одной старой графиней-легитимисткой. Она приглашала его гостить къ себѣ въ замокъ и представляла воинственнаго семинариста гостившимъ у нея благочестивымъ важнымъ особамъ, говоря о Габріэлѣ въ такихъ выраженіяхъ, точно онъ крестоносецъ, вернувшійся изъ Палестины... Самымъ пламеннымъ желаніемъ Габріэля было поѣхать въ Парижъ. Жизнь во Франціи измѣнила кореннымъ образомъ направленіе его мыслей. У него было такое чувство, точно онъ попалъ на новую планету. Привыкнувъ сначала къ однообразной семинарской жизни, а потомъ къ кочевой жизни во время безславной, дикой войны, онъ былъ пораженъ культурностью, утонченностью и благосостояніемъ французовъ въ ихъ странѣ. Онъ со стыдомъ вспоминалъ о своемъ испанскомъ невѣжествѣ, о кастильскомъ высокомѣріи, питающемся чтеніемъ лживыхъ книгъ, о своей увѣренности, что Испанія—первая страна въ мірѣ, что испанцы—самая сильная и благородная нація, а остальные народы—жалкія существа, создан-

ныя Богомъ лишь для того, чтобы стать жертвами ересей и получать здоровыя колотушки каждый разъ, когда имъ приходило въ голову мѣриться съ этимъ привилегированнымъ народомъ, который плохо ѣстъ и мало пьетъ, но зато насчитываетъ наибольшее число святыхъ и самыхъ великихъ вождей въ христіанскомъ мірѣ. Когда Габріэль научился говорить по-французски и накопилъ небольшую сумму, нужную для путешествія, онъ отправился въ Парижъ. Одинъ знакомый аббатъ нашелъ ему занятія въ качествѣ корректора при одномъ книжномъ магазинѣ, торгующемъ книгами религіознаго содержанія. Магазинъ находился вблизи церкви святого Сюльпиція. Въ этомъ клерикальномъ кварталѣ Парижа, съ его отелями для священниковъ и набожныхъ семействъ, мрачными какъ монастыри, съ его лавками религіозныхъ картинъ и статуй святыхъ съ неизмѣнно блаженной улыбкой, свершился переворотъ въ душѣ Габріэля.

Кварталъ св. Сюльпиція съ его тихими улицами, съ богомолками въ черныхъ одеждахъ, которыя скользятъ вдоль стѣнъ, спѣша въ церковь на звонъ колоколовъ, сталъ для испанскаго семинариста путемъ въ Дамаскъ. Французское католичество, культурное, разсудительное, уважающее прогрессъ, поразило Габріэля. Воспитанный въ суровомъ испанскомъ благочестіи, онъ привыкъ презирать мірскую науку. Онъ зналъ, что на свѣтѣ есть только одна истинная наука — богословіе, а всѣ другія — праздныя забавы вѣчно пребывающаго въ младенчествѣ рода человѣческаго. Познавать Бога и размышлять о Его безпредѣльномъ могуществѣ—вотъ единственное серьезное дѣло, достойное человѣческаго разума. Машины, открытія положительныхъ наукъ не имѣютъ отношенія къ Богу и къ будущей жизни,—и потому это пустяки, которыми могутъ заниматься только безумцы и нечестивцы.

Бывшій семинаристъ, который съ дѣтства презиралъ науку какъ ложь, былъ пораженъ почтительнымъ отношеніемъ къ ней французскихъ католиковъ. Исправляя корректуры религіозныхъ книгъ, Габріэль видѣлъ, какое глубокое уваженіе внушала наука, презираемая въ Испаніи, французскимъ аббатамъ, гораздо болѣе образованнымъ, чѣмъ испанскіе каноники. Болѣе того, онъ замѣтилъ въ представителяхъ религіи странную смиренность при столкновеніяхъ съ наукой, удивлявшее его желаніе привлечь симпатіи людей науки своими примирительными попытками съ цѣлью сохранить мѣсто и для религіи въ быстромъ наступательномъ движеніи прогресса. Цѣлыя книги знаменитыхъ прелатовъ имѣли цѣлью примирить—хотя бы съ сильными натяжками—откровенія священныхъ книгъ съ данными науки. Древняя цер-

ковь, величественная, неподвижная въ своемъ высокомѣріи, не соглашавшаяся шевельнуть ни одной складки своей одежды, чтобы стряхнуть пыль вѣковъ, — эта церковь вдругъ оживилась во Франціи. Чтобы вернуть молодость, она сбросила традиціонныя одежды, какъ смѣшныя старыя лохмотья, и расправила члены съ отчаяннымъ усиліемъ воли, чтобы облачиться въ современный панцырь науки, своего величайшаго врага наканунѣ и — торжествующей побѣдительницы теперь...

Въ душѣ Габріэля проснулась такая же любознательность, какъ въ юности, когда онъ зачитывался переплетенными въ пергаментъ книгами семинарской библіотеки. Ему хотѣлось постигнуть чары этой ненавистной науки, которая такъ тревожила служителей Бога и ради которой они отрекались отъ традицій девятнадцати вѣковъ. Онъ хотѣлъ понять, зачѣмъ они искажаютъ смыслъ священнаго писанія, стараясь объяснить геологическими эпохами сотвореніе міра въ шесть дней. Онъ хотѣлъ знать, отъ какой опасности хочетъ оградиться духовенство своими попытками примирить божественную истину съ законами науки, и откуда явился этотъ страхъ, мѣшающій духовнымъ писателямъ откровенно и твердо провозгласить вѣру въ чудеса.

Черезъ нѣкоторое время Габріэль покинулъ мирную атмосферу католическаго книжнаго магазина. Его репутація ученаго гуманиста дошла до одного издателя классическихъ книгъ, который жилъ подлѣ Сорбонны, и Луна, не покидая лѣваго берега Сены, переселился въ Латинскій кварталъ, чтобы править корректуры латинскихъ и греческихъ книгъ. Онъ зарабатывалъ по двѣнадцати франковъ въ день—гораздо больше, чѣмъ каноники толедскаго собора, которые когда-то казались ему принцами. Онъ жилъ въ студенческомъ отелѣ, по близости отъ медицинской школы, и его споры по вечерамъ съ другими молодыми людьми, жившими въ томъ же отелѣ, просвѣщали его почти не менѣе, чѣмъ пагубныя научныя книги, которыя онъ сталъ читать. Его товарищи указывали ему, что̀ читать въ свободные часы, которые онъ проводилъ въ библіотекѣ св. Женевьевы, — и они хохотали до упаду надъ его семинарской восторженностью въ бесѣдахъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ молодой Луна посвящалъ все свободное время чтенію. Иногда, впрочемъ, онъ сопровождалъ товарищей въ кафѐ и пивныя и принималъ участіе въ веселой жизни Латинскаго квартала. Онъ видѣлъ гризетокъ, описываемыхъ Мюрже, не такими меланхоличными, какъ въ произведеніяхъ поэта. Иногда онъ совершалъ по воскресеньямъ идиллическія прогулки вдвоемъ въ окрестностяхъ Парижа, но въ общемъ лю-

бовь не играла большой роли въ его жизни. Любознательность побѣждала въ немъ чувственные инстинкты, и послѣ мимолетныхъ романтическихъ приключеній онъ возвращался еще съ бо́льшимъ рвеніемъ къ умственной работѣ.

Изученіе исторіи, столь ясной въ противоположность туманнымъ чудесамъ церковныхъ хроникъ, которыми онъ увлекался въ дѣтствѣ, расшатало въ значительной мѣрѣ его вѣру. Католицизмъ уже не былъ для него единственной религіей. Онъ уже не дѣлилъ исторію человѣчества на два періода—до и послѣ появленія къ Іудеѣ нѣсколькихъ невѣдомыхъ людей, которые разсѣялись по міру, проповѣдуя космополитическую мораль, изложенную въ формѣ восточныхъ изреченій и расширенную ученіями греческой философіи. Онъ видѣлъ теперь, что религіи создавались людьми и подвержены условіямъ жизни всѣхъ организмовъ, что есть у нихъ пора восторженной юности, готовой на всякія жертвы, что затѣмъ наступаетъ зрѣлость съ ея жаждой власти и, наконецъ, неизбѣжная старость, за которой слѣдуетъ медленная агонія. Во время нея больной, чувствуя близость конца, съ отчаяніемъ цѣпляется за жизнь.

Прежняя вѣра Габріэля еще старалась бороться нѣсколько времени противъ его новыхъ убѣжденій, но чѣмъ больше онъ читалъ и думалъ, тѣмъ слабѣе становилась въ немъ сила сопротивленія. Христіанство казалось теперь Габріэлю то́лько однимъ изъ проявленій человѣческой мысли, стремящейся объяснить какъ-нибудь присутствіе человѣка на землѣ, а также понять тайну смерти. Онъ пересталъ вѣрить въ католичество, какъ единственную истинную религію, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у него и вѣра въ святость монархіи, побудившая его прежде примкнуть къ карлистамъ. Освободившись отъ расовыхъ предразсудковъ, онъ сталъ относиться съ трезвостью къ исторіи своей родины. Иностранные историки раскрыли ему грустную судьбу Испаніи, молодой и сильной — на исходѣ среднихъ вѣковъ, но остановленной въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи фанатизмомъ инквизиціонной церкви и безуміемъ своихъ королей, которые задумали—совершенно не имѣя для этого средствъ—возстановить монархію цезарей и погубили страну своимъ честолюбіемъ. Народы, которые порвали связь съ папскимъ престоломъ и повернулись спиной къ Риму, были гораздо счастливѣе, чѣмъ Испанія, дремавшая какъ нищенка у воротъ храма.

Отъ всѣхъ его прежнихъ вѣрованій у Габріэля осталась только вѣра въ Бога, творца міра. Но при этомъ его смущала астрономія, которою онъ занимался съ какой-то дѣтской восторжен-

костью. Безконечное пространство, гдѣ, какъ онъ былъ убѣжденъ въ прежнее время, летали сонмы ангеловъ и которое служило путемъ для Мадонны, когда она спускалась на землю, вдругъ наполнилось милліардами міровъ, и чѣмъ болѣе изощрялись инструменты, изобрѣтаемые для изслѣдованія небесныхъ тѣлъ, тѣмъ число ихъ все возрастало, тѣмъ безпредѣльнѣе становилось пространство. Голова кружилась при мысли о такой безбрежности. Міры оказываютъ взаимное притяженіе другъ на друга, вращаются, совершая милліарды миль въ секунду, и вся эта туча міровъ падаетъ въ пространства, никогда не проходя дважды по одному и тому же пункту безмолвной безконечности, въ которой возникаютъ все новые и новые міры, также какъ все болѣе и болѣе совершенствуются орудія наблюденія. Гдѣ же въ этой безконечности мѣсто для Бога, создавшаго землю въ шесть дней, гнѣвающагося на два невинныхъ существа, созданныхъ изъ праха и оживленныхъ дуновеніемъ, гдѣ Богъ, вызвавшій изъ хаоса солнце и столько милліоновъ свѣтилъ съ единственной цѣлью освѣщать нашу планету, эту жалкую пылинку въ безконечности?

Богъ Габріэля, утратившій тѣлесный образъ и разсѣявшійся въ мірозданіи, утратилъ и другіе свои аттрибуты. Проникая собой безграничное пространство, сливаясь съ безконечностью, онъ становился неосязаемымъ для мысли призракомъ.

По совѣтамъ знакомыхъ студентовъ, Габріэль прочелъ Дарвина, Бюхнера, Геккеля,—и ему открылась тайна мірозданія, мучившая его послѣ того, какъ онъ пересталъ вѣрить во всемогущество религіи. Онъ понялъ прошлое нашей планеты, которая вращалась сотни милліоновъ лѣтъ въ пространствѣ, претерпѣвая всевозможныя катаклизмы и превращенія. Жизнь возникла на ней послѣ долгихъ предварительныхъ попытокъ, сначала въ видѣ микроскопическихъ формъ существованія,—мха, едва покрывающаго скалы, животнаго, въ которомъ едва замѣтны признаки элементарнаго организма. Постепенное дальнѣйшее развитіе совершалось, прерываемое катаклизмами. Жизнь земли—безконечная цѣпь эволюцій, смѣна неудавшихся формъ и организмовъ новыми, совершенствующимися, вслѣдствіе естественнаго подбора, вплоть до человѣка, который, высшимъ напряженіемъ матеріи, заключенной въ его черепѣ, вышелъ изъ животнаго состоянія и утвердилъ свою власть на землѣ.

У Габріэля ничего не осталось отъ его прежнихъ вѣрованій. Его душа была какъ бы опустошенной равниной. Послѣднее вѣрованіе, сохранившееся среди развалинъ, рушилось. Луна отка-

зался отъ Бога, какъ отъ пустого призрака, стоявшаго между человѣкомъ и природой. Но бывшему семинаристу необходимо было во что-нибудь вѣрить, отдаться борьбѣ за какую-нибудь идею, употребить на что-нибудь свой проповѣдническій пылъ, которымъ онъ поражалъ всѣхъ въ семинаріи. Его стала привлекать революціонная соціологія. Прежде всего его заинтересовали смѣлыя теоріи Прудона, а затѣмъ дѣло его обращенія завершено было нѣсколькими воинствующими пропагандистами, работавшими въ одной типографіи съ нимъ, старыми солдатами коммуны, вернувшимися изъ ссылки или изъ каторги и возобновившими борьбу противъ существующаго строя съ удвоеннымъ жаромъ. Съ ними онъ ходилъ на митинги, слушалъ Реклю, Кропоткина, и ученіе Михаила Бакунина казалось ему евангеліемъ будущаго.

Найдя новую религію, Габріэль всецѣло отдался ей, мечтая возродить человѣчество экономическимъ путемъ. Прежде обездоленные надѣялись на блаженство въ будущей жизни. Но увѣрившись, что нѣтъ иной жизни, кромѣ настоящей, Луна возмутился противъ общественной несправедливости, осуждающей на нужду много милліоновъ существъ ради благополучія небольшого числа привилегированныхъ. Онъ увидѣлъ источникъ всѣхъ золъ во власти и возненавидѣлъ ее всей душой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ очень отличался отъ своихъ новыхъ товарищей мягкостью характера и ненавистью ко всякому насилію. Они мечтали только о томъ, чтобы устрашить міръ динамитомъ и кинжаломъ и заставить всѣхъ принять изъ страха новое ученіе. Онъ же, напротивъ того, вѣрилъ въ силу идей и въ мирную эволюцію человѣчества. Онъ доказывалъ, что нужно дѣйствовать, какъ апостолы христіанства, вѣря въ будущее, но не торопясь осуществить непремѣнно сейчасъ же свои надежды.

Побуждаемый жаждой прозелитизма, онъ покинулъ Парижъ черезъ пять лѣтъ. Ему хотѣлось видѣть міръ, самому изучить нужды общества и посмотрѣть, какими силами располагаютъ обездоленные для того, чтобы подготовить общество къ великому перевороту. Въ Лондонѣ онъ познакомился съ молодой больной англичанкой, горѣвшей, подобно ему, революціоннымъ пыломъ; она ходила съ утра до ночи по улицамъ рабочихъ кварталовъ, стояла у входовъ въ мастерскія и раздавала брошюры и листки, находившіеся въ картонкѣ для шляпъ, которую всегда носила въ рукахъ. Люси сдѣлалась вскорѣ подругой Габріэля. Они полюбили другъ друга глубокимъ, но спокойнымъ чувствомъ. Ихъ соединяла не страсть, а общность идей. Это была любовь революціонеровъ, всецѣло поглощенныхъ борьбой противъ обще-

ства и въ сердцѣ которыхъ не оставалось мѣста для другихъ сильныхъ чувствъ.

Луна и его подруга ѣздили по Голландіи, по Бельгіи, потомъ поселились въ Германіи, постоянно переѣзжая отъ одной группы товарищей къ другой, зарабатывая средства для жизни разными способами, съ легкостью приспособленія, отличающей всѣхъ международныхъ революціонеровъ, которые скитаются по свѣту безъ денегъ, терпя лишенія, но всегда находятъ въ трудныя минуты братскую руку, которая помогаетъ имъ стать на ноги и двинуться дальше въ путь.

Послѣ восьми лѣтъ такой жизни, подруга Габріэля умерла отъ чахотки. Они были въ это время въ Италіи. Оставшись одинъ, Луна впервые понялъ, какой опорой была для него подруга его жизни. Онъ забылъ на время свои политическіе интересы и оплакивалъ Люси, безъ которой жизнь его стала пустой. Онъ любилъ ее не такъ пылко, какъ любятъ въ его годы, но ихъ сроднила общность идей, общія невзгоды, и съ годами у нихъ сдѣлалась какъ бы одна общая воля. Кромѣ того, Габріэль чувствовалъ себя состарившимся раньше времени вслѣдствіе трудной, тревожной жизни. Въ разныхъ городахъ Европы его сажали въ тюрьму, подозрѣвая въ сообщничествѣ съ террористами. Полиція много разъ жестокимъ образомъ избивала его. Ему становилось труднымъ путешествовать по Европѣ, потому что его фотографическая карточка, вмѣстѣ съ портретами многихъ его товарищей, находилась у полиціи всѣхъ странъ. Онъ былъ бродячей собакой, которую отовсюду гнали палками.

Габріэль не могъ жить одинъ, послѣ того какъ привыкъ видѣть около себя добрые голубые глаза подруги, слышать ея тихій ласковый голосъ, поддерживавшій въ немъ духъ въ трудныя минуты, и онъ не могъ выдержать жизни на чужбинѣ послѣ смерти Люси. Въ немъ проснулась пламенная тоска по родинѣ, ему страстно захотѣлось вернуться въ Испанію. Онъ вспомнилъ о своихъ братьяхъ, точно прилѣпившихся къ стѣнамъ собора, равнодушныхъ ко всему, что̀ происходитъ во внѣшнемъ мірѣ; они уже перестали даже освѣдомляться о немъ—забыли его.

Габріэль рѣшилъ тотчасъ же ѣхать въ Испанію, точно боясь умереть на чужбинѣ. Товарищи предложили ему завѣдывать типографіей въ Барцелонѣ, но, прежде чѣмъ поѣхать туда, ему хотѣлось пробыть нѣсколько дней въ Толедо. Онъ возвратился туда сильно состарившимся, хотя ему еще не было сорока лѣтъ, съ знаніемъ четырехъ или пяти языковъ, и бѣднѣе, чѣмъ онъ уѣхалъ оттуда. Онъ зналъ, что старшій братъ, садовникъ,

умеръ, и что его вдова жила вмѣстѣ съ сыномъ въ маленькомъ чердачномъ помѣщеніи въ верхнемъ монастырѣ и стирала бѣлье на канониковъ. Эстабанъ отнесся къ нему послѣ долгаго отсутствія съ такимъ же восхищеніемъ, съ какимъ относился, когда Габріэль былъ еще въ семинаріи. Онъ очень интересовался путешествіями брата и созвалъ всѣхъ жителей верхняго монастыря послушать этого человѣка, который исходилъ весь міръ изъ конца въ конецъ. Въ своихъ разспросахъ Эстабанъ сильно путался въ географіи, такъ какъ зналъ въ ней только два дѣленія—на страны, обитаемыя католиками, и страны, гдѣ живутъ еретики.

Габріэль чувствовалъ жалость къ этимъ людямъ, прозябающимъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не интересуясь ничѣмъ, что происходитъ за стѣнами собора. Церковь казалась ему огромной развалиной — какъ бы щитомъ животнаго, нѣкогда сильнаго и мощнаго, но которое уже умерло болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Тѣло его истлѣло, душа испарилась, и отъ него не осталось ничего, кромѣ этого внѣшняго щита, подобно раковинамъ, которыя геологи находятъ при раскопкахъ и по строенію которыхъ они стараются опредѣлить, каково было тѣло существъ, жившихъ въ нихъ. Глядя на церковные обряды, которые его прежде волновали, онъ чувствовалъ желаніе протестовать, крикнуть священникамъ, чтобы они ушли, потому что время прошло, вѣра умерла, и что если люди приходятъ еще въ храмы, то только по традиціи и изъ страха передъ тѣмъ, что̀ скажутъ другіе.

Въ Барцелонѣ, куда Габріэль поѣхалъ изъ Толедо, жизнь его превратилась въ водоворотъ борьбы и преслѣдованій. Товарищи относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, видя въ немъ друга великихъ борцовъ „за идею", человѣка, объѣздившаго всю Европу. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ революціонеровъ. Не было ни одного митинга безъ участія товарища-Луны. Его природный даръ краснорѣчія, обращавшій на себя вниманіе уже въ семинаріи, проявлялся съ огромнымъ блескомъ въ революціонныхъ собраніяхъ, опьяняя толпу въ лохмотьяхъ, голодную и жалкую, которая вся дрожала отъ возбужденія, слушая, какъ онъ описывалъ грядущее райское устройство жизни, когда не будетъ ни собственности, ни пороковъ, ни привилегированныхъ классовъ, когда работа будетъ наслажденіемъ и не будетъ другой религіи, кромѣ науки и искусства. Нѣкоторые слушатели, самые скептическіе, снисходительно улыбались, слушая, какъ онъ возмущался насиліемъ и проповѣдывалъ пассивное сопротивленіе, которое должно привести къ полной побѣдѣ. Онъ казался имъ идеологомъ, — но его все-таки ходили слушать, считая его

рѣчи полезными для дѣла. Пусть онъ говоритъ, а они, люди дѣла, съумѣютъ уничтожить безъ рѣчей это ненавистное общество, глухое къ голосу истины.

Когда начались взрывы бомбъ на улицахъ, товарищъ Луна былъ пораженъ болѣе всѣхъ другихъ неожиданной для него катастрофой;—однако, его же перваго посадили въ тюрьму въ виду популярности его имени. О, эти два года, проведенные въ крѣпости Монхуихъ! Они глубоко ранили душу Габріэля, и эта неизлечимая рана раскрывалась при малѣйшемъ воспоминаніи о томъ времени.

Общество обезумѣло отъ страха, и ради самообороны стало попирать всѣ законы совѣсти и человѣческаго достоинства. Въ культурной странѣ воскресло правосудіе варварскихъ временъ. Расправу съ революціонерами перестали довѣрять суду, который могъ бы оказаться слишкомъ совѣстливымъ для этого. Революціонеровъ отдавали въ руки полиціи, которая, съ одобренія высшихъ властей, возобновила систему пытокъ. Габріэль помнилъ страшную ночь, когда вдругъ въ его казематѣ показался свѣтъ. Вошли люди въ полицейскихъ мундирахъ, схватили Габріэля и повели вверхъ по лѣстницѣ въ помѣщеніе, гдѣ ждали другіе люди, вооруженные огромными палками. Молодой человѣкъ въ мундирѣ полицейскаго офицера, креолъ, съ сладкимъ голосомъ и небрежными, лѣнивыми движеніями, сталъ допрашивать его о террористическихъ покушеніяхъ, происходившихъ въ городѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до того. Габріэль ничего не зналъ, ничего не видѣлъ. Можетъ быть, террористы были изъ числа его товарищей, но онъ жилъ въ своихъ мечтахъ и не видѣлъ, что вокругъ него готовились акты насилія. Его отрицательные отвѣты раздражали полицейскихъ. Сладкій голосъ креола дрожалъ отъ гнѣва, и вдругъ вся шайка накинулась на него съ ругательствами и проклятіями и началась охота за несчастной жертвой по всей комнатѣ. Удары сыпались на Габріэля куда попало—на спину, на ноги, на голову. Нѣсколько разъ, когда преслѣдователи вталкивали его въ уголъ, онъ выскакивалъ у нихъ изъ рукъ и отчаяннымъ прыжкомъ, наклонивъ голову, перебѣгалъ въ противоположный уголъ. Но удары продолжали сыпаться на него со всѣхъ сторонъ. Минутами отчаяніе придавало ему силу, и онъ бросался на своихъ мучителей, съ намѣреніемъ вцѣпиться зубами—въ кого сможетъ. Габріэль хранилъ на память пуговицу отъ полицейскаго мундира, которая осталась у него въ рукѣ послѣ одной изъ этихъ послѣднихъ вспышекъ угасающихъ силъ.

Когда, наконецъ, мучители его устали, ничего не добившись

отъ него, его отвели обратно въ казематъ и забыли тамъ. Онъ питался сухимъ хлѣбомъ и страдалъ отъ жажды еще болѣе, чѣмъ отъ голода. Вначалѣ онъ молилъ изнемогающимъ голосомъ, чтобы ему дали напиться, потомъ пересталъ просить, зная, какой будетъ отвѣтъ. Ему предлагали дать сколько угодно воды, если онъ выдастъ имена виновниковъ покушеній. Все время ему приходилось дѣлать выборъ между голодомъ и жаждой... Боясь терзаній жажды, онъ бросалъ на полъ, какъ отраву, пищу, которую ему давали, потому что она была пропитана солью и усиливала жажду. У него начался бредъ, какъ у погибающихъ при кораблекрушеніи, которые грезятъ о прѣсной водѣ среди соленыхъ волнъ. Ему снились прохладные ключи, и онъ высовывалъ языкъ, проводилъ имъ по стѣнамъ каземата, думая, что погружаетъ его въ воду, и съ ужасомъ приходилъ въ себя. Разумъ его начиналъ мутиться отъ пытокъ; онъ ползалъ на четверенькахъ и стукался головой объ дверь, самъ не зная— зачѣмъ.

Его мучители какъ будто забыли о его существованіи. Они заняты были допросами новыхъ заключенныхъ. Сторожа молча приносили ему пищу, и проходили мѣсяцы, въ теченіе которыхъ никто не заходилъ къ нему въ казематъ. Иногда ночью до него доходили, несмотря на толщину стѣнъ, рыданія и стоны изъ сосѣдней камеры. Однажды утромъ его разбудили нѣсколько ударовъ грома, очень удивившіе его, потому что въ это время сквозь узкое окно пробивался лучъ солнца. Подслушавъ, что̀ говорили сторожа у его дверей, онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Въ это утро разстрѣляли нѣсколькихъ заключенныхъ.

Луна ждалъ смерти, какъ единственной возможности избавленія отъ мукъ. Ему хотѣлось поскорѣе покончить съ этимъ призракомъ жизни въ каменномъ мѣшкѣ, среди физическихъ страданій и страха передъ жестокостью тюремщиковъ. Его желудокъ, ослабленный лишеніями, часто не могъ принимать пищи, и онъ отворачивался съ гадливостью отъ миски съ отвратительной ѣдой, которую ему приносили. Долгая неподвижность, отсутствіе воздуха, плохая и недостаточная пища довели его до смертельнаго истощенія и малокровія. Онъ постоянно кашлялъ, чувствовалъ стѣсненіе въ груди при дыханіи, и нѣкоторыя медицинскія знанія, которыя онъ пріобрѣлъ въ своемъ стремленіи все знать, не оставляли ему никакого сомнѣнія, что онъ кончитъ какъ бѣдная Люси.

Послѣ полутора года предварительнаго заключенія, онъ предсталъ на военный судъ вмѣстѣ съ цѣлой группой обвиняемыхъ,

въ томъ числѣ стариковъ, женщинъ и мальчиковъ. У всѣхъ были исхудалыя, блѣдныя, вздутыя лица и испуганное выраженіе глазъ—обычное слѣдствіе долгаго одиночнаго заключенія. Габріэль искренно хотѣлъ, чтобы его приговорили къ смерти. Когда прочли длинный списокъ обвиняемыхъ и названо было имя Луны, судьи свирѣпо взглянули на него. Этотъ обвиняемый былъ теоретикъ. По показаніямъ свидѣтелей выяснено было, что онъ не принималъ непосредственнаго участія въ террористическихъ дѣйствіяхъ и даже возставалъ противъ насилія въ своихъ рѣчахъ,—но все же извѣстно было, что онъ—одинъ изъ главнѣйшихъ анархическихъ агитаторовъ, и что онъ произносилъ часто рѣчи во всѣхъ рабочихъ обществахъ, посѣщаемыхъ виновниками покушеній.

Габріэль провелъ еще много мѣсяцевъ послѣ того въ одиночномъ заключеніи. По намекамъ сторожей онъ могъ приблизительно слѣдить за колебаніями въ рѣшеніи его судьбы. То онъ думалъ, что его сошлютъ вмѣстѣ съ товарищами по несчастью на каторгу, то ждалъ немедленнаго освобожденія, а то, по другимъ слухамъ, полагалъ, что предстоитъ массовый разстрѣлъ, и что онъ—въ числѣ осужденныхъ. Черезъ два года его наконецъ выпустили вмѣстѣ съ другими, осужденными на изгнаніе. Габріэль вышелъ изъ тюрьмы худой и блѣдный какъ тѣнь. Онъ шатался отъ слабости, но забылъ о своемъ состояніи отъ жалости къ другимъ товарищамъ, еще болѣе больнымъ, чѣмъ онъ, съ видимыми знаками пытокъ и варварскихъ издѣвательствъ. Возвращеніе на свободу воскресило въ немъ его прежнюю мудрую жалость къ людямъ и готовность простить всѣмъ. Наиболѣе неистовые изъ его товарищей готовились поѣхать въ Англію и измышляли планы мести за свои страданія. А Луна, напротивъ того, говорилъ, что нужно жалѣть слѣпыя орудія обезумѣвшаго отъ страха общества. Эти исполнители чужой воли думали вѣдь, что они спасаютъ свою родину, карая тѣхъ, кого они считаютъ преступниками.

Климатъ Лондона оказалъ плохое дѣйствіе на здоровье Габріэля. Его болѣзнь обострилась, и, по прошествіи двухъ лѣтъ, ему пришлось переселиться на континентъ, несмотря на то, что Англія съ ея абсолютной свободой была единственной страной, гдѣ онъ могъ жить спокойно.

Существованіе его сдѣлалось ужаснымъ. Онъ превратился въ вѣчнаго странника, котораго полиція гнала съ мѣста на мѣсто, сажала въ тюрьму или изгоняла по самому ничтожному подозрѣнію. Среди культурной Европы онъ принужденъ былъ вести су-

ществованіе средневѣковыхъ бродягъ. При его физической слабости это сдѣлалось невыносимымъ. Болѣзнь и жажда успокоенія побудили его вернуться въ Испанію, гдѣ стали относиться снисходительно къ эмигрантамъ. Въ Испаніи все забывается, и хотя власти тамъ болѣе жестоки и произволъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, но зато тамъ, по природной инертности, не упорствуютъ въ преслѣдованіяхъ.

Больной, безъ средствъ, безъ возможности найти работу въ типографіяхъ, гдѣ хозяева боялись его, Габріэль впалъ въ нужду и долженъ былъ обращаться за помощью къ товарищамъ. Такъ онъ бродилъ по всему полуострову, прячась отъ полиціи и прося помощи у своихъ.

Онъ палъ духомъ, чувствуя себя побѣжденнымъ. Онъ не могъ болѣе продолжать борьбу. Ему оставалось ждать смерти, но и смерть медленно приближалась на его зовъ. Тогда онъ вспомнилъ о своемъ братѣ, единственномъ близкомъ существѣ, которое осталось у него на свѣтѣ. Онъ вспомнилъ безмятежную жизнь семьи въ верхнемъ монастырѣ, промелькнувшую передъ его взорами, когда онъ былъ въ послѣдній разъ въ Толедо, и рѣшилъ искать тамъ послѣдняго убѣжища.

Вернувшись въ Толедо, онъ увидѣлъ, что и въ этотъ тихій уголокъ прокралось горе, и что прежнее безмятежное благополучіе семьи нарушено. Но все же соборъ, безучастный къ несчастіямъ людей, стоялъ непоколебимо, и подъ его сѣнью Габріэль надѣялся умереть спокойно, скрывшись отъ всѣхъ преслѣдователей—и оставивъ за порогомъ свои мятежныя мысли и желанія, которыя навлекли на него ненависть общества.

Ему хотѣлось не думать, не говорить, сдѣлаться частью этого мертваго міра, уподобиться камню стѣнъ — и онъ вдыхалъ съ наслажденіемъ усыпляющій запахъ ветхости, который шелъ отъ древнихъ стѣнъ.

IV.

Когда Габріэль выходилъ на разсвѣтѣ изъ квартиры брата, чтобы погулять по галереѣ верхняго монастыря — первый, кого онъ встрѣчалъ, былъ всегда донъ Антолинъ — „Серебряный Шестъ". Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ губернаторомъ толедскаго собора, власти котораго подчинены были всѣ служители недуховнаго званія; онъ завѣдывалъ также всякаго рода не очень значительными работами въ соборѣ и наблюдалъ за порядкомъ въ самой церкви и въ верхнемъ монастырѣ; такимъ образомъ,

по милости кардинала архіепископа, онъ былъ какъ бы алькадомъ этого маленькаго населенія.

Ему отведена была самая лучшая квартира въ верхнемъ монастырѣ, а въ дни большихъ праздниковъ, во время торжественнаго обхода церкви, онъ шелъ впереди всего причта, въ ризѣ и держа въ рукахъ серебряный шестъ вышиной съ него самого; этимъ шестомъ онъ ударялъ въ тактъ по звонкимъ плитамъ. Во время обѣдни онъ обходилъ церковь и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы нигдѣ не нарушалась тишина, чтобы служащіе не разговаривали другъ съ другомъ. Въ восемь часовъ вечера зимой и въ девять лѣтомъ онъ запиралъ лѣстницу верхняго монастыря и клалъ ключъ въ карманъ, отрѣзавъ такимъ образомъ все населеніе верхняго монастыря отъ города. Если случалось, что кто-нибудь заболѣвалъ ночью, онъ милостиво открывалъ дверь и возобновлялъ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ.

Ему было лѣтъ около шестидесяти, онъ былъ маленькаго роста, сухой, съ гладкимъ, какъ бы отполированнымъ лбомъ, узкимъ лицомъ безъ морщинъ и острыми, безстрастными глазами. Габріэль зналъ его съ дѣтства. Онъ былъ, по его собственному выраженію, простой солдатъ церкви, котораго за долгую и вѣрную службу произвели въ сержанты съ тѣмъ, чтобы онъ уже не ждалъ дальнѣйшаго повышенія. Когда Габріэль поступалъ въ семинарію, дона Антолина какъ разъ только-что посвятили въ священники послѣ долгихъ лѣтъ службы въ соборѣ. За его слѣпую вѣру и за несокрушимую преданность церкви семинарскій совѣтъ всячески покровительствовалъ ему, несмотря на его невѣжество. Онъ былъ простой крестьянинъ по происхожденію и родился въ маленькой горной деревушкѣ въ окрестностяхъ Толедо. Толедскій соборъ онъ считалъ первымъ храмомъ въ мірѣ послѣ собора святого Петра, а богословіе казалось ему воплощеніемъ божественной мудрости, которая его ослѣпляла и къ которой онъ относился съ благоговѣніемъ полнаго невѣжды.

Онъ обладалъ тѣмъ святымъ невѣжествомъ, которое церковь такъ цѣнила въ прежнія времена. Габріэль былъ увѣренъ, что если бы донъ Антолинъ жилъ въ пору расцвѣта католичества, онъ былъ бы произведенъ въ святые, предавшись духовной жизни, или же примкнулъ бы къ воинствующей церкви и былъ бы ревностнымъ инквизиторомъ. Но, родившись во время упадка католичества, когда благочестіе ослабѣло и церковь уже не могла подчинять своей власти силой, Антолинъ прозябалъ въ неизвѣстности, занимая низшія должности въ соборѣ, помогая церковному старостѣ завѣдывать жалкими деньгами, которыя правительство давало на

содержаніе собора. Онъ долго и тщательно обдумывалъ всякій расходъ въ нѣсколько су, стараясь устроить такъ, чтобы святой храмъ, какъ разоренная знатная семья, могъ прикрывать приличной внѣшностью свою нужду.

Ему нѣсколько разъ предлагали мѣсто духовника въ женскомъ монастырѣ, но онъ былъ слишкомъ привязанъ къ собору, чтобы покинуть его. Онъ гордился довѣріемъ сеньора архіепископа, дружбой канониковъ и совмѣстной административной дѣятельностью съ казначеемъ и старостой, и не могъ поэтому не выказывать высокомѣрнаго превосходства, когда стоялъ въ рясѣ, съ серебрянымъ шестомъ въ рукахъ, и къ нему подходили деревенскіе священники, заходившіе въ соборъ, когда они пріѣзжали въ Толедо.

У него были слабости, свойственныя всѣмъ духовнымъ лицамъ. Онъ любилъ копить деньги и изъ скупости имѣлъ нищенскій видъ. Его грязная шапочка была всегда наслѣдіемъ отъ какого-нибудь каноника, который отдалъ ее за негодностью, и ряса его, зеленовато-чернаго цвѣта, была тоже такого же происхожденія. При этомъ однако, по слухамъ, ходившимъ въ верхнемъ монастырѣ, у дона Антолина были деньги и онъ давалъ ихъ въ ростъ. Впрочемъ онъ никогда не давалъ больше, чѣмъ два-три дуро самымъ бѣднымъ служителямъ церкви, и получалъ эти деньги обратно съ процентами, когда въ началѣ мѣсяца производилась уплата жалованья служащимъ. Скупость и ростовщичество соединялись въ немъ съ чрезвычайной честностью во всемъ, что касалось интересовъ церкви. Онъ безпощадно преслѣдовалъ за малѣйшую утайку церковныхъ денегъ и сдавалъ свои счеты церковному совѣту съ необычайной аккуратностью, раздражая даже церковнаго старосту высчитываніемъ каждаго гроша. Церковь была бѣдна—и отнять у нея хоть грошъ онъ считалъ грѣхомъ, заслуживающимъ вѣчныхъ мученій въ аду. Но и онъ, Антолинъ, какъ вѣрный слуга Господень, былъ тоже бѣденъ, и потому считалъ вполнѣ дозволеннымъ пустить въ ростъ деньги, которыя онъ успѣлъ скопить, отказывая себѣ во всемъ.

Съ нимъ жила его племянница Марикита, очень некрасивая, толстая, краснощекая дѣвушка, пріѣхавшая вести хозяйство своего дяди, о богатствѣ котораго дошли слухи и до ея деревушки. Въ верхнемъ монастырѣ она командовала всѣми женщинами, пользуясь властью дона Антолина. Самыя робкія, боязливыя изъ обитательницъ верхняго монастыря составили цѣлый дворъ вокругъ нея; чтобы снискать ея благоволеніе, онѣ убирали комнаты и варили за нее. Она же въ это время, въ монашескомъ платьѣ,

но очень хорошо причесанная,—это была единственная роскошь, которую разрѣшалъ ей дядя,—гуляла по галереямъ монастыря, надѣясь встрѣтить какого-нибудь случайно попавшаго туда кадета, или привлечь взоры туристовъ, поднявшихся для осмотра башни или „Залы Гигантовъ". Она кокетничала—съ кѣмъ только могла. Властная и суровая съ женщинами, она нѣжно улыбалась всѣмъ холостякамъ, живущимъ въ верхнемъ монастырѣ. Тато, сынъ старшаго брата Габріэля, Томаса, былъ ея большой другъ. Она приходила къ нему въ отсутствіе дяди и подолгу болтала съ нимъ. Ей нравился граціозный мальчикъ, который готовился стать тореадоромъ. Габріэль съ его болѣзненнымъ лицомъ, съ таинственностью его далекихъ скитаній, тоже внушалъ ей большой интересъ. Она была любезна даже со старикомъ Эстабаномъ, въ виду того, что онъ былъ вдовецъ. Тато говорилъ со смѣхомъ, что видъ мужского костюма сводилъ съ ума бѣдную дѣвушку, которая жила въ домѣ, гдѣ почти всѣ мужчины носили юбки.

Донъ Антолинъ зналъ Габріэля съ дѣтства и говорилъ ему „ты". Невѣжественный священникъ помнилъ блестящіе успѣхи Габріэля въ семинаріи и, видя его теперь жалкимъ и больнымъ, живущимъ въ монастырѣ почти изъ милости, все-таки относился къ нему съ прежнимъ уваженіемъ. Габріэль же боялся дона Антолина, зная его непримиримый фанатизмъ, и, встрѣчаясь съ нимъ, предпочиталъ только слушать его и ничего не говорить самому, чтобы не выдать себя. Донъ Антолинъ первый потребовалъ бы его изгнанія изъ монастыря, еслибы узналъ объ его прошломъ, а Габріэлю хотѣлось пожить спокойно въ соборѣ никѣмъ неузнаннымъ.

При встрѣчѣ утромъ съ Габріэлемъ, донъ Антолинъ неизмѣнно предлагалъ ему одинъ и тотъ же вопросъ:

— Ну что̀, какъ здоровье?

Габріэль былъ на этотъ разъ настроенъ оптимистически. Онъ зналъ, что не можетъ выздоровѣть, но спокойная жизнь и заботливый уходъ брата, который силой кормилъ его каждый часъ, какъ птичку, остановилъ теченіе болѣзни. Смерть встрѣтила на пути большія преграды.

— Мнѣ гораздо лучше, донъ Антолинъ,—отвѣтилъ онъ.— А у васъ вчера удачный былъ день?

„Серебряный Шестъ" опустилъ свои грязныя костлявыя руки въ глубины своей рясы, вынулъ оттуда три книжечки съ талонами, красную, зеленую и бѣлую, и сталъ переворачивать листки, считая тѣ, отъ которыхъ остался только талонъ. Онъ такъ бережно обращался съ этими книжечками, точно онѣ имѣли

бо́льшее значеніе для религіи, чѣмъ Евангеліе, стоявшее на аналоѣ въ церкви.

— Плохой былъ день, Габріэль. Теперь зима и мало туристовъ. Самый лучшій сезонъ—это весна, когда пріѣзжаютъ черезъ Гибралтаръ англичане. Они ѣдутъ на праздники въ Севилью, а потомъ заѣзжаютъ посмотрѣть нашъ соборъ. А когда устанавливается весеннее тепло, пріѣзжаютъ гости и изъ Мадрида и рѣшаются, скрѣпя сердце, заплатить свои нѣсколько су, чтобы посмотрѣть „Гигантовъ" и большой колоколъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, пріятно продавать билеты. Былъ одинъ день, Габріэль, когда я собралъ восемьдесятъ дуро... Помню, это было въ праздникъ Тѣла Господня въ прошломъ году. Марикитѣ пришлось зашивать карманы моей рясы, которые прорвались отъ тяжести пезетъ. Истинное было тогда благословеніе Господне.

Онъ съ грустью посмотрѣлъ на книжечки, опечаленный тѣмъ, что въ зимніе дни ему приходилось отрывать такъ мало листковъ... Всѣ его мысли поглощены были желаніемъ продать какъ можно больше входныхъ билетовъ для осмотра достопримѣчательностей и сокровищъ собора. Въ этомъ было единственное спасеніе церкви — этимъ современнымъ способомъ покрывались расходы собора, и донъ Антолинъ гордился тѣмъ, что именно онъ доставляетъ этотъ доходъ церкви и такимъ образомъ является до нѣкоторой степени опорой храма.

— Видишь эти зеленые билеты,—говорилъ онъ Габріэлю:— Это самые дорогіе: они стоятъ по двѣ пезеты и даютъ право осмотрѣть самое интересное въ соборѣ: сокровищницу, часовню Мадонны и „Очаво" — восьмиугольную часовню, гдѣ хранятся реликвіи. Всѣ реликвіи другихъ соборовъ—ничто передъ нашими: всѣ онѣ большей частью поддѣльныя. А вотъ эти красные билеты стоятъ только по шести реаловъ и даютъ право осматривать ризницы, коллекцію облаченій, часовни дона Альвареса де-Луна и кардинала Альбернозы, залу капитула съ портретами архіепископовъ — словомъ, цѣлый рядъ интереснѣйшихъ драгоцѣнностей. Кто не сунетъ руку въ карманъ, чтобы поглядѣть на все это!

Потомъ, указывая на послѣднюю книжечку съ талонами, онъ прибавлялъ почти презрительнымъ тономъ:

— Эти бѣлые стоятъ всего по два реала. Они даютъ доступъ къ „Залѣ Гигантовъ" и на колокольню. Ихъ покупаетъ простой народъ, который приходитъ въ соборъ по праздникамъ. Представь себѣ, что многіе возмущаются этой продажей билетовъ, говоря, что это грабежъ. И недавно еще пришли три

солдата изъ академіи вмѣстѣ съ нѣсколькими крестьянами и стали скандалить, требуя, чтобы ихъ пустили смотрѣть „Гигантовъ" за два су. Точно мы милостыни просимъ! А многіе уходятъ, ругаясь и браня церковь, какъ язычники, и дѣлаютъ непристойныя надписи на стѣнахъ лѣстницы. Какія времена, какія ужасныя времена настали, Габріэль!

Габріэль улыбался и ничего не отвѣчалъ, а донъ Антолинъ, ободренный этимъ молчаніемъ, въ которомъ онъ видѣлъ сочувствіе къ себѣ, продолжалъ съ нѣкоторой гордостью:

— Это вѣдь я выдумалъ билеты, т.-е. собственно не выдумалъ, а впервые ввелъ въ употребленіе здѣсь. Ты вотъ бывалъ въ разныхъ чужихъ странахъ и знаешь, что всюду можно все осматривать... только за деньги. Сеньоръ кардиналъ, предшественникъ теперешняго — да сохранитъ его надолго Господь! — тоже много путешествовалъ и былъ человѣкъ съ новыми понятіями. Это при немъ устроили электрическое освѣщеніе въ соборѣ. Отъ него-то я и слышалъ, что въ Римѣ и другихъ городахъ музеи и разныя интересныя зданія всегда открыты для осмотра — только нужно платить за входъ. Для публики это большое удобство, такъ какъ она можетъ видѣть все, что ее интересуетъ, не обращаясь ни къ кому за протекціей. И однажды, когда я съ казначеемъ ломалъ себѣ голову, не зная, какъ покрыть всѣ необходимые мѣсячные расходы жалкой тысячью пезетъ отъ правительства, я предложилъ пускать въ соборъ публику для осмотра по билетамъ. Представь себѣ, что многіе были противъ этого. Протестовали каноники изъ молодыхъ, говоря что-то о торговцахъ въ храмѣ; протестовали и старики, доказывая, что если соборъ показывалъ даромъ свои сокровища столько вѣковъ, то нельзя теперь этого мѣнять. Они, конечно, были всѣ правы — вѣдь каноники всѣ умные и разсудительные люди, — иначе они не были бы канониками. Но въ это дѣло вступился покойный кардиналъ — царство ему небесное! — и капитулу пришлось принять нововведеніе. Потомъ всѣ были этому рады, — да и какъ было не радоваться! Знаешь, сколько денегъ было выручено въ прошломъ году за входные билеты? Болѣе трехъ тысячъ дуро — почти столько же, сколько даетъ намъ многогрѣшное правительство — и безъ всякаго ущерба для кого бы то ни было. Публика приходитъ, платитъ, осматриваетъ, что хочетъ, и уходитъ. Все это перелетныя птицы — больше одного раза никто не является. И что за бѣда заплатить какія-нибудь четыре пезеты, если за нихъ можно осмотрѣть знаменитѣйшій

соборъ въ христіанскомъ мірѣ, колыбель испанскаго католичества, толедскій соборъ... Шутка ли сказать!

Донъ Антолинъ устремилъ глаза на Габріэля; видя его загадочную улыбку, онъ принялъ ее за подтвержденіе своихъ словъ и сталъ продолжать свои изліянія.

— Не думай, Габріэль, — сказалъ онъ, — что я исполняю свое трудное дѣло безъ настоятельной необходимости. Кардиналъ мнѣ довѣряетъ, каноники относятся ко мнѣ хорошо, а казначей только на меня и возлагаетъ надежды. Съ помощью этихъ билетовъ мы имѣемъ возможность удовлетворять нужды собора, и онъ сохраняетъ прежнее величіе въ глазахъ посѣтителей. Въ дѣйствительности же мы бѣдны какъ крысы. Къ счастью, у насъ остались еще на черный день крохи отъ нашего прежняго богатства. Если вѣтеръ или градъ сломаетъ у насъ расписныя стекла оконъ, то у насъ остался еще большой запасъ такихъ же стеколъ отъ прежнихъ вѣковъ. Господи Боже мой!—вѣдь были времена, когда соборъ содержалъ на свои средства въ оградѣ храма мастерскія для живописи по стеклу, имѣлъ своихъ стекольщиковъ и другихъ ремесленниковъ, такъ что можно было предпринимать большія работы, не заказывая ничего на сторонѣ. Если у насъ порвется какая-нибудь риза, то есть въ кладовыхъ, для починки ея, остатки дивной парчи, съ вытканными на ней цвѣтами и фигурами святыхъ. Но когда-нибудь запасъ истощится. Что̀ будетъ, когда разобьется послѣднее расписное стекло, когда не будетъ больше парчи для починки ризъ? Придется вставить въ окна бѣлыя дешевыя стекла, чтобъ оградить соборъ отъ вѣтра и дождя. Соборъ будетъ похожъ — да проститъ мнѣ Господь это сравненіе!—на харчевню, и каноники толедскаго собора будутъ славить Бога въ облаченіи деревенскихъ священниковъ.

Донъ Антолинъ иронически засмѣялся, точно будущее, которое онъ предсказывалъ, противорѣчило всѣмъ законамъ природы.

— Не думай,—продолжалъ онъ,—что мы бросаемъ деньги на вѣтеръ, или не стараемся извлечь деньги изъ чего только возможно. Вотъ, напримѣръ, соборный садъ, который былъ издавна собственностью твоей семьи, послѣ смерти твоего брата отдается въ аренду. Твоя тетка Томаса арендуетъ его для своего сына и платитъ двадцать дуро въ годъ,—и то ей уступили за такую небольшую цѣну, въ виду того, что она очень дружна съ его святѣйшествомъ; они—друзья съ дѣтства. Я работаю какъ каторжный, слѣдя за всѣмъ, что̀ дѣлается въ соборѣ и въ мо-

настырѣ, чтобы нигдѣ не было никакихъ злоупотребленій... Молодежи вѣдь нельзя довѣриться. Я долженъ самъ забѣгать въ „Очаво“, чтобы посмотрѣть, требуетъ ли твой племянникъ Тато билеты у посѣтителей при входѣ. Этотъ сорванецъ способенъ впускать народъ даромъ, чтобы потомъ получить больше на чай. Потомъ нужно бѣжать въ верхній монастырь, присмотрѣть за сапожникомъ, который показываетъ „Гигантовъ“. Отъ меня никто не увернется, и никто не войдетъ, не заплативъ за входъ. Но зато уже я—увы!—давно не служу мессъ. Въ полдень, когда закрываютъ соборъ, я хожу тутъ по галереѣ, читая требникъ въ ожиданіи часа, когда снова откроютъ церковь и могутъ явиться посѣтители; тогда я спускаюсь внизъ. Это жизнь, не достойная благочестиваго католика, и если Господь не приметъ во вниманіе, что все это я дѣлаю для славы его храма, то я могу поплатиться за свое усердіе спасеніемъ души.

Донъ Антолинъ остановился на минуту, но сейчасъ же продолжалъ говорить дальше; онъ былъ неисчерпаемъ, когда рѣчь шла о финансовомъ положеніи собора.

— Ахъ, Габріэль,—продолжалъ онъ:—что значитъ то, что у насъ осталось, въ сравненіи съ тѣмъ, что у насъ было... Вѣдь ты и почти всѣ здѣсь живущіе понятія не имѣете о томъ, какъ богатъ былъ нашъ соборъ,—у него были царскія богатства; временами даже онъ былъ богаче королей Испаніи. Ты съ дѣтства зналъ, какъ никто, исторію нашихъ знаменитыхъ архіепископовъ, но о томъ, какія богатства они скопили, ты ни слова не можешь сказать. Вы, ученые, не интересуетесь матеріальными подробностями... Знаешь ли ты, какіе дары мы получали отъ королей и отъ знатныхъ вельможъ,—сколько они завѣщали собору послѣ смерти? Я-то вѣдь все это знаю—все изучилъ по архивнымъ матеріаламъ, потому что меня это интересуетъ. Сколько разъ, когда мы съ казначеемъ ломаемъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ справиться съ самыми мелкими расходами, я бѣшусь, видя, какъ мы обнищали,—и утѣшаюсь въ то же время, вспоминая о минувшемъ богатствѣ. Вѣдь мы, Габріэль, были очень, очень богаты. Архіепископъ толедскій могъ бы надѣть на свою митру двѣ короны—я не говорю: три, изъ почтенія къ папѣ... Первый даръ принесъ король Альфонсъ VI послѣ того, какъ отвоевалъ обратно Толедо. Я самъ видѣлъ дарственную запись, великолѣпную, написанную на пергаментѣ готическими буквами. Добрый король даровалъ собору девять городовъ, которые я могу всѣ назвать тебѣ, съ мельницами, виноградниками, домами, лавками. Потомъ Альфонсъ VII даровалъ намъ восемь деревень за Гва-

далквивиромъ, нѣсколько замковъ и десятину со всѣхъ денегъ, которыя чеканились въ Толедо, — и все это предназначалось на облаченіе пребендаріевъ. Столько же и даже больше далъ намъ Альфонсъ VIII. А потомъ воинственный прелатъ донъ Родриго, который отвоевалъ у мавровъ много земель, далъ собору цѣлое княжество съ нѣсколькими богатыми городами... А кромѣ королей, сколько знатныхъ вельможъ осыпали насъ своими великодушными дарами — замками, землями, десятинами... Мы были сильны и безконечно богаты, Габріэль. Территорія соборныхъ владѣній была величиной въ большое княжество. У собора были владѣнія на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Не было провинціи во всей Испаніи, гдѣ бы намъ не принадлежало что-нибудь,—и все это усиливало славу Господню и благосостояніе служителей церкви. За все платилась десятина собору: за печеніе хлѣба, за уловъ рыбы, за право охоты, за чеканку монеты, за право прохода по дорогамъ. Крестьяне, не платившіе ни налоговъ, ни податей, были преданы королю, а для спасенія души охотно давали церкви одинъ снопъ — самый лучшій—изъ десяти. Хлѣба было у насъ такъ много, что онъ едва умѣщался въ амбарахъ. Какія это были времена, Габріэль! Жива была тогда вѣра, а это—самое главное въ жизни. Безъ вѣры не можетъ быть ни чести, ни добродѣтели. Ничего хорошаго не можетъ быть, когда угасаетъ вѣра.

Онъ остановился на минуту, тяжело дыша прямо въ лицо Габріэлю. Онъ весь проникся атмосферой собора и совмѣщалъ въ себѣ всѣ запахи храма. Отъ его рясы шелъ затхлый запахъ старыхъ каменныхъ стѣнъ, а дыханіе его пропитано было сыростью каналовъ и водосточныхъ трубъ.

Воспоминаніе о минувшемъ богатствѣ воспламенило старика, и онъ далъ волю своему возмущенію.

— И послѣ такого богатства, Габріэль, вотъ въ какую горькую нужду мы впали теперь! Я, слуга Господень, долженъ продавать билеты, какъ на бой быковъ; храмъ Божій уподобился театру, и мы должны радоваться приходу въ храмъ какихъ-то еретиковъ, недостойныхъ созерцать сокровища храма... Я долженъ имъ улыбаться, чтобы собрать что-нибудь на пропитаніе намъ...

Донъ Антолинъ не переставалъ плакаться на несчастную судьбу церкви, пока они не дошли до дверей его квартиры. Изъ дверей высунулось некрасивое лицо Марикиты, которая позвала его.

— Дядя,—сказала она, — довольно гулять. Шоколадъ осты-

негъ. Пропустивъ дядю въ дверь, она, улыбаясь, обратилась къ Габріэлю и попросила его тоже зайти къ нимъ. Ей нравился этотъ болѣзненный таинственный пришелецъ изъ далёка, и она всячески старалась подружиться съ нимъ.

Габріэль отклонилъ ея приглашеніе, и когда она, наконецъ, ушла къ себѣ, онъ еще походилъ по галереѣ, прежде чѣмъ пойти выпить чашку молока, которую братъ приготовлялъ ему каждое утро.

Часовъ около восьми спускался донъ Луисъ, регентъ, всегда театрально завернувшись въ плащъ и откинувъ назадъ шляпу, которая окружала ореоломъ его большую голову. Онъ разсѣянно напѣвалъ что-то, и тревожно спрашивалъ, не началась ли уже служба, потому что ему грозили штрафомъ за постоянныя опаздыванія. Габріэль чувствовалъ симпатію къ этому священнику съ душой художника, который прозябалъ, занимая ничтожное положеніе въ соборѣ, и больше интересовался музыкой, нежели догматами вѣры.

Днемъ Габріэль поднимался въ маленькую комнатку, которую занималъ регентъ этажемъ выше квартиры Эстабана. Въ комнаткѣ этой помѣщалось все имущество музыканта: желѣзная кровать, которая осталась у него еще отъ временъ семинаріи, фисгармонія и два гипсовыхъ бюста Бетховена и Моцарта, а также кипа нотъ, переплетенныхъ партитуръ и нотныхъ листовъ.

— Вотъ на что уходятъ его деньги!—ворчалъ старикъ Эстабанъ, когда заходилъ къ регенту и видѣлъ разбросанныя по всей комнатѣ ноты.—Никогда у него не остается ни гроша денегъ. Чуть получилъ жалованье, сейчасъ же отправляется въ Мадридъ—покупать еще ноты. Лучше бы, донъ Луисъ, вы купили себѣ новую шляпу, хотя бы самую скромную, а то вы приводите въ ужасъ канониковъ своимъ нищенскимъ видомъ.

Зимой, регентъ и Габріэль уходили, послѣ обѣдни, въ эту комнатку наверху. Каноники, спасаясь отъ холода и дождя, гуляли по галереямъ верхняго монастыря, чтобы не лишать себя моціона, необходимаго для упорядоченности ихъ образа жизни. Дождь стучалъ въ окна, и при сѣромъ печальномъ свѣтѣ донъ Луисъ перелистывалъ страницы партитуръ и, тихонько наигрывая что-нибудь на фисгармоніи, разговаривалъ съ Габріэлемъ, который сидѣлъ на кровати, за неимѣніемъ второго стула.

Музыкантъ говорилъ съ воодушевленіемъ о своихъ любимыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Среди какой-нибудь восторженной тирады онъ вдругъ останавливался и начиналъ играть; мелодіи наполняли комнату и, спускаясь по лѣстницѣ, доходили

до гулявшихъ внизу, какъ отдаленное эхо. Потомъ онъ вдругъ переставалъ играть, обрывая игру въ самомъ интересномъ мѣстѣ, и начиналъ снова говорить, точно боялся, что его мысли разсѣются, прежде чѣмъ онъ успѣетъ ихъ высказать. Габріэль былъ первый человѣкъ изъ всѣхъ, кого онъ зналъ въ соборѣ, который слушалъ часами его изліянія, не тяготясь и не считая его сумасшедшимъ. Напротивъ того, замѣчанія, которыя онъ вставлялъ, прерывая дона Луиса, показывали, что онъ его слушаетъ съ интересомъ. Всѣ бесѣды кончались обыкновенно гимнами регента Бетховену, къ которому онъ относился съ благоговѣніемъ.

— Бетховенъ—Богъ,—говорилъ онъ.

Весь дрожа отъ возбужденія послѣ восторженныхъ гимновъ своему божеству въ музыкѣ, донъ Луисъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Какъ я вамъ завидую, Габріэль,—говорилъ онъ,—что вы столько ѣздили по свѣту и слышали много хорошей музыки! Въ особенности въ Парижѣ... всѣ эти воскресные симфоническіе концерты—какое наслажденіе! Я разбираю, какъ могу, на фисгармоніи Гайдна, Моцарта, даже Вагнера. Но вѣдь это совсѣмъ не то.

Онъ разсказывалъ съ упоеніемъ о выпавшемъ на его долю, годъ тому назадъ, счастьи: кардиналъ-архіепископъ послалъ его въ Мадридъ для участія въ конкурсѣ органистовъ.

— Это была самая счастливая недѣля въ моей жизни, Габріэль,—говорилъ онъ.—Я одѣлся въ платье одного знакомаго скрипача и пошелъ въ Teatro Real слушать „Валькирію", а потомъ ходилъ въ симфоническіе концерты, слышалъ „Девятую симфонію" Бетховена. На меня музыка производитъ странное дѣйствіе. Она вызываетъ видѣнія разныхъ пейзажей—моря, котораго я никогда не видѣлъ, а иногда лѣсовъ или зеленыхъ луговъ съ пасущимися стадами. Когда я разсказываю объ этомъ здѣсь въ соборѣ, всѣ думаютъ, что я—сумасшедшій. Но вы, Габріэль, понимаете меня... Особенно яркія видѣнія вызываетъ во мнѣ „Девятая симфонія". Когда я слушаю „Скерцо", мнѣ кажется, что Господь Богъ и его святые ушли куда-то на прогулку и оставили небесныя селенія въ полномъ распоряженіи ангеловъ. И небесная дѣтвора прыгаетъ съ облака на облако, подбираетъ вѣнки цвѣтовъ, забытые святыми, и, отрывая лепестки, бросаетъ ихъ на землю. Потомъ одинъ открываетъ резервуаръ съ дождемъ, и воды небесныя проливаются на землю; другой отпираетъ громъ; удары его пугаютъ дѣтвору и обращаютъ ихъ въ бѣгство. А „Адажіо"!.. Можно ли представить себѣ нѣчто болѣе нѣжное, болѣе сла-

достные звуки любви? Никто на землѣ не умѣлъ такъ безгранично нѣжно любить... Слушая „Адажіо", я представляю себѣ фрески съ миѳологическими сюжетами, вижу прекрасныя бѣлыя тѣла съ нѣжными линіями, вижу Венеру, которую ласкаетъ Аполлонъ на розовыхъ облакахъ при золотистомъ свѣтѣ зари.

— Послушайте, донъ Луисъ, — прервалъ его Габріэль,— вы говорите не какъ правовѣрный католикъ.

— Но я говорю какъ музыкантъ,—просто возразилъ регентъ.—Я исповѣдую вѣру, въ которой я выросъ, и не размышляю о ней. Меня занимаетъ только музыка, про которую говорятъ, что она будетъ „религіей будущаго". Все прекрасное мнѣ нравится, и во всякое великое произведеніе я вѣрю какъ въ твореніе Господне. Я вѣрю въ Бога—и вѣрю въ Бетховена.

Эти часы, которые они проводили въ маленькомъ углу дремлющаго собора, очень сблизили Габріэля и дона Луиса. Музыкантъ говорилъ, перелистывалъ партитуры или игралъ на фисгармоніи, а революціонеръ молча слушалъ его, не прерывая своего друга и только иногда невольно обрывая бесѣду своимъ тяжелымъ кашлемъ. Это были нѣжные и грустные часы, во время которыхъ они взаимно проникали въ душу другъ друга, одинъ—мечтая уйти изъ собора, который казался ему каменной темницей, а другой, ушедшій отъ жизни съ больной душой и неизлечимо больнымъ тѣломъ,—радуясь отдыху въ прекрасной развалинѣ и скрывая изъ осторожности тайну своего прошлаго.

Когда они встрѣчались утромъ, разговоръ ихъ былъ почти всегда одинъ и тотъ же.

— Придете днемъ?—съ таинственнымъ видомъ спрашивалъ регентъ.—Я получилъ новыя ноты. Мы разберемъ то, что̀ мнѣ прислали. Кромѣ того, я еще сочинилъ одну бездѣлушку...

Анархистъ всегда принималъ приглашеніе, радуясь, что можетъ быть полезнымъ этому парію въ искусствѣ, для котораго онъ былъ единственнымъ слушателемъ.

Съ испанск. З. В.

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ

КОЗЬМЫ ПРУТКОВА [*]

Спиритъ мнѣ держитъ рѣчь подъ гробовую крышу:
„Мудрецъ и патріотъ! Пришла чреда твоя;
„Наставь и помоги! Прутковъ! Ты слышишь?“—Слышу
Я!

Перомъ я ревностно служилъ родному краю,
Когда на свѣтѣ жилъ... И, кажется, давно-ль!?
И вотъ, мертвецъ, я вновь въ ея судьбахъ играю—
Роль.

Я власти былъ слуга; но, страхомъ не смущенный,
Изъ тѣхъ, которые не клонятъ гибкихъ спинъ,—
И гордо я носилъ звѣзду и заслуженный—
Чинъ.

---

[1]) Нашъ маститый поэтъ нѣкогда самъ принадлежалъ къ числу членовъ кружка, столь извѣстнаго и донынѣ подъ фирмою „Козьмы Пруткова“, изреченія котораго повторяются нами нерѣдко.—Въ своемъ письмѣ ко мнѣ Алексѣй Михайловичъ пишетъ теперь, между прочимъ: „Русская неразбериха дошла до того, что кому-то пришла мысль обратиться за совѣтомъ даже къ Пруткову, и я, 86-лѣтній старецъ, нахожу, что, хотя, безъ сомнѣнія, очень ограниченный, но вполнѣ искренній членъ „черной сотни“ былого времени долженъ отнестись (къ актамъ нашего времени) именно такъ, какъ отнесся, вызванный спиритомъ, почтенный Козьма Прутковъ“.—Нельзя не отдать справедливости этой тѣни Пруткова,—она, какъ увидитъ читатель, съ тою же откровенностью и безстрастіемъ, какими отличался и самъ Прутковъ, обратилась нынѣ и къ *управляемымъ*, и къ *правящимъ* переживаемыхъ нами дней.—*М. Ст.*

Я, старый монархистъ, на новыхъ негодую:
Скомпрометируютъ они—весьма боюсь—
И власть верховную, и вмѣстѣ съ ней святую—

Русь.

Торжественный обѣтъ родилъ въ странѣ надежду,
И съ одобреніемъ былъ встрѣченъ міромъ всѣмъ...
А исполненія его не видно, между

Тѣмъ.

Ужъ черносотенцы къ такой готовятъ сдѣлкѣ:
Когда на званый пиръ сберется сонмъ гостей—
Ихъ чинно размѣстить и дать имъ по тарелкѣ—

Щей.

И роль правительства, по мнѣ, не безопасна;
Есть что-то d'inachevé... Нѣтъ! Надо власть беречь,
Чтобъ не была ея съ поступкомъ не согласна—

Рѣчь.

Я, вѣрноподданный, тàкъ думаю объ этомъ:
Разъ властію самой надежда подана—
Пускай же просьба:—Дай! вѣнчается отвѣтомъ:—

На!

Я главное сказалъ; но, изъ любви къ отчизнѣ,
Охотно мысли тѣ еще я преподамъ,
Которымъ тщательно я слѣдовалъ при жизни—

Самъ.

Правитель! дни твои пусть праздно не проходятъ;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досугъ;
Но наблюдай: въ водѣ какой они разводятъ—

Кругъ?

Правитель! избѣгай ходить по косогору:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И въ путь не выступай, коль нѣтъ въ ночную пору—

Зги.

Давъ отдохнуть игрѣ служебнаго фонтана,
За мнѣніемъ страны попристальнѣй слѣди;
И, чтобы жертвою не стать самообмана,—

Бди!

Напомню истину, которая поможетъ
Моимъ соотчичамъ въ оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не можетъ—

Власть.

Ученіе мое мнѣ кажется такое,
Что̀ средь борьбы и смутъ инымъ помочь могло-бъ...
Для всѣхъ же вѣрное убѣжище покоя—

Гробъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Октябрь, 1907.
Тамбовъ.

НАШИ „КАДЕТЫ“ и „ЛѢВЫЕ“

Письмо въ Редакцію.

I.

Въ современной политической литературѣ нѣтъ двухъ словъ, которыя повторялись бы чаще въ связи одно съ другимъ, чѣмъ два термина: „кадеты“ и „лѣвые“, и при этомъ обыкновенно ихъ противополагаютъ одно другому. Между тѣмъ, для историка нашей эпохи, вѣроятно, представится величайшей загадкой, въ чемъ собственно было противорѣчіе этихъ двухъ группъ русскаго политическаго міра, и, напротивъ, какая общая черта связывала тѣ разнородные элементы, которые входятъ въ каждую изъ этихъ группъ. Казалось бы, что рѣзкая разграничительная линія русскаго общества—пропасть между прогрессомъ и реакціей, демократизмомъ и сословностью—лежитъ во всякомъ случаѣ правѣе конституціонно-демократической партіи, и не даромъ она часто убѣждаетъ „лѣвыхъ“ смотрѣть на нее, какъ на союзницу. Къ политической программѣ ея лѣвые врядъ ли могли бы прибавить многое, даже если бы имѣли возможность высказываться открыто до конца, и споры происходятъ больше въ области та ики; по соціальнымъ же вопросамъ, несмотря на коренное разли іе въ исходной точкѣ у лѣвыхъ и ихъ противниковъ въ лагерѣ конст туціоналистовъ-демократовъ, программы ближайшихъ реформъ весьма бл зко подходятъ однѣ къ другимъ. Конституціонно-демократическая па ія никогда не была проникнута тѣмъ манчестерскимъ духомъ, ка ъ страдали всѣ старыя либеральныя и радикальныя партіи

Европы; съ другой стороны, переходя на практическую почву государственныхъ реформъ, лѣвые должны считаться съ наличными условіями, дѣлать урѣзки въ своихъ принципіальныхъ программахъ, и, повидимому, было бы совсѣмъ не такъ трудно добиться единодушія даже по такому острому и запутанному вопросу, каковъ аграрный; разница проектовъ на ближайшее будущее—скорѣе въ количествѣ, чѣмъ въ качествѣ, и иногда въ оправданіе рѣзкихъ нападокъ на кадетскую партію, которая стоитъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ лѣвыми, послѣднимъ приходится выдвигать не-политическій аргументъ личнаго недовѣрія. И въ этомъ аргументѣ лучше, чѣмъ во всѣхъ теоретическихъ спорахъ, сквозитъ невысказанное, но дѣйствительно глубокое разногласіе и непониманіе. Въ чемъ же лежитъ корень его?

„Лѣвые" обыкновенно называютъ партію „народной свободы" буржуазною и противополагаютъ ей себя, какъ истинныхъ народниковъ и демократовъ. Это относится уже не къ программѣ партій, а къ ихъ составу; имъ оправдываютъ „лѣвые" и свое недовѣріе къ „кадетамъ", и свое право на руководство обществомъ, и на выраженіе его подлинныхъ желаній. Этотъ аргументъ будущему историку будетъ столь же непонятенъ, какъ и весь споръ, ибо очевидно, что ни одна партія теперь у насъ не представляетъ собою строго сословной группы, но менѣе всѣхъ лѣвые могутъ гордиться однородностью состава. Если въ конституціонно-демократической партіи преобладаетъ интеллигенція всѣхъ ранговъ, то однако и она не лишена чисто демократическихъ, съ „лѣвой" точки зрѣнія, элементовъ; даже на съѣздахъ партіи выступали делегаты-крестьяне, а съ другой стороны, лѣвыя партіи и фракціи состоятъ изъ такихъ же точно интеллигентовъ, какъ и кадеты: лѣвый адвокатъ ни по общественному положенію, ни по своей психикѣ, ни по обезпеченности, не отличается существенно отъ кадетскаго врача или профессора. Почему одинъ можетъ быть истиннымъ выразителемъ народныхъ идеаловъ, а другой—нѣтъ; въ какой степени первый больше заслуживаетъ довѣрія народа, чѣмъ второй? Между тѣмъ, именно интеллигентный элементъ играетъ въ лѣвыхъ партіяхъ руководящую роль, и иначе быть не можетъ, потому что не только у насъ, при политическомъ невѣжествѣ массы, но и на Западѣ Европы, и въ Америкѣ, политика всегда бываетъ удѣломъ людей болѣе обезпеченныхъ и имѣвшихъ время познакомиться со всѣми ея закоулками: она слишкомъ сложна теперь, чтобы крестьянинъ отъ сохи или рабочій отъ станка могъ превратиться въ политическаго лидера, за исключеніемъ незаурядныхъ личностей, разумѣется. И такимъ образомъ, лѣвыя партіи опровергаютъ самымъ существованіемъ своимъ доктрину, сводящую всю исторію человѣчества къ классовой борьбѣ и всѣ его стремленія—къ классовымъ аппетитамъ.

Принципъ, объединяющій „лѣвыхъ“ и противополагающій ихъ всѣмъ остальнымъ нашимъ политическимъ партіямъ, лежитъ глубже, чѣмъ какая-либо политическая или соціальная программа,—онъ связанъ съ различіемъ психическихъ типовъ человѣчества: многое въ страстной полемикѣ лѣвыхъ привносится въ нее изъ совсѣмъ иныхъ областей человѣческаго духа, и потому такъ неразрѣшимы противорѣчія, такъ безнадежны споры, остающіеся на плоскости чисто политическаго разногласія. Разница—и въ идеалахъ, и въ самомъ отношеніи къ жизни вообще. Дальнѣйшее различіе создается комбинаціей этого фактора съ историческими условіями, въ которыхъ выросли наши политическія партіи.

„Лѣвые“ отличаются отъ „кадетовъ“ тѣмъ, что имѣютъ не отрицательную или относительную, а абсолютную, положительную программу. Это покажется страннымъ тому, кто знаетъ, какъ рѣшительно они отрицаютъ все существующее, но на дѣлѣ это такъ. Разница способа рѣшенія политическихъ задачъ особенно бросается въ глаза при сравненіи ихъ именно съ кадетами, потому что послѣдніе идутъ далѣе всего въ своей критикѣ существующаго и тѣмъ, казалось бы, приближаются къ лѣвымъ. Вопреки простому здравому смыслу, но зато согласно со всей своей природой, люди того типа, изъ которыхъ формируется лѣвый флангъ нашей политической арміи, именно потому и чувствуютъ такъ явственно, что они стоятъ на другомъ берегу, и что кадеты такъ близко подходятъ съ своей стороны къ „берегу“.

Есть два способа рѣшать общественные вопросы. Можно, разоблачая до самой глубины всѣ изъяны существующаго, тѣмъ не менѣе отправляться въ своихъ планахъ реформъ отъ него, строить зданіе съ земли и даже, точнѣе сказать, — вытесывать его изъ того камня, какой находится на мѣстѣ постройки. Можно желать замѣнить все зданіе сверху донизу новымъ, можно разрушать безъ сожалѣнія, быстро, даже, можетъ быть, не отказываться и отъ насильственной ломки того, что окончательно сгнило,—но, устраняя отжившее, предоставлять будущему просторъ творчества. Единственной заботой тогда становится создать только такія условія, гдѣ это творчество могло бы проявиться свободно. Если дѣло идетъ о политической реформѣ, то главнымъ предметомъ стремленій является введеніе демократической конституціи, которая должна дать народу просторъ самому высказаться, какъ онъ хочетъ устроить свою жизнь, и въ этой перестройкѣ жизни работа пойдетъ путемъ частичныхъ передѣлокъ, органическаго роста, при которомъ, даже если связь прошлаго съ будущимъ насильственно прервется на нѣкоторое время, она возстановится скоро опять. Такой типъ политиковъ получалъ много разныхъ названій, и лестныхъ, и обидныхъ — прогрессисты, постепеновцы, оппортунисты

и т. д., но важно не столько подобрать ему настоящее имя, сколько объяснить его психологически.

Въ основѣ такого политическаго міровоззрѣнія лежитъ реалистическій складъ ума и характера: впечатлѣнія жизни воспринимаются полнѣе, со всѣми своими красками, въ сознаніи отражается вся сложность явленій, инстинктивно чувствуются тѣ стороны жизни, которыя не поддаются точному учету, и самъ человѣкъ полнѣе отдается жизни, идетъ по ея теченію, можетъ быть, пассивнѣе, но глубже погружается въ нее, сохраняетъ каждую минуту живую связь съ окружающей дѣйствительностью. Отчасти благодаря болѣе полной гаммѣ, впечатлѣнія не вызываютъ такъ быстро реакціи и не даютъ въ умѣ немедленнаго вывода. Міровоззрѣніе складывается постепенно. Отсюда—большая жизненность всѣхъ ученій, построенныхъ на такихъ началахъ, но отсюда же—ихъ неполная стройность, отрывочность, иногда противорѣчивость, въ какой упрекаютъ ихъ противники: здѣсь жизненныя противорѣчія никогда не получаютъ полнаго разрѣшенія, потому что они неразрѣшимы на практикѣ; здѣсь всегда можно предлагать только палліативы, только отдѣльные принципы, которые постепенно, порождая за собою измѣненія и новыя принципіальныя построенія, видоизмѣняютъ общество въ рядѣ поколѣній. Вся сила этого направленія—въ его соотвѣтствіи жизни, умѣньи уловить біеніе ея пульса; слабость же его — въ опасности разбиться въ мелочахъ, не умѣть оцѣнить новый факторъ, при первомъ же его появленіи на жизненной аренѣ. Подобное отношеніе къ политическимъ вопросамъ можетъ быть симптомомъ природной склонности человѣка, можетъ быть результатомъ жизненнаго опыта, наконецъ—общественнаго положенія и занятій. Противникамъ этого „постепеновства" всего болѣе нравится объяснять его буржуазнымъ эгоизмомъ, но объясненіе это такъ же наивно, какъ, напр., приписываніе революцій честолюбію агитаторовъ. Дѣло тутъ не въ оцѣнкѣ жизненныхъ благъ для себя, а въ общемъ чувствѣ жизни. Человѣкъ обезпеченный несомнѣнно имѣетъ лишній поводъ дорожить существующимъ порядкомъ, но это заставляетъ его скорѣе стать консерваторомъ и просто отрицать жизнь тамъ, гдѣ ея требованія для него непріятны, а такое настроеніе уже совсѣмъ другого порядка, чѣмъ то, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Среди собственниковъ можетъ быть столько же фантазеровъ, какъ и въ другихъ классахъ, и напротивъ, трудящіеся, ежедневно чувствующіе на себѣ тягость жизни, борющіеся съ нею въ непрестанной схваткѣ грудь съ грудью, — тѣ скорѣе будутъ охвачены этимъ инстинктомъ жизни: поэтому едва ли не чаще всего это реалистическое отношеніе встрѣчается въ земледѣльческомъ классѣ. Сословіе, а еще болѣе профессія, вліяютъ тѣмъ, что опредѣляютъ образъ жизни человѣка, его

ежедневныя впечатлѣнія и степень близости къ жизненной практикѣ, которая служитъ высшимъ наставникомъ всякому человѣку.

Что извѣстный политическій реализмъ не составляетъ отличія имущихъ классовъ, доказывается лучше всего тѣмъ, что есть цѣлые народы, въ которыхъ онъ господствуетъ, благодаря то національнымъ особенностямъ, то исторіи: таковы были въ древности римляне, а въ наше время—англичане и духовно связанные съ ними американцы. Совершенно напрасно приписывать этому типу политиковъ особенную робость: названные нами народы переживали въ своей исторіи всякія революціи, только протекали онѣ иначе, давали другіе результаты, чѣмъ у народовъ иного типа.

Есть типъ человѣчества совершенно противоположный. Въ основѣ его лежитъ большая нервная впечатлительность, но съ менѣе полной воспріимчивостью. Жизненныя явленія вызываютъ сильную реакцію, но именно потому, что она сильна, она не даетъ полной гаммы ощущенія: одни тона совершенно заглушаютъ другіе; то, что въ жизни затушевывается деталями, выступаетъ въ сознаніи такого типа съ полной яркостью, но и съ обманчивой ясностью и односторонностью. Одинъ элементъ выдѣляется и глушитъ остальные. Это дѣлается, конечно, не намѣренно, даже не сознательно, такой процессъ протекаетъ за предѣломъ сознанія, совершается моментально при самомъ воспріятіи, и человѣкъ самъ уже не въ силахъ критиковать свое впечатлѣніе: оно ему дано прежде, чѣмъ онъ о немъ подумалъ; лишь послѣдующая рефлексія и пристальное изученіе явленія при условіи полнаго безпристрастія могутъ указать человѣку на ошибку его воспріятія. Картина явленія получается отраженною въ зеркалѣ личныхъ симпатій и антипатій, но зато, при большей бѣдности содержаніемъ, она интенсивнѣе: вниманіе не расплывается по всему многообразію жизни, а сосредоточиваетъ всю силу мышленія на одной сторонѣ. Если это дѣлаетъ человѣкъ геніальный, который умѣетъ чутьемъ угадать, что составляетъ дѣйствительно самое важное въ жизни, то плодомъ такого односторонняго воспріятія будетъ, можетъ быть, односторонняя теорія, но бросающая новый свѣтъ на явленіе, пролагающая новые пути и знанію, и практической политикѣ. Но это—при условіи геніальности. Въ иныхъ случаяхъ, подобная неправильная воспріимчивость вредна потому, что даетъ неполную, невѣрную картину жизни, вызываетъ переоцѣнку одной части, слабое вниманіе къ другой части.

Такъ какъ жизненное зло является здѣсь въ наиболѣе рѣзкой формѣ, а вопросъ о происхожденіи его и борьбѣ съ нимъ упрощается игнорированіемъ всѣхъ сопутствующихъ ему условій,—то человѣкъ такого типа склоненъ дѣлать быстрые практическіе выводы изъ своихъ впечатлѣній, сводить всѣ жизненныя явленія къ опредѣленной схемѣ и

бороться съ ними по возможности немедленно какими-нибудь разъ усвоенными пріемами. Если повышенная чувствительность связана съ способностью къ систематическому отвлеченному мышленію, то выводы, сдѣланные такимъ путемъ, будутъ держаться очень прочно, хотя бы даже послѣдующій опытъ показалъ невѣрность первоначальнаго построенія. У человѣка, лишеннаго этой отвлеченной основы, настроенія будутъ мѣняться при каждой смѣнѣ явленій, даже при одномъ и томъ же явленіи, по мѣрѣ того, какъ то одна, то другая сторона больше выступаетъ наружу и поражаетъ его воображеніе: это типъ людей, весьма часто наблюдающійся въ революціонное время,—они кричатъ громче всѣхъ при началѣ движенія, но первые же „ужасы революціи" отшатываютъ ихъ къ реакціи, а затѣмъ снова „ужасы реакціи" возбуждаютъ симпатію къ революціи. Такіе колеблющіеся никогда не играютъ самостоятельной роли въ политикѣ, а потому для насъ въ данную минуту и неинтересны. Напротивъ, способность къ самостоятельнымъ и прочнымъ построеніямъ, болѣе или менѣе основаннымъ на фактахъ въ ихъ субъективномъ воспріятіи, всегда составляетъ силу того типа, который можно бы назвать идеалистическимъ въ отличіе отъ реалистическаго. Реалистическій имѣетъ также свои идеалы, но въ практической политикѣ исходитъ прежде всего изъ жизни, да и идеалы формируетъ себѣ постепенно, скорѣе выращиваетъ, чѣмъ строитъ ихъ однимъ усиліемъ и по одному плану. Идеалистическій же типъ, напротивъ, исходитъ изъ такого идеала, который своеобразно отражаетъ то, что въ жизни есть болѣе рѣзкаго и яркаго. Потому-то эти идеалы такъ характерны для каждой эпохи; ихъ сила и притягательность въ томъ, что они, казалось бы, отвѣчаютъ на самые больные вопросы современности и предлагаютъ полное исцѣленіе отъ золъ, которыя въ данную эпоху даютъ себя чувствовать сильнѣе всего. А при осуществленіи этихъ идеаловъ (если дѣло вообще доходитъ до осуществленія) обнаруживается, что они односторонне восприняли жизнь, что предлагаемыя средства или не достигаютъ цѣли, или бьютъ дальше ея, влекутъ новыя непредвидѣнныя осложненія и страданія въ иныхъ областяхъ жизни, и за этимъ періодомъ наступаетъ разочарованіе, а затѣмъ новое созиданіе идеаловъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

Идеалистическій типъ дѣятеля может имѣть различную окраску въ зависимости отъ того, преобладаетъ ли въ немъ склонность къ отвлеченному систематизированію своихъ впечатлѣній и выводовъ изъ нихъ, или—непосредственное возбужденіе отъ вида царящаго въ мірѣ зла, вмѣстѣ съ волевымъ импульсомъ къ его устраненію. Первое даетъ идеалиста-мечтателя, политическаго утописта, иногда философа права, закладывающаго фундаментъ новаго пониманія его. Второе даетъ

типъ, сходный съ религіознымъ проповѣдникомъ,—пророка съ гнѣвнымъ обличеніемъ современности, съ неостанавливающейся ни передъ чѣмъ жаждой немедленно истребить зло существующаго порядка и водворить царство справедливости.

Дѣйствуетъ ли человѣкъ подъ вліяніемъ господствующаго чувства или построенной имъ и кажущейся ему цѣльной, исчерпывающей теоріи общественнаго идеала,—онъ одинаково убѣжденъ, что его идеалъ представляетъ собою истину, и хотя бы общее научное міровоззрѣніе склонялось къ тому, чтобы отрицать возможность абсолютнаго идеала, все же, по крайней мѣрѣ для данной эпохи, составленный вышеуказаннымъ путемъ общественный идеалъ (всегда съ примѣсью нравственнаго, иногда религіознаго идеала) выдвигается какъ абсолютная и обязательная для всѣхъ истина. Отсюда—нетерпимость къ противному мнѣнію, обостреніе принципіальнаго разногласія до личной ненависти, отсюда—огромная энергія въ осуществленіи этого идеала, но и деспотическое отношеніе ко всему, что̀ не укладывается въ рамки системы, и ко всѣмъ, кто недостаточно быстро воспринимаетъ ее.

Такое же противоположеніе двухъ различныхъ типовъ человѣчества замѣчается и въ другихъ областяхъ человѣческаго духа. Не говоря уже о религіи, которая одной стороной весьма близко подходитъ къ области политики, мы можемъ примѣнить сказанное, mutatis mutandis, напр., къ художникамъ и поэтамъ. Шекспиръ, охватывающій всю полноту потока жизни, передающій жизненныя явленія со всей ихъ красочностью и взаимными противорѣчіями, и Генрикъ Ибсенъ, ищущій идеальнаго героя, сильнаго духомъ и тѣломъ, дающій намъ цѣлую галерею олицетворенныхъ символовъ,—представляютъ подобныя противоположности.

Все нами сказанное можетъ послужить руководствомъ, чтобы разобраться въ борьбѣ идей и партій, кипящей вокругъ насъ.

Отбрасывая тѣ партіи и слои населенія, которыя борются за сохраненіе стараго режима, мы среди прогрессивныхъ элементовъ можемъ прослѣдить тѣ два главные типа, которые нами были подробно очерчены выше. Разумѣется, въ чистомъ видѣ ихъ встрѣтить трудно; разумѣется также, что не всегда человѣкъ точно выясняетъ себѣ свое собственное настроеніе и идеалъ, идя въ несоотвѣтственную партію: такимъ образомъ, к.-д. партія и даже союзъ 17 октября могутъ включать въ себѣ политиковъ идеалистическаго типа, попавшихъ туда по недоразумѣнію, подъ вліяніемъ окружающаго ихъ. Точно также и еще въ большей степени въ средѣ лѣвыхъ имѣется много политиковъ-реалистовъ, но преобладающимъ

типомъ лѣваго является именно идеалистическій типъ; въ проти-
положность имъ, „кадетъ“ — это реалистъ по преимуществу. Отс
достоинства и недостатки обѣихъ партій, отсюда ихъ взаимныя об
ненія и во-вѣки непримиримое разногласіе: уравновѣсить эти
противоположныя начала въ человѣкѣ можетъ лишь на время
ніальный мыслитель или пророкъ, но въ обыденной политичес
жизни они всегда будутъ противополагаться, и въ ихъ взаим
борьбѣ—залогъ развитія человѣчества. Современныя событія—то
одинъ актъ вѣчной міровой трагедіи, и съ насъ достаточно, если
постараемся правильно постигнуть смыслъ борьбы и взаимное от
шеніе дѣйствующихъ лицъ, не мечтая о примиреніи ихъ.

„Лѣвые“ не даромъ, конечно, пріобрѣли репутацію профессіонал
ныхъ отрицателей. Дѣйствительно, по отношенію къ окружающей истор
ческой обстановкѣ они заявили себя непримиримо враждебными. „В
существующемъ строѣ для насъ нѣтъ ничего святого“,—писалъ в
самый разгаръ движенія, 15 ноября 1905 г., „Сынъ Отечества“. Рѣ
кость отрицанія проистекала изъ основного свойства людей это
типа: темныя стороны въ русской дѣйствительности такъ перевѣш
вали свѣтлыя, несправедливость и угнетеніе такъ рѣзали глаза, ч
это ощущеніе стало для нихъ доминирующимъ; оно давало окрас
всему ихъ міросозерцанію и въ немъ тонули тѣ немногія противо
ложныя черты, которыя можно было бы отыскать въ окружающ
жизни. Въ основѣ всѣхъ ихъ программъ и рѣчей лежитъ имен
чувство, аффектъ, ихъ протестъ идетъ изъ сердца еще болѣе, чѣм
изъ разума. Это не значитъ, чтобы онъ былъ неразуменъ, но съ ни
соединяется нѣкоторая неуравновѣшенность, которая неизбѣжна в
томъ, что̀ имѣетъ своимъ источникомъ чувство. Отъ этого ихъ горяч-
ность, ихъ вліяніе, которое принадлежитъ всегда тѣмъ ораторамъ и
писателямъ, которые сами глубоко чувствуютъ то, о чемъ пишутъ;
отсюда—впечатлѣніе силы, ибо у нихъ хватаетъ смѣлости отрицат
все, идти до конца, и рядомъ съ ихъ критикой „кадетская“ кажетс
трусливой, недоговоренной. Обаяніе лѣвыхъ держится тоже больше
на чувствѣ, чѣмъ на стройной логикѣ, обдуманномъ и холодномъ
убѣжденіи. Оттого оно иногда неожиданно для нихъ сразу падаетъ,
впрочемъ не всегда безъ ихъ вины. Въ минуты глубокаго разочаро-
ванія въ прошломъ, отвращенія къ настоящему, масса склонна идти
за тѣмъ, кто рѣзче всѣхъ разрываетъ съ прошлымъ, ибо кажется, что
только рѣшительный ударъ можетъ исцѣлить общественное зло. Въ
порывѣ общественнаго возбужденія недостаточно взвѣшиваютъ, на-
сколько общество можетъ, при всемъ желаніи, оторваться отъ своего
прошлаго; уроки исторіи другихъ народовъ забываются, и народъ
живетъ какой-то неопредѣленной надеждой, что вдругъ все устроится

наилучшимъ образомъ. Многимъ кажется при этомъ, что именно такой полный кризисъ—лучшій моментъ, чтобы сразу цѣликомъ вырвать зло, чѣмъ растягивать процессъ преобразованія на десятки лѣтъ.

Но горячность отрицанія всегда приводитъ къ нетерпимости. Такъ какъ старый міръ осужденъ на погибель не только во имя народной пользы и исторической необходимости, но еще болѣе подъ вліяніемъ нравственнаго возмущенія его испорченностью,—то отношеніе къ нему принимаетъ характеръ той ненависти и отвращенія, какое питали первые христіане къ языческому міру. Отрекаться отъ стараго міра стало нравственной обязанностью; все, что сохраняло съ нимъ связь, было запятнано какъ бы косвеннымъ участіемъ въ его преступленіяхъ или по крайней мѣрѣ повинно въ терпимости къ нимъ. Этимъ объясняется антипатія лѣвыхъ къ кадетамъ. Очень мѣтко указалъ на это г. Пѣшехоновъ въ своей статьѣ „Почему имъ не вѣрятъ?“. „Кадеты“ всегда стояли слишкомъ близко къ старому порядку, вынуждены были подлаживаться къ нему, ибо нельзя было работать въ школѣ, въ земствѣ, на службѣ, если не признавать существующаго порядка. Но справедливо ли было осуждать теперь людей за то, что въ самую глухую пору реакціи они не ограничились совершенно безнадежнымъ тогда протестомъ, а шли работать на пользу народа въ тѣхъ рамкахъ, какія были тогда обязательны; само освободительное движеніе обязано этой черной культурной работѣ, и ежедневные компромиссы, къ которымъ она вынуждалась, могутъ вызвать только сочувствіе къ тѣмъ, кто склонялся подъ ихъ неизбѣжностью. Неосновательно было и то мнѣніе, будто лѣвые никогда не шли на такіе компромиссы: вся лѣвая печать могла работать только потому, что умѣла говорить эзоповымъ языкомъ, иногда прямо надѣвать маску сатиры или аллегоріи, чтобы проводить свои идеи, и о многомъ вопіющемъ принуждена была молчать. Но въ тѣ времена, когда иначе нельзя было жить, это казалось естественнымъ. Въ минуту торжества свободы всякій компромиссъ былъ объявленъ постыднымъ отступничествомъ, и людей, которые привыкли къ нему въ своей прежней дѣятельности, считали неспособными опять на него пойти. Лѣвые часто оправдывали свое недовѣріе классовымъ составомъ кадетской партіи, но первая же Государственная Дума показала, какъ пестръ былъ этотъ составъ, и лучшимъ отвѣтомъ на обвиненія слѣва были упреки справа, что кадетская партія жертвуетъ интересами богатыхъ классовъ, особенно землевладѣльцевъ, потому что сама не имѣетъ собственности. И то, и другое—не вѣрно. Недовѣріе вызывалось справа вполнѣ основательнымъ убѣжденіемъ, что общенародныя потребности для кадетовъ выше интересовъ обезпеченныхъ классовъ; слѣва же чувствовалась разница температуры политическаго настроенія. И въ своихъ крайнихъ пред-

ставителяхъ лѣвое направленіе доходило до того, что ставило кадетовъ на одномъ уровнѣ съ реакціонерами. Въ этомъ коренилась главная причина раскола русской оппозиціи немедленно послѣ манифеста 17-го октября,—что̀ сыграло такую роковую роль въ освободительномъ движеніи.

Съ кадетской стороны, ненависть къ нимъ лѣвыхъ казалась всегда какимъ-то страннымъ предубѣжденіемъ: кадеты не отрицали справедливости протеста лѣвыхъ противъ существующаго строя, ни однимъ словомъ не обнаруживали склонности поддерживать настоящій режимъ, при первомъ же предложеніи портфелей въ министерствѣ гр. Витте—отъ нихъ отказались;—въ чемъ же могли упрекнуть ихъ лѣвые? Въ отсутствіи громкихъ словъ, рѣзкихъ выраженій? Но вѣдь для дѣла это было не существенно. Въ осторожности тактики, въ скептицизмѣ къ наивнымъ фантазіямъ лѣвыхъ? Но послѣдствія показали, какъ сильно ошибались лѣвые и въ своихъ силахъ, и въ настроеніи народа. Кадеты считали однимъ изъ своихъ главныхъ достоинствъ трезвость взгляда, но именно она-то больше всего претила лѣвымъ. Ее не стѣснялись объяснять трусостью, ограниченностью буржуазнаго міровоззрѣнія. „Страхъ революціи", который несомнѣнно встрѣчался у кадетовъ, потому что они отдавали себѣ отчетъ, какихъ жертвъ требуетъ революція и какъ рискованна ея игра,—этотъ страхъ служилъ вѣчнымъ поводомъ обвиненій и насмѣшекъ надъ кадетами; нежеланіе бросаться, очертя голову, въ революціонныя авантюры перетолковывалось въ смыслѣ отказа отъ всякой борьбы, чуть ли не въ тайной приверженности къ старому режиму.

Рѣзко отрицательное отношеніе къ современности является только однимъ изъ признаковъ лѣвыхъ политиковъ, и чувство негодованія при видѣ существующей несправедливости—только одна изъ причинъ ненависти ихъ къ окружающему. Гораздо глубже и важнѣе то свойство, которое было нами выставлено, какъ основная черта людей идеалистическаго типа,—способность создавать цѣльный идеалъ и склонность придавать этому идеалу абсолютное значеніе, стараться воплотить его въ жизнь. Психологически эта черта связана съ первой: если нынѣшнее такъ плохо, что его нужно истребить безъ остатка, то необходимо имѣть хоть какое-нибудь представленіе, чѣмъ замѣнить его; такъ какъ переворотъ предполагается внезапный или почти такой, то нельзя ждать, когда „выростутъ" новыя учрежденія; а съ другой стороны, если кому рисуется заманчивый образъ счастливаго будущаго, помѣхой которому стоятъ нынѣшнія общественныя учрежденія —тому приходится отрицать и разрушать все существующее ради того

чтобы очистить мѣсто своему идеалу; всякое перемиріе съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей кажется ему измѣной, всякій компромиссъ—преступленіемъ противъ Духа святого. Да и въ самомъ дѣлѣ, если предметомъ стремленій является связная система новаго общественнаго устройства, то малѣйшій остатокъ нынѣшняго историческаго строя будетъ нарушать гармонію цѣлаго и грозить испортить ожидаемый результатъ, какъ для вѣрующаго фанатика всякое даже незначительное уклоненіе отъ догмы, или отъ исполненія обряда. уже становится поводомъ осужденія на вѣчную гибель. Если какому-нибудь общественному строю приписывается волшебная способность упразднить зло и несправедливость въ человѣческомъ обществѣ, то это опять-таки связано съ тѣмъ же психологическимъ основаніемъ. То, что въ настоящую минуту гнететъ человѣчество, кажется наиболѣе ужаснымъ, нынѣшній строй—худшимъ изъ всѣхъ существовавшихъ, и въ силу той же односторонности мышленія и чувствованія вѣрятъ, что одна какая-нибудь формула, иное, противоположное нынѣшнему, начало, положенное въ основу общественнаго строя, исцѣлитъ человѣчество; что это начало въ свою очередь можетъ привести къ иной формѣ рабства и несправедливости—это обыкновенно упускается изъ виду. Чѣмъ сильнѣе выраженъ тотъ типъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, тѣмъ опредѣленнѣе, а потому и ограниченнѣе становится его идеалъ, и тѣмъ сильнѣе вѣруетъ онъ въ него, какъ въ панацею.

Въ наше время такимъ началомъ, противополагаемымъ нынѣшнему строю, такой панацеей является соціализмъ. Постепенно преобразуясь, онъ пріобрѣлъ опредѣленную догму, организовался подъ наименованіемъ научнаго соціализма и ставитъ себѣ уже очередныя практическія задачи. Что, несмотря на его научные аттрибуты—статистику, отвлеченную терминологію,—онъ не пересталъ быть идеалистическимъ ученіемъ, этого не отрицаютъ и нѣкоторые соціалисты, ибо общественныя науки еще недостаточно разработаны, чтобы допустить точное предвидѣнье, ихъ матеріалъ даетъ разные выводы, и современное научное міровоззрѣніе, построенное на эволюціонизмѣ, высказывается скорѣе противъ возможности такого переворота въ человѣческомъ обществѣ, послѣ котораго сразу наступитъ царствіе Божіе на землѣ; во всякомъ случаѣ ни одинъ ученый и философъ не подпишется подъ обѣщаніемъ Энгельса, что переворотъ будетъ „прыжкомъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Самъ Марксъ оперировалъ не научнымъ, а метафизическимъ методомъ, теперь окончательно отвергнутымъ наукой, а между его сторонниками до сихъ поръ идутъ пререканія относительно пониманія и предѣловъ примѣненія его доктрины. Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ критику ея, потому что не это насъ интересуетъ. Мы хотѣли только показать, что при-

верженность къ теоріямъ „научнаго соціализма“ вовсе не означаетъ отказа отъ идеализма,—напротивъ, только въ немъ доктрина почерпаетъ свою силу: атомистическая гипотеза или теорія происхожденія видовъ не въ силахъ вдохнуть въ своихъ послѣдователей тотъ энтузіазмъ, который мы видимъ въ соціалистахъ. Марксизмъ силенъ не тѣмъ, что изъ научныхъ данныхъ выводитъ теорію общественнаго развитія, ведущую къ соціализму, а тѣмъ, что составленному заранѣе идеалу и стремленію подставляетъ научный, яко-бы, несокрушимый фундаментъ; поддерживаетъ вѣрующаго обѣщаніемъ, что по самымъ непреложнымъ законамъ науки его идеалъ долженъ стать дѣйствительностью. Въ этихъ случаяхъ люди не требовательны къ способу аргументаціи и не склонны провѣрять факты,—„homines facile credunt quod sperant“,—говорили еще древніе римляне. Тѣ современныя теченія соціализма, которыя отклоняются отъ марксизма,—напримѣръ, наше соціалъ-революціонерство,—еще болѣе проявляютъ свою идеалистическую природу, отмежевывая широкое поле дѣятельности личной иниціативы и критической мысли.

Всѣ свойства, присущія идеалистическому образу мышленія и воодушевленной вѣрѣ въ извѣстные догматы, налицо въ соціалистическихъ партіяхъ, и это сближаетъ ихъ съ религіозными сектами. Соціалъ-демократія, имѣющая наиболѣе выработанную догму, отвѣчающую не на общественные только, но и на коренные вопросы человѣческой жизни, дающая не политическую программу, а цѣлое связное міровоззрѣніе, наиболѣе подходитъ къ типу секты, и возникшая на почвѣ ея догмы партія не только въ видѣ ироніи можетъ быть сравнена съ церковью: она во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно замѣняетъ своему стороннику церковь, ибо въ предѣлахъ ея онъ можетъ найти удовлетвореніе разнообразнымъ потребностямъ, если ея отвѣты вообще удовлетворяютъ его; связь, образуемая ею, сближаетъ тѣснѣе, чѣмъ всякая иная политическая партія; „товарищъ“, какъ титулъ всякаго члена партіи, въ отличіе отъ иновѣрцевъ, очень удачно символизируетъ нравственный цементъ, заложенный въ партіи. Эта связь даетъ возможность создать такую крѣпкую организацію, какою не можетъ похвастать ни одна другая партія, построенная по типу обычной политической организаціи, и въ этомъ—сила партіи, ибо, захватывая человѣка цѣликомъ, она можетъ безраздѣльно распоряжаться имъ и используетъ всѣ его силы и способности: для него партійная дѣятельность не спортъ, не выгодная афера и даже не простое исполненіе гражданскаго долга, какъ для членовъ иныхъ партій; она—служеніе истинѣ, нравственная обязанность, подвигъ почти въ христіанскомъ смыслѣ. Разумѣется, готовность къ подвигамъ можетъ вдохнуть только

безраздѣльная вѣра и въ истинность того идеала, которому человѣкъ служитъ, и въ неизбѣжность его торжества.

Та самая сила, которая прежде создавала церкви и ереси, теперь идетъ по другому руслу, но психологически измѣняется отъ этого весьма мало. Вотъ почему успѣхъ соціализма нельзя мѣрить тѣмъ же аршиномъ, что у другихъ партій: онъ идетъ гораздо глубже въ душу человѣка и вызываетъ напряженіе личной энергіи во много разъ большее, чѣмъ чисто политическая программа. Энергія „лѣвыхъ" почти настолько же превосходитъ энергію „кадетовъ", насколько тѣ въ свою очередь перевѣшиваютъ въ этомъ отношеніи „умѣренныя" партіи. Искренній пылъ горячей вѣры дѣйствуетъ заражающимъ образомъ на окружающихъ, не говоря уже про то, что онъ скорѣе всѣхъ другихъ политическихъ ученій преодолѣваетъ всѣ преграды, искусственно воздвигаемыя на пути къ народу. Воодушевленіе заразительно,—это давно извѣстно и доказано успѣхомъ иногда совершенно сумасбродныхъ сектантовъ. Но даже тѣ изъ народа, кто не поддается самому ученію и не становится въ ряды партіи, выносятъ благопріятное впечатлѣніе отъ того рвенія и самопожертвованія, которое они видятъ въ этихъ преслѣдуемыхъ закономъ людяхъ. Что они выступаютъ защитниками народныхъ интересовъ, что начальство подкрѣпляетъ въ глазахъ народа ихъ авторитетъ своими преслѣдованіями, все это не такъ важно, не столько способствуетъ пріобрѣтенію довѣрія народа, какъ неподдѣльная искренность и отреченіе отъ жизненныхъ благъ и удобствъ, свидѣтелемъ котораго бываетъ народъ. И народъ привыкаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на безкорыстныхъ совѣтниковъ, видитъ, что они сами не извлекаютъ никакой пользы для себя лично въ своей дѣятельности, и, оцѣнивая ихъ подвигъ, снисходительно смотритъ даже на такіе поступки, которые расходятся съ обще-установленными нравственными воззрѣніями, объясняя себѣ, что вѣдь это дѣлается не изъ корысти и не ради личнаго удовлетворенія. Отсюда тотъ удивительный на первый взглядъ престижъ, которымъ пользуются среди народа представители лѣвыхъ, иногда почти мальчики; отсюда непонятное для многихъ вліяніе партійныхъ организацій, которыя мѣстами представляютъ ничтожную кучку людей, никому неизвѣстныхъ и ничѣмъ невыдающихся,—вліяніе, которое такъ ярко обнаружилось на выборахъ въ Государственную Думу; отсюда же и терпимое отношеніе народа къ нѣкоторымъ проявленіямъ политическаго террора, несмотря на то, что по общему складу своихъ воззрѣній и по самому темпераменту своему русскій народъ вовсе не склоненъ къ такому способу дѣйствія.

Идеализмъ составляетъ лучшее, что есть въ лѣвомъ лагерѣ. Но тотъ же идеализмъ заключаетъ въ себѣ и отрицательныя стороны.

Когда онъ служитъ путеводной звѣздой въ лабиринтѣ жизненныхъ вопросовъ, когда онъ ставится достаточно высоко надъ жизнью, чтобы, съ одной стороны, освѣщать ее, а съ другой—быть вполнѣ застрахованнымъ отъ опошленія, онъ оказываетъ самое благотворное вліяніе. Когда же его содержаніе пытаются пересадить въ жизнь, не считаясь съ реальными условіями ея, то въ силу того, что идеалъ всегда является абсолютнымъ въ глазахъ своихъ послѣдователей, что онъ требуетъ полнаго осуществленія и не терпитъ рядомъ съ собой никакого конкуррента,—онъ превращается въ утопію, порождаетъ нетерпимость и влечетъ своихъ сторонниковъ къ дѣйствіямъ, которыя противорѣчатъ самому идеалу и низводятъ его съ пьедестала; въ глазахъ всѣхъ небезусловно преданныхъ ему—идеалъ становится отвѣтственнымъ за всѣ дѣянія своихъ ревнителей.

Все это наблюдается и у нашихъ „лѣвыхъ". Главная задача политической борьбы для нихъ — насажденіе новыхъ принциповъ общественнаго строя. Приближаясь въ нѣкоторыхъ пунктахъ весьма близко къ кадетской программѣ, они не уставали обличать „кадетовъ" въ отсутствіи „принципіальности"—и это особенно въ аграрной программѣ, т.-е какъ разъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было допустить перестройку всѣхъ отношеній на основаніи отвлеченныхъ принциповъ. По поводу принциповъ происходитъ непрерывное недоразумѣніе. Объявляя себя сторонниками коренного преобразованія общества на новыхъ началахъ, отрицающихъ частную собственность, соціалистическія партіи, за исключеніемъ максималистовъ, всѣ признаютъ, что время для этого преобразованія не наступило, и хотятъ только ввести хоть частичку новаго строя, напр., національзацію земли, или даже ограничиваются пока чисто политической реформой — демократической организаціей государственнаго строя. Поэтому оффиціально они отвергаютъ обвиненіе въ утопизмѣ, но на практикѣ, въ разгарѣ борьбы, соціалисты постоянно переходятъ границы, поставленныя ихъ программой—minimum, и когда они призываютъ народъ бороться съ существующимъ строемъ, громя эксплуатацію капиталистовъ и помѣщиковъ, они подразумѣваютъ, конечно, не одно введеніе только демократической конституціи, а полный соціальный переворотъ,—и такъ понимаетъ ихъ народъ. Если крестьянинъ ожидалъ, что землю ему дадутъ немедленно по созывѣ Государственной Думы, то съ другой стороны, во время декабрьскихъ забастовокъ 1905 г., фабричные рабочіе охраняли заводскія зданія и машины въ ожиданіи, что онѣ въ скорости отойдутъ въ ихъ владѣніе, и уже велись разговоры о новой расцѣнкѣ труда высшихъ служащихъ при новомъ режимѣ. Кажется, мало кто оцѣнилъ вліяніе этихъ разговоровъ на „поправѣніе" интеллигентнаго состава служащихъ нашей промышленности и на исходъ всего революціоннаго движенія. Мы не

наемъ, какъ бы стали держаться руководители лѣвыхъ партій въ лучаѣ побѣды движенія: мы полагаемъ, что волна пошла бы гораздо дальше, чѣмъ наличная у нихъ доля благоразумія могла бы желать и позволить, но они вынуждены были бы противъ воли и безъ всякой вѣры въ успѣхъ приступить къ немедленной ликвидаціи буржуазнаго строя, чтобы не оказаться въ глазахъ своихъ партійниковъ въ народа обманщиками. Возможно, что мы были бы свидѣтелями обвиненій самихъ лѣвыхъ въ „поправѣніи“, измѣнѣ и проч., какъ только обнаружилось бы, что они не хотятъ и не могутъ ввести обѣщанное ими совершенное общественное устройство.

Но еще раньше этого момента занятая ими позиція ставила ихъ въ неловкое положеніе. Такъ какъ ярость нападокъ на существующій строй и принципіальное построеніе программы было доказательствомъ истинно-демократическаго образа мыслей, то въ этомъ направленіи ли все дальше и дальше: чѣмъ лѣвѣе, тѣмъ правильнѣе, или, лучше сказать, праведнѣе, — таково было если не открыто высказываемое, руководящее убѣжденіе лѣвыхъ. Поэтому наибольшимъ героемъылъ тотъ, кто шелъ дальше всѣхъ, кто занималъ позицію непримиримѣе товарищей. И когда лѣвѣйшій переходилъ уже границу не лько программы, но и здраваго смысла, представитель лѣвыхъ колебался осадить его, или, если рѣшался на это, вынужденъ былъ пригать къ тѣмъ аргументамъ, которые могли быть обращены противъ го же самого. Когда г. Черновъ говорилъ о максималистахъ, можно ло бы думать, что слышишь кадета, обличающаго соціалъ-революціонера. „Года два-три тому назадъ, на периферіи партіи было замѣтно лое теченіе (впослѣдствіи сплошь или почли сплошь перешедшее максимализму) въ этомъ направленіи. Представители его вербовались изъ молодежи, порою довольно зеленой; они отличались несомнѣнной энергіей, революціоннымъ энтузіазмомъ и преданностью дѣлу, въ то же время крайней экспансипностью и нетерпѣливостью. ительные способы борьбы, требующіе организаціи и толкающіе къ ганизаціи массъ, казались имъ слишкомъ слабыми“; и г. Пѣшехоновъ удостовѣряетъ насъ, что г. Чернову приходилось вести „энергичную борьбу со склонностью къ максимализму въ программѣ и къ анархизму въ тактикѣ“ [1]). Однако, открытыя порицанія крайнихъ и лѣвыхъ теченій могли позволить себѣ такіе авторитеты, какъ гг. Черновъ и Пѣшехоновъ, да и то еще г. Плехановъ, несмотря на весь авторитетъ, испыталъ на себѣ всю тяжесть негодованія за откровенное осужденіе тактики, которая не дала соціалъ-демократамъ ничего, кромѣ пораженій. Рядовой соціалистъ никогда не рѣшился бы высказать

[1]) „Народный трудъ“, вып. II; стр. 33.

такъ смѣло свое мнѣніе, дабы не показаться недостаточно лѣвымъ и не заслужить самой обидной для лѣваго клички: „кадетъ". Утопизмъ, положенный въ основу всѣхъ лѣвыхъ программъ, силой своей тяжести увлекалъ ихъ дальше, чѣмъ они бы сами хотѣли; не было точки, на которой можно было имъ остановиться, потому что эта точка находилась въ плоскости реальной политики, а когда „лѣвый" рѣшался на нее опереться, онъ не только заслуживалъ обвиненія въ кадетствѣ, но дѣйствительно обращался къ принципу, на которомъ была построена кадетская тактика — вносить въ программу только то, что̀ можетъ быть признано исполнимымъ съ точки зрѣнія настоящаго момента, — понимая это слово въ широкомъ смыслѣ.

И. Езерскій.

РАБОТА БЮДЖЕТНОЙ КОММИССІИ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ ВТОРОГО СОЗЫВА.

Членъ Государственной Думы второго созыва (1906 г.) и предсѣдатель бюджетной ея коммиссіи, М. П. Федоровъ, издалъ составленный имъ сборникъ докладовъ [1]) коммиссіи, которая, какъ извѣстно, не окончила своей работы по разсмотрѣнію государственнаго бюджета на 1907 годъ, такъ какъ самая Дума была распущена. Въ вступительной „Памятной запискѣ" М. П. Федоровъ такъ формулируетъ цѣль своего труда:—„собрать, по возможности, что̀ получило въ работѣ бюджетной коммиссіи до извѣстной степени законченный обликъ, и передать это въ наслѣдіе третьей Думѣ, дабы избавить ее отъ непроизводительнаго повторенія уже сдѣланной работы" (стр. 2). Кромѣ только-что цитированной „Памятной записки" редактора, въ сборникъ вошли доклады ряда подкоммиссій о смѣтахъ различныхъ вѣдомствъ, частью уже обсуждавшихся въ подкоммиссіяхъ и снабженныхъ объясненіями представителей соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, а слѣдовательно уже готовыхъ къ внесенію на разсмотрѣніе Думы, частью изъ проектовъ докладовъ, только подготовленныхъ къ разсмотрѣнію. Собранный матеріалъ, помимо указанной выше, спеціальной цѣли, имѣетъ и огромное общественное значеніе, такъ какъ представляетъ собою первый въ Россіи опытъ внесенія нашего громаднаго государственнаго бюджета на обсужденіе народныхъ представителей, а потому небезъинтересно познакомить съ нимъ возможно широкіе круги общества.

Первое, на что̀ натолкнулись члены Думы при разсмотрѣніи бюджета 1907 г., это—ограниченность ихъ правъ разрѣшать или отвергать тѣ или другіе смѣтные кредиты. Согласно представленной Думѣ министромъ финансовъ справкѣ, въ силу правилъ 8 марта 1906 г. о порядкѣ разсмотрѣнія государственнаго бюджета, оказалось, что изъ 2.173 милліоновъ рублей обыкновенныхъ расходовъ—было: неподлежащихъ даже обсужденію въ Думѣ—28 милл. руб., и неподлежащихъ сокращенію—около 400 милл. руб.; обѣ эти категоріи, по принятому выраженію, окончательно „забронированы" отъ народныхъ представителей. Затѣмъ, идутъ расходы на сумму въ 659 милл. руб., основанные на [illegible]знаго рода узаконеніяхъ, относительно которыхъ Дума можетъ въ

---

[1]) „Доклады бюджетной коммиссіи второй Государственной Думы (недоложенные вс[illegible]віе роспуска Думы). Изданіе подъ редакціей М. П. Федорова". Спб. Тип. ак[illegible]. Брокгаузъ-Ефронъ, 1907 (стр. 364). Ц. 2 р. 25 к.

законодательномъ порядкѣ возбудить вопросъ объ измѣненіи или отмѣнѣ ихъ. Насколько подобный способъ осуществимъ, можно судить уже по слѣдующему примѣру: расходы на мѣстныя полицейскія учрежденія обоснованы 518 титулами (узаконеніями); сколько же времени потребовалось бы Думѣ для одного пересмотра ихъ? Наконецъ, остальные 1.086 милл. руб. (50%) составляютъ категорію расходовъ, подлежащихъ свободному обсужденію Думы, т.-е. представляютъ собою такъ-называемую „незабронированную" часть бюджета. Приблизительно въ той же мѣрѣ забронированы и кредиты на чрезвычайные расходы (299 милл. руб.). Затѣмъ, въ распоряженіи отдѣльныхъ вѣдомствъ имѣется свыше полумилліарда такъ-называемыхъ „спеціальныхъ средствъ", изъ которыхъ на 1907 годъ ассигновано израсходовать 83 милл. руб. Распоряженіе этими средствами, по выраженію „Памятной записки", составляетъ „какъ бы домашнее дѣло вѣдомствъ, о которомъ и Думѣ, и Государственному Совѣту, сообщается только общими цифрами для свѣдѣнія" (стр. 10). Между тѣмъ, думская коммиссія, насколько было возможно, разобралась въ этихъ такъ-называемыхъ „спеціальныхъ средствахъ", и оказалось, что 85% ихъ общей суммы по существу вовсе не подходятъ подъ понятіе „спеціальныхъ", предуказанныхъ обосновывающимъ ихъ закономъ 1862 г., средствъ, а слѣдовательно, не только не должны быть забронированы, напротивъ, расходованіе ихъ, какъ суммъ, „безусловно принадлежащихъ казнѣ", подлежитъ обсужденію въ Думѣ.

Тѣ 50% смѣты, которые составляютъ незабронированные расходы, распредѣлены по отдѣльнымъ вѣдомствамъ весьма неравномѣрно: для министерства Двора процентъ этотъ равенъ нулю, для св. синода—1, военнаго министерства—13, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ—19 и т. д.; всего значительнѣе онъ для вѣдомства путей сообщенія—99%; такимъ образомъ, расходы послѣдняго вѣдомства являются какъ бы почти цѣликомъ въ зависимости отъ рѣшенія Думы. Въ дѣйствительности же оказалось, что права Думы въ большей части смѣты и вѣдомства путей сообщенія сводятся къ простой формальности. Половина полумилліардной смѣты этого министерства состоитъ изъ окладовъ сотнямъ тысячъ служащихъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, сократить и даже измѣнить которые Дума, конечно, не могла бы; другая половина состоитъ большей частью изъ эксплоатаціонныхъ расходовъ тѣхъ же путей. Бюджетная коммиссія пыталась разсмотрѣть эту часть смѣты по существу, но съ первыхъ же своихъ шаговъ натолкнулась на рядъ препятствій, поставленныхъ ей со стороны правительства. Такъ, совѣтъ министровъ возсталъ противъ допущенія въ думскія коммиссіи экспертовъ, отказалъ въ предоставленіи журналовъ междувѣдомственныхъ совѣщаній по росписи, а государственный контроль не откл к-

нулся на желаніе Думы получить его заключенія по бюджету. И всѣ эти препятствія были воздвигнуты вопреки торжественному обѣщанію премьера, произнесенному имъ при внесеніи въ Думу государственной росписи, въ которомъ онъ высказалъ, что правительство, при совмѣстной работѣ съ Думою по разсмотрѣнію государственнаго бюджета, „готово приложить величайшія усилія: его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ—предоставляются въ распоряженіе Государственной Думы“ (стр. 28).

Но, несмотря на всѣ эти трудности, бюджетная коммиссія Думы въ теченіе своего короткаго существованія работала надъ бюджетомъ, разбирая его и по формѣ, и по существу, и, насколько было возможно, почти окончила свою работу.

Такъ, подкоммиссія, разсматривавшая смѣту министерства иностранныхъ дѣлъ, одну изъ некрупныхъ по суммѣ (6.051.581 р.), детально провѣрила всѣ основы ассигнованій (титулы), что̀ заняло болѣе мѣсяца. Продѣлать подобную работу для всей смѣты съ ея милліардными кредитами и тысячами различныхъ штатовъ, конечно, думская коммиссія не могла, на это у нея потребовалось бы столько времени, что къ разсмотрѣнію самой смѣты по существу она и не приступила бы. Но и произведенная работа по одному даже вѣдомству весьма важна и поучительна, такъ какъ она дала возможность судить о томъ, какъ составляется нашъ двухъ-съ-половиною-милліардный бюджетъ. Казалось бы, что государственная роспись, какъ дѣло чрезвычайно отвѣтственное, должна составляться и редактироваться вполнѣ точно и ясно. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ далеко не такъ. Нѣкоторыя помѣщенныя въ смѣтѣ суммы нельзя получить изъ прямого подсчёта слагаемыхъ, а только — путемъ сложныхъ вычисленій, нигдѣ въ смѣтѣ не предуказанныхъ, такъ что самому изслѣдователю приходится, путемъ кропотливѣйшей работы, догадываться, что̀ именно надо сложить, что̀ и почему вычесть, гдѣ и по какимъ причинамъ внести поправки. Авторъ доклада о смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ видѣ примѣра, на трехъ страницахъ (32—35) приводитъ ариѳметическія выкладки, чтобы вывести общую сумму расходовъ по одной ст. 2 § 5 смѣты (консульства и агентства). Весьма многія ассигнованія приведены не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они указываются въ соотвѣтствующихъ титулахъ. Очень многіе кредиты ассигнованы такъ, что легальный титулъ для нихъ имѣется, а фактическ[illegible] элементы отсутствуютъ; такъ, напримѣръ, приведена сумма на со[illegible]ержаніе причисленныхъ къ министерству бывшихъ воспитанниковъ ли[illegible]ея и училища правовѣдѣнія, имѣется ссылка на законъ, а число са[illegible]ихъ лицъ, получающихъ содержаніе, не указано, такъ что о пра[illegible]вильности опредѣленія общей суммы ассигнованія судить нельзя. Въ

смѣтѣ масса опечатокъ и недосмотровъ: законъ 16 марта 1893 г. названъ закономъ 27 августа 1892 г.; сумма 60.893 р. показана въ 6.023 р. и т. п. (стр. 37). Для очень многихъ ассигнованій или вовсе не сдѣлано ссылокъ на законъ, или сдѣланы такія, которыя къ этимъ ассигнованіямъ не относятся; напр., вице-консульство въ Фузанѣ не имѣетъ основаній въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи 16 января 1901 г., на которое сдѣлана ссылка въ смѣтѣ. Нѣкоторые акты, на которые сдѣланы въ смѣтѣ ссылки, показаны неопубликованными, тогда какъ они внесены въ Полное собраніе законовъ. Докладъ приводитъ рядъ примѣровъ, подобныхъ слѣдующему: Высочайше утвержденное мнѣніе 24 ноября 1902 г., на которое въ смѣтѣ имѣется ссылка и которое, какъ неопубликованное, было доставлено министерствомъ въ думскую коммиссію въ рукописной копіи, оказалось помѣщено въ Полномъ собраніи законовъ 1902 г. за № 22.148. Общее число неопубликованныхъ титуловъ по смѣтѣ одного министерства иностранныхъ дѣлъ—до 150; старѣйшій изъ нихъ относится къ 1800 году, а новѣйшій—къ 1906 г. Если можно допустить, чтобы не опубликовались титулы, относящіеся къ секретнымъ расходамъ,—а такихъ всего 20,—то совершенно непонятно, почему не опубликованы остальные 130; это тѣмъ болѣе является страннымъ, что дѣлается вопреки основнымъ законамъ, по ст. 91 (49) которыхъ „законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе правительствующимъ сенатомъ въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не приводятся“. Министерство, конечно, не озаботилось прислать хотя бы копіи съ неопубликованныхъ законовъ (титуловъ), и когда Дума ихъ запросила, то начало посылать ихъ понемногу, что̀ сильно тормазило работу коммиссіи. Наконецъ, министерство и не подумало представить Думѣ свои соображенія, освѣщающія смѣту съ общегосударственной точки зрѣнія. Такова внѣшняя сторона смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ. Разсматривая смѣту того же вѣдомства съ внутренней ея стороны, коммиссія натолкнулась на массу разнаго рода несообразностей въ расходованіи народныхъ денегъ.

Такъ, напр., при нашемъ посольствѣ въ Берлинѣ имѣется должность помощника секретаря (3.000 р.), учрежденная, какъ „временная“, въ 1891 г., во время разрыва нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Болгаріей, когда дѣла съ княжествомъ велись при посредствѣ германскаго правительства. Въ настоящее время наши отношенія съ Болгаріей прекрасны, въ Софіи имѣется русское представительство, на содержаніе котораго ежегодно расходуется 31.500 р. и черезъ германское посредство никакихъ дѣлъ съ княжествомъ мы не ведемъ; тѣмъ не менѣе—разъ учрежденная должность при берлинскомъ посольствѣ продолжаетъ существовать, даже *„вопреки* точно

смыслу Высочайшаго повелѣнія", ее учредившаго какъ „временную" (стр. 48).

Членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, т. с. Мартенсъ, за одну и ту же работу (по разработкѣ важныхъ вопросовъ международнаго права) получаетъ двѣ прибавки къ своему содержанію: одну по штату (1.500 р.) и другую—по докладу (2.500 р.),—„при этомъ,—заключаетъ докладъ думской коммиссіи—неправильность усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что докладъ совершенно не упоминаетъ о штатномъ вознагражденіи" (стр. 49).

На заграничныя православныя церкви министерство иностранныхъ дѣлъ расходуетъ 268.875 р.; при этомъ, оно содержитъ не только церкви при миссіяхъ, а и „надгробныя" и „придворныя". Почему расходуется на ту или другую церковь та или другая сумма—въ смѣтѣ данныхъ нѣтъ; между тѣмъ, расходы эти весьма различны и колеблются между 34.500 р. (въ Лондонѣ) и 1.500 р. (въ Пекинѣ).

Наши послы получаютъ „несоразмѣрно большое содержаніе", пять изъ нихъ—свыше 60.000 р. въ годъ каждый. „Говорятъ, что послы имѣютъ большіе расходы на представительство. Давно уже прошло то время, когда о величіи государства судили по празднествамъ, задаваемымъ его послами. Въ настоящее время имѣются другіе, болѣе безошибочные способы судить и о русскомъ величіи, и о русской бѣдности. Слѣдовательно, даже съ этой „утилитарной" точки зрѣнія, расходы на представительство пословъ являются безцѣльными". Невольно коммиссія задается рядомъ вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: „если должность посланника въ Мексикѣ уже десятки лѣтъ можетъ быть исполняема повѣреннымъ по дѣламъ (сбереженіе въ 24.600 р. въ годъ)", то для чего нужны посланникъ въ Штутгартѣ и министры-резиденты въ Абиссиніи, въ Карлсруэ, въ Дармштадтѣ? „Для чего существуетъ вице-консулъ въ Катаньѣ, взимающій 90 р. консульскихъ пошлинъ въ годъ, а тратящій на одну только переписку (?) 750 р. въ годъ?" (стр. 63).

При разсмотрѣніи смѣтъ другихъ вѣдомствъ, думская коммиссія постоянно наталкивалась на недочёты, подобные указаннымъ въ смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; но въ своихъ докладахъ она ограничивалась большею частью главною сущностью дѣла, при этомъ во многихъ случаяхъ (какъ, напр., при смѣтѣ министерства путей сообщенія) не имѣя возможности непосредственно идти на значительныя измѣненія въ самой смѣтѣ, ей пришлось заняться разслѣдованіемъ постановки той или другой отрасли нашего государственнаго хозяйства. Такимъ образомъ, явились обширные доклады о нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, о водныхъ и шоссейныхъ путяхъ, о постановкѣ переселенческаго дѣла. Кромѣ того, коммиссіи пришлось

указать на разнаго рода несообразности въ расходахъ на тотъ или другой предметъ и на несоотвѣтствія его съ нуждами, предъявленными современной жизнью (по министерству военному, юстиціи и друг.).

Желѣзнодорожное хозяйство, на ряду съ винной монополіей, принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ казенныхъ операцій, а слѣдовательно, и состояніе этого хозяйства должно отражаться на государственномъ бюджетѣ. Капиталъ, вложенный въ казенную желѣзнодорожную сѣть въ 1906 г. достигъ 5.897 милл. руб., а обязательные платежи процентовъ на него—240 милл. руб., что составляетъ 65% платежей по государственному долгу вообще. Между тѣмъ, начиная съ 1900 г., наши казенныя желѣзныя дороги постоянно работаютъ въ убытокъ, и послѣдній, составлявшій 3,5 милл. руб. въ 1900 г.,— въ 1906 г. возросъ до 103,6 милл. руб., а въ 1907 г. ожидается до 133 милл. руб. убытка. Причины крайней убыточности казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства сложны. Среди нихъ видимъ и сооруженіе огромной сѣти бездоходныхъ стратегическихъ линій, и послѣдствія русско-японской войны, и двухлѣтнюю смуту, и неурожай послѣднихъ лѣтъ. Помимо этихъ внѣшнихъ причинъ, самое желѣзнодорожное хозяйство ведется крайне неразсчетливо и безсистемно. Хозяйствомъ этимъ завѣдуютъ два вѣдомства: министерства финансовъ и путей сообщенія, первое — финансовою стороною дѣла, второе — техническою и административною. Первое, по разнымъ соображеніямъ, часто до желѣзныхъ дорогъ не относящимся, понижаетъ тарифъ, чѣмъ сокращаетъ валовую доходность дорогъ; второе, не сообразуясь съ финансовой стороной дѣла, постоянно усиливаетъ свои требованія на эксплоатаціонныя нужды путей; вслѣдствіе этого, оба вѣдомства находятся въ постоянномъ конфликтѣ, и въ результатѣ—серьезное ухудшеніе техническаго оборудованія желѣзныхъ дорогъ. Дезорганизація желѣзнодорожнаго хозяйства такъ громадна, что, по разсчету министерства путей сообщенія, на приведеніе въ порядокъ нашей казенной сѣти необходимо затратить въ теченіе 5 лѣтъ около милліарда рублей.

Не лучше обстоитъ и съ нашими водными путями. Несмотря на то, что Россія—сравнительно съ Западной Европой—обладаетъ болѣе значительными водными путями, и въ экономической жизни нашей страны пути эти играютъ бо̀льшую роль, чѣмъ на Западѣ, на нихъ денегъ у насъ нѣтъ, и самые пути остаются чуть ли не въ томъ первобытномъ состояніи, какими ихъ создала сама природа. Само правительство въ 1904 г. признало необходимымъ на приведеніе водныхъ путей въ порядокъ израсходовать 175 милл. руб. (а по мнѣнію спеціалистовъ необходимо 400 милл. руб.); между тѣмъ, въ смѣту 1907 г. на этотъ предметъ внесено всего 1.284.000 р.

Наши грунтовыя дороги (шоссе, проселки и т. п.) находятся въ

самомъ плачевномъ состояніи; это давно сознано и даже сочтено было небходимымъ вносить въ смѣту по 10 милл. руб. ежегоднаго пособія земству на этотъ предметъ; между тѣмъ, въ росписи на 1907 г., какъ и въ смѣтѣ за 1906 г., мы видимъ вмѣсто 10 милліоновъ всего 171 тыс. руб.

Въ 1904 г., Государственный Совѣтъ утвердилъ предположеніе о расходѣ—въ теченіе 11 лѣтъ—въ 7½ милл. руб. въ годъ на улучшеніе коммерческихъ портовъ. Несмотря на это, расходъ на улучшеніе портовъ въ 1904 г. былъ назначенъ въ 5 милл. руб., затѣмъ онъ постепенно уменьшался и въ 1907 г. дошелъ до 2,9 милл. руб.; тогда какъ расходъ на портовую администрацію возросъ за то же время съ 315 тыс. руб. до 1.648 тыс. руб., т.-е. увеличился въ 5 разъ. Мы не улучшаемъ нашихъ портовъ, но даемъ щедрыя субсидіи разнаго рода привилегированнымъ мореходнымъ компаніямъ. Такъ, „Русское общество пароходства и торговли“ получаетъ ежегодной субсидіи ок. 900 тыс. руб. Эта субсидія дала возможность обществу монополизировать свою дѣятельность въ нашихъ южныхъ моряхъ и давать своимъ акціонерамъ до 40% дивиденда, но нисколько не способствовала улучшенію нашего сообщенія съ заокеанскими странами: нашъ тарифъ болѣе чѣмъ вдвое выше германскаго, наши пароходы ходятъ въ полтора раза тише англійскихъ, и потому не удивительно, что почти весь нашъ заграничный вывозъ моремъ производится не-русскими судами. Въ 1905 г. вывезено изъ Россіи моремъ: русскими судами — 43 милл. пудовъ груза, финляндскими — 4 милл. пудовъ и иностранными—854 милл. пудовъ.

Докладъ о смѣтѣ переселенческаго управленія, составленный членомъ Думы Н. Л. Скалозубовымъ, даетъ яркую, но страшно безотрадную картину переселенческаго дѣла въ Россіи, что особенно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ само правительство связало это дѣло съ рѣшеніемъ нависшей надъ Россіей аграрной проблемы. Громадное, сложное дѣло переселенія требуетъ не только руководящей идеи, но и огромнаго труда въ теченіе самаго процесса переселенія, труда на мѣстахъ, при томъ труда лицъ, хорошо освѣдомленныхъ съ мѣстными условіями. У насъ все это громадное дѣло централизовано въ Петербургѣ, и мѣстныя организаціи на всякое свое дѣйствіе, сколько-нибудь выходящее изъ порядка изданныхъ инструкцій, должны испрашивать особыя разрѣшенія изъ того же далекаго Петрбурга. „Отсюда сѣрое, индифферентное отношеніе къ дѣлу со стороны мѣстныхъ чиновъ“ (стр. 295), огромныя суммы непроизводительныхъ затратъ, множество ненужныхъ должностей, и въ результатѣ — масса переселенцевъ фактически остается неустроенною и значительная часть ихъ вынуждена бываетъ бросать даже занятыя

уже мѣста. Невольно докладъ заканчивается пожеланіемъ, чтобы Дума провела законъ объ учрежденіи особой парламентской коммиссіи для выясненія настоящаго положенія переселенческаго дѣла и для надлежащей постановки его.

Подкоммиссія, разсматривавшая смѣты военнаго вѣдомства (подъ предсѣдательствомъ В. Д. Кузьмина-Караваева), успѣла составить проектъ доклада по смѣтѣ главнаго интендантскаго управленія. Въ докладѣ этомъ указываются трудности, съ которыми сопряжена провѣрка исчисленій расходовъ, часто требующихъ спеціальныхъ знаній. Кромѣ того, нѣтъ никакой гарантіи, что измѣненія, сдѣланныя Думою въ расходахъ, будутъ приведены въ исполненіе, такъ какъ военное вѣдомство располагаетъ правомъ передвигать кредиты по всѣмъ отдѣльнымъ его смѣтамъ, при чемъ всѣ остатки отъ кредитовъ предоставляются въ полное распоряженіе самого вѣдомства (предѣльный бюджетъ). Что касается до пріемовъ исчисленія расходовъ по военному министерству, то невольно бросается отсутствіе твердыхъ основъ, положенныхъ въ самыя исчисленія. Такъ, напр., принимая въ основаніе разсчетовъ штатную численность арміи, смѣта не придерживается какой-либо опредѣленной цифры, и для разныхъ расходовъ принимаетъ различныя данныя: для заготовленія обмундированія принимается численность арміи въ 1.079.392 человѣка, для приварочнаго довольствія — 1.130.146, для исчисленія жалованья нижнимъ чинамъ — 1.115.892 человѣка.—Исчисленіе расходовъ по трехлѣтней сложности послѣднихъ годовъ проводится въ смѣтѣ крайне неоднообразно: безъ всякихъ объясненій—въ нѣкоторыхъ случаяхъ трехлѣтіе замѣняется двумя годами, недостающія данныя за какой-либо годъ пополняются данными за годъ, вовсе не входящій въ самое трехлѣтіе. Расходы исчисляются въ одномъ случаѣ по дѣйствительнымъ расходамъ предшествовавшаго трехлѣтія, въ другомъ—по смѣтнымъ ассигнованіямъ, въ третьемъ — по контрольнымъ даннымъ, и т. п. „Подобные пріемы исчисленій расходовъ, конечно, подрываютъ всякую вѣру въ правильность этихъ исчисленій и соотвѣтствіе ихъ съ дѣйствительными потребностями арміи“ (стр. 339). Такъ составляется смѣта главнаго интендантскаго управленія, обнимающая расходъ въ 273½ милл. руб., что составляетъ свыше 70% общей суммы обыкновенныхъ расходовъ военнаго вѣдомства (389 милл. руб.).

Таково содержаніе сборника докладовъ думской бюджетной коммиссіи. Сборникъ этотъ ярко рисуетъ картину того, какъ привыкли у насъ неряшливо обращаться съ народными средствами правящіе классы—это во-первыхъ. Во вторыхъ — просматривая сборникъ, невольно приходится удивляться той массѣ труда, которую затратила

думская коммиссія, чтобы разобраться въ хаосѣ цифръ, составляющихъ нашу государственную роспись. Если только подумать, что это— работа только одной изъ многихъ коммиссій Думы, работавшихъ не менѣе интенсивно, то легкомысленное и, къ сожалѣнію, распространенное обвиненіе Государственной Думы въ неработоспособности является болѣе чѣмъ неосновательнымъ. Дума работала, и не только много, но и умѣло, а что работа ея не нравилась защитникамъ порядковъ стараго, такъ-называемаго „приказнаго“ строя—вина не Думы.

Заканчивая настоящую замѣтку, мы должны подчеркнуть мысль, которая красной нитью проходитъ по всему сборнику. Это—необходимость устраненія того тормаза, который препятствуетъ Государственной Думѣ серьезно заняться улучшеніемъ нашего государственнаго бюджета, а именно—необходимость измѣненія правилъ 8-го марта 1906 года. Правила эти, если и внесли нѣкоторую (если можно такъ выразиться) стройность въ порядокъ составленія росписи, то только въ томъ отношеніи, что, съ учрежденіемъ совѣта министровъ, сгладили прежнюю рознь между отдѣльными вѣдомствами и всѣхъ ихъ какъ бы сплотили ради защиты смѣты противъ критики народнаго представительства. Даже государственный контролеръ, этотъ обычный „противникъ бюджетныхъ вожделѣній остальныхъ министерствъ“, изъ солидарности съ остальными членами кабинета, ничѣмъ не помогъ Думѣ, и въ настоящее время исчезла даже та видимость контроля, которая въ лицѣ его существовала ранѣе. Относительно же представителей народа, на судъ и утвержденіе которыхъ вносится бюджетъ, правила 8-го марта 1906 г. такъ „забронировали“ его, что получается не болѣе какъ призракъ бюджетнаго права. Народнымъ представителямъ не только нельзя серьезно заняться переустройствомъ нашего государственнаго хозяйства, но, пока „правила“ существуютъ, они обречены на постоянную мелкую борьбу за частичныя улучшенія бюджета, не касаясь его сути. Это ставитъ Государственную Думу въ совершенно невозможное положеніе: отъ нея требуютъ утвердить бюджетъ,—и въ то же время лишаютъ ее возможности реформировать его по существу; и Дума, утверждая бюджетъ, съ основаніями котораго она не согласна, несетъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія, которыя изъ того вытекаютъ,—наприм., заботу о покрытіи дефицита. Чтобы наше государственное хозяйство, наконецъ, вышло изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ оно въ настоящее время находится, будущей Думѣ, т.-е. нынѣшней, третьяго созыва, по мнѣнію авторовъ сборника, *необходимо добиваться коренного измѣненія правилъ 8-го марта 1906 года.*

И—вичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1907.

Результатъ выборовъ въ третью Государственную Думу.—Комментаріи услужливой прессы.—Предстоящій „экзаменъ русскаго консерватизма".—Мѣстная реформа и московское дворянство. — Историческія параллели. — Ближайшія задачи третьей Государственной Думы. — Выборы въ Петербургѣ и Москвѣ. — Выборы отъ крестьянскихъ курій. — Новые террористическіе акты. — Статистика репрессій. — В. А. Грингмутъ †.

Со времени изданія новаго положенія о выборахъ не могло быть почти никакого сомнѣнія въ томъ, что третья Государственная Дума, въ противоположность двумъ первымъ, не будетъ оппозиціонной. Неяснымъ оставалось одно: какъ распредѣлится большинство между партіями, готовыми поддерживать правительство или идти еще дальше вправо. Окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ возможнымъ только тогда, когда откроется Дума и сдѣлаетъ первые шаги въ ту или другую сторону. Только тогда можно будетъ провести демаркаціонную черту между „правыми", „монархистами" и членами „союза русскаго народа"—или, наоборотъ, признать, что такой черты вовсе не существуетъ и подъ различными кличками скрывается совершенно одинаковое содержаніе; только тогда можно будетъ узнать, чего хотятъ „октябристы", намѣренія которыхъ точному опредѣленію до сихъ поръ не поддаются.

Какою бы, однако, ни оказалась окраска думскаго большинства, какое бы мѣсто ни заняли въ немъ тѣ или другіе составные его элементы, выразителемъ господствующихъ въ странѣ теченій оно ни въ какомъ случаѣ служить не будетъ. Безпочвенны всѣ попытки доказать, что измѣнившійся составъ Думы свидѣтельствуетъ объ измѣнившемся настроеніи народа. Сравнивать можно только однородныя величины—а объ однородности здѣсь нѣтъ и рѣчи. Слишкомъ велико

различіе между условіями, при которыхъ происходили прежніе и нынѣшніе выборы. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ, избирательный законъ 11-го декабря 1905-го года не задавался цѣлью обезпечить торжество той или другой категоріи избирателей. Онъ былъ построенъ на общихъ началахъ, вездѣ одинаково проведенныхъ; онъ ставилъ число выборщиковъ и депутатовъ въ зависимость отъ фактическихъ данныхъ— отъ численности населенія, отъ цифры уплачиваемыхъ налоговъ; онъ относился къ окраинамъ не иначе, чѣмъ къ центру; онъ не открывалъ слишкомъ большого простора административному произволу, не допускалъ тенденціознаго дробленія избирательныхъ коллегій. Выборы, произведенные на его основѣ, могли считаться приблизительно вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Ничего подобнаго нельзя сказать о выборахъ, въ которыхъ все искусственно: распредѣленіе депутатовъ между губерніями, распредѣленіе выборщиковъ между куріями, составъ и организація избирательныхъ съѣздовъ, способъ избранія депутатовъ, низведеніе такихъ крупныхъ центровъ, какъ Харьковъ, Казань, Саратовъ, Ростовъ-на-Дону, Тифлисъ, на одинъ уровень съ небольшими уѣздными городами. Если третья Дума мало похожа на первую и вторую, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ поворотѣ, совершившемся въ желаніяхъ и чувствахъ населенія, а въ составѣ и процедурѣ избирательныхъ собраній—въ непомѣрномъ увеличеніи числа выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ (и при томъ именно отъ *крупныхъ* землевладѣльцевъ, вслѣдствіе исключенія изъ землевладѣльческихъ избирательныхъ списковъ громадной массы мѣстныхъ крестьянъ), въ столь же непомѣрномъ уменьшеніи числа выборщиковъ отъ крестьянъ, въ привилегированномъ положеніи домовладѣльцевъ, въ избраніи депутата отъ крестьянъ не одними крестьянами, а всѣмъ избирательнымъ собраніемъ, отданнымъ во власть наименѣе прогрессивныхъ элементовъ.

Страна, по словамъ „услужающихъ“ публицистовъ, „переутомлена борьбою и жаждетъ правильнаго законодательства... Оппозиція набила оскомину и наконецъ просто пріѣлась... Россія явно не желаетъ ни прежняго зрѣлища, ни прежнихъ дѣлъ или, точнѣе, прежняго бездѣлья. *Къ законодательству, къ работѣ, къ здоровому обновленію*—вотъ лозунгъ, который явно звучитъ въ выборахъ“! Да, страна утомлена— но, предоставленная самой себѣ, она едва ли выразила бы готовность отказаться отъ продолженія борьбы, пока не вполнѣ достигнута цѣль и не обезпечены пріобрѣтенныя блага. Да, страна жаждетъ правильнаго законодательства — но она ожидаетъ его не отъ тѣхъ, на чью долю досталась избирательная побѣда. Въ теченіе долгихъ лѣтъ законодателями являлись, de facto, единомышленники нынѣшнихъ побѣдителей—и если бы они *правильно* пользовались своимъ вліяніемъ

или своею властью, русскому народу не пришлось бы переживать эпоху страшныхъ испытаній. Если бы короткій, шестимѣсячный періодъ думскихъ сессій и можно было назвать—вопреки очевидности и справедливости—періодомъ *бездѣлья*, то какой эпитетъ слѣдовало бы примѣнить къ тѣмъ годамъ и десятилѣтіямъ, въ теченіе которыхъ, при дѣйствіи стараго режима, не двигались съ мѣста самые назрѣвшіе вопросы?... „Къ законодательству, къ работѣ" призывала и въ первой, и во второй Думѣ значительная часть оппозиціи — и призывала не только словами, но и примѣромъ. Въ основѣ громаднаго труда, предпринятаго ею при самой неблагопріятной обстановкѣ, лежало стремленіе къ „здоровому обновленію" Россіи—къ обновленію, котораго боятся правые всѣхъ наименованій и о которомъ робко говорятъ, ничего для него не дѣлая, октябристы... „Русскій консерватизмъ"—читаемъ мы дальше въ той же ликующей статьѣ—„стоитъ передъ великимъ экзаменомъ... До сихъ поръ онъ всегда былъ не у дѣлъ... Только теперь представители его подходятъ къ кормилу власти, черезъ полвѣка почти сплошного высмѣиванья и гоненія". Гоненіе на консерваторовъ и консерватизмъ, продолжавшееся почти полвѣка—значитъ съ самаго приступа къ „великимъ реформамъ"! Сквозь какіе очки нужно смотрѣть на наше прошлое, чтобы увидѣть въ немъ нѣчто столь далекое отъ дѣйствительности! „Экзаменъ русскаго консерватизма" продолжается, съ небольшими перерывами, чуть не цѣлое столѣтіе, продолжается при полнѣйшемъ снисхожденіи къ экзаменуемымъ—и постоянно даетъ отрицательные результаты. „Кормило власти" наши консерваторы не совсѣмъ выпускали изъ рукъ даже тогда, когда въ число экзаменующихся допускались, на короткое время и съ большими предосторожностями, сторонники другихъ направленій. Какъ бы блистательно послѣдніе ни выдерживали экзаменъ, оставаться за флагомъ приходилось именно имъ, а не разбитымъ и посрамленнымъ ими соперникамъ. Н. А. Милютинъ, С. И. Зарудный, А. В. Головнинъ, гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ быстро сходили со сцены, на которой прочно укрѣплялись и внѣшнимъ образомъ преуспѣвали гр. П. А. Валуевъ, гр. Д. А. Толстой, А. Е. Тимашевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, В. К. Плеве. Гонимыми—если не считать гоненіемъ кратковременное удаленіе съ высокаго поста—властные адепты русскаго консерватизма не были никогда, а гонителями бывали часто, очень часто. Немного они страдали и отъ „высмѣиванья", которому неуклонно противопоставлялся щитъ цензуры. Не болѣе тяжелой была судьба добровольцевъ консерватизма, ломавшихъ за него копья въ печати. Сравнительно много преградъ пришлось встрѣтить только И. С. Аксакову—но, во-первыхъ, его консерватизмъ былъ „совсѣмъ особеннаго свойства", съ немалой примѣсью своеобразной оппозиціи, а во-вторыхъ,

я для него настала пора свободы отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ недоразумѣній... Въ концѣ концовъ, наши такъ называемые консерваторы, оффиціальные и неоффиціальные, всегда оказывались реакціонерами. Вмѣсто того, чтобы сохранять, они всегда стремились къ разрушенію. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ по ихъ внушенію или при ихъ непосредственномъ участіи „рановременныя мѣры теряли должные размѣры и съ трескомъ пятились назадъ“; въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ частичныя урѣзки уступили мѣсто ничего не щадившей ломкѣ. Первые годы текущаго столѣтія должны были принести съ собою еще болѣе рѣшительные шаги въ томъ же направленіи, остановленные только неудачною войною. Нетрудно заключить отсюда, какіе плоды можетъ дать новый „экзаменъ“ русскаго консерватизма.

Намъ могутъ возразить, что на этотъ разъ „экзаменъ консерватизма“ будетъ происходить при совершенно новыхъ условіяхъ: публично, подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности передъ народомъ. На самомъ дѣлѣ вліяніе этихъ условій едва ли перевѣситъ стародавнюю силу своекорыстія и рутины. Противъ общественнаго мнѣнія, т.-е. противъ гласныхъ и откровенныхъ его выраженій, легко могутъ быть приняты мѣры, подсказываемыя долговременной практикой. Не особенно страшной покажется и отвѣтственность, исключительно нравственная и, при коллективныхъ рѣшеніяхъ, ни на кого не упадающая непосредственно и прямо... О вѣроятномъ исходѣ всероссійскаго экзамена консерватизму можно судить по частнымъ испытаніямъ, которымъ онъ подвергался въ послѣднее время. Что представлялъ собою общеземскій съѣздъ, два раза собиравшійся въ Москвѣ въ теченіе нынѣшняго года — это слишкомъ хорошо извѣстно: а наиболѣе вліятельные его члены легко могутъ оказаться вождями большинства въ третьей Государственной Думѣ. Другимъ симптомомъ, не менѣе характернымъ, являются состоявшіяся на дняхъ постановленія московскаго губернскаго дворянскаго собранія. Московское дворянство высказалось противъ правительственнаго проекта реформы мѣстнаго управленія, признавъ его „совершенно несвоевременнымъ, въ виду переживаемыхъ Россіей исключительныхъ обстоятельствъ“. Реформа, по мнѣнію дворянства, должна быть произведена „путемъ постепенно вводимыхъ въ дѣйствующую организацію частичныхъ измѣненій и поправокъ“. Дѣйствительно необходимымъ дворянство признаетъ только введеніе „особой безсословной общественной организаціи въ тѣхъ сельскихъ поселеніяхъ, которыя лишены всякаго правильнаго устройства или приближаются, по своему типу, къ посадамъ и мѣстечкамъ“; но созданіе такой организаціи „отнюдь не должно имѣть характера общей мѣры,

связанной съ упраздненіемъ нынѣшнихъ сельскихъ обществъ". Итакъ, московское дворянство возстаетъ даже противъ того, что предрѣшено указомъ 5-го октября прошлаго года: оно стоитъ за обособленность крестьянства, какъ сословія—обособленность, знаменующую собою приниженность и неполноправность. Не нужно, съ этой точки зрѣнія, ни созданія мелкой земской единицы, ни коренного преобразованія земскихъ учрежденій; не нужно упразднять земскихъ начальниковъ, не нужно касаться главенствующаго положенія, принадлежащаго въ уѣздѣ предводителю дворянства. Другими словами, нужно сохранить все то, что способствовало обѣднѣнію и отсталости народной массы. Въ дворянскомъ собраніи слышались рѣчи, напоминавшія фразеологію до-реформенной эпохи: одинъ изъ ораторовъ (бывшій профессоръ университета!) пустилъ даже въ ходъ давно забытое сравненіе дворянъ—съ отцами, крестьянъ — съ дѣтьми, для воспитанія которыхъ понадобятся многіе годы. Не всѣ члены собранія были столь откровенны— но всѣ, за самыми немногими исключеніями, оказались сторонниками медленнаго движенія, въ сущности равносильнаго топтанію на мѣстѣ и сильно напоминающаго легендарный „Кревинкельскій ландштурмъ" [1]).

Чтобы сгладить эффектъ псевдо-патріархальной рѣчи объ „отцахъ и дѣтяхъ", одинъ изъ столповъ московско-дворянскаго консерватизма сослался на авторитетъ Токвиля, имя котораго охотно употреблялось всуе еще героями щедринскаго „Дневника провинціала въ Петербургѣ". Токвиль, по словамъ этого оратора, видѣлъ главную причину страшныхъ потрясеній, вызванныхъ французской революціей, въ совпаденіи политической реформы съ кореннымъ преобразованіемъ всѣхъ мѣстныхъ учрежденій: старыя учрежденія не всѣ были упразднены, а рядомъ возникли новыя, которымъ придана была дѣйствительная власть. При всѣхъ послѣдующихъ политическихъ переворотахъ административный механизмъ оставался неприкосновеннымъ — и они проходили почти незамѣтно для народныхъ массъ. „Этотъ примѣръ" — воскликнулъ московскій мудрецъ — „поучителенъ для насъ; если до сихъ поръ у насъ можно бороться со смутой, то только благодаря тому, что административные органы остались безъ измѣненій". На самомъ дѣлѣ никакого поученія изъ фактовъ, приводимыхъ Токвилемъ, вывести нельзя: слишкомъ велико различіе между обстоятельствами, при которыхъ совершилась во Франціи, въ 1787-мъ году, административная реформа, и обстоятельствами, при которыхъ она

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду вошедшія въ поговорку слова нѣмецкой пѣсни: „Nur immer langsam voran, nur immer langsam voran, dass der Krähwinkler Landsturm auch nachkommen kann".

должна совершиться теперь у насъ въ Россіи. Въ бо̀льшей части французскихъ провинцій, которыми до тѣхъ поръ единолично и полновластно управлялъ интендантъ, рядомъ съ нимъ было поставлено провинціальное собраніе, сосредоточившее въ своихъ рукахъ всю исполнительную власть. Аномалію, чреватую вредными послѣдствіями, Токвиль видитъ именно въ внезапно созданной коллегіальности управленія и въ неразграниченіи компетенціи собранія отъ компетенціи интенданта. У насъ рядомъ съ назначаемыми администраторами уже давно существуютъ выборныя коллегіи (земскія собранія, городскія думы, волостные сходы), да и самыя исполнительныя функціи отправляются, отчасти, коллегіально (земскія и городскія управы). Отъ перемѣнъ въ составѣ выборныхъ коллегій и въ отношеніи ихъ къ представителямъ центральной администраціи никакихъ особыхъ замѣшательствъ и затрудненій ожидать, поэтому, нельзя. Это было бы не установленіемъ порядка, совершенно непривычнаго для населенія, а только улучшеніемъ существующаго, устраненіемъ недостатковъ, чувствуемыхъ на каждомъ шагу, поддерживающихъ и усиливающихъ общее недовольство. Дальше: крупной ошибкой, подчеркиваемой Токвилемъ, было введеніе, въ томъ же 1787-мъ году, выборнаго приходскаго управленія безъ отмѣны податныхъ привилегій, которыми пользовались высшія сословія, и безъ предварительнаго сближенія между классами. У насъ и въ этомъ отношеніи мы видимъ совсѣмъ не то: различные элементы нашего сельскаго населенія привыкли къ совмѣстной работѣ въ земствѣ и къ платежу одинаково для всѣхъ обязательныхъ земскихъ сборовъ. Устройство мелкой земской единицы положило бы конецъ сохранившемуся еще остатку неравенства, замѣнивъ мірскіе сборы, платимые теперь одними крестьянами и приравненными къ нимъ категоріями сельскихъ обывателей, общимъ для всѣхъ мѣстныхъ жителей и землевладѣльцевъ волостнымъ сборомъ. Условіе, отсутствію котораго въ до-революціонной Франціи Токвиль придаетъ столь важное значеніе [1]), у насъ, такимъ образомъ, имѣется на лицо, и попытка найти въ словахъ французскаго писателя опору для русскихъ дворянскихъ вожделѣній оказывается „ударомъ шпаги по водѣ". Нигдѣ, притомъ, Токвиль не называетъ совпаденіе административной реформы съ политическимъ переворотомъ *главною причиной* революціонныхъ потрясеній; въ заключительной главѣ его книги („Comment la révolution est sortie d'elle-même de ce qui précède"), оно не включено въ число важнѣйшихъ факторовъ революціи, для которой все было

[1]) Вотъ подлинныя слова Токвиля („L'ancien régime et la révolution", livre III, chap. VII): „Pour arriver à donner aux villages une administration collective et un pe[illegible] gouvernement libre, il eût fallu d'abord y assujettir tout le monde aux mêmes im[illegible]ts et y diminuer la distance qui séparait les classes".

готово задолго до 1787-го года. Если дѣйствіе революціи проникло въ самую глубь населенія и взволновало его гораздо сильнѣе, чѣмъ послѣдующіе перевороты, то это объясняется совпаденіемъ соціальныхъ и политическихъ мотивовъ, многочисленностью и застарѣлостью общественныхъ недуговъ, отъ которыхъ, при старомъ порядкѣ, страдалъ народъ, страдало государство. Богатство, ничѣмъ неоправдываемыя привилегіи, праздность, разнузданность—вверху,—безправіе, нищета, придавленность внизу—вотъ что̀ представляла собою Франція въ 1789-мъ году. Совершенно инымъ было положеніе ея въ моментъ іюльской или февральской революціи.

Законодательное собраніе, обязанное своимъ существованіемъ ограниченію числа избирателей и представляющее собою не страну, а отдѣльныя, далеко не равноправныя группы населенія—не новость въ исторіи Западной Европы. Такимъ собраніемъ была, напримѣръ, французская палата депутатовъ во время реставраціи и іюльской монархіи; такимъ собраніемъ является и теперь палата депутатовъ въ Пруссіи и въ нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ. Во многомъ сходная съ ними, наша Государственная Дума, въ томъ видѣ, какой она получила въ силу закона 3-го іюня, имѣетъ, однако, и свои яркія особенности. Французская избирательная система, созданная хартіей 1814-го года и измѣненная только въ деталяхъ послѣ іюльской революціи, была построена на одномъ началѣ, откровенно провозглашенномъ и послѣдовательно проведенномъ. Предполагалось, что участвовать въ законодательной дѣятельности должны и могутъ только достаточные классы населенія. Избирательное право было обусловлено, поэтому, имущественнымъ цензомъ, сначала болѣе, потомъ менѣе высокимъ, но и до, и послѣ 1830-го года исключавшимъ изъ среды избирателей милліоны совершеннолѣтнихъ гражданъ. Образовалась такъ называемая „легальная страна“ (pays légal), рѣзко отдѣленная отъ безправной, въ политическомъ отношеніи, народной массы. Въ Пруссіи, въ 1850 г., вопросъ былъ разрѣшенъ не такъ прямолинейно: матеріально обезпеченнымъ классамъ предоставлена была не монополія, а привилегія. Избирательное право дано всѣмъ, но раздѣленіе избирателей на три класса, по количеству платимыхъ налоговъ [1]), обезпечиваетъ за состоятельнымъ меньшинствомъ рѣшительный перевѣсъ надъ малоимущимъ и неимущимъ населеніемъ. „Легальной страны“

---

[1]) Это—та самая система, которая была примѣнена у насъ къ городамъ Городовымъ Положеніемъ 1870-го года и отчасти возстановлена для Петербурга закономъ 8-го іюня 1903-го года.

здѣсь нѣтъ, но имущественный цензъ остается безусловно господствующимъ, и избирательному праву нельзя отказать въ единствѣ идеи. У насъ такого единства не было въ избирательныхъ законахъ 6-го августа и 11-го декабря—и еще меньше можетъ похвалиться имъ положеніе 3-го іюня. Имущественному цензу отведена важная роль, въ раздѣленіи землевладѣльцевъ на крупныхъ и мелкихъ, въ раздѣленіи городскихъ избирателей на двѣ куріи; рядомъ съ нимъ сословный или классовый цензъ лежитъ въ основѣ курій крестьянской и рабочей. Отсюда недостатокъ опредѣленности и ясности, значительно усиливаемый другими специфическими свойствами закона. Во Франціи 1814-го, въ Пруссіи 1850-го года не было признано нужнымъ присоединять къ имущественному цензу другія плотины противъ демократической волны; у насъ, какъ показано выше, ихъ настроено очень много. Въ образуемомъ ими лабиринтѣ трудно разобраться; трудно выяснить мѣру вліянія каждаго звена длинной, спутанной цѣпи. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: всѣ они способствуютъ, въ той или другой мѣрѣ, извращенію результата выборовъ. Улучшеніе нашего избирательнаго права предполагаетъ, прежде всего, его упрощеніе.

Присмотримся поближе къ одной изъ самыхъ типичныхъ особенностей дѣйствующей избирательной системы. Много и долго спорили и у насъ, и за границей, о преимуществахъ и недостаткахъ прямой и непрямой подачи голосовъ—но нигдѣ, кажется, спорный вопросъ не былъ разрѣшенъ такъ оригинально, какъ въ Россіи. Подъ именемъ *непрямой* разумѣется обыкновенно *двухстепенная* подача голосовъ; въ ея защиту приводились и приводятся болѣе или менѣе вѣскіе аргументы—но ни одинъ изъ нихъ не примѣнимъ къ *многостепеннымъ* выборамъ. Можно утверждать, что масса избирателей слишкомъ велика для немногихъ лицъ, подлежащихъ избранію въ народные представители; что слишкомъ трудна для первыхъ правильная оцѣнка послѣднихъ; можно выводить отсюда, что лучше предоставить окончательный выборъ сравнительно небольшому числу уполномоченныхъ, которыхъ избиратели хорошо знаютъ и которымъ вполнѣ довѣряютъ—но нельзя пріискать разумныхъ основаній для умноженія числа промежуточныхъ инстанцій, для большаго еще увеличенія разстоянія между начальнымъ актомъ избирательной процедуры и ея завершеніемъ. Можно интересоваться выборомъ лицъ, отъ которыхъ будетъ непосредственно зависѣть избраніе депутата—но мало вѣроятно серьезное и горячее отношеніе къ выбору уполномоченныхъ, вся задача которыхъ сводится къ указанію выборщиковъ или кандидатовъ въ выборщики. Совершенно ненормаленъ, поэтому, избирательный порядокъ, установленный у насъ для курій крестьянской, рабочей и мелкоземлевладѣльческой. Убѣдиться въ его несостоятельности можно было уже заранѣе, путемъ

простой справки съ исторіей земскихъ учрежденій. Предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ всегда и вездѣ посѣщались очень слабо, а иногда не посѣщались вовсе, именно потому, что имъ не дано было права непосредственнаго участія въ выборѣ гласныхъ. При выборахъ въ Государственную Думу, для мелкихъ землевладѣльцевъ— уже не двухстепенныхъ, а трехстепенныхъ,—побужденіе къ явкѣ на предварительные съѣзды ослабѣло еще больше. Обезпечить за мелкими землевладѣльцами сколько-нибудь активную роль можно было только однимъ путемъ: увеличеніемъ числа избирателей, соотвѣтственно которому увеличилось бы и число уполномоченныхъ, посылаемыхъ ими на съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Это и было сдѣлано закономъ 11-го декабря, понизившимъ до минимума землевладѣльческій избирательный цензъ; но положеніе 3-го іюня задалось противоположною цѣлью, исключивъ изъ землевладѣльческихъ избирательныхъ списковъ всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ. Во что̀ обратились, затѣмъ, трехстепенные выборы, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, относящимся къ одному изъ дальнихъ уѣздовъ с.-петербургской губерніи: при выборахъ въ первую Думу въ избирательномъ собраніи здѣсь принимали участіе до 80 уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, при выборахъ во вторую Думу—31, а при выборахъ въ третью Думу — *три* (число наличныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ колебалось мало, не превышая 50 и не падая ниже 40). На результатѣ выборовъ это отразилось такъ: въ первый разъ въ выборщики были избраны исключительно прогрессисты; во второй разъ — три „умѣренныхъ“ и одинъ прогрессистъ; въ третій разъ — только одни „умѣренные“.

Оставляя въ сторонѣ многостепенную подачу голосовъ, дефекты которой слишкомъ очевидны, замѣтимъ, что изъ самаго характера двухстепеннаго избирательства вытекаютъ два необходимыя условія: избраніе выборщиковъ въ небольшихъ, сравнительно, избирательныхъ участкахъ, гдѣ избирателямъ нетрудно остановиться на лицахъ, имъ хорошо извѣстныхъ—и избраніе выборщиками одного или, въ крайнемъ случаѣ, двухъ депутатовъ, при полной свободѣ выбора между всѣми полноправными гражданами. Наши избирательные порядки идутъ прямо въ разрѣзъ съ этими условіями. Избраніе выборщиковъ пріурочено къ такимъ крупнымъ единицамъ, какъ уѣздъ или городъ, и самое число лицъ, подлежащихъ избранію, во многихъ случаяхъ весьма значительно. Очень велико, особенно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и число депутатовъ, которыхъ должны выбрать выборщики, и притомъ непремѣнно изъ своей собственной среды. Если такъ называемый „scrutin de liste“ (выборъ по спискамъ, противопоставляемый выбору по округамъ) сопряженъ съ серьезными неудобствами даже

въ странахъ, давно живущихъ политическою жизнью, то тѣмъ меньше онъ можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ для Россіи, въ особенности при непрямой подачѣ голосовъ. Единственнымъ въ своемъ родѣ является, затѣмъ, требованіе нашего закона, чтобы выборщики выбирали депутатовъ непремѣнно изъ своей собственной среды — требованіе, усложненное въ настоящее время обязательнымъ избраніемъ сначала представителей отъ курій, а потомъ уже отъ всего избирательнаго собранія (если первыми не исчерпывается все положенное для губерніи число депутатовъ). Прибавимъ ко всему этому крайнія стѣсненія свободы собраній и свободы печати и обусловленную ими затруднительность избирательной агитаціи; припомнимъ незнакомые нашимъ сосѣдямъ отказы въ легализаціи политическихъ партій—и мы поймемъ, что въ ряду законодательныхъ собраній, не соотвѣтствующихъ идеѣ народнаго представительства, наша Государственная Дума занимаетъ совсѣмъ своеобразное мѣсто.

Мы говорили до сихъ поръ о различіяхъ, коренящихся въ избирательныхъ системахъ. Еще важнѣе различія, зависящія отъ исторической среды и историческаго момента. Во Франціи „легальная страна" была создана вслѣдъ за паденіемъ имперіи, сохранившей кое-какія конституціонныя формы, но уничтожившей, de facto, политическую свободу. Палата депутатовъ, хотя бы и выбранная небольшимъ числомъ избирателей, знаменовала собою шагъ впередъ, сравнительно съ безмолвнымъ и покорнымъ законодательнымъ корпусомъ. Соціальныя пріобрѣтенія революціи: равенство передъ закономъ, отмѣна сословныхъ и корпоративныхъ привилегій, объединенное гражданское право— оставались въ силѣ. Разсѣялась опасность, грозившая сначала, повидимому, пріобрѣтателямъ національныхъ имѣній. Изъ очередныхъ вопросовъ ни одинъ не затрогивалъ за живое народную массу. Главную причину недовольства—участіе недавнихъ враговъ Франціи въ возстановленіи „законной" монархіи—не устранилъ бы и болѣе либеральный государственный строй. Понятно, въ виду всего этого, что избирательная система, построенная на высокомъ имущественномъ цензѣ, могла продержаться болѣе тридцати лѣтъ, переживъ даже низверженіе старшей линіи Бурбоновъ. Въ Пруссіи революціонное движеніе 1848-го года, при всей своей остротѣ, мало коснулось народныхъ массъ. Положеніе прусскихъ крестьянъ и раньше не было безнадежно тяжелымъ; многое, удручавшее ихъ, было отмѣнено въ 1850-мъ году, одновременно съ установленіемъ трехклассной избирательной системы. Въ средѣ рабочаго класса только-что возникало сознаніе его особыхъ интересовъ, только что начинались попытки объединенія, да и численность рабочихъ была еще сравнительно невелика. Оппозиція была обезсилена рядомъ неудачъ и подавлена зрѣлищемъ повсемѣстнаго,

не въ одной только Пруссіи, торжества реакціи. Когда, съ переходомъ власти въ руки принца-регента, повѣяло новымъ духомъ, въ палатѣ депутатовъ, благодаря просвѣщенной буржуазіи, образовалось либеральное большинство, вынесшее на своихъ плечахъ тяжелую борьбу эпохи конфликта. Съ конца семидесятыхъ годовъ перевѣсъ перешелъ на сторону консерваторовъ, но это мало чувствуется страною, такъ какъ всѣ важнѣйшіе вопросы государственной и общественной жизни рѣшаются теперь не прусскимъ сеймомъ, а германскимъ рейхстагомъ.

Совершенно инымъ представляется положеніе дѣлъ въ современной Россіи. Освободительному движенію предшествовало у насъ такое крушеніе традиціонной политики, которое можно сравнить развѣ съ седанской катастрофой. Манифестъ 17-го октября и послѣдовавшій за нимъ законъ 11-го декабря дали легальный выходъ стремленіямъ, обостренность которыхъ была прямо пропорціональна продолжительности и суровости подавлявшаго ихъ до тѣхъ поръ гнета. Выборы въ Думу дважды обнаружили всю силу и всю распространенность этихъ стремленій. Земельная нужда послужила для нихъ проводникомъ въ крестьянскую массу. Рабочихъ новый порядокъ вещей засталъ въ значительной степени организованными. Во всѣхъ отрасляхъ управленія, во всѣхъ областяхъ народной жизни назрѣли вопросы, настоятельно требующіе разрѣшенія. Все поколеблено, все оспорено, все признано подлежащимъ обновленію. И вотъ, при такихъ условіяхъ совершается шагъ назадъ, берется обратно часть того, что̀ могло считаться прочно пріобрѣтеннымъ. Рѣшающій голосъ передается тѣмъ слоямъ общества, отъ которыхъ всего труднѣе ожидать вѣрнаго пониманія и справедливой оцѣнки народныхъ интересовъ. На первое мѣсто выдвигается не среднее сословіе, во Франціи и въ Пруссіи сослужившее, въ свое время, общеполезную службу, а землевладѣльческій классъ, усерднѣе чѣмъ когда-либо стоящій на стражѣ собственнаго благополучія. Главнымъ его союзникомъ является та самая бюрократія, которая довела государство до переживаемыхъ имъ бѣдствій. Все это возбуждаетъ серьезныя опасенія и заставляетъ смотрѣть на будущее съ бо̀льшей тревогой, чѣмъ въ дни первой или второй Государственной Думы.

Не вдаваясь въ рискованныя догадки, ограничимся напоминаніемъ о вопросахъ, передъ которыми сразу должна стать третья Государственная Дума. Если—что̀ болѣе чѣмъ вѣроятно—она рѣшитъ начать свою дѣятельность съ составленія адреса на имя Государя Императора, ей придется высказать свой взглядъ на характеръ созданнаго манифестомъ 17-го октября государственнаго строя. Пора положить конецъ искусственно поддерживаемымъ недоразумѣніямъ; пора признать прямо и открыто, что, съ исчезновеніемъ изъ основныхъ за-

коновъ понятія о *неограниченности* верховной власти, Россія вступила въ число конституціонныхъ государствъ. Составится ли въ Думѣ необходимое для этого большинство? Попытается ли она устранить возможность опасныхъ перетолкованій, встрѣчавшихся, въ послѣднее время, не только въ реакціонныхъ газетахъ, но и въ оффиціальныхъ актахъ?.. Съ истинно-конституціоннымъ строемъ несовмѣстимо господство исключительныхъ положеній; осудитъ ли ихъ Дума, подастъ ли она голосъ за возстановленіе законности? Какъ отнесется она къ законодательнымъ мѣрамъ, состоявшимся, во время перваго междудумья, съ нарушеніемъ ст. 87-ой основныхъ законовъ? Отмѣтитъ ли она несовершенства, со стороны формы и со стороны содержанія, новаго положенія о выборахъ въ Государственную Думу?.. Что она осудитъ террористическія убійства и экспропріаціи—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: но какіе она предложитъ способы борьбы съ терроромъ? Потребуетъ ли она обостренія репрессій, усиленія судебныхъ и полицейскихъ каръ, упрощенія и ускоренія уголовной процедуры по политическимъ дѣламъ, расширенія компетенціи экстраординарныхъ судовъ—или укажетъ другой выходъ изъ невыносимаго положенія? Что̀ она скажетъ по жгучему національному вопросу? Когда она, покончивъ съ адресомъ, приступитъ къ своимъ нормальнымъ занятіямъ, какъ воспользуется она своимъ бюджетнымъ правомъ? Захочетъ ли и съумѣетъ ли она настоять на ознакомленіи ея съ матеріалами, сообщенія которыхъ тщетно добивалась вторая Дума? Озаботится ли она устраненіемъ изъ положенія о Государственной Думѣ статей, безъ всякой надобности стѣсняющихъ и замедляющихъ думскую работу? Чѣмъ будетъ, въ ея рукахъ, право инціативы и право запроса? Какой пріемъ приготовитъ она министерскимъ законопроектамъ о неприкосновенности личности, о реформѣ мѣстнаго суда и мѣстнаго управленія, о преобразованіи земскихъ и городскихъ учрежденій, о мелкой земской единицѣ? Обратитъ ли она вниманіе, при провѣркѣ выборовъ, на допущенныя во время избирательнаго періода злоупотребленія власти—напр. на конфискацію въ Москвѣ „кадетскихъ" избирательныхъ бланковъ (не помѣшавшую побѣдѣ кадетскихъ кандидатовъ)?.. Трудность положенія была бы велика при всякомъ избирательномъ законѣ, при всякомъ составѣ Думы; но ее увеличиваютъ до чрезвычайности данныя условія, ухудшеніе которыхъ болѣе вѣроятно, чѣмъ улучшеніе.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, результатъ выборовъ извѣстенъ еще не вполнѣ, но судить о количествѣ и свойствѣ силъ, которыми будетъ располагать третья Дума, можно и теперь съ достаточною точностью. Большой потерей было уже устраненіе съ политическаго поприща ста-восьмидесяти членовъ первой Думы, подпи-

савшихъ выборгское воззваніе; въ настоящее время еще больше порѣдѣли ряды той партіи, которая была и продолжаетъ быть особенно богата талантами, работоспособностью и знаніями. Просматривая списокъ депутатовъ, принадлежащихъ къ правой и къ правому центру, невольно поражаешься малочисленностью именъ, сколько-нибудь выдающихся и что-нибудь обѣщающихъ. Между октябристами выдѣляются, съ этой точки зрѣнія, развѣ члены первой или второй Думы (М. Я. Капустинъ, М. В. Родзянко, кн. Н. С. Волконскій, Н. А. Хомяковъ, А. Еропкинъ), и раньше пользовавшіеся нѣкоторою извѣстностью, какъ писатели или земскіе дѣятели. Къ нимъ присоединятся, быть можетъ—если перебаллотировка по первой московской городской куріи окончится побѣдою октябристовъ,—А. И. Гучковъ и Ѳ. Н. Плевако; но руководительство перваго до сихъ поръ мало принесло пользы союзу 17-го октября, а успѣхи второго на адвокатскомъ поприщѣ не предрѣшаютъ вопроса о подготовленности его къ парламентской дѣятельности. Между правыми и примыкающими къ нимъ умѣренными нѣчто болѣе или менѣе опредѣленное представляютъ собою только имена гр. А. А. Уварова и гр. А. А. Бобринскаго. О первомъ намъ приходилось говорить еще недавно, по поводу московскаго общеземскаго съѣзда; для характеристики второго достаточно замѣтить, что онъ поставленъ стародумскою партіею на постъ предсѣдателя с.-петербургской городской думы. Въ спискѣ монархистовъ и членовъ союза русскаго народа широкой публикѣ знакомы только имена бывшихъ членовъ второй Государственной Думы—гг. Крупенскаго, Синодино, Шульгина, Сазоновича, Пуришкевича, и, въ меньшей степени, ораторовъ общеземскаго съѣзда — гг. Маркова, Шетохина, Шечкова, гр. Доррера. Что они собою означаютъ — это не требуетъ поясненія. Съ большою радостью встрѣчаемъ мы въ спискѣ мирнообновленцевъ имя Н. Н. Львова, не участвовавшаго во второй Государственной Думѣ; но нельзя не пожалѣть о неудачѣ, которую потерпѣлъ другой выдающійся членъ этой партіи — М. А. Стаховичъ. Смерть лишила ее симпатичнаго ея вождя, гр. Гейдена. Оскудѣли, подъ дѣйствіемъ новыхъ избирательныхъ порядковъ, силы конституціонно-демократической партіи и ближайшихъ къ ней политическихъ группъ. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что прошелъ наконецъ въ Думу лидеръ „кадетовъ", П. Н. Милюковъ, дважды устраненный отъ избранія административными ухищреніями. Пройдетъ, по всей вѣроятности, и Ѳ. И. Родичевъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ политическихъ ораторовъ; прошли въ Москвѣ Ѳ. А. Головинъ и В. А. Маклаковъ. Среди крушенія лѣвыхъ партій, вызваннаго закономъ 3-го іюня, не уцѣлѣлъ ни одинъ изъ прежнихъ ихъ вождей: многимъ изъ нихъ искусственно былъ закрытъ доступъ въ Думу. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что третья Дума не

представляетъ собою ни народа, ни тѣхъ слоевъ его, въ которыхъ всего выше уровень политической зрѣлости.

Весьма характерны цифры голосовъ, полученныхъ кандидатами различныхъ партій во второй городской куріи Петербурга и Москвы. Здѣсь всего меньше сказалось вліяніе новаго избирательнаго закона, всего свободнѣе и вѣрнѣе могло выразиться настроеніе избирателей. Отсюда, прежде всего, сравнительно слабый абсентеизмъ, сравнительно высокій процентъ избирателей, воспользовавшихся своимъ правомъ. Впереди всѣхъ оказалась партія, до самаго конца подвергавшаяся систематическимъ стѣсненіямъ: „кадетскіе" кандидаты получили несравненно больше голосовъ, чѣмъ всѣ остальные (въ Петербургѣ—отъ 40 до 51%, въ Москвѣ—60%). Далеко позади очутились октябристы (и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ — около 20%). Въ Москвѣ кандидаты монархистовъ и кандидаты лѣвыхъ оказались въ одинаковомъ положеніи: и тѣ, и другіе получили менѣе 10%. Въ Петербургѣ оба лѣвые списка [1]) соединили вокругъ себя, въ среднемъ, около $18^1/_2$%, монархисты — менѣе 10%. Столичные избиратели высказались, такимъ образомъ, противъ обоихъ крайнихъ теченій и предпочли рѣшительныхъ реформистовъ колеблющимся и вялымъ искателямъ средняго пути. Знаменательно и то, что даже въ первой куріи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, кандидаты прогрессистовъ получили только немногимъ меньше голосовъ, чѣмъ октябристы, и гораздо больше, чѣмъ правые [2]). Въ Одессѣ большинство голосовъ въ первой куріи получилъ конституціоналистъ-демократъ, членъ второй Государственной Думы, Пергаментъ. Не наводитъ ли это на мысль, что при нормальной избирательной системѣ выборы въ большинствѣ избирательныхъ округовъ дали бы результатъ аналогичный съ тѣмъ, который получился въ Москвѣ и Петербургѣ? Въ пользу того же предположенія говорятъ приходящія съ разныхъ концовъ Россіи вѣсти о томъ, какъ происходилъ въ губернскихъ собраніяхъ выборъ депутатовъ отъ крестьянъ. Въ губерніяхъ тульской, херсонской, орловской, екатеринославской, с.-петербургской крестьянской куріи прошли въ депутаты крестьяне, не получившіе, повидимому, ни одного крестьянскаго голоса. Вотъ что напечатано въ газетахъ за подписью семи выборщиковъ-крестьянъ петербургской губерніи: „Мы заявляемъ, что избранный членомъ Государственной Думы отъ крестьянъ с.-петербургской губерніи крестьянинъ новоладожскаго уѣзда Степанъ Трофимовъ не является истиннымъ представителемъ

[1]) Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ было два лѣвыхъ списка: соціалъ-демократическій и народническій.

[2]) Въ Москвѣ кандидаты правыхъ по первой куріи получили только 10% голосовъ, въ Петербургѣ—еще меньше.

крестьянъ губерніи, а есть ставленникъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, въ силу избирательнаго закона 3-го іюня, обладали на губернскихъ выборахъ большинствомъ голосовъ, почему и провели угоднаго имъ кандидата. Трофимовъ во все время избирательной кампаніи шелъ рука объ руку съ помѣщиками, а во время самыхъ выборовъ, когда былъ данъ получасовой перерывъ для совѣщанія выборщиковъ-крестьянъ, отказался подчиниться нашему рѣшенію и выразилъ готовность пройти въ Думу голосами помѣщиковъ. Въ виду этого, мы, выборщики отъ крестьянъ петербургской губерніи, чтобы снять съ себя отвѣтственность передъ своими избирателями, считаемъ необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія избирателей". Ничего другого нельзя было и ожидать отъ избранія по куріямъ, разъ что принадлежность къ данной куріи требуется только отъ избираемаго, а не отъ избирателей, и распредѣленіе голосовъ искусственно создаетъ перевѣсъ землевладѣльческой куріи надъ всѣми остальными [1]).

Постоянно возобновляющіеся террористическіе акты возбуждаютъ все больше и больше не только негодованіе и отвращеніе, но и глубокое недоумѣніе. Для чего они совершаются, что̀ имѣютъ въ виду? Чего хотятъ достигнуть ихъ интеллектуальные и физическіе виновники? Неужели все еще неясно, что они ни къ чему не приводятъ, ничего ни въ чемъ не измѣняютъ и, увеличивая сумму озлобленія и горя, замедляютъ выходъ изъ положенія, все болѣе и болѣе тяжелаго? На мѣсто убитыхъ становятся новые дѣятели, и все идетъ по прежнему или хуже прежняго. А между тѣмъ, самый процессъ убійства слишкомъ часто угрожаетъ множеству лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ жертвою преступленія. Страшно подумать, чѣмъ могло бы закончиться недавнее посягательство на жизнь начальника главнаго тюремнаго управленія... Непригодные какъ средства устрашенія, непригодные какъ способы воздѣйствія на ходъ событій, террористическіе акты являются, сплошь и рядомъ, или проявленіями мстительнаго чувства, далеко не всегда правильно направленнаго, или продуктами патологическаго аффекта. Они идутъ въ разрѣзъ не только съ уваженіемъ къ человѣческой личности, безъ котораго невозможна здоровая общественная жизнь: они идутъ въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ, какъ все безцѣльное и безплодное.

---

[1]) При дѣйствіи прежняго избирательнаго закона выборщиковъ въ петербургской губерніи было 63 (14 отъ крестьянъ, 21 отъ землевладѣльцевъ, 19 отъ городскихъ избирателей и 9 отъ рабочихъ); теперь ихъ 70 (*восемь* отъ крестьянъ, 31 отъ землевладѣльцевъ, 15 отъ первой, 10 отъ второй городской куріи и 6 отъ рабочихъ). Депутатовъ губернія прежде посылала трехъ, теперь посылаетъ четырехъ.

Столь же ясна для насъ, однако, и другая сторона медали: столь же ясно, что ничего не достигается обостреніемъ и учащеніемъ уголовныхъ каръ. Поразительны и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительны, въ этомъ отношеніи, цифры, сообщенныя недавно одною изъ петербургскихъ газетъ. Съ 17 октября 1905-го по 17-ое октября 1907-го года казнено по приговорамъ военныхъ судовъ 1.780 человѣкъ (въ томъ числѣ по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ — 1.144 человѣка). Къ каторгѣ за политическія преступленія приговорено 3.873 человѣка (въ томъ числѣ 605 — безсрочно), къ ссылкѣ на поселеніе — 502, къ тюрьмѣ и другимъ видамъ лишенія свободы—11.182 человѣка. Дальше идти по пути репрессій едва ли возможно—а между тѣмъ зло, противъ котораго онѣ направлены, скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Не пора ли отказаться отъ способовъ борьбы, столь явно нецѣлесообразныхъ?

Кончина бывшаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, В. А. Грингмута, является безспорной потерей для реакціонной печати и для крайнихъ правыхъ партій. Какую роль онъ съигралъ въ русской общественной жизни — этого вопроса, когда еще свѣжа его могила, мы касаться не станемъ. Мнѣнія, представителемъ которыхъ онъ былъ, постоянно оспаривались на страницахъ нашего журнала — и намъ незачѣмъ теперь говорить о ихъ значеніи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1907.

I.

— **Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. — Пушкинъ, т. I. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. С.-Петербургъ. 1907.**

Какъ ни велики всѣ прежнія заслуги С. А. Венгерова передъ исторіей русской литературы,—предпринятое имъ теперь изданіе Пушкина безспорно явится самымъ монументальнымъ его трудомъ и болѣе всего обезпечитъ ему благодарную память въ русскомъ обществѣ. И по трудности задачи, и по цѣнности результатовъ это изданіе представляетъ своего рода чудо на нашемъ книжномъ рынкѣ, да не имѣетъ соперниковъ, вѣроятно, и на Западѣ. Удивленія заслуживаетъ уже самая широта и цѣлесообразность замысла—дать не только собраніе сочиненій Пушкина, но и, попутно, всестороннее изслѣдованіе его жизни и творчества,—и вышедшій теперь первый томъ даетъ возможность судить, съ какимъ высокимъ совершенствомъ, съ какой неистощимой любовью и энергіей осуществляется этотъ планъ. Только спеціалистъ способенъ въ полной мѣрѣ оцѣнить достигнутое здѣсь въ связи съ общими условіями, въ какія поставлено у насъ историко-литературное дѣло. Разработать въ подробностяхъ колоссальный планъ; дать провѣренный Пушкинскій текстъ; мобилизовать цѣлую армію изслѣдователей и комментаторовъ (а работниковъ у насъ мало, они лѣнивы и неисправны); подобрать иллюстраціи къ тексту, разсѣянныя по всевозможнымъ публичнымъ и частнымъ собраніямъ; наконецъ, добиться быстроты, внѣшней точности и изящества изданія, — все это въ соединеніи требуетъ отъ редактора такой любви къ дѣлу, такихъ знаній, такой настойчивости, какія встрѣчаются не часто. А каковы достигнутые результаты, объ этомъ можетъ дать представленіе уже

простой перечень содержанія перваго тома. Пушкинскій текстъ (Лицейскія стихотворенія и „Русланъ и Людмила") занимаетъ лицевую сторону страницъ, далеко не всѣхъ, оборотная отведена комментарію къ отдѣльнымъ пьесамъ; первыя 60 страницъ цѣликомъ и многіе десятки страницъ сплошь внутри тома заняты цѣльными статьями. Эти статьи дѣлятся по содержанію на четыре группы: 1) отдѣльные этюды о каждомъ моментѣ біографіи Пушкина, таковы: „Родъ Пушкина", „Дѣтство Пушкина", „Пушкинъ въ лицеѣ", „Первая любовь Пушкина", „Отъ лицея до ссылки" и пр.; 2) этюды о людяхъ, близкихъ Пушкину: „Сестра Пушкина", „А. И. Галичъ", „Кн. А. М. Горчаковъ", и др.; 3) этюды о поэтахъ, оказавшихъ вліяніе на Пушкина,—объ Оссіанѣ, Парни, Батюшковѣ; и наконецъ, 4) историко-литературныя введенія къ крупнымъ произведеніямъ Пушкина; такова обширная статья проф. Халанскаго, предпосланная „Руслану и Людмилѣ". Всѣ эти статьи написаны лучшими спеціалистами — В. Брюсовымъ, акад. Алексѣемъ Н. Веселовскимъ, Б. Модзалевскимъ, П. Морозовымъ, Э. Радловымъ, и т. д. Комментаріи къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ занимаютъ добрую треть тома. Наконецъ, иллюстраціонный матеріалъ поражаетъ богатствомъ, тщательностью подбора и замѣчательнымъ изяществомъ исполненія; въ книгѣ около 250 снимковъ, на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ, частью неизданныхъ. Все это дѣйствительно дѣлаетъ новое изданіе г. Венгерова „Пушкинской энциклопедіей", цѣнной, притомъ, не только для большой публики, но и для историковъ литературы, для будущихъ изслѣдователей жизни и творчества Пушкина.

За внутреннія достоинства изданія достаточно ручаются имена редактора и его главныхъ сотрудниковъ. Разумѣется, не всѣ этюды одинаково цѣнны, но это касается преимущественно ихъ литературной стороны: въ смыслѣ полноты и свѣжести матеріала почти всѣ они, такъ же, какъ и примѣчанія, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Нельзя не пожалѣть, что по чисто-внѣшнимъ причинамъ редакторъ счелъ себя вынужденнымъ отнести во второй томъ статью объ исторіи Пушкинскаго текста, которую предположено было дать въ первомъ. Безъ нея трудно судить о принципахъ, которыми руководится настоящее изданіе при установленіи текста, — а въ этихъ принципахъ какъ-разъ все дѣло.

Мы должны предоставить спеціальной критикѣ подробный разборъ матеріала, предлагаемаго новымъ изданіемъ; намъ же хотѣлось бы здѣсь, на страницахъ общаго журнала, высказать нѣсколько пожеланій съ точки зрѣнія обыкновеннаго читателя, для котораго оно вѣдь преимущественно и назначается.

Самымъ слабымъ мѣстомъ изданія является, на нашъ взглядъ, его

недостаточная концентрированность. Въ подобномъ дѣлѣ строгое самоограниченіе — первое условіе успѣха. Пушкинская энциклопедія можетъ быть драгоцѣнной вещью только въ томъ случаѣ, если въ ней будетъ *все*, что̀ касается Пушкина, и если въ ней не будетъ *ничего*, что̀ непосредственно къ нему не относится. Между тѣмъ, изданіе г. Венгерова, вполнѣ удовлетворяя первой половинѣ этого требованія, сильно грѣшитъ противъ второй; оно страдаетъ, такъ сказать, неумѣстной щедростью, оно далеко выходитъ изъ рамокъ Пушкинской энциклопедіи въ область энциклопедизма вообще. Это обнаруживается на каждой страницѣ. Мы бы охотно пожертвовали всѣми этими безчисленными концовками, заставками, виньетками въ стилѣ XVIII вѣка, миѳологическими и галантными сценами Жило, Вато и пр.,—потому что это *не Пушкинъ*; мы бы охотно отказались отъ великолѣпныхъ снимковъ съ картины Делароша: „Наполеонъ передъ отъѣздомъ на Эльбу", и съ эскиза Вернэ: „Резиденція Наполеона на Эльбѣ",—потому что не ими вдохновлялся Пушкинъ, когда писалъ своего „Наполеона на Эльбѣ", т.-е. потому что это *не Пушкинъ*. Если Пушкинъ перевелъ изъ Кл. Маро восьмистишіе „Старикъ", то намъ интересенъ для сличенія только подлинникъ—стихи Маро, но намъ не нужны ни біографія Маро, ни его портретъ, которыхъ Пушкинъ, конечно, не зналъ, и точно такъ же намъ не нужны портреты и біографіи, подчасъ весьма обстоятельныя, многихъ другихъ иностранцевъ, имя которыхъ мимоходомъ упоминаетъ Пушкинъ, — всѣхъ этихъ Клероновъ, Шапель, Шолье, Грессэ и пр. Все это ни въ малѣйшей степени не уясняетъ намъ Пушкина, и всей этой ненужной роскоши мы далеко предпочли бы небольшую, но дѣльную сводную статью о томъ, что̀ читалъ Пушкинъ въ лицеѣ, — статью, гдѣ въ мѣру дѣйствительной надобности нашли бы себѣ мѣсто и Грессэ, и Шаплэнъ, и др. Если всѣми этими энциклопедическими свѣдѣніями редакторъ имѣлъ въ виду ознакомить читателей съ духовной атмосферой, въ которой росъ Пушкинъ, то онъ тѣмъ самымъ даетъ намъ право предъявить къ нему рядъ требованій, имъ не исполненныхъ; мы можемъ тогда спросить, зачѣмъ нѣтъ въ первомъ томѣ особыхъ этюдовъ о состояніи русскаго общества въ періодъ юности Пушкина, о патріотическомъ настроеніи двѣнадцатаго года, о направленіяхъ въ русской поэзіи начала вѣка, и пр., и пр. Было бы смѣшно требовать такой обстоятельности отъ изданія *сочиненій* Пушкина: совершенно достаточно и того, что̀ дается по всѣмъ этимъ вопросамъ въ общихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ,—но въ такомъ случаѣ и тѣ случайныя, разрозненныя и часто излишнія свѣдѣнія о французскихъ писателяхъ, даже не читанныхъ Пушкинымъ, или не повліявшихъ на него, не нужны. Пушкинъ—центръ; въ изданіи не должно быть ни одной черты, которая

не была бы радіусомъ отъ этого центра, ни одной строки, ни одного снимка, которые не служили бы существенно и необходимо уясненію жизни и творчества Пушкина. Эта ненужная роскошь не только безполезна,—она вредна, потому что она отвлекаетъ отъ Пушкина, разбиваетъ вниманіе, подчасъ искажаетъ естественное воспріятіе Пушкинской пьесы. Редакторъ долженъ былъ бы исходить не отъ читателя, которому надо что-то дать, а отъ Пушкина, котораго надо уяснить; поэтому о каждой детали, которая можетъ войти въ томъ, онъ долженъ былъ бы спрашивать себя: была ли она дѣйствительно *реальнымъ* факторомъ въ развитіи Пушкина? и, зная ее, дѣйствительно ли читатель лучше станетъ понимать жизнь и стихи Пушкина?

Дальнѣйшія наши пожеланія касаются чисто-технической стороны дѣла, но имѣютъ ту же цѣль: приблизить насъ къ самому Пушкину. Какъ уже сказано, текстъ произведеній Пушкина печатается только на лицевой сторонѣ страницъ. Было бы желательно, чтобы на этой лицевой сторонѣ читателя уже ничто не отвлекало отъ Пушкина, т.-е. чтобы на ней ничего не было, кромѣ стиховъ,—ни снимковъ, ни заставокъ, и чтобы Пушкинскій текстъ не печатался то плотнымъ, то раздвинутымъ шрифтомъ: все это очень разсѣиваетъ вниманіе. Относительно примѣчаній можно только привѣтствовать стремленіе редактора — пріобщить читателя къ историко-литературной работѣ надъ текстомъ Пушкина. Но эта цѣль, думается, будетъ еще лучше достигаться, если каждое примѣчаніе будетъ отчетливо раздѣлено на двѣ свои естественныя части: на указанія чисто-библіографическаго характера—и историко-литературный комментарій; для этого, можетъ быть, слѣдовало бы первыя печатать болѣе мелкимъ шрифтомъ; онѣ нужны и интересны только спеціалисту. Наконецъ, было бы желательно, чтобы въ концѣ каждаго тома, кромѣ обычнаго оглавленія по порядку страницъ, печатался и алфавитный указатель помѣщенныхъ въ данномъ томѣ произведеній Пушкина, безъ чего найти нужное стихотвореніе бываетъ затруднительно.

Мы съ радостью привѣтствуемъ новое изданіе Пушкина, неизмѣримо болѣе цѣнное, чѣмъ мертвая бронза воздвигнутыхъ ему памятниковъ. Въ этой оправѣ съ любовью и знаніемъ подобранныхъ свѣдѣній еще ярче игра самоцвѣтныхъ камней, и, можетъ быть, впервые становится возможнымъ для современнаго читателя осязать во всей ея лучезарной красотѣ *реальность* каждаго Пушкинскаго слова. Есть чувство красоты полу-отвлеченное; таково обычное впечатлѣніе, производимое Пушкинымъ. Его стихи, опьяняя, тѣмъ самымъ до извѣстной степени усыпляютъ вниманіе. Нужно долго и медленно вчитываться въ нихъ, нужно и кое-что знать о Пушкинѣ и его эпохѣ, — только тогда его стихъ оживаетъ, приходитъ въ движеніе и открываетъ то, что ле-

жить въ его глубинѣ: конкретную мысль и конкретное чувство Пушкина, всю божественную свободу и красоту его переживаній. Въ этомъ смыслѣ, настоящее изданіе — первое, которое научаетъ читать и понимать Пушкина, — является драгоцѣннымъ пособіемъ, но для этого же необходимо, чтобы оно строго соотвѣтствовало своей цѣли.

II.

— Н. М. Гутьяръ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ. 1907.

Книга г. Гутьяра содержитъ семнадцать очерковъ, трактующихъ самые разнообразные вопросы біографіи Тургенева. Около половины очерковъ посвящено разбору отношеній Тургенева къ различнымъ лицамъ: къ Л. Н. Толстому, Достоевскому, Некрасову, Фету и проч.; въ другихъ авторъ пытается выяснить взгляды Тургенева на тотъ или другой общественный вопросъ — на польскій, крестьянскій, на типъ Базарова; наконецъ, нѣсколько очерковъ носятъ чисто біографическій характеръ; таковы статьи: „Тургеневъ въ берлинскомъ университетѣ", „Тургеневъ въ Москвѣ 1841—1842 гг.", „Тургеневъ во Франціи 1847—50 гг.", и т. п. Всѣ эти очерки не связаны между собою внутренно никакимъ планомъ. Заглавіе, которое авторъ далъ своей книгѣ, легко можетъ ввести въ заблужденіе; она представляетъ собою, какъ сказано, просто собраніе журнальныхъ статей о Тургеневѣ, но не систематическую работу о немъ.

Г-нъ Гутьяръ не располагалъ новыми матеріалами, но въ каждомъ своемъ очеркѣ онъ добросовѣстно сводитъ всю литературу по данному вопросу и тѣмъ значительно облегчаетъ работу будущаго біографа. Въ такомъ большомъ хозяйствѣ, какъ исторія русской литературы,— по необходимости много прорѣхъ и хлама; и нѣтъ сомнѣнія, что очистить, привести въ порядокъ, убрать хоть одинъ уголокъ ея — уже заслуга. Г. Гутьяръ исполнилъ часть этой работы по отношенію къ Тургеневу, исполнилъ съ прилежаніемъ и любовью, и мы должны быть ему благодарны за это. Если въ его книгѣ и мало новаго, то самая сводка давно извѣстныхъ матеріаловъ иногда освѣщаетъ вопросъ съ новой стороны или даетъ возможность составить себѣ болѣе полную картину. Такъ, очень цѣненъ въ книгѣ г. Гутьяра подборъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Тургенева къ Достоевскому, очень любопытенъ очеркъ о пріемахъ творчества Тургенева, основанный на кропотливомъ изученіи мельчайшихъ указаній въ письмахъ Тургенева, воспоминаніяхъ о немъ, и т. п. Есть въ книгѣ и мало-интересные очерки, какъ, напримѣръ, о предкахъ Тургенева или его дядѣ, Н. Н. Тургеневѣ. Но въ общемъ, повторяемъ, книга дѣльная и полезная.

Она была бы въ своемъ родѣ и совсѣмъ хороша, если бы авторъ скромно держался въ предѣлахъ той маленькой задачи, которую онъ поставилъ себѣ,—дать сводку печатныхъ матеріаловъ по нѣкоторымъ вопросамъ біографіи Тургенева. Къ сожалѣнію, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пожелалъ дать больше, и тѣмъ значительно повредилъ своей книгѣ, потому что *всѣ* его экскурсіи въ область психологіи или исторіи русской литературы оказываются совершенно неудачными и производятъ странное, подчасъ прямо непріятное впечатлѣніе. Такъ, г. Гутьяръ счелъ нужнымъ въ особомъ очеркѣ детально сопоставить взгляды Тургенева со взглядами Базарова по различнымъ вопросамъ морали, общественной жизни и пр., чтобы побѣдоносно доказать полную солидарность обоихъ. Трудно представить себѣ бо́льшую путаницу понятій, нежели та, которая царитъ въ этой статьѣ. Въ общемъ, этотъ вопросъ давно рѣшенъ, и притомъ самимъ Тургеневымъ. Г. Гутьяръ, не замѣчая главнаго—именно, глубочайшей разницы во всемъ психическомъ строѣ обоихъ сопоставляемыхъ лицъ,—механически выписываетъ рядомъ сходныя заявленія Тургенева и Базарова—и торжествуетъ. При этомъ получаются курьезы самаго комическаго свойства. Тургеневъ оказывается чуть-чуть не религіознымъ человѣкомъ, да и о Базаровѣ мы узнаёмъ, что во второй половинѣ романа, если онъ и „не сдѣлался ближе къ области эстетической, художественной, то уже до признанія имъ универсальности чувства религіознаго и самой религіи оставался одинъ шагъ"! Да онъ подъ конецъ—если вѣрить г. Гутьяру—и бракъ сталъ одобрять; въ доказательство г. Гутьяръ добросовѣстно выписываетъ то мѣсто изъ сцены послѣдняго свиданія Базарова съ молодымъ Кирсановымъ, гдѣ Базаровъ, узнавъ о предстоящей женитьбѣ Кирсанова, заявляетъ: „Что-жъ! Дѣло хорошее"—и въ отвѣтъ на недоумѣніе Кирсанова поясняетъ свою мысль: „Видишь, что я дѣлаю: въ чемоданѣ оказалось пустое мѣсто, и я кладу туда сѣно; такъ и въ жизненномъ нашемъ чемоданѣ; чѣмъ бы его ни набили, лишь бы пустоты не было". Недурная апологія брака! Но такихъ курьезовъ не оберешься. Такъ же несчастливъ г. Гутьяръ и въ своей попыткѣ (стр. 365 и далѣе) доказать, что Рудинъ — человѣкъ съ характеромъ, а отнюдь не слабовольный, какимъ его обыкновенно представляютъ. „Развѣ—говоритъ онъ — упорный, постоянный порывъ къ дѣятельности, проявляемый имъ (Рудинымъ), есть признакъ безхарактерности?"—и въ доказательство ссылается на слова Рудина, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ Лежневымъ, онъ „начиналъ жить, принимался *за новое разъ двадцать*"!

Все это только смѣшно, но въ книгѣ г. Гутьяра есть и другіе пассажи подобнаго рода, при чтеніи которыхъ смѣхъ превращается

въ досаду. Какъ извѣстно, Тургеневъ во вторую половину своей жизни разошелся со многими старыми пріятелями. Иныя изъ этихъ ссоръ обусловливались опредѣленными поступками съ той или другой стороны, но въ большинствѣ случаевъ ихъ источникомъ являлся глубокій психологическій антагонизмъ. Таковы, напримѣръ, ссоры Тургенева съ двумя крупнѣйшими его современниками—съ Л. Толстымъ и Достоевскимъ. Долгъ историка въ такихъ случаяхъ—какъ можно глубже и съ строгой объективностью выяснить это коренное различіе натуръ, и, разумѣется, отнюдь не подобаетъ ему брать на себя роль прокурора. Но г. Гутьяръ именно счелъ себя призваннымъ къ такой роли. Въ своемъ необузданномъ панегиризмѣ по отношенію къ Тургеневу онъ—каждый разъ, когда ему приходится изображать подобную ссору — старается всячески уличить, осмѣять, затоптать въ грязь второе дѣйствующее лицо, чтобы тѣмъ ярче выставить благородство и добродѣтели Тургенева. Вся его статья объ отношеніяхъ Тургенева къ Толстому — сплошное глумленіе надъ Толстымъ, равно лишенное и любви, и пониманія. Собственныхъ мыслей о Толстомъ у г. Гутьяра нѣтъ; свою мысль онъ заимствуетъ у Тургенева. Послѣдній однажды выразился, что „Толстого страхъ фразы загналъ въ самую отчаянную фразу". Этому умному и, въ ограниченномъ смыслѣ, глубоко-вѣрному замѣчанію г. Гутьяръ, къ изумленію читателей, придаетъ универсальный смыслъ. Въ этихъ словахъ—говоритъ, онъ—ключъ къ пониманію Толстого, *какъ человѣка и писателя*. „Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою всѣ упражненія (!) и скитанія Толстого, какъ не „самую отчаянную фразу"? Что значитъ его проповѣдь презрѣнія къ матеріальнымъ благамъ и удобствамъ при сознательномъ наживаніи сотенъ тысячъ? Что значитъ его призывъ къ безбрачію при многосемейности? Какъ понять его заявленіе ненависти къ литературной работѣ при несомнѣнной литературной плодовитости? Фраза и фраза, вызванная страхомъ, боязнью фразы".

Нѣсколько совѣстно выписывать эти грубыя строки, но онѣ почти обезоруживаютъ своей безсмысленностью. Какъ приплелъ г. Гутьяръ „страхъ фразы" къ „многосемейности" и пр.—этого, конечно, не пойметъ ни одинъ разумный человѣкъ. Но въ такомъ же духѣ онъ продолжаетъ на многихъ страницахъ. Онъ берется привести сколько угодно біографическихъ фактовъ относительно автора „Войны и Мира", указывающихъ, что *и образъ жизни* его былъ *столь же фразистымъ* до такъ называемаго переворота, происшедшаго съ нимъ, какъ и послѣ него". Что значатъ подчеркнутыя нами слова, это остается тайной и послѣ многочисленныхъ цитатъ, приводимыхъ нашимъ авторомъ. Изъ страха фразы г. Гутьяръ выводитъ и „болѣзненный скептицизмъ" Толстого, и его „удивительное самомнѣніе"; „отсюда же —

заявляетъ онъ—отсутствіе правильнаго міровоззрѣнія у гр. Толстого". Было бы интересно узнать, что понимаетъ г. Гутьяръ подъ „правильнымъ міровоззрѣніемъ".

И все это дѣлается съ цѣлью возвысить Тургенева. Чрезъ всю статью проходитъ сравненіе Тургенева съ Толстымъ: Толстой суетенъ, поверхностенъ, болѣзненъ — то ли дѣло Тургеневъ! онъ все умѣетъ понять, ко всему относится терпимо, его скептицизмъ дѣйствительно глубокъ, онъ не расхолаживаетъ, а возвышаетъ, и т. д. Мало того: Толстой—почти невѣжественный человѣкъ, у него нѣтъ „настоящихъ знаній", тогда какъ Тургеневъ „всегда и всѣхъ поражалъ обширностью и глубиной своего образованія"; Тургеневъ всегда былъ окруженъ книгами, журналами, газетами, а Толстой иной годъ даже не выписываетъ ни одного журнала, ни одной газеты,—чего же больше? это ли не признакъ невѣжества? „Да и откуда было взяться образованію, даже стремленію къ образованію у графа Толстого"—при его скептицизмѣ? Словомъ, Толстой, оказывается, изъ рукъ вонъ плохъ,—если не безнравственъ, то, по меньшей мѣрѣ, не уменъ. То ли дѣло Тургеневъ!

Въ противоположность г. Гутьяру, мы отнюдь не чувствуемъ призванія судить Толстыхъ и прославлять Тургеневыхъ: съ насъ довольно любить ихъ и по нимъ учиться добру. Моральная строгость г. Гутьяра умѣстна, можетъ быть, въ классномъ наставникѣ при обсужденіи въ педагогическомъ совѣтѣ дурного поведенія того или иного ученика, но болѣе чѣмъ неумѣстна въ приложеніи ко всякому человѣку вообще и къ такому, какъ Толстой, особенно. Максъ Штирнеръ въ одной очаровательной маленькой статьѣ мастерски высмѣиваетъ „мѣщанское" міровоззрѣніе, которое о каждомъ человѣкѣ спрашиваетъ—не „что онъ есть", а „что у него есть": „есть у него деньги?" и точно такъ же: „есть у него добродѣтели?" — Г. Гутьяръ находитъ, что у Льва Толстого рѣшительно нѣтъ добродѣтелей.

Увы, онъ не находитъ ихъ и у Достоевскаго, а о Некрасовѣ что ужъ и говорить! Статья объ отношеніяхъ Тургенева къ Некрасову—не что иное, какъ списокъ грѣховъ и преступленій Некрасова, все равно — имѣвшихъ и не имѣвшихъ касательства къ Тургеневу. На протяженіи полуторы страницы терпѣливый читатель можетъ въ подробностяхъ узнать, какъ Некрасовъ въ началѣ своей издательской карьеры искусно обдѣлывалъ свои дѣлишки путемъ поминутнаго упоминанія о невзгодахъ своей юности: „Ровно три года я чувствовалъ себя голоднымъ"...—и тутъ же можетъ полюбоваться нравственнымъ возмущеніемъ г. Гутьяра, который, съ цифрами въ рукахъ. неумолимо доказываетъ, что въ дѣйствительности Некрасовъ голодалъ не три, а даже неполныхъ два года, и что къ тому же „передъ началомъ го-

лодовки" у него было въ карманѣ 150 руб., и даже не 150, а „рублей 300 по теперешнимъ условіямъ жизни". И такъ съ негодованіемъ все дальше и дальше, и опять въ итогѣ Некрасовъ выключается вонъ, а Тургеневу—похвальный листъ за благонравіе.

Къ сожалѣнію, какъ-разъ эта прокурорская статья сама представляетъ собою тяжелую провинность со стороны г. Гутьяра. Печатая въ 1907 году очеркъ объ отношеніяхъ Тургенева къ Некрасову, онъ *не знаетъ*, что еще въ 1904 г. была напечатана въ журналѣ, а въ 1905-мъ вышла и отдѣльнымъ изданіемъ цѣлая книга А. Н. Пыпина о Некрасовѣ, двѣ трети которой заняты разсказомъ именно объ этихъ отношеніяхъ—и текстомъ 60-ти писемъ Некрасова къ Тургеневу! Это не просто формальный пробѣлъ, какіе всегда возможны въ историко-литературной работѣ: книга Пыпина—дѣйствительно единственный полный и достовѣрный источникъ, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія о характерѣ дружбы и причинахъ разрыва между Некрасовымъ и Тургеневымъ. Если бы г. Гутьяръ познакомился съ нею, онъ былъ бы, вѣроятно, менѣе рѣшителенъ въ своихъ сужденіяхъ о низости Некрасова и терпимости Тургенева, и во всякомъ случаѣ, былъ бы вынужденъ изобразить ихъ отношенія менѣе односторонне и матеріально. Пыпинъ довольно глубоко вскрываетъ ту противоположность вкусовъ, убѣжденій и общественныхъ тенденцій, которая сдѣлала неизбѣжнымъ этотъ разрывъ, а опубликованныя имъ письма Некрасова къ Тургеневу полны такой искренней задушевности и такой глубокой скорби, которыя обязываютъ, по меньшей мѣрѣ, къ осторожности въ сужденіяхъ о его сложной личности.

Впрочемъ, надо замѣтить, что это—единственный крупный историко-литературный промахъ г. Гутьяра. Въ общемъ, онъ знаетъ свой матеріалъ, и если бы не выходилъ за его предѣлы—былъ бы въ своей скромной сферѣ дѣльнымъ работникомъ. Изъ мелкихъ пробѣловъ укажемъ одинъ, касающійся отношеній Тургенева къ Станкевичу. Въ литературѣ, кажется, еще не было указано, что сюжетъ разсказа „Несчастная" (1868 г.) былъ сообщенъ Тургеневу, по всей вѣроятности, Станкевичемъ. Въ письмахъ Станкевича къ Невѣрову за 1833 годъ [1]) можно найти взволнованный разсказъ о судьбѣ, мнимоестественной смерти и даже похоронахъ (какъ у Тургенева) той дѣвушки, мнимой дочери иностранца-музыканта Г., которую Тургеневъ въ своей повѣсти окрестилъ Сусанной (ея дѣйствительное имя было Эмилія). Какъ извѣстно, на послѣдней страницѣ повѣсти лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, говоритъ о своихъ неудачныхъ по-

---

[1]) „Н. В. Станкевичъ, переписка его и біографія", П. В. Анненкова. Москва, 1857, стр. 51-52, и письма, стр. 47—50.

пыткахъ заступиться за память Сусанны, послѣ ея смерти, передъ своими товарищами; онъ прибавляетъ: „Одного изъ нихъ, молодого студента-поэта, я однако поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами:

Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы...
Она тревожитъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты!“

Эти стихи взяты изъ стихотворенія Станкевича: „На могилѣ Эмиліи“, напечатаннаго тогда же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти загадочной дѣвушки, и напечатаннаго въ 1834 г. въ „Денницѣ“. Возможно, конечно, что и самый эпизодъ, и стихотвореніе были сообщены Тургеневу не самимъ Станкевичемъ, а, напримѣръ, П. В. Анненковымъ.

III.

— Н. Денисюкъ. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. Москва. 1907. Стр. 112.

— Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Вып. первый. Москва. 1907. Стр. 175.

Г-нъ Денисюкъ называетъ свой трудъ „скромнымъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуетъ свою книгу (первую, съ сокращеніями перепечатанную и во второй), какъ „первую попытку дать достаточно полный очеркъ и характеристику времени, жизни и литературной дѣятельности гр. А. Толстого“. Какая ужъ тутъ скромность! Шутка ли: и впервые, и достаточно полно, и не только жизнь, но даже время и творчество! Обширная и смѣлая задача. Г. Денисюкъ кое-что забылъ и кое-чего не знаетъ. Онъ забылъ, что жизнь А. К. Толстого уже до него и не менѣе „полно“ описывалась не разъ: такова, напримѣръ, работа г. Левенстима, напечатанная въ прошломъ году въ нашемъ журналѣ, или дѣльная статья г. Кондратьева въ „Новомъ Пути“ за 1904 годъ. И не знаетъ онъ—ни того, какъ пишутся біографіи, ни матеріаловъ, какіе существуютъ для біографіи А. Толстого. Поэтому въ его книгѣ можно найти объ А. Толстомъ не больше, чѣмъ въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ; но зато въ ней можно найти многое другое, а подчасъ весьма неожиданныя вещи.

Въ ней есть даже „идея“. Если взять извѣстное стихотвореніе А. Толстого: „Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный“, и развести его понятный смыслъ въ цѣломъ морѣ пустыхъ и невра-

зумительныхъ разсужденій, то получится „идея“ г. Денисюка. Не правда ли, какъ ново: А. Толстой—„эстетикъ“ и боецъ за свободу личности. Но г. Денисюкъ—основательный ученый; чтобы обосновать эту оригинальную мысль, онъ начинаетъ если не съ Адама, то съ до-Петровской Руси. На 24-хъ страницахъ читатель получаетъ исторію русской литературы отъ начала до А. Толстого. Здѣсь стройность изложенія борется съ оригинальностью мыслей; здѣсь можно узнать, что Петръ былъ космополитомъ, а послѣ него Россія подпала власти нѣмцевъ; что наша сентиментальная литература была подражательной, но, затѣмъ, живая, обыденная русская дѣйствительность, наконецъ, наполнила салоны русской художественной литературы“; что при Николаѣ одна только литература, „высоко поднявъ факелъ, освѣщала жалкую фигуру русской общественности“. Г. Денисюкъ вообще любитъ выражаться образно, и въ особенности чувствуетъ слабость къ персонификаціи; такъ, литература сороковыхъ годовъ, по его словамъ, „требуетъ новой жизни, сидя въ креслѣ и тепломъ халатѣ предразсудковъ своего времени“, тогда какъ литература шестидесятыхъ годовъ „забрасываетъ мочеными яблоками своего сарказма всѣхъ, кто не согласенъ съ нею“; наканунѣ Крымской кампаніи, „проклятые вопросы русской дѣйствительности росли, какъ комъ снѣга, стремящійся въ бездну“, а Ивана Аксакова „хотѣли заставить прокатиться на собакахъ и оленяхъ въ край, куда еще не ступало ни одно копыто телятъ, гоняемыхъ пресловутымъ Макаромъ“.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что пышная образность слога исключаетъ у нашего автора, какъ это часто встрѣчается, глубину и своеобразіе мысли. Ничуть не бывало: то и другое стоятъ у него въ полномъ согласіи. Если трудно своими словами изобразить стиль г. Денисюка, то его мысль уже совершенно не поддается вольной передачѣ. Поэтому да не посѣтуетъ на насъ читатель за обиліе цитатъ. Хотите ли знать, напримѣръ, почему наша литература сороковыхъ годовъ носила (чего, конечно, никто до сихъ поръ не подозрѣвалъ) „религіозно-нравственный“ характеръ? Г. Денисюкъ скромно предлагаетъ свое объясненіе: „Я полагаю,—пишетъ онъ,—что наиболѣе правильнымъ объясненіемъ религіозно-нравственнаго характера нашей литературы будетъ то, которое полагаетъ, что наше духовное развитіе обязано прежде всего византійскому вліянію. Славяно-русскій народъ вмѣстѣ съ пришедшей къ намъ византійской церковью подчинился и мыслительной силѣ тѣхъ священнослужителей-грековъ, которые перешли рубежъ нашей земли вмѣстѣ съ новосозданной русской церковью. Они принесли съ собой не мудрость греческихъ философовъ, а часословы и Библію. Нашъ мыслящій интеллигентный классъ выросъ подъ вліяніемъ византійскаго клерикальнаго класса“. Немножко нескладно

выражено, но зато какая глубокая, оригинальная мысль,—можно сказать,—цѣлое открытіе! И такихъ перловъ въ книгѣ г. Денисюка сколько угодно.

При такой остротѣ мысли и живости слога автору, конечно, не было никакой надобности изучать матеріалы для біографіи Толстого и его поэзію. Онъ взялъ общеизвѣстные факты его жизни, изложеніе которыхъ заняло бы пять-шесть страницъ, и на этой рѣдкой канвѣ вышилъ роскошные узоры собственной мысли и собственнаго краснорѣчія. Ѣдетъ ли Толстой въ Крымъ, въ Малороссію, въ Италію,—въ каждомъ случаѣ авторъ патетически изображаетъ дѣйствіе, какое должны произвести красоты данной страны на всякую чувствительную душу. А какія строки и страницы посвящены первой заграничной поѣздкѣ Толстого! Начинается такъ: „Трудно указать другое, болѣе развивающее умъ и чувство средство, чѣмъ путешествіе"; потомъ идетъ описаніе Италіи: „Взгляните на это небо, на эту растительность" и т. д.; затѣмъ, слѣдуетъ рядъ глубокомысленныхъ соображеній о сравнительныхъ удобствахъ кареты и желѣзной дороги для путешествія съ точки зрѣнія опасности, эстетики, морали и пр., и все это заключается конфиденціальнымъ сообщеніемъ: „Между нами будь сказано, я не высокаго мнѣнія о состояніи нравственности въ современномъ обществѣ, но не вижу, чтобы она процвѣтала и въ тѣ времена, когда у насъ не было Николаевской желѣзной дороги, когда пароходы не бороздили Волгу, когда наши барышни не прибѣгали къ прогулкамъ на велосипедѣ, какъ вѣрному средству выйти замужъ". Однако, и послѣ этого мысль читателя мучительно бьется надъ вопросомъ, чему же, наконецъ, г. Денисюкъ отдаетъ предпочтеніе: каретѣ или желѣзной дорогѣ? Чѣмъ оригинальнѣе мысль, тѣмъ большей она требуетъ ясности.

По поводу желѣзныхъ дорогъ г. Денисюкъ вспоминаетъ Рёскина. Онъ вообще любитъ опираться на авторитеты; вы найдете у него цитаты изъ Гизо, Зола̀, Маколея, Кондорсэ, даже изъ короля ганноверскаго Эрнеста-Августа. Вотъ образчикъ, какъ это дѣлается: врожденный характеръ, говоритъ г. Денисюкъ, „это та реальная цѣнность, вокругъ которой колеблются цѣна человѣка и, вообще, всѣ другія искусственныя вліянія",—и въ доказательство — цитата изъ „Юлія Цезаря": „Я совершенно не боюсь людей полныхъ, съ прекрасными волосами, но гораздо болѣе опасаюсь людей съ желтоватымъ цвѣтомъ лица и на видъ худощавыхъ".

Такъ, г. Денисюкъ по поводу А. Толстого написалъ оригинальную книгу. Собственно о жизни Толстого, если не считать нѣсколькихъ хронологическихъ датъ, можно узнать изъ нея только, что „фортуна, также какъ и фатумъ, покровительствовали счастливцу", а о про-

изведеніяхъ Толстого — что въ „Крымскихъ очеркахъ" Толстой „съ поразительной картинностью рисуетъ картины южной природы".

Мы руководились въ нашемъ отзывѣ тѣмъ непреложнымъ правиломъ, что въ каждой вещи надо искать ея сущность; сущность же первой книги г. Денисюка—комизмъ. Что касается его второй книги, то ея сущность—нелѣпость. Сводъ критической литературы о писателѣ имѣетъ смыслъ и цѣнность только тогда, когда эта литература располагается либо въ систематическомъ, либо въ хронологическомъ порядкѣ. Любопытно было бы видѣть, какъ съ поколѣніями мѣнялся взглядъ на поэзію Толстого; любопытно было бы противопоставить сужденіе тенденціозной критики о немъ сужденію эстетической; наконецъ, извѣстный интересъ представляла бы сводка всѣхъ отзывовъ о томъ или другомъ отдѣльномъ произведеніи или циклѣ произведеній Толстого. Ничего этого г. Денисюку не нужно. Первый выпускъ своего изданія онъ наполнилъ самыми разнородными и разновременными статьями: тутъ и общія характеристики А. М. Скабичевскаго и О. Миллера, и разборы отдѣльныхъ вещей Толстого—Н. М. Соколова; изъ десяти отрывковъ два относятся къ 70-мъ годамъ, шесть—къ 1890 году, одинъ (статья Н. А. Котляревскаго о Толстомъ, какъ сатирикѣ)—къ 1906-му; тутъ и критика съ точки зрѣнія общественныхъ идеаловъ, и критика чисто-эстетическая, словомъ—полная случайность. А въ такомъ видѣ сводъ отзывовъ о поэзіи Толстого можетъ служить, самое большее, только для справокъ, но въ историко-литературномъ отношеніи не имѣетъ никакой цѣны.

IV.

— **А. Алферовъ и А. Грузинскій. Русская литература XVIII вѣка. Москва. 1907.**

Эта книга носитъ подзаголовокъ „Хрестоматія" и предназначается ближайшимъ образомъ для употребленія въ средней школѣ, но какъ вообще въ педагогическихъ пріемахъ кристаллизуются умственные навыки и тенденціи общества, такъ и эта книга является отраженіемъ нѣкоторыхъ общихъ началъ. Когда два извѣстныхъ педагога, вооруженныхъ широкимъ образованіемъ и превосходными спеціальными знаніями, задавшись цѣлью не выполнить какую-нибудь мертворожденную оффиціальную программу, а удовлетворить живымъ потребностямъ школы, приступаютъ къ составленію школьнаго руководства въ своей области, — можно заранѣе предположить, что они дадутъ лучшее, т.-е. то, что̀ въ данный моментъ признается за наилучшее спеціалистами дѣла. Ближайшее знакомство съ книгою гг. Алферова и Грузинскаго вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе: она безу-

словно стоитъ на высшемъ уровнѣ, какого достигла у насъ исторія литературы, и слѣдовательно, благодаря своей педагогической прямолинейности, она является прекраснымъ показателемъ тѣхъ принциповъ, которые господствуютъ у насъ въ этой области. Съ такой точки зрѣнія мы и будемъ ее разсматривать.

Авторы не сочли нужнымъ объяснить въ предисловіи, что̀ они разумѣютъ подъ „русской литературой“; очевидно, они признаютъ этотъ терминъ общеизвѣстнымъ и достаточно опредѣленнымъ. Но такъ ли это? Не является ли, напротивъ, полная неопредѣленность этого термина однимъ изъ главныхъ грѣховъ нашей доморощенной „исторіи литературы“? Одно можно сказать: гг. Алферовъ и Грузинскій въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, слѣдовали установившейся традиціи и тѣмъ заранѣе обрекли себя на весь обычный рядъ ошибокъ, неизбѣжно обусловливаемыхъ ею.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ поближе содержаніе ихъ книги. Она открывается перепечаткой перваго нумера „Русскихъ Вѣдомостей“, отъ 2 января 1703 года. Казалось бы, что̀ общаго имѣютъ съ „русской литературой“ извѣстія вродѣ того, что „на Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартировъ вылито 400“, или, что „въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ“? Далѣе слѣдуютъ „Юности честное зерцало“—сборникъ правилъ обхожденія въ обществѣ, затѣмъ выдержки изъ письмовника: „Приклады, како пишутся комплименты разные“; еще дальше — выдержки изъ заграничныхъ путевыхъ записокъ Неплюева, Толстого, Матвѣева; затѣмъ, слѣдуетъ собственно литература: тутъ и Кантемиръ, и Тредьяковскій, и Ломоносовъ, словомъ—все, что̀ полагается, кончая Карамзинымъ, но тутъ же и записки Болотова, и семь страницъ выдержекъ изъ Екатерининскаго „Наказа“, тоже, несомнѣнно, не имѣющаго никакого отношенія къ исторіи „русской литературы“ въ XVIII столѣтіи.

Спрашивается, какимъ же объединяющимъ принципомъ руководились авторы, подбирая столь разнородный матеріалъ? Что это — не историко-литературная точка зрѣнія, ясно само собою. Разъясненія надо искать, очевидно, въ тѣхъ краткихъ авторскихъ введеніяхъ, которыя предпосланы каждому отрывку. Мы принуждены процитировать нѣсколько мѣстъ.

„Для историка русской культуры и въ частности литературы „Юности честное зерцало“ представляетъ высокій интересъ, какъ живая картина нравовъ: составители... своими запретительными правилами обрисовали, какъ нельзя живѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности русскій человѣкъ того времени, появляясь въ обществѣ“. Если здѣсь хотя формально упомянута и литература, то въ другихъ слу-

чаяхъ даже этого нѣтъ; о „Прикладахъ“ прямо сказано: „Вмѣстѣ съ „Юности честнымъ зерцаломъ“ книга характерна для стремленія Петра вводить европейскіе обычаи и формы жизни и въ домашній обиходъ, и въ частныя сношенія русскихъ людей“. Это совершенно вѣрно, но причемъ здѣсь „русская литература“? О путевыхъ запискахъ Петра Толстого читаемъ: „заграничныя его впечатлѣнія могутъ служить надежнымъ показателемъ, какъ воспринималась тогда представителями лучшаго русскаго общества западная культура“; о запискахъ Матвѣева читаемъ: „Впечатлѣнія Матвѣева даютъ ясно понять... отъ чего въ XVIII вѣкѣ русское высшее общество такъ увлечено было внѣшнимъ подражаніемъ европейскому великолѣпію“; письма Сумарокова къ Шувалову рекомендуются, какъ документъ, въ которомъ „прекрасно вырисовывается неопредѣленность положенія русскаго театра въ тѣ времена“, и т. д. и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ мотивировокъ мы вправѣ заключить, что авторы задались цѣлью представить въ своей книгѣ матеріалъ по исторіи русской культуры въ XVIII вѣкѣ. И добро бы такъ: это было бы цѣнно. Но этого нѣтъ: тамъ-и-сямъ вдругъ на первый планъ выступаетъ чисто-литературная точка зрѣнія, и культура оказывается ни при чемъ. Эта двойственность очень сильно сказывается, какъ мы видѣли, уже въ самомъ подборѣ матеріала; конечно, Державинскія оды „Богъ“, „Памятникъ“ и пр. внесены въ книгу не какъ матеріалъ по исторіи русской культуры въ XVIII ст.; любовныя пѣсенки Сумарокова рекомендуются, какъ важная „ступень въ развитіи стиха и стиля русской лирики“; помѣщеніе отрывковъ изъ „Бахаріаны“ Хераскова объясняется *литературнымъ* значеніемъ этой поэмы, какъ предшественницы „Руслана и Людмилы“, и пр.

Что̀ же представляетъ собою книга гг. Алферова и Грузинскаго, озаглавленная: „Русская литература XVIII вѣка“ и предназначенная для уроковъ словесности? Вѣдь одно изъ двухъ: или подъ словомъ „литература“ надо разумѣть всю духовную культуру народа, поскольку она выражается въ словѣ, или этотъ терминъ надо брать въ узкомъ смыслѣ, какъ *художественное* изображеніе міра и души человѣческой въ словѣ. Въ первомъ случаѣ, авторы обязаны были обнять культуру всесторонне и равномѣрно; тогда для нихъ были бы равно важны поэзія и проповѣдь, художественная литература должна была бы служить для нихъ только однимъ изъ элементовъ, она должна была бы играть подчиненную роль, и выбирать изъ нея они должны были бы только тѣ образцы, которые характеризуютъ культурный уровень или эволюцію общества. Но ничего этого нѣтъ: они обходятъ молчаніемъ такіе существенные элементы культуры, какъ, напримѣръ, исторія религіознаго сознанія въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, масонство

и пр., и художественный матеріалъ у нихъ далеко преобладаетъ надъ чисто-культурнымъ, и стоитъ онъ у нихъ на одной плоскости съ послѣднимъ: стихотвореніе рядомъ съ правилами обхожденія въ обществѣ, трагедія—рядомъ съ „Наказомъ", какъ одинаковый по качеству матеріалъ для характеристики—чего? Психики русскаго человѣка въ XVIII вѣкѣ? Но эта психика многостороння. Намъ еще очень далеко до того, чтобы понять ея единство; да и какъ можемъ мы научиться понимать ее при такомъ способѣ изученія, когда матеріалъ не расчлененъ, когда поэзія, нравы, одежда, законодательство, религіозныя чаянія—все варится въ одномъ горшкѣ? И, прежде всего, какъ можно смѣшивать простое слово со словомъ художественнымъ, литературу вообще съ творчествомъ? Художественная литература безъ сомнѣнія представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи культуры, но тогда она и должна быть соотвѣтственно обрабатываема, совершенно такъ, какъ—правда, въ неизмѣримо меньшей степени—исторія одежды или исторія архитектуры у данной народности. Исторія художественнаго творчества имѣетъ собственную сущность, которая и должна быть изучаема самостоятельно, а разсматривать ее исключительно съ точки зрѣнія исторіи культуры или безъ разбора смѣшивать обѣ точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, настоящая книга, значитъ игнорировать эту ея подлинную сущность—эволюцію пріемовъ и средствъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности.

Мы далеки отъ мысли обращать этотъ упрекъ исключительно къ составителямъ разбираемой книги. Они очень хорошо сдѣлали то, что хуже дѣлалось до нихъ,—но они сдѣлали то же самое. Такъ искони разработывается у насъ исторія литературы, и ихъ книга является только удобнымъ зеркаломъ, въ которомъ отчетливо обрисовалось плачевное положеніе у насъ этой отрасли знанія.—М. Г.

V.

— „Чудеса и притчи Господни". „Книга пѣсни пѣсней Соломона", 1905—1906 гг. Константина Конаржевскаго.

Назначеніе этихъ двухъ книжекъ г. К. Конаржевскаго—не совсѣмъ понятно. Ихъ нельзя назвать популяризаціей Священнаго Писанія, ибо краткій, скупой на слова и щедрый на образы, языкъ Евангелія замѣненъ растянутымъ изложеніемъ автора, въ которое внесено много того, что на старомъ журнально-редакціонномъ языкѣ называлось „отсебятиной". Еще менѣе основаній видѣть въ нихъ попытку изложить стихами знойныя пѣсни Соломона, ибо, читая эти вирши г. Ко-

нарже вскаго, невольно хочется повторить вопросъ Пушкина: „Послушай!.. что если это проза, да и притомъ дурная?..“

Такъ, передавая первое изъ чудесъ Господнихъ, авторъ пропускаетъ знаменательный разговоръ Христа со своею Матерью („что Мнѣ и Тебѣ, жено? еще не пришелъ часъ мой“) и въ то же время, отъ себя, вставляетъ цѣлый эпизодъ съ распорядителемъ пира, которому „нацѣдили бокалъ“ воды, обращенной въ вино, и онъ, „смакуя влагу“, нашелъ, что она „отличается добротой“..

Такъ, передавая сказаніе Ев. Марка (IV. 35—41) объ утишенной Христомъ бурѣ, авторъ растягиваетъ ненужными подробностями начало: вмѣсто „поднялась великая буря“—у него—„вдругъ набѣжалъ порывистый вѣтеръ; онъ волны подъялъ и озеро тотчасъ одѣлъ сѣдиною, и стали вздыматься, за ратію рать, могучія волны, взъярившись во тьмѣ“; и затѣмъ произвольно и бездарно онъ такъ сокращаетъ чудный въ своей простотѣ конецъ сказанія: „Онъ, вставъ, запретилъ дуть вѣтру, а ихъ вопросилъ: „отчего вы, съ малой вѣрой, боитесь всего?“—вмѣсто: „И вставъ, Онъ запретилъ вѣтру и сказалъ морю: умолкни, перестань! И вѣтеръ утихъ—и сдѣлалась великая тишина. И сказалъ имъ: что вы такъ боязливы? какъ у васъ нѣтъ вѣры?“ —Не менѣе неудачно переданы и *притчи*. Достаточно указать на притчу о домѣ на камнѣ и пескѣ, гдѣ слова: „благоразумный мужъ“ и „человѣкъ безразсудный“, замѣнены неясными выраженіями: „довѣрясь уму своему“ и „по уму своему“ —и гдѣ слова „и домъ упалъ и было паденіе его великое“, замѣнены словами: „и домъ накренился, зловѣще кряхтѣлъ, и на бокъ свалился и больше не жилъ“!—Къ этому надо прибавить постоянное нарушеніе размѣра въ стихахъ, тавтологію и канцелярскій оттѣнокъ многихъ выраженій, напримѣръ:

„Скажи лишь слово—и здоровъ
Слуга мой будетъ“. Удивился
Спаситель сотника словамъ
И *такъ* къ Іудеямъ обратился:
„Глаголю истинно Я вамъ,
Такой Я вѣры беззавѣтной
И въ *Израилѣ* не нашелъ!..

„И сказалъ Іисусъ сотнику: иди, и какъ ты вѣровалъ, будетъ тебѣ“—говорится въ подлинникѣ.—„И молвилъ сотнику въ *отвѣтной*, *любезной рѣчи*: „подошелъ ко Мнѣ ты съ вѣрою, о, воинъ!—зато ты *милостью почтенъ:* иди домой и будь спокоенъ!“—говоритъ г. Конаржевскій.

Такъ, у переводчика Господь совѣтуетъ Симону Петру рыбу „ловить сѣтію“,—а послѣдній, вмѣсто словъ: „выйди отъ меня, Господи! потому что я человѣкъ грѣшный“, говоритъ у переводчика: „Господи,

уйди отъ меня — прегрѣшенья мои снѣдаютъ и душу и плоть“...; — „волны заливаютъ ладью *водой*“ (а то чѣмъ же онѣ могли бы еще заливать?), „вѣтеръ налетаетъ *стихійно*“ и т. д.

Вотъ еще примѣръ гладкости и выразительности стиха у г. Конаржевскаго:

„Взялъ за руку дѣвицу и молвилъ ей: „отдамъ
Тебѣ твой духъ; встань, дѣва!“ и дѣва поднялась.
И Онъ велѣлъ дать ѣсть ей. Отецъ ея и мать,
Христову внявъ велѣнью, должны были молчать,
Не говорить ни слова о томъ, какъ дочь спаслась“.

(Лука. VIII. 40—56.)

Несмотря на то, что стихи, которыми изложена „Пѣснь пѣсней“ (въ особенности глава VIII) значительно лучше и ярче тѣхъ, которыми переданы чудеса и притчи Господни,—они тяжелы и въ общемъ безцвѣтны. Восточная нѣга и чувственность, которыми проникнута вся эта книга, по какому-то недоразумѣнію считаемая „священною“ — по плечу лишь истинному поэту—и послѣ удивительныхъ переложеній Л. Мея („Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ“ и др.) предпріятіе г. Конаржевскаго является смѣлою попыткою, носящею въ уголовномъ правѣ названіе *покушенія съ негодными средствами.*

VI.

— „Пѣсни человѣка“. Θедора Смородскаго. 1906 г.

Въ этой маленькой книжкѣ довольно странный человѣкъ поетъ сомнительнаго свойства пѣсни—о любви, о судьбѣ и о молодой жизни.—Авторъ пылаетъ любовью къ ландышу, которому посвящены почти всѣ стихи перваго отдѣла. „Въ душѣ моей *безбрежной*, тебѣ воздвигнулъ я чертогъ“,—восклицаетъ онъ, обращаясь къ этому „чистому, бѣлоснѣжному, но *исполненному огня любви*“ цвѣтку, къ этому „нѣжному и *страстному* херувиму“ (?); — для него онъ „*недоступность* мая въ *святыню* обратилъ“... Но душа поэта, „нѣгой больная“, поняла „мишурность чарующихъ силъ“ и „мимолетность любви наслажденья“, и онъ стоитъ предъ ландышемъ, какъ „несчастная руина“, причемъ „Ждетъ не дождется глина, когда жъ его, какъ сына, на вѣкъ сроднитъ съ собой!“

Пессимистическое настроеніе автора и желаніе его слиться съ глиной вполнѣ понятны (быть можетъ, въ послѣднемъ желаніи содержится мысль объ увѣковѣченіи себя въ скульптурномъ изображеніи), если прослѣдить „судьбу человѣка“ по его дальнѣйшимъ стихо-

твореніямъ. Несмотря на то, что „исполняемъ мы законъ природы, данный противъ зла,—и жизни мы вливаемъ сокъ въ другія, свѣжія тѣла“, и что въ насъ живетъ „безмѣрность упованій, земли живое торжество, земли, съ трудомъ соткавшей ткани“ для нашего организма,—поэтъ говоритъ, что „въ моей душѣ потухли сны;—я старъ, глубоко старъ,—и вотъ еще—и вотъ чрезъ мигъ, бездымный небосклонъ поглотитъ мой туманный ликъ и мой увядшій сонъ“. Ранняя старость и старческое впаденіе въ дѣтство вполнѣ, впрочемъ, понятны, когда—

„Въ исканіяхъ развратности
„Всю жизнь мы расточили.
„Идемъ мы къ невозвратности,
„Къ безславью и могилѣ“...

Поэтому нельзя не согласиться съ авторомъ, когда онъ восклицаетъ:

„И вѣрится мнѣ:
„Съ теченіемъ дней
„Міръ будетъ вполнѣ
„Лишь няней дѣтей!“

Образчикомъ поэтической формы, въ которую облечены мечтанія г. Ѳедора Смородскаго, могутъ служить слѣдующіе отрывки:

„Возьми назадъ свои печали!
„Нѣтъ неизбѣжности въ мірахъ!
„Свободно жаждутъ свѣта дали
„И юной жизни *косный прахъ*!“

„И молилась жаба страстно,
„Чтобы, въ вѣчность перейдя,
„Стала и она прекрасна,
„Какъ *родной* цвѣтокъ *ея*“...

„Я радъ, хотя я таю, таю.
„Я умираю, но я радъ“—
„Такъ говоритъ о счастьѣ маю
„*Ароматическій* закатъ,
„И въ бирюзовой діадемѣ
„Рыдаетъ въ безднѣ голубой
„Объ ускользающемъ эдемѣ,
„О недоступности златой“...

Z.

VII.

— Проф. А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Эта превосходно написанная книжка извѣстнаго ученаго и профессора политической экономіи представляетъ для насъ интересъ преимущественно въ томъ отношеніи, что въ ней высказывается весьма радужный взглядъ на возможное будущее нашего мелкаго земледѣлія и горячо проповѣдуются нѣкоторыя мѣры, способныя, по мнѣнію автора, быстро поднять доходность русскаго крестьянскаго хозяйства. Авторъ ведетъ эту проповѣдь подъ вліяніемъ фактовъ наблюдавшагося имъ подъема мелкаго земледѣлія въ Италіи и потому, что указываемыя имъ техническія средства улучшенія крестьянскаго хозяйства не привлекаютъ къ себѣ должнаго, по его мнѣнію, вниманія нашихъ практическихъ дѣятелей. Задача пропаганды обусловила односторонность характера всего произведенія, въ которомъ аграрныя „нужды" русскаго крестьянскаго хозяйства указаны бѣгло и слишкомъ въ общихъ чертахъ, и все почти вниманіе автора сосредоточено на агрикультурныхъ недостаткахъ мелкаго хозяйства и вопросѣ о ихъ устраненіи „въ параллель тому, что̀ отмѣчено было ранѣе (въ первой части книги) въ примѣненіи къ западно-европейскому хозяйству" (стр. 113).

Вопросъ о возвышеніи, при помощи техническихъ средствъ, доходности сельскаго хозяйства есть вопросъ не только агрономическій, но и экономическій. Агрономія указываетъ техническія средства увеличенія производительности земли; экономическою конъюнктурой опредѣляется—въ какой мѣрѣ представляется выгоднымъ это увеличеніе и какія именно преобразованія вѣрнѣе ведутъ къ цѣли поднятія доходности хозяйства. Если рѣчь идетъ о хозяйствѣ отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ населенія, то при оцѣнкѣ конъюнктуры достаточно принимать во вниманіе условія даннаго момента. Если же ставится вопросъ о поднятіи хозяйства цѣлаго многочисленнаго класса, то нельзя обойтись безъ оцѣнки того, какъ отразится на состояніи рынка массовое увеличеніе сельско-хозяйственныхъ произведеній и какіе именно виды этихъ послѣднихъ привлекутъ наибольшее число покупателей. Проф. Чупровъ устраняется и отъ всесторонняго разсмотрѣнія этого предмета. Вопросъ о возвышеніи интенсивности русскаго крестьянскаго хозяйства онъ изслѣдуетъ съ точки зрѣнія удобопримѣнимости предлагаемыхъ имъ техническихъ средствъ для увеличенія сбора травъ и зерна, и не останавливается на во-

просѣ о томъ, какія системы хозяйства и производство какихъ именно сельско-хозяйственныхъ продуктовъ обезпечиваютъ въ ближайшемъ будущемъ наибольшую доходность земледѣлія. Вопроса о скотоводствѣ, напр.,—главнѣйшей отрасли преобразуемаго крестьянскаго хозяйства на Западѣ—авторъ касается лишь какъ вопроса о доставленіи удобреній, и этому дорогому и сложному средству полученія удобрительныхъ матеріаловъ противопоставляетъ дешевое, простое и быстро дѣйствующее средство—минеральные туки. „Прежде раціональное земледѣліе основывалось главнымъ образомъ... на обширномъ скотоводствѣ, которое одно давало способъ поднять плодородіе земли“, говоритъ А. И. Чупровъ. Это было доступно преимущественно крупнымъ собственникамъ и требовало „для своего полнаго дѣйствія болѣе или менѣе длиннаго срока“. „Эти разсчеты существенно измѣнились, когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходность земледѣльцевъ, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена“, дѣйствующія „быстро,—можно сказать,—немедленно“, и требующія небольшихъ затратъ (стр. 34). Примѣненіе этихъ средствъ и сокращеніе пара, связанное съ развитіемъ посѣва травъ и корнеплодовъ,—какъ для прибавки кормовыхъ средствъ, такъ и для поднятія урожайности полей, — вотъ „программа техническихъ улучшеній, съ очевидностью вытекающая изъ нынѣшнихъ условій крестьянскаго хозяйства“ (стр. 108). „Переходъ къ минеральнымъ удобреніямъ—это самый легкій, удобный и вѣрный способъ быстро поднять урожаи“ (с. 109). Урожаи земли у насъ такъ низки, что одного только подбора сѣмянъ достаточно для увеличенія ихъ на половину. „Но вѣдь техника располагаетъ несравненно болѣе могущественными средствами“ (с. 114). Ссылаясь на опыты Грандо, получавшаго, при затратѣ 23 рублей на удобреніе десятины земли, 183 пуда ржи, проф. Чупровъ замѣчаетъ, что если бы, израсходовавъ 20 р. на удобреніе, нашъ крестьянинъ получилъ даже вдвое меньше этого, то „и въ такомъ случаѣ ему было бы выгоднѣе издержать 20 р. на удобреніе, а не на аренду чужой земли“ (с. 118). Повышеніе урожая достигаетъ здѣсь 100%.

Этотъ разсчетъ можетъ служить образцомъ экономическихъ соображеній автора относительно значенія предлагаемыхъ имъ мѣръ. Соображенія эти сводятся къ учету доходности преобразуемаго крестьянскаго хозяйства (начинающаго получать въ 1½—2 раза больше зерна), при существующихъ цѣнахъ хлѣба, причемъ вовсе не поднимается вопросъ о томъ, не упадутъ ли значительно эти цѣны при быстромъ подъемѣ урожаевъ. Повышеніе сборовъ крестьянскихъ хлѣбовъ въ минимальномъ изъ допускаемыхъ авторомъ отношеній — на 50% — выразится приращеніемъ чистаго остатка зерна въ Европейской Россіи на миллiардъ пудовъ. Когда же въ 1893—96 гг.

вслѣдствіе благопріятныхъ атмосферныхъ условій и распашки новыхъ земель—сборъ этихъ хлѣбовъ увеличился сравнительно съ обычнымъ въ половину меньше того, что̀ ожидается при осуществленіи предположеній проф. Чупрова,—цѣны хлѣба, какъ извѣстно, упали, и притомъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ выросли урожаи. А если бы это увеличеніе сборовъ было послѣдствіемъ не случайнаго каприза природы, а сознательной затраты хозяевъ на удобреніе, то суммы, выручавшіяся продажей зерна въ 1896 г., не окупили бы издержекъ производства.

Мы видимъ, что предложенныя авторомъ средства леченія недуговъ крестьянскаго хозяйства могутъ и не привести къ искомой цѣли обезпеченія мелкимъ земледѣльцамъ достаточно высокихъ доходовъ. Эта цѣль должна быть достигаема не путемъ простого повышенія урожайности полей и луговъ, а такимъ преобразованіемъ хозяйства, при которомъ подымающаяся производительность земли овеществляется въ продуктахъ, имѣющихъ вѣрный сбытъ и достаточно оплачивающихъ труды земледѣльца. У насъ болѣе и болѣе развивается товарное хозяйство; болѣе и болѣе благополучіе земледѣльца попадаетъ въ зависимость отъ спроса постороннихъ лицъ на его произведенія. Ростъ доходовъ цѣлаго и притомъ многочисленнаго земледѣльческаго класса, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе будетъ обусловливаться, поэтому, не простымъ фактомъ поднятія урожаевъ, а сложнымъ процессомъ приноровленія хозяйства къ ростущимъ и мѣняющимся потребностямъ рынка. Запросъ рынка можетъ возрастать пропорціонально нуждамъ земледѣльческаго населенія и имѣющимся у него средствамъ увеличенія производительности земли. Такъ бываетъ въ случаяхъ быстраго образованія промышленнаго класса, составляющаго рынокъ сбыта продуктовъ мѣстнаго хозяйства. Но запросъ извнѣ можетъ и не соотвѣтствовать напряженному состоянію внутри сельскохозяйственной сферы. Возможное по техническимъ условіямъ увеличеніе производительности земли не получитъ тогда достаточнаго осуществленія, и задача созданія, путемъ агрикультурныхъ мѣропріятій, благоденствующаго земледѣльческаго класса окажется висящей въ воздухѣ.

Изъ сказаннаго видно, что рекомендацію А. И. Чупровымъ нѣкоторыхъ средствъ поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства нельзя принимать за отвѣтъ на вопросъ о превращеніи бѣднаго земледѣльческаго класса Россіи въ зажиточный. Проф. Чупровъ просто напоминаетъ о нѣкоторыхъ быстро-дѣйствующихъ средствахъ, недостаточно оцѣниваемыхъ нашими общественными дѣятелями, и рекомендуетъ энергичное ихъ употребленіе. Съ этой точки зрѣнія получаютъ значеніе и расчеты автора относительно возможныхъ доходовъ отъ новыхъ мѣро-

пріятій. Когда новые пріемы вводятся сравнительно немногими производителями, иниціаторы получаютъ крупные доходы, потому что данный продуктъ обходится имъ дешево, а сбываютъ они его по цѣнамъ, опредѣляемымъ издержками массоваго, болѣе дорогого ихъ приготовленія. Это привилегированное положеніе утрачивается послѣ того, какъ новый пріемъ получитъ всеобщее распространеніе, и при массовомъ его примѣненіи не придется пожинать тѣхъ плодовъ, какіе выпали на долю передовыхъ членовъ земледѣльческаго класса.

Послѣ сказаннаго, не трудно намѣтить задачи экономической науки въ вопросѣ о поднятіи благосостоянія класса русскихъ земледѣльцевъ. Нужно оцѣнить экономическія условія настоящаго и ближайшаго будущаго и открывающіяся такимъ образомъ перспективы для сбыта главнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній сопоставить съ тѣми массами товаровъ, какія будутъ выкидываться на рынокъ преобразующимся хозяйствомъ, охватывающимъ 20 милліоновъ производителей и 100—150 милліоновъ десятинъ земли. Лишь послѣ такого сопоставленія можно намѣтить сколько-нибудь опредѣленно общій планъ предстоящей реформы хозяйства и границы того, чего можно достигнуть сельско-хозяйственными средствами въ вопросѣ о поднятіи благосостоянія земледѣльческаго населенія страны.

VIII.

— А. Н. Анцыфоровъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ соціальной исторіи послѣднихъ двадцати лѣтъ слѣдуетъ считать развитіе сельской коопераціи, оказавшей огромную поддержку крестьянскому земледѣльческому производству. Въ то время, какъ передовыя партіи Западной Европы, считавшія, что онѣ борются за благо всѣхъ трудящихся, пѣли отходную мелкому земледѣлію и разглагольствовали о малоспособности индивидуалистическаго черепа крестьянина воспринять идею объединенія и сдѣлать ее орудіемъ преобразованія своего хозяйства, въ это время крестьяне Западной Европы быстро соединялись въ союзы и овладѣвали тѣми средствами культурнаго развитія, которыя составляли силу крупнаго производителя. „Кооперативная организація даетъ мелкому хозяину даже больше, — говоритъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія.—Она даетъ ему такія выгоды, которыми не можетъ пользоваться единичное крупное хозяйство“ (с. 503). Потому что, благодаря объему своихъ коммерческихъ и промышленныхъ операцій и громадности денежныхъ средствъ, объединенныя товарищества имѣютъ

возможность получать требуемые въ сельскомъ хозяйствѣ матеріалы по самымъ дешевымъ цѣнамъ, приглашать на свою службу наиболѣе свѣдущихъ техниковъ, примѣнять къ общественному производству самыя совершенныя приспособленія. Благодаря же пренебреженію барышами, кооперативныя кредитныя учрежденія доставляютъ своимъ кліентамъ болѣе дешевый кредитъ, чѣмъ тотъ, какимъ пользуются крупные землевладѣльцы въ частныхъ банкахъ. Вслѣдствіе такихъ преимуществъ кооперативной организаціи, уже теперь, когда кооперативное движеніе въ сельской средѣ находится еще, такъ сказать, въ юношескомъ возрастѣ, мелкіе крестьяне побиваютъ на рынкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. „Тамъ, гдѣ появляются кооперативныя молочныя, начинаетъ уменьшаться число предпринимательскихъ заведеній для переработки молока. Этотъ фактъ наблюдается повсюду въ Германіи и подтвержденъ статистикой страховыхъ учрежденій. Въ Даніи кооперація совершенно вытѣснили частное предпринимательство изъ этой области, а датчане-предприниматели должны ѣхать въ Сибирь, чтобы выработать тамъ прибыль на производствѣ молочныхъ продуктовъ“ (с. 504). Наибольшее развитіе сельская кооперація получила въ Даніи, Германіи и Швейцаріи. Въ Германіи, въ 1905 г., находилось въ дѣйствіи около 19½ тысячъ сельскихъ товариществъ съ 1,7 милл. членовъ, въ числѣ которыхъ 1,2 милл. были самостоятельными сельскими хозяевами. Кооперативная организація охватила, слѣдовательно, въ этой странѣ цѣлую половину самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Неудивительно, что эта страна послужила предметомъ изслѣдованій состоянія сельско-хозяйственной кооперацiи авторомъ сочиненія, указаннаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Менѣе развитія получила сельская кооперація во Франціи. Тѣмъ не менѣе и эта страна включена въ кругъ изслѣдованія А. Н. Анцыфорова. Авторъ находитъ поучительнымъ остановиться на этихъ двухъ странахъ потому, что одна изъ нихъ „по справедливости считается колыбелью современной сельско-хозяйственной кооперацiи“, и на примѣрѣ этой страны лучше всего можетъ быть изслѣдованъ кооперативный кредитъ, составляющій базисъ, „на которомъ построена вся остальная сельско-хозяйственная кооперативная дѣятельность“. Франція же представляетъ образецъ для изученія уклоненій отъ правильной кооперацiи, зависящихъ по преимуществу отъ обстоятельствъ, имѣющихъ временный характеръ.

Уклоненіе французской сельско-хозяйственной кооперацiи отъ правильнаго типа учрежденій этого рода заключается въ томъ, что кооперативныя учрежденія не представляются во Франціи вполнѣ самостоятельными, а находятся какъ бы въ рукахъ професcіональныхъ организацій (синдикатовъ), руководимыхъ крупными землевладѣльцами

и ведущихъ активную экономическую политику въ духѣ аграріевъ. Къ хозяйственнымъ кооперативнымъ предпріятіямъ эти организаціи относятся, какъ къ средству привлечь къ себѣ крестьянъ и пользоваться этимъ для того, чтобы говорить въ печати и парламентѣ отъ имени всего сельско-хозяйственнаго населенія страны. Французскіе синдикаты, которымъ естественно покровительствуетъ буржуазное правительство Франціи, пріобрѣли большое политическое вліяніе и диктуютъ парламенту аграрную и финансовую политику, отвѣчающую интересамъ крупныхъ собственниковъ, которые во многомъ совпадаютъ съ интересами мелкихъ земледѣльцевъ. По исчисленіямъ свѣдущихъ лицъ, неземледѣльческое населеніе Франціи уплачиваетъ ежегодно въ видѣ налога на потребленіе отъ 437 до 504 милліоновъ франковъ, которые „земледѣліе получаетъ въ формѣ косвенныхъ пособій". А поддержаніе одного только свекловичнаго и сахарнаго производства обошлось государственному казначейству въ теченіе 17-ти лѣтъ въ 800 милл. франковъ (стр. 274). Передъ каждымъ избирательнымъ періодомъ руководители синдикатовъ обращаются, при посредствѣ организованнаго ими учрежденія, къ кандидатамъ въ депутаты съ предложеніемъ дать отвѣтъ на вопросъ — принимаютъ ли они сообщаемую имъ аграрную программу, и съ предупрежденіемъ, что отказывающійся отъ нея „не получитъ ни одного голоса со стороны сельскаго населенія" (стр. 267). Такъ какъ французскіе крестьяне не имѣютъ на мѣстахъ иныхъ интеллигентныхъ руководителей, кромѣ сосѣдей-землевладѣльцевъ и солидарныхъ съ ними священниковъ, то высказанная угроза оказываетъ дѣйствіе и провинціальные депутаты являются въ палату съ обязательствомъ поддерживать требованія аграріевъ.

Книга г. Анцыфорова составлена на основаніи не только литературныхъ матеріаловъ, но и данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ отводитъ особенно много мѣста центральнымъ кооперативнымъ организаціямъ, объединяющимъ мѣстные союзы. И это не покажется удивительнымъ, если вспомнить, что въ Германіи, напр., объединены 95% товариществъ, и центральные союзы играютъ такую роль, что г. Анцыфоровъ считаетъ возможнымъ выводить изъ нихъ „всю силу товарищеской организаціи". „У кооперативнаго движенія—говоритъ онъ—есть много безсознательныхъ и сознательныхъ недруговъ, и необходимъ органъ, который былъ бы въ состояніи слѣдить за ихъ дѣятельностью и парировать ихъ иногда очень чувствительные удары" (стр. 97). Такими органами служатъ центральные союзы. Эти союзы заботятся, затѣмъ, объ усовершенствованіи организацій дѣйствующихъ кооперативовъ (составляютъ примѣрные ихъ уставы, инструкціи служащимъ въ кооперативныхъ учрежденіяхъ, открываютъ курсы для подготовки дѣятелей въ этихъ учрежденіяхъ,

удовлетворяютъ всевозможные запросы товариществъ) и о пропагандѣ кооперативной идеи въ смыслѣ территоріальнаго распространенія товариществъ и расширенія функцій послѣднихъ. Значеніе специально-хозяйственной дѣятельности центральныхъ кооперативныхъ учрежденій опредѣляется тѣмъ фактомъ, что хозяйственныя операціи товариществъ получаютъ, благодаря участію центральныхъ организацій, болѣе крупные размѣры; а вѣдь этимъ обстоятельствомъ опредѣляются въ современномъ обществѣ успѣхъ хозяйственныхъ предпріятій и выгоды участниковъ послѣднихъ.

Большое вниманіе г. Анцыфоровъ удѣляетъ въ своемъ трудѣ статистическому матеріалу, и путемъ разработки послѣдняго выясняетъ многія интересныя стороны кооперативнаго движенія. По понятнымъ причинамъ матеріалъ этотъ касается главнымъ образомъ финансовой стороны, и разсчетами автора всего полнѣе выясняется поэтому дѣятельность кредитныхъ коопераций. Изъ разсчетовъ другого рода очень интересны попытки автора, путемъ прямыхъ и косвенныхъ данныхъ, опредѣлить соціальный составъ кооперативныхъ учрежденій и связь послѣднихъ съ мелкимъ земледѣльческимъ производствомъ. Приводимыя авторомъ цифровыя данныя вызываютъ иногда, однако, недоумѣнія. Такъ, намъ кажется страннымъ, что молочныя товарищества Германіи, объединяющія лишь 11—12% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, даютъ тѣмъ не менѣе 40% производимаго въ странѣ масла.

А. Н. Анцыфоровъ разсмотрѣлъ въ своемъ сочиненіи дѣятельность кредитныхъ, закупочныхъ, молочныхъ, винодѣльныхъ коопераций и кооперативныхъ зернохранилищъ. Не можемъ не пожалѣть, что онъ не коснулся хотя бы вкратцѣ дѣятельности производительныхъ товариществъ иного рода, напр. винокуренныхъ заводовъ (числомъ больше сотни въ Германіи). Внѣ разсмотрѣнія автора остались также союзы для торговли яйцами, скотомъ и весьма многочисленныя въ Германіи товарищества для улучшенія скота ихъ членовъ. Несмотря на эту неполноту, трудъ г. Анцыфорова является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу экономическую литературу, разъясняющимъ многіе важные вопросы и кооперативнаго движенія самого по себѣ, и его связи съ общей экономической обстановкой.

IX.

— Проф. В. В. Есиповъ. Привислянскій край. Варшава. 1907. Ц. 50 к.

Изъ числа мѣстныхъ правительственныхъ статистическихъ учрежденій, варшавскій статистическій комитетъ, состоявшій въ завѣдываніи покойнаго проф. Симоненко, выдѣлялся многообразіемъ изслѣдованій о различныхъ сторонахъ, преимущественно объ экономиче-

скомъ состояніи польскаго края. Въ трудахъ этого комитета заключается, поэтому, масса хотя и не совсѣмъ точныхъ, но цѣнныхъ матеріаловъ для характеристики современнаго положенія Царства Польскаго; а въ виду интереса, пробужденнаго въ русскомъ обществѣ къ нашимъ окраинамъ, и потому что этому обществу, въ лицѣ его представителей, придется разрѣшать важные вопросы, касающіеся послѣднихъ, — было бы очень желательно, чтобы данныя, разбросанныя въ десяткахъ томовъ трудовъ варшавскаго комитета, были сведены и переработаны въ форму, удобную для общаго пользованія. Можно было полагать, что такой именно цѣлью задался авторъ произведенія, составляющаго предметъ настоящей замѣтки, перу котораго принадлежатъ многія статьи въ трудахъ варшавскаго статистическаго комитета послѣднихъ двухъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, огромный статистическій матеріалъ этихъ трудовъ авторомъ почти не использованъ, а данныя о многихъ важныхъ явленіяхъ затемнены и искажены въ видахъ доказательства благодѣтельности для польскаго края политики русскаго правительства. „Общій ростъ матеріальной и духовной культуры въ Царствѣ Польскомъ — ростъ населенія, ростъ городовъ, колоссальное развитіе фабрично-заводской промышленности и сельскаго хозяйства, развитіе школьнаго дѣла и грамотности—объясняется *только* исключительными и особенными заботами нашего государства о населеніи его окраинъ“—такъ резюмируетъ г. Есиповъ (стр. 61) основную идею своего труда, изданнаго имъ не только на русскомъ, но, въ поученіе иностранцевъ, и на французскомъ языкѣ. Для оправданія этой идеи авторъ подчеркиваетъ и преувеличиваетъ свѣтлыя стороны польскаго быта, затемняетъ темныя его стороны и не брезгаетъ въ пользованіи завѣдомо невѣрными свѣдѣніями. Чтобы не быть голословнымъ—укажу два примѣра.

Никто не сомнѣвается въ благодѣтельномъ значеніи для крестьянъ Царства Польскаго аграрныхъ реформъ 1864—66 гг., когда два милліона душъ крестьянъ, пользовавшихся землею на правахъ барщинныхъ и чиншевыхъ, были обращены въ собственниковъ, а больше милліона безземельныхъ получили, хотя и небольшіе, участки земли. Но такое значеніе реформы не помѣшало образованію новыхъ кадровъ безземельнаго населенія, и покойный редакторъ „Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета“, проф. Симоненко, изслѣдовавшій данный вопросъ, считалъ это очень печальной страницей новѣйшей польской исторіи. Исторія этой категоріи сельскаго населенія можетъ быть резюмирована слѣдующими немногими цифрами. Передъ крестьянской реформой безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ числилось 1,3 милліона душъ. Реформа постепенно низвела это число до 200 тыс.; но естественная эволюція частнаго крестьянскаго земле-

владѣнія создавала новые кадры безземельныхъ, и къ 1901 г. общее число послѣднихъ, проживавшее въ деревняхъ, достигло 1.250 тыс. душъ. Въ настоящее время число безземельныхъ поселянъ Царства Польскаго, вѣроятно, превзошло массу ихъ наканунѣ реформы. Какъ росли кадры безземельныхъ въ новѣйшее время—можно видѣть изъ того, что въ 1891 г. безземельные составляли $12^1/_2\%$ сельскихъ жителей, а въ 1901 г.—уже 15%. Таково дѣйствительное и, какъ видитъ читатель, мало утѣшительное состояніе вопроса о безземельномъ сельскомъ населеніи Царства Польскаго. Теперь посмотрите, какъ рисуется этотъ вопросъ въ изложеніи г. Есипова. Не приводя данныхъ о числѣ безземельныхъ поселянъ въ различные моменты новѣйшей польской исторіи и лишивъ этимъ читателя возможности критически отнестись къ его заключеніямъ, авторъ слѣдующими словами резюмируетъ движеніе категоріи безземельнаго населенія, обрисованное нами выше тремя-четырьмя цифрами. „Съ дальнѣйшимъ проведеніемъ въ жизнь указовъ 1864 г. количество безземельнаго сельскаго населенія постепенно сокращалось, и если безземельные *не исчезли вовсе*, то во всякомъ случаѣ относительныя цифры ихъ значительно понизились. Это *въ особенности* стало замѣтно въ послѣдніе годы XIX-го и въ первые годы XX-го столѣтія“ (стр. 25). Между тѣмъ, въ эти годы относительное число безземельныхъ именно возвысилось, а не понизилось.

Еще свободнѣе проф. Есиповъ обращается съ цифрами въ вопросѣ о положеніи народнаго образованія. Указавъ, что грамотность въ губерніяхъ Царства Польскаго стоитъ выше, нежели въ остальной Россіи, авторъ прибавляетъ: „Все вышеизложенное, конечно, свидѣтельствуетъ о благопріятномъ ростѣ и развитіи дѣла народнаго просвѣщенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго, благодаря особеннымъ заботамъ по этому вопросу нашего правительства и тому обилію среднихъ и низшихъ школъ, какого не встрѣчается въ другихъ губерніяхъ имперіи. Эти заботы по школьному дѣлу проявляются самымъ нагляднымъ образомъ въ суммѣ государственныхъ расходовъ на дѣло народнаго образованія, которая отпускается на привислянскій край нашимъ правительствомъ; причемъ и въ этомъ отношеніи край этотъ оказывается въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ многія другія губерніи“ (стр. 41). Хотя въ книжкѣ г. Есипова имѣются свѣдѣнія о правительственныхъ затратахъ на народное образованіе въ 1905 г., и онъ могъ бы самостоятельно исчислить, какую сумму составляетъ этотъ расходъ по разсчету на голову населенія, причемъ оказалось бы, что при 11,3 милл. жителей Царства Польскаго расходъ министерства народнаго просвѣщенія, въ суммѣ 2.463 тыс. руб., составляетъ менѣе 22 коп. на одного жителя; но г. Есиповъ пред-

почитаетъ повторять цифру, относящуюся къ 1893 г., заимствованную изъ таблицы № 67-й сочиненія г. Яснопольскаго „О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи", потому что эта цифра — 57 коп. на человѣка — много выше дѣйствительной. Мы не знаемъ, какимъ образомъ получена г. Яснопольскимъ послѣдняя цифра и не представляется ли она опечаткой. Но если бы г. Есиповъ интересовался существомъ дѣла и заимствовалъ изъ „послѣдней таблицы" цитируемаго имъ источника абсолютную сумму расходовъ министерства народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ въ 1893 г. въ 2.287 тыс. руб., и раздѣлилъ эту сумму на 8.150 тыс. жителей того времени, то оказалось бы, что это вѣдомство расходовало въ 1893 г., въ среднемъ, 28 коп., а не 57 коп. на одного жителя, и что за истекшія съ того времени 12 лѣтъ расходы министерства народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ абсолютно возрасли менѣе, чѣмъ на 200 тыс. руб., а по разсчету на одного жителя уменьшились, какъ мы видѣли, до 22 коп., т.-е. на $^{1}/_{5}$.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для характеристики разбираемаго нами труда г. Есипова, который, впрочемъ, и независимо отъ пріемовъ трактованія предмета представляется мало содержательнымъ и мало, поэтому, интереснымъ. — В. В.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Анцыфоровъ, А. Н. — Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Ворон., 907. Ц. 1 р. 75 к.

Бальмонтъ, К. Д.—Жаръ-Птица—Свирѣль Славянина. М. 907. Ц. 2 р.

Бердяевъ, Н. — Новое религіозное сознаніе и общественность. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Берманъ, М.—Открытіе Татаринова. Паскаль: гидростатическій законъ. 20 рис. и чертежей. Спб. 908. Ц. 80 к.

Велиховъ, Б. — Теорія и практика пропорціональнаго представительства. Спб. 907. Ц. 1 р.

Вермишевъ, Ив.—Созидательный соціализмъ. Опытъ проекта и смѣты соціалистической колоніи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Верхэрнъ, Эмиль. — Обезумѣвшія деревни. Стихотворенія въ переводѣ Н. Васильева. Въ пользу голодающихъ крестьянъ Поволжскихъ губерній. Казань. 907. Ц. (?).

Винаверъ, М.—Конфликты въ первой Думѣ. Спб. 907. Ц. 60 к.

Вишневскій, врачъ С. М.—Какъ намъ жить, чтобъ здоровымъ быть. Полный курсъ популярной гигиены и краткій курсъ анатоміи и физіологіи человѣка, приспособленный для среднихъ учебныхъ заведеній и пр. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-ое. Спб. 907. Ц. 1 р.

Гагенъ, В. А.—Право бѣднаго на призрѣніе. Т. I: Исторія и современное

положеніе законодательства объ обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Спб. 907. Ц. 3 р.

Гарнакъ, Ад.—Сущность христіанства. 16 лекцій. Съ нѣм. Л. М. Спб. 907. Ц. 1 р.

Гершензонъ, М.—П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Герье, В.—Вторая Государственная Дума. М. 907. Ц. 1 р. 30 к.

Голиковъ, Влад. — Кровь и слезы—Торжество смерти и зла—Маленькія поэмы. Спб. 907. Ц. 75 к.

Гофманстааль, Гуго фонъ.—Электра. Траг. въ 1-мъ д. въ стихахъ. Перев. О. Н. Чюминой. Спб. 907. Ц. 30 к.

Диканскій, М. Г.—Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія. Съ 138 рис. въ текстѣ. 908. Ц. 2 р.

Дриль, Дм.—Этюды по педагогической психологіи. Вып. 1. Роль чувства въ жизни души. Спб. 907. Ц. 75 к.

Задѣра, Г. П.—Право фельдшеровъ и фельдшерицъ на высшее медицинское образованіе. Спб. 907.

Замуравкинъ, д-ръ К. И.—Туберкулезъ яичка и придатка. Спб. 907.

Ивановскій, В. В. — Учебникъ административнаго права. Политическое право. Право внутренняго управленія. 2-ое изд. Каз. 907. Ц. 3 р.

Ивановъ, И. Е.—Очерки походно-боевой жизни во время боксерскаго возстанія въ 1900 г. Съ 12 рис. М. 907. Ц. 85 к.

——— Впечатлѣнія изъ военно-походной жизни за время оккупаціи Манчжуріи въ 1900—1903 г.г. Съ 16 рис. Спб. 907.

Ивановъ-Разумникъ.—Что такое „махаевщина"? Къ вопросу объ интеллигенціи. 908. Ц. 50 к.

——— Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX-го вѣка. Тт. I и II. Спб. 908. Ц. 3 р.

Карцовъ, Н. С.—Записки по педагогической психологіи. Для родителей и учащихся, начинающихъ заниматься вопросами воспитанія. Съ приложеніемъ общихъ основъ дошкольнаго обученія. Спб. 907. Ц. 70 к.

Карѣевъ, Н. — Введеніе въ изученіе соціологіи. Изд. 3-ье. Спб. 907. Ц. 1 р. 75 к.

Карaскевичъ, С. (Ющенко).—Повѣсти и разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Корчемный, Вен.—Разсказы: 1. Лунная соната. 2. Записки стараго художника. Спб. 907. Ц. 1 р.

Костомарова, Александра.—Стихотворенія. Спб. 907. Ц. 1 р.

Лялина, М. А.—Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Маклаковъ, В. А., и *Пергаментъ*, О. Я.—Наказъ Государственной Думы (по работамъ второй Госуд. Думы), съ объясненіями. Спб. 907. (Изданіе неоффиціальное). Ц. 1 р.

Мастрюковъ, А. — Мы живемъ въ атомѣ. Философскій этюдъ. М. 907. Ц. 10 к.

Мѣшаевъ, В.—Охрана здоровья. Справочный указатель музея гигіены и са тарной техники. 2-е изданіе. М. 907. Ц. 60 к.

Нечаевъ, проф. А. В.—Сѣрносоляные ключи близъ Богоявленскаго завода. Сп 907. Ц. 1 р.

Петражицкій, проф. Л. Г.—Теорія права и государства, въ связи съ теор нравственности. Т. I. Спб. 907. Ц. 2 р.

Поліевктовъ, М. — Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ ништадтскаго мира (1721—1725). Спб. 907. Ц. 2 р.

Прожанскій, Н. А.—Къ фармакологіи спермина-Пеля. Спб. 907.

Пыпинъ, А. Н.—Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 4-ое. Спб. 908. Ц. 3 р.

Русановъ, Н. С.—Соціалисты Запада и Россіи: Фурье, Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Жюль Валлэсъ, В. Моррисъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Скворцовъ, И. В.—Русская исторія для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Слобожанинъ, М.—На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Сотенъ, О. фонъ.—Какъ вели войну Наполеонъ и Мольтке. Популярные очерки изъ военной исторіи XIX вѣка. Съ нѣм. Изд. С. Е. Коренева и К°. Спб. 907. Ц. 1 р.

Соузгетъ-Шэлеръ, Н.—Гражданинъ и его отношеніе къ государству. Книги, написанныя американцемъ, чтобъ побудить своихъ согражданъ внимательнѣе относиться къ своему участію въ дѣлахъ государства. Вып. I. Съ англ., п. р. В. В. Лермантова. Нарва. 907. Ц. 75 к.

Тарасевичъ, Л. А.—О голоданіи. Рѣчь, произнесенная во второмъ общемъ собраніи X-го Пироговскаго съѣзда въ Кіевѣ. 907. Ц. 20 к.

Толстой, гр. А. К.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого, т. IV. Изданіе 11-ое. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Тормазовъ, С.—Генезисъ смѣха и рѣчи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Туганъ-Барановскій, М. — Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I: Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. 3-ье изд. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Тумановъ, Г. М.—Характеристики и воспоминанія. Кн. 3. Тифл. 908. Ц. 50 к.

Уайльдъ, Оскаръ. — Флорентинская трагедія въ одномъ дѣйствіи. Перев. М. Ликіардипуло и А. Курсинскаго. М. 907.

Успенскій, М. М. — Обществовѣдѣніе въ начальной школѣ. Спб. 908. Ц. 10 к.

Фоминъ, А.—Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ библіографическаго указателя. Спб. 907. Ц. 50 к.

Фортунатовъ, А.—О статистикѣ. Учебное пособіе. М. 907. Ц. 30 к.

Франсъ, Анатоль. — Преступленіе Сильвестра Боннара. Съ франц. Ю. Бромлэй. М. 907. Ц. 1 р.

Хольцевъ, Л. С.—Современная Америка. Историко-географическій, политическій и экономическо-статистическій очеркъ С.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ. Съ картою и діаграммою въ текстѣ. Американскій Ежегодникъ. Годъ I. Нью-Іоркъ. 907. Ц. 3 р.

Цитовичъ, Н. М.—Принудительное отчужденіе и аграрный вопросъ. Кіевъ. 907.

Цыпировичъ, Г.—За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Чичерина, С.—У приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки. Спб. 906. Ц. 2 р.

——— О приволжскихъ инородцахъ и современное значеніе системы Н. И. Ильминскаго. Спб. 906.

ь началось дѣло просвѣщенія восточныхъ инородцевъ. Спб.

—Вольтеръ и его время. Лекціи по исторіи французской литеѣка, читанныя въ московскомъ университетѣ. Съ портретомъ ю. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

ксандръ.—Разсказы. Т. I. М. 907. Ц. 1 р.

л-ръ, проф. А.—Эрнстъ Геккель передъ судомъ логики. Отвѣтъ автору: „Міровыя Загадки". Харьковъ. 907. Ц. 25 к.

Шоръ, А. С. — Основныя проблемы теоріи политической экономіи. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. — Геометрія въ задачахъ. Книга для учителей: а) начальныхъ школъ съ продолжительнымъ курсомъ; б) низшихъ и среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; в) профессіональныхъ школъ и курсовъ и т. п. 400 политипажей въ текстѣ. М. 908. Ц. 2 р.

Эліассонъ, Л. С., присяжный повѣренный.—Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ области фабрично-заводской промышленности, съ изданными въ развитіе ихъ правилами и постановленіями и съ разъясненіями по законодательнымъ мотивамъ и по даннымъ судебной и адстративной практики. Спб. 908. Ц. 3 р.

ритье, Луи.—Исторія французской революціи 1848 года и второй рес-ки. Перев. п. р. и съ предисловіемъ П. П. Румянцева. Съ иллюстраціями. 907. Ц. 1 р. 80 к.

едоровъ, А.—Разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

- Przyjaciołom W. Spasowicza. We Lwowie. 907.

- Въ Катковскомъ музеѣ. Записки стараго пансіонера (1875—1882 гг.). I. М. 907. Ц. 65 к.

- Вопросы теоріи и психологіи творчества. Пособіе при изученіи теоріи сности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Статьи: Е. Аничч-А. Горнфельда; Д. Овсянико-Куликовскаго; В. Харціева и Д. Лезина. с. 907. Ц. 2 р. 50 к.

- Доклады Бюджетной Коммиссіи Второй Государственной Думы, нерасѣнные Думой вслѣдствіе ея роспуска. Изд. п. р. М. П. Федорова. Спб. Ц. 2 р. 25 к.

- Записки Отдѣленія Русской и Славянской археологіи Имп. Русск. Археоескаго общества. Т. VII, вып. 2. П. р. С. Ѳ. Платонова. Спб. 907. р.

- Записки Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археолог. Общ. п. р. а В. Розена. Т. XVII, вып. IX (послѣдній). Спб. 907.

- Каталогъ книгъ, одобренныхъ для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ корь. Составл. редакціей „Педагогическаго Сборника". Спб. 907.

- Московскій Некрополь. Т. I: А.—I. Изданіе Великаго Князя Николая иловича. Спб. 907.

- Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка за 1905 годъ. цатый отчетный годъ. Спб. 907.

—— по ликвидаціи Саратовско-Симбирскаго Земельнаго Банка за 1905 Спб. 907.

—— Особаго Отдѣла Дворянскаго Земельнаго Банка за 1905 годъ. 907.

— Отчетъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка за 1905 годъ. (23-й отчетный годъ). Спб. 907.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковской Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1906 годъ. Харьк. 907.

— Отчетъ Харьковскаго Комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива, руды, флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозаводскаго раіона Россіи за 1906 г. Харьк. 907.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Тт. XXIII и XXIV. Спб. и Юрьевъ. 907—906. Ц. по 3 р.

— Сборникъ педагогическихъ статей въ честь редактора журнала „Педагогическій Вѣстникъ", А. Н. Острогорскаго, по случаю 25-лѣтія его педагогической дѣятельности, п. р. П. В. Петрова. Спб. 907.

— Современныя конституціи. Сборникъ дѣйствующихъ конституціонныхъ актовъ. Т. II. Федераціи и республика. Переводъ п. р. и съ вступит. очерками В. М. Гессена и бар. Б. Э. Нольде. Спб. 907. Ц. 3 р.

— Труды по лѣсному опытному дѣлу въ Россіи. Отчетъ за 1906 годъ. Выпускъ I: А. Хитрово, Травяной покровъ лѣсосѣкъ въ Тульскихъ засѣкахъ. Вып. II: Г. Высоцкій, По степнымъ лѣсничествамъ и т. д. Вып. III: А. Тольскій, Матеріалы по изученію строенія корней сосны. Спб. 907.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1906 годъ. Годъ XI. Уфа. 907. Ц. 2 р.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1907 г.

Нѣкоторыя особенности внутренняго политическаго положенія Германіи.—Процессъ Либкнехта и германское правосудіе. — Вопросъ о борьбѣ съ милитаризмомъ предъ имперскимъ судомъ въ Лейпцигѣ. — Придворно-военная камарилья. — Дѣло графа Мольтке съ Максимиліаномъ Гарденомъ.—Конецъ Гаагской конференціи.

Въ Германіи и особенно въ Пруссіи замѣчается какой-то странный политическій застой, несмотря на широкое и свободное развитіе общественныхъ силъ, при высокомъ уровнѣ культуры, промышленности, науки и журналистики. Въ имперскомъ сеймѣ, какъ и въ прусской палатѣ депутатовъ, господствуютъ консервативныя и реакціонныя партіи; привилегированное дворянство, крупные землевладѣльцы и военный классъ заправляютъ государственными дѣлами и даютъ тонъ всей внутренней политикѣ. Правительство князя Бюлова упорно отрекается отъ всякихъ крупныхъ реформъ, соціальныхъ или политическихъ; оно попрежнему видитъ свою главную задачу въ охранѣ интересовъ аграріевъ и въ борьбѣ съ соціалъ-демократіею. Либеральная оппозиція остается вполнѣ пассивною и бездѣятельною; она смиренно ждетъ доброжелательнаго поворота въ настроеніи правящихъ сферъ и не предпринимаетъ ни одного серьезнаго шага для самостоятельнаго практическаго осуществленія своихъ идей. Различныя оппозиціонныя группы заняты болѣе взаимными счетами и пререканіями, чѣмъ обсужденіемъ мѣръ для успѣшнаго противодѣйствія консервативному большинству. Соціалъ-демократическая партія, погруженная въ свою сектантскую обособленность, заботливо отмежевывается отъ либеральной буржуазіи и усердно направляетъ противъ нея свои стрѣлы, вмѣсто того, чтобы за-одно съ нею бороться противъ представителей реакціи. Отсутствіе единства въ лагерѣ оппозиціи обрекаетъ ее на безсиліе, и правительство избавлено отъ необходимости идти навстрѣчу требованіямъ и ожиданіямъ прогрессистовъ. Устарѣлый и явно несправедливый избирательный законъ, изданный въ половинѣ прошлаго столѣтія, до сихъ поръ еще сохраняетъ силу въ Пруссіи, и нѣтъ надежды на скорое его измѣненіе; реакціонная пресса находитъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ владычество крупныхъ плательщиковъ податей въ народномъ представительствѣ, и не разъ поднимался даже вопросъ о томъ, чтобы всеобщее избирательное право было отмѣнено и въ имперіи. Либералы разсчитывали на нѣкоторыя добровольныя

уступки со стороны правительства въ награду за свое выдающееся участіе въ пораженіи соціалъ-демократіи на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ; но взамѣнъ ожидаемой благодарности они получили отъ канцлера ироническій совѣтъ—примкнуть къ консерваторамъ и образовать съ ними парламентскій „блокъ" въ видѣ противовѣса католическому центру. Удивительнѣе всего, что эта мысль о либерально-консервативномъ блокѣ серьезно обсуждалась и обсуждается въ либеральной печати, какъ нѣчто логически-допустимое и правдоподобное. Можно ли придумать болѣе наглядное доказательство политическаго оскудѣнія и упадка оппозиціи?

Послѣдствія этого жалкаго состоянія нѣмецкихъ либеральныхъ партій даютъ себя чувствовать и въ такой области, которая до новѣйшаго времени считалась гарантированною отъ разлагающаго вліянія нездоровой политической атмосферы. Правосудіе всегда стояло высоко въ Германіи; оно пользовалось дѣйствительною независимостью и не подчинялось соображеніямъ политической угодливости или партійности. Недавній процессъ Карла Либкнехта, разбиравшійся въ имперскомъ судѣ въ Лейпцигѣ, указываетъ на какую-то перемѣну въ этомъ отношеніи. Адвокатъ Либкнехтъ, извѣстный соціалъ-демократъ, сынъ одного изъ вождей соціалъ-демократической партіи, покойнаго Вильгельма Либкнехта, напечаталъ книжку о „милитаризмѣ и антимилитаризмѣ", въ которой изложилъ свои взгляды на всеобщую воинскую повинность и ея значеніе для рабочаго класса. Милитаризмъ разсматривается имъ какъ важнѣйшее орудіе господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, и устраненіе этого зла является настоятельною необходимостью для рабочихъ. Либкнехтъ предлагаетъ бороться противъ милитаризма исключительно законными средствами, не только въ печати и въ парламентѣ, но и при помощи спеціальной агитаціи, въ которой видная роль принадлежала бы вновь организованному „союзу рабочей молодежи"; эта пропаганда должна входить, какъ составная часть, въ общую классовую борьбу пролетаріата. Идеи военной забастовки и дезертирства, проповѣдуемыя французомъ Гервè, рѣшительно отвергаются авторомъ. Съ этой точки зрѣнія онъ разбираетъ способы легальныхъ выступленій противъ „внутренняго милитаризма", въ случаяхъ употребленія арміи противъ стачекъ рабочихъ и противъ освободительныхъ стремленій народа; затѣмъ говорится о „внѣшнемъ милитаризмѣ", создающемъ опасность войны между двумя культурными націями. Либкнехтъ допускаетъ, въ видѣ примѣра, германское вмѣшательство для подавленія русской революціи и останавливается подробно на гипотезѣ „возможной въ недалекомъ будущемъ войны между Германіею и Франціею, причемъ ставитъ цѣлью антимилитаристской пропаганды предупрежденіе подобной войны пр

ственнымъ вліяніемъ пролетаріата. Въ книжкѣ усмотрѣны были признаки „приготовленія къ государственной измѣнѣ“ или къ „опредѣленной попыткѣ насильственно ниспровергнуть существующій государственный строй“; книжка была арестована по распоряженію главнаго имперскаго адвоката, д-ра Ольсгаузена, и авторъ преданъ суду высшаго имперскаго суда, имѣющаго свою резиденцію въ Лейпцигѣ.

Въ прежнее время никому не приходило въ голову преслѣдовать судебнымъ порядкомъ писателей и журналистовъ, осуждавшихъ милитаризмъ или требовавшихъ замѣны постоянной арміи народною милиціею; на эту тему печаталось очень много статей и сочиненій, не менѣе рѣзкихъ, чѣмъ книга Либкнехта. Нападки на всю нынѣшнюю военную организацію, опредѣляемую понятіемъ милитаризма, свободно повторялись въ печати всѣхъ странъ и входили въ программы всѣхъ прогрессивныхъ и радикальныхъ партій; въ конституціонныхъ государствахъ признается вообще несомнѣннымъ право каждаго обывателя предлагать какія угодно реформы и подготовлять къ нимъ общественное мнѣніе, за которымъ остается послѣднее слово въ моментъ парламентскихъ выборовъ. Только прямыя воззванія къ насильственному нарушенію законовъ, какъ напр. къ военной забастовкѣ или къ дезертирству, подпадаютъ подъ дѣйствіе уголовныхъ каръ, и въ этомъ смыслѣ нельзя ничего сказать противъ тѣхъ судебныхъ процессовъ, которымъ подвергались проповѣдники антимилитаризма во Франціи. Въ данномъ же случаѣ дѣло идетъ о теоретическихъ разсужденіяхъ, хотя и направленныхъ къ извѣстной практической цѣли, но исключающихъ самую мысль о какихъ-либо противозаконныхъ или насильственныхъ дѣйствіяхъ; со стороны прокурорской власти требовался цѣлый рядъ искусственныхъ толкованій и натяжекъ, чтобы извлечь изъ книги Либкнехта матеріалъ для обвиненія его въ государственной измѣнѣ. Для правительства было очень важно положить конецъ пропагандѣ, подрывавшей вѣру въ прочность и необходимость существующаго военнаго строя, и судебное вѣдомство согласилось на этотъ разъ взять на себя роль, несовмѣстимую съ задачами истиннаго правосудія.

Этотъ печальный выводъ неизбѣжно вытекаетъ изъ всего хода двухдневнаго судебнаго разбирательства по дѣлу Либкнехта. Процессъ имѣлъ съ самаго начала откровенно-тенденціозный или партійно-политическій характеръ: судъ, вслѣдъ за обвинителемъ, основывался не только на томъ, что напечатано въ книгѣ, но и на томъ, чт въ ней будто бы не договорено или скрыто. Въ одномъ мѣстѣ ск ано, что возникновеніе войны съ Франціею было бы неудобнымъ мо ентомъ для проведенія принциповъ антимилитаризма, а прокуроръ на елъ, что слово „неудобный“ поставлено, вѣроятно, по ошибкѣ, вм то „удобный“; это поразительное толкованіе, предполагающее

опечатку тамъ, гдѣ ея нѣтъ и гдѣ авторъ ее положительно отрицаетъ, было молчаливо допущено и одобрено имперскимъ судомъ, вопреки самымъ элементарнымъ правиламъ юридической интерпретаціи. Обвиненіе противъ Либкнехта построено на своеобразномъ и совершенно произвольномъ истолкованіи словъ: „пропаганда" и „агитація", которыя непремѣнно означаютъ будто бы проповѣдь насилія. Либкнехтъ, какъ сказано въ постановленіи о преданіи его суду, подготовилъ изданіемъ своей книжки „измѣнническое предпріятіе—насильственное измѣненіе конституціи германской имперіи, именно устраненіе постояннаго войска посредствомъ военной стачки, въ связи съ подготовкою арміи для революціи, при помощи организованной, распространяющейся на всю имперію пропаганды подъ руководствомъ и контролемъ особой центральной коммиссіи, съ участіемъ кружковъ соціалъ-демократической молодежи, съ цѣлью разложенія и подрыва военнаго духа, послѣдствіемъ чего, въ случаѣ возникновенія непопулярной войны, была бы военная забастовка, связанная съ возможнымъ привлеченіемъ войскъ на сторону революціи; такимъ образомъ онъ не только указалъ средства и способы, могущіе привести къ осуществленію означеннаго измѣнническаго предпріятія, но требовалъ также скорѣйшаго примѣненія этихъ средствъ". Другими словами, подсудимый имѣлъ въ виду способствовать „разложенію и подрыву военнаго духа" путемъ пропаганды своихъ идей, и хотя онъ формально отвергаетъ военную забастовку, но послѣдняя могла бы оказаться неизбѣжнымъ практическимъ результатомъ успѣшнаго распространенія его взглядовъ; слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ бы дѣйствительно совершиться фактъ государственной измѣны подъ вліяніемъ книжки Либкнехта, и авторъ подлежитъ отвѣтственности за возможныя въ будущемъ преступленія своихъ читателей. Съ такой точки зрѣнія можно бы объявить преступными и подлежащими уголовной репрессіи всякія вообще оппозиціонныя и реформаторскія идеи, ибо изъ этихъ идей могутъ быть сдѣланы кѣмъ-либо выводы о необходимости дѣйствій, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ кодексомъ.

Суровое выступленіе судебной власти противъ Либкнехта значительно облегчалось тѣмъ, что онъ является почти единственнымъ представителемъ теоріи активнаго антимилитаризма и что въ этомъ вопросѣ онъ радикально расходится съ большинствомъ своей партіи; онъ неоднократно вносилъ на разсмотрѣніе соціалъ-демократическихъ партійныхъ съѣздовъ свои проекты объ устройствѣ агитаціонной коммиссіи для борьбы противъ милитаризма и настойчиво поддерживалъ эту мысль въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, но неизмѣнно встрѣчалъ рѣшительный отпоръ со стороны наиболѣе вліятельныхъ коллегъ, особенно Бебеля и Фолльмара. Проекты отклонялись и иногда

довольно рѣзко, именно потому, что въ нихъ видѣли опасность постоянныхъ столкновеній съ государственною властью; и если противъ автора антимилитарныхъ проектовъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, то этимъ не затронута вліятельная и популярная въ народѣ соціалъ-демократическая партія, а между тѣмъ въ лицѣ Либкнехта будетъ данъ чувствительный урокъ всѣмъ возможнымъ его сторонникамъ и единомышленникамъ. Такъ разсуждали, повидимому, иниціаторы дѣла, и этимъ руководствовался имперскій судъ въ своемъ обвинительномъ приговорѣ. При допросѣ подсудимаго, президентъ имперскаго суда, д-ръ Треплинъ, старался выяснить содержаніе рѣчей, произнесенныхъ Либкнехтомъ на съѣздѣ въ Мангеймѣ и на происходившей тамъ же конференціи юныхъ рабочихъ; для всѣхъ было ясно, что авторъ судится не за опредѣленный проступокъ, совершенный изданіемъ его книги, а за цѣлое направленіе его мыслей, которое могло современемъ привлечь сочувствіе рабочихъ массъ.

По настоянію Либкнехта и его защитниковъ, вся книжка была цѣликомъ прочитана на судѣ; чтеніе продолжалось пять часовъ. Оказалось, что отдѣльныя „преступныя“ мѣста книги приведены въ обвинительномъ актѣ въ извращенномъ видѣ: содержаніе ихъ излагается отчасти своими словами, причемъ автору приписано то, чего онъ вовсе не говорилъ; если въ книгѣ сказано, напр., о возможной въ будущемъ войнѣ съ Франціею, то въ обвинительномъ актѣ говорится, что „уже теперь, въ случаѣ войны съ Франціею и т. д.“ По поводу указаній Либкнехта на эту очевидную „некорректность“ въ цитатахъ, главный имперскій адвокатъ или, по нашему, прокуроръ гордо заявилъ, что онъ не беретъ назадъ ни одного слова изъ написаннаго имъ въ обвинительномъ актѣ. Президентъ имперскаго суда нѣсколько разъ мѣнялъ формулировку обвиненія, чтобы остаться на почвѣ дѣйствительнаго содержанія книги; многочисленные вопросы, которые онъ предлагалъ подсудимому, наглядно доказывали, что дѣло идетъ о чисто-теоретическомъ спорѣ, а не о какихъ-либо дѣйствіяхъ, представляющихъ собою приготовленіе къ государственной измѣнѣ. Либкнехту ставилось въ вину, что онъ желалъ „измѣнить существенную основу конституціи, а именно постановленія, въ силу которыхъ императору принадлежитъ исключительное право объявлять войну и безусловное верховное командованіе арміею“, а также отмѣнить прусскій законъ объ осадномъ положеніи при внутреннихъ безпорядкахъ; далѣе, онъ требовалъ для народа права рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ“,— т.-е. предметомъ обвиненія дѣлалось все то, что издавна содержится въ общей программѣ германской соціалъ-демократической партіи. Никакой законъ не возбраняетъ желать или даже требовать измѣненія существующихъ законовъ, хотя бы и конституціонныхъ; нужно только,

чтобы эти желанія и требованія высказывались въ легальной и корректной формѣ. О томъ, что Либкнехтъ нарушилъ какіе-либо законы въ этомъ отношеніи, не было и рѣчи во все время процесса; категорическое заявленіе его о необходимости держаться строго законной почвы ничѣмъ не было опровергнуто, и нельзя было указать въ его книгѣ ни одной фразы, которая противорѣчила бы этому заявленію. Либкнехтъ просилъ по крайней мѣрѣ въ точности опредѣлить, что̀ именно въ его книжкѣ принято за доказательство государственной измѣны; главный имперскій адвокатъ заявилъ, что вся книжка послужила матеріаломъ для обвиненія, и съ этимъ заключеніемъ согласился и судъ.

Допрошенный въ качествѣ единственнаго свидѣтеля, депутатъ Бебель объяснилъ, что взгляды Либкнехта не имѣютъ ничего общаго съ активнымъ антимилитаризмомъ Гервé, что оба они жестоко спорили между собою на международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Штутгартѣ, что онъ, Бебель, возставалъ противъ идей Либкнехта не только по соображеніямъ тактики, но и по существу, такъ какъ считалъ ошибочнымъ выдѣленіе милитаризма изъ всего существующаго государственнаго и экономическаго строя, съ которымъ должна бороться соціалъ-демократія; притомъ онъ имѣлъ въ виду, что весьма вліятельныя сферы охотно воспользовались бы такою спеціальною антимилитарною агитаціею для оправданія новыхъ усиленныхъ карательныхъ мѣръ и исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократической партіи. На вопросы защиты о предположеніяхъ, приписанныхъ Либкнехту обвинительною властью, Бебель отвѣчалъ, что еслибы кто-нибудь изъ соціалъ-демократовъ въ самомъ дѣлѣ высказывалъ такія предположенія, то его слѣдовало бы исключить изъ партіи или упрятать въ домъ умалишенныхъ. Ни объ измѣнническихъ замыслахъ на случай войны съ Франціею, ни о попыткахъ ограничить право верховнаго командованія императора Бебель никогда ничего не слыхалъ въ средѣ своей партіи; а то, что̀ Либкнехтъ предвидитъ въ будущемъ, несомнѣнно вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ партійной программы.

Въ заключеніе, послѣ дальнѣйшихъ принципіальныхъ вопросовъ, обращенныхъ президентомъ суда къ подсудимому, защита предложила прочесть два тезиса изъ знаменитаго трактата Канта о „вѣчномъ мирѣ“; главный имперскій адвокатъ протестовалъ противъ ссылки на „научную книгу, изданную сто лѣтъ тому назадъ“, но судъ допустилъ прочтеніе афоризмовъ, которые въ самомъ дѣлѣ лучше всякой защитительной рѣчи оправдывали подсудимаго. Вотъ что̀ писалъ Кантъ въ книжкѣ, изданной въ 1795 году: „Постоянныя войска должны со временемъ совершенно прекратить свое существованіе, ибо они и-

прерывно угрожаютъ войною другимъ государствамъ вслѣдствіе своей готовности всегда являться вооруженными для военныхъ дѣйствій; побуждаютъ народы стремиться превзойти другъ друга въ количествѣ вооруженныхъ, которому нѣтъ границъ, и такъ какъ, благодаря употребляемымъ на это расходамъ, миръ становится наконецъ болѣе обременительнымъ и тяжелымъ, чѣмъ непродолжительная война, то они сами служатъ причиною наступательныхъ войнъ. Ни одно государство не должно насильственно вмѣшиваться въ устройство и управленіе другого государства". Однако, никто не привлекалъ Канта къ суду за его отрицательное отношеніе къ постоянной арміи. Этотъ доводъ, конечно, не убѣдилъ обвинителя, который въ своей рѣчи упорно поддерживалъ свое пониманіе книжки Либкнехта и требовалъ для автора назначенія высшей мѣры наказанія. Главный имперскій адвокатъ отнесся къ подсудимому необычайно строго; онъ находилъ виновность его вполнѣ доказанною и не усматривалъ въ его дѣлѣ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ; поведеніе его онъ считалъ „безчестнымъ", и потому предлагалъ заключить его въ смирительный домъ на два года, признать его лишеннымъ чести на пять лѣтъ и подвергнуть его немедленному задержанію. Послѣ защитительныхъ рѣчей адвоката Гаазе и самого Либкнехта имперскій судъ, въ засѣданіи 12 октября, присудилъ обвиняемаго къ заключенію въ крѣпость на полтора года.

Это судебное дѣло представляетъ собою нѣчто совершенно новое для Германіи: значеніе его выходитъ далеко за предѣлы простого политическаго процесса. Мы видимъ здѣсь симптомъ, внутренній смыслъ котораго не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Германское правосудіе впервые вступило на скользкій путь, который ведетъ къ отрицанію всякаго правосудія. Судъ, превращенный въ орудіе партійной борьбы, перестаетъ быть судомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Даже газеты, постоянно нападающія на соціалъ-демократію и не скрывавшія своего удовольствія по поводу осужденія Либкнехта, смущены нѣкоторыми характерными особенностями этого процесса. Имперскій судъ, какъ замѣчаетъ „Berliner Tageblatt", занимался ловкою діалектическою игрою, чтобы примѣнить къ дѣлу понятіе государственной измѣны; онъ игралъ этимъ понятіемъ съ большимъ искусствомъ, которое можетъ восхищать спеціалиста,—но простой обыватель невольно чувствуетъ при этомъ безпокойство. До сихъ поръ думали, что „приготовительныя дѣйствія", караемыя по уголовнымъ законамъ заключеніемъ въ смирительный домъ или въ крѣпость, должны быть именно дѣйствіями, а теперь оказывается, что и мнѣнія, изложенныя въ печатной книжкѣ, могутъ заключать въ себѣ измѣну по отношенію къ германской имперіи. Каждый, кто пытается изложить на бумагѣ свои

идеи о необходимыхъ реформахъ въ государственномъ строѣ, имѣетъ такимъ образомъ шансы нечаянно попасть въ ловушку государственной измѣны. Многія консервативныя газеты, какъ „Post", „Kreuz-Zeitung", „Deutsche Tages-Zeitung" и „Hamburger Nachrichten", требовали измѣненія избирательнаго закона для имперіи передъ послѣдними выборами въ имперскій сеймъ и, слѣдовательно, стояли за государственный переворотъ съ цѣлью измѣненія конституціи; и если держаться толкованія имперскаго суда, то эти газеты такъ же виновны въ „приготовленіи къ измѣнѣ", какъ и Либкнехтъ. Тѣмъ не менѣе судъ не обратилъ вниманія на эти примѣры, на которые указывалъ подсудимый; консервативнымъ и реакціоннымъ газетамъ предоставлено свободно оспаривать конституціонные законы, тогда какъ для оппозиціи эта свобода сужденій закрыта подъ страхомъ уголовныхъ каръ. „Процессъ Либкнехта—по словамъ „Berliner Tageblatt"—есть политическій актъ. Онъ не могъ совершиться безъ вѣдома и согласія правительства; поэтому и его политическія послѣдствія падаютъ на правительство". Но нельзя назвать нормальнымъ такое положеніе вещей, когда акты правосудія замѣняются политическими актами, совершаемыми по иниціативѣ или по желанію правительства.

Въ Германіи и Пруссіи нѣтъ самодержавія; но выдающаяся и предпріимчивая индивидуальность, стоящая во главѣ имперіи, имѣетъ около себя весьма опредѣленный и ограниченный кругъ придворныхъ и военныхъ лицъ, которыя такъ или иначе создаютъ и поддерживаютъ особое настроеніе въ высшихъ сферахъ и прямо или косвенно вліяютъ на текущую политику, помимо отвѣтственнаго канцлера и министровъ. Эта закулисная камарилья всегда существовала въ Берлинѣ и Потсдамѣ; она въ теченіе многихъ лѣтъ отравляла жизнь князя Бисмарка и значительно способствовала его паденію; съ нею должны были постоянно считаться его преемники, и нынѣшній канцлеръ твердо держится на своемъ мѣстѣ только потому, что умѣетъ сохранять хорошія отношенія съ особами, непосредственно окружающими императора Вильгельма II. Естественно, что малѣйшія попытки антимилитарной пропаганды, хотя бы вполнѣ легальной и открытой, вызываютъ негодованіе въ высшихъ военныхъ кружкахъ, господствующихъ при дворѣ, и отголоскомъ этого чувства было рѣшеніе пресѣчь агитацію въ корнѣ посредствомъ сӯроваго суда надъ ея иниціаторомъ и вдохновителемъ—рѣшеніе, которое пришлось исполнить имперскому суду въ Лейпцигѣ. Слухи о закулисномъ могущественномъ воздѣйствіи на оффиціальныхъ руководителей судебнаго вѣдомства и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ въ дѣлѣ Либкнехта, быть можетъ, преувеличены или невѣрны, но они вполнѣ соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ и отчасти объясняютъ нѣкоторыя странности этого про-

цесса. Самъ подсудимый заявилъ на судѣ, что обвинительный приговоръ предрѣшенъ, какъ ему хорошо извѣстно, и протестъ президента противъ его словъ былъ высказанъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя скорѣе подтверждали, чѣмъ опровергали намекъ Либкнехта.

Какъ бы то ни было, чрезвычайно вліятельная придворная камарилья существуетъ при Вильгельмѣ II и пользуется для своихъ цѣлей всѣми оригинальными особенностями его характера и темперамента, — и интимная жизнь этой камарильи очень ярко освѣщена другимъ судебнымъ процессомъ, несравненно болѣе громкимъ и пикантнымъ, чѣмъ дѣло безпокойнаго соціалъ-демократа. На судѣ фигурировали на этотъ разъ высшіе представители прусской военной аристократіи, генералъ-адъютанты, гвардейскіе офицеры, графы, князья; они своими показаніями раскрывали предъ публикою такія стороны своего быта, о которыхъ принято передавать только по секрету въ гостиныхъ. Приближенные фавориты Вильгельма II, князь Филиппъ Эйленбургъ, графъ Вильгельмъ Гогенау, графъ Куно Мольтке и другіе, образовали тѣсное кольцо около императора, подкупая его своею льстивою преданностью и всегдашнимъ заботливымъ вниманіемъ къ его личнымъ вкусамъ, взглядамъ и чувствамъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ императоръ былъ на „ты“. Князь Филиппъ Эйленбургъ, давно извѣстный въ германскихъ свѣтскихъ кругахъ подъ именемъ „Фили“, былъ любимцемъ и довѣреннымъ лицомъ Вильгельма II; онъ занималъ высокіе посты еще при Бисмаркѣ, состоялъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ и въ послѣднее время жилъ въ своихъ прусскихъ помѣстьяхъ, гдѣ устраивалъ роскошныя охоты для императора. „Фили“ былъ душою кружка, незамѣтно оттѣснявшаго монарха отъ постороннихъ элементовъ и державшаго его какъ бы въ плѣну. Максимиліанъ Гарденъ, талантливый и оригинальный публицистъ и критикъ, издатель журнала „Zukunft“, собралъ интересныя свѣдѣнія объ этой высокопоставленной придворно-военной径 кликѣ и отчасти пустилъ ихъ въ ходъ съ цѣлью подорвать положеніе и репутацію фаворитовъ въ глазахъ самого ипepатора. Въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ „Zukunft“, дѣлались, между прочимъ, весьма прозрачные намеки на то, что главное ядро придворной камарильи состоитъ изъ завѣдомыхъ педерастовъ, виновныхъ въ противозаконныхъ и противонравственныхъ дѣйствіяхъ; въ числѣ другихъ лицъ названъ и бывшій тогда берлинскимъ комендантомъ, графъ Куно Мольтке, которому также приписана какая-то половая ненормальность. Максимиліану Гардену представлялось особенно опаснымъ и страшнымъ для отечества то обстоятельство, что императора окружаютъ тѣснымъ кольцомъ люди съ извращенными половыми наклонностями и что въ этотъ исключительно-привилегированный кружокъ привлеченъ и совѣтникъ фран-

цузскаго посольства, имѣвшій такимъ образомъ возможность неоднократно говорить наединѣ съ императоромъ. Разоблаченія журнала „Zukunft“ были замѣчены публикою, но по обыкновенію не могли дойти до центральной фигуры, для которой они прежде всего предназначались; они служили предметомъ шутливыхъ разговоровъ въ обществѣ и въ офицерскихъ клубахъ, но въ сущности не достигали той цѣли, которую поставилъ себѣ Гарденъ. Нужно было случайное сцѣпленіе незначительныхъ событій, чтобы дать дѣлу внезапный толчокъ. Въ офицерскомъ казино, гдѣ былъ и кронпринцъ, происходилъ разговоръ о половыхъ извращеніяхъ и противоестественныхъ порокахъ между высокопоставленными лицами, причемъ дѣлались ссылки на статьи „Zukunft“; кронпринцъ заинтересовался содержаніемъ оживленной бесѣды, подошелъ къ ея участникамъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, просилъ достать ему соотвѣтственные нумера журнала; затѣмъ онъ обратился къ начальнику военнаго кабинета, графу Гюльзенъ-Гезелеру, съ просьбою доложить о разоблаченіяхъ императору, но графъ Гюльзенъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ числѣ затронутыхъ лицъ значится на первомъ планѣ князь Эйленбургъ, не состоящій на военной службѣ. Кронпринцъ рѣшился самъ поговорить съ отцомъ, хотя сюжетъ казался ему слишкомъ щекотливымъ; онъ представилъ императору нумера „Zukunft“ и сообщилъ ему о предметѣ всеобщихъ компрометирующихъ разговоровъ. Вильгельмъ II, съ свойственной ему быстротою рѣшенія, тотчасъ призвалъ къ себѣ начальника военнаго кабинета, фонъ-Гюльзенъ-Гезелера, и министра внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бетманъ-Голльвега; результатомъ продолжительнаго совѣщанія было немедленное увольненіе отъ занимаемыхъ ими должностей свитскаго генерала графа Вильгельма Гогенау, берлинскаго городского коменданта, графа Куно-Мольтке, и князя Филиппа Эйленбурга. Максимиліанъ Гарденъ былъ удовлетворенъ: ему удалось расторгнуть кольцо педерастовъ при дворѣ императора. Графъ Куно Мольтке сначала послалъ секундантовъ къ виновнику своихъ бѣдствій, но потомъ, по внушенію свыше, привлекъ Гардена къ отвѣтственности за клевету, чтобы очистить свое доброе имя отъ незаслуженныхъ будто бы обвиненій.

Дѣло разбиралось предъ судьею, д-ромъ Керномъ, при участіи двухъ шеффеновъ или засѣдателей — мясника и молочнаго торговца; процессъ могъ быстро кончиться примиреніемъ сторонъ, еслибы Гарденъ пошелъ на уступки и согласился печатно смягчить свои слова — но этотъ упорный и прямолинейный обличитель не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отказываются отъ занятой разъ позиціи. Ему приходилось въ свое время подвергаться уголовнымъ преслѣдованіямъ за настойчивое исканіе правды; онъ дважды былъ осужденъ къ шес-

мѣсячному заключенію въ крѣпость за оскорбленіе величества и нѣсколько разъ долженъ былъ уплачивать денежные штрафы за обидные отзывы о разныхъ лицахъ въ печати. Максимиліанъ Гарденъ занимаетъ совершенно особое положеніе въ нѣмецкой журналистикѣ; онъ независимъ въ своихъ взглядахъ и литературныхъ пріемахъ, держится своихъ собственныхъ идей, не слѣдуетъ за модою и смотритъ на профессію журналиста, какъ на отвѣтственную функцію, влекущую за собою нерѣдко тяжелыя нравственныя обязанности. Это характерный, самобытный писатель, безусловно искренній, но неглубокій и иногда даже наивный; онъ серьезно вѣритъ, что благо отечества зависитъ отъ личнаго состава придворной камарильи, среди которой проводитъ Вильгельмъ II свои часы досуга. Гарденъ въ такомъ чистосердечномъ тонѣ и съ такою убѣжденностью говорилъ на судѣ о мотивахъ и цѣляхъ своихъ разоблаченій, что сомнѣваться въ его правдивости невозможно; онъ дѣйствительно думалъ, что удаленіе Эйленбурга съ его компаніею будетъ большою заслугою предъ государствомъ, и что способствовать этому нельзя иначе какъ путемъ публичнаго раскрытія „сексуальныхъ" тайнъ отдѣльныхъ лицъ.

Въ своемъ журналѣ онъ раскрывалъ эти тайны только въ той мѣрѣ и въ тѣхъ границахъ, какъ это нужно было для достиженія извѣстнаго практическаго результата; но чѣмъ онъ руководствовался на судѣ, уже послѣ того какъ обличенные имъ педерасты были удалены отъ двора,—остается неяснымъ. Гарденъ погрузился въ область чужихъ грѣховъ и пороковъ и сталъ добросовѣстно выкладывать и анализировать ихъ предъ судомъ и всѣмъ нѣмецкимъ обществомъ, какъ будто только для того, чтобы подтвердить свои обвиненія и окончательно уничтожить противниковъ; однако многія подробности, на выясненіи которыхъ онъ настаивалъ, вносили лишь элементъ ненужнаго скандала и привлекали только любителей порнографіи. Дѣло разрослось до неожиданныхъ размѣровъ, при дѣятельномъ участіи сторонъ и ихъ адвокатовъ, которымъ судъ не имѣлъ повода препятствовать; предъ публикою развернулась тяжелая семейная исторія разведенной жены графа Мольтке, нынѣ г-жи фонъ-Эльбе. Несчастная нервная дама должна была вспоминать предъ судомъ самые мрачные эпизоды своего замужества, о которыхъ подробно допрашивалъ ее неутомимый и безцеремонный адвокатъ, д-ръ Бернштейнъ; всѣ свѣдѣнія объ ея бракѣ и объ отношеніяхъ ея съ мужемъ были заранѣе доставлены адвокату Гардена, и потому допросъ не былъ особенно обременителенъ для бывшей графини Мольтке: адвокатъ въ вопросительной формѣ разсказывалъ ей, что̀ происходило у нея съ мужемъ десять лѣтъ тому назадъ, а ей оставалось только говорить: да, это было. Подробнѣйшее разслѣдованіе старинныхъ альковныхъ неудо-

вольствій между обоими супругами клонилось къ доказательству того, что графъ Куно Мольтке не любилъ женщинъ, избѣгалъ близости съ женою, съ которою жилъ правильнымъ образомъ не болѣе нѣсколькихъ дней, и питалъ глубокое эротическое чувство къ Эйленбургу, котораго называлъ даже заочно разными ласкательными именами, нѣжно цѣловалъ случайно оставленный имъ носовой платокъ, не стѣсняясь присутствіемъ своей семьи, и т. п. Матеріала по этой части было собрано на судѣ гораздо больше, чѣмъ требовалось для оправданія Гардена. Графъ Куно Мольтке не предвидѣлъ показаній своей бывшей жены и совершенно не былъ къ нимъ приготовленъ; жестокій цинизмъ тѣхъ никому ненужныхъ подробностей, которыя она сообщала или подтверждала, имѣлъ въ себѣ что-то болѣзненное, и расправа надъ злосчастнымъ обвинителемъ Гардена получила оттѣнокъ какой-то отвратительной экзекуціи, въ которой г-жа фонъ-Эльбе послушно исполняла предназначенную ей роль. Эйленбургъ и его друзья предавались какимъ-то оргіямъ съ мужчинами, которыхъ офицеры приводили иногда изъ гвардейскихъ полковъ; солдаты не смѣли противиться такимъ знатнымъ господамъ, какъ графъ Линаръ или графъ Вилли Гогенау, который былъ на „ты" съ самимъ императоромъ; послѣдній былъ также предметомъ особой влюбленности, и его называли заочно „милочкой" (Liebchen). Самъ князь Эйленбургъ не могъ быть допрошенъ на судѣ по болѣзни, хотя Гарденъ и его адвокатъ непремѣнно требовали его допроса и высказывали недовѣріе къ его болѣзненному состоянію; но и безъ того поднято было слишкомъ много грязи по такимъ частнымъ вопросамъ, которые въ сущности не имѣли прямого отношенія къ дѣлу. Что въ словахъ Гардена не было клеветы относительно Мольтке — это было достаточно убѣдительно доказано немногими фактами; все дальнѣйшее давало уже матеріалъ для другихъ уголовныхъ дѣлъ, которыя предстояло еще возбудить, — но обстоятельное разсмотрѣніе этихъ данныхъ должно было считаться преждевременнымъ, излишнимъ и едва ли справедливымъ при отсутствіи на судѣ замѣшанныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ упоминалось также имя одного иностраннаго дипломата.

Гарденъ былъ оправданъ, какъ и слѣдовало ожидать, и „камарилья" князя Эйленбурга съ товарищами была осуждена безповоротно, хотя и безъ спеціальнаго судебнаго разбирательства и безъ участія главныхъ подсудимыхъ. Но паденіе даннаго состава камарильи означаетъ ли устраненіе камарильи вообще? Въ недавно вышедшей брошюрѣ Эдуарда Гольдбека высказано по этому поводу нѣсколько совершенно вѣрныхъ мыслей. „Чѣмъ сильнѣе монархическая власть, тѣмъ сильнѣе камарилья. Кто стоитъ за сильную, могущественную монархію, тотъ желаетъ господства камарильи. Кто не хо-

четъ послѣдняго, долженъ сдѣлать соотвѣтственный практическій выводъ: нужно ограничить монархическую власть и обставить ее демократическими учрежденіями, расширивъ права общественнаго мнѣнія и парламента на началахъ народной свободы".

Вторая Гаагская конференція, послѣ четырехмѣсячныхъ усердныхъ занятій, разошлась 16-го октября (н. с.) среди общаго разочарованія и отчасти прямого неудовольствія участниковъ. Важнѣйшіе вопросы и проекты, внесенные на разсмотрѣніе конференціи, были старательно отложены въ сторону или оставлены для будущаго,—за исключеніемъ единственнаго, сравнительно второстепеннаго проекта организаціи международнаго призоваго суда. Предложеніе о послѣдовательномъ совмѣстномъ сокращеніи чрезмѣрныхъ вооруженій одобрено лишь въ видѣ простого, безплоднаго пожеланія; англо-американскій проектъ обязательнаго международнаго арбитража, признанный очень хорошимъ въ принципѣ, сохранился только въ формѣ теоретическаго признанія полезности особаго „суда третейской юстиціи", составъ и устройство котораго будутъ установлены путемъ переговоровъ и соглашенія между державами. Англійскій проектъ запрещенія или ограниченія устройства подводныхъ минъ въ открытомъ морѣ отвергнутъ, и конференція такимъ образомъ санкціонировала одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ и безчеловѣчныхъ способовъ разрушенія, практикуемыхъ въ морской войнѣ и угрожающихъ не только самимъ воюющимъ сторонамъ, но и всѣмъ посторроннимъ торговымъ націямъ. Крупные и спорные вопросы о военной контрабандѣ, о блокадѣ и разныхъ практическихъ особенностяхъ морской войны искусно обойдены для избѣжанія разногласія, и общіе результаты положительной работы конференціи оказываются крайне скромными.

Все осталось по прежнему въ области самыхъ жгучихъ проблемъ международнаго права, а между тѣмъ оффиціальнаго краснорѣчія и трудолюбія затрачено было очень много. Рѣшающая роль въ провалѣ главныхъ реформаторскихъ проектовъ принадлежала Германіи, въ лицѣ ея уполномоченнаго, барона Маршалля фонъ-Биберштейна, который неизмѣнно выступалъ съ своими холодными возраженіями противъ всѣхъ широкихъ замысловъ и аргументовъ англо-американскихъ представителей. Антагонизмъ между отдѣльными группами великихъ державъ выразился при этомъ съ достаточною ясностью. Третью конференцію мира предположено созвать въ семилѣтній срокъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Charles Baudelaire*. Lettres, 1841—1866. Paris, 1906, Ed. „Mercure de France“. — *J. Crepet*. Charles Baudelaire. Paris, 1907. Léon Vanier, éd.

Творчество Бодлэра составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи французской поэзіи. До него классики преклонялись передъ идеаломъ гармоніи, а романтики признавали законъ страстей. Никакая двойственность, никакія переходныя настроенія, никакія сомнѣнія не нарушали строгаго спокойствія классической поэзіи и бурнаго экстаза романтиковъ. Явился Бодлэръ и создалъ новый міръ ощущеній въ поэзіи, создалъ „новый трепетъ“, по выраженію Виктора Гюго, или, какъ говорилъ о Бодлэрѣ Сентъ-Бёвъ, открылъ въ области поэзіи нѣкую Камчатку, и на самомъ краю ея построилъ свой домикъ или, вѣрнѣе, свою юрту... Впослѣдствіи же оказалось, что міръ Бодлэра былъ Камчаткой только для тѣхъ, кого опередилъ поэтъ „Цвѣтовъ Зла“; для новѣйшихъ же поколѣній эта Камчатка сдѣлалась почти землей обѣтованной. При жизни Бодлэръ зналъ минуты славы, но не создалъ школы—онъ ни по натурѣ, ни по образу жизни не годился для роли учителя, maître'а, вродѣ Виктора Гюго, который любилъ окружать себя почитателями и послѣдователями. Бодлэръ чувствовалъ себя всегда чуждымъ всему окружающему, всячески ограждалъ себя отъ духовнаго общенія съ людьми, иронически относился ко всѣмъ, за рѣдкими исключеніями, и никогда не старался ни на кого вліять. Онъ создалъ самъ для себя замкнутый міръ красоты, жилъ въ немъ и воплощалъ свои переживанія въ поэзіи. Но, чуждый своимъ современникамъ, онъ сдѣлался близкимъ и понятнымъ послѣ смерти. Индивидуальныя ощущенія поэта, пресыщеннаго культурой, тоскующаго среди дѣйствительности, вошли въ духовный міръ позднѣйшихъ поколѣній, отвѣчая ихъ эстетическимъ идеаламъ, и отразились въ художественной литературѣ всѣхъ странъ. Бодлэръ — отецъ французскаго декадентства въ такихъ его представителяхъ, какъ Верлэнъ, Маллармé. Онъ положилъ также въ значительной степени начало современному эстетизму. Въ настоящее время эпигоны декадентства и эстетизма впали въ шаблонность, но то, что̀ опошлено внѣшнимъ подражаніемъ моднымъ формуламъ искусства и поверхностнымъ оригинальничаньемъ, воплотилось въ творчествѣ Бодлэра во всей своей органической самобытности.

Чтобы проникнуть въ міръ, созданный Бодлэромъ, нужно знать о

жизнь. Онъ вносилъ свою творческую индивидуальность въ одинаковой степени въ дѣйствительность и въ искусство. Онъ явился въ жизнь съ своей мечтой и жилъ вѣрный ей, страдая отъ соприкосновеній съ окружающимъ міромъ, вѣчно создавая себѣ средства обороны отъ скуки обыденности, отъ людей, успокоенныхъ въ преподанныхъ имъ формулахъ добра и зла. Въ „Цвѣтахъ Зла“ цѣлый отдѣлъ, заключающій въ себѣ лучшія изъ стихотвореній Бодлэра, носитъ заглавіе „Сплинъ и Идеалъ“, и эти два слова могутъ до нѣкоторой степени служить формулой жизни Бодлэра: „сплинъ“ опредѣляетъ его отношеніе къ „старой“ жизни, къ посредственности, пошлости и узости мыслей и чувствъ; „идеалъ“—это его культъ искусственныхъ экстазовъ, его мечта о воплощенной красотѣ. „Сплинъ“ Бодлэра породилъ все мятежное въ его жизни и въ его творчествѣ, какъ въ поэзіи, такъ и въ теоретическихъ писаніяхъ. Бодлэръ относился съ безпощадно строгой критикой къ общественной жизни своего времени, къ литературѣ и къ идеаламъ своихъ современниковъ, и, какъ мы увидимъ потомъ изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, его критическое чутье, его литературный вкусъ были поразительно вѣрными. Многія его сужденія въ области литературы и искусства, казавшіяся въ свое время святотатственной хулой на признанные кумиры, совпадаютъ съ судомъ потомства. Бодлэръ—одинъ изъ побѣдоносныхъ иконоборцевъ въ литературѣ, и мятежъ его, его вызовъ всякому лицемѣрію, его походъ противъ рабства и пошлости въ искусствѣ и литературѣ—одна изъ его великихъ заслугъ.

Насколько „сплинъ“ и связанный съ нимъ мятежъ, характеризуя отношеніе Бодлэра къ дѣйствительности, важны своимъ разрушительнымъ вліяніемъ, настолько „идеалъ“ въ его творчествѣ, т.-е. жизнь въ мечтѣ, противоположной дѣйствительности, имѣетъ творческую созидательную силу: Бодлэръ съ его эстетическими экстазами, съ его исканіями святости въ земной красотѣ — предвозвѣстникъ современнаго мистицизма и эстетизма.

Эти двѣ крайности—сплинъ въ отношеніи къ жизни и идеалъ, осуществленный въ мечтѣ—проникаютъ собой творчество и жизнь Бодлэра. Въ настоящее время литература о Бодлэрѣ обогатилась новыми матеріалами, которые знакомятъ какъ съ внѣшними обстоятельствами его жизни, такъ и съ его внутренними переживаніями. Въ изданіи „Mercure de France“ вышелъ сборникъ писемъ Бодлэра къ его друзьямъ, ко многимъ писателямъ его времени и къ женщинамъ, съ которыми его связывали дружба и болѣе нѣжныя чувства. Нельзя читать безъ волненія объемистый томъ этихъ писемъ, въ которыхъ прежде всего бросаются въ глаза внѣшнія заботы его жизни—постоянный недостатокъ средствъ, принявшій трагическіе размѣры къ концу жизни поэта. Сколько пи-

семъ обращено къ друзьямъ, къ союзу писателей (Société des gens des Lettres), къ разнымъ чужимъ людямъ—съ просьбами одолжить иногда самыя ничтожныя суммы, съ просьбами отсрочить обязательства! Особенно удручающее впечатлѣніе производятъ письма послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ; живя въ Брюсселѣ и уже страдая мучительными припадками нервной болѣзни, отъ которой онъ и умеръ, Бодлэръ пишетъ друзьямъ, что „мечтаетъ о бутылкѣ хиннаго вина"—недосягаемой для него роскоши—и говоритъ, что не можетъ выполнить предписанія врача, не имѣя на что̀ купить бутылку Виши. Одного изъ своихъ ближайшихъ друзей онъ шутливо укоряетъ за то, что онъ не оплатилъ полную цѣнность почтовой пересылки письма, такъ что за письмо пришлось доплатить почтальону,—а это тяжело отозвалось на его бюджетѣ. Кромѣ писемъ, рисующихъ нужду Бодлэра, въ особенности въ послѣдніе годы жизни, корреспонденція его, очень обширная, даетъ яркую характеристику его индивидуальности—его философскихъ и литературныхъ взглядовъ (въ этомъ отношеніи особенно интересны его письма къ Сентъ-Бёву), его характера, его отношеній къ людямъ. Чрезвычайно интересны его письма къ м-мъ Сабатье́, съ которой его связывала сначала любовь, а потомъ искреннее дружеское чувство. Наибольшее количество писемъ, собранныхъ въ объемистомъ томѣ его корреспонденціи, обращено къ его другу и издателю „Цвѣтовъ Зла", Пулэ-Маласи, и въ этихъ письмахъ выясняется вся исторія литературной судьбы Бодлэра, видны трудности, съ которыми сопряжено было изданіе „Цвѣтовъ Зла" и другихъ произведеній Бодлэра. Обстоятельства личной жизни Бодлэра, его отношенія съ матерью—выясняются главнымъ образомъ изъ переписки Бодлэра съ его опекуномъ, нотаріусомъ Анселемъ, къ которому онъ постоянно обращался за деньгами, прося авансовъ въ счетъ доходовъ со своего небольшого капитала, ввѣреннаго Анселю для завѣдыванія.

Біографическіе матеріалы, заключающіеся въ корреспонденціи Бодлэра, послужили источникомъ для новой интересной книги о Бодлэрѣ, написанной Жакомъ Крепэ. Книга эта—не самостоятельный трудъ, а только переработка одной изъ самыхъ авторитетныхъ біографій Бодлэра, написанной Эженомъ Крепэ, отцомъ автора новой книги. Сынъ дополнилъ трудъ отца новыми данными, исправилъ неточности, и въ этой новой редакціи исторія жизни Бодлэра разсказана съ исчерпывающей полнотой. Знакомясь по изложенію Жака Крепэ съ обстоятельствами жизни Бодлэра и слѣдя по корреспонденціи поэта за тѣмъ, какъ отражались внѣшнія событія въ его душѣ, можно убѣдиться въ слитности его жизни и его творчества.

Шарль Бодлэръ родился въ 1821 году. Отцу его было шестьдесятъ-два года, а матери (второй женѣ отца)—двадцать-семь. Такой

чрезмѣрной разницѣ лѣтъ между его родителями Бодлэръ приписывалъ природную болѣзненность своего организма. Ему пришлось, кромѣ того, испытать и во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни печальныя последствія слишкомъ поздняго второго брака отца. Шарлю Бодлэру было всего семь лѣтъ, когда умеръ его отецъ, и мать его черезъ годъ вышла замужъ за полковника Опика. Бодлэръ ненавидѣлъ своего отчима, хотя тотъ относился къ нему очень хорошо, гордился имъ и, не имѣя собственныхъ дѣтей, всячески старался устроить карьеру своему пасынку. Но Бодлэръ не цѣнилъ привязанности Опика, а сторонился его, какъ человѣка чуждаго ему міра, съ пошлыми понятіями и узкими житейскими интересами; объ отцѣ своемъ, о которомъ онъ сохранилъ дѣтскія воспоминанія, Бодлэръ думалъ, напротивъ того, съ нѣжностью. Отецъ Бодлэра былъ педагогъ, человѣкъ съ духовными интересами и съ революціоннымъ прошлымъ, другъ Кондорсэ — онъ принесъ ему ядъ въ тюрьму, чтобы спасти его отъ эшафота. Шарль Бодлэръ, чтя память отца, никогда не могъ простить матери ея второго брака и относился къ ней почти враждебно, пока она не овдовѣла. Послѣ того возобновились самыя нѣжныя отношенія между матерью и сыномъ. Первое воспитаніе Бодлэръ получилъ въ Ліонѣ, куда его мать переѣхала, когда туда переведенъ былъ ея мужъ. Шарля помѣстили въ закрытое заведеніе, и воспоминанія его объ этомъ времени—самыя тяжелыя. Онъ чувствовалъ полное одиночество среди чуждыхъ ему по духу товарищей, и тогда уже сдѣлался замкнутымъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что судьба обрекла его на одинокую жизнь. Эти тяжелыя впечатлѣнія дѣтства оставили слѣдъ въ его характерѣ, и онъ обвинялъ потомъ мать въ недостаточной чуткости къ особенностямъ его натуры и вообще въ недостаточной заботливости о немъ. „Имѣя такого сына, какъ я, — говорилъ онъ со свойственнымъ ему гордымъ самосознаніемъ,—нельзя выходить вторично замужъ“. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ ліонскомъ пансіонѣ, Шарль Бодлэръ продолжалъ ученіе въ парижскомъ лицеѣ Louis le Grand, такъ какъ къ тому времени мужа его матери перевели въ штабъ, и семья переѣхала въ Парижъ. Въ лицеѣ онъ учился хорошо, даже съ отличіями, чего трудно было ожидать отъ его недисциплинированной натуры, и въ девятнадцать лѣтъ сдалъ экзаменъ на баккалавра. Этимъ закончилось его ученіе, такъ какъ, рѣшивъ посвятить себя литературѣ, онъ заявилъ матери, что не станетъ готовиться ни къ какой профессіи. Мать его была въ отчаяніи отъ рѣшенія сына, и еще болѣе, чѣмъ она, огорчался полковникъ Опикъ, который мечталъ о блестящей карьерѣ для своего даровитаго пасынка и надѣялся помочь ему своими связями. Начались семейныя непріятности, но Бодлэръ не поддавался увѣщаніямъ и сталъ вести свободную праздную

жизнь, заводя знакомства въ литературныхъ кругахъ. Онъ познакомился съ Бальзакомъ, бывалъ въ литературныхъ кружкахъ, свелъ дружбу со многими начинающими писателями. Но самъ онъ не спѣшилъ выступать въ печати со своими поэтическими опытами, считая литературное творчество дѣломъ, требующимъ долгой подготовки. Свои вкусы и наклонности Бодлэръ проявлялъ въ жизни и пріобрѣлъ извѣстность среди друзей и знакомыхъ своими эксцентричностями. Тогда уже начался его „дэндизмъ". Впослѣдствіи этотъ дэндизмъ вылился въ самобытную философію жизни, но въ эту раннюю пору юношества онъ сводился къ внѣшнему оригинальничанью въ костюмѣ и манерахъ. Во всѣхъ воспоминаніяхъ о Бодлэрѣ, относящихся къ его юности, говорится о его одеждѣ, а также о другой чертѣ его дэндизма—о чрезмѣрной искусственной учтивости, которую онъ усвоилъ себѣ съ юности, какъ бы для обороны отъ интимности съ людьми.

Юношескій періодъ жизни Бодлэра закончился путешествіемъ въ Индію. Путешествіе это состоялось по настоянію его матери. Она хотѣла воспользоваться своей властью надъ сыномъ до его совершеннолѣтія, чтобы отвлечь его отъ пагубнаго, какъ ей казалось, образа жизни среди легкомысленной литературной молодежи. Она рѣшила, что далекое плаваніе можетъ оказать благотворное вліяніе на юношу. Собранъ былъ семейный совѣтъ, разрѣшившій взять шесть тысячъ франковъ изъ капитала на путевые расходы, и молодой Бодлэръ, согласившись на это путешествіе безъ особаго восторга, отплылъ изъ Бордо на кораблѣ, направлявшемся въ Калькутту. Капитанъ судна былъ пріятель отчима Бодлэра, и ему былъ порученъ надзоръ за молодымъ путешественникомъ. Изъ его письма къ генералу Опику извѣстна исторія этого плаванія. Путешествіе Бодлэра въ Индію окружено множествомъ легендъ, чему не мало способствовалъ самъ Бодлэръ, любившій мистифицировать довѣрчивыхъ слушателей. По однимъ разсказамъ „съ его словъ" онъ занимался поставкой скота для англійской арміи; по другимъ разсказамъ, тоже „съ его словъ", съ нимъ обращались возмутительнымъ образомъ во время плаванія. Есть разсказы о томъ, что его отправили въ Индію вслѣдствіе ссоръ съ отчимомъ, доходившихъ до дракъ. Затѣмъ разсказываютъ о его приключеніяхъ въ Индіи, о поѣздкахъ на слонахъ, о романѣ съ молодой негритянкой и т. д., но все это—совершенная фантазія. На самомъ дѣлѣ, какъ явствуетъ изъ самаго достовѣрнаго документа, изъ письма капитана судна къ Опику, путешествіе Бодлэра было непродолжительное и неудачное. Бодлэръ былъ въ отсутствіи всего десять мѣсяцевъ, изъ которыхъ плаваніе туда и обратно длилось мѣсяцевъ восемь. Въ общемъ онъ прожилъ въ разныхъ мѣстахъ стоянки корабля всего около двухъ мѣсяцевъ, и все время такъ тосковалъ, что капитанъ, видя въ

какомъ онъ удрученномъ состоянiи, долженъ былъ согласиться на его возвращенiе гораздо ранѣе предполагаемаго срока. Все это капитанъ объясняетъ въ письмѣ къ отчиму Бодлэра. Трудно предположить, что путешествiе въ такихъ условiяхъ и въ такомъ настроенiи произвело на него сильное впечатлѣнiе,—и поэтому все, что говорится о влiянiи Востока на поэзiю Бодлэра — объ этомъ влiянiи говоритъ и Теофиль Готье въ своемъ предисловiи къ посмертному изданiю „Цвѣтовъ Зла“ —преувеличено и произвольно.

Бодлэръ вернулся въ 1841 году въ Парижъ и сразу сталъ жить самостоятельной свободной жизнью. Въ это время онъ достигъ совершеннолѣтiя и получилъ въ полное владѣнiе наслѣдство, оставленное ему отцомъ—всего 75 тысячъ франковъ. Видя въ этомъ капиталѣ полную обезпеченность, Бодлэръ сталъ жить довольно широко—на свое горе, такъ какъ вскорѣ чрезмѣрныя обязательства сдѣлались источникомъ нужды, угнетавшей его до самой смерти. Къ этому перiоду, самому счастливому и плодотворному въ его жизни, относятся всѣ легенды о его странностяхъ, также какъ и всѣ дѣйствительныя переживанiя, связанныя съ выработанной имъ эстетической теорiей жизни и творчества. Отчасти подъ влiянiемъ нѣкоторыхъ типовъ англiйской литературы, съ которой Бодлэръ былъ хорошо знакомъ съ юности, но главнымъ образомъ подъ влiянiемъ чисто индивидуальныхъ чертъ характера, Бодлэръ создалъ идеалъ дэнди и всячески старался приблизиться къ этому идеалу. На поверхностный взглядъ отличительная черта дэнди—изысканность туалета, и, дѣйствительно, многiе современники Бодлэра вспоминаютъ именно про оригинальность его манеры одѣваться. Но, конечно, костюмъ его бросался въ лицо главнымъ образомъ потому, что онъ соотвѣтствовалъ своеобразной красотѣ его лица. Почти всѣ знавшiе Бодлэра въ то время говорятъ въ своихъ воспоминанiяхъ о его поразительной наружности. Его другъ Аселино передаетъ впечатлѣнiе, которое производилъ Бодлэръ своимъ лицомъ, говоря о портретѣ Бодлэра, написанномъ молодымъ художникомъ Деруа. Художникъ, по словамъ Аселино, вѣрно изобразилъ на полотнѣ безпокойное или, вѣрнѣе, внушающее безпокойство лицо молодого поэта, напряженный взглядъ большихъ глазъ, оригинальный костюмъ дэнди въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ и цилиндрѣ съ широкими плоскими полями. О томъ же портретѣ говоритъ и Теодоръ де-Банвиль, описывая въ восторженныхъ выраженiяхъ „неотразимо прекрасное“ лицо молодого поэта, его „удлиненные глубокiе глаза“, сверкающiе ни съ чѣмъ не сравнимымъ огнемъ—d'une flamme sans égale—изъ подъ восточныхъ темныхъ вѣкъ. Описанiя оригинальной одежды Бодлэра часто попадаются во всѣхъ воспоминанiяхъ о немъ, что, конечно, доказываетъ дѣйствительное желанiе Бодлэра производить впе-

чатлѣніе и, главнымъ образомъ, удивлять своей внѣшностью. Обособленность одежды—первый и самый поверхностный признакъ дэндизма у Бодлэра. Къ этому же разряду чертъ, т.-е. къ его стремленію воплотить идеалъ дэндизма, относится подмѣченная всѣми знавшими Бодлэра любовь къ тому, чтобы удивлять и мистифицировать своихъ друзей и знакомыхъ. Бодлэръ любилъ разсказывать небылицы о своемъ пребываніи въ Индіи, о своемъ романѣ съ негритянкой и т. д. Разсказывая знакомымъ о разныхъ своихъ странныхъ привычкахъ, онъ всегда спрашивалъ: „Васъ это не удивляетъ?". Даже въ печальное время своего пребыванія въ Бельгіи онъ не отучился отъ привычки распространять про себя разныя выдумки, и такъ какъ въ чужой странѣ вѣрили всѣмъ слухамъ, которые онъ распускалъ про себя, то въ Брюсселѣ о немъ составилось мнѣніе, что онъ шпіонъ, что онъ занимается корректированіемъ порнографическихъ изданій и т. д. Онъ не безъ удовольствія писалъ объ этихъ слухахъ своимъ друзьямъ, такъ какъ радовался всегда возможности скрыть себя подъ какой бы то ни было маской. Такой маской была и утонченная вѣжливость Бодлэра въ обращеніи со всѣми. Его другъ Аселино приводитъ въ своемъ сборникѣ воспоминаній и анекдотовъ про Бодлэра примѣры его преувеличенной учтивости. Прося своего пріятеля зайти къ нему, онъ говорилъ: „Знаете ли вы, что съ вашей стороны было бы чрезвычайно любезно навѣстить меня?" и т. д. Онъ часто останавливалъ выраженія вниманія и главнымъ образомъ любопытства къ себѣ вѣжливостью, пресѣкающей всякую экспансивность со стороны нежелательныхъ собесѣдниковъ. Конечно, рисовка оригинальностью костюма и напускной вѣжливостью, также какъ желаніе удивлять, доступны всякому фату, но у Бодлэра эта кажущаяся рисовка была отраженіемъ его міросозерцанія. Дэндизмъ Бодлэра—утонченный индивидуализмъ, идеалъ котораго свобода, т.-е. обособленность отъ людей. Дэнди скрывается подъ маской, чтобы оттолкнуть людей, удивляя ихъ несходствомъ съ ними. Отсюда—пристрастіе ко всякаго рода оригинальничанью. Дэнди—въ пошломъ значеніи этого слова—мелко самонадѣянъ и удовлетворенъ жизнью, поскольку она даетъ достаточную пищу для его тщеславія. Дэндизмъ Бодлэра—напротивъ того—пессимистическій. Бодлэръ—строгій судья жизни; онъ презираетъ людей и силенъ въ своемъ умѣньи презирать ихъ. Никто такъ ясно не видѣлъ зло и уродство жизни, никто не умѣлъ такъ извлекать на свѣтъ язву пошлости, какъ Бодлэръ. Противовѣсомъ ненавистной ему дѣйствительности была для него его мечта, отрицающая дѣйствительность,—отраженіе же своей мечты въ чувственномъ мірѣ онъ видѣлъ въ красотѣ, и красоту, какъ знакъ, какъ символъ нетлѣннаго идеальнаго, Бодлэръ возвелъ въ культъ въ жизни и въ искусствѣ. Но для того, чтобы кра-

сота соотвѣтствовала его мечтѣ, она должна была составлять какъ можно большій контрастъ дѣйствительности. Вотъ почему любовь къ искусственному и презрѣніе ко всему естественному составляютъ основу дэндизма, возведеннаго въ идеалъ Бодлэромъ. У Бодлэра любовь къ искусственному, исканіе ощущеній, идущихъ въ разрѣзъ со всѣми нормальными вкусами и чувствами, сказывается не только въ поэзіи, но и въ жизни. Онъ не только создалъ въ поэзіи новый міръ ощущеній и настроеній, но и дѣйствительно переживалъ ихъ.

Эта сторона его жизни, инстинктивное влеченіе къ необычайному и искусственному, также какъ столь же инстинктивное отвращеніе къ простымъ чувствамъ, сказывается въ его отношеніяхъ къ нѣсколькимъ женщинамъ, съ которыми онъ былъ близокъ. Изъ нихъ наибольшее вліяніе на жизнь и творчество Бодлэра имѣла женщина, ставшая его подругой съ самаго начала его самостоятельной жизни въ Парижѣ. Это была мулатка Жанна Дюваль, по описаніямъ друзей Бодлэра—некрасивая, курчавая, апатичная съ виду полу-негритянка, абсолютно неинтеллигентная и къ тому же алкоголичка. Когда она заболѣла вслѣдствіе невоздержности въ питьѣ,—Бодлеръ помѣстилъ ее въ лечебницу для алкоголиковъ, но ей тамъ стало тоскливо, и она вышла, далеко не излечившись. Бодлэръ снова поселилъ ее у себя, хотя характеръ ея сталъ невыносимымъ. Къ тому же она постоянно измѣняла Бодлэру, вызывая въ немъ отвращеніе своей неразборчивостью. Онъ зналъ, что она всячески его обманываетъ, зналъ, что онъ для нея только источникъ средствъ, и старался удовлетворять всѣ ея требованія денегъ, даже когда самъ сильно нуждался. Жанна очень рано состарилась, сдѣлалась разбитой параличомъ старухой,—и до конца жизни Бодлэръ заботился о ней, аккуратно вносилъ деньги за ея содержаніе въ лечебницѣ, и въ его письмахъ изъ Брюсселя къ друзьямъ часто попадаются просьбы справляться о состояніи здоровья Жанны и доставлять ей все, что ей можетъ понадобиться. До конца жизни Бодлэръ относился къ Жаннѣ съ трогательнымъ участіемъ. Что же привязывало его къ этой женщинѣ, совершенно чуждой ему по духу, а въ жизни ставшей для него источникомъ непрерывныхъ страданій? То, что она была для него воплощеніемъ „черной Венеры", культъ которой его привлекалъ; то, что она соединяла въ себѣ все, что составляло его идеалъ красоты. Красота для Бодлэра—это то, что выходитъ изъ предѣловъ обыденности, и мулатка Жанна, съ ея темнымъ цвѣтомъ кожи, ея восточными ароматами, ея порочностью и холодностью—будила въ немъ сложныя чувства экстаза и омерзѣнія. Онъ передалъ ихъ въ „Цвѣтахъ Зла", вводя въ поэзію ту пряность, ту жажду расширить область ощущеній контрастами добра и зла, радости и муки, которые не могли существовать въ поэзіи, живущей

цѣлостными чувствами. Необычайность и порочность возлюбленной сдѣлались для поэта символами дерзновеній человѣческой воли, срывающей всѣ цвѣты земного рая, дозволенные и недозволенные—въ особенности послѣдніе. Все въ странной красотѣ мулатки, въ ея холодности и жестокости—тайна, и тайна дорога пессимисту поэту: все, что существуетъ, кажется ему тлѣномъ, разлагающимся трупомъ (образы тлѣнія, подробности гніенія тѣла въ могилѣ постоянно повторяются въ стихахъ Бодлэра); прекрасна для него только мечта, и знакомъ ея является для него все странное, все искусственное, все противоположное нормамъ жизни.

Столь же характерны для философіи Бодлэра его отношенія къ другой женщинѣ, героинѣ болѣе идеальнаго романа, чѣмъ страсть поэта къ Жаннѣ, которую онъ называлъ вампиромъ и въ которой любилъ всѣ сложныя чары плоти. M-me Сабатье́, которую Бодлэръ полюбилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, была свѣтская женщина, собиравшая въ своемъ салонѣ всѣхъ выдающихся писателей своего времени. Бодлэръ полюбилъ ее возвышенной поэтической любовью и воспѣвалъ въ стихахъ обаяніе ея сердца, ея ума. Ей написаны стихотворенія: „A la toute belle...“, „Flambeau Vivant“, „Toute entière“ и много другихъ. Онъ страдалъ отъ ея холодности, но любилъ эти страданія. M-me Сабатье́, однако, не оставалась той неприступной богиней, которой онъ долго поклонялся. Она въ свою очередь увлекалась Бодлэромъ,—и эта отвѣтная страсть убила любовь поэта. Въ письмѣ, которое Бодлэръ написалъ m-me Сабатье́ въ отвѣтъ на ея первыя страстныя письма, онъ очень жестоко разбиваетъ ея иллюзіи. Въ этомъ письмѣ онъ ясно высказываетъ свое враждебное отношеніе къ женской натурѣ, къ женщинѣ, какъ самостоятельному существу. „У меня, — пишетъ онъ — „ужасные“ (это слово онъ употребляетъ съ ироніей) — предразсудки по отношенію къ женщинамъ. Я *имъ не вѣрю.* У васъ прекрасная душа — но все-таки женская“... „Еще нѣсколько дней тому назадъ,—пишетъ онъ дальше,—ты была для меня божествомъ, что такъ удобно, и такъ прекрасно, и такъ неприкосновенно. А теперь ты женщина“... Отъ женщины же онъ бѣжитъ, потому что женщину можно ревновать, потому что женщина будитъ страсть—а страсть рабство, страсть недостойна свободнаго жреца красоты. „Вы причиняли бы страданія полюбившему васъ, если бы онъ былъ настолько глупъ, что придавалъ бы значеніе сердечнымъ страданіямъ“. Конечно, въ этомъ письмѣ есть свойственная Бодлэ[ру] нарочитость, желаніе удивить, но вмѣстѣ съ тѣмъ это письмо—дра[го]цѣнный документъ для характеристики Бодлэра. Онъ дѣйствитель[н]о недоступенъ чувствамъ, порабощающимъ душу и мирящимъ ее [съ] жизнью. Онъ жаждалъ ощущеній, углубляющихъ бездну между дѣйст[-]

тельностью и мечтой, и потому такъ остро чувствовалъ красоту, связанную съ жестокостью, экстазъ, связанный съ омерзѣніемъ. Онъ боится чувствъ, прикрѣпляющихъ къ землѣ. „Подумайте, — пишетъ онъ въ самомъ концѣ письма,—унося съ собой ароматъ вашихъ плечъ и вашихъ волосъ, я уношу желаніе вернуться къ вамъ. Какое невыносимое наважденіе!“ Съ тѣхъ поръ — письмо это относится къ 1857 году— Бодлэръ продолжалъ до самой смерти быть другомъ той, которую онъ воспѣвалъ и которой поклонялся, какъ высшему существу, но любовь его остыла. Онъ любилъ отыскивать разныя рѣдкости, разные bibelots восемнадцатаго вѣка для m-me Сабатье́, зная ея любовь къ красивымъ предметамъ и цѣня ея вкусъ. Но прежнее чувство безвозвратно исчезло. Онъ писалъ ей изъ Брюсселя дружескія письма, но она перестала волновать его душу. Она стала для него „женщиной“, т.-е. существомъ, покорнымъ природѣ, противоположнымъ идеалу дэнди
рѣннымъ. Бодлэръ часто откровенно высказывалъ свою
къ женщинѣ, какъ рабынѣ природы, и свое недовѣріе
уму и женскому художественному таланту. Въ письмѣ
тогда писательницѣ, Юдиѳи Готье, дочери его друга
'ье, онъ кается, благодаря ее за тонкій разборъ его
)емъ недовѣріи къ духовнымъ способностямъ женщины
етъ въ ней счастливое исключеніе. Бодлэръ ненавидѣлъ
за ея примитивную полноту страстей и часто, нападая
чувствъ въ какомъ-нибудь художественномъ произведеніи,
такая грубость и сентиментальность достойны „la femme
онъ презрительно называлъ Жоржъ-Зандъ. Духовный
ы былъ чуждъ Бодлэру и вызывалъ въ немъ непріязнь;—
а для него жрицей сладострастья, и только тѣ женщины
его воображеніе, въ которыхъ красота соединялась съ
ихъ обаяніе становилось для него знакомъ разрыва
іебеснаго съ земнымъ, животнымъ; въ нихъ онъ чувство-
ожественности, скрытой въ тлѣнѣ. Поэтому въ красотѣ
іа не строгая правильность чертъ, а напротивъ того—
іеніе гармоніи, все привлекающее странностью, не
>е, а тревожащее. Въ своемъ культѣ противоприроднаго
до воспѣванія всѣхъ уродствъ, всего, что является
ювомъ природѣ. Извѣстное его стихотвореніе „Вели-
тъ шутливо-ироническій оттѣнокъ, но и во всѣхъ дру-
іяхъ къ женщинамъ въ „Цвѣтахъ Зла“ онъ воспѣваетъ
воположныя нормамъ красоты. Прекрасное лицо и пре-
женщины всегда будятъ въ немъ мысли о тлѣнѣ; онъ
5ы чувствуетъ въ живой красотѣ женщины запахъ раз-

лагающагося трупа — и тѣмъ острѣе ощущаетъ жажду нетлѣнности, вѣчно прекраснаго.

Кромѣ Жанны, вызывавшей въ немъ такого рода противорѣчивыя острыя ощущенія, и m-me Сабатьé, никакія другія женщины не оказали вліянія на его творчество, кромѣ еще одной еврейки, къ которой относится сонетъ „Une nuit, que j'étais près d'une affreuse juive". Эта еврейка—не вымышленное лицо, а дѣйствительно существовавшая женщина, Сара, которую знали нѣкоторые друзья Бодлэра. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній, не вошедшихъ въ „Цвѣты Зла", Бодлэръ воспѣвалъ странный взглядъ ея косыхъ глазъ и говорилъ, что всѣ глаза, ради которыхъ люди продавали свою душу, не стоятъ для него ея „еврейскихъ глазъ" (son oeil juif et cerné).

Наряду съ исканіемъ „ядовитыхъ наслажденій" въ любви, Бодлэръ искалъ и на другихъ путяхъ острыхъ ощущеній, удовлетворявшихъ его идеалу противоприроднаго и искусственнаго. Онъ зналъ „искусственный рай" Востока, т.-е. куреніе опіума и гашиша. Теофиль Готье, въ своемъ предисловіи къ посмертному изданію „Цвѣтовъ Зла", описалъ въ очень поэтичныхъ краскахъ собранія въ домѣ одного изъ общихъ друзей его и Бодлэра, Буассара, очень гостепріимнаго и богатаго человѣка, гдѣ избранное общество художниковъ, поэтовъ и красивыхъ женщинъ предавалось куренію гашиша. По письмамъ и дневникамъ Бодлэра видно, однако, что онъ никогда не злоупотреблялъ наркотическими средствами. Онъ понималъ, что для художника источникомъ наслажденій можетъ быть только его творческій духъ — а не аптека. Гашишъ былъ для него однимъ изъ многочисленныхъ его экспериментовъ въ области ощущеній, которыя онъ хотѣлъ обогатить всякими средствами, предпочитая все остро-индивидуальное—всему искусственно-общедоступному.

Лучшіе годы Бодлэра, его молодость, протекавшая въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, были наполнены, однако, не только культомъ ощущеній, но и работой. Бодлэръ началъ писать довольно рано, почти двадцатилѣтнимъ юношей, и скоро создалъ себѣ имя въ литературѣ. Но это не значитъ, что онъ прославился сразу своими стихами. Напротивъ того, онъ очень долго не печаталъ стиховъ. Онъ съ юности писалъ стихи, но чувствовалъ страшную отвѣтственность за нихъ, безконечно надъ ними работалъ, охотно читалъ ихъ въ обществѣ друзей,—но прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился выпустить ихъ въ свѣтъ. Онъ выступилъ въ литературѣ сначала въ качествѣ художественнаго и литературнаго критика. Сталъ онъ писать отчасти и вслѣдствіе необходимости зарабатывать деньги, такъ какъ, при его образѣ жизни, при его разорительныхъ привычкахъ щегольства, при его страсти постоянно мѣнять квартиры и каждый разъ обставлять

ихъ по своему вкусу, при его любви къ художественнымъ предметамъ, капитала его хватило на очень недолгое время. Встревоженные его расточительностью, мать и отчимъ добились оффиціальнаго назначенія опеки надъ легкомысленнымъ сыномъ. Опекуномъ назначенъ былъ по суду другъ семьи, нотаріусъ Ансель, и Бодлэръ, лишенный — къ счастью для себя — права распоряжаться остатками капитала, долженъ былъ ограничиваться періодическими, очень небольшими получками. Онъ постоянно предлагалъ разныя комбинаціи своему опекуну, съ цѣлью получать каждый разъ деньги до срока, но въ общемъ онъ получалъ очень мало и долженъ былъ искать литературнаго заработка. Съ этой цѣлью онъ сталъ писать отчеты о художественныхъ выставкахъ, и его первая статья, „Салонъ 1845 года", была блестящимъ дебютомъ. Бодлэръ съ юности любилъ искусство и изучалъ спеціально живопись. Потомъ онъ многому научился у своихъ друзей художниковъ, и въ особенности у такого тонкаго знатока искусства, какъ Теофиль Готье. А кромѣ того,—что̀ наиболѣе важно,—онъ обладалъ тонкимъ вкусомъ. Наряду съ художественной критикой, Бодлэръ занимался и разборомъ литературныхъ произведеній съ такимъ же глубокимъ пониманіемъ дѣла. Бодлэръ создалъ свою самобытную эстетику, о которой можно въ значительной степени судить и по его жизни. Въ литературѣ и въ искусствѣ, также какъ и въ частной и общественной жизни, онъ былъ врагомъ всего посредственнаго и шаблоннаго, и умѣлъ высоко цѣнить самобытность таланта, самобытное отношеніе художника къ міру. Цѣлый рядъ его оцѣнокъ въ области искусства и литературы, идя въ разрѣзъ со вкусами его современниковъ, совпадаетъ съ сужденіями нашего времени. Онъ однимъ изъ первыхъ призналъ живопись Манэ. Затѣмъ, живя въ Бельгіи, которую онъ ненавидѣлъ, Бодлэръ полюбилъ только одного художника, Ропса, который отталкивалъ и пугалъ большинство своихъ современниковъ жестокой и извращенной фантазіей своихъ рисунковъ. Теперь и Манэ, и Ропсъ признаны большими художниками, и нравственная поддержка, которую оказалъ имъ при жизни Бодлэръ, свидѣтельствуетъ о проницательности его вкуса. Его литературныя сужденія казались парадоксальными, что̀ не мѣшало ему очень увѣренно нападать на кумиры его времени. Онъ былъ искреннимъ поклонникомъ Бальзака, Флобера, Стендаля, любилъ Теофиля Готе, Меримé, Леконта-де-Лиля и нѣсколькихъ другихъ мастеровъ языка, писателей съ глубокимъ отношеніемъ къ жизни. — „А все остальное (онъ употребляетъ для обозначенія „всего остальнаго" рѣзкое выраженіе: „racaille"),—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ изъ Бельгіи—мнѣ противно. Я ненавижу вашихъ академиковъ, ненавижу вашихъ либераловъ, вашу добродѣтель, ненавижу гладкій стиль, ненавижу прогрессъ. Не говорите мнѣ, по-

жалуйста, объ этихъ пустыхъ людяхъ (diseurs de rien)". Въ этихъ словахъ слышится сильное раздраженіе почти умирающаго, измученнаго болѣзнью поэта, обозленнаго къ тому же общимъ равнодушіемъ къ себѣ. Объ этомъ онъ тоже говоритъ въ довольно ясныхъ намекахъ въ томъ же письмѣ. „Неужели вы не знаете, — говоритъ онъ, — что поэзія глубокая, но сложная, горькая, холодно-сатанинская съ виду — менѣе всего по душѣ безгранично-ничтожной толпѣ?"

Ненависть къ шаблонности чувствъ возбуждала въ немъ непріязнь къ нѣкоторымъ знаменитымъ писателямъ, въ особенности къ Виктору Гюго. Онъ признавалъ въ немъ огромный стихійный талантъ и говорилъ объ этомъ въ печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не выносилъ умственной банальности Гюго; въ одномъ письмѣ изъ Брюсселя, разсказывая о вечерѣ, проведенномъ въ домѣ Гюго, Бодлэръ удивляется тому, что талантъ совмѣстимъ съ глупостью. Онъ не выноситъ филантропическихъ фразъ Виктора Гюго, видя въ нихъ самообольщеніе возвышенными словами при холодности сердца. Кромѣ Виктора Гюго Бодлэръ относился очень критически къ Мюссэ, за его небрежный стихъ, и не любилъ Беранже за плоское содержаніе стиховъ. О томъ и о другомъ онъ выражается очень рѣзко въ своихъ письмахъ.

Былъ, однако, моментъ, когда Бодлэръ отвлекся отъ своей обособленности и примкнулъ къ движенію, охватившему всю страну, — это было въ 1848 году. Бодлэръ былъ друженъ съ нѣсколькими писателями и поэтами соціалистической партіи—съ Торэ и въ особенности съ Прудономъ, о которомъ онъ часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ. Бодлэръ цѣнилъ въ Прудонѣ его твердую вѣру и въ себя, и въ свое дѣло, и упрекалъ его только въ томъ, что онъ недостаточно отдѣлялъ себя отъ толпы, т.-е. не былъ дэнди—въ философскомъ смыслѣ слова. Подъ вліяніемъ друзей и захваченный общимъ революціоннымъ настроеніемъ, Бодлэръ сражался на улицахъ. Одинъ изъ его тогдашнихъ пріятелей разсказываетъ о томъ, какъ онъ встрѣтилъ въ одинъ изъ революціонныхъ дней Бодлэра на улицѣ съ ружьемъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ однимъ своимъ пріятелемъ, былъ чрезвычайно возбужденъ, и когда они всѣ вмѣстѣ зашли въ кафѐ, то Бодлэръ сталъ во всеуслышаніе ораторствовать, защищая соціалистическія и революціонныя идеи. Этотъ революціонный эпизодъ въ жизни Бодлэра можетъ показаться несовмѣстимымъ съ его дэндизмомъ, съ его презрѣніемъ къ толпѣ и аристократическими замашками. Еще незадолго до революціи онъ нападалъ въ одной изъ статей объ искусствѣ на республиканцевъ за ихъ враждебное отношеніе къ роскоши и искусству. Бодлэръ объясняетъ въ одномъ изъ дневниковъ свое увлеченіе революціей жаждою разрушенія, которая всегда была въ немъ очень сильна. Затѣмъ, въ своей незаконченной книгѣ о Бельгіи, онъ говоритъ: „Мнѣ и

хотѣлось испытать чувства не только жертвы, но и палача"... И въ другомъ мѣстѣ: „Я понимаю, что можно отречься отъ своего дѣла—чтобы испытать ощущенія тѣхъ, которые служатъ противоположному дѣлу". Все это объясняетъ въ значительной степени психологію его революціоннаго увлеченія. Онъ переживалъ революцію какъ импрессіонистъ, которому дорого все, что волнуетъ душу.

И все-таки нельзя объяснить его участіе въ революціи исключительно эстетическими мотивами. Напротивъ того, онъ искренно примкнулъ къ открытому мятежу во имя свободы, такъ какъ его дэндизмъ былъ такой же жаждой свободы индивидуальной, какъ революція—жажда свободы народной. Нѣтъ ничего противорѣчиваго поэтому въ появленіи на баррикадахъ дэнди Бодлэра. Послѣ сраженія на улицахъ, Бодлэръ участвовалъ въ одной, не долго существовавшей, революціонной газетѣ, и ему приписываютъ самыя рѣзкія революціонныя статьи въ вышедшихъ нѣсколькихъ нумерахъ. Послѣ 2-го декабря Бодлэръ перестали интересоваться политикой, разочаровавшись въ силѣ революціоннаго духа, и съ той поры сталъ относиться съ озлобленіемъ къ либераламъ и всякаго рода прогрессивнымъ—на словахъ—общественнымъ дѣятелямъ, считая ихъ ничтожными фразерами, неспособными къ настоящему дѣлу.

Бодлэръ снова отдался всецѣло литературѣ. Еще до революціи 1848 года онъ началъ трудъ, отъ котораго не отвлекался въ теченіе шестнадцати лѣтъ, несмотря на свою любовь къ праздности. Только болѣзнь, закончившаяся смертью, помѣшала ему исполнить свою задачу до конца. Этотъ трудъ—переводъ сочиненій Эдгара По. Бодлеръ случайно прочелъ отрывокъ одного разсказа Эдгара По въ англійскомъ журналѣ—и былъ потрясенъ странной духовной близостью съ собой этого невѣдомаго писателя. Изучивъ послѣ того всѣ произведенія По, собирая свѣдѣнія о немъ, гдѣ онъ только могъ, Бодлэръ вскорѣ призналъ въ немъ своего духовнаго брата. Онъ разсказывалъ впослѣдствіи, что находилъ у По свои собственные замыслы выполненными въ обаятельной формѣ. И дѣйствительно, для Бодлэра, для котораго, тайна искусства заключалась въ умѣньи изумлять, внушать по произволу ужасъ или восторгъ, создавать настроенія, играть, какъ на музыкальномъ инструментѣ, на нервахъ читателя—для него творчество По было истиннымъ откровеніемъ. Онъ задался цѣлью прославить во Франціи своего духовнаго брата и предпринялъ переводъ его сочиненій на французскій языкъ, причемъ поэтичность перевода не уступала художественнымъ качествамъ подлинника. Переводъ По Бодлэромъ — одинъ изъ прекраснѣйшихъ образцовъ французской художественной прозы.

Стихи, вошедшіе потомъ въ сборникъ „Цвѣтовъ Зла", печатались

въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ — даже въ „Revue des deux Mondes“, причемъ академическій журналъ счелъ долгомъ сдѣлать къ стихамъ Бодлэра примѣчаніе, въ которомъ редакція объясняла, что хотѣла поощрить несомнѣнно талантливаго молодого поэта, хотя его талантъ и сказывается съ чрезмѣрной рѣзкостью тона. Собраніе стихотвореній Бодлэра, сборникъ подъ названіемъ „Цвѣты Зла“ (Fleurs du Mal) вышелъ только въ 1857 году. Тогда только Бодлэръ нашелъ издателя въ лицѣ своего молодого, предпріимчиваго друга, Пулэ-Маласи. Гонораръ, полученный Бодлэромъ за это первое изданіе, былъ самый ничтожный—двадцать-пять сантимовъ съ книжки,—но Бодлэръ былъ счастливъ, что книга появится въ изящномъ изданіи, самъ слѣдилъ за печатаніемъ, безъ конца правя корректуры, и почти замучилъ издателя своей требовательностью. Обширная корреспонденція Бодлэра съ Маласи по этому поводу показываетъ, сколько волненій и работы стоило автору это первое изданіе „Цвѣтовъ Зла“. Наконецъ оно вышло въ свѣтъ съ посвященіемъ Теофилю Готье, „au parfait magicien ès lettres françaises“, и подверглось судебному преслѣдованію за безнравственность. Процессъ Бодлера очень любопытенъ, напоминая отчасти процессъ автора „Мадамъ Бовари“. Авторъ „Цвѣтовъ Зла“ былъ присужденъ къ изъятію нѣсколькихъ стихотвореній изъ сборника и къ уплатѣ трехъ-сотъ франковъ,—которыхъ, впрочемъ, съ него потомъ не взыскивали. Въ смыслѣ успѣха процессъ, какъ это всегда бываетъ, послужилъ на пользу изданію. Второе изданіе вышло въ 1861 году, съ добавленіемъ новыхъ стихотвореній. Это было время, когда Бодлэръ находился въ зенитѣ славы, благодаря своимъ стихамъ, затѣмъ маленькимъ „стихотвореніямъ въ прозѣ“, статьямъ по искусству и переводамъ Эдгара По. Къ 1861 году относится одинъ эпизодъ, характерный для любви Бодлэра удивлять собой. Онъ поставилъ свою кандидатуру въ академію на одно изъ вакантныхъ въ то время мѣстъ. Сдѣлалъ онъ это отчасти изъ желанія поразить всѣхъ своимъ поступкомъ, а кромѣ того—съ принципіальной цѣлью добиться санкціи для той самобытной литературы, представителемъ которой онъ былъ. „Какъ вы не поняли, — писалъ онъ Флоберу,—что Бодлэръ — это значитъ Огюстъ Барбье, Теофиль Готье, Банвиль, Флоберъ, Леконтъ-де-Лиль, т.-е. чистая литература?“ Онъ даже дѣлалъ визиты академикамъ,—но все-таки, удовольствовавшись шумомъ, поднятымъ по поводу его кандидатуры, взялъ ее обратно до выборовъ.

Но время апогея творческой силы и славы Бодлэра было вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ близкаго и страшнаго конца. Бодлэръ много работалъ и переживалъ много волненій въ это время, такъ какъ сильно нуждался, напрасно стараясь извлечь пользу изъ своихъ изданій. Особенно плохо было ему, когда Пулэ-Маласи, снабжавшій его деньгами,

окончательно разорился изъ-за неумѣнья вести издательскія дѣла. Изнемогая отъ долговъ и страдая отъ первыхъ признаковъ нервной болѣзни, Бодлэръ напалъ на мысль читать лекціи въ Брюсселѣ и такимъ образомъ заработать много денегъ. Въ 1864 году, войдя въ соглашеніе съ однимъ бельгійскимъ литературнымъ обществомъ, обѣщавшимъ ему крупный гонораръ за лекціи, Бодлэръ переселился въ Брюссель. Но его надежды далеко не оправдались. Лекціи состоялись при почти пустой залѣ, такъ какъ бельгійское общество въ это время было мало интеллигентно, и лекціи объ искусствѣ никого не интересовали. Бодлэръ получилъ только половину обѣщанныхъ денегъ; продать свои книги, какъ онъ надѣялся, онъ тоже не смогъ, и тогда началась печальная жизнь въ большой нуждѣ. Бельгію онъ возненавидѣлъ, и свой гнѣвъ на нее излилъ въ книгѣ, которую, однако, не успѣлъ закончить. Письма Бодлэра изъ Брюсселя—очень печальныя и заняты болѣе всего просьбами устроить ему изданія его книгъ. Болѣзнь прогрессировала, и онъ описываетъ въ одномъ письмѣ свои ужасные припадки, во время которыхъ онъ падалъ, цѣпляясь за мебель, свои страшныя рвоты и головокруженія. Болѣзнь эта кончилась параличомъ памяти, и почти цѣлый послѣдній годъ жизни Бодлэръ провелъ сначала въ лечебномъ заведеніи, потомъ дома съ матерью, когда его перевезли въ Парижъ; все это время онъ не могъ произнести ни слова, и нельзя было понять, сопровождалась ли его афазія потерей сознанія, или же онъ понималъ все и тѣмъ болѣе страдалъ. Такъ онъ умеръ, не придя въ себя, 1-го сентября 1867 года.—З. В.

ЗАМѢТКА

Положеніе винодѣлія на югѣ Франціи.

— Michel Augé-Laribé, La viticulture industrielle du midi de la France. Par. 907.

Недавно вышла въ Парижѣ интересная книга, проливающая свѣтъ на положеніе винодѣльческой промышленности юга Франціи; она помогаетъ намъ уяснить себѣ главныя причины кризиса, вызвавшаго памятныя всѣмъ волненія.

Въ своемъ введеніи, Ожé-Ларибé утверждаетъ, что проблема „индустріализаціи“ земледѣлія была затемнена и искажена разнаго рода политическими партіями. Либеральные экономисты—сторонники крупной собственности—очень скоро замѣтили, какую опасность представляетъ распространеніе соціализма среди рабочихъ крупной промышленности, и, боясь, чтобы этого не случилось съ сельско-хозяйственнымъ пролетаріатомъ, они стали укрѣплять въ умахъ преимущества мелкой земельной собственности.

Что касается соціалистическихъ партій, особенно во Франціи, то и онѣ допустили въ своихъ программахъ цѣлый рядъ противорѣчій. Сначала, говоритъ авторъ, онѣ осудили всякую частную собственность; когда же интересы избирательной борьбы выступили на первый планъ и заслонили собою почти всѣ другіе, пришлось подумать и о голосахъ сельскаго населенія. Тогда-то и появилась знаменитая аграрная программа Геда и Лафарга, въ которой, ко всеобщему удивленію, мелкой собственности обѣщались всякаго рода поддержка и защита.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ выясненію того, какъ отразился на деревнѣ притокъ капитала, и, въ частности, какую роль игралъ капиталъ въ винодѣльческой промышленности юга Франціи: разорилъ ли онъ въ-конецъ мелкую собственность, или она устояла и можетъ съ успѣхомъ бороться съ его вторженіемъ въ деревню. Вопросъ, разумѣется, чрезвычайно важный; онъ рѣшенъ лишь для тѣхъ, кто слѣпо слѣдуетъ отвлеченной схемѣ Маркса, опредѣленно имъ начертанной, впрочемъ, лишь для промышленности обрабатывающей.

Ожé-Ларибé пытается дать исторію винодѣлія до того филлоксернаго кризиса, съ котораго, собственно, и начинается проникновеніе капитала въ южную деревню. Винодѣліе особенно развилось въ тѣхъ мѣстахъ, которыя охватываются теперешними департаментами Одъ, Эро и Гардъ. Виноградъ родится здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то и

было, и мѣстные крестьяне давно уже оставили культуру хлѣбовъ и оливковаго дерева. Но до самаго конца XVIII столѣтія внутреннія таможни и затруднительность перевозки не давали винодѣлію развиться въ достаточной мѣрѣ. Правительство боялось, что оно заполонитъ поля и не хватитъ хлѣба. До самаго 1789 года, всякій, кто желалъ обратить свою пашню подъ виноградъ, долженъ былъ сперва испросить на это разрѣшеніе отъ мѣстнаго интенданта. Въ концѣ XVIII вѣка, говоритъ Ожé-Ларибé, бочка вина, за которую платили 36 ливровъ въ Лангедокѣ, стоила въ Парижѣ не менѣе 500 ливровъ, и торговцы жаловались еще, что мало зарабатываютъ.

Въ XIX столѣтіи замѣчается небывалое расширеніе виноградниковъ; имъ отводятся постепенно лучшіе участки земли, на которыхъ раньше воздѣлывали хлѣбъ. Въ началѣ XX вѣка площадь подъ виноградомъ еще болѣе увеличилась, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

	Всего земли въ гектар.	Площадь обраб. земли въ гектар.	Подъ виногр. въ гектар.	% всей земли.	% обраб. земли.
Деп. Эро	619.800	408.006	192.005	31,9	47
„ Одъ	631.824	395.083	131.035	20,7	33,2
„ Вост.-Пирен. .	412.211	217.268	66.000	16	30,45

Безпрерывному расширенію плантацій соотвѣтствуетъ увеличеніе производства вина. Деп. Hérault, напримѣръ, въ 1821 году производившій два милліона гектолитровъ, въ 1865 г. далъ больше 9 милліоновъ и дошелъ до 12 милліоновъ гектолитровъ въ 1900 году. До филлоксернаго нашествія, говоритъ авторъ, въ винодѣліи замѣчается преобладаніе труда надъ капиталомъ; ручной трудъ примѣняется рѣшительно вездѣ, удобренія—мало, дробленіе земельной собственности совершается безпрерывно, заработная плата подымается. Г-нъ Ожé-Ларибé даетъ таблицу средней поденной платы въ окрестностяхъ Монпелье съ 1750 по 1875 годъ. Изъ этой таблицы видно, что плата повысилась больше чѣмъ вдвое за 50 лѣтъ (съ 1820 по 1870 г.).

Послѣ появленія филлоксеры картина мѣняется: капиталъ замѣтно выступаетъ на первый планъ, всюду вводятся техническія улучшенія, и машина вытѣсняетъ ручной трудъ. Съ филлоксерой можно бороться двоякимъ образомъ: 1) особаго рода поливкою, и 2) употребленіемъ американскихъ лозъ, корни которыхъ не боятся филлоксеры. Оба способа требуютъ большихъ расходовъ: увеличенія числа рабочихъ, частаго удобренія, леченія болѣзней американскаго происхожденія, поливки и т. д. Все это даетъ перевѣсъ капиталу.

Новыя условія не вызвали, однако, сильной концентраціи земельной собственности; безъ сомнѣнія, число крупныхъ хозяйствъ увеличилось, но это увеличеніе объясняется, главнымъ образомъ, обраще-

ніемъ подъ виноградники многихъ пустырей. Вообще, мелкая земельная собственность оказывается довольно устойчивой и лучше выдерживаетъ натискъ капитала, нежели средняя: мелкій собственникъ очень часто имѣетъ подсобный заработокъ и меньше потребностей.

Кризисъ, переживаемый теперь винодѣльческимъ югомъ, много способствовалъ объединенію хозяевъ. Ассоціаціи эти ставили себѣ цѣлью удешевленіе закупки минеральныхъ туковъ и орудій труда, развитіе взаимнаго кредита, расширеніе рынковъ сбыта и т. д. На ряду съ ними стали возникать и укрѣпляться организаціи сельскаго пролетаріата. „Капиталистическій характеръ винодѣлія—пишетъ авторъ—совершилъ цѣлый переворотъ въ положеніи рабочихъ". Заработная плата сильно упала и никогда не достигала уровня 1870—75 гг. Распространеніе машинъ вызвало безработицу, которую еще углубилъ переживаемый кризисъ. Все это даетъ автору основаніе утверждать, что всѣ стихійныя вспышки и забастовки, имѣвшія мѣсто у винодѣловъ, легко объяснялись причинами чисто экономическими.

Синдикальное движеніе, возникшее было на югѣ, теперь падаетъ съ каждымъ днемъ; на конгрессы „Fédération des travailleurs agricoles" является съ каждымъ годомъ все меньше представителей. Чѣмъ же объяснить это? Толпы рабочихъ кинулись было въ борьбу, думая, что они—наканунѣ скорыхъ и великихъ побѣдъ: дѣйствительность жестоко обманула ихъ. Первыя забастовки быстро принесли имъ нѣкоторое удовлетвореніе; они думали, что такъ пойдетъ и дальше, что борьба не потребуетъ отъ нихъ жертвъ. Между тѣмъ, правительство съ одной стороны, хозяева съ другой—стали тѣснить и всѣми мѣрами подавлять возбужденіе среди рабочихъ. Рабочіе увидали, что хозяева, быстро оправившись отъ перваго замѣшательства, тоже организуются и противопоставляютъ силу силѣ, что для дальнѣйшей борьбы необходимы лишенія, жертвы и непреклонная энергія. На это были способны немногіе, и синдикальное движеніе такъ же быстро упало, какъ и возникло. Авторъ заключаетъ, что въ настоящее время его питаютъ лишь единицы, одушевленныя революціоннымъ пыломъ.

Такимъ образомъ, послѣднія волненія на югѣ объясняются не однимъ перепроизводствомъ, какъ думали. Корни движенія лежатъ глубже, въ самой природѣ и условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Мѣры, принятыя правительствомъ и парламентомъ, могутъ лишь нѣсколько смягчить тяжесть кризиса и отсрочить разореніе мелкихъ владѣльцевъ. Спасти ихъ можетъ только дружная кооперація при разумномъ содѣйствіи государственной власти.—М. А.

ПО ПОВОДУ
„ВОСПОМИНАНІЙ о И. А. ГОНЧАРОВѢ"

„Братья-писатели,—въ вашей судьбѣ—что-то есть роковое",—сказалъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи Некрасовъ,—и справедливость этого печальнаго замѣчанія подтверждается жизнью не только во время земного существованія многихъ выдающихся писателей, но и послѣ ихъ смерти. Не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго года (мартъ), въ „Вѣстникѣ Европы" было указано, какое „злостное покушеніе" на добрую память И. С. Тургенева совершила г-жа Герритъ-Віардо, не постыдившаяся утверждать, что нашъ любвеобильный по отношенію къ нуждамъ окружающихъ писатель прожилъ 30 лѣтъ у г-жи Полины Віардо-Гарсіа въ качествѣ безплатнаго и неблагодарнаго нахлѣбника, ничѣмъ не отплатившаго пріютившей его семьѣ за нѣжный и трудный уходъ за нимъ и за расходы, сопряженные съ его леченіемъ. Достаточно,—сверхъ того, что уже было приведено въ подтвержденіе этой нелѣпицы въ журналѣ,—достаточно пересмотрѣть письма И. С. къ его пріятелю Маслову, чтобы видѣть лживость заявленій г-жи Герритъ-Віардо. Не говоря уже о посылкѣ, по порученію Тургенева, мелкихъ суммъ въ нѣсколько сотъ франковъ г-жѣ Віардо, начиная съ 1862 г., нельзя не указать на то, что въ 1870 году, 4 іюня, онъ сообщаетъ Маслову, что оставленныя у него на сохраненіи акціи рязанской желѣзной дороги (очень впослѣдствіи поднявшіяся въ цѣнѣ) куплены имъ для „его милой Клавдіи Віардо" и въ случаѣ его смерти должны быть доставлены г-жѣ Полинѣ Віардо; 20 октября 1873 г. поручаетъ ему изъ имѣющихся у него Тургеневскихъ денегъ еще купить на имя Віардо на пять тысячъ и присоединить ихъ къ уже имѣющимся;—а 30 января 1874 г. проситъ наросшіе купоны обратить въ деньги и прислать на расходы „по случаю свадьбы моей милой Диди" (второй дочери г-жи Віардо). Все это не помѣшало клеветѣ на Ив. С. Тургенева.

Нынѣ, повидимому, насталъ чередъ И. А. Гончарова... Старые друзья и близкіе его знакомые, безъ всякаго сомнѣнія, съ крайнимъ недоумѣніемъ и горестнымъ удивленіемъ прочли воспоминанія объ Иванѣ Александровичѣ Гончаровѣ г. С. Шпицера, повѣствующаго о своей бесѣдѣ „съ вдовой Александрой Ивановной Т—тъ" [1]). Многіе изъ насъ еще помнятъ, что у творца и живого воплощенія Обломова

[1]) Помѣщены въ „Биржев. Вѣдом.", № 10.151, отъ 16-го октября с. г.

въ концѣ 60-хъ годовъ былъ слуга Т—тъ, и что послѣ его внезапной смерти Иванъ Александровичъ Гончаровъ, соболѣзнуя положенію его вдовы съ тремя малолѣтними дѣтьми, оставилъ ее *служить* у себя, предоставивъ ей маленькое помѣщеніе черезъ площадку лѣстницы своей квартиры, и замѣнилъ ею умершаго ея мужа въ домашнемъ услуженіи при своемъ маленькомъ хозяйствѣ стараго холостяка. Съ годами, когда стали подростать дѣти, сердце Ивана Александровича откликнулось на ихъ чистую ласку, и онъ привязался къ нимъ, и, особливо, къ старшей дѣвочкѣ, глубоко и трогательно. Его заботамъ, просьбамъ, матеріальнымъ жертвамъ, ходатайствамъ—письменнымъ и словеснымъ—эти дѣти были обязаны своимъ воспитаніемъ и образованіемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за чѣмъ онъ слѣдилъ съ исключительнымъ вниманіемъ. Возможность дать имъ средства, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и укрѣпить свои силы гдѣ-нибудь на дачѣ или на берегу моря сердечно радовала старика, которому въ этомъ нерѣдко помогали дочери его стараго друга, А. В. Никитенко. Давно замкнувшись въ своей маленькой квартирѣ на Моховой и ограничивъ свой кругъ знакомыхъ лишь немногими друзьями, Гончаровъ, не имѣя непосредственно-близкихъ родственниковъ и почти не видаясь съ болѣе отдаленными, сроднился съ мыслью объ обезпеченіи любимымъ имъ *чужимъ* дѣтямъ безбѣднаго существованія. Съ этой цѣлью онъ оставилъ все свое, нажитое литературнымъ трудомъ, состояніе—въ размѣрѣ около сорока-тысячъ рублей—сыну и двумъ дочерямъ—„*находившагося у меня въ услуженіи Курляндскаго уроженца Карла Т—тъ и оставшейся на моемъ призрѣніи вдовѣ означеннаго Т—тъ*“ (подлинныя слова завѣщанія), выдѣливъ послѣдней, какъ матери этихъ дѣтей, около шести тысячъ рублей по понятнымъ соображеніямъ деликатности. Нынѣ, однако, неожиданно для близко знавшихъ Гончарова, изъ вышеупомянутой бесѣды г. Шпицера оказывается, что А. И. Т—тъ изображена въ этой бесѣдѣ чѣмъ-то вродѣ вдовы знаменитаго писателя, и она повѣствуетъ, что не она жила въ прислугахъ у Гончарова, пріютившаго ея осиротѣлую семью, а онъ „*жилъ въ ея семьѣ*“, причемъ—„души въ ней не чая“—былъ съ нею настолько нравственно близокъ, что подвергалъ ея критическому разбору свои сочиненія и, даже, за нѣсколько лѣтъ до смерти ея мужа, повергалъ на ея судъ свой „Обрывъ“, читая его по возвращеніи изъ-за-границы, гдѣ онъ былъ написанъ. Изъ этой же бесѣды приходится узнать, что Тургеневъ,—а враждебныя отношенія къ нему Гончарова, обратившіяся въ своего рода манію, извѣстны всему литературному міру,—пріѣзжая въ Россію, каждый разъ бывалъ (конечно, тайно для всѣхъ) у своего недруга, проживавшаго въ семействѣ Александры Ивановны;—и что благовоспитанный и свѣтскій Гонча-

ровичъ спрятался подъ столъ (!), когда въ опочивальню той же Александры Ивановны собирался войти ея жилецъ — Гончаровъ! Эти драгоцѣнныя для исторіи литературы, хотя и совершенно неправдоподобныя свѣдѣнія о своемъ милостивомъ отношеніи къ Гончарову Александра Ивановна оканчиваетъ ламентаціями по адресу литературнаго фонда и „литераторовъ“, виновныхъ въ томъ, что до сихъ поръ на могилѣ Гончарова нѣтъ памятника.—Литературный фондъ имѣетъ назначеніемъ помогать нуждающимся живымъ, а не ставить монументы мертвымъ. Литераторы же по большей части—люди недостаточные, живущіе тяжелымъ трудомъ, который не всѣхъ ихъ самихъ освобождаетъ отъ необходимости иногда обращаться къ литературному фонду. Быть можетъ, если бы собесѣдница г. Шпицера не умолчала—вѣроятно, по забывчивости — о полученныхъ ею и ея семьею по завѣщанію Гончарова 40.000 рубляхъ, то надо думать, что ему стало бы ясно, на чьей *...венной* обязанности должна была лежать забота о постановкѣ ...ника на могилѣ человѣка, чей образъ нынѣ рисуется въ такихъ, ...вѣтствующихъ истинѣ, краскахъ. — Михаилъ Стасюлевичъ ...приказчикъ И. А. Гончарова); Анатолій Кони (одинъ изъ сви...ѣй на его завѣщанія).

...24 октября 1907 г.
С.-Петербургъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1907.

Вторая годовщина манифеста 17-го октября.—Что позади и что рисуется въ ближайшемъ будущемъ?—Своеобразная юридическая аргументація возврата къ абсолютизму.—Загадочное толкованіе избирательнаго закона и избраніе г. Шмида.—Новая иллюстрація къ старой темѣ о законѣ и законности.

Только всего два года прошло съ историческаго дня 17-го октября 1905 года! А что̀ осталось отъ того настроенія, которымъ тогда, какъ одинъ человѣкъ, было охвачено все русское общество? Куда дѣвались надежды на близкое возрожденіе экономическихъ силъ дошедшаго до отчаянія крестьянства? Гдѣ мечты о правовомъ укладѣ жизни, о призывѣ къ участію въ законодательствѣ свободно избранныхъ всѣмъ народомъ излюбленныхъ имъ лучшихъ людей, объ излеченіи ранъ, нанесенныхъ позорной войною, объ обновленіи законодательства, объ освобожденіи отъ путъ административнаго произвола?.. Все это далеко, далеко позади. Все это уже стало достояніемъ мемуаровъ и воспоминаній...

17-го октября 1907 года Петербургъ и Москва выбирали депутатовъ въ третью Думу—по закону 3-го іюня. „Вотъ краткій итогъ исторіи манифеста и исторіи русской конституціи за два года“ — писалъ со свойственной ему мѣткостью кн. Е. Н. Трубецкой въ № 40 „Московскаго Еженедѣльника“. „Трудно—говорилъ далѣе московскій публицистъ—выразить его точнѣе, яснѣе, опредѣленнѣе“... Дѣйствительно, вмѣсто возвѣщеннаго „дальнѣйшаго развитія начала общаго избирательнаго права“, жизнь дала законъ, расколовшій населеніе на массу, которая лишена возможности реальнаго воздѣйствія на выборы, и на привилегированные слои, отъ которыхъ однихъ, въ конечномъ выводѣ, зависитъ избраніе большинства состава „представителей народа“. Жизнь дала законъ, — который „руководительство“ выборами администраціей—руководительство вплоть до проведенія и устраненія отдѣльныхъ индивидуальныхъ кандидатуръ — возвелъ въ правовую норму. Свобода слова, собраній, союзовъ и неприкосновенность личности—есть, но только для одесскихъ „желторубашечниковъ“, для минскаго „архіерейскаго блока“, для дворянскихъ и новаго типа „земскихъ“ съѣздовъ, для печати, травящей евреевъ, для манифестацій союза русскаго народа, для пропаганды нелѣпаго утвержденія,

что защита началъ манифеста 17-го октября есть „преступное“ дѣяніе, за которое „виновные“ подлежатъ смертной казни...

Причина такихъ итоговъ кроется не въ одной неустойчивости намѣреній и обѣщаній правительства. Она въ значительной мѣрѣ—въ томъ безудержномъ полетѣ, который въ 1905 г. оторвалъ общественную мысль отъ земли, закружилъ и унесъ въ безбрежную высь. Съ этой выси на горизонтѣ показались, какъ легко и немедленно достижимыя,—обобществленіе орудій производства, соціализація земли, не стѣсненная никакими формами свобода и вѣра въ несокрушимость общественной энергіи, общественныхъ силъ и создавшагося общественнаго настроенія. Съ нея показался цѣлесообразнымъ переходъ къ „послѣднему выступленію“ — къ насильственному довершенію побѣды. Наступилъ періодъ эксцессовъ освободительнаго движенія. А за нимъ—такіе же эксцессы правительственной власти. И въ пылу борьбы власть утратила всякую устойчивость. Если не столь быстро, какъ революціонеры, она столь же далеко перешла въ обратную сторону черту, проведенную 17-го октября. Правительство еще говоритъ о манифестѣ, но его дѣйствія уже давно не имѣютъ съ манифестомъ ничего общаго. Оно откровенно отказалось отъ идеи представительства народа въ Государственной Думѣ, т.-е. вѣрнаго отраженія Думою воли народа, его воззрѣній, его требованій и идеаловъ. Можетъ быть, оно желало сдѣлать этотъ шагъ во имя торжества конституціонныхъ началъ въ рамкахъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ. Но, стремясь устранить изъ Думы анти-конституціоналистовъ слѣва, оно ввело въ нее еще болѣе опасныхъ для манифеста анти-конституціоналистовъ справа. Накануне открытія третьей Думы русское общество стоитъ передъ вопросомъ: суждено ли этой Думѣ быть законодательной или законосовѣщательной...

Петербургъ оффиціальный, торговый, рабочій, учащій и учащійся, ничѣмъ не отмѣтилъ годовщины дня, который — думалось два года назадъ—навѣки врѣжется въ память всей Россіи, какъ день 19-го февраля. Въ прошломъ году на улицахъ висѣли хоть флаги. Въ нынѣшнемъ—и флаговъ не было... Въ церквахъ служились молебны въ память событія 17-го октября 1888 года... И день 19-го февраля, впрочемъ, ничѣмъ не отмѣчается.

Но какъ 19-ое февраля и теперь, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, вспоминается ежегодно въ каждой деревенской избѣ, безъ торжества и безъ всякаго внѣшняго проявленія воспоминанія, такъ навѣрное не забыли глухія, заброшенныя деревни молча помянуть 17-ое октября. Старыя истины лишь на время заслоняются выдаваемыми за истины новыми утвержденіями и теоріями. Россія—страна не экспансивнаго, шумно реагирующаго города и не бурной, придавленной машинами,

фабрики. Россія—страна мужика—темнаго, голоднаго, пассивнаго, но глубоко чувствующаго и глубоко воспринимающаго. Какія бы ожиданія ни рисовались въ близкомъ будущемъ, день 17-го октября, все-таки, останется историческимъ, поворотнымъ днемъ. Возможна формальная отмѣна манифеста. Возможна юридическая остановка—фактическая уже совершилась—въ прогрессѣ государственности и въ приближеніи бездушнаго права къ жизненной правдѣ. Но все это возможно на время. Разъ сознавшій себя человѣкомъ рабъ—не можетъ снова сдѣлаться рабомъ. Разъ сознавшій себя гражданиномъ крестьянинъ—не можетъ снова стать объектомъ мѣропріятій. Нашъ мужикъ созналъ себя гражданиномъ. Онъ это три раза въ теченіе двухъ лѣтъ показалъ на выборахъ. Гражданиномъ—неуравновѣшеннымъ, склоннымъ къ оцѣнкѣ явленій и государственныхъ задачъ подъ своимъ исключительнымъ угломъ зрѣнія и, конечно, неподготовленнымъ къ технической законодательной работѣ,—но твердымъ и упорнымъ въ лозунгѣ: „земли и воли". И сѣрый мужикъ даетъ вѣру въ возможность смотрѣть черезъ ближайшее будущее на нѣсколько отдаленное и видѣть свѣтлыя точки не въ туманной дали десятилѣтій...

Есть громадная опасность: неудовлетворенность познавшей себя личности и рѣзкія мѣры, чтобы вырвать безъ остатка „крамольный" духъ, могутъ разбудить въ мужикѣ звѣря. Тогда онъ не станетъ разбирать, кто октябристъ, кто соціалъ-демократъ, кто правый, кто лѣвый. Тогда онъ одинаково пойдетъ на всѣхъ, кто сытно ѣстъ, не спитъ на полу, кто читаетъ, кто пишетъ, словомъ—кто не мужикъ... Призракъ пугачевщины не скроется до тѣхъ поръ, пока правовой строй на началахъ свободы, равенства и торжества для всѣхъ одинаковаго закона не станетъ безповоротно неотъемлемымъ фактомъ нашей общественной и государственной дѣйствительности...

И. И. Барановъ, выставлявшійся кандидатомъ въ члены Думы по Петербургу отъ „союза русскаго народа", говорилъ сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей" (№ 10.140): „Въ своей дѣятельности Дума должна твердо знать, что она является законосовѣщательнымъ органомъ, а не законодательнымъ. Ея дѣло—разсматривать законы и представлять ихъ на утвержденіе монарха, который остается неограниченнымъ самодержцемъ. По основнымъ законамъ, на основаніи ст. 4 и 222, Государю принадлежитъ верховная неограниченная и самодержавная власть, а потому всякое посягательство конституціоналистовъ, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всей Думы, на нее является тяжкимъ преступленіемъ, предусмотрѣннымъ ст. 99 уг. улож. и наказываемымъ смертной казнью".

Г. Барановъ на выборахъ потерпѣлъ неудачу. Съ другой стороны, судя по біографическимъ свѣдѣніямъ, печатавшимся о немъ въ газетахъ, онъ, повидимому, человѣкъ малоинтеллигентный, съ трудомъ разбирающійся въ правовыхъ вопросахъ и легко смѣшивающій то, что̀ въ законахъ написано, съ тѣмъ, что̀ ему хотѣлось бы въ нихъ видѣть и читать. Но и безъ г. Баранова третья Дума будетъ имѣть въ своемъ составѣ свыше тридцати союзниковъ, около того же числа именующихъ себя монархистами и не менѣе восьмидесяти „правыхъ", стоящихъ правѣе октябристовъ, т.-е. почти полтораста лицъ, въ данномъ вопросѣ охваченныхъ тѣми же желаніями и стремленіями и уже перешедшихъ отъ крика: „долой подлую конституцію!"—къ утвержденію: „конституціи нѣтъ"! „Конституція—наша погибель,—пишутъ „Московскія Вѣдомости";—и если бы 17 октября была дѣйствительно объявлена конституція, то съ тѣмъ вмѣстѣ была бы объявлена и погибель русскаго государства! *Къ счастію, этого не было*; дастъ Богъ, и не будетъ".

Въ „Гражданинѣ" г. Р. называетъ манифестъ 17-го октября „шарадой" и говоритъ, что распутать ее будетъ задачей третьей Думы. А самъ кн. Мещерскій забылъ еще недавнія свои сѣтованія о необходимости отмѣнить конституцію и теперь заявляетъ: „Во всякомъ случаѣ, манифестъ 3-го іюня сего года далъ понять Россіи, что правительство Государя, съ г. Столыпинымъ во главѣ, никакой конституціи не признаетъ, и что Государь остается, какъ былъ, Самодержавнымъ Монархомъ; онъ далъ это понять, говорю я, но категорически этого объявлено не было". Слѣдовательно, и „шарады" нѣтъ, а недостаетъ только „категорическаго объявленія". Но этого всего мало. Вопросъ о существующей формѣ правленія сталъ вопросомъ по меньшей мѣрѣ открытымъ и спорнымъ даже среди представителей правительственной власти. Мы имѣемъ въ виду тотъ „недавній эпизодъ", который—по передачѣ „Гражданина" (№ 76)—„явился въ одномъ изъ совѣщаній при (петербургскомъ) градоначальствѣ, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, гдѣ большинство правительственныхъ членовъ по одному изъ разсматривавшихся дѣлъ признало существованіе въ Россіи конституціи, а градоначальникъ опротестовалъ это мнѣніе, высказавъ категорически, что никакой конституціи нѣтъ, и Государь какъ былъ, такъ и есть самодержавный монархъ". „Министръ-премьеръ—продолжаемъ передачу,—хотя на другихъ основаніяхъ, призналъ протестъ градоначальника правильнымъ и представилъ дѣло на рѣшеніе перваго департамента правительствующаго сената. Съ этой минуты создается для сената небывалое, съ основанія его Петромъ I, положеніе—обсуждать вопросъ: кто правъ—правительственные чиновники, признавшіе Русскаго Монарха, именующаго себя Самодержавнымъ и

основные законы о самодержавной его власти не отмѣнившаго, конституціоннымъ, или градоначальникъ, категорически не признавшій конституціи?"

Дѣйствительно, для сената создалось положеніе, если не небывалое, то, во всякомъ случаѣ, странное: давать толкованіе по вопросу, который не только не можетъ имѣть двухъ рѣшеній, но столь же ясенъ, какъ дважды два—четыре. Воспрянувшіе духомъ и поднявшіе голову абсолютисты строятъ свои софистическіе выводы, во-первыхъ, на титулѣ „самодержецъ", не исключенномъ изъ основныхъ законовъ, и, во-вторыхъ, на томъ, что „Учрежденіе о Императорской фамиліи" въ одномъ случаѣ говоритъ: „Царствующій Императоръ, яко *неограниченный* самодержецъ". Понятіе „самодержецъ" и прилагательное отъ него „самодержавный" подвергались самому детальному разбору въ общей и спеціальной печати, какъ въ періодъ подготовленія новыхъ, нынѣ дѣйствующихъ, основныхъ законовъ, такъ и непосредственно вслѣдъ за опубликованіемъ ихъ. Но и не вдаваясь въ историческія и филологическія тонкости, а чисто формально, на основаніи текста статьи 1 основныхъ законовъ изданія 1892 г., можно съ положительностью заключить, что понятія „самодержавный" и „неограниченный" по нашему праву не совпадаютъ. Эта статья, подъ заголовкомъ: „О существѣ Верховной Самодержавной Власти", гласила: „Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный". Слѣдовательно, на вопросъ: въ чемъ состоитъ существо верховной власти, или, иначе, какая существуетъ форма правленія?—законъ отвѣчалъ: существо верховной власти состоитъ въ томъ, что Императоръ есть монархъ самодержавный и неограниченный. Нынѣ, въ ст. 4-й основныхъ законовъ изданія 1906 г., подъ тѣмъ же самымъ заголовкомъ, значится: „Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная власть". На аналогичный вопросъ, слѣдовательно, законъ отвѣчаетъ: существо верховной власти состоитъ въ томъ, что Императору принадлежитъ самодержавная власть, но не неограниченная, т.-е., что самодержавная власть, какъ юридическое понятіе, допускаетъ ограниченія, предѣлы коихъ и изложены въ дальнѣйшемъ текстѣ закона. По отношенію къ народному представительству эти предѣлы обозначены, въ общемъ, ст. 7: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою". А конкретно—въ ст. 8, 86 и 87.

Ссылка на фактъ изданія новаго положенія о выборахъ, съ отступленіемъ отъ порядка, изложеннаго въ трехъ послѣднихъ статьяхъ, ровно ничего не доказываетъ, ибо никакой фактъ не можетъ быть принимаемъ въ основу толкованія права. И въ манифестѣ 3-го іюня совершенно ясно выражена исключительность избраннаго для изданія

выборнаго закона порядка, также какъ и исключительность вызвавшихъ этотъ чрезвычайный фактъ обстоятельствъ. Одинаково не выдерживаетъ критики разсужденіе, что опредѣленіе ст. 86 и 87 „не есть понимаемое въ конституціонныхъ монархіяхъ ограниченіе верховной власти, а лишь установленное Императоромъ, какъ это и указано въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 17 октября 1905 г., „правило", во всякое время могущее быть отмѣненнымъ". Фактически каждое „правило", какъ и каждый законъ, во всякое время могутъ быть и измѣнены, и отмѣнены. Исторія учитъ, что вездѣ и всюду бывали смѣны формъ правленія и совершались государственные перевороты. Но строить на фактической возможности государственныхъ переворотовъ отрицаніе твердости и незыблемости законодательныхъ правилъ и толкованіе дѣйствующаго закона—пріемъ, по меньшей мѣрѣ, оригинальный.

Что касается статьи 222, то желающіе возврата назадъ безъ формальнаго переворота не безъ намѣренія говорятъ о ней, какъ объ опредѣленіи основныхъ законовъ, и умалчиваютъ, что она находится въ томъ обособленномъ раздѣлѣ этихъ законовъ, который называется „Учрежденіе о Императорской фамиліи". Общее понятіе, конечно, охватываетъ частное, и такъ какъ „Учрежденіе" включено въ основные законы, то и ст. 222 есть законъ основной. Но, во-первыхъ, по содержанію, а во-вторыхъ, по времени изданія, „Учрежденіе" настолько занимаетъ исключительное мѣсто въ сводѣ основныхъ государственныхъ законовъ, что ни одно изъ его постановленій не можетъ быть трактуемо иначе, какъ только въ границахъ „Учрежденія". А потому называть ст. 222 основнымъ закономъ, не называя вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣла, къ которому она принадлежитъ, значитъ лишь запутывать вопросъ.

Въ основныхъ законахъ, Высочайше утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 г., ст. 25 гласитъ: „Учрежденіе о Императорской фамиліи (Св. Зак. т. I ч. 1 изд. 1892 г., ст. 82—179 и прил. II—IV и VI), сохраняя силу Законовъ Основныхъ, можетъ быть измѣняемо и дополняемо только лично Государемъ Императоромъ въ предуказываемомъ имъ порядкѣ, если измѣненія и дополненія сего Учрежденія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны расхода". Изъ приведеннаго текста видно, что 23 апрѣля 1906 г. „Учрежденіе", какъ равно постановленія о порядкѣ наслѣдія престола и другія, перечисленныя въ ст. 24, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ постановленій основныхъ законовъ, подвергшихся полной переработкѣ, было оставлено безъ измѣненія. А затѣмъ,—что въ отношеніи „Учрежденія" монархъ сохранилъ за собой право личнаго его измѣненія и дополненія и предуказаніе для того порядка, т.-е. полный объемъ неограниченной власти. Въ отношеніи основныхъ законовъ вообще, монархъ

сохранилъ за собою исключительное право только „почина“ пересмотра (ст. 8); слѣдовательно, раздѣлилъ свою власть съ законодательными установленіями. Въ отношеніи же „Учрежденія о Императорской фамиліи“, если пересмотръ „не касается законовъ общихъ и не вызываетъ новаго изъ казны расхода“, монархъ съ Думою и съ Государственнымъ Совѣтомъ своей власти не раздѣлилъ — ни власти почина, ни власти пересмотра. Онъ остался въ этой области законодательства, поскольку она не соприкасается съ другими, неограниченнымъ самодержцемъ. Отрѣшеніе неповинующагося члена Императорскаго Дома „отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ“, — о чемъ собственно и трактуетъ ст. 222,—не касается законовъ общихъ и не можетъ вызывать новыхъ изъ казны расходовъ. А потому нѣтъ никакого логическаго противорѣчія съ общей конструкціей основныхъ законовъ въ начальныхъ словахъ ст. 222: „Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать“ и т. д. Въ видѣ изъятія, въ данной области Императоръ дѣйствуетъ „яко неограниченный Самодержецъ“. Это и опредѣляютъ начальныя слова ст. 222. А больше они ничего не опредѣляютъ, ибо изъятія не допускаютъ ни распространительнаго толкованія, ни распространительнаго примѣненія.

Изложенные соображенія и доводы до азбучности элементарны. И намъ, пожалуй, могутъ сказать, что мы ломимся въ открытую дверь. Въ другое время ихъ дѣйствительно было бы стыдно развивать съ такой подробностью. Но во время „неограниченныхъ возможностей“, по выраженію г. Суботича, бываетъ, что и дважды два вдругъ окажется равнымъ пяти. Прозорливый г. Р. изъ „Гражданина“ предсказываетъ, что сенатъ или „разъяснитъ“ русскій режимъ въ духѣ людей, „готовыхъ мириться съ полуконституціей и полусамодержавіемъ“, т.-е. „найдетъ лазейку между Сциллой и Харибдой, или рѣшитъ такъ, путемъ разногласій, что вопросъ пойдетъ на многолѣтнюю прогулку до перваго департамента Государственнаго Совѣта включительно“.

Первоначальное сообщеніе о „недавнемъ эпизодѣ въ одномъ изъ совѣщаній при градоначальникѣ“ было напечатано въ „Русскомъ Знамени“ съ соотвѣтствующими направленію и тону газеты комментаріями. За это на газету былъ наложенъ штрафъ. А г. Дубровинъ обжаловалъ наложеніе штрафа въ сенатъ. Такимъ образомъ, сенатъ вдвойнѣ поставленъ въ необходимость сказать да или нѣтъ по кор[illegible]ному и самому мучительному вопросу минуты. Найти „лазейку“, [illegible]ъ виду жалобы г. Дубровина, будетъ труднѣе. Съ общественно-полит[illegible]ческой точки зрѣнія особенно характерно слѣдующее мѣсто жало[illegible]: „Если петербургскій градоначальникъ опасается возбужденія къ н[illegible]у похвалами „Русскаго Знамени“ за его вѣрность самодержавному ц[illegible]о

враждебнаго отношенія среди революціонеровъ, то пусть объ этомъ прямо и объявитъ, чтобы въ будущихъ статьяхъ редакторъ остерегался помѣщать что-либо, указывающее на преданность Д. В. Драчевскаго царствующему Императору, неограниченному самодержцу всероссійскому. Статья, за напечатаніе которой наложенъ штрафъ, восхваляетъ не какое-либо преступное дѣяніе, а законный, вѣрноподданный протестъ градоначальника, доказывающій неограниченное самодержавіе Государя въ Россіи" [1]).

Кромѣ общаго вопроса въ приведенной лукавой постановкѣ, г. Дубровинъ ставитъ еще два частныхъ, скорѣйшее разрѣшеніе которыхъ было бы весьма важно въ интересахъ „свободной" печати: какія учрежденія и лица подходятъ подъ понятіе „правительства", за возбужденіе враждебнаго отношенія къ которому обязательныя постановленія повсемѣстно угрожаютъ органамъ печати тысячными штрафами, и насколько власть наложенія административныхъ взысканій ограничивается цѣлью изданія въ 1881 г. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія? Второй вопросъ не новый. Онъ былъ уже на разсмотрѣніи сената по дѣлу, если вамъ не измѣняетъ память, Келлера и разрѣшенъ въ тѣсномъ для представителей администраціи смыслѣ. Но въ практикѣ административной расправы это рѣшеніе основательно забыто.

Любопытно вспомнить, что̀ писали и говорили представители крайней правой, когда съ противоположнаго политическаго полюса шли стремленія возбудить въ Думѣ иниціативу объ измѣненіи основныхъ законовъ. Теперь они говорятъ, что распутать „шараду" существующей формы правленія будетъ задачей третьей Думы. Распутать ее въ порядкѣ толкованія—внѣ власти Думы. Рѣчь можетъ идти только о томъ, чтобы распутать ее въ порядкѣ законодательномъ. А что для этого есть неодолимое препятствіе въ ст. 8 основныхъ законовъ—объ этомъ крайніе правые теперь не думаютъ и не говорятъ. И едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что попытки ниспроверженія существующаго государственнаго строя въ третьей Думѣ будутъ сдѣланы. Въ газетахъ уже промелькнуло извѣстіе, что правые члены Думы „готовятъ запросъ,—на какомъ основаніи представители правительства говорятъ о конституціи, когда власть самодержавнаго монарха считается неприкосновенной". Какъ отнесется къ подобнымъ попыткамъ думское большинство? Мы не имѣемъ увѣренности сказать, что большинство ихъ отвергнетъ. Въ общественныхъ кругахъ, изъ которыхъ сложилось это большинство, покорность и послушаніе развиты весьма сильно. Но кому покорность и чему послушаніе? Послушаніе дѣй-

[1]) Заимствовано изъ № 10130 „Биржевыхъ Вѣдомостей".

ствующему закону — всего меньше. Они привыкли улавливать звукъ камертона. Сейчасъ камертонъ сразу издаетъ неопредѣленную гамму звуковъ. Въ ней, однако, явственно слышится тонъ, зовущій къ возрожденію недавняго былого... Если попытки и не встрѣтятъ сочувствія большинства, то, все-таки, это не будетъ значить, что опасность переворота миновала...

„Наконецъ-то—возглашаетъ реакціонная пресса—выборы дѣйствительно дали лучшихъ людей, которые выведутъ страну" и т. д... Среди этихъ „дѣйствительно лучшихъ", членомъ Думы отъ минской губерніи избранъ Г. К. Шмидъ, бывшій флотскій офицеръ, осужденный въ 1891 году за тотъ видъ государственной измѣны, который называется шпіонствомъ въ мирное время. Обстоятельства избранія г. Шмида въ теченіе всей предвыборной кампаніи были предметомъ оживленныхъ толковъ въ газетахъ. Дѣйствительно, они заслуживаютъ вниманія, какъ съ юридической точки зрѣнія, такъ и съ общественной.

Еще до избранія выборщиковъ, нѣкоторые избиратели г. Минска подали заявленіе въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію о неправильномъ включеніи въ списки Г. К. Шмида и представили нумеръ „Правительственнаго Вѣстника" за 1891 годъ, въ которомъ былъ напечатанъ приказъ объ исключеніи изъ службы офицера флота Шмида, присужденнаго по соотвѣтственнымъ статьямъ уложенія о наказаніяхъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Коммиссія, въ виду этого заявленія, Шмида изъ списковъ исключила. Онъ принесъ жалобу въ губернскую коммиссію. Послѣдняя въ экстренномъ засѣданіи 27 сентября отмѣнила рѣшеніе уѣздной коммиссіи. „На бывшемъ наканунѣ собраніи „истинно-русскихъ" людей,—пишетъ корреспондентъ „Рѣчи" (№ 232),—послѣ того, какъ были указаны заслуги Густава Карловича въ насажденіи патріотизма въ минской губ., нѣкоторыми было предложено употребить всѣ усилія къ тому, чтобы Шмидъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, и просить членовъ губернской коммиссія идти на встрѣчу желаніямъ русскаго общества. Но и помимо этого члены губернской коммиссіи оказались въ такомъ положеніи, что были поставлены въ необходимость рѣшить вопросъ въ пользу Шмида. Дѣло въ томъ, что въ тотъ день губернаторомъ была получена телеграмма отъ товарища министра Крыжановскаго, въ которой, по порученію министра, указывалось „для свѣдѣнія и руководства", что Шмидъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ, на что у него имѣются подлежащіе документы, и что его избирательное право неоспоримо".

Какъ обладающій „неоспоримымъ" избирательнымъ правомъ —

ъ избранъ въ выборщики, а затѣмъ и въ члены Думы. товарища министра внутреннихъ дѣлъ о возстановленіи всѣхъ его правахъ настолько не согласовалась съ ст. 10 выборахъ, что когда о ней стало извѣстно въ столичной поставила газеты въ недоумѣніе: тотъ ли это Шмидъ, осужденъ за шпіонство? Не произошла ли ошибка въ ли въ Россіи Шмидтовъ, Шмидовъ и Шмитовъ? Легко во флотѣ какой-нибудь другой Шмидъ и понести по іе, допускающее возстановленіе избирательныхъ правъ. едѣли или дней десяти нота недоумѣнія чувствовалась вахъ по дѣлу. Но время шло, а ни отъ самого г. Шмида, домительнаго бюро" никакихъ опроверженій не появлявъ, раскрывались новыя подробности, съ несомнѣнностью устанавливающія полное тождество минскаго Шмида съ офицеромъ, продавшимъ семнадцать или шестнадцать лѣтъ назадъ, за десять тысячъ рублей планъ обороны Моонъ-Зунда. Наконецъ, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" была напечатана бесѣда съ бывшимъ прокуроромъ минскаго окружного суда, который категорически удостовѣрилъ, что никакой ошибки въ лицѣ нѣтъ. Единственно, что выставляли политическіе сторонники г. Шмида, это то, что онъ продалъ не настоящій планъ обороны, а имъ самимъ сфабрикованный.

Послѣднее могло бы имѣть значеніе лишь въ томъ отношеніи, что если бы г. Шмидъ совершилъ свое дѣяніе не въ 1890 или 1891 гг., а послѣ 1903 г., когда были установлены для военнослужащихъ повышенныя наказанія за шпіонство, то онъ не былъ бы приговоренъ къ смертной казни. Относительно же избирательныхъ его правъ—это обстоятельство безразличное. Ст. 10 дѣйствующаго положенія о выборахъ гласитъ: „Кромѣ указанныхъ въ предшедшей статьѣ (9) лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: 1) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія". Изъ этого опредѣленія явствуетъ: во-первыхъ, что лишеніе избирательныхъ правъ опредѣляется „состоявшимся осужденіемъ" за дѣянія, перечисленныя въ законѣ по роду, или вообще такія, которыя влекутъ наказанія, соединенныя съ ограниченіемъ правъ состоянія или съ исключеніемъ изъ службы; во-вторыхъ, что

состоявшееся при такихъ условіяхъ осужденіе лишаетъ осужденнаго избирательныхъ правъ безповоротно. Законъ прямо говоритъ: „*хотя бы* послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія“ — и въ дальнѣйшемъ перечнѣ упоминаетъ какъ общее помилованіе, такъ и спеціальное. Г. К. Шмидъ подвергся по суду ссылкѣ на житье и соединенному съ этимъ наказаніемъ исключенію изъ службы. Слѣдовательно, въ его прошломъ есть „состоявшееся осужденіе“, предусмотрѣнное первымъ пунктомъ ст. 10, и потому онъ безповоротно лишенъ права избирать и быть избираемымъ въ Государственную Думу. Какіе бы у него ни имѣлись „подлежащіе документы“, они по точному смыслу закона не могутъ возстанавливать разъ утраченныхъ имъ правъ. Нормальна ли подобная безповоротность силы „состоявшагося осужденія“—вопросъ другой. Мы считаемъ ее ненормальной, ибо лицо можетъ имѣть въ своемъ прошломъ суровое осужденіе и не за позорное въ этическомъ смыслѣ дѣяніе, какъ измѣна или шпіонство. Но рѣчь идетъ не объ измѣненіи закона, а о примѣненіи.

На основаніи какихъ тонкихъ юридическихъ соображеній министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало выводъ о неоспоримости избирательныхъ правъ г. Шмида—для насъ—полагаемъ и для всѣхъ русскихъ юристовъ—совершенная загадка. Тѣмъ болѣе ее трудно разгадать, что поскольку статья 10 подвергалась „разъясненіямъ“ во время выборовъ во вторую Думу, сенатъ всегда обнаруживалъ склонность отнюдь не къ льготному ея толкованію. Примѣровъ не нужно далеко искать: весьма яркіе приведены въ тезисахъ первомъ и четвертомъ, которые напечатаны подъ статьей 10 положенія съ разъясненіями, изданнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Невольно приходитъ на умъ, что не юридическія соображенія руководили въ данномъ случаѣ министерствомъ, а своеобразно понимаемыя политическія „заслуги“: г. Шмидъ—организаторъ и глава минскихъ „истинно-русскихъ“ людей.

Въ эпизодѣ съ г. Шмидомъ наши правые революціонеры показали послѣднюю степень извращенія государственныхъ, этическихъ и религіозныхъ понятій. Цитированная выше корреспонденція „Рѣчи“ приводитъ текстъ объявленія, которое, 27 и 28 сентября, раздавалось въ г. Минскѣ. Въ этомъ объявленіи, подъ знакомъ креста и заголовкомъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“—было напечатано: „Минское православное народное братство во имя Животворящаго Креста Господня съ великой радостью извѣщаетъ, что по милости Божьей Г. К. Шмидъ, несмотря на всѣ происки враговъ православія и русской народности, признанъ въ своихъ избирательныхъ правахъ. Подавая за него голоса на предстоящихъ выборахъ 30 с[illegible]-

тября, мы не только выполнимъ нашъ гражданскій долгъ, но и отблагодаримъ Господа Бога за дарованную намъ милость и дадимъ отпоръ той горсти позорящихъ русское имя людей, которые, утративъ всякій стыдъ, идутъ противъ насъ за то только, что мы остаемся вѣрными долгу, вѣрѣ и родинѣ". И это объявлялось по поводу признанія избирательныхъ правъ за человѣкомъ, совершившимъ шпіонство! Всякое кощунство отвратительно, но такого мы не помнимъ, чтобы приходилось часто читать...

При выборахъ членовъ Думы, г. Шмидъ былъ выставленъ кандидатомъ отъ „архіерейскаго" блока. (Кстати: исключительно любопытное и характерное названіе партійной выборной организаціи!) Вслѣдъ за его избраніемъ, „отъ группы 37 выборщиковъ поляковъ, евреевъ и рабочихъ подано было предсѣдателю и прочитано уполномоченнымъ У. Б. Крупскимъ слѣдующее заявленіе: „Мы, нижеподписавшіеся выборщики, считаемъ избраніе Г. К. Шмида членомъ Государственной Думы несовмѣстимымъ съ нашимъ достоинствомъ въ виду его прежней судимости за позорное для гражданина дѣяніе и поэтому вынуждены покинуть избирательное собраніе"... Чтеніе заявленія на послѣднихъ словахъ было прервано предсѣдателемъ. Всѣ выборщики поляки, евреи и рабочіе и нѣсколько русскихъ землевладѣльцевъ оставили залъ собранія". Такъ гласитъ телеграмма изъ Минска отъ 15 октября, на другой день появившаяся въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ.

Вѣроятно, эти 37 выборщиковъ не ограничились подачей заявленія и демонстративнымъ уходомъ изъ избирательнаго собранія и, сверхъ того, принесли жалобу на неправильное избраніе г. Шмида, какъ лица, утратившаго право быть выбраннымъ. Но если они и не принесли жалобы, избраніе Шмида навѣрное будетъ отмѣчено оппозиціей и станетъ предметомъ сужденій при повѣркѣ полномочій— сначала въ отдѣлѣ, а затѣмъ и въ общемъ собраніи Думы. Навѣрное же крайняя правая будетъ пытаться найти формальный поводъ, чтобы не допустить вопроса до всесторонняго выясненія. Но неужели это ей удастся? Хотѣлось бы вѣрить, что въ Думѣ не сложится большинства въ пользу оставленія въ званіи члена Государственной Думы, въ явное нарушеніе закона, лица, осужденнаго за измѣну или за мошенническую симуляцію измѣны... Въ первой Думѣ, членъ ея, г. Способный, едва ли не единственный тогда крайній правый, желая доказать необходимость сохраненія смертной казни, приводилъ измѣну какъ примѣръ, казавшійся ему уничтожающимъ всѣ доводы противниковъ кары лишеніемъ жизни. Прошло всего два года. Люди одного образа мыслей съ г. Способнымъ кощунственно возносятъ благодарственныя молитвы за дарованную имъ милость избрать измѣнника

своимъ представителемъ въ Государственную Думу. Вдвойнѣ замѣчательное сопоставленіе. Во-первыхъ, можно ли найти еще болѣе вѣскій аргументъ противъ смертной казни? Во-вторыхъ, какъ далеко оставили позади себя „истинно-русскіе" люди элементарное различеніе нравственнаго и безнравственнаго и пониманіе, что именно позоритъ русское имя...

Настоящія строки уже нами были написаны, когда мы прочли въ № 283 „Руси" письмо въ редакцію изъ Минска за подписью: „Выборщикъ". Беремъ изъ него нѣкоторыя выдержки: „Я былъ губернскимъ выборщикомъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Собрали насъ въ Минскъ заблаговременно и помѣстили въ домѣ архіерея. Все время приходили къ намъ какіе-то люди и говорили, что они члены выборнаго комитета и говорили, что необходимо выбирать въ Думу Шмида. Другіе же приходили къ намъ и говорили, что Шмидъ былъ судимъ, былъ обвиненъ и сосланъ, и потому его не слѣдуетъ выбирать. Тогда многихъ изъ насъ по одиночкѣ вызывалъ къ себѣ архіерей и уговаривалъ, что Шмидъ судимъ не былъ и потому его нужно выбирать". „Хотѣли мы выбрать полковника Лашкарева и писаря Грудинскаго, что уже были членами во второй Думѣ, да они отказались наотрѣзъ идти въ Думу рядомъ со Шмидомъ. Полковникъ Лашкаревъ на выборахъ, когда уже выбаллотировали Шмида, даже заплакалъ и сказалъ: „Это позоръ минской губ., выбирать того, кто продалъ планъ крѣпости",—заплакалъ съ нимъ и одинъ старый священникъ, который положилъ Шмиду бѣлый шаръ, слушая приказъ архіерея".

Въ № 223 „Русскихъ Вѣдомостей" былъ перепечатанъ изъ „Ферганскихъ Обл. Вѣд." въ высокой степени характерный приказъ в. д. начальника 3-й туркестанской стрѣлковой бригады:

„14-го сентября, въ 2 часа дня, во время прогулки подпоручика 10-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона К. съ другими лицами по платформѣ станціи Андижанъ, мѣстный житель, сартъ Ахметжановъ, вломился въ компанію разгуливавшихъ, причемъ былъ отстраненъ подпоручикомъ К. Послѣ этого сартъ Ахметжановъ осмѣлился нанести ударъ подпоручику К., который въ свою очередь отвѣтилъ ударомъ шашкой по головѣ, причинивъ сарту Ахметжанову незначительную рану. Изъ этого случая усматриваю, что гг. офицеры во ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обращая на это вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы ими были приняты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ".

Для слуха, привыкшаго отличать оттѣнки языка оффиціальныхъ

уясь

документовъ, здѣсь характерно не одно содержаніе приказа, но и отдѣльныя слова: „вломился“ и „осмѣлился“, когда рѣчь идетъ о сартѣ Ахметжановѣ, и „былъ отстраненъ“, когда описываются дѣйствія подпоручика К. Но сравнительно съ тѣмъ, что усмотрѣлъ и. д. начальника бригады изъ „случая“, имѣвшаго мѣсто на станціи Андижанъ 14-го сентября, это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Не фактъ нанесенія раны подчиненнымъ ему офицеромъ остановилъ на себѣ вниманіе генерала Л., а фактъ нанесенія раны „незначительной“. Отсюда и. д. начальника бригады сдѣлалъ выводъ, что гг. офицеры во ввѣренной ему бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. А отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію отдавшаго приказъ начальника, офицеръ долженъ былъ, при данныхъ обстоятельствахъ, обнаружить болѣе умѣлое обращеніе съ шашкой, т.-е. „раскроить черепъ“ Ахметжанову или, иначе, убить его, или нанести ему рану „значительную“. Этого конечнаго вывода не написано. Но онъ съ такой очевидностью вытекаетъ самъ собою, что приказа иначе навѣрное не поняли, и не могли понять, ни командиры батальоновъ, которымъ предъявлено требованіе принять надлежащія мѣры „въ обученіи гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ“, ни младшіе офицеры, ни мѣстные жители, для свѣдѣнія которыхъ приказъ напечатанъ въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“.

Юридическій остовъ „случая“ весьма простъ. За дѣйствіемъ сарта Ахметжанова, „вломившагося“ въ компанію разгуливавшихъ, послѣдовало „отстраненіе“ его подпоручикомъ; затѣмъ Ахметжановъ нанесъ подпоручику ударъ, а подпоручикъ, въ отвѣтъ, ударилъ Ахметжанова шашкой, причинивъ ударомъ „незначительную“ рану. Для полной ясности вопроса и въ виду гадательности, что скрывается за неопредѣленными понятіями: „вломился“ и „былъ отстраненъ“,—возможно случай еще болѣе упростить, т.-е. отбросить предшествующія дѣйствія подпоручика и сарта Ахметжанова и остановиться лишь на двухъ послѣднихъ актахъ. Возможно принять, что Ахметжановъ нанесъ ударъ безъ всякаго повода или, иными словами, что нанесенный имъ ударъ былъ первоначальнымъ моментомъ столкновенія. Такое дѣяніе Ахметжанова составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. мирового устава, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ въ публичномъ мѣстѣ. Дѣяніе же подпоручика подлежитъ квалификаціи по второй части 1483 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ нанесеніе въ запальчивости или раздраженіи легкой раны. При этомъ, за силою 276 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, дѣло о названномъ офицерѣ подлежитъ начатію независимо отъ жалобы потерпѣвшаго и не можетъ быть окончено примиреніемъ. А причиненіе раны при-

своимъ представителемъ въ Государственную Думу.
нательное сопоставленіе. Во-первыхъ, можно ли на
вѣскій аргументъ противъ смертной казни? Во-вторыхъ, какъ далеко оставили позади себя „истинно-русскіе" люди элементарное различеніе нравственнаго и безнравственнаго и пониманіе, что именно позоритъ русское имя...

Настоящія строки уже нами были написаны, когда мы прочли въ № 283 „Руси" письмо въ редакцію изъ Минска за подписью: „Выборщикъ". Беремъ изъ него нѣкоторыя выдержки: „Я былъ губернскимъ выборщикомъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Собрали насъ въ Минскѣ заблаговременно и помѣстили въ домѣ архіерея. Все время приходили къ намъ какіе-то люди и говорили, что они члены выборнаго комитета и говорили, что необходимо выбирать въ Думу Шмида. Другіе же приходили къ намъ и говорили, что Шмидъ былъ судимъ, былъ обвиненъ и сосланъ, и потому его не слѣдуетъ выбирать.
многихъ изъ насъ по одиночкѣ вызывалъ къ себѣ архіерей и
ривалъ, что Шмидъ судимъ не былъ и потому его нужно выби
„Хотѣли мы выбрать полковника Лашкарева и писаря Груди
что уже были членами во второй Думѣ, да они отказались на
идти въ Думу рядомъ со Шмидомъ. Полковникъ Лашкаревъ
борахъ, когда уже выбаллотировали Шмида, даже заплакалъ
залъ: „Это позоръ минской губ., выбирать того, кто продалъ
крѣпости",—заплакалъ съ нимъ и одинъ старый священникъ,
рый положилъ Шмиду бѣлый шаръ, слушая приказъ архіерея"

Въ № 223 „Русскихъ Вѣдомостей" былъ перепечатанъ изъ
ганскихъ Обл. Вѣд." въ высокой степени характерный приказ
начальника 3-й туркестанской стрѣлковой бригады:

„14-го сентября, въ 2 часа дня, во время прогулки подпо
10-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона К. съ другими
по платформѣ станціи Андижанъ, мѣстный житель, сартъ Ах
новъ, вломился въ компанію разгуливавшихъ, причемъ былъ
ненъ подпоручикомъ К. Послѣ этого сартъ Ахметжановъ оси
нанести ударъ подпоручику К., который въ свою очередь от
ударомъ шашкой по головѣ, причинивъ сарту Ахметжанову н
тельную рану. Изъ этого случая усматриваю, что гг. офиц
ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обращая
вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы ими был
няты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ владѣні
своеннымъ имъ оружіемъ".

Для слуха, привыкшаго отличать оттѣнки языка оффиціа

документовъ, здѣсь характерно не одно содержаніе приказа, но и отдѣльныя слова: „вломился" и „осмѣлился", когда рѣчь идетъ о сартѣ Ахметжановѣ, и „былъ отстраненъ", когда описываются дѣйствія подпоручика К. Но сравнительно съ тѣмъ, что усмотрѣлъ и. д. начальника бригады изъ „случая", имѣвшаго мѣсто на станціи Андижанъ 14-го сентября, это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Не фактъ нанесенія раны подчиненнымъ ему офицеромъ остановилъ на себѣ вниманіе генерала Л., а фактъ нанесенія раны „незначительной". Отсюда и. д. начальника бригады сдѣлалъ выводъ, что гг. офицеры во ввѣренной ему бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. А отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію отдавшаго приказъ начальника, офицеръ долженъ былъ, при данныхъ обстоятельствахъ, обнаружить болѣе умѣлое обращеніе съ шашкой, т.-е. „раскроить черепъ" Ахметжанову или, иначе, убить его, или нанести ему рану „значительную". Этого конечнаго вывода не написано. Но онъ съ такой очевидностью вытекаетъ самъ собою, что приказа иначе навѣрное не поняли, и не могли понять, ни командиры батальоновъ, которымъ предъявлено требованіе принять надлежащія мѣры „къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ", ни младшіе офицеры, ни мѣстные жители, для свѣдѣнія которыхъ приказъ напечатанъ въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ".

Юридическій остовъ „случая" весьма простъ. За дѣйствіемъ сарта Ахметжанова, „вломившагося" въ компанію разгуливавшихъ, послѣдовало „отстраненіе" его подпоручикомъ; затѣмъ Ахметжановъ нанесъ подпоручику ударъ, а подпоручикъ, въ отвѣтъ, ударилъ Ахметжанова шашкой, причинивъ ударомъ „незначительную" рану. Для полной ясности вопроса и въ виду гадательности, что скрывается за неопредѣленными понятіями: „вломился" и „былъ отстраненъ",—возможно случай еще болѣе упростить, т.-е. отбросить предшествующія дѣйствія подпоручика и сарта Ахметжанова и остановиться лишь на двухъ послѣднихъ актахъ. Возможно принять, что Ахметжановъ нанесъ ударъ безъ всякаго повода или, иными словами, что нанесенный имъ ударъ былъ первоначальнымъ моментомъ столкновенія. Такое дѣяніе Ахметжанова составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. мирового устава, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ въ публичномъ мѣстѣ. Дѣяніе же подпоручика подлежитъ квалификаціи по второй части 1483 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ нанесеніе въ запальчивости или раздраженіи легкой раны. При этомъ, за силою 276 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, дѣло о названномъ офицерѣ подлежитъ начатію независимо отъ жалобы потерпѣвшаго и не можетъ быть окончено примиреніемъ. А причиненіе раны присвоеннымъ подпоручику К. оружіемъ, согласно 78 ст. воинск. уст.,

своимъ представителемъ въ Государственную Думу.
нательное сопоставленіе. Во-первыхъ, можно ли найти еще болѣе вѣскій аргументъ противъ смертной казни? Во-вторыхъ, какъ далеко оставили позади себя „истинно-русскіе" люди элементарное различеніе нравственнаго и безнравственнаго и пониманіе, что именно позоритъ русское имя...

Настоящія строки уже нами были написаны, когда мы прочли въ № 283 „Руси" письмо въ редакцію изъ Минска за подписью: „Выборщикъ". Беремъ изъ него нѣкоторыя выдержки: „Я былъ губернскимъ выборщикомъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Собрали насъ въ Минскѣ заблаговременно и помѣстили въ домѣ архіерея. Все время приходили къ намъ какіе-то люди и говорили, что они члены выборнаго комитета и говорили, что необходимо выбирать въ Думу Шмида. Другіе же приходили къ намъ и говорили, что Шмидъ былъ судимъ, былъ обвиненъ и сосланъ, и потому его не слѣдуетъ выбирать. То многихъ изъ насъ по одиночкѣ вызывалъ къ себѣ архіерей и уг[illegible] ривалъ, что Шмидъ судимъ не былъ и потому его нужно выбират[illegible] „Хотѣли мы выбрать полковника Лашкарева и писаря Грудинск[illegible] что уже были членами во второй Думѣ, да они отказались наот[illegible] идти въ Думу рядомъ со Шмидомъ. Полковникъ Лашкаревъ на [illegible] борахъ, когда уже выбаллотировали Шмида, даже заплакалъ и [illegible] залъ: „Это позоръ минской губ., выбирать того, кто продалъ пл[illegible] крѣпости",—заплакалъ съ нимъ и одинъ старый священникъ, к[illegible] рый положилъ Шмиду бѣлый шаръ, слушая приказъ архіерея".

— —

Въ № 223 „Русскихъ Вѣдомостей" былъ перепечатанъ изъ „[illegible] ганскихъ Обл. Вѣд." въ высокой степени характерный приказъ [illegible] начальника 3-й туркестанской стрѣлковой бригады:

„14-го сентября, въ 2 часа дня, во время прогулки подпоруч[illegible] 10-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона К. съ другими ли[illegible] по платформѣ станціи Андижанъ, мѣстный житель, сартъ Ахме[illegible] новъ, вломился въ компанію разгуливавшихъ, причемъ былъ от[illegible] ненъ подпоручикомъ К. Послѣ этого сартъ Ахметжановъ осмѣл[illegible] нанести ударъ подпоручику К., который въ свою очередь отвѣ[illegible] ударомъ шашкой по головѣ, причинивъ сарту Ахметжанову незн[illegible] тельную рану. Изъ этого случая усматриваю, что гг. офицеры [illegible] ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обращая на [illegible] вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы ими были [illegible] няты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ владѣнію [illegible] своеннымъ имъ оружіемъ".

Для слуха, привыкшаго отличать оттѣнки языке офиціаль[illegible]

документовъ, здѣсь характерно не одно содержаніе приказа, но и отдѣльныя слова: „вломился“ и „осмѣлился“, когда рѣчь идетъ о сартѣ Ахметжановѣ, и „былъ отстраненъ“, когда описываются дѣйствія подпоручика К. Но сравнительно съ тѣмъ, что усмотрѣлъ и. д. начальника бригады изъ „случая“, имѣвшаго мѣсто на станціи Андижанъ 14-го сентября, это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Не фактъ нанесенія раны подчиненнымъ ему офицеромъ остановилъ на себѣ вниманіе генерала Л., а фактъ нанесенія раны „незначительной“. Отсюда и. д. начальника бригады сдѣлалъ выводъ, что гг. офицеры во ввѣренной ему бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. А отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію отдавшаго приказъ начальника, офицеръ долженъ былъ, при данныхъ обстоятельствахъ, обнаружить болѣе умѣлое обращеніе съ шашкой, т.-е. „раскроить черепъ“ Ахметжанову или, иначе, убить его, или нанести ему рану „значительную“. Этого конечнаго вывода не написано. Но онъ съ такой очевидностью вытекаетъ самъ собою, что приказа иначе навѣрное не поняли, и не могли понять, ни командиры батальоновъ, которымъ предъявлено требованіе принять надлежащія мѣры „къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ“, ни младшіе офицеры, ни мѣстные жители, для свѣдѣнія которыхъ приказъ напечатанъ въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“.

Юридическій остовъ „случая“ весьма простъ. За дѣйствіемъ сарта Ахметжанова, „вломившагося“ въ компанію разгуливавшихъ, послѣдовало „отстраненіе“ его подпоручикомъ; затѣмъ Ахметжановъ нанесъ подпоручику ударъ, а подпоручикъ, въ отвѣтъ, ударилъ Ахметжанова шашкой, причинивъ ударомъ „незначительную“ рану. Для полной ясности вопроса и въ виду гадательности, что скрывается за неопредѣленными понятіями: „вломился“ и „былъ отстраненъ“,—возможно случай еще болѣе упростить, т.-е. отбросить предшествующія дѣйствія подпоручика и сарта Ахметжанова и остановиться лишь на двухъ послѣднихъ актахъ. Возможно принять, что Ахметжановъ нанесъ ударъ безъ всякаго повода или, иными словами, что нанесенный имъ ударъ былъ первоначальнымъ моментомъ столкновенія. Такое дѣяніе Ахметжанова составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. мирового устава, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ въ публичномъ мѣстѣ. Дѣяніе же подпоручика подлежитъ квалификаціи по второй части 1483 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ нанесеніе въ запальчивости или раздраженіи легкой раны. При этомъ, за силою 276 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, дѣло о названномъ офицерѣ подлежитъ начатію независимо отъ жалобы потерпѣвшаго и не можетъ быть окончено примиреніемъ. А причиненіе раны присвоеннымъ подпоручику К. оружіемъ, согласно 78 ст. воинск. уст.,

своимъ представителемъ въ Государственную Думу. Вдвойнѣ знаменательное сопоставленіе. Во-первыхъ, можно ли найти еще болѣе вѣскій аргументъ противъ смертной казни? Во-вторыхъ, какъ далеко оставили позади себя „истинно-русскіе" люди элементарное различеніе нравственнаго и безнравственнаго и пониманіе, что̀ именно позоритъ русское имя...

Настоящія строки уже нами были написаны, когда мы прочли въ № 283 „Руси" письмо въ редакцію изъ Минска за подписью: „Выборщикъ". Беремъ изъ него нѣкоторыя выдержки: „Я былъ губернскимъ выборщикомъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Собрали насъ въ Минскѣ заблаговременно и помѣстили въ домѣ архіерея. Все время приходили къ намъ какіе-то люди и говорили, что они члены выборнаго комитета и говорили, что необходимо выбирать въ Думу Шмида. Другіе же приходили къ намъ и говорили, что Шмидъ былъ судимъ, былъ обвиненъ и сосланъ, и потому его не слѣдуетъ выбирать. Тогда многихъ изъ насъ по одиночкѣ вызывалъ къ себѣ архіерей и уговаривалъ, что Шмидъ судимъ не былъ и потому его нужно выбирать"... „Хотѣли мы выбрать полковника Лашкарева и писаря Грудинскаго, что уже были членами во второй Думѣ, да они отказались наотрѣзъ идти въ Думу рядомъ со Шмидомъ. Полковникъ Лашкаревъ на выборахъ, когда уже выбаллотировали Шмида, даже заплакалъ и сказалъ: „Это позоръ минской губ., выбирать того, кто продалъ планы крѣпости",—заплакалъ съ нимъ и одинъ старый священникъ, который положилъ Шмиду бѣлый шаръ, слушая приказъ архіерея".

Въ № 223 „Русскихъ Вѣдомостей" былъ перепечатанъ изъ „Ферганскихъ Обл. Вѣд." въ высокой степени характерный приказъ и. д. начальника 3-й туркестанской стрѣлковой бригады:

„14-го сентября, въ 2 часа дня, во время прогулки подпоручика 10-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона К. съ другими лицами по платформѣ станціи Андижанъ, мѣстный житель, сартъ Ахметжановъ, вломился въ компанію разгуливавшихъ, причемъ былъ отстраненъ подпоручикомъ К. Послѣ этого сартъ Ахметжановъ осмѣлился нанести ударъ подпоручику К., который въ свою очередь отвѣтилъ ударомъ шашкой по головѣ, причинивъ сарту Ахметжанову незначительную рану. Изъ этого случая усматриваю, что гг. офицеры во ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обращая на это вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы ими были приняты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ".

Для слуха, привыкшаго отличать оттѣнки языка оффиціальныхъ

документовъ, здѣсь характерно не одно содержаніе приказа, но и отдѣльныя слова: „вломился“ и „осмѣлился“, когда рѣчь идетъ о сартѣ Ахметжановѣ, и „былъ отстраненъ“, когда описываются дѣйствія подпоручика К. Но сравнительно съ тѣмъ, что усмотрѣлъ и. д. начальника бригады изъ „случая“, имѣвшаго мѣсто на станціи Андижанъ 14-го сентября, это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Не фактъ нанесенія раны подчиненнымъ ему офицеромъ остановилъ на себѣ вниманіе генерала Л., а фактъ нанесенія раны „незначительной“. Отсюда и. д. начальника бригады сдѣлалъ выводъ, что гг. офицеры во ввѣренной ему бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. А отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію отдавшаго приказъ начальника, офицеръ долженъ былъ, при данныхъ обстоятельствахъ, обнаружить болѣе умѣлое обращеніе съ шашкой, т.-е. „раскроить черепъ“ Ахметжанову или, иначе, убить его, или нанести ему рану „значительную“. Этого конечнаго вывода не написано. Но онъ съ такой очевидностью вытекаетъ самъ собою, что приказа иначе навѣрное не поняли, и не могли понять, ни командиры батальоновъ, которымъ предъявлено требованіе принять надлежащія мѣры „къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ“, ни младшіе офицеры, ни мѣстные жители, для свѣдѣнія которыхъ приказъ напечатанъ въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“.

Юридическій остовъ „случая“ весьма простъ. За дѣйствіемъ сарта Ахметжанова, „вломившагося“ въ компанію разгуливавшихъ, послѣдовало „отстраненіе“ его подпоручикомъ; затѣмъ Ахметжановъ нанесъ подпоручику ударъ, а подпоручикъ, въ отвѣтъ, ударилъ Ахметжанова шашкой, причинивъ ударомъ „незначительную“ рану. Для полной ясности вопроса и въ виду гадательности, что скрывается за неопредѣленными понятіями: „вломился“ и „былъ отстраненъ“,—возможно случай еще болѣе упростить, т.-е. отбросить предшествующія дѣйствія подпоручика и сарта Ахметжанова и остановиться лишь на двухъ послѣднихъ актахъ. Возможно принять, что Ахметжановъ нанесъ ударъ безъ всякаго повода или, иными словами, что нанесенный имъ ударъ былъ первоначальнымъ моментомъ столкновенія. Такое дѣяніе Ахметжанова составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. мирового устава, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ въ публичномъ мѣстѣ. Дѣяніе же подпоручика подлежитъ квалификаціи по второй части 1483 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ нанесеніе въ запальчивости или раздраженіи легкой раны. При этомъ, за силою 276 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, дѣло о названномъ офицерѣ подлежитъ начатію независимо отъ жалобы потерпѣвшаго и не можетъ быть окончено примиреніемъ. А причиненіе раны присвоеннымъ подпоручику К. оружіемъ, согласно 78 ст. воинск. уст.,

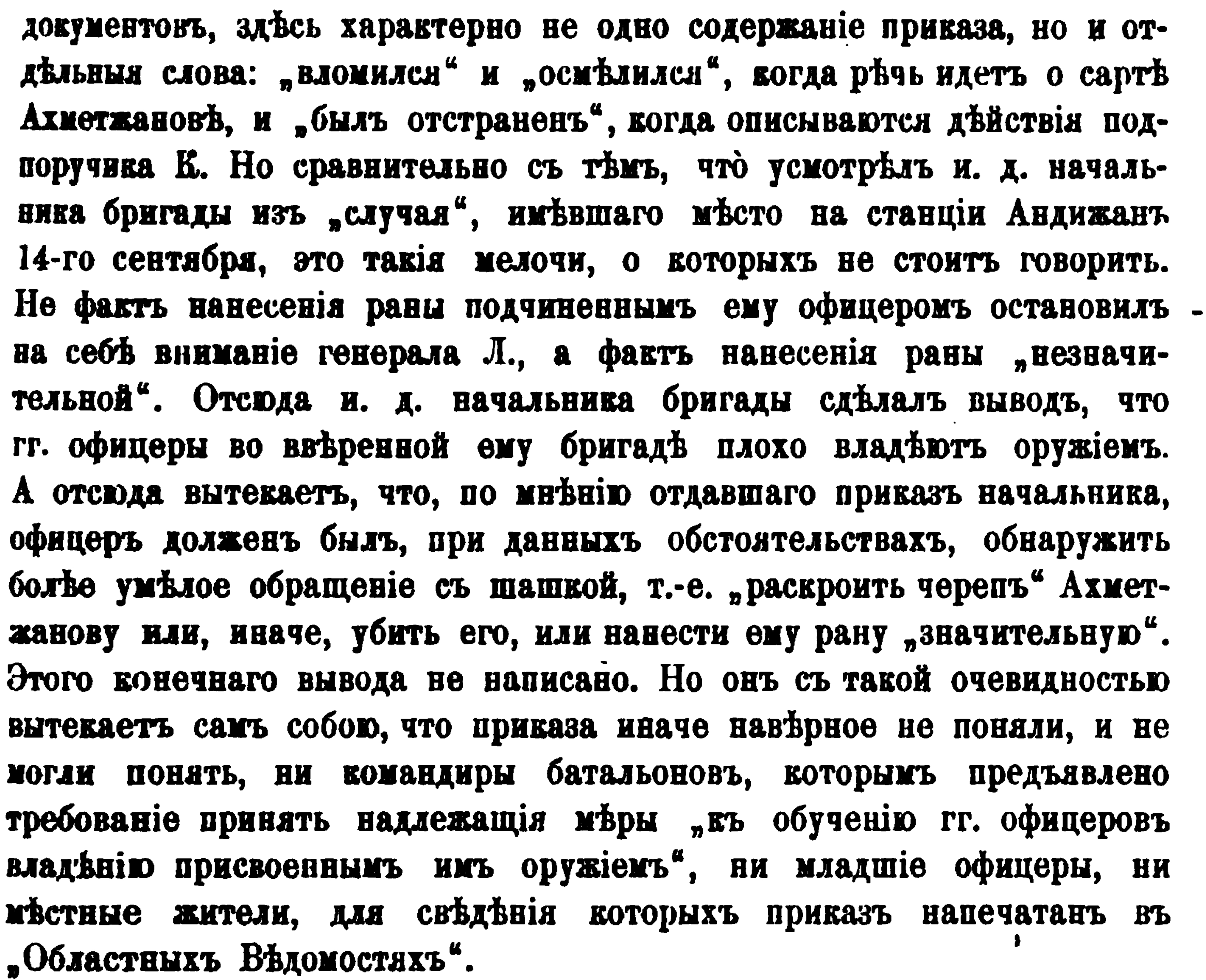
своимъ представителемъ въ Государственную Думу.
нательное сопоставленіе. Во-первыхъ, можно ли н
вѣскій аргументъ противъ смертной казни? Во-втор
оставили позади себя „истинно-русскіе“ люди элеме
ніе нравственнаго и безнравственнаго и пониманіе, что именно позоритъ русское имя...

Настоящія строки уже нами были написаны, когда мы прочли въ № 283 „Руси“ письмо въ редакцію изъ Минска за подписью: „Выборщикъ“. Беремъ изъ него нѣкоторыя выдержки: „Я былъ губернскимъ выборщикомъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Собрали насъ въ Минскѣ заблаговременно и помѣстили въ домѣ архіерея. Все время приходили къ намъ какіе-то люди и говорили, что они члены
комитета и говорили, что необходимо выбирать въ Думу Ш
гіе же приходили къ намъ и говорили, что Шмидъ бы
былъ обвиненъ и сосланъ, и потому его не слѣдуетъ выби
многихъ изъ насъ по одиночкѣ вызывалъ къ себѣ архіер
ривалъ, что Шмидъ судимъ не былъ и потому его нужно в
„Хотѣли мы выбрать полковника Лашкарева и писаря Г
что уже были членами во второй Думѣ, да они отказалис
идти въ Думу рядомъ со Шмидомъ. Полковникъ Лашкар
борахъ, когда уже выбаллотировали Шмида, даже запла
залъ: „Это позоръ минской губ., выбирать того, кто про
крѣпости“,—заплакалъ съ нимъ и одинъ старый священ
рый положилъ Шмиду бѣлый шаръ, слушая приказъ архі

Въ № 223 „Русскихъ Вѣдомостей“ былъ перепечатанъ
ганскихъ Обл. Вѣд.“ въ высокой степени характерный пр
начальника 3-й туркестанской стрѣлковой бригады:

„14-го сентября, въ 2 часа дня, во время прогулки
10-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона К. съ друг
по платформѣ станціи Андижанъ, мѣстный житель, сарт
новъ, вломился въ компанію разгуливавшихъ, причемъ б
ненъ подпоручикомъ К. Послѣ этого сартъ Ахметжановъ
нанести ударъ подпоручику К., который въ свою очере
ударомъ шашкой по головѣ, причинивъ сарту Ахметжано
тельную рану. Изъ этого случая усматриваю, что гг.
ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обра
вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы им
няты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ вла
своеннымъ имъ оружіемъ“.

Для слуха, привыкшаго отличать оттѣнки языка оф



документовъ, здѣсь характерно не одно содержаніе приказа, но и отдѣльныя слова: „вломился“ и „осмѣлился“, когда рѣчь идетъ о сартѣ Ахметжановѣ, и „былъ отстраненъ“, когда описываются дѣйствія подпоручика К. Но сравнительно съ тѣмъ, что усмотрѣлъ и. д. начальника бригады изъ „случая“, имѣвшаго мѣсто на станціи Андижанъ 14-го сентября, это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Не фактъ нанесенія раны подчиненнымъ ему офицеромъ остановилъ на себѣ вниманіе генерала Л., а фактъ нанесенія раны „незначительной“. Отсюда и. д. начальника бригады сдѣлалъ выводъ, что гг. офицеры во ввѣренной ему бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. А отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію отдавшаго приказъ начальника, офицеръ долженъ былъ, при данныхъ обстоятельствахъ, обнаружить болѣе умѣлое обращеніе съ шашкой, т.-е. „раскроить черепъ“ Ахметжанову или, иначе, убить его, или нанести ему рану „значительную“. Этого конечнаго вывода не написано. Но онъ съ такой очевидностью вытекаетъ самъ собою, что приказа иначе навѣрное не поняли, и не могли понять, ни командиры батальоновъ, которымъ предъявлено требованіе принять надлежащія мѣры „къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ“, ни младшіе офицеры, ни мѣстные жители, для свѣдѣнія которыхъ приказъ напечатанъ въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“.

Юридическій остовъ „случая“ весьма простъ. За дѣйствіемъ сарта Ахметжанова, „вломившагося“ въ компанію разгуливавшихъ, послѣдовало „отстраненіе“ его подпоручикомъ; затѣмъ Ахметжановъ нанесъ подпоручику ударъ, а подпоручикъ, въ отвѣтъ, ударилъ Ахметжанова шашкой, причинивъ ударомъ „незначительную“ рану. Для полной ясности вопроса и въ виду гадательности, что скрывается за неопредѣленными понятіями: „вломился“ и „былъ отстраненъ“,—возможно случай еще болѣе упростить, т.-е. отбросить предшествующія дѣйствія подпоручика и сарта Ахметжанова и остановиться лишь на двухъ послѣднихъ актахъ. Возможно принять, что Ахметжановъ нанесъ ударъ безъ всякаго повода или, иными словами, что нанесенный имъ ударъ былъ первоначальнымъ моментомъ столкновенія. Такое дѣяніе Ахметжанова составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. мирового устава, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ въ публичномъ мѣстѣ. Дѣяніе же подпоручика подлежитъ квалификаціи по второй части 1483 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ нанесеніе въ запальчивости или раздраженіи легкой раны. При этомъ, за силою 276 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, дѣло о названномъ офицерѣ подлежитъ начатію независимо отъ жалобы потерпѣвшаго и не можетъ быть окончено примиреніемъ. А причиненіе раны присвоеннымъ подпоручику К. оружіемъ, согласно 78 ст. воинск. уст.,

своимъ представителемъ въ Государственную Думу.
нательное сопоставленіе. Во-первыхъ, можно ли на
вѣскій аргументъ противъ смертной казни? Во-вторыхъ, какъ далеко оставили позади себя „истинно-русскіе“ люди элементарное различеніе нравственнаго и безнравственнаго и пониманіе, что именно позоритъ русское имя...

Настоящія строки уже нами были написаны, когда мы пр
№ 283 „Руси“ письмо въ редакцію изъ Минска за подписью: „
щикъ“. Беремъ изъ него нѣкоторыя выдержки: „Я былъ губер
выборщикомъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Собрали насъ въ
заблаговременно и помѣстили въ домѣ архіерея. Все время
дили къ намъ какіе-то люди и говорили, что они члены вы
комитета и говорили, что необходимо выбирать въ Думу Шми,
гіе же приходили къ намъ и говорили, что Шмидъ былъ
былъ обвиненъ и сосланъ, и потому его не слѣдуетъ выбират
многихъ изъ насъ по одиночкѣ вызывалъ къ себѣ архіерей и
ривалъ, что Шмидъ судимъ не былъ и потому его нужно выби
„Хотѣли мы выбрать полковника Лашкарева и писаря Груд
что уже были членами во второй Думѣ, да они отказались и
идти въ Думу рядомъ со Шмидомъ. Полковникъ Лашкаревъ
борахъ, когда уже выбаллотировали Шмида, даже заплакалъ
залъ: „Это позоръ минской губ., выбирать того, кто продал
крѣпости“,—заплакалъ съ нимъ и одинъ старый священник
рый положилъ Шмиду бѣлый шаръ, слушая приказъ архіерея

Въ № 223 „Русскихъ Вѣдомостей“ былъ перепечатанъ из
ганскихъ Обл. Вѣд.“ въ высокой степени характерный прика
начальника 3-й туркестанской стрѣлковой бригады:

„14-го сентября, въ 2 часа дня, во время прогулки подп
10-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона К. съ другими
по платформѣ станціи Андижанъ, мѣстный житель, сартъ А
новъ, вломился въ компанію разгуливавшихъ, причемъ былъ
ненъ подпоручикомъ К. Послѣ этого сартъ Ахметжановъ ос
нанести ударъ подпоручику К., который въ свою очередь о
ударомъ шашкой по головѣ, причинивъ сарту Ахметжанову
тельную рану. Изъ этого случая усматриваю, что гг. офи
ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обращая
вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы ими бы
няты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ владѣн
своеннымъ имъ оружіемъ“.

Для слуха, привыкшаго отличать оттѣнки языка оффиці

документовъ, здѣсь характерно не одно содержаніе приказа, но и отдѣльныя слова: „вломился" и „осмѣлился", когда рѣчь идетъ о сартѣ Ахметжановѣ, и „былъ отстраненъ", когда описываются дѣйствія подпоручика К. Но сравнительно съ тѣмъ, что̀ усмотрѣлъ и. д. начальника бригады изъ „случая", имѣвшаго мѣсто на станціи Андижанъ 14-го сентября, это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Не фактъ нанесенія раны подчиненнымъ ему офицеромъ остановилъ на себѣ вниманіе генерала Л., а фактъ нанесенія раны „незначительной". Отсюда и. д. начальника бригады сдѣлалъ выводъ, что гг. офицеры во ввѣренной ему бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. А отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію отдавшаго приказъ начальника, офицеръ долженъ былъ, при данныхъ обстоятельствахъ, обнаружить болѣе умѣлое обращеніе съ шашкой, т.-е. „раскроить черепъ" Ахметжанову или, иначе, убить его, или нанести ему рану „значительную". Этого конечнаго вывода не написано. Но онъ съ такой очевидностью вытекаетъ самъ собою, что приказа иначе навѣрное не поняли, и не могли понять, ни командиры батальоновъ, которымъ предъявлено требованіе принять надлежащія мѣры „къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ", ни младшіе офицеры, ни мѣстные жители, для свѣдѣнія которыхъ приказъ напечатанъ въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ".

Юридическій остовъ „случая" весьма простъ. За дѣйствіемъ сарта Ахметжанова, „вломившагося" въ компанію разгуливавшихъ, послѣдовало „отстраненіе" его подпоручикомъ; затѣмъ Ахметжановъ нанесъ подпоручику ударъ, а подпоручикъ, въ отвѣтъ, ударилъ Ахметжанова шашкой, причинивъ ударомъ „незначительную" рану. Для полной ясности вопроса и въ виду гадательности, что̀ скрывается за неопредѣленными понятіями: „вломился" и „былъ отстраненъ",—возможно случай еще болѣе упростить, т.-е. отбросить предшествующія дѣйствія подпоручика и сарта Ахметжанова и остановиться лишь на двухъ послѣднихъ актахъ. Возможно принять, что Ахметжановъ нанесъ ударъ безъ всякаго повода или, иными словами, что нанесенный имъ ударъ былъ первоначальнымъ моментомъ столкновенія. Такое дѣяніе Ахметжанова составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. мирового устава, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ въ публичномъ мѣстѣ. Дѣяніе же подпоручика подлежитъ квалификаціи по второй части 1483 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ нанесеніе въ запальчивости или раздраженіи легкой раны. При этомъ, за силою 276 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, дѣло о названномъ офицерѣ подлежитъ начатію независимо отъ жалобы потерпѣвшаго и не можетъ быть окончено примиреніемъ. А причиненіе раны присвоеннымъ подпоручику К. оружіемъ, согласно 78 ст. воинск. уст.,

можетъ служить основаніемъ для назначенія усиленнаго
Только двѣ приведенныя статьи военно-уголовнаго законод
имѣютъ отношеніе къ описанному въ приказѣ случаю.
остальномъ онъ всецѣло подчиняется опредѣленіямъ дѣйс
законодательства общеуголовнаго.

Если бы случай имѣлъ мѣсто не въ Россіи, а въ Ав
преступность дѣянія подпоручика К. подлежала бы оцѣнкѣ
зультатѣ ея, быть можетъ, устраненію на основаніи прави
обходимой оборонѣ. Австрійское общее законодательство,
нашему, не допускаетъ обороны чести. Но военно-уголовный
скій кодексъ содержитъ въ себѣ отступленіе. Пунктъ д. §
ситъ, что офицеръ, употребившій оружіе для защиты свое
чести, если онъ не вышелъ за предѣлы обороны, освобожд
наказанія. Такъ же точно, если бы въ Россіи, въ отношені
тельствъ на личность, дѣйствовало уголовное уложеніе 190
уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., то нанесеніе раны Ахм
подлежало бы разсмотрѣнію съ точки зрѣнія наличности д
ручика К. условій состоянія необходимой обороны. Ст. 45 у
уложенія говоритъ о допустимости обороны противъ незако
сягательства на личныя блага вообще и тѣмъ объявляетъ н
ность обороны чести съ одной лишь оговоркой: если защи
не превысилъ предѣловъ обороны „чрезмѣрностью или несв
ностью защиты". Но „случай" произошелъ въ Россіи и при
уложенія о наказаніяхъ, которое въ ст. 101 признаетъ н
мость дѣянія, совершеннаго въ состояніи необходимой
только тогда, когда „дѣйствительно подвергались опасност
здоровье или свобода оборонявшагося". Что такая поста
проса не нормальна и что право обороны чести должно б
знаваемо уголовнымъ законодательствомъ—объ этомъ уже да
двухъ мнѣній у русскихъ криминалистовъ-теоретиковъ. Возз
однако, до настоящаго времени въ практику жизни не во
дѣйствующій законъ смотритъ иначе.

Такимъ образомъ, и то, что̀ подпоручикъ К. совершилъ,
спорно дѣяніе преступное, отъ наказанія за которое онъ мо
(по закону) освобожденъ исключительно въ порядкѣ помилова
болѣе преступнымъ былъ бы его „отвѣтъ ударомъ шашкой по
если бы онъ въ полной мѣрѣ „владѣлъ оружіемъ" и вмѣс
чительной раны раскроилъ черепъ. Въ этомъ случаѣ онъ не
освобожденъ отъ отвѣтственности не только по нашему нов
ловному уложенію, но даже въ Австріи. Хотя наука уголовн
отказалась отъ математическаго, такъ сказать, соразмѣренія
и способовъ защиты при оборонѣ со способами нападенія,

наука, и всѣ положительные кодексы, обязательно обусловливаютъ ненаказуемость дѣянія предѣлами защиты или отраженія нападенія. Не забываетъ этого условія и австрійскій военно-уголовный кодексъ, который, исправляя дефектъ обще-уголовнаго законодательства, создаетъ для одной категоріи военнослужащихъ — для офицеровъ—несправедливую привилегію въ области общегражданскихъ юридическихъ отношеній.

Теперь посмотримъ на приказъ съ другой стороны. Предположимъ, что на той же или на сосѣдней станціи желѣзной дороги повторился аналогичный случай, но съ той разницей, что офицеръ 3-й туркестанской стрѣлковой бригады, помня смыслъ приказа, нанесъ ударъ съ обнаруженіемъ владѣнія оружіемъ въ полной мѣрѣ и убилъ сарта или русскаго — все равно. Можетъ ли такой офицеръ сослаться, въ свое оправданіе, на приказъ? Могутъ ли начальникъ, который его будетъ предавать суду, и затѣмъ судъ принять приказъ во вниманіе при рѣшеніи вопросовъ о направленіи дѣла, о вмѣненіи въ вину содѣяннаго и объ опредѣленіи наказанія?

Слова приказа такъ написаны, что при ссылкѣ на него обвиняемый легко можетъ услышать отвѣтный вопросъ: „Откуда вы взяли, что начальникъ бригады приказывалъ или хотя бы совѣтовалъ за оскорбленіе мстить немедленно оскорбителю смертью?“. Дѣйствительно, резолютивная часть приказа юридически неуязвима: она заключаетъ въ себѣ требованіе, предъявляя которое, начальникъ бригады ни на іоту не вышелъ за предѣлы законности и своихъ полномочій. Наблюдать чтобы подчиненные офицеры хорошо владѣли присвоеннымъ оружіемъ—его прямая обязанность. Обращать вниманіе командировъ батальоновъ на плохое владѣніе оружіемъ офицерами—также. Что же касается повода, то онъ формально безразличенъ: никакой законъ не ограничиваетъ поля зрѣнія военныхъ начальниковъ какимъ-либо опредѣленнымъ кругомъ, за гранями котораго они не могли бы ничего „усматривать“. Но сдѣлаемъ въ предположеніяхъ еще шагъ и допустимъ, что какъ предающій суду начальникъ, такъ и судъ, не станутъ закрывать буквою междустрочнаго смысла приказа. Положеніе дѣла отъ этого не измѣнится.

Ст. 15 книги VII свода воен. пост. „вѣдать всѣ уставы и законы государственные и содержать ихъ въ ненарушимой сохранности“ выставляетъ для всѣхъ военнослужащихъ, „какъ первый и главный предметъ, отъ котораго зависитъ правое и благонамѣренное направленіе всѣхъ дѣлъ“; а ст. 23 той же книги во главѣ общихъ обязанностей лицъ начальствующихъ ставитъ обязанность „наблюдать за точнымъ исполненіемъ во ввѣренной ему части всѣхъ до нея относящихся законовъ, военныхъ постановленій, Высочайшихъ повелѣній,

правилъ" и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ ст. 2 книги XXIII (уставъ дисциплинарный) отнюдь не допускаетъ слѣпого, неразсуждающаго, повиновенія начальнику. Она гласитъ: „При безпрекословномъ исполненіи подчиненными приказаній начальника, онъ одинъ отвѣчаетъ за послѣдствія своего приказанія". Провозглашенный, однако, столь категорично принципъ повиновенія тутъ же ограничивается: „кромѣ лишь случаевъ—добавляетъ послѣ запятой текстъ 2 статьи,—въ военныхъ законахъ именно указанныхъ"; и въ скобкахъ: „Воин. Уст. о нак., ст. 69". Слѣдовательно, въ случаяхъ, военными законами именно указанныхъ, при безпрекословномъ исполненіи подчиненными приказаній начальника, за послѣдствія приказанія отвѣчаютъ и подчиненные. Иными словами, въ такихъ случаяхъ подчиненный не обязанъ и, даже, не имѣетъ права исполнить приказаніе. А среди этихъ случаевъ въ законѣ прямо указанъ тотъ, когда подчиненные, „исполняя приказаніе начальника, не могли не видѣть, что онъ имъ предписываетъ нарушить присягу и вѣрность службы, или совершить дѣяніе явно преступное". Офицеръ не только, подобно каждому гражданину, не имѣетъ права отговариваться невѣдѣніемъ закона, но, какъ начальникъ, долженствующій воспитывать подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ въ началахъ законности, обязанъ его знать и фактически не знать не можетъ, ибо до своего производства изучалъ главныя основанія правовыхъ опредѣленій вообще и уголовно-правовыхъ въ частности.

Какъ понимаетъ ст. 69 воинск. уст. военно-судебная практика— видно, напримѣръ, изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1889 г., № 95, коимъ признано, что нанесеніе дядькою, обучающимъ новобранцевъ, ударовъ обучаемымъ не освобождаетъ виновнаго отъ отвѣтственности, хотя бы злоупотребленіе это послѣдовало по приказанію начальника, такъ какъ виновный не могъ не сознавать явной преступности даннаго ему приказанія. Въ рѣшеніи 1893 г., № 62, главный военный судъ высказалъ свою руководящую мысль общимъ образомъ: „на основаніи 69 ст. не вмѣняется въ вину подчиненныхъ исполненіе такихъ приказаній начальника, которыя не нарушаютъ присяги и вѣрности службы и не заключаютъ въ себѣ ничего явно преступнаго, ибо совершеніе явныхъ преступленій, хотя бы и по распоряженію начальника, не можетъ быть оправдываемо ни требованіемъ дисциплины, ни обязанностью подчиненнаго безпрекословно исполнять приказанія своего начальства". Изъ приведенной справки явствуетъ, что въ предложенномъ примѣрѣ большее, что̀ будетъ въ состояніи сдѣлать судъ, это понизить наказаніе, назначенное закономъ за убійство или причиненіе тяжкой раны, на двѣ степени, въ виду 6-го пункта ст. 134 улож.

Но что̀ будетъ для офицера, если онъ, при аналогичныхъ обстоя-

тельствахъ, руководствуясь велѣніями выше начальнической власти стоящаго закона, вовсе не обнажитъ оружіе или, обнаживъ его, сообразитъ силу удара съ обстановкою и причинитъ оскорбителю неопасную для жизни царапину? Нетрудно догадаться, что онъ услышитъ не только упрекъ, какъ подпоручикъ К., а испытаетъ и реальныя послѣдствія—конечно не по суду—неумѣлаго владѣнія присвоеннымъ оружіемъ... Приказъ, напечатанный въ „Ферганскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ",—яркая, кричащая иллюстрація. Онъ не представляется единичнымъ. Помнится, въ газетахъ появлялись однородные приказы. Помнится также, что въ послѣдніе два года было не мало подобныхъ случаевъ", кончавшихся смертельнымъ исходомъ, и законъ во всей суровости своей на нихъ не реагировалъ...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.

Душеприказчики по духовному завѣщанію бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даніиловича *Спасовича*, объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, что ст. 6 означеннаго завѣщанія гласитъ слѣдующее: „Авторскими правами на сочиненія мои на польскомъ и русскомъ языкахъ я распоряжаюсь такимъ образомъ, что они прекращаются съ момента моей смерти. Предоставляю право перепечатыванія моихъ произведеній каждому желающему".

Душеприказчики покорнѣйше просятъ редакціи другихъ изданій не отказать въ перепечатаніи настоящаго сообщенія.

II.—Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи предпринялъ изданіе литературно-художественнаго сборника, посвящаемаго въ Россіи памяти Александра Ивановича Герцена.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и за-границей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: M-r N. Herzen, prof., Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ, въ сборникѣ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ" и письма къ нему Карла Фогта, Карлейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предсѣдатель проф. *Н. Ге...*
Секретарь *К. Злинч...*

Н. П. ОГАРЕВЪ

И

ЕГО ЛЮБОВЬ

Въ концѣ мая 1842 г., Огаревъ, наконецъ, собрался въ дорогу—за-границу, въ Карлсбадъ, гдѣ, какъ мы видѣли [1]), думалъ встрѣтиться съ женой, Марьей Львовной; но онъ хотѣлъ прежде повидаться съ Герценомъ и, пріѣхавъ къ нему въ Новгородъ, провелъ съ нимъ одиннадцать дней. Говорили они, разумѣется, и о Марьѣ Львовнѣ. Съ какими мыслями ѣхалъ къ женѣ Огаревъ, видно изъ записи Герцена въ его дневникѣ, подъ 10-мъ іюня (день отъѣзда Огарева изъ Новгорода): „Онъ намѣренъ разойтись съ нею. Дай Богъ, но врядъ ли найдетъ достаточно силы. Она хитростью, притворствомъ можетъ еще овладѣть его тихой и благородной душой"... Огаревъ, повидимому, и самъ далеко еще *не былъ* твердъ въ своемъ рѣшеніи. Нѣсколько дней спустя, размышляя о призракахъ, которые часто властвуютъ надъ человѣкомъ, Герценъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Оттого человѣкъ кажется рабомъ страстей болѣе, нежели онъ есть, что его не выпускаютъ изъ смѣшного рабства „sui generis" предразсудки, *напр.*, монашескіе обѣты. Примѣръ передъ глазами. Огаревъ понимаетъ ясно, когда бракъ есть что-нибудь, и когда онъ дѣлается нелѣпой формой, взаимнымъ рабствомъ, отвратительнымъ соединеніемъ гетерогеннаго; такой бракъ in facto уже распался, а если нѣтъ дѣтей, онъ—безслѣдно прошедшее. *Онъ* именно въ этомъ случаѣ—а не смѣетъ разойтись. Боится общественнаго мнѣнія,

[1]) См. выше: ноябрь, стр. 5.

говоритъ онъ; но тутъ есть и другая боязнь — отъ совѣсти timorée". Эти послѣднія слова не совсѣмъ точны; Огаревъ боялся общественнаго мнѣнія не за себя: онъ боялся, что открытый разрывъ обречетъ Марью Львовну на мучительно-ложное положеніе въ обществѣ. Но это соображеніе, какъ увидимъ ниже, далеко отступало передъ иными мотивами, и прежде всего—передъ сознаніемъ собственной вины въ отношеніи М. Л. Въ одномъ изъ писемъ этого же года Сатинъ совершенно вѣрно характеризовалъ положеніе дѣла [1]): „Чтò сказать тебѣ на твои обвиненія противъ М. Л.? Всѣ они справедливы, и самъ я ихъ повторялъ много разъ, но все-таки я имѣю къ ней состраданіе и повторяю, что Огаревъ поступилъ бы неблагородно, бросивъ ее. Она дурна, но кто виноватъ въ этомъ? Отчасти она, но гораздо болѣе судьба, бросившая ее въ эту колею, а не въ другую... Огаревъ *по-неволѣ* виноватъ въ одномъ—въ своей слабости. Онъ никогда не могъ бы передѣлать натуры своей жены, но могъ бы остановить ея дурныя наклонности. Ну, да чтò дѣлать, онъ слабъ. А потому для него выходъ невозможенъ и страданія неизбѣжны"...

Во второй половинѣ іюня, Огаревъ, повидимому, моремъ, изъ Кронштадта, выѣхалъ за-границу, и, вѣроятно, въ началѣ іюля въ Майнцѣ встрѣтился съ Марьей Львовной, поспѣшившей къ нему навстрѣчу изъ Неаполя. О томъ, чтò произошло здѣсь между ними, мы узнаемъ только изъ несовсѣмъ яснаго разсказа Анненкова, основаннаго на письмахъ присутствовавшаго при этомъ свиданіи Сатина къ русскимъ друзьямъ. „Произошло объясненіе между ними, и свидѣтель (т.-е. Сатинъ) прибавляетъ, что онъ измучился въ теченіе двухъ недѣль, пока оно длилось. Сурово оттолкнутая и оскорбленная на первыхъ порахъ раздраженнымъ мужемъ, Марья Львовна обнаружила гордость женщины, грубо призванной къ отвѣту въ то время, какъ она пришла съ сознаніемъ своей опрометчивости и раскаяніемъ. Далѣе разсказчикъ повѣствуетъ, что вскорѣ роли перемѣнились: изъ подсудимой Марья Львовна сдѣлалась такой рѣшительницей участи Огарева, что послѣдній искалъ сдѣлки, примиренія, унижался, льстилъ, прибѣгалъ къ хитростямъ—и получилъ отпущеніе. Теперь — поясняетъ разсказчикъ—„они связаны тѣснѣе, нежели когда-нибудь и не любовью, а обстоятельствами".

Какъ показываетъ приводимое дальше Анненковымъ письмо Сатина, миръ состоялся на условіяхъ замѣны любви дружбою

---

[1]) „Анненковъ и его друзья", стр. 95 и далѣе. Отсюда же и всѣ дальнѣйшія выдержки изъ писемъ Сатина.

взаимной свободы; Огаревъ выдалъ женѣ вексель въ 30.000 руб. серебромъ и назначилъ ей ежегодное содержаніе. Это же письмо открываетъ мотивы, которыми руководился въ настоящемъ случаѣ Огаревъ. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ избавить жену отъ ложнаго положенія въ свѣтѣ; далѣе, самъ пріучивъ ее къ роскоши, онъ не могъ оставить ее безъ средствъ, а отъ человѣка, который оттолкнулъ ее, она не взяла бы денегъ; наконецъ, онъ разсчитывалъ, что его нравственная поддержка, при ея полномъ одиночествѣ, будетъ ей полезна.

По заключеніи мира, супруги направились въ Карлсбадъ, гдѣ М. Л. собиралась продолжать свое леченіе. Здѣсь Огаревъ, 19 іюля ст. ст., принялся писать обширное письмо къ московскимъ друзьямъ [1]). О своемъ примиреніи съ женою онъ говоритъ глухо. „Жизнь моя легче, чѣмъ была, — пишетъ онъ. — Я вижу выходъ. Отнынѣ я свободно буду гулять по свѣту. Марія — благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ; мы всегда останемся друзьями... Итакъ, мои отношенія обрисовались, я былъ откровененъ, сколько могъ. Во всемъ этомъ много горькаго и тяжелаго; но опредѣленность спасительна и жить хотя не радостнѣе, но легче“.

Однако въ Карлсбадѣ Огаревъ оставался недолго: 4-го августа ст. ст., онъ уѣхалъ на Рейнъ, а жена его перебралась въ Эмсъ, чтобы пользоваться ваннами. Поѣздка Огарева продолжалась недѣли три. Нижеслѣдующія письма писаны именно во время этой отлучки. Они все еще полны любви и нѣжнаго состраданія. Огаревъ точно ищетъ забыться въ быстрой смѣнѣ впечатлѣній; видно, что ему очень тяжело, что для него все кончено, — но онъ старается согрѣть *ее* теплымъ словомъ братскаго участія.

38.

Гейсенгеймъ. Четвергъ.

Происшествія этого дня удивительны. Въ просонкахъ ты простилась со мною. Мнѣ стало грустно — и ночь мы были врозь. Въ 6 час. пришелъ я на паровозъ. Возлѣ меня молодой человѣкъ — Крюднеръ — одинъ изъ друзей Галахова и его сестеръ, дерптскій нѣмецъ, человѣкъ неглупый и милый; жаль, что на пароходѣ мы съ нимъ не познакомились. Онъ любитъ Гал. чрез-

---

[1]) „Изъ переписки недавнихъ дѣятелей“, „Русск. Мысль“, 1889, XI, стр. 9. Анненковъ (указ. соч., стр. 96) невѣрно изображаетъ маршрутъ Огаревыхъ: въ Италію они уѣхали только осенью, а не тотчасъ послѣ майнцскаго свиданія.

вычайно. Они вмѣстѣ были въ Дерптѣ; и Фролова онъ хорошо знаетъ и понимаетъ. Мы съ нимъ пошли къ Бетману. Такъ какъ надо было явиться не прежде 8½, то я взялъ у Крюд. денегъ и пошелъ расплатиться съ Бингомъ, да справилъ всѣ твои коммиссіи. Потомъ къ Бетману—въ ту минуту, когда отворяли дверь конторы,—что однако не помѣшало опоздать 10 минутъ. Вотъ отчего я къ тебѣ не пріѣхалъ. Бетм. надулъ на 100 фр., несмотря на живую протестацію съ моей стороны. Потомъ мы пошли съ Крюд. въ домъ Гёте и въ картинную галерею. Я провелъ время хорошо. Въ 12 час. отправились мы оба въ Майнцъ. Обѣдали. За обѣдомъ подходилъ и говорилъ Тучковъ. Да, во Франкфуртѣ я закричалъ: Гоголь!—и Гоголь явился; мы вмѣстѣ ѣхали на паровозѣ.—Чудакъ онъ! Въ Майнцѣ я осмотрѣлъ достопримѣчательный соборъ и въ 5 час. на маленькомъ пароходѣ уѣхалъ сюда, въ Гейсенгеймъ. Видъ Рейна въ лунную ночь несравненен. Былъ концертъ стиріанцевъ на берегу Рейна въ Wirths Theater.—Я пилъ рейнвейнъ въ погребѣ Lade. Чудо хорошъ! И до 10 гулялъ. Завтра въ 4 час. утра ѣду въ Johannisberg, а въ 7 на пароходѣ въ Bonn.—Вотъ все.—Я не веселъ и не невеселъ. Какъ-то мы сухо разстались. Вотъ отчего и невеселъ. Прощай. Иду спать. Перо ужасное! Ужаснѣе чернилъ и чернильницы—а это много сказано. Прощай! Обнимаю и благословляю тебя. Это идетъ на почту въ Кобленцъ.—Сталю цѣлую. Онъ обѣщался быть уменъ. Прощай!...

39.

Кельнъ. 5 час.

Вчера я не писалъ къ тебѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мудрено успѣвать писать во время путешествія, которое нѣмцы называютъ flüchtig. Ну! что ты дѣлаешь? Скучаешь? лечишься? Помнишь друга иль забыла? Эмсъ такъ хорошъ, что мнѣ подчасъ жалко, что я не остался тамъ. Я былъ бы съ тобою, покоенъ и наслаждался бы природой. Но вотъ тебѣ отчетъ путешествія, изъ котораго ты увидишь, что я не даромъ жалѣю, что уѣхалъ, потому что часть времени провелъ въ безполезной скукѣ.

Я остановился въ Боннѣ. 1-е—пошелъ къ „Henry et Cohen libraires“ и спросилъ про Ж.-З., которой здѣсь ни въ Боннѣ, ни около Бонна никогда не бывало. Мнѣ было жаль, что я ее не увижу, потому что глубоко ее уважаю, еще болѣе какъ человѣка, чѣмъ какъ писателя, и жаль было, что ты ее не увидишь. Потомъ пошелъ въ университетъ. — Зала съ фресками, изображающими-

четыре факультета, мнѣ не очень понравилась. Натянутыя фигуры великихъ людей и еще болѣе натянутыя аллегорическія фигуры, и только. Библіотека огромна, но едва ли очень достопримѣчательна. Библіотекарь—лифляндецъ, говоритъ по-русски и радъ, когда выйдетъ случай сказать русское слово; онъ былъ солдатомъ въ 14-мъ году и съ тѣхъ поръ остался, и уже 23 года смотрителемъ библіотеки въ Боннѣ и побраниваетъ Русь. Онъ показывалъ мнѣ древности. Вообрази себѣ, что здѣсь почва до такой степени историческая, что стоитъ начать копать землю, чтобъ тотчасъ вырыть римскую древность. Я съ тайнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на остатки надгробныхъ памятниковъ, вазъ и предметовъ роскоши римлянъ. Остатковъ среднихъ вѣковъ мало. Церковь—въ византійскомъ стилѣ. Она строена въ IX-мъ вѣкѣ Еленой, женою Константина Великаго. Мѣсто des alten Zelts на берегу Рейна восхитительно, съ видомъ на Siebengebirge. За ужиномъ я имѣлъ несчастіе сойтись съ Погребовымъ, учащимся въ Боннѣ. Анета про него говорила и хвалила. Но это такая непроходимая с......, какихъ рѣдко бываетъ. Онъ на другой день звалъ меня съѣздить на Drachenfels. Въ 5 час. утра я съѣздилъ верхомъ на Крейцбергъ, откуда славный видъ, а въ 9 отправились мы на Drachenfels. Дождь не допустилъ насъ доѣхать, и я только потерялъ время. Въ 4-мъ часу я прибылъ въ Кельнъ и пошелъ бродить. Соборъ—!! Это удивительная вещь. Ты еще никогда не видала готической архитектуры: ну, просто хочется стать на колѣни и молиться. Ахъ, Маша, — я наслаждался и въ первый разъ понялъ архитектуру. Сверху — видъ дивный! Лонъ-лакей очень надоѣлъ мнѣ. Молодой человѣкъ, очень хорошенькій, племянникъ Мейендорфа, лифляндецъ, ходилъ со мной, мы говорили по-русски. Не знаю, какъ его зовутъ. Другія церкви также примѣчательно хороши. Въ картинной галереѣ много хорошаго, но не отличнаго. Вечеромъ видъ на Кельнъ съ того берега Рейна очарователенъ. Жаль, что тебя нѣтъ со мною. Здѣсь пробуждаются ощущенія небывалыя. Природа и исторія вмѣстѣ дѣйствуютъ сильно. Черезъ часъ ѣду въ Дюссельдорфъ.

Я къ тебѣ не писалъ по вечерамъ отъ чрезмѣрной усталости, которую чувствую отъ дороги и ранняго вставанья, т.-е. невысыпанныхъ ночей.—На пароходѣ я говорилъ съ бельгійцами. Въ Брюсселѣ теперь выставка всякаго рода произведеній. Желѣзная дорога изъ Кельна въ Ахенъ открывается только завтра. Въ Дюссельд. я пробуду не болѣе 3 час. — Крюднеръ былъ моей первой встрѣчей. Замѣть, что судьба меня сводитъ со всѣмъ,

что лучшаго въ Россіи. Иногда много надежды въ душѣ — но рѣдко. Маша! Богъ знаетъ, что такое жизнь. Еще я никому не доставилъ истиннаго счастья—ни даже себѣ. Зачѣмъ страданіе привязывается съ дѣтства и грызетъ всю жизнь? Зачѣмъ столько дурного видишь и дѣлаешь?—Гоголь не вѣритъ смерти Лермонтова, ибо дуэль давно извѣстна и извѣстно, что никто въ ней не погибъ. Слава Богу, если такъ! Страшно видѣть, что все лучшее гибнетъ. Куда выводитъ жизнь насъ?

Грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,—

а почти такъ. Я вялъ, Маша, — правда; но, ей Богу, давно я не проводилъ цѣлаго дня спокойно. — Что-то внутри мучитъ и кричитъ — напрасно была дана молодость. — Въ какомъ-то ты расположеніи духа?

Благословляю тебя и обнимаю, друга моя. Цѣлую Станю. Ну! поцѣлуй меня! Прощай!.. До Брюсселя.

40.

Un retard imprévu m'a fait aller à Wiesbad, et au lieu de continuer mon voyage sur Rhin, je reste ici 2 jours. J'ai rencontré — comment pense-tu qui?—Sasonoff! Странны встрѣчи съ людьми, съ которыми не видался 9 лѣтъ. Я нашелъ его, какъ думалъ, чрезвычайно умнымъ и современнымъ человѣкомъ. Онъ пережилъ въ себѣ многое, и многое мнѣ симпатично. Мы обрадовались другъ другу, какъ давно не радовались.

Ну! а ты, моя бѣдная, измученная Маша! Еще разъ прошу тебя—забудемъ все, что было, и благословимъ другъ друга по прежнему. Напрасно ты думаешь, что ты мнѣ не нужна. Если ты чувствуешь, что я тебѣ нуженъ, то повѣрь, что и наоборотъ то же. Дай мнѣ ручку и давай любить другъ друга. Сколько бъ я передъ тобой ни былъ виноватъ — ты забудь это. Я съ своей стороны не нахожу, чтобъ ты въ чемъ-нибудь была передо мной виновата. Ergo: будемъ жить вмѣстѣ въ мирѣ и любви. Не такъ ли? Напиши мнѣ въ Бахарахъ или Боннортъ А я уже дальше Кобленца не поѣду и прибуду къ тебѣ, chèr enfant, чтобъ успокоить тебя.

Вчера я былъ въ концертѣ m-lle Giorgi, римской prima donn'ы. Norma меня растрогала. Видишь, если-бъ ты возлѣ меня сидѣла и у тебя навернулась бы слеза — мнѣ было бы лучше

Потомъ я нашелъ имя Сазонова въ курлистѣ и отыскивалъ его—и не отыскалъ, чтò сегодня сдѣлалъ съ помощью Lohndiener'а. Но ужиналъ вчера съ русскими (дураками). Господи Боже мой! какіе есть на Руси люди—это ужасъ!

Жарко, и я становлюсь самъ глупъ.

Чтò за великое дѣло „Исторія"! Сазоновъ и я—9 лѣтъ врозь совершаемъ одинаковое развитіе. Вѣдь надо, чтобъ общее современное такъ въѣлось въ насъ—иначе нѣтъ возможности одинаковаго развитія при разныхъ отношеніяхъ. А чтò современность, какъ не дѣлающаяся „Исторія"?

Но прощай, Маша! Пойду бродить ногами, а рука не ходитъ. Будь спокойна и здорова. Je t'embrasse et te bénis. Ton Nicolas.

Jeudi.

41.

Дюссельдорфъ. 5 сент. веч. 6 ч.

Я пріѣхалъ въ 10 час. утра. Осмотрѣлъ, въ короткое время, чтò стоитъ вниманія, и долженъ до 8 час. вечера дожидаться отъѣзда Eilwagen'а—въ Ахенъ. Въ Ахенѣ я буду въ 4 часа утра. Къ обѣду—въ Брюсселѣ, гдѣ пробуду до обѣда 8-го числа. 9-го буду въ Ostende, а 10-го, не останавливаясь, пущусь въ Кобленцъ, и 12-го, много 13-го—у тебя. Какъ скучно не получать отъ тебя писемъ! Все что-то тревожитъ. Странно! Часто мы смотримъ двуглавымъ орломъ, но что-то, un je ne sais quoi—такъ сильно привязываетъ насъ другъ къ другу, что мы никогда не разлетимся. Даже ежели бы и чтò важное пробѣжало между нами, и тогда мы не можемъ разорваться и скорѣй все простимъ другъ другу, лишь бы быть вмѣстѣ. Желалъ бы я знать, чтò ты дѣлаешь.—Я скучаю въ Дюссельдорфѣ. Жуковскій еще здѣсь, но не хочется идти къ нему. Къ чему? Онъ не интересенъ; придти и сказать: я также пописываю стишки—глупо; искать себѣ мецената—еще пошлѣе. Пошатался по саду, который лучше всѣхъ садовъ, т.-е. парковъ, которые я только видѣлъ: огроменъ и чтò за растенія, т.-е. деревья! Всего примѣчательнѣе картина проф. Зона—Тассо сочиняетъ im dunklen Laube, гдѣ Goldorangen blühen, и обѣ Элеоноры смотрятъ на него изъ-за куста, давая другъ другу знакъ, чтобы не мѣшать ему. Славная картина! Лица женщинъ хороши, и лицо Тасса необычайно выразительно. Сегодня на пароходѣ я зябъ, какъ собака. Встрѣтилъ юношу, очень похожаго на Сатина, и англи-

чанку, очень напоминающую Душеньку Коб.—хотѣлъ съ обоими познакомиться, но всѣ преглупо сидѣли въ каютѣ; да, впрочемъ, я былъ d'une humeur de chien, что, я думаю, давеча отразилось въ моемъ письмѣ. Я въ припадкѣ самообвиненій, а эта тема—самая мучительная и безконечная. — Сейчасъ бродилъ по лавкамъ. Здѣсь славные пистолеты, но поскупился вынуть 60 талеровъ изъ кармана, и купилъ очень миленькую пороховницу. Спрашивалъ cassolette — нѣтъ. Кельнъ и Дюссельдорфъ представляютъ почти на всѣхъ улицахъ движеніе, какъ на Невскомъ проспектѣ. Это принадлежность торговыхъ городовъ.—Мнѣ надо было еще смотрѣть церковь—но всѣ лонъ-лакеи такъ мнѣ опротивѣли, что я сижу въ комнатѣ и ужасно мосаденъ [1]). Что-то такое тревожное, дикое въ душѣ, что я не радъ самъ себѣ; все противно, и бѣготня на улицахъ, и холодъ, и жирныя голландскія рожи, и аффектированныя лица нѣмецкихъ идеалистовъ, и все движеніе торговое кажется такимъ обманомъ, и люди въ блузѣ такъ жалки—и самъ себѣ такъ наскучилъ, что не знаю, куда дѣваться! Европа! да—здѣсь привольнѣй для насъ, а для европейца такъ же тягостно. А я отчасти европеецъ, и потому мнѣ отчасти тягостно. Столько язвъ въ обществѣ, и когда это все залечится, и какъ? Христіанство и фурьеризмъ — два противорѣчія—этого еще Г(ерценъ) не замѣтилъ. Христіанство все основано на внутренней жизни, на Gemüth, на идеализаціи, а фурьеризмъ—на голой реальности. Христосъ не удовлетворяетъ оттого, что людямъ надо реальной жизни, дѣйствительнаго, а не заоблачнаго блаженства; а фурьеризмъ не удовлетворяетъ потому, что когда Gemüth не живетъ, плохъ человѣкъ бываетъ. Что же наконецъ? Философія примиряетъ въ мысли — такъ! да фактъ-то, дѣло-то намъ надо, подавай сюда счастье въ дѣйствительной жизни, да и только. А гдѣ оно? Что дѣлать? Какъ вытащить страдающихъ изъ страданій? Христосъ это сдѣлалъ актомъ des Gemüths, сказавъ: „Пріидите, всѣ плачущіе, и азъ упокою вы“. А теперь этого мало, мало царствія небеснаго; не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Гдѣ вѣра? Гдѣ надежда? — Разорванность — вотъ еще черта нашего времени. Гадко! А Рейнъ при лунѣ тихій, величавый. — Маша! да зачѣмъ же нѣтъ примиренія съ людьми? Прощай! Цѣлую и благословляю и обнимаю тебя и будь здорова и не уставай отъ ваннъ. Спрошу чаю и отправлюсь на почту и въ Eilwagen. Addio, carissima. Завтра напишу изъ Брюсселя.

---

[1]) Maussade.

42.

Брюссель. 8-го.

Уже два дня я не писалъ къ тебѣ. Сегодня справлялся на почтѣ, не вздумала ли ты написать ко мнѣ—но нѣтъ. Это мнѣ грустно. Какая-то тоска и безпокойство меня преслѣдуютъ, какъ cauchemar. Вижу, что мое возвращеніе въ Русь будетъ мнѣ тягостно. Но не надо сѣтовать и смущать другъ друга. Слушай реляцію моего путешествія. Изъ Дюссельдорфа въ Ахенъ я ѣхалъ съ очень скучными людьми, и съ однимъ изъ нихъ осматривалъ городъ. Соборъ—странное, но прекрасное сочетаніе готическаго стиля съ византійскимъ. Тутъ похороненъ Карлъ Великій. Не знаю, почему есть люди огромнаго историческаго значенія, которыхъ память меня нисколько не тревожитъ. Carolus Magnus—изъ ихъ числа. Видъ съ горы Луисбергъ хорошъ, и поваръ въ гостинницѣ хорошъ; я былъ очень радъ и тому, и другому. Смотря на желѣзную дорогу, я упалъ въ канаву—и потомъ всталъ, разумѣется. А потомъ въ дилижансѣ (желѣзн. дор. еще нѣтъ) отправился въ Люттихъ (Liège), гдѣ ночевалъ въ одной комнатѣ съ моимъ compagnon de diligence—von Houlthieu, очень порядочнымъ человѣкомъ, большимъ другомъ Venedey, который писалъ брошюру о рейнскихъ дѣлахъ. Въ 7 час. уѣхалъ на желѣзную дорогу и въ 12 былъ въ Брюсселѣ. Тьеръ правъ—Брюссель не сколокъ съ Парижа умственнымъ движеніемъ, а только промышленнымъ, Брюссель—une contrefaçon belge Парижа; ему хочется быть французскимъ, но онъ и малъ, и мелокъ, какъ его книги. Однако улицы шумны, лавки многія богаты. Я заказалъ платье, купилъ сапоги, нашелъ кассолетку à ressort, причесался, купилъ примочку, которая моетъ голову, и помаду, которая пачкаетъ бакенбарды, обѣдалъ и былъ въ театрѣ St.-Firmine; актеръ de la Comédie Française изъ Парижа—превосходенъ. Здѣшняя актриса—забылъ, какъ ее зовутъ—хороша, еслибъ не монотонность голоса. Давали „École de vieillards"—пьеса шла весьма хорошо и сдѣлала на меня впечатлѣніе, потому что я чувствую: старикъ, ребенокъ и я—одно и то же: во мнѣ всѣ г[illegible]ности, страсти, необузданность стариковъ, дѣтей и юношей т[illegible]съ слились, что я, можетъ быть, отъ того не знаю, куда дви[illegible]ться, и кажусь вялымъ. Потомъ давали „Сильфиду", которая и[illegible]тъ настолько глупѣе нашего, что я не сталъ смотрѣть и п[illegible]ъ чай au café des 1000 colonnes, и пошелъ домой пѣшкомъ, о[illegible]чъ, насилу нашелъ дорогу и легъ въ часъ. Сегодня былъ въ

картинной галереѣ музея, гдѣ 2 картины Рубенса удивительны и 2 новыя картины, на которыя можно долго смотрѣть. Но я про нихъ разскажу лично, ты же не любишь читать картино-описанія. Наконецъ, скажу тебѣ, что мнѣ скучно шляться одному, и, проживъ завтрашній день въ Брюсселѣ, — я послѣ завтра отправлюсь опять въ Ахенъ, и въ Кельнъ, и въ Кобленцъ — и въ Эмсъ, ни на мигъ не останавливаясь. Итакъ, скоро увидимся. Слава Богу! Я всю дорогу былъ d'une humeur de chien, чортъ знаетъ съ чего.

Сейчасъ отправлю письмо на почту и отправлюсь справлять твои коммиссіи. Прощай, Маша, другъ мой,—дай ручку. Скоро увидимся и обнимемся—мнѣ нуженъ покой, нужно забыться, я мученикъ и самъ себѣ палачъ, и не знаю, куда убѣжать отъ себя. Можетъ быть—въ твои объятія. Съ нѣкотораго времени все для меня можетъ быть, и ничему я не вѣрю. Прощай! Цѣлую тебя. Извини, что скверно писалъ — пора на почту. Addio!

Сталю цѣлую. Жор. и Ан. Петр. кланяюсь. Два раза не поспѣлъ къ концерту Рубини съ проклятыми Eilwagen'ами. Сегодня Concert d'harmonie и Opéra comique; буду и тутъ, и тамъ. Объ выставкѣ донесу лично—это чудо девятое—жаль, что тебя не было. Такъ бы вотъ все и закупилъ.

Повидимому, вскорѣ по возвращеніи Огарева изъ этой поѣздки, въ концѣ сентября или началѣ октября по новому стилю, онъ двинулся съ женою въ Италію. Каково было въ это время его настроеніе, показываетъ его письмо къ Сатину, писанное въ Цюрихѣ, т.-е. на пути въ Италію [1]: „Измученный пошлостью моего поведенія, съ ненавистью въ душѣ, я ѣхалъ и пріѣхалъ сюда... Зачѣмъ я унижался подъ-конецъ? Затѣмъ, что я видѣлъ въ этомъ возстановленіе и спасеніе отъ всѣхъ преслѣдованій женщины, которую я глубоко оскорбилъ... Но битва не кончена. Во мнѣ разрушенъ цѣлый міръ, къ которому я былъ привязанъ... Всѣ униженія, которыя я понесъ, лежатъ на сердцѣ... Въ призваніи художника я не отчаялся; остальное все погибло. Ширь жизни, жажда наслажденій и блаженства будутъ тщетны, свято затаены... Мой путь унылъ, но я буду силенъ“...

Сообщая эти строки московскимъ друзьямъ, Сатинъ прибавляетъ: „Марья Львовна съ своей стороны пишетъ ко мнѣ, то

[1] „Анненковъ и его друзья“, стр. 97.

она поняла теперь совершенно свои отношенія къ мужу, и клянется, что она измѣнится и никогда не стѣснитъ его ни словомъ, ни дѣломъ... Чѣмъ все это кончится—Богъ знаетъ! Одно только *вѣрно,* что Огаревъ теперь страдаетъ такъ, какъ никогда еще не страдалъ. Теперь обѣщается быть сильнымъ... Дай-то Богъ! А онъ можетъ быть силенъ. Въ самомъ этомъ униженіи, перенесенномъ имъ добровольно для возстановленія женщины, онъ явилъ силу огромную, но только невстати употребленную".

Письма Сатина были въ эти мѣсяцы, повидимому, единственнымъ источникомъ, откуда друзья, жившіе въ Россіи, получали свѣдѣнія объ Огаревѣ. Самъ Огаревъ, стыдясь своей жалкой роли, либо подолгу молчалъ, либо—какъ въ карлсбадскомъ письмѣ—говорилъ о своей семейной исторіи вскользь и больше намеками.

Герценъ узналъ подробности примиренія между Огаревымъ и Марьей Львовной только въ началѣ ноября, изъ письма Сатина. 2-го ноября, онъ записалъ въ свой дневникъ [1]): „Письмо отъ Сатина изъ Ганау. Огаревъ опять надѣлалъ глупости въ отношеніи къ женѣ, снова сошелся съ нею, поступалъ слабо, обманывалъ, унижался и опять сошелся послѣ всего бывшаго. Вотъ что я писалъ къ Огареву: „Бѣдный, бѣдный Огаревъ, я грущу о твоемъ положеніи, но ни слова,—когда дружба истощила безуспѣшно все, чтобъ предупредить, отвратить; ея дѣло остаться вѣрною въ любви. Дай руку, какъ бы ты ни поступилъ, не хочу быть судьей твоимъ, хочу быть твоимъ другомъ; я отворачиваюсь отъ темной стороны твоей жизни и знаю всю полноту прекраснаго и высокаго, заключеннаго въ ней. У тебя широкія ворота для выхода изъ личныхъ отношеній—искусство, міръ всеобщаго; я хочу не знать жалкой борьбы, отъ которой раны, конечно, будутъ не на груди"... „Для хладнокровнаго наблюдателя,—продолжаетъ Герценъ,—это психологическій феноменъ, достойный изученія. Чѣмъ эта ограниченная, неблагородная, некрасивая наконецъ, женщина, противоположная ему во всѣхъ смыслахъ, держитъ его въ илотизмѣ? Любовью?—онъ не любитъ ее, даже не уважаетъ. Абстрактной идеей брака?—онъ давно не признаетъ власть его. Чѣмъ же? Отталкивающее ея существо такъ сильно, что все, приближавшееся къ ней, ненавидитъ ее; вездѣ, на Кавказѣ, въ Москвѣ, въ Неаполѣ, Парижѣ, она возбуждала смѣхъ и негодованіе. Сожалѣніе и слабость, безпредѣльная слабость,—вотъ что затягиваетъ цѣпь, которую должно было сбросить,—такъ

---

[1]) Дневникъ Герцена цитируется по женевскому изданію его сочиненій, 1875 г., т.

далеко зашелъ ея эгоистическій, дерзкій нравъ. Такая ли будущность ждала Огарева? И въ такомъ-то омутѣ теряетъ онъ силы на глупую борьбу, теряетъ здоровье, жизнь. Это ужасно! Но теперь-то ему и нужна дружба".

Приблизительно то же, что̀ Герценъ, писали Огареву, вѣроятно, и московскіе друзья—Кетчеръ, Грановскій и др. Только въ мартѣ (т.-е. 1843 г.) Огаревъ, наконецъ, собрался съ духомъ дать имъ отчетъ въ своемъ поведеніи. Это письмо показываетъ намъ Огарева на высокомъ уровнѣ самосознанія. Въ томъ, что̀ онъ говоритъ здѣсь о себѣ, нечего измѣнить — такъ отчетливо вскрылъ онъ двойственность своей натуры, свою слабость въ дѣйствіи и свою силу въ сознаніи. „Откровенный самъ съ собою,— пишетъ онъ [1]), — я знаю всѣ пружины, которыя заставляютъ меня дѣйствовать, и, къ великому моему прискорбію, я, въ самомъ дѣлѣ, похожъ на машину, которую разныя пружины приводятъ въ движеніе, и она идетъ непроизвольно, покорная ихъ толчкамъ. Конечно, хозяинъ, сирѣчь сознаніе, понимаетъ, что̀, почему и какъ,—но ничѣмъ не распоряжается, не останавливаетъ и не двигаетъ, а только смотритъ—больше ничего. Но давайте, кончимъ сначала всѣ разговоры, въ которыхъ можетъ отзываться горечь. Я ребенокъ—это несомнѣнно; вслѣдствіе этого, несмотря на свѣтлое сознаніе (котораго дѣло сторона), я дѣлаю и надѣлаю тысячи глупостей. Въ эти глупости могутъ войти равныя доли добраго и гадкаго. Но я не вѣрю въ *безвыходности* и не признаю никакого положенія безвыходнымъ. Ergo, я живу съ полнымъ упованіемъ въ жизнь. Какъ всѣ люди, не имѣющіе „гордаго чела и непреклонной воли", я приношу въ поступки нерѣшительность, медленность или младенческое своеволіе и не обрѣтаю въ себѣ силъ стать выше этого. Но если нѣтъ непреклонности воли — есть непреклонность сознанія. Это есть выходъ, передъ которымъ должны пасть нерѣшительность и своеволіе, и тогда настанетъ время святости жизни... Теперь довольно объ этомъ. Я надѣюсь, что ваши ясные взоры изъ сихъ штриховъ составятъ себѣ всю картину моей жизни. Одно только еще замѣчу: отнесите въ моихъ глупостяхъ долю гадкаго къ поступкамъ, а долю добраго къ внутреннимъ побужденіямъ и намѣреніямъ. Иначе вы меня оскорбите несправедливо. Будетъ съ меня обидъ, наносимыхъ мнѣ самимъ собою. Но также не вините никого въ моихъ обстоятельствахъ, кромѣ меня самого. Изъ двухъ страдающихъ лицъ одно благородно, другое нѣтъ. Это другое лицо—я. Не сердись,

[1]) „Изъ переп. нед. дѣят.", „Р. М." 1889, XII, стр. 7—8.

баронъ [1]),—это правда. Узнаешь—повѣришь. Я думаю, Ritter [2]) скорѣй могъ вамъ задать задачу о гадостяхъ, мною учиненныхъ, чѣмъ о моей безвыходности".

Въ отвѣтъ на апологію Марьи Львовны, заключавшуюся въ послѣднихъ строкахъ, Герценъ писалъ потомъ Огареву [3]): „Я торжественно протестую противъ твоихъ самообвиненій и противъ титула „благородное существо". Какъ ты назовешь существо, которое по сухости души въ состояніи съ утонченнымъ эгоизмомъ давить и тѣснить семилѣтняго ребенка [4])? Моего отпущенія тому существу нѣтъ. Я многое узналъ отъ различныхъ противоположныхъ лицъ".—Огаревъ разумѣлъ, можетъ быть, нѣчто другое. Онъ естественно могъ себя спрашивать: вправѣ ли онъ осуждать Марью Львовну за ея легкомысленное поведеніе, когда онъ самъ все это время подчасъ сильно кутилъ?

Огаревы прожили въ Италіи всю зиму 1842—43 гг., Марья Львовна, повидимому, безвыѣздно въ Римѣ, Огаревъ — сначала во Флоренціи, потомъ съ нею въ Римѣ. За эту зиму М. Л., окончательно и, такъ сказать, уже формально сошлась съ извѣстнымъ русскимъ художникомъ Сократомъ Воробьевымъ, симпатичнымъ и слабовольнымъ человѣкомъ, пріятелемъ Огарева. Тѣмъ не менѣе, Огаревъ не разставался съ нею, все по тѣмъ же причинамъ. „Изъ письма къ нему Сатина (Франкфуртъ, 2 марта) видно, что Огаревъ писалъ ему о необходимости для него „выхода" изъ его отношеній къ женѣ и о страхѣ „разрушить чужое существованіе". Сатинъ отвѣчаетъ ему вопросомъ: „избѣгнешь ли ты раскаянія, ежели не разрушивъ, то стѣснивъ свое собственное существованіе?"—и говоритъ дальше: „впрочемъ, мнѣ кажется, ты пишешь слово разгадки: не *рвать* нужно, а *распутать*. Дай тебѣ Богъ успѣха" [5]).

По веснѣ Огаревы переѣхали въ Неаполь, откуда предполагали, съ наступленіемъ лечебнаго сезона, снова перекочевать за Альпы, М. Л.—опять на воды въ Карлсбадъ, а Огаревъ—куда его направитъ извѣстный тогда врачъ Коппъ, лечившій всѣхъ русскихъ—и Гоголя, и А. П. Елагину, и др. Но еще изъ Неаполя Огаревъ въ началѣ нашего мая (т.-е. 1843 г.) предпринялъ небольшое путешествіе на сѣверъ, чтобы повидаться съ Фроло-

---

[1]) Кетчеръ.

[2]) Сатинъ.

[3]) „Изъ переп. нед. дѣят.", тамъ же, 1890 г., III, стр. 1.

[4]) Герценъ имѣетъ въ виду, безъ сомнѣнія, того племянника М. Л., взятаго ею на воспитаніе, о которомъ неоднократно говорится въ этихъ письмахъ.

[5]) „Изъ переп. нед. дѣят.", тамъ же, 1889 г., XII, стр. 6.

вымъ, жившимъ тогда въ „Bagni di Lucca". Отъ этой поѣздки сохранились слѣдующія шесть его писемъ къ М. Л. Она оставалась въ Неаполѣ и должна была съѣхаться съ нимъ въ сѣверной Италіи.

43.

20 мая. Civitta Vecchia.

Человѣкъ располагаетъ, а Богъ распоряжаетъ,—сказала какая-то непроходимая скотина, и не соврала. Я только сейчасъ сюда пріѣхалъ, т.-е. ровно 24 часа позже, чѣмъ думалъ. Противный вѣтеръ продержалъ насъ цѣлую ночь на якорѣ въ Байѣ и помѣшалъ скоро ѣхать далѣе. Вчера качка была такъ велика, что я даже былъ боленъ съ полчаса.—Ну! вотъ я путешествую, Маша! Лучше ли мнѣ? Богъ вѣсть. Дорога меня разстроила: я весь будто расклеенъ, и теперь все еще кажется—земля ходитъ подъ ногами. Хуже всего то, что я пріѣду сегодня вечеромъ въ Римъ, а завтра воскресенье, ergo, lascia passare и дѣла съ Валентини не кончатся прежде понедѣльника, и вы днемъ слишкомъ будете задержаны въ Неаполѣ. Какъ твое здоровье, Маша? Напиши мнѣ скорѣе въ Livorno или въ Пизу; адресуй въ Livorno съ первымъ пароходомъ въ Hôtel Tomson. Что̀ тебѣ—скучно, грустно? или ты спокойна? Меня мучили твои слезы, и мучатъ, хотя я тебя не вижу. Но не хочу ничего говорить, что̀ бъ могло тебя болѣе тревожить. Пусть что̀ происходитъ во мнѣ, во мнѣ и останется. Обнимаю тебя крѣпко—и сейчасъ ѣду въ Римъ.—Кажется, я забылъ письмо къ m-me Kenny и мою печать, да бусы. Письмо перешли мнѣ по почтѣ въ Лукку, а вещи привези сама въ Liv. Прощай! спѣшу. Цѣлую и обнимаю тебя еще разъ. Будь здорова.

Грекъ, котораго ты видѣла на пароходѣ,—французъ,—Arago, племянникъ астронома, находится на службѣ Мегемеда-Али. Довольно милъ и не глупъ. Прощай!

44.

Римъ. Hôtel Maykoff [1]. *21 (мая).*

Сейчасъ получилъ твое письмо, другъ мой, и спѣшу написать нѣсколько строкъ. Я обрадовался Риму, и, право это са[мый]

---

[1]) Т.-е. въ квартирѣ Майкова (Аполлона, поэта).

симпатичный городъ изъ всѣхъ городовъ Европы, то же, что Москва въ Россіи. Я пріѣхалъ въ субботу вечеромъ довольно поздно. Воскресенье дѣлать было нечего, и мы ѣздили верхомъ въ Остію. Сегодня все обдѣлалъ. Деньги Валентини взялся выдать съ удовольствіемъ; ergo, ты отъ него получишь до шести тысячъ франковъ и дашь ему вексель на Ценкера и Колли въ Москву, а я перепишусь съ Ценкеромъ и Колли. Если же деньги придутъ въ Неаполь послѣ тебя, то пусть Michel перешлетъ ихъ на твое имя въ Карлсбадъ. Но, къ сожалѣнію, „lascia passare" не можетъ быть выслана прежде четверга. Скарятинъ его вышлетъ. Ты получишь въ пятницу, и въ субботу можешь выѣхать. Ты скучаешь, другъ мой! Маша—право, твоя тоска меня мучитъ, и я ношу двѣ тоски—твою и свою разомъ—и страхъ тяжело подчасъ. Завтра я ѣду въ Лукку и надѣюсь поспѣть къ отходу „Монжибелло". Гриффи видѣлъ у Скарятина. Онъ носитъ бѣлую шляпу съ широкими бѣлыми лентами. Майковъ и Воробьевъ письма получили. Они вамъ кланяются, а не пишутъ оттого, что все сбирались написать что-нибудь поумнѣй, и для того выпивали извѣстное количество вина, и оказывалось, что совсѣмъ нельзя писать.

Прощай! Бѣгу брать мѣсто въ дилижансѣ.

Будь здорова! Обнимаю и цѣлую тебя крѣпко и благословляю.

Изъ Лукки напишу въ Римъ на имя Майкова.

Извини, что пришлось печатать печатью Майкова, которая есть наперстокъ.

Я писалъ къ тебѣ изъ Civitta Vecchia, что я плылъ два дня. Пароходъ ночевалъ въ Байѣ.

45.

22 мая. Римъ. Hôtel Franz.

Вчера понесъ письмо на почту, но нашелъ ее запертою. Только выдали мнѣ билетъ на полученіе какой-то посылки, адресованной къ тебѣ. Я ее сегодня достану и отдамъ Бирбичатамъ или Скарятину. Ѣду я сегодня въ 8 час. вечера, а завтра на „Касторѣ" далѣе. Буря совершенно переиначила мою поѣздку, ...же и вашу.—Какъ же ты, Маша? Не свыкаешься съ Неаполемъ? Грустишь, или стала спокойнѣе? Съ нетерпѣніемъ жду ...ъ тебя писемъ въ Лукку... Жизнь вообще проходитъ странно, ...елѣно и мучительно. Еще и я не дошелъ до того разумнаго ...окойствія, которое смотритъ на вещи сверху, потому что но-

ситъ въ себѣ вѣру и убѣжденіе, при которомъ можно съ любовью принимать участіе въ жизни людей, но самому не увлекаться волненіемъ страстей. Еще я попрежнему въ сомнѣніяхъ, отрицаніяхъ, въ волненіи, etc., etc... и только ищу минутнаго отдыха.—Ну! что жъ тебѣ сказать объ Римѣ? Все какъ и было, только Maillart пустилъ въ походъ бороду и сталъ еще уродливѣе. Здоровье мое поправляется. Скарятинъ перемѣнилъ квартиру и живетъ Piazza della Torettá, № 26,—квартира очень элегантна. Но о дѣлѣ! Пойми же, что тебѣ надо дѣлать съ Валентини: ты къ нему поѣзжай или попроси сходить Скарятина; ты подпишешь Валентини вексель въ 6 тыс. фр. на имя Ценкера и Колли и тогда перешлешь имъ, т.-е. Ценкеру и Колли, мое письмо, которое я оставлю у Скарятина; если же ты получишь деньги въ Неаполѣ, то дай знать Валентини, что тебѣ занимать не нужно. Въ Неаполѣ же бери кредитивъ на Миланъ, Мюнхенъ и Карлсбадъ или Дрезденъ; тоже и у Валентини возьми часть денегъ и часть кредитивъ. Если же деньги въ Неаполь не придутъ при тебѣ, то проси Устинова переслать ихъ въ Карлсбадъ. Да справляйся хорошенько на почтѣ о письмахъ, и если есть ко мнѣ, то перешли въ Bagni di Lucca. Хорошо, если ты придумала средство заѣхать въ Лукку. Оно и ради Галахова хорошо, и ради меня тоже хорошо. Привези четки и письмо отъ Сухт(еленъ) къ m-me Kenny, которое я, кажется, забылъ въ Неаполѣ. Я тебѣ объ этомъ писалъ изъ Civitta Vecchia, но не увѣренъ, дошло ли письмо, потому что поручилъ отдать его камерьеру.

Итакъ, ѣду! Но на душѣ ужасно тревожно. Можетъ быть, успокоюсь съ Фроловымъ. Но чего желаю—это чтобъ ты была спокойна. Думаю о тебѣ и опять пріучаюсь къ слезамъ. Богъ тебя благослови, Маша! Пожалуйста, не тревожься и вѣрь въ жизнь такъ, какъ бы и мнѣ хотѣлось вѣрить, да не могу.

Прощай! Зайду къ Бирбичатамъ, а потомъ на почту и къ Скарятину. Обнимаю и цѣлую тебя. Прощай!

Mes amitiés à Annette.

Lascia passare непремѣнно вышлется въ четвергъ и потому въ пятницу непремѣнно будетъ у васъ.

46.

Пиза. 26-го мая.

Въ Пизѣ я нашелъ Фролова и думалъ, что, проживши здѣсь нѣсколько дней, отправлюсь съ нимъ въ Лукку. Но сегодня пустилъ ихъ однихъ, а самъ на день остался въ Пизѣ,

кончательнаго излеченія руки, которую я какъ-то зашибъ въ Остіи. Вчера мнѣ ставили къ оной рукѣ піявки, сегодня лучше; завтра поѣду въ Лукку, т.-е. въ Bagni di Lucca. Не ошибайся адресомъ, потому что Bagni отъ Лукки—часа два. Зачѣмъ же ты не написала мнѣ въ Livorno или въ Пизу? Экая ты какая! Меня мучитъ желанье знать о тебѣ, о твоемъ физическомъ и нравственномъ здоровьи. Теперь ты должна выѣзжать изъ Неаполя по моему разсчету. Опять увидишь Римъ. Я самъ имѣю нѣжность къ Риму, но не хочу регретировать. Изъ Civitta Vecchia море было чудесное. Я ѣхалъ на „Касторѣ". Качка была такая, какъ на рейнскихъ пароходахъ. Я насладился моремъ. Общество было премерзкое; такая грусть была глядѣть на англичанъ и не-англичанъ. Напиши мнѣ тотчасъ, какъ возьмешь деньги у Валентини, чтобъ я могъ скоро переписаться съ Тучковымъ. Да вышли мнѣ франковъ четыреста. Какъ извѣстно, я поѣхалъ съ двумя стами, и здѣсь занялъ нѣсколько у Фролова. Леченіе кой-чего стоитъ. Но ты не безпокойся о моемъ здоровьи; этотъ ушибъ скоро пройдетъ, хотя и больно было, и теперь еще долго сидѣть не ловко; но часъ отъ часу лучше, и завтра я оставлю Пизу. Надѣюсь, что ты выдумала средство пріѣхать въ Bagni di Lucca, чѣмъ сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе. Кончаю, потому что трудно писать. Это не моя вина, а вина Провидѣнія, а я бы и въ духѣ писать. Читаю Вальтеръ-Скотта.

Прощай, Маша, будь здорова. Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя. Послѣ-завтра еще напишу. Прощай!!

47.

Bagni di Lucca. 31 мая.

Какъ быть, другъ мой! Человѣкъ располагаетъ, а Богъ распоряжаетъ. Ты непремѣнно должна пріѣхать въ Bagni di Lucca, потому что я едва ли могу ихъ оставить прежде десяти или пятнадцати дней. Я долженъ тебѣ признаться, что у меня въ рукѣ было жестокое воспаленіе; я страдалъ много; теперь лучше, но рука еще не двигается, и едва ли прежде 10 дней приду в нормальное положеніе, и въ дальнѣйшій путь пускаться страшно. Пріѣзжай пожалуйста! Мнѣ хочется тебя видѣть. Но отчего ты не пишешь ко мнѣ? Неужели въ самомъ дѣлѣ ты адресуешь въ Лукку, а не въ Bagni? Посылаю сегодня въ Лукку.—Пріѣзжай и потому, что Bagni di Lucca—одно изъ самыхъ чудесныхъ мѣстъ Италіи. Я живу у Фролова (Bagni caldi, casa Pierini).

Домъ на горѣ. Хожу гулять на четверть часа въ день. Болѣе—меня утомляетъ. Мѣста чудесныя, растительность богатая. Жизнь идетъ тихо; но мнѣ что-то на душѣ неловко. Когда кончится все это полу-тревожное, полу-апатическое состояніе? Богъ вѣсть.—Ну! ты какъ? Гдѣ ты? Что твое здоровье? Вообрази себѣ, что всѣ мои обычныя болѣзни исчезли безъ всякихъ медицинскихъ пособій—не знаю почему. Только рука—рука ужасно надоѣла. Такъ нужно людей съ этой рукой, потому что самъ ничего не можешь сдѣлать, а мнѣ всегда оскорбительно нуждаться въ людскихъ пособіяхъ.—Какъ твое нравственное состояніе? Развлеклась ли ты римской Кампаньей? Ѣдешь-ли, или гдѣ ты? Какъ досадно—ничего не знаю и не могу ѣхать самъ въ Лукку, потому что лечусь. Посылаю это письмо въ Лукку, къ Мери, которая должна знать, гдѣ вы, и перешлетъ его. Сейчасъ стану писать нѣсколько строкъ къ Галахову. Письмо твое черезъ m-me Pl. онъ получилъ и сбирается отвѣчать; но онъ, кажется, теперь занятъ хозяйствомъ и разъѣздами по разнымъ деревнямъ.

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ немедля написать мнѣ, заняла ли ты денегъ у Валентини, ибо мнѣ тогда нужно снестись съ Тучковымъ. Да просилъ прислать мнѣ франковъ 400. Послѣднее, если сама привезешь, то время терпитъ, а первое нужно дѣлать скорѣй.

Итакъ, я жду тебя въ Bagni. Совѣтую карету (если оная выгрузится) оставить въ Пизѣ или въ Луккѣ (на доганахъ piastre избавляетъ отъ осмотра) и пріѣхать въ наемномъ экипажѣ, ибо на нашу гору карета не взъѣдетъ. Въ двухъ шагахъ отъ Фролова есть Pension Suisse, гдѣ можно намъ будетъ остановиться. Письмо мое отчасти пусто. Болѣзнь меня немного притупила. Вотъ 10 дней, изъ которыхъ 4 мнѣ лучше, а 4 я страдалъ какъ сумасшедшій (въ Пизѣ).

Прощай, другъ мой, жду тебя скоро. Обнимаю, цѣлую и благословляю. До свиданія, Маша. Твой Николай.

48.

Bagni di Lucca. 2-го іюня.

Сегодня получилъ отъ тебя три письма, изъ которыхъ два адресованы въ Пизу. Вчера, не зная, какъ и гдѣ ты можешь быть, отправилъ тебѣ письмо въ Лукку, къ m-lle Méry. Теперь спѣшу отвѣчать тебѣ въ Римъ, надѣясь, что письмо еще тебя застанетъ. Я потому тебя звалъ пріѣхать въ Лукку, что мнѣ никакъ

прежде 15-го іюня не удастся выѣхать, и то еще я буду не совсѣмъ здоровъ, но надѣюсь, что около того времени уймется боль и рука начнетъ отчасти двигаться. Съ завтрашняго дня начинаю брать ванны—увидимъ, чтѣ изъ этого будетъ. Скверно, что Майковъ такъ боленъ; это похуже моей руки; но я ему напишу развѣ завтра, а сегодня до смерти усталъ; уже писалъ письмо къ Тучкову, извѣщая его о сдѣланномъ займѣ у Валентини. Не забудь тотчасъ отправить письмо къ Ценкеру и Колли (ихъ контора на Маросейкѣ).

Ты тоскуешь, другъ мой. Когда же мы успокоимся оба? Я самъ большею частью не знаю, куда дѣваться, хотя знаю, что жизнь моя могла бы быть совсѣмъ иною; да еще чего-то мнѣ недостаетъ, чтобъ вступить въ новую жизнь.

Сейчасъ меня прервали. J'ai eu la visite de m-me et m-lle Bollviller, m-lles Méry et Loulou. Эта любезность мнѣ доставила удовольствіе. Но, къ сожалѣнію, я не могъ быть довольно любезенъ, потому что къ вечеру всегда мнѣ больнѣе, и я нахожусь между физическимъ страданіемъ и желаніемъ любезничать. Завтра мнѣ ставятъ еще піявки. Эта боль меня тѣмъ болѣе оскорбляетъ, что она такъ же ничтожна и такъ же мучительна, какъ зубная.—Méry ужасно выросла, въ восторгѣ отъ будущей художнической дѣятельности, etc... Старушка была очень мила. Напиши мнѣ, какъ же ты намѣрена—пріѣхать въ Лукку, или еще остаться въ Римѣ, или чтѣ. Мериньkинъ учитель не можетъ ей давать уроковъ до 20 іюня. Чтѣ Монигети?

Какой я сбродъ пишу. Усталъ. Надо прилечь. Прощай, другъ мой. Цѣлую и благословляю тебя. Будь здорова—все-жъ не опаздывай къ водамъ. Выѣхавши 15-го, мы тамъ будемъ не прежде конца мѣсяца. Хорошо ли тебѣ? Я все успѣю—потому что маріенбадскія воды холодныя.

Прощай! Жму руку Майкову и Воробьеву. Завтра имъ напишу.

Mes amitiés à Annette.

Аннѣ Петровнѣ кланяйся.

Пришли Сатинское письмо, здѣсь аккуратны.

Развязка, очевидно, приближалась. Самая поѣздка Огарева къ Фролову, совершенно ненужная (они вовсе не были очень близки), показываетъ, какъ тяжело было ему возлѣ Марьи Львовны. Отсюда, изъ Bagni di Lucca, онъ писалъ друзьямъ въ началѣ іюня: „Близка минута, когда я стряхну всю внѣшнюю горечь

жизни, и убѣжденъ, что еще отыщу въ себѣ довольно силы, чтобъ жить полно и свято". Какъ уже сказано, онъ располагалъ провести лѣто врозь отъ М. Л. Онъ надѣялся, что Коппъ пошлетъ его въ тихій курортъ Ганау на Майнѣ, и заранѣе радовался этому. „Мнѣ нужно нѣсколько времени совершеннаго одиночества. Нужно омыть душу отъ скверны, приготовиться къ новой жизни". И, намекая на прошлогоднюю свою встрѣчу съ женой въ Майнцѣ, онъ пишетъ: „Есть многія мѣста на Рейнѣ, которыя мнѣ непріятны по воспоминаніямъ, но въ томъ и забота теперь—внутренно такъ очиститься, чтобы стать выше горькихъ воспоминаній и смотрѣть на нихъ спокойно, какъ обновленный человѣкъ на дурно прожитое прошедшее, изъ котораго онъ вышелъ чистъ и свѣтелъ. Даже тѣ минуты, когда я унижалъ свое человѣческое достоинство, не должны отзываться удручительно,—такъ сильно надо обновиться" [1]).

Въ началѣ іюля, съѣхавшись съ женой и довезя ее до Карлсбада, Огаревъ отправился во Франкфуртъ для консультаціи съ Коппомъ. Отсюда онъ и писалъ женѣ.

49.

Пятница.

Вотъ третій день какъ я, наконецъ, во Франкфуртѣ, т.-е. я пріѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Видѣлъ Станю, который толстъ и румянъ, бѣгаетъ и лазитъ по столбамъ, читаетъ по-нѣмецки и ужасно любимъ всѣми. Онъ былъ такъ радъ мнѣ, что это меня удивило: онъ ни слова не могъ сказать отъ радости и только смѣялся и жался ко мнѣ. Сегодня везу его гулять.—Убри обѣщался уговорить Бетмана дать денегъ. Все это не легко. Банкиры не любятъ давать денегъ, это ихъ принципъ. Но если это не удастся, Гейзовъ обѣщался хлопотать, какъ только можетъ. Я думалъ, что деньги и письмо мое придутъ къ тебѣ разомъ, но, видно, еще дня три не добьешься ничего. Сатинъ въ Крейцнахѣ; жду его съ часу на часъ сюда.

Мое письмо—ничто иное, какъ записка, чтобъ сказать тебѣ, что я живъ и здоровъ. Мнѣ сказали, что почта сейчасъ отходитъ, и я спѣшу. Путешествіе мое было очень непріятно. 1-е: въ Эгерѣ наша карета опоздала, и я долженъ былъ дожидать я 24 часа. Разумѣется, я отправился въ Франценсбадъ. 2-е: M-lle Schütz, франкфуртская нѣмка, Herr Rittmeister и разные т—

---

[1]) „Изъ переп. нед. дѣят.", тамъ же, 1890, III, стр. 6.

стые нѣмцы до такой степени мнѣ надоѣли, что я остался ночевать въ Вюрцбургѣ и пробылъ тамъ день, чтобъ отдохнуть, посмотрѣть и вылечить насморкъ, который и оставилъ меня. Изъ Вюрцбурга отправился пароходомъ по Майну, чтобъ избѣжать почтовыхъ каретъ, самаго трескаго и неудобнаго произведенія германской индустріи.—Наконецъ, я—„Zum Römischen Kaiser“. Маленькій Kellner, который говоритъ des lumières,—теперь Hr. оберъ-Kellner. Больше здѣсь не видно перемѣнъ. Но вообрази себѣ мое удивленіе, когда я, возвращаясь отъ Гейзова, услыхалъ, что кто-то меня зоветъ изъ мимоѣдущей коляски; подхожу—и кто же? ты никогда не отгадаешь...—Обуховъ и *Гриффи!!!* Сегодня пойду къ нимъ и тогда дамъ тебѣ свѣдѣнія о томъ, какъ и зачѣмъ Гриффи во Франкфуртѣ.—Я читаю и пишу—выхожу мало. Думаю. Думаю о тебѣ—и—Маша—мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело, какъ ты себѣ представить не можешь. Но не хочу безплодно тревожить нашихъ ранъ. Лучше твердить Гётевскій стихъ:

Seel'ge Ruhe, komm in meine Brust!

Но напиши мнѣ, что̀ ты дѣлаешь въ Карлсбадѣ. Кончила ли повѣсть? Какъ тебѣ? Гм! сказалъ бы Галаховъ. Прощай, Маша, дай руку.—Addio—спѣшу. Твой Н.

50.

19-го іюля. Франкфуртъ.

Деньги такъ долго задержали меня, что я только теперь могу оставить Франкфуртъ. Вексель отъ Бетмана на 3.000 франковъ посылается къ Гетлю сегодня, и ты можешь идти къ нему и получить деньги. Я себѣ занялъ около 500 гульд. у Гейзова. Вотъ и все. Сегодня я отправляюсь въ Крейцнахъ, гдѣ долженъ пробыть мѣсяцъ, а потомъ въ Швальбахъ, гдѣ также долженъ пробыть мѣсяцъ. Вотъ леченіе, предписанное Коппомъ.

До сихъ поръ я отъ тебя не получилъ ни строчки, но имѣю дѣйствительную потребность знать, что̀ ты дѣлаешь, Маша. По крайней мѣрѣ, спокойна ли ты? Я съ нетерпѣніемъ жду минуты моего отъѣзда изъ Франкфурта. Ужасно здѣсь надоѣло. Хочется быть на мѣстѣ и вести благоразумную жизнь. Многое во мнѣ можетъ казаться тебѣ смѣшнымъ и уродливымъ. Мои потребности тебѣ иногда кажутся сумасшествіемъ. О, Маша! если-бъ ты знала, какъ я далекъ отъ безумія! но если-бъ ты также

знала, сколько мнѣ нужно выжить нечистаго изъ души и забыть много горькаго, ты меня не слишкомъ бы винила. Но такъ и быть!.. Думай, что я безумецъ. Иногда это мнѣ больно. Сегодня больше больно, потому что я какъ-то унылъ сегодня. Скучно! Люди, къ которымъ я имѣю странныя отношенія, вчера мнѣ встрѣтились, а Аф. Ал. Столыпинъ [1]). Я имѣю много за душой противъ этого человѣка, но мы между тѣмъ въ пріязни. Это также меня бѣситъ. Ему дѣлаютъ операцію сегодня; рѣжутъ косточку и жилку въ ногѣ. Онъ много интереснаго разсказывалъ о Руси. Мар. Ал. глупѣе, чѣмъ когда-нибудь. Обо всѣхъ плачетъ, всѣми восхищается, увѣряетъ, что ей хорошо только въ Италіи, и ужасно довольна, что Bien-Aimé въ Римѣ сказалъ ей, что ужасно былъ бы радъ, еслибъ имѣлъ для своихъ статуй такую модель, какъ она. Хастатовъ въ Эмсѣ. Гриффи возвращается въ Римъ; ergo, свадьба его вздоръ. Онъ много тебѣ кланяется. Тоже и Столыпинъ, которому ужасно хочется тебя видѣть. Но онъ только недолго пробудетъ въ Висбаденѣ; а Marie St. хочетъ еще видѣть Брюссель и купить кружева. Столыпинъ не ѣдетъ въ Парижъ оттого, что, заѣхавъ туда, захочетъ пробыть тамъ зиму, что̀ помѣшаетъ ему ѣздить съ собаками! Я забылъ, что̀ ты велѣла сказать Marie St. Напиши ей въ Крейцнахъ, пока она тутъ.

Коппъ тебя вспомнилъ и ждетъ. Находитъ, что очень хорошо, что ты въ Карлсбадѣ.

Еще здѣсь Иваненко, который въ Парижѣ много поправился и очень не глупъ.

У меня голова трещитъ отъ займа у Бетмана и ходатайства Убри, который очень хорошъ со мною, но какъ-то ужасно противно и непріятно имѣть всѣ эти дѣла—и одолжаться людьми, которымъ ужасно не хочется быть обязаннымъ.—Прощай, Мама! je t'embrasse, ma bonne amie.

Изъ Крейцнаха Огаревъ, 21-го іюля ст. ст., писалъ московскимъ друзьямъ: „Я нахожусь *solo* и, видно, останусь уже *solo*. Какое впечатлѣніе это на меня производитъ, едва ли я могу дать и вамъ, и себѣ ясный отчетъ. Съ одной стороны, участіе и сознаніе, что поступалось все же не такъ, какъ бы должно, заставляетъ страдать. Съ другой—успокоеніе, развязка заставляютъ надѣяться на лучшую жизнь. Я убѣжденъ, что выходъ

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

изъ ложнаго положенія не ограничится самимъ собою; вмѣстѣ долженъ быть для меня и выходъ изъ праздной, безпутной (почти распутной) жизни. Я убѣжденъ, что этотъ мѣсяцъ будетъ временемъ покаянія и сосредоточенія въ самомъ себѣ, и тогда мнѣ будетъ возможно вступить въ жизнь съ новою силой, спокойно и сознательно".

Изъ Крейцнаха Огаревъ въ августѣ перебрался въ Швальбахъ, отсюда въ сентябрѣ — въ Ганау; Марья Львовна послѣ Карлсбада купалась еще въ Остенде. Въ теченіе этого лѣта они, кажется, не видѣлись. Отношенія становились все мучительнѣе, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ росло, оба то-и-дѣло договаривались до открытаго разрыва; но Огаревъ все еще жалѣлъ М. Л. и даже, будучи вынужденъ поставить предѣлъ ея расточительности, старался сдѣлать это какъ можно деликатнѣе, съ извиненіемъ и ласкою.

51.

Швальбахъ. 21-го августа.

Я ждалъ сегодня Егора, но онъ не явился. Я бы хотѣлъ его видѣть.

Если мое послѣднее письмо тебя какъ-нибудь оскорбило, Marie, или растревожило—прости мнѣ.

Но что̀ же еще сказать? Послѣ твоего письма—нечего.

Фроловъ всегда будетъ знать, гдѣ я; сдѣлай такъ, чтобъ онъ зналъ, гдѣ и ты будешь.

Одного еще прошу—дай мнѣ знать, долго ли ты, или, по крайней мѣрѣ, когда будешь въ Парижѣ? и куда мнѣ выслать тебѣ денегъ, если я получу вскорѣ? Прощай, Маша! Que Dieu te protège.—Твой другъ всегда—Николай.

Запечаталъ—и еще распечатываю, чтобъ сказать, что моя квартира—„Zur Friedrichshöhe", второй домъ отъ въѣзда.

52 [1]).

Швальбахъ. 11 сентября.

Начну съ дѣловой части, чтобы не запутаться потомъ въ вещахъ, которыя требуютъ точности. Я послалъ тебѣ недавно

---

[1]) Подлинникъ—по-французски.

7.500 фр., значитъ, ты получила въ Остенде 14.500 франковъ. Сообразивъ свои дѣла, я высчиталъ, что̀ я могу тратить, не разстраивая ихъ. Согласно этому разсчету, я прошу тебя тратить по 2.250 фр. въ мѣсяцъ; это составитъ 27.000 фр. въ годъ. О пенсіонѣ для ребенка [1]) не безпокойся,—этотъ расходъ я беру на себя. Итакъ, считая годъ съ 1-го сентября, я долженъ доставить тебѣ въ теченіе нынѣшняго года (который кончится 1-го сентября 1844 г.) еще 12.500 фр. Dixi! Будемъ говорить о другомъ. Еще одно слово: разумѣется, если у тебя будутъ какіе-нибудь чрезвычайные расходы, вродѣ кареты и т. под.,—дай мнѣ знать и не трать на это денегъ, предназначенныхъ на жизнь.

Ради Бога, не оскорбляй меня сомнѣніемъ въ своемъ правѣ брать эти деньги. Повторяю тебѣ—надо стать выше этого, и когда дающій даетъ ихъ такъ чистосердечно и съ искреннимъ желаніемъ устранить всѣ мелкія матеріальныя заботы жизни,—ихъ надо брать *безъ угрызеній совѣсти* и *безъ благодарности*, а *съ нѣжностью*. Такова моя теорія денежныхъ отношеній между людьми, основанная на сознаніи неравномѣрнаго распредѣленія собственности въ современномъ обществѣ. Не смѣйся надъ этимъ, Маша, потому что, клянусь тебѣ,—въ ней больше правды, нежели въ томъ, полномъ вражды и недоброжелательства, дѣлежѣ, который опредѣляется словами: *твое* и *мое*.

Первая моя просьба въ отвѣтъ на твое письмо отъ 4-го—сообщить мнѣ, чѣмъ ты была напугана въ Остенде? что̀ это за происшествіе? Я непремѣнно хочу это знать. Касается ли оно лично тебя, или это вещь посторонняя? Заклинаю тебя написать мнѣ объ этомъ.

Что до твоего мнѣнія обо мнѣ, то я покоряюсь ему, но оно не совсѣмъ вѣрно. Я былъ твоимъ идеаломъ... Но что̀ же ты находишь во мнѣ, мое бѣдное дитя, во мнѣ, который *оставался безстрастнымъ, когда ты боялась, сомнѣвался, когда ты жаждала, отворачивалъ голову, когда ты хотѣла открыть свое сердце?* Что̀ же это за граница между нами, которой никто изъ насъ не могъ перешагнуть? Призракъ, говоришь ты! Нѣтъ, Маша, между нами нѣтъ призрака, или развѣ онъ въ насъ самихъ. Это печально, но это такъ. Что̀ дѣлать!

Ты любила во мнѣ гармоническую натуру. Она не такъ гармонична, какъ ты думаешь. Она могла бы быть такою—но теперь слишкомъ поздно. Отнынѣ тишина самоотреченія замѣнит мнѣ спокойствіе вѣры. Моя гармонія—это гармонія похоронн

---

[1]) Станя жилъ въ пансіонѣ во Франкфуртѣ.

пѣсни, пьеса въ минорномъ тонѣ; что же касается иной гармоніи — той, которую я ощущаю лишь при восходѣ солнца, — для нея слишкомъ поздно!..

Я не вооружилъ моей слабой руки, я не хотѣлъ сокрушать личностей. Такъ далеко мой эгоизмъ не шелъ. Я удалился съ поля битвы, потому что предвидѣлъ одни пораженія,—вотъ и все. Не столько страсти побудили меня это сдѣлать, — напротивъ, мнѣ пришлось для этого бороться съ самимъ собой. Но еще разъ: я знаю, что ты признаешь меня виновнымъ тамъ, гдѣ я невиненъ, и невиновнымъ тамъ, гдѣ я виноватъ. Я и съ этимъ примиряюсь.

Ты не хочешь дружбы, потому что дружба требуетъ равенства и пр. Что-жъ! замѣни это слово *нѣжностью*. Я чувствую, что во мнѣ есть къ тебѣ нѣжность и будетъ всегда. Можешь ли ты вѣрить этому и принять это и протянуть мнѣ руку?.. Или ты довольно любила меня, чтобы имѣть право меня ненавидѣть? Я не вѣрю въ эту старую поговорку,—она къ лицу развѣ только пятнадцатилѣтнему влюбленному школьнику.

Во всякомъ случаѣ, когда-нибудь одинъ изъ насъ опомнится, потому что, очевидно, кто-нибудь изъ насъ ошибается.

Въ концѣ этого письма находимъ и нѣсколько словъ о Воробьевѣ: „Воробьевъ—не лучшій твой другъ въ Римѣ. Онъ, можетъ быть, увлеченъ тобою, но по натурѣ (говорю это, хотя и потому, что люблю его) онъ никогда не можетъ стать тебѣ *настоящимъ* другомъ. Ужъ скорѣе Скарятинъ. Прости—но я долженъ говорить тебѣ *правду* ради моей *нѣжности*“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ въ нашихъ матеріалахъ наступаетъ долгій перерывъ—почти въ годъ. Огаревъ прожилъ эту зиму (1843—44), кажется, въ Парижѣ, Марья Львовна — съ Воробьевымъ въ Италіи. По веснѣ Огаревъ направился въ Берлинъ и заѣхалъ во Франкфуртъ, навѣстить Саню, который воспитывался тамъ въ пансіонѣ. Отсюда и писано нижеслѣдующее письмо.

53.

Франкфуртъ. 20 мая.

Жду и не дождусь отъ тебя письма, Маша! Хочется узнать, к[illegible]ъ ты приняла мое посланіе—приняла ли его какъ правду, с[illegible]занную отъ души, или только встревожилась. Въ послѣднемъ с[illegible]чаѣ я жалѣю, что писалъ. Но опять повторяю—поступай по

своему желанію, усмотрѣнію. Я отнюдь не хотѣлъ бы ни тревожить тебя, ни мѣшать тебѣ; я желалъ бы, чтобъ тебѣ было спокойнѣе. Отъ этого я полагалъ, что далёкость сплетней для тебя спасительнѣе, чѣмъ неотразимая ихъ близость. Дѣло вотъ въ чемъ: если ты убѣдишься, что остаться за-границей лучше, и—ради медицинскихъ пособій—вò-время захочешь переѣхать въ Парижъ, то я останусь за-границей и явлюсь къ тебѣ въ Парижъ—когда нужно. Это, по моему мнѣнію, всего благоразумнѣе. Если же хочешь ѣхать въ Русь, то вотъ чтò: я не могу вернуться въ Русь прежде конца августа. Сегодня я ѣду въ Берлинъ, гдѣ Сатину будутъ рѣзать обѣ ноги, и потому я его не могу оставить; его леченіе, вѣрно, продолжится мѣсяца два. Пока я и самъ буду лечиться.

Сейчасъ получаю твои письма. Маша, Маша! Право мнѣ обидно, что я тебя огорчилъ. Ты почитаешь меня жесткимъ, тогда какъ я не хочу и не думаю быть жесткимъ, тогда какъ я готовъ сдѣлать все, чтò могу. Какъ бы прошедшее ни было прошедшимъ— я забылъ его горечи, но помню прекрасное. Холодъ не доступенъ мнѣ и живое участіе осталось и останется въ душѣ. Я никогда не думалъ говорить что-либо par dérision. Чтò разбито во мнѣ, то дѣйствительно разбито; но я чувствую силу жить дальше, и это правда. Живи и ты, Маша! Не мучься, ради Бога не мучься. Руку я тебѣ всегда протяну. Сердце мое не глухо на твои скорби; я не думаю быть жесткимъ. Все, чтò я могу—я принесу. Но жизнь надавала намъ обоимъ страшные уроки; послѣ нихъ волею или неволею пристальнѣе разсматриваешь дорогу и ищешь путей, на которыхъ бы не разрушился остатокъ жизненныхъ силъ. Если я тебѣ писалъ о страхѣ, который меня беретъ за твое пребываніе въ Россіи, то я писалъ откровенно и съ участіемъ, а не по жесткости. Но если ты рѣшилась,— то да будетъ! Только, ради Бога, не слушай, когда тебѣ захотятъ говорить о тебѣ. Не людскія пересуды страшны, а страшно знать ихъ и безполезно. Я едва ли могу быть къ августу въ Руси, какъ уже писалъ давеча, а къ концу августа. Изъ Берлина я опять вернусь за Сталинькой и тогда уже явлюсь въ Россію. Если ты будешь прежде меня, то займи у Кулона квартиру такъ, чтобы и я имѣлъ комнату; если послѣ, то я сдѣлаю то же. Пиши къ роднымъ, какъ говоришь, о своихъ надеждахъ. Я не совѣтую ѣхать тебѣ на Таурогенъ, потому что дальше и дорога хуже; съ Вѣны на Варшаву ближе и покойнѣе, и съ Варшавы на Петербургъ лучше. Тучковъ выслалъ тебѣ десять тысячъ рублей. Если разочтешь, что *можно, вручи отъ моего и[мени]*

Клюкову, если онъ у тебя спроситъ, тысячу франковъ, а если усмотришь, что тебѣ *недостаточно*, то *пятьсотъ франковъ только*. Но пятьсотъ прошу тебя ужъ непремѣнно ему вручить.

Еще разъ прошу тебя, не тревожься. Береги свое здоровье. Но что̀ значитъ въ письмѣ твоемъ вотъ это: „Черезъ двѣ недѣли еще напишу. Тогда скажу ужъ: я *не одна*".—Это уже меня начинаетъ тревожить. Я желаю быть съ тобой, когда это будетъ нужно, и быть какъ другъ дѣйствительный и помогающій. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстій. Прости мнѣ, Маша, если въ моихъ письмахъ что̀ противъ воли прорвется у меня такого, что̀ можетъ огорчить тебя. Я буду стараться избѣгать этого. Повѣрь, я не хочу тебя печалить и тревожить ничѣмъ. Пиши мнѣ поскорѣе въ Берлинъ. Прощай пока! Обнимаю тебя и цѣлую. Не сѣтуй на меня, не брани меня. Не всегда принимай жизнью навѣянный на меня холодъ разсудка за жесткость. Ты знаешь, что я внутри души не могу быть жесткимъ. Дай же и ты мнѣ руку и будь спокойна. Прощай!

Сталинька здоровъ, толстъ, румянъ и веселъ и тебя цѣлуетъ.

Прилагаю письмо отъ m-me Duloux и моей сестры. Я распечаталъ письмо m-me Duloux, не замѣтя, что это не ко мнѣ; впрочемъ, ты не придашь этому важности.

Маша! кто около тебя? Кто тебя сколько-нибудь развлекаетъ? Или тебѣ лучше одной безъ m-me Bollviller? Напиши мнѣ. Какъ бы хотѣлось знать всю твою внутреннюю жизнь и сказать тебѣ что-нибудь о тебѣ же.

Мы говорили уже, что со времени охлажденія къ Марьѣ Львовнѣ Огаревъ велъ весьма разсѣянный образъ жизни, граничившій подчасъ, какъ онъ самъ выражался, съ „распутствомъ". Вообще, половая нравственность „идеалистовъ 30-хъ годовъ" стояла, какъ извѣстно, не высоко; даже лучшіе изъ нихъ были отравлены ядовитой атмосферой крѣпостного права: у Станкевича въ Берлинѣ (въ 1839 г.) была своя Берта; Сатинъ привозитъ съ собой изъ Парижа „маленькую жену", краткосрочную, конечно, и т. д. Такія связи, оплачиваемыя или нѣтъ, считались тогда въ порядкѣ вещей среди людей порядочныхъ и чистыхъ, и о нихъ говорили безъ стѣсненія. Это считалось данью „der Naturgewalt" и даже до извѣстной степени средствомъ обезпечить себѣ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ ясность сознанія и чувства. Какъ-разъ въ то время, когда писалось приведенное сейчасъ

письмо, Огаревъ переживалъ періодъ такихъ чисто-чувственныхъ увлеченій, и любопытно, какъ онъ сообщалъ объ этомъ друзьямъ: они должны были видѣть здѣсь спасительный клапанъ, благодаря которому онъ, насытивъ, хотя бы только чувственно, свою жажду женской любви, тѣмъ легче освободится отъ власти надъ нимъ Марьи Львовны. Вотъ что онъ писалъ имъ 13 іюня изъ Берлина [1]): „Я больше спокоенъ внутри себя. Пережилъ эпоху страданій отъ внѣшнихъ происшествій личной жизни; шрамъ остался послѣ раны, но я чувствую, что переломилъ боль. Пережилъ также эпоху безумнаго круженія, молодечества, своенравія, и пережилъ ее недавно—и... съ удовольствіемъ! Но не чувствую, чтобъ она оставила дрянь на душѣ; она была даже полезна, стряхнувъ совершенно всякую возможность возвращаться къ ложнымъ отношеніямъ въ жизни, выходъ изъ которыхъ мнѣ стоилъ столькихъ усилій и даже насилія надъ самимъ собою вслѣдствіе моего характера, а можетъ быть, и *чувства*".

Между тѣмъ, таинственныя слова Марьи Львовны: „я не одна" скоро объяснились—и самымъ неожиданнымъ образомъ: въ августѣ она вдругъ явилась изъ Италіи въ Берлинъ, къ Огареву, въ близкомъ ожиданіи родовъ,—и Огаревъ согласился признать ребенка своимъ. 22 августа нов. ст., онъ написалъ Герцену, что по причинѣ разныхъ обстоятельствъ принужденъ еще на нѣкоторое время отсрочить свой пріѣздъ въ Россію [2]). „Но эти обстоятельства не суть съ моей стороны ни подчиненіе „der Naturgewalt", ни подчиненіе сердечнымъ воспоминаніямъ, но сознательный поступокъ, и потому нисколько не опасны для моей будущности; за это можетъ поручиться и мой ученый другъ Сатинъ. Призываю его поруку не ради оправданія себя передъ вами, но ради успокоенія васъ насчетъ меня. Дѣло въ томъ, другъ мой, что Marie здѣсь, въ Берлинѣ, и я скоро буду отцомъ. Этимъ происшествіемъ я займусь спокойно и съ участіемъ. Съ участіемъ благословлю моего ребенка, и его существованіе никогда не останется для меня чуждымъ. Но себя я не отдамъ никакому чужому произволу, въ этомъ можете быть увѣрены". Дальше, сообщая о своихъ занятіяхъ, онъ пишетъ: „Это мнѣ не мѣшаетъ часто бѣситься, т.-е. бѣсноваться. Что же касается того, что держитъ меня въ Берлинѣ, т.-е. жизнь будущаго ребенка, это, право, для меня серьезно и также нисколько не стѣсняетъ меня. Жаль только, что долго съ вами не увижусь, carissimi, хотя

---

1) „Изъ переп. нед. дѣят.", тамъ же, 1890, IX, стр. 9.

2) Тамъ же, 1890, X, стр. 9—10.

чувствую въ этомъ не только потребность, но и нужду, необходимость. Но что дѣлать? Фактъ требуетъ съ этой стороны пожертвованія, и я его дѣлаю охотно и сознательно".

Какъ отнесся къ этому извѣстію Герценъ, показываютъ строки, написанныя имъ вскорѣ затѣмъ къ Кетчеру [1]): „Марья Львовна скоро подаритъ Огареву наслѣдника, привезеннаго изъ Италіи, и le bon mari преміей за такое усердіе признаетъ его и, вѣроятно, отдастъ имѣніе. Для чего это?... Всякая вѣсть о немъ меня глубоко огорчаетъ и разстроиваетъ. Да когда же предѣлъ этимъ гнусностямъ ихъ семейной жизни?"

О томъ, что произошло дальше, Анненковъ разсказываетъ слѣдующее [2]): „Ребенокъ родился мертвымъ, и Огаревъ оповѣщалъ друзей объ этомъ обстоятельствѣ такими словами: „17-го октября. Берлинъ. Мое намѣреніе быть отцомъ рушилось... Родился недоносокъ, мертвый ребенокъ, съ такой жалобной физіономіей, что я до сихъ поръ забыть не могу. Сегодня уже 8 дней. Жена здорова. Странная діалектика судьбы — мѣшаетъ жизни, разрушаетъ возможности нравственнаго прогресса, etc... Но ты самъ все это знаешь, и знаешь, какъ много надо внутренней силы, чтобы становиться выше случайностей"... Между тѣмъ, погибшій младенецъ составилъ послѣдній актъ этой семейной драмы. Супруги разъѣхались, и навсегда... Въ половинѣ декабря 1844 года, М. Л. покинула мужа и болѣе уже не встрѣчалась съ нимъ. Огаревъ передавалъ событіе очень просто: „Marie на дняхъ уѣхала. Позволь уже не говорить объ этой печальной комедіи. Развязка была суха: для меня прискорбна, для нея мучительна. Я ожидалъ лучшаго. Но я и самъ не выдержалъ и не могу считать себя правымъ: равнодушіе доходило во мнѣ до эгоизма. Я не предполагалъ въ себѣ такого холода и недоволенъ имъ. Впрочемъ, все обошлось по наружности спокойно; только внутренно я недоволенъ, самимъ собой недоволенъ. Но едва ли могло быть иначе. Я бы зналъ это напередъ, если бы умѣлъ откровенно измѣрить въ себѣ, насколько температура ниже нуля. Затѣмъ—конецъ ложнымъ отношеніямъ".

Въ нашемъ распоряженіи есть небольшая французская записка, посланная Огаревымъ въ догонку Марьѣ Львовнѣ, во Франкфуртъ, гдѣ она должна была остановиться ради Сталиньки, отъ 16 декабря 1844 г. „Шлю тебѣ привѣтъ, милая Маша, и еще разъ искренно желаю тебѣ всего, что можетъ дать тебѣ

[1]) „Анненковъ и его друзья", стр. 100

[2]) Тамъ же, 100--101.

спокойствіе. Пишу только два слова; не хочу ничего сказать лишняго и хочу, чтобы мои слова были ласковы. Если ты чувствуешь, что во мнѣ нѣтъ желчи и что мною руководитъ только участіе къ тебѣ, а не злоба, — я буду доволенъ. Надѣюсь, что ты сообщишь мнѣ, какъ ты ѣдешь. Погода улучшается, мое здоровье тоже. Прощай. Жму твою руку и обнимаю тебя. Кланяюсь Аннушкѣ и Егору. Поцѣлуй за меня Станю и напиши намъ о немъ".

Онъ простился съ М. Л. еще иначе — стихотвореніемъ „Къ ***", носящимъ эпиграфъ изъ Байрона:

Farewell! and if for ever,
Still for ever far thee well!

Разстались мы—то, можетъ, нужно,
То, можетъ, должно было намъ—
Ужъ мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни пополамъ;
И, можетъ, врозь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ-нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они, какъ ядъ.
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно, въ многомъ виноватъ;
Но было время—вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливъ могъ,
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!
Но замеръ онъ среди печали;
И кто изъ насъ виновенъ въ томъ,
Какое дѣло—ты ли, я ли—
Его назадъ мы не вернемъ.
Еще слезу зоветъ съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль, какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрыта книга—наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ;
Я не далъ только бъ имъ забвенья,
А горечь радостно бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ... Дай руку!
Прощай! не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,

Ни заблужденія тревогъ...
Прощай! На жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ.

Теперь Огаревъ дѣйствительно былъ свободенъ—не внѣшне, а внутренно,—такъ, какъ онъ понималъ свободу. Онъ такъ долго тянулъ эту мучительную исторію, потому что не хотѣлъ насиловать ни своего чувства, ни своей совѣсти. Въ дѣлѣ чувства онъ былъ убѣжденный детерминистъ. Въ 1845 году онъ писалъ Грановскому: „Мы всѣ—не логическія, а физіологическія явленія"; и годъ спустя—Герцену: „Ты не можешь ни отъ чего избавиться, пока внутренно съ чѣмъ-нибудь не разорвался; тогда это только прошедшій актъ твоей жизни".

Разумѣется, онъ продолжалъ высылать Марьѣ Львовнѣ деньги на жизнь, и немалыя, продолжалъ также выдавать пенсію ея отцу. Отношенія между ними оставались дружественными попрежнему. Вотъ для примѣра его письмо къ М. Л. изъ Парижа отъ 25 августа 1845 г. (въ Неаполь).

54.

Парижъ. 25 августа.

Твое письмо, любезный другъ, залежалось во Франкфуртѣ, между тѣмъ какъ я ѣздилъ на океанъ и теперь опять въ Парижѣ. Но черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Швейцарію на мѣсяцъ и оттуда въ Россію. Вотъ мое намѣреніе. Въ Швейцаріи я встрѣчу Галахова. Сатинъ теперь въ Пиренеяхъ на водахъ и также пріѣдетъ въ Швейцарію. Мнѣ нужно посмотрѣть на этотъ край прежде возврата въ Россію. Надо отдохнуть отъ скуки парижской жизни, въ которой я на этотъ разъ находилъ много развлеченія, но ни одного дѣйствительнаго наслажденія. Видно, я уже старъ сталъ и надоѣло ребячиться. Но станемъ говорить о тебѣ. Marie! одно въ твоемъ письмѣ мнѣ было довольно обидно, это то, что вздумала лишиться Егора и Аннушки [1]). [illegible]ичѣмъ же это? Если я былъ волею и неволею нѣсколько времени неаккуратенъ, то это не резонъ, чтобъ я всегда былъ неаккуратенъ; а пріѣхавши домой, я устрою такъ, чтобъ не могло [illegible]ть ни малѣйшей неаккуратности. Нѣтъ! не стѣсняй себя,

---

[1]) Слуги Марьи Львовны.

ради Бога! Это мнѣ было бы слишкомъ больно и обидно. Но теперь довольно объ этомъ. Посылаю тебѣ 2.800 франковъ черезъ Ротшильда.

Смерть Марьи Алекс. [1]), я знаю, должна была поразить тебя; она совсѣмъ распуститъ по сторонамъ уже и такъ ничѣмъ не связанное семейство. Но вѣдь это и безъ того бы сдѣлалось. Ты была къ ней привязана—но все же не дружна; однако я хорошо понимаю твое огорченіе; даже и на меня эта смерть произвела странное впечатлѣніе. Я не очень привязанъ къ жизни, но въ смерти есть столько оскорбительнаго, что я имѣю къ ней отвращеніе.

Хороша Сицилія! жаль, что я ее не видалъ. Можетъ, когда-нибудь еще увижу, хотя и не вѣрится. Италія мнѣ запрещена медиками по климату; но я на это не много бы обратилъ вниманія. Но меня всегда будетъ больше увлекать та часть Европы, гдѣ больше движенія и дѣла. Этотъ годъ былъ для меня послѣднимъ годомъ путешествія безъ цѣли и безъ большого удовольствія. Я не имѣю жажды видѣть новаго, но часто хочется на тѣ мѣста, гдѣ уже бывалъ, съ которыми друженъ...

Ты хочешь жить посредствомъ пера! Полно, Marie! Это чистая фантазія. Обойдешься безъ этого и перо останется свободно. Трудъ за деньги связываетъ человѣка и насилуетъ его душу. Что касается до твоего отрывка, я желалъ бы поболѣе опредѣленности въ выраженіяхъ и оригинальности въ образахъ. Впрочемъ, объ Италіи такъ много писали, что ничего новаго не скажешь.

Пиши ко мнѣ въ Женеву; я думаю пробыть съ мѣсяцъ на озерѣ и много работать. Буду ждать съ нетерпѣніемъ твоего письма: хочу узнать, гдѣ ты, какъ воротилась изъ Сициліи, и гдѣ хочешь расположиться. Но пиши поскорѣе, я больше мѣсяца не пробуду.

Marie Stolipine въ Крейцнахѣ; говорятъ, будто сюда пріѣдетъ. Ѳедоръ ко мнѣ часто ходитъ, онъ при мѣстѣ у Трубецкой, жены Сергѣя Тр., но, кажется, не слишкомъ доволенъ. Сестра моя родила еще дочь. Вотъ тебѣ всѣ мелкія новости. Въ большомъ свѣтѣ также все мелкія вещи и говорить не о чемъ.

Addio, cara mia. Стучатъ въ дверь и мѣшаютъ писать. Спѣшу отослать это письмо, чтобъ не задерживать тебя.

Обнимаю тебя. Будь здорова и спокойна насколько можеш . Успокоеніе—своего рода счастіе,—для меня, за неимѣніемъ н какого другого, дѣло важное; только достичь его мудрено.

---

[1]) Вѣроятно, М. А. Ребиндеръ, кузина Марьи Львовны.

О книгахъ могу распорядиться только въ Россіи. Прощай еще разъ. Кланяйся Егору и Аннушкѣ.

Послѣ разрыва съ женою Огаревъ еще больше года прожилъ за-границей, преимущественно въ Берлинѣ и Парижѣ, и вернулся въ Россію только въ началѣ 1846 года. Марья Львовна жила съ Воробьевымъ въ Римѣ, лѣтомъ лечилась въ Карлсбадѣ и Эмсѣ, пріѣзжала какъ-то и въ Петербургъ, а съ конца сороковыхъ годовъ, кажется, прочно поселилась въ Парижѣ. За эти дальнѣйшіе годы сохранилось довольно много писемъ Огарева къ ней [1]). Въ нихъ больше всего говорится о деньгахъ; онъ пишетъ, что посылаетъ столько-то, что за нимъ до такого-то срока остается еще столько-то, постоянно извиняется за промедленія, и т. п. Эти письма полны нѣжнаго участія и дружбы. Вся тяжелая драма, дѣйствительно, стала для Огарева „прошлымъ актомъ" его жизни — остались только жалость къ несчастной женщинѣ, да сознаніе своего матеріальнаго долга по отношенію къ ней.

Сохранилось и нѣсколько писемъ М. Л. къ нему отъ этихъ лѣтъ. Вотъ для образца два изъ нихъ, въ полной неприкосновенности. Они читаются съ трудомъ; ихъ почеркъ такъ же безпорядоченъ и растрепанъ, какъ содержаніе.

„Римъ, 2 іюля 1847 г.—Nicolas, на дняхъ я къ тебѣ посредствомъ Eudoxie [2]) писала, но такъ какъ недѣли черезъ двѣ я собираюсь оставить Римъ и что въ посольствѣ не получены еще упомянутыя 5.000 руб., то рѣшаюсь тебя объ этомъ увѣдомить. Безъ меня будутъ навѣдываться объ этихъ деньгахъ, и какъ только я объ нихъ что-нибудь узнаю, тебѣ напишу.

„Записка твоего управляющаго была отъ 6-го апрѣля, а получена въ Петербургѣ 20-го, вотъ почему Eudoxie медлила присылкою 2.500 руб., которые мнѣ очень помогли. Долгъ мой потерпитъ до будущихъ.

„Прошу тебя, Nicolas, мнѣ сдѣлать великое одолженіе: когда m-me Sailhas воротится въ Россію — попросить ее, чтобъ она отыскала въ оставленныхъ мной у нея вещахъ портретъ моей матери (miniature), и переслать мнѣ его съ оказіей въ Парижъ. M-me Sailhas ужъ давно уѣхала.

---

[1]) Нѣсколько выдержекъ изъ нихъ приведено въ „Переп. нед. дѣят.", „Р. М." 1891, авг., стр. 13—14 и 24—25.

[2]) Авдотья Як. Панаева.

„Прощай, Nicolas, протяни мнѣ руку — не хочу надоѣдать тебѣ долѣе, потому что на дняхъ писала, и болѣе еще потому, что я ужъ нѣсколько дней въ хандрѣ.

„Письмо твое (обѣщанное) жду. Живу скромно, уединенно.

„Ставассеръ опять былъ боленъ и медленно поправляется".

Другое письмо помѣчено такъ: „Парижъ, heure du crépuscule, 6/25 Janvier 49".

„Nicolas, я вижу, что мы съ тобой начинаемъ быть людьми аккуратными, солидными, существенными. Прости мнѣ, я смѣюсь, а бѣсъ у меня въ ребрѣ и мнѣ невесело. Я тебѣ буду разсказывать, а ты слушай.

„1. О дѣлахъ. 1.000 руб. сер., посланные тобой, я получила. Но Герценъ, моя нянюшка, о нихъ заботится. Значитъ, ты хочешь мнѣ каждые 3 мѣсяца присылать по 1.000 руб. сер.— и такимъ образомъ наши дѣла изъ сложныхъ дѣлаются простыми. Ты мнѣ долженъ ежегодно 4 тысячи сер. безъ 200 мѣдью, потому что отцу даешь 100 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Но нынѣшній годъ, какъ я ужъ писала, и всѣ 4 тысячи серебромъ мнѣ заплатишь, ибо за тобой недоимки за прошлый оказалось 100 руб. сер. — Кромѣ шутокъ, я тебѣ ихъ не дарю; а годъ начинается съ 25-го октября 48 г. по вашему.

„Merci, что ты меня вывелъ изъ затрудненія, приславши вò-время. Ты скажешь: „Marie, что-жъ у тебя на душѣ?" Разсказывать въ письмахъ—длинно и ненужно. Свидимся, разскажу. Но вотъ чтò я про себя записала на клочкѣ бумаги вчера: „Девяноста лѣтъ мало для такой дурочки, какъ я, чтобъ разставаться, оторваться отъ даже и не очень любимыхъ людей. Сколько же надо бы было, чтобъ отъ очень много любимыхъ?" Потомъ пишу: „O, mes défauts, vous êtes mes amis, je vois vous encore (plus) que qui ce soit sur la terre, o, embrassons nous, ne nous quittons pas". Мистицизма тутъ ни на полушку нѣтъ—je traduis l'empreinte que me laissent certains événements dont je ne suis pas maître.

„Merci за обѣщаніе любить моего племянника.

„Слушай еще: была у меня собака-другъ, прелесть чтò за собака, — и съ той разсталась! Je sens bien à présent qui tu étais vis-à-vis de la logique de la vie—lorsque tu me quittais; mais, folle, enfant gaté par la nature,—eh bien, moi, je suis devenue, malgré mon air candide, implacable comme la logique. Je t'embrasse—adieu.

„Ты въ деревнѣ—я тебѣ завидую. Если бъ мнѣ съэкономить

и купить весной клочокъ земли и съ работникомъ распахивать ее, я бы за счастіе сочла.

„Забыла тебѣ разсказать, что потому, что тебя со мной нѣтъ и твоей procuration у меня нѣтъ, — то я для одного дѣла должна идти въ tribunal de 1-re instance съ моимъ avoué. Вотъ законы свободной Франціи для илотовъ-женщинъ.

„Еще горе — Gabriel, съ которымъ я было подружилась, умеръ".

Это послѣднее письмо писано, вѣроятно, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ: Марья Львовна тогда уже сильно пила.

Денежныя отношенія М. Л. къ Огареву за эти послѣдніе годы ея жизни неоднократно подвергались позднѣе обсужденію въ печати, особенно въ связи съ характеристикой Некрасова, игравшаго въ этомъ дѣлѣ видную и, надо прибавить, незавидную роль. Мы не будемъ останавливаться на этомъ эпизодѣ и ограничимся только сообщеніемъ главныхъ фактовъ. Они сводятся вкратцѣ къ слѣдующему. Въ 1846 году, когда Марья Львовна на короткое время пріѣхала въ Петербургъ, Огаревъ—очевидно, для обезпеченія ей правильнаго полученія пенсіи — выдалъ ей крѣпостныя заемныя письма на послѣднее имѣніе, уцѣлѣвшее у него отъ милліоннаго наслѣдства, суммою въ 85.000 руб. сер., съ обязательствомъ уплачивать ей по этой суммѣ шесть процентовъ въ годъ. Деньги эти и высылались ей періодически или непосредственно Огаревымъ, либо чрезъ ея пріятельницу А. Я. Панаеву, съ которою Некрасовъ былъ, какъ извѣстно, очень близокъ. Въ 1848 году М. Л., по совѣту Некрасова, выдала Панаевой полную довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ Панаева, несмотря на данное ею Огареву обѣщаніе не дѣйствовать противъ него, уговорила Марью Львовну передать эти заемныя письма нѣкоему Шамшіеву, съ тѣмъ, что Шамшіевъ ей деньги выплатитъ въ два года, а имѣнье возьметъ на себя. Съ тѣхъ поръ М. Л. получала гроши, и деньги, слѣдовавшія ей, прилипли къ чьимъ-то рукамъ—Панаевой или Некрасова, неизвѣстно. Эта исторія была главной причиной позднѣйшей вражды Огарева и Герцена къ Некрасову.

Прямыя письменныя сношенія между Огаревымъ и М. Л. прервались, надо думать, въ 1849 году. По возвращеніи изъ-заграницы въ 1846 году, Огаревъ скоро уѣхалъ въ свою пензенскую деревню. Часто бывая у своего сосѣда и пріятеля, А. А. Тучкова, онъ полюбилъ его младшую дочь, Наталью Алексѣевну, и встрѣтилъ взаимность. Въ половинѣ 1849 года, они соедини-

лись, разумѣется, не вѣнчаясь, такъ какъ Огаревъ былъ женатъ. Около этого же времени Сатинъ женился на старшей дочери Тучкова, Еленѣ Алексѣевнѣ.

Въ это время Марья Львовна уже жила въ Парижѣ. Здѣсь съ нею возобновили знакомство Герцены, и первое впечатлѣніе, произведенное ею на нихъ, было, повидимому, не очень дурно. Въ ноябрѣ 1848 года Н. А. Герценъ писала Тучковымъ: „Новое знакомство у насъ—Marie Ogareff и Воробьевъ. Marie я знала и не знала, теперь начинаю ее узнавать: бездна хорошаго въ этой натурѣ, бездна,—и что̀ сдѣлала съ ней жизнь... Я люблю ее, и нельзя не любить, но мучительно ее знать. Воробьевъ теплый, благородный юноша; мы часто видаемся“ [1]).

Чрезъ Герценовъ и Огаревъ началъ дѣйствовать на М. Л., чтобы добиться ея согласія на разводъ. Отвѣтныя письма Герценовъ къ Огареву, напечатанныя въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ, живо рисуютъ Марью Львовну этого времени [2]).

„Александръ сдѣлалъ все, что̀ можетъ,—пишетъ Н. А. Герценъ,—т.-е. Александръ и я, но ты знай, Огаревъ, что Марья Львовна послѣднее время вела себя невыразимымъ образомъ отвратительно: трезваго часа не было; Александръ ей замѣтилъ это, она разсердилась и возненавидѣла его и меня, перестала къ намъ ходить и стала насъ бранить; это—погибшее, но не милое созданье“.

Затѣмъ, Герценъ пишетъ Огареву: „Любезный другъ, я начинаю рѣшительно убѣждаться, что Марья Львовна безумная, т.-е. не par manière de dire, а въ самомъ дѣлѣ. Она обругала m-me Георгъ, она даже тебя не пощадила, о ней и говорить нечего. Но что̀ всего замѣчательнѣе, она кое-что знала и не черезъ насъ; мнѣ кажется, Авд. Яковл. пописываетъ не одни романы [3]). Впрочемъ, Марья Львовна притомъ такъ лжетъ, что не знаешь, чему вѣрить. Я постараюсь всемѣрно, чтобъ она не вступила въ переписку съ тобой, но удастся ли—не знаю. Какъ глубоко жаль, что ты не послушался меня—я чувствовалъ, что много дурного выйдетъ изъ этого опыта; по сію минуту не вижу границы, на чемъ она остановится; это грязная Messaline

---

[1]) Т. П. Пассекъ. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. III, 1889 г., стр. 112.

[2]) Тамъ же, стр. 114—123. Хронологическій порядокъ этихъ писемъ у Пассекъ перепутанъ, но всѣ они относятся къ первой половинѣ 1849 года.

[3]) Герценъ намекаетъ на то, что Панаева, вѣроятно, уже сообщила Марьѣ Львовнѣ о сближеніи Огарева съ Н. А. Тучковой.—Панаева, какъ извѣстно, писала романы въ сотрудничествѣ съ Некрасовымъ.

d'un carrefour,—она говоритъ, что разочтется за всѣ прошлыя горести, etc., etc.".

„Вчера вечеромъ говорили съ Воробьевымъ,—пишетъ Н. А. Герценъ, — онъ вчера же долженъ былъ говорить съ ней; сегодня Александръ идетъ къ нему узнать, можно ли надѣяться (Воробьевъ не слишкомъ обнадеживалъ), или я сама сейчасъ же отправляюсь и надежды не теряю, лишь бы она пустила меня къ себѣ,—я не думаю, чтобъ она захотѣла непремѣнно помѣшать тебѣ; но это зависитъ отъ минуты, а не отъ нея, такъ поди же, лови минуту".

Переговоры не привели ни къ чему. Черезъ нѣсколько дней Герценъ сообщалъ Огареву результатъ. „Никакой нѣтъ надежды, рѣшительно нѣтъ, что-нибудь сдѣлать auprès de m-me. Мозгъ ея разстроенъ окончательно; неудовлетворенное самолюбіе принимаетъ различныя формы, иногда весьма благородныя, наивныя даже, но остается все самолюбіемъ; къ тому же ни минуты *трезвой*, она *кричитъ* о своей любви къ тебѣ, но не сдѣлаетъ ради нея ничего. Мнѣ больно писать тебѣ это, но не время нѣжничать; надо, чтобъ ты зналъ то, что̀ есть, для того, чтобъ знать, какъ дѣйствовать". Была сдѣлана еще одна попытка— повліять на М. Л. чрезъ общихъ друзей—Гервеговъ,—но такъ же безуспѣшно. „Маска спала,—писала Н. А. Герценъ,—и эгоизмъ, одинъ жгучій, страшный эгоизмъ, явился во всей формѣ своей. Не только осторожно, но быстро, какъ можно быстрѣе надо дѣйствовать. Вѣрь мнѣ и слушайся непремѣнно, непремѣнно. Мнѣ грустно, больно и страшно. Мщеніе найдетъ вездѣ дорогу и средство повредить".

Отказъ М. Л. ставилъ Огарева въ трудное положеніе. Не говоря уже о настояніяхъ А. А. Тучкова, котораго фактъ незаконной связи его дочери съ Огаревымъ повергалъ въ ужасъ и отчаяніе,—дѣло было по тогдашнему времени опасное. Если и раньше Николаевское правительство строго оберегало семейные устои, то послѣ европейской революціи 1848 г. внѣбрачное сожительство могло навлечь на виновныхъ тяжелую кару. А тутъ какъ-разъ, въ концѣ апрѣля этого же 1849 года, разразилась гроза надъ петрашевцами; теперь каждую минуту можно было ждать ареста Огарева и Натальи Алексѣевны по обвиненію въ „фурьеризмѣ".

Въ виду этихъ обстоятельствъ Огареву, послѣ отказа Марьи Львовны, не оставалось другого выхода, какъ предпринять тотъ отвратительный процессъ о разводѣ, котораго онъ всячески ста-

рался избѣгнуть. Приходилось, значитъ, доказывать *вину* Марьи Львовны. Сохранилось письмо Огарева къ Сатину въ Москву по этому дѣлу, отъ 3 мая, безъ сомнѣнія 1849 года. „Перечитывалъ мою корреспонденцію съ М. Л. Вотъ два письма, въ которыхъ упомянуто о Воробьевѣ. Но едва ли они могутъ быть яснымъ доказательствомъ. Что касается до свидѣтелей, то всѣ русскіе артисты, бывшіе въ то время въ Римѣ,—свидѣтели. Кажется, въ реальности образа жизни моей жены никто изъ нихъ не сомнѣвается. Захочетъ ли кто принять участіе въ дѣлѣ—это другой вопросъ. Прошенія самъ я не берусь писать. Пункты же слѣдующіе:

„1. Она живетъ съ Воробьевымъ съ 1843 года.

„2. Имѣла отъ него ребенка, котораго упросила меня принять на свой счетъ.

„3. Послѣ того по-прежнему жила съ В.

„Я желалъ бы, чтобъ вы мнѣ прислали черновое прошеніе по симъ пунктамъ“.

Вѣроятно, въ это же время написано Огаревымъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній—„Моей Наташѣ“:

На нашъ союзъ святой и вольный—
Я знаю—съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой намъ вѣетъ съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.
Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья,
И отстоимъ свою судьбу.
Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ
И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ.
И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ,
И мы умчимся, волей полны,
Туда—къ свободнымъ берегамъ.

Это—намекъ на отъѣздъ за-границу, куда настойчиво звали ихъ Герцены.

Пророчество Н. А. Герценъ и предчувствіе Огарева оправдались: гроза разразилась въ февралѣ 1850 года, и она была очень похожа на месть. Дѣло въ томъ, что мѣстный, т.-е. не-

зенскій губернаторъ, А. А. Панчулидзевъ, былъ дядею Марьи Львовны, и, какъ мы знаемъ, въ его домѣ она жила передъ замужествомъ и тамъ же познакомилась съ Огаревымъ. Вѣроятно, по его доносу (а онъ могъ быть освѣдомленъ Марьей Львовной) Третье Отдѣленіе предписало ему произвести обыски и арестовать Тучкова, Огарева и Сатина. Надо прибавить, что Третье Отдѣленіе къ тому же имѣло свѣдѣнія о сношеніяхъ Огарева и Сатина съ Герценомъ, а самъ Панчулидзевъ ненавидѣлъ Тучкова, съ которымъ у него были постоянныя столкновенія (Тучковъ много лѣтъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и стойко охранялъ интересы крестьянъ противъ чиновничьей и помѣщичьей власти). Но первый вопросъ, предложенный Н. А. Тучковой жандармскимъ генераломъ, пріѣхавшимъ дѣлать обыскъ, касался именно „фурьеризма": „Въ какихъ вы отношеніяхъ съ дворяниномъ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ?"

Въ „Воспоминаніяхъ" Н. А. Тучковой-Огаревой [1]) можно найти разсказъ о кратковременномъ заключеніи Тучкова, Огарева и Сатина въ Третьемъ Отдѣленіи. Продержавъ нѣсколько недѣль, ихъ выпустили безъ обиды, только Тучкову—конечно, по представленію Панчулидзева,—было приказано жить въ одной изъ столицъ безъ права въѣзда въ его деревню, на томъ основаніи, что его „слишкомъ любятъ" крестьяне. Во время этого заключенія Огаревъ написалъ свое стихотвореніе „Арестантъ", которое позднѣе стало одною изъ самыхъ популярныхъ пѣсенъ, сначала у интеллигентной молодежи, потомъ и въ народѣ. При первомъ свиданіи послѣ освобожденія изъ тюрьмы, Огаревъ отдалъ его Н. А. Тучковой, вынувъ листокъ изъ сапога.

Огаревъ оригинально отомстилъ Панчулидзеву за доносъ. Повидимому, тотчасъ по возвращеніи въ деревню, онъ послалъ Панчулидзеву письмо, черновикъ котораго сохранился среди прочихъ бумагъ Огарева въ его бывшемъ имѣніи пензенской губерніи, которое въ 1849 г. перешло къ Сатину и до сихъ поръ принадлежитъ дочери послѣдняго [2]). Вотъ этотъ любопытный документъ.

„Милостивый Государь, Александръ Алексѣевичъ. Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбою. Вѣроятно, Ваше Превосходительство не забыли—о чемъ вы неоднократно и сами упоминали мнѣ впослѣдствіи,—что вы у меня

[1]) М. 1903. Стр. 83 и далѣе.

[2]) Въ числѣ этихъ бумагъ находились и печатаемыя здѣсь письма Огарева къ Марьѣ Львовнѣ; они были переданы намъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, Н. А. Тучковой-Огаревой.

занимали деньги, а именно: въ 1838 году 5.000 руб. асс., именно въ томъ году, когда я, по милостивому ходатайству Вашего Превосходительства, получилъ Высочайшее разрѣшеніе ѣхать къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ для излѣченія, и въ 1839 году 5.000 руб., именно въ томъ году, когда я, по милостивому ходатайству Вашего Превосходительства, былъ переведенъ на службу въ Москву. Нынѣ, имѣя по моимъ торговымъ дѣламъ надобность въ деньгахъ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство возвратить мнѣ, хотя бы и безъ процентовъ, занятый вами у меня въ означенныхъ годахъ капиталъ 10.000 р. асс. или, по крайней мѣрѣ, часть онаго, а на остальное благоволите дать мнѣ срочное заемное письмо. Я увѣренъ, что Ваше Превосходительство, какъ по благородству души вашей, такъ и по справедливости, не откажете мнѣ въ этой покорнѣйшей и убѣдительной просьбѣ.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ..."

Еще два года продолжалъ Огаревъ хлопотать о разводѣ съ М. Л.—все безуспѣшно. Наконецъ, въ іюнѣ 1853 года, онъ обратился по этому дѣлу къ петербургскому стряпчему, А. А. Бильбасову, который взялся устроить разводъ за пять тысячъ руб. серебромъ и три тысячи получилъ наличными. Это была, вѣроятно, афера, такъ какъ Марьи Львовны тогда уже не было въ живыхъ: она умерла 28 марта этого года въ Парижѣ, и Бильбасовъ, безъ сомнѣнія, зналъ объ этомъ. Огаревъ узналъ о смерти жены только въ августѣ. Изъ полученныхъ трехъ тысячъ Бильбасовъ вернулъ ему только 500 р., заявивъ, что остальныя деньги истрачены имъ на чиновниковъ Третьяго Отдѣленія. По полученіи оффиціальнаго извѣстія о смерти Марьи Львовны, Огаревъ тотчасъ обвѣнчался съ Н. А. Тучковой.

Такъ кончилась эта семейная драма, необыкновенно характерная для нашего передового общества 30-хъ годовъ.

Въ 1839 году, тотчасъ послѣ женитьбы на Марьѣ Львовнѣ, Огаревъ такъ воспѣлъ свою любовь на фонѣ провинціальнаго, губернаторскаго бала [1]:

„Въ залѣ, освѣщенной огнями, толпились люди и думали— веселиться. И въ шумномъ говорѣ звенѣло бездушное слово, и жалкая мысль выливалась въ многосложныя рѣчи. Раздавалась музыка, и въ таинственныхъ звукахъ говоря о небес-

[1]) „Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ". „Р. Мысль", 1902, XI, стр. 146.

номъ, отличалась ярко отъ пустыхъ восклицаній дѣтей праха и тлѣнья.

„Вдалекѣ отъ толпы сидѣли дѣва и юноша. Ихъ взоры съ любовью тонули во взорахъ другъ друга. Они говорили о мірѣ небесномъ, о томъ же свѣтѣ грядущемъ. И сознаніе симпатіи глубокой — электрической искрой пробѣжало по душамъ ихъ и сердца ихъ забились съ одинакою силой. И разомъ изъ устъ ихъ сорвалось слово: люблю! Это мгновеніе ангелы записали на небѣ, и оно радостно откликнулось въ великой душѣ міра.

„Съ хохотомъ люди смотрѣли на чету, благословенную любовью. Но дѣва и юноша бросились въ объятія другъ другу— и то мгновеніе, когда сказали: люблю!—свято росло въ ихъ душахъ въ безконечность".

А четверть вѣка спустя, уже въ Лондонѣ, десять лѣтъ послѣ смерти Марьи Львовны, онъ подвелъ скорбный итогъ этой давно минувшей любви:

Я томъ моихъ стихотвореній
Вчера случайно развернулъ,
И, весь исполненный волненій,
Я до разсвѣта не заснулъ.
Вся жизнь моя передо мною
Изъ мертвыхъ грустной чередою
Вставала тихо день за днемъ,
Съ ея сердечной теплотою,
Съ ея сомнѣньемъ и тоскою,
Съ ея безумствомъ и стыдомъ.
И я нашелъ такія строки—
Въ то время писанныя мной,
Когда не разъ блѣднѣли щеки
Подъ безотрадною слезой:
„Прощай! На жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ" [1]).
Мнѣ сердце ужасомъ сковало:
Какъ все прошло! какъ все пропало!
Какъ все такъ выдохлось давно!
И стало ясно мнѣ одно,—
Что безъ любви иль горькой пени,
Какъ промелькнувшую волну,
Я просто вовсе бѣдной тѣни
Въ послѣдній часъ не помяну.

М. Гершензонъ.

---

[1]) Изъ того стих. къ Марьѣ Львовнѣ, которое приведено выше.

НАШИ ДНИ

Семейная исторія.

Окончаніе.

IX *).

Великій подъемъ народнаго духа, стремившагося свергнуть съ себя путы вѣкового безправія и добиться давно жданной свободы, достигъ апогея. Вся жизнь страны на время замерла, съ тѣмъ, чтобы съ первымъ дуновеніемъ свободы воспрянуть вновь съ новой силой. Наступилъ день манифеста 17-го октября. Все, что̀ было на Руси угнетеннаго или просто недовольнаго, всѣ, кто свыклись съ своимъ и общимъ безправнымъ положеніемъ, какъ съ чѣмъ-то роковымъ, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжно-необходимымъ для поддержанія того великаго цѣлаго, что̀ съ благоговѣніемъ называли родиной, за предѣлами чего не видѣли ни счастья, ни самой возможности существованія, а только нѣчто чужое, чуждое, а слѣдовательно и страшное; всѣ тѣ, кто годами, вѣками были пріучены и привыкли не смѣть проявлять своей воли, своихъ неразрѣшенныхъ желаній,—всѣ встрепенулись, всѣ подняли головы.

Не раздумывая о томъ, откуда и какъ она идетъ, радостно встрѣтили они новую вѣсть о свободѣ вѣрить, мыслить, говорить, дѣйствовать. Вѣками укрѣплялась въ нихъ вѣра въ могучій, недосягаемый источникъ всѣхъ чаемыхъ и ожидаемыхъ на землѣ благъ, и теперь, „воздавая божіе Богови, а кесарево кесарю", они и тѣломъ и духомъ поклонились своему царю. Это для нихъ

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 164.

раздалось царское слово, это *имъ* сказано, что они отнынѣ, не боясь не жалующаго ихъ „псаря", могутъ открыто говорить, что они тоже хотятъ свободы, что если они безропотно, съ легкимъ сердцемъ покорялись до сихъ поръ, то только въ смиренной вѣрѣ, что покорность нужна для охраненія ихъ отъ безправія еще горшаго—отъ униженія святой Руси ордой басурманской,—покорялись въ смиренной вѣрѣ, что будетъ день, когда ихъ царь скажетъ имъ: „Настало время свободы и для васъ".

И этотъ день наступилъ для нихъ сегодня. И они подняли сегодня свои старые хоругви и стяги, и, объединившись всѣ вмѣстѣ, понесли ихъ, какъ эмблемы своей вѣры, понесли, чтобы всѣмъ показать, что свобода желанна и для нихъ, что и они ее ждали, что дождались, что терпѣливое ожиданіе не пропало для нихъ даромъ. Ликующіе, они шли, возвѣщая ея наступленіе, вновь укрѣпившее въ нихъ вѣру въ *ихъ* догматъ: терпѣніе и покорность.

Но тѣ, кто за эту свободу боролись всю жизнь; кто преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе принимали завѣтъ не ждать, а брать съ бою; кто, извѣрившись во всякія ожиданія, надѣялся только на свои силы; всѣ, кто не признавалъ дарованной свободы—свободой; кто, слѣдуя примѣру погибшихъ мучениковъ за свободу, готовъ былъ самъ пожертвовать и личной свободой, и жизнью, чтобы свобода—не дарованная, а добытая свободнымъ народомъ, стала неотъемлемымъ отнынѣ общимъ достояніемъ,—*всѣ* тѣ, для кого могущество родины еще не было непремѣннымъ источникомъ свободы, кто не пріурочивалъ ее къ одному своему народу, къ однѣмъ границамъ, а считалъ равно принадлежащей всѣмъ народамъ и народностямъ, всему міру,—тѣ не захотѣли сегодня признать, что день ликованія для нихъ уже наступилъ. То, что для однихъ казалось вѣнцомъ ихъ желаній, для другихъ было лишь брешью въ неприступной стѣнѣ. Тѣ, кто только-что сейчасъ проснулись, встали и пошли, не понимали уже давно выступившихъ въ путь, а эти не поняли проснувшихся и увидали въ ихъ выступленіи подъ старыми стягами только новые ряды защитниковъ безправія и произвола.

И въ этомъ взаимномъ непониманіи родилась великая трагедія. Борцы за *общую*, за всемірную свободу встрѣтили, какъ враговъ, тѣхъ, за *чью* свободу они боролись, кому они сами же хотѣли обезпечить право вѣрить, мыслить, говорить и дѣйствовать свободно, по убѣжденію, безъ чьего бы то ни было разрѣшенія или наставленія. А эти—со старымъ знаменемъ стойкости и вѣрности своимъ святынямъ, еще не переставшимъ быть для

нихъ святынями,—пошли навстрѣчу блеснувшему имъ первому лучу свободы и, не встрѣтивъ себѣ ни сочувствія, ни простого пониманія въ передовыхъ отрядахъ арміи свободы, принимали эти отряды за враговъ всякой свободы вообще. Столкновеніе непонимающихъ-враждующихъ было неизбѣжно. И опять, какъ во тьмѣ вѣковъ былыхъ, во имя одной и той же вѣковѣчной идеи истинной свободы и свободной истины нагромоздились горы кровавыхъ жертвъ, зажглись массовые костры живыхъ людей. Точно и въ самомъ дѣлѣ откуда-то явился дьяволъ, позавидовавшій возможности улаженія всѣхъ вѣковыхъ недоразумѣній путемъ безкровной борьбы, и бросилъ въ сердце народа, достигшаго въ эти дни высшаго духовнаго напряженія, сѣмена самаго нелѣпаго раздора,—точно дьяволъ хотѣлъ показать, что человѣчество, никогда нигдѣ не сумѣвшее возвыситься до божескаго пониманія смысла жизни, останется игрушкой его дьявольскихъ козней и на этотъ разъ. Въ эти дни, когда слово свобода ни у кого не сходило съ языка, достаточно было ничтожнаго повода, ничтожнаго разномыслія, чтобы друзья дѣлались врагами. Не оставалось никого, кто бы не принималъ участія прямо или косвенно въ словесной борьбѣ идей, готовившейся каждую минуту перейти въ физическую борьбу страстей. Старики съ дѣтской вѣрой, съ юношескимъ трепетомъ, въ экстазѣ, въ самозабвеніи, готовы были пойти на всякія жертвы; дѣти, выроставшія въ одинъ день на цѣлые года, крѣпшія духомъ въ общемъ духовномъ подъемѣ, забывали свой возрастъ, устремлялись туда, гдѣ горѣло яркимъ пламенемъ слово *свобода*, и съ мужественной энергіей становились въ ряды борцовъ, готовыхъ на всякіе подвиги для достиженія цѣли, казавшейся имъ уже столь близкой-близкой: еще одно послѣднее усиліе—и всѣ преграды будутъ сломаны!..

Зина, со времени разгрома ихъ усадьбы жившая въ Петербургѣ, была всѣ эти дни сама не своя. И дома, и въ гимназіи, она не находила себѣ мѣста, волновалась, ко всему прислушивалась и, по своему обыкновенію, переживая все про себя, молча горѣла, сжигаемая внутреннимъ огнемъ. Бывало, прежде, послушная вліянію матери, послушная привычкамъ своего круга, она и въ гимназіи сближалась преимущественно съ дѣвушками, принадлежавшими къ „ихъ кругу“. Но между ея гимназическими подругами изъ разночинцевъ были двѣ,—дочь почтоваго чиновника Попова и дочь учителя ихъ гимназіи, Ивановская,—къ которымъ Зина всегда чувствовала особое влеченіе. Теперь ее болѣе чѣмъ когда-либо потянуло къ нимъ; и, наоборотъ, съ каждымъ днемъ

ея подруги изъ великосвѣтскихъ дѣлались ей какъ-то все болѣе и болѣе чуждыми, почти враждебными.

Она не могла бы дать себѣ отчета, чѣмъ это влеченіе къ Поповой и Ивановской вызвано и чѣмъ оно до сихъ поръ поддерживалось, — оно явилось какъ-то само собой. Оно началось въ пятомъ классѣ: именно, когда у Зины впервые началъ пробуждаться серьезный интересъ къ окружающему ее міру, лежащему за предѣлами „ихъ круга". Это началось съ того, что Зина стала ѣздить въ гимназію уже одна, а не въ сопровожденіи гувернантки, какъ было до сихъ поръ, когда француженка отвозила ее и пріѣзжала за ней и во время переѣздовъ болтала безъ умолку, не давая своей ученицѣ ни на чемъ сосредоточиться. Когда Зина, выходя по окончаніи уроковъ, прощалась у подъѣзда съ Поповой и Ивановской, и когда къ гимназическому крыльцу Кукурановскій кучеръ Никифоръ подавалъ щегольскія дрожки или сани съ тяжелой медвѣжьею полостью, и Зина, усаживаясь въ нихъ, кивала на прощанье съ дружеской улыбкой своимъ подругамъ, направлявшимся домой пѣшкомъ, ей было всегда какъ-то неловко, стыдно. Больше чѣмъ стыдно—ей было больно, что она не смѣла предложить ни одной изъ нихъ довезти ее до дому. Не смѣла даже довезти до перекрестка—ей было строжайше запрещено и матерью, и отцомъ, брать кого бы то ни было въ свой экипажъ. Уже тогда Зинѣ начало казаться страннымъ, какъ это она и ея подруги изъ „ихъ круга" не только *могутъ*, но должны ѣхать домой въ экипажахъ и не могутъ, *не должны* идти однѣ по улицѣ пѣшкомъ; а вотъ тѣ — бѣдныя, несмотря ни на какую погоду, несмотря на усталость, не могутъ даже нанять извозчика. Зинѣ всегда хотѣлось, чтобы было какъ разъ наоборотъ: чтобы она могла посадить Попову и Ивановскую въ свой экипажъ, велѣть Никифору отвезти ихъ по домамъ, а самой дойти къ себѣ пѣшкомъ — это вѣдь было много ближе, чѣмъ ея подругамъ. Но она знала, что говорить объ этомъ съ матерью — обидѣть маму, а она такъ любила ее. Сдѣлать же что-нибудь самовольно и не сказать объ этомъ, солгать — никогда!

И эти маленькія думы, эти еще полудѣтскія чувства оставались ея большой сердечной тайной.

И онѣ росли, разростались, осложнялись, съ каждымъ днемъ захватывали все бóльшую и бóльшую сферу впечатлѣній, наблюденій, чувствованій. Зина все чаще и чаще стала замѣчать, что Попова и Ивановская и всѣ тѣ гимназистки, съ кѣмъ онѣ дружны, живутъ совсѣмъ другими интересами и иначе относятся ко всѣмъ явленіямъ жизни, чѣмъ она. Зина поняла, что у себя дома онѣ

слышать не тѣ рѣчи, какія слышитъ у себя она. Два разныхъ другъ другу враждебныхъ міра открывались передъ ней. И чѣмъ рѣзче выяснялась ей ихъ противоположность, тѣмъ труднѣе становился для нея выборъ, тѣмъ меньше она рѣшалась высказывать свои мнѣнія и тутъ и тамъ. Шла внутренняя, глубокая, душевная борьба: вложенное въ душу воспитаніемъ умирало, но еще не умерло; — занесенное туда жизнью, давшее ростки, росло, но еще не выросло, не окрѣпло настолько, чтобъ вытѣснить все прежнее.

Мать обращала вниманіе на ея задумчивость, на ея молчаливость, съ тревожной лаской спрашивала ее о причинахъ, — Зина обыкновенно отвѣчала съ искреннимъ недоумѣніемъ:

— Да ничего, мама.

И въ самомъ дѣлѣ, для нея это было „ничего“. Думать и молчать, переживать, чувствовать и пока ничѣмъ не проявлять этихъ чувствованій — казалось ей такимъ естественнымъ, простымъ.

И эта же задумчивость и молчаливость долгое время мѣшали ея окончательному сближенію съ тѣми двумя подругами, къ которымъ она чувствовала теперь все бо́льшее влеченіе.

Попова и Ивановская обыкновенно сливались въ представленіи Зины въ одинъ нераздѣльный образъ. Непохожія одна на другую по внѣшности, онѣ были такъ близки другъ другу по духу, что Зина не могла себѣ представить, чтобъ онѣ могли быть двухъ разныхъ мнѣній въ какомъ бы то ни было случаѣ. Если она обращалась за разрѣшеніемъ какого-нибудь смущавшаго ее жизненнаго вопроса къ Поповой, ей уже незачѣмъ было бы спрашивать еще о томъ же Ивановскую — отвѣтъ былъ бы одинъ, хотя бы и сказанный разными словами. И отвѣты эти всегда были такіе увѣренные, ясные, простые. Ни сомнѣній, ни колебаній. Вся жизнь, казалось, была имъ уже хорошо извѣстна, какъ хорошо выученный урокъ. Это подчиняло Зину, внушало ей довѣріе и уваженіе къ подругамъ, но это же настраивало ее иногда необъяснимо грустно. Когда, послѣ разговоровъ съ ними, Зина возвращалась домой, гдѣ ей было такъ хорошо, такъ уютно, гдѣ она всѣхъ любила и всѣ любили ее, ей иногда дѣлалось такъ больно-больно, точно она была одинокой, забытой и никому ненужной. Ея сердце, и мысли возвращались опять къ подругамъ, съ которыми она только-что разсталась, и она опять въ своихъ мысляхъ говорила съ ними о томъ, какъ тяжело быть одинокой, забытой, никому ненужной, и какъ несправедливо устроенъ этотъ міръ,

гдѣ до сихъ поръ нѣтъ общаго равенства и братства. И хотѣлось сейчасъ же уйти изъ своего уютнаго угла къ одинокимъ и обиженнымъ, отдать имъ все, что у нея было, и остаться бѣдной изъ бѣдныхъ, чтобы возстановить хоть этимъ, хоть немного, возмутительное неравенство.

Такой была она, когда перешла въ шестой классъ,—такой засталъ ее разгромъ усадьбы; и когда она, вернувшись въ Петербургъ, начала опять ѣздить въ гимназію, атмосфера общихъ забастовокъ захватила ее, робкую, задумчивую, молчаливую, больше, чѣмъ, можетъ быть, многихъ другихъ. Интересъ къ политической жизни охватилъ всѣ учебныя заведенія; когда въ перемѣнахъ между уроками ученицы старшихъ классовъ стали собираться въ кружки и стали образовываться политическія партіи даже между учащимися, настроеніе Зины дѣлалось все болѣе и болѣе опредѣленнымъ: уничтожить несправедливое неравенство можетъ только революція—значитъ, надо быть готовой на всякія жертвы. Она не умѣла вести разговоровъ на эту тему, она неясно различала разницу программъ эс-эровъ и эс-дековъ; она еще не умѣла выразить болѣе или менѣе опредѣленно въ словахъ и дѣйствіяхъ своего сочувствія общему движенію; но въ душѣ, въ тайныхъ помыслахъ, она съ каждымъ днемъ все больше и больше горѣла нетерпѣніемъ осуществить всѣ тѣ желанныя свободы, рѣчами о которыхъ былъ насыщенъ, кажется, самый воздухъ Петербурга. Съ тѣхъ поръ, какъ любимый ею братъ, Всеволодъ, ушелъ изъ дому, Зина твердо рѣшила, что и она пойдетъ той же дорогой. Всеволодъ до сихъ поръ скрывался невѣдомо гдѣ, лишь изрѣдка присылая матери письма о томъ, что онъ живъ и проситъ его не искать, а Зина еще не могла дать себѣ отчета, какъ и когда она „активно выступитъ на революціонный путь". Это дѣло представлялось ей такимъ великимъ, такимъ святымъ, что она еще не считала себя достойной выйти на него, не хотѣла пойти „въ работу" ученицей, отнимающей время на ея обученіе у тѣхъ, кому въ это дорогое время надо дѣлать что-то болѣе важное. Она хотѣла встать въ ряды борцовъ за свободу подготовленной, нужной. Чрезъ Попову и Ивановскую она стала доставать книжки,—всѣ, какія попадались подъ руку подъ общимъ девизомъ „нелегальной литературы",—и читала ихъ и днемъ, и ночами напролетъ, скрывая это отъ своихъ домашнихъ.

Теперь уже не съ однѣми Поповой и Ивановской искала Зина сближенія: всѣ, кто были побѣднѣе, на комъ лежала печать тяжести жизни, кто въ эти дни рѣшительнѣе другихъ

выступалъ съ протестомъ противъ всего существующаго, тѣ и казались теперь Зинѣ самыми близкими, дорогими ей, и она подходила къ нимъ и съ вдохновеннымъ лицомъ молящейся прислушивалась къ ихъ рѣчамъ.

Но тѣ, къ кому ее такъ влекло, встрѣтили ее сначала недовѣрчиво, почти недружелюбно. Страсти начинали разгораться, классовая ненависть обострялась, — а вѣдь она принадлежала именно къ тому общественному классу, господство котораго нужно было ниспровергнуть. Даже Попова и Ивановская, всегда ласковыя съ ней, стали теперь какъ будто менѣе ласковыми. Зина готова была объяснить себѣ нѣкоторую перемѣну въ ихъ отношеніяхъ къ ней тѣмъ, что онѣ слишкомъ были поглощены интересомъ къ совершающимся событіямъ. Но было и нѣчто другое: въ случайныхъ разговорахъ, въ случайныхъ намекахъ, ей иногда казалось, что ее боятся,—боятся, что она можетъ предать ихъ волей или неволей. Горько было сознавать, что она для нихъ никогда не станетъ своей, пока совсѣмъ не порветъ съ тѣмъ міромъ, гдѣ живутъ отецъ и мать. И чѣмъ сильнѣе бился пульсъ государственной—политической жизни, чѣмъ сильнѣе революціонная лихорадка охватывала всѣ слои общества, тѣмъ яснѣе казалась Зинѣ необходимость уйти изъ своего круга, изъ своей семьи, какъ ушелъ братъ Всеволодъ. Куда? зачѣмъ? — она все еще не понимала, все еще не знала этого. Но только одно казалось такимъ яснымъ, такимъ неизбѣжнымъ,—что нужно покончить со всѣмъ прошлымъ. Она уже часто твердила теперь самой себѣ: „Отрѣшимся отъ стараго міра, отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ“. Слово „свобода“ она произносила теперь съ такимъ чувствомъ, съ какимъ въ дѣтствѣ, когда она была еще по-дѣтски религіозна, произносила, бывало, слово „Богъ“ и слова „Пресвятая Матерь Божія“. Всякое напоминаніе теперь о борцахъ за свободу вызывало у нея умиленіе, экстазъ.

Точно опьяненная небывалой радостью встрѣтила Зина наступленіе момента, когда съ началомъ всеобщей забастовки всѣ, рѣшительно всѣ стали какъ-то смѣлѣе. Зина почувствовала, что тѣ товарки, которыя еще чуждались ея, теперь какъ будто перестали ея бояться, и ее, восторженную, вѣрующую въ грядущую побѣду пролетаріата, признали своей.

Зина отказалась слушаться мать и стала ежедневно посѣщать тѣхъ подругъ, знакомство съ которыми ей всегда запрещалось. Софья Петровна, напуганная потерей сына, дрожала теперь за судьбу дочери. Но принимать слишкомъ крутыя мѣры противъ ея начавшагося своеволія не рѣшалась. Она со сле-

зами умоляла Зину поберечь ея старость, поберечь отца,—подумать о томъ, что̀ будетъ съ ними, стариками, если дочь попадется подъ арестъ въ обществѣ какихъ-нибудь революціонеровъ. Она брала съ нея слово, что Зина не участвуетъ ни въ какихъ партіяхъ, ни въ какихъ организаціяхъ. И Зина давала ей это слово тѣмъ охотнѣе, что сама еще ничего не могла рѣшить, въ какой партіи, къ какой организаціи она примкнула бы: ко всѣмъ, въ каждую данную минуту теперь и въ будущемъ, ко всѣмъ, гдѣ будетъ развѣваться знамя свободы, гдѣ будетъ нужна лишняя единица, переходящая „изъ стана ликующихъ въ станъ погибающихъ"!

Въ стачечномъ движеніи, охватившемъ въ половинѣ октября всю Россію, всѣ слои общества и народа, Зина не могла не принять участія такъ, какъ ей это было доступно: вмѣстѣ со всѣмъ классомъ не учиться—забастовать. Когда Софья Петровна стала упрекать ее, что она сдѣлала это какъ всѣ лѣнтяйки, и стала доказывать ей, что ихъ забастовка — дѣтское баловство, пользованіе случаемъ полѣниться, Зина уже съ недѣтской твердостью сумѣла отвѣтить ей:

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! Я буду заниматься дома, если у меня хватитъ силъ. Но и я, какъ всѣ, волнуюсь, мама. Развѣ можно теперь оставаться равнодушной и заниматься, когда міръ переворачивается! Мы забастовали въ гимназіи — это не лѣнь, мама. Это протестъ противъ постояннаго повиновенія чужой волѣ. Въ гимназіи никогда не хотѣли считаться съ нашими желаніями. Въ насъ никогда не признавали *человѣка*. Дѣти — это вѣдь не люди, дѣти—это дѣти. Пока мы учимся, каково бы ни было наше умственное развитіе — для нашихъ родителей и для учителей мы — дѣти, мы — не люди. Самое это слово „учащіеся" — точно лишаетъ насъ общихъ правъ человѣка. Мы не можемъ выбирать, чему намъ учиться, какъ учиться, у кого. Черезъ годъ каждой изъ насъ предстоитъ сдѣлаться самостоятельной,—выйдя изъ гимназіи, самой сдѣлаться учительницей. *По вашимъ* законамъ, мы въ шестнадцать лѣтъ можемъ быть женами, въ семнадцать—матерями семейства. Но въ семнадцать лѣтъ мы еще не смѣемъ разсуждать, худо ли, хорошо ли, худому ли, хорошему ли насъ учатъ.

Софья Петровна слушала съ широко раскрытыми глазами и— ушамъ не вѣрила: этотъ языкъ въ устахъ Зины былъ для нея новъ. Она не могла понять, какъ, воспитанная подъ ея опекой и учащаяся въ одной изъ самыхъ популярныхъ въ высшемъ свѣтѣ гимназій, Зина могла заразиться такимъ революціоннымъ

духомъ. Правда, Софья Петровна знала, что уже были открыты революціонерки даже въ институтахъ, что и тамъ начинались волненія; но чтобы Зина—ея Зина!—вдругъ сдѣлалась такой—это ей казалось совершенно незаслуженно обрушившимся на нее несчастіемъ. Первая мысль—сказать мужу, посовѣтоваться. Но какъ потрясетъ его это сообщеніе! А онъ теперь былъ и безъ того такъ взволнованъ, такъ занятъ въ своемъ департаментѣ. Всѣ эти стачечные вопросы касались и его — и очень близко. И что̀ онъ скажетъ ей? „Что же ты смотрѣла? гдѣ же ты была?..“ И нечего будетъ ему отвѣтить!..

Софья Петровна рѣшила пока промолчать и принять все на свою отвѣтственность: она знала, что пока—безполезно вносить эту тревогу еще и въ душу мужа; она чувствовала, что отцовская власть и отцовское слово не будутъ имѣть для дочери никакого значенія.

И она была права: Зина болѣла душой только за мать. Иногда легче бываетъ пожертвовать собой, чѣмъ быть причиной страданій близкихъ и дорогихъ людей, и Зина, любившая мать, ломала теперь голову, какъ подготовить ее къ неизбѣжному разрыву. Зина страдала, молчала, принимала то одно рѣшеніе, то другое,—но рѣшимость „отречься отъ стараго міра“ не ослабѣвала, а крѣпла. Все больше и больше охватывало ее доходившее до влюбленности влеченіе къ тѣмъ, кто, какъ ей казалось, открывалъ ей пути въ новый міръ, въ міръ народной свободы, народной воли, общаго благоденствія, общаго счастія на развалинахъ всего стараго строя. Зина считала теперь этотъ строй виноватымъ не только предъ всѣми обездоленными, но и предъ ней самой—виноватымъ въ томъ, что онъ не давалъ ей нравственнаго удовлетворенія.

Правдами и неправдами Зина стала уходить изъ дому одна. Сначала это было ненадолго; потомъ, когда Софья Петровна увидала, что Зина возвращается цѣла и невредима, ея отлучки сдѣлались продолжительнѣе. Подъ предлогомъ совмѣстныхъ занятій Ивановская, въ послѣднее время не разъ посѣщавшая Зину, произвела на Софью Петровну недурное впечатлѣніе, и знакомство съ „дочерью учителя“ было признано допустимымъ. Поэтому теперь Зина уѣзжала обыкновенно къ Ивановской, отпускала кучера домой часа на два, на три, и затѣмъ, вмѣстѣ съ Ивановской или, если ея не было, одна пользовалась случаемъ пойти къ Поповой, въ семьѣ которой всегда можно было услыхать, что̀ дѣлается въ „новомъ мірѣ“, увидать людей, говорящихъ новымъ смѣлымъ языкомъ о классовой борьбѣ, о соціа-

лизмѣ, о ниспроверженіи устоевъ стараго строя, вплоть до необходимости вооруженнаго возстанія, если нельзя будетъ мирнымъ путемъ достичь желанной цѣли.

Зинѣ страстно хотѣлось попасть на митинги, но пока еще не было рѣшимости уйти изъ дому на продолжительное время. А въ тѣ часы, когда ей удавалось устроить этотъ уходъ, не вызывая домашнихъ бурь, не представилось еще случая попасть на какой-либо митингъ. И ей не разъ было досадно на самоё себя за это двойственное настроеніе. Съ одной стороны — всѣ ея помыслы, все сочувствіе ея на сторонѣ тѣхъ, кто желаетъ разрушить старый міръ со всѣми его аттрибутами; съ другой — она все еще чувствуетъ себя дѣвочкой, боящейся разрушить даже свой семейный очагъ, даже просто разсѣять иллюзіи любящей ее матери, иллюзіи, будто ея дочь еще послушна ей. Въ одну изъ такихъ минутъ тревожнаго сомнѣнія, когда эта мысль особенно угнетала ее, она робко, какъ духовнику, призналась въ ней Поповой, ища духовной поддержки, чтобы принять то или другое рѣшеніе. У Поповой вся семья, отъ старшихъ до самыхъ младшихъ членовъ, была проникнута революціоннымъ духомъ, на всякіе митинги не разъ ходила всей семьей въ полномъ составѣ. Попова уже принимала дѣятельное участіе въ распространеніи нелегальной литературы, и когда она въ кругу своихъ иногда говорила, что она по первому приказу партіи эс-эровъ готова пойти на какое угодно дѣло, это встрѣчалось всѣми членами семьи безъ смущенія, но и безъ восторга, какъ нѣчто естественное для своего времени. Семья чиновника, по своему классовому положенію невольно отражающая въ себѣ классовую мораль, гдѣ постоянно слышится проповѣдь вѣрности служебному долгу, не могла не проявить готовности самоотверженно исполнить то, что̀ дѣлалось для нея новымъ долгомъ, новымъ догматомъ. И Зина почти была увѣрена въ томъ, каковъ будетъ отвѣтъ Поповой. И все-таки какими-то неожиданными показались ей слова Поповой, когда та на обращеніе къ ней Зины, не задумываясь, отвѣчала:

— Да это же такъ просто! Ты вмѣстѣ со всѣми такъ легко готова идти разрушать весь старый строй потому, что это принесетъ всѣмъ счастье. Ты сознаёшь, что если неизбѣжны жертвы, то ихъ цѣной пріобрѣтается нѣчто великое. Ты и сама вмѣстѣ со всѣми готова стать одной изъ этихъ жертвъ. А тутъ, когда ты, именно ты, наносишь ударъ въ сердце только одной твоей матери, — ты чувствуешь себя одну виновной. Виновной предъ одн[illegible]имъ человѣкомъ, да еще и какимъ — тѣмъ, кто имѣетъ свои

основанія ожидать отъ тебя не обиды, а любви. На твоемъ мѣстѣ я бы тоже, можетъ быть, до поры до времени воздерживалась отъ нанесенія такого удара. Но въ рѣшительный моментъ, когда я сознала бы, что отъ моего выбора между спокойствіемъ матери и будущностью цѣлаго народа зависитъ удача или неудача какого-нибудь массоваго выступленія, я бы, конечно, ни на минуту не задумалась, что̀ мнѣ дѣлать.

Эти слова были сказаны безъ всякаго паѳоса, просто, даже тихо, но съ такой твердостью убѣжденія, что Зина, какъ стояла предъ Поповой съ устремленнымъ на нее восторженнымъ взглядомъ, такъ и осталась—точно застыла—когда та замолчала.

А Попова, въ свою очередь любовно смотря на Зину, немного помолчавъ, добавила:

— Да думаю, что и тебѣ твое сердце сразу подсказало бы настоящее рѣшеніе.

Зина крѣпко обняла и поцѣловала подругу и вдохновенно сказала ей:

— Да.

X.

Въ послѣдніе дни все рѣшившихъ октябрьскихъ забастовокъ, Зина попала, наконецъ, на одно изъ тѣхъ партійныхъ собраній, гдѣ въ большой частной квартирѣ собралось многочисленное общество учащейся молодежи обоего пола, разносословной передовой интеллигенціи и „сознательныхъ“ фабричныхъ рабочихъ и работницъ. Впервые услыхала здѣсь Зина тѣ рѣчи, которыя ей давно хотѣлось слышать не въ передачѣ изъ вторыхъ рукъ, не въ пересказахъ о томъ, какъ эти рѣчи произносились на митингахъ, а въ ихъ подлинномъ видѣ. Здѣсь, предъ толпой внимательныхъ слушателей, когда ораторъ наэлектризовывалъ толпу и самъ наэлектризовывался ея настроеніемъ, громко говорилось о вѣковой неправдѣ, о гнетѣ капиталомъ труда, говорилось, что грядущее царство соціализма есть осуществленіе того, что̀ проповѣдуется въ Евангеліи; говорилось о необходимости пойти умереть съ оружіемъ въ рукахъ, лишь бы добыть желанную свободу, которая отнынѣ будетъ неотъемлемымъ достояніемъ не только всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, но всего міра.

Зина видѣла вокругъ себя восторженныя лица, сіяющіе глаза, видѣла своихъ подругъ, воодушевленныхъ этими рѣчами, видѣла незнакомыхъ ей людей такихъ же восторженныхъ, какой становилась въ эту минуту она сама. И эти незнакомые—сразу дѣ-

зались ей близкими, родными, любимыми. Она чувствовала, что вотъ сейчасъ въ этой залѣ каждая стоявшая около нея дѣвушка становилась ея сестрой, каждый юноша — братомъ, и каждаго она готова была обнимать и цѣловать беззавѣтно.

Къ тому столику въ концѣ залы, который изображалъ трибуну ораторовъ, пробрался чрезъ толпу пожилой человѣкъ съ довольно коротко подстриженными волосами, темными съ большой просѣдью, и небольшой почти черной бородкой. По костюму — черной суконной блузѣ, подпоясанной ремнемъ,—это могъ быть рабочій; но по выраженію лица, по первымъ же фразамъ, какъ только онъ началъ свою рѣчь—нельзя было не признать въ немъ интеллигента и профессіональнаго оратора. И по тому шопоту, который при его появленіи пробѣжалъ по залѣ, Зина почувствовала, что это долженъ быть человѣкъ извѣстный. Все насторожилось, всѣ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ смотрѣли въ сторону оратора, старались не проронить ничего изъ сказаннаго имъ. Зина вмѣстѣ съ другими ловила каждое его слово, и все ей казалось въ этой рѣчи такимъ яснымъ и простымъ, такимъ вѣковѣчно-справедливымъ.

Она тихонько спросила стоявшую рядомъ съ ней Ивановскую:

— Кто это?

Та, не оглядываясь на нее, только слегка толкнула ее локтемъ и такъ же тихо прошептала:

— Потомъ!.. Молчи!.. Слушай!..

Зина чуть-чуть вспыхнула, покраснѣла и опять умомъ и сердцемъ впилась въ оратора.

Онъ говорилъ объ аграрномъ вопросѣ, о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, объ общинѣ, о національзаціи земли, о распредѣленіи ея между трудящимися на землѣ классами. Зина ни потомъ, ни теперь не смогла бы передать точно содержаніе его рѣчи; у нея не запоминалось ничего изъ многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ, приводимыхъ ораторомъ; всѣ эти вопросы, до сихъ поръ совершенно ей чуждые и незнакомые, оставались для нея неясными въ своихъ подробностяхъ и теперь. Но зато какъ понятенъ казался ей общій смыслъ всего услышаннаго! Вѣдь это было стремленіе создать общее счастье, устранить все, что̀ было несправедливаго въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ. Такъ развѣ могла она допустить хотя бы возможность сомнѣнія въ осуществимости того, что̀ этотъ ораторъ говорилъ съ такой искренностью и убѣжденіемъ? Всякая мысль о какомъ бы то ни было критическомъ отношенія къ его словамъ каза-

лась ей недостойной. Земельные участки ей не нужны; даже хорошенько разобраться, въ чемъ разница между трудовой и потребительной нормой, она сразу не могла и не старалась,—но развѣ не все равно это? Для нея, какъ и для всѣхъ тутъ, нужна была только правда, та вѣчная божеская правда, ради одной которой стоитъ жить на землѣ и за которую можно умереть. И, конечно, именно эта правда и была для нея въ эту минуту въ тѣхъ его словахъ, которыя вызвали теперь вотъ такое горячее сочувствіе у слушателей, когда всѣ они какъ одинъ человѣкъ дружнымъ взрывомъ апплодисментовъ какъ бы говорили оратору:—Мы съ тобой!

Развѣ всѣмъ имъ не было ясно въ эту минуту, что дорогой, родной народъ страдаетъ оттого, что до сихъ поръ еще не осуществленъ соціалистическій строй, въ которомъ одномъ человѣчество только и можетъ стать счастливымъ? Жестокіе угнетатели не хотятъ дать народу ни земли, ни воли, и народъ долженъ пойти и взять и то, и другое. Правительство — вотъ виновникъ общихъ бѣдъ; правительство, опирающееся на кучку эгоистовъ, овладѣвшихъ могущественнымъ орудіемъ порабощенія — капиталомъ,—вотъ причина всѣхъ страданій трудящагося пролетаріата. Народъ долженъ быть освобожденъ отъ этой кучки насильниковъ, долженъ управляться самъ, выражая свою волю чрезъ своихъ лучшихъ людей, своихъ избранниковъ, поставленныхъ во главѣ народа на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права...

Зина чувствовала, какой горячей вѣрой бились — не одно только ея сердце — сердца всѣхъ, кто слушалъ эти слова, кто, какъ и она, опускали серебряныя монеты въ ходившіе по рукамъ присутствующихъ кошельки и фуражки съ билетиками „на оружіе". И, не отдавая себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, она пошла бы въ эту минуту на какой угодно подвигъ, чтобы осуществить тотъ земной рай, который былъ обѣщанъ въ этихъ словахъ, и въ наступленіи котораго не могло быть никакихъ сомнѣній, если только всѣ захотятъ этого такъ, какъ хочетъ въ эту минуту она, какъ хотятъ всѣ, кто здѣсь. Да и какъ не вѣрить, когда ораторъ съ такой дѣловитостью въ теченіе цѣлаго часа, съ цифрами въ рукахъ, доказывалъ, какъ ариѳметическую задачу, легкость осуществленія теорій соціализма, — когда, убѣжденный самъ, онъ убѣждалъ всѣхъ послѣдовать его страстному призыву пойти на освобожденіе народа отъ всѣхъ тѣхъ, кто мѣшаетъ наступленію въ нашей странѣ соціалистическаго строя. Онъ говорилъ:—Если кто-нибудь у васъ на глазахъ убьетъ или

хотя бы тяжко оскорбитъ вашу мать, вашу сестру, вашу жену, вашу дочь—кто изъ васъ останется спокойнымъ и равнодушнымъ при этомъ? Кто не бросится на насильника и, рискуя собственной жизнью, не постарается предотвратить насиліе надъ дорогимъ вамъ существомъ или отомстить за смерть или обиду! Каждаго, кто возстанетъ такимъ защитникомъ или мстителемъ, мы благословимъ какъ героя, мы оцѣнимъ въ немъ величіе души, мы преклонимся передъ красотой его самопожертвованія. Во сколько же разъ прекраснѣе самопожертвованіе, во сколько сильнѣе геройскій духъ, во сколько величественнѣе душа тѣхъ, кто, идя на борьбу съ насиліемъ, отдаетъ свою жизнь не за себя, не за своихъ родныхъ и близкихъ, не въ минуту аффекта, вызваннаго видомъ совершоннаго насилія, а идетъ на смерть за другихъ, за невѣдомыхъ ему, за ту общую мать, которую мы называемъ страдающей родиной, за тѣхъ сестеръ и братьевъ, которыхъ мы называемъ человѣчествомъ. Эти герои сознательно совершаютъ уже не акты возмездія, а подвиги, приближающіе насъ къ наступленію царства свободы. Жертвуя собой, эти мученики за идею расчищаютъ дорогу намъ... Благословимъ ихъ имена. Благословимъ павшихъ, отошедшихъ отъ насъ, ставшихъ незабвенными... Но благословимъ и всѣхъ тѣхъ, кто и въ ближайшіе, и въ болѣе отдаленные дни съ такимъ же самоотверженіемъ пойдетъ на геройскую борьбу, пока не будетъ проложенъ широкій путь къ свободѣ и свѣту.

Со слезами восторга слушала Зина этотъ призывъ, и душа ея сливалась съ восторженнымъ настроеніемъ всей аудиторіи. Не говоря себѣ никакихъ словъ, не формулируя своего рѣшенія, Зина чувствовала одно: куда бы ни пошла сейчасъ эта толпа, она пойдетъ за нею. Что ей за дѣло до отца, до матери, до всѣхъ старыхъ предразсудковъ,—она не помнитъ, не думаетъ о нихъ въ эту минуту. Ничего этого не существуетъ: есть только движеніе впередъ, къ свободѣ, къ свѣту, заодно со всѣми, кто встаетъ подъ знамя борющагося за свои права пролетаріата.

И только сильно бьющееся въ груди сердце острой болью напоминаетъ Зинѣ о себѣ и заставляетъ ее прижать его рукой, надавить на него. Этимъ давленіемъ Зина старается заглушить боль внутреннюю, чтобы она не тревожила ее, чтобы она не отвлекала вниманіе.

Въ состояніи экстаза вернулась Зина домой съ этого митинга. Она заперлась въ своей комнатѣ, сѣла въ кресло и долго-долго сидѣла, не видя ничего окружающаго, смотря черезъ стѣны своей комнаты куда-то далеко-далеко впередъ. Ей рисовался въ

далекомъ грядущемъ какой-то неопредѣленный миражъ, безъ ясныхъ очертаній, безъ красокъ, миражъ чего-то свѣтлаго, радостнаго, звучащаго ей гармоніей, вѣющаго на нее чистымъ дыханіемъ горныхъ вершинъ.

Когда ее позвали обѣдать, она вошла въ столовую уже значительно успокоенная. Будничная жизнь взяла свое, возбужденіе прошло; но тѣмъ прочнѣе укрѣпилось въ головѣ сознаніе, что высочайшая правда заключается въ томъ, чѣмъ этотъ экстазъ былъ вызванъ. Зинѣ казалось, что вотъ теперь она уже должна что-то осуществить, что теперь она вступаетъ на тотъ путь, по которому пошелъ Всеволодъ, путь, по которому идетъ все, что̀ есть въ Россіи лучшаго, молодого, вдохновеннаго.

На вопросъ матери, гдѣ она была, Зина отдѣлалась незначительными фразами, молча сѣла за столъ и, сосредоточенная, спокойная, старалась не обращать на себя ничьего вниманія. Съ равнодушнымъ видомъ слушала она то, что̀ говорилось за обѣдомъ по поводу совершающихся событій, — говорилось во враждебномъ тонѣ. Отецъ, только-что вернувшійся изъ своего департамента, сообщилъ, какъ достовѣрную вѣсть, что уже написанъ и чуть ли даже не подписанъ манифестъ, дарующій Россіи конституцію. Въ глазахъ Зины вспыхнулъ огонекъ радости; отецъ пытливо посмотрѣлъ на нее. Но, какъ всегда, молчаливая, она сдержала себя и ничѣмъ не отозвалась на это извѣстіе. Не отозвалась она ничѣмъ и на то, когда отецъ съ презрительной усмѣшкой сказалъ:

— Что-жъ, если и приходится сдѣлать теперь уступку,—потѣшатъ толпу, поиграютъ въ конституцію, а тамъ опять скрутятъ по старому—и пикнуть не дадутъ. Нашли чѣмъ запугать — забастовками! Ну, конечно, лучше, чѣмъ допустить кровопролитіе, потѣшить ихъ бумажкой... Потѣшатся, поиграютъ, устанутъ—и отстанутъ.

XI.

Зина тотчасъ послѣ обѣда ушла въ свою комнату, потомъ легла спать раньше обыкновеннаго, чтобъ забыться отъ всѣхъ пережитыхъ волненій, но именно отъ волненій-то долго и не могла уснуть въ эту ночь.

Когда, проснувшись утромъ довольно поздно, она позвала горничную, та вошла какъ-то особенно сіяющая, и первыми ея словами было:

— Барышня, свобода! Вышелъ царскій манифестъ: всѣмъ свобода, и всѣ мы теперь *граждане!*

Не сознавая всей полноты значенія этого послѣдняго слова, она такъ подчеркнула его, какъ будто именно въ немъ заключались мечты всей ея жизни.

Зина вскочила и въ радостномъ порывѣ обняла и поцѣловала дѣвушку. Сущности содержанія указа она добиться отъ нея не могла и спѣшила скорѣе одѣться, чтобы узнать что-нибудь отъ матери. Выйдя въ столовую, Зина застала Софью Петровну за кофе. Отца уже не было, онъ сегодня рано всталъ и куда-то уѣхалъ.

По недовольному виду матери Зина могла заключить, что манифестъ, напечатанный въ нумерѣ „Правительственнаго Вѣстника", лежавшаго тутъ же на столѣ, былъ написанъ въ духѣ, противномъ убѣжденіямъ ея родныхъ. Это заставило Зину сразу повѣрить, что совершилось что-то необычайно счастливое.

Пока она пила кофе и читала и перечитывала манифестъ и всеподданнѣйшій докладъ графа Витте, Софья Петровна молча смотрѣла пытливымъ взглядомъ на дочь. Потомъ спросила:

— Ну, что̀, нравится тебѣ?

Зина вспыхнула, покраснѣла, и, помолчавъ, нерѣшительно отвѣтила:

— Мама, какъ тутъ сказать — нравится или не нравится. О такихъ вещахъ такъ нельзя судить. Я не знаю, все ли тутъ такъ, какъ нужно, но я чувствую, что тутъ народъ побѣдилъ... и, по-моему, это̀ хорошо.

Софья Петровна печально посмотрѣла на дочь и, тихо покачавъ головой, грустнымъ тономъ сказала:

— А я боюсь, что ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. По-моему...

Ея голосъ началъ было повышаться, но она вдругъ сразу же оборвала начатую фразу. По прежнимъ опытамъ съ Зиной, а въ особенности, бывало, съ Всеволодомъ, она знала, что увѣщаніями дѣтей она обыкновенно достигала не тѣхъ результатовъ, какихъ желала. Поэтому она предпочитала уже не обращаться въ такихъ случаяхъ къ нимъ прямо, а тактично заводила въ и ъ присутствіи разговоръ съ отцомъ на тему, по которой надо б ıло внушить дѣтямъ тотъ или иной взглядъ. Такъ и теперь, — п ıервавъ разговоръ, она только добавила:

— По-моему, будетъ, что̀ сказалъ сейчасъ отецъ: будетъ с мбуръ.

И встала, поцѣловала Зину въ голову и ушла къ себѣ.

А Зина, оставшись одна, еще разъ перечитала манифестъ, стараясь дать себѣ отчетъ, какъ ей надо отнестись къ нему. И опять ей казалось, что тутъ, несомнѣнно, есть что-то хорошее, что, во всякомъ случаѣ, эти оффиціальные документы выражаютъ торжество всѣхъ тѣхъ борцовъ за народную свободу, съ кѣмъ она въ послѣднее время жила однѣми думами, однимъ настроеніемъ. Правда, въ манифестѣ она еще не видѣла утвержденія соціальной республики, но думала, что это, можетъ быть, именно такъ и надо, — вѣдь не правительству же самому провозглашать ее. Во всякомъ случаѣ, манифестъ этотъ вызвалъ у нея увѣренность, что теперь все пойдетъ по новому, по другому, все впередъ и впередъ.

И поспѣшно покончивъ пить кофе, она стала собираться къ своимъ подругамъ, чтобы узнать, что „тамъ" говорятъ и думаютъ о совершившемся фактѣ.

XII.

Зина застала Попову на порогѣ.

— Куда?

— На митингъ.

— Гдѣ?

— Въ университетѣ. Идемъ?

— Идемъ.

Онѣ вышли вмѣстѣ. Зина испытывала подъемъ духа, какого у нея, кажется, никогда не бывало. Когда она ѣхала къ Поповой, она замѣтила на улицахъ необычайное оживленіе, и это дѣйствовало на нее, уже дома подготовленную чтеніемъ манифеста, особенно возбуждающе. Теперь, осуществляя давнишнюю мечту попасть на большой митингъ, она готова была бѣжать бѣгомъ, и не столько догоняла, сколько подгоняла торопливо шагавшую рядомъ съ ней Попову. А та все время твердила:

— Ахъ, опоздаемъ, опоздаемъ!

Она объяснила Зинѣ, что и она ничего не знала, и ей только сейчасъ прислали сказать о митингѣ, собравшемся неожиданно, чтобъ обсудить вышедшій манифестъ.

Попова, привыкшая всегда ходить пѣшкомъ, какъ-то не догадалась вспомнить о томъ, что надо бы извозчика,—а извозчики и не попадались; — Зинѣ же и подавно было не подумать объ этомъ, и онѣ шагали и шагали, подгоняемыя боязнью, что не застанутъ чего-то очень важнаго.

Но Зину съ самаго начала поразило одно: она пріѣхала къ Поповой въ радостномъ настроеніи, а у той не радость, а скорѣе раздраженіе и тревога. Но какъ только Попова заговорила о манифестѣ, Зинѣ съ первыхъ же словъ все стало ясно: какъ это она, точно неграмотная, сама не поняла того, что оказалось такъ понятно для Поповой. И Зина краснѣла и стыдилась за себя, слушая, какъ Попова на ходу объясняла ей, что̀ вѣдь манифестъ не даетъ никакихъ гарантій обѣщанныхъ свободъ, что нельзя надѣяться, что изъ этихъ негарантированныхъ обѣщаній что-нибудь выйдетъ; да и вообще нужно идти дальше, гораздо дальше, пользуясь теперешней побѣдой и небывалымъ подъемомъ народнаго духа, когда вся Россія, думалось ей, настроена такъ революціонно.

— Помириться съ этимъ манифестомъ, — горячо говорила ей Попова, — значитъ — уступить уже завоеванное, значитъ — дать себя одурачить, потерять удобный случай достичь настоящей народной воли и водворить новый соціальный строй. Осуществленія соціализма ожидаетъ весь міръ, а въ Россіи-то при теперешнихъ обстоятельствахъ ввести его легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ цѣломъ мірѣ. Было бы непростительно, преступно упустить такой случай, какъ теперешній. Удачный моментъ можетъ не повториться, надо ковать желѣзо, пока горячо. Вотъ увидишь, митингъ придетъ непремѣнно къ такой резолюціи, — я увѣрена.

И Попова все ускоряла и ускоряла шаги.

Зина слушала эти рѣчи подруги и, всей душой соглашаясь съ ней, мысленно обзывала себя „дурой": обрадовалась сегодня манифесту, когда отецъ еще вчера сказалъ при ней, что „дадутъ дѣтямъ поиграть, одурачатъ всѣхъ бумажкой, а потомъ опять скрутятъ въ бараній рогъ"! Кажется, ясно!

И вотъ теперь у нея уже начинаетъ подниматься озлобленіе, чувсто ненависти къ этому самому манифесту, который давеча, казалось, открывалъ ей новый міръ. А это чувство враждебности сейчасъ же переходило уже въ новое чувство: сдѣлать что-то такое, чтобы скорѣе осуществить то, къ чему *всѣ* стремились, чего *всѣ* хотѣли. Какъ, какимъ путемъ, — она этого не знала, но какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ей, что стихійно надвигаются событія, въ которыхъ ея личная роль, маленькая, ничтожная, становится великой: вѣдь отъ того воодушевленія, съ которымъ она рука объ руку съ другими борцами пойдетъ ниспровергать темный произволъ, чтобъ водворить на его мѣсто свѣтлую правду, — отъ ея готовности погибнуть или побѣдить, — зависитъ зависѣть успѣхъ, будетъ зависѣть побѣда. И она готова!..

Попова сказала ей немного словъ, но Зинѣ было достаточно теперь и намека, достаточно и искры: горючій матеріалъ былъ внутри ея самой.

Подходя къ Полицейскому мосту, онѣ увидали густую толпу, двигавшуюся имъ навстрѣчу. Смотрятъ: красные флаги, поютъ „Марсельезу".

Онѣ остановились. Спрашиваютъ первыхъ же встрѣчныхъ: какая это толпа? Оказывается—демонстранты, идутъ съ окончившагося митинга: демонстрація должна выразить протестъ противъ „никого неудовлетворившихъ формы и содержанія манифеста", выразить готовность народа на дальнѣйшую упорную борьбу для завоеванія истинной свободы и доподлинныхъ правъ.

Толпа, все возраставшая и возраставшая, приближалась. Людской потокъ залилъ всю ширину Невскаго и двигался впередъ съ неудержимой силой, вбирая въ себя всѣхъ, попадавшихся на пути.

Повернувъ назадъ, примкнули къ нему и Зина съ Поповой. Когда около нихъ раздалось пѣніе, и онѣ запѣли, сливаясь съ общимъ могучимъ хоромъ.

Зина, теперь уже опять радостная и ликующая, двигалась впередъ, не слыша подъ собою ногъ, несомая народной массой. Куда? почему?—она не думала объ этомъ; но *зачѣмъ?*—это она хорошо знала: за правдой, за святой правдой!

По дорогѣ, какія-то, стоявшія на открытомъ балконѣ, дамы сбросили въ толпу два трехцвѣтныхъ флага, украшавшихъ балконъ. Шедшіе вблизи Зины и Поповой студенты подхватили флагъ и стали отрывать синія и бѣлыя полосы, оставляя одну красную. Съ увлеченіемъ бросилась Зина помогать имъ. О, да! она не сомнѣвалась въ эту минуту, что этотъ трехцвѣтный флагъ — это символъ всего отжившаго, стараго, угнетающаго. Только подъ новымъ краснымъ знаменемъ можно придти въ обѣтованную землю свободы. Вся раскраснѣвшаяся, съ горящими глазами, она шла, ни на шагъ не отставая отъ той группы студентовъ, которые понесли теперь эти два новыхъ красныхъ знамени. Они шли и пѣли, забывая обо всемъ окружающемъ. Какъ лавина двигалась вся масса демонстрантовъ—безъ опредѣленной цѣли, безъ вѣдомаго отдѣльнымъ участникамъ направленія; задніе за передними, передніе подъ напоромъ заднихъ, двигались туда гдѣ просторнѣе—по линіи наименьшаго сопротивленія.

На Литейномъ встрѣтилась другая такая же толпа. Обѣ сразу сомкнулись въ одно цѣлое и двинулись по Владимірской къ Загородному. Кто-то сказалъ, что идутъ къ Технологическому —

освобождать осажденныхъ тамъ студентовъ. Но кто-то другой говорилъ, что „нѣтъ—хотятъ только совершить круговое шествіе по главнымъ улицамъ".

Толпа, не встрѣчая никакихъ преградъ на своемъ пути, въ величавой торжественности, не нарушая порядка, не дѣлая никому зла, шла и шла, вдохновляемая своимъ пѣніемъ, все впередъ и впередъ. Приближаются къ Семеновскимъ казармамъ. Остановка. Что такое? Тамъ, впереди взводъ солдатъ съ направленными на толпу ружьями. Электрической искрой пробѣжала эта вѣсть отъ головы къ хвосту демонстраціи. Толпа немного дрогнула. Нѣкоторые бросились назадъ, другіе отшатнулись въ сторону. Но ядро толпы—громадное большинство—не остановилось, пошло опять впередъ, надвигаясь плотнѣе другъ на друга. Толпа не разрѣжается, толпа сгущается. Раздастся гдѣ-нибудь крикъ: „назадъ!"—упадетъ, какъ камень въ воду, всколыхнувъ поверхность и вызывая концентрическіе круги, и опять все сравняется, опять вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, давитъ всей своей массой впередъ и впередъ.

Вотъ первые изъ толпы уже подошли къ Гороховой, они—противъ Семеновскихъ казармъ.

Тутъ, въ первыхъ рядахъ—и Зина съ Поповой. Часть толпы повернула на Гороховую; другая, напирая другъ на друга, подавалась впередъ по Загородному. Зина не хотѣла отступать ни на шагъ отъ Поповой и тѣхъ студентовъ, которые ихъ окружали. Кто-то около нея сказалъ, что въ нихъ сейчасъ могутъ начать стрѣлять. И Зину вдругъ охватило какое-то необычайное чувство: не страхъ, а радость, священный трепетъ, восторгъ, испытывала она. О, она не боялась выстрѣловъ! Въ эту минуту даже самая смерть казалась ей желанной. Когда ей раньше приходилось слышать о необходимости вооруженнаго возстанія, о необходимости съ оружіемъ въ рукахъ пойти навстрѣчу сильному старому врагу, она всегда думала, что она не могла бы взять оружіе и кого-нибудь убивать. Стать убійцей! ей!—нѣтъ, это невозможно. Но въ то же время она горячо сочувствовала всѣмъ, кто призывалъ къ этому вооруженному возстанію; всѣмъ, кто готовъ былъ пойти, кто дѣйствительно пошелъ бы въ бой... И вступить въ ряды вмѣстѣ съ другими, чтобъ вмѣстѣ съ ними умереть,—вотъ что она могла бы сдѣлать. Въ этомъ чувствѣ готовности пожертвовать собою безъ борьбы, безъ опредѣленной цѣли было что-то смутное, что казалось Зинѣ и очень высокимъ, и очень смѣлымъ: точно ей думалось, что гибель ея молодой беззащитной

жизни нанесетъ рядамъ солдатъ такой уронъ, какой произвела бы упавшая туда бомба.

И теперь, въ этомъ грандіозномъ демонстративномъ шествіи, имѣвшемъ для нея все значеніе боя, она шла на бой, какъ бы вооруженная съ головы до ногъ — вооруженная своей вѣрой въ то, что вотъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ кровавымъ столкновеніемъ, когда она, можетъ быть, погибнетъ, дрогнутъ сплоченные ряды народныхъ враговъ, произойдетъ необычайное: солдаты сами побросаютъ оружіе и, соединившись съ народомъ,—съ народомъ, изъ котораго и они вышли, — пойдутъ съ народомъ въ торжественной процессіи къ святой правдѣ. Въ эту минуту не жаль умереть, потому что только для торжества вѣры въ правду и стоило жить на свѣтѣ, потому что иначе незачѣмъ было бы и жить! И если, жертвуя своей жизнью, можно было приблизить наступленіе этой минуты великой радости,—жертва прекрасна, жертва легка.

Зина видѣла, что какой-то студентъ — черноватый, кавказскаго типа—влѣзъ на фонарный столбъ и оттуда что-то громко говорилъ окружавшей его толпѣ. Она не знала, что̀ онъ сказалъ; но это было все равно: она знала, что онъ могъ сказать только что-нибудь хорошее и что онъ могъ призывать только на тотъ путь, по которому надо идти. Куда бы ни двинулась послѣ его словъ окружавшая его толпа, на штыки ли, подъ выстрѣлы ли, Зина чувствовала, что она пойдетъ съ этой толпой радостная, въ первыхъ рядахъ. Она крѣпко сжимала руку стоявшей рядомъ съ ней Поповой и въ экстазѣ шептала:

— Идемъ!.. Идемъ!..

И выстрѣлы грянули. Зазвенѣли стекла фонаря, и студентъ, говорившій съ толпой, взмахнулъ руками, какъ птица крыльями, и, мертвый, свалился на тротуаръ.

Глаза Зины широко раскрылись. Она ахнула, ея рука еще крѣпче сжала руку Поповой, — потомъ сейчасъ же сразу ослабѣла и выпустила.

Попова взглянула на подругу. Лицо Зины поблѣднѣло, вѣки закрылись. Зина какъ-то неловко, странно присѣла среди тѣсно обступавшихъ ее людей, тѣ немного подались въ сторону, и Зина опустилась на колѣни.

— Зина!.. Зина!..—окрикнула ее Попова: — Что̀ съ тобой Очнись!

Не замѣтно было, чтобы она была ранена.

Попова, забывъ на мгновеніе все окружающее, стараясь растевелить Зину, трясла ее за плечо.

Но Зина уже бездыханная лежала у ея ногъ.

А большинство демонстрантовъ, только-что за минуту передъ тѣмъ стойко поддерживавшихъ общее движеніе впередъ, уже поддалось паникѣ и расходилось-разбѣгалось. Стоявшіе около Зины студенты удерживали толпу, чтобъ она не наступила на упавшую дѣвушку.

XIII.

Не рѣка, море—Волга подъ Саратовомъ въ весеннее половодье. Нагорный берегъ здѣсь не высокъ, но прекрасенъ въ своихъ очертаніяхъ. Мѣстами—холмы, покрытые свѣжей зеленью, мѣстами — сѣрый камень, изрытый бурями и непогодой, точно отвѣсная стѣна надъ рѣкой, точно развалины старой крѣпости, старыхъ палатъ. По гребню — свѣтятъ полу-разрушенныя бойницы, у подножья—будто обвалившіяся ворота, а вотъ высокія, узкія окна, столбы—и опять стѣна... подобіе башни... и опять бойницы.

А на луговомъ—безконечный просторъ для воды, и залиты ею луга, и залитъ прибрежный тальникъ, залиты цѣлыя рощи— ивы, елки, березы.

Пароходы смѣльчаковъ-капитановъ, знающихъ родную Волгу, какъ свою душу, знающихъ всѣ ея изгибы, всѣ мели и всѣ глубины, идутъ въ полую воду и по разливамъ, идутъ тамъ, гдѣ меньше, слабѣе теченье, гдѣ меньше приходится преодолѣвать напоръ воды. Идутъ близъ затопленныхъ рощъ, идутъ почти у самыхъ деревьевъ. И любо смотрѣть съ пароходовъ въ тихіе ясные дни на эту безконечную неподвижную вóдную гладь, гдѣ деревья, какъ поставленныя на зеркалѣ, отражаютъ внизъ свои едва начинающія зеленѣть вершины. Точно огромные древесные стволы безъ корней, зато съ двумя вершинами по концамъ, выросли прямо въ воздухѣ и плывутъ мимо съ облаками надъ ними, съ облаками подъ ними. Какъ въ сказкѣ красиво, но на жизнь непохоже. Чуднó. Только на Волгѣ и увидать это.

Пароходъ Волжскаго Общества „Боярыня“ шелъ полнымъ ходомъ кверху. По галереѣ, охватившей отъ носа до кормы всѣ каюты, ходили двое молодыхъ людей. Одинъ былъ въ студенческой тужуркѣ и фуражкѣ, другой—въ темныхъ полосатыхъ панталонахъ, въ черной блузѣ рабочаго и въ старой поярковой широкополой шляпѣ. Студентъ былъ Савельевъ, блузникъ—Всеволодъ Кукурановъ. Они сѣли въ Царицынѣ. Оба возвращались съ партійной работы: Савельевъ съ Кавказа, Всеволодъ съ Дона.

Предполагая возможность всегдашняго надзора, они при первой встрѣчѣ не обратили вниманія другъ на друга, какъ бы не замѣтили другъ друга въ толпѣ. Потомъ встрѣтились съ глазу на глазъ у перилъ галереи, сошедшись и заговоривъ другъ съ другомъ, какъ бы впервые знакомясь, и съ этого момента уже не разставались. Исполняя порученіе революціоннаго комитета, оба ѣхали теперь къ новому назначенію: Савельевъ въ Саратовъ, Всеволодъ въ Москву. Встрѣча была для нихъ неожиданна, и они были рады подѣлиться пережитымъ и передуманнымъ. Въ теченіе дня они имѣли время наговориться, и теперь, подъ вечеръ, когда пароходъ уже приближался къ Саратову, они, стоя на галереѣ, любовались красотою Волги и дѣлились уже не фактами изъ своей партійной дѣятельности—дѣлились настроеніями. Изъ того, чтò они успѣли разсказать другъ другу, имъ уже было ясно, что они оба сильно разочарованы, — разочарованы не столько въ томъ, чтò они дѣлали, сколько въ томъ, чтò изъ всего этого вышло. Но каждый изъ нихъ какъ будто не хотѣлъ еще сразу признаться въ этомъ другому, быть можетъ, не хотѣлъ признаться даже и самому себѣ. Но изъ того, какъ ими передавались другъ другу самые факты, въ концѣ концовъ невольно сказалось, что нѣтъ у нихъ ни прежняго энтузіазма, ни прежней увѣренности въ себѣ, въ своихъ излюбленныхъ теоріяхъ, въ представителяхъ своей партіи. Оба настоящіе русскіе не только по происхожденію, но и по чувству, они были представителями двухъ прямо противоположныхъ классовъ, и оба одновременно и умомъ и сердцемъ отреклись отъ идеи націонализма, оба всей душой отдались соціалистическимъ грезамъ, и теперь оба чувствовали, что правда есть „и тутъ, и тамъ", или ея „нигдѣ" нѣтъ. Ничему изъ тѣхъ вѣрованій революціоннаго катехизиса, съ которыми они недавно вступили на революціонный путь, они не измѣнили; въ теоріи они все готовы были попрежнему признавать вѣрнымъ, возможнымъ, достижимымъ; и въ то же время видѣли, какъ въ дѣйствительности ничто не осуществляется. Не осуществляется не только въ массахъ, не только въ складѣ народной жизни, но не осуществляется въ ихъ собственныхъ душахъ. Ихъ умъ постоянно говорилъ имъ одно, ихъ чувство часто влекло ихъ къ другому. Вотъ они сейчасъ оба вмѣстѣ на Волгѣ, по которой они не разъ проплывали и вверхъ, и внизъ, и прежде, и во время ихъ дѣтства. Родная, великая русская рѣка—прообразъ всей русской жизни, то широко разливающейся, то мелѣющей; изъ глубины дикихъ лѣсовъ, изъ маленькихъ озеръ вытекающая маленькими ручьями,

и чрезъ всю великую равнину, вбирая въ себя много большихъ и малыхъ рѣкъ, бѣгущая къ отдаленному морю, словно стремящаяся къ той Индіи, которая всегда грезилась мечтательнымъ умамъ русскихъ государственныхъ людей, стремящаяся къ открытому южному океану и... попадающая въ тупикъ — въ глухое Каспійское озеро, съ его песчаными печальными берегами. Не такова ли и вся русская жизнь со всѣми ея порывами, со всѣми ея размахами, съ ея красотами и безобразіемъ, громадная и увлекательная, многообѣщающая, манящая—и роковымъ образомъ заканчивающаяся въ пескахъ пустыни. И вотъ теперь эта самая Волга навѣвала имъ своей красотой, своимъ величіемъ, безсмертностью этой красоты и этого величія тяжелыя мысли,— мысли, полныя чисто русской печали, какой не понять никакому иностранцу, никакому „всечеловѣку". Волга! Чего-то не видала она на своемъ вѣку—чего-то еще не увидитъ!

Савельевъ еще раньше просилъ матроса предупредить, когда пароходъ пойдетъ мимо „Утеса Стеньки Разина". Теперь матросикъ подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Вотъ.

Но и безъ этого предупрежденія нельзя было не обратить вниманія на этотъ большой красивый бугоръ, высоко-высоко поднявшійся надъ водой и своими красивыми закругленными очертаніями рѣзко выдѣлявшійся среди другихъ бугровъ. Пассажиры парохода съ биноклями въ рукахъ любовались „Утесомъ". А матросикъ сказалъ Савельеву:

— Большой кладъ, сказываютъ, зарытъ въ немъ.

Савельевъ вполголоса сталъ декламировать, подражая въ декламаціи мотиву пѣсни:

...Пусть тотъ смѣло идетъ,
На утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ,
Все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ...

А Всеволодъ, смотря на утесъ, сказалъ:

— А что—можетъ быть, именно съ этого бугра Разинъ и сбросилъ въ Волгу свою любовницу, свою дорогую персидскую княжну?—И, помолчавъ, задумчиво добавилъ:—Если только эта легенда не выдумка.

Савельевъ замѣтилъ:

— Да тутъ, пожалуй, не особенно-то удобно сбрасывать. Развѣ ужъ только размахнуться хорошенько, да швырнуть да-

леко. — И, тоже помолчавъ, добавилъ немного грубоватымъ, искусственнымъ тономъ:—Что-жъ, сила, поди-ка, у мужика была большая.—Усмѣхнувшись, онъ продолжалъ:—Впрочемъ, я слыхалъ эту легенду въ такомъ варіантѣ, что онъ выбросилъ персіянку изъ лодки. Помню даже, есть чья-то картина: Волга, Разинъ съ пьяными товарищами въ лодкѣ, убранной коврами; онъ одинъ стоитъ и, вытянувъ обѣ руки вверху, поднялъ персіянку высоко надъ головами сидящихъ въ лодкѣ разбойниковъ, и тѣ спокойно смотрятъ своими посоловѣлыми пьяными глазами на эту жертву, приносимую ихъ атаманомъ Волгѣ.

Всеволодъ, продолжая любоваться утесомъ, сказалъ:

— Дѣло не въ томъ, какъ это было, а въ смыслѣ легенды. И мнѣ варіантъ съ утесомъ нравится больше. Вѣдь онъ разсказывается такъ: послѣ кутежа съ своими приближенными на этомъ утесѣ, когда уже всѣ уснули, когда уснула и княжна, лежа на землѣ у его ногъ и положивъ ему голову на колѣни, Разинъ долго сидѣлъ и смотрѣлъ своей любовницѣ въ лицо, потомъ взялъ ее, сонную, поднялъ и сбросилъ съ утеса.

Савельевъ сморщилъ брови и съ презрительной усмѣшкой сказалъ:

— По той ли, по другой ли версіи, все равно—безобразная выходка пьянаго мужика. Одна изъ тѣхъ выходокъ, которыми такъ богата семейная мужицкая жизнь. Отчего надъ бабой не потѣшиться! Моя воля! На, вотъ, любуйся православный міръ, какой я есмь молодецъ!

— О, какъ ты не правъ, какъ ты не правъ, Савельевъ!— нервно прервалъ его Всеволодъ. — Ты самъ не понимаешь, что̀ ты говоришь! И, знаешь, это именно потому такъ невѣрно, что ты—мужикъ. Да, прости,—ты мужицкую жизнь понимаешь по-мужицки.

— Ну, а по-твоему, по-барски, какъ? — дружески смѣясь, сказалъ Савельевъ.

Всеволодъ, не задумываясь, нервно, быстро отвѣчалъ:

— Да мнѣ это такъ ясно, какъ нельзя больше. Да неужели ты не понимаешь, что это-то самое, что̀ вотъ сдѣлалъ я, что̀ дѣлаютъ въ настоящее время тысячи русскихъ людей, что̀ больше, чѣмъ кому-нибудь, свойственно именно русскому человѣку. Вѣдь ты пойми: что̀ такое Разинъ? Гордый пролетарій, гордый своей свободой, гордый своей любовью къ своему брату пролетарію. Онъ ведетъ своихъ братьевъ во имя этой свободы впередъ, онъ дѣлаетъ ихъ царями на доступномъ имъ пространствѣ земли и самъ дѣлается ихъ царемъ. И все царское становится ему ю-

ступно. Онъ чувствуетъ, что онъ уже не пролетарій больше, что онъ—владыка, и все, что доступно сильнымъ міра, все въ эти минуты доступно ему, все дѣлается его достояніемъ. И было достаточно малѣйшаго упрека его сотоварищей въ томъ, что онъ возвысился надъ ними, что онъ не тотъ, какимъ былъ прежде, не тотъ, какимъ нужно бы быть; что изъ общей добычи онъ своею властью сильнаго, не спрося никого, взялъ себѣ лучшую часть—эту персидскую княжну; что онъ полюбилъ ее, что она для него стала уже не просто добычей, что она его полюбила, что онъ „обабился" съ нею. Въ этомъ грубомъ словѣ, сказалось, сказано многое. И чуткій умъ, чуткая душа гордаго своей свободой пролетарія, ставшаго вождемъ, не могла не понять этого. И какой выходъ? Что онъ сдѣлаетъ? Будетъ ли онъ продолжать идти по этому пути, будетъ ли онъ пользоваться благами жизни, или опять отдастъ всего себя на служеніе своимъ товарищамъ-пролетаріямъ? Конечно, онъ не измѣнитъ тому, что было задачей его жизни, что было его сущностью. Ну, хорошо. Но кому же отдастъ онъ эту свою дорогую, любимую персидскую княжну, если онъ захочетъ съ себя стряхнуть бремя этой любви? Жребій что-ли о ней метать? Онъ зналъ своихъ молодцовъ. Для нихъ она была бы только вещью, только частью добычи, равной для всѣхъ. Онъ понималъ, что уже одной этой любовью къ ней онъ уходилъ изъ ихъ рядовъ и возвышался надъ ними. Какую страшную душевную муку долженъ былъ онъ пережить, смотря на эту женщину, любимую, любящую, безпечно спящую у его ногъ...

Всеволодъ произнесъ послѣднія слова съ такой страстной нѣжностью, какъ будто онъ говорилъ о самомъ себѣ, о своей любви къ кому-то, въ эту минуту далекой отъ него, но вѣчно близкой въ мечтѣ, въ сердцѣ. Савельевъ только искоса пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него, и въ этомъ взглядѣ соединились и легкая усмѣшка, и дружеское сочувствіе. Всеволодъ въ раздумьи смотрѣлъ вдаль и съ минуту молчалъ. Потомъ, какъ бы очнувшись, онъ заговорилъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, продолжая смотрѣть вдаль и какъ бы говоря именно этой дали:

— А подъ ними была Волга—широкая, разлившаяся, какъ широкъ разлившійся по всей Руси, пролетаріатъ. Пойми, вѣдь та брошенная въ Волгу княжна — великолѣпный символъ того, какъ сильный духомъ человѣкъ, стоящій на высотѣ, способенъ бросить въ дань великой идеѣ свободы, равенства и братства все, что у него есть самаго дорогого и самаго милаго, что могло бы помѣшать ему беззавѣтно служить великой идеѣ.

И, опять на мгновеніе помолчавъ, онъ взглянулъ открытымъ добрымъ взглядомъ на товарища и спросилъ тѣмъ тономъ, въ которомъ былъ уже и утвердительный отвѣтъ:

— Послушай, Савельевъ, развѣ я не сдѣлалъ то же самое?

— Чтò же, ты раскаиваешься въ этомъ? — умышленно спокойнымъ, безстрастнымъ голосомъ спросилъ Савельевъ.

— Чтò ты! Нѣтъ, нѣтъ! Ни одной минуты! — поспѣшилъ возразить Всеволодъ.

Онъ точно боялся быть заподозрѣннымъ въ ренегатствѣ, въ отреченіи отъ той новой вѣры, на которую онъ смѣнялъ старую вѣру своего класса. Лицо его приняло страдальческое выраженіе, и онъ нѣкоторое время точно искалъ въ умѣ доводовъ для самооправданія. Потомъ сказалъ:

— Можно ли говорить о раскаяніи, когда я сейчасъ говорилъ тебѣ въ такомъ сочувственномъ тонѣ о поступкѣ Разина! Вѣдь я въ немъ вижу красоту душевнаго порыва! Да, онъ, можетъ быть, былъ прекрасенъ... самъ по себѣ, да,—но...

Всеволодъ пріостановился и потомъ съ какой-то тайной тревогой, съ такой поспѣшностью, какъ будто боялся, что если вотъ не сейчасъ, то онъ не рѣшится высказать свою мысль до конца, онъ заговорилъ возбужденно, порывисто:

— Нѣтъ, если я иногда надъ чѣмъ задумываюсь теперь, такъ вотъ надъ чѣмъ: да стòили ли разбойники Стеньки Разина такой жертвы, какъ его персидская княжна? Чтò — лучше ли они ея, что-ли? Въ міровомъ балансѣ нужнѣе ли, что-ли, ихъ существованіе, чѣмъ существованіе этого образа народной легенды—поэтичнаго, незлобиваго — образа плѣнницы-невольницы, полюбившей своего насильника,—который въ свою очередь становился рабомъ этой любви. Я взвѣшиваю и тѣхъ и другихъ на чашахъ вѣсовъ моего сознанія, и чаши колеблются. Я не могу рѣшить, которая изъ чашъ перетягиваетъ. Въ этомъ—трагедія моего существованія.

Савельевъ промолчалъ. Потомъ, закуривъ папиросу, выпустилъ нѣсколько колецъ дыму и, будто не обращаясь къ товарищу, а глядя куда-то вдаль по рѣкѣ, сказалъ:

— Ты — баричъ, баричемъ и останешься. Ты любуешься красотой своего поступка, какъ эстетикъ. И трагедія твоей души — эстетика. А я — мужикъ, и тамъ, гдѣ ты нашелъ красивый или прекрасный поступокъ, я говорю — мужичья это выходка. Ты боишься и подумать, что могъ ошибиться, отказавшись отъ своего прежняго положенія во славу пролетаріата. Ты и Разина-то въ его безобразномъ поступкѣ оправдываешь

чтобъ себя еще больше украсить. А я такъ думаю, что эта Разинская жертва Волгѣ—не только мужичья, но и рабья выходка. Въ эту минуту онъ по духу былъ рабомъ своихъ рабовъ-разбойниковъ. Ты, баринъ, еще спрашиваешь самъ себя: да стоили ли Разинскіе молодцы такой жертвы? А я, мужикъ, прямо тебѣ скажу: мнѣ иногда просто дѣлается страшно при мысли о томъ, что мы въ это послѣднее время дѣлали. Вѣдь мы разрушаемъ культуру стараго строя, вмѣсто того, чтобы приспособить ее къ себѣ и самимъ приспособиться къ ней. Вѣдь еще вопросъ, что дадимъ мы взамѣнъ ея. Что построитъ новый царь міра — пролетаріатъ,—когда у него не будетъ другихъ царей, кромѣ все нивеллирующаго царя-Равенства?

Всеволодъ не отвѣтилъ ничего. Онъ видѣлъ, что Савельевъ шелъ дальше его въ отрицаніи того, что еще недавно казалось имъ обоимъ путеводной звѣздой къ общему счастью. И теперь оба долго молчали и въ раздумьи смотрѣли на Волгу. Рѣка жила своей кипучей весенней жизнью. Широкій просторъ разлива не оставался ни на одну минуту безжизненнымъ.

Повстрѣчалась огромная бѣляна. Всеволодъ встрепенулся и, провожая ее восторженнымъ взглядомъ, любовно заговорилъ:

— Въ цѣломъ мірѣ не найдешь такихъ судовъ. Какая оригинальность и какая простота!.. Знаешь, мнѣ иногда ужасно хочется,—проплыть бы на такой бѣлянѣ, вонъ въ этой избѣ, что на ней, такъ прямо съ верховьевъ, откуда она плыветъ, до самой до Астрахани.

Сейчасъ же вслѣдъ за бѣляной попадаются плоты, сплавляемые съ Ветлуги и Кокшаги на безлѣсныя низовья Волги. Цѣлый городъ плотовъ. Только на одномъ просторѣ половодья и можно пустить такую массу.

„Боярыня“ близко обогнула плоты, и отъ валовъ ея колесъ они всколыхнулись, закачались, точно нервной дрожью дрогнула вся ихъ масса. Волны обдали крайніе плоты, обдали брызгами стоявшаго у плотового руля бурлака, и тотъ послалъ пароходу вдогонку крѣпкое русское ругательство. „Боярыня“ быстрымъ ходомъ бѣжитъ дальше, выше, не считаясь съ вызваннымъ ею волненіемъ. Мимолетнымъ видѣніемъ мелькнуло оно и уже смѣняется новыми картинами, — новымъ впечатлѣніямъ отдаются Савельевъ и Всеволодъ, молча смотрящіе впередъ.

Вонъ вдали показался идущій сверху пароходъ. Надъ нимъ сверкнулъ бѣлый дымокъ, за дымкомъ, какъ за огнемъ выстрѣла, послышался свистокъ, и въ отвѣтъ ему загоготала-зарычала и „Боярыня“. Матросъ вышелъ на край капитанскаго трапа, по-

махалъ флагомъ въ отвѣтъ на такое же маханіе верхòваго парохода, и „Боярыня“ взяла рулемъ поворотъ налѣво. Оба парохода, бѣгущіе другъ другу навстрѣчу, начинаютъ приближаться, и уже ясно видны очертанія и окраска верхòваго. Ясно видна красная полоса поперекъ трубы, и Всеволодъ, тономъ знатока, говоритъ:

— „Самолетъ“.

Съ дѣтства, каждый годъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ имѣнье, онъ видитъ Волгу, онъ сроднился съ ней, привыкъ любить ее, онъ знаетъ ее, онъ любитъ узнавать при встрѣчѣ знакомые пароходы, онъ хорошо помнитъ всѣ ихъ названія.

Верхòвый пароходъ подходитъ ближе и ближе, его корпусъ всей своей громадой поворачиваетъ вправо, и Всеволодъ читаетъ на кожухѣ яркую надпись:

— „Гоголь“.

И, повернувшись лицомъ къ Савельеву, онъ какъ-то мечтательно-грустно произнесъ:

— Хорошія нынче названія у пароходовъ пошли. Въ каждомъ чувствуется „сознательность“.—Помолчавъ, онъ продолжалъ:—На Волгѣ я всегда чувствую себя страшно русскимъ. Кажется, въ этихъ пароходахъ, въ ихъ названіяхъ, передо мной проходитъ вся русская жизнь—и прошлая, и настоящая.

— Можетъ быть, и будущая?—усмѣхнулся Савельевъ.

— Не смѣйся,—покачавъ головой, серьезно сказалъ Всеволодъ.—Какъ знать: „быть можетъ, и будущая“. Развѣ не отражается въ этихъ надписяхъ народное сознаніе? Ты только вдумайся, вглядись въ нихъ—можетъ быть, въ нихъ найдется что-нибудь пророческое. Я помню, прежде волжскіе пароходы носили другія имена. Теперь посмотри—всѣ они стали демократичнѣе. Посмотри на „Самолеты“: все имена писателей—и какихъ! Тутъ и Тургеневъ, и Некрасовъ... а вотъ и Гоголь.

— Ну, а на пароходахъ Волжскаго Общества: „Государь“, „Государыня“, вотъ наша „Боярыня“—все это тоже демократія?—добродушно съязвилъ Савельевъ.

Всеволодъ не склоненъ былъ къ шуткѣ въ эту минуту, и къ ироніи товарища отнесся равнодушно. Спокойно, серьезно, онъ отвѣтилъ:

— Не демократія, нѣтъ! Но это—русская жизнь.

Немного подумавъ, онъ сказалъ:

— У нихъ есть и „Купецъ“, и „Мужикъ“—всѣ сословія отъ вершины до основанія. Видно, что здѣсь строители не подчинились какой-либо тенденціи, а просто воспроизвели въ этихъ

названіяхъ всю народную жизнь, и имъ было нужно, чтобы тутъ всѣ имѣли своихъ представителей.

Продолжая думать про себя надъ этой мыслью, онъ чрезъ нѣкоторое время сказалъ:

— А вотъ развѣ не любопытно, что у того же „Самолета" на верховомъ плесѣ всѣ пароходы носятъ названія великихъ князей удѣльно-вѣчевого періода: „Василій Костромской", „Андрей Боголюбскій", „Юрій Суздальскій", „Михаилъ Тверской"... все старатели, печальники земли русской, все—мученики за родную землю. Юрій Суздальскій убитъ татарами, Михаилъ Тверской замученъ въ Ордѣ... И какъ это символично, что именно въ верховомъ плесѣ Волги—они! Тамъ—мѣсто, гдѣ началась русская жизнь, гдѣ начинается Волга...

Савельевъ не отвѣчалъ ничего. Онъ, какъ и Всеволодъ, въ раздумьи смотрѣлъ на Волгу.

XIV.

Буфетный лакей пришелъ сказать, что онъ подалъ имъ въ столовую заказанное ими кушанье, и они пошли за нимъ. Оба ѣхали въ третьемъ классѣ, но столовались во второмъ. Рано пообѣдавъ, они теперь, передъ высадкой Савельева въ Саратовѣ, рѣшили напослѣдокъ вмѣстѣ попить чаю и закусить. Въ столовой было нѣсколько человѣкъ пассажировъ, и въ ихъ присутствіи разговоръ вести можно было только незначительный. Зато было интересно прислушиваться. Какой-то старикъ, худощавый, восковой, благообразнаго вида, — такими пишутъ угодниковъ, — говорилъ сидѣвшему противъ него священнику:

— Я ее и спрашиваю: ну, что̀, говорю, Николиха, какъ у васъ въ деревнѣ о будущей Думѣ говорятъ? А она мнѣ въ отвѣтъ: „Какая, батюшка, тамъ Дума! До Думы ли намъ! Вотъ въ нашей деревнѣ праздникъ престольный подходитъ, такъ теперь каждый думаетъ, чѣмъ его встрѣчать будетъ—у всѣхъ все нехватки. Гости со всѣхъ деревень понаѣдутъ, всѣхъ принять надо, всѣмъ хоть по два стаканчика поднести, хоть пирога кусокъ въ глотку-то пихнуть. А гдѣ взять, какъ нѣтъ-то ничего? Вотъ у одной дочери—въ кухаркахъ служитъ—была, за полмѣсяца жалованья ея взяла, а у другой, да своихъ приложишь, что̀ есть, а все какъ будто мало".

Благообразный старецъ разсказывалъ все это съ искусствомъ хорошаго разсказчика, видимо самъ любуясь своимъ искусствомъ

подражать голосу и интонаціямъ старой деревенской бабы. Священникъ слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ, поглаживая свою холеную русую, еще небольшую бородку. Старикъ продолжалъ:

— Ну, тутъ я ее спрашиваю: ну, хорошо, праздникъ справить надо, Богу помолиться, свѣчку поставить, а зачѣмъ же вы такъ на угощеніи-то ужъ очень роскошествуете? Такъ, извольте видѣть, говоритъ: „Какъ же, у насъ безъ этого никакъ нельзя. Ужъ хоть расшибись, да сдѣлай. Другъ за дружкой тянемся, а ничего не подѣлаешь. Гости пріѣдутъ—не выгонишь. Что больше въ домъ народу валитъ, такъ у тебя больше сердце щемитъ. А думаете—говоритъ—шутка ли: у меня въ прошломъ году двадцать-четыре человѣка три дня гостили, такъ ужъ какъ я и жива осталась".—Кто же такіе?—спрашиваю я ее. И отвѣчаетъ, что все, дескать, родня. „Которые свои, которые невѣсткины, а которые и такъ прилѣзутъ. Прошлый—говоритъ—годъ сдвуродный братъ пріѣзжалъ съ женой и съ тремя дѣтьми. На всѣхъ все наготовить надо. Одной водки три четверти вышло, а она нонѣ вонъ какая дорогая: десять рублей ведро-то. Вотъ и сейчасъ должна купить въ городѣ муки полтора пуда пшеничной, сахару пятнадцать фунтовъ, двадцать-девять фунтовъ баранокъ, компота сухого фунтовъ десять". Я опять къ ней съ вопросомъ: что такъ? зачѣмъ сухой компотъ покупаете? Баба опять свое: „Какъ же, сладкій супъ изъ него варимъ. Постъ вѣдь приходитъ, со Спасова-то дня. Кабы коровій праздникъ былъ, такъ я легохонько бы управилась, тутъ бы все у меня—и сметана, и молоко свое бы пошло. И яицъ, и барана зарѣзала бы. Ну, а постное вѣдь все купить надо, все купить! Рыбки купить, масла къ ней надо постнаго купить—одно разоренье! Въ прошломъ-то году, какъ родные-то отъ меня уѣжать стали, такъ я и не знаю, какъ узелки-то ихъ торопилась собрать—такъ вотъ вьюномъ и бѣгаешь, только бы поскорѣе спровадить. Думаешь, „уѣзжайте вы, голубчики, поскорѣе, одна-то я съ хлѣбомъ и водой останусь, только бы вы всѣмъ удовлетворены были". Такъ и глядишь каждому въ глаза-то—доволенъ ли? У насъ вѣдь еще такъ: наберемъ у лавочника—ладно хоть вѣритъ—иной разъ къ празднику-то рублей на тридцать заберутъ, а потомъ и отрабатываются. Гнёшь, гнёшь горбъ-то въ полѣ—и все на нихъ, да и то спасибо, хошь вѣрятъ-то. Вонъ въ сосѣдней деревнѣ, тамъ мужики какъ-то умѣютъ: придутъ къ нимъ, они чайку поставятъ, да ситника положатъ, да сахару по два кусочка—и все тутъ. А у насъ требуютъ... у насъ, чтобы и пироги, и рыбки—все бы чтобы было". Спрашиваю ее: отчего ж

такъ у васъ-то?—„А вотъ что-же,—говоритъ—у насъ у одной невѣстки братъ въ Питерѣ живетъ, извозчикомъ ѣздитъ на своей лошади, а у другой самъ лавочникъ въ родняхъ-то, ну и привыкли, чтобы все по-хорошему. Такъ вотъ и замотаешься къ празднику-то. Гдѣ ужъ намъ о Думѣ думать. Сядешь вотъ на завалинку, подопрешь кулакомъ щеку-то, да свою думушку горькую и думаешь: „праздникъ престольный подходитъ". До Думы ли намъ!"

Старикъ замолчалъ. На его длинный и живой разсказъ священникъ неопредѣленно промычалъ:

— М-м-да!

Всеволодъ и Савельевъ переглянулись между собой и улыбнулись. А старикъ-разсказчикъ сдѣлалъ заключеніе:

— Такъ по ихнимъ же словамъ вотъ гдѣ разореніе-то—въ праздникахъ. А не въ малоземельѣ.

Батюшка опять промычалъ:

— М-м-да...

Онъ видимо сочувствовалъ всему, что̀ говорилъ его собесѣдникъ, но и боялся выразить сочувствіе, чтобъ какъ-нибудь не умалить важности празднованія престольныхъ праздниковъ со всѣми ихъ традиціонными послѣдствіями.

А вниманіе Савельева и Всеволода уже привлекла другая пара пассажировъ, сидѣвшихъ за чаемъ у того же стола, ближе къ концу: молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти и старуха, его мать. Съ перваго же взгляда на молодого человѣка можно было сказать, что онъ въ злѣйшей чахоткѣ, и пожалуй протянетъ не долго. Между глотками чаю онъ поминутно кашлялъ и, отплевывая въ платокъ мокроту, внимательно разсматривалъ ее. Потомъ тѣмъ же платкомъ вытиралъ потъ, при каждомъ приступѣ кашля выступавшій у него на лбу, блѣдномъ, морщинистомъ. Свѣшивавшіяся на лобъ короткія прядки жидкихъ бѣлокурыхъ волосъ мѣшали ему, и онъ то и дѣло раздраженно отбрасывалъ ихъ кверху. Отъ времени до времени онъ вскакивалъ, подходилъ то къ одному окну, то къ другому — посмотритъ, выскочитъ на минуту на галерею,—и опять къ столу за чай. А мать говоритъ ему:

— Вася!.. Вася!.. не волнуйся.

Вася опускалъ голову, мрачно задумывался и говорилъ:

— Да... передъ смертью все равно досыта не наглядишься.

Мать качала головой и, видимо давно уставшая отъ возни съ своимъ больнымъ, скорбная и въ то же время апатичная, утѣшала:

— Зачѣмъ такъ говорить! Какая смерть, когда лечиться надо и поправиться!

Вася опять вскакивалъ и порывисто подходилъ къ окну.

Въ ложбинѣ между горами онъ увидалъ деревню. Домики крѣпкіе, чистые, но вокругъ и около—огромныя кучи навозу и мусору. И онъ въ отчаяніи всплеснулъ руками, закачался изъ стороны въ сторону и вернулся къ столу. На лицѣ его была горькая ироническая улыбка. Мать смотрѣла на него печальнымъ задумчивымъ взглядомъ и молчала. И онъ сейчасъ же заговорилъ самъ, заговорилъ нервно, возбужденно, весь подергиваясь:

— Подлецы!.. Прямо—подлецы!.. Ты посмотри, мама, ты посмотри—этакій пейзажъ, и что̀ они изъ него сдѣлали! Вѣдь это одна красота—эта долина! Вѣдь это Тироль! И ты посмотри, ты посмотри—они, какъ свиньи, окопались кругомъ навозомъ. Вѣдь они мнѣ весь пейзажъ испортили!

Мать, немного повернувши голову, бросила бѣглый взглядъ въ окно и успокаивающимъ тономъ сказала:

— Вася! Да вѣдь ты понимаешь же, что мужикамъ навозъ нуженъ въ хозяйствѣ, что они вотъ сейчасъ будутъ вывозить его на поле, — такъ куда же имъ дѣваться съ нимъ?

— Куда? — возразилъ Вася тономъ оскорбленнаго. — Куда угодно, но только не подъ самый носъ себѣ! Спрячь, прибери! Отчего же у насъ въ имѣньи нѣтъ этого безобразія? А вѣдь и мы—земледѣльцы.

Онъ глухо закашлялъ, кашлялъ долго, отплюнулъ мокроту, посмотрѣлъ на нее и безпомощно опустилъ голову.

— Ну, хорошо,—опять успокаивала его мать:—у насъ такъ, у нихъ иначе. Какое тебѣ дѣло до того, какъ устроилась эта неизвѣстная тебѣ деревня? Всѣхъ не передѣлаешь.

Вася опять заволновался.

— Не передѣлаешь! Не передѣлаешь! У насъ всегда такъ. „Какое тебѣ дѣло?“ Никому ни до кого никакого дѣла нѣтъ. Мужика опекаютъ, мужика обираютъ, на мужикѣ верхомъ ѣдутъ, а культуру въ деревню внести—это не наше дѣло! Тутъ—никого не передѣлаешь! А потомъ въ результатѣ—революція.

Онъ обращался теперь уже не столько къ сидѣвшей противъ него матери, сколько къ стоявшему передъ нимъ наполовину отпитому стакану чаю, какъ къ кому-то незримо присутствующему, отвлеченному, но говорилъ все такъ же нервно, возбужденно:

— Да-съ, вотъ если-бъ вы своевременно заботились о томъ,

чтобъ въ деревняхъ была культура, у васъ не было бы революціи, да-съ! Народъ долженъ быть сытъ не только физически, но и духовно, да-съ! Онъ долженъ жить человѣческой, а не свинской жизнью. Онъ пейзажъ не долженъ портить, онъ пейзажемъ долженъ наслаждаться, любить долженъ пейзажъ! Потому и помѣщичьи усадьбы жгли, что понятія не имѣютъ о пейзажѣ. Хлѣбъ, дрова и водка—имъ больше ничего не надо!

Савельевъ съ Всеволодомъ въ это время уже расплачивались съ лакеемъ за чай и кушанье и встали, чтобы уйти опять на галерею, но между тѣмъ продолжали пока еще прислушиваться.

Вася говорилъ:

— И само правительство—развѣ оно понимаетъ что-нибудь въ пейзажѣ? Развѣ оно любитъ его, заботится о немъ? Защитные лѣса—это оно, спустя лѣто, наконецъ поняло. Додумалось. Доросло. А пейзажъ...

Онъ отчаянно махнулъ рукой и усиленно закачалъ головой. Потомъ, обращаясь уже прямо къ матери, саркастическимъ тономъ сказалъ:

— Помнишь, я въ прошлогоднюю поѣздку тебѣ показывалъ гдѣ-то въ Жегуляхъ, какъ они тамъ известнякъ добываютъ.

И опять волнуясь и подергиваясь, онъ говорилъ:

— Вѣдь Жегули-то эти цѣлому міру извѣстны! Вѣдь это позначительнѣе нѣмецкаго Рейна будетъ. Англичане смотрѣть пріѣзжаютъ,—съ ироніей произнесъ онъ послѣднюю фразу, сдѣлавъ удареніе на словѣ „англичане“. Съ горькой усмѣшкой онъ продолжалъ:—А мы что̀ изъ нихъ дѣлаемъ? Ломаемъ! Варвары! Вандалы! Фасадъ драгоцѣннѣйшаго зданія, воздвигнутаго для насъ, дураковъ, Господомъ Богомъ, мы ломаемъ на известку. Попробовали бы колонны Исакія или каріатиды Эрмитажа сломать на мостовую. Не позволятъ. А ломать фасадъ Жегулей можно? Я васъ спрашиваю: можно вмѣсто Божьей красоты водворять человѣческое безобразіе? Точно нельзя было добывать вашъ известнякъ шахтами, не трогая фасада горы. А вѣдь они, подлецы, весь фасадъ мнѣ испортили! Вѣдь когда они съ топоромъ да съ киркой пройдутъ такъ по всему фасаду Жегулей, англичанинъ смотрѣть ихъ не пріѣдетъ и шиллинги свои къ намъ не повезетъ! Къ чорту правительство, которое допускаетъ это!

Мать, все время покорно молчавшая, чтобы возраженіемъ не дать сыну новаго повода для волненія, теперь, робко оглянувшись по сторонамъ, тихо сказала:

— Вася, да правительство, можетъ быть, тутъ совсѣмъ ни

причемъ. Этотъ берегъ, вѣроятно, частная собственность того, кто устроилъ тутъ каменоломню.

Сынъ посмотрѣлъ на нее, на мгновеніе помолчалъ, но сейчасъ же закипятился снова:

— А! Частная собственность! Къ чорту частную собственность! Надъ народомъ, который не умѣетъ бережно обращаться съ такой рѣкой, какъ Волга, надо назначить международную опеку. Жегули—міровая собственность! А не частная! Да!..

Жестокій приступъ кашля заставилъ его остановиться. Онъ кашлялъ до слезъ. Потомъ, положивъ локти на столъ, опустилъ голову на ладони и замолчалъ.

Всеволодъ и Савельевъ вышли изъ столовой на галерею.

— Маніакъ!—съ сочувственной улыбкой сказалъ Всеволодъ.

— Что-жъ, онъ по-своему правъ,—въ раздумьи отозвался Савельевъ.

И Савельевъ мысленно продекламировалъ первыя строки любимаго имъ стихотворенія:

— „Люди живы—красотою,
Въ Божьемъ мірѣ разлитою"...

Они пошли по галереѣ, обошли пароходъ кругомъ и снова пошли отъ кормы къ носу, ища мѣстечка, гдѣ никто не мѣшалъ бы имъ разговаривать; но пришлось остановиться, гдѣ пришлось: вездѣ были сидѣвшіе на скамейкахъ или гулявшіе по галереѣ пассажиры.

Начало вечерѣть. Солнце уже стояло невысоко надъ нагорнымъ берегомъ, и во всю высоту этого берега уже легла на воду тѣнь. Зато тѣмъ ярче горѣла отъ солнца вся луговая сторона, вся ширь разлива. Точно серебряный съ прозолотью покровъ былъ надернутъ надъ всѣми буграми и ямами, скрытыми теперь подъ водой. Было тихо-тихо, вся рѣка задремала, и только быстрый ходъ „Боярыни" нарушалъ стукомъ своихъ колесъ эту тишь, рѣзалъ острымъ носомъ эту гладь и, вздымая волну, оставлялъ за собой далекій слѣдъ.

Савельевъ и Всеволодъ стояли рядомъ у перилъ галереи и смотрѣли на медленно развивавшуюся передъ ними панораму. Около нихъ теперь уже никого не было: стоявшая тутъ дама съ двумя дѣвочками отошла на другую сторону галереи, и никакому разговору никто бы не помѣшалъ. А они оба молчали. Не хотѣлось говорить. Обоимъ не хотѣлось поднимать со дна души всю муть, которая неизбѣжно поднималась при всякомъ воспоминаніи о пережитомъ, въ этотъ тяжелый годъ, при всякой

мысли о томъ, что̀ сулитъ ближайшее будущее. Кругомъ въ эту минуту все было такъ хорошо-хорошо, такъ чудно хорошо. Родная природа ласкала, какъ любящая мать, убаюкивала, и изъ-за ея ласкъ родная жизнь во всемъ ея разнообразіи казалась такой родной, такой нужной во всѣхъ ея мелочахъ, что хотѣлось все обнять и все и всѣмъ простить. Весна будила неясныя желанія; обоимъ хотѣлось жить, не думая ни о чемъ, жить, какъ живетъ растеніе, невидимо сосущее изъ земли питательные соки и отдающее пролетающему надъ нимъ вѣтру ароматъ своихъ цвѣтовъ. А оба ѣхали на „дѣло", ѣхали по назначенію „пославшихъ" ихъ продолжать ту „работу", на которую они вышли сначала съ увлеченіемъ и въ которую постепенно теряли вѣру. И они, на мгновеніе отдавшись созерцательному настроенію, молчали.

Но неугомонная мысль не хотѣла подчиниться молчанію. Одно за другимъ всплывали въ памяти воспоминанія, одно за другимъ наростали сомнѣнія.

Савельевъ думалъ:

„...Оно именно такъ и есть: онъ живетъ *красотою*. На немъ самомъ уже печать смерти. Не сегодня-завтра онъ умретъ, и ничего уже ему не будетъ нужно. А онъ волнуется и кричитъ: „они *мнѣ*, подлецы пейзажъ испортили". Для него Красота— богъ. Онъ знаетъ, что богъ безсмертенъ. Съ вѣрой въ бога— въ какого бы то ни было бога—не страшно умирать. Смерть соединяетъ тебя съ нимъ въ его безсмертіи. Но надо̀ молиться своему богу. И онъ молится. Этотъ вопль его о сохраненіи фасада Жегулей—это его предсмертная молитва. А я? А мы? Мы съ настоящимъ вандализмомъ разрушаемъ всѣ фасады ради призрачной побѣды сегодняшняго дня. И добро бы хоть съ вѣрой въ *своего*, въ новаго бога. А то и этого нѣтъ!.. О, я не дезертирую, я стойко умру на своемъ мѣстѣ, умру рядовымъ солдатомъ, но верните мнѣ вѣру въ геній нашихъ вождей и хотя бы въ простую толковость нашихъ вожаковъ!"

И одна за другой стали воскресать въ его воображеніи картины всего пережитого имъ въ качествѣ участника вооруженнаго возстанія въ Москвѣ, откуда удалось скрыться за „предѣлы досягаемости"...

Всеволодъ думалъ:

„...Надо же мнѣ, наконецъ, уяснить себѣ, что̀ я: соціалистъ или индивидуалистъ?.. На кой чортъ мнѣ соціализмъ, если онъ сдѣлаетъ меня рабомъ общества и лишитъ меня возможности проявлять мои индивидуальныя свойства? И другое—могу ли я

въ качествѣ соціалиста допустить, чтобъ кто-нибудь вообще жилъ несогласно съ нормами, выработанными большинствомъ?.. Хочу ли я этого? За что я борюсь?.. Я готовъ сложить голову за „прямое, всеобщее, равное, тайное“ безъ различія пола, а какаянибудь баба подастъ свой избирательный бюллетень за любого невѣдомаго ей кандидата, во имя котораго ей отвѣсятъ нѣсколько фунтовъ сухого компота къ престольному празднику. Да, престольные праздники и все, что̀ входитъ въ сферу ихъ вліянія, мы вѣдь не упразднимъ безъ насилія, а прибѣгнуть къ насилію для блага вѣрноподданныхъ соціализма—значитъ упразднить свободу. О, тысяча противорѣчій!“

И ему противъ его воли вспоминается родная усадьба и привольная жизнь, которую онъ велъ тамъ, вспоминаются ихъ квартеты, скрипка, прогулки верхомъ, вспоминается, его лихой вороной — все брошенное, оставленное; вспоминается, съ какимъ спокойствіемъ самоотреченія встрѣтилъ онъ извѣстіе о разгромѣ ихъ имѣнья, когда это извѣстіе косвеннымъ путемъ дошло и до него. И ка̀къ хотѣлось бы ему вотъ теперь, въ эту минуту душевнаго общенія съ родной Волгой, знать, что онъ, какъ бывало, ѣдетъ опять туда же, домой, въ Кукурановку, а не въ Москву, исполнять порученія партіи, въ успѣхъ и цѣлесообразность которыхъ онъ не вѣритъ и отъ исполненія которыхъ не отказывается только по тому же чувству, по какому солдатъ не бѣжитъ съ поля сраженія.

Воспоминанія бѣгутъ за воспоминаніями, и передъ нимъ рисуется образъ покойной сестрёнки Зины, которую онъ такъ любилъ, что, противорѣча самому себѣ, самъ оберегалъ ее отъ возможности заразиться революціоннымъ духомъ. И вдругъ, какъ будто совсѣмъ некстати, вспоминается старая газетная замѣтка о какомъ-то гимназистѣ въ Вѣнѣ, застрѣлившемся съ горя при извѣстіи, что буры признали себя окончательно побѣжденными, сдались англичанамъ и заключили съ ними миръ. Бѣдный мальчикъ такъ горячо вѣрилъ въ ихъ правоту, вѣрилъ, что *весь міръ* не допуститъ совершиться этому насилію сильнаго надъ слабымъ, что и буры скорѣе умрутъ всѣ до одного, чѣмъ сдадутся,—и вдругъ все кончилось такъ, какъ всегда все въ мірѣ кончалось.

И Всеволодъ подумалъ: „Да, для мальчика кончился весь созданный имъ въ его воображеніи идеальный міръ справедливости и остался ненавистный ему міръ насилія, міръ, который надо разрушить. И онъ разрушилъ его единственнымъ доступнымъ ему средствомъ—разрушить его въ себѣ самомъ, вмѣстѣ съ нимъ уничтожаясь“.

А стоявшій рядомъ съ Всеволодомъ Савельевъ думалъ о томъ, съ какимъ хладнокровіемъ революціонные комитеты посылали боевыя дружины на бойню. И сами вѣрили, и всѣхъ шедшихъ на смерть съумѣли увѣрить, что и войска-то къ нимъ пристанутъ, и Петербургъ вслѣдъ за Москвой возстанетъ... Но войска безпощадно избивали дружинниковъ, и Петербургъ съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ и революціонные комитеты, распоряжался кровавымъ представленіемъ. Савельеву вспоминается тотъ подъемъ духа, который былъ у него тогда въ Москвѣ,—и какъ далеко все это отъ его теперешняго настроенія! Видъ крови возбуждаетъ, вызываетъ озвѣрѣніе—да, но реакція неизбѣжна. Правительство безцѣльными убійствами, ссылками и казнями революціонеровъ озлобило самыхъ косныхъ обывателей и увеличило армію революціонеровъ сотнями тысячъ новообращенныхъ; но терроръ революціонный даетъ лучшіе результаты: онъ этихъ новообращенныхъ возвращаетъ въ лоно стараго режима. Терроръ правительственный питаетъ революцію, терроръ революціонный истощаетъ ее. О, какъ хотѣлось бы чего-то другого, свѣтлаго, умиротворяющаго! Вѣдь если революція на нелѣпый терроръ правительства не можетъ отвѣтить ничѣмъ, кромѣ террора, ея дѣло сведется къ нулю. Ханы, триста лѣтъ владычествовавшіе на Руси, не удержали ее. Христіанство разрушило древнюю культуру не терроромъ, не насиліемъ...

Со времени московскаго возстанія Савельеву не разъ приходило въ голову, что въ борьбѣ дружинниковъ съ войсками было не только истинно революціонное настроеніе, но была примѣсь чего-то спортивнаго. Вѣдь совсѣмъ еще не такъ давно перевелись на Руси кулачные бои. И въ Москвѣ „стѣнка на стѣнку ходили".

И теперь Савельевъ говоритъ Всеволоду:

— Знаешь, мнѣ сейчасъ пришло въ голову: какъ могли мы думать во время московскаго возстанія, что „армія", только-что проигравшая „партію" въ войнѣ съ Японіей, не будетъ отстаивать свою „боевую честь" въ борьбѣ съ революціонерами? Вѣдь это былъ для нея тогда вопросъ не просто *долга*, а и вопросъ азарта, тѣмъ болѣе для остававшихся дома лучшихъ полковъ.— Г, помолчавъ, онъ добавилъ: — Наши революціонные стратеги ‹ казались на этотъ разъ плохими психологами.

Всеволодъ, выбитый его замѣчаніемъ изъ колеи своихъ мы‹ ıей, отвѣтилъ ему не сразу и какъ-то нéхотя и растягивая ‹ эва:

— Да и вообще они плохіе стратеги и руководители.

Савельевъ чрезъ нѣкоторое время сказалъ:

— А я такъ думаю, что вообще все человѣчество до сихъ поръ оказывалось страшно бездарнымъ въ исканіи земли обѣтованной. Я прежде думалъ, что это только русскій народъ никакъ не умѣетъ порядочнымъ образомъ устроить свою жизнь, а теперь, провѣряя на своей шкурѣ западныя теоріи, убѣждаюсь, что человѣкъ, „вѣнецъ созданья“, „царь природы“, въ сущности недалеко ушелъ отъ слѣпого крота.

Оба опять замолчали и надолго погрузились въ созерцаніе величавой красоты Волги, и только Всеволодъ на мгновеніе нарушилъ молчаніе, тихо, точно про себя, сказавъ:

— А природа-то все-таки хороша... и жизнь прекрасна!..

На низовьяхъ Волги чаще другихъ груженыхъ баржъ на буксирахъ попадаются глубоко сидящія, низко-палубныя баржи-нефтянки. Щедрый даръ Кавказа—нефть—везутъ въ нихъ въ среднюю Россію. Вотъ сейчасъ „Боярыня“ обгоняетъ буксирный пароходъ съ двумя тянущимися за нимъ баржами. Всеволодъ уже присмотрѣлся къ нимъ и по башенкамъ на палубѣ ихъ узнаетъ нефтянки. Обѣ одинаково построены, одинаково окрашены: двѣ красавицы-сестры въ одинаковыхъ нарядахъ. Всеволодъ любуется ими и всматривается въ нихъ по мѣрѣ того, какъ „Боярыня“ догоняетъ ихъ.

По галереѣ проходитъ какой-то франтовато одѣтый, пожилой, довольно полный господинъ южнаго типа. Опредѣлить въ точности его національность было бы трудно: на Кавказѣ такіе не рѣдкость, на югѣ Россіи—тоже. Всеволодъ, взглянувъ на его самодовольное, сытое лицо, подумалъ про него: „армянинъ-рыбопромышленникъ“, а Савельевъ—„грекъ-экспортеръ“. Господинъ остановился около нихъ и посмотрѣлъ въ бинокль на нефтянки. Всеволодъ обратился къ нему:

— Позвольте на минуту вашъ бинокль.

Господинъ не совсѣмъ дружелюбно окинулъ взглядомъ блузу Всеволода и нéхотя протянулъ ему бинокль. Всеволодъ поблагодарилъ его кивкомъ головы и сталъ смотрѣть на красивыя баржи, и потомъ громко прочиталъ надписи, сдѣланныя крупными черными буквами на башенкахъ нефтянокъ, на одной—„Рахиль“, на другой—„Эсѳирь“.

И съ легкимъ поклономъ онъ возвращаетъ бинокль его владѣльцу.

Тотъ нисходитъ до нѣкоторой степени внимательности къ блузнику и, принимая бинокль, съ достоинствомъ произноситъ, кивнувъ въ сторону нефтянокъ:

— Ротшильдовскія.

Всеволодъ продолжаетъ смотрѣть на эти красивыя суда и любуется огромными тяжелыми канатами, соединяющими нефтянки съ буксирующимъ ихъ пароходомъ. „Боярыня“ теперь уже обгоняетъ ихъ, потомъ обгоняетъ и ихъ буксиръ-пароходъ, и Всеволодъ уже безъ бинокля различаетъ на кожухѣ этого, такого же красиваго, вылощеннаго, холенаго, какъ и сестры-нефтянки, парохода, крупную жирную надпись: „Горный Инженеръ Юлій Аронъ“.

— Ротшильдовскій! — опять съ достоинствомъ произноситъ снисходительный господинъ съ биноклемъ, и, отходя отъ молодыхъ людей, продолжаетъ свою прогулку по галереѣ.

Всеволодъ смотритъ ему вслѣдъ, переглядывается, молча, съ Савельевымъ, и они по одному этому взгляду понимаютъ другъ друга. Въ господинѣ „южнаго типа“ теперь оба улавливаютъ что-то еврейское, и то, какъ онъ произносилъ слово: „ротшильдовскія“, показалось имъ до смѣшного самодовольнымъ. Савельевъ улыбнулся злой улыбкой, а Всеволодъ, оперщись о тонкую желѣзную колонку навѣса галереи, на минуту закрылъ глаза рукой. У него защемило на сердцѣ. И снова—и въ который разъ!—вставалъ передъ нимъ вѣчно разрѣшаемый и никогда никѣмъ неразрѣшенный еврейскій вопросъ. Вопросъ о равноправіи людей всѣхъ расъ и религій, съ еврействомъ включительно, былъ для него давно рѣшеннымъ. Осуществленіе этого равноправія всегда казалось ему только дѣломъ времени—и притомъ болѣе или менѣе близкаго. Сколько разъ приходилось ему выдерживать горячіе споры, защищая равноправіе евреевъ, и никогда ни на одну минуту не колебался онъ высказаться въ положительномъ смыслѣ по этому вопросу. И вотъ теперь опять—на этой родной Волгѣ—этотъ вопросъ заставляетъ сжиматься его сердце и противъ его воли волнуетъ его.

— Знаешь, о чемъ я думаю сейчасъ? — обратился онъ къ Савельеву.

— Ну?

— А вотъ гляжу я на эти грандіозныя нефтянки и думаю: когда я давеча сказалъ тебѣ, что на пароходныхъ надписяхъ написана прошлая и настоящая жизнь Россіи, ты, смѣясь, прибавилъ: „можетъ быть, и будущая“. И вотъ она, эта *будущая*, уже написана. Гляжу я на этихъ сестеръ „Рахиль“ и „Эсѳирь“, буксируемыхъ этимъ прекраснымъ Ротшильдовскимъ „Инженеромъ“, который своей вылощенностью превосходитъ всѣ русскіе буксиры, и чувствую я, какъ какой-то голосъ около меня на-

смѣшливо шепчетъ: „Посторонитесь, вы, мученики Орды, благовѣрные князья тверскіе, суздальскіе, черниговскіе — строители, печальники земли Русской! Посторонитесь, вы, господа, русскіе духовные вожди — писатели — господинъ Некрасовъ, господинъ Жуковскій, Тургеневъ; посторонитесь и вы, господинъ Гоголь, вы, который писали о Руси, неудержимо мчащейся впередъ, какъ птица-тройка, заставляющая всѣ другіе народы и государства давать ей дорогу, — посторонитесь, господа: господинъ горный инженеръ Юлій Аронъ идетъ!"

Савельевъ сначала ничего не отвѣтилъ; потомъ медленно, тихо, точно съ какой-то мрачной покорностью, сказалъ:

— Придется—посторонимся. Ничего не подѣлаешь! Что-жъ, если русскій человѣкъ оказывается негоднымъ для новой жизни. Всякому овощу свое время. Мало ли что было хорошо и прекрасно прежде, и что жизнь вытѣсняетъ теперь. Переживаютъ только сильные. Быть можетъ, и русскій человѣкъ станетъ опять сильнымъ, а пока-что, эхъ! надо сказать правду—не годны мы для современной жизни.

Онъ закурилъ папиросу, затянулся и немного раздраженно продолжалъ:

— Посмотри ты на русскую натуру—что это такое! Чуть что не по немъ—духомъ упалъ, сейчасъ за водку, напился, какъ дѣло сдѣлалъ! А потомъ охи, ахи: „какія силы погибаютъ"!.. А по-моему, коли ты сила, стой, не ной, не выкидывай пьяныхъ выходокъ. И ужъ коли ты овладѣлъ персидской княжной—держи ее крѣпко, люби ее, умѣй постоять за нее. Эка невидаль, что ты умѣешь отрѣшиться отъ культуры, умѣешь умереть! А ты вотъ съумѣй, какъ этотъ жидъ Ротшильдъ, завладѣть этой культурой, сдѣлать ее мощнымъ орудіемъ твоей силы... и блага другихъ. Съумѣешь—большой ты народъ! Не съумѣешь—посторонись! Посторонись—Юлій Аронъ идетъ!

Въ отчаянныхъ нотахъ, звучавшихъ теперь въ его голосѣ, было что-то какъ бы пьяное. И какъ бы совсѣмъ пьяный стукнулъ онъ кулакомъ о барьеръ галереи, произнося послѣднія слова:

— И посторонимся, чортъ насъ всѣхъ побери!

Всеволодъ посмотрѣлъ ему въ глаза и съ улыбкой, немного задорно произнесъ:

— Ну, а ежели не посторонюсь?..

Савельевъ также улыбнулся и такъ же задорно отвѣтилъ:

— Врешь, посторонишься!

— Сомнительно!—отозвался Всеволодъ.

Оба помолчали. Заговорилъ теперь Савельевъ; и заговори

уже не въ тонѣ мрачнаго уничиженія, а въ тонѣ серьезной озабоченности:

— Эхъ, Всеволодъ! Хоть и революціонеры мы съ тобой, хоть и на всякіе подвиги готовы, но и сантиментальные же мы, братъ, съ тобой люди. А прогрессъ жизни—ты знаешь—сантиментальности не признаётъ. Прогрессъ—штука жестокая. Онъ не шутитъ. Онъ уничтожаетъ все слабое и оставляетъ только сильнаго. И вотъ, повторяю тебѣ: бариномъ ты родился, бариномъ и умрешь, хотя бы и на рабочей койкѣ. И вся наша интеллигенція, хотя бы и изъ мужиковъ вышедшая, вся русской барственностью заражена. И эта наша любовь къ русскому народу, къ его разнымъ тамъ особенностямъ,—все это, братъ, барская роскошь, все пережитки старины, отрыжка крѣпостной культуры. Давно вѣдь извѣстно, что добрый интеллигентъ мужика-то любитъ патріархально, какъ и старые добрые баре его любили. Любишь ты въ немъ патріархальность, доброту, сдержанность, смиреніе его любишь, незлобивость, нетребовательность. А вѣдь, согласись, этихъ качествъ для прогресса недостаточно,—недостаточно ихъ, чтобы человѣкъ могъ вырости въ самодовлѣющую личность.

Всеволодъ не отвѣчалъ, и Савельевъ чрезъ минуту заговорилъ снова:

— Надо не только внѣшне знать, но всѣмъ существомъ своимъ чувствовать мужицкую жизнь, чтобы понять всю невозможность русскаго мужицкаго прогресса. Въ смыслѣ того, что̀ можно было бы назвать эволюціей культуры, мы бездарны до ужаса. Укажи мнѣ, что̀ сдѣлалъ русскій мужикъ хорошаго, что̀ онъ внесъ новаго, оригинальнаго въ культуру; что̀ есть у него культурнаго, чему бы не научили его, иногда изъ-подъ палки, инструкторы-нѣмцы или тѣ же баре. Вѣдь ты пойми весь ужасъ: у мужика *потребностей* нѣтъ! Никакихъ культурныхъ интересовъ, ничего кромѣ инстинктовъ. Вѣдь самъ по себѣ онъ въ полномъ смыслѣ слова дикарь, на какой бы ступени благосостоянія онъ ни стоялъ. Всякое просвѣщеніе принято имъ извнѣ. Какъ въ промышленномъ отношеніи Россія была до сихъ поръ страной сырья, такъ и въ смыслѣ духовныхъ силъ она всегда поставляла только сырье, которое, какъ иностранными машинами, обрабатывалось иностранными идеями.

— Мы отстаемъ, это правда,—прервалъ его Всеволодъ:—но не наша вина, что мы въ исторической жизни моложе другихъ народовъ.

Савельевъ остановилъ его и продолжалъ:

— Хочешь искать оправданія въ томъ, что мы вышли на арену культурной жизни много позднѣе западныхъ народовъ— ищи; но оправданіе факта не отвергаетъ его существованія... Ты подумай: отъ насъ ни одинъ народъ ничего не заимствовалъ самобытнаго, русскаго. Потому что нѣтъ ея — этой русской самобытности. А та, которая есть, она обречена на вымираніе. Безобразенъ русскій народъ въ своей самобытности. Предоставь ему одному весь міръ — онъ весь міръ превратитъ въ хаосъ. Только пинки со стороны другихъ народовъ всегда заставляли и будутъ заставлять его идти съ другими въ ногу по пути всякаго, и внѣшняго, и внутренняго прогресса.

— Постой, — прервалъ его Всеволодъ: — мнѣ кажется, ты черезчуръ преувеличиваешь значеніе внѣшней культуры на счетъ культуры духовной, а вѣдь въ сущности только духовная сторона жизни и цѣнна; безъ внѣшней культуры,—той, въ которой насъ всегда опережалъ Западъ,—можно бы и обойтись, а въ области духовной и русская культура дала таки кое-что Западу.

— Полно, пожалуйста, — возразилъ Савельевъ: — оставь ты эти бредни. Прежде всего — никакой русской культуры нѣтъ. Русскую духовную самобытность уничтожилъ до тла Владиміръ Красное Солнышко, а русскую самобытность внѣшнюю—Петръ Великій. А затѣмъ — это величайшее заблужденіе думать, что возможна культура духовная безъ внѣшней. Именно развитіе-то внѣшней культуры всегда и переворачивало вверхъ дномъ всѣ нравственныя понятія, всю духовную жизнь. Мы потому и пользуемся только иностранными идеями, что ничего не изобрѣли въ области внѣшней культуры.

Увлеченные разговоромъ, Савельевъ и Всеволодъ не замѣтили, какъ около нихъ остановился и облокотился на перила, прислушиваясь къ ихъ словамъ, молодой человѣкъ въ сѣрой пиджачной парѣ, въ сапогахъ бутылками, въ черномъ шолковомъ картузѣ. По виду это могъ быть купчикъ. Лицо чисто русское. Здоровый, даже упитанный. Его замѣтилъ сначала Всеволодъ, потомъ обернулся на него и Савельевъ. Молодой человѣкъ не смутился, а напротивъ, былъ какъ будто обрадованъ обращеннымъ на него вниманіемъ. Онъ легкимъ кивкомъ поклонился имъ и скромно, но съ достоинствомъ, сказалъ:

— Извините, позвольте вамъ объяснить... это, конечно обидно русскихъ ругать,—и уже давно насъ всѣ за это не хвалятъ,—а что̀ вы говорите—правда-такъ-правда. Только, конечно не всѣ русскіе люди такіе. Есть которые и съ пониманіем

тѣ стало-быть и живутъ хорошо, и всякое дѣло дѣлаютъ какъ быть ему слѣдуетъ. Ну, а что касательно мужика, такъ это правда — все у него черезъ пень въ колоду. Въ особенности ежели взять мірское дѣло. Я вотъ служу по лѣсной части. Приказчикомъ.

Онъ назвалъ имя своего хозяина лѣсопромышленника и спросилъ:

— Можетъ быть, доводилось слыхать?

Всеволодъ отвѣтилъ за обоихъ:

— Нѣтъ, не знаемъ.

Приказчикъ съ тѣмъ же скромнымъ достоинствомъ сказалъ:

— Извѣстная фирма-съ,—и продолжалъ:— Вотъ я сейчасъ въ Царицынѣ плоты сдавалъ, а теперь опять вверхъ за другой партіей бѣгу.

Онъ на мгновеніе замолчалъ, чтобъ уловить нить прерваннаго разговора, и сейчасъ же опять заговорилъ:

— Такъ вотъ, я теперича хочу сказать: вотъ я все думаю, у насъ теперь революцію производятъ... оно понятно, я не хочу говорить, что это тамъ жиды или что, — это все, конечно, къ хорошему. Я хоть и при капиталѣ работаю и ни въ чемъ въ этомъ бунтѣ не участвую, а понимать все-таки могу. Только я такъ думаю, по моему разумѣнію, что тутъ все это дѣлается зря. Оно, для мужиковъ — отчего-же — хорошее дѣло сдѣлать можно. Да дѣлается-то оно неправильно, по-мужицки. Такъ я думаю, что тутъ въ этомъ дѣлѣ люди не практичные, не коммерческіе. Вы извините, господа, вы какъ: изъ революціонеровъ или нѣтъ?

Савельевъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, такихъ вопросовъ не задаютъ. Ежели вамъ для вашего разговора надо насъ считать революціонерами—считайте. А ежели хотите, чтобы мы въ черносотенцахъ состояли,—будь я это по вашему.

— Слушаю-съ,—шутливо отозвался приказчикъ.—Самъ-то я по желанію хозяина въ октябристской партіи причисленъ и голосъ мой за нихъ подавалъ. Ну, а въ мысляхъ-то я такъ чуточку полѣвѣе буду.

Онъ усмѣхнулся, и въ его немного лукавомъ взглядѣ Савельеву показалось, что онъ говоритъ искренно.

Приказчикъ продолжалъ:

— Такъ вотъ я такъ думаю: коли бы да ежели этую самую революцію поручить настоящему торговому человѣку, онъ бы это все совсѣмъ иначе обработалъ. Я вамъ такой анекдотъ

для примѣра скажу. Вотъ мы лѣсъ для сплава вырубаемъ, такъ у насъ такой порядокъ заведенъ. Купленъ, скажемъ, лѣсъ на вырубку смѣшанный. Тутъ все есть: и крупный соснякъ—такой, что два человѣка еле обхватятъ; и жердинникъ попадаетъ — молоднякъ; и липки — маленькія и покрупнѣе—въ смѣшанномъ старомъ лѣсу всего найдется, все равно, какъ, скажемъ, въ нашемъ государствѣ: чего хочешь, того просишь.

Онъ на минуту пріостановился и сейчасъ же дѣловитымъ тономъ продолжалъ:

— Ну вотъ, мы стало-быть по коммерчески приступаемъ къ вырубкѣ. Сначала я велю рубить самыя маленькія липки. Это мы стало-быть уберемъ и сложимъ прямо въ кубическія сажени. Эти липки у насъ свое мѣсто найдутъ: шкурки мы съ нихъ сдеремъ на лыки, лыки на лапти продадимъ, или на другія тамъ потребы, а мелкій липнячокъ еще и на уголья пристроить можно. Потомъ липнякъ покрупнѣе вырубаемъ. Съ этого опять кору сдеремъ, эта кора ужъ на лубокъ пойдетъ. Лубокъ либо на подѣлки, на крыши, на короба, либо на мочало. А дерево-то самое годится на дрова,—дрова-то эти на пороховые заводы продаемъ, — а которое дерево получше, такъ и не на дрова, а тамъ куда свое примѣненіе найдетъ. Потомъ, значитъ, рубимъ мелкій молоднякъ—елку или, тамъ, сосенку. Это у насъ на плетень или на частоколъ идетъ. Покрупнѣе—на колья. Потомъ опять начнемъ рубить все которое потоньше да потоньше. Стало-быть—жерди, слеги, а потомъ ужъ всякій мелкій лѣсъ пойдетъ. И ужъ только, какъ все-то вокругъ очистимъ, тогда и начнемъ рубить, пилить отъ корня самое что̀ ни на есть крупное дерево.

Онъ произнесъ послѣднія слова какъ-то особенно внушительно и съ видимой любовью къ своему дѣлу. Потомъ, пристально посмотрѣвъ въ глаза обоимъ товарищамъ, спросилъ:

— Видали вы, господа, какъ лѣсъ рубятъ?

Оба отозвались:

— Видали... немного. Не крупный.

Приказчикъ съ достоинствомъ знающаго человѣка продолжалъ разсказывать:

— Такъ вотъ, я вамъ доложу, этакое-то большое дерево, какъ подрубятъ его съ одной стороны, а съ другой пилить начнутъ, вотъ оно на подрубленную-то сторону потомъ и кинется. Тутъ ужъ отъ комля сторонись—потому, какъ ежели онъ сажени на три съ пенька-то отскочитъ, да попадешь подъ него — тебя, какъ лягушку ногой, раздавитъ. Какъ грохнется этакая-то

штука на землю, такъ не только суки въ три-четыре вершка толщиной, а ежели вдругъ попадетъ ему на пути паденія-то его другое большое дерево, такъ оно и у другого вершину въ пять-шесть вершковъ такъ и снесетъ, какъ обрубитъ.

Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Вотъ, стало-быть, и надо этихъ большихъ великановъ-то такъ рубить и въ такую сторону ронять, чтобы ужъ они по дорогѣ другихъ-то не ломали. А срубишь его толкомъ-то—изъ него уже всякаго лѣсу наберешь: тутъ на брусья, на выпилку—комли пойдутъ, тутъ толстущее бревно изъ середины выйдетъ, а изъ вершины да сучьевъ—дрова, ну, словомъ, вотъ вы видите, какъ при нашемъ дѣлѣ никакая самая мелкая штука не должна пропасть. А все оттого, что въ порядкѣ дѣло начинаютъ, по-коммерчески. А посмотрите-ка въ какомъ порядкѣ лѣсъ у мужиковъ. Въ мужицкомъ лѣсу—кому что̀ надо, тотъ пошелъ и вырубилъ. Понадобилось одно бревно—вырубилъ, повалилъ, а сколько другого лѣсу переломалъ-перепортилъ—это не въ счетъ. Бревно вырубилъ, вершину тутъ же бросилъ, сучки бросилъ,—все лежитъ, гніетъ. Вотъ нашему брату, торговому-то человѣку, какъ придти въ крестьянскій лѣсъ, такъ сердце, глядя, надрывается, до чего онъ испакощенъ. Нѣтъ такого мірского лѣса, въ которомъ бы трущобъ не было.

Приказчикъ говорилъ это съ такой досадой, точно это касалось его близко. А у Савельева мелькнуло воспоминаніе о лѣсѣ родной деревни, гдѣ и онъ встрѣчалъ эти безпорядочныя порубки.

Приказчикъ продолжалъ:

— Намъ, конечно, крестьянскій лѣсъ на вырубку покупать не приходится. Такъ онъ испакощенъ, что и вырубка-то его не всегда коммерческій разсчетъ оправдаетъ.

Всеволодъ понималъ уже, къ чему онъ клонитъ, но, чтобъ сократить его словоохотливость, онъ прервалъ его словами:

— Позвольте, мы лѣсомъ торговать не собираемся. Почему вы посвящаете насъ въ ваши коммерческія тайны?

Приказчикъ немного смутился, покраснѣлъ, сбавилъ самоувѣренности и уже скороговоркой поспѣшилъ высказать свою мысль:

— Извините, если что̀ лишнее сказалъ. Ужъ какъ умѣю. Изъ пѣсни слова не выкинешь. А рѣчь моя была собственно къ тому, что вотъ теперь стало-быть вся наша революція, она вотъ какъ крестьянскій лѣсъ: кому какое дерево надо, тотъ то валитъ. Не разбирая, что по дорогѣ сколько онъ добра пере-

портилъ, а то еще свалитъ да и вовсе не увезетъ. Не подъ силу. Возьметъ да и броситъ. Такъ же вотъ теперь всю Россію, можно сказать, въ трущобу превратили. И трудно будетъ въ ней послѣ разобраться—не пролѣзешь. То-есть, настоящему коммерческому человѣку и подступаться теперь къ этому дѣлу не захочется.

Онъ перевелъ дыханіе и, снова впадая въ тонъ свѣдущаго въ своемъ дѣлѣ человѣка, съ большой увѣренностью произнесъ:

— А кабы спервоначалу люди съ умомъ взялись, кабы этимъ дѣломъ, скажемъ, настоящіе коммерсанты руководствовали, они бы и себѣ, и людямъ большую пользу принести могли.

Всеволодъ выслушивалъ всѣ эти разсужденія съ немного иронической добродушной улыбкой, а Савельевъ все время очень серьезно глядѣлъ приказчику въ глаза. Но пускаться съ нимъ въ разговоры о революціи они не хотѣли, боясь провокаторства. И пользуясь тѣмъ, что къ ихъ случайному собесѣднику подошелъ другой такой же молодецъ, вѣроятно, его знакомый, заговорившій съ нимъ о времени вечерняго чаепитія, они оставили ихъ вдвоемъ и отошли.

Остановясь опять на свободномъ мѣстѣ, они нѣкоторое время простояли молча. На дали разлива догоралъ закатъ, всѣ оттѣнки красновато-золотистыхъ лучей, смѣняя другъ друга, пробѣгали по зеркалу воды и разсѣяннымъ на немъ буграмъ и кустамъ. Картина своей красотой заставила ихъ на минуту оторваться отъ мыслей, навѣянныхъ только-что бывшимъ разговоромъ. Первымъ заговорилъ Савельевъ. Тономъ горькой ироніи онъ сказалъ:

— Распроклятая русская жизнь! Вотъ она: отвергаешь ее, бранишь русскій народъ, отвергаешь у него всякую способность къ оригинальности, а онъ возьметъ, да и поднесетъ тебѣ что-нибудь неожиданное. Слушалъ я сейчасъ, слушалъ, да и думаю: а вѣдь этотъ дуракъ правъ.

Всеволодъ, которому разсужденія приказчика казались только забавными, спросилъ:

— Почему ты думаешь?

Савельевъ помолчалъ, исподлобья взглянулъ на товарища и спросилъ:

— Вѣришь ты вообще въ соціализмъ?

Всеволодъ отвѣтилъ не сразу, но зато съ увѣренностью:

— Вѣрю. — И сейчасъ же прибавилъ: — А ты?

— И я.

— Такъ въ чемъ же дѣло? — спросилъ Всеволодъ.

Савельевъ спросилъ:

— А въ русскій соціализмъ вѣришь?

— Въ какой русскій? Въ чемъ его сущность?

— Не въ особенный, а въ способность русскаго человѣка къ соціализму.

— Ну, — вѣрю.

— А я нѣтъ.

— Почему же? Сейчасъ же сказалъ ты про приказчика, что „этотъ дуракъ“ поднесъ тебѣ что-то оригинальное, такъ почему же ты не допускаешь способности такихъ русскихъ дураковъ къ соціализму?

— Потому что этотъ дуракъ—онъ умный. Онъ—исключеніе. А масса—они будутъ бездарны. Этотъ и теперь въ правящихъ классахъ—или, по крайней мѣрѣ, около нихъ—и въ новомъ соціальномъ строѣ будетъ тамъ же. А я говорю о всемъ русскомъ народѣ. Соціализмъ—это штука нѣмецкая. Русскій мужикъ обращаться съ этой машиной не привыкъ — да его и не пріучишь. Вдумайся только хорошенько, чтò это такое—вся эта соціальная механика. Вѣдь это будетъ гораздо сложнѣе и труднѣе для каждой отдѣльной личности съумѣть найти свое мѣсто въ этомъ *справедливомъ* строѣ. Тамъ ты будешь не просто человѣкъ самъ по себѣ, тамъ ты — еще слагаемое той суммы общаго труда, которую безнаказанно никто не имѣетъ права уменьшать. Ты будешь отвѣтственъ за самого себя, за свою долю-судьбу не только предъ самимъ собою, ты отвѣтственъ передъ всѣми за успѣхъ общаго дѣла.

— Хорошо, — сказалъ Всеволодъ: — но я не вижу, въ чемъ тутъ разница условій для русскаго народа и въ чемъ преимущество нѣмца.

— А вотъ въ чемъ, — отвѣтилъ Савельевъ: — вникни. И въ соціалистическомъ строѣ, какъ и теперь, будутъ руководители и будутъ исполнители. На долю однихъ — забота, на долю другихъ—трудъ. На трудъ русскій человѣкъ еще окажется способнымъ, на заботу—нѣтъ. А такъ какъ идеальное развитіе соціалистическаго государства предполагаетъ уничтоженіе границъ и объединеніе всѣхъ народовъ въ одно государство, то въ той части Европы, которая теперь называется Россіей, *заботу, руководительство* возьметъ на себя нѣмецъ. Въ *справедливомъ* строѣ блага жизни будутъ распредѣляться по заслугамъ, по талантамъ и важности труда. Руководитель цѣннѣе чернорабочаго. И мѣста, гдѣ будетъ хорошо вознаграждаться умѣлая забота, всѣ будутъ расхапаны и взяты нѣмцами. На долю русскихъ останется только

роль рядовыхъ. Можетъ быть, въ общемъ благосостояніе массъ настолько улучшится, что тогдашняя роль рядового будетъ лучше, чѣмъ его положеніе теперь, но во всякомъ случаѣ это положеніе будетъ подчиненное. Русакъ всегда будетъ на заднемъ планѣ, за исключеніемъ немногихъ единицъ, тѣхъ истинныхъ талантовъ, характеровъ, которые и при всякомъ строѣ умѣли пролагать себѣ дорогу къ независимости и благосостоянію. Вотъ я сейчасъ возвращаюсь съ Кавказа. Мы, русскіе, покорили Кавказъ, мы завладѣли имъ. Наша геройская борьба съ геройскимъ народомъ горцевъ кончилась нашимъ владычествомъ. Но что̀ собственно получилъ отъ этого на Кавказѣ русскій человѣкъ? Посмотри на Тифлисъ, Батумъ, Баку, — все лучшее, все наиболѣе прибыльное въ рукахъ армянъ, евреевъ, татаръ. Посмотри на русскаго мужика, пришедшаго на Кавказъ, — онъ тамъ чернорабочій. Посмотри на русскую культуру на Кавказѣ — стыдно сказать, до чего мало сдѣлано. Вѣдь будь Кавказъ въ рукахъ иностранцевъ, тѣхъ же англичанъ, развѣ онъ былъ бы тѣмъ, что̀ онъ теперь. Вотъ, насмотрѣвшись на все это, я и думаю, что когда русская земля обратится въ совершенную, стройно-работающую соціальную машину, русскому народу будетъ отведено въ этой машинѣ очень мало почетное мѣсто. И по справедливости! Даже и грустить объ этомъ не приходится. Потому что машина эта будетъ требовать величайшей точности, ибо машина будетъ вырабатывать *справедливость*. И нѣмцы не допустятъ ни малѣйшаго нарушенія ея точности. Не допустятъ!

— Допустимъ, что это такъ, — сказалъ Всеволодъ: — и что это очень грустно, если твоя гипотеза вѣрна. Но во всякомъ случаѣ ты самъ признаешь, что общій уровень благосостоянія массъ даже, какъ ты говоришь, бездарнаго русскаго мужика, будетъ значительно выше, чѣмъ теперь. Слѣдовательно, у него, будетъ возможность развиваться и совершенствоваться. И тогда та бездарность, которая является теперь слѣдствіемъ его сквернаго матеріальнаго положенія, можетъ быть, окажется совсѣмъ не такой безнадежной, какъ ты думаешь, а напротивъ — тогда-то именно русскій народъ и проявитъ всю мощь русскаго духа.

Савельевъ усмѣхнулся.

— Дай Богъ нашему теленку волка съѣсть, — сказалъ онъ. — Пора бы давно оставить это сваливаніе собственной вины на вину обстоятельствъ. Ну, пусть русскій народъ будетъ развиваться въ благопріятныхъ условіяхъ новаго строя не по днямъ —

по часамъ, пусть, проспавъ тридцать лѣтъ и три года и проснувшись, сразу надѣнетъ нѣмецкаго производства семимильные сапоги и пойдетъ-пойдетъ шагать. Ну, а что же ты думаешь — въ это время другіе-то отставать, что-ли, будутъ? Вѣдь они въ свою очередь будутъ идти дальше и дальше; и, уже теперь занимая привилегированное положеніе болѣе умныхъ, талантливыхъ и работоспособныхъ единицъ, съумѣютъ же они не только удержаться на высшемъ уровнѣ, но и подниматься еще выше. Вѣдь введеніе новаго соціальнаго строя дѣлается не для того, чтобы принизить талантливую личность, а чтобы дать ей болѣе благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія безъ различія національности. Такъ тѣ, кто это сможетъ, тѣ и пойдутъ впередъ, а кто отстанетъ — отстанетъ. Съ горечью надо сознаться, что этими отсталыми скорѣе всего будемъ мы. И я даже думаю, что мы будемъ не только отсталыми, но и вѣчно возмущающимися противъ соціалистическаго строя и вѣчно укрощаемыми. И чѣмъ будетъ онъ сложнѣе, чѣмъ справедливѣе, тѣмъ больше мы будемъ вносить въ него безпорядка, тѣмъ больше будемъ *мы* страдать отъ *него*, а *онъ*—отъ *насъ*.

— Почему?—съ недоумѣніемъ сказалъ очень серьезно Всеволодъ.—Кажется, до сихъ поръ русскій народъ считался самымъ справедливымъ.

— Считался! — повторилъ за нимъ Савельевъ протестующимъ тономъ. — Да, считался. И пусть его считается! Но ты вдумайся-ка хорошенько въ русскую справедливость: она особенная. Справедливость должна быть въ концѣ концовъ такъ неопровержима, какъ математика: дважды два — четыре. А въ понятіи русскаго народа справедливость — это то, что у нихъ называется „спасеніе души", и то, что Ницше назвалъ бы величайшей несправедливостью по отношенію ко всякому сильному индивидууму и по отношенію къ прогрессу, который, какъ мы давеча говорили, не знаетъ сантиментальности. Въ будущемъ соціалистическомъ строѣ русскій народъ столкнется съ двумя понятіями о справедливости: съ жестокой справедливостью прогресса и съ распускающей нюни справедливостью русскаго великодушія. Онъ и тогда станетъ возмущаться и съумѣетъ, какъ теперь, геройски умереть за свое право быть сантиментально ѣнивымъ, неаккуратнымъ, распущеннымъ. Вотъ почему я не ѣрю въ *русскій* соціализмъ.

— Что же, неужели ты готовъ былъ бы отречься отъ всего, гò мы съ тобой до сихъ поръ дѣлали?—сказалъ Всеволодъ.

— Отречься? — Нѣтъ! — отвѣтилъ Савельевъ. — Отрекаться

поздно! Да и не къ чему. Я вѣрю въ торжество сильнаго. Вѣрю, что ницшеанство совмѣстимо съ соціализмомъ. Вѣрю, что эволюцію идеи, ея воплощеніе въ жизнь, ничѣмъ остановить нельзя. Но въ моей душѣ сидитъ моя русская наслѣдственность, любовь ко всему родному, и я не могу не страдать, сознавая, что этому народу, къ которому я принадлежу, который я такъ люблю, придется еще долго и долго страдать.

Послѣ минутнаго молчанія Всеволодъ спросилъ Савельева:

— Послушай, ты сказалъ, что не вѣришь въ русскій соціализмъ. Такъ за что же ты въ такомъ случаѣ борешься?.. А въ революцію — вѣришь?

Савельевъ въ раздумьи помолчалъ и потомъ заговорилъ сначала медленно, слово за словомъ, точно самому себѣ уясняя свой отвѣтъ:

— Я вѣрю въ то, что необходимо было проснуться. Необходимо было стряхнуть все то безобразное, что вѣками накопилось на русской жизни. Необходимо было очиститься, переболѣть. Я признаю, что совершился страшный подъемъ народнаго духа, что мы выросли, что мы стали другими и, несмотря на всѣ признаки тяжкой болѣзни, внутренно мы крѣпнемъ, здоровѣемъ. Но въ успѣхъ революціи, въ томъ духѣ, какъ она была начата, не вѣрю. Мы опять отброшены назадъ, и опять придется много-много лѣтъ дѣлать черную работу подготовки къ новой попыткѣ устройства лучшаго будущаго. Теперь дѣло соціальной революціи на Руси въ худшемъ положеніи, чѣмъ оно было въ началѣ ея.

Сказавъ это, онъ рѣзко остановился, какъ будто обдумывая, не взять ли свои слова обратно. Но, помолчавъ, уже съ большей горячностью, быстрѣе и громче продолжалъ:

— Сколько горькихъ истинъ можно было бы сказать всѣмъ, кто являлся ея руководителями! Но гдѣ они, эти главные? Гдѣ виновники, на кого можно возложить отвѣтственность за всю неудачу, за весь неуспѣхъ?.. Развѣ только на самый народъ. Стихійно выступилъ, показалъ всѣ недостатки стихійныхъ выступленій въ такомъ дѣлѣ, какъ организація новаго строя, стихійно же и проваливается... Неудача нашей революціи служитъ, можетъ быть, косвеннымъ подтвержденіемъ, что на Руси еще н- возможно сейчасъ осуществить соціальныя теоріи чрезъ народ . Если бы у насъ соціалистическій строй вводилъ Петръ В- ликій—онъ бы осилилъ это, сдѣлалъ. У русской революціи : хватало диктатора или диктаторовъ-олигарховъ. Въ этомъ—ея г- родное величіе, но въ этомъ же и ея слабость. Разгару ре-

люціи содѣйствовали ошибки *отсталаго*, но *властнаго* правительства. Безъ этихъ ошибокъ революціонная волна не поднялась бы такъ высоко...

— Святая истина!—съ усмѣшкой замѣтилъ Всеволодъ.

— Даже труизмъ,—равнодушно согласился Савельевъ.—Но труизмъ и то, что ошибки революціи вызвали прочную реакцію въ самомъ народномъ сознаніи, и теперь—и надолго—никакой революціонный геній не въ состояніи былъ бы исправить испорченное.

— Ты забываешь *отсталое* и *властное* правительство,—съ прежней усмѣшкой замѣтилъ Всеволодъ:—оно опять заботливо сжимаетъ пружину, чтобъ возстановить ослабѣвшій духъ революціи.

— Ну, теперь и правительство кое-чему научилось.

— И выученное сейчасъ же забыло.

— Не настолько, чтобъ не съумѣть еще выдержать долгую борьбу.

Сказавъ эти слова, Савельевъ съ видомъ безнадежности покачалъ головой. Потомъ спокойнымъ тономъ сказалъ:

— Мнѣ теперь иногда кажется яснымъ, какъ день, что всѣмъ партіямъ пора заключить общій миръ. Для всѣхъ равно безумно стремиться къ недостижимому, а все, что̀ осталось еще возможнымъ достичь той или другой сторонѣ, можетъ быть разрѣшено уже третейскимъ судомъ,—въ широкомъ смыслѣ этого слова,—будетъ ли этимъ судомъ Дума, или свободная печать—все равно. Кровавая борьба съ той и съ другой стороны безцѣльна. Остановитесь!—вотъ что̀ иногда хочется сказать и чужимъ, и своимъ.

Онъ на минуту задумался, потомъ тихо, грустно произнесъ:

— Но... да, вотъ проклятое но: сказать этого нельзя, потому что *война* продолжается. Моментъ, когда воюющія стороны признаю̀тъ, что пора обратиться къ третейскому суду, еще не наступилъ. И до тѣхъ поръ съ болью въ сердцѣ идешь, какъ на враговъ, на тѣхъ, съ кѣмъ хотѣлъ бы примиренія.

Всеволодъ задумчиво смотрѣлъ въ лицо товарищу и молчалъ. Потомъ сказалъ:

— Да! Грустно влачить эту жизнь! Жизнь человѣка, понимающаго безысходность безуспѣшной борьбы. Чувствуешь, что ты погибнешь зря—и въ то же время не можешь, не хочешь отречься отъ этой гибели!.. Знаешь, что всѣ наши усилія побороть сейчасъ правительство безсильны, но знаешь также, что безсильно и оно уничтожить элементы революціи. По мнѣ—пра-

вительство находится въ положеніи тѣхъ канониковъ, которые заставляли Галилея отречься отъ великой истины.

Савельевъ такъ же съ глубокой задумчивостью смотрѣлъ теперь въ лицо Всеволоду. И при послѣднихъ словахъ его взялъ его руку въ свою и крѣпко пожалъ ее. Потомъ спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ сказалъ:

— Да... Но вотъ не правительство, не каноники, а сама жизнь—все совершающееся сейчасъ вокругъ меня заставляетъ меня отречься отъ надежды на успѣхъ...

Онъ сдѣлалъ паузу и потомъ рѣшительно произнесъ:

— И все-таки я чувствую, какъ внутри, въ душѣ моей, мощный голосъ говоритъ мнѣ: „а все-таки она вертится"!

Пароходъ подходилъ къ Саратову. На берегу уже свѣтились огоньки и уже давно начали обрисовываться береговыя зданія,— теперь они были видны отчетливо и ясно. При высокой водѣ никакія мели не отдѣляли городъ отъ пароходныхъ пристаней, и пловучія пароходныя конторки издали сливались съ жилыми постройками на берегу.

Савельевъ пошелъ собирать свои вещи. Всеволодъ, чтобы не обратить на ихъ близость ничьего вниманія, остался пока на галереѣ. Но онъ рѣшилъ проводить товарища на берегъ, тѣмъ болѣе, что они вмѣстѣ уже выходили погулять на берегу при остановкахъ парохода на предыдущихъ попутныхъ пристаняхъ.

Конторка волжской пристани была переполнена народомъ: тутъ были и встрѣчающіе, и уѣзжающіе, и масса гуляющей публики. Весной пароходныя пристани служатъ здѣсь любимымъ мѣстомъ прогулки, а пароходы—пловучими ресторанами. Пароходы стоятъ по нѣскольку часовъ. Гуляющая публика наполняетъ на это время столовыя и галереи перваго и второго класса, пьетъ, ѣстъ, шумитъ, смѣется. Въ этой суетѣ отдѣльный человѣкъ легко затеривается.

Никто, повидимому, не обращалъ вниманія на Савельева и Всеволода, когда они сходили съ пароходнаго трапа на пристань. Савельевъ, держа одинъ узелокъ, а Всеволодъ,—помогая ему,— другой. Помощникъ капитана, стоявшій у сходней и отбиравшій билеты уходящихъ пассажировъ, отобралъ билетъ Савельева и запримѣтилъ лицо Всеволода, когда тотъ сказалъ, что вернется на пароходъ и что ѣдетъ до Нижняго.

Полиція въ это время на пристани всегда неизбѣжна,—сегодня она была въ усиленномъ составѣ: тутъ оказался и полиціймейстеръ, и частный приставъ, и нѣсколько городовыхъ, и жандармы.

Савельевъ и Всеволодъ, не обращая на нихъ вниманія, шли мимо нихъ, какъ будто не замѣчая никого. Савельевъ поспѣшилъ нанять извозчика и, прощаясь съ Всеволодомъ, всталъ ногой на подножку. Узлы его положили—одинъ на колѣни извозчику, другой — въ дрожки на сидѣнье. Всеволодъ протянулъ ему на прощанье руку.

Но въ это время передъ извозчичьей лошадью выросъ городовой, а около дрожекъ выступили изъ толпы еще городовой и жандармы и вслѣдъ за ними частный приставъ.

Обращаясь къ молодымъ людямъ, приставъ рѣзко, повелительно сказалъ:

— Я васъ обоихъ арестую.

— Это за что?—воскликнулъ Всеволодъ, блѣднѣя.

Савельевъ спустилъ ногу на землю, хладнокровно посмотрѣлъ на полицейскаго, оглянулся по сторонамъ и, не сказавъ ни слова, машинально протянулъ руку къ карману.

Но уже жандармы схватили его за обѣ руки, а въ его карманѣ шарилъ городовой и, вытащивъ оттуда великолѣпный parabellum, показалъ его, какъ трофей, приставу.

— Но позвольте же, за что? за что?—продолжалъ волноваться Всеволодъ, теперь тоже схваченный мускулистыми руками жандармовъ и обыскиваемый.

— Объ этомъ узнаете потомъ,—сказалъ ему приставъ спокойно и вѣжливо.—Прошу не противиться.

Рука пристава все время лежала на кобурѣ револьвера, рука стоявшаго около него казака—на эфесѣ шашки.

Всеволодъ взглянулъ на Савельева, на его освѣщенное отсвѣтомъ уличнаго фонаря, хотя спокойное, но поблѣднѣвшее лицо и понялъ, что приходится подчиниться. Онъ все-таки пробовалъ протестовать:

— Здѣсь, вѣроятно, недоразумѣніе... Позвольте... я ѣду въ Нижній, тутъ въ карманѣ мой билетъ.

— Потрудитесь садиться!—сказалъ приставъ, указывая ему на подъѣхавшаго извозчика, на которомъ уже сидѣлъ городовой.

Всеволодъ пожалъ плечами, нервно усмѣхнулся и сказалъ:

— Позвольте, но у меня тамъ на пароходѣ мои вещи.

Приставъ отвѣтилъ:

— Уже сдѣлано распоряженіе взять ихъ.

Всеволодъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сказалъ:

— Но позвольте, я долженъ указать ихъ.

Приставъ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Уже безъ васъ знаютъ.

Всеволодъ опять посмотрѣлъ на него. Потомъ, переведя г
въ сторону, онъ вдругъ замѣтилъ за спиной пристава
знакомые сѣрые глаза: Глаза нагло смѣялись изъ-подъ ко
бѣлой чичунчовой фуражки, и Всеволодъ сразу узналъ ихъ.
господинъ въ чичунчѣ ѣхалъ съ ними на „Бояринѣ",
тамъ и по галереѣ, проходилъ раза два и по нижней
между койками третьяго класса, гдѣ Всеволодъ съ Савель
занимали мѣста, и потомъ, кажется, былъ въ числѣ пе
сошедшихъ здѣсь съ парохода на пристань.

„Шпикъ",—подумалъ только теперь про него Всевол

— Вотъ это ваши вещи?—обратился съ вопросомъ к
володу приставъ, заставивъ его оглянуться назадъ, туда,
пароходной конторки сходилъ матросъ, неся чемоданъ и
токъ въ ремняхъ. А рядомъ съ матросомъ шелъ грубаго
парень - чернорабочій. Всеволодъ узналъ и свои вещи, и
чернорабочаго. На пароходѣ парень сидѣлъ наискось отъ
занятаго Савельевымъ, и все время молчалъ. Его лицо ка
Всеволоду такимъ непріятнымъ, въ его молчаливости была
животная тупость, что Всеволодъ сразу замѣтилъ его и
минилъ; но во все время пребыванія на пароходѣ онъ отн
къ этому парню съ тѣмъ безразличіемъ, съ какимъ отн
ко всякой, стоящей у васъ на пути, но нисколько для ва
интересной вещи. Теперь ему было ясно, что и это был
щикъ, и что пока они съ Савельевымъ рѣшали будущія
Россіи, ихъ собственная судьба была уже предрѣшена
деніями за ними двухъ агентовъ тайной полиціи.

Всеволодъ посмотрѣлъ теперь приставу въ лицо и с
запно охватившимъ его озлобленіемъ рѣзко произнесъ:

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! Когда же, наконецъ, ко
эта охота за живыми людьми!

А приставъ смотрѣлъ ему въ глаза съ безмятежной ул
человѣка, подстрѣлившаго хорошую дичь. Въ этомъ взгляд
володъ читалъ торжество, этотъ взглядъ безъ словъ гов
ему: теперь на нашей улицѣ праздникъ!

Всеволодъ въ свою очередь зло улыбнулся ему, потом
помня себя отъ озлобленія, рѣшительно вскочилъ на др
сѣлъ рядомъ съ городовымъ и, топнувъ о дрожки ногой,
вающимъ тономъ произнесъ:

— А все-таки „она вертится"!..

Ал. Луговой.

АНГЛІЙСКІЕ РАДИКАЛЫ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX-го ВѢКА

Изъ исторіи борьбы за парламентскую реформу.

I.

Наканунѣ парламентской реформы.

Борьба за свободу и расширеніе политическихъ правъ всюду и вездѣ представляетъ много сходнаго, несмотря на глубокую разницу въ условіяхъ, при которыхъ въ разныхъ странахъ борьба эта происходитъ. Трудно представить себѣ болѣе глубокое различіе, чѣмъ то, какое существуетъ еще между Россіей начала XX-го вѣка и Англіей начала XIX-го. Современная Россія въ политическомъ отношеніи далеко еще не догнала Англіи начала XIX-го вѣка. Самая, конечно, глубокая разница состоитъ въ пониманіи законности, этой основы всякаго благоустройства и общественнаго роста. Въ наиболѣе даже мрачныя свои эпохи Англія не знала произвола. Она знала реакцію, тяжелую, несправедливую реакцію, пытавшуюся извратить и исказить законъ, сдѣлать его средствомъ корыстныхъ и кастовыхъ цѣлей, но все же державшуюся въ предѣлахъ закона, освященнаго формальными и ненарушимыми условіями. Судъ, со всѣми его гарантіями и формами, не переставалъ дѣйствовать, и судебный приговоръ всегда оставался единственно рѣшающимъ и общепризнаннымъ авторитетомъ. Какія-нибудь произвольныя репрессивныя и административныя кары со стороны властей казались бы немыслимыми въ

Англіи даже временъ Стюартовъ съ ихъ „звѣздными палатами", гдѣ все же засѣдали не полицейскіе или военные чиновники, а компетентные высшіе судьи, дѣйствовавшіе, худо ли, или хорошо, на основаніи закона. Отсутствіе произвола въ Англіи начала XIX-го вѣка и откровенное господство его еще въ Россіи XX-го вѣка и составляетъ основное различіе въ условіяхъ борьбы за свободу въ обѣихъ странахъ. Отсутствіе свободы еще не такъ страшно, какъ отсутствіе законности, т.-е. отсутствіе защиты отъ произвола.

Но, признавая это коренное различіе между теперешней Россіей и Англіей даже прошлаго времени, мы все же найдемъ и много сходства между средствами, къ которымъ правительства обѣихъ странъ прибѣгали для противодѣйствія освободительному движенію. Старая Англія, какъ и современная Россія, знала также шпіонство и доносы, обыски, аресты, разгонъ митинговъ военной силой, недопущеніе подачи петицій скопомъ, какъ это было, напримѣръ, при попыткѣ „бланкетировъ" [1]), преслѣдованія печати, и другія гоненія со стороны органовъ правительства. Правда, все это продѣлывалось въ Англіи въ крайне малыхъ дозахъ, и то лишь урывками, причемъ каждый отдѣльный случай поднималъ шумъ и вызывалъ волненіе во всей странѣ. Но для „страны свободы", какою Англія, и вполнѣ справедливо, считалась уже во времена Монтескьё, пріостановленіе дѣйствія „Habeas Corpus" и другихъ гарантій личныхъ и гражданскихъ правъ, хотя бы и на кратчайшій срокъ и въ самой ограниченной и мягкой формѣ, является столь же неправильнымъ и для многихъ столь же тягостнымъ, какъ и постоянныя, вошедшія въ обыкновеніе, „усиленныя охраны" въ Россіи.

Въ виду этого сходства нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій и проявленій борьбы за гражданскія и политическія права въ Россіи и въ Англіи, намъ кажется нелишнимъ вспомнить дѣятельность выдающихся англійскихъ борцовъ за парламентскую реформу въ Англіи, о которыхъ въ русской литературѣ до сихъ поръ почти ничего не было напечатано. Такъ-называемое „Reform movement", движеніе въ пользу избирательной реформы, можетъ съ полнымъ правомъ считаться освободительнымъ движеніемъ, такъ же, какъ въ Россіи борьба за законность и огражденіе личной и имуще-

[1]) „Blanketeers"—одѣяльщики. Такъ прозваны рабочіе, которые съ наивность русскихъ челобитчиковъ-гапоновцевъ отправились 9-го марта 1817-го года изъ Ма[н]честера въ Лондонъ съ петиціей объ улучшеніи экономическаго положенія и ра[с]шireніи избирательнаго права. Каждый изъ нихъ запасся въ дорогу одѣяломъ [д]ля ночлега на полѣ. Отсюда—прозвище „одѣяльщики".

нной безопасности. Конечно, „Reform movement“ вовсе не
ю въ виду тѣхъ элементарныхъ правъ, которыхъ еще по
оящій день тщетно жаждетъ русскій обыватель. Дѣло шло
ь объ упорядоченіи избирательнаго права для выбора членовъ
исконн существовавшій парламентъ. Но вполнѣ свободнымъ
етъ все же считаться лишь тотъ народъ, который самъ собою
вляетъ. Лишь тогда онъ избавленъ отъ чужого усмотрѣнія
абительства. Въ Англіи же до 1832 года народъ, несмотря
редставительный образъ правленія, почти не участвовалъ въ
дарственной власти. Палата общинъ, благодаря крайне уста-
лему законодательству о выборахъ, обратилась почти вся въ
аніе ставленниковъ опредѣленной группы лэндлордовъ и двора
ѣлалась пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства, ко-
е номинально какъ бы зависѣло отъ этой же палаты общинъ.
вый недостатокъ дѣйствовавшей тогда въ Англіи избиратель-
системы состоялъ въ томъ, что избраніе депутата совер-
ю не зависѣло отъ количества населенія въ избирательномъ
гкѣ и ни въ какомъ отношеніи къ этому количеству не на-
лось. Право избранія принадлежало мѣстности, а не насе-
о. Избирали депутатовъ разные графства, города, мѣстечки,
граждане. Номинально правомъ голоса пользовалось огром-
большинство домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ, владѣв-
ь своимъ имуществомъ пожизненно или на правахъ полной
твенности. Были также многочисленные разряды налогопла-
щиковъ, которые подъ разными наименованіями въ немаломъ
ѣ городовъ обнимали почти все взрослое мужское населеніе,
такъ что теоретически старинное избирательное право въ Англіи
почти совпадало съ общей подачей голосовъ. На практикѣ, однако,
дѣло обстояло какъ нельзя хуже. Множество городовъ, получив-
шихъ въ глубокую старину право на посылку депутатовъ, про-
должали сохранять это право и въ началѣ XIX-го вѣка, когда
отъ этихъ городовъ осталось только одно имя; а съ другой сто-
роны, такіе города, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ и дру-
гіе, выросшіе лишь къ концу XVIII-го вѣка и не имѣвшіе ста-
ринныхъ правъ, никакимъ представительствомъ не пользовались.
Но, кромѣ этого, даже и тѣ города, которые пользовались ста-
ринннымъ правомъ избранія депутатовъ и имѣли большое торговое
или иное значеніе, далеко не всегда сохраняли за собою истин-
ное представительство, такъ какъ, благодаря остаткамъ средне-
вѣкового устройства и разнымъ спеціальнымъ хартіямъ, во мно-
гихъ городахъ избирательная коллегія состояла лишь изъ нѣ-
сколькихъ лицъ, пользовавшихся званіемъ „гражданъ“ даже по

наслѣдству. Самъ вопросъ о „гражданствѣ“ былъ такъ запутанъ вслѣдствіе разныхъ вѣковыхъ наслоеній, что даже парламентскіе комитеты, спеціально назначавшіеся для разбора жалобъ разныхъ „гражданъ“, не разъ въ отчаяніи опускали руки и предоставляли дѣло волѣ Божіей.

„Вашей почетной палатѣ хорошо извѣстны,—заявлялось въ петиціи, поданной въ палату общинъ въ 1793 году отъ имени членовъ „Общества друзей народа“, основаннаго съ цѣлью достиженія парламентской реформы,—утомительныя, сложныя и дорого-стоющія тяжбы, въ которыхъ вы пытались дать законное опредѣленіе разнымъ наименованіямъ, столь мѣшающимъ нынѣшнему праву голоса. Сколько мѣсяцевъ вашего драгоцѣннаго времени было потрачено на выслушиваніе адвокатскихъ споровъ о разныхъ видахъ владѣнія землей! Сколько комитетовъ изучали значеніе терминовъ: „scot“ и „lot“ (родъ податей), „potwallers“, „commonalty“, „populacy“, „жительствующій“ и „не-жительствующій“ обыватель! Сколько труда и исканій ушло на то, чтобы установить законныя права бороуменовъ, ольдерменовъ, портменовъ, селектменовъ, бургеровъ и „людей совѣта“! И какую путаницу внесли противорѣчивыя хартіи, разница между имѣющими осѣдлость и не имѣющими осѣдлости фрименами и разные способы полученія гражданства (freedom) корпорацій, какъ по рожденію, службѣ, браку, выкупу, избранію или покупкѣ!“

При такихъ условіяхъ къ концу XVIII-го вѣка образовалось въ Англіи множество такъ-называемыхъ „гнилыхъ городовъ“, одни изъ которыхъ, какъ Gatton и Old Sarum, существовали лишь по имени, а другіе, какъ избирательные участки, состояли изъ замкнутыхъ и тѣсныхъ кружковъ привилегированныхъ „фрименовъ“, очень часто находившихся всецѣло подъ вліяніемъ мѣстнаго лэндлорда-магната. Въ такихъ мѣстахъ о „выборахъ“ члена парламента не могло быть и рѣчи: онъ просто назначался по рекомендаціи лэндлорда или за предложенную имъ сумму. Тамъ же, гдѣ дѣйствительно происходило голосованіе, подкупъ избирателей практиковался почти открыто, несмотря на разные законы, ограждавшіе чистоту выборовъ. И было бы мудрено ожидать отъ парламента, въ которомъ большинство членовъ состояло изъ ставленниковъ разныхъ лэндлордовъ и замкнутыхъ корпорацій, чтобы онъ особенно зорко слѣдилъ за правильностью выборовъ и неподкупностью избирателей.

Палата общинъ, избранная при такихъ условіяхъ, менѣе всего могла считаться представительницей народа и была ниже всякой критики. Каждый изъ членовъ парламента ожидалъ отъ

правительства и двора какой-нибудь денежной или почетной награды лично для себя, для членовъ своей семьи и для друзей. Поддержка министерства оказывалась дѣломъ доходнымъ и выгоднымъ, и поэтому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ парламентское большинство не оправдывало надеждъ министерства. Система синекуръ, пенсій и разныхъ другихъ подачекъ настолько развилась въ Англіи къ началу XIX вѣка, что даже само правительство поняло, что въ своихъ подкупахъ и расшвыриваніи народныхъ денегъ оно зашло слишкомъ далеко, и въ разныя времена повторялись обѣщанія экономіи. Однако, несмотря на эти обѣщанія, тайное казнокрадство и открытая раздача народныхъ денегъ продолжались попрежнему, и, напримѣръ, одинъ перечень разныхъ синекуръ и подачекъ, пенсій и доходовъ, существовавшихъ еще въ 1820 г., занялъ два тома знаменитой въ свое время „Черной книги", изданной дѣятелями реформы съ подзаголовкомъ „Corruption Unmasked" (разоблаченный подкупъ). Главная доля синекуръ попадала, конечно, въ карманы вліятельныхъ лордовъ и ихъ безчисленныхъ родныхъ. „Многіе благородные лорды—говорится въ этой „Черной книгѣ",—и ихъ сыновья, весьма почтенные (Right Honourable) и почтенные джентльмены занимаютъ мѣста клерковъ, „наблюдателей прилива и отлива", смотрителей гаваней, таможенныхъ осмотрщиковъ, измѣрителей, упаковщиковъ, служащихъ при лебедкахъ, при верфяхъ, „протонотаріевъ" (старшіе клерки) и другихъ мелкихъ должностей. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ числятся за женщинами, притомъ довольно изящными; нѣкоторыя — за дѣтьми, но, конечно, дѣтьми „высокой крови", обладающими, какъ извѣстно, необычайными способностями. Одна лэди, баронесса, считается подметальщицей парка, получая 340 ф. стерл. въ годъ. Лэди Арабелла Гениджъ занимаетъ должность пристава въ палатѣ гражданскаго суда, а почтенныя Луиза Броунингъ и лэди Г. Мартинъ состоятъ custos brevium (архиваріусами) въ палатѣ другого суда", и т. д.

Многіе изъ этихъ доходовъ, синекуръ и пенсій переходили изъ рода въ родъ, продавались какъ личная собственность или переуступались пожизненно въ видѣ подарковъ.

Уже въ петиціи 1793 г., упомянутой нами выше, прямо указывалось на тѣсную связь, которая существовала тогда между стремленіемъ многихъ лицъ попасть въ парламентъ и желаніемъ поживиться на государственный счетъ. Авторы петиціи указывали даже на параллельный ростъ государственныхъ расходовъ и проступковъ по нарушеніямъ законовъ о выборахъ. Но это

былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Ни экономіи, ни реформъ избирательнаго права нельзя было ожидать отъ правительства и парламента, державшагося лишь однимъ подкупомъ. Какъ вполнѣ вѣрно говорится во введеніи къ книгѣ „Black Book", реформа и экономія, это—синонимы. Совершенно не важно, какая изъ нихъ предшествуетъ другой, такъ какъ обѣ приводятъ къ одному и тому же результату. За парламентской реформой обязательно идетъ экономія, а за экономіей неминуемо должна послѣдовать реформа, потому что не будетъ денегъ, чтобы противодѣйствовать ей. Деньги, это — аммуниція реакціи. Когда самохозяйничающіе министры не имѣютъ чѣмъ подкупать, они неизбѣжно теряютъ своихъ сторонниковъ. Вотъ почему ни одно реакціонное правительство никогда искренно не идетъ на дѣйствительныя урѣзки своихъ расходовъ. И такимъ, конечно, мало-экономнымъ было и англійское правительство, покуда парламентская реформа не сдѣлала палаты общинъ настоящимъ представительствомъ народа, когда вся эта система подкуповъ, подачекъ и синекуръ была выметена изъ англійской жизни разъ навсегда.

II.

Агитація въ пользу реформы.

Борьба за парламентскую реформу была упорная и продолжительная. Она началась съ первыхъ дней войны съ американскими колоніями и продолжалась вплоть до 1832 г., т.-е. до принятія билля о реформѣ. Неудачныя и несправедливыя войны имѣютъ, повидимому, вездѣ одинъ и тотъ же результатъ, а именно: пробужденіе народа и раскрытіе глазъ его на недостатки государственнаго механизма. До войны съ колоніями почти и помину нѣтъ о необходимости улучшенія избирательныхъ порядковъ. Мы ничего не слышимъ о какихъ-либо жалобахъ на плохое парламентское представительство въ спорахъ между Карломъ I и его подданными. Ни въ петиціи о правахъ, ни въ актахъ, принятыхъ послѣ изгнанія Якова II, нѣтъ и намека на какія-либо перемѣны въ законѣ о выборахъ. Общество какъ будто ничего не имѣло противъ того, чтобы его представителями считались ставленники богатыхъ лэндлордовъ или избранники маленькихъ кружковъ самозванныхъ „фрименовъ". Правда, въ началѣ XVII вѣка жизнь въ Англіи еще не настолько ушла впередъ отъ закона, чтобы послѣдній обратился въ анахронизмъ. Но съ

XVIII вѣкѣ, когда городская жизнь уже сильно развилась, недостатки избирательной системы, несомнѣнно, сдѣлались очевидными для всѣхъ, и все-таки не раньше, какъ лишь къ началу 70-хъ годовъ этого вѣка, начинаютъ раздаваться голоса въ пользу перемѣны закона.

Разъ начавшись, агитація въ пользу реформы уже не остановилась, несмотря на всѣ репрессивныя мѣры и на все упорство и противодѣйствіе парламента и его друзей. И приходится только удивляться, что при всей очевидности несостоятельности системы потребовалось слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ на борьбу съ нею. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и того, что даже при самомъ плохомъ избирательномъ правѣ и при наиболѣе послушной, подкупной и невѣжественной палатѣ общинъ, англійскій парламентъ выдѣлилъ изъ своей среды такихъ государственныхъ людей, какъ Питтъ, Кастльри, Каннингъ, Боркъ, Фоксъ, Пиль; флотъ далъ Нельсона, армія—Веллингтона; войны съ Наполеономъ кончались побѣдоносно, несмотря на то, что Англіи пришлось бороться противъ цѣлой коалиціи европейскихъ державъ; свободная печать и свободная жизнь продолжали свое дѣло, и народъ, даже подъ тяжестью недостаточнаго и поддѣльнаго представительства, не оставался совсѣмъ нѣмымъ и безучастнымъ. Общественное мнѣніе, хотя и не столь властное, какъ нынѣ, существовало и тогда. И этимъ, конечно, объясняется, сравнительно говоря, медленное теченіе агитаціи, которая лишь къ концу сдѣлалась болѣе нетерпѣливой и бурной.

При этомъ нельзя не отмѣтить явленія, наблюдаемаго во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, а именно, огромнаго значенія энергичнаго и талантливаго меньшинства. Библейское сказаніе о какихъ-нибудь десяти праведникахъ, которыхъ было бы достаточно для спасенія Содома и Гоморры, вполнѣ подтверждается практикой европейскихъ парламентовъ. Прогрессъ націи и характеръ ея администраціи часто гораздо болѣе зависятъ отъ меньшинства членовъ парламента, чѣмъ отъ большинства. Правительство, опирающееся даже на послушное и преданное большинство, не можетъ пренебрегать мнѣніемъ меньшинства, разъ послѣднее находитъ широкій откликъ въ странѣ. Оно обязано да и вынуждено защищаться и оправдываться и такимъ образомъ держаться такъ, чтобы не подавать поводовъ къ упрекамъ. Вотъ почему парламентъ и въ до-реформенной Англіи, хотя больше чѣмъ за три-четверти состоялъ изъ представителей „гнилыхъ городовъ“, все же не оставался безъ широкаго вліянія на общественную и политическую жизнь страны. Даже въ этомъ парла-

ментѣ попадались лица, которыя отдавали всю свою жизнь, всѣ свои таланты, все свое богатство на благо страны, на пользу реформъ, на политическое и экономическое улучшеніе народа. Въ большинствѣ случаевъ члены меньшинства состояли представителями такихъ избирательныхъ участковъ, въ которыхъ населеніе дѣйствительно участвовало въ выборахъ и которые не попали подъ вліяніе какихъ-либо магнатовъ. Такими самостоятельными и дѣйствительно „избирательными“ участками были, напр., Вестминстеръ и Миддльсексъ, на окраинахъ тогдашняго Лондона, выборы въ которыхъ всегда сопровождались жаркой борьбой партій и составляли крупнѣйшее политическое событіе. Но попадались истинные радѣтели о благѣ народномъ даже и среди ставленниковъ лэндлордовъ. И, напримѣръ, извѣстный въ свое время дѣятель парламентской реформы попалъ въ парламентъ, какъ представитель наиболѣе осмѣяннаго участка, сдѣлавшагося нарицательнымъ именемъ для всѣхъ фиктивныхъ представительствъ, а именно Old Sarum, поселка, существовавшаго еще при римскомъ владычествѣ, но уже не считавшаго ни одного жителя къ началу XIX вѣка. Этотъ избирательный участокъ составлялъ собственность лорда Кэмельфорда, по добротѣ своей и „избравшаго“ Джона Горна Тука въ парламентъ.

Но, конечно, строй жизни, въ которомъ воля большинства народа находитъ своихъ выразителей не въ большинствѣ, а въ меньшинствѣ членовъ парламента, даже и при крупномъ вліяніи послѣдняго, не можетъ считаться нормальнымъ и желательнымъ. Поддѣльное представительство всегда бываетъ однобокимъ и тяготѣетъ не въ сторону обще-народныхъ интересовъ, а въ сторону одного какого-нибудь класса. Нужда въ реформѣ созрѣла, и естественно, что тогдашній англійскій радикализмъ почти всецѣло направился въ сторону агитаціи за парламентскую реформу. Собственно говоря, другого „радикализма“ тогда и не было. Кличка „радикалъ“ въ Англіи впервые и была дана тѣмъ лицамъ, которыя требовали исправленія избирательнаго закона. Многія изъ этихъ лицъ начали работать въ пользу этой реформы еще въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, но главнымъ образомъ вопросъ о реформѣ выдвигался въ первыя десятилѣтія XIX-го вѣка, и о дѣятеляхъ именно этого періода у насъ и пойдетъ дальше рѣчь.

III.

Сэръ Францисъ Бардеттъ.

Первымъ „радикаломъ“ въ англійской палатѣ общинъ слѣдуетъ считать сэра Франсиса Бардетта, вступившаго въ парламентъ въ 1796 г., на двадцать-шестомъ году отъ роду, представителемъ Бороубриджа, какъ ставленникъ герцога Ньюкестльскаго. Несмотря на то, что онъ попалъ въ парламентъ по милости вига и самъ принадлежалъ къ очень древнему аристократическому роду и богатой семьѣ, онъ съ первыхъ же дней своего депутатскаго званія показалъ, что въ политическомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ народу, а не къ богатой аристократіи. Онъ не примкнулъ ни къ вигамъ, ни къ торіямъ, а пошелъ своей дорогой. Въ парламентѣ онъ оказался наиболѣе энергичнымъ критикомъ разныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію свободы, и настойчивымъ преслѣдователемъ всякихъ злоупотребленій властью. Повидимому, онъ обладалъ выдающимся ораторскимъ талантомъ, но во всякомъ случаѣ тѣ рѣчи его, которыя сохранились въ печати, обнаруживаютъ въ немъ глубокаго знатока государственнаго права Англіи. Онъ очень любилъ театральные эффекты какъ въ отношеніи ораторскаго стиля, такъ и вообще въ своей жизни, далеко не чуждой позированія и ломанья. Но рядомъ съ этимъ богатая содержательность и неопровержимо-строгая логичность аргументаціи дѣлали его краснорѣчіе высокоинтереснымъ и убѣдительнымъ.

Онъ выступилъ съ требованіемъ избирательной реформы вскорѣ послѣ своего перваго избранія въ парламентъ, въ 1797 г., поддерживая предложеніе Грея (потомъ графа Грея, которому, какъ главѣ правительства въ 1832 г., удалось-таки осуществить реформу). И затѣмъ, на протяженіи тридцати-пяти лѣтъ, до принятія реформы, онъ состоялъ неизмѣннымъ защитникомъ ея въ парламентѣ и внѣ его. Онъ самъ дѣлалъ многократныя попытки внести билль о реформѣ, и въ своихъ избирательныхъ адресахъ, съ которыми онъ обращался къ своимъ новымъ избирателямъ сначала въ Миддльсексѣ и затѣмъ въ Вестминстерѣ, онъ всегда выставлялъ необходимость измѣненій въ избирательномъ законѣ и расширеніе избирательнаго права первымъ и нужнѣйшимъ дѣломъ страны. Относительно деталей реформы, онъ къ концу періода борьбы сдѣлался значительно менѣе требовательнымъ.

Онъ началъ съ общаго избирательнаго права и годичныхъ парламентовъ, но потомъ, въ проектѣ билля, предложеннаго имъ въ 1809 г., право голоса даруется лишь плательщикамъ налоговъ, а въ 1819 г. онъ уже заявляетъ, что вообще „степень распространенія права голосованія значительно менѣе важна, чѣмъ то, чтобы это право было расширено на ясныхъ, опредѣленныхъ и вполнѣ понятныхъ принципахъ, которые предоставили бы широкой массѣ народа право представительства“.

Въ той же красивой и интересной рѣчи онъ возражаетъ министрамъ Кастльри и другимъ, заявившимъ, что страна процвѣтаетъ и что народъ въ общемъ очень доволенъ. „Благородный лордъ и его коллеги—сказалъ онъ—говорятъ, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ обманчиваго призрака и что все обстоитъ благополучно. Такое заявленіе вполнѣ естественно изъ устъ людей, питающихся иллюзіями, создающихъ себѣ воображаемые замки. Повидимому, министры вполнѣ довольны собою, и поэтому, нужно полагать, доволенъ и народъ. Временами, конечно, они удивляются, откуда берутся эти жалобы, когда кругомъ нихъ все благоухаетъ и они покоятся на ложѣ, устланномъ розами. Моя задача, какъ въ стѣнахъ парламента, такъ и за стѣнами его, именно въ томъ и состоитъ, чтобы убѣдить господъ „boroughmongers [1]) въ томъ, что если министры счастливы, то это еще не означаетъ, что и народъ счастливъ. Вотъ гдѣ настоящая иллюзія, и я увѣренъ, что если boroughmongers не придутъ къ какому-либо соглашенію съ народомъ, то вскорѣ наступитъ конецъ не только ихъ господству, но и ихъ существованію, и они погибнутъ въ упорствѣ своемъ“.

Но долгое время, какъ рѣчи радикаловъ въ самомъ парламентѣ, такъ и петиціи, сыпавшіяся туда со стороны, имѣли очень слабое дѣйствіе. „Отъ палаты, составившейся изъ депутатовъ, три-четверти которыхъ купили свои мѣста или сами куплены, можно въ такой же мѣрѣ ожидать принятія резолюціи въ пользу реформы, какъ отъ проститутокъ въ публичномъ домѣ—принятія предложенія о цѣломудріи“,—заявлялось въ предисловіи къ выше-цитированной рѣчи, которая была издана отдѣльно. Вообще слѣдуетъ прибавить, что, начиная съ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, когда, наконецъ, для англичанъ наступ а полная возможность серьезно позаняться внутреннимъ бла -

[1]) Т.-е. мастера по части представительства отъ гнилыхъ городовъ. Подъ э ъ именемъ или подъ выраженіемъ „borough faction“ были извѣстны привер ы старой системы представительства.

устройствомъ, отношеніе народа къ парламенту сдѣлалось прямо презрительнымъ, и никогда раньше не писали и не говорили о до-реформенномъ парламентѣ съ такимъ пренебреженіемъ и сарказмомъ, какъ въ эти тринадцать или четырнадцать лѣтъ между 1816 или 1817 и 1830 гг. Ужъ очень дѣйствительно презрѣнной казалась та шайка олигарховъ, которая всѣми силами старалась удержать отжившую и выродившуюся систему парламентскихъ выборовъ. Тогдашнее правительство, состоявшее изъ одеревенѣлыхъ торіевъ, какъ лордъ Эльдонъ, лордъ Сидмоутъ, лордъ Ливерпуль, лордъ Кастльри, и правившее Англіей съ 1812 по 1827 г., знало только одинъ отвѣтъ на требованія народа: это—репрессіи. Народное недовольство было для нихъ не симптомомъ болѣзни, а самой болѣзнью, какой-то гангреной, которую нужно было вырѣзать ножомъ,—благо парламентъ самъ совалъ ножъ министрамъ въ руки, и когда послѣдніе предложили въ февралѣ 1817 г. временный билль объ ограниченіи права собраній, то за него было подано 190 голосовъ, а противъ него—всего 14 голосовъ.

Но о томъ, какъ англійская до-реформенная палата общинъ вообще смотрѣла на себя и на свою роль въ странѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ дѣло, отъ котораго лично пострадалъ самъ Бардеттъ. Дѣло это хорошо извѣстно въ исторіи Англіи новаго времени, и на немъ стоитъ остановиться болѣе подробно, какъ на очень характерномъ эпизодѣ парламентской жизни.

Это происходило въ 1810 г., и дѣло началось съ того, что правительство, боясь общественнаго негодованія за свою неудачную экспедицію въ Флиссингенъ противъ французовъ, склонило палату общинъ къ тому, чтобы запросы и дебаты по поводу этой несчастной экспедиціи происходили при „закрытыхъ дверяхъ", т.-е. безъ присутствія представителей печати и постороннихъ. Напрасно Шериданъ внесъ предложеніе объ отмѣнѣ распоряженія палаты. Его предложеніе было отвергнуто 166 голосами противъ 80.

Это рѣшеніе объ исключеніи печати вызвало бурю протестовъ въ странѣ, и между прочимъ вопросъ обсуждался и въ обществѣ дебатовъ, называвшемся „Британскій форумъ". Президентъ этого общества, Джонъ Джонсъ, выпустилъ афиши, сообщавшія о предстоящихъ въ обществѣ митингахъ протеста противъ поступка палаты общинъ, который онъ характеризовалъ какъ аттаку на свободу печати и какъ достойный самаго рѣзкаго порицанія. Палата общинъ, это дискредитированное сборище ставленниковъ разныхъ лордовъ, оказалась чрезвычайно щепе-

тильной насчетъ своей чести и привилегій и потребовала къ отвѣту типографа и Джонса. Типографъ, извинившись, былъ милостиво отпущенъ; Джонсъ же, несмотря на то, что просилъ пардона, былъ посаженъ палатою въ тюрьму за „грубое нарушеніе парламентскихъ привилегій".

Это распоряженіе палаты общинъ глубоко возмутило Бардетта, который 12 марта 1810 г., спустя недѣли двѣ послѣ ареста Джонса, внесъ предложеніе о немедленномъ освобожденіи президента „Британскаго форума" изъ-подъ ареста. Рѣчь Бардетта по этому случаю была полна интереснѣйшаго анализа правъ, присвоенныхъ вообще пародному представительству въ отношеніи къ отдѣльнымъ гражданамъ, и очень рѣзко и въ то же время глубоко обоснованно установила разницу между судебной и законодательно-административной властью. Однако, при голосованіи, на сторонѣ оратора оказалось всего 14 голосовъ, а противъ его предложенія—153. Потерпѣвъ неудачу въ парламентѣ, Бардеттъ обратился съ своимъ протестомъ къ народу. Сначала онъ перепечаталъ свою рѣчь съ нѣкоторыми дополненіями въ „Weekly Register", издававшемся Коббетомъ, и затѣмъ, приложивъ къ ней „Письмо къ избирателямъ", издалъ отдѣльно. Указавъ на то, что голосъ народа можетъ быть скорѣе услышанъ и можетъ оказаться болѣе властнымъ, чѣмъ его собственный, онъ продолжаетъ въ своемъ письмѣ:

„Граждане, принципъ, за который мы теперь боремся,—тотъ же, за который англійскій народъ боролся съ самыхъ раннихъ вѣковъ своей исторіи и въ борьбѣ за который одержаны имъ славныя побѣды, начертанныя на Великой Хартіи нашихъ правъ и вольностей, какъ и въ другихъ послѣдующихъ актахъ. Это—тотъ же принципъ, на который вздумалъ напасть Карлъ I съ его требованіемъ корабельнаго налога, когда народъ и неподкупная палата общинъ возобновили борьбу, кончившуюся арестомъ, судомъ, обвинительнымъ приговоромъ и казнью короля. Это тотъ же принципъ, который былъ такъ дерзко нарушенъ сыномъ Карла, Яковомъ II, и за нарушеніе котораго онъ вынужденъ былъ не только бѣжать отъ справедливаго народнаго гнѣва и самъ былъ лишенъ короны, но потерялъ ее и для своихъ дѣтей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, во всѣхъ этихъ схваткахъ народъ дѣйствовалъ не только смѣло и мужественно, но и вполнѣ мудро, потому что какія бы у васъ ни были права, свободы, парламенты, привилегіи и неприкосновенности, но если мы можемъ быть арестованы и содержимы въ заключеніи по одной лишь волѣ и повелѣнію одного лица или хотя бы группы ли-

то какой въ нихъ толкъ? Что пользы въ нихъ, если вы въ любой моментъ можете быть отправлены въ тюрьму безъ суда, безъ обвинительнаго акта, безъ права апелляціи, безъ возможности обжалованія и полученія удовлетворенія? Развѣ при такомъ порядкѣ мы еще вправѣ гордиться законами и вольностями Англіи?.. Только при обереганіи и сохраненіи этого принципа мы избѣгнемъ того рабства, которое существуетъ еще вездѣ въ государствахъ Европы, гдѣ его не соблюдаютъ, и мы можемъ быть увѣрены, что безъ этого принципа свѣтлые дни англійской славы смѣнятся тьмою позора".

„Письмо къ избирателямъ", съ рѣчью, обработанной и дополненной, при своемъ появленіи, въ свою очередь крайне обидѣло палату общинъ, которая теперь устами своего члена Летбриджа потребовала къ отвѣту уже самого Бардетта за нанесеніе ей жестокаго оскорбленія.

Дебаты по вопросу о томъ, виновенъ ли Бардеттъ въ „оклеветаніи" палаты общинъ, или нѣтъ, заняли нѣсколько засѣданій, причемъ защитники чести палаты высказывали доктрины, которыя считались бы теперь, въ наше демократическое время, совершенно невозможными. Такъ напримѣръ, канцлеръ казначейства (лордъ Эльдонъ) вполнѣ серьезно въ своей рѣчи, между прочими аргументами противъ Бардетта, заявилъ слѣдующее: „Допускаю, что каждому должно быть предоставлено право критиковать дѣйствія правительства, но никто не имѣетъ права хулить рѣшенія палаты общинъ и апеллировать на это рѣшеніе къ избирателямъ. По формѣ документъ былъ крайне оскорбителенъ, а по содержанію онъ составлялъ не болѣе и не менѣе какъ призывъ къ народу оказать противодѣйствіе парламенту"... И затѣмъ дальше: „Главная цѣль аргументаціи (Бардетта) была доказать, что палата не имѣетъ права подвергнуть заключенію посторонняго человѣка, нарушившаго ея привилегію. Дѣло, конечно, идетъ о постороннемъ лицѣ, такъ какъ въ отношеніи члена палаты самъ почтенный баронетъ (Бардеттъ) призналъ право палаты наказывать по собственному усмотрѣнію. Это мнѣніе можетъ быть правильно или нѣтъ, но необходимо соблюдать приличную форму, высказывая его внѣ стѣнъ парламента, и во всякомъ случаѣ то, что можно считать законнымъ говорить въ палатѣ до принятія ею какого-либо рѣшенія, не всегда законно, когда высказывается внѣ палаты уже послѣ рѣшенія ея; тѣмъ менѣе это можетъ быть законно, когда рекомендуется противодѣйствіе этому рѣшенію".

Такимъ образомъ, по тогдашней доктринѣ правительства, па-

лата общинъ стоитъ выше народа, выше избирателей, къ которымъ апеллировать не полагается, разъ рѣшеніе ею принято. Другой членъ палаты, сэръ Джонъ Анстретеръ, хотя и считалъ излишнимъ для палаты общинъ обижаться изданной брошюрой, такъ какъ она, по его мнѣнію, не заслуживаетъ того шума и вниманія, которые она возбудила, все же, по существу, вполнѣ соглашался съ обвинителями Бардетта, что палата общинъ должна быть ограждена отъ насмѣшекъ и порицаній. „Палата общинъ, это—великая и главная сила, стоящая между короной и народомъ,—сказалъ онъ;—она составляетъ орудіе, которымъ народъ защищенъ отъ посягательствъ короны. Можно ли послѣ этого допустить, чтобы каждый могъ принижать и оклеветать палату, и въ то же время не дать ей возможности собственной властью наказывать своихъ обидчиковъ?"

Очевидно, такого рода доктрины возможны лишь тамъ, гдѣ палата не только не представляетъ собою воли народа, но прямо боится этой воли, идетъ наперекоръ ей и существуетъ помимо ея. А такою именно и была палата общинъ въ Англіи въ то время, когда происходило описываемое дѣло. Не удивительно, что палата почти единодушно признала Бардетта виновнымъ и уполномочила спикера большинствомъ 37-ми голосовъ заключить его въ Тоуэръ.

Приказъ спикера о заключеніи Бардетта былъ подписанъ въ пятницу рано утромъ и долженъ былъ быть исполненъ парламентскимъ „сержантомъ" [1]) въ тотъ же день не позднѣе 10-ти часовъ утра. Но на самомъ дѣлѣ Бардеттъ былъ отвезенъ въ Тоуэръ лишь въ слѣдующій понедѣльникъ, такъ какъ добровольно подчиниться спикерскому „варранту" онъ не захотѣлъ, а употребить силу для его ареста сержантъ долго не осмѣливался. Само правительство было не совсѣмъ увѣрено, можно ли въ такихъ случаяхъ употребить силу, и лишь послѣ совѣщаній съ генеральнымъ атторнеемъ и судьями было рѣшено привести приказъ спикера въ исполненіе, хотя бы для этого пришлось ломиться въ домъ силою. Свой отказъ добровольно подчиниться аресту Бардеттъ объяснилъ въ письмѣ къ спикеру. „Власть и привилегіи — писалъ онъ спикеру — не одно и то же, и не должны никоимъ образомъ быть смѣшиваемы. Привилегія, это—изъятіе изъ-подъ власти, и была предоставлена палатѣ общинъ

---

[1]) „Serjeant" — въ Англіи подъ этимъ названіемъ не всегда подразумѣвается военный. Въ данномъ случаѣ это парламентскій приставъ, лицо гражданское, не принадлежащее ни къ полицейской, ни къ военной службѣ.

съ цѣлью охраны ея лишь затѣмъ, чтобы она лучше могла охранять народъ; но она не была дана палатѣ, какъ власть вредить народу. Вашъ воррантъ, какъ вамъ самимъ, полагаю, извѣстно, не законенъ. Я поэтому не могу и не смѣю сдѣлаться участникомъ беззаконія, признавъ право кого-либо арестовать помимо суда".

Между тѣмъ слухъ о намѣреніи правительства арестовать Бардетта быстро распространился, и толпа стала собираться на Пиккадили, гдѣ жилъ популярный членъ парламента. И теперь, въ началѣ XX-го вѣка, толпа груба и буйна. Сто лѣтъ тому назадъ, она, повидимому, была еще во много разъ грубѣе и невѣжественнѣе. Выступивъ въ защиту человѣка, въ которомъ она увидѣла жертву за отстаиваніе народныхъ правъ, чернь въ то же время не задумалась сама попирать всякія чужія права, и насильно заставляла кричать всякаго мимо проѣзжавшаго прилично одѣтаго человѣка: „Да здравствуетъ Бардеттъ!" (Bardett for ever!). Не довольствуясь этимъ, она начала еще разбивать окна въ домахъ тѣхъ лицъ, которыя извѣстны были какъ враги Бардетта. Пришлось вызвать войска для охраненія порядка, и нѣсколько дней подъ-рядъ, до отвезенія Бардетта въ Тоуэръ, на нѣкоторыхъ улицахъ Лондона не переставали собираться шумныя и буйныя толпы. Арестъ, однако, былъ произведенъ безъ всякаго вмѣшательства толпы, утромъ, когда она еще не успѣла собраться передъ домомъ своего кумира. И тутъ Бардеттъ не преминулъ использовать инцидентъ съ наибольшимъ театральнымъ эффектомъ: когда сержантъ явился съ войсками и констэблями, онъ засталъ его слушающимъ своего младшаго сына, который переводилъ ему вслухъ латинскій текстъ „Magna Charta". Арестованный былъ доставленъ въ Тоуэръ безъ всякихъ инцидентовъ, но зато сейчасъ же послѣ этого произошла жестокая схватка между войскомъ и народомъ, собравшимся у воротъ Тоуэра, и нѣсколько лицъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, получили тяжелыя увѣчья и даже смертельныя раны.

Уличная война вскорѣ прекратилась, зато политическая возгорѣлась еще съ большей силой. Имя Бардетта стало теперь самымъ популярнымъ. Его портреты появились во всѣхъ домахъ и о немъ всѣ говорили. Сидя еще въ Тоуэрѣ, гдѣ ему была отведена большая квартира, Бардеттъ подалъ въ судъ на спикера, сержанта и начальника Тоуэра за незаконное лишеніе свободы. Въ то же время изъ многихъ мѣстъ поступили въ парламентъ петиціи въ пользу Бардетта, причемъ во всѣхъ ихъ, и подчасъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, подчеркивалась необхо-

димость избирательной реформы, какъ единственной основы, которая дала бы палатѣ право считаться представительствомъ народа.

Бардеттъ, однако, былъ вскорѣ освобожденъ, такъ сказать, естественнымъ порядкомъ, по случаю окончанія парламентской сессіи, съ которою, разумѣется, кончается и власть парламента. Онъ былъ выпущенъ изъ Тоуэра 21-го іюня того же 1810 года, но на этотъ разъ онъ „обманулъ“ ожиданія толпы, готовившейся встрѣтить его процессіей, всякими торжественными рѣчами, иллюминаціей, музыкой и пр. Боясь, очевидно, быть опять причиной какихъ-либо уличныхъ безпорядковъ, онъ оставилъ Тоуэръ тайкомъ, со стороны Темзы, и уѣхалъ въ свой загородный домъ, въ то время, когда всѣ улицы, прилегающія къ воротамъ Тоуэра, были покрыты народомъ, и въ ожиданіи стояли наготовѣ оркестры со знаменами и флагами и цѣлый отрядъ всадниковъ для почетнаго конвоя. „Бѣгство“ Бардетта отъ энтузіазма толпы показалось послѣдней тяжелымъ оскорбленіемъ, и популярность его сразу страшно упала. Бардетта обвинили въ трусости, въ неискренности, въ ренегатствѣ, и хотя онъ съ прежней настойчивостью и даже больше прежняго продолжалъ работать въ пользу парламентской реформы, имя его уже не пользовалось тою популярностью, какой оно достигло во время его заключенія въ Тоуэрѣ. Даже арестъ его въ 1820 году, когда, по приговору суда, онъ былъ посаженъ въ тюрьму на три мѣсяца и уплатилъ штрафъ въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ за „клевету“ на правительство, уже не возбудилъ больше тѣхъ симпатій и протестовъ, какими выразилось общественное мнѣніе въ 1810 году.

Быть можетъ, именно это отсутствіе благодарнаго чувства со стороны общества и было причиною того, что когда парламентская реформа была достигнута, Бардеттъ открыто примкнулъ къ торіямъ, въ рядахъ которыхъ оставался до конца своей жизни, т.-е. до 1844 года.

IV.

Джонъ Картрайтъ.

Въ то время какъ сэръ Франсисъ Бардеттъ былъ вождемъ движенія въ пользу избирательной реформы, какъ членъ палаты общинъ, въ самомъ парламентѣ,—Джонъ Картрайтъ, болѣе извѣстный какъ „маіоръ“ Картрайтъ, руководилъ движеніемъ внѣ парламента, благодаря чему и прозванъ „отцомъ реформы“ (Th

Father of Reform). Онъ организовалъ митинги, собиралъ подписи къ петиціямъ, основывалъ общества и кружки, устраивалъ бесѣды съ партійными вожаками и членами правительства и писалъ, безконечно много писалъ. Какъ авторъ, онъ не отличался ни блестящими афоризмами, ни пламеннымъ краснорѣчіемъ, ни легкостью и послѣдовательностью изложенія. Онъ очень часто повторяется и слишкомъ многословенъ. Но въ его многочисленныхъ брошюрахъ, книгахъ и статьяхъ все же разсѣяно много интересныхъ мыслей, и всѣ ихъ объединяетъ одна глубокая вѣра въ „права человѣка".

Агитацію въ пользу реформы онъ началъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда ему было сорокъ лѣтъ, и неустанно продолжалъ ее въ теченіе сорока-четырехъ лѣтъ, до 1824 г., года его смерти. До сорокалѣтняго же возраста онъ политикой почти совершенно не занимался,—если не считать изданія одной или двухъ брошюръ,—служа до 1770 г. во флотѣ, а затѣмъ занимаясь въ своемъ имѣніи сельскимъ хозяйствомъ. Титулъ маіора, прилѣпившійся къ нему на всю его жизнь, онъ получилъ въ 1775 г., будучи назначенъ командиромъ мѣстной милиціи. Благодаря, однако, своему откровенному радикализму, онъ дальнѣйшаго повышенія не получилъ, а въ 1791 г., изъ-за явнаго сочувствія французской революціи и организаціи митинга для отпразднованія годовщины взятія Бастиліи, былъ совершенно отставленъ отъ военной службы.

Какъ политикъ, онъ не принадлежалъ ни къ вигамъ, ни къ торіямъ, между которыми онъ не видѣлъ разницы. Вмѣстѣ съ другими онъ полагалъ, что если между ними и есть разница, такъ это въ томъ, что торіи вѣруютъ въ божественное право королей, а виги—въ божественное право дворянства и „господъ". Какъ сынъ своего вѣка, онъ стоялъ за „естественное" право, за прирожденное каждому человѣку право на свободу. „Никакіе тонкости и увороты, никакіе аргументы, какіе только остроуміе людей можетъ придумать,—писалъ онъ въ одной изъ своихъ первыхъ брошюръ въ защиту независимости американскихъ штатовъ,—не могутъ оправдать какой бы то ни было видъ произвола, разъ мы признаемъ, что благо общества есть цѣль гражданскаго правительства. Не могутъ они оправдать и взиманіе налоговъ по усмотрѣнію монарха или правительства помимо народнаго представительства, разъ мы знаемъ, что нѣтъ собственности тамъ, гдѣ она можетъ быть отнята, частью или въ цѣломъ, безъ согласія ея владѣльца".

„Когда намъ говорятъ, что просвѣщенный народъ не послу-

шенъ, не платитъ податей и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ рискомъ для жизни и имущества противится правительству, которое онъ старается ниспровергнуть, то, въ сущности, намъ говорятъ, что этотъ народъ чувствуетъ какую-то обиду, какую-то жестокую несправедливость, потому что никогда этого не было, да и не будетъ, чтобы цѣлый народъ оказывалъ долго сопротивленіе по одному лишь капризу или недоразумѣнію". .

Англійскую свободу Картрайтъ приписывалъ не Magna Charta, а гораздо болѣе древнему происхожденію, т.-е. не писанному закону, а обычному праву англичанъ, ихъ природной склонности къ свободѣ, склонности, сказавшейся еще въ сѣдой, до-исторической древности. „Я положительно отрицаю,—писалъ онъ въ той же брошюрѣ объ американской независимости,—что Magna Charta есть великая основа англійскихъ свободъ и англійской конституціи. Она, дѣйствительно, славная часть надстройки, но сама по себѣ она бы не существовала. Наоборотъ, она лишь продуктъ свободы, вырванный изъ рукъ короля, какъ формальная декларація правъ, которыя уже давно были извѣстны, какъ конституціонное наслѣдство всякаго англичанина".

Какъ и прочіе англійскіе радикалы своего времени, Картрайтъ рѣшительно отвергалъ всякія насилія, признавая лишь одну форму парламентской агитаціи. „Даже въ дѣлѣ реформъ,—писалъ онъ своему племяннику,—не слѣдуетъ прибѣгать къ безчестнымъ средствамъ, чтобы не рисковать внести больше зла, чѣмъ добра. Самое раціональное, дѣйствительное и благородное средство, это — просвѣщеніе народа въ вопросахъ государствовѣдѣнія. Разъ это просвѣщеніе достигнуто, реформа скоро послѣдуетъ... Ни одна реформа, достойная этого имени, не можетъ совершиться безъ того, чтобы ея не требовалъ общій голосъ страны. Одна партія, одна фракція—реформы не дѣлаютъ".

Выставляя парламентскую реформу необходимѣйшимъ средствомъ сохраненія въ цѣлости англійскихъ вольностей, Картрайтъ рядомъ съ этой реформой ставилъ и устройство народной милиціи вмѣсто постояннаго войска, расположеннаго въ казармахъ и оторваннаго отъ массы народной. Оружіе въ рукахъ свободныхъ людей и конституція на основѣ политической свободы суть единственныя, по его мнѣнію, средства защиты, какъ противъ внѣшнихъ, такъ и „внутреннихъ враговъ". Хартія на пергаментѣ и мечъ лежатъ у него рядомъ. Нѣтъ, пожалуй, мечъ стоитъ выше. Пусть какой-нибудь ловкій правитель похититъ и спрячетъ хартію, но разъ останется мечъ, то народъ ее опять добудетъ. Если же будетъ украденъ мечъ, тогда—прощай и хартія!

„Цѣль монарха—писалъ онъ въ 1808 г. испанскому патріоту, виконту Матерозѣ,—цѣль монарха, монополизирующаго вооруженіе народа,—та, чтобы стать господиномъ законодательства и народнаго богатства. Изъ этого богатства онъ будетъ одѣлять наемное войско, продажныхъ царедворцевъ и другихъ прислужниковъ деспотизма, и такимъ образомъ онъ съумѣетъ заставить народъ влачить за собой свои собственныя цѣпи".

Однако, мы здѣсь дальше не остановимся на его планѣ милиціонной службы, такъ подробно имъ изложенномъ въ его „England's Aegis" и многихъ другихъ его брошюрахъ и книгахъ. Мы упомянули объ этомъ планѣ лишь потому, что Картрайтъ считалъ вооруженіе гражданъ безусловной потребностью всякой свободной конституціи. По его мнѣнію, какъ защита правъ, такъ и защита собственности должна исходить изъ нѣдръ общества, а не изъ отдѣленнаго отъ него класса людей, проживающаго въ казармахъ. Эту мысль ему самому пришлось примѣнить на практикѣ въ 1791 г., когда въ нѣкоторыхъ частяхъ Линкольншира земледѣльческіе рабочіе, въ отместку фермерамъ за приглашеніе дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ Ирландіи, начали громить и жечь усадьбы. Чтобы повліять на рабочихъ, Картрайтъ издалъ и раздавалъ даромъ маленькую брошюру—„Простыя истины для простыхъ людей"—и въ то же время организовалъ ассоціацію фермеровъ для самозащиты. На митингѣ, созванномъ съ цѣлью учрежденія этой ассоціаціи, онъ между прочимъ заявилъ, что „одинъ пистолетъ и одинъ штыкъ стоятъ десятковъ косъ въ рукахъ нападающихъ преступниковъ. Если рабочіе будутъ знать, что у каждаго фермера имѣется оружіе не только для него одного, но и для нѣсколькихъ вѣрныхъ ему слугъ и друзей, и что каждый изъ нихъ готовъ поспѣшить на помощь другому по первому зову, то грабежи и насилія прекратятся быстро... Вашъ долгъ вооружаться. Этотъ долгъ повелѣвается намъ не только обычнымъ правомъ нашимъ, но и парламентскими актами. Къ сожалѣнію, послѣдніе часто забываются".

Нечего говорить, что и Картрайтъ, несмотря на всю законномѣрность своихъ поступковъ и всю преданность конституціоннымъ дѣйствіямъ, не могъ избѣгнуть преслѣдованій въ тогдашнее реакціонное время. Ему пришлось извѣдать плоды реакціи уже на склонѣ лѣтъ—разъ въ 1813 г. и второй разъ въ 1820 г. Правда, оба раза онъ отдѣлался очень легко, почти ничѣмъ не пострадавъ, но уже одно привлеченіе къ суду за „мошенническія" дѣйствія такого строгаго конституціоналиста, какъ Карт-

райтъ, достаточно характеризуетъ самодержавную олигархію, подъ которой тогда жила Англія.

Въ первый разъ, какъ уже сказано, Картрайтъ испыталъ на себѣ дѣйствіе реакціи въ 1813 г. Въ этомъ году и въ концѣ 1812-го, Картрайтъ, несмотря на свои 70 слишкомъ лѣтъ, обнаруживалъ чисто юношескую энергію въ пропагандѣ мысли о необходимости парламентской реформы, и въ какой-нибудь мѣсяцъ или два посѣтилъ до тридцати городовъ, собирая подписи къ петиціямъ и учреждая мѣстные комитеты реформъ. И вотъ, совершенно неожиданно, въ одномъ изъ этихъ городовъ, въ Гэддерсфильдѣ, въ то время какъ у него въ гостинницѣ собралась цѣлая компанія его почитателей и сторонниковъ, явился офицеръ въ сопровожденіи констэблей и предъявилъваррантъ для обыска и ареста. Картрайтъ съ отобранными у него бумагами былъ доставленъ въ каретѣ къ мировому судьѣ, который, просмотрѣвъ бумаги, состоявшія главнымъ образомъ изъ черновиковъ разныхъ петицій, тотчасъ же освободилъ его. Этотъ случай какъ бы прибавилъ еще больше энергіи старому агитатору, который еще съ бо̀льшимъ воодушевленіемъ продолжалъ свой путь для организаціи петицій. Въ то же время Картрайтъ не оставилъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и сдѣланный у него обыскъ, который онъ считалъ незаконнымъ. Получивъ отказъ въ просьбѣ о выдачѣ ему копіи варранта, на основаніи котораго обыскъ и арестъ были произведены, онъ обратился съ петиціями въ палату общинъ и лордовъ. Въ палатѣ общинъ, однако, петиція его не была принята, такъ какъ не нашлось депутата, который взялся бы представить ее. Зато ему посчастливилось въ палатѣ лордовъ, гдѣ молодой лордъ Байронъ выступилъ защитникомъ стараго реформатора.

„Милорды!—сказалъ тогда, между прочимъ, великій поэтъ:— авторъ петиціи посвятилъ свою долгую жизнь непрестанной борьбѣ за свободу подданныхъ и противъ того нежелательнаго вліянія, которое выросло и еще увеличивается, и которое должно быть сокращено. Каковы бы ни были ваши взгляды на его политическое ученіе, никто изъ васъ не сомнѣвается въ честности его намѣреній. Даже теперь, обремененный годами и сопутствующими старость слабостями, но все еще съ неослабнымъ талантомъ и непоколебимымъ мужествомъ, — онъ продолжаетъ сражаться противъ политическаго упадка, и новая рана, новое оскорбленіе, нанесенное ему, и на которое онъ жалуется, можетъ причинить ему рубецъ, но никакъ не безчестіе".

Слова Байрона возымѣли свое дѣйствіе, и петиція была пр-

сята и положена на столъ, — что собственно и „требовалось доказать“, такъ какъ петиція — не жалоба въ судъ, а лишь средство привлеченія вниманія общества и парламента къ нѣкоторымъ недостаткамъ государственнаго управленія.

Гораздо болѣе серьезнымъ оказалось дѣло, по которому привлекался Картрайтъ во второй разъ, въ 1819 г. Въ этомъ году движеніе въ пользу избирательной реформы приняло особенно бурный характеръ. Потерявъ терпѣніе ждать расширенія избирательнаго права отъ парламента, въ разныхъ мѣстахъ Англіи народъ вздумалъ осуществить это право безъ законодательной санкціи, и сталъ избирать представителей въ парламентъ общей подачей голосовъ. Первый примѣръ подалъ Бирмингамъ, который, несмотря на все свое крупное значеніе, какъ большой промышленный центръ, правомъ избранія депутатовъ не пользовался. Не желая оставаться дольше въ такомъ безправномъ состояніи, жители Бирмингама рѣшили на одномъ большомъ митингѣ, на которомъ присутствовало до 15.000 человѣкъ, выбрать своимъ „повѣреннымъ по дѣламъ законодательства“ (Legislatorial attorney) сэра Чарльза Вольслея (1769—1846). Попытка, однако, оказалась совершенно неудачной и въ концѣ-концовъ привела къ знаменитому въ исторіи Англіи избіенію на St. Peter's Field въ Манчестерѣ, извѣстному подъ именемъ „Peterloo Massacre“ (въ подражаніе Waterloo), и къ принятію парламентомъ „шести актовъ“. Самъ Вольслей, этотъ депутатъ безъ парламента, былъ преданъ суду за рѣчь въ Стокпортѣ и присужденъ, вмѣстѣ съ другимъ ораторомъ, къ тюремному заключенію на полтора года. Въ то же время былъ привлеченъ къ отвѣтственности и 80-лѣтній Картрайтъ. Послѣдній предсѣдательствовалъ въ Бирмингамѣ на выборахъ Вольслея, и поэтому противъ него, какъ и противъ четырехъ другихъ лицъ, было возбуждено обвиненіе въ „вооруженномъ заговорѣ“ противъ законнаго правительства и конституціи, въ „подстрекательствѣ толпы“ къ враждѣ и ненависти противъ тѣхъ же правительства и конституціи, „въ совершеніи незаконныхъ выборовъ“ и прочихъ преступленіяхъ самаго тяжелаго характера.

Послѣ долгихъ отсрочекъ и откладываній, вызванныхъ вопросомъ о мѣстѣ разбирательства и составѣ присяжныхъ, судъ, наконецъ, состоялся 4-го августа 1820 года. Картрайтъ рѣшилъ защищать самъ себя. Онъ объяснилъ это рѣшеніе тѣмъ, что адвокатъ по чувству долга поставитъ себѣ цѣлью оправданіе его во что бы то ни стало,—между тѣмъ, цѣлью должно быть оправданіе не лично его, Картрайта, а дѣла, за которое онъ при-

влеченъ. Свою рѣчь онъ приготовилъ заранѣе и лишь поручилъ адвокату читать ее, на что судья далъ разрѣшеніе. Это была очень длинная и въ общемъ замѣчательно составленная рѣчь, имѣвшая задачей главнымъ образомъ убѣдить присяжныхъ въ необходимости парламентской реформы и народной милиціи, при которой, конечно, такія безобразія, какъ на St. Peter's Field, не могли бы происходить. Рѣчь его въ общемъ была изложена въ тонѣ спокойнаго изслѣдованія юридическихъ основъ конституціи и совершенныхъ имъ проступковъ, за которые онъ привлеченъ къ суду. Но мѣстами прорывались молніей вспышки оскорбленнаго чувства, и въ такихъ случаяхъ boroughmonger'амъ доставалось сильно.

„Что! — восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ присяжнымъ:—Васъ хотятъ увѣрить, что то, что происходило въ Бирмингамѣ 12-го іюля прошлаго года, не законно? Что за лицемѣріе! Неужели эти 190 гигантовъ подкупа [1]) и ихъ агенты смѣютъ говорить о беззаконіи, когда рѣчь идетъ лишь о рекомендаціи въ депутаты человѣка, одобреннаго за свою честность, въ то время, когда они сами беззаконно захватили 353 мѣста въ палатѣ!"

„За управленіе дѣлами государства—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ рѣчи—взялись люди, лишенные принциповъ добродѣтели и дѣйствительно благороднаго воспитанія!"

Присяжные, однако, вынесли обвинительный приговоръ, но, опредѣляя наказаніе, судья принялъ во вниманіе возрастъ Картрайта и приговорилъ его къ штрафу въ сто фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ другіе подсудимые должны были отсидѣть отъ 9-ти до 18-ти мѣсяцевъ.

Послѣ суда и приговора Картрайтъ продолжалъ агитацію съ неменьшей энергіей, и на восемьдесятъ-четвертомъ году жизни онъ издалъ книгу („The Constitution produced and illustrated"), которая во многихъ отношеніяхъ стоитъ даже выше его прежнихъ произведеній, написанныхъ въ пору мужества и физическаго расцвѣта. Но эта книга, въ которой рѣчь идетъ о принципахъ не только конституціонныхъ, но и общаго законодательства, была его лебединою пѣснью. Послѣ выхода книги въ свѣтъ, силы его стали быстро ослабѣвать, хотя онъ все еще не оставлялъ занятій р[illegible]ными общественными и политическими вопросами.

Незадолго до своей смерти онъ отчеканилъ—въ количес[illegible]

---

[1]) Лорды и прочіе, имѣющіе право назначать въ парламентъ собственныхъ кандидатовъ.

нѣсколькихъ тысячъ—медали, на которыхъ были начертаны начала, составлявшія, по его мнѣнію, основы англійскаго государственнаго устройства въ древности. Эти начала суть: I. Правда и нравственность. II. Всенародная милиція, состоящая изъ всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. III. Народное собраніе, ежегодно созываемое для изданія законовъ. IV. Великій и малый составъ присяжныхъ изъ народа для примѣненія законовъ—и V. Магистратъ, избираемый народомъ для цѣлей исполнительной власти.

Собственно говоря, эти начала,—если не считать ежегоднаго созыва новыхъ парламентовъ,—дѣйствуютъ въ Англіи и теперь. Всенародная милиція хотя и не замѣнила еще совсѣмъ постояннаго, такъ сказать казарменнаго войска, отчасти осуществляется въ видѣ волонтерной арміи, которая есть вполнѣ гражданская сила, готовая всегда къ защитѣ конституціонныхъ основъ. Судъ присяжныхъ не только упроченъ, но и значительно очищенъ отъ тѣхъ недостатковъ, на которые въ свое время жаловался Картрайтъ. Искусственно подтасовывать угодливый составъ присяжныхъ теперь совершенно невозможно. Исполнительная власть всецѣло зависитъ отъ избранія ея народомъ, такъ какъ все мѣстное самоуправленіе поставлено теперь въ Англіи, благодаря реформамъ 1835-го, 1889-го и 1894 гг., на чисто демократическую почву. Что же касается до „правды и нравственности“, какъ стариннаго начала англійской конституціи, то если онѣ въ древности дѣйствительно лежали въ основѣ ея, тѣмъ болѣе можно это утверждать относительно настоящей эпохи.

V.

Вильямъ Коббетъ.

Сэръ Франсисъ Бардеттъ и Джонъ Картрайтъ могутъ съ полнымъ правомъ считаться вождями движенія въ пользу парламентской реформы въ первой четверти XIX-го вѣка. Такими они признавались не только историками, но и современниками. На собраніяхъ они занимали предсѣдательскія мѣста. Подъ петиціями они подписывались первыми. Резолюціи и петиціи диктовались ими же, хотя часто при содѣйствіи и по инипіативѣ людей, державшихся въ тѣни, какъ Франсисъ Плэсъ и др. Но рядомъ съ ними выступалъ и третій дѣятель, который, хотя никѣмъ не признавался вождемъ, оказывалъ огромное вліяніе на

судьбы движенія и имя котораго было еще, пожалуй, болѣе популярно, чѣмъ имена Бардетта и Картрайта. Это былъ Вильямъ Коббетъ, котораго Гейне въ своихъ „Englische Fragmente“ называетъ цѣпной собакой (Kettenhund), лающей и бросающейся на всякаго, подчасъ даже и на друга дома, и поэтому „не удостаивающейся даже кости, чтобы заткнуть ей глотку“.

Дѣйствительно, Коббетъ былъ замѣчательной сторожевой собакой Англіи, но Гейне былъ совершенно неправъ, если думалъ, что Коббета можно было подкупить. Лишенный постоянства въ своихъ отношеніяхъ съ людьми и въ своихъ взглядахъ на англійское правительство, онъ не могъ создавать себѣ крѣпкихъ политическихъ связей и сторонниковъ. Къ тому же онъ былъ крайне невоздержанъ и рѣзокъ въ своей полемикѣ, беззаботенъ насчетъ денежныхъ обязательствъ и очень непослѣдователенъ въ своихъ политическихъ теоріяхъ, ухитряясь въ одно и то же время быть радикаломъ по однимъ вопросамъ и консерваторомъ по другимъ, почему не могъ снискать себѣ то всеобщее уваженіе и любовь, которыми пользовался безспорно Картрайтъ и, въ нѣкоторой степени, Бардеттъ. Но, будучи неизмѣримо выше ихъ по талантливости, онъ съумѣлъ заставить тогдашнее англійское общество если не уважать его, то прислушиваться къ его голосу, который свыше тридцати-трехъ лѣтъ почти безъ всякаго перерыва раздавался со страницъ издававшагося имъ съ 1802-го года еженедѣльнаго „Political Register“. Это, несомнѣнно, былъ самый искренній радикалъ, который часто противорѣчилъ своему радикализму лишь по недостаточной вдумчивости въ жизненныя явленія, по невѣжеству и ложнымъ представленіямъ. Онъ окончательно перешелъ на сторону оппозиціи, отвергавшей какъ торіевъ, такъ и виговъ, лишь въ 1805 г., хотя уже и до этого на страницахъ его органа временами выпускаются острыя стрѣлы не только противъ виговъ, которыхъ онъ никогда не любилъ, но даже противъ бывшаго его кумира Питта и противъ всего торійскаго кабинета Аддингтона (извѣстнаго потомъ какъ лордъ Сидмоутсъ), а затѣмъ и второго кабинета Питта. Однако, только въ 1805 году его оппозиція окончательно формируется не въ видѣ нападокъ на того или другого министра, на ту или другую партію, а на систему управленія въ ея цѣломъ, и онъ выступаетъ съ требованіями широкихъ и коренныхъ реформъ, которыя только однѣ и могли устранить существовавшіе тогда недостатки и прорѣхи въ государственномъ строѣ Англіи.

Коббета обыкновенно обвиняютъ въ томъ, что, начавъ сво

литературную карьеру, какъ яркій торій, какъ мужественный защитникъ трона, церкви и „небесно-рожденнаго“ Питта, онъ вдругъ повернулъ въ сторону радикализма и съ еще большей силой сталъ разбивать прежніе свои идолы. Конечно, если бы это даже была правда, то и тогда ничего дурного его перемѣна фронта не представляла бы. Перемѣна въ убѣжденіяхъ сама по себѣ ничего предосудительнаго въ себѣ не содержитъ. Мѣняется опытъ, мѣняются обстоятельства и отсюда естественна перемѣна и во взглядахъ на жизнь и людей. Противна и гнусна перемѣна, когда ею руководитъ не внутреннее убѣжденіе, а корысть, желаніе подслуживаться, пріобрѣтать капиталы, друзей или славу. Но именно этого-то характера повороты Коббета вовсе не имѣли. Онъ былъ всегда чрезвычайно независимъ, какъ истинный талантъ, какъ орелъ слова. Когда, по возвращеніи изъ Америки въ 1800 г., окруженный славой защитника Англіи, Коббетъ получилъ выгодное предложеніе отъ благосклоннаго тогда къ нему правительства, считавшаго его „своимъ человѣкомъ“, онъ гордо отвѣтилъ словами голоднаго волка изъ басни, котораго собака прельщаетъ сладкимъ житьемъ въ конурѣ на цѣпи: „Нѣтъ, предпочитаю тощій желудокъ и шею безъ слѣда ошейника“.

Но въ отношеніи Коббета нельзя даже говорить и о перемѣнѣ убѣжденій,—несмотря на очевидныя разногласія въ его писаніяхъ. Это была не перемѣна, а расширеніе взглядовъ. Родившись въ бѣдной крестьянской семьѣ, онъ въ первые два, три десятка лѣтъ имѣлъ очень мало возможностей для полнаго политическаго развитія, и лишь природныя выдающіяся дарованія, огромная энергія и трудолюбіе выдвинули его въ первые ряды англійской интеллигенціи первой четверти XIX-го вѣка. Молодымъ человѣкомъ 21-го или 22-хъ лѣтъ онъ поступилъ, въ 1784 г., въ армію, и, казалось, здѣсь онъ долженъ былъ пропасть, въ этой грубой и пьяной компаніи солдатъ, которые вербовались главнымъ образомъ изъ подонковъ общества. Но, именно будучи въ арміи и пользуясь свободнымъ временемъ и сравнительно комфортабельной и спокойной жизнью, онъ занялся самообразованіемъ и выработалъ себѣ литературной слогъ, который по сжатости, силѣ и образности часто поднимается до уровня стиля Карлейля, съ его непревзойденной по блеску, живости и сжатости англійской прозой. Свою военную службу онъ провелъ почти все время въ Канадѣ, и здѣсь, повидимому, политическіе вопросы его меньше интересовали, чѣмъ чисто полковые и военные, и если онъ видѣлъ что-нибудь дурное во-

кругъ себя, то лишь въ кражахъ и мошенничествахъ интендантскихъ чиновъ. Первымъ дѣломъ его по выходѣ изъ полка и по возвращеніи въ Англію было — написать министру докладъ о замѣченныхъ имъ неблаговидныхъ поступкахъ и хищеніяхъ нѣкоторыхъ офицеровъ своего полка и требовать слѣдствія и суда. Когда, однако, судъ былъ назначенъ, Коббетъ предпочелъ не явиться и бѣжалъ во Францію. По характеру онъ вообще не принадлежалъ къ великомученикамъ, готовымъ страдать за идею. Очевидно, онъ не былъ увѣренъ, что ему удастся на судѣ доказать основательность своихъ обвиненій; а не доказать ихъ значило быть самому обвиненнымъ и наказаннымъ за клевету.

Какъ бы то ни было,—поживъ нѣкоторое время во Франціи, Коббетъ переселился въ Америку, гдѣ прожилъ съ 1792-го по 1800-й годъ. Здѣсь онъ быстро составилъ себѣ имя, какъ талантливѣйшаго писателя и сторонника торійской партіи въ Англіи. Издали его родина ему казалась лучшей страной въ мірѣ, съ самой совершенной конституціей и съ наиболѣе талантливымъ правительствомъ во главѣ, и онъ съ безпощадной рѣзкостью нападалъ на всякаго, осмѣливавшагося критиковать и поносить Англію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ тогда судилъ объ Англіи на основаніи предразсудковъ, впитанныхъ имъ въ дѣтствѣ и въ арміи, вдали отъ родины, не давая себѣ труда самостоятельно вдумываться въ совершавшіяся тогда событія и изучить состояніе страны. Лишь возвратившись на родину и окончательно поселившись въ ней, онъ началъ прозрѣвать. Глаза его раскрылись, и онъ наконецъ понялъ, что этотъ самый Питтъ, котораго онъ такъ восхвалялъ, въ сущности для народа дѣлаетъ очень мало, но зато кругомъ него питается цѣлая орава „сторонниковъ“, въ то время какъ національный долгъ ростетъ и податная тяжесть ложится на народъ все болѣе угнетающимъ бременемъ. Конституція, которою онъ такъ восторгался изъ прекраснаго далека, создала лишь парламентъ, въ которомъ господствуетъ и правитъ толпа — какъ онъ потомъ писалъ — „биржевыхъ дѣльцовъ, устроителей государственныхъ займовъ, искателей синекуръ и пенсій, придворныхъ льстецовъ, подрядчиковъ и продажныхъ лордовъ“, и эта толпа именуетъ себя „англійскимъ народомъ“. Тронъ, передъ которымъ онъ въ отдаленнос такъ благоговѣлъ и преклонялся, при болѣе близкомъ разсі трѣніи оказался занятымъ очень ограниченнымъ, невѣжестве нымъ и упрямымъ старикомъ, выжившимъ изъ ума, а прин Уэльскій, будущій его преемникъ (Георгъ IV), проводилъ д въ распутствѣ, безпросыпномъ пьянствѣ и картежничествѣ.

Въ то же время на глаза ему попадались и такія газетныя объявленія, которыя открыто свидѣтельствовали о полномъ упадкѣ политической чести и народнаго представительства: „Богатый и почтенный господинъ можетъ узнать о мѣстечкѣ (a borough) у такого-то". Слѣдуетъ адресъ. Это означало, что лицо или группа лицъ, распоряжающихся представительствомъ какого-то „гнилого мѣстечка", готовы продать мѣсто въ парламентѣ желающему купить его.

Не удивительно, что Коббетъ, этотъ защитникъ трона и церкви, сталъ вдругъ смотрѣть иными глазами на свою Англію и на политику виговъ и торіевъ. „Пусть политики пугаютъ насъ революціей, а служители церкви — адомъ,—писалъ онъ въ 1807 г. въ „Political Register",—но если кто-либо можетъ найти нѣчто болѣе позорное и болѣе достойное проклятія, чѣмъ содержаніе такого рода объявленій, то умоляю его скорѣе указать мнѣ на это. Въ однѣхъ лондонскихъ газетахъ я прочелъ 57 такихъ объявленій. Есть ли во всей всемірной исторіи примѣръ такого національнаго паденія?"

Но Коббетъ, какъ и другіе современные ему англійскіе радикалы, все же считалъ, что виновата тутъ не англійская конституція, которую они всѣ считали совершенной, а нарушенія, вошедшія въ обычай и занявшія мѣсто настоящей конституціи (the real constitution). Въ этой вѣрѣ даже самыхъ крайнихъ англійскихъ радикаловъ начала XIX-го вѣка въ свою конституцію было нѣчто трогательное и даже наивное. Даже въ 1817 г., когда борьба за парламентскую реформу возгорѣлась особенно сильно, Коббетъ писалъ: „Говорю въ 1001-й разъ, мы *ничего новаго* (курсивъ подлинника) не хотимъ. Мы требуемъ лишь законовъ Англіи. Никакихъ новшествъ. Мы не желаемъ уничтожить королей, дворянъ или церковь. Мы требуемъ законовъ Англіи, и *законы Англіи мы получимъ*".

Въ его „Political Register" за 1820 годъ мы находимъ слѣдующее изложеніе его принциповъ:

„Считаю, — писалъ онъ, — что нашъ долгъ дѣлать все возможное для поддержанія правительства изъ короля, лордовъ и общинъ. Насчетъ религіи всякій долженъ быть свободенъ исповѣдывать и высказывать любое мнѣніе, и преслѣдованіе изъ-за религіозныхъ мнѣній считаю самымъ худшимъ и зловреднымъ дѣломъ. Никто не долженъ быть обложенъ платежами безъ его согласія и только на основаніи закона страны. Выборы должны быть свободны... Дѣла государственныя должны вершаться такимъ образомъ, чтобы всякій трезвый, трудолюбивый и здоро-

вый человѣкъ могъ на свой заработокъ прилично и комфортабельно содержать себя и семью... Бѣдствія нашей страны истекаютъ отъ податной тяжести... Національный долгъ и другіе заранѣе предрѣшенные расходы (fixed expenses) закрѣпляютъ за собою трудъ всякаго мужчины, женщины и ребенка... Если не произойдетъ вскорѣ большая перемѣна, то народъ ослабнетъ, сдѣлается презрѣннымъ и обратится въ рабство, а его капиталы обогатятъ и усилятъ лишь соперничающія съ нимъ націи".

Считая почему-то важнымъ для Англіи „поддерживать правительство изъ короля, лордовъ и общинъ", Коббетъ въ то же время самымъ дѣятельнымъ образомъ внушалъ читателямъ изъ рабочихъ мысль о томъ, что они одни суть соль земли, что ихъ руками, ихъ трудами и силой, создалось все матеріальное богатство и политическое могущество страны, и среди его писаній наибольшую агитаціонную извѣстность получило именно „Посланіе къ ремесленникамъ и рабочимъ", напечатанное въ „Political Register" въ ноябрѣ 1816-го года. Въ этомъ посланіи Коббетъ прямѣе и яснѣе, чѣмъ когда-либо раньше, сводитъ всѣ экономическія бѣдствія рабочихъ къ излишнимъ платежамъ въ пользу государства, кровь котораго высасывается пенсіями, синекурами, подрядчиками, дворцовыми расходами, процентщиками, хищеніями и казнокрадствомъ. „Что же было причиною всего этого бремени налоговъ?"—спрашиваетъ онъ тутъ же, и отвѣчаетъ: „Необходимо немного отступить назадъ въ исторію, и тогда вы сейчасъ же увидите, что это нестерпимое бремя произошло отъ недостатка парламентской реформы".

Правительство находится въ рукахъ маленькой группы лицъ, дѣйствующей въ своихъ интересахъ. Если же представительство въ парламентѣ будетъ болѣе широкое, тогда и правительство будетъ въ рукахъ болѣе широкихъ слоевъ народа, и, слѣдовательно, будутъ соблюдены и болѣе широкіе народные интересы,—разсуждалъ онъ. Видя средство къ поднятію экономическаго положенія рабочихъ единственно въ парламентской реформѣ, онъ энергично протестовалъ противъ всякихъ насилій, совершавшихся тогда рабочими, такъ-называемыми „лёдитами" (по имени рабочаго Lud), ломавшими новыя машины. И если судить по сохранившимся отзывамъ его современниковъ, увѣщанія Коббета сыграли огромную успокаивающую роль.

„Въ это время (дѣло идетъ о 1816 г.),—пишетъ Бамфордъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „Passages in the Life of a Radical",—писанія Вильяма Коббета получили сразу огромный автори-

тетъ. Ихъ читали почти въ каждомъ коттэджѣ въ промышленныхъ округахъ Ланкашира, Лейстера, Дэрби и Ноттингама, а также и въ промышленныхъ городахъ Шотландіи. Ихъ вліяніе было для всѣхъ сразу ощутительно. Онъ указалъ читателямъ на настоящую причину ихъ страданій—на плохое правительство, и на лучшее лекарство—на парламентскую реформу. Безпорядки вскорѣ сдѣлались рѣже, и съ тѣхъ поръ никогда больше не пользовались такимъ сочувствіемъ у рабочихъ классовъ, какъ въ прежніе годы. Вмѣсто безпорядковъ и уничтоженія собственности, въ городахъ и деревняхъ стали возникать клубы имени Гемпдэна. Сочиненія Коббета распространялись дешевыми изданіями; рабочіе читали ихъ, и начали дѣйствовать обдуманно и систематически".

Весьма возможно, что Бамфордъ излишне преувеличиваетъ значеніе Коббета, какъ учителя рабочихъ классовъ, но оно во всякомъ случаѣ было немалымъ. Несмотря, однако, на это успокоительное значеніе сочиненій Коббета, ему пришлось, въ 1817 г., бѣжать въ Америку отъ преслѣдованій правительства. Въ этомъ году парламентъ принялъ свои знаменитые „шесть актовъ", сильно ограничившихъ свободу собраній и слова, и Коббетъ, хотя еще ничего дурного не совершилъ, предвидѣлъ возможность придирокъ и преслѣдованій въ будущемъ, и предпочелъ писать изъ безопаснаго убѣжища. Правда, враги его, не безъ серьезнаго основанія, говорили, что онъ бѣжалъ не отъ политическихъ преслѣдованій, которыя вовсе не грозили ему, а отъ кредиторовъ, которые сдѣлались очень назойливы. Во всякомъ случаѣ, его „Political Register" продолжалъ выходить подъ наблюденіемъ его сына, а черезъ два года онъ и самъ вернулся изъ своего добровольнаго изгнанія, захвативъ съ собою изъ Америки кости Томаса Пэна.

Трудно сказать, зачѣмъ ему понадобились эти кости. Было ли это дѣйствительное желаніе воздать должное останкамъ человѣка, котораго при жизни онъ называлъ „Сумасшедшимъ Томомъ", „величайшимъ позоромъ человѣчества" и тому подобными ругательными словами, или же это было желаніе личной рекламы, а можетъ быть и наживы, такъ какъ онъ намѣревался собирать деньги на національный памятникъ. Лордъ Байронъ по этому поводу написалъ слѣдующую эпиграмму:

Томъ Пэнъ! Тревожа ваши кости,
Коббетъ былъ правъ, какъ говорятъ:
Вы здѣсь къ нему явились въ гости,
А онъ зайдетъ къ вамъ послѣ въ адъ.

Участь этихъ костей, въ свое время возбудившихъ противъ Коббета столько сарказма, кстати сказать, была довольно печальна. Что сталось съ этими костями и куда онѣ дѣлись—такъ и осталось неизвѣстнымъ. Въ 1836 г., спустя мѣсяцевъ шесть послѣ смерти Коббета, онѣ попали въ руки аукціониста вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ умершаго, предназначавшимся для уплаты долговъ. Кости, однако, въ продажу пущены не были, и онѣ оставались до 1844 г. въ конторѣ администраціи по дѣламъ банкротствъ. Въ 1844 г. ихъ передали какому-то Тилли, очевидно, какъ подарокъ, а что сдѣлалъ съ ними Тилли—исторія умалчиваетъ.

Бѣгство Коббета въ Америку, перетаскиванье имъ съ мѣста на мѣсто костей Пэна и, наконецъ, его некрасивый процессъ съ его секретаремъ Райтомъ, случившійся тоже около того же времени, значительно уронили репутацію его въ глазахъ его многочисленныхъ читателей, и политическое его вліяніе упало. Онъ какъ бы и самъ сознавалъ это, и въ десятилѣтіе 1821—1830 гг. посвятилъ себя больше историческимъ, сельскохозяйственнымъ и прочимъ вопросамъ, чѣмъ политикѣ. При этомъ онъ обнаружилъ изумительныя для его возраста (между 60-ью и 70-ью годами) трудолюбіе, плодовитость и талантливость. Въ нашу задачу не входитъ перечень всѣхъ работъ Коббета или разборъ ихъ. Достаточно сказать, что онъ въ этотъ періодъ времени издалъ „Исторію реформаціи въ Англіи и Ирландіи", „Руководство къ сельскому хозяйству", „Совѣты молодымъ людямъ", „Описаніе поѣздокъ по деревнямъ" (Rural Rides), „Англійскій садоводъ", грамматику французскаго языка и другія работы, большей или меньшей цѣнности.

Между тѣмъ, его „Political Register" со статьями политическаго характера не переставалъ выходить; борьба за парламентскую реформу не была окончательно отложена въ сторону, и въ концѣ 20-хъ годовъ XIX-го вѣка мы его видимъ опять горячимъ бойцомъ въ первыхъ рядахъ оппозиціи. Онъ даже пробовалъ выставить свою кандидатуру въ парламентъ, но безуспѣшно. Однако, давно желанный берегъ близился. Страна рѣшила разъ навсегда, что она должна имѣть реформу, и она ее получила, и старый агитаторъ дожилъ до того, что самъ же былъ избранъ отъ города Ольдгама въ первый реформированный парламентъ, въ которомъ онъ и занималъ мѣсто послѣдніе три года своей жизни, отъ 1832 по 1835 годъ.

Коббетъ былъ послѣднимъ писателемъ, котораго правительство вздумало привлечь къ отвѣтственности за статью, „возб

ждающую населеніе противъ правительства". Это было въ 1831 г., въ разгаръ борьбы за парламентскую реформу. Вспыхнувшіе тогда аграрные безпорядки вызвали со стороны Коббета статью, въ которой онъ объяснялъ ихъ справедливой местью земледѣльческихъ рабочихъ за попираніе ихъ политическихъ правъ. Министерство лорда Грея увидѣло въ этомъ объясненіи угрозу и подстрекательство къ безпорядкамъ, и привлекло автора къ отвѣтственности. Но присяжные не могли придти къ единодушному рѣшенію, обязательному въ англійскомъ судѣ, и правительство поспѣшило взять обратно обвиненіе.

Очевидно, общественное мнѣніе въ Англіи въ пользу свободы печати сдѣлало за 21-лѣтній періодъ, съ 1810 г., огромный прогрессъ. Въ 1810 году этотъ самый Коббетъ, за статью не болѣе „опасную", чѣмъ въ 1831 г., былъ осужденъ присяжными послѣ пяти-минутнаго совѣщанія и приговоренъ къ двумъ годамъ заключенія и къ тысячѣ фунтовъ стерлинговъ штрафа.

Имя Коббета связано съ замѣчательно полезными литературно-издательскими начинаніями. Въ 1803 году онъ началъ издавать „Сборникъ парламентскихъ дебатовъ", перешедшій, въ 1812 г., въ другія руки. Подъ его же редакціей начало выходить—подъ названіемъ: „Парламентская исторія Англіи отъ норманскаго нашествія въ 1066 г. до 1803 г."—собраніе всѣхъ сохранившихся въ печати или письменныхъ документахъ парламентскихъ рѣчей, резолюцій и инцидентовъ. Эта работа была закончена въ 1820 г., и въ цѣломъ составляетъ 36 большихъ томовъ. По его же иниціативѣ издано и собраніе судебныхъ процессовъ общественно-политическаго характера, начиная съ процесса противъ Ѳомы Бекета, архіепископа кентерберійскаго, въ царствованіе Генриха II-го, т.-е. почти за 800 лѣтъ.

Слава Коббета покоится, однако, главнымъ образомъ не на этихъ издательскихъ предпріятіяхъ и не на другихъ его историческихъ и прочихъ литературныхъ работахъ, а на его дѣятельной борьбѣ въ пользу парламентской реформы.

Перечень „радикаловъ", стоявшихъ во главѣ этой борьбы, не исчерпывается, конечно, именами Коббета, Бардетта и Картрайта; но эти три дѣятеля были, несомнѣнно, самыми типическими представителями тогдашняго освободительнаго движенія въ Англіи.

С. И. Рапопортъ.

ИЗЪ ОДНОГО ПИСЬМА

Вы говорили мнѣ, что я совсѣмъ отстала;
Что я на жизнь смотрю сквозь призму прошлыхъ лѣтъ;
Что въ жизни нѣтъ добра; что зло всему начало;
Что я въ моихъ мечтахъ немного запоздала;
Что дѣлать можно все; что преступленья нѣтъ!..
И повѣсть новыхъ дней и „новаго искусства"
Такъ гордо развивать вы стали предо мной,—
И я увидѣла: погасли ваши чувства,
И чувственность одна у васъ въ душѣ больной...
Но вотъ—я къ вамъ пишу въ вашъ омутъ безнадежный,
Откуда никому васъ больше не спасти...
О, мой погибшій другъ! такой же грустной, „нѣжной"
Безъ васъ мнѣ суждено одной теперь брести.
Пусть одинока я, пускай кругомъ пустыня
Для свѣтлыхъ чувствъ моихъ, для сновъ моей души,—
Негаснущимъ огнемъ горитъ моя святыня,
И я молюся ей и вѣрую въ тиши.
Святыня эта—цѣль и смыслъ существованья,
Святыня эта—Богъ, дающій миръ и свѣтъ,
Богъ, посылающій на землю къ намъ мечтанья,
Чтобъ мы очистились отъ всѣхъ земныхъ суетъ.
Тамъ, гдѣ жива любовь—тамъ похоть не возможна;
Гдѣ похоть—нѣтъ любви, а только страсти бредъ...
Заблудшій, бѣдный другъ!—ученье ваше ложно:
Гдѣ зло, тамъ Бога нѣтъ!

Д. Ратгаузъ.

ПЕКИНЪ

ЗИМОЮ

ОЧЕРКЪ.

Житье въ Пекинѣ, какъ и повсюду, имѣетъ свои дурныя и хорошія стороны. Къ дурнымъ сторонамъ жизни въ Пекинѣ надо отнести, конечно, и оторванность отъ родины вслѣдствіе дальности разстоянія: письма и газеты приходятъ къ намъ съ легкой почтой, чрезъ Монголію, на 30-й день, а если изъ почтовой конторы въ Троицкосавскѣ письма и газеты будутъ отправлены тяжелой почтой на верблюдахъ, то мы получимъ ихъ черезъ три мѣсяца; невозможность удовлетворять запросы духовной жизни, вслѣдствіе отсутствія въ Пекинѣ библіотекъ, театра, музыки; тягость климатическихъ и туземныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условій жизни для непривычныхъ къ нимъ европейцевъ, и, наконецъ, для насъ, русскихъ, самая тягостная сторона жизни заключается въ нашей разрозненности и отсутствіи какихъ бы то ни было духовно-связующихъ общихъ интересовъ.

Русская жизнь въ Пекинѣ есть капля, выхваченная случайно изъ общерусской жизни, отражающая въ себѣ ярко только ея дурныя стороны, которымъ дается широкій просторъ въ Пекинѣ.

Содержимое этой общерусской капли чрезвычайно измѣнчиво и случайно, вслѣдствіе постоянныхъ перемѣщеній и замѣщеній однихъ членовъ русской колоніи другими. Что касается до хорошихъ сторонъ жизни въ Пекинѣ, то къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести международность жизни.

Передъ глазами внимательнаго наблюдателя здѣсь проходитъ

бытовая жизнь каждой европейской народности, представляющая много и общихъ чертъ, но много и своеобразно отличительныхъ.

Международность жизни даетъ возможность присматриваться на близкомъ разстояніи къ разноплеменнымъ группамъ, сравнивать ихъ, наблюдать и дѣлать выводы о степени ихъ культурности и общественности.

Благодаря такой международности, жизнь въ Пекинѣ отличается чрезвычайной подвижностью: постоянная смѣна людей вноситъ въ жизнь постоянную смѣну живыхъ впечатлѣній, что поддерживаетъ, несмотря на многія тяжелыя лишенія, постоянный живой интересъ.

Жить, не имѣя ни къ чему никакого интереса, въ Пекинѣ невозможно. Интересомъ для многихъ является, какъ отдыхъ послѣ обязательной служебной работы, или спортъ: fox hunt, papper hunt, foot-ball (главными участниками этого спорта являются англичане и американцы); или посѣщенія международнаго клуба, въ которомъ устраивается катокъ для любителей кататься, шахматные турниры, турниры на билліардѣ, а также и танцовальные вечера (cinderella).

Очень немногіе изъ европейцевъ находятъ для себя интересъ въ ознакомленіи и изученіи китайской уличной жизни. Эти люди, равнодушные ко всякому спорту, все свое свободное время проводятъ въ хожденіи по всѣмъ закоулкамъ Пекина, въ посѣщеніяхъ китайскихъ ресторановъ, чайныхъ домовъ, ярмарокъ, лавокъ, магазиновъ и т. п. Наконецъ, здѣсь есть очень многочисленный кругъ лицъ, для которыхъ интересомъ жизни являются карты.

Пекинъ, благодаря своей международной подвижности и благодаря рѣзкимъ перемѣнамъ климатическихъ условій, въ разное время года бываетъ чрезвычайно разнообразенъ. Пекинъ зимой рѣзко отличается отъ Пекина лѣтомъ, равно какъ Пекинъ весной—совершенно иной, нежели Пекинъ осенью.

И каждый изъ нихъ имѣетъ своеобразный интересъ.

Начало каждаго времени года опредѣляется для китайцевъ въ ежегодно издаваемомъ при астрономическомъ приказѣ въ Пекинѣ полномъ народномъ календарѣ.

И какъ бы ни былъ тепелъ первый день зимы, или холоденъ первый день лѣта, но китайцы обязательно въ первомъ случаѣ надѣнутъ зимнюю одежду, простеганную ватой, а во второмъ—смѣнятъ ее на соотвѣтственную лѣтнюю.

Народный календарь въ жизни китайцевъ играетъ видную роль распорядителя, которому всѣ подчиняются.

Въ полномъ народномъ календарѣ опредѣлена вся бытовая

жизнь китайца, указаны всѣ счастливые и несчастливые въ году дни на всякій случай обихода его жизни, будетъ ли это постройка дома, продажа и купля, поѣздка по дѣламъ, поступленіе на службу или вступленіе въ бракъ, принесеніе благодарственной божеству жертвы и т. п.

И до извѣстной степени надо отдать справедливость китайскому календарю: онъ не всегда вретъ.

Наблюдательность относительно климатическихъ и атмосферическихъ явленій, вѣками накоплявшаяся въ астрономическомъ приказѣ, даетъ возможность дѣлать не мало правильныхъ указаній и интересныхъ примѣтъ...

Насколько ранняя и средняя осень въ Пекинѣ пріятны своею равномѣрностью, отсутствіемъ вѣтровъ, рѣзкихъ колебаній температуры между утромъ и полуднемъ, между полуднемъ и вечеромъ, а также постоянно яснымъ, голубымъ небомъ,—настолько непріятна первая часть зимы съ ея рѣзкими колебаніями и измѣнчивостью температуры. Эту атмосферную измѣнчивость европейцы переносятъ тяжело и, не приноровившись въ мѣстнымъ условіямъ климата въ своей одеждѣ, постоянно простуживаются и болѣютъ. Ноябрь и декабрь мѣсяцы, вообще непостоянные по погодѣ, особенно были измѣнчивы за время зимы 1906—7 года.

Почти весь мѣсяцъ ноябрь былъ сырой и пасмурный, съ частыми, хотя не сильными и не продолжительными туманами, но зато съ частыми вѣтрами и рѣдкими ясными солнечными днями.

Отсутствіе тепла и солнца, отсутствіе ласкающаго нѣжно-голубого неба, закрытаго хмурыми сѣрыми облаками, особенно тяжело чувствуется европейцами.

Пекинская сырость и хмурость, своеобразная, какъ и все здѣсь въ Китаѣ, пронизываютъ до костей и чувствуются въ нововостроенныхъ домахъ, не приноровленныхъ европейскими архитекторами къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, гораздо сильнѣе, нежели на воздухѣ. Въ сырые дни большая часть нервнаго европейскаго населенія клянетъ Пекинъ, собирается при первой же возможности покинуть его, обѣщаясь никогда болѣе не возвращаться. Но только въ воздухѣ посвѣжѣетъ, только небо очистится и засинѣетъ, только засіяетъ солнце и начнетъ согрѣвать природу и людей своими горячими лучами, какъ тотчасъ же исчезаетъ и тоска, и хандра.

Для насъ, русскихъ, является прямо-таки праздничное настроеніе, когда въ воздухѣ „запахнетъ снѣжкомъ", когда за-

свѣжѣетъ и посыплетъ ровный и спорый снѣжокъ, который хоть въ мечтахъ, хоть на время, прикроетъ всю неуютность бытовой нашей жизни и унесетъ насъ хоть въ мысляхъ, на коврѣ-самолетѣ, на далекую снѣжную родную равнину, въ далекій, покрытый снѣжными хлопьями, молчаливый лѣсъ. Атмосферныя измѣненія въ теченіе ноября мѣсяца въ Пекинѣ можно подвести подъ слѣдующіе главные три типа. Съ утра небо хмурое, реветъ и мечетъ вѣтеръ, поднимая тучи пыли и кружа его въ воздухѣ вмѣстѣ съ сухими листьями. Послѣ полудня вѣтеръ стихаетъ, облака расходятся, открывается ясное голубое небо, на которомъ вечеромъ зажигаются милліарды яркихъ звѣздъ, льющихъ на землю свой мерцающій свѣтъ съ синяго небеснаго свода.

Или, что̀ бываетъ чаще, съ утра стоитъ тихая хорошая погода, небо хотя и облачно, но повсюду видны голубыя пространства. Солнце свѣтитъ. Послѣ полудня вдругъ срывается вѣтеръ, достигающій часто силы бури и реветъ до захода солнца, когда такъ же почти мгновенно буря прекращается и водворяется въ природѣ чудная вечерняя тишина. Или стоятъ тихіе, но хмурые, сырые дни, когда все небо закрыто сѣрой густой пеленой, когда всѣ ёжатся, жалуются, что имъ—„какъ-то не по себѣ“, „неможется“. Иногда, однако, выдаются тихіе, ясные солнечные дни.

Въ дни сухіе и вѣтряные развивается сильная сухость воздуха, которая также дѣйствуетъ гнетуще на психику нервныхъ людей, вызывая иной разъ сильные приступы нервнаго сердцебіенія, нервнаго удушья, безсонницу, нервную раздражительность.

Сухость воздуха у всѣхъ почти отзывается на кожѣ рукъ. Кожа сохнетъ, становится шершавой, шелушится; нерѣдко даже появляются изъязвленія.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, я аккуратно записывалъ ежедневно три раза температуру воздуха, высчитывая затѣмъ ежемѣсячно среднюю температуру. Ноябрь мѣсяцъ 1906 года далъ слѣдующую среднюю температуру: въ 9 часовъ утра—0,5 R., въ полдень $+ 2,8^0$ R. и въ 9 часовъ вечера $+ 0,3^0$ R.

Первый небольшой снѣгъ выпалъ въ ночь на 6-е ноября послѣ пасмурнаго, но теплаго дня наканунѣ. Такое раннее выпаденіе снѣга—явленіе рѣдкое въ ноябрѣ. Въ половинѣ ноября принадлежащіе Пекину каналы покрылись уже прочнымъ сравнительно льдомъ, и веселье зимы—катанье на льду, на конькаx и китайскихъ саняхъ—стало привлекать и китайцевъ, и европейцевъ...

Что касается до проявленій китайской жизни въ течен[ie] послѣднихъ мѣсяцевъ, то можно сказать одно: твердыми, но н

торопливыми шагами Китай идетъ впередъ по пути государственнаго переустройства и развитія общественной жизни.

Въ этомъ неуклонномъ движеніи впередъ виделась и чувствовалась могучая поступь увѣреннаго въ себѣ и обладающаго вѣковою жизненностью государственнаго организма, умудреннаго опытомъ пережитыхъ тысячелѣтій, мѣняющаго направленіе своей жизни не по капризу случая, не скачками неуравновѣшеннаго юнаго темперамента, а по зрѣлому обсужденію и признанію неотложной необходимостью взять другую дорогу жизни.

И европейцевъ въ Китаѣ поражаетъ это вдумчивое государственное строительство, въ которомъ не упущена изъ виду ни одна сторона жизни, но всѣ части государственнаго строя обновляются и улучшаются вмѣстѣ, слѣдуя одна за другой въ строго обдуманномъ постепенномъ порядкѣ.

Только наблюдая эту кропотливую, неустанную, строго обдумываемую работу переустройства китайскаго государства, приходишь къ убѣжденію, что только могучій и живучій народъ способенъ совершить такое переустройство безъ народныхъ междоусобій, безъ ненависти и кровавыхъ внутреннихъ потрясеній, вызываемыхъ самими же дѣятелями, толкающими народъ въ самоуправство, въ самосудъ, въ самоистребленіе...

Въ дѣлѣ своего государственнаго переустройства Китай являетъ собой образецъ стихійной силы, но силы разумной, спокойно перерабатывающей встрѣчаемыя на пути препятствія. Наблюдая могучую работу Китая надъ своимъ обновленіемъ, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что будущее Дальняго Востока принадлежитъ не Японіи, не Европѣ, но пережившему вѣка и на новые вѣка сохранившему жизненную энергію Китаю.

Учрежденныя новыя китайскія министерства имѣютъ еще у себя старыхъ министровъ, но и эти стародумные сановники безповоротно уже признали надъ собою власть новаго пути, по которому ихъ влечетъ новая жизнь.

Эти стародумные китайцы-сановники идутъ не противъ необходимаго обновленія, но идутъ противъ быстрой ломки всѣхъ старыхъ устоевъ, изъ которыхъ—справедливо говорятъ они—не всѣ плохи, равно какъ и нововведенія не всѣ хороши; во всемъ необходима серьезная и вдумчивая оцѣнка возможныхъ улучшеній.

Китай въ настоящемъ сталъ уже проявлять свою самостоятельность и независимость не только въ отношеніи Европы, но и въ отношеніи Японіи. Европейцы все болѣе и болѣе теряютъ свои привилегіи обогащаться за счетъ Китая и устраняются

отъ полученія правъ на разработку природныхъ богатствъ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на особое свое привилегированное положеніе надъ китайскимъ народомъ, которое было такъ прочно еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Но, устраняя господство у себя европейцевъ, Китай не признаетъ надъ собой и господства японцевъ...

Новыя министерства дѣятельно работаютъ, и работа ихъ, особенно военнаго министерства и народнаго просвѣщенія, дала много положительныхъ результатовъ. Разумно и широко проводится борьба съ куреніемъ опіума, на прочную почву ставится борьба съ пиратствомъ на рѣкахъ и разбойничествомъ на сушѣ, бывшими еще не такъ давно организованными и сильными.

Въ китайскомъ народѣ одновременно съ новыми реформами получили широкое развитіе, широкое распространеніе и національныя чувства и стремленія.

Китайскій патріотизмъ все громче и громче взываетъ къ освобожденію отъ чуждой ему манчжурской династіи.

Дѣятельность тайныхъ противо-правительственныхъ обществъ все расширяется, и антидинастическое революціонное движеніе все захватываетъ бо́льшія и бо́льшія пространства...

Обращаясь къ общественной жизни европейскаго общества, можно установить фактъ, что въ началѣ зимы европейская жизнь вообще проявляется слабо. Это объясняется тѣмъ, что въ теченіе лѣта происходитъ наибольшая смѣна людей. Съ началомъ весны обычно совершается отъѣздъ изъ Пекина въ Европу, и къ началу осени совершается пріѣздъ. Вслѣдствіе этого обмѣна людьми, начало зимняго сезона служитъ періодомъ ознакомленія вновь прибывшихъ съ старымъ населеніемъ, налаживаетъ, такъ сказать, текущую европейскую жизнь. Поэтому, хотя въ это время и бываютъ балы у того или другого представителя, но проходятъ обычно вяло.

Что касается жизни русскаго общества въ Пекинѣ, то эта жизнь особенныхъ проявленій не даетъ, сохраняя свои типичныя черты. Русская колонія имѣетъ въ своей средѣ исконныхъ двухъ-трехъ людозлобовъ, которые встрѣчаютъ каждаго нововходящаго въ нее члена желаніемъ съ перваго же шага очернить и оклеветать того или другого члена русскаго общества.

Люди слабовольные, мало культурные поддаются вліянію этихъ людозлобовъ и примыкаютъ къ ихъ сообществу; люди съ большею культурностью и умственнымъ развитіемъ скоро отличаютъ клевету отъ дѣйствительности и удаляются отъ сплетниковъ. Таким

особенностями русской жизни поддерживаются ея постоянная рознь и враждебность...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ была, впрочемъ, одна и, правду сказать, довольно характерная черточка для современнаго теченія русской жизни въ Пекинѣ,—это прогулка ночью съ оркестромъ музыки по пустынной уже Посольской улицѣ. Но подобныхъ черточекъ въ русской жизни въ Пекинѣ, съ музыкой или безъ музыки, такъ много, что только о нихъ однѣхъ можно бы разсказать очень интересную, иногда забавную, но по большей части грустную исторію...

Декабрь начался легкими утренниками и теплыми облачными пасмурными днями. Погода эта, однако, рѣзко перемѣнилась съ вечера 5 декабря, когда задулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ и разыгралась на всю ночь буря, шедшая изъ Монголіи. На утро всѣ вершины ближайшихъ къ Пекину холмовъ были покрыты снѣгомъ, а термометръ показывалъ 6-го декабря въ 9 часовъ утра — 5,5° R.

Морозные, но вѣтреные дни держались отъ 6-го по 14-ое декабря, когда погода снова стала мягкой и термометръ сталъ показывать поутру —1° R., а въ полдень +1° R. Этотъ мягкій періодъ погоды длился до 27-го декабря, когда снова поутру термометръ показалъ — 6° R. Вообще весь декабрь былъ очень неровный и колебанія въ температурѣ были рѣзки.

Въ послѣднее время въ Китаѣ открывается народу просвѣщеніе во вновь устраиваемыхъ повсюду школахъ съ учителями, получившими свою учительскую подготовку или въ Японіи, или въ собственныхъ высшихъ китайскихъ школахъ и университетахъ. Открытіемъ этихъ новыхъ школъ министерство народнаго просвѣщенія нанесло смертельный ударъ старому ветхозавѣтному строю, по которому всякій, кто только хотѣлъ, могъ открывать школы, гдѣ хотѣлъ, и учить грамотѣ по старымъ образцамъ. Нынѣ отъ учителя на право обученія требуется дипломъ, и старозавѣтные учителя остаются только въ глухихъ деревняхъ.

Министерство народнаго просвѣщенія открываетъ школы не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ. Новый строй Китая, затрагивая существенные интересы многочисленнаго чиновничества, вызываетъ и долго еще будетъ вызывать множество недоразумѣній, недоброжелательствъ, препятствій, будетъ и самъ въ лицѣ своихъ прогрессистовъ-представителей дѣлать крупныя, но неизбѣжныя ошибки, и за всѣмъ тѣмъ—новый строй, несмотря на всѣ противодѣйствія, будетъ крѣпнуть и развиваться.

Какъ бы велики ни были смуты въ Китаѣ, особенно при стоящемъ на очереди вопросѣ о престолонаслѣдіи, какъ бы ни были даже кровавы политическіе перевороты, обратить вспять двинувшуюся впередъ мысль и жизнь Китая никто не въ состояніи...

Смуты и антидинастическое движеніе особенно сильны въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ и народъ значительно культурнѣе, гдѣ и патріотизмъ сильнѣе, нежели въ сѣверномъ Китаѣ.

Особенно сильно распространилось революціонное движеніе въ провинціи Цзянъ-си, заставившее встревожиться правительство въ Пекинѣ, но по-европейски обученныя войска успѣшно справляются съ подавленіемъ мятежа. Большую заботу правительству доставилъ также голодъ, охватившій громадное пространство и до 500 тысячъ населенія, которое, побросавъ свои дома, устремилось въ областной городъ, прося у намѣстника хлѣба и работы.

Голодающіе были размѣщены въ палаткахъ, образовавъ цѣлыя становища. На помощь къ нимъ пришло не только китайское правительство, китайское общество, но и всѣ европейскія колоніи въ Китаѣ, собравшія для голодающихъ значительныя пожертвованія.

Изъ всего европейскаго населенія Пекина охранные отряды являются наиболѣе товарищески организованными. Съ 1905 года отряды приняли рѣшеніе — въ случаяхъ смерти кого-либо изъ солдатъ, принимать участіе въ похоронахъ каждаго изъ нихъ всѣмъ отрядамъ и офицерамъ. Поэтому каждаго почившаго на далекой чужбинѣ провожаетъ торжественная и блестящая процессія съ музыкой. Среди франтоватыхъ или строго-выдержанныхъ формъ, каковыми съ одной стороны щеголяютъ американцы, а съ другой — голландцы и всѣ моряки, обмундировка русская является самою неуклюжею и самою некрасивою на видъ.

Среди блестящей военной процессіи русскіе движутся какими-то сѣрыми мѣшками, увальнями, уступая внѣшностью всѣмъ европейскимъ отрядамъ. Но — „мертвый, въ гробѣ мирно спи! жизнью пользуйся, живущій"!.. Нигдѣ этотъ стихъ такъ не приложимъ къ жизни, какъ въ Пекинѣ, гдѣ всякій живетъ только настоящимъ и только для себя.

Декабрь мѣсяцъ въ жизни европейскаго общества въ Пекинѣ—самый веселый, самый общительный. Общество, успѣвъ уже ознакомиться и сблизиться между собою, искренно начинает веселиться. Въ международномъ клубѣ устраивается на мѣст лѣтняго тенниса зимній катокъ для конькобѣжцевъ, въ пом щеніи клуба устраиваются танцовальные вечера и нерѣдко так

вечеринки съ танцами въ частныхъ домахъ. Открытія катка всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ, и катанье на конькахъ составляетъ для европейской колоніи самое пріятное зимнее развлеченіе.

Но и помимо многочисленныхъ удовольствій, которыя даетъ зимній сезонъ, декабрь является самымъ пріятнымъ мѣсяцемъ, самымъ уютнымъ, самымъ любимымъ, благодаря праздникамъ Рождества и Новаго года. Рождество Христово всѣхъ объединяетъ на чужбинѣ въ одну родственную и дружную европейскую семью, всѣхъ заставляетъ еще болѣе сблизиться въ одномъ общемъ чувствѣ любви къ далекому родному дому, родной семьѣ, родной странѣ. И въ этомъ стремленіи къ единенію европейское общество стоитъ выше русскаго.

Стóитъ только пойти въ католическую церковь въ Пекинѣ, когда идетъ служба „Noël", чтобы оцѣнить и европейскую культурность, и европейскую общительность...

Погода въ январѣ мѣсяцѣ стояла до 16 числа непріятная. Дни были теплые, сырые, пасмурные, изрѣдка вѣтреные.

Январь мѣсяцъ—шумливый и суетливый въ Пекинѣ, благодаря праздникамъ Новаго года, который, вслѣдствіе трехъ различныхъ счисленій, празднуется сперва по новому стилю европейцами, затѣмъ русскими по старому стилю и китайцами по лунному счисленію. Первые дни Новаго года проходятъ въ обязательномъ дѣланіи визитовъ, причемъ личныя поздравленія приносятся только въ хорошо знакомыхъ домахъ, а обычно оставляются визитныя карточки съ иниціалами—P. X. Въ русской колоніи личныя поздравленія приносятся также только въ семейныхъ домахъ.

Изъ празднествъ Новаго года въ Пекинѣ самымъ интереснымъ и самымъ привлекательнымъ является своеобразный праздникъ китайскаго Новаго года, который въ текущемъ году пришелся на русское 31-ое января.

Китайскій праздникъ прежде всего симпатиченъ тѣмъ, что, задолго еще до его наступленія, уже видна повсюду хозяйственная заботливость населенія, старающагося подготовить встрѣчу Новаго года, какъ великій праздникъ. Улицы наполняются множествомъ новогоднихъ игрушекъ, картинъ, искусственныхъ цвѣтовъ, фонарей и фонариковъ. Движеніе по улицамъ становится огромнымъ и на лицахъ видна предпраздничная озабоченность, которая невольно наводитъ мысль на воспоминанія о своей семьѣ, о временахъ своего далекаго дѣтства, о своихъ ушедшихъ уже навсегда праздникахъ...

Празднества китайскаго Новаго года, единственнаго праздника китайцевъ, отвѣчающаго по торжественности нашей Пасхѣ, длятся 15 дней и знаменуются, во-первыхъ, ярмаркой въ Лю-ли-чанѣ и, во-вторыхъ, праздникомъ фонарей.

Ярмарка въ Лю-ли-чанѣ длится всѣ 15 дней, а праздникъ фонарей—послѣдніе три вечера, послѣ чего жизнь входитъ въ свою обычную рабочую норму. Мѣстность Лю-ли-чанъ находится въ китайскомъ городѣ и представляетъ свой интересъ въ жизни Пекина. Лю-ли-чанъ — это цѣлый кварталъ, въ которомъ сосредоточена вся китайская книжная торговля, находятся пассажи и лавки, въ которыхъ происходитъ торговля старинными, часто очень цѣнными вещами. Въ Лю-ли чанѣ можно найти все: старыя книги и старинныя гравюры, картины, учебники, вещи изъ китайской фаляни (клуазонэ), вещи изъ бронзы, изъ фарфора, изъ яшмы (нефрита), драгоцѣнные камни, жемчугъ и проч.

Громадная площадь отъ 2-хъ часовъ дня и до 5 ч. вечера кишмя кишитъ народомъ. Вся площадь занята рядами столовъ, на которыхъ идетъ бойкая продажа дѣтскихъ игрушекъ, искусственныхъ цвѣтовъ, золотыхъ рыбокъ, фонарей, искусственно сдѣланныхъ красивыхъ бабочекъ, разнообразныхъ и разно-фигурныхъ раскрашенныхъ змѣй, волчковъ и т. д.

Празднично одѣтая толпа, среди которой множество разодѣтыхъ женщинъ-манчжурокъ и дѣтей, чинно движется по всѣмъ направленіямъ. И среди этой многотысячной толпы царятъ благопристойность и порядокъ. Не только не слышно брани, не только не встрѣчается ни одного пьянаго, но не слышно даже „крупнаго разговора“...

Въ текущемъ году ярмарка въ Лю-ли-чанѣ представляла тѣ же особенности, что и вся китайская жизнь. Въ каретахъ проѣзжали китайскія дамы, жены сановниковъ, и дамы полусвѣта, каталась золотая пекинская молодежь обоего пола, былъ открытъ даже по-европейски ресторанъ. Среди женщинъ, главнымъ образомъ монголокъ, встрѣчались нерѣдко очень красивыя лица. Жаль только, что мода на раскрашиваніе лица не уступаетъ времени и попрежнему портитъ впечатлѣніе, показывая вмѣсто женскихъ лицъ размалеванныя маски...

Китайская жизнь, выставляя на видъ свои симпатичныя стороны, въ то же время выставляетъ на показъ и свою гнусност . Вотъ, на видномъ мѣстѣ, выдѣлясь отъ толпы, стоитъ плотна сложенія, полный, пожилой уже китаецъ и рядомъ съ нимъ нарядно разодѣтый мальчикъ, по наружному виду лѣтъ восьм

На мальчикѣ одѣтъ шолковый китайскій кафтанчикъ и ш

ковая поверхъ безрукавка; подпоясанъ онъ краснымъ шолковымъ кушакомъ, на головѣ мѣховая шапка, въ рукахъ мѣховая муфточка. Личико мальчика подрумянено, глаза какъ-то особенно блестятъ, онъ старается быть веселымъ, улыбается. Пожилой китаецъ осматриваетъ проходящую мимо толпу тоже какимъ-то особеннымъ заговаривающимъ взглядомъ, какъ бы предлагая что-то. На нѣкоторыхъ молодыхъ и богато одѣтыхъ китайцахъ онъ какъ-то особенно останавливаетъ свой взглядъ, на другихъ же онъ только скользитъ, пропуская мимо. Мальчикъ, какъ бы отвѣчая своему спутнику, тоже въ извѣстные моменты играетъ глазами, какъ бы говоря что-то. Этотъ китаецъ—хозяинъ мальчика. Онъ вывелъ его на ярмарку, надѣясь найти богатаго покупателя. Этотъ китаецъ—представитель очень распространеннаго въ Пекинѣ ремесла—торговли мальчиками. Востокъ вообще, а Китай въ частности не видитъ позорнаго въ пользованіи мальчиками, но удовольствіе это въ Пекинѣ стоитъ дорого и обставлено особыми обычаями и традиціями. Получить чистенькаго, воспитаннаго и обученнаго мальчика стоитъ въ Пекинѣ большихъ денегъ.

Въ Пекинѣ есть особые рестораны, посѣщаемые богатой золотой молодежью и богатыми китайцами, которымъ предлагаются мальчики, но близкое знакомство совершается не сразу.

Обычно приглашенные мальчики принимаютъ участіе въ обѣдѣ, поютъ передъ гостями пѣсни, развлекаютъ гостей острой бесѣдой, зная массу острыхъ словечекъ, поговорокъ, прибаутокъ и обладая природной находчивостью, а также и спеціальной къ собесѣдованію подготовкой. Обѣдъ съ мальчиками обходится на каждаго участника рублей въ 50—60. Послѣ перваго ознакомленія за общимъ обѣдомъ въ ресторанѣ должно послѣдовать интимное угощеніе мальчика обѣдомъ для болѣе близкаго съ нимъ знакомства, а затѣмъ должны быть сдѣланы мальчику цѣнные подарки. Только послѣ этого обязательнаго подготовительнаго періода знакомства, желающій имѣть мальчика можетъ разсчитывать на взаимность съ его стороны. Мальчиками промышляютъ особые спеціалисты по этой части, и мальчикъ въ Пекинѣ цѣнится втрое — вчетверо дороже дѣвочки. Мальчики берутся на содержаніе; богатые люди покупаютъ мальчика у его хозяина и платятъ часто громадныя деньги.

Насколько высока стоимость мальчика, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Одинъ богатый китаецъ въ Пекинѣ откупилъ для себя мальчика, какъ говорятъ, за 40 т. ланъ (ланъ= 1 р. 40 к.), уплаченныхъ хозяину, и далъ обязательство купить мальчику домъ и женить его по достиженіи извѣстнаго возраста.

Китайское общество, представляя много своеобразныхъ черть, общихъ Востоку вообще, пользуется мальчиками, видя въ нихъ особый спортъ, особое удовлетвореніе своего тщеславія, особую моду. Раннее пресыщеніе, легко получаемымъ развратомъ, столь доступнымъ въ Китаѣ, еще болѣе поддерживаетъ этотъ гнусный промыселъ...

Ярмарка въ Лю-ли-чанѣ въ текущемъ году дала много интереснаго и поучительнаго для европейской наблюдательности.

Начать съ того, что вся прилегающая къ Лю-ли-чану мѣстность стала неузнаваемой. Исчезли зловонные и грязные углы и цѣлыя улочки, замѣнившись ново-проложенными и замощенными, чистыми пространствами. Замощеніе улицъ и очистка ихъ идетъ поразительно быстро и захватываетъ все новые и новые участки. Видимо, что благоустройство Пекина строго обдумано и проводится по твердо-составленному плану.

Съ главныхъ улицъ почти исчезли назойливые ужасные китайскіе нищіе въ ихъ отвратительныхъ лохмотьяхъ, съ воспаленными глазами, изъязвленные, покрытые коростой.

Еще два года тому назадъ, идти въ Лю-ли-чанъ по китайскимъ улицамъ было пыткой.

Грязь и зловоніе—повсюду. Ужасные нищіе бѣжали за европейцемъ, окружая его толпой. Одни бѣжали сзади, другіе—по бокамъ, третьи забѣгали впередъ, падали на колѣни, бились головой о землю, протягивали свои изъязвленныя руки, хватались за платье, дышали въ лицо отвратительнымъ зловоннымъ дыханіемъ и кричали жалобнымъ голосомъ: „лао-ѣ, мейо-ши-ма фань“— „господинъ, нечего ѣсть“.

Каждая группа нищихъ имѣла свой опредѣленный участокъ пути и, дойдя до своей границы, сдавала европейца поджидавшей новой группѣ такихъ же отвратительныхъ, ужасныхъ нищихъ. И горе было тому европейцу, который, не выдержавъ характера, давалъ нищимъ серебряную монету. Назойливости тогда не было конца, и нерѣдко нищіе доходили до такого возбужденія въ своихъ требованіяхъ, что европейцу приходилось уже отбиваться отъ нихъ палкой, если таковая была въ рукахъ, или спасаться въ ближайшую лавку, или прямо-таки бѣжать...

Въ настоящее время ничего нѣтъ подобнаго, и путешествіе въ Лю-ли-чанъ представляетъ пріятную прогулку.

Осматривая ярмарочную торговлю, дивишься еще болѣе той легкости, той приспособленности къ европейскимъ новшествамъ, изъ которыхъ многія уже сами собой усвоены китайскимъ народомъ и вошли спокойно въ обиходъ его жизни.

На ярмаркѣ идетъ, наприм., бойкая торговля дѣтскими фуражками и шапочками европейскаго образца. Большинство подростковъ-дѣтей уже щеголяютъ въ европейскаго покроя картузикахъ, но этотъ европейскій покрой переработанъ китайскимъ вкусомъ. Картузики и шапочки всѣ яркоцвѣтные, съ различными украшеніями и вышивкой стеклярусомъ. Взявъ образецъ европейца, китаецъ обратилъ его въ свой.

Не мало даютъ для размышленія также и лавки съ игрушками, изъ которыхъ добрая половина уже представляла подражаніе европейскимъ образцамъ со стороны пекинскихъ кустарей.

Продажа европейскихъ игрушекъ идетъ бойко: ихъ охотно покупаетъ и молодая мать для своего сынишки, и старая бабушка для своего внука. Большинство европейскихъ игрушекъ носитъ техническій характеръ. Это — заводные изъ жести пароходы, лодки, вагоны, паровозы, велосипеды съ ѣздоками, кареты и коляски съ разодѣтыми европейскими дамами. Видны также въ лавкахъ европейскія игрушечныя ружья, барабаны, жестяныя сабли.

Разсматривая въ одной лавочкѣ эти игрушки, я почувствовалъ, что кто-то меня трогаетъ за рукавъ. Смотрю—китаецъ-продавецъ. Подводитъ онъ меня къ особому стеклянному шкафику, и я вижу за стекломъ желѣзнодорожный поѣздъ съ паровозомъ впереди, изъ трубы котораго клубами валитъ дымъ.

— Хао бу хао? — хорошо? не хорошо? — слышу вопросъ торговца.

— Хао,—отвѣчаю я.

Надо было видѣть довольную улыбку, которая покрыла лицо торговца, быть можетъ, самого кустаря, сдѣлавшаго этотъ поѣздъ.

— Хао,—повторилъ онъ, довольный.

— Хао,—отвѣтила окружившая насъ толпа китайцевъ, столь же общительная и довольная.

Всматриваясь въ новую жизнь, которая мощно проростаетъ, заглушая обезсиленный дряхлый Китай прожитыхъ вѣковъ, я прихожу къ убѣжденію, что Китай переработаетъ и усвоитъ посвоему все то, чтò возьметъ отъ Европы, оставшись все тѣмъ же вѣковымъ самобытнымъ Китаемъ, который не отдастъ себя ни подъ иго Японіи, ни подъ власть Европы.

Повинуясь неизбѣжному закону новой жизни, Китай создалъ для себя вооруженный кулакъ, столь ему необходимый въ данное время, чтобы отстоять свою самостоятельность въ жизни бокъ-о-бокъ съ Европой, но души народной онъ не вложилъ въ этотъ кулакъ, а сохранилъ ее для мирнаго развитія своихъ духовныхъ силъ.

Наблюдая днями эту многотысячную толпу въ Лю-ли-чанѣ, я видѣлъ, что главнымъ интересомъ, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, было не пріобрѣтеніе европейскаго оружія-игрушекъ, а покупка пароходовъ, лодокъ, экипажей, вагоновъ.

Въ игрушкѣ, которая явилась выразителемъ той или другой духовной склонности, китаецъ оцѣнилъ созидающій жизнь интересъ, а не разрушающій ее.

И думается мнѣ, что европейская мирная игрушка не только понятнѣе говоритъ уму и чувству китайца, нежели европейская модель ружья, сабли и пушки,—думается, что эта мирная, техническая игрушка вноситъ въ мышленіе и въ чувство китайца облагораживающее вліяніе,—что эта игрушка вноситъ въ умъ китайца сознаніе, что интересы всего человѣчества объединяются мирнымъ развитіемъ труда, а разъединяются интересы всего человѣчества вторженіями народовъ съ ружьями и пушками, разрушающими жизнь и трудъ, все равно, откуда бы ни шло это вторженіе, съ Востока или съ Запада...

Новогодніе праздники китайскаго народа, кромѣ уличнаго шумнаго веселья, сохраняютъ еще и тотъ домашній, симпатичный укладъ жизни, который проявляется во многихъ символическихъ преданіяхъ и обычаяхъ. Новогоднія кушанья, приготовляемыя въ каждой семьѣ, новогоднія гаданія, новогоднія преданія и вѣрованія, новогоднія картины—какой интересный своеобразный и богатый матеріалъ для пониманія и изученія народной жизни и народной мысли!

Къ Новому году спеціально подготовляется выгонъ цвѣтущихъ карликовыхъ деревцовъ персика и граната, имѣющихъ такое важное значеніе, какъ символы благополучія и плодородія. Цвѣтущимъ этимъ деревцамъ придается форма или дракона, или миѳической птицы феникса...

Изъ общественной и политической жизни за январь мѣсяцъ должно отмѣтить, что внушавшее серьезныя опасенія возстаніе въ Пинъ-сянѣ было подавлено европейски-обученными войсками.

Это возстаніе, одно изъ многочисленныхъ антидинастическихъ движеній, вызвало въ наиболѣе вліятельныхъ китайскихъ газетахъ „Синъ-вэнъ-пао“ и „Шэнъ-пао“ слѣдующія строки: „Подавить мятежъ—дѣло нехитрое, но слѣдуетъ принять при этомъ въ соображеніе дѣйствія правительства, которое въ своей со ственной странѣ избиваетъ собственныхъ подданныхъ, какъ вра на войнѣ.

„Главная суть должна состоять въ томъ, чтобы у народа бы отнять всякій поводъ къ возстанію. Бѣдному народу, котор

изъ нищеты хватается за оружіе, должно помочь. Нѣтъ необходимости также поднимать оружіе и противъ революціонной партіи. Если только будетъ правильное прочное государственное правленіе и сохраненъ для народа порядокъ, то никто не будетъ желать революціи. Въ пинсянское возстаніе народъ толкнула нужда. Вмѣсто того, чтобы придти народу на помощь, его стали умерщвлять при помощи солдатъ. Народъ держится въ настоящее время спокойно, но затаенная злоба остается несомнѣнною".

„Причина возстанія въ Хунани и Цзянси заключается въ наводненіяхъ послѣдняго года, — говоритъ „Ши-бао"; — болѣе слабые люди изнемогаютъ подъ бременемъ голода, болѣе сильные берутся за оружіе. Чиновники никакого вниманія не обращаютъ на взиманіе податей. Это вызвало ненависть народа. Малое возстаніе подавлено въ Пинъ-сянѣ, но за нимъ послѣдуютъ бóльшія".

Борьба старыхъ партій и новыхъ, борьба антидинастическая, несомнѣнно, еще можетъ вызвать длительныя и даже кровавыя смуты, но жизнь повернуть вспять нельзя, и приходится только сожалѣть, что политическія партіи вмѣшиваютъ въ свою борьбу и имя великаго учителя китайскаго Конфуція.

Въ январѣ мѣсяцѣ обнародованъ богдыханскій декретъ о сооруженіи храма въ честь Конфуція на мѣстѣ родины его въ городѣ Кіо-фу и о принесеніи въ этомъ храмѣ жертвъ въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ эти жертвы приносятся въ Пекинѣ, въ храмѣ Неба и Земли.

Партія либеральная уже не замедлила воспользоваться, чтобы въ этомъ чествованіи памяти великаго народнаго учителя усмотрѣть стремленіе правительства сойти съ пути реформъ на старый путь чиновничьей бездѣятельности.

Думается, что каковы бы ни были убѣжденія политическихъ партій, каковы бы ни были способы ихъ борьбы, не слѣдуетъ трогать святынь народа въ его прошломъ.

В. Іовль.

Пекинъ, мартъ 1907 г.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1849 ГОДА

Изъ Гейне.

Пронеслася гроза, вѣтеръ буйный затихъ,
И опять тишина услаждаетъ;
Вновь Германія—это большое дитя—
О рождественской елкѣ мечтаетъ:
— Только счастье семейное грезится намъ.
Все, чтò выше—то дьявола козни.
Снова ласточка мира вернулась домой,—
Нѣтъ на родинѣ пагубной розни.
Спятъ родимые рѣки, лѣса и поля,
При сіяніи звѣздной вуали;
Только грохотъ порой раздается вдали—
Это друга сейчасъ разстрѣляли;
Можетъ быть, онъ былъ схваченъ съ оружьемъ въ рукахъ.
О, наивный глупецъ, безъ сомнѣнья!
Но не всякій уменъ и практиченъ, какъ Флаккъ [1]):
Тотъ разумно бѣжалъ со сраженья.

Можетъ быть, этотъ грохотъ — лишь звукъ торжества:
Память чествуютъ граждане Гёте [2]),
И воскресшая Зонтагъ [3]) шарманкой хрипитъ,
И взвивается къ небу ракета.
Снова вынырнулъ Листъ, невредимъ и здоровъ—
Наши души восторгомъ объяты:
Не убили его на венгерскихъ поляхъ
Ни россійскій солдатъ, ни кроаты.

---

[1]) Квинтъ Горацій Флаккъ — римскій поэтъ—въ неудачной битвѣ при Филиппахъ бѣжалъ съ поля сраженія, спасая жизнь.

[2]) 22 авг. 1849 года Германія справляла столѣтній юбилей рожденія Гёте.

[3]) Извѣстная пѣвица Генріетта Зонтагъ, выйдя замужъ, покинула сцену, но въ 1849 году она опять появилась на сценѣ, по выраженію Гёте—„dem Grab entstei[gen]" — возстала изъ могилы.

Палъ гонимой свободы послѣдній оплотъ...
Кровь и слезы—въ венгерскомъ народѣ,
Но вполнѣ невредимъ рыцарь доблестный Францъ
Вмѣстѣ съ саблей, почившей въ комодѣ.
Да, онъ живъ, милый Францъ, и подъ старость свою
Поразскажетъ внучатамъ: „Ослабли
Молодые теперь, а въ венгерскомъ бою
Какъ лежалъ я съ клинкомъ моей сабли!"
Только Венгріи имя услышу—и вотъ
Куртка нѣмцевъ тѣснитъ мое тѣло,
А подъ курткой бушуетъ въ груди океанъ...
Чу! труба боевая запѣла...

Вновь, ликуя, звучатъ, не идутъ изъ ума
Позабытыя древнія саги,
Нибелунговъ отважныхъ злосчастный конецъ,
Пѣсни, полныя старой отваги.
Тотъ же самый остался героевъ удѣлъ,
Тѣ же старыя сказки—ужасны;
Измѣнились въ полетѣ временъ имена,
Но герои все такъ же прекрасны.
Тотъ, кто знамя свободы высоко держалъ,
Чье великое имя свѣтило,—
Вѣчно долженъ склоняться, по волѣ судьбы,
Передъ грубой, животною силой.
И теперь быкъ съ медвѣдемъ [1]) вступили въ союзъ—
Гибнетъ Венгрія... Ей въ утѣшенье
Я скажу: „Нанесли и народамъ другимъ
Даже хуже еще оскорбленье.
Быкъ съ медвѣдемъ—порода могучихъ звѣрей,
И внушительно движутся въ парѣ,
Мы жъ попали подъ иго волковъ и свиней,
И другой неприличнѣйшей твари...
Трудно мнѣ выносить вой и хрюканье ихъ,
Оскорбляютъ они обонянье..."
— Но ты боленъ, поэтъ,—пусть умолкнетъ твой стихъ:
Для больныхъ драгоцѣнно молчанье.

Анатолій Доброхотовъ.

---

[1]) Разумѣется союзъ Россіи съ Австріей при подавленіи возстанія Венгріи.

РОМАНЪ НЕМИРИЧЪ

Литературный эскизъ

по польскому роману Марiи Родзевичъ: „Рагнарёкъ".

I.

Въ одномъ изъ прогрессивныхъ изданiй стали появляться статьи, сразу обратившiя на себя вниманiе. Это были общественно-психологическiе очерки по поводу такихъ современныхъ явленiй, въ которыхъ дѣйствiе рѣшительно противорѣчило основной идеѣ тѣхъ или иныхъ умственныхъ теченiй, учрежденiй или профессiй. Не задаваясь никакими партiйными цѣлями, авторъ выступалъ только въ роли какъ бы прокурора правды и неумолимо привлекалъ къ суду всѣхъ, кто твердилъ одно, стремился къ другому и имъ прикрывался, а дѣлалъ совсѣмъ иное, противоположное.

Подъ смѣлое, неподкупное, но страстное обвиненiе его попадали и ксендзы, торговавшiе товаромъ, который сами признавали священнымъ; и измѣнники, продававшiе свой народъ, будто бы во имя его же блага; и дѣвушки, которыя выходили замужъ за деньги, обѣщая своимъ мужьямъ супружескую вѣрность; и профессоры, которые насиловали научную истину въ угоду деспотизму; и капиталисты, обиравшiе народъ, будто бы не для себя, а для процвѣтанiя отечественной торговли и промышленности. Впрочемъ, обличались авторомъ не столько единичныя лица, сколько общественныя язвы, которыхъ они являлись представителями, культъ золотого тельца, жестокiй эгоизмъ, оправдываемый борьбою за существованiе, на ряду съ проповѣдью гуманитарности, новое язычество, въ какое превратилось христiанство, — и одичанiе, выростающее на почвѣ цивилизацiи.

Очерки носили общее заглавіе: „Лицемѣры“, а подпись— Р. Немиричъ. По рѣзкости сужденій и язвительности тона, при замѣчательномъ полемическомъ талантѣ, это были настоящіе памфлеты, и каждый изъ нихъ тотчасъ получалъ извѣстность, если не изъ чтенія, то по пересказу. А такъ какъ они подписывались не псевдонимомъ, но настоящимъ именемъ, то успѣхъ ихъ скоро создалъ громкую извѣстность и самому автору. Разумѣется, успѣхъ былъ не тотъ, какого онъ желалъ; дѣйствовало не столько сознаніе правды, сколько пикантность скандала. Посыпались протесты, возраженія въ письмахъ въ редакцію, угрозы; въ окнахъ магазиновъ и въ юмористическихъ листкахъ появились фотографическіе снимки, по которымъ автора стали узнавать въ театрѣ и на улицѣ.

Но въ театры Немиричъ ходилъ рѣдко, а въ собраніяхъ не бывалъ вовсе. Лично почти никто его не зналъ, и никому онъ не перебивалъ ни мѣста, ни дохода. Жилъ онъ въ Варшавѣ отшельникомъ, въ надворномъ флигелѣ графа Альфреда, одного изъ немногихъ польскихъ „ординатовъ“, то-есть, владѣльцевъ крупныхъ имѣній, обращенныхъ въ заповѣдныя, по ихъ ходатайству. Никакихъ родныхъ онъ не зналъ; высшіе классы гимназіи и юридическій курсъ въ университетѣ онъ прошелъ безъ чьей-либо помощи, давая уроки, переписывая бумаги, живя впроголодь, скупясь на всякіе расходы. Въ университетѣ онъ не сближался съ товарищами, а они сторонились отъ него, какъ отъ угрюмаго и несообщительнаго эгоиста.

Той скромной независимостью, которою онъ теперь пользовался и совершенно довольствовался, Романъ Немиричъ былъ обязанъ случаю. Еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи онъ переписывалъ акты у нотаріуса, и только это натолкнуло его на изученіе права. Въ университетѣ, профессоръ, къ которому обратился графъ Альфредъ, прося рекомендовать ему учителя для приготовленія сына къ экзамену,—зная недостаточность Немирича, послалъ его къ графу. Немиричъ провелъ все лѣто въ имѣніи графа, ученикъ привязался къ учителю и экзаменъ выдержалъ отлично. Затѣмъ, Немиричъ оставался при немъ въ качествѣ репетитора до того времени, когда молодой графъ былъ отправленъ за-границу оканчивать образованіе тамъ.

Между тѣмъ, Немиричъ, самъ окончивъ курсъ, записался въ помощники адвоката, но, не имѣя ни средствъ выжидать дѣлъ, ни охоты искать ихъ, написалъ графу-отцу, который жилъ въ то время за-границей, прося мѣста въ его конторѣ, куда и былъ тотчасъ принятъ. Въ короткое время онъ занялъ тамъ

положеніе совѣтника по юридической части и повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ.

За-границей графъ Альфредъ прожилъ нѣсколько лѣтъ кряду, съ больною женой, и въ немъ оставалось одно смутное воспоминаніе о прежнемъ учителѣ сына, когда имя Немирича прогремѣло въ газетной полемикѣ. Что это тотъ самый Немиричъ,— объ этомъ графъ-ординатъ узналъ только изъ письма своей тетки, княгини, которая, вмѣстѣ со всей набожной аристократіей въ Варшавѣ, возмущалась статьями Немирича и прямо требовала, чтобы графъ выгналъ изъ своей администраціи такого атеиста и анархиста. Графъ ничего по этому предмету не отвѣтилъ, но выписалъ себѣ статьи за-границу.

Немиричъ служилъ уже два года въ конторѣ, когда графъ Альфредъ, пріѣхавъ въ Варшаву и, при случаѣ, выслушавъ убѣжденія княгини, что неприлично человѣку въ его положеніи какъ бы покрывать своимъ авторитетомъ такого изверга и негодяя, потребовалъ Немирича къ себѣ. Въ кабинетъ вошелъ высокій молодой человѣкъ, одѣтый прилично, но крайне скромно.

Графъ указалъ ему на стулъ.

— Я слышу столько жалобъ на васъ, что не знаю, съ чего и начать.

— Вѣроятно, управляющій жаловался вамъ на замедленіе размежеванія въ Сухеницѣ. Сроки соблюдены, а замедлялъ я именно въ ожиданіи вашего, графъ, пріѣзда, желая доложить вамъ. Законъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно на нашей сторонѣ, но справедливость—нѣтъ. Дѣла нельзя не выиграть, но я обязанъ доложить вамъ наединѣ объ истинномъ его положеніи.

— Хорошо, но это послѣ. Вовсе не управляющій жаловался, и дѣло не въ размежеваніи Сухеницы. На васъ жалуется общество... Вотъ въ чемъ дѣло... — Графъ указалъ на письменномъ столѣ статью, отмѣченную синимъ карандашомъ, и прочелъ заглавіе:—„Куда вы дѣвали Христа?"—Ваша послѣдняя статья... Вы, г. Немиричъ, кощунствуете, возстаете противъ церкви вообще и противъ Рима, а я и весь мой домъ—люди вѣрующіе.

— Если то, что здѣсь написано — неправда, то я готовъ отречься отъ своихъ словъ.

— Вѣдь вы ниспровергаете основы вѣры.

— Нѣтъ... а только то зданіе, которое на нихъ возведено людьми.

— Однако, вы—атеистъ и даже подпали подъ отлученіе?

— Отлученіе—не доказательство истины. Она свѣтитъ какъ солнце, не боясь нападеній.

Немиричъ возражалъ спокойно и въ глазахъ его просвѣчивало скорбное чувство, между тѣмъ какъ въ голосѣ выражалась рѣшительность. Графъ сдѣлалъ движеніе въ креслѣ.

— Вообще, есть такія темы, которыхъ не слѣдуетъ касаться изъ уваженія къ основной идеѣ... И бываютъ компромиссы, прискорбные, но неизбѣжные, вслѣдствіе человѣческой слабости.

— Такимъ компромиссамъ нѣтъ конца,—развѣ въ полномъ нравственномъ паденіи.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, графъ указалъ на другую статью: „Наши Магнаты".

— Извѣстно ли вамъ, что эпизодъ объ этомъ князѣ относится къ моему двоюродному брату?

— Если я написалъ неправду, то очень жалѣю и готовъ признаться печатно.

— Ну, странный у васъ взглядъ на вещи!.. Я не хвалю своего кузена и не сталъ бы подражать ему. Но никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ чужіе расходы. Каждый волёнъ расходовать свои деньги на то, что̀ ему нравится.

— На мой взглядъ, „свое"—что̀ имъ же заработано; а то, что̀ унаслѣдовано, это—вкладъ, деньги повѣренныя, за употребленіе которыхъ человѣкъ отвѣчаетъ.

— Но тѣмъ, у кого есть унаслѣдованное, естественно думать иначе.

— Я вижу, графъ, что вы не одобряете моего образа мыслей. Кому прикажете сдать мои бумаги?

— Что̀ вы! Вѣдь я хотѣлъ только, какъ долѣе васъ пожившій на свѣтѣ, посовѣтовать вамъ быть болѣе умѣреннымъ. У васъ большой талантъ, и было бы жаль, если бы вы загородили себѣ дорогу. Люди молодые нерѣдко надрываются, пытаясь, какъ бы сдвинуть шаръ земной на иную орбиту; а земля, какъ катилась до насъ, такъ будетъ катиться и послѣ насъ. — И, считая, что этими словами онъ далъ достаточное удовлетвореніе неудовольствію княгини на Немирича, который ему самому былъ, все-таки, симпатиченъ, графъ Альфредъ спросилъ своего подчиненнаго въ дружественномъ тонѣ:

— Довольны ли вы вашей должностью?

— Да, благодаря ей, я избѣгнулъ выбора между веденіемъ некрасивыхъ дѣлъ—или голодовкой.

— А вотъ, между тѣмъ, вы ужъ были готовы отказаться отъ мѣста... Правда, гонораръ вашъ не великъ: кажется, тысяча рублей?

— Тысяча двѣсти, да отдѣльно по сту рублей за каждое

дѣло—и квартира. Для меня совершенно достаточно. Если бы я оставилъ это мѣсто...

— Ну, да, конечно, вы — литераторъ, притомъ извѣстный. Имѣя болѣе времени, вы заработали бы гораздо больше, чѣмъ получаете теперь.

— Я свои статьи помѣщаю даромъ. По моему убѣжденію, идеи—не товаръ.

Графъ усмѣхнулся.

— Странный вы человѣкъ... Но, хорошо, перейдемъ теперь къ дѣлу о Сухеницѣ; что же говоритъ законъ и что справедливость?

— Юридическая сторона дѣла, это — безспорность вашего владѣнія. Истецъ ссылается на показаніе свидѣтелей, что эти сто морговъ были подарены вашимъ дѣдомъ тогдашнему арендатору одного изъ сосѣднихъ фольварковъ, который будто спасъ покойнаго графа при охотѣ на кабановъ, съ опасностью для своей жизни. Но это свидѣтельство не можетъ имѣть значенія при отсутствіи акта и уже по самой давности.

— Ну, а справедливость, та какъ разсуждаетъ?

— Вотъ что она говоритъ. — Немиричъ вынулъ изъ папки смятую и пожелтѣвшую бумагу и подалъ ее графу. Тотъ прочелъ вполголоса: „Пане Дворaковскій! Поручаю вамъ, взявъ съ собою землемѣра Брусницкаго, stante pede, отмежевать и передать въ собственность его милости пану Яну Скурковскому сто морговъ пашни, прилегающихъ къ рѣчкѣ Бялкѣ въ нашемъ фольваркѣ Сухеницѣ, каковой участокъ я дарю ему во владѣніе на вѣчныя времена, о чемъ конторѣ моей мною приказано составить дарственный актъ, съ закрѣпленіемъ таковаго въ законномъ порядкѣ“.

— Да, это размашистая подпись моего дѣда, — сказалъ графъ.—Но отчего же приказаніе его не было исполнено?

— Письмо это зимой было найдено мною въ архивѣ конторы, и я считалъ себя обязаннымъ лично вручить его вамъ, а до тѣхъ поръ затягивать дѣло, разумѣется, не пропуская сроковъ. Письмо, очевидно, не было отправлено, можетъ быть, по забывчивости или вслѣдствіе чьей-либо смерти. Даже будь это письмо въ рукахъ противника, оно въ судѣ было бы слабымъ доводомъ. Но я не могъ взять на себя окончаніе этого дѣла, и рѣшился доложить вамъ.

Графъ опять усмѣхнулся.

— Открытіе не особенно пріятное для насъ обоихъ. Я лишаюсь ста морговъ земли, а вы—ста рублей за окончаніе дѣла

— По большей части справедливость и бываетъ убыточна.

— Да... Юристъ вы невыгодный, но—хорошій человѣкъ.— И графъ подалъ Немиричу руку.—Прошу васъ повести это дѣло согласно съ справедливостью, какъ и прочія мои дѣла.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Немиричъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ конторѣ передъ письменнымъ столомъ, заложеннымъ бумагами, и писалъ какое-то прошеніе въ судъ. Все время до вечера онъ обыкновенно проводилъ въ конторѣ, отлучаясь только на часъ для обѣда. Онъ соблюдалъ это строго, а иногда уносилъ дѣлá и на вечеръ въ свою комнату.

Послышался стукъ въ дверь, и Немиричъ, отворивъ ее, сперва не повѣрилъ своимъ глазамъ. На порогѣ стоялъ ксендзъ. На диспутъ, чтò-ли, пришелъ,—такъ какъ въ статьяхъ своихъ Немиричъ сильно „пробиралъ" духовенство, а въ церкви не бывалъ съ незапамятнаго времени.

Но ксендзъ этотъ смотрѣлъ бѣднякомъ; въ слишкомъ короткой и потертой сутанѣ, съ порыжѣвшей шляпой, видъ онъ имѣлъ запуганный, съ дѣтскимъ выраженіемъ голубыхъ глазъ.

— Laudetur Jesus Christus! Здѣсь живетъ г. Немиричъ?

— Это—я; чтò угодно?

Ксендзъ видимо смутился. Но, кашлянувъ раза два, онъ робко произнесъ:

— Мнѣ сказали, что я могу искать помощи у васъ. Я здѣсь всего недѣля и никого не знаю. А мнѣ крайняя нужда въ сорока рубляхъ.

— Ко мнѣ-то кто же васъ послалъ?

— Настоятель у бернардиновъ, гдѣ я остановился покамѣстъ... Сегодня я исповѣдывалъ одну женщину, и чтобы спасти ее, необходимо сорокъ рублей... Злой духъ такъ опуталъ людей деньгами, что даже души спасти иной разъ нельзя безъ нихъ. Просилъ я у ксендза-настоятеля, тотъ говоритъ: „Я теперь ничего дать не могу, а вотъ, если хотите, попытайтесь въ домѣ графа-ордината. Тамъ есть господинъ Немиричъ, который не далѣе, какъ третьяго дня, распинался въ газетѣ за проституцію. Такъ пусть самъ покажетъ примѣръ". Я и пришелъ.

— Это хорошо, что вы пришли сегодня: сорокъ рублей у меня есть. Однако видно, что вы — чужой въ Варшавѣ, когда рѣшились обратиться ко мнѣ. Вѣдь я состою подъ клятвой, я— паршивая овца, и настоятель только подшутилъ надъ вами.

— Какъ же это такъ, если ты даешь деньги на доброе дѣло?— дивился ксендзъ.

Немиричъ повелъ его въ кабинетъ и придвинулъ ему стулъ.

— Издалека вы?

— Я былъ прежде викаріемъ въ Кутнѣ, потомъ послали меня въ Калугу; теперь я, возвратясь, нашелъ пристанище здѣсь, у бернардиновъ. По добротѣ настоятеля пользуюсь тамъ столомъ, пока найдется опять гдѣ-нибудь мѣсто викарія. А до тѣхъ поръ помогаю патерамъ, служу. Слава Богу, въ работѣ нѣтъ недостатка.—Онъ весело улыбнулся.

Немиричъ смотрѣлъ на него въ раздумьи и спросилъ:

— А когда вы выкупите ту женщину, что же съ ней будетъ?

— У нея, видишь, мать живетъ на хуторѣ въ Волѣ. Мать выгнала ее изъ дома и знать не хочетъ. Но я приведу къ ней дочь и объясню, что нельзя ей дать погибнуть.

— Желаю ксендзу успѣха, но, признаюсь, не вѣрю въ исцѣленіе отъ проказы. Такія женщины уже неспособны къ честному труду.

— А вотъ Христосъ исцѣлялъ же прокаженныхъ.

— Христосъ... — проговорилъ Немиричъ:—да развѣ у него есть еще хоть одинъ послѣдователь? Христіане давно сами его распяли снова.

— Это правда.

— А тѣхъ, кто ставитъ его въ примѣръ, дарятъ ненавистью и проклятіями.

— И это бываетъ,—прошепталъ ксендзъ.

— А имя его обратили въ торговую фирму,—прибавилъ Немиричъ.

Ксендзъ молчалъ. Голубые дѣтскіе глаза его были устремлены вдаль, мимо людскихъ дѣлъ, а можетъ, и всего міра.

— Зато, видишь,—сказалъ онъ потомъ,—тѣ, кому Онъ захочетъ открыться, тѣ такъ заглядятся на Него и Его заслушаются, что станутъ слѣпы и глухи на все иное. Такой человѣкъ уже пойдетъ за Нимъ... онъ неволёнъ, онъ долженъ.

— Когда-нибудь, по дорогѣ, заходите еще ко мнѣ.

— Зайду... у тебя тутъ такъ хорошо, тихо. Я тебѣ разскажу, какъ мнѣ все удалось, — прибавилъ ксендзъ, получивъ деньги, и вышелъ.

II.

Немиричъ погасилъ лампу, взялъ ключъ отъ двери и тотчасъ отправился въ оперу. Давали „Аиду", въ которой выступала Вилли Мора, пѣвица, добывшая уже громкую извѣстность г

Миланѣ, Венеціи и Вѣнѣ. Сидѣть Немиричу пришлось рядомъ съ знакомымъ нотаріусомъ.

— Какова!—сказалъ тотъ, когда занавѣсъ опустился среди дружныхъ апплодисментовъ.—Эффектный типъ: идеальная блондинка съ темпераментомъ южанки. За ней пріѣхалъ сюда изъ Вѣны братъ нашего графа. Говорятъ, разоряется на нее, а то еще слышно, будто онъ хочетъ на ней жениться. Вотъ бы вамъ еще слово замолвить о нашихъ аристократахъ.

— Какое же мнѣ дѣло! Изъ грязи золото собирается, въ грязь же и назадъ падаетъ. А что касается женитьбы, то наши аристократы такъ носятся со своей религіозностью, что имъ слѣдовало бы „освятить" эту связь законнымъ бракомъ.

— Съ точки зрѣнія нравственности, конечно. Но серьезно вы не можете говорить этого.

— Для меня тутъ никакой нѣтъ разницы. Такъ какъ я не вѣрю въ разныя святыни и таинства, то и не понимаю, почему то, чтò на улицѣ называется грѣхомъ, черезъ церковь дѣлается таинствомъ. Не все ли равно!

— Ну, чтò вы!..

Но они замолчали, такъ какъ занавѣсъ поднялся снова. Въ слѣдующемъ актѣ Мора произвела на Немирича сильное впечатлѣніе. Его свѣжая и цѣльная, ничѣмъ не избалованная природа поддавалась чарующей силѣ звуковъ совершенно открыто. Онъ слышалъ страсть и боль, выраженныя тончайшимъ изъ искусствъ, захватывающимъ душу не только идеею, но еще какимъ-то очарованіемъ вибраціи, пробужденіемъ чего-то дремлющаго въ душѣ, знакомаго, но недосказаннаго.

Испытавъ такое впечатлѣніе, Немиричъ хотѣлъ сохранить его и вышелъ изъ театра по окончаніи акта. Возвратясь домой, онъ зажегъ только свѣчку, сѣлъ за піанино и сталъ брать легкіе аккорды, потомъ перешелъ къ чему-то слышанному или слагавшемуся случайно подъ его пальцами—онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета.

Когда, спустя нѣкоторое время, въ юмористическомъ листкѣ „Latarnia" появилась замѣтка о Вилли Мора съ разными пошлыми намеками и невѣжественными сужденіями о музыкѣ,—вѣроятно, написанная въ угоду затѣянной противъ артистки интриги, — то въ томъ же изданіи, гдѣ появлялись отъ времени до времени „ницемѣры" Немирича, помѣщено было, за его же подписью, письмо съ указаніемъ на нравственное ничтожество и негостепріимность такой выходки противъ артистки и на грубыя ошибки въ музыкальныхъ сужденіяхъ автора, который, между прочимъ,

считалъ одно произведеніе подражаніемъ другому, между тѣмъ какъ первое было поставлено нѣсколько лѣтъ раньше послѣдняго.

— Ну, попало имъ отъ васъ!—сказалъ Немиричу встрѣтившійся съ нимъ въ редакціи знакомый художникъ Опольскій, бывавшій за кулисами.—Въ „Latarni“ готовятъ какое-то свинство противъ васъ, а Мора просила перевести себѣ вашу статью и спрятала ее на память... Но самое лучшее—это то, что „покровитель“ ея, графъ Францискъ, взбѣшенъ на васъ.

— За что же?

— А вотъ онъ ей сдѣлалъ сцену: откуда у нея взялся такой защитникъ и по какому праву?

Продержавъ въ редакціи корректуру новой статьи и зайдя къ нотаріусу по дѣламъ конторы, Немиричъ, послѣ обѣда въ ресторанѣ, возвратился домой и сталъ читать. Но чтеніе его не заинтересовало, а идти никуда не хотѣлось. Его охватило тоскливое настроеніе полнаго нежеланья чего бы то ни было,—нежеланья писать, а пожалуй, и жить. Машинально онъ присѣлъ къ піанино и сталъ наигрывать одинъ изъ ноктюрновъ Шопена, въ которыхъ, послѣ вступительнаго раздумья, вспыхиваетъ яркой искрой порывъ къ счастью и замираетъ въ болѣзненной безнадежности.

Послышался легкій стукъ въ дверь. Никого онъ въ то время не ждалъ—и не отозвался.

— Ouvrez donc! — произнесъ женскій голосъ, точно эхо какой-то полу-мысли.

Немиричъ отворилъ и съ изумленіемъ увидѣлъ, что это была Вилли Мора.

— У васъ есть кто-нибудь?—потихоньку спросила она.

— Нѣтъ.

— А кто-то игралъ.

— Я самъ.

— Самому себѣ и въ потемкахъ... — Она слегка разсмѣялась.—Узнали меня?.. Я пришла поблагодарить васъ... Никогда еще мнѣ не случалось, чтобы меня защищалъ незнакомый...

И она протянула ему обѣ руки. Пожавъ ихъ, Немиричъ отошелъ къ столу и отвѣчалъ, зажигая лампу:

— Не за что... Я защищалъ не васъ, а наше общество передъ вами.

Они сѣли, онъ—далеко отъ нея.

— А меня вы не хотѣли бы защищать для меня самой Ни одного портрета у васъ, и даже нѣтъ картинки съ жен ной! — сказала она, оглянувъ столъ и стѣны. — Совсѣмъ од

— Несовсѣмъ. И у меня бывали счастливыя минуты, которыя живутъ со мной. Но не слѣдуетъ жадничать, чтобы не уронить цѣну того, что̀ было. Вотъ и вамъ я обязанъ минутами истиннаго счастья, когда я слушалъ васъ, и ихъ я буду хранить.

Вилли присѣла къ піанино и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Чтобы поблагодарить за защиту, я хотѣла бы спѣть что-нибудь для васъ, одного... Но что̀ бы такое? Для васъ, мыслителя, не годится ничто общеизвѣстное... Вотъ, я спою вамъ мадьярскую народную пѣсню. Она не поется въ театрѣ. Ея не знаетъ никто. А у меня это воспоминаніе изъ дѣтства, когда я еще была дикой дѣвчонкой и называлась Аранка.

Пѣсня была скорбная, полная жалобы, но прерывалась порывами дикой страстности. Вилли сдерживала голосъ, въ грустныхъ ритмахъ сводила его на тончайшее pianissimo, на которомъ оборвала и оглянулась на Немирича. Онъ сидѣлъ у стола, склонивъ голову на руки. Когда она встала, поднялся и онъ, выпрямился и вздохнулъ, но не сказалъ ни слова похвалы или благодарности, только спросилъ:

— Вы такъ чувствуете?

— Нѣтъ. Я не чувствую. Я еще болѣе одна, чѣмъ вы, потому что не храню въ душѣ счастливыхъ минутъ... Да и не знаю, есть ли у меня душа. Есть публика, слава, много знакомыхъ.—Она надѣлу шляпу.—Черезъ недѣлю я уѣзжаю въ Вѣну. Приходите завтра на „Сельскую Честь".

Опустивъ вуальку, она пожала ему руку и вышла, а Немиричъ проводилъ ее до выхода на лѣстницу. Возвратясь въ комнату, онъ сѣлъ къ столу, вынулъ кипу бумагъ по дѣлу о мельницѣ на рѣчкѣ Бялкѣ и принялся читать ихъ и читать...

На „Сельскую Честь" Немиричъ не пошелъ, потому что былъ занятъ дѣлами или почему-либо другому. Нѣсколько дней его не видѣли въ редакціи, но онъ принялся за новый литературный очеркъ, который уже оканчивалъ раннимъ вечеромъ, когда услышалъ, какъ отворилась дверь. Вошла Вилли Мора, которую онъ не думалъ болѣе увидѣть. Появилась какъ галлюцинація, вызванная той мыслью, которую онъ пытался заглушить работой. Немиричъ былъ пораженъ этой неожиданностью и не успѣлъ сдѣлать ни шага ей навстрѣчу; онъ только всталъ и смотрѣлъ.

Она была въ темномъ англійскомъ костюмѣ, какъ и въ тотъ разъ. Улыбаясь, она подошла къ нему.

— Вы смо̀трите на меня, какъ на привидѣніе, даже поблѣднѣли... А зачѣмъ вы мнѣ являлись во снѣ?

— Я думалъ о васъ, это правда, но противъ воли...

— Вотъ то-то и есть,—думали... Vous me hantez! Но больше уже не увидимся. Завтра я уѣзжаю и навѣрное уже не возвращусь сюда.

Она сѣла на кресло, глубоко въ него вдвинулась и, взявъ ближайшую книгу, сказала:

— „Философія“ и—я! — Потомъ оглянулась вокругъ и замѣтила машинку для кипяченія. — Можете дать чашку чаю? Тогда я посижу часокъ; у васъ тутъ gemüthlich.

Немиричъ занялся кипяченіемъ.

— Вы не были на „Сельской Чести“?—спросила она.

— Не могъ; у меня были спѣшныя занятія.

— Да, я знаю, что вы avoué графа Альфреда, и пишете революціонныя статьи, не вѣруете въ Бога, защищаете падшихъ женщинъ и клеймите грансеньоровъ за ихъ развратную и пустую жизнь. Все про васъ знаю. Васъ боятся и ненавидятъ.

Поставивъ передъ ней чашку чаю, Немиричъ сѣлъ напротивъ нея.—Уѣзжаете въ Вѣну?

— Да, у меня тамъ ангажементъ съ конца августа. А лѣто проведу въ Ишлѣ, чтобы отдохнуть послѣ своей зимней кампаніи. Нервы мои измучены; мнѣ необходимы уединеніе, природа, книги...

— Да развѣ вы можете быть одинокой? — сорвалось у Немирича, и онъ пожалѣлъ объ этомъ.

— Буду совсѣмъ одна, только съ моей старой няней. Я каждый годъ такъ провожу свои каникулы... Вы думаете, что только къ вамъ подступаетъ тоска и все дѣлается противно...— Она закрыла глаза, потомъ слегка вздрогнула.—Нѣтъ вещи болѣе истертой, изношенной, какъ душа актрисы, — продолжала она черезъ нѣсколько секундъ. — Никто въ ней души не уважаетъ, даже не признаетъ... да, пожалуй, и она сама. Васъ, конечно, удивляетъ, что̀ я могу дѣлать одна, въ Ишлѣ?

— Совсѣмъ не то. Я только хотѣлъ сказать, что вамъ не дадутъ быть одной.

— О! Я, славу Богу, свободна, никто надо мной не имѣетъ правъ, и я имѣю уже достаточно средствъ, чтобы ни отъ кого не зависѣть.

Она улыбнулась и прибавила: — Сегодня мнѣ сдѣлано было предложеніе... просили моей руки. Догадайтесь—кто...

— Знаю, весь городъ говоритъ объ этомъ.

— И вы не спрашиваете о моемъ отвѣтѣ?

— И о немъ всѣ тотчасъ узнаютъ.

— А васъ это не интересуетъ... Вы человѣкъ мысли, я — актриса... облако, которое пролетаетъ надъ скалой... Не глядите же такъ пасмурно!

— Вы сами хотите меня уколоть... Когда вы сперва сказали, что вамъ у меня нравится, я былъ счастливъ этими словами. Почему вы считаете меня лучше или выше васъ? У насъ много общаго просто потому, что мы—люди.

— А въ сущности вы все-таки относитесь ко мнѣ свысока.

— Нисколько... Я считаю себя выше только одной фальши и притворства.

— Стало быть, никогда не говорите неправды?

— Никогда, ни за что и ни для кого.

— Такъ скажите, вспомните ли вы обо мнѣ, когда уже не будете меня видѣть?

Немиричъ призадумался.

— Вы вспомнили пѣсню объ облакѣ и скалѣ. Въ ней же сказано, что хотя облако и пролетѣло надъ скалой, но не безслѣдно.

Они молча взглянули другъ на друга. Черезъ минуту Вилли встала, открыла піанино и, сдѣлавъ нѣсколько пассажей, спѣла два романса, а потомъ, держа руки на клавіатурѣ, спросила:

— Что̀ бы мнѣ еще спѣть?

— Легенду Маргариты изъ „Фауста“ о королѣ.

Исполнивъ его желаніе и продолжая что-то наигрывать, Вилли говорила:—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы обо мнѣ помнили... Вы заразили меня своимъ настроеніемъ,—мнѣ такъ грустно, такъ тяжело... Пусть бы мнѣ случилось быть здѣсь еще разъ въ жизни и найти все безъ перемѣны... А между тѣмъ я отлично знаю, что этого не случится...

Не переставая играть, она перешла къ какому-то аккомпанименту и подъ него тихо декламировала:

S'asseoir tous deux au bord d'un flot qui passe,
Le voir couler.
Tous deux. S'il glisse un nuage en l'espace,
Le voir glisser.
Entendre au pied du saule, où l'eau murmure,
L'eau murmurer.
Ne pas sentir, tant que ce rêve dure,
Le temps durer.

Голосъ ея дрогнулъ. Съ минуту еще она сидѣла въ молчаніи. Покачала головой и встала.

— C'est fini! Il faut rentrer,—сказала она и взяла шляпу.—

Скажите мнѣ доброе слово, отъ души... Вѣдь это можно, а я его никогда не слыхала.

— Если когда-нибудь вы захотите побывать здѣсь,—отвѣтилъ онъ,—то будьте здѣсь всегда у себя и только собой.

— А вы, если будете когда-нибудь въ Вѣнѣ, зайдете ко мнѣ?

Немиричъ, послѣ краткаго колебанія, сказалъ:—Да.

— Слово?

— Слово.

И надъ этой любовной драмой, состоявшей всего изъ двухъ явленій, опустился занавѣсъ. Однако на Немирича она сильно повліяла. Цѣлый мѣсяцъ статей его не появлялось. Когда художникъ Опольскій зашелъ въ редакцію узнать о причинѣ, то редакторъ сказалъ о Немиричѣ:

— Кажется, съ ума спятилъ... И не пишетъ, и глазъ не кажетъ. Я сталъ безпокоиться, и тому двѣ недѣли былъ у него... Представьте, кого я тамъ засталъ...

— Женщину?

— Хуже того: ксендза.

Опольскій засмѣялся.—Кто же изъ нихъ совратитъ другого?

— Я хотѣлъ было тотчасъ уйти, увидѣвъ это tableau, и извинился, что помѣшалъ собесѣдованію. А ксендзъ на это добродушно отвѣтилъ: „Нѣтъ, мы не бесѣдовали. Г. Немиричъ работаетъ, а я прочитываю у него свой бревіарій, потому что здѣсь такъ тихо“.—Если и вы, Немиричъ, заняты тѣмъ же,—сказалъ я, то я уйду.—Тогда онъ отвѣтилъ, что у него спѣшное дѣло въ судѣ, и что статей онъ больше давать не будетъ. „Довольно этихъ поученій, которыя пропадаютъ даромъ. Лучше самому дѣлать что-нибудь согласное съ ними“. Вотъ что̀ онъ мнѣ отрѣзалъ. Я попробовалъ было убѣждать его во имя здраваго смысла. Но, вижу, ксендзъ сидитъ себѣ, будто дòма; я и ушелъ. А жаль. Талантъ, нечего сказать, этотъ Немиричъ, но съ придурью. Вѣдь и писалъ-то онъ даромъ, такъ что неловко его и уговаривать.

Спустя нѣсколько дней, Опольскій самъ пошелъ къ Немиричу и убѣждалъ его не бросать литературной работы, но—напрасно.

— Я уже съ нѣкотораго времени изверился въ возможности убѣждать людей. Они не живутъ по убѣжденіямъ, а просто привыкаютъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя для нихъ выгоднѣ. Къ чему дольше терять время! У меня есть другія дѣла.

— А что же у васъ дѣлаетъ тотъ ксендзъ, котораго в[...] дѣлъ редакторъ,—обращаетъ васъ, что-ли?

— Этотъ ксендзъ забрелъ ко мнѣ въ первый разъ с[...]

чайно. Надъ нимъ подшутили, пославъ его ко мнѣ. Но онъ къ тому, что̀ люди сдѣлали изъ христіанства, обращать не станетъ. Онъ какъ будто уснулъ тому девятнадцать столѣтій и совершенно напрасно въ наше время проснулся. И вотъ заваливаетъ меня работой въ судахъ.

— Съ кѣмъ же онъ судится?

— Самъ-то ни съ кѣмъ. Но онъ вѣчно ходитъ по разнымъ ямамъ, въ которыя повержены такъ называемые отбросы общества,—добываетъ тамъ матеріалъ и кліентовъ, которыхъ навязываетъ мнѣ. Что̀ тамъ происходитъ... волосы дыбомъ становятся, слушая...

— И въ этакую жару вы сидите взаперти! Вы исхудали, даже почернѣли... Поѣхали бы куда-нибудь къ роднымъ, въ деревню...

— У меня нѣтъ родныхъ. Воспитывала меня до десяти лѣтъ тетка, старая дѣва. Когда она умерла, я остался совсѣмъ одинъ.

— Что же это за моръ былъ у васъ въ роднѣ?.. У меня такъ цѣлыхъ двѣ области наполнены родственниками. Какъ только окончу портреты, тотчасъ—вонъ изъ города. И долго меня не увидятъ въ Варшавѣ. Махну даже въ Тироль. Хотите, поѣдемъ вмѣстѣ?

— Денегъ нѣтъ.

— Неужели! При вашей-то добродѣтели и уединенной жизни?! Я считалъ, что вы высиживаете деньги, какъ курица яйца.

— Спросите объ этомъ того же ксендза. У него всегда цѣлая орава умирающихъ съ голода, безпомощныхъ больныхъ и нищаго старья, которое не можетъ помереть.

— Охота позволять себя эксплуатировать!

— Да я разъ было и взбунтовался,—отвѣчалъ Немиричъ съ грустною усмѣшкой.—Тогда онъ потащилъ меня въ разныя трущобы на берегу Вислы. И тамъ я увидалъ такія вещи, что заложилъ часы, такъ какъ готовыхъ денегъ въ ту минуту не было, а отъ одной видѣнной тамъ картины я не могъ бы спать, если бы не купилъ себѣ этотъ сонъ сейчасъ же. Послѣ того я уже покорился... Впрочемъ, на что̀ мнѣ деньги! Хлѣбъ и чистый уголъ у меня есть. У меня все-таки и молодость, и здоровье. Хотя, признаться, и въ этомъ особеннаго удовольствія не нахожу... Такъ, живу себѣ...

— Но если будете такъ распоряжаться деньгами, то сами можете подъ старость очутиться въ одной изъ тѣхъ трущобъ.

— А если бы я сталъ копить, то развѣ избѣгну болѣзни, одряхлѣнія и смерти?

— А ксендзъ-то, поди, деньги откладываетъ.

— Куда ему! Онъ кормится у бернардиновъ, пока получить гдѣ-нибудь мѣсто викарія. Но никакой приходскій ксендзъ его не возьметъ. Онъ нигдѣ не могъ ужиться, потому что отказывается отъ платы за требы. „Я, говоритъ, этимъ не торгую".

— Ну, прощайте. Онъ еще васъ когда-нибудь отъисповѣдуетъ, повѣнчаетъ и дѣтей у васъ крестить будетъ.

III.

Въ тотъ же вечеръ Немиричъ получилъ отъ графа телеграмму, вызывавшую его по важному дѣлу въ плоцкую губернію, въ деревню, гдѣ графъ проводилъ лѣто. Тамъ, кромѣ графа Альфреда и его жены, онъ засталъ и бывшаго своего ученика, ихъ сына Андрея, который учился теперь въ военномъ училищѣ въ Вѣнѣ, а также младшаго брата графа, Франциска, и тетку ихъ, княгиню.

Немиричъ пріѣхалъ незадолго до обѣда, передъ которымъ графъ Альфредъ представилъ его своему брату, хотя тотъ, какъ и всѣ другіе члены семейства, зналъ Немирича еще съ того времени, когда онъ былъ домашнимъ учителемъ и жилъ въ этомъ же имѣніи.

Послѣ обычныхъ вступительныхъ вопросовъ, что̀ теперь дѣлается въ Варшавѣ, графъ спросилъ:

— Что̀, у васъ есть родственники въ Литвѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ это вашъ однофамилецъ, какой-то Іосифъ Немиричъ, предъявилъ къ намъ искъ. Это—въ имѣніи жены, на Полѣсьѣ. Онъ представилъ планы и доказываетъ, что бо̀льшая часть тамошнихъ луговъ принадлежитъ къ его владѣніямъ и только по его оплошности захвачена нами. Дѣло это повелъ въ судѣ тамошній управляющій нашъ, Кенцкій, и проигралъ его, а теперь хочетъ перенести тяжбу на апелляцію. Но я не знаю, сто̀итъ ли, если по планамъ, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ такъ?

— Надо бы провѣрить, какіе это планы... Дѣло можетъ дойти до межевого департамента и продлиться года два, если не болѣе. Кенцкій прислалъ вамъ бумаги сюда?

— Нѣтъ, я имѣю только письмо.

— Придется мнѣ осмотрѣть ихъ на мѣстѣ.

— Ѣдучи сюда, вы и не подозрѣвали, что прокатитесь в Литву,—шутливо замѣтилъ графъ Андрей.

— Я не предполагалъ даже, что увижу ее когда-либо въ жизн

За обѣдомъ зашла рѣчь о юбилеѣ священства, который праздновалъ папа, о пилигримствѣ въ Римъ, о сборѣ лепты св. Петра и т. д. Немиричъ слушалъ въ молчаніи, и внимательный взглядъ его встрѣтился со взглядомъ княгини, которая знала его очерки и была не прочь задѣть „памфлетиста". Выждавъ паузу, она иронически обратилась къ нему:

— Можетъ быть, все это пригодится вамъ для слѣдующей статьи?

— О чемъ?—спросилъ онъ спокойно.

— Разумѣется, съ громомъ на церковь, на почитаніе св. отца и на бараньи стада набожныхъ пилигримовъ. Вѣдь вы во все это не вѣруете и все отрицаете?

— Не вѣрую, на поклоненіе не пойду и лепты св. Петра не внесу. Но осуждать толпу я не думаю. Она не повинна, и если вѣруетъ, то пусть себѣ идетъ. И если то, что̀ она увидитъ и прочувствуетъ въ Римѣ, въ самомъ дѣлѣ возвыситъ въ ней душу, то это ея счастье.

— А вы бывали въ Римѣ?—спросилъ мѣстный капелланъ, въ томъ же тонѣ, какъ княгиня.

— Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ, я не художникъ.

— Хотя бы для того, чтобы ближе узнать то, что̀ вы такъ слѣпо критикуете—церковь.

— Такъ развѣ церковь—въ Римѣ?

— Для васъ она скорѣе въ Женевѣ.

— Мнѣ она не нужна и въ Женевѣ. Но для вѣрующихъ она, я полагаю, вездѣ, гдѣ совершаются христіанскія дѣла.

— А св. Петръ и его мученичество въ Римѣ?—злобно возразила княгиня.

— Св. Петръ самъ прежде трижды отрекся. Правда, онъ умеръ мученикомъ. Но изъ этихъ двухъ его примѣровъ, какъ вы думаете, который среди христіанъ нашелъ болѣе послѣдователей?

— Можно ли такъ кощунствовать, и еще въ присутствіи молодыхъ людей...

— Простите меня, княгиня, я вѣдь только отвѣтилъ на ваши замѣчанія. Я никогда не начинаю спора о такихъ вещахъ, потому что это ни къ чему не ведетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, тетя, начали вы,—вмѣшался графъ Альфредъ.—Я держусь того, что убѣжденія свободны.

А братъ его, графъ Францискъ, засмѣялся и сказалъ капеллану:

— Запасайтесь аргументами, подтягивайтесь, отче. Атеисты для васъ необходимы. На то и щуки, чтобы караси не дремали. Вѣдь вы же—воинствующая церковь.

Въ саду, когда молодые играли въ тэннисъ, а старшіе разошлись по аллеямъ, графъ Францискъ предложилъ Немиричу сигару и пошелъ съ нимъ.

— А мы съ вами вродѣ какъ бы единовѣрцы,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Кажется, поклоняемся одной и той же богинѣ...

Немиричъ вопросительно взглянулъ на него.

— Вѣдь это же вы—продолжалъ графъ—весной выступали въ печати защитникомъ Вилли Мора. Вы съ ней знакомы?

— Я былъ въ оперѣ раза два.

— А я стою за нее вотъ уже три года. Въ ней есть нѣкоторое колдовство. Вы, конечно, слышали, что̀ говорилось обо мнѣ и о ней.

— Говорили, что вы на ней женитесь.

— Ну, да. И, представьте, это была правда: я, дѣйствительно, хотѣлъ. C'était un peu raide, n'est-ce pas?.. По счастью, она сама не захотѣла... Къ моему неудовольствію—сперва. И, понятно, къ полному удовольствію теперь... когда все осталось попрежнему.

Глаза Немирича потускнѣли и брови его дрогнули какъ бы отъ боли. Но собесѣдникъ не смотрѣлъ на него и продолжалъ:

— Ей надо отдать справедливость, и вы были правы, защищая ее. Признаюсь, я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидаю открытія оперы въ Вѣнѣ.

— Вы тамъ живете?

— И не могу иначе, какъ членъ рейхсрата. Вотъ вы, съ вашимъ полемическимъ талантомъ, пригодились бы у насъ въ Галиціи, при парламентскомъ режимѣ. По-нашему, вѣдь это надо бы назвать говорильнымъ механизмомъ, а въ немъ слово—сила.

— Ну, знаете, и парламентаризмъ еще не далеко ведетъ.

— Вы, конечно, и республиканецъ?

— Да и республика—не болѣе, какъ названіе. Бывали республики съ инквизиціей и тайными судами, бывали съ рабствомъ, и не только въ древности, но и всего лѣтъ сорокъ назадъ. Для меня и республика, и конституціонная монархія, и самодержавіе—это все только формы и названія, какъ и разные религіозные культы. Который Богъ лучше—католическій, православный, протестантскій, буддистскій, браминскій и такъ далѣе? Правиль[illegible] судить можно бы только по дѣламъ ихъ проповѣдниковъ. А дѣ[illegible] послѣдователей всѣхъ этихъ образовъ правленія и вѣроуче[illegible] такъ мало разнятся, что я, лично, не желаю дѣлать выбора.

— Вы, пожалуй, правы,—заключилъ графъ Францискъ, б[illegible] сивъ сигару.—Но надо же съ кѣмъ-нибудь водиться.

— Я ни за кѣмъ не пойду; истинная цѣль всѣхъ ихъ меня не привлекаетъ, а ихъ средства борьбы мнѣ противны.

IV.

Прочитавъ письмо управляющаго, получивъ инструкцію графа Альфреда и нужныя деньги, Немиричъ отправился черезъ Брестъ въ Литву. Сосѣдъ его въ вагонѣ, мѣстный помѣщикъ, узнавъ, что Немиричъ ѣдетъ до станціи Чернинъ, а оттуда на лошадяхъ въ графское имѣніе Мехечъ, одобрительно отозвался о тамошнемъ управляющемъ Кенцкомъ и о паннѣ Янинѣ, его дочери, образованной и дѣльной дѣвушкѣ, хотя и „эманципанткѣ". Онъ былъ знакомъ и со старымъ Іосифомъ Немиричемъ, который вѣчно затѣвалъ процессы и велъ ихъ удачно, такъ что не только не разорялся на нихъ, но увеличилъ свое состояніе.

Пользуясь словоохотливостью своего спутника, повѣренный графа узналъ, что старый Немиричъ, которому везло въ дѣлахъ, не былъ счастливъ въ семьѣ. Женился онъ еще студентомъ, въ Петербургѣ, на дѣвушкѣ, которая ничего не имѣла и не подходила къ нему по нраву, была кротка и застѣнчива, между тѣмъ какъ онъ былъ „весь—огонь", и, получивъ наслѣдство отъ отца, сталъ жить на большую ногу, искалъ сблизиться со знатью, часто живалъ въ Варшавѣ одинъ, оставляя запуганную жену дома. Жизнь ея, должно быть, была тяжкая, такъ какъ молодая женщина утопилась, будто бы случайно, при купаньѣ. У нихъ уже былъ ребенокъ, о которомъ отецъ нисколько не заботился. Онъ уже имѣлъ въ виду новую, богатую женитьбу, и свояченицѣ своей, сестрѣ покойной жены, позволилъ взять сына на воспитаніе, да такъ его и забросилъ. Ребенка увезли въ Петербургъ, и тамъ, говорили, онъ умеръ. А Немиричъ взялъ большое приданое за второй женой, которая, къ тому же, была изъ графскаго рода. Тогда онъ и роскошь завелъ, и праздники сталъ задавать, но и имѣніе привелъ въ порядокъ, прикупилъ нѣсколько фольварковъ, оттягалъ разные участки, но все-таки въ новые долги вошелъ. Двое дѣтей умерли, при немъ остались отъ второго брака дочь и сынъ. Дочь—горбатая, сынъ—чахоточный. Вторая жена умерла отъ рака. Однимъ словомъ, болѣзни почти не выходили изъ этого дома.

Отъ станціи Чернинъ было до Мехеча семь миль. Романъ Немиричъ думалъ нанять повозку, такъ какъ онъ отказался отъ предложенія графа телеграфировать, чтобы изъ Мехеча выслали

на станцію лошадей. Но на предшествующей станціи въ вагонъ вошла молодая дѣвушка, тотчасъ обратившаяся къ спутнику Немирича, какъ къ знакомому. Оказалось, что это была дочь мехечскаго управляющаго, Кенцкаго, Янина. Когда они оба вышли изъ вагона на станціи Чернинъ, Немиричъ сталъ нанимать еврея съ повозкой — въ Мехечъ, а Кенцкая, услышавъ это, спросила:

— Вы не повѣренный ли, котораго мы ожидаемъ отъ графа?

Онъ подтвердилъ это и представился:—Романъ Немиричъ.

— Да, я слышала отъ отца. Къ чему же вамъ трястись въ повозкѣ? За мной высланъ экипажъ,—поѣдемте вмѣстѣ.

Они сѣли въ фаэтонъ, съ кучеромъ въ графской ливреѣ.

— Такъ вы—повѣренный графа. Вотъ странная встрѣча именъ! Дѣло противъ Немирича поведетъ Немиричъ. Мнѣ только жаль Ядвиги, дочери нашего противника. Я съ ней часто видѣлась. Но отца ея терпѣть не могу... А скажите, вы не тотъ ли Немиричъ, который писалъ „Лицемѣровъ"?

— Да; но я пересталъ писать.

— Значитъ, для меня вы давнишній знакомый. Позвольте мнѣ сказать, что я читала васъ съ полнымъ сочувствіемъ.

На полдорогѣ они остановились покормить лошадей. Въ это время съ противоположной стороны проѣхала мимо той же корчмы коляска, въ которой полулежалъ худой и блѣдный молодой человѣкъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ сѣдой господинъ суроваго вида, съ подтеками подъ черными, сверкавшими глазами. Кучеръ его хотѣлъ было также остановиться у корчмы. Но старикъ, бросивъ проницательный взглядъ на стоявшій передъ ней фаэтонъ и на Немирича, который стоялъ рядомъ, сердито крикнулъ:—Пошелъ впередъ!—И коляска проѣхала мимо.

— Это—онъ самъ, нашъ противникъ и вашъ однофамилецъ. Бѣдный сынъ его, какъ опустился съ весны! Это отецъ везетъ его, навѣрное, за-границу. А ему такъ не хотѣлось уѣзжать, онъ такъ упрашивалъ дать ему умереть спокойно здѣсь, въ Немировѣ. Онъ знаетъ свое положеніе. Но что̀ съ этимъ палачомъ подѣлаешь!..

— Вы хотите сказать, что онъ сына не любитъ?

— Развѣ онъ можетъ кого-нибудь любить! Во всякомъ случаѣ, дочь онъ ненавидитъ за то, что она—калѣка. Онъ держитъ ее при себѣ, потому что это дешевле и она ему прислуживаетъ. А сыну онъ постоянно напоминаетъ о своихъ заботахъ о немъ, какъ будто этотъ приговоренный къ смерти можетъ дорожить

жизнью и быть благодарнымъ за нее отцу. У сына, какъ и у дочери, нѣтъ ни воли, ни гроша собственныхъ денегъ. А многіе считаютъ его любящимъ отцомъ... Какъ же—кормитъ ихъ, одѣваетъ, лечитъ и даетъ ѣздить въ собственномъ экипажѣ.

Фаэтонъ въѣхалъ въ аллею столѣтнихъ липъ, которая вела къ такъ-называемому палацу графа, и вскорѣ остановился передъ домомъ управляющаго, не проѣхавъ и половины аллеи.

На крыльцо вышли управляющій, то-есть, отецъ Янины, Кенцкій, и старшій его братъ, котораго она называла „дядя Петръ“. Оказалось, что Янина работала въ конторѣ отца, вела книги и была знакома съ дѣлами. Кенцкій зналъ о Романѣ Немиричѣ, какъ о повѣренномъ графа, но тотчасъ спросилъ:

— Вы не родственникъ Іосифа Немирича?

— Я сегодня въ первый разъ видѣлъ его; мы кормили лошадей, когда онъ проѣхалъ мимо корчмы.

Такъ какъ Кенцкому на другой день необходимо было ѣхать въ другое мѣстечко, то они условились, что, покамѣстъ, Янина покажетъ Немиричу, откуда начинаются спорные луга. Ближайшій туда путь былъ рѣчкой и потомъ озерами. Просмотромъ плановъ и бумагъ Немиричъ занялся въ тотъ же вечеръ. Когда онъ вставалъ послѣ обѣда, дядя Петръ задалъ ему неожиданный вопросъ:

— Не знали ли вы г-жи Стефаніи Путята?

Немиричъ вздрогнулъ, и послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія отозвался:

— Не припоминаю... Должно быть, нѣтъ.

— Угу!—проворчалъ старикъ.—Меня вы также не узнали.

Когда Немиричъ вышелъ, дядя Петръ обратился къ Янинѣ:

— Старый Немиричъ посмотрѣлъ на васъ при встрѣчѣ?

— Да, онъ взглянулъ, проѣзжая.

— И не узналъ его?! Ну, этотъ человѣкъ совсѣмъ потерялъ совѣсть.

— Почему же онъ могъ его узнать?

— Потому что это—его сынъ... И такъ похожъ на мать, что я ни на минуту не сомнѣвался, кто онъ.

— Полно, дядя, что̀ вы!.. Это вамъ такъ показалось...

— Какое показалось, когда я навѣрное знаю! Я былъ знакомъ и съ его матерью, а еще болѣе съ ея сестрой, въ которую я даже былъ влюбленъ... Да, да... Тебѣ странно, тебѣ кажется, что я такъ дядей и родился. А было и мое время. Послѣ несчастія съ пани Немиричъ, которая утопилась, панна Стефанія взяла съ собой ея ребенка... Да, вотъ только теперь я вспо-

мнилъ, что его звали именно Ромекъ... Взяла безъ всякаго сопротивленія со стороны отца и рѣшила посвятить свою жизнь сыну своей несчастной сестры. Она его и воспитала. Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ въ Варшавѣ, мальчику было тогда полтора года... А теперь, взглянувъ на этого Романа Немирича, я едва не вскрикнулъ отъ удивленія,—до такой степени онъ похожъ на мать. И хорошо, что я удержался. Ясно, что онъ своего отца знать не хочетъ,—и совершенно правъ. Онъ—не Немиричъ, ни лицомъ, ни душой... Увидишь, это—нашъ человѣкъ. Поразительно похожъ на мать и на панну Стефанію... Ея уже, должно быть, нѣтъ на свѣтѣ... Когда я спросилъ, онъ отвѣтилъ, какъ о комъ-то давно умершемъ.

— Вы, дядя, никому объ этомъ не скажете?

— Никому. Но какъ отецъ-то его не узналъ?.. Или не хотѣлъ узнать? Это отъ него станется.

— Въ судѣ узнаетъ,—замѣтила Янина.—Интересно, зналъ ли Романъ свою исторію, или, можетъ быть, услышалъ ее отъ стараго Колба, съ которымъ я его застала въ вагонѣ? Тотъ, навѣрное, разсказывалъ о Немиричѣ, если только зналъ, что спутникъ его ѣхалъ въ Мехечъ.

— Я думаю, онъ зналъ. Панна Стефанія была умная, она не оставила его безоружнымъ въ жизни,—навѣрное, не скрыла отъ него ничего и закалила его противъ того, чтò ему могло представиться въ будущемъ... Отецъ не хотѣлъ его знать, и онъ не хочетъ знать отца. Это правильно. Говорю тебѣ, это—нашъ человѣкъ.

— А все-таки, дядя, вѣдь Немировъ-то можетъ перейти къ нему по наслѣдству. Братъ его, я увѣрена, уже живымъ не возвратится.

— Да самъ-то тотъ, старый волкъ, еще переживетъ насъ всѣхъ... Не узналъ его, видишь ли... вотъ бестія!

Четыре дня работалъ Немиричъ въ конторѣ Кенцкаго, отчасти съ нимъ, отчасти одинъ, надъ планами и документами, вызывалъ и разспрашивалъ старожиловъ-крестьянъ. Наконецъ, наканунѣ отъѣзда, онъ пожелалъ еще разъ осмотрѣть положе- тѣхъ луговъ съ обоихъ конечныхъ ихъ пунктовъ вдоль озер Въ первый разъ онъ видѣлъ тѣ луга только издали, когда, оди съ Яниной, доплылъ въ лодкѣ до перваго озера, причемъ о не рѣшилась пускаться въ болота. Теперь они взяли съ со дядю Петра и старика-крестьянина, бѣлорусса, который сѣ

руля. Гребли Немиричъ и Янина, каждый въ два короткихъ весла, которыми можно было дѣйствовать и въ мѣстахъ, поросшихъ тростникомъ. А тамъ, гдѣ тростникъ становился очень высокъ или было мелко, крестьянинъ снималъ руль и, ставъ на кормѣ, подавалъ лодку впередъ однимъ весломъ, наклоняясь то на одинъ бортъ, то на другой.

Изъ перваго озера они вошли въ поросшій совсѣмъ протокъ и плыли нѣкоторое время среди высокаго, густого тростника, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ попадавшихся по берегамъ ивъ.

— Этотъ рукавъ изображаетъ Лету, рѣку забвенія,—прервалъ общее молчаніе Немиричъ.—На нѣсколько минутъ можно забыть о существованіи другихъ людей.

Они выплыли во второе озеро, принялись снова грести и приблизились къ противоположному, отлогому и песчаному берегу. Отъ него полосой шли пески вглубь, только мѣстами прерываемые рѣдкимъ кустарникомъ и мхами вокругъ разбросанныхъ кустовъ.

— Причаль здѣсь, Максимъ,—сказалъ дядя.—Вотъ вамъ и другой край луговъ по берегу. Тутъ еще во многихъ мѣстахъ топко, но мы взойдемъ на этотъ холмикъ.—А когда они вышли на берегъ и поднялись на одинокую песчаную возвышенность, то имъ представился видъ необозримыхъ луговъ, которые шли вглубь берега, перерѣзываемые водными артеріями.—Ну, Максимъ, теперь разсказывай, откуда тянутся лугà и куда заходятъ.

Старикъ сталъ объяснять, указывая рукой въ разныя стороны, и на вопросы Немирича объяснялъ примѣрныя разстоянія отъ усадьбы, отъ озеръ, до лѣса и далекой проѣзжей дороги. Немиричъ набрасывалъ карандашомъ приблизительный чертежъ, чтобы лучше понять планы. Крестьянинъ говорилъ по-бѣлорусски, и Янина должна была многое повторять Немиричу по-польски.

Возвращались они со второго озера уже другимъ протокомъ, который впадалъ въ ту же рѣчку, но ниже, по теченію. Здѣсь луга прерывались съ одной стороны густымъ и высокимъ лѣсомъ, въ тѣни котораго они подвигались свободно, такъ какъ въ протокѣ этомъ дно было песчаное. На веслахъ сидѣлъ теперь крестьянинъ, а дядя—у руля. Въ лѣсу было темно, кругомъ — полная тишина, надъ которой раза два прозвенѣли въ высотѣ крылья всполохнувшихся дикихъ утокъ.

— Красиво и какъ будто полно думы! — замѣтилъ Романъ.

— Мы сжились съ нашей природой и любимъ ее,—сказала Янина.—Я разъ была съ дядей за-границей, въ Англіи, Швейцаріи и Италіи. Но если бы мнѣ и приходилось выбирать, я хо-

тѣла бы жить и умереть здѣсь, у насъ, въ Литвѣ...—Когда она кончила, въ лѣсу тихо, но ясно повторился послѣдній слогъ: „твѣ".

Немиричъ улыбнулся.

— Лѣсъ отзывается на ваши слова... Что мнѣ особенно нравится у васъ, такъ это неприкосновенность природы, дикость, полная ея независимость. Мнѣ портитъ живописную гору зубчатая желѣзная дорога по ней, которая идетъ къ трактиру. Толпы туристовъ, которые объѣзжаютъ озера срочными рейсами, съ Бедекерами въ рукахъ, и глазѣютъ на корректность своихъ костюмовъ болѣе, чѣмъ на глетчеры и пропасти, опошляютъ великолѣпіе природы. Она кажется устроенной для нихъ панорамой... Вся ея прелесть пропадаетъ отъ ихъ надутыхъ минъ и глупыхъ замѣчаній.

Изъ-за лѣса поднялась туча и стало еще темнѣе.

— По-вашему, люди портятъ пейзажъ?—пошутила дѣвушка.

— Если бы только пейзажъ! Они множатся и множатся, и чѣмъ имъ становится тѣснѣе на каждомъ пути, тѣмъ болѣе они другъ друга ненавидятъ, хитрятъ, лицемѣрятъ, искажаютъ всякую идею, обращаютъ ее въ товаръ и товаръ этотъ поддѣлываютъ. А еще говорятъ о прогрессѣ!.. Прогрессъ опустѣнія души, физическаго истощенія, истерики и взаимнаго пожиранія!.. Смотрите, къ чему все идетъ... Есть скандинавская сага, что послѣ дней, длившихся вѣки вѣковъ, приходитъ ночь — „рагнарёкъ" — когда гаснутъ солнца, замираютъ силы идеи и вѣры. Въ ту ночь боги и люди, добрые и злые духи, добродѣтель и преступленіе, геніи и чудовища, все охватывается страшнымъ потрясеніемъ, взвивается роковыми вихрями, разбивается въ дребезги и летитъ въ пожирающую все бывшее безпредѣльность... Должно быть, вѣрно, такъ и будетъ... Развѣ не примѣтно уже начало хаоса, развѣ фальшь не переръжавила всѣхъ нашихъ вѣръ, и чувствъ, и дѣлъ?.. Что еще осталось правдивымъ и цѣльнымъ? Не изъ чего ни чинить старый строй, ни возводить новое зданіе. Просто нѣтъ годныхъ, цѣльныхъ матеріаловъ... Стало быть, что же будетъ въ концѣ концовъ, какъ не „рагнарёкъ"?

Они совсѣмъ поддались неожиданной импровизаціи Романа и ея страстному тону. Даже не примѣтили, какъ выплыли г° рѣку. Дядя Петръ налегъ на руль въ лѣвую сторону, и ког лодка вышла на середину, поставилъ его прямо.

— Должно быть,—проговорилъ онъ,—и будетъ нѣчто этомъ родѣ, если ужъ молодые люди чувствуютъ себя такъ безн дежно. Въ наше время было иначе. Мы думали, что буду

ность въ нашихъ рукахъ, что мы передѣлаемъ міръ. Но ничего мы, увы, не передѣлали.

Спустя еще нѣсколько минутъ, съ нѣкоторой несмѣлостью отозвалась и Янина.

— А мнѣ чувствуется, что не должно такъ быть, какъ вы говорите, г. Немиричъ... не должно, а потому и не будетъ. Научныхъ доводовъ я, конечно, привести не могу, и даже слыхала о томъ предположеніи, которое вы, вѣроятно, имѣете въ виду, а именно, что въ концѣ солнца попадаютъ на солнца и все когда-нибудь разобьется въ дребезги, какъ вы сказали, а потомъ атомы опять начнутъ группироваться. Но какой же смыслъ имѣла бы эта повторяющаяся комедія? Чувство мнѣ говоритъ, что міръ стремится къ совершенствованію, а не къ разрушенію. Пусть фальши въ наше время больше, чѣмъ было когда-либо. Но отчего же не допустить, что съ успѣхами развитія всей массы придетъ время, когда нельзя будетъ ни управлять, ни эксплуатировать никого посредствомъ фальши?.. Можетъ быть, тогда ее и бросятъ, какъ пріемъ безполезный, даже вредный тѣмъ, кто къ нему прибѣгаетъ...—Выговоривъ все это, дѣвушка покраснѣла.

Романъ взглянулъ на нее съ симпатіей и удивленіемъ.

— Противъ чувства спорить нельзя,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ мы, вѣроятно, не доживемъ ни до „рагнарёка", ни до вашей будущей Аркадіи...

— А можетъ, и доживемъ?—съ улыбкой спросила Янина и продолжала въ полу-шутливомъ тонѣ, быть можетъ изъ боязни, чтобы Немиричъ не сталъ насмѣхаться надъ ней:—Мнѣ кажется, что когда я умру, то пройду чрезъ мгновеніе, въ которое я увижу всѣ свои прежнія бытія, весь рядъ ихъ — и мои паденія на ступень ниже прежней, и мои подъемы на ступень выше. Увижу и слѣдующее мое воплощеніе, и что меня въ немъ ждетъ. Если въ минувшемъ бытіи я менѣе соблюла чистоту своего духа, то затѣмъ воплощусь въ существѣ болѣе грубомъ. А если въ прежнемъ бытіи мнѣ удалось подняться духомъ выше, то меня ожидаетъ затѣмъ воплощеніе въ формѣ болѣе чистой и болѣе тонкой. И послѣ такого мгновеннаго, но все охватывающаго сознанія лучъ этотъ угаснетъ и памяти о немъ во мнѣ не останется при моемъ новомъ воплощеніи въ формѣ новорожденнаго существа, въ которомъ сознаніе и чувство должны будутъ пробудиться новымъ жизненнымъ развитіемъ, но зародыши ихъ уже лежатъ въ его духѣ... А если думать такъ,—то-есть, что бытіе міра осмыслено идеей совершенствованія, въ такомъ случаѣ соблю-

деніе чистоты и достоинства своего духа,—то, что̀ называется нравственностью и дѣланіемъ добра,—внушается уже самымъ эгоизмомъ и не составляетъ заслуги... Вы назовете это произвольной фантазіей, бреднями...—закончила Янина, улыбнувшись опять.

Но Немиричъ отвѣтилъ ей совершенно серьёзно:

— То, что̀ вы сказали, не ново, и съ этимъ я спорить не буду; не стану ссылаться на науку, послѣднимъ словомъ которой является все-таки только вѣроятность. А у меня нѣтъ никакихъ окончательныхъ формулъ... Пускай каждый идетъ къ самосовершенствованію тѣмъ путемъ, какой ему пригоднѣе. Я, вотъ, часто вижусь съ однимъ ксендзомъ, который совершаетъ и богослуженія, и требы, а между тѣмъ не хочетъ и спорить съ моими еретическими и революціонными взглядами. Онъ думаетъ, что если кто дѣлаетъ добро, того глупо спрашивать, что̀ побуждаетъ его къ этому.

V.

Поздней осенью, когда дѣло о лугахъ давно уже было перенесено Романомъ Немиричемъ въ судебную палату, провѣрены были планы по генеральному межеванью и представлены всѣ нужныя дополнительныя свѣдѣнія,—ему неожиданно случилось уѣхать въ Вѣну. Сынъ графа Альфреда, бывшій ученикъ Немирича, Андрей, который оканчивалъ тамъ свое образованіе, попалъ въ руки шайки шулеровъ, съ которыми онъ неосторожно сблизился, связавшись съ подставленной ими женщиной. Онъ надѣлалъ долговъ, далъ ей обѣщаніе жениться, и когда шайка эта успѣла обобрать его, то завлекшая его женщина обратилась письменно къ графу Альфреду, требуя, чтобы онъ далъ согласіе на женитьбу сына, жертвой котораго она выставляла себя. Все дѣло, разумѣется, было въ деньгахъ и даже въ небольшихъ деньгахъ, но необходимо было положить конецъ какъ можно скорѣе, чтобы не дать Андрею запутаться окончательно.

Графъ Альфредъ обратился къ помощи Романа Немирича, перевелъ въ Вѣну, въ его распоряженіе, десять тысячъ рублей, а на издержки пути и пребыванія въ Вѣнѣ далъ ему особо тыс у рублей, прося, чтобы обязательства молодого человѣка бı і выплачены сполна, но полюбовно и безъ огласки. Немиричъ, о данныимъ ему свѣдѣніямъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Вѣну, нап - вился къ самой Цирцеѣ, пригрозилъ ей и ея сообщникамъ об - щеніемъ въ судъ за вовлеченіе несовершеннолѣтняго въ не -

конныя обязательства, получилъ письменное заявленіе, что она отказывается отъ Андрея за полученную сумму, выкупилъ векселя, учитанные у двухъ ростовщиковъ, и открылъ глаза молодому человѣку, который уже самъ тяготился связью, поставившею его въ такое положеніе.

Сдѣлавъ это въ два-три дня и заручившись честнымъ словомъ Андрея, что тотъ, на слѣдующій же день, выѣдетъ съ нимъ въ Варшаву, Романъ узналъ адресъ Вилли Мора и поѣхалъ къ ней.

— Не принимаютъ,—отвѣчалъ ему лакей.

Немиричъ далъ ему свою карточку и уже спускался по лѣстницѣ, когда его догналъ лакей.—Васъ просятъ.

— Наконецъ-то!—встрѣтила его Вилли, протянувъ Роману обѣ руки.—И отчего вы не сказали человѣку, что вы были призваны мной?

— Не хочу сочинять, даже для того, чтобы васъ увидѣть.

— А мое письмо?

— Я его не получилъ.

— Такъ вамъ самимъ пришла мысль пріѣхать?

— Нѣтъ, я пріѣхалъ по дѣлу, и къ вамъ явился...

— Потому что обѣщалъ... Ну, спасибо и за это.—Въ нервныхъ ея чертахъ быстро промелькнули сперва радость, затѣмъ обманутое ожиданіе и какъ будто боль.

Они сѣли въ изящномъ будуарѣ, гдѣ топился каминъ.

— Если, возвратясь домой, вы найдете письмо,—обѣщайте, что пришлете его мнѣ, не читая.

— И не думаю обѣщать.

— Да потому что писала я глупости... Привидѣлось мнѣ что-то фантастическое.

— Что же вы мнѣ писали?

— Что? Я вамъ говорю, вдругъ мнѣ привидѣлось...

— А теперь не повторите?

Она отрицательно покачала головой.

— Значитъ, вы берете назадъ то, что писали?

Она оперлась лѣвой рукой на колѣно и правою провела по ней, присматриваясь.—Нѣтъ... Пожалуй, прочтите... Я звала васъ въ Вѣну и при этомъ писала очень нелестныя вещи о себѣ. [illegible]огда вы все-таки пріѣхали, я сперва очень обрадовалась. Но [illegible] пріѣхали сюда по другому случаю... Все равно, читайте, [illegible]ли хотите... Вы слишкомъ умны, чтобы презирать женщину [illegible] то, въ чемъ она вамъ добровольно призналась.

Она встала, а за ней и Немиричъ. Но онъ взялъ ея руку [illegible] наклонивъ голову, произнесъ тихо и медленно:

— Что̀ вы писали — я догадываюсь и отвѣчу просто, что я люблю васъ, что для меня было бы и счастьемъ, и гордостью, если бы вы приняли мою любовь.—Онъ выпрямился и взглянулъ ей въ глаза. Лицо его оставалось неподвижно; онъ только поблѣднѣлъ.

А она смотрѣла на него въ недоумѣніи:—Вы хотите пощадить мое самолюбіе?

— Хочу васъ и хочу отдать вамъ свою жизнь.

— Вы меня любите... Меня?! — Въ голосѣ ея послышался какой-то чуждый ему звукъ. Она тихо прислонилась къ его плечу. Романъ обнялъ ее одной рукой, — не прижалъ къ себѣ, не поцѣловалъ, а только какъ будто оборонялъ ее отъ всего свѣта.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ эту сцену. Вошла старая ея бонна Нелли, англичанка, и позвала ихъ къ чаю, который она разливала и пила вмѣстѣ съ ними.

Когда они опять сидѣли потомъ одни, въ ея будуарѣ, Немиричъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Миссъ Нелли только-что шепнула мнѣ, чтобы я былъ добръ съ вами. Этимъ она высказала истинное содержаніе любви. Для того, чтобы мы могли быть добрыми другъ къ другу, надо знать, въ чемъ каждый изъ насъ видитъ счастье... Если въ одномъ и томъ же, то жизнь наша будетъ чарующая, какъ ваше пѣніе... А если мы счастье понимаемъ различно, то жизнь будетъ мученьемъ.

— Я готова на все, что̀ вы захотите; полюблю то, что̀ любите вы...

— А я вамъ ничего не хочу навязывать, не потребую, чтобы вы отказались отъ своего призванія, не стѣсню вашей свободы, если вы теперь говорите, что готовы отречься отъ воли, отъ всего, къ чему вы привыкли... Но такъ вы будете чувствовать нѣсколько дней, мѣсяцъ, пожалуй годъ, пока будетъ свѣтиться та радуга, которая взошла надъ нами сегодня. А я хочу, чтобы вы были моей не только на этотъ радужный срокъ, но на всю жизнь, чтобы мы принадлежали другъ другу и въ страсти молодыхъ лѣтъ, и въ крѣпкой солидарности возраста зрѣлаго, и въ дружномъ покоѣ старости... Быть можетъ, на милліонъ любовныхъ союзовъ встрѣчается только одинъ примѣръ такого беззавѣтнаг неугасимаго чувства... Но я хочу такой именно любви, а не ино

— А я счастлива тѣмъ, что вы любите меня, и тѣмъ, ч сама люблю... Я еще никогда не любила. Вамъ трудно этому повѣрить, если вы догадываетесь, что̀ я вамъ писала...

Она закрыла лицо руками.

— Я теперь прямо скажу вамъ, что̀ вы, вѣроятно, угадали... Связей было у меня нѣсколько... Но скажу еще то, о чемъ вы не догадываетесь, чему вы, вѣроятно, и не повѣрите... Я никого не любила, и никто не любилъ меня. Ихъ влекло ко мнѣ или тщеславіе, или просто животный инстинктъ; никому и дѣла не было до моей души и моей мысли. Въ васъ я встрѣтила перваго человѣка, который отнесся ко мнѣ, какъ къ равному, разумному существу, уважилъ во мнѣ душу. И это было для меня какъ бы откровеніемъ. Я сама стала предъявлять къ себѣ другія требованія, и мысль о васъ уже не оставляла меня. Я не хотѣла быть ничьей игрушкой и послѣднюю свою связь порвала сама, просто потому, что впервые почувствовала любовь.

Она открыла лицо, но продолжала сидѣть съ потупленнымъ взглядомъ.

— Теперь вы знаете навѣрное, что я не сто̀ю васъ.

Немиричъ обнялъ ее, привлекъ къ своей груди и проговорилъ нѣжнымъ голосомъ, какъ утѣшаютъ ребенка:

— Оставьте это, милая. И я грѣшилъ, и сто̀ю не больше васъ; такой же вы человѣкъ, какъ и я. И если въ самомъ дѣлѣ ты меня любишь...

Она страстно обвилась около него и шептала:

— Ты одинъ, ты такой дорогой, такой геніальный, призналъ во мнѣ человѣка, тобой я хочу жить и заслужить тебя... Люблю...

Слово это еще не разъ повторялось ими обоими, прерываемое поцѣлуями. И Роману казалось, будто онъ тонетъ въ цвѣтахъ и отъ ихъ одуряющаго запаха теряетъ сознаніе.

Когда Немиричъ пріѣхалъ въ Варшаву, вмѣстѣ съ бывшимъ своимъ ученикомъ, графъ Альфредъ такъ обрадовался возвращенію этого блуднаго сына, что и не думалъ водворять его на покаяніе въ литовскомъ своемъ имѣньи Мехечѣ, какъ Андрей того ожидалъ. Но быстрый и полный успѣхъ Немирича въ порученномъ ему дѣлѣ доказывалъ, что онъ имѣлъ большое нравственное вліяніе на молодого человѣка, который, очевидно, еще нуждался въ надзорѣ и нѣкоторой трэнировкѣ, прежде чѣмъ ему можно было предоставить полную самостоятельность.

Услышавъ отъ сына желаніе побывать въ разныхъ странахъ, отецъ ухватился за эту мысль, но съ тѣмъ, чтобы это было путешествіе систематическое и образовательное, которымъ могъ руководить только Романъ Немиричъ. Графъ переговорилъ съ нимъ объ этомъ, и когда Романъ ссылался на неоконченныя судебныя дѣла, графъ отвѣтилъ, что самое важное для него дѣло

представляется въ томъ, чтобы занять умъ молодого человѣка, возбудить въ немъ интересъ къ вещамъ полезнымъ, словомъ, дать ему умственную подготовку, которой ему еще недоставало, какъ то доказывали его приключенія въ Вѣнѣ. А для судебныхъ дѣлъ онъ предоставилъ Немиричу найти помощника и временного замѣстителя.

На это, все-таки, требовалось нѣкоторое время, и условлено было, что, покамѣстъ, Романъ будетъ продолжать прежнія занятія, и тутъ же принято было въ принципѣ рѣшеніе, что когда онъ найдетъ это возможнымъ, то отправится съ Андреемъ въ предположенное путешествіе года на два.

У себя въ квартирѣ Романъ засталъ ксендза, который, держа книгу на столѣ, преспокойно прочитывалъ свой бревіарій, и только улыбнулся, когда увидѣлъ Немирича, но продолжалъ дочитывать, что̀ слѣдовало по положенію. Романъ, между тѣмъ, разобралъ накопившіяся письма, и у него радостно забилось сердце, когда онъ нашелъ и прочелъ письмо Вилли.

Кончилъ читать и ксендзъ.

— Что-жъ вы меня не спрашиваете, съ чѣмъ я пріѣхалъ?— ласково спросилъ его Романъ.

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать. Вижу въ глазахъ, что у тебя свѣтло въ душѣ... И смѣешься... Вотъ тебѣ этого недоставало. Каждый человѣкъ долженъ въ свое время посмѣяться, сколько ему дано. А я здѣсь, знаешь, частенько бывалъ,—спасибо, сторожъ меня пускаетъ. И сейчасъ долженъ покаяться,—стащилъ я у тебя пару сапогъ, знаешь, которая была постарше. Очень она была нужна для нѣкотораго человѣка. Совсѣмъ былъ босъ, не могъ искать работы.

Романъ усмѣхнулся.

— Ну, что̀ тамъ сапоги! Я вотъ удачно свое дѣло сдѣлалъ, да и заработалъ на этомъ. Вашимъ бѣднякамъ также изъ этого что-нибудь перепадетъ.

— Такъ дай, что̀ можешь, я пойду сейчасъ.

— Теперь поздно... Еще, пожалуй, васъ ограбятъ тамъ внизу, на Вислѣ.

— Поздно, а есть такіе, которые я и не знаю, какъ перенесутъ эту ночь. Вѣдь морозитъ. Есть и больные, и дѣти, и бе ночлежные. Имѣемъ ли мы право откладывать до завтра толы потому, что это для насъ удобнѣе. Правда, можетъ встрѣтить и такой, что вздумаетъ все для себя одного отнять... Ну, ты пойдемъ вмѣстѣ, и ты убѣдишься, правъ ли я.

Отъ денегъ, полученныхъ отъ графа Альфреда, у Романа ос-

лось тысяча-триста рублей. Графу онъ представилъ счетъ издержекъ, но тотъ отказался принять эти сбереженія.—„Вы сберегли, ваши и деньги“,—сказалъ онъ. Любовь располагала молодого человѣка къ помощи несчастнымъ. На всякій случай онъ взялъ съ собой сто рублей и револьверъ. До поздней ночи они ходили по разнымъ трущобамъ.

Немиричъ увидѣлъ такую нищету, такія страданія, которыя ему потомъ не разъ мѣшали заснуть.

На другой день онъ отдалъ ксендзу все, что̀ у него осталось въ карманѣ, когда онъ пришелъ домой. А когда, недѣли черезъ двѣ, ему пришлось поѣхать въ одинъ изъ губернскихъ городовъ по дѣлу о мехечскихъ лугахъ, которое уже было назначено къ разбирательству, Романъ оставилъ ксендзу еще пятьсотъ рублей, пожертвовавъ такимъ образомъ почти половиной недавно заслуженной награды.

VI.

Недѣлю просидѣлъ Романъ въ губернскомъ городѣ, приготовляя свою защиту. Поселился онъ въ неприглядной еврейской гостинницѣ и прерывалъ работу короткими прогулками по городу. Здѣсь и домà, и люди, имѣли видъ унылый и какъ бы сонный. На вопросъ о какомъ-либо старинномъ зданіи прохожіе не давали объясненія. Никого въ составѣ мѣстной палаты и адвокатуры Романъ не зналъ, и только отъ пріѣхавшаго наконецъ Кенцкаго услышалъ, что съ противной стороны выступаетъ адвокатъ съ извѣстнымъ именемъ, считающійся лучшимъ мѣстнымъ цивилистомъ.

— Однако, они сами сознаютъ, что дѣло плохо,—прибавилъ Кенцкій,—такъ какъ подсылали ко мнѣ факторовъ, предлагая полюбовную сдѣлку.—Они не прочь уступить половину всей площади луговъ.

— И вы совѣтуете пойти на это?

— Признаюсь, не знаю, что̀ и совѣтовать...—Замѣтно было, что Кенцкій чего-то опасался, но не хотѣлъ сказать—чего.—[illegible]аете, пріѣхалъ и самъ онъ, Іосифъ Немиричъ.

— Я не зналъ, но какое же намъ дѣло?

— Удивительный казусъ: однофамильцы...—пробормоталъ [illegible]нцкій. А Романъ на это промолчалъ.

— Здѣшній швейцаръ говорилъ мнѣ, что нашъ противникъ

разспрашивалъ его о васъ. Должно быть, самъ предложитъ соглашеніе. А вы такъ увѣрены, что дѣло будетъ выиграно?

— Я не только увѣренъ въ этомъ, но думаю даже, что кромѣ потери гражданскаго дѣла, Немиричъ можетъ еще подвергнуться уголовному преслѣдованію за подкупъ лжесвидѣтелей и за насиліе при захватѣ части луговъ.

Кенцкій сдѣлалъ отрицательное движеніе головой.

— Нѣтъ, это ужъ вы оставьте. Это было бы совсѣмъ... того...

— Кто сѣетъ вѣтры, соберетъ бурю!—сухо отвѣтилъ Романъ.

Вечеромъ того же дня онъ сидѣлъ въ гостинницѣ и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ читалъ варшавскую газету при свѣчкѣ, когда вошелъ половой и подалъ ему визитную карточку. При видѣ ея, Роману кровь бросилась въ голову.

— Прошу войти,—произнесъ онъ взволнованно.

— Но они прислали эту карточку и просятъ, чтобы вы пожаловали къ нимъ,—объяснялъ половой.

— Если этотъ господинъ имѣетъ ко мнѣ дѣло, то пускай самъ придетъ.—Онъ опять принялся за газету, но строчки скакали у него передъ глазами и листъ дрожалъ.

„Что же это?—думалъ онъ:—боюсь ли я его, или все еще его ненавижу?.. Онъ для меня—ничто, не существуетъ вовсе!"—И однако онъ чувствовалъ, что въ немъ самомъ все кипитъ, и что если тотъ человѣкъ станетъ сейчасъ передъ нимъ, то произойдетъ взрывъ.

Но, къ его счастью, и „тотъ человѣкъ" испытывалъ въ это время такую же внутреннюю борьбу. Такъ проходили минуты и прошла четверть часа, а его все не было. Романъ успѣлъ овладѣть собой; онъ затвердѣлъ, какъ охладѣвшая сталь, и уже былъ готовъ ко встрѣчѣ въ тотъ моментъ, когда дверь отворилась и кто-то вошелъ, едва видный при тускломъ свѣтѣ свѣчи. Минуло нѣсколько мгновеній молчанія, и слышалась только одышка вошедшаго. Онъ, наконецъ, проговорилъ хрипѣвшимъ злостью голосомъ:

— Ну, что-жъ? Побѣду празднуешь?!—И онъ подошелъ ближе. Они помѣрялись взглядомъ, и молодой, какъ будто не слышавъ ничего, подвинулъ старому стулъ.

— Вамъ угодно переговорить со мной по защищаемому мной дѣлу? Пожалуйста, я слушаю васъ.

Старикъ Немиричъ произнесъ возвышеннымъ голосомъ:

— Я пришелъ спросить тебя, какъ ты осмѣлился вести дѣ против меня? Ты мнѣ мстишь, ты хочешь выгнать меня и Немирова съ сумой, тебѣ хотѣлось унизить меня передъ тобой После этого ты—чудовище, нельзя тебя иначе назвать.

— Въ судѣ я выступаю потому, что я присяжный повѣренный и занимаю у графа должность юрисконсульта,—почти хладнокровно отвѣчалъ Романъ.—Луга принадлежатъ къ имѣнію Мехечъ, и вы должны отказаться отъ нихъ. А о мести совсѣмъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ всего годъ тому назадъ я не зналъ ни о Мехечѣ, ни о вашемъ существованіи.

Старикъ затрясся и побагровѣлъ отъ волненія. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Молчать! Нечего играть комедію... Чего ты хочешь отъ меня? Сколько? Вотъ я у тебя... Пользуйся случаемъ, требуй!

— Ничего мнѣ отъ васъ не надо, и я не хочу знать, кто вы.

— Отецъ твой, это ты знаешь.

— У меня нѣтъ отца. Онъ не хотѣлъ меня знать, и я его не знаю. Не будемъ говорить о томъ, что̀ насъ связывало, оставимъ въ покоѣ умершихъ. Вѣдь вы пришли ко мнѣ по дѣлу, такъ и говорите только о дѣлѣ.

— О дѣлѣ! Меня оно разоритъ и убьетъ.—Старикъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.—Пусть меня зарѣжетъ кто другой, а не ты... Вѣдь чудовищно это!

Романъ сдѣлалъ попытку его успокоить:

— Разоренія вы можете избѣжать. Съѣздите къ графу въ Варшаву. По вашей просьбѣ онъ можетъ согласиться окончить дѣло на мировой, отказаться отъ вознагражденія за убытки, а въ такомъ случаѣ и судебныя издержки могутъ быть раздѣлены между обѣими сторонами.

— Я милости у графа просить не стану!—крикнулъ Іосифъ Немиричъ.—Дѣло еще не проиграно.

— А я васъ попрошу не играть передо мной комедіи. Вы очень хорошо понимаете, чѣмъ дѣло кончится; вы знаете и то, что въ крайнемъ случаѣ можетъ быть возбуждено другое дѣло, въ порядкѣ уголовномъ.

— Ты, значитъ, намѣренъ губить меня, отца твоего?.. Остановись, приказываю тебѣ,—пользуйся случаемъ, что Провидѣніе позволило тебѣ меня увидѣть, что еще не слишкомъ поздно!

Романа эти слова возмутили, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Я слушаюсь приказаній только моего довѣрителя; это дѣло не мое, а его. Случайно я ношу вашу фамилію, но вы для меня не были отцомъ, и я никогда не буду вашимъ сыномъ.

Старикъ бросился къ двери и, задыхаясь, произнесъ:

— Такъ пропадай же—и будь проклятъ!

Дѣло о мехечскихъ лугахъ Романъ Немиричъ выигралъ, и возбуждать уголовнаго преслѣдованія не было повода. Послѣ этого онъ взялъ отпускъ на двѣ недѣли и поѣхалъ въ Ниццу, куда переселилась Вилли по окончаніи опернаго сезона въ Вѣнѣ. Съ недѣлю прожилъ онъ тамъ съ нею, въ упоеніи счастьемъ, забывъ о всемъ на свѣтѣ, кромѣ срока своего отпуска.

Однажды, на прогулкѣ по берегу моря, они примѣтили сидѣвшаго на камнѣ человѣка. Подойдя ближе, они увидѣли, что онъ изнемогаетъ отъ припадка кашля, качается и можетъ упасть. Въ рукѣ у него былъ платокъ, запятнанный кровью.

— Несчастный, онъ едва не умираетъ! — шепнула Вилли, остановясь передъ больнымъ. Романъ поспѣшилъ назадъ, въ отель, гдѣ они занимали отдѣльный домикъ, и при помощи гарсона принесъ воды, льду и вина. Вилли въ это время стояла передъ камнемъ на колѣняхъ и поддерживала сидѣвшаго на камнѣ юношу, который держалъ на ней неподвижный, трагическій взглядъ. Оба они стали помогать ему, а гарсона послали за экипажемъ. По указанію того же гарсона, больного, когда онъ пришелъ въ себя, Романъ отвезъ въ тотъ же отель. А выходя отъ больного, онъ внизу отыскалъ на доскѣ его нумеръ и прочелъ противъ него имя „Michel Niemirycz". Это былъ его братъ, сынъ отъ второго брака недавняго его противника.

Какъ сонъ пролетѣли послѣдніе дни отпуска, и Романъ рѣшилъ ѣхать уже на слѣдующій день. Вечеромъ наканунѣ къ нему вошелъ содержатель отеля и сообщилъ, что однофамилецъ проситъ его къ себѣ по важному дѣлу. Романъ засталъ больного лежащимъ на диванѣ, но одѣтымъ. Въ лицѣ его промелькнуло удовольствіе при видѣ Романа.

Больной поискалъ вокругъ себя листокъ бумаги и, подавая его Роману, сказалъ:

— Отецъ умеръ! — Немиричъ пробѣжалъ телеграмму. А больной хриплымъ голосомъ продолжалъ: — Мнѣ хочется также умереть тамъ, у нихъ... при Ядвигѣ.

Романъ молчалъ. Больной повернулся на бокъ и продолжалъ въ тонѣ просьбы:

— Помоги мнѣ вернуться туда... Я не хочу умереть здѣсь...

— Это невозможно. Вы не перенесете дороги. Прежде вамъ надо окрѣпнуть.

— Зачѣмъ ты дѣлаешь видъ, будто не знаешь, кто я! Странны такія разсужденія для умирающаго... Совѣтуютъ подождать, набраться силъ... думаютъ обмануть этимъ. Во имя твоего счастья умоляю тебя, возьми меня съ собой, не бросай меня здѣсь... Довез

хоть до границы. а я телеграфирую сестрѣ, чтобы она пріѣхала встрѣтить меня...

Романъ глубоко пожалѣлъ объ этомъ юношѣ.

— Но вѣдь я долженъ выѣхать завтра, а въ такомъ состояніи я не могу взять васъ.

— А!..—печально произнесъ больной.—Ты, вѣрно, не одинъ ѣдешь... Да, конечно... Неужели ты не хочешь спасти меня?

— Я ѣду одинъ, но никакой врачъ не позволитъ взять васъ теперь.

Больной съ нѣкоторымъ трудомъ приподнялся и сѣлъ.

— Видишь?—сказалъ онъ, какъ бы похваляясь.—Я умираю, но умру здѣсь скорѣе, чѣмъ въ дорогѣ. Меня поддержитъ страстное желаніе доѣхать до дому. Клянусь тебѣ, что не умру раньше.

Кто-то постучалъ въ дверь, и Михаилъ Немиричъ, съ ясновидѣніемъ, которое бываетъ въ его положеніи, угадалъ, что это— та женщина, которая поддерживала его на камнѣ, та женщина, которую братъ его любитъ.

— Войдите, войдите! — сказалъ онъ поспѣшно. — А когда Вилли вошла, онъ обратился къ ней умоляющимъ голосомъ!— Велите ему взять меня съ собой. Онъ не хочетъ спасти меня отсюда... А вѣдь онъ — братъ мой. Скажите, чтобы онъ меня взялъ. Я завтра буду готовъ ѣхать. Я не умру въ дорогѣ, повѣрьте мнѣ...

Вилли сказала ему ласково:

— Успокойтесь, вы поѣдете съ нимъ, — и, обращаясь къ Роману, она прибавила: — Возьмите экстренный поѣздъ. Развѣ возможно его оставить!

— Благодарю васъ. Какъ только постучали ко мнѣ, я уже понялъ, что буду спасенъ тотчасъ. Любви мысль о смерти всегда близка.

Братья уѣхали вмѣстѣ, и больному на пути стало какъ будто легче.

— А все-таки тебѣ слѣдовало еще остаться на югѣ мѣсяца два. Какъ ты перенесешь теперь нашъ климатъ!

— Чѣмъ тамъ два мѣсяца — лучше мнѣ три дня прожить съ тобой и еще нѣсколько дней дома съ Ядей... А когда я умру, ты пріѣдешь на мои похороны?

— Разумѣется. А потому не торопись умирать, такъ какъ, тотчасъ по возвращеніи въ Варшаву, я опять уѣду за-границу съ сыномъ графа Альфреда, можетъ быть—на два года.

—Какъ же ты такъ все оставишь? Откажись отъ должности поѣзжай съ нами домой. Вѣдь это и твой домъ теперь.

Уѣзжаешь надолго отъ любимой женщины, а почему ты знаешь, какою ее найдешь потомъ? Я скоро умру. Немировъ останется тебѣ и Ядѣ.

— Немирова я не возьму, наслѣдства этого я не хочу. Да оно мнѣ и не нужно. А что касается ея, такъ вѣдь то, что не выдержало бы и двухъ лѣтъ испытанія, нельзя было бы называть счастьемъ. А впрочемъ я обѣщалъ графу поработать еще надъ его сыномъ. Вѣдь я имъ обязанъ тѣмъ, что окончилъ курсъ и имѣю званіе. Всякое мое личное дѣло я обязанъ поставить теперь на второй планъ.

Они простились на вокзалѣ, въ Варшавѣ. Романъ увидѣлъ тамъ свою сестру Ядвигу и вмѣстѣ съ нею довелъ больного до кареты.

VII.

Прошло около полутора года. Немиричъ съ графомъ Андреемъ посѣтилъ Константинополь, Египетъ, Италію, Германію, Англію и Соединенные-Штаты. Они находились въ Чикаго, когда ихъ, наконецъ, догнало письмо, посланное изъ Вѣны за мѣсяцъ раньше.

Это письмо было отъ Вилли и состояло изъ нѣсколькихъ строкъ: „Пишу, чтобы съ тобой проститься, въ послѣдній разъ. Судьба нанесла мнѣ страшный ударъ, какой — не спрашивай. Все кончено. Не буду больше писать, не хочу тебя видѣть. Считай, что я умерла, и не ищи меня. Это не поспѣшный шагъ, я долго боролась съ собой, и наконецъ приняла рѣшеніе, котораго передѣлать нельзя. Прости, что я обманула тебя. Прости“.

Романъ почувствовалъ, что у него вдругъ остановилось сердце. Вскорѣ оно забилось снова, но онъ ощутилъ, какъ по всѣмъ его нервамъ прошелъ истребительный токъ, мертвящій основы жизни. Любовь эта была чѣмъ-то случайнымъ, не истекавшимъ изъ какихъ-либо прежнихъ его стремленій. Она поразила его, какъ молнія изъ облака, чуждая его мышленію, его задачамъ, всей его жизненной обстановкѣ.

И между тѣмъ, независимо отъ его воли, она стала для него смысломъ жизни, звѣздой, которая озаряла его путь. Правда, она сіяла вдали, но не должна была упасть, не могла погаснуть, или это стало бы для него наступленіемъ того всесокрушающаго дня, какой предвѣщала скандинавская сага о свѣтопреставленіи.

До того времени, когда внезапный порывъ чувства увлекъ его въ новый міръ, въ міръ очарованія, Романъ ничего не требовалъ для себя отъ жизни. Онъ не имѣлъ честолюбія, не ду

малъ сдѣлать себѣ состояніе, пренебрегалъ увеселеніями. Въ жизни онъ видѣлъ только долгъ, наложенный на него тѣмъ, что ему даны были образованіе, здоровье и обезпечивающій трудъ, между тѣмъ какъ масса живетъ въ темнотѣ, эксплуатаціи и нищетѣ. Онъ не то чтобы любилъ человѣчество. Во всѣхъ слояхъ общества его отвращали алчность, несправедливость, грубость и фальшь, неискренность вѣрованій или убѣжденій, за которыми скрывалась разнузданная животность. Онъ только сознавалъ себя должникомъ передъ массой, лишенной тѣхъ преимуществъ, какія выпали ему въ удѣлъ. Вотъ почему на него такъ легко вліялъ тотъ ксендзъ, котораго вѣрованій онъ не раздѣлялъ, но въ которомъ онъ почиталъ полное самоотреченіе и служеніе ближнимъ во имя чего-то идеальнаго.

Любовь Вилли побудила его считать себя настоящимъ избранникомъ судьбы, человѣкомъ, которому удалось пріобрѣсть высшій даръ жизни—истинную любовь. И вотъ, очарованіе это вдругъ исчезло, и жизнь стала для него еще тусклѣе, бѣднѣе, чѣмъ была до того, какъ нищета для разорившагося богача болѣе тяжка, чѣмъ для человѣка, всегда жившаго въ бѣдности.

Но его не только угнетало это внезапное обѣднѣніе, опустѣніе жизни. Въ немъ какъ будто порвалось нѣчто органическое, и это причиняло ему страданіе, по временамъ даже нестерпимую боль. Онъ запросилъ по телеграфу оперную дирекцію въ Вѣнѣ и узналъ, что Вилли—тамъ. Телеграфировалъ ей, а вслѣдъ послалъ письмо, но не получалъ отвѣта. Наконецъ, онъ объявилъ своему спутнику, что долженъ немедленно возвратиться въ Европу. Андрей поѣхалъ съ Немиричемъ, но они разстались въ Кёльнѣ, откуда одинъ поѣхалъ въ Варшаву черезъ Берлинъ, а другой—черезъ Вѣну.

Во что̀ бы то ни стало, Романъ хотѣлъ узнать причину разрыва. Получивъ въ театрѣ адресъ Вилли и увидѣвъ ея имя на афишѣ, онъ поѣхалъ, въ надеждѣ переговорить сперва съ Нелли. Но оказалось, что онѣ обѣ были въ театрѣ. Отворившій ему лакей прибавилъ:—Но господинъ до̀ма.

Въ то же время въ переднюю вышелъ человѣкъ высокаго роста, немолодой, толстый, выбритый какъ актеръ, съ блѣднымъ, оплывшимъ лицомъ, и спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Chi stà la? Cosa vuole?

Немиричъ отвѣтилъ по-французски, что онъ—знакомый миссъ Нелли, остановился въ отелѣ „Erzherzog Karl“, завтра уѣзжаетъ и проситъ, чтобы Нелли назначила ему время.

— Обратитесь съ этимъ къ лакею.

— Вы сами помѣшали мнѣ это сдѣлать.

— Ну, такъ что же? Я здѣсь у себя. Возьмите карточку!— приказалъ онъ лакею.

Немиричъ возвращался въ свой отель, пораженный удивленіемъ. Конечно, у него могъ быть соперникъ. Но неужели же— этотъ лысый толстякъ въ истоптанныхъ туфляхъ?!

На слѣдующее утро, Немиричъ только-что одѣлся, когда служащій въ отелѣ мальчикъ принесъ ему собственную его карточку съ надписью: „St. Stephan“.

Войдя въ соборъ, онъ въ полумракѣ замѣтилъ въ сѣняхъ Вилли, которая сдѣлала ему знакъ и вышла чрезъ боковую дверь на площадку. Тамъ ожидала наемная карета, и они поѣхали.

Вилли приподняла свою плотную вуальку. Лицо ея было блѣдно,—даже губы, эти пламенныя губы!

— Зачѣмъ ты хотѣлъ видѣть меня?—Голосъ ея дрожалъ.— Я тебѣ написала правду,—между нами все кончено.

Немиричъ всей силой воли сдерживалъ себя.

— Не думаю навязываться тебѣ. Я хотѣлъ видѣть Нелли, чтобы узнать, что случилось... Но вчера меня встрѣтилъ въ твоей квартирѣ человѣкъ, который объявилъ мнѣ, что онъ тамъ—у себя. И этотъ человѣкъ даетъ тебѣ счастье?

— Ты не догадываешься, кто онъ?—Немиричъ отрицательно качнулъ головой. — Это мужъ мой. — Она закрыла лицо руками.

— Почему же ты отъ меня скрыла, что ты замужемъ?—Немиричъ отвелъ ея руки.—Изъ какой трущобы онъ вылѣзъ? И ты его любишь?

— По закону онъ можетъ распоряжаться моимъ имуществомъ, а сверхъ того... онъ—отецъ моего ребенка.

Романъ молчалъ, и она стала говорить смѣлѣе. Этотъ человѣкъ былъ во Франціи импрессаріемъ театра, въ которомъ она искала перваго дебюта, живя съ матерью въ бѣдности. За дебютъ, за открытіе сценической карьеры, съ женщинъ часто берутъ дань, ничѣмъ не обязываясь. Этотъ человѣкъ сталъ заниматься съ нею, руководилъ ея первыми шагами на сценѣ и предложилъ жениться. У нея не было иного выхода. Когда у нихъ родилась дочь, онъ отдалъ ее куда-то въ деревню, объявивъ, что артистка не можетъ кормить ребенка и возиться с нимъ. Потомъ онъ судился за какое-то преступленіе и сидѣлъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ. А она за это время пріобрѣла извѣстность и старалась разыскать свою дѣвочку, издерживала много на это, но безъ успѣха. Мать ея умерла. Послѣ срока заклю

ченія мужа прошли еще два года, и вотъ—онъ вернулся и снова захватилъ ее въ свои руки.

— Это моя судьба!—закончила она, заплакавъ.—Надо ей покориться...

— Несчастная ты женщина!—воскликнулъ Романъ, отодвинувшись отъ нея въ уголъ кареты.—Но зачѣмъ же ты это терпишь? Вѣдь ты могла бы не пускать его, обратиться къ закону, требовать развода съ преступникомъ...

— Онъ явился не одинъ. Онъ привезъ мнѣ дочь... И грозилъ отнять ее снова, еслибы я отказалась отъ него. А онъ таковъ, что сдѣлалъ бы это навѣрное, такъ или иначе...

— И ты не разсказала мнѣ о своемъ прошломъ, когда увѣряла, что любишь меня?

— Потому что я тебя любила... и...

— Стой!—крикнулъ Немиричъ извозчику, и карета остановилась.

— Уже?—печально произнесла Вилли.

— Все уже сказано. Прощай и будь счастлива!—Немиричъ вышелъ изъ кареты.

— Такъ поцалуй меня, разъ навсегда!

— Это лишнее,—произнесъ онъ и приподнялъ шляпу.

Онъ тотчасъ уложилъ свои вещи и поѣхалъ на вокзалъ дороги Карла-Людвига, къ скорому поѣзду.

По своему обыкновенію, Немиричъ сѣлъ во второмъ классѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не вставалъ съ мѣста, не читалъ и только изрѣдка взглядывалъ въ окно вагона. Все въ немъ застыло. Прежняя острая боль вдругъ исчезла, оставивъ за собой только непріятное чувство, какой-то нравственный „Katzenjammer“. Но зато въ глубинѣ его сознанія выростало презрѣніе къ жизни.

На одной изъ станцій онъ зашелъ въ буфетъ и велѣлъ себѣ подать первое блюдо, названное кельнеромъ. А когда сталъ платить, то, къ немалому неудовольствію, увидѣлъ подходившаго къ нему графа Франциска. Оказалось, что тотъ ѣдетъ съ этимъ же поѣздомъ.

— Возвращаетесь?—спросилъ онъ.—А Андрей?

— Уже въ Варшавѣ.

— А вы тутъ что̀ дѣлаете?

— Завернулъ въ Вѣну по дѣлу и теперь ѣду.

— Вотъ отлично. Зайдите же ко мнѣ и разскажите о вашихъ приключеніяхъ... Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ!..—И, взявъ Немирича подъ-руку, графъ привелъ его въ свое отдѣле-

ніе.—Пожалуйста, разскажите, что̀ вы съ нимъ подѣлывали... Правда это, будто Андрей влюбился въ какую-то фабрикантку спичекъ?

— Первый разъ слышу.

— Ну, или вообще въ шведку. Признаюсь, мнѣ Швеція приводитъ на умъ только спички. Вѣдь одно время съ вами была же какая-то шведская компанія. И что̀ же, Андрей ухаживалъ? Мой братъ и его жена серьёзно безпокоились, а я поднималъ ихъ на смѣхъ.

Немиричъ объяснилъ, что они одно время ѣздили съ докторомъ Стэномъ, его сестрой и пріятелемъ. Но это были люди серьёзные, занятые исключительно наукой. Ихъ общество было полезно для Андрея, и вообще въ эти полтора года онъ очень измѣнился, заинтересовался искусствомъ, соціологическими вопросами, сталъ понимать, какъ много пользы онъ можетъ принести своему краю, при тѣхъ средствахъ, какими располагаетъ его отецъ.

— То-то въ письмахъ его порой проглядывалъ какъ бы анархистъ или вродѣ того! Но это для него не опасно, — съ усмѣшкой продолжалъ графъ Францискъ. — Вотъ, еслибы онъ сталъ кутить, засиживаться въ Монтекарло, попался бы въ когти умной кокоткѣ, тогда—другое дѣло. А демократія, соціализмъ и тому подобное—для наслѣдника крупнаго майората, даже въ худшемъ случаѣ, не опаснѣе насморка. Отъ этого онъ отчихается въ какой-нибудь мѣсяцъ.

Немиричъ сталъ было объяснять графу, что племянникъ его хочетъ работать, не выходя изъ своей сферы, стараться о введеніи въ деревняхъ такихъ практическихъ и необходимыхъ улучшеній, какъ раздача въ разсрочку хорошихъ плуговъ, чтенія о земледѣліи, читальни, потребительныя лавки. Но собесѣднику это надоѣло. И, не добившись никакихъ разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ, онъ пересталъ спрашивать, а Немиричъ замолчалъ.

Свѣтскій человѣкъ не допустилъ однако, чтобы молчаніе было продолжительно.

— А знаете,—спросилъ графъ Францискъ,—что̀ сталось съ той Мора, которую вы какъ-то защищали въ газетѣ, а я зналъ издавна? — Немиричъ только вопросительно взглянулъ на него, и графъ продолжалъ: — Послѣ меня съ ней былъ кто-то un rustre, je suppose, потому что она его скрывала. Но прошломъ году съ ней случился грязный скандалъ. У нея на шелся мужъ, законный мужъ, какой-то негодяй, который бы судимъ при закрытыхъ дверяхъ и отсидѣлъ нѣсколько лѣтъ

мало того, что явился самъ, еще привелъ къ ней то бы прижитую съ нею дочь. Навѣрное, гдѣ-нибудь купилъ, да и притащилъ съ собой, для большаго cette grue, вмѣсто того, чтобы велѣть обоихъ ихъ дверь, elle gobè l'histoire, разыгрываетъ мать и que ça de genre! Увидите, что еще этотъ итальяне ее и самоё выгонитъ, а мнимая дочь возвратится eau, откуда вышла.

дѣлалъ усиліе, чтобы не показать, какое впечатлѣніе него эти слова.

обычая, — мягко сказалъ онъ.—Мужъ и законный энщина только въ этомъ находитъ счастье. Мы ихъ ймемъ, а онѣ—насъ.—Послѣ этого онъ простился перешелъ во второй классъ, подъ предлогомъ, что его вещи.

то Немиричъ пріѣхалъ, Андрей забѣжалъ къ нему ю ничего не могъ разсказать о своемъ пребываніи такъ какъ долженъ былъ сдѣлать два необходимыхъ ромъ—обѣдать съ дядей, который по случаю своего пригласилъ нѣсколькихъ знакомыхъ.

настоящая толчея,—замѣтилъ Андрей. — Съ тѣхъ въ Варшавѣ, я не слышалъ и самъ не сказалъ ни наго слова.

вдзъ очень обрадовался возвращенію Романа, со что въ его отсутствіе получалъ изъ конторы пе-рафини на бѣдныхъ, иногда по нѣскольку десятковъ, даже по сту рублей. При этомъ ксендзъ разсказалъ ъ попалъ было неожиданно въ затруднительное по-кажется, уже освободился.

ъ, представь себѣ, вызываютъ меня въ консисторію... въ чемъ-нибудь провинился — но въ чемъ?.. Тамъ, дають ученые такіе и строгіе каноники. Одинъ сталъ ивать... Ну, думаю, грѣшный человѣкъ, въ чемъ-зоватъ я. Въ такую попалъ я баню, какой послѣ испытывалъ! Оказалось, что я кое-что позабылъ и энія, и въ каноническомъ правѣ не твердъ. Подъ— передъ ними спасовалъ, что говорю:—Пожалуйста, ехизиса вы меня не спрашивайте... Такая уже у голова... могу ошибиться и изъ катехизиса... Лучше на покаяніе...—А у меня, какъ разъ, въ то время, ахъ семья одного высланнаго отсюда въ Сѣдльцы. гроша, да еще у дѣтей показалась какая-то сыпь...

Чтò они станутъ дѣлать, думаю... Однако патеры смилостивились. Каноникъ и говоритъ мнѣ: „Сами вы видите, что пренебрегли обязанностями сана, а еще ожидаете прихода: какъ же вы тамъ будете учить, когда вы сами разучились". А впрочемъ, только прочелъ мнѣ нотацію и приказалъ снова вытвердить то, чтò у меня вышло изъ памяти.

— Ну, и принялись долбить?

— А чтò же дѣлать. Ксендзы у Бернардиновъ дали мнѣ разныя книги, и я стараюсь, но трудно мнѣ дается. Способностей нѣтъ, да и отвыкъ отъ ученья. Я такъ радъ былъ уйти изъ консисторіи, что даже не спросилъ, кто имъ сказывалъ, что я ожидаю прихода. Не надоѣло ли графамъ подавать милостыню? Но вѣдь это была ихъ воля... А въ консисторіи, дастъ Богъ, забудутъ обо мнѣ.

Онъ помолчалъ. Но, взглянувъ на Романа, повторилъ:

— Я такъ радъ, что ты пріѣхалъ. — Потомъ, о чемъ-то вспомнивъ, онъ отыскалъ въ своемъ бревіаріи два конверта, одинъ малаго, другой средняго формата.

— Вотъ, видишь—слабость памяти. Заболтался я о своихъ дѣлахъ, а забываю исполнить обѣщаніе. Тутъ, зимою, сидѣлъ я, а къ тебѣ вошла паненка, милая такая, просто заглядѣнье...

— Ко мнѣ паненка... заглядѣнье? Быть не можетъ.

— Да вѣдь ты же знаешь ее—сестра твоя.

— А, Ядвига... Но чтò же въ ней особеннаго? Только то, что горбатая.

— Горбатая?—удивился ксендзъ.—Я не примѣтилъ; но глаза такіе милые. Она была въ траурѣ по твоимъ отцѣ и братѣ. Говорила мнѣ, что васъ осталось только двое изъ семьи. Она тебѣ писала и даже дѣлала формальный вызовъ публикаціей, потому что ты очень ей нуженъ. Отчего же ты ей не отвѣчалъ?

Романъ поморщился.

— Чтò мнѣ отвѣчать... Я заявилъ имъ, еще передъ смертью брата, что отказываюсь отъ наслѣдства. Пусть остается ей одной. Я уже послалъ ей полную довѣренность, формальное отреченіе отъ наслѣдства и дополнительныя копіи.

Ксендзъ вручилъ Роману оба конверта.

— Она получила бумаги, но отдала мнѣ, чтобы я возвратил тебѣ. А вотъ и ея письмо къ тебѣ.

Ядвига писала, что довѣренность она удержала, такъ ка она нужна для дѣлъ, а тотъ, другой, „нехорошій" документъ, пр везла ему обратно и оставляетъ у него. Она говорила, что і койный братъ внушилъ ей надежду на помощь Романа, жалоі

лась, что осталась одна, и въ трогательныхъ выраженіяхъ умоляла его пріѣхать, хотя бы на короткое время, не отталкивать ее отъ себя и признать ее сестрой.

Дѣлать было нечего,—слѣдовало поѣхать. И такъ прошло много времени. Романъ тотчасъ написалъ ей, что пріѣдетъ, какъ только ознакомится съ текущими дѣлами, которыми ему предстояло заняться снова. И прежде всего ему хотѣлось, чтобы Андрей скорѣе началъ работать, не втянулся снова въ непрерывный рядъ визитовъ, обѣдовъ, вечеровъ, картъ и скачекъ.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Варшаву, Немиричъ получилъ также письмо отъ д-ра Стэна, изъ Стокгольма, того ученаго, съ которымъ они съ Андреемъ познакомились заграницей. Стэнъ жилъ только для науки и отчасти для искусства, нисколько не интересовался соціальными вопросами, былъ безусловно индивидуалистомъ, но умъ его и работы постоянно вращались въ сферѣ чистаго знанія или артизма. Онъ вовсе не считалъ своимъ призваніемъ исполненіе какого-либо долга, наложеннаго на него судьбою, и въ этомъ смыслѣ расходился съ Немиричемъ. Но ихъ сближало то, что оба они служили „идеѣ", причемъ Стэнъ служилъ идеѣ не по долгу, какъ Романъ, но по личному влеченію къ наукѣ. Своими знаніями и своими стремленіями, хотя исключительно-индивидуальными, но возвышенными, Стэнъ пріобрѣлъ уваженіе Немирича.

Теперь онъ писалъ о своемъ намѣреніи принять участіе въ экспедиціи къ южному полюсу, которая должна была отправиться въ октябрѣ, и спрашивалъ Романа, не захочетъ ли и онъ присоединиться къ ней. Немирича и графа Андрея, которыхъ онъ встрѣтилъ, когда они возвратились изъ Африки и собирались въ концѣ посѣтить Америку, Стэнъ считалъ состоятельными людьми, путешествовавшими для испытанія впечатлѣній. Условія участія въ экспедиціи были слѣдующія: внести двѣсти фунтовъ и къ 15-му октября н. ст. прибыть въ Буэносъ-Айресъ. Стэнъ полагалъ быть въ Лондонѣ въ концѣ сентября, остановиться въ „Langham Hôtel", и въ случаѣ согласія Немирича они могли отправиться оттуда вмѣстѣ въ Южную Америку. Немиричъ отвѣтилъ ему, что занятъ дѣломъ и воспользоваться предложеніемъ не можетъ.

Но его безпокоило то, что Андрей только изрѣдка загляды-

валъ къ нему, каждый разъ все куда-то спѣшилъ и избѣгалъ разговора о тѣхъ бытовыхъ улучшеніяхъ, которыми онъ такъ увлекался въ бесѣдахъ съ Немиричемъ, когда они были за-границей.

Разъ Немиричъ настойчиво задержалъ его.

— Я—говорилъ онъ — набросалъ планъ послѣдовательнаго представленія графу нашихъ предположеній. Начнемъ съ устройства въ каждомъ селеніи читальни, какъ дѣла, сравнительно, наиболѣе легкаго. Тутъ важнѣе всего заручиться разрѣшеніемъ, которое графу не трудно получить. Небольшія деньги, нужныя для основанія нѣсколькихъ читаленъ, онъ дастъ охотно, въ этомъ я убѣжденъ. Потомъ приступимъ къ складамъ легкихъ плуговъ для продажи крестьянамъ въ разсрочку по своей цѣнѣ. А затѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшему... О каждомъ изъ этихъ начинаній я постепенно составлю записку и смѣту, а вы усвойте хорошенько эти данныя и убѣдите графа поручить вамъ исполненіе... Проектъ о десяти читальняхъ у меня уже готовъ.

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вы все это составите сами, а ужъ я постараюсь убѣдить отца... Но на все это надо время. Я заявилъ о своемъ желаніи трудиться, и отецъ былъ этому радъ, обѣщалъ свое содѣйствіе, но просилъ, чтобы все-таки я вошелъ сперва въ общество, какъ человѣкъ вполнѣ зрѣлый, помогъ бы отцу въ представительствѣ нашего дома, началъ бывать вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, и познакомился съ выдающимися людьми нашего круга, съ которыми мнѣ придется работать... Такъ что я еще не знаю, когда намъ можно будетъ выступить съ нашими проектами... Навѣрное, до свадьбы сестры уже не удастся. А свадьба еще, какъ вы знаете, въ началѣ августа.

Немиричъ былъ нѣсколько озадаченъ, но, подождавъ немного, выдвинулъ ящикъ письменнаго стола и вынулъ оттуда нѣсколько листовъ въ обложкѣ.

— Что же,—замѣтилъ онъ,—начнемъ хоть въ августѣ. А вы, покамѣстъ, прочтите записку о читальняхъ и постарайтесь запомнить главныя данныя. Если вамъ что-нибудь будетъ неясно,—пожалуйста, заходите ко мнѣ.—Но въ умѣ Немирича уже закралось сомнѣніе относительно устойчивости молодого человѣка въ предполагавшейся работѣ.

Андрей съ чувствомъ поблагодарилъ своего наставника и взялъ тетрадь, но послѣ этого долго не показывался. Тотчас по возвращеніи изъ-за-границы, Немиричъ получилъ полутор годовое жалованье, которое ему не высылалось, потому что и расходы въ пути были приняты графомъ на свой счетъ. А т

какъ ему, сверхъ того, полагалось за каждое оконченное дѣло по сту рублей и этого гонорара за время путешествія онъ не имѣлъ, то ему было выплачено дополнительное вознагражденіе въ тысячу рублей.

Въ домѣ были заняты приготовленіями къ свадьбѣ, до которой оставалось только двѣ недѣли, и о предположеніи относительно читаленъ не было рѣчи. Между тѣмъ, графъ поручилъ Немиричу дѣло, скорѣйшимъ окончаніемъ котораго онъ, повидимому, очень дорожилъ, а именно—соглашеніе съ крестьянами сосѣднихъ съ мехечской экономіей деревень по выкупу сервитутовъ. До полнаго своего окончанія дѣло могло потребовать цѣлый годъ, если не больше, такъ какъ одни сервитуты можно было выкупить за наличныя деньги, но за другіе надо было вознаградить крестьянъ отводомъ луговъ или прирѣзкой лѣсныхъ участковъ,—для чего необходимо было размежеваніе. Но на Немирича возлагалась только юридическая часть дѣла, то-есть, окончаніе переговоровъ съ крестьянами и закрѣпленіе ихъ нотаріальными актами по каждому селенію. Фактическое же исполненіе этихъ актовъ предоставлено было управляющему имѣніемъ, Кенцкому, и управляющему конторой.

Во всякомъ случаѣ, Роману приходилось отправиться немедленно въ Мехечъ и оставаться мѣсяца полтора или два. Для этого ему была выдана особо тысяча рублей на разъѣзды и суточное содержаніе. Уплата же денегъ крестьянамъ должна была производиться изъ конторы по заключеніи актовъ.

Немиричъ счелъ своимъ долгомъ не отказываться отъ дѣла, которое входило въ кругъ его занятій и которому графъ придавалъ большое значеніе. Но почему дѣло это было поручено ему именно теперь, когда онъ самъ признавалъ гораздо болѣе настоятельнымъ довести до конца возложенную на него задачу—внушить Андрею интересъ къ дѣятельности осмысленной, къ полезному труду, который могъ бы отвлечь его отъ погони за пустыми и грубыми удовольствіями? Только открывъ передъ молодымъ человѣкомъ поле труда плодотворнаго, пріохотивъ его къ занятію вполнѣ возможными улучшеніями въ сельскомъ быту, могло быть докончено то перевоспитаніе Андрея, которое графъ поручалъ ему, Немиричу, съ такой озабоченностью и съ такимъ, повидимому, довѣріемъ, полтора года тому назадъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправился Романъ въ Мехечъ, и чѣмъ больше думалъ объ этомъ, тѣмъ яснѣе становилось ему, что и подъ дружественнымъ отношеніемъ къ нему графа, и подъ предоставленными ему выгодными матеріальными условіями, въ

дѣйствительности, укрывалось намѣреніе удалить его отъ Андрея. „Въ этой средѣ—думалось Немиричу—умственные интересы, понятія о долгѣ передъ краемъ, о серьезномъ трудѣ, какъ о назначеніи развитого человѣка, не могутъ имѣть ни рѣшающаго значенія, ни какой-либо устойчивости. Къ такимъ вещамъ прибѣгаютъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, временно, когда ими хотятъ блеснуть для пріобрѣтенія популярности или же видятъ въ нихъ лекарство для замотавшихся молодыхъ людей. Но какъ только паціентъ показываетъ признаки улучшенія, то на первый планъ выступаетъ то, что̀ признается наиболѣе важнымъ: молодой человѣкъ долженъ занять свое мѣсто въ обществѣ, исполнять обязанности свѣтской жизни поддерживать блескъ своего дома. А сфера идей, нравственнаго долга, труда для своего народа—c'est bon pour le commun des mortels,—какъ сказалъ бы графъ Францискъ,—для какихъ-нибудь ученыхъ кропателей или идеологовъ съ дырой въ карманѣ".

Ему становилось ясно, что дальнѣйшее вліяніе его на Андрея было признано не только ненужнымъ, но даже вреднымъ, что тѣ его планы, о которыхъ молодой человѣкъ, конечно, говорилъ отцу, показались графу мечтательными, и рѣшено было его, Немирича, удалить подъ благовиднымъ предлогомъ и съ приличнымъ награжденіемъ, какъ удаляютъ заслуженнаго, но уже несоотвѣтствующаго потребностямъ времени чиновника.

Во время пребыванія въ Мехечѣ, Немиричъ нѣсколько разъ посѣщалъ близкій Немировъ, сблизился съ своей сестрой Ядвигой и согласился участвовать въ формальности ввода ея и себя во владѣніе Немировымъ, но безусловно отказался въ ея пользу отъ всякой части доходовъ съ имѣнія того человѣка, котораго онъ не хотѣлъ признавать своимъ отцомъ.

Работа по устройству соглашеній съ крестьянами, уже заранѣе подготовленная Кенцкимъ, заняла меньше времени, чѣмъ Немиричъ ожидалъ. Но составленіе актовъ потребовало болѣе мѣсяца. Еще находясь въ Мехечѣ, онъ услыхалъ, что вслѣдъ за состоявшейся уже свадьбой молодой графини стали поговаривать и о женитьбѣ Андрея. „Вотъ — подумалъ Романъ — болѣе соотвѣтствующее ихъ понятіямъ средство излеченія увлекавшагося молодого человѣка. Какія тамъ улучшенія сельскаго быта, когда можно было сразу удвоить общественное значеніе своего наслѣдника, женивъ его на одной изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ знатныхъ невѣстъ въ краѣ!"

IX.

Когда Немиричъ возвратился въ Варшаву, графъ Альфредъ находился еще въ Галиціи. Послѣ хлопотъ по дѣлу о сервитутахъ можно было бы и отдохнуть. Но Романъ тотчасъ же принялся за работу въ конторѣ. Отдыхъ можетъ быть полезенъ для мускуловъ, для нервовъ, но онъ безсиленъ противъ страданія нравственнаго. Потерявъ личное счастье, Немиричъ лишился теперь и той цѣли, къ которой онъ стремился въ послѣдніе полтора года. Его глубоко оскорбило и удаленіе отъ Андрея, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, и очевидное равнодушіе самого Андрея. Онъ не написалъ ни слова. Но сознаніе долга было еще живо, и единственной пріятной для Немирича встрѣчей въ Варшавѣ было появленіе того человѣка не отъ міра сего, который думалъ только о своихъ больныхъ и несчастныхъ, а для себя не хотѣлъ ничего.

Это былъ тотъ ксендзъ, которому въ консисторіи велѣли учиться заново всему, что̀ необходимо въ его санѣ... Онъ вошелъ въ кабинетъ Немирича и, взглянувъ на него, улыбнулся.

— Снимите скорѣе шинель, совсѣмъ мокрая,—сказалъ Немиричъ, также улыбаясь. Таково было все ихъ привѣтствіе при первой встрѣчѣ. Они понимали другъ друга. Бѣдняга снялъ шинель и, отойдя за порогъ, повѣсилъ ее на стѣнѣ и расправилъ.

— Пооборвалась внизу, — задумчиво произнесъ онъ. — Какъ эти вещи непрочны! Пожалуй, до весны не доносить. А на рабочихъ еще не такъ дерется одежда.

Немиричъ въ это время считалъ себя богачомъ, такъ какъ изъ сбереженнаго жалованья за полтора года и особой суммы наградъ и усиленнаго жалованья во время командировки въ Мехечъ онъ накопилъ до четырехъ тысячъ. Ему захотѣлось сейчасъ же порадовать этого расточителя на бѣдныхъ.

— Ну, теперь требуйте съ меня!—ласково сказалъ онъ посѣтителю, который какъ-то нерѣшительно взглядывалъ на него.— Я вѣдь не да̀ромъ ѣздилъ.

— Голубчикъ, это Богъ прислалъ тебя, чтобы спасти Войтусякову семью! Ѣсть у нихъ нѐчего, просто корки хлѣба нѣтъ, а изъ угла ихъ гонятъ. Сегодня я насилу уговорилъ полицейскаго, но онъ обѣщался завтра опять придти, и ужъ выброситъ ихъ навѣрное... Судья приказалъ ихъ выселить. Если можно,

то дай, милый, я еще сегодня къ нимъ сбѣгаю.—Онъ поднялся съ мѣста.

— Куда же въ такой дождь?.. Вы и то находились сегодня. Завтра успѣете.

— За квартиру-то можно бы и завтра. Но вѣдь голодными они сидятъ, такъ какъ же до завтра... Подумай, голубчикъ, вѣдь дѣти плачутъ, а матери-то каково!..

— Ну, а если бы я не пріѣхалъ?

— Я и шелъ-то не къ тебѣ, а къ вашему сторожу. Занялъ бы у него рубль и все равно сходилъ бы къ нимъ.

Немиричъ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола.

— Сколько же нужно всего?

— Задолжали за уголъ шесть рублей, да покормить хоть на рубль, да еще босымъ ребятишкамъ двѣ пары башмаковъ... Видишь, земля-то ужъ похолодѣла.

— Я бы далъ и больше, но боюсь, уже стемнѣло. Ксендза когда-нибудь непремѣнно ограбятъ. — Немиричъ далъ ему пятирублевый золотой и десять серебряныхъ рублей. Ксендзъ впихнулъ все въ истасканный замшевый кошелекъ, торопливо одѣлся и вышелъ, сказавъ:

— Я скоро вернусь.

Романъ сталъ медленно шагать по комнатѣ и остановился передъ піанино... Нѣтъ... Ему не хотѣлось играть.

„Вотъ одинъ изъ тѣхъ десятерыхъ праведниковъ, которые могли бы спасти Содомъ, если бы нашлись! — думалъ онъ. —И по своему счастливый... Приноситъ пользу людямъ, потому что любитъ ихъ. А я?. Развѣ я люблю людей? Нѣтъ. Стало быть, и въ исполненіи долга для меня не можетъ быть награды. Я получилъ образованіе, имѣю обезпечивающій трудъ и признаю свой долгъ передъ толпою, которая лишена и этого,—вотъ и все. Я долженъ приносить пользу, и только это одно заставляетъ меня тянуть лямку далѣе. Только это. Ничего не надѣясь, ничего не желая...“

Часа черезъ полтора по выходѣ ксендза, раздался сильный, повторенный стукъ въ дверь. Романъ вышелъ въ переднюю и увидѣлъ, что сторожъ придерживалъ дверь, а въ нее входили четыре санитара съ носилками. Это ксендзъ „вернулся“. За носилками вошелъ врачъ.

— Раненый самъ просилъ привезти его сюда, — сказалъ врачъ.—Онъ раненъ ножомъ въ животъ, но не смертельно. Первая помощь подана, кровотеченіе задержано, и главная опасность теперь въ томъ, что онъ потерялъ много крови... Долг

лежалъ, пока былъ поднятъ полиціей и доставленъ въ пріемный покой.—Уложивъ больного на кровать и давъ Немиричу указанія, что дѣлать въ разныхъ случаяхъ, врачъ удалился, обѣщавъ явиться утромъ для новой перевязки.

Немиричъ сѣлъ возлѣ кровати и долго вглядывался въ блѣдное лицо раненаго, лежавшаго неподвижно. Но, спустя нѣкоторое время, больной вдругъ прошепталъ:

— Ушли?

— Да. Какъ вы себя чувствуете?

— Ничего. Ничего какъ будто не чувствую... А ты ужъ прости меня.

— За что?

— Что я сказалъ твой адресъ. У бернардиновъ это надѣлало бы хлопотъ, а ты мнѣ ближе всѣхъ. Позволишь полежать?

— Кто васъ ранилъ?

— Это случайно... Дрались, вынули ножи, а я хотѣлъ разнять, и вотъ... случилось нечаянно.

Услышавъ за собой осторожные шаги, Немиричъ оглянулся. Въ комнатѣ стоялъ высокаго роста оборванецъ, котораго онъ узналъ. Это былъ Кацперъ Садовскій, безработный каменьщикъ, сопровождавшій ихъ раза два, когда они съ ксендзомъ посѣщали подвалы, обитаемые бѣдняками и бродягами.

— Вы откуда?—спросилъ Романъ.

— Такъ, онъ и есть... — мрачно проговорилъ великанъ въ лохмотьяхъ.—Сказывали у Розальки, что какого-то ксендза жиганули.

— Кто?

— Лампа и Франекъ Рябой. Они были у Войтусяка, когда пришелъ какой-то духовный и далъ ему денегъ на квартиру. Видѣли, какъ онъ всунулъ въ карманъ туго набитый кошелекъ, вышли вслѣдъ за нимъ, да за заборомъ-то пырнули его раза два и ограбили... Какъ я услышалъ, что жиганули ксендза, такъ во мнѣ что-то ёкнуло. Его, должно быть, милостивца... Кого же иного? Зашелъ и я къ Войтусяку, и тамъ и узналъ, что за ксендзомъ вышли эти холеры проклятыя... Куда они его пырнули?—злобно спросилъ онъ вдругъ.

— Въ животъ.

— Ладно. Я имъ самимъ кишки выворочу, погоди!..

— Садовскій... побойся Бога... что ты говоришь!..—глухимъ голосомъ отозвался вдругъ раненый: — Лампы и Франка я не видалъ сегодня... Нечаянный случай... Двое какихъ-то дрались,

а я разнимать сталъ... Какое слово ты сказалъ, подумай!.. Не смѣй, запрещаю тебѣ! Даже показывать на нихъ запрещаю...

Больной сталъ метаться.

— Обѣщайте ксендзу, что не будете, успокойте его и уходите!—сказалъ Немиричъ.

— Ну, что-жъ, если такая воля...—ворчалъ Кацперъ, уходя.

Больной уснулъ спокойно, какъ казалось. Только лицо его мертвѣло.

Немиричъ сидѣлъ подлѣ него въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Ни о чемъ не хотѣлось думать, все ему опротивѣло. Вотъ какъ человѣчество наградило того, кто служилъ ему съ полнымъ самоотреченіемъ! Ограбили и убили его сами тѣ несчастные, которымъ онъ служилъ... Такъ воздали христіане тому, кто любилъ ближняго несравненно больше, чѣмъ себя.

Самъ Немиричъ впадалъ въ какое-то забытье и чувствовалъ только, что все рушится, разваливается, скатывается куда-то въ бездну, въ полумракѣ хаотическаго вихря, все летитъ въ ночь, въ стужу, въ пустоту ничтожества...

Вдругъ больной вскрикнулъ:—Иду, иду!—судорожно приподнялся на кровати, протянулъ руки впередъ и тотчасъ упалъ опять на подушки... Сердце перестало биться.

Тогда въ Немиричѣ чувство скорбной подавленности внезапно истлѣло подъ бѣшенымъ порывомъ негодованія. „Что такое долгъ? — прогремѣлъ въ немъ вопросъ. — Передъ кѣмъ долгъ? Во мнѣ не любовь, а ненависть. Значитъ, долгъ передъ собой самимъ? Но вѣдь это—пустой фетишъ. Какъ же жить для тѣхъ, кого ненавидишь, для тѣхъ, кто сами ненавидятъ другъ друга, ожесточенно борются каждый за себя?! Самоотреченіе—изъ долга передъ собой? Какой-то идіотскій самообманъ! Брошу все...“

Спустя годъ, англійскія газеты сообщили о возвращеніи въ Буэносъ-Айресъ экспедиціи къ южному полюсу, которою были добыты цѣнныя научныя данныя. Въ опубликованномъ спискѣ ея участниковъ названы были: среди возвратившихся — Нильсъ Стэнъ, изъ Стокгольма, а въ числѣ погибшихъ—Романъ Немиричъ, изъ Варшавы.

Л. А—въ.

ИЗЪ ДѢЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ

съ К. П. Побѣдоносцевымъ

1900 — 1904 гг.

Я покинулъ Россію въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года, пробывъ нѣкоторое время, непосредственно предъ отъѣздомъ за границу, въ Петербургѣ, гдѣ у меня были связи въ сферахъ, претендовавшихъ на „достовѣрныя“ свѣдѣнія изъ закулисной, но рѣшающей дѣло стороны русской внутренней политики. Подобныя свѣдѣнія и по настоящее время, повидимому, играютъ огромную роль въ дѣйствительныхъ событіяхъ русской жизни, но тогда они основаны были еще въ большей степени, чѣмъ теперь, на слухахъ и сплетняхъ, шедшихъ изъ придворныхъ круговъ, иногда высшихъ, иногда низшихъ, и въ передачѣ изъ устъ въ уста принимали самыя разнообразныя, часто прямо-фантастическія формы. То было очень тяжелое, нервное время, когда общественное мнѣніе чрезвычайно напряглось; новый, молодой императоръ былъ болѣе или менѣе неопредѣлившейся еще величиной, правительство, повидимому, находилось въ неопредѣленномъ состояніи, расшатанномъ событіями, и никто не зналъ, но всѣ стремились угадать, куда и какъ оно повернетъ—вправо или влѣво, причемъ каждый самый ничтожный симптомъ толковался сообразно личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ каждаго. Тѣмъ не менѣе, разсказы о совѣщаніяхъ, участникахъ и объ исторіи и авторствѣ знаменитаго манифеста 30 апрѣля ходили въ публикѣ, и тогда склонявшейся

къ той ихъ версіи, которая теперь установлена документально и внѣ всякихъ сомнѣній. При этомъ имя покойнаго нынѣ К. П. Побѣдоносцева и безусловное преобладаніе его вліянія были у всѣхъ на умѣ и на устахъ. Немногіе дальновидные люди, не позволявшіе личнымъ симпатіямъ руководить ихъ представленіями о дѣйствительности, и въ то время уже предвидѣли „пустопорожнее“ мѣсто восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ въ русской исторіи и относились къ будущему весьма пессимистично. Съ подобными мыслями и подъ ихъ подавляющимъ настроеніемъ я и покинулъ тогда Россію, и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, побуждаемый матеріальными жизненными потребностями, цѣликомъ меня захватившими, имѣлъ съ моимъ отечествомъ только рѣдкія, отрывочныя сношенія, которыя, однако, разъ они касались русской общественной жизни, всегда опять неизмѣнно напоминали мнѣ К. П. Побѣдоносцева и его все еще преобладавшее вліяніе на русскія внутреннія дѣла.

Въ 1898 году началось переселеніе духоборовъ съ Кавказа въ Канаду, обратившее на себя съ теченіемъ времени всеобщее вниманіе. Движеніе это объяснялось въ печати исключительно правительственными религіозными преслѣдованіями, а приписывали ихъ попрежнему тому же К. П. Побѣдоносцеву. Американская печать была полна статьями о его личности и роли въ русскомъ правительствѣ;—большинство ихъ содержало въ себѣ, конечно, самый невозможный вздоръ, но были и серьезныя, болѣе или менѣе безпристрастныя статьи. Къ тому времени, какъ я ознакомился нѣсколько съ литературой предмета, всегда казавшейся мнѣ чрезвычайно односторонней, духоборы обратились ко мнѣ за помощью, и я изслѣдовалъ всевозможными путями, до личной поѣздки въ мѣста ихъ жительства, ихъ положеніе и надежды на будущее. Всего больше поразила меня ихъ разрозненность, абсолютное отсутствіе какой-либо общей цѣли, плановъ, предположеній;—это была ладья „безъ руля и безъ вѣтрилъ“, плывшая совершенно „на-авось“. Немногіе сопровождавшіе ихъ интеллигенты, пытавшіеся облечь стремленія духоборовъ въ извѣстныя теоретическія формы, не пользовались между ними никакимъ авторитетомъ и поражали меня своей дѣтской непрактичностью и отсутствіемъ какой-либо дѣловой работоспособности; они были непригодны до очевидности къ какому-либо руководству—да и всѣ они очень скоро покинули Канаду и духоборовъ на произволъ судьбы. Естественные же вожаки изъ ихъ собственной среды были всѣ сосланы въ Сибирь еще до переселенія, такъ что въ Канадѣ очутилась только сѣрая масса безъ какого бы то и

было руководства, масса, быстро деморализировавшаяся и распадавшаяся на части. Всѣ они съ какимъ-то суевѣрнымъ почтеніемъ относились къ „Петрушѣ“ Веригину, находившемуся гдѣ-то въ Якутскѣ или Березовѣ; кромѣ него, упоминали и о другихъ сосланныхъ, семьи которыхъ были въ Канадѣ. Всякій разговоръ сводился къ Веригину и къ необходимости его присутствія—только бы достать „Петрушу“, и все наладится и пойдетъ отлично. Съ просьбой „добыть“ имъ Петрушу обращались они и ко всѣмъ своимъ покровителямъ—англійскимъ и американскимъ квакерамъ, къ корреспондентамъ различныхъ газетъ, часто въ первое время посѣщавшимъ ихъ, такъ что вопросъ этотъ перешелъ скоро и въ здѣшнюю печать. Лично я, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о самомъ Веригинѣ, ни о его созидательныхъ способностяхъ, но я не могъ не чувствовать той глубокой вѣры, которую возлагали на него эти темныя массы, и рѣшился попробовать „добыть“ его. Все вышесказанное мною само собой указывало мнѣ на единственный практическій путь къ достиженію этой цѣли, и, въ январѣ 1900 года, я рѣшился написать также и К. П. Побѣдоносцеву большое письмо, излагая обстоятельства дѣла, какъ оно мнѣ представлялось, и напирая преимущественно на то, что вся американская и канадская пресса обвиняетъ именно его въ излишней жестокости удерживанія въ ссылкѣ Веригина и другихъ духоборческихъ вожаковъ, даже и послѣ того, когда самимъ духоборамъ было разрѣшено выселиться. Это казалось местью, никому не нужной, хотя и осуждавшей переселенцевъ на бѣдствія. Лично я К. П. Побѣдоносцева не зналъ, ни общаго знакомства, ни какихъ-либо сношеній съ нимъ никогда не имѣлъ, и моимъ единственнымъ кредитивомъ былъ мой обычный литературный псевдонимъ, тотъ же и въ Россіи, и въ Америкѣ. Я не зналъ, отвѣтитъ онъ мнѣ или нѣтъ, но полагалъ, что испортить что-либо мое письмо отнюдь не могло, такъ какъ написано оно было въ самой корректной, самой почтительной формѣ. Въ отвѣтъ я, съ оборотомъ почты, получилъ отъ него отказъ, отъ 19 февраля 1900 года. Но я не удовольствовался такимъ отказомъ, а написалъ другое письмо, продолжая настаивать на своей просьбѣ содѣйствовать освобожденію Веригина и другихъ сосланныхъ, указывая на то огромное благопріятное впечатлѣніе, которое такое освобожденіе произвело бы на здѣшнее общественное мнѣніе, тогда серьезно занятое духоборческимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, завязалась между нами дѣловая переписка, продолжавшаяся въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ; — послѣднее письмо ко мнѣ помѣчено 22-мъ января те-

кущаго года, то-есть, всего за нѣсколько недѣль до его смерти, а у меня сохранилось свыше шестидесяти его собственноручныхъ писемъ. Веригинъ былъ, наконецъ, освобожденъ и отпущенъ въ Канаду; не знаю, конечно, насколько я этому поспособствовалъ, но, благодаря такому началу, я имѣлъ возможность впослѣдствіи устроить возвращеніе на родину нѣсколькихъ духоборовъ и штундистовъ—и соединить ихъ съ покинутыми ими тамъ семьями. Не знаю, конечно, насколько мой корреспондентъ былъ искрененъ въ сношеніяхъ со мною, но думаю, что нѣкоторыя изъ писемъ его имѣютъ серьезный общественный интересъ.

„Вы—отвѣчаетъ онъ мнѣ, 19-го февраля 1900 года,—обращаетесь ко мнѣ подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, которое, вотъ уже лѣтъ восемнадцать, тяготитъ ко мнѣ и изо всей Европы и Америки и даже извнутри Россіи. Съ давняго времени люди и европейскіе да.и русскіе, не знающіе, чѣмъ и какъ движутся наши административныя пружины, воображаютъ, что все, что ни исходитъ въ Россіи отъ правительства, движется волею или прихотью кого-нибудь одного, кто въ ту или другую минуту считается вліятельною силою, такъ сказать, „первымъ по фараонѣ“ лицомъ. И вотъ, къ несчастью, утвердилось всюду фантастическое представленіе о томъ, что я—такое лицо, и сдѣлали меня козломъ отпущенія за все, чѣмъ тѣ или другіе недовольны въ Россіи, и на что тѣ или другіе негодуютъ. Такъ, взвалили на меня и жидовъ, и печать, и Финляндію — и вотъ еще духоборовъ—дѣла, въ коихъ я не принималъ никакого участія,—и всякія распоряженія власти, въ коихъ я нисколько не повиненъ. Такую тяготу такъ называемаго общественнаго мнѣнія приходится переносить—нельзя и опровергать ее, да никто и не повѣритъ, такъ укоренилась уже иллюзія невѣдѣнія, невѣжества и предразсудка. Вотъ, теперь и вы какъ будто просите и ожидаете отъ меня какого-то „конечнаго рѣшенія“ о духоборахъ. Да рѣшенія этого дѣла никогда и ни въ чемъ отъ меня не исходили и отъ меня не зависѣли: распоряжались и распоряжаются—генералъ-губернаторъ и министерство внутреннихъ дѣлъ. О переселеніи же духоборовъ въ Америку я узналъ, когда оно уже состоялось. Стало быть, на вопросы ваши не могу и теперь, какъ тогда не могъ, дать никакого отвѣта. Духоборческое дѣло—какъ и многое у насъ—дѣло тоже невѣдѣнія, невѣжества и равнодушія *мѣстныхъ* властей. На Кавказѣ духоборы составляютъ республику, status in statu, подъ правленіемъ своей Лукерьи. Мѣстныя власти мирились съ этимъ, получали отъ Лукерьи удовлетвореніе всякихъ требованій—и не заботились даже знать, чт

такое духоборы съ вѣрованіями ихъ и бытомъ. Когда умерла Лукерья, республика эта замутилась спорами претендентовъ на ея наслѣдство. Къ несчастью, власти, вмѣсто того, чтобъ предоставить имъ расправляться между собою, вмѣшались въ дѣло и подняли тревогу. Поднялся мятежъ, начался рядъ неумѣлыхъ распоряженій, и какъ разъ тутъ подобрались къ духоборамъ . . . . [1]), пропагандисты толстовскихъ ученій—и духоборы превратились въ толстовцевъ, постниковъ-анархистовъ. Тутъ, мало-по-малу, Толстой, Чертковъ и вся компанія стали подговаривать массу къ переселенію въ Америку, собрали на это средства, переселили ихъ, хотя часть наиболѣе разумная осталась на мѣстѣ. Спрашивается—чѣмъ же повинна въ этомъ переселеніи правительственная власть? Я-то ужъ нисколько во всемъ этомъ не повиненъ. Единственное съ моей стороны распоряженіе состояло въ томъ, что когда поднялась на Кавказѣ исторія о духоборахъ,—со стороны властей, не имѣвшихъ прямого о нихъ понятія,—я послалъ туда человѣка знакомаго съ сектами—развѣдать ихъ, пожить и поговорить съ ними. Вотъ все, что̀ могу сказать вамъ въ отвѣтъ, ибо не хотѣлъ оставить васъ безъ отвѣта... А въ дополненіе посылаю вамъ печатное правдивое изложеніе исторіи о духоборахъ"...

Впослѣдствіи К. П. извѣщалъ меня, что книжка, посланная имъ мнѣ, вѣроятно, еще не дошла. „Надѣюсь, — прибавляетъ онъ, — что дойдетъ, но пожалуй и пропала подъ бандеролью. Кто знаетъ, можетъ быть, корреспонденція ваша подвергается гдѣ-нибудь задержкѣ или осмотру. О духоборахъ и штундистахъ вы писали мнѣ въ ноябрѣ, нельзя ли выслать къ нимъ семьи — но это дѣло неудобоисполнимое. Теперь вы пишете, что они сами стремятся назадъ, но боятся наказанія, по примѣру Гончарова. Надѣюсь это для нихъ устроить, но для этого надо переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ — послѣ увѣдомлю васъ. Гончарова дѣло — нелѣпое, но что̀ же дѣлать, когда у насъ не привыкли разсуждать. Когда духоборы уходили, кн. Г. совершенно незаконно велѣлъ взять съ нихъ подписку, чтобъ не смѣли возвращаться, иначе будутъ сосланы въ Якутскъ—и когда Гончаровъ вернулся, онъ, несмотря на убѣжденія губернатора, настоялъ на высылкѣ. Съ тѣхъ поръ сколько я хлопоталъ о возвращеніи — о, къ несчастью, все дѣло загрязло въ канцеляріяхъ. Впрочемъ, бѣщаютъ. Вся наша бѣда въ томъ, что говорить не съ кѣмъ о ивомъ дѣлѣ, и одно орудіе — бумага. Но если ваши духоборы алифорнскіе) вернутся — куда они сядутъ и найдутъ ли свои

[1]) Слово не разобрано.

земли незанятыми? Итакъ, еще ждите отъ меня извѣщенія... Добрые люди, обманутые, авось поймутъ наконецъ, 1) что есть эпидемическія нелѣпости поведенія, коихъ никакое правительство потерпѣть не можетъ; 2) что въ сущности одна страна въ мірѣ, гдѣ люди могутъ жить свободно въ своей вѣрѣ, это Россія — и вѣрьте, что всѣ дикіе случаи насилія и преслѣдованія — есть только дѣло безурядицы (полицейской и всякой), господствующей у насъ на необозримыхъ пространствахъ. А главная причина — повальное невѣжество, соединенное съ отрицаніемъ всякаго желанія знать, и самое трудное, чего нельзя добиться, это „пріиди и посмотри". Люди наладили одно, какъ „сорока Якова", и не хотятъ знать реальную правду. — О вашихъ штундистахъ — сообщалъ позже К. П. Побѣдоносцевъ — изъ кіевской губерніи, чтобъ дать вамъ отвѣтъ, надо было здѣсь повидаться съ предержащими властями. А это нелегко въ Петербургѣ. Лишь сегодня я могъ переговорить съ Зволянскимъ. По мнѣнію его, надобно имъ прислать сюда просьбу на имя Государя. Изготовьте имъ что-нибудь въ этомъ родѣ и пришлите на мое имя, и тогда постараюсь двинуть дѣло. Надобно также знать: когда они выѣхали и откуда, и приняли ли американское подданство. Я постараюсь дѣло это устроить.

„P. S. О Гончаровѣ я давно уже возбудилъ вопросъ, но до сихъ поръ идетъ переписка съ кн. Г.".

Дабы пояснить все вышеприведенное мною, я долженъ сообщить слѣдующее: духоборы въ Канадѣ передавали мнѣ, что очень многимъ изъ нихъ, по пріѣздѣ на выбранныя для нихъ мѣста жительства, страна такъ не понравилась, что они были готовы вернуться въ Россію — и отправили на Кавказъ одного изъ своей среды, нѣкоего Гончарова, дабы испытать, какъ его возвращеніе будетъ принято начальствомъ. Ему удалось перебраться благополучно черезъ русскую границу, но немедленно, по пріѣздѣ домой, онъ былъ схваченъ властями и сосланъ въ Якутскую область. Это, конечно, заставило духоборовъ бросить мысль о возвращеніи. Я твердо убѣжденъ, что если бы не этотъ эпизодъ, всѣ духоборы изъ Канады съ теченіемъ времени вернулись бы въ Россію. Меня особенно просили похлопотать объ освобожденіи Гончарова, такъ какъ онъ пострадалъ какъ общественный ходокъ. Затѣмъ, въ числѣ пріѣхавшихъ изъ Канады въ Калифорнію духоборовъ было нѣсколько штундистовъ изъ кіевской, харьковской и другихъ губерній, бѣжавшихъ въ Кана-

безъ паспортовъ и покинувшихъ дома семьи, въ надеждѣ перевезти ихъ впослѣдствіи. Эти штундисты—одинъ изъ нихъ, кромѣ того, считалъ себя военнымъ дезертиромъ, такъ какъ числился въ запасѣ арміи—быстро разочаровались какъ въ Америкѣ, такъ и въ надеждѣ скоро заработать достаточно денегъ на перевозку семей; семьи были большія, и на это нужны были сравнительно большія средства,—да и появились опасенія, что семей этихъ не выпустятъ изъ Россіи. Они усиленно просили меня устроить имъ безнаказанное возвращеніе на родину, и въ моихъ письмахъ къ К. П. Побѣдоносцеву я усердно просилъ его уладить дѣла Гончарова и желавшихъ вернуться духоборовъ и штундистовъ съ подлежащими властями. Какъ читатель усмотритъ ниже, съ теченіемъ времени онъ устроилъ все это, люди эти вернулись, и я въ свое время получилъ отъ всѣхъ ихъ извѣстія, что они благополучно добрались домой и что мѣстныя власти ихъ совсѣмъ не тревожили.

„...Вы спрашиваете,—сообщаетъ мнѣ, при другомъ случаѣ, К. П. Побѣдоносцевъ, 8-го апрѣля 1901 г.,—не находится ли Россія наканунѣ серьезнѣйшихъ событій? Не думаю—въ заграничной печати описываются ужасы, совсѣмъ выдуманные — на Россію все валятъ. Пишутъ будто очевидные свидѣтели, что видѣли трупы убитыхъ — все это вздоръ. Бывшая свалка у Казанскаго собора не есть что либо новое. Что касается до студенческихъ сходокъ и обструкцій, то и это не новость, а слѣдствіе того, что въ университетѣ нынѣ не общество студентовъ, а толпа, остающаяся безъ всякаго руководства, съ разложеніемъ прежняго корпоративнаго строя—реформами гр. (Д. А.) Толстого. Обструкція же нынѣ вошла въ моду и въ парламентахъ. То несомнѣнно, что всѣ эти безпорядки поджигаются извнѣ. Вы спрашиваете краткую характеристику происходящаго. Это сдѣлать не могу—это сложное дѣло, о коемъ можно было бы разсуждать пространно въ связи со многими другими явленіями, внѣ Россіи происходящими. И надо было бы коснуться общихъ вопросовъ внутренней политики, на коихъ намъ съ вами, кажется, нелегко было бы сойтись... Въ одномъ лишь могу увѣрить. До сихъ поръ ни у кого не выбьешь изъ головы, что я альфа и омега всего, что происходитъ въ Россіи. Это совершенная неправда, поддерживаемая лишь общимъ невѣжествомъ и невѣдѣніемъ. Я не принимаю участія ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, кои относятся до церковнаго управленія, и кромѣ тѣхъ, въ коихъ долженъ подавать мой голосъ въ текущихъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и комитета министровъ“... „Сейчасъ (6 мая 1901 г.) получилъ ваше

письмо отъ 27 апрѣля съ прошеніями. Постараюсь тотчасъ пустить ихъ въ ходъ. Авось не замедлятъ—хотя вы знаете, какъ длятся дѣла въ нашихъ канцеляріяхъ. Напишу и въ Харьковъ... Вчера я писалъ вамъ, что надѣюсь устроить дѣло по просьбѣ двухъ скоро. А сегодня, обратившись въ министерство внутреннихъ дѣлъ, вижу, что не такъ скоро. Съ однимъ изъ двухъ, кіевскимъ, не было бы затрудненій. А другой духоборъ изъ Карса, и дѣло касается кн. Г., съ коимъ министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ списаться. До сихъ поръ отъ него не добились еще, чтобъ онъ согласился вернуть на Кавказъ Гончарова. Говорятъ: если рѣшить безъ кн. Г., то онъ могъ бы выслать вашего protégé обратно. Еслибъ дѣло отъ меня зависѣло, я не остановился бы, но оно отъ меня не зависитъ. Съ своей стороны, завтра же напишу кн. Г. и попрошу его поскорѣе устранить затрудненіе. Спѣшу увѣдомить васъ, дабы устранить возможное недоразумѣніе...

„...Я уже писалъ вамъ о судьбѣ присланнаго вами прошенія. Я просилъ и убѣждалъ кн. Г. не препятствовать, но еще не имѣю отъ него отвѣта и жду. Не скоро побѣдишь равнодушіе и косность мысли".

Затѣмъ, въ августѣ онъ извѣщаетъ меня, что получилъ письмо мое, отъ 18 іюля [1]), и присовокупляетъ: „6-го августа получилъ я отвѣтъ отъ кн. Г. Онъ, наконецъ, соглашается разрѣшить, *въ видѣ исключенія*, вашему protégé возвратиться на Кавказъ, безъ надѣленія его землей, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы возвращеніе его не могло служить поводомъ къ возвращенію туда же прочихъ выселившихся въ Америку духоборовъ. Итакъ, въ настоящую минуту можно устроить имъ разрѣшеніе, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ Государю. Я немедленно напишу объ этомъ Сипягину... Ваша мысль о томъ, что здѣсь въ Петербургѣ они, будучи „сведены съ *представителями печати*, не могли бы не произвести отрезвляющаго впечатлѣнія на всѣ *ея лагери* (!)"—эта мысль, извините, показываетъ только, что вы, живя въ Америкѣ и освоившись съ орудіями мысли въ вашемъ краѣ, совсѣмъ отвыкли отъ Россіи. Вы, видно, не чуете еще, во что обратилась печать въ Россіи—и какъ низко погрузились въ болото всѣ ея лагери—даже съ тѣхъ поръ какъ вы отсюда въ

[1]) Когда между находившимися въ Калифорніи духоборами прошелъ слухъ, что нѣкоторые изъ нихъ ходатайствуютъ черезъ меня о возвращеніи на родину, мнѣ обратились ко мнѣ съ той же просьбой, заявляя, что если нельзя на Кавказъ, они согласны и на Манчжурію, лишь бы вернуться въ Россію. Мое письмо о 18 іюля и заключало въ себѣ содержаніе этой просьбы.

ѣхали. И теперь едвали вы мнѣ повѣрите, когда я скажу, что нѣтъ ни одного журнала и газеты у насъ, гдѣ бы можно было разсчитывать на дѣйствіе разума и здраваго смысла. Всѣ суть не что иное, какъ или — грязныя лавочки въ рукахъ невѣжественнаго уличнаго сброда проходимцевъ и недоучекъ, или органы (не исключая „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Вѣстника Европы“) узкаго кружка доктринеровъ, не знающихъ и не хотящихъ знать народъ, душу его и потребности, не вѣрующихъ ни во что, кромѣ своей доктрины да въ тупую оппозицію всему, чтò называется правительствомъ. Это—въ иномъ видѣ—тѣ же канцеляріи. Попавъ въ среду этой гнилой интеллигенціи, ваши духоборы и штундисты *никого* бы не урезонили, развѣ сами сбились бы съ толку [1]). Вотъ, вамъ кажется, что противъ фактической очевидности и возражать нельзя—а этимъ людямъ нѣтъ никакого дѣла до факта —они знать его не хотятъ и ничему не вѣрятъ кромѣ сплетни и ругательства. А ужъ къ сектантамъ относятся очень любовно, не имѣя никакой вѣры, и не понимаютъ, что со всякимъ сектантомъ можно говорить только войдя въ его душу и въ его вѣрованіе:—а они только одно и умѣютъ съ сектантомъ—превращать его вѣру въ голое отрицаніе. Къ лучшимъ „представителямъ“ печати примѣняется лишь пословица: наладила сорока Якова, да и твердитъ (одно) про всякаго А настоящей *культуры*, которая въ западной печати обычное явленіе, у насъ и не спрашивай!—Другое—пишете вы—цѣль ваша: „возвратить въ Россію, если это достижимо, уже находящихся въ Америкѣ“, и прибавляете, что средства у нихъ найдутся, и что помышленія ихъ направлены въ Сибирь и Манчжурію. Можетъ быть, это и благоразумно было бы (относительно калифорнскихъ),—но я тутъ ничего не могу сдѣлать—это дѣло государственнаго соображенія, которое не только не въ моихъ рукахъ, но въ которомъ я даже не могу имѣть воздѣйствія на правителей (и тутъ еще разъ прошу васъ отрѣшиться отъ пущенной въ оборотъ лжи, будто я всесиленъ въ дѣлахъ государственнаго управленія). По вашимъ письмамъ я вступился въ дѣло лишь потолику, поколику могу дѣйствовать,—а свою мысль я не могу вложить въ разумъ нынѣшнихъ правителей. За грѣхи и ошибки администраціи по дѣламъ сектантскимъ привыкли всѣ ставить въ отвѣтъ меня и церковное управленіе, и все валить на мою голову. Напрасно: еслибы

[1]) Я не вѣрилъ въ цѣлесообразность переселенія русскихъ крестьянъ въ Америку, и моей идеей было познакомить русское общество съ дѣйствительностью, посредствомъ прямыхъ жертвъ такого переселенія.

въ духоборческомъ дѣлѣ не напутала администрація, безъ участія и вѣдома церковныхъ властей—не было бы всей этой путаницы. Еслибъ не стала администрація и полиція, безъ участія духовенства, переводить уніатовъ, не было бы послѣдующихъ безпорядковъ, и они мало-по-малу перешли бы спокойно. Еслибъ дѣлами сектантовъ не завѣдывало министерство внутреннихъ дѣлъ, не знающее характера и существа сектъ—дѣло мало-помалу обдѣлывалось бы церковными средствами. Итакъ, остается мнѣ, по исполненіи потребныхъ формальностей, когда послѣдуетъ разрѣшеніе имъ вернуться, увѣдомить объ этомъ васъ. Пусть они ѣдутъ тогда на родину — пожалуй черезъ Петербургъ, гдѣ я приму ихъ и направлю къ знающему человѣку. Что касается прочихъ выходцевъ—пусть пробуютъ подать прошеніе на Высочайшее имя съ просьбой объ отводѣ земель въ Сибири. Это трудно, ибо вообще, при множествѣ русскихъ переселенцевъ, избѣгаютъ направлять туда сектантовъ"...

А вскорѣ затѣмъ К. П. извѣщаетъ меня: „...получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ извѣщеніе о вашемъ духоборѣ. Министръ, согласно съ отзывомъ кн. Голицына, разрѣшаетъ ему возвратиться въ Россію съ правомъ поселиться на Кавказѣ (на условіяхъ, о коихъ я уже писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ), о чемъ министръ, отъ 18 августа, сообщилъ и кн. Голицыну, и министру иностранныхъ дѣлъ. Что касается до кіевскихъ, то объ нихъ нѣтъ еще отвѣта отъ Драгомирова, коего Сипягинъ призналъ нужнымъ запросить — хотя, по-моему, и нужды не было. Но властные люди таковы, что сами ни за что не рѣшаются, и оттого труднѣе, чѣмъ когда либо, дѣло дѣлать"...

Тѣмъ не менѣе, дня три спустя, я получилъ отъ К. П. коротенькое сообщеніе:

„Я писалъ вамъ на дняхъ о духоборѣ. Сейчасъ получено отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что и кіевскимъ разрѣшено „возвратиться безнаказанно на родину".“

Получивъ письмо мое, отъ 15 сентября, К. П. отвѣчаетъ, 22 сентября: „Вы пишете:—буду ожидать оффиціальныхъ бумагъ. Но какія это бумаги и въ какой формѣ, не легко сказать сразу. Главная цѣль ваша, какъ я вижу, устранить всякое затрудненіе при проѣздѣ черезъ границу — стало быть нужно, чтобъ о[...] имѣли въ рукахъ бумагу съ надлежащимъ удостовѣреніемъ. Во[...] тутъ мы и встрѣчаемся съ рутиной канцелярскаго производст[ва]. Дѣло это въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ — ихъ [...]бужденіе будетъ—писать въ министерство иностранныхъ дѣлъ[,] оттуда будутъ писать посланнику—посланникъ консуламъ—п[...]

дутъ мѣсяцы, пока что-нибудь явится потребное. Имѣйте въ виду, что оберъ-прокуроръ синода тутъ сторона ходатайствующая, а не дѣйствующая пружина. Въ извѣщеніяхъ оффиціальныхъ, кои имѣю отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сказано—о духоборѣ, что сообщено князю Г. на Кавказъ и *министерству иностранныхъ дѣлъ на предметъ объявленія духобору*—(!), а о кіевскихъ (отъ 4 сентября), что сообщено Драгомирову и *министерству иностранныхъ дѣлъ на предметъ объявленія имъ.*

„Итакъ, надо выхлопотать какую-нибудь бумагу—въ руки имъ. Теперь у насъ глухое время—всѣ власти въ разъѣздѣ, и Сипягина нѣтъ. Постараюсь на дняхъ увидѣть товарища министра Дурново и просить его. Предвижу затрудненія, хотя, казалось бы, дѣло нехитрое. Но если встрѣчу отказъ, то составлю отъ себя оффиціальное удостовѣреніе для каждаго, за своей подписью и печатью, и надѣюсь, что этого будетъ достаточно. Затѣмъ вышлю въ ваши руки.

„Это на первый вашъ вопросъ.

„На *второй*. Направляйте ихъ прямо на мѣста жительства. *Не* направляйте на Петербургъ (если прямой путь не лежитъ на него) по тѣмъ соображеніямъ, которыя я уже писалъ вамъ.

„Стремленіе къ переселенію въ Америку завелось и между кавказскими молоканами. Несчастные люди! Безумные люди сбиваютъ ихъ съ толку. Чего они хотятъ? Вѣдь вездѣ имъ хуже будетъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ и въ законахъ, и въ администраціи множество прорѣхъ, помощію коихъ люди пользуются свободой! Не знающій Россіи судитъ обо всемъ по произвольнымъ обобщеніямъ фактовъ, понятій и предразсудковъ. И молокане представляются какою-то сплошною силою духовной и соціальной оппозиціи. Но съ молоканами издавна сживается народъ—и въ каждой мѣстности характеръ ихъ различный: — есть въ иныхъ мѣстахъ (напр. Тамбовская губернія) злые, а во многихъ мѣстахъ добрые—гдѣ на нихъ не повѣяло фанатизмомъ штунды и толстовства. Вотъ у насъ въ Астраханской губерніи есть школа, куда умные священники привлекли до 150 молоканскихъ дѣвочекъ съ согласія родителей—и я послалъ имъ икону. Кавказскіе молокане конечно испорчены тѣмъ же движеніемъ духоборовъ, превращеннымъ въ толстовство“...

„Едва не всякій день—пишетъ вскорѣ К. П. изъ Царскаго Села—приходится писать вамъ. Я уже писалъ вамъ о моихъ предположеніяхъ относительно снабженія ихъ на переѣздъ черезъ границу. Сегодня я былъ въ С.-Петербургѣ, и поѣхалъ, за отсутствіемъ Сипягина, къ товарищу его Петру Н. Дурново, кото-

рый тотчасъ же распорядился составить прилагаемые при семъ документы. Авось либо они замѣнятъ имъ вполнѣ паспортъ на русской границѣ. Спѣшу тотчасъ послать ихъ вамъ. Увѣдомьте о полученіи"...

Въ концѣ того же сентября 1901 года К. П., въ дополненіе къ одному изъ прежнихъ писемъ, говоритъ: „Я уже писалъ вамъ о нынѣшнемъ состояніи нашей періодической печати. Вотъ вы, выѣхавъ изъ Россіи, храните всѣ вывезенныя отсюда предубѣжденія того времени, — и у васъ наложено *табу* на „Московскія Вѣдомости". А „Московскія Вѣдомости" нынѣ единственная газета, гдѣ разумный человѣкъ писать можетъ, безъ ругательствъ. Вы все гоняетесь за какимъ-то идеаломъ честности или за человѣкомъ „нашего лагеря", а дѣло совсѣмъ не въ этомъ, въ сферѣ печати. Г. Грингмутъ—самъ по себѣ—человѣкъ, котораго уважать не приходится, но такъ или иначе онъ уберегъ газету"...

Не получая обѣщанныхъ пропусковъ, я писалъ о томъ въ октябрѣ: „Удивляюсь — отвѣчалъ мнѣ К. П.,—что вы еще не получили мой заказной пакетъ, отправленный еще 27 сентября, слишкомъ мѣсяцъ тому назадъ. Тутъ были бумаги изъ министерства внутреннихъ дѣлъ для пропуска вашихъ людей. Долго идетъ почта — развѣ, можетъ быть, письма на ваше имя читаются? Надѣюсь, однако, что все дошло до васъ. На Казакевича трудно разсчитывать — онъ формалистъ. Спѣшу о всемъ этомъ предупредить васъ. Все что̀ могъ—сдѣлалъ"...

Между тѣмъ, возвратившіеся штундисты испытали преслѣдованіе, и вотъ К. П. опять сообщаетъ: „О Б. не имѣю никакихъ свѣдѣній и узнаешь не скоро [1]). Я могъ только написать кіевскому губернатору Трепову и еще жду отъ него отвѣта. Когда получу, извѣщу васъ. Мудренаго нѣтъ, что если Б. принялся на мѣстѣ за старые грѣхи, то и могъ потерпѣть непріятности отъ полиціи, а какъ полиція бываетъ безтолкова, то и безъ вины могъ потерпѣть...

„Газеты всѣ не о томъ заботятся, чтобы узнать подлинную правду, а чтобы набрать сенсаціонныхъ извѣстій, особливо изъ Россіи. Такъ что посылать вѣсти изъ Россіи стало теперь профессіей всякихъ писакъ, ничего не могущихъ знать, кромѣ сп тенъ и слуховъ. А у насъ нынѣ по гостинымъ, по клуба по канцеляріямъ, ходитъ масса всякихъ вздорныхъ вѣстей, сх

[1]) Б.—одинъ изъ вернувшихся штундистовъ, о которомъ я долго не имѣлъ вѣстій.

ченныхъ на лету,—до правды же могутъ добраться только люди близко стоящіе къ пружинамъ дѣлъ и людямъ у дѣла состоящимъ. Безпорядковъ у насъ много и много всякаго безумія во всѣхъ слояхъ общества, но когда доходитъ дѣло до источниковъ, тутъ начинается болтовня и вздорная ложь. Не много болѣе знаютъ и наши газеты. Всѣ ихъ „извѣстія" въ англійскихъ, французскихъ газетахъ строчатся по одному шаблону. Какъ въ кукольной комедіи есть вѣчный Арлекинъ, Коломбина, Полишинель Чокъ и тузы. Наладили человѣка, который все дѣлаетъ, и на этой канвѣ вышиваются узоры. Сколько лѣтъ не могутъ отвыкнуть отъ моего имени—которое уже лѣтъ 15 есть анахронизмъ, и все ко мнѣ относится; — а краска, коею все.........[1]) есть парламентъ, коего одни желаютъ, другіе противятся. Вотъ и выходитъ — Плеве — реакціонеръ, въ союзѣ со мною, Ванновскій—герой либерализма (какой вздоръ! сказали бы: герой безтолочи и невѣжества), Императрица-мать всѣмъ вертитъ, и проч. и проч. А сути дѣла никто не видитъ и не знаетъ!"

Въ дополненіе къ этому я получилъ отъ К. П. извѣщеніе, а именно, онъ пишетъ:

„Не могу еще дать вамъ рѣшительный отвѣтъ о Б., но считаю не лишнимъ сообщить, что я спрашивалъ Трепова, и онъ пишетъ мнѣ изъ Кіева, отъ 17 іюля, что, получивъ мое письмо въ прошломъ декабрѣ, онъ сдѣлалъ распоряженіе о непривлеченіи Б. къ отвѣтственности за переходъ границы и проч.; нынѣ же не имѣетъ свѣдѣній, чтобы онъ былъ за что-либо привлеченъ и посаженъ въ тюрьму, и требуетъ отъ уманьскаго исправника свѣдѣній, было ли что подобное, а получивъ, увѣдомитъ меня".

Нѣсколько дней спустя, я узналъ отъ К. П. слѣдующее:

„Получилъ отвѣтъ отъ кіевскаго губернатора:

„1) По донесенію черкасскаго исправника, Б. не привлекался со времени возвращенія ни къ какой отвѣтственности за какой-либо поступокъ и находится на жительствѣ въ деревнѣ К., уманьскаго уѣзда.

„2) А другой, вернувшійся изъ-за границы, штундистъ Ч., также оставленный безъ взысканія, иконъ у себя не имѣетъ и на вопросъ съ насмѣшкой говоритъ: „Зачѣмъ мнѣ какія-то иконы. Если дадутъ землю, то поставлю икону въ домѣ". Онъ представляется ярымъ штундистомъ и несомнѣнно занимается секретно пропагандою штундизма.

„Итакъ, если будутъ возвращаться подобные ему, то не мо-

[1]) Неразобранное слово.

гутъ ожидать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Лучше такимъ и не возвращаться. А мнѣ лучше бы было и не просить за этого Ч.“...

Наша переписка возобновилась въ августѣ 1902 года, вслѣдствіе тѣхъ вырѣзокъ изъ американскихъ газетъ, которыя я высылалъ К. П.

„Вы присылали мнѣ — говоритъ онъ — вырѣзки изъ газетъ. Печально, если таковы извѣстія изъ Россіи въ газетахъ—и еще печальнѣе, что имъ вѣрятъ—и вы, пожалуй, вѣрите. А казалось бы надо вамъ знать, какими пружинами движется газетная печать и чѣмъ орудуетъ. Особенно американскія газеты, кои пополняются почти исключительно репортерскимъ матеріаломъ. Все это—игра въ ложь—ложью живутъ и наши здѣшнія газеты, а это все сугубая ложь, и игра въ нее доведена въ американскихъ газетахъ до виртуозности. Все, что̀ тутъ—выдумано, сочинено, и ни слова нѣтъ правды, кромѣ развѣ всеобщаго огорченія, что Императрица не родила наслѣдника. И вообще знайте, что гдѣ является мое имя, тамъ ложь. Оно употребляется какъ соль—ибо сколько уже лѣтъ какъ съ нимъ иностранная сплетня связываетъ ... что̀ дѣлается въ Россіи—тогда какъ вотъ уже лѣтъ десять к... я ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ церковныхъ, не участвую. Но ... кладутъ какъ печать на фальшивыя извѣстія въ удостовѣреніе, что они истинныя. И прежняя выписка — о газетахъ и Ухтомскомъ — пустая болтовня, представленная въ видѣ какого-то ужаснаго насилія. Могло случиться, что въ управленіи по дѣламъ печати, какъ и вездѣ, были разговоры съ Ухтомскимъ о характерѣ статей, кои помѣщались въ газетахъ“...

Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ высылать К. П. вырѣзки изъ здѣшнихъ газетъ, и онъ опять отвѣчаетъ мнѣ въ самомъ началѣ 1903 года:

„Желаю вамъ благополучнаго года. Еще и еще разъ благодарю за сообщенія.

„Положеніе нашихъ дѣлъ далеко не нормальное и не свободное отъ тревоги. Но — сообщаемыя въ иностранныхъ корреспонденціяхъ свѣдѣнія намѣренно преувеличены по слухамъ и сплетнямъ. Ростовское приключеніе съ рабочими—явленіе нынѣ обычное всюду — а у насъ въ особенности, такъ какъ у нас... не трудно возбудить и поднять толпу самыми нелѣпыми толка... и внушеніями. 200 убитыхъ и 1.000 раненыхъ—сущій вздо... Дѣйствовали войска, но убитыхъ и раненыхъ, какъ всегда б... ваетъ, было лишь нѣсколько. И 2.000 амазонокъ—какой вздор...

„Основныя причины нашихъ бѣдъ конечно никто изъ ли...

ральной печати понять не можетъ. Онѣ коренятся въ томъ, что массою непонятыхъ и непродуманныхъ реформъ и непровѣренныхъ законовъ надѣто на громадную и пеструю Россію чужое платье, не скроенное, не примѣренное, и отсюда — путаница властей и отношеній при общей некультурности"...

Отвѣчая мнѣ, въ мартѣ 1903 г., на мои новые вопросы, К. П. сообщаетъ:

„Вы хотите свѣдѣній о происхожденіи и значеніи манифеста. Едвали кто можетъ вамъ дать ихъ. Этотъ актъ явился для всѣхъ властей сюрпризомъ, и въ замыслѣ его, равно какъ и въ составленіи, никто изъ нихъ не принималъ никакого участія. Что̀ значитъ онъ и чѣмъ отзовется—можно только гадать.

„...Вы, выѣхавъ изъ Россіи, стоите на той же точкѣ, на какой тогда были, вѣруя въ благодѣтельное значеніе какихъ-то реформъ въ смыслѣ новой свободы. Но вѣра въ „учрежденія", оторванныя отъ жизни и отъ народа, ничего не принесла намъ кромѣ лжи и стѣсненія истинной свободы, ибо мы стали такъ опутаны учрежденіями, что дѣваться некуда. А тѣ, кои проводили ихъ, пустивъ ихъ въ народъ, успокоились, воображая, что учрежденія сами себя двинутъ и оживятъ что-то. Но у насъ безъ руководства ничто само собой не оживаетъ. Славянская раса не то, что̀ англо-саксонская, скандинавская и даже нѣмецкая: тамъ духъ партикуляризма и крѣпкаго индивидуальнаго развитія; у насъ — обязанность. И такъ вышло, что мы наряжены всѣ въ какое-то чужое платье, сшитое роднымъ портнымъ Ваською, и не можемъ въ немъ двигаться"...

Извѣстное „кишиневское дѣло" послужило поводомъ новаго сообщенія со стороны К. П. въ іюнѣ 1903 г.

„Кишиневское дѣло неудивительно что вызвало взрывъ негодованія въ печати. Вѣдь вся она въ еврейскихъ рукахъ, и иначе судить не можетъ, не зная нисколько русскаго жидовства. Кишиневское дѣло возмутительно — не ради жидовства, но и какъ всякое неистовство обезумѣвшей толпы — какъ неистовство гайдамаковъ, какъ неистовство крестьянской толпы на помѣщиковъ. Возмутительно и по бездѣйствію мѣстныхъ властей, не умѣвшихъ прекратить ужасы, длившіеся два дня.

„Но надобно знать, чего не знаютъ газетные писатели. Вѣдь нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ такого жидовства, какъ у насъ—нѣтъ такого гнѣзда, какъ у насъ въ бывшемъ польскомъ краѣ, въ Румыніи, и оттуда — на югѣ Россіи. Нѣтъ этой безчисленной размножившейся толпы, посреди народа—невѣдущаго, дѣтски неимущаго и бездѣятельнаго въ экономическомъ отношеніи. Не

знаютъ, до чего это жидовство эксплоатируетъ бѣдное рабочее населеніе, и съ какимъ нахальствомъ и камнемъ къ нему относится—въ средѣ, наполненной всякаго безпорядка и скажу—безвластія. Кишиневское дѣло имѣетъ подкладку до сихъ поръ и здѣсь неразъясненную. Мѣстное рабочее населеніе доведено было до ярости, а какъ скоро двинулась толпа, къ ней присоединились самые дикіе элементы... Вы знаете и нечего объяснять вамъ, какъ у насъ тяжело жить человѣку съ идеальными стремленіями, и теперь—тяжеле чѣмъ когда либо. И хотѣлось бы переѣхать въ другія условія, на реальную почву; но приходится терпѣть и *безплодно стремиться*—вмѣстѣ съ своими людьми, какъ ни тяжело это".

Въ послѣдніе годы передъ смертью К. П., мнѣ случалось получать отъ него возраженія американскимъ газетамъ по вопросу о немъ самомъ.

„Вы прислали мнѣ статью газеты „Marvellous old Fanatic who has a grip on the Czar" („Замѣчательный старый фанатикъ, который овладѣлъ царемъ")—такъ увѣдомляетъ К. П. меня въ половинѣ 1903 года.—Едвали вы, хотя знаете меня тоже по газетнымъ статьямъ,—едвали могли такому вздору повѣрить. А эта статья для меня не новость—тысячи подобныхъ до меня доходятъ издавна и служатъ подтвержденіемъ невѣжества и повальной лжи, нынче овладѣвшихъ и печатью, и создаваемымъ ею мнимымъ общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ какъ всѣ извѣстія изъ Россіи соединены съ моимъ именемъ, которое пронесено какъ зло по всему міру, благодаря общему невѣжеству—не знаетъ никто правды, и въ злобѣ—на что̀ и на кого?—ищутъ въ Россіи непремѣнно человѣка, который за все отвѣчаетъ. Я являюсь козломъ отпущенія—но того выгоняли по крайней мѣрѣ въ пустыню, а меня какъ мячикъ перебрасываютъ изъ одной газетной лавочки въ другую и изъ одного кабака въ другой—на растерзаніе. И думаешь—авось наконецъ узнаютъ что-нибудь вѣрное и притихнутъ, такъ какъ здѣсь, казалось бы, должны знать, что вотъ уже лѣтъ десять я—кромѣ дѣлъ церковнаго управленія—не принимаю никакого участія въ направленіи какихъ-либо государственныхъ мѣръ. Ничуть не бывало—и тамъ, и здѣсь, продолжаютъ всюду поносить меня за все. Хотя бы сколько-нибудь знали меня, или потрудились—здѣшніе-то—спросить, правда ли все то, что̀ мнѣ приписывается"...

Годъ спустя, въ концѣ 1904 года,—К. П., обращаясь ко мнѣ, подтверждаетъ свое прежнее возраженіе:

дивляться — пишетъ онъ — американской статьѣ о монастырѣ, когда и у насъ пишутъ такой же о не зная, только чтобъ пустить сенсаціонную нось многіе увѣряютъ меня, что тамъ держатъ людей и цѣпяхъ. А туда отсылаютъ иногда разныхъ, соовыхъ священниковъ и монаховъ, кои хуже сумао коимъ мѣстъ нѣтъ въ домѣ умалишенныхъ—иныхъ ержатъ взаперти—но многихъ теперь перевели въ іевно больныхъ"...

нъ повторяетъ и въ концѣ 1904 года:

слали мнѣ газетную статью: „Pobiedonostzeff in way „Побѣдоносцевъ на пути къ реформѣ"). Сколько тается мнѣ изъ Англіи, Америки, Франціи, Германіи! же, что все это *ложь* и выдумка.

ке болѣе восьми лѣтъ какъ я не принимаю участія ъ государственныхъ дѣлахъ (и кто принимаетъ—не ю что не вмѣшиваюсь и никто меня не спрашиихъ записокъ не подаю Государю, кромѣ докладовъ церковнымъ дѣламъ. Никакихъ особыхъ докладовъ уже давно отжившій дѣятель—и всѣ люди прежі, особливо культурные друзья, уже въ могилѣ. Съ замѣстителями не имѣю никакихъ отношеній. *Ни*зжаю, кромѣ засѣданій синода и комитета мини̇занимающагося никакими государственными вопро-

тѣмъ, нестройная толпа, не зная, чего хочетъ, литурности, вопитъ о какой-то конституціи. Въ какомъ го дѣло, и какія наверху его вѣроятности, *никто* кричатъ: поскорѣе! и ищутъ: кто же мѣшаетъ?! И на мое имя, развѣ потому, что мое мнѣніе о конѣстно по „Московскому Сборнику". И меня *никто* ю въ канцеляріяхъ, гостиныхъ и аудиторіяхъ сочиэпѣйшіе слухи обо мнѣ, переходящіе во всѣ иноветы, на всемірный рынокъ всяческой лжи и сплетни. ь крестъ несу я вотъ уже двадцать лѣтъ. Но прежде оди, знавшіе меня и мою дѣятельность, а нынѣ ниылось. И мало того—отовсюду пишутъ мнѣ прокляі. Вотъ и сегодня такое письмо изъ Нью-Іорка!.."

сохранилась и точныя копіи моихъ писемъ—счеь К. П. Побѣдоносцеву. Его же писемъ у меня со-

бралось, какъ я уже сказалъ, свыше 60-ти. Писаны они на разнообразнѣйшихъ форматахъ и сортахъ бумаги, и только разъ, при концѣ, употребленъ терминъ: „покорный слуга", всѣ же остальныя заканчиваются словомъ „Здравствуйте" и подписью. Почеркъ сравнительно разборчивый, но нѣкоторыя буквы очень своеобразны, тàкъ—кàкъ теперь никто не пишетъ. Начиналъ онъ письма полной строкой, затѣмъ съуживалъ ихъ къ срединѣ листа и опять расширялъ къ концу.

П. А. Тверской.

г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

Романъ Люкаса Малета.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

Окончаніе.

XXVII *).

Въ теченіе слѣдующихъ недѣль событія смѣняли другъ друга съ головокружительною быстротой, и Доминикъ Иглезіасъ, котораго не оставляло чувство безконечной усталости, все сильнѣе сталъ желать отдыха и свободы, ожидавшихъ его, какъ онъ твердо вѣрилъ, въ дали грядущаго.

Наканунѣ онъ закончилъ свою работу въ банкѣ. Поведеніе вызваннаго телеграммою сэра Абеля было характерно. Сюртукъ его все еще висѣлъ на немъ мѣшкомъ, его грандіозное кресло и монументальный письменный столъ все еще казались черезчуръ велики для него; онъ сгорбился и сталъ совсѣмъ старикомъ. Но духомъ онъ уже успѣлъ воспрянуть и достигнуть прежнихъ высотъ. Вмѣстѣ съ приливомъ денегъ явился и приливъ торжественности, удвоилось снисходительно-покровительственное отношеніе къ людямъ, а рѣчь поражала еще бóльшимъ обиліемъ общихъ мѣстъ и банальностей.

— Итакъ, исполнивъ вашъ долгъ, вы намѣрены удалиться, другъ мой? Въ виду этого, намъ остается порадоваться возстановленію моего здоровья, дозволяющаго мнѣ снова принять на себя бремя отвѣтственности, и потому ни я, ни мои компаньоны

*) См. выше: ноябрь, стр. 256.

не можемъ протестовать противъ вашего ухода—въ силу нашего долга по отношенію къ самимъ себѣ. Прежде чѣмъ мы разстанемся, однако, я долженъ сказать, что оказанное намъ въ финансовомъ мірѣ довѣріе явилось вполнѣ заслуженнымъ. Нашъ банкъ вышелъ изъ этого испытанія съ честью, заслуживъ удвоенныя симпатіи и уваженіе со стороны общества.

Онъ долго развивалъ эту тему и по привычкѣ возводилъ глаза на свой портретъ, который такъ же мало походилъ на него теперь, какъ наполненный воздухомъ, готовый къ отлету шаръ походитъ на тотъ же шаръ, когда изъ него болѣе чѣмъ наполовину выкачали воздухъ и онъ готовится повиснуть какъ тряпка.

— Что же касается до вашей роли въ это тревожное время, Иглезіасъ, то мнѣ приходится поблагодарить васъ отъ имени своего и моихъ компаньоновъ. Не скрою, что существовало враждебное вамъ теченіе, у насъ находили вашъ методъ устарѣлымъ, не отвѣчающимъ современнымъ условіямъ, но вы оправдали мое довѣріе, и я надѣюсь, что впредь мои компаньоны безъ всякаго колебанія обратятся къ вамъ—въ случаѣ необходимости.

Сэръ Абель остановился, ожидая знаковъ одобренія. Иглезіасъ поблагодарилъ его съ ироническою вѣжливостью.

— Ваше заявленіе очень успокоительно для меня, сэръ Абель.

Банкиръ подозрительно взглянулъ на него, но затѣмъ снова заговорилъ, еще болѣе расплываясь въ самодовольствіи. Награждать заслуги по достоинству—всегда было у него въ обычаѣ. Онъ долженъ сказать откровенно, что находитъ результаты операцій Иглезіаса прекрасными. Примѣръ—великое дѣло: Иглезіасъ былъ много лѣтъ у него подъ началомъ, прошелъ его школу, и его, сэра Абеля, собственныя превосходныя качества отразились на немъ.

Наступила вторая пауза, и Доминикъ началъ ощущать нетерпѣніе. Онъ все же надѣялся, что удары судьбы не останутся безъ вліянія даже на сэра Абеля, но долженъ былъ убѣдиться, что лишь отсутствіе перьевъ дѣлаетъ гусей смиренными, а какъ только перья отростутъ, они принимаются гоготать попрежнему.

— Документы и корреспонденція—въ полномъ порядкѣ, сэръ Абель,—сказалъ онъ,—и если вы ничего болѣе не имѣете сказать мнѣ, я не стану отнимать ваше драгоцѣнное время.—Поклонившись, онъ пошелъ къ двери, но банкиръ окликнулъ его.

— Иглезіасъ, на одну минуту... А вопросъ о вашемъ вознагражденіи?

— Мнѣ помнится, я поставилъ его вполнѣ опредѣленно, сэръ Абель,—холодно отвѣтилъ Доминикъ.

— Да, въ первую минуту, но, можетъ быть, потомъ вы передумали и считаете вашу пенсію недостаточнымъ вознагражденіемъ; наконецъ, мы должны уплатить вамъ жалованье за эти полгода.

При этой поздней и не совсѣмъ тактичной оцѣнкѣ его собственнаго рыцарскаго отношенія къ дѣлу, у Иглезіаса особенно заблестѣли глаза и онъ закусилъ губу.

— Я не имѣю обыкновенія передумывать, сэръ Абель; я безвозмездно предложилъ въ ваше распоряженіе имѣющіеся у меня способности и опытъ. Есть обстоятельства, дѣлающія для меня невозможнымъ принять какое-либо возгнагражденіе—помимо моей пенсіи—отъ васъ и другихъ членовъ вашей фирмы.

Сэръ Абель, поднявшійся съ кресла, снова въ него опустился, и глазки его опять подозрительно уставились на Иглезіаса, но такъ какъ заподозрить сарказмъ въ словахъ „служащаго" было невозможно, онъ отвѣтилъ съ благосклонною снисходительностью:

— Довольно, другъ мой! Этого вполнѣ достаточно. Я не стану васъ долѣе задерживать, но только прибавлю, что я цѣню вашу деликатность. Это доказываетъ, насколько сношенія съ нашею фирмою были во всѣхъ отношеніяхъ цѣнны для васъ, и я радъ, что вы это признали.

Возвращаясь домой—на верху омнибуса, Доминикъ мысленно улыбался, вспоминая этотъ разговоръ. Онъ былъ радъ, что успѣлъ сдержаться. Чего иного онъ могъ ожидать отъ сэра Абеля? Въ смыслѣ удовлетворенія самолюбія онъ могъ утѣшиться лестными отзывами многихъ извѣстныхъ финансистовъ, стоявшихъ во главѣ крупныхъ фирмъ, которые выразили ему свое уваженіе и оцѣнили по достоинству его замѣчательныя дѣловыя способности, честность и проницательность. Наконецъ, высшее самоудовлетвореніе его заключалось въ сознаніи, что онъ выполнилъ свою задачу.

Сидя на верхушкѣ омнибуса, онъ невольно проводилъ параллель между прежними годами и послѣднимъ временемъ.

Теперь, хотя утомленный тѣломъ и духомъ, онъ завершилъ первый трудовой періодъ; жизнь его поставлена въ новыя условія,—онъ чувствуетъ себя свободнымъ, какъ никогда, а главное—духъ его вполнѣ спокоенъ. Одиночество и надвигающаяся старость—перестали пугать его. Корабль его уже не несется безъ руля и безъ вѣтрилъ, но безстрашно плыветъ къ надежной гавани; дологъ ли, коротокъ ли будетъ путь—это уже не его забота.

Сегодня чудовище, именуемое Лондономъ, имѣло задумчивый, кроткій видъ. И на немъ сказывалась меланхолическая прелесть

ранней осени. Городъ словно помолодѣлъ, сталъ одухотвореннѣе, какъ грѣшница, очистившаяся покаяніемъ и слезами. Воздухъ былъ чистъ и отличался прозрачностью, которая бываетъ послѣ обильныхъ дождей, смѣняющихъ сильную жару. Порѣдѣвшая листва деревьевъ отливала всѣми желтыми тонами—отъ золотистаго до мѣднокраснаго. Сѣрые и красные дома отчетливо, но не рѣзко выдѣлялись на фонѣ грустнаго, блѣдно-голубого неба, усѣяннаго длинною вереницею медленно тянувшихся облаковъ...

Порою издали налеталъ тихій вѣтерокъ, приносившій съ собою дуновеніе не надеждъ, но скорѣе — глубокихъ, нѣжныхъ сожалѣній; онъ вѣялъ чѣмъ-то прощальнымъ, и Доминику казалось, что онъ говоритъ о невозвратно ушедшемъ, объ отреченіи, о томъ, что̀ зовется забвеніемъ, хотя бы только наружнымъ.

Невольно глаза его наполнились слезами, но затѣмъ онъ разсердился на себя. На что̀ онъ жалуется? Неужели воля его такъ слаба, что свѣтлыя откровенія окутываются туманомъ, и голосъ природы нарушаетъ его душевное спокойствіе?

Онъ поднялъ глаза, и взоръ его машинально остановился на гигантской ярко-розовой афишѣ. На ней крупными буквами было напечатано о сегодняшнемъ открытіи „Театра Двѣнадцатаго Вѣка“ новою пьесою извѣстнаго драматурга Антони Гэммонда, съ участіемъ м-ссъ Пеппи Сентъ-Джонъ въ главной роли.

XXVIII.

У церкви S.-Mary Abbot Доминикъ сошелъ съ омнибуса. Глаза его все еще были ослѣплены пылающими какъ зарево афишами: Ліонель Гордонъ, антрепренеръ, не поскупился на рекламу, и онѣ красовались на всѣхъ омнибусахъ.

Доминикъ съ удвоеннымъ интересомъ перенесся мыслью къ „своей дамѣ“, которую онъ видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ послѣ репетиціи. Она просила его не быть на спектаклѣ.

— Дѣло идетъ какъ по маслу,—сказала она,—но все же, если вы любите меня, не приходите: вы страшнѣе для меня, чѣмъ девяносто-девять критиковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Я ужасно хочу васъ видѣть, не сомнѣвайтесь въ томъ, и я стану играть такъ, какъ если бы вы были въ театрѣ. Но—понимаете ли?—если бы я дѣйствительно васъ увидѣла, я забыла бы о роли. Я сейчасъ же извѣщу васъ о результатѣ, но лучше, если моя первая „схватка“ съ публикою произойдетъ одинъ на одинъ. И затѣмъ, при первомъ представленіи, — какъ со стороны исполненія, такъ и со

стороны публики,—всегда есть шероховатости, которыя сглаживаются впослѣдствіи. Новая пьеса—все равно что новая лодка: еще не все въ ней на мѣстѣ. Поэтому будьте кротки какъ агнецъ: потерпите!

Доминикъ согласился и посвятилъ ближайшіе дни ликвидаціи своихъ дѣлъ. Утромъ онъ покончилъ съ банкомъ Баркингъ и К°, а вечеромъ ему предстояло разстаться съ Кедровымъ коттэджемъ. Видъ пестрыхъ афишъ и мысли объ успѣхѣ Пеппи—не могли отвлечь, однако, Доминика отъ мысли, что все въ жизни его какъ-то идетъ къ неизбѣжному концу, и онъ невольно отдавался меланхолическимъ предчувствіямъ, покуда не свернулъ по хорошо знакомой ему дорогѣ въ Holland-Street—къ своему дому. Старый домъ, гдѣ умерла его мать и протекла юность его, снова сталъ его домомъ. Снова онъ переступитъ его порогъ, какъ хозяинъ. Но какая разница съ прошлымъ! Теперь подъемъ въ гору кажется ему тяжелымъ. Стоя со шляпою въ рукѣ и подставляя лобъ освѣжающему мягкому вѣтерку, Доминикъ вспоминалъ свой разговоръ съ Пеппи на ея балконѣ, въ этотъ обвѣяный лунными чарами, упоительный часъ ихъ дружбы, когда они говорили о „послѣднемъ откровеніи". Изъ ближайшей церкви, словно вторя его думамъ, доносились звуки органа. Ему почудилось въ этихъ звукахъ благословеніе.

— In te, Domine, speravi!—тихо прошептали его губы.

У дома стоялъ крытый фургонъ съ мебелью; изъ его пещероподобной внутренности люди въ бѣлыхъ фартукахъ извлекали мебель и переносили ее черезъ дворъ въ домъ. Троттуаръ былъ усѣянъ обрывками бумаги, которые подхватывалъ по временамъ и кружилъ вѣтеръ, а посреди всего этого безпорядка, слѣдя съ недоумѣніемъ и живѣйшимъ интересомъ за распаковкою, стоялъ забавнаго вида, толстый, короткорукій и коротконогій человѣчекъ.

Латинская раса не считаетъ необходимымъ слѣдовать примѣру англосаксонской—по истеченіи дѣтскихъ лѣтъ, тщательно подавлять въ себѣ движенія сердца,—а потому Доминикъ не устыдился того факта, что видъ стараго товарища, разошедшагося съ нимъ за послѣдніе мѣсяцы, пробудилъ въ немъ чувство искренней нѣжности. Ему вдругъ показалось такимъ недостойнымъ и мелочнымъ — питать противъ кого бы то ни было недружелюбныя чувства, на что-то обижаться, помнить какія-то обиды! Близость верховнаго вѣчнаго приговора — не повелѣваетъ ли намъ позаботиться о взаимномъ прощеніи всѣхъ временныхъ обидъ?!

Поэтому, послѣ мгновеннаго колебанія, онъ подошелъ къ Джорджу Лёвгровъ и, положивъ ему руку на плечо, назвалъ его по имени.

— Доминикъ! — воскликнулъ тотъ и вытаращилъ глаза.— Вотъ чудеса! Не думалъ я встрѣтить васъ случайно, да еще при такихъ обстоятельствахъ!

Онъ багрово покраснѣлъ: радость и смущеніе боролись въ немъ. Онъ добросовѣстно пытался сохранить вѣрность общепринятымъ въ его кругу предразсудкамъ. Передъ нимъ стоялъ „паписть“ — гонитель истины, врагъ домашняго очага, поклоняющійся бездушнымъ идоламъ. Но, съ другой стороны, онъ чтилъ его умъ, высоко цѣнилъ его дружбу, восхищался его личностью.

Видя Иглезіаса, Джорджъ ощущалъ то же, что человѣкъ, вновь нашедшій утраченное имъ сокровище. Смущенный, растерянный, онъ смотрѣлъ на Доминика робко-восторженнымъ взглядомъ влюбленной дѣвицы на предметъ своего обожанія.

— Даю вамъ слово, что во всю мою жизнь я не былъ такъ пораженъ!—заговорилъ онъ сбивчиво. — Случилось такъ, что я именно вспоминалъ о старыхъ временахъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что кто-то переѣзжаетъ въ бывшій вашъ домъ. Но я не имѣлъ понятія о томъ, что встрѣчу васъ. Я прямо не могу придти въ себя... Не нахожу словъ—именно потому, что хочется сказать слишкомъ многое. Я знаю, что обязанъ дать вамъ объясненія... И вдругъ вы назвали меня по имени! Это до того потрясло меня, словно я услышалъ голосъ изъ могилы...

— Оставьте всякія объясненія!—мягко сказалъ Доминикъ.— Вы больше не желаете ссориться со мною? Этого довольно.

— Нѣтъ, не желаю и не могу. Безпринципенъ я или нѣтъ —не знаю, но только я не въ состояніи отказаться отъ васъ.

Онъ вынулъ платокъ и отеръ себѣ лицо.

— Безпринципность, такъ безпринципность!—махнулъ онъ рукою.—Честное слово, Доминикъ, я крѣпился, покуда могъ!

— Я думаю, что вы менѣе пострадаете отъ возобновленія нашей дружбы, чѣмъ полагаете,—отвѣтилъ Доминикъ, невольно улыбнувшись.

— Такъ и жена говоритъ... Она, жена моя, сильно измѣнила свое мнѣніе. Не потому ли, что она поссорилась съ м-[illegible]съ Парчеръ и миссъ Гартъ? Очень трудно услѣдить за работ[illegible]о, совершающеюся въ женскомъ мозгу, Доминикъ. Даже послѣ м[illegible]гихъ лѣтъ брака оно затруднительно. Изъ противорѣчія дру[illegible]й особѣ своего пола женщина способна горячо вступиться за т[illegible], на кого только-что сейчасъ нападала. Однажды я нашелъ ж[illegible]у

совсѣмъ разстроенною, вслѣдствіе извѣстія о томъ, что вы покидаете Кедровый коттэджъ. Она намекнула, что это—моя вина, но я могу сказать по совѣсти, что поведеніе мое было вызвано именно опасеніемъ оскорбить ея чувства...

Онъ безпомощно взглянулъ на м-ра Иглезіаса.

— Я очень признателенъ м-ссъ Лёвгровъ за ея заступничество,—сказалъ Доминикъ, которому стало жаль бѣдняка, борющагося съ осложненіями, вызываемыми дружбою — съ одной стороны, религіозными предразсудками и женскими капризами— съ другой.

— Вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ я рѣшилъ покинуть Кедровый коттэджъ, но не желаю вводить м-ссъ Лёвгровъ въ заблужденіе относительно моей хозяйки и ея подруги. Мнѣ не на что пожаловаться. Во время моего долголѣтняго у нихъ пребыванія онѣ относились ко мнѣ со вниманіемъ и любезностью. Я желаю имъ всего хорошаго. Но я почувствовалъ, что для меня пришла пора—оставить Кедровый коттэджъ.

Тутъ воображеніе достойнаго Джорджа широко развернуло свои крылья. Ему представились одновременно два видѣнія: монастырская келья и прекрасная женщина въ розовомъ платьѣ и дорогомъ манто.

— Конечно, я утратилъ всякія права на ваше довѣріе, Доминикъ,—заговорилъ онъ смиренно и поспѣшно,—я вполнѣ это сознаю. Я думалъ, что разошелся съ вами—принципа ради, что я обязанъ быть стойкимъ. Теперь я начинаю опасаться, что я былъ лишь трусомъ и упрямцемъ. Ваша доброта совсѣмъ сразила меня. Я вижу, насколько вы великодушнѣе. И теперь мнѣ еще больнѣе, что приходится разстаться съ вами.

— Почему должны мы разстаться?

— Но вы вѣдь уѣзжаете? Женѣ кто-то говорилъ, что вы совсѣмъ покидаете Лондонъ: не то поступаете въ монастырь, не то женитесь?..

Иглезіасъ съ улыбкою покачалъ головою.

— Нѣтъ, милый другъ. Молва упомянула мое имя всуе. Я одинаково не гожусь для монашеской и для брачной жизни. Пора смѣлыхъ порывовъ миновала; я умру, какъ и жилъ, холостякомъ и міряниномъ. Я останусь даже вашимъ сосѣдомъ, хотя переѣзжаю сюда,—онъ указалъ на открытую калитку, въ которую перевозчики вносили мебель,—въ мой старый домъ. За послѣднее время мною овладѣла тоска по дому, по одиночеству, за исключеніемъ двухъ дорогихъ друзей. Я хочу заняться изученіемъ великой философіи, примиряющей земное съ небеснымъ,

которая зовется религіей. И прежде чѣмъ мнѣ придется подвести окончательный балансъ, я хотѣлъ бы приблизиться къ живому источнику этой мудрости...

Иглезіасъ говорилъ со сдержаннымъ энтузіазмомъ; Джорджъ Лёвгровъ растерянно и тревожно слѣдилъ за нимъ.

— Ахъ, все это — выше моего пониманія! Ошибаетесь вы или нѣтъ, но вашъ умъ занятъ тѣмъ, что̀ совершенно недоступно для меня. Я раньше предполагалъ, что къ католическому мистицизму можетъ придти лишь суевѣрный или невѣжественный человѣкъ. Я ошибался, и прошу васъ простить меня, Доминикъ...

Тутъ онъ вдругъ замолкъ и обезпокоился.

— Но вы больны, Доминикъ! Вотъ чѣмъ все объясняется! Вы больны. Только теперь я замѣтилъ, какъ вы измѣнились и похудѣли въ лицѣ! Я не прощу себѣ, что не замѣтилъ этого ранѣе. Я отстранился отъ васъ, осуждалъ васъ, думалъ о васъ съ горечью, даже—завидовалъ вамъ, узнавъ, какъ блистательно вы провели дѣло въ банкѣ. Я — низкое, презрѣнное существо. Нѣтъ, я никогда не прощу себѣ... Я нашелъ васъ для того, чтобы снова потерять васъ. Вы больны. Вы страдали, а я даже не зналъ объ этомъ...

Доминикъ попытался его успокоить. Можетъ быть, здоровье его и плохо, но̀ это ничего не значитъ, ухудшенія не предвидится. Теперь онъ свободенъ; тихая, спокойная жизнь укрѣпитъ его силы.

— Когда я переѣхалъ отсюда, восемь лѣтъ тому назадъ,— продолжалъ онъ,—у меня не хватило духу разстаться со старою обстановкою. За исключеніемъ вещей, взятыхъ мною въ Кедровый коттэджъ, все остальное я отправилъ въ складъ. Теперь онѣ выплыли на свѣтъ Божій. У меня двое хорошихъ слугъ,—мнѣ посчастливилось въ этомъ отношеніи. И ваша дружба въ концѣ концовъ возвращена мнѣ. Я былъ бы неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы при такихъ обстоятельствахъ не постарался прожить какъ можно долѣе. Поэтому не печальтесь. Мы еще выкуримъ немало послѣобѣденныхъ трубокъ и не разъ потолкуемъ о старыхъ временахъ. Войдемте въ домъ,—тамъ все попрежнему. Не счастливое ли это предзнаменованіе, что вы — другъ моего дѣтства—будете моимъ первымъ гостемъ по возвращеніи моемъ домой?

XXIX.

Декурси-Смитъ не былъ пьянъ, но онъ выпилъ лишнее, какъ дѣлалъ это всегда въ дни сильнаго возбужденія и обман-

чивыхъ надеждъ, для того, чтобы подвинтить расшатанные въ конецъ нервы. Послѣдствіемъ этого всегда бывала смѣна настроеній — истерическая повышенность тона и похвальба смѣнялись обыкновенно придирчивостью и слезливостью.

Первый „утренникъ“ его ознаменовался полнымъ проваломъ пьесы,—несмотря на обиліе даровыхъ билетовъ и на широкую рекламу. Со вторымъ вышло еще хуже. Благожелательная часть публики ускользала во время антрактовъ для того, чтобы не возвращаться, а недружелюбная осталась съ тѣмъ, чтобы свистать и шикать. Для всѣхъ, кромѣ автора, полнѣйшій провалъ былъ очевиденъ. Пьеса погибла въ моментъ своего рожденія.

Доминикъ Иглезіасъ, вернувшійся въ свои наполовину опустѣвшія комнаты въ Кедровомъ коттэджѣ, еще не зналъ о трагическомъ крушеніи стольких неосновательныхъ надеждъ. Онъ пообѣдалъ у себя „на новосельѣ“; служилъ ему Фредерикъ, нѣмецко-швейцарскій лакей м-ссъ Парчеръ, который, заявивъ ей о своемъ уходѣ, предложилъ на трехъ языкахъ свои услуги м-ру Иглезіасу на томъ основаніи, что остающіеся жильцы— „внѣ класса“, и онъ считаетъ ниже своего достоинства чистить ихъ платье и служить имъ за столомъ.

Иглезіасъ долго просидѣлъ у себя, радуясь присутствію стараго друга и знакомой обстановкѣ. Онъ былъ спокоенъ духомъ, какъ бываютъ спокойны сильные люди, познавшіе тайну отреченія. Радуясь всему свѣтлому въ жизни, они уже успѣли внушить себѣ необходимость примиренія, и въ дѣлахъ міра сего не питаютъ ни великихъ надеждъ, ни великихъ опасеній. Въ такомъ состояніи духа онъ переступилъ порогъ Кедроваго коттэджа и вошелъ въ свою бывшую гостиную. Но какъ только дверь затворилась, онъ инстинктивно ощутилъ чье-то присутствіе. Газъ былъ почти спущенъ, и Доминикъ споткнулся о какой-то стоявшій у камина предметъ, оказавшійся кресломъ, въ которомъ дремалъ Декурси-Смитъ, съ проклятіемъ вскочившій на ноги.

— Это чтò за свин?...—воскликнулъ онъ, снова тяжело опускаясь въ кресло.

Доминикъ повернулъ рожокъ.

— Едва-ли было необходимо натыкаться на меня при входѣ, м-ръ Иглезіасъ,—заявилъ онъ, не дѣлая даже попытки встать;— впрочемъ всѣ теперь меня лягаютъ, въ томъ числѣ и безкорыстный покровитель. Вы видѣли вечернія газеты?

Дрожащими руками онъ вытащилъ смятый листокъ и разгладилъ его на колѣнях.

— Посмотрите, какъ это жалкое пресмыкающееся, Перси Дже-

рардъ, мой преемникъ въ „Вечернемъ Листкѣ", искрошилъ на куски мою пьесу—куски живого мяса изъ моего собственнаго тѣла!—и облилъ мои раны сѣрною кислотою лицемѣрнаго сожалѣнія и добрыхъ совѣтовъ! Таковъ отзывъ о пьесѣ, могущей стать на ряду съ классиками. Я уже говорилъ вамъ: критики и драматурги ненавидятъ меня, такъ какъ они мнѣ завидуютъ. Я никогда не щадилъ ихъ, я обличалъ ихъ невѣжество,—теперь они сговорились и сразу отомстили мнѣ за все. Это—гнусный заговоръ. Все было подкуплено, постыдно подкуплено. Вотъ—единственное объясненіе случившагося. Даже актеровъ они подкупили. На репетиціяхъ тѣ играли лучше, а тутъ они дѣлали чортъ знаетъ что̀: путали выхода̀, перевирали слова—случайно или умышленно,—и фыркали въ кулакъ... Я хотѣлъ закричать на нихъ изъ-за кулисы, но режиссеръ выругалъ меня, а рабочіе смѣялись... Настоящій кошмаръ! Публика хохотала, и этотъ хохотъ стоитъ у меня въ ушахъ, преслѣдуетъ меня... Они смѣялись *нарочно*—эти глупцы, предатели, обезьяны, человѣческое ничтожество!

Онъ скомкалъ газету, швырнулъ ее и захныкалъ. Пьеса его—геніальное произведеніе! Ее осудила безмозглая публика и мстительная пресса, но онъ—геній, ни болѣе, ни менѣе какъ геній!

Доминикъ молча слушалъ, угнетаемый тяжелымъ чувствомъ. Какъ ни заслуженно было это крушеніе, какъ ни отвратителенъ этотъ человѣкъ въ своемъ свирѣпомъ, чудовищномъ эгоизмѣ, зрѣлище чьей бы то ни было гибели не можетъ быть пріятно, а Декурси-Смитъ былъ, очевидно, погибшимъ человѣкомъ.

Но Декурси пересталъ жаловаться, глаза его налились кровью.

— Я забылся, м-ръ Иглезіасъ, и забылъ о васъ. Отъ васъ я менѣе всего жду и желаю выраженія симпатій. Люди моего склада—идеалисты, таланты, и люди вашей категоріи, дѣльцы—не имѣютъ между собою ничего общаго. Простите, что я заговорилъ о вещахъ, недоступныхъ вашему кругозору. Я понимаю, впрочемъ, цѣль вашего прихода: ваши деньги безвозвратно потеряны. Вы этого не ждали?

— Я не былъ совсѣмъ къ этому неподготовленъ,—сказалъ Доминикъ, начиная терять терпѣніе въ виду черезчуръ вызывающаго тона собесѣдника,—я вполнѣ примирился съ ихъ потерей. Пусть это не тревожитъ васъ.

— Вы примирились? Вы были подготовлены? Вы спокойно можете выбросить триста фунтовъ? Какъ это должно быть вамъ пріятно! Очевидно, ваши послѣднія операціи въ Сити оказались очень выгодными? Я и не подозрѣвалъ, что среди насъ проживаетъ милліонеръ! Ха! ха! Но позвольте вамъ сказать, что вашъ ю-

кровительственный тонъ мнѣ не нравится, м-ръ Иглезіасъ! Мнѣ чуется въ немъ оскорбленіе... Совѣтую вамъ быть осторожнѣе и не доводить до крайности даже такого нищаго, какъ я! Неужели, вы думаете, я не понимаю, что деньги, которыми вы такъ, повидимому, безкорыстно меня снабжали, были попросту—платою за мое молчаніе? Вы подкупали меня за то, чтобы я молчалъ о вашихъ отношеніяхъ съ моей женою...

— Не будемъ упоминать женскаго имени въ этомъ разговорѣ!—сурово прервалъ Иглезіасъ.

Долготерпѣнію его насталъ предѣлъ. Лицо его побѣлѣло и какъ-то заострилось,—оно стало похоже на лезвіе кинжала. Пламя негодованія и презрѣнія, вспыхнувшее въ немъ, словно уничтожило гнетъ недуга и лѣтъ,—какъ солнце разгоняетъ туманъ. Онъ казался молодымъ, смѣлымъ и сдѣлался похожъ на одного изъ тѣхъ гидальго пятнадцатаго вѣка, которые, презирая опасность, готовы были безъ угрызенія совѣсти положить на мѣстѣ человѣка, затронувшаго ихъ честь. Это было настолько выразительно, что и полупьяный Декурси понялъ это и, вскочивъ на ноги, поспѣшилъ укрыться за спинкою кресла.

— Не глядите на меня такъ страшно, испанскій вы дьяволъ!—воскликнулъ онъ.—Вы парализуете меня, вы меня гипнотизируете... Если вы подойдете ко мнѣ, я закричу. А? Слава Богу! Что̀ такое?

Вошла горничная, принесшая на подносѣ телеграмму. Позади нея, въ амбразурѣ отворенной двери, виднѣлись лица Фарджа и Уортинигтона, выражавшія комическое любопытство.

— Телеграмма, сэръ. Не будетъ ли отвѣта? Разсыльный ждетъ.

Доминикъ прочелъ:

„Рѣдкій успѣхъ. Безумно счастлива. Жду завтра къ ужину. Люблю.—Пеппи“.

— Отвѣта не будетъ,—проговорилъ Доминикъ, и лицо его сразу смягчилось. Онъ обернулся въ сторону Декурси-Смита, желая его успокоить, но тотъ уже успѣлъ выскользнуть изъ комнаты, а м-ръ Фарджъ, въ порывѣ неукротимой веселости, прикрылъ его отступленіе, выступая позади него отчаяннѣйшимъ кэкъ-уокомъ — съ подниманіемъ колѣнъ чуть не до подбородка.

Нѣкоторое время Доминикъ слышалъ надъ своею головой шаги Декурси-Смита, затѣмъ слышно было, какъ тотъ кинулся на свой матрацъ съ изломанными пружинами. Потомъ наступило молчаніе, и Доминикъ успокоился, подумавъ, что злополучный авторъ заснулъ.

Онъ самъ не могъ заснуть; тѣло его было слишкомъ утомлено, духъ—черезчуръ возбужденъ.

Онъ тоже легъ, такъ какъ не желалъ сидѣть въ наполовину пустой гостиной. Но въ теченіе всей ночи глаза его глядѣли въ темноту, и онъ слышалъ бой часовъ. Къ ночи вѣтеръ стихъ, но передъ разсвѣтомъ онъ снова поднялся; сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче зашумѣлъ подъ окномъ старый кедръ, разсказывая своему товарищу о далекихъ краяхъ, о бренности человѣческой жизни по сравненію ея съ природою.

Этотъ шелестъ успокоилъ и усыпилъ Иглезіаса, внушая ему увѣренность, что всѣ мы подвластны иному, высшему, непостижимому для разума закону, и потому величайшею мудростью является вѣра.

По мѣрѣ того какъ разгоралась заря, вѣтеръ стихалъ. Доминикъ откинулъ драпировку и посмотрѣлъ въ окно. Позади черныхъ вѣтвей все небо ярко алѣло — торжествомъ побѣды, радостью достиженія, и Доминику показалось, что оно напоминаетъ своимъ оттѣнкомъ цвѣтъ афишъ, испещрявшихъ омнибусы, и—женское имя, одновременно нѣжное и пламенное.

XXX.

Доминикъ Иглезіасъ уже около получаса дежурилъ у театральнаго подъѣзда въ узкомъ темномъ переулкѣ, слабо освѣщенномъ газовыми фонарями.

Небольшая кучка людей, очевидно имѣвшая отношеніе къ служащимъ въ театрѣ, среди которой было нѣсколько юныхъ поклонниковъ искусства, почти разсѣялась. Уѣхали въ своихъ экипажахъ и двое джентльменовъ солиднаго вида — мужья или друзья артистокъ, и Доминикъ остался одинъ—съ тревожащими его мыслями. Дама его все не показывалась, а ему такъ хотѣлось поскорѣе увидѣть ее и разрѣшить хотя одинъ изъ мучительныхъ вопросовъ. Ему становилось тяжело и даже какъ-то неловко, но вдругъ послышался шелестъ платья, и онъ увидѣлъ Пеппи—въ бархатѣ и въ чемъ-то серебристомъ, окутывавшемъ ея голову и плечи.

Она схватила руку Иглезіаса, прижала ее къ своей груди, и у него мелькнула странная мысль, что, несмотря на свою красоту, яркую индивидуальность и богатый костюмъ, она не казалась не у мѣста въ этомъ темномъ, подозрительномъ переулкѣ. Она была настоящею дочерью большого города, каждый отзвукъ котораго былъ ей понятенъ.

— Садитесь въ карету, милый другъ, и поговоримъ. Откройте

окно. Я безумно тревожилась о васъ... Почему вы не были въ театрѣ? Я играла какъ ангелъ, прямо съ отчаянія,—думая: не больны ли вы? Публика плакала — настоящими слезами, дай ей Богъ здоровья! Но роль моя была тутъ ни при чемъ. Все это— было изъ-за васъ. Я нарочно „затягивала" — такъ тяжела мнѣ была мысль о томъ, что придется возвращаться домой безъ васъ. Самый милый и невѣрный изъ людей, что̀ васъ задержало?

Иглезіасъ, видя ея счастливое лицо въ рамкѣ черныхъ волосъ, то озаряемое свѣтомъ огней, мимо которыхъ они проѣзжали, то словно задергивавшееся тѣнью, не могъ заговорить о томъ, что̀ лежало у него на душѣ, и отравить ей часъ ея торжества.

— Пьеса хорошо сошла? Вы счастливы?

— Чудесно сошла! Я боялась, что за эти годы увлеченія... ну, скажемъ: любовью, я отстала отъ искусства, но—нѣтъ! Я достигла бо̀льшей зрѣлости и законченности. Не думайте, милый, что я хвастаюсь. У меня есть желаніе работать и совершенствоваться. Но вы хотите, какъ я вижу, отвлечь меня отъ главнаго? Почему вы не были?

— Я съ радостью пріѣхалъ бы. Я огорченъ не менѣе васъ, но меня задержали—до поздняго часа.

— Кто? — Пеппи тряхнула головою.—Вы не должны были этого допускать! Я иду въ первую голову... Я обижена, милый, право, обижена.

— Повѣрьте мнѣ, только исключительный случай могъ задержать меня,—сказалъ Иглезіасъ; къ его облегченію, экипажъ свернулъ на Langham-Place, и сдѣлалось возможнымъ говорить тише:—Прошлою ночью въ Кедровомъ коттэджѣ умеръ человѣкъ— при обстоятельствахъ весьма печальнаго характера, и мнѣ пришлось взять на себя исполненіе нѣкоторыхъ формальностей.

Иглезіасъ взглянулъ на нее и замѣтилъ, что покуда онъ говорилъ, выраженіе ея измѣнилось. Она сидѣла неподвижно, профиль ея рѣзко выдѣлялся на фонѣ стекла, губы слегка открылись—какъ будто отъ напряженнаго вниманія.

— Что̀ же... такое случилось?—спросила она.

— Человѣкъ этотъ перенесъ тяжелый ударъ,—онъ поставилъ всѣ свои надежды, всю свою будущность на одну ставку и потерпѣлъ неудачу. Онъ не могъ примириться съ этимъ фактомъ, и счелъ себя жертвою великой несправедливости и организованнаго противъ него заговора.

— Вы также въ это вѣрите?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Иглезіасъ;—я безконечно его сожалѣю,

какъ это сдѣлалъ бы всякій, но думаю, что причиною неуспѣха былъ онъ самъ: онъ слишкомъ высоко цѣнилъ свои силы.

Пеппи повелительно подняла руку.

— Постойте... Одну минуту! — проговорила она странным голосомъ, и, опустивъ переднее стекло, крикнула кучеру: — Не домой! Поѣзжайте далѣе — по болѣе пустымъ улицамъ... Не останавливайтесь, покуда я вамъ не скажу.

Закрывъ окно, она откинулась на подушки, сбросила шарфъ съ головы и плечъ и впилась глазами въ Иглезіаса. Лицо ея казалось очень блѣднымъ на темной обивкѣ кареты; глаза глядѣли вопросительно, со страхомъ и какою-то затаенною надеждой.

— Теперь вы можете говорить, милый другъ. Я готова выслушать васъ, хотя вся эта исторія отвратительна. Онъ умеръ, и, конечно, это было — самоубійство?

Иглезіасъ разсказалъ, что поутру служанки, почувствовавъ сильный запахъ газа, вошли къ Декурси-Смиту и нашли его уже холоднымъ и окоченѣвшимъ. На столикѣ валялась пустая стклянка отъ морфія.

Экипажъ безшумно катился; онъ обогнулъ Реджентсъ-паркъ и сталъ уже спускаться къ Finchley-Road. Въ домахъ почти не видно было огней, прохожіе встрѣчались все рѣже, а Пеппи сидѣла попрежнему неподвижно, уставясь глазами въ одну точку; свѣтъ и тѣни играли на ея лицѣ, дѣлая ее похожею на призрачное, не-реальное существо. Наконецъ она обернулась.

— Доминикъ, знаете ли вы, какое значеніе имѣетъ для меня то, что вы сообщили?

— До сихъ поръ я не зналъ навѣрное, но подозрѣвалъ.

— Онъ... этотъ человѣкъ говорилъ когда-нибудь обо мнѣ?

— Пытался, но я всегда его останавливалъ.

— Вы испугали его; я знаю, что вы можете это сдѣлать. Иногда приходится быть жестокимъ, и это ужаснѣе всего. Ахъ, эти слабые люди! Сколькихъ преступленій и грѣховъ они бываютъ виновниками, особенно когда слабый человѣкъ — мужчина, а сильный — женщина!

Она глядѣла Иглезіасу прямо въ лицо.

— Послушайте, я не хочу обѣлять себя. Что сдѣлано — то сдѣлано. Я не хочу разыгрывать невинность. Жизнь кое-что дала мнѣ, но взяла еще больше. Главная вина моя состояла не въ томъ, что я бросила его, а въ томъ, что я за него вышла. Это было преступленіемъ противъ любви, которая одна освящаетъ бракъ, не дѣлаетъ его оскорбленіемъ для гордости и чести женщины. Я вышла за перваго попавшагося изъ мелк

самолюбія, чтобы люди не видѣли, какъ я страдала оттого, что родные бѣднаго юноши, подарившаго мнѣ этотъ шарфъ, — помѣшали ему жениться на мнѣ. Затѣмъ мы, актеры, живя въ своемъ искусственномъ мірѣ, какъ-то утрачиваемъ чувство дѣйствительности. На насъ дѣйствуютъ слова. А Декурси умѣлъ говорить — о себѣ, конечно. Онъ увѣрялъ меня въ своей геніальности, и я желала увѣровать въ его геніальность. Тѣмъ болѣе, что я ни крошечки его не любила. ,

Пеппи потянула Иглезіаса за рукавъ.

— Вы видите, какъ это было? Вы понимаете? Я такъ хочу, чтобы вы поняли!

— Не бойтесь, дорогой другъ, — отвѣтилъ онъ нѣжно, — я смотрю на все вашими глазами.

— Но хуже всего тò, — губы Пеппи злобно искривились, — что человѣка можно узнать лишь послѣ свадьбы. Чудовищный эгоизмъ, мелкое тиранство, безсмысленная ревность... Лучше не останавливаться на этомъ. Сначала я всѣми силами пыталась поддерживать его, но затѣмъ, когда я увидѣла, что никакого таланта у него нѣтъ, а требовательность его и самомнѣніе все возрастаютъ...

Пеппи откинула волосы со лба и продолжала:

— Если хотите, онъ даже не сдѣлалъ ничего преступнаго въ глазахъ свѣта. Онъ не измѣнялъ мнѣ, потому что былъ равнодушенъ къ женщинамъ, и любилъ лишь самого себя.

Пеппи обернулась къ собесѣднику съ какою-то молящею улыбкой.

— Я не была порочной отъ природы, и, клянусь вамъ, выдерживала дольше, чѣмъ вообще бываетъ въ артистическомъ мірѣ. Но въ одинъ прекрасный день я уложила свои чемоданы — я была такова! Онъ всегда жаловался на меня, и это пробудило во мнѣ Каина: я захотѣла, чтобы у него былъ по крайней мѣрѣ поводъ къ жалобамъ. Я знала, что онъ никогда не дастъ мнѣ развода: ему нужно было держать меня на привязи, мучить, вытягивать у меня деньги...

Пеппи снова погрузилась въ молчаніе; лошади замедлили шагъ, минуты проходили.

— Ну, теперь со всѣмъ этимъ покончено. Онъ умеръ — естественною для себя смертью. Онъ былъ всегда худшимъ своимъ врагомъ. Богъ съ нимъ. Да покоится онъ съ миромъ.

— Аминь, — сказалъ Иглезіасъ. — Пусть его судитъ Богъ. А для васъ, дорогой другъ, періодъ испытанія кончился. Я поста-

раюсь принять мѣры, чтобы оградить его память отъ лишнихъ нареканій, и чтобы ваше имя не упоминалось.

Она схватила его руку и сжала ее.

— Почему все это должно было обрушиться именно на васъ, Доминикъ?

— По самой простой причинѣ. Вы сами сказали, что вы должны быть для меня на первомъ планѣ. Такъ оно и есть.

Но и слѣпое повиновеніе имѣетъ свои границы. Кучеръ вдругъ остановился. Замѣтивъ это, Доминикъ открылъ дверцу и пригласилъ Пеппи выйти. Погода хорошая, сухая,—они могутъ пройтись, ей надо освѣжиться.

— У васъ настоящій, не воображаемый талантъ, и теперь жизнь ваша войдетъ въ должное русло. Ступайте домой, отдохните, а завтра съ новыми силами принимайтесь за работу.

На улицѣ никого не было; небо задернулось облаками, и длинная улица, освѣщенная рядомъ тускло мерцавшихъ фонарей, казалась мостомъ, переброшеннымъ черезъ черную бездну. Она производила впечатлѣніе безконечнаго одиночества, отрѣшенности отъ всего земного.

Это такъ подѣйствовало на Пеппи, что, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она прижалась къ Иглезіасу и положила свою руку на его руку.

— Вслушайтесь въ это молчаніе,—прошептала она,—вглядитесь въ эту пустоту. Даже когда со мною—вы, я не люблю ея. Она слишкомъ ясно говоритъ о смерти,—о смерти, за которой нѣтъ новой жизни. Я успокоилась, въ душѣ моей нѣтъ ни горечи, ни укора.

Обернувшись назадъ, она испустила восклицаніе, замѣтивъ лежащій позади нихъ въ котловинѣ Лондонъ, надъ которымъ стоялъ какъ бы пламенный столпъ.

— Какъ я люблю его, какъ люблю! Вернемся туда, милый другъ! Я принадлежу ему, и онъ принадлежитъ мнѣ. Я должна играть для него, побѣждать его, чаровать его и овладѣть имъ, такъ какъ теперь я свободна, свободна, свободна!

XXXI.

Обращеніе Серены, хотя любезное, было надменно, почти царственно. Она имѣла случай видѣть коронованныхъ лицъ, и это отразилось на ней.

— Да! Я была на похоронахъ королевы. Лэди Сэмюэльсонъ желала непремѣнно, чтобы я присутствовала на нихъ, и

хотя у меня дома была масса приглашеній, я все же пріѣхала нарочно для этого случая. Лэди Сэмюэльсонъ выказала мнѣ столько участія въ прошломъ году, когда у меня было много непріятностей, что я считаю долгомъ пріѣзжать къ ней по первому приглашенію. А вы откуда смотрѣли на процессію, Рода?

— Я предпочла остаться дома, хотя Джорджъ очень меня уговаривалъ пойти съ нимъ. Вы такая тоненькая, Серена,—это совсѣмъ другое дѣло,—а я только причинила бы безпокойство себѣ и другимъ, и самое зрѣлище разстроило бы меня. Я не хотѣла портить удовольствіе бѣдному Джорджу.

— Въ такомъ случаѣ, конечно, было благоразумнѣе остаться дома. Я умѣю владѣть собою, я съ дѣтства этимъ отличалась, и это раздражаетъ порою Сюзанну.

— У нея болѣе пылкая натура,—замѣтила м-ссъ Лёвгровъ.— Дни ея супружескихъ несогласій миновали, и она снова возсѣдала на своемъ диванѣ въ благодушномъ настроеніи.

— Не знаю, пылкая ли у нея натура, или она просто не умѣетъ владѣть собою. У насъ были чудныя мѣста противъ Мраморной Арки. Въ сущности процессія не была такъ великолѣпна, какъ объ этомъ писали и говорили; но покуда вы сами чего-нибудь не увидите, вы не можете судить, и я очень бы жалѣла, если бы мнѣ не удалось быть на погребеніи. Но вы правы, Рода, что не поѣхали. Такъ непріятно—сильно толстѣть. Въ семьѣ мамы всѣ очень стройны, но Лёвгровы склонны къ полнотѣ, Джорджъ растолстѣлъ, и съ Сюзанною навѣрное будетъ то же самое. Мы съ нею ни въ чемъ не похожи.

— А слышали вы, что нашъ дорогой викарій назначенъ епископомъ въ Слоуби, Серена?—спросила м-ссъ Лёвгровъ, которой разговоръ о худобѣ и полнотѣ ихъ семьи начиналъ дѣйствовать на нервы.

— О, конечно,—отвѣтила Серена съ видомъ снисхожденія;— для меня, положимъ, это не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ я мало бываю дома, но въ Слоуби никто не знаетъ д-ра Невингтона, и потому всѣ обращаются къ намъ за справками о немъ. Это—громадное повышеніе для д-ра Невингтона: епископство послѣ здѣшняго прихода! Сюзанна очень рада; она сейчасъ же написала ему, и между ними завязалась переписка. Она сообщила ему, что его назначеніе встрѣчено всѣми очень сочувственно. Но *какъ* она можетъ это знать? Боюсь, что Сюзанна преувеличиваетъ свое значеніе. М-ссъ Невингтонъ, конечно, займетъ выдающееся положеніе, она—хорошая ораторша, и едва ли это понравится Сюзаннѣ...

Серена зазвенѣла стеклярусною отдѣлкою корсажа, поправила черный шолковый бантъ у ворота и закончила:

— Конечно, я могу ошибаться, но помяните мое слово, Рода, что Сюзанна и м-ссъ Невингтонъ не долго останутся друзьями.

— Я въ отчаяніи, что вы такъ думаете, Серена!—отвѣтила м-ссъ Лёвгровъ.

Снисходительный тонъ собственницы, какимъ говорила Серена о викаріи и супругѣ его, возмущалъ ее, и она сожалѣла, что затронула эту тему. Она вдругъ рѣшилась на смѣлую диверсію и обратилась къ Серенѣ съ вопросомъ: знаетъ ли она о томъ, что м-ръ Иглезіасъ покинулъ Триммеръ-Гринъ?

— Я положительно не знаю, какое право имѣете вы предполагать, что я знаю объ этомъ, Рода?—поспѣшно воскликнула та, утрачивая всякую царственность.—Вы, должно быть, имѣете странное понятіе о томъ кругѣ, въ которомъ я вращаюсь у лэди Сэмюэльсонъ или въ Слоуби, если воображаете, что я могла слышать тамъ о м-рѣ Иглезіасѣ! Если бы я не встрѣтила его у васъ, я никогда бы не слыхала о немъ, и это избавило бы меня отъ многихъ непріятностей. Тѣмъ не менѣе, я нахожу, что послѣ всего случившагося онъ хорошо сдѣлалъ, что оставилъ Триммеръ-Гринъ.

— Миссъ Элиза Гартъ!—доложила горничная.

Серена, противъ обыкновенія, не уступила мѣста новой гостьѣ и ограничилась самымъ сухимъ кивкомъ.

Хозяйка любезно обратилась къ новопришедшей и засыпала ее вопросами. Какъ здоровье м-ссъ Парчеръ? Всѣ ли комнаты заняты? Какой ужасный случай! Онъ такъ повліялъ на здоровье бѣднаго м-ра Иглезіаса. Да, къ сожалѣнію, онъ все еще очень боленъ. М-ръ Лёвгровъ посѣщаетъ его ежедневно. А какой у него прелестный уютный домикъ! Она только-что собиралась разсказать о немъ миссъ Лёвгровъ.

Тутъ Серена съ достоинствомъ поднялась и удалилась къ окну.

— Пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ, Рода,—сказала она черезъ плечо,—я не хочу мѣшать вашимъ разговорамъ. Я посмотрю изъ окна. Лэди Сэмюэльсонъ сказала, что если будетъ возможно, то она пришлетъ за мною карету. Она не была увѣрена, что ей удастся за мною прислать, но это можетъ случиться, и я сказала, что буду смотрѣть изъ окна, такъ какъ она не любитъ, чтобы лошади долго ждали въ такую холодную погоду.

Видъ изъ окна — обнаженныя вѣтви тополей и платановъ качаемыхъ вѣтромъ, сухая трава и остатки снѣга—не предста-

лялъ ничего привлекательнаго, и Серена смотрѣла на него гнѣвнымъ окомъ, думая о томъ, что Рода снова „зазналась“ и держитъ себя хуже прошлогодняго: вѣроятно, она помирилась съ Джорджемъ.

Затѣмъ она прислушалась къ разговору.

— Я не скрою, м-ссъ Лёвгровъ, что извѣстный вамъ джентльменъ держалъ себя очень хорошо въ то время, какъ у насъ въ домѣ случилось несчастіе; я готова отдать каждому справедливость. Но м-ссъ Парчеръ думаетъ, что все же намъ лучше не видѣться. Она должна заботиться о своей репутаціи, и ей неудобно бывать въ домѣ холостого человѣка, особенно въ виду... разныхъ толковъ... Конечно, она не откажется его принять, если онъ зайдетъ къ намъ. У нея золотое сердце.

— М-ссъ Парчеръ очень добра.

— Вотъ именно! И я даже думаю, что извѣстный вамъ джентльменъ, пожалуй, пожалѣетъ, да будетъ уже поздно... Есть другіе люди, моложе его, которые съумѣли оцѣнить достоинства м-ссъ Парчеръ. Я не имѣю права говорить покуда объ этомъ, но маленькая птичка прощебетала мнѣ, что м-ръ Чарли Фарджъ и спитъ и видитъ...

Миссъ Гартъ тряхнула своею львиною гривою и съ самымъ лукавымъ видомъ приложила палецъ къ губамъ. Но прежде чѣмъ хозяйка дома успѣла опомниться отъ остолбенѣнія, въ которое повергла ее эта новость, какъ послышался раскатистый пастырскій голосъ и пастырское присутствіе внесло оживленіе въ гостиную.

— Какъ поживаете, м-ссъ Лёвгровъ? Прихожу незваннымъ, но избраннымъ... Ха! Ха! Я встрѣтилъ вашего мужа, и онъ поощрилъ меня въ моемъ намѣреніи васъ навѣстить. Добрый день, миссъ Гартъ! Надѣюсь, что нашъ общій другъ, м-ссъ Парчеръ, здорова? А! вотъ и миссъ Серена Лёвгровъ! Какой пріятный сюрпризъ!

Серена быстро вернулась изъ добровольнаго изгнанія и встрѣтила епископа на правахъ близкой знакомой.

— М-ссъ Невингтонъ только-что получила письмо отъ вашей милой сестрицы, любезно предлагающей намъ остановиться покуда у васъ въ домѣ. Она сообщаетъ намъ нѣсколько адресовъ...

Серена ловкимъ маневромъ сѣла на диванъ рядомъ съ епископомъ, оттеревъ отъ него такимъ образомъ м-ссъ Лёвгровъ.

— Я не стѣсняю васъ, Рода? — проговорила она вскользь и, повернувшись къ ней плечомъ, продолжала: — Не знаю, какіе адреса могла вамъ дать Сюзанна, д-ръ Невингтонъ? Есть, конечно, Пріоратъ, но тамъ годами никто не жилъ. Есть еще

домъ въ Эбней-паркѣ; онъ хорошо расположенъ и окрестности пріятныя, но пріемныя комнаты малы. Сюзанна была очень дружна съ его хозяевами. Тамъ есть и башня.

— Ну, покуда намъ еще не до башенъ, миссъ Лёвгровъ. Неутвержденный въ должности епископъ—не может претендовать на роскошное помѣщеніе.

Тутъ несчастная хозяйка, ютившаяся на кончикѣ дивана, заговорила изъ-за непроницаемой преграды, рискуя вывихнуть шею:

— Это лишь вопросъ времени, д-ръ Невингтонъ. Всѣ у насъ въ приходѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что это назначеніе—лишь первый шагъ. Сохрани меня Боже думать о смерти нынѣшняго архіепископа, но, конечно, вы будете его преемникомъ.

— Едва-ли, едва-ли! — отвѣтилъ онъ скромно, но слова ея видимо были ему пріятны.

„Изъ устъ младенцевъ“... —процитировалъ онъ мысленно и, откинувшись на спинку дивана, продолжалъ:

— Какъ бы то ни было и хотя мнѣ душевно жаль разстаться съ моимъ приходомъ и Лондономъ, я не смѣю отказываться отъ болѣе широкаго поля дѣятельности. Вы знаете мои взгляды? Я никогда не скрывалъ ихъ, даже, порою, къ невыгодѣ для себя... А! вотъ и м-ръ Лёвгровъ! Мы заняты церковными вопросами; надѣюсь, что я не слишкомъ утруждаю вниманье дамъ? Въ Слоуби царитъ здоровый духъ истиннаго протестантизма, внесенный еще д-ромъ Кольгёрстомъ. Но и есть другія теченія. Я предупреждаю, что круто поступлю съ приверженцами этихъ доктринъ и постараюсь пресѣчь въ корнѣ всякія католическія тенденціи...

Покуда пастырскій голосъ рокоталъ и переливался, Джорджъ поздоровался съ Сереною, но въ его привѣтствіи не было прежняго почтительнаго восторга. Онъ казался озабоченнымъ и разстроеннымъ.

„Что̀ такое могло случиться съ Джорджемъ? — спрашивала она себя:—онъ такой же странный, какъ Рода. Я почти жалѣю, что пріѣхала, хотя, если бы я не пріѣхала, я не имѣла бы случая показать Родѣ, насколько я близка съ Невингтономъ. Наконецъ, эта противная миссъ Гартъ уходитъ! Что̀ за ужасная у нея блуза, и волосы какіе-то мокрые, на нихъ точно остались слѣды отъ гребенки... Я буду игнорировать Джорджа, но не уйду отсюда раньше д-ра Невингтона. Разумѣется, Миранда и не подумаетъ прислать за мною экипажъ. Но я покажу Джорджу и Родѣ, что они не могутъ выжить меня, покуда я не уйду сама“.

Придя къ этому любезному заключенію, она возобновила разговоръ о Слоуби.

Но д-ръ Невингтонъ вдругъ сдѣлался разсѣянъ и сталъ усиленно прислушиваться къ разговору между мужемъ и женою.

— Боюсь, что м-ру Иглезіасу не очень хорошо сегодня?— спрашивала м-ссъ Лёвгровъ самымъ ласковымъ тономъ.

Джорджъ печально покачалъ головою.

— Да, милая, и это очень меня разстроило. Я потомъ тебѣ скажу.

Докторъ Невингтонъ всталъ.

— Иглезіасъ? Я помню, что встрѣтилъ его у васъ. Это одно изъ моихъ упущеній по приходу. Его наружность мнѣ понравилась, и я намѣревался зайти къ нему, но за массою хлопотъ— забылъ.

Серена тоже поднялась. На каждой ея щекѣ горѣло по пятнышку, глаза моргали, ея маленькая голова высоко поднялась, и на мгновеніе передъ зрителями мелькнулъ призракъ юной Серены.

— Вы хорошо сдѣлали, что не зашли, д-ръ Невингтонъ! Въ м-рѣ Иглезіасѣ было много несимпатичнаго, непонятнаго, и вы сами, Рода, это признавали, хотя теперь вы, кажется, примирялись съ нимъ. Вы знаете, какія странныя у него были знакомства, и какъ постыдно и неожиданно онъ перешелъ въ католичество!

Холодный, острый взоръ бывшаго викарія скользнулъ по лицамъ присутствующихъ. Черты Джорджа выражали страхъ, мольбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и нѣкоторый вызовъ. Полныя щеки Роды вздрагивали, но ея добродушное существо было преисполнено благороднымъ негодованіемъ.

— Вы забываетесь, Серена,—воскликнула она,—и навѣрно раскаетесь въ вашихъ жестокихъ словахъ. Они могутъ произвести дурное впечатлѣніе и причинить горе другимъ...

Д-ръ Невингтонъ колебался, но Слоуби и епископство были для него на первомъ планѣ. Серена раздражала его, но ея сестра могла быть ему полезной.

— Что касается меня,—я одобряю рвеніе миссъ Лёвгровъ. Такія вещи случаются, къ сожалѣнію, вслѣдствіе нашей нерадивости. Я не особенно строго осуждаю этого несчастнаго Иглезіаса: расовыя вліянія черезчуръ сильны, но наша обязанность— наставлять иностранцевъ. Вы должны были привести вашего друга ко мнѣ, Лёвгровъ,—я могъ бы посвятить ему часъ-другой. До свиданія, м-ссъ Лёвгровъ. Вы тоже уходите, миссъ Серена?

Передайте вашей милой сестрицѣ, что мы воспользуемся ея гостепріимствомъ.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, м-ссъ Лёвгровъ принялась утѣшать его. Онъ не долженъ огорчаться словами епископа. Если бы тотъ зналъ, какъ все было—онъ не осудилъ бы его.

— Я огорчаюсь не его словами, но положеніемъ Доминика. Я боюсь, что ему уже не долго осталось пробыть съ нами.

Лицо жены выразило искреннее огорченіе.

— Неужели? Это было бы такъ ужасно! Ты видѣлъ его, Джорджи?

— Нѣтъ. Тамъ была м-ссъ Сентъ-Джонъ.

Полныя щеки Роды снова дрогнули.

— Не скажу, чтобы я особенно восхищалась м-ссъ Сентъ-Джонъ. Актрисы хороши на сценѣ, а не въ частномъ домѣ. Можетъ быть, онѣ ничего особеннаго и не дѣлаютъ, но держатъ онѣ себя очень свободно. Впрочемъ, я вообще не понимаю, что̀ нынче дѣлается! Почтенная дама въ годахъ м-ссъ Парчеръ и этотъ Фарджъ, который могъ бы ей быть сыномъ!..

Она встала съ мѣста и набросила платокъ на клѣтку съ попугаемъ, вздумавшимъ некстати возвысить голосъ.

— Все это меня очень разстроило: исторія съ викаріемъ, Сереною, помолвка м-ссъ Парчеръ, болѣзнь м-ра Иглезіаса, хотя я убѣждена, что съ нимъ мы встрѣтимся въ раю, когда уйдемъ, наконецъ, отъ всего этого шума и суеты...

Она двигалась по комнатѣ, машинально переставляя вещицы, что-то оправляя.

— Какой тяжелый день! Ничто такъ не можетъ разстроить человѣка, какъ религіозный и брачный вопросъ. Но слава Богу, что ты еще есть у меня, Джорджи. Что̀ бы мы стали дѣлать другъ безъ друга!

XXXII.

Заходящее весеннее солнце заливало садикъ свѣтлыми лучами, перемѣшивавшимися съ набѣгавшею тѣнью. Лужайка ярко зеленѣла, вода въ фонтанчикѣ сверкала и переливала серебромъ; у ограды цвѣли желтые и лиловые крокусы и акониты, деревья въ сосѣднемъ саду были густо усѣяны почками и воробьи вес[ело] чирикали.

Въ домѣ, казавшемся, благодаря изумительной чистотѣ светлому цвѣту драпировокъ, уютнымъ, почти веселымъ—цар[ила] какая-то странная, чуткая, словно выжидающая тишина. Это б

тишина, полная видѣній, милыхъ воспоминаній, свѣтлыхъ надеждъ, казавшихся живыми, наполнявшихъ домъ своимъ мистическимъ присутствіемъ.

Яркая индивидуальность, этотъ могущественный факторъ эмоціональной жизни, неминуемо должна создать вокругъ себя свою атмосферу. Съ тѣхъ поръ какъ извѣстные спеціалисты, приглашенные по настоянію Пеппи и четы Лёвгровъ, объявили, что болѣзнь сердца, которою страдалъ Иглезіасъ, должна имѣть роковой исходъ,—всѣ входившіе въ домъ чувствовали здѣсь вѣяніе какого-то иного міра.

Узнавъ о результатахъ діагноза, Иглезіасъ отказался отъ дальнѣйшаго леченія, рѣшивъ, что плоть его не должна поработить его духъ. Пусть она знаетъ свое мѣсто. Ему становилось все тяжелѣе и затруднительнѣе жить согласно своимъ привычкамъ, кругъ его занятій и развлеченій съуживался, но онъ сохранялъ ясность духа и утонченную внѣшность.

Встрѣтить смерть съ изящнымъ стоицизмомъ, хорошо одѣтымъ и сохранившимъ среди страданій чувство собственнаго достоинства—трудное и не многимъ доступное искусство.

Доминикъ сидѣлъ у окна въ оригинальной, неправильной формы гостиной, слѣдя за тѣмъ, какъ тѣни исчезали и солнечное сіяніе все больше заливало садикъ, по мѣрѣ того какъ солнце склонялось къ западу. И самая комната, убранная знакомыми предметами, съ ея гармоничною гаммою цвѣтовъ и огонькомъ въ каминѣ—ласкала его взоръ. Мысли и слова, приходившія ему на умъ, также были прекрасны, но нѣсколько смутны,—словно доносящіеся издали, смягченные разстояніемъ звуки. Это было разстояніе среднее между сномъ и бдѣніемъ.

Стукъ двери въ столовой и чей-то веселый голосъ вывели его изъ полузабытья.

— Ну, вы, лѣнтяи, бѣгайте, ловите птицъ! Смотрите, до чего вы растолстѣли! Ну же! Ну!—Пеппи поощрительно хлопала въ ладоши, затѣмъ слышно было, какъ она вошла въ домъ и заговорила съ м-ссъ Питерсъ, домоправительницею, между тѣмъ какъ собачки съ радостнымъ визгомъ и лаемъ понеслись по дорожкѣ.

Пеппи такъ долго не входила, что Иглезіасъ, потерявъ терпѣніе, хотѣлъ уже встать, но снова погрузился въ полусознательное состояніе. Придя въ себя, онъ увидѣлъ ее сидящею рядомъ съ нимъ—спиною къ свѣту. Взоръ его былъ слегка отуманенъ, и онъ не могъ ясно разсмотрѣть ея лицо, но онъ чувствовалъ, что настроеніе ея измѣнилось. Она нѣжно сжимала его руку. Онъ хотѣлъ заговорить, но она предупредила его.

— Знаю, милый, знаю. Вы сегодня утромъ причастились. Знаете, нынче такой божественный день, что у меня явились нѣкоторыя радостныя мысли относительно васъ. Я убѣдила себя, что доктора—старыя каркающія вороны и что лѣтомъ вы должны оправиться. Вѣдь вамъ сколько разъ бывало то хуже, то лучше. На дняхъ театръ закрывается, и я намѣрена васъ куда-нибудь увезти—хотя бы въ вашу родную Испанію,—и такъ за вами ухаживать, что у васъ не хватитъ духу... насъ покинуть.

Голосъ Пеппи былъ такъ же нѣженъ, какъ прикосновеніе ея руки.

— Не слишкомъ ли вы поторопились? Почему вы не отложили исполненіе этого страшнаго обряда на нѣкоторое время?

— Онъ не страшенъ, но утѣшителенъ, дорогой другъ,— сказалъ Иглезіасъ съ улыбкою. Теперь онъ ясно видѣлъ ея лицо — исполненное скорби и тревоги, не взирая на ея искусственно веселый тонъ.—Во всякомъ случаѣ онъ не можетъ ускорить конца.

— Вы очень страдаете?—вырвалось у нея.

— Нисколько. Ночи бываютъ иногда томительны, такъ какъ я не могу лежать, но я сижу здѣсь или брожу по дому и чувствую себя хорошо. Питерсъ ходила за моею матерью, и потому вамъ нечего тревожиться: уходъ за мною хорошій...

Онъ выпрямился въ креслѣ и продолжалъ:

— Не печальтесь. Мой путь не такъ уже тернистъ. Съ самаго дѣтства я не былъ такъ счастливъ, какъ за эти послѣдніе мѣсяцы. О васъ я болѣе не безпокоюсь. Вы—знамениты, и станете еще бо́льшею знаменитостью, и я буду жить въ вашей памяти, покуда вы живете. Это не мало: быть любимымъ двумя женщинами, которыхъ любишь. Что же касается остального, дорогой другъ, то по мѣрѣ приближенія къ великой тайнѣ—начинаешь сильнѣе вѣровать и менѣе тревожиться...

— Хорошо вамъ! — горестно воскликнула Пеппи: — А что́ буду я дѣлать безъ васъ?

— Рано или поздно, но разлука неизбѣжна. Порадуемся же оба тому, что она наступила теперь, когда любовь наша — въ полной силѣ, когда она еще не принесла съ собою ни стыда, ни разочарованія... Чѣмъ тяжелѣе разставаніе, тѣмъ свѣтлѣе память объ ушедшемъ и тѣмъ желаннѣе надежда на свиданіе внѣ времени и пространства...

— Да, милый, да,—шептала Пеппи, подавляя рыданіе,— я не могу подняться на эти философскія вершины... Я стою на землѣ, и знаю лишь одно, что мнѣ до полнаго отчаянія будет

недоставать васъ, я останусь въ безпросвѣтномъ одиночествѣ. Но, глядя на васъ, я этому не вѣрю, не могу повѣрить. Вы еще долго будете со мною...

Она нагнулась и нѣжно поцѣловала его въ щеку.

— Мнѣ пора. Не хочется уѣзжать, но сегодня—парадный спектакль, и я обязана играть. Я вернусь сюда, какъ только онъ окончится, и вы не можете этому помѣшать, дорогой мой мечтатель! Я вернусь и буду бодрствовать съ вами до зари.

Доминикъ тоже всталъ; онъ проводилъ ее до выхода, открылъ передъ нею дверь и, стоя на площадкѣ, слѣдилъ за тѣмъ, какъ она спускалась по лѣстницѣ.

Онъ съ чувствомъ признательности и гордости подумалъ о томъ, какъ измѣнилась и созрѣла Пеппи за послѣдніе полгода. Ея безстрашіе и смѣлость не были больше вызовомъ и бравадою, но сознаніемъ своего достоинства, увѣренностью въ себѣ и своемъ успѣхѣ. И красота ея развилась, пріобрѣла законченность и мягкость. Она стала дѣйствительно выдающейся женщиной.

Внизу лѣстницы Пеппи остановилась и послала ему воздушный поцѣлуй.

— До вечера, милый! — крикнула она.—Сейчасъ я заберу своихъ собаченокъ. Берегите себя до моего возвращенія. Господь съ вами. До вечера.

Иглезіасъ прошелъ по комнатѣ твердыми шагами—какъ до болѣзни. На душѣ у него было свѣтло. Съ минуту онъ простоялъ у окна, любуясь весенними цвѣтами, струею воды, птицами, небомъ, уже принимавшимъ оттѣнки опала и блѣднаго золота...

И въ воцарившемся снова молчаніи смутныя видѣнія, таинственные призывы опять овладѣли его душою. Они говорили о бренности всего земного, о неизреченномъ Свѣтѣ.

Но вдругъ Доминикъ Иглезіасъ почувствовалъ себя страшно утомленнымъ. Онъ опустился въ кресло.

— Да помилуетъ меня Господь! — прошепталъ онъ, осѣняя себя крестомъ.—Христосъ, услыши меня! Кажется, трудъ жизни оконченъ. Пора и на покой.

XXXIII.

Никогда не играла Пеппи такъ, какъ въ этотъ вечеръ, и публика неистовствовала, вызывая ее, а Ліонель Гордонъ рѣшилъ, что нужно предложить ей подписать контрактъ на три года.

Среди публики былъ и Аларикъ Баркингъ, ускользнувшій на одинъ вечеръ изъ-подъ любящаго надзора лэди Констансъ и своей хорошенькой невѣсты. Онъ вернулся изъ Африки раненымъ, измѣнившимся, и прятался въ углу ложи. Голосъ Пеппи задѣвалъ самыя сокровенныя струны души его, и онъ спрашивалъ себя, какъ онъ могъ порвать съ нею,—забывая, что порвала она, а не онъ.

Наконецъ, занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, и Пеппи, которую антрепренеръ чуть не силою вытаскивалъ на вызовы, поспѣшила уѣхать. Вся ея душа была въ маленькомъ домѣ на Holland-Street. Когда подъѣхалъ ея экипажъ, она замѣтила у дверей крытый фургонъ, и ей попались на встрѣчу двое людей въ черномъ съ бѣлымъ, при видѣ которыхъ она инстинктивно вздрогнула. Фредерикъ распахнулъ передъ нею двери. Она вошла, путаясь въ шлейфѣ, въ рукахъ у нея былъ великолѣпный букетъ изъ орхидей, лилій и розъ, перевязанный золотистою лентою. Она не успѣла снять гримъ съ лица и почти вбѣжала—взволнованная, торжествующая, но подгоняемая смертельнымъ страхомъ...

Въ дверяхъ она остановилась, стиснула зубы и склонила голову.

По срединѣ комнаты возвышался катафалкъ, окруженный зажженными паникадилами, и въ гробу, у котораго молилась монахиня, лежалъ—прекрасный въ жизни, какъ и въ смерти, со строгимъ, гордымъ лицомъ, но помолодѣвшій, какъ всѣ вѣрующіе, стремившіеся къ далекому горизонту и достигнувшіе его—Доминикъ Иглезіасъ.

Въ углу послышалось рыданіе; тамъ сидѣлъ, скорчившись и закрывъ лицо платкомъ, Джорджъ.

Пеппи подошла къ нему и положила руку ему на плечо.

— Ступайте домой, — сказала она ласково, — вы придете утромъ. Я обѣщала Доминику остаться съ нимъ до зари.

Она положила свой роскошный букетъ къ подножію гроба и, опустившись на колѣни возлѣ маленькой монахини, закрыла руками свое нарумяненное лицо и заплакала.

Съ англійск. О. Ч.

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА АНГЛІИ

ОЧЕРКЪ.

Для странъ, съ которыми Великобританія поддерживаетъ торговыя сношенія, а въ томъ числѣ и для Россіи, имѣетъ немаловажное значеніе возможность предугадать, останется ли Великобританія вѣрною принципу свободной торговли, или — перейдетъ къ покровительственной торговой политикѣ. Трудно опредѣлить съ точностью ходъ политическихъ событій въ будущемъ, но во всякомъ случаѣ позволительно усомниться въ томъ, чтобы побѣда либераловъ-фритредеровъ, ставшихъ, въ началѣ 1906 года, во главѣ великобританскаго правительства, окончательно рѣшила участь торговой политики Соединеннаго-Королевства. Исходъ борьбы между фритредерами и протекціонистами въ Великобританіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ рѣшенія вопроса, насколько можетъ считаться правильнымъ предположеніе приверженцевъ свободной торговли о томъ, что конкурренція какихъ бы то ни было народовъ въ производствѣ фабрикатовъ заводской промышленности для Великобританіи не страшна; что внѣшняя ея торговля попрежнему не оставляетъ желать лучшаго; что благосостояніе Соединеннаго-Королевства не потерпѣло никакого сокращенія, что его богатство не уменьшилось,—однимъ словомъ, что въ экономическомъ положеніи Великобританіи все обстоитъ хорошо и благополучно. Съ другой стороны, побѣда фритредеровъ нисколько не затушила все болѣе проявляющейся въ Соединенномъ-Королевствѣ и въ его колоніяхъ имперіалист-

ской идеи экономическаго общенія. Старый „кобденизмъ“ не совмѣстимъ съ „имперіализмомъ“, шансы котораго на практическое примѣненіе возросли съ тѣхъ поръ, какъ оба лидера оппозиціи, Бальфуръ и Чемберлэнъ, соединили свои программы въ одну стройную и технически-выполнимую систему отпора иностранной конкурренціи—путемъ преимуществъ, оказываемыхъ торговлѣ внутри границъ Британской имперіи. Но рѣшеніе вопроса, придержится ли Великобританія также и въ будущемъ принципа свободной торговли, зависитъ въ послѣдней инстанціи отъ политическихъ соображеній, а именно отъ того, насколько узко-торговый духъ англичанъ, имѣющій исключительно въ виду покупать потребные имъ продукты на самомъ дешевомъ рынкѣ и продавать свои товары на самомъ дорогомъ, и тѣмъ нажить какъ можно больше богатства,—будетъ способенъ подняться отъ чисто коммерческихъ соображеній къ высотамъ національной экономической политики, задающейся цѣлью создать какъ можно болѣе экономически-независимую имперію, отдѣльныя части которой должны были бы удовлетворять собственнымъ потребностямъ, не нуждаясь въ привозѣ иностранныхъ продуктовъ.

Кромѣ того, фритредерство связано съ демократическимъ движеніемъ. Радикально-либеральная партія въ Великобританіи считаетъ своимъ долгомъ стоять горою за принципъ свободной торговли, не столько потому, что она убѣждена въ вѣрности этой системы, сколько потому, что, по ея мнѣнію, капиталисты извлекаютъ изъ протекціонистской торговой политики всю пользу для себя. Протекціонизмъ, поэтому, только тогда станетъ торговою политикою правительства, когда удастся убѣдить большинство населенія Великобританіи, изъ котораго не менѣе 70% принадлежатъ къ рабочимъ классамъ [1]), въ томъ, что покровительствующіе тарифы не только пойдутъ въ прокъ капиталистамъ, но дадутъ пользу также рабочимъ, развивая національную промышленность и этимъ повышая спросъ на рабочія руки.

Но ходъ торговой политики Великобританіи главнымъ образомъ зависитъ отъ ея прошлаго. Для пониманія ея настоящаго и предугаданія ея будущаго, насколько это вообще возможно, слѣдуетъ поэтому обращаться къ собственному ея историческому прошлому.

---

[1]) По исчисленію H. W. Mattingham въ его книгѣ „Labour and Protection“, London, 1903, стр. 205.

I.

До XVII-го столѣтія не существовало торговой политики. Въ средніе вѣка внѣшняя торговля на Средиземномъ морѣ была въ рукахъ итальянскихъ городовъ; на сѣверѣ Европы Ганза была главною носительницею международной торговли. Надзоръ надъ торговлею принадлежалъ исключительно суверенной территоріальной власти, и она имъ пользовалась для взиманія фискальныхъ сборовъ, не имѣющихъ никакихъ отношеній къ интересамъ самой торговли. Средневѣковой государственный порядокъ былъ довольно либераленъ по отношенію къ международной торговлѣ: на судоходство вовсе не было наложено пошлинъ и занимавшіеся торговлею иностранцы не встрѣчали препятствій къ въѣзду въ любую страну, лишь бы они платили извѣстную небольшую личную пошлину, гарантирующую имъ покровительство суверена. Таможенные тарифы были весьма умѣренны. Напримѣръ, Англія взимала въ царствованіе Генриха VII (1485—1509) и Генриха VIII (1509—1547) привозную и вывозную пошлину съ цѣны товаровъ (ad valorem) въ пять процентовъ съ англійскихъ и шесть процентовъ съ иностранныхъ коммерсантовъ.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ торговля Ганзы упала и перешла къ голландцамъ, пріобрѣвшимъ почти монополію торговли въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ и опередившимъ испанцевъ и португальцевъ послѣ открытія Америки. Восточная и западная индійскія компаніи играли выдающуюся роль въ голландской заокеанской торговлѣ. По оцѣнкѣ извѣстнаго государственнаго дѣятеля и публициста Голландіи, де-Витта [1]), голландская торговля увеличилась съ 1643 по 1669 годъ, приблизительно, на 90 процентовъ. Англійскій экономистъ, сэръ Вильямъ Петти, считалъ въ 1690 году, что изъ торговаго флота Европы, взятаго вмѣстѣ и насчитывавшаго тогда 2 милліона тоннъ, тоннажъ соединенныхъ Нидерландскихъ штатовъ равнялся 900.000 тоннамъ, тогда какъ англійскій торговый флотъ въ 1701 году равнялся лишь 261.222 тоннамъ. Голландская торговля была главнымъ образомъ перевозочная и посредническая. Обогатившись, голландцы стали, съ конца XVII-го столѣтія, банкирами и владѣльцами фондовъ всей Европы, то-есть, они занимали тогда въ Европѣ прибли-

[1]) De Witt. True Interest and Political Maxims of the Republic of Holland and West Friesland. (Переводъ на англійскій языкъ 1702 г.).

зительно то же торговое и финансовое положеніе, какимъ Англія пользовалась послѣ нихъ и до сихъ поръ. Ихъ коммерческая система осталась, въ главныхъ ея чертахъ, средневѣковою, особенно въ томъ отношеніи, что они не знали протекціонной торговой политики, но, вообще говоря, придерживались до самаго конца ихъ торговаго превосходства свободной торговли, взимая, среднимъ числомъ, трехпроцентную таможенную пошлину съ привоза и вывоза для чисто фискальныхъ цѣлей.

Коммерческая система современнаго міра возникла въ XVII-мъ столѣтіи, когда національное чувство и соревнованіе между европейскими народами повели къ первымъ протекціоннымъ мѣрамъ— англійскому навигаціонному акту Кромвелля 1651 года и французскому строго-протекціонному тарифу Кольбера 1664 года. Голландцы не могли отвѣтить англичанамъ возмездными таможенными мѣрами, въ виду того, что главная часть ихъ торговли была, какъ уже сказано, посредническая и не совмѣстилась бы съ воспретительными тарифами. Она, напротивъ, старалась бороться съ международною конкурренціею пониженіемъ своихъ таможенныхъ пошлинъ до минимума. Но она этимъ не могла предотвратить своего торговаго упадка. Интересно остановиться подробнѣе на причинахъ, обусловливавшихъ упадокъ торговли Голландіи, въ виду того, что одинаковыя причины имѣютъ одинаковыя послѣдствія и что этимъ возможно сдѣлать поучительное сравненіе съ условіями международной торговли нашего времени.

Голландская торговля не была поражена внутреннимъ недугомъ; она упала вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, противъ которыхъ она не могла бороться. Вообще говоря, всякій торговый обмѣнъ имѣетъ тенденцію къ возможному уменьшенію расходовъ по перевозкѣ и распредѣленію товаровъ. Въ этомъ—прогрессъ торговаго устройства. Въ XVII-мъ столѣтіи вся внѣшняя торговля на сѣверѣ Европы проходила черезъ ея руки и въ особенности русская торговля была ея спеціальностью. Но уже въ XVIII-мъ столѣтіи Англія вошла съ Россіею въ непосредственныя торговыя сношенія. Она нуждалась во льнѣ, коноплѣ, строевомъ лѣсѣ и другихъ сырыхъ продуктахъ, для потребностей ея увеличивающагося мореходнаго флота. Обязательнымъ послѣдствіемъ установленія непосредственнаго привоза русскихъ продуктовъ въ Англ[...] явилось возникновеніе непосредственнаго вывоза товаровъ и[...] Англіи въ Россію; а непосредственная торговля неминуемо [...] тѣсняетъ посредническую. Такъ и Голландія, употреблявшая р[...] скіе продукты лишь въ маломъ размѣрѣ и перепродававш[...] главную часть ея привоза изъ Россіи — Англіи, должна [...]

ргoвлю съ нашимъ государствомъ, когда англи-
дить съ нами непосредственныя торговыя сно-
юсь несмотря на свободную торговлю голланд-
енную строгую протекціонную мореходную и
Англіи. Отъ 1749 до 1786 года вывозъ изъ
цію упалъ на 79%, тогда какъ вывозъ изъ
увеличился за то же время на 257%. За
—10 Англія привезла изъ Россіи товаровъ на
вывезла туда же за то же время на 58.118 ф. ст.,
сятилѣтіе 1770—80 англійскій привозъ изъ
ке 1.084.539, а вывозъ туда же 206.813 ф. ст.,
ичился на 776%, а вывозъ—на 255%.
установившихся прямыхъ торговыхъ сношеній
ользовавшимися до тѣхъ поръ посредничествомъ
нѣшней торговлѣ этихъ послѣднихъ отозвался
ранціи и Англіи протекціонизмъ, облагавшій
товаровъ высокими таможенными пошлинами.
книжная и писчебумажная промышленность и
вшія значительную статью голландской торговли,
аложеніемъ Франціею, въ 1771 году, пошлины
іхъ фунтовъ съ каждаго квинтала иностранной
печати и запрещеніемъ вывоза льняныхъ тряпокъ изъ Франціи. Этими мѣрами Франція развила свою собственную бумажную и печатную промышленность въ ущербъ голландской. Англія утвердилась въ самомъ безпощадномъ протекціонизмѣ. Шерстяныя ткани составляли въ среднихъ вѣкахъ главную статью международной торговли. Англія въ средніе вѣка была главною производительницею шерсти, перевозимой нѣмецкими коммерсантами въ Фландрію, гдѣ она перерабатывалась фламандскими ткачами. Часть произведенныхъ ими шерстяныхъ тканей вывозилась обратно въ Англію нѣмецкими коммерсантами, привозившими англійскую шерсть, изъ которой эти ткани были произведены [1].

Выгодность этого торговаго процесса, т.-е. привоза сырья и вывоза изготовленныхъ изъ него обработанныхъ продуктовъ въ XVII-мъ столѣтіи обратила на себя вниманіе англійскаго правительства. Оно поэтому задалось мыслью создать въ Англіи собственную промышленность и обезпечить за Англіею то прибыльное торговое положеніе, которымъ голландцы пользовались до тѣхъ поръ. Для

[1] Подобно тому, какъ въ наше время Англія привозитъ изъ Россіи яйца и шеницу, перерабатываетъ ихъ въ бисквиты и вывозитъ часть таковыхъ обратно Россію, извлекая изъ этого для себя прибыль.

45*

достиженія этой цѣли, Англія запретила, цѣлымъ рядомъ актовъ и прокламацій въ 1463, 1620, 1648 и 1660 годахъ, вывозъ шерсти изъ своихъ предѣловъ за-границу и привозъ шерстяныхъ издѣлій изъ-за-границы. Этими протекціонными мѣрами она нанесла ударъ фламандской промышленности и установила прядильно-ткацкую промышленность въ собственныхъ предѣлахъ.

II.

Торговая борьба между Голландіею и Англіею, веденная торговымъ соперничествомъ, боевыми тарифами, навигаціонными законами, договорами съ третьими державами и даже войнами, окончилась промышленною побѣдою Англіи. Въ концѣ XVII-го столѣтія въ торговомъ обмѣнѣ между двумя странами совершился переворотъ. Съ тѣхъ поръ Англія посылала въ Голландію шерстяныя издѣлія всякаго сорта и получала отъ нея извѣстные сырые продукты — шолкъ и полотно. Тогда какъ въ 1696 г. Голландія отпустила Англіи товаровъ на 506.642 ф. ст. и получила ихъ отъ нея на 1.462.415 ф. ст., голландскій отпускъ въ Англію въ 1745 г. упалъ до 273.160 ф. ст., а состоящій главнымъ образомъ изъ шерстяныхъ издѣлій привозъ изъ Англіи увеличился до 1.786.142 ф. ст. Такимъ образомъ, Англія упорными послѣдовательными протекціонными мѣрами всякаго рода завершила прочное установленіе своей шерстяной мануфактуры.

Возникновеніе бумагопрядильной промышленности въ Великобританіи было также послѣдствіемъ протекціонныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Но, въ виду того, что Соединенное Королевство не производитъ хлопчатой бумаги въ собственныхъ предѣлахъ, оно не только задалось цѣлью предупредить привозъ въ Англію конкуррирующихъ иностранныхъ издѣлій и поощрить вывозъ великобританскихъ бумажныхъ мануфактуръ, но имѣло также въ виду заручиться свободной поставкой сырого хлопка, благопріятствуя при этомъ британскимъ колоніямъ. Актами 1660 и 1787 годовъ привозъ хлопка изъ британскихъ колоній былъ объявленъ свободнымъ отъ всякихъ таможенныхъ пошлинъ, тогда какъ хлопокъ, не происходившій изъ британскихъ колоній былъ обложенъ значительною таможенною пошлиною. Вывозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій изъ Англіи былъ поощренъ преміей примѣненной съ 1785 до 1812 года. Этими мѣрами великобританское правительство совершило настоящій tour de force. Оно создало промышленность, зависящую отъ привоза сыр

извнѣ и отпускающую свои продукты большею частью за-границу. Цѣнность вывозимыхъ изъ Великобританіи хлопчато-бумажныхъ издѣлій возросла съ 1697 до 1812 года отъ 5.915 ф. ст. до 16.517.690 ф. ст., т.-е. увеличилась за это время болѣе чѣмъ въ 2792 раза. Когда британская бумажная промышленность окончательно достигла своего міроваго превосходства, всякія покровительственныя мѣры стали ненужными, и онѣ поэтому въ 1812 году были отмѣнены, подобно тому какъ воспрещеніе вывоза шерсти изъ Соединеннаго-Королевства было отмѣнено въ 1825 году, когда крѣпко установившаяся въ Великобританіи шерстяная мануфактура уже болѣе не боялась конкурренціи фламандской.

Въ сравненіи съ шерстяною и хлопчатобумажною, желѣзная промышленность не въ такой мѣрѣ обязана покровительству правительства, но, все-таки, оказанное ей содѣйствіе было настолько дѣйствительно, чтобы позволить ей зародиться и окрѣпнуть оберегаемою отъ иностранной конкурренціи. До царствованія Эдуарда IV (1461 — 1483) почти весь употребляемый Англіею ножевой и другой желѣзный товаръ былъ произведенъ въ Германіи и привезенъ оттуда. Правительство Эдуарда IV поставило себѣ задачею освободить Англію отъ этой зависимости и поощрить возникновеніе національной желѣзной промышленности. Его преемники держались той же торговой политики. Главными покровительственными актами были: изданный Карломъ II въ 1660 году тарифъ „Book of Rates", дополненный затѣмъ Георгомъ I въ 1720 году и переработанный младшимъ Питтомъ въ 1787 году, въ извѣстномъ его законѣ „Act for the Consolidation of the Customs". Подобно тому какъ вывозъ шерсти въ Англію былъ запрещенъ, такъ и на вывозъ чугуна изъ Великобританіи было наложено запрещеніе, чтобы заручить національной обрабатывающей промышленности дешевое сырье. Одновременно привозъ обработанныхъ желѣзныхъ издѣлій былъ обремененъ высокими таможенными ставками. Что же касается привоза чугуна, то великобританское правительство сперва на него также наложило таможенную пошлину, но когда оно убѣдилось въ томъ, что выплавки англійскаго чугуна не хватало на потребности обрабатывающей промышленности, оно прибѣгло къ частичному упраздненію этой пошлины, давъ чугуну британскихъ колоній предпочтеніе, чтобы развить въ нихъ производство этого сырья. Георгъ I понизилъ привозную пошлину на чугунъ, происходящій изъ британскихъ колоній, а Георгъ II упразднилъ ее совершенно, тогда какъ привозная пошлина на шведскій и

русскій чугунъ въ размѣрѣ 20 ф. ст. съ каждой тонны по-прежнему оставалась въ силѣ. Результаты протекціонизма Великобританіи въ развитіи ея желѣзодѣлательной и обрабатывающей промышленности были поразительны. Въ 1796 году въ Великобританіи насчитывалось лишь 121 доменная печь, производящія 125.206 тоннъ чугуна въ годъ, тогда какъ въ 1839 году число печей въ Соединенномъ-Королевствѣ уже дошло до 378, производящихъ 1.347.790 тоннъ чугуна; иначе говоря, за 43 года добыча чугуна въ Великобританіи увеличилась болѣе чѣмъ въ 10 разъ. Въ 1839 году весь привозъ чугуна въ Великобританію изъ другихъ странъ равнялся лишь 25.000 тоннамъ. Изъ этого видно, что великобританское желѣзодѣлательное производство въ этомъ году дошло до степени развитія, доставившей ему неоспоримое преобладаніе надъ всѣми другими желѣзопромышленными странами свѣта, и болѣе не нуждалось въ покровительствѣ.

Наконецъ, ни одна отрасль великобританской промышленности не извлекла настолько прибыли изъ покровительственныхъ мѣръ, предпринятыхъ англійскимъ правительствомъ, какъ судостроеніе и мореходство. Въ 1381 году Ричардъ II издалъ законъ, предоставляющій привозъ товаровъ въ Соединенное-Королевство и вывозъ оттуда исключительно судамъ, плавающимъ подъ англійскимъ флагомъ. Это законоположеніе было повторено семью послѣдующими актами, регулирующими англійское мореходство. Однако королева Елисавета разрѣшила привозъ товаровъ въ Великобританію въ иностранныхъ судахъ, взимая съ нихъ лишь повышенныя пошлины, извѣстныя подъ названіемъ aliens duties. Торговая политика Елисаветы, остававшаяся въ силѣ столѣтіе, задалась цѣлью конкуррировать съ голландскою свободною торговлею. Она вздумала подражаніемъ свободной мореходной политикѣ голландцевъ сдѣлать изъ Англіи торговый транзитный пунктъ для продуктовъ всѣхъ націй сѣверной Европы. Но Англія не нашла въ принципѣ свободнаго мореходства орудія противъ голландскихъ торговыхъ соперниковъ. Вся перевозочная торговля между нею и ея американскою колоніею была и осталась въ рукахъ голландцевъ. Тогда Кромвелль рѣшился издать въ 1651 году свой навигаціонный актъ, подтвержденный затѣмъ королемъ Карломъ II, которымъ привозъ товаровъ въ Великобританію былъ запрещенъ въ другихъ помимо великобританских судахъ. Этою ультра-протекціонною мѣрою Англія положи основаніе развитію своего торговаго судоходства. Когда же, благодаря этой мѣрѣ, она этимъ заручилась посредническою и перевозною торговлею, бывшею раньше преимущественнымъ дост

ніемъ Голландіи, она смягчила свои навигаціонные законы, и наконецъ, въ XIX столѣтіи, они были совершенно отмѣнены.

Не хватило бы здѣсь мѣста прослѣдить историческое развитіе всей великобританской промышленности. Для нашихъ цѣлей достаточно установленіе—примѣромъ четырехъ главныхъ ея отраслей,—шерстяной, хлопчатобумажной, желѣзной и мореходной,—что Великобританія придерживалась строгаго протекціонизма въ то время, когда ея промышленность нуждалась въ покровительствѣ, и что она положила основаніе своей колоссальной торговлѣ и промышленности именно путемъ послѣдовательнаго примѣненія этой системы въ продолженіе пяти столѣтій.

III.

Когда загорѣлась война Англіи съ Наполеономъ, ея министры финансовъ должны были прибѣгнуть къ всевозможнымъ новымъ таможеннымъ пошлинамъ, чтобы добыть средства на военныя цѣли. По окончаніи войны, сложный торговый тарифъ Англіи еще нѣсколько лѣтъ оставался въ силѣ. Реформы въ пользу пониженія или упраздненія наложенныхъ на привозные товары таможенныхъ пошлинъ и вообще упрощеніе таможенныхъ формальностей начинаются только съ 1822 года, по инидіативѣ Каннинга и Гескиссона, но реформы эти еще не обозначали принципіальной перемѣны въ торговой политикѣ Англіи.

Въ началѣ царствованія королевы Викторіи обрабатывающая промышленность до того окрѣпла, особенно благодаря изобрѣтенію паровыхъ машинъ и паровоза, что англичане могли задаться грандіозною мыслью монополизировать міровое промышленное производство, и для этой цѣли пониженіе пошлинъ на привозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ явилось необходимымъ. Они предполагали, что если дать иностраннымъ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ свободный доступъ въ Великобританію, то иностранныя государства навсегда удовольствуются ролью поставщиковъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на англійскій рынокъ, чтобы взамѣнъ получать отъ нихъ отличные англійскіе фабрично-заводскіе продукты. При такомъ устройствѣ внѣшняго торговаго обмѣна, Англія должна была остаться въ выигрышѣ, ибо экспортъ вполнѣ обработанныхъ издѣлій фабрично-заводскаго производства гораздо выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ вывозъ сырыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ силу такого разсчета англійскіе великопромышлен-

ники, овладѣвшіе въ 1832 году большинствомъ голосовъ въ парламентѣ, произвели въ годахъ 1842—1846 переворотъ въ фискальной политикѣ Великобританіи. Чтобы заручиться дешевыми питательными продуктами для своихъ промышленныхъ рабочихъ и дешевымъ сырьемъ для обрабатыванія въ заводахъ, Англія постепенно понизила таможенныя ставки на эти продукты и, наконецъ, въ 1846 году, пошлина на ввозъ зерновыхъ продуктовъ была совершенно отмѣнена. Промышленники агитировали въ пользу отмѣны тѣхъ таможенныхъ пошлинъ, которыя мѣшали ихъ промышленнымъ интересамъ. Но манчестерская школа экономистовъ пошла дальше и отрицала съ чисто теоретической точки зрѣнія полезность какой бы то ни было государственной активной торговой политики. Кобденъ договорился до провозглашенія принципа свободной торговли международнымъ частнымъ правомъ Всевышняго („the international common law of the Almighty").

По мнѣнію англійскихъ экономистовъ, никто не выяснилъ выгодъ, извлекаемыхъ изъ фритредерства, нагляднѣе и убѣдительнѣе Адама Смита. Въ классическомъ своемъ трудѣ о богатствѣ народовъ, Смитъ берется убѣдить своихъ соотечественниковъ въ вѣрности провозглашаемой французскими экономистами XVIII-го столѣтія, такъ-называемыми физіократами, теоріи свободной торговли, приведеніемъ благопріятныхъ послѣдствій раздѣленія промышленнаго труда. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію тотъ давно провѣренный на практикѣ фактъ, что организація и спеціализація труда увеличиваютъ его производительность. Но является вопросомъ, возможно ли примѣнить принципъ раздѣленія труда къ цѣлымъ государствамъ. Отношенія между отдѣльными государствами врядъ ли уподобляемы отношеніямъ рабочихъ, продѣлывающихъ каждый свои отдѣльные промышленные пріемы по выработанному работодателемъ общему плану. Меркантилисты въ своей узко-торговой логикѣ, очевидно, упускаютъ изъ виду цѣли, для исполненія которыхъ возникъ государственный строй и которымъ всякое государство, по своему существу, должно служить. Главная задача для каждаго государства кроется въ поддержаніи своего могущества, какъ политическая и экономическая единица въ международномъ общеніи. Аристотель считалъ пе[р]вымъ основнымъ условіемъ для существованія государства, что[б] оно было способно само удовлетворять своимъ потребностям[ъ]. Принципъ торговаго laisser faire часто не совмѣстимъ съ ра[з]витіемъ политическихъ и экономическихъ силъ государств[а] чего, между прочимъ, Англія, какъ выше изложено, можетъ с[...]

жить хорошимъ примѣромъ. Изъ новѣйшей исторіи особенно нагляденъ примѣръ южной Италіи, находящейся въ экономическомъ упадкѣ, хотя она покончила съ отсталымъ Бурбонскимъ режимомъ и нынѣ вошла въ лоно просвѣщеннаго общеитальянскаго государства. Причина этого явленія кроется всецѣло въ обязательной для чисто-земледѣльческой южной Италіи свободной торговли съ промышленнымъ сѣверомъ объединеннаго полуострова. При свободномъ наводненіи ея рынковъ индустріальными продуктами сѣвера, южная Италія никакъ не можетъ завести у себя собственной промышленности, и при невыгодномъ обмѣнѣ своихъ сырыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ она, конечно, нищенствуетъ. Принципъ торговаго laisser faire не имѣетъ абсолютнаго, вездѣ и всегда примѣнимаго достоинства, но приноситъ пользу лишь при наличности извѣстныхъ экономическихъ условій. Въ серединѣ прошлаго столѣтія Англія оказалась какъ разъ въ экономическихъ условіяхъ, позволившихъ ей упразднить большую часть своего таможеннаго тарифа. Поэтому тарифная реформа Гладстона въ 1853 году могла освободить не менѣе 123 статей привоза отъ взиманія всякой пошлины и уменьшила таковую на 146 статей. Сырые и полуобработанные продукты впредь болѣе не облагались никакими пошлинами. Но дифференціальныя пошлины въ пользу англійскихъ колоній еще оставались въ силѣ до англо-французскаго трактата 1860 года, такъ-называемаго Кобденскаго трактата, заключеннаго между англійскимъ уполномоченнымъ Кобденомъ и французскимъ—Мишелемъ Шевалье, которымъ Франція обязалась не взимать съ привозимыхъ изъ Великобританіи товаровъ пошлины, превышающей 30% ad valorem, взамѣнъ чего Соединенное Королевство отказалось отъ взиманія всякихъ ввозныхъ пошлинъ, за исключеніемъ сбора съ извѣстныхъ привозимыхъ изъ-за-границы продуктовъ потребленія. Съ тѣхъ поръ Великобританія придерживалась политики свободной торговли въ общихъ чертахъ, причемъ она, однако, покрывала приблизительно одну-четвертую своихъ государственныхъ расходовъ высокими ввозными пошлинами на какао, цикорій, кофе, коринку, изюмъ, винныя ягоды, черносливъ, ромъ, коньякъ, чай, табакъ, вино, пиво и другіе спиртные напитки и на игральныя карты.

Если бы статистика доказала, что другія страны стали успѣшно соперничать съ Великобританіею въ изготовленіи и вывозѣ фабричныхъ продуктовъ, то разсчетъ, побудившій Англію 60 лѣтъ тому назадъ водворить у себя свободную торговлю, пересталъ

бы быть вѣрнымъ въ настоящее время, вслѣдствіе перемѣнившихся съ тѣхъ поръ обстоятельствъ.

IV.

По свѣдѣніямъ, публикуемымъ англійскимъ департаментомъ торговли [1]), усматривается, что Германія и Сѣв.-Амер. Соедин. Штаты съ 1880 по 1901 г. увеличили свой вывозъ—первая на 42,3%, вторые—на 75%, тогда какъ Соединенное-Королевство за то же время увеличило свой вывозъ лишь на 11,3%. Съ другой стороны, привозъ обработанныхъ и полуобработанныхъ продуктовъ возросъ въ Великобританіи за то же время на 41,7%, тогда какъ онъ достигъ въ Германіи лишь 26,5% и въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ лишь 16,9%,—другими словами, Германія и Соед. Штаты значительно превзошли Соед. Королевство приростомъ въ вывозѣ и сокращеніемъ въ привозѣ обработанныхъ и полуобработанныхъ продуктовъ. Значитъ, не осуществились мечты англійскихъ фритредеровъ, считавшихъ обрабатывающую промышленность исключительнымъ достояніемъ Великобританіи. Допуская ошибочность этого предположенія, англійскіе фритредеры, однако, заявляютъ, что изъ сравненія прироста вывоза и привоза мануфактурныхъ продуктовъ въ названныхъ трехъ странахъ не слѣдуетъ приходить къ неблагопріятному для Англіи выводу, ибо естественно, что только недавно начавшіе свою промышленную карьеру Германія и Сѣв.-Амер. Соед. Штаты пошли впередъ быстрѣе Великобританіи, потому что находились прежде на несравненно болѣе низкомъ уровнѣ промышленнаго развитія. Но картина упадка промышленности и торговли въ Великобританіи выступаетъ еще рельефнѣе, если ограничиться сравненіемъ привоза и вывоза мануфактурныхъ товаровъ въ одномъ Соединенномъ-Королевствѣ. Изъ свѣдѣній англійской оффиціальной статистики усматривается, что вывозъ мануфактурныхъ товаровъ изъ Великобританіи въ отношеніи къ численности народонаселенія Соединеннаго-Королевства за послѣднія двадцать лѣтъ сократился, тогда какъ привозъ таковыхъ въ томъ же отношеніи увеличился. Если при этомъ не упускать изъ вида, что въ

---

[1]) Memoranda, statistical tables and charts prepared in the Board of Tr[ade] with reference to various matters bearing on British and foreign trade and i[ndu]strial conditions. London, 1903, стр. 5—9.

то же время общій итогъ привоза и вывоза въ Соединенномъ-Королевствѣ увеличился, то станетъ яснымъ, что характеръ торговыхъ оборотовъ Великобританіи подвергся существенному измѣненію въ томъ смыслѣ, что экспортъ обработанныхъ товаровъ сократился, сырыхъ же матеріаловъ увеличился, въ то время какъ, наоборотъ, импортъ обработанныхъ товаровъ увеличился, а сырыхъ матеріаловъ сократился.

При наличности подобнаго неотраднаго факта нельзя не придти къ заключенію, что пассивъ торговаго баланса Великобританіи врядъ ли всецѣло покрывается прибылью, получаемою отъ судоходства и отъ иностранныхъ фондовъ. Благосостояніе страны, которая подобно Великобританіи живетъ, уничтоживъ свое хлѣбопашество, почти исключительно выдѣлкою и обрабатываніемъ сырыхъ продуктовъ, должно страдать отъ всякаго увеличенія привоза таковыхъ при одновременномъ сокращеніи въ вывозѣ обработанныхъ продуктовъ. Изъ сравненія цифръ вывоза и привоза мануфактурныхъ продуктовъ изъ Великобританіи въ главныя государства и въ Великобританію, оттуда же въ 1890 и 1902 гг., явствуетъ, что въ 1890 году привозъ мануфактурныхъ продуктовъ изъ названныхъ странъ въ Великобританію превысилъ вывозъ оттуда на 4.997.196 ф. ст., а въ 1902 году уже на 43.681.374 ф. ст.

Въ будущемъ же разница эта, по всей вѣроятности, еще увеличится въ ущербъ Великобританіи. По имѣющимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, перепроизводство мануфактурныхъ продуктовъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ близкомъ будущемъ достигнетъ небывалыхъ размѣровъ, и тогда на англійскомъ рынкѣ появится неудержимый никакими привозными пошлинами избытокъ этого перепроизводства для продажи по убыточнымъ цѣнамъ, съ которыми англійская обрабатывающая промышленность не будетъ въ состояніи конкуррировать.

V.

Промышленное производство Германіи и Соединенныхъ Штатовъ за послѣднія двадцать лѣтъ не только возросло сильнѣе производства Великобританіи, но во многихъ отрасляхъ даже опередило его. Усматривается это особенно наглядно въ области желѣзной и угольной промышленности. Не существуетъ отрасли промышленности или торговли Соединеннаго-Королевства, въ которой замедленіе въ сравненіи съ дѣятельностью Германіи и Соединенныхъ Штатовъ обрисовалось бы такъ ясно, какъ въ про-

мышленности и торговлѣ желѣзомъ и сталью. Богатая каменнымъ углемъ и желѣзною рудою родина изобрѣтателя паровой машины — Джемса Ватта, паровоза — Джоржа Стивенсона, стальной нарѣзной пушки и усовершенствованной гидравлической машины — Вильяма Армстронга, пользовалась до послѣдней четверти истекшаго столѣтія подавляющимъ міровымъ первенствомъ во всѣхъ отрасляхъ желѣзной и стальной промышленности. Однако, въ послѣдней четверти XIX столѣтія дѣятельность Великобританіи сильно замедлилась. Съ 1870 до 1903 г. міровая добыча желѣзной руды увеличилась съ 25 до 101 милліона тоннъ, чугуна — съ 12 до 46½ милліоновъ тоннъ, стали — съ 787.000 тоннъ до 36 милліоновъ. Въ этомъ огромномъ развитіи желѣзной и стальной промышленности Великобританія не удержала за собою занимаемаго ею прежде господствующаго мѣста. Въ 1880 г. добыча бессемеровской стали въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ начала превышать добычу ея въ Соединенномъ Королевствѣ; въ 1886 году первенство въ производствѣ кованнаго желѣза также было утрачено Великобританіею; въ 1890 году доля добытаго ею чугуна въ первый разъ оказалась меньше доли, добытой въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ, и съ тѣхъ поръ все болѣе отъ нея отстаетъ. Добыча чугуна въ Германіи также опередила добычу въ Соединенномъ-Королевствѣ. Наконецъ, въ 1899 г. количество произведенной въ Великобританіи мартэновской стали оказалось меньше количества, произведеннаго въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а въ истекшемъ 1906 году Великобританія произвела лишь 10 милліоновъ тоннъ чугуна, противъ 12 милліоновъ и 25 милліоновъ, добытыхъ Германіею и Соединенными Штатами за то же время. Въ стальной промышленности полученные въ Соединенномъ-Королевствѣ результаты также далеко отстоятъ отъ тѣхъ, которые достигнуты его обѣими главными промышленными конкуррентами — Германіею и Соединенными Штатами. Для государства, обосновавшаго свое экономическое бытіе главнымъ образомъ на фабрично-заводской промышленности и занимавшаго, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первенствующее мѣсто между другими цивилизованными странами во всѣхъ главныхъ отрасляхъ крупной промышленности, такое явленіе прямо тревожно.

Первенство въ угольной промышленности перешло, семь лѣт тому назадъ, отъ Великобританіи къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, производящимъ нынѣ 37% общей міровой добычи угля, противъ 26½%, добываемыхъ Соединеннымъ-Королевствомъ. Соединенные Штаты, располагающіе, приблизительн

200.000 квадратныхъ миль угольныхъ залежей, въ настоящее время ежегодно производятъ излишекъ въ 89.000.000 тоннъ, въ сравненіи съ Великобританіею, обладающею лишь 14.000 квадр. милями угольныхъ пластовъ, разработка которыхъ сопряжена съ бо́льшими расходами, чѣмъ издержки, производимыя по разработкѣ угля въ Соединенныхъ Штатахъ.

Правда, что вывозъ каменнаго угля изъ Великобританіи изъ года въ годъ возрастаетъ, но получаемая отъ этого прибыль въ концѣ концовъ не можетъ покрыть всѣ недочеты внѣшней торговли Великобританіи. Если суждено, что когда-нибудь ея торговые обороты съ иностранными націями перестанутъ имѣть характеръ обмѣна англійскихъ обработанныхъ продуктовъ противъ иностранныхъ сырыхъ, то самый жизненный нервъ ея колоссальнаго богатства будетъ смертельно пораженъ, ибо иностранныя государства обогатили ее тѣмъ, что предоставили ей вывозить продукты болѣе прибыльной обрабатывающей промышленности и удовольствовались хлѣбопашествомъ и другими менѣе выгодными, въ отношеніи мірового торговаго обмѣна, промыслами.

Соразмѣрно съ увеличившимся народонаселеніемъ земного шара и съ развитіемъ всемірнаго богатства, покупательная способность и привозъ культурныхъ странъ возросли. Чтобы судить о томъ, двигаются ли промышленность и торговля Великобританіи по восходящей или по нисходящей линіи, интересно установить, увеличила ли она или уменьшила за послѣднія 25 лѣтъ свое участіе въ общемъ привозѣ на главныхъ всемірныхъ рынкахъ. На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ интересная статья извѣстнаго экономиста И. Голтъ-Скулинга въ мартовской книжкѣ 1906 года журнала „The National Review“. Оказывается, что съ десятилѣтія 1880—1889 по десятилѣтіе 1895—1904 процентное отношеніе привезенныхъ изъ Великобританіи товаровъ къ общему привозу упало въ Соединенныхъ Штатахъ съ 24,9, до 18,9; въ Германіи—съ 14,8 до 11,6; во Франціи—съ 13,5 до 12,8; въ Бельгіи—съ 13,2 до 11,1; въ Голландіи—съ 25,2 до 14,0; въ Италіи—съ 21,6 до 18,5; въ Китаѣ—съ 23,9 до 17,3; въ Японіи—съ 42,2 до 23,3; въ Россіи, съ десятилѣтія 1884—1893 по десятилѣтіе 1894—1903,—съ 23,8 до 19,2 [1]). Лишь на сравнительно незначительныхъ рынкахъ Испаніи, Аргентинской республики, Швеціи, Норвегіи и Португаліи положеніе

[1]) Автору не удалось заручиться данными относительно привоза въ Россію англійскихъ товаровъ до 1884 года.

Великобританіи не измѣнилось въ худшему, но даже улучшилось.

Въ самомъ Соединенномъ-Королевствѣ возрастающая зависимость народонаселенія отъ производства колоній и чужихъ странъ выражается въ постепенно увеличивающейся пассивности торговаго баланса. Великобританія за послѣднія десять лѣтъ привозила ежегодно, среднимъ числомъ, на 161 милл. ф. ст. болѣе, чѣмъ она вывозила. Но фритридеры нисколько не смущаются огромнымъ избыткомъ привоза надъ вывозомъ. Они не только предполагаютъ, что этотъ огромный минусъ съ излишкомъ покрывается барышами великобританскаго судоходства, оцѣненными ими въ 90 милл. ф. ст., процентами и дивидендами съ капиталовъ, помѣщенныхъ въ заграничныхъ предпріятіяхъ, государственныхъ займовъ и т. д., и доходомъ съ банковыхъ операцій для иностранцевъ, но они вообще считаютъ превышеніе привоза надъ вывозомъ благопріятнымъ явленіемъ, доказывающимъ богатство и покупательную способность страны. По ихъ мнѣнію, главный признакъ экономическаго благосостоянія кроется не въ значительно возраставшей за послѣднія 30 или 40 лѣтъ въ Великобританіи международной торговлѣ, а въ народномъ потребленіи. Даже факты, явно имѣющіе губительное вліяніе на англійскую промышленность, какъ, напримѣръ, отказъ промышленныхъ рабочихъ отъ работы, тогда какъ хозяевамъ приходится содержать свои заведенія и за время, когда рабочіе своевольно празднуютъ, и рисковать штрафами за несвоевременное исполненіе заказовъ, истолковываются ими въ благопріятномъ смыслѣ. Они въ подобныхъ фактахъ лишь усматриваютъ, что трудъ англійскаго рабочаго хорошо оплачивается и позволяетъ ему пользоваться широкимъ отдыхомъ.

Нельзя не согласиться съ фитредерами въ томъ, что одинъ фактъ превышенія вывоза надъ привозомъ не можетъ служить безусловнымъ доказательствомъ экономическаго процвѣтанія страны. Напримѣръ, въ Россіи и Соединенныхъ-Штатахъ избытокъ вывоза надъ привозомъ является послѣдствіемъ задолженности этихъ странъ чужеземнымъ кредиторамъ, съ которыми онѣ такимъ образомъ расплачиваются. Но изъ этого еще не выходитъ, что, наоборотъ, излишекъ привоза надъ вывозомъ всегда доказываетъ экономическое процвѣтаніе страны. Потребленіе можетъ быть послѣдствіемъ дѣйствительнаго богатства или же лишь расточительности и непредусмотрительности. Для сужденія о благосостояніи народа существеннѣе всего его производительность, ибо громадное большинство народонаселенія одновременно является

требителемъ и производителемъ, и является потребителемъ лишь настолько, насколько оно снискиваетъ средства для потребленія собственнымъ производительнымъ трудомъ. Одно потребленіе могло бы служить главнымъ мѣриломъ экономическаго состоянія страны лишь въ томъ случаѣ, если потребленіе не стояло бы въ причинной связи съ производительностью. Если, поэтому, вслѣдствіе возрастающей всемірной конкурренціи, Великобританія не могла удержать за собою на главныхъ международныхъ рынкахъ принадлежащаго ей до сихъ поръ пропорціональнаго участія въ привозѣ, и одновременно значительно увеличила свое потребленіе, то нельзя не придти къ заключенію, что экономическія дѣла Соединеннаго-Королевства, въ лучшемъ случаѣ, перестали двигаться по восходящей линіи.

Если сравнить статистическія данныя, относящіяся къ подоходному налогу, взимаемому въ Великобританіи и Германіи, то наталкиваемся на то знаменательное явленіе, что доходъ германскихъ зажиточныхъ классовъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ увеличился на пять разъ больше, чѣмъ доходъ великобританскихъ зажиточныхъ классовъ, а если справиться относительно статистическихъ данныхъ сберегательныхъ кассъ въ тѣхъ же странахъ, то усматривается, что сбереженія германскихъ мелкихъ сберегателей, т.-е. рабочихъ и тому подобныхъ лицъ, увеличились въ послѣднія шесть лѣтъ на десять разъ больше, чѣмъ сбереженія великобританскихъ мелкихъ сберегателей. Въ Соединенныхъ-Штатахъ среднее число сбереженій, вложенныхъ въ сберегательныя кассы въ 1898 году, равнялось 131 доллару, тогда какъ то же число въ Великобританіи опредѣлялось лишь въ 23,60 долларовъ [1]). Эти и разные другіе факты одинаковаго значенія приводятъ къ заключенію, что благосостояніе главныхъ индустріальныхъ и торговыхъ соперницъ Великобританіи—Германіи и Соединенныхъ-Штатовъ—быстро возрастаетъ, тогда какъ Великобританія остается приблизительно на томъ же экономическомъ уровнѣ.

VI.

Для защиты великобританской производительности и борьбы ь всемірной конкурренціей глава бывшаго консервативнаго ка инета, состоящій нынѣ лидеромъ оппозиціи, А. Бальфуръ, рѣ ился высказаться въ пользу примѣненія возмездія иностраннымъ

[1]) Brooks Adams, „American Supremacy", стр. 217.

государствамъ, облагающимъ англійскіе фабрикаты привозною пошлиною. Въ произнесенной Бальфуромъ 1 октября 1903 года въ Шеффильдѣ програмной рѣчи и въ его посвященной фискальной политикѣ брошюрѣ [1]), онъ указалъ на то, что остальныя страны, противъ ожиданія Кобдена, не послѣдовали примѣру Англіи, вслѣдствіе чего главное условіе для выгодности свободной торговли не осуществилось. Великобританія-де, такимъ образомъ, очутилась въ невыгодномъ и опасномъ положеніи борца, сражающагося съ противниками, покрытыми непроницаемою бронею. Чтобы уравновѣсить шансы въ международной торговой конкурренціи, требуется, по увѣренію Бальфура, отреченіе отъ безпомощнаго въ боевомъ отношеніи принципа свободной торговли и переходъ къ политикѣ возмездія, позволяющей отвѣтить на протекціонные и запретительные тарифы иностранныхъ государствъ подобными же мѣрами. Тогда великобританскому правительству возможно будетъ войти въ соглашенія съ иностранными правительствами и выговорить для Соединеннаго-Королевства подобающія льготы для ввоза своихъ продуктовъ, взамѣнъ допущенія иностранныхъ товаровъ въ Великобританію.

Такимъ образомъ, Бальфуръ мотивируетъ угрозу по адресу иностранныхъ государствъ непослѣдованіемъ ими примѣру Великобританіи,—какъ будто Соединенное-Королевство перешло къ свободной торговлѣ, въ извѣстныхъ границахъ, дѣйствительно, на томъ основаніи, что нуждалось въ примѣненіи другими странами того же принципа фритредерства. Это совершенно невѣрно. Англичане ввели у себя свободную торговлю въ виду того, что имъ тогда было незачѣмъ бояться конкурренціи другихъ народовъ въ области обрабатывающей промышленности, и что этотъ принципъ для нихъ былъ чрезвычайно выгоднымъ, а нисколько не изъ человѣколюбія, чтобы этимъ дать хорошій примѣръ другимъ народамъ и распространить блага фритредерства по всему земному шару. Пора перестать вѣрить въ эту фарисейскую сказку Кобдена. Изъ примѣненія принципа свободной торговли англичане извлекали для себя пользу, пока не зародилась въ другихъ странахъ та же обрабатывающая промышленность, не открылись въ нихъ угольныя копи и рудники, и не проявилась у англичанъ та неподвижность, то преувеличенное самомнѣніе, та лѣнивая самоувѣренность, которыя часто являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ слишкомъ долго продолжавшагося, никѣмъ неоспоримаго превосходства. Если бывшій глава великобританскаго пр

[1]) „Economic Notes", London 1903.

вительства совѣтовалъ Англіи вернуться къ протекціонизму, то онъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ измѣнившихся обстоятельствъ мірового рынка и возникшей иностранной конкурренціи, но онъ при этомъ подкапываетъ самую почву, на которой выросло чрезвычайное богатство Англіи.

Но въ практическомъ отношеніи претензія англичанъ на беспошлинный пропускъ ихъ товаровъ, на томъ, будто бы, основаніи, что ими соблюдается принципъ свободной торговли, врядъ ли справедлива. Британская имперія, со включеніемъ ея колоній, обнимаетъ 30.596.613 квадратныхъ километровъ, съ общимъ народонаселеніемъ въ 398.730.145 душъ. Изъ этого пространства лишь Англія, Валлисъ, Шотландія и Ирландія, острова Мэнъ и Ламаншскаго канала, представляющіе, вмѣстѣ взятые, 314.869 кв. миль и населенные 45.522.926 душами, по общепринятому въ Англіи взгляду, пользуются фритредерствомъ, а вся остальная часть Британской имперіи, по дарованной англійскимъ колоніямъ политико-экономической автономіи, завела у себя строжайшій протекціонизмъ, для покровительства и развитія собственной молодой обрабатывающей промышленности. Такимъ образомъ, лишь 1 процентъ всего пространства Британской имперіи и лишь 10,7 процентовъ ея общаго народонаселенія слѣдуютъ экономической политикѣ, называемой въ Англіи фритредерствомъ.

Въ Великобританіи въ сущности никогда и не было полной свободной торговли. Соединенное-Королевство взимаетъ таможенный сборъ съ цѣлаго ряда товаровъ. Въ финансовомъ году, окончившемся 31-го марта 1903 года, Великобританія взимала слѣдующіе таможенные сборы [1]).

Вывозная пошлина	на	уголь выручила	2.051.653	ф. ст.
Привозная	„	„	какао „	270.917	„
„	„	„	цикорій и кофе. . . .	242.426	„
„	„	„	чай	6.559.705	„
„	„	„	зерновой хлѣбъ. . . .	101.234	„
„	„	„	коринку	106.615	„
„	„	„	виноградъ.	230.662	„
„	„	„	винныя ягоды, сливы . .	112.465	„
„	„	„	ромъ.	2.241.769	„
„	„	„	коньякъ	1.211.956	„
„	„	„	прочіе крѣпкіе напитки .	1.004.457	„
„	„	„	сахаръ и сахарныя издѣлія.	5.725.913	„

[1]) Выбираемъ 1903 годъ, какъ наиболѣе подходящій для сравненія доходовъ Великобританіи и Россіи въ виду тогдашняго мирнаго положенія обоихъ государствъ. Свѣдѣнія заимствованы изъ 48-th Report of the Commissioners of His Majesty's Customs, Eyre & Spottiswoode, 1904.

Привозная пошлина на вина	1.335.792	ф. ст.
" " " табакъ всѣхъ сортовъ	12.627.059	"
" " " другіе предметы	98.699	"

Общею сложностью таможенный сборъ выразился 33.921,322 ф. ст.,—что составляетъ 23,9 процентовъ всего государственнаго дохода Великобританіи, достигшаго въ финансовомъ 1902-3 году до 141.546.152 фунт. стерл. Въ Россіи же итогъ всѣхъ взысканныхъ въ финансовомъ 1903 году таможенныхъ сборовъ выразился 241.466.152 рублями (по нормальному курсу 1 ф. ст.— 9,4575 руб.) — 25.531.710 ф. ст., т.-е. на 8.389.612 ф. ст., или 24,5 процентовъ *меньше*, чѣмъ таможенный сборъ, взысканный въ Великобританіи. Весь доходъ россійской казны въ финансовомъ 1903 году равнялся 2.031.800.814 рублямъ. Изъ этой цифры взысканный въ томъ же году таможенный сборъ составилъ лишь 11,9 процентовъ, или на 12,6 процентовъ *меньше*, чѣмъ процентное отношеніе таможеннаго сбора въ Англіи къ цифрѣ общаго англійскаго государственнаго дохода. Такимъ образомъ обнаруживается, что называющіеся фритредерами англичане взимаютъ гораздо больше таможенныхъ сборовъ, не только абсолютно, но и по отношенію къ общему государственному приходу, чѣмъ осуждаемая ими за крайній протекціонизмъ Россія. Правда, англійскій таможенный тарифъ существуетъ лишь для фискальныхъ цѣлей, но такая постановка вопроса, хотя и соотвѣтствуетъ теоріи фритредеровъ, на практикѣ международныхъ сношеній весьма сбивчива. Англійскіе коммерсанты жалуются не на покровительственный характеръ русскихъ таможенныхъ сборовъ, а на самое *взиманіе* таковыхъ въ Россіи съ нѣкоторыхъ статей ихъ вывоза туда. Съ одинаковымъ правомъ русскіе коммерсанты могли бы жаловаться на взиманіе въ Англіи таможенныхъ пошлинъ съ привозимыхъ туда табака, сахара и т. п. Для нихъ безразлично, придаетъ ли Англія этимъ сборамъ фискально-фритредерское или протекціонное значеніе, уже не говоря о томъ, что привозная пошлина съ табака, какао и спиртныхъ напитковъ имѣетъ неотрицаемо протекціонный смыслъ для англійскаго производства этихъ продуктовъ. Стало быть, отношенія россійскаго и англійскаго правительствъ къ русско-англійской торговлѣ, съ практической точки зрѣнія, вовсе не ра[illegible]личаются другъ отъ друга. Поэтому сѣтованіе англичанъ [illegible] протекціонизмъ Россіи и вся пускаемая ими въ ходъ агитац[illegible] о желаемомъ примѣненіи таможенныхъ репрессалій проти[illegible] Россіи, въ дѣйствительности не имѣютъ основанія, въ виду то[illegible] что будто бы фритредерски-обезоруженная Великобританія [illegible]

ствительно не отличается отъ всѣхъ другихъ странъ, облагающихъ международныя торговыя сношенія извѣстными таможенными пошлинами, по собственнымъ соображеніямъ.

VII.

Примѣненіе Великобританіею боевыхъ пошлинъ къ иностраннымъ товарамъ для Великобританіи на практикѣ, вообще говоря, не удобоисполнимо. Но, съ другой стороны, неоспоримо, что идея таможеннаго соглашенія всѣхъ владѣній Великобританіи, соединенныхъ въ одну имперіалистскую федерацію, не только осуществима, но все болѣе получаетъ практическое значеніе. Въ 1887 году англійское правительство сдѣлало первый шагъ къ учрежденію федераціи съ колоніями, пригласивъ колоніальныя правительства на конференцію въ Лондонѣ. Собравшійся въ первый разъ съѣздъ оффиціальныхъ представителей всѣхъ самоуправляющихся и нѣкоторыхъ другихъ колоній для обсужденія дѣлъ, касающихся всей имперіи, означалъ установленіе новаго порядка вещей. На слѣдующемъ колоніальномъ съѣздѣ, состоявшемся въ 1897 году также въ Лондонѣ, представители колоній пришли къ тому заключенію, что онѣ дадутъ предпочтеніе продуктамъ изъ метрополіи, если та введетъ у себя предпочтительные тарифы въ пользу привоза изъ британскихъ колоній. Самымъ ярымъ защитникомъ особыхъ торговыхъ соглашеній съ метрополіею явилось правительство Канады, и когда, вслѣдствіе введенія высоко-протекціоннаго тарифа Динглея въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ, ея торговыя сношенія съ Штатами очутились въ невыгодномъ положеніи, Канада рѣшилась новымъ тарифомъ, принятымъ ея парламентомъ 23 апрѣля 1897 г., дать провенансамъ изъ Великобританіи и Новой Зеландіи предпочтеніе уменьшеніемъ ставокъ общаго тарифа для нихъ на 25%. Съ своей стороны, Великобританія содѣйствовала Канадѣ отказомъ, въ 1899 году, отъ дальнѣйшаго продолженія договора съ Германіею и Бельгіею, запрещающаго введеніе предпочтительныхъ тарифовъ въ Канадѣ въ пользу британскихъ провенансовъ. Германія и Бельгія затѣмъ попытались отомстить Канадѣ за предоставленное ею великобританскимъ провенансамъ предпочтеніе, повысивъ у себя пошлины на канадскіе привозные продукты, но безуспѣшно,—въ 1900 году Канада повысила свою предпочтительную льготу для великобританскихъ товаровъ до $33^1/_2$%. Затѣмъ однообразное пониженіе существующихъ ставокъ для

великобританскихъ провенансовъ было замѣнено новымъ канадскимъ тарифомъ 1906 года, которымъ установляется дифференціація предпочтенія въ пользу метрополіи для каждаго предмета въ отдѣльности, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтеніе это меньше прежнихъ 33%, а въ другихъ — больше. Вообще говоря, новый тарифъ Канады руководствуется принципомъ, что все то, что не можетъ быть произведено въ ея предѣлахъ, должно быть, по возможности, получаемо изъ Великобританіи, причемъ этотъ принципъ распространенъ также на группу до сихъ поръ безпошлинныхъ товаровъ, не могущихъ быть производимыми въ Канадѣ, но для которыхъ введено предпочтеніе, позволяющее имъ быть преимущественно великобританскаго происхожденія. Такимъ образомъ, новый канадскій тарифъ является новымъ шагомъ впередъ къ примѣненію имперіализма и принципа предпочтенія, дарованнаго великобританской метрополіи. Устанавливаются три различныхъ разряда таможеннаго обложенія: 1) предпочтительный тарифъ для товаровъ происхожденія изъ Великобританіи и изъ тѣхъ колоній, которыя находятся въ договорныхъ, основанныхъ на взаимности торговыхъ сношеніяхъ съ Канадою; 2) средній (intermediate) тарифъ, примѣняемый къ товарамъ странъ, находящихся въ торгово-договорныхъ сношеніяхъ съ Канадою, и, наконецъ, 3) общій тарифъ для всѣхъ прочихъ странъ, которыя до сихъ поръ отклонялись отъ торговыхъ съ нею сношеній на основаніи взаимности.

Примѣру экономическаго имперіализма Канады послѣдовала южно-африканская колонія, усвоившая преференціальную торговую политику, предоставивъ товарамъ великобританскаго происхожденія, подлежащимъ перевозкѣ по южно-африканскимъ желѣзнымъ дорогамъ, скидку до 25% съ общаго тарифа. Можно ожидать дальнѣйшихъ мѣръ въ томъ же направленіи, ибо голландская и прогрессивная партіи одинаково склонны принять преференціальныя мѣры въ пользу Великобританіи. Австралія также благосклонно относится къ осуществленію того же принципа предпочтенія.

На третьемъ съѣздѣ колоніальныхъ министровъ-президентовъ въ Лондонѣ, состоявшемся по случаю коронаціи короля Эдуарда VII, въ іюлѣ 1902 года, была принята нижеслѣдующая резолюція. Съѣздъ признаетъ, что принципъ преференціальныхъ тарифовъ между Соединеннымъ-Королевствомъ и британскими колоніями поощрилъ и облегчилъ бы обоюдныя торговыя сношенія и упрочилъ бы имперію, содѣйствуя развитію рессурсовъ и промышленности разныхъ составныхъ ея частей. Но при настоящихъ

условіяхъ, въ которыхъ находятся великобританскія колоніи, не представляется удобоисполнимымъ принять общую систему свободной торговли между метрополіею и ея колоніями. Для того, однако, чтобы споспѣшествовать увеличенію торговыхъ сношеній внутри границъ имперіи, является желательнымъ, чтобы колоніи, которыя еще не примѣняли подобной политики, предоставили, насколько это вообще исполнимо, существенную преференціальную льготу продуктамъ, происходящимъ изъ Соединеннаго-Королевства. Министры-президенты колоній предлагаютъ на обсужденіе великобританскаго правительства вопросъ о цѣлесообразности предоставленія Соединеннымъ-Королевствомъ преференціальныхъ льготъ продуктамъ и издѣліямъ, происходящимъ изъ британскихъ колоній, путемъ освобожденія ихъ отъ пошлинъ, налагаемыхъ по общему тарифу или уменьшенія таковыхъ въ ихъ пользу.

Затѣмъ, на засѣдавшей въ 1907 году въ Лондонѣ четвертой по числу конференціи премьеровъ британскихъ колоній, прежнее рѣшеніе въ пользу предоставленія колоніями преимуществъ издѣліямъ метрополіи было подтверждено и дополнено заявленіемъ о желательности предоставленія Соединеннымъ-Королевствомъ, въ свою очередь, нѣкоторыхъ преимуществъ британскимъ колоніямъ. Большинство премьеровъ высказались въ смыслѣ крайней желательности примѣненія метрополіею протекціоннаго тарифа, меньшинство же—и въ томъ числѣ Муръ, министръ президентъ Наталя—имѣли въ виду пока еще не отказаться отъ существующей въ Великобританіи фискальной системы, но провести предпочтеніе колоніямъ уменьшеніемъ Великобританіею по отношенію къ ихъ продуктамъ пошлинъ на вино, сахаръ, табакъ и чай. Но предложеніе какого бы то ни было таможеннаго предпочтенія, даруемаго колоніямъ, конечно, не могло возбудить симпатій теперешняго фритредерскаго кабинета. Оно было отвергнуто имъ, однако при одновременномъ заявленіи, что великобританское правительство не встрѣчаетъ препятствій къ протекціонной таможенной политикѣ колоній и къ заключенію ими между собою основанныхъ на взаимности и предпочтеніи торговыхъ договоровъ.

Конференціи колоніальныхъ премьеровъ также не удалось осуществить ихъ предложеніе общей имперской обороны и имперскаго совѣта. Но зато Великобританія заявила готовность сблизить колоніи съ метрополіею улучшеніемъ сообщеній между ними. Первый шагъ въ этомъ направленіи будетъ сдѣланъ правительственными субсидіями въ пользу пароходныхъ линій, со-

единяющихъ Канаду съ Великобританіею. Конференція учредила постоянный имперскій секретаріатъ въ министерствѣ колоній, на который налагалась обязанность приготовить и разработать всѣ вопросы, поступающіе на обсужденіе колоніальныхъ конференцій, имѣющихъ быть созванными черезъ каждые четыре года. Кромѣ того установлено, что въ промежуткахъ между ординарными конференціями могутъ состояться добавочные съѣзды представителей колоній. Подводя итоги конференціи 1907 года, нельзя не замѣтить, что она является новымъ шагомъ въ направленіи къ установленію болѣе тѣсныхъ узъ колоній съ метрополіею, хотя пока еще и не удалось склонить Великобританію къ оказываемому колоніямъ предпочтенію.

Если, такимъ образомъ, расположеніе британскихъ колоній къ введенію преференціальныхъ тарифовъ уже вполнѣ выяснилось въ принципѣ и на практикѣ, то, съ другой стороны, въ самой Великобританіи число приверженцевъ перемѣны таможенной политики въ пользу протекціонизма и предпочтенія колоніальнымъ продуктамъ возрастаетъ. Поворотъ въ умахъ англичанъ въ пользу новой таможенной системы совершается медленно, какъ подобаетъ націи, главная отличительная черта которой кроется, какъ извѣстно, въ консерватизмѣ. Такъ, напримѣръ, на состоявшемся въ 1906 году конгрессѣ великобританскихъ торговыхъ палатъ и бюро въ Лондонѣ, 105 изъ нихъ высказались въ пользу предпочтительной таможенной системы противъ только 41; 21 торговая палата пожелали остаться нейтральными, и въ томъ числѣ лондонская торговая палата. Эта послѣдняя уже въ слѣдующемъ, 1907 году пристала къ протекціонизму, рѣшивъ большинствомъ голосовъ на засѣданіи въ мартѣ текущаго года, что существующая въ Соединенномъ-Королевствѣ таможенная система „должна быть измѣнена для того, чтобы укрѣпить на экономической почвѣ узы, связывающія отдѣльныя части имперіи между собою, и чтобы одновременно создать новый источникъ государственныхъ доходовъ путемъ взиманія таможенныхъ пошлинъ съ привозныхъ иностранныхъ издѣлій, что̀, вмѣстѣ съ тѣмъ, явится средствомъ охраны британской промышленности отъ недобросовѣстной конкурренціи иностранныхъ государствъ". Резолюція эта была разослана всѣмъ членамъ палаты съ просьбою сообщить свое мнѣніе и путемъ такого опроса выяснить окончательно настроеніе дѣловыхъ сферъ крупнѣйшаго центра великобританскаго торговаго міра.

Однако, пропаганда Чемберлэна и Бальфура объ установленіи протекціонной и преференціальной таможенной системы и

лучила серьезную задержку, когда, на новыхъ парламентскихъ выборахъ, происходившихъ въ началѣ 1906 года, либеральная партія, издавна отождествляющаяся съ принципомъ свободной торговли, получила громадное большинство голосовъ великобританскихъ избирателей. Но эта побѣда врядъ ли можетъ быть истолкована въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія животрепещущаго вопроса, затрагивающаго самыя условія существованія Британской имперіи. Нельзя не принять во вниманіе, что побѣда либераловъ-виговъ была обусловлена разными обстоятельствами, не имѣвшими ничего общаго съ фритредерствомъ. Торіи съ 1895 года стояли у кормила власти, т.-е. слишкомъ десять лѣтъ. Многіе великобританцы, подавшіе свои голоса за кандидата либеральной партіи, повиновались соображеніямъ этической справедливости, желая дать и вигамъ возможность использовать, въ интересахъ страны, полномочія государственной власти, которыми торіи такъ долго располагали. Другое, вліявшее на парламентскіе выборы 1906 года, обстоятельство усматривается въ томъ, что партія торіевъ, по своей программѣ соединяющая монархическія, аристократическія и церковно-англиканскія тенденціи съ желаніемъ провести либеральныя реформы въ пользу среднихъ классовъ и рабочихъ,—все-таки въ послѣднее время замедлила темпъ своихъ либеральныхъ реформъ и допустила примѣненіе мѣръ, не могущихъ не возбудить антипатіи рабочей среды. Сюда относится привозъ китайскихъ кули въ южно-африканскую колонію, крайне раздражившій рабочій міръ Великобританіи. Много голосовъ было потеряно кабинетомъ Бальфура вслѣдствіе проведеннаго имъ учебнаго закона—Education Act—1905 года, считаемаго вигами анти-либеральною мѣрою, направленною противъ личной свободы. Дальнѣйшій вредъ былъ нанесенъ торіямъ возникновеніемъ особой радикальной рабочей партіи и нарожденіемъ соціализма въ Великобританіи. Наконецъ, на ихъ интересахъ фатально отразилось, что ихъ пропаганда въ пользу имперіализма и протекціонизма застигла великобританскихъ избирателей слишкомъ врасплохъ. Для проведенія въ Великобританіи крупной реформы въ торговой политикѣ страны,—кажущейся при томъ направленной противъ демократическаго духа времени, т.-е. обѣщающей прибыль не столько рабочему, сколько капиталистическому работодателю, — необходимо много подготовительной работы. Въ 1906 году великобританскіе избиратели просто еще недостаточно оцѣнили государственное и всебританское значеніе торговаго протекціонизма съ имперскимъ предпочтеніемъ. Но это, конечно, не значитъ, что они въ будущемъ не про-

никнутся заманчивыми перспективами этой програмы. Цѣлый рядъ первоклассныхъ органовъ періодической прессы не перестаетъ совѣтовать переходъ къ протекціонизму и къ имперскому предпочтенію. Такъ, напримѣръ, „National Review“ опубликовалъ въ своемъ апрѣльскомъ нумерѣ 1907 года интересную статью авторитета по колоніальному вопросу, лорда Мильнера, бывшаго генералъ-губернатора Капской колонія, въ которой этотъ послѣдній старается доказать неминуемую необходимость для Великобританіи придти къ болѣе тѣсному сближенію съ ея колоніями. Потерявъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ концѣ XVIII-го столѣтія, Великобританія сознала свои промахи въ колоніальной политикѣ и вступила на новый путь „laisser faire, laisser aller“. Во избѣжаніе тренія, могущаго повести къ открытому разрыву, случившемуся по отношенію къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, она какъ можно больше поощряла индивидуальное развитіе своихъ колоній. Политика эта была мудра въ отрицательномъ смыслѣ, но она не имѣла никакого положительно конструктивнаго фундамента. Строго выдержанная въ своихъ послѣдствіяхъ, она миролюбивыми средствами постепенно все болѣе удаляла колоніи отъ метрополіи, не сдѣлавъ при этомъ ничего для поощренія обнимающихъ всю имперію интересовъ, созданія общихъ учрежденій и созданія возможности дѣйствовать сообща во внѣшнихъ сношеніяхъ разбросанныхъ по всей поверхности земного шара частей британскаго государства. Эта эволюція колоній Великобританіи дошла до того, что главныя изъ нихъ въ настоящее время считаютъ себя—основательно или нѣтъ—отдѣльными націями, равноправными съ метрополіею. Изъ этого слѣдуетъ, заключаетъ лордъ Мильнеръ, что „мы теперь должны найти какую-нибудь практическую форму соединенія нашихъ колоній съ метрополіею. Въ противномъ случаѣ ихъ полное отложеніе неизбѣжно, какъ бы это намъ ни было нежелательно“.

Замѣчательно, что къ подобному же заключенію пришелъ извѣстный нѣмецкій экономистъ, профессоръ Карлъ Фуксъ въ Фрейбургѣ, стоящій внѣ борьбы противоположныхъ двухъ партій въ Великобританіи: консерваторовъ-протекціонистовъ-имперіалистовъ и либераловъ-фритредеровъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ о торговой политикѣ цивилизованныхъ странъ онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что по политическимъ и экономическимъ причинамъ для Англіи необходимо болѣе чѣмъ когда-либо удержать за собою ея колоніальную имперію.

VIII.

Самосознаніе британскихъ колоній и духъ самостоятельности возросли въ послѣднія двадцать лѣтъ до внушительныхъ размѣровъ. Еще въ 1894 году, когда въ Оттавѣ состоялась конференція между Канадою и Австраліею, поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи колоніямъ права заключать между собою и съ иностранными державами торговые договоры, безъ посредничества имперскаго правительства,—большинство делегатовъ запротестовало даже противъ постановки этого вопроса, и министръ финансовъ канадской федераціи высказалъ мнѣніе, что право заключать договоры самостоятельно нанесло бы смертельный ударъ союзу, и что колоніи, находясь подъ однимъ имперскимъ правительствомъ, должны предоставить имперской власти вести переговоры о торговыхъ трактатахъ. Съ тѣхъ поръ колоніи перемѣнили свой взглядъ. Напримѣръ, Новая Зеландія признала за собою право заключать торговые договоры самостоятельно. Когда сэръ Вильфридъ Лорьеръ, премьеръ Канады, вернулся съ колоніальной конференціи 1907 года, онъ подчеркнулъ въ публичной рѣчи, что съѣздъ представителей колоній въ Лондонѣ „былъ конференціею между правительствами, и что всѣ принявшіе участіе въ ней представители находились на положеніи совершеннаго равенства съ имперскимъ правительствомъ“. То же отношеніе метрополіи къ колоніямъ выражается въ уже упомянутомъ заявленіи великобританскаго правительства о томъ, что оно не встрѣчаетъ препятствій къ заключенію колоніями между собою какихъ бы то ни было торговыхъ договоровъ.

Сообразуясь со своимъ географическимъ положеніемъ, главныя колоніи Великобританіи сгруппировались въ отдѣльные федеративные союзы, какъ, напримѣръ, Канада въ 1867 году и австралійскій „коммонвельтъ“ въ 1903 году. Сплоченіе южной Африки въ одно цѣлое, по всей вѣроятности, состоится въ ближайшемъ будущемъ. Отдѣльныя колоніи имѣютъ весьма своеобразные политическіе интересы. Такъ, напримѣръ, политика Канады зави-
тъ главнымъ образомъ отъ ея сосѣдства съ Соединенными-Шта-
ми и отъ занимаемаго ею въ Атлантическомъ и Тихомъ океа-
хъ положенія, тогда какъ Австралія и Новая Зеландія должны
итаться въ своей политикѣ съ экспансивностью новорожденной
Дальнемъ Востокѣ великой державы, Японіи. Международное
оженіе британскихъ колоній, пользовавшихся раньше полною

безопасностью отъ внѣшнихъ враговъ, ухудшилось тѣмъ, что приблизительно съ конца семидесятыхъ годовъ почти всѣ европейскія державы и Соединенные-Штаты завели у себя колоніи и стали заниматься колоніальною политикою. Въ виду того, что свободныхъ, никому не принадлежащихъ, земель болѣе не осталось на поверхности земного шара, колоніальныя вожделѣнія державъ угрожаютъ цѣлости Британской имперіи.

Но не только измѣнившееся стратегическое положеніе принуждаетъ колоніи искать болѣе тѣснаго государственнаго сплоченія. Для нихъ также необходимо расширить во что бы то ни стало рынокъ для своихъ сельскохозяйственныхъ и другихъ сырыхъ продуктовъ. Для достиженія этой цѣли является самымъ лучшимъ и единственнымъ средствомъ сближеніе на торговой почвѣ путемъ торговыхъ соглашеній. На послѣдней колоніальной конференціи, колоніальные депутаты, какъ уже выше упомянуто, высказались единогласно въ пользу дарованія великобританскимъ продуктамъ извѣстнаго тарифнаго преимущества, съ тѣмъ, чтобы получать для своихъ продуктовъ преимущество на великобританскомъ рынкѣ. Если же Великобританія въ этомъ не пойдетъ имъ навстрѣчу въ близкомъ будущемъ, то они оставятъ ее просто въ сторонѣ и войдутъ въ торговыя соглашенія между собою и иностранными государствами. Были уже заключены торговыя соглашенія на правахъ даруемаго преимущества между Новою Зеландіею и Австраліею, Канадою и южною Африкою. Канада же, на основаніи приведеннаго выше новаго своего тарифа (international tariff), послѣ колоніальной конференціи вошла въ сношеніе съ разными иностранными государствами съ тѣмъ, чтобы заключить съ ними торговыя сношенія, дарующія имъ часть преимуществъ, которыми пользуются продукты Соединеннаго-Королевства на канадскомъ рынкѣ. Соглашеніе съ Германіею уже состоялось. До настоящаго времени главная связь между колоніями и метрополіею состояла въ ихъ хозяйственной зависимости. Въ истекшемъ 1906 году ихъ отпускъ въ Соединенное-Королевство оказался въ 93 милліона ф. ст., тогда какъ всѣ иностранныя государства, взятыя вмѣстѣ, получили отъ нихъ за то же время товаровъ лишь на 40 милліоновъ ф. ст. Еслибы конкуррентамъ Великобританіи удалось достигнуть преобладанія на колоніальныхъ рынкахъ, то этимъ великобританская промышленность и торговля потерпѣли бы непоправимый вредъ, и Британская имперія, и безъ того слишкомъ децентрализованная, была бы обречена на вѣрное распаденіе. Такимъ образомъ, весьма возможно, что Великобританія въ близкомъ будущемъ будетъ поставлена пер

альтернативою полной независимости главныхъ ея колоній или созданіемъ общебританской федераціи полноправныхъ соучастниковъ. „По политическимъ и экономическимъ причинамъ,—говоритъ вышеупомянутый профессоръ экономіи въ Фрейбургѣ, Карлъ Фуксъ, —для Англіи въ настоящее время необходимо болѣе, чѣмъ когда-либо, удержать за собою колоніальную имперію. Благодаря дѣйствующимъ въ настоящее время въ имперіи многочисленнымъ центробѣжнымъ силамъ, это осуществимо лишь путемъ болѣе тѣснаго союза съ колоніями. Такое соглашеніе должно состояться въ скоромъ времени, или же для него будетъ поздно навсегда“.

Однако, нельзя не согласиться съ англійскими фритредерами въ томъ, что примѣненіе преимущественныхъ тарифовъ къ продуктамъ, происходящимъ изъ колоній, не можетъ не повести къ ухудшенію экономическаго положенія населенія Соединеннаго-Королевства. Для экономической жизни Великобританіи, основанной главнымъ образомъ на переработкѣ собственнаго и привозимаго изъ-за-границы сырья, снабженіе великобританскаго промышленнаго народонаселенія наидешевыми сырыми матеріалами и съѣстными продуктами, кажется, является дѣломъ первой необходимости. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что принципъ свободной торговли является единственною подходящею политикою для процвѣтанія тѣхъ предпріятій, на которыхъ зиждется экономическое благосостояніе Великобританіи, т.-е. обрабатывающей промышленности, международной торговли и судоходства. Отсутствіе тарифовъ содѣйствуетъ наибольшему развитію торговыхъ сношеній, расширенію судоходства и поощренію обрабатывающей промышленности. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перехода къ протекціонизму въ Великобританіи было бы вздорожаніе средствъ къ жизни и, въ зависимости отъ этого, рабочей платы, что́, своимъ чередомъ, не могло бы не отразиться на изготовительной стоимости промышленныхъ продуктовъ Англіи, дѣлающихся такимъ образомъ еще менѣе годными къ конкурренціи на всемірномъ рынкѣ съ германскими, сѣверо-американскими и японскими и другими промышленными издѣліями. Введеніемъ тарифныхъ пошлинъ Великобританія помѣшала бы свободной покупкѣ необходимыхъ ей товаровъ, и ея экспортъ не могъ бы не сократиться, если бы, вслѣдъ за введеніемъ боевыхъ тарифовъ, повысились въ иностранныхъ государствахъ пошлины на привозъ англійскихъ продуктовъ. Главная цѣль протекціонизма состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать страну самоудовлетворяющею своимъ потребностямъ и экономически независимою, а при такомъ стремленіи прибыль отъ судоходства, благодаря которой англичане

уравновѣшиваютъ пассивность своего торговаго баланса, должна была бы сократиться; суда, вывозящія каменный уголь изъ Соединеннаго-Королевства, болѣе не нашли бы достаточныхъ обратныхъ грузовъ. Даже если допустить, что Британская имперія когда-нибудь могла бы стать самоудовлетворяющимъ экономическимъ цѣлымъ, не зависящимъ отъ доставки изъ заграничныхъ странъ и вывоза туда, то все-таки остается неоспоримымъ, что въ настоящее время торговля Великобританіи съ ея колоніями составляетъ—по стоимости оборотовъ—лишь 1/4 всей ея внѣшней торговли, и колоніи не могутъ размѣстить на своихъ рынкахъ болѣе четвертой части всего англійскаго производства. Пока колоніи не въ состояніи удовлетворять всѣмъ торговымъ и промышленнымъ потребностямъ Великобританіи, послѣдняя, очевидно, не можетъ, безъ ущерба для себя, завести предпочтительные тарифы въ ихъ пользу. Обременить три-четверти всей международной торговли Великобританіи въ пользу одной четверти кажется въ высшей степени неблагоразумнымъ. Для успѣшнаго веденія транзитной и посреднической торговли, составляющей немалую часть великобританской торговли, также необходимо отсутствіе всякихъ стѣснительныхъ таможенныхъ тарифовъ. Но, подобно тому, какъ въ XVIII-мъ столѣтіи голландская посредническая торговля между Россіею и Великобританіею была вытѣснена прямою торговлею между этими странами, такъ въ наше время посредническая торговля Англіи между заокеанскими странами и континентальною Европою, вслѣдствіе развитія внѣшней торговли и мореходства континента, постепенно уступаетъ мѣсто установившимся прямымъ торговымъ сношеніямъ между континентальною Европою и заокеанскими странами, и по тѣмъ же причинамъ, обусловившимъ въ XVIII-мъ столѣтіи упадокъ голландской посреднической торговли, Великобританія въ XX-мъ столѣтіи постепенно потеряетъ свою посредническую торговлю, предоставляя производительнымъ странамъ сбывать самимъ свои продукты потребляющимъ непосредственно. Наконецъ, совершенно подобно тому, какъ Голландія въ XVIII-мъ столѣтіи не нашла спасенія въ принципѣ свободной торговли, такъ и Англія, по крайней мѣрѣ насколько касается ея посреднической торговли, не спасется отъ торговаго упадка продленіемъ своего фритредерства.

IX.

Такимъ образомъ, Великобританія нынѣ находится ме у двумя огнями, т.-е. въ трагическомъ положеніи, въ котор

она, для необходимаго предотвращенія явнаго ущерба, причиняемаго ей возникшею непосильною иностранною конкурренціею, будетъ принуждена уничтожать собственною рукою тѣ условія торговли, благодаря которымъ ей возможно было создать свое экономическое процвѣтаніе,—иначе говоря, изберетъ ли она своею политикою фритредерство или протекціонизмъ, она уже не въ состояніи болѣе удержаться на уровнѣ экономическаго превосходства, занимаемомъ ею до сихъ поръ. Она уже перешла кульминаціонный пунктъ своего процвѣтанія и нынѣ фатально и неизбѣжно движется по нисходящей линіи.

Но имперіалисты сознаютъ опасности колоссальнаго переворота въ экономической жизни страны въ случаѣ перехода къ протекціонизму, усугубленному преимуществами въ пользу колоній. Они даже допускаютъ неизбѣжность временныхъ экономическихъ жертвъ—лишь бы состоялось объединеніе Великобританіи съ ея колоніями, быстро развивающими свои производительныя силы, дѣлающимися все болѣе способными принять изъ года въ годъ возрастающее количество британскихъ мануфактурныхъ товаровъ. Британскія колоніи, пространствомъ въ 27.801.367 квадр. миль, съ народонаселеніемъ въ 355.835.759 человѣкъ, занимающимся почти исключительно сельскимъ хозяйствомъ и хлѣбопашествомъ и нуждающимся въ привозѣ продуктовъ обрабатывающей промышленности, дѣйствительно представляютъ собою идеальное поле сбыта фабрично-заводскихъ издѣлій Соединеннаго-Королевства. Подобно тому, какъ въ серединѣ прошлаго столѣтія Великобританія провозгласила принципъ свободной торговли, чтобы заручиться свободнымъ привозомъ сырыхъ матеріаловъ и земледѣльческихъ продуктовъ, и заключила рядъ торговыхъ соглашеній съ континентальными, тогда еще не развитыми въ индустріальномъ отношеніи, европейскими странами для свободнаго экспорта имъ своихъ фабрично-заводскихъ издѣлій, такъ и теперь имперіалисты-протекціонисты стараются установить возможно болѣе свободный обмѣнъ продуктовъ съ колоніями, пока еще не располагающими собственною обрабатывающею промышленностью. Подобная торговая политика въ первомъ случаѣ принесла Великобританіи громадную выгоду, и во второмъ—также обѣщаетъ принести ей пользу, но съ тою разницею, что въ то время какъ въ первомъ случаѣ срокъ использованія выгоднаго обмѣна фабрично-заводскихъ издѣлій на сельскохозяйственные продукты простирался, приблизительно, на 60 лѣтъ, — таковой во второмъ, по всей вѣроятности, будетъ гораздо короче.

Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы британскія ко-

лоніи долгое время довольствовались земледѣліемъ, чтобы покупать необходимыя имъ мануфактурныя издѣлія въ Великобританіи. Переходъ отъ сельскаго хозяйства къ мануфактурному и фабрично-заводскому производству въ наше время происходитъ гораздо скорѣе, чѣмъ это было въ прошломъ столѣтіи. Австралія и южная Африка изобилуютъ каменнымъ углемъ и другими сырыми матеріалами для заводской промышленности, Канада же одарена природою также каменнымъ углемъ, водяною силою и разными богатствами, могущими ей пригодиться для скораго развитія начавшейся уже у нея заводской промышленности. Все это предвѣщаетъ, что британскія колоніи не долго останутся исключительно земледѣльческими странами, и что онѣ черезъ непродолжительное время достигнутъ уровня индустріальнаго развитія, на которомъ нынѣ находятся европейскія и американскія государства и благодаря которому въ настоящее время сократился выгодный для Великобританіи обмѣнъ мануфактурныхъ товаровъ на сельскохозяйственные продукты. Какъ только великобританскія колоніи поставятъ свою обрабатывающую промышленность на твердую ногу, онѣ, на подобіе европейскихъ континентальныхъ странъ, откажутся отъ дальнѣйшаго продолженія торговыхъ соглашеній съ Великобританіею, дабы содѣйствовать собственному мануфактурному производству, и вслѣдствіе этого торговыя сношенія Соединеннаго-Королевства съ его колоніями въ скоромъ времени очутятся въ томъ же неблагопріятномъ для англичанъ положеніи, въ которомъ въ настоящее время находится его внѣшняя торговля съ иностранными государствами. Осуществленіе программы Чемберлэна, такимъ образомъ, принесетъ Великобританіи лишь временную пользу и вмѣсто того, чтобы быть настоящимъ цѣлебнымъ средствомъ, окажется лишь палліативомъ. Недугъ, отъ котораго страдаютъ великобританскія промышленность и торговля, кроется, главнымъ образомъ, въ самомъ существованіи чрезмѣрнаго и одностороннаго индустріальнаго развитія Великобританіи, обогатившаго англичанъ, но пережившаго свой вѣкъ, съ тѣхъ поръ какъ иностранныя государства постепенно перестаютъ нуждаться въ привозѣ английскихъ мануфактурныхъ издѣлій.

Подводя итоги изложеннаго, приходимъ къ слѣдующи[м] главнымъ положеніямъ:

Промышленный и торговый расцвѣтъ Великобританіи [яв]ляется—до перехода ея къ свободной торговлѣ—прямымъ слѣдствіемъ ея протекціонной торговой политики, столь же [бе]зпощадной, какъ и примѣняемая Соединенными-Штатами въ

стоящее время. Придерживаясь строгаго протекціонизма, Великобританія поставила свою промышленность на твердую ногу и обезпечила своей торговлѣ неприступное мѣсто на иностранныхъ рынкахъ. Она, такимъ образомъ, подорвала голландскую посредническую торговлю и мореходство, отняла у голландцевъ ихъ шерстяную промышленность, вытѣснила германцевъ изъ производимой ими международной торговли, уничтожила индійскую хлопчатобумажную промышленность и поглотила континентальное желѣзное производство.

Пріобрѣвъ абсолютное превосходство надъ всѣми другими народами въ производствѣ промышленныхъ продуктовъ, ея правящіе государственные люди—Питтъ, Каннингъ, Кобденъ, Гладстонъ—въ серединѣ XIX-го столѣтія провозгласили принципъ свободной торговли, какъ самый подходящій методъ для дальнѣйшаго развитія промышленнаго производства въ Великобританіи. Не боясь конкурренціи какой бы то ни было страны міра въ производствѣ мануфактурныхъ издѣлій, Великобританія могла свободною торговлею заручиться дешевымъ привозомъ нужныхъ для ея обрабатывающей промышленности сырыхъ матеріаловъ и необходимыхъ для прокормленія ея рабочаго населенія пищевыхъ продуктовъ. Пользуясь на практикѣ міровою промышленною монополіею, она выручила громадную прибыль.

Созданная новая фискальная система, однако, не была чистымъ фритредерствомъ, ибо остались въ силѣ разныя пошлины, приносящія значительный доходъ государственной казнѣ. Въ настоящее время великобританское правительство взимаетъ въ годъ пошлинныхъ сборовъ общею сложностью, приблизительно, 34 милліона фунт. ст., т.-е. на 24,5 процентовъ больше, чѣмъ Россія.

Цѣлый рядъ заключенныхъ Великобританіею во второй половинѣ прошлаго столѣтія торговыхъ договоровъ далъ ея мануфактурнымъ издѣліямъ свободный доступъ на иностранные рынки.

Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія многія государства перешли къ національной торговой политикѣ, поощряя развитіе національной обрабатывающей промышленности для собственнаго производства мануфактурныхъ издѣлій. Для достиженія этой цѣли они ввели покровительственные тарифы и отказали Великобританіи въ дальнѣйшемъ продолженіи существовавшихъ между ними и ею международныхъ торговыхъ соглашеній. Вслѣдствіе этого вывозъ мануфактурныхъ фабрикатовъ изъ Великобританіи постепенно уменьшился, а вывозъ таковыхъ изъ

конкуррирующихъ съ нею въ этомъ производствѣ европейскихъ и американскихъ странъ въ другія страны и даже въ Великобританію сильно увеличился и принялъ размѣры, угрожающіе великобританской промышленности и торговлѣ.

Но чтобы заручиться новымъ полемъ для сбыта британскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ британскихъ колоніяхъ, консервативная партія Великобританіи задалась мыслью отказаться отъ свободной торговли и ввести преференціальные тарифы въ пользу британскихъ колоній. Съ своей стороны, главныя британскія колоніи, старающіяся склонить Великобританію къ дарованію имъ таможеннаго преимущества для возможнаго увеличенія сбыта земледѣльческихъ и другихъ сырыхъ продуктовъ въ метрополіи, не только заявили о своей готовности предоставить преференціальныя льготы великобританскимъ мануфактурнымъ издѣліямъ, но даже уже начали примѣнять эту политику на практикѣ. Имперіализмъ главныхъ самоуправляющихся колоній тѣмъ болѣе искрененъ, что онъ проистекаетъ изъ весьма реальныхъ соображеній. Канада боится своего соперника въ производствѣ зерна, Соединенныхъ-Штатовъ, и надѣется таможеннымъ союзомъ съ Англіею пріобрѣсть гораздо больше шансовъ на сбытъ своего зерна, чѣмъ соединеніемъ съ Штатами. Австралія съ ужасомъ видитъ надвигающуюся съ сѣвера „желтую опасность", и вся ея надежда на самосохраненіе зиждется на возможномъ органическомъ соединеніи съ Британской имперіею. Наконецъ, англійское народонаселеніе южной Африки обращаетъ свои взгляды къ англійской метрополіи, чтобы не быть поглощеннымъ численно преобладающими въ этой колоніи голландскимъ и бурскимъ элементами.

Переходъ Великобританіи къ протекціонизму и къ введенію преференціальныхъ тарифовъ для провенансовъ своихъ колоній, хотя чреватъ угрожающими ея благосостоянію осложненіями, рано или поздно осуществится и обѣщаетъ въ нѣкоторой степени оживить ея промышленность и торговлю открытіемъ новыхъ рынковъ для ея издѣлій.

Наконецъ, предполагаемое преференціальными соглашеніями съ колоніями выгодное для Великобританіи торговое положеніе продолжится не долго, ибо британскія колоніи скоро приступятъ к развитію у себя обрабатывающей промышленности, и тогда в ихъ торговой политикѣ произойдетъ такая же перемѣна, ка и совершившаяся въ главныхъ европейскихъ государствахъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, т.-е. они откажутся о дальнѣйшаго продолженія преференціальныхъ торговыхъ сог

кобританіею. Ихъ мануфактурныя издѣлія даже ю конкуррировать съ великобританскими, также щее время издѣлія бывшей сѣверо-американской ненныхъ-Штатовъ, успѣшно конкуррируютъ съ ими на своихъ міровыхъ рынкахъ.

о, торговое положеніе Великобританіи можетъ вслѣдствіе того, что ея перевозочная и посредни-, уже начавшія уступать мѣсто установившимся ымъ сношеніямъ между континентальною Европою странами, еще болѣе сократится въ будущемъ, вслѣдствіе предстоящаго возрастанія германскаго, японскаго и сѣверо-американскаго торговаго мореходства.

Бар. А. Гейкингъ.

Ньюкэстль-онъ-Тайнъ.

ДОМЪ НА КРАЮ

Изъ посмертныхъ стихотвореній

П. М. Ковалевскаго

Покойный Павелъ Михайловичъ Ковалевскій (род. въ 1823 г.; сконч. въ мартѣ 1907 г.) былъ хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, какъ поэтъ и какъ художественный критикъ. Начиная съ 1870 года и въ теченіе всей первой половины 70-хъ годовъ онъ помѣстилъ у насъ до тридцати стихотвореній, а въ началѣ 80-хъ (янв., февр. и мартъ 1883 г.)—большую повѣсть подъ заглавіемъ: „Итоги жизни". Посмертныя стихотворенія П. М. получены нами отъ его дочери, Ольги Павловны Ковалевской; помѣщаемое нынѣ стихотвореніе „Домъ на краю", какъ мы слышали, имѣло большое значеніе въ жизни поэта и ознаменовало собою начало рѣшительнаго перелома въ его бытѣ и характерѣ. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ П. М. проживалъ въ Гатчинѣ, на „краю" города, и тамъ онъ лишился 16-лѣтней дочери, памяти которой, очевидно, и посвящено настоящее стихотвореніе. Съ того времени, какъ сообщаетъ О. П., съ отцомъ ея начало совершаться душевное умиротвореніе; онъ какъ бы весь ушелъ въ себя и въ свое прошлое, чему способствовала отчасти усиливавшаяся съ каждымъ годомъ старческая глухота, и изъ такой дали онъ началъ взирать на все происходящее въ мірѣ болѣе снисходительно, такъ что даже къ увлеченіямъ молодости и слабостямъ вѣка относился уже безъ прежняго озлобленія, какимъ отличаются его воспоминанія, съ которыми мы имѣли случай познакомиться; они были написаны П. М. гораздо раньше, и потому не могутъ давать вѣрнаго понятія о томъ, какимъ онъ сдѣлался въ годы своего отшельничества въ псковской губерніи.—*Ред.*

I.

Въ забытомъ городкѣ, на самомъ на краю,
Какъ отъ живыхъ людей отшельникъ одинокій,
Домъ недостроенный, угрюмый и высокій
Стоялъ давнымъ-давно. И пѣла пѣснь свою
Метель ему одна да роща темныхъ елей.
Смотрѣла вѣчно ночь изъ всѣхъ оконныхъ щелей;
Лишь съ сумерокъ глухихъ до свѣта каждый разъ
Въ далекомъ уголку, какъ чей-то красный глазъ,
Свѣтился огонекъ—приманка черни пьяной.
Трусливый пѣшеходъ шелъ мимо стороной:
Гнѣздомъ нечистыхъ силъ притонъ ночныхъ буяновъ
Давно ославленъ былъ досужею молвой.
Печальная вдова, съ толпою малолѣтокъ,
Какъ съ нимъ ни билася,—никто не покупалъ.
Срубъ старѣлся, чернѣлъ; заборъ кругомъ упалъ
И весь былъ на дрова растасканъ напослѣдокъ.
Уже наѣздили дорогу на дворѣ...
Домъ чернымъ ворономъ темнѣлъ на пустырѣ,
И только по веснѣ цвѣлъ бѣлый кустъ сирени,—
Посаженъ, можетъ быть, заботливой рукой
Отца, мечтавшаго здѣсь кончить вѣкъ съ семьей,—
И сиротливо стлалъ блуждающія тѣни.

Но мирный городокъ радушно такъ смотрѣлъ—
Все лѣто въ зелени, зимой пушисто-бѣлъ...
И вотъ, въ одинъ изъ дней тѣхъ вешнихъ обѣщаній,
Когда апрѣльскіе ручьи бѣгутъ и лѣсъ
Бурѣетъ почками средь голубыхъ небесъ,—
По снѣгу талому къ пустому дому сани
Подъѣхали, и вдругъ весь городокъ узналъ,
Что въ домѣ кто-то былъ и что-то размѣрялъ.
А тамъ рабочіе пришли, котомки сняли,
Пораспоясались, крестяся на соборъ.
Съ утра до вечера ихъ топоры стучали,
Да пѣсни ихъ неслись; работы звонкій хоръ
Отвѣтной рощею стократно отдавался,—
И глянулъ свѣтлыми рядами оконъ домъ,

Стоявшій столько лѣтъ ослѣпшимъ старикомъ.
А май благоухалъ и ясно улыбался...
Весна! я помню здѣсь послѣдній твой расцвѣтъ
Въ саду, разросшемся вкругъ этихъ стѣнъ ожившихъ,
Я слышу голоса, которыхъ больше нѣтъ,
Той жизни молодой и радостей, тутъ бывшихъ!

Отъ дома на краю сталъ лучше городокъ.
Градоначальнику за красоту фасада,
Въ ней неповинному, предвидѣлась награда—
И свѣтлой точкою сталъ темный уголокъ.
Вечерній пѣшеходъ при звукахъ фортепьяно
Здѣсь запоздалый шагъ теперь свой замедлялъ,
И тамъ, гдѣ красный глазъ горѣлъ для черни пьяной,
Манилъ привѣтными огнями свѣтлый залъ;
Мелькала дѣтская головка словно грёза,
Но съ темнорусою, спадавшей съ плечъ косой,
Прекрасная еще незнаемой красой,
Какъ въ почкѣ скрытая до дней весеннихъ роза....
И уносилъ съ собой счастливый пѣшеходъ
Въ глухія сумерки тѣ ȍбразы и звуки:
По бѣглымъ клавишамъ мелькающія руки,
Тотъ ȍбликъ розовый... Тѣснѣе каждый годъ
Сплеталися кусты, и кружевныя тѣни
Длиннѣе падали отъ молодой сирени,
Облегшей старый кустъ подросшею семьёй.
Зеленымъ шопотомъ наполнились аллеи,
И появлялася годъ ȍтъ году милѣе
Головка юная подъ юною листвой...

А позади аллей взбѣгающаго сада,
Давно законный свой перестоявшій срокъ,
За боярышника иглистою оградой,
Домишко рушился, и ветхъ, и кривобокъ.
Въ домишкѣ съ давнихъ поръ кончалася старуха,—
Да что-то все Господь ея не прибиралъ,—
Вѣкъ на печи, безъ ногъ, безъ зрѣнія и слуха.
Сынъ голи городской подмётки настилалъ
И разживался тѣмъ кой-какъ на щи и кашу.
Но съ чудотворною иконой крестный ходъ,

Съ хоругвьми, съ пѣніемъ, сбиравшій каждый годъ
Весь городъ на ноги, и старушонку нашу
Выманивалъ ползкомъ съ печурки на порогъ.
Ужъ тутъ бы быть концу—онъ все придти не могъ:
Старуха смерти ждать шла до другого года.
Такъ на мерцающій послѣдній лучъ въ потьмахъ,
И на ту молодость, всю въ утреннихъ лучахъ,—
Жизнь расточительно на все лила природа...

II.

Въ забытомъ городкѣ—зеленая весна,
А въ молодомъ саду—и ростъ, и зацвѣтанье.
Но гдѣ же подъ листвой головки той мельканье?
Зачѣмъ опущена завѣса у окна?
Тамъ молодость цвѣла, и золотымъ загаромъ
Свой поцѣлуй на ней едва оставилъ май.
Ужель сразитъ недугъ безжалостнымъ ударомъ
Шестнадцатой весны счастливый урожай?
Гордился городокъ красавицей—„своею"!
Когда, склонивъ слегка голубкой бѣлой шею,
Рѣсницей длинною свой отѣняя взоръ,
Иль озаренная, какъ солнышкомъ, улыбкой,
Она несла свой станъ плѣнительный и гибкій,
Свой серебристый смѣхъ, пѣвучій разговоръ,—
Никто не проходилъ безъ слова одобренья.
Неволи городской не зная принужденья,
Съ пучками сочныхъ травъ и полевыхъ цвѣтовъ,—
То въ блескѣ луговинъ, то лѣса въ тьмѣ зеленой,—
Она смолистыхъ рощъ и шолковыхъ луговъ
Сама была цвѣтокъ, дыханьемъ ихъ взращённый.
И нѣтъ ея въ лугахъ; увѣшаны росой,
Напрасно ждутъ ее въ глуши лѣсной фіалки;
А ею снятыя—какъ вялы и какъ жалки,
Забытыя теперь за шторою густой!..

Что день, то свѣтлый май торжественнѣй сіяетъ,
И въ молодомъ саду пронзительнѣй сирень,
Безпечно празднуя весну, благоухаетъ;
Лишь въ томъ окнѣ темно, царитъ въ немъ та же тѣнь.

Домъ словно опустѣлъ, и въ опустѣломъ домѣ
Летаетъ ласточка и вьетъ себѣ гнѣздо—
Старуха ветхая твердитъ: „передъ бѣдой!"
Шесть долгихъ дней прошло въ мучительной истомѣ,
И только на седьмой открылося окно.
Весна душистая въ него влилась волной...
— „Какъ божій міръ хорошъ!"—она пролепетала
И сорваннымъ цвѣткомъ склонилась навсегда.
А въ мірѣ жизнь цвѣла и громко ликовала!
Глядѣли птенчики изъ свѣжаго гнѣзда...

И вынесли ее подъ бѣлою парчою
Въ гробу, колеблемомъ надъ тихою толпою,—
И опустѣлъ совсѣмъ печальный этотъ домъ.
Старуха доползла до своего порога
И, осѣняяся признательнымъ крестомъ,
Сказала: „Ангеломъ прибавилось у Бога!"
И снова въ городкѣ, на самомъ на краю,
Домъ, всѣми брошенный, угрюмый и высокій,
Стоитъ, безвременно отбывшій жизнь свою—
Минутныхъ радостей свидѣтель одинокій.
Вечерній пѣшеходъ ускоренной стопой
Проходитъ, чью-то тѣнь здѣсь чуя за собой...
И только садъ растетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ
И все, что было тутъ, безслѣдно заглушаетъ...

П. Ковалевскій.

1885 г.

ТОЛЕДСКІЙ СОБОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Vicente-Blasco Ibañez. La Catedral. Novella. 1907.

Окончаніе.

V *).

Во время службы въ соборѣ, когда все мужское населеніе верхняго монастыря уходило въ соборъ, Габріэль бродилъ по галереямъ или же спускался въ садъ. Тамъ въ бесѣдкѣ сидѣла въ это время тетка Томаса съ вязаньемъ въ рукахъ, ловко и быстро перебирала спицами и въ то же время зорко слѣдила за работавшимъ въ саду работникомъ.

Тетка Габріэля пользовалась большимъ почетомъ въ верхнемъ монастырѣ, и слова ея имѣли такой же вѣсъ, какъ слова дона Антолина. Авторитетъ ея объяснялся тѣмъ, что она была въ дружбѣ съ кардиналомъ-епископомъ. За пятьдесятъ лѣтъ до того, онъ былъ служкой въ соборѣ, и Томаса, дочь пономаря, съ самаго дѣтства дружила съ нимъ; они дрались иногда за какую-нибудь раскрашенную картинку, играли вдвоемъ, устраивали разныя шалости и остались друзьями на всю жизнь. Величественный донъ Себастіанъ запросто приходилъ теперь въ гости къ старой Томасѣ и велъ себя съ ней по-братски. Старуха почтительно прикладывалась къ пастырскому перстню, но затѣмъ говорила по родственному съ старымъ другомъ; это нравилось кардиналу, какъ отдыхъ отъ лицемѣрнаго подобострастія его

*) См. выше: ноябрь, стр. 297.

подчиненныхъ. Томаса говорила ему въ глаза даже самыя горькія истины. И всѣ сосѣди Томасы въ верхнемъ монастырѣ чувствовали себя вчужѣ польщенными, когда кардиналъ являлся въ своей красной рясѣ и подолгу непринужденно болталъ съ Томасой въ садовой бесѣдкѣ. Томасѣ не льстило вниманіе архіепископа; она видѣла въ немъ только равнаго себѣ друга дѣтства, которому повезло въ жизни. Но семья ея пользовалась этой дружбой для практическихъ цѣлей. Въ особенности умѣлъ эксплуатировать вліяніе Томасы зять старухи, „Голубой", всячески обиравшій соборъ съ полной безнаказанностью.

Габріэль любилъ бесѣдовать съ теткой, потому-что только на нее одну соборъ не оказалъ усыпляющаго дѣйствія. Въ семьдесятъ лѣтъ она оставалась необычайно бодрой и энергичной, свободно говорила всѣмъ правду, какъ человѣкъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, относилась снисходительно къ человѣческимъ слабостямъ, но терпѣть не могла лицемѣрнаго скрыванія своихъ недостатковъ.

— Всѣ они самые простые смертные, Габріэль,—говорила она племяннику о каноникахъ,—и донъ Себастіанъ такой же человѣкъ, какъ другіе. Всѣ грѣшники, и у всѣхъ есть, въ чемъ каяться передъ Господомъ. Иначе и быть не можетъ, и ставить имъ это въ вину не слѣдуетъ. Смѣшно только, когда передъ ними становятся на колѣни. Я вѣрю въ святую Мадонну и въ Бога Отца—но въ этихъ... Нѣтъ, я въ нихъ не вѣрю; для этого я слишкомъ ихъ знаю. Въ концѣ концовъ, конечно, всѣ мы люди и жить нужно. Худо не то, что человѣкъ грѣшенъ. Худо, когда люди комедію ломаютъ, какъ, напримѣръ, мой зять. Онъ бьетъ себя въ грудь, кладетъ земные поклоны, а все время только и думаетъ о томъ, какъ бы я скорѣе умерла, такъ какъ увѣренъ, что у меня спрятаны деньги въ шкапу. Онъ обираетъ соборъ, воруетъ на свѣчахъ, кладетъ въ карманъ деньги, уплачиваемыя за мессы. Если бы не я, его давно бы прогнали. Но мнѣ жалко дочь; она все хвораетъ. И внучатъ жалко.

Когда Габріэль приходилъ къ ней въ садъ, она каждый разъ говорила ему, что онъ видимо поправляется, и что братъ навѣрное спасетъ его своимъ заботливымъ уходомъ. Она слегка поддразнивала Габріэля его болѣзненнымъ видомъ и все ставила въ примѣръ свою безболѣзненную, бодрую старость. Болѣзнь Габріэля она упорно приписывала тому, что онъ навѣрное велъ слишкомъ разгульную жизнь на чужбинѣ, и жалѣла, что онъ не пошелъ по предназначенному ему пути.

— Вѣдь ты бы уже былъ каноникомъ,—говорила она,—

теперь, смотри, какой ты сталъ. Бѣдная твоя мать! Она все думала, что ты будешь святымъ. Хорошъ святой!.. Не отпирайся, я знаю, что ты шибко жилъ. Дурного въ этомъ нѣтъ. Худо только, что ты вернулся такимъ больнымъ и слабымъ. Удивительно право, какъ у всѣхъ церковниковъ точно злой духъ живетъ въ душѣ. Когда они уходятъ въ міръ, то сгораютъ отъ ненасытности желаній,—никакой мѣры не соблюдаютъ. Я знаю многихъ, которые, какъ ты, ушли изъ семинаріи и тоже плохо кончили.

Однажды утромъ, Габріэль обратился къ теткѣ съ вопросомъ, который давно уже хотѣлъ ей предложить, но все не рѣшался:

— Послушайте, тетя, вы добрая, вы скажете мнѣ... другіе все не хотятъ сказать. Что̀ случилось съ моей племянницей?

Лицо старухи омрачилось.

— Это было большое несчастіе, Габріэль, неслыханный позоръ для собора. И какъ разъ въ самой уважаемой семьѣ верхняго монастыря. Мы славимся добродѣтелью; всѣ мы провели здѣсь жизнь какъ замурованные, не видя свѣта... Поэтому-то все и случилось... Виноватъ больше всего твой братъ... Слишкомъ онъ простъ, и не видѣлъ опасности, гордясь своей дочкой...

— Но что̀ же собственно произошло, тетя, между моей племянницей и кадетомъ военной школы?

— Да то, что̀ часто бываетъ на свѣтѣ, и только здѣсь никогда не случалось. Я тысячу разъ говорила твоему брату: смотри, Эстабанъ, этотъ молодой синьоръ не пара твоей дочери. Красивый онъ былъ, это правда, пріятный въ обращеніи и знатнаго рода. Бѣдная Саграріо крѣпко полюбила своего кадета, и когда по воскресеньямъ она ходила гулять съ матерью и женихомъ, ей всѣ барышни завидовали. Племянница твоя славилась красотой на весь Толедо. Твой братъ тоже, по глупости, гордился постоянными посѣщеніями кадета, забывая, что въ такихъ случаяхъ дѣло рѣдко кончается бракомъ. У насъ, въ среднемъ кругу, всѣ женщины безъ ума отъ военныхъ. Я сама помню, что въ молодости всегда оправляла платье и прихорашивалась, какъ только, бывало, заслышу лязгъ сабли въ верхнемъ монастырѣ. Это увлеченіе переходитъ отъ матерей къ дочерямъ; а между тѣмъ всегда они, проклятые, имѣютъ невѣстъ у себя дома и возвращаются къ нимъ, какъ только кончаютъ академію.

— Что̀ же было съ моей племянницей?

— Да то, что когда кадетъ вышелъ въ лейтенанты, его вызвали въ Мадридъ. Горе было ужасное. Влюбленная парочка долго-долго прощалась; они точно не могли оторваться другъ

отъ друга. Онъ обѣщалъ пріѣзжать каждое воскресенье и писать каждый день. Вначалѣ такъ и было. Но потомъ онъ все рѣже являлся самъ и все меньше писалъ—занятъ былъ въ Мадридѣ другими дѣлами. Бѣдная твоя племянница истомилась отъ горя, поблѣднѣла, исхудала. А потомъ, въ одинъ прекрасный день, она исчезла изъ дому... уѣхала одна въ Мадридъ. И до сихъ поръ...

— Ну, а что же потомъ? Не искали ее развѣ?

— Твой братъ совсѣмъ растерялся. Бѣдный Эстабанъ! Онъ иногда по цѣлымъ ночамъ стоялъ на галереѣ и смотрѣлъ въ небо стеклянными глазами. О дочери нельзя было упоминать при немъ: онъ приходилъ въ ярость. Мы всѣ цѣлый годъ ходили мрачные, точно похоронили члена семьи. Чтобы нѣчто подобное случилось въ соборѣ, гдѣ мы всѣ жили въ святости, чтобы въ благочестивой семьѣ Луна могла оказаться дѣвушка, которая рѣшилась уйти къ своему возлюбленному, не боясь Бога и людей... этого никто не ожидалъ. Видно, она уродилась въ своего дядю Габріэля, который считался святымъ, а потомъ разбойничалъ въ лѣсахъ и скитался по міру какъ цыганъ.

Габріэль не сталъ возражать противъ представленія тети Томасы о его прошломъ.

— А послѣ побѣга было что-нибудь извѣстно о ней?—спросилъ онъ.

— Въ первое время, часто доходили слухи,—мы знали, что они жили въ Мадридѣ вмѣстѣ, сначала очень мирно и хорошо, совсѣмъ какъ мужъ и жена. Даже я думала, что онъ въ концѣ концовъ женится на Саграріо. Но черезъ годъ все кончилось. Онъ сталъ тяготиться ею, и семья вмѣшалась: требовала, чтобы онъ ее бросилъ ради своей карьеры. Впутали въ дѣло полицію, чтобы запретить ей приставать къ нему съ жалобами, а потомъ неизвѣстно, что съ нею сталось. Я слышала о ней отъ людей, бывшихъ въ Мадридѣ. Ее тамъ встрѣчали... но ужъ лучше бы, чтобы никто ее не видѣлъ такой. Позоръ это для семьи, Габріэль, и большое несчастіе. Мнѣ говорили, что она была больна и теперь еще, кажется, не выздоровѣла. Да и не мудрено. Пять лѣтъ такой жизни. И подумать, что это дочь моей сестры... Она, бѣдная, умерла съ горя. А Эстабанъ совсѣмъ опустился по[illegible]ѣ своего несчастія. Да и я, какая я ни сильная, все-таки пр[illegible]ю съ ума схожу, когда подумаю, что дѣвушка изъ моей семьи [illegible]ѣлалась потерянной женщиной, превратилась въ забаву для м[illegible]чинъ, и живетъ одна, точно у нея нѣтъ родныхъ.

Синьора Томаса утерла глаза платкомъ. Голосъ ея дрож[illegible]ъ.

— Вы, тетя, добрая, — сказалъ Габріэль, — но мало заботитесь о несчастной дѣвушкѣ. Нужно бы ее разыскать и привести сюда. Нужно прощать людямъ ихъ прегрѣшенія и спасать несчастныя жертвы.

— Да развѣ я этого не знаю? Сколько разъ я объ этомъ думала; но я боюсь твоего брата. Онъ приходитъ въ ярость при одномъ упоминаніи о дочкѣ, и ни за что бы не потерпѣлъ ея присутствія въ благочестивомъ домѣ вашихъ предковъ. Да къ тому же, хотя онъ этого и не говоритъ, но главное—то, что онъ боится нареканій, боится сосѣдей. На самомъ же дѣлѣ съ ними легко справиться; они рта не раскроютъ, если я вступлюсь за нее. Но я боюсь твоего брата.

— Я вамъ помогу,—сказалъ Габріэль.—Только бы ее разыскать, а я ужъ берусь уговорить Эстабана.

— Трудно ее найти. Давно о ней ничего не слышно.—Ну, да я подумаю, какъ бы это сдѣлать.

— А каноники? а кардиналъ? Развѣ они допустятъ, чтобы она вернулась сюда?

— Да многіе, вѣрно, ужъ забыли о томъ, что̀ было. Мы можемъ къ тому же помѣстить ее куда-нибудь въ монастырь, гдѣ она будетъ жить спокойно, никого не возмущая.

— Нѣтъ, тетя, это слишкомъ жестокое лекарство. Нельзя спасти ее для того, чтобы лишить сейчасъ же свободы.

— Ты правъ,—подтвердила старушка.—Нужно вернуть ее домой, если она раскаялась и согласна жить скромно. Я съумѣю зажать ротъ всякому, кто вздумалъ бы тронуть ее словомъ. И донъ-Себастьянъ ничего не скажетъ, если намъ удастся вернуть ее. Что̀ ему и говорить... Въ концѣ концовъ, вѣрь мнѣ, Габріэль... всѣ мы люди.

Въ соборѣ принято было ни слова не говорить о правящемъ прелатѣ. Говорили о предшествующемъ архіепископѣ, обсуждая его слабости и недостатки; это допускалось. Мертваго прелата никто не боялся, тѣмъ болѣе, что осужденіе предшественника было косвенной лестью его живому преемнику. Но если въ разговорѣ упоминалось имя правящаго архіепископа, всѣ умолкали. Никто не говорилъ правды о прелатахъ и не осмѣливался оглашать ихъ недостатки, пока ихъ смерть не развязывала языки. Въ лучшемъ случаѣ позволялось обсуждать распрю между канониками, называть тѣхъ, которые, встрѣчаясь въ хорѣ, накидывались другъ на друга, какъ собаки, готовыя загрызть другъ друга, и позволялось говорить о полемикѣ двухъ канониковъ въ мадридскихъ католическихъ газетахъ — полемикѣ на

вопросъ о томъ,—былъ ли потопъ всемірнымъ, или только частичнымъ.

Вокругъ Габріэля образовался кружокъ людей, которые чувствовали въ немъ ту притягательную силу, которую прирожденные вожди оказываютъ на людей, даже когда они молчатъ и не стараются вліять на окружающихъ. Днемъ кружокъ собирался у звонаря, а по утрамъ сборнымъ пунктомъ было помѣщеніе сапожника, служба котораго въ соборѣ заключалась въ показываніи „Гигантовъ“ посѣтителямъ. Онъ былъ слабый, больной человѣкъ, вѣчно страдалъ головными болями и ходилъ всегда съ повязанной головой.

Онъ былъ бѣднѣе всѣхъ въ верхнемъ монастырѣ, такъ какъ безвозмездно исполнялъ свою должность, въ надеждѣ, что откроется вакансія на какое-нибудь платное мѣсто. Онъ былъ благодаренъ и за даровое помѣщеніе, отведенное ему ради его жены, дочери стараго церковнаго служителя. Помѣщеніе это было сырое и нищенское, и, къ довершенію несчастія, у него каждый годъ рождался ребенокъ. По галереямъ верхняго монастыря бродили голодныя дѣти сапожника, блѣдныя, съ большими головами, худосочныя; они постоянно болѣли, но не умирали, и положеніе семьи было крайне бѣдственное. Сапожникъ работалъ для городскихъ лавокъ, но зарабатывалъ очень мало. Уже на зарѣ раздавался въ тишинѣ монастыря стукъ его молотка. У него Габріэль заставалъ съ утра звонаря Маріано и своего племянника Тато, сидѣвшихъ на низенькихъ табуреткахъ. Отъ времени до времени звонарь бѣжалъ на башню, звонилъ въ опредѣленное время, и тогда мѣсто его занималъ или старый выдувальщикъ органныхъ мѣховъ, или кто-нибудь изъ другихъ служителей, привлеченныхъ толками объ этихъ собраніяхъ мелкаго соборнаго люда. Всѣ приходили слушать Габріэля. Революціонеру въ сущности не хотѣлось говорить, и онъ разсѣянно слушалъ жалобы соборныхъ жителей на ихъ вражду, но его заставляли разсказывать о далекихъ странахъ, и слушатели широко раскрывали глаза отъ восторга, когда онъ описывалъ имъ красоту Парижа или величину Лондона. Подумать только, что есть еще болѣе прекрасныя мѣста, чѣмъ Мадридъ! Даже жена сапожника усаживалась въ углу гдѣ-нибудь и, забы[illegible] больныхъ дѣтей, слушала Габріэля съ блѣдной улыбкой. Бле[illegible] современной культуры волновалъ служителей храма боль[illegible] чѣмъ красоты неба, о которыхъ говорили проповѣдники съ ц[illegible]ковной каѳедры. Среди пыльнаго, затхлаго воздуха въ верхн[illegible] монастырѣ, они видѣли въ воображеніи волшебные города и

брасывали Габріэля наивными вопросами о жизни и даже пищѣ людей въ большихъ городахъ,—точно это были существа иной породы.

Иногда днемъ, во время службы, когда сапожникъ работалъ у себя одинъ, Габріэль спускался въ церковь, гдѣ Эстабанъ, въ шерстяномъ плащѣ съ бѣлымъ воротникомъ, спускавшимся на плечи, стоялъ на одномъ мѣстѣ, не подпуская никого въ пространство между хоромъ и главнымъ алтаремъ. Двѣ золотыя дощечки, прибитыя къ колоннамъ, угрожали отлученіемъ отъ церкви всѣмъ, кто осмѣлится разговаривать или обмѣниваться знаками въ храмѣ. Но эта устарѣлая угроза никого не смущала, и приходившіе къ вечернѣ люди свободно болтали съ церковными служителями. Предвечерній свѣтъ, проникая черезъ стекла, бросалъ пестрыя пятна на плиты, и священники, проходя по этому пламенному ковру, становились красными и зелеными. Въ хорѣ каноники пѣли для себя въ угрюмой пустынности храма. Двери хлопали какъ пушечные удары, пропуская запоздавшихъ служителей. Сверху лѣниво звучалъ органъ, скучно исполняя свой долгъ, и звуки его казались унылыми жалобами среди пустыннаго мрака.

Габріэль натыкался каждый разъ на своего племянника, который, при видѣ его, уходилъ отъ своихъ товарищей, церковныхъ служекъ, и забавлялъ Габріэля своими шалостями. Какъ только появлялась случайно собака, онъ вступалъ въ должность perrego — собачника — и выгонялъ ее на манеръ тореадора, выходящаго на бой съ быкомъ; при этомъ, для большей потѣхи, онъ не давалъ ей сразу уйти, а гналъ ее изъ часовни въ часовню; ея отчаянный лай приводилъ въ бѣшенство канониковъ, къ величайшей радости Тато, который хохоталъ, не обращая вниманія на Эстабана, грозившаго ему своимъ шестомъ.

Послѣ подобныхъ представленій, дядя и племянникъ принимались болтать, главнымъ образомъ, о разныхъ соборныхъ сплетняхъ. Въ противоположность другимъ соборнымъ служителямъ, которые изъ страха, что на нихъ донесутъ кардиналу или каноникамъ, молчали обо всемъ, что̀ дѣлалось вокругъ нихъ, маленькій Тато разсказывалъ кому угодно сплетни, доходившія до него. Онъ ничего не боялся. Въ крайнемъ случаѣ, его прогонятъ изъ этого погреба, и тогда онъ сможетъ оставить соборъ и сдѣлаться тореадоромъ съ согласія своей семьи.

Онъ придумалъ насмѣшливыя прозвища всѣмъ каноникамъ и, указывая на нихъ Габріэлю, разсказывалъ тайны ихъ жизни. Онъ зналъ, куда каждый отправляется послѣ службы, зналъ

имена дамъ и монахинь, которыя плоятъ имъ стихари, и зналъ о соперничествѣ между собой этихъ пріятельницъ канониковъ. Онъ зналъ то, что̀ каноники говорятъ противъ архіепископа, а архіепископъ у себя во дворцѣ—противъ канониковъ, зналъ всѣ интриги этихъ обозленныхъ холостяковъ, которые помнили время, когда капитулъ самъ избиралъ прелатовъ, и зналъ также, что архіепископъ требуетъ полнаго подчиненія и выходитъ изъ себя при малѣйшей строптивости канониковъ. Но больше всего онъ любилъ разсказывать скандальную хронику. Когда каноники выходили изъ хора послѣ службы, онъ указывалъ Габріэлю на группу молодыхъ священниковъ, очень нарядныхъ, гладко выбритыхъ, въ шолковыхъ мантіяхъ, отъ которыхъ шелъ запахъ мускуса. Это были щеголи собора, молодые каноники, часто ѣздившіе въ Мадридъ исповѣдывать своихъ покровительницъ, старыхъ маркизъ, доставившихъ имъ, благодаря своимъ связямъ, мѣсто въ хорѣ. У двери del Mollete они останавливались на минуту поправить складки плаща, прежде чѣмъ выйти на улицу.

— Они идутъ къ своимъ дамамъ, — съ хохотомъ говорилъ Тато.—Мѣсто донъ-Жуану Теноріо!

Послѣ ухода послѣдняго каноника, мальчикъ сталъ разсказывать дядѣ про кардинала.

— Онъ теперь золъ, какъ чортъ; во дворцѣ всѣ дрожатъ отъ страха. Когда у него разбаливается фистула, онъ впадаетъ въ полное бѣшенство.

— Развѣ правда, что у него фистула?—спросилъ Габріэль.

— Еще бы, всѣ это знаютъ. Спросите тетю Томасу... Они потому такъ дружны, что она приготовляетъ мазь, которая ему помогаетъ. Онъ добрый человѣкъ, но когда его мучитъ болѣзнь, онъ невмѣняемъ. Я самъ видѣлъ его разъ, въ облаченіи и съ митрой на головѣ, такимъ бѣшенымъ, что, казалось, вотъ онъ сейчасъ бросится на всѣхъ насъ и отколотитъ. Тетя правду говоритъ: ему нельзя пить.

— А развѣ правда, что онъ пьянствуетъ?

— Нѣтъ, не пьянствуетъ; это не вѣрно: онъ только выпиваетъ, при случаѣ, рюмочку-другую, когда кто-нибудь приходитъ къ нему въ гости. Эту привычку онъ пріобрѣлъ въ Андалузіи, когда былъ тамъ епископомъ. И вино-то отличное—по пятидесяти дуро за аробу. Оно укрѣпляетъ желудокъ и придаетъ силы. Но когда оно попадаетъ въ его внутренности, онъ мучается, какъ въ аду. Доктора его потомъ подлечатъ, а онъ снова принимаетъ пить свое винцо.

Тато, несмотря на свою насмѣшливость, выражалъ сочувствіе прелату.

— Онъ вѣдь не кто-нибудь, дядя, онъ хорошій человѣкъ,— только характеръ у него несносный. У него маленькое бѣлое и розовое личико, а между тѣмъ голова не пустая... Онъ молодецъ, и главное, не лицемѣръ. Ничего не боится,—видно, что былъ солдатомъ въ молодости; онъ не поднимаетъ по всякому поводу глаза къ небу, не труситъ ничего. Настоящій человѣкъ. Мнѣ онъ тѣмъ нравится, что держитъ въ строгости каноииковъ—не то, что прежній, который трусилъ передъ каждымъ... Съ нимъ вѣдь шутки плохи. Онъ въ состояніи броситься во время службы въ хоръ и выгнать всѣхъ. Онъ вотъ теперь два мѣсяца какъ не показывается въ соборѣ, разсердившись на канониковъ. Они явились къ нему съ просьбой о какой-то реформѣ, и одинъ изъ нихъ началъ рѣчь словами: „Монсиньоръ, капитулъ полагаетъ...“ Тогда донъ Себастіанъ прервалъ его въ бѣшенствѣ, крикнувъ: „Капитулу нечего полагать, капитулъ ничего не понимаетъ“!—повернулся къ нимъ спиной и ушелъ... Онъ правъ, что такъ съ ними обходится. Чего они вмѣшиваются въ его жизнь? Онъ вѣдь не преслѣдуетъ ихъ за похожденія, извѣстныя всему Толедо.

— Чтò же они говорятъ про него?

— Говорятъ, что Хуанито—его внукъ, что отецъ Хуанито, который сходилъ за брата его, на самомъ дѣлѣ былъ его сынъ. Но больше всего его бѣсятъ толки про донью Визитаціонъ.

— Это кто такая?

— Какъ, вы не знаете? О ней столько говорятъ въ соборѣ и въ городѣ. Это — племянница архіепископа и живетъ въ его дворцѣ. Онъ ее очень любитъ. Какъ бы онъ ни бѣсился, когда его схватитъ припадокъ болѣзни, стòитъ ей явиться,—и онъ становится кроткимъ какъ ягненокъ. Онъ весь сіяетъ, когда она скажетъ ему ласковое слово. Прямо души въ ней не чаетъ.

— Такъ неужели она?..—спросилъ Габріэль.

— Ну, конечно. Какъ же иначе? Она воспитывалась въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, и кардиналъ выписалъ ее къ себѣ во дворецъ, какъ только пріѣхалъ въ Толедо. Неизвѣстно, чѣмъ она ему такъ нравится: она слишкомъ высокая, худая, блѣдная. Только глаза у нея большіе и цвѣтъ лица нѣжный— вотъ и все. Говорятъ, что она поетъ, играетъ и очень образованная. Во всякомъ случаѣ, она съумѣла забрать въ руки кардинала. Она приходитъ иногда въ соборъ, одѣтая какъ монахиня, въ сопровожденіи уродливой служанки.

— Можетъ быть, ты ошибаешься, Тато?

— Ну, вотъ еще! Это извѣстно всему собору, и даже прихлебатель архіепископа, который доноситъ ему всѣ сплетни, не отрицаетъ этого. А кардиналъ приходитъ въ бѣшенство, какъ только услышитъ что-нибудь дурное про племянницу... Ужъ вы мнѣ повѣрьте, что это такъ. У меня самыя точныя свѣдѣнія, дядя, отъ человѣка, живущаго во дворцѣ. Онъ сколько разъ видѣлъ, какъ они цѣловались, то-есть цѣловала-то она его, а онъ улыбался отъ удовольствія. Бѣдняга—онъ такъ старъ!

Братъ Габріэля возмущался всѣми этими слухами, доходившими до него. Онъ не выносилъ неуваженія къ высшимъ властямъ. Вѣдь про всѣхъ прежнихъ епископовъ тоже говорили при ихъ жизни разныя гадости, а послѣ смерти производили ихъ въ святые. Когда онъ слышалъ непочтительную болтовню Тато, мальчику сильно отъ него доставалось.

Эстабанъ радовался, видя, какъ поправляется Габріэль, и продолжалъ нѣжно заботиться о его здоровьи. Онъ былъ доволенъ осторожностью брата, не выдававшаго никому своего прошлаго, и гордился почтительнымъ и восторженнымъ отношеніемъ къ нему всѣхъ соборныхъ служащихъ, которые восхищались разсказами Габріэля о его путешествіяхъ.

Когда онъ иногда съ улыбкой глядѣлъ на Габріэля и выражалъ свое удовольствіе по поводу того, что онъ меньше кашляетъ и уже не такой блѣдный, Габріэль грустно предостерегалъ брата и говорилъ, что смерть все-таки придетъ и даже скоро. Эстабанъ тревожился и еще усерднѣе отпаивалъ его молокомъ и упитывалъ вкусными блюдами, надѣясь восторжествовать надъ болѣзнью, разрушившей организмъ Габріэля въ тяжелые годы революціонной борьбы.

Попеченія о больномъ братѣ сильно отзывались на скромномъ бюджетѣ Эстабана. Его крошечнаго жалованья и небольшой денежной помощи отъ регента, дона Луиса, не хватало на покрытіе новыхъ расходовъ, и ему приходилось обращаться къ помощи дона Антолина въ концѣ каждаго мѣсяца. Габріэль ясно понималъ затруднительное положеніе брата и не зналъ, какъ ему помочь. Онъ бы радъ былъ взять какую угодно службу,—но всѣ мѣста при соборѣ были заняты, и если иногда открывал[illegible] вакансія за чьей-нибудь смертью, на нее было слишкомъ мн[illegible] голодныхъ кандидатовъ, предъявлявшихъ свои семейныя пра[illegible] Кромѣ того, Эстабанъ, на просьбы брата достать ему каку[illegible] нибудь работу, отвѣчалъ рѣзкимъ протестомъ, говоря, что е[illegible] ственной его заботой должно быть возстановленіе здоровья.

Однажды утромъ, Габріэля остановила у рѣшетки сада синьора Томаса.

— У меня есть новости для тебя, Габріэль,—сказала она.— Я узнала, гдѣ наша бѣглянка. Больше ничего я тебѣ не могу теперь сказать, но приготовься убѣждать брата. Очень возможно, что черезъ нѣсколько дней она будетъ здѣсь.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, тетя Томаса подошла, въ сумерки, къ Габріэлю и дернула его, молча, за рукавъ. Уведя его за собой въ садъ, она указала ему на женщину, прислонившуюся къ одной изъ колоннъ, окружавшихъ садъ. Она была закутана въ темный плащъ, и головной платокъ надвинутъ былъ на глаза.

Габріэль ни за что бы не догадался, что это его племянница. Онъ помнилъ ее молодой, свѣжей, такою, какою она была во время его послѣдняго пріѣзда въ Толедо, а теперь передъ нимъ стояла почти старая женщина, съ увядшимъ лицомъ, съ выступающими скулами, провалившимися глазами, съ измученнымъ, страдальческимъ видомъ. Потертое платье, стоптанные башмаки ясно указывали на крайнюю нищету.

— Поздоровайся съ дядей,—сказала старуха.—Онъ ангелъ небесный, несмотря на свои продѣлки. Это онъ вернулъ тебя сюда.

Садовница толкнула Саграріо къ дядѣ, но несчастная женщина опустила голову, согнула плечи и прикрыла лицо мантильей, скрывая слезы.

— Пойдемъ домой,—сказалъ Габріэль.—Къ чему ей здѣсь стоять.

Поднимаясь по лѣстницѣ, они пропустили впередъ Саграріо.

— Мы пріѣхали изъ Мадрида сегодня утромъ,—разсказывала садовница Габріэлю.—Но я весь день оставалась съ ней въ заѣзжемъ дворѣ, думая, что лучше ей вернуться домой только подъ вечеръ. Эстабанъ теперь въ церкви, и у тебя есть время подготовиться къ разговору съ нимъ. Три дня я пробыла въ Мадридѣ съ Саграріо и насмотрѣлась такихъ ужасовъ, что вспомнить страшно. Въ какомъ аду она очутилась, несчастная! И еще говорятъ, что мы христіане! Нѣтъ, люди хуже дьяволовъ. Хорошо, что у меня есть знакомые въ соборѣ. Они вспомнили старую Томасу и помогли мнѣ. И то еще пришлось дать денегъ, чтобы вырвать ее изъ когтей дьявола.

Въ верхнемъ монастырѣ было пустынно въ этотъ часъ. Дойдя до квартиры отца, Саграріо остановилась у дверей, откинулась назадъ съ выраженіемъ ужаса и стала плакать.

— Войди, войди, — сказала тетка. — Это твой домъ; рано или поздно ты должна была вернуться сюда.

Она силой толкнула ее въ дверь. Войдя въ переднюю, Саграріо перестала плакать. Она стала оглядываться съ изумленіемъ, какъ бы не вѣря, что дѣйствительно вернулась домой, и поражалась видомъ знакомыхъ предметовъ. Все было на прежнемъ мѣстѣ. Ничего не измѣнилось за пять лѣтъ ея отсутствія въ этомъ маленькомъ міркѣ, окаменѣвшемъ подъ сѣнью собора. Только она, ушедшая среди цвѣтущей молодости, вернулась постарѣвшей и больной...

Наступило долгое молчаніе.

— Твоя комната, Саграріо, осталась такой же, какъ ты ее оставила,—сказалъ наконецъ Габріэль.—Войдя туда и жди, пока я позову тебя. Будь спокойна и не плачь. Довѣрься мнѣ... Сейчасъ вернется твой отецъ. Спрячься и сиди тихо. Помни: не выходи, пока я тебя не позову.

Она ушла, и еще долго Томаса и Габріэль слышали сдержанныя рыданія молодой женщины, которая бросилась въ изнеможеніи на кровать и долго не могла побороть слезы.

— Бѣдняжка!—сказала старуха, которая тоже готова была расплакаться.—Она раскаивается въ своихъ грѣхахъ. Если бы отецъ позвалъ ее къ себѣ, когда она очутилась одна, она бы не опустилась до такого позора. Она больна; кажется, еще болѣе больна, чѣмъ ты... Хороши люди, съ ихъ болтовней о чести! Лучше бы они понимали, что нужно любить и жалѣть, а не осуждать другихъ. Я это говорила своему зятю. Онъ возмутился, узнавъ, что я поѣхала за Саграріо, сталъ говорить о семейной чести, сказалъ, что если Саграріо вернется, то честнымъ людямъ нельзя будетъ тутъ жить, и что онъ не выпуститъ за порогъ дома свою дочь. И это говоритъ человѣкъ, который воруетъ воскъ у Мадонны и прикарманиваетъ деньги за мессы, которыхъ никогда не служитъ!

Послѣ короткаго молчанія, Томаса нерѣшительно посмотрѣла на племянника.

— Что-жъ, позвать Эстабана?—спросила она.

— Позовите. А вы будете присутствовать при нашемъ объясненіи?

— Нѣтъ. Я вѣдь или расплачусь, или брошусь на него съ кулаками. Ты лучше съумѣешь уговорить его одинъ. Тебѣ вѣдь Богъ далъ даръ слова—жаль, что ты такъ плохо воспользовался имъ въ жизни.

Старуха ушла, и Габріэль ждалъ брата болѣе получаса среди тишины собора. Наконецъ Эстабанъ явился...

— Что̀ такое, Габріэль? — тревожно спросилъ онъ. — Что̀ случилось? Тетя Томаса позвала меня къ тебѣ. Ужъ не боленъ ли ты?

— Нѣтъ, Эстабанъ, садись, успокойся.

Эстабанъ сѣлъ и съ тревогой поглядѣлъ на брата. Его серьезный видъ и долгое молчаніе, прежде чѣмъ онъ заговорилъ, сильно его обезпокоили.

— Да говори же наконецъ! — сказалъ онъ. — Мнѣ становится страшно.

— Послушай, братъ, — началъ Габріэль: — я до сихъ поръ не говорилъ съ тобой о тайнѣ твоей жизни. Ты сказалъ мнѣ, что твоя дочь умерла, и я тебя не разспрашивалъ. Правда вѣдь, что я до сихъ поръ не растравлялъ твои раны?

— Да, конечно. Но зачѣмъ ты это теперь вспоминаешь? — спросилъ Эстабанъ. — Зачѣмъ говорить о томъ, что мнѣ такъ больно?

— Эстабанъ, выслушай меня спокойно и не упирайся въ предразсудкахъ нашихъ предковъ. Будь разумнымъ человѣкомъ. Мы съ тобой люди разной вѣры. Я не говорю о религіи, а только о взглядахъ на жизнь. Для тебя семья — дѣло божеское, а по-моему семья создана людьми въ силу потребностей рода. Ты осуждаешь прегрѣшившаго противъ закона семьи, предаешь его забвенію, а я прощаю его слабости. Мы разно понимаемъ честь. Ты знаешь только кастильскую честь, жестокую и неумолимую, очень театральную. Она основана не на истинныхъ чувствахъ, а на страхѣ передъ тѣмъ, что̀ скажутъ другіе, на желаніи рисоваться передъ другими... Прелюбодѣйная жена достойна смерти, убѣжавшая дочь — предается забвенію. Вотъ ваше евангеліе. А я такъ полагаю, что жену, забывшую свой долгъ, слѣдуетъ забыть, а дочь, ушедшую изъ дому, нужно вернуть любовью, нѣжностью и прощеніемъ. Послушай, Эстабанъ: насъ раздѣляютъ наши убѣжденія; между нами лежатъ цѣлые вѣка. Но ты мой братъ, ты любишь меня и знаешь, что я люблю тебя и чту память родителей. Во имя всего этого, я говорю тебѣ, что ты долженъ опомниться; пора отказаться отъ ложнаго пониманія чести, — пора вспомнить про дочь, которая тяжко страдаетъ. Ты — т кой добрый, ты пріютилъ меня въ тяжелую минуту жизни, — к къ же ты можешь спасать людей, не думая о твоей потерян н й дочери? Ты не знаешь, не умираетъ ли она съ голоду, въ т время какъ ты ѣшь? Можетъ быть, она лежитъ въ больницѣ в то время, какъ ты живешь въ домѣ твоихъ отцовъ.

Лицо Эстабана становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ.

— Всѣ твои старанія напрасны, Габріэль,—отвѣтилъ онъ наконецъ.—Не говори мнѣ о ней: она разбила мою жизнь, она опозорила семью, которая цѣлыми вѣками была гордостью собора и строгостью своей добродѣтели внушала уваженіе всѣмъ каноникамъ и даже архіепископамъ. А изъ-за моей дочери мы всѣ сдѣлались предметомъ насмѣшекъ, позорныхъ сожалѣній. Сколько я выстрадалъ, какъ часто рыдалъ отъ бѣшенства, послѣ того какъ слышалъ шушуканія за моей спиной. Бѣдная моя жена умерла отъ стыда. А ты требуешь, чтобы я это забылъ!.. Нѣтъ, Габріэль, я иначе понимаю честь: я хочу жить не стыдясь, глядѣть людямъ въ глаза, спать, не боясь очей покойнаго отца. Его взглядъ преслѣдовалъ бы меня, если бы подъ моимъ кровомъ жила моя потерянная дочь. Молю тебя, братъ, во имя нашей любви, не говори мнѣ объ этомъ... У тебя отравлена душа ядомъ опасныхъ ученій. Ты не только въ Бога не вѣруешь, но и про честь забылъ.

— Однако,—возразилъ Габріэль,—ваша религія учитъ, что дѣти—даръ Божій. Какъ же ты отвергаешь этотъ даръ при первомъ огорченіи отъ дочери? Нѣтъ, Эстабанъ, любовь къ дѣтямъ—первый величайшій долгъ. Дѣти продолжаютъ наше существованіе, они даютъ намъ безсмертіе. Забывать дѣтей, отказывать имъ въ помощи—значитъ отказаться отъ жизни послѣ смерти.

— Ты не убѣдишь меня, Габріэль,—отвѣтилъ Эстабанъ.—Не хочу, не хочу!

— Повторяю тебѣ: то, что̀ ты дѣлаешь — возмутительно. Если ты держишься устарѣлаго понятія о чести, требующаго расплаты за позоръ кровью, почему же ты не отыскалъ соблазнителя твоей дочери и не убилъ его, какъ отцы въ старыхъ мелодрамахъ? Но ты миролюбивый человѣкъ и не научился убивать ближнихъ, а онъ привыкъ обращаться съ оружіемъ. А если бы ты вздумалъ другими средствами мстить ему, его семья уничтожила бы тебя. Ты изъ чувства самосохраненія отказался отъ мести и обрушилъ свой гнѣвъ на несчастную жертву...

Эстабанъ упорно стоялъ на своемъ.

— Ты меня не убѣдишь,—говорилъ онъ,—я не хочу тебя слушать. Она меня бросила, и я ее бросаю.

— Вѣдь если бы она тебя бросила послѣ обряда въ церкви, ты былъ бы радъ и встрѣчалъ бы ее съ открытыми объятіями каждый разъ, когда она пріѣзжала бы къ тебѣ. А теперь ты отъ нея отказываешься изъ-за того, что она обманута и очень несчастна? Подумай, Эстабанъ, почему она пала? Вѣдь въ этомъ виноваты ты и твоя жена; вы не вооружили ее противъ

своего коварства, вы внушили ей преклоненіе передъ богатствомъ и знатностью, принимая у себя ея соблазнителя и гордясь его вниманіемъ къ вашей дочери. Что удивительнаго, что онъ сталъ для нея образцомъ всѣхъ совершенствъ? А когда обнаружились неизбѣжныя послѣдствія ихъ общественнаго неравенства, она изъ благородства не отказалась отъ своей любви и возстала противъ тираніи предразсудковъ. Въ этой борьбѣ она потерпѣла пораженіе. Ваша вина, что вы ее не поддержали, не уберегли. Несчастная! Она дорогой цѣной заплатила за свое ослѣпленіе. Теперь нужно поднять ее—и это долгъ твой, ея отца.

Эстабанъ сидѣлъ, опустивъ голову, и все время дѣлалъ отрицательные жесты головой.

— Послушай, братъ!—сказалъ Габріэль съ нѣкоторой торжественностью: — если ты упорствуешь въ отрицаніи, мнѣ остается покинуть твой домъ. Если не вернется твоя дочь, я уйду. Всякій по-своему понимаетъ честь. Ты боишься людскихъ толковъ — я боюсь своей совѣсти. Я былъ бы воромъ, если бы ѣлъ твой хлѣбъ, въ то время, какъ дочь твоя терпитъ голодъ; если бы принималъ попеченія о себѣ, когда у дочери твоей нѣтъ никакой поддержки въ жизни. Если она не вернется сюда, то я—грабитель, похитившій для себя любовь и заботы, принадлежащія по праву ей. У каждаго своя мораль. Твою тебѣ преподали попы, мою я создалъ себѣ самъ, и она—еще болѣе суровая. Поэтому я повторяю тебѣ: или твоя дочь вернется, или уйду. Вернусь въ міръ, гдѣ меня травятъ какъ звѣря, вер-сь въ больницу или въ тюрьму, умру какъ собака въ канавѣ. знаю, что будетъ, но я сегодня же уйду, чтобы не пользо-ться ни минуты тѣмъ, что отнято у несчастной женщины.

Эстабанъ вскочилъ со стула.

— Ты съ ума сошелъ, Габріэль?—крикнулъ онъ.—Ты хо-шь меня покинуть, когда твое присутствіе—единственная ра-сть моей жизни? Я привязался къ тебѣ, воскресъ душой съ хъ поръ, какъ ты со мной. Нѣтъ, ты не уйдешь—иначе я умру.

— Успокойся, Эстабанъ,—сказалъ Габріэль.—Будемъ гово-ть безъ криковъ и слезъ. Я тебѣ снова повторяю: если не полнишь моей просьбы—я уйду.

— Да гдѣ же она, наконецъ, что ты такъ настойчиво про-шь за нее?—спросилъ Эстабанъ.—Ты ее видѣлъ, что-ли? ужели она въ Толедо? или даже....

Габріэль, видя, что онъ поколебленъ въ своемъ упрямствѣ, шилъ, что наступилъ нужный моментъ, и открылъ дверь въ мнату Саграріо.

— Выйди,—сказалъ онъ,—проси прощенія у отца!

Эстабанъ, увидя среди комнаты женщину на колѣняхъ, остолбенѣлъ отъ изумленія. Потомъ онъ обратилъ глаза на Габріэля, точно спрашивая его, кто она. Женщина отняла руки отъ лица и поглядѣла ему прямо въ глаза. Ея помертвѣлыя губы шептали одно только слово:

— Прости, прости!..

При видѣ ея измученнаго, измѣнившагося до неузнаваемости лица, Эстабанъ почувствовалъ, что его неумолимость пошатнулась. Глаза его выразили безконечную грусть.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Ты побѣдилъ, Габріэль. Я исполняю твое желаніе. Она останется здѣсь, потому что ты этого хочешь. Но я не хочу ее видѣть. Оставайся ты съ ней, а я уйду.

VI.

Съ утра до вечера раздавался теперь стукъ швейной машины; вмѣстѣ со стукомъ молотка изъ квартиры сапожника это были единственныя напоминанія о трудѣ среди молитвенной тишины верхняго монастыря.

Когда Габріэль выходилъ на зарѣ изъ своей комнаты, прокашлявъ всю ночь, онъ уже заставалъ Сграріо, приготовлявшую машину для работы. Сейчасъ же по возвращеніи изъ собора, она принималась упорно и молчаливо за работу, чтобы какъ можно меньше показываться на глаза сосѣдямъ и чтобы загладить трудомъ свое прошлое. Старая садовница доставала ей работу, и стукъ машины не умолкалъ весь день. Эстабанъ проходилъ какъ тѣнь, появляясь у себя лишь тогда, когда это было неизбѣжно. За столомъ онъ сидѣлъ, опустивъ глаза, чтобы не смотрѣть на дочь, которая едва сдерживала рыданія въ его присутствіи. Тягостная тишина наполняла домъ, и одинъ только донъ Луисъ не измѣнился; онъ попрежнему оживленно болталъ съ Габріэлемъ и почти не замѣчалъ присутствія Саграріо.

Габріэль возмущался упрямствомъ брата, избѣгавшаго встрѣчъ съ дочерью.

— Ты ее убьешь,—говорилъ онъ;—твое поведеніе возму[...]тельно.

— Что-жъ дѣлать, братъ, я иначе не могу. Я не могу г[...]дѣть на нее... Достаточно, что я допускаю ея присутствіе [...] домѣ. Если бы ты зналъ, какъ я страдаю отъ взглядовъ сосѣд[...]

На самомъ дѣлѣ, однако, появленіе Саграріо вовсе не [...]

вело такого скандала, какъ онъ думалъ. Она такъ подурнѣла отъ болѣзни и горя, что женщины перестали относиться къ ней враждебно. Кромѣ того, покровительство Томасы защищало ее. Переставъ ей завидовать, всѣ, даже гордая Марикита, племянница дона Антолина, съ преувеличеннымъ покровительствомъ относились къ несчастной женщинѣ, которая прежде славилась своей красотой. Съ недѣлю ея появленіе возбуждало нѣкоторое любопытство, и всѣ толпились у дверей Эстабана, чтобы поглядѣть на Саграріо, наклоненную надъ машиной; но потомъ любопытство стихло, и Саграріо могла безпрепятственно жить своей печальной трудовой жизнью.

Габріэль мало выходилъ изъ дому и проводилъ цѣлые дни съ племянницей, чтобы хоть нѣсколько возмѣстить ей отцовскую ласку. Она была такъ же одинока дома, какъ въ чужомъ городѣ, и Габріэлю было жалко ее; иногда приходила тетка Томаса, которая одобряла трудолюбіе племянницы, но говорила, что все-таки не для чего убивать себя работой... Иногда являлись также друзья Габріэля, собиравшіеся прежде у сапожника. Они такъ привязались къ своему новому другу, что не могли жить безъ него. Даже сапожникъ, когда у него не было спѣшной работы, приходилъ съ повязанной головой и садился около швейной машины слушать Габріэля.

Молодая женщина смотрѣла на дядю съ восхищеніемъ, оживлявшимъ ея грустный взоръ. Она съ дѣтства много слышала объ этомъ таинственномъ родственникѣ, который скитался по далекимъ странамъ. А теперь онъ вернулся, состарившійся и больной, какъ она, но покорявшій своему вліянію всѣхъ вокругъ себя, восхищая ихъ своими рѣчами, которыя были небесной музыкой для всѣхъ этихъ людей, окаменѣвшихъ въ мысляхъ и чувствахъ. Габріэль былъ для нихъ откровеніемъ современнаго міра, который столько лѣтъ не проникалъ въ соборъ, жившій еще жизнью XVI-го вѣка.

Появленіе Саграріо измѣнило жизнь Габріэля. Присутствіе женщины воспламенило въ немъ проповѣдническій жаръ; онъ отступился отъ прежней сдержанности, сталъ часто говорить со своими друзьями о „новыхъ идеяхъ", которыя производили переворотъ въ ихъ мысляхъ и волновали ихъ, не давая спать по ночамъ. Они требовали у Габріэля, чтобы онъ излагалъ имъ свое ученіе, и онъ поучалъ ихъ подъ непрерывный звукъ швейной машины, который казался отголоскомъ мірового труда среди тишины соборныхъ камней.

Всѣ эти люди, привыкшіе къ медленному, правильному испол-

нению церковныхъ обязанностей и къ долгимъ промежуткамъ отдыха, удивлялись нервному трудолюбію Сагpapio.

— Вы убьете себя работой,—говорилъ надувальщикъ органныхъ мѣховъ.—Я знаю, что послѣ длинной мессы, когда много органной игры, которую такъ любитъ донъ Луисъ, я проклинаю изобрѣтателя органа—до того я устаю.

— Работа — возбужденно говорилъ звонарь — кара Божія, проклятіе, которое Господь Богъ послалъ вослѣдъ нашимъ прародителямъ, изгнаннымъ изъ рая; это—цѣпи, которыя мы постоянно стремимся разбить.

— Нѣтъ,—возражалъ сапожникъ,—трудъ—мать всѣхъ добродѣтелей, а праздность—мать пороковъ... Правда вѣдь, донъ Габріэль?

— Трудъ—возражалъ Габріэль—не наказаніе и не добродѣтель, а тяжелый законъ; ему мы подчинены во имя сохраненія и себя, и всего рода человѣческаго. Безъ труда не было бы жизни...

И съ тѣмъ же пламеннымъ воодушевленіемъ, съ какимъ въ прежнія времена онъ проповѣдывалъ толпамъ слушателей на большихъ собраніяхъ, онъ объяснялъ теперь этой маленькой кучкѣ людей великое значеніе мірового труда, который наполняетъ ежедневно всю землю изъ конца въ конецъ. Онъ говорилъ про земледѣльческій трудъ, про рабовъ машинъ, создающихъ промышленность въ современномъ культурномъ мірѣ,—и про то, какъ всѣ эти милліоны людей, поддерживающіе существованіе общества, борющіеся противъ слѣпыхъ и жестокихъ силъ природы, живутъ сами на крохи, которыя имъ даетъ привилегированное ханжество.

— Это эгоистическое меньшинство — говорилъ Габріэль — исказило истину, убѣждая большинство, порабощенное имъ, что трудъ—добродѣтель, и что единственное назначеніе человѣка на землѣ—работать до изнеможенія. Сторонники этой морали, изобрѣтенной капиталистами, прикрываются наукой, говоря, что трудъ необходимъ для сохраненія здоровья, и что бездѣлье пагубно. Но они сознательно умалчиваютъ, что чрезмѣрный трудъ еще болѣе убиваетъ людей, чѣмъ праздность. Можно сказать, что работа—необходимость, это вѣрно. Но не слѣдуетъ говоря что она—добродѣтель.

Соборные служители кивали головами въ знакъ сочувств Рѣчи Габріэля будили въ нихъ цѣлый міръ новыхъ идей; сихъ поръ они жили, подчиняясь условіямъ своего существова въ полу-безсознательномъ состояніи, почти какъ сомнамбулы

неожиданное появленіе этого бѣглеца, побѣжденнаго въ соціальной борьбѣ, разбудило ихъ, толкнуло на работу мысли. Но пока еще единственнымъ ихъ свѣтомъ были слова учителя.

— Вы-то — продолжалъ Габріэль — не страдаете отъ чрезмѣрнаго труда, какъ рабы современной культуры. Служба церкви не утомительна. Но вась убиваетъ голодъ. Разница между тѣмъ, что получаютъ каноники, и тѣмъ, что вы зарабатываете трудомъ своихъ рукъ, чудовищна. Вы не погибаете отъ труда, но чахнете отъ нужды. Здѣсь дѣти такія же чахлыя, какъ въ рабочихъ кварталахъ. Я знаю, что вамъ платятъ, что вы ѣдите. Церковь платитъ своимъ служителямъ столько же, сколько платила во времена господства вѣры, когда народы готовы были сооружать церкви только для спасенія души. И въ то время, какъ вы, живыя существа, нуждающіяся въ пищѣ, жалко питаетесь картофелемъ и хлѣбомъ, внизу деревянныя статуи покрываются жемчугомъ и золотомъ, съ безсмысленной роскошью, и вы даже не спрашиваете себя, почему статуи пользуются роскошью въ то время, какъ вы живете въ нуждѣ...

Слушатели Габріэля смотрѣли на него съ изумленіемъ, точно прозрѣвая отъ долгой слѣпоты. Съ минуту они молчали въ недоумѣніи и нѣкоторомъ ужасѣ, но потомъ лица ихъ озарились вѣрой.

— Правда, — мрачно подтвердилъ звонарь.

— Правда, — сказалъ и сапожникъ, съ горечью думая о своей нищетѣ, о своей огромной семьѣ, которую онъ не могъ прокормить, работая съ утра до вечера.

Саграріо молчала, не вполнѣ понимая слова дяди, но принимая ихъ на вѣру, и голосъ его звучалъ въ ея душѣ, какъ небесная музыка.

Слава Габріэля распространялась между бѣдными служащими храма. Всѣ говорили о его умѣ, и много разъ и священники, заинтересованные имъ, старались разговориться съ Габріэлемъ. Но онъ сохранялъ еще достаточно осторожности и былъ очень сдержанъ съ канониками, боясь, чтобы его не изгнали изъ собора.

Одного только молодого священника, очень бѣднаго, служ[illegible]вшаго духовникомъ въ одномъ изъ безчисленныхъ монастырей в[illegible] Толедо, Габріэль счелъ достойнымъ довѣрія. Священникъ этотъ, д[illegible]нъ Мартинъ, получалъ всего семь дуро въ мѣсяцъ и на это д[illegible]женъ былъ еще содержать старую мать.

— Подумайте, Габріэль, — говорилъ молодой священникъ: — я [illegible]понесъ столько жертвъ, а зарабатываю меньше, чѣмъ работ-

никъ на фермѣ. Неужели для этого меня посвящали съ такимъ торжествомъ въ священническій санъ, точно, вступая въ бракъ съ церковью, я пріобщался къ ея богатству?!

Нищета дѣлала его рабомъ дона Антолина, и въ концѣ мѣсяца онъ почти ежедневно являлся въ верхній монастырь, чтобы выманить у дона Антолина нѣсколько пезетъ. Онъ даже льстилъ Марикитѣ, которая не могла оставаться безучастной даже къ аббату, при своихъ симпатіяхъ ко всѣмъ мужчинамъ, и всюду расхваливала его. Но дядю ея было гораздо труднѣе смягчить; донъ Антолинъ намѣренно притѣснялъ дона Мартина, чтобы показать жителямъ верхняго монастыря, что его власть простирается не только на мелкоту, а и на такихъ же священниковъ, какъ онъ самъ. Донъ Мартинъ былъ для него слугой въ рясѣ, и онъ подъ разными предлогами каждый день вызывалъ его къ себѣ и заставлялъ дожидаться своего прихода по долгимъ часамъ. А въ разговорѣ съ нимъ донъ Мартинъ принужденъ былъ непремѣнно слушать и подтверждать всѣ его слова.

Габріэлю часто становилось жалко молодого священника, жившаго въ такомъ подчиненіи, и онъ спускался въ галерею, присоединяясь къ бесѣдамъ дона Антолина и его жертвы. Вслѣдъ за Габріэлемъ появлялись его друзья, звонарь, пономарь, Тато и сапожникъ. Дону Антолину пріятно было собирать вокругъ себя всѣхъ ихъ; онъ былъ увѣренъ, что они приходятъ слушать его, а не Габріэля. Но, признавая равнымъ себѣ только Габріэля, онъ обращался исключительно къ нему, а если кто-нибудь изъ слушателей раскрывалъ ротъ, онъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, и продолжалъ говорить съ Габріэлемъ. Любимой темой его разговора была нынѣшняя бѣдность собора и прежнее его величіе. Онъ говорилъ о щедрости прежнихъ королей, приводя въ тѣсную связь блескъ прежняго времени съ величіемъ монарховъ.

— Это правда, — подтверждалъ звонарь, — то время было хорошее. Мы вѣдь шли воевать въ горы только для того, чтобы вернуть его. Ахъ, если бы побѣдилъ донъ Карлосъ!.. Правда вѣдь, Габріэль? Ты можешь подтвердить это — мы вмѣстѣ сражались.

— Не говори вздора, Маріано!—остановилъ его съ грустной улыбкой Габріэль.—Ты самъ не зналъ въ то время, за что с
жаешься; ты былъ слѣпъ, какъ и я. Не обижайся, это прав
Ну скажи: чего ты хотѣлъ добиться, сражаясь за дона Карло

— Какъ чего? Справедливости. Престолъ принадлежалъ се
дона Карлоса—нужно было вернуть его ему.

— И это все?—холодно спросилъ Габріэль.

о самое меньшее. Я хотѣлъ, и теперь хочу, лъ справедливый король, добрый католикъ, который бы, помимо всякихъ кортесовъ, накормилъ насъ всѣхъ до-сыта, не дозволялъ бы богатымъ угнетать бѣдныхъ и не допускалъ бы, чтобы люди умирали съ голоду, когда они готовы трудиться... Кажется, ясно?

— И ты думаешь, что все это было въ прежнее время?— Да вѣдь именно та эпоха, которую привыкли считать великой, была самой ужасной и породила все зло, угнетающее насъ теперь.

— Подожди, подожди, Габріэль,—вмѣшался донъ Антолинъ. Ты много знаешь, ты больше путешествовалъ и видѣлъ, чѣмъ я. Но въ этомъ вопросѣ я свѣдущъ, и не допущу, чтобы ты злоупотреблялъ невѣжествомъ Маріано и другихъ. Какъ ты можешь обвинять во всемъ прежнее время? Напротивъ того, во всемъ виноваты либерализмъ и теперешнее безвѣріе. Безъ трона и алтаря Испанія не можетъ существовать, — это ясно видно изъ всего, что дѣлается у насъ съ тѣхъ поръ, какъ начались революціи. У насъ отбираютъ наши острова, — испанцевъ, самую храбрую націю въ мірѣ, разбиваютъ, страна погибаетъ отъ долговъ. Развѣ это когда-нибудь бывало?.. Ты прямо съ ума сошелъ... Ты разсуждаешь не какъ испанецъ. Забылъ ты, что-ли, что сдѣлали Фердинандъ и Изабелла, покорившіе Гренаду?.. Забылъ ытіе Америки, побѣды Карла V-го! Ты положительно поте- голову и отрицаешь очевидность. Кто спасъ Европу отъ овъ, какъ не испанцы?.. А наука? Въ тѣ времена жили чайшіе богословы, знаменитѣйшіе поэты, не превзойденные ѣхъ поръ. И чтобы показать, что источникъ всякаго вели- — религія, знаменитѣйшіе поэты и писатели носили платье енниковъ... Ты скажешь, что потомъ наступилъ упадокъ. аю, но это ничего не значитъ. Въ этомъ я вижу испытаніе одне, желаніе унизить какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлые ды, съ тѣмъ, чтобы потомъ возвеличить ихъ, если они будутъ ъ на прежнемъ пути... Что объ этомъ говорить! Мы помнимъ ю великое прошлое, блестящую эпоху Фердинанда и Изабеллы, Карлоса и двухъ Филипповъ, — и ее мы хотимъ вернуть.

— А все-таки, донъ Антолинъ, — спокойно возразилъ Габ, — та блестящая эпоха, которою вы восхищаетесь, представляетъ собой именно упадокъ и подготовила наше разореніе. удивляюсь вашему возмущенію. Другіе, болѣе образованные, вы, тоже возмущаются, если затронуть то, что они назыъ „золотымъ вѣкомъ". Это происходитъ оттого, что изученіе

исторіи сводится у насъ къ прославленію внѣшняго великолѣпія, а между тѣмъ только дикари цѣнятъ все по внѣшнему блеску, а не по внутренней пользѣ. Испанія была велика и, можетъ быть, станетъ еще великой націей, благодаря качествамъ, которыхъ не могли уничтожить война и политика. Но эти качества создались въ средніе вѣка, когда можно было питать надежды, не оправдавшіяся послѣ того, какъ утвердилось національное единство. Тогда въ Испаніи жило образованное, трудолюбивое культурное населеніе; тогда создались элементы, могущіе породить великую націю.

Въ пылу спора Габріэль забылъ о необходимой осторожности,— такъ ему хотѣлось убѣдить дона Антолина, который слушалъ его холодно и мрачно. Другіе же внимали возбужденно, смутно чувствуя необычайность подобныхъ рѣчей въ стѣнахъ собора. Донъ Мартино, стоя за спиной своего скупого покровителя, смотрѣлъ на Габріэля съ нескрываемымъ восторгомъ. Габріэль сталъ излагать, освѣщая факты, согласно своимъ революціоннымъ идеямъ, всю исторію иностранныхъ вторженій въ Испанію, а также изображалъ ростъ національнаго духа, который достигъ высшаго напряженія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Царствованіе Фердинанда и Изабеллы было апогеемъ національной исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ паденія. То, что̀ было великаго при нихъ, было результатомъ энергіи прежнихъ вѣковъ. Сами же они погубили Испанію своей политикой, толкнувъ ее на путь религіознаго фанатизма и возбудивъ жажду всемірнаго цезаризма. Въ то время Испанія стояла впереди всей Европы и играла такую же роль, какъ теперь Англія. Если бы вмѣсто того, чтобы бросаться въ военныя авантюры, она продолжала прежнюю политику вѣротерпимости и сліянія расъ, земледѣльческаго и промышленнаго труда,—какъ бы она далеко пошла!.. Возрожденіе было въ значительной степени болѣе испанскимъ, чѣмъ итальянскимъ. Въ Италіи возродилось только античное искусство, но то, что̀ составляетъ другую сторону возрожденія—пробужденіе къ жизни новаго общества съ новой культурой и наукой—все это дѣло Испаніи, въ которой слилась арабская, іудейская и христіанская культура. Въ Испаніи впервые создалась современная стратегія: испанскія войска первыя стали употреблять ог стрѣльное оружіе. Испанія открыла Америку.

— Что-жъ, этого тебѣ мало?—прервалъ донъ Антолинъ ты вѣдь самъ подтверждаешь мои слова, говоря, что вел Испаніи относится ко времени Фердинанда и Изабеллы кат ческихъ.

— Я признаю, что это была одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ нашей исторіи, послѣдній моментъ ея славы,—но тогда же именно началась смерть страны. Изабелла установила инквизицію; начались религіозныя преслѣдованія; изгнаны были евреи, которые такъ любили нашу страну и дали наукѣ среднихъ вѣковъ такихъ великихъ людей, какъ Маймонидъ, и которые служили опорой нашей промышленности. Потомъ начинается вторженіе австрійцевъ. Нація теряетъ навсегда свою самобытность и начинаетъ умирать. Истинная Испанія, чуждая посторонняго вліянія, это—та, въ которой христіанское населеніе, съ примѣсью арабовъ, мавровъ и евреевъ, отличалось вѣротерпимостью; это Испанія, въ которой процвѣтали земледѣліе и промышленность, въ которой были свободные города. Она умерла при Фердинандѣ и Изабеллѣ католическихъ и смѣнилась Испаніей фламандской, которая сдѣлалась германской колоніей, истощала свои силы въ войнахъ, не имѣвшихъ національнаго значенія. Карлъ V и его сыновья были сильными королями, не спорю, но они убили національный духъ Испаніи, убили испано-арабскую культуру. Хуже того, они уничтожили культурную вѣротерпимость Испаніи, свободу древней испанской церкви, и создали жестокій церковный фанатизмъ, который—вовсе не произведеніе испанской почвы, а созданіе нѣмецкаго цезаризма.

Донъ Антолинъ не выдержалъ, наконецъ, кощунственныхъ рѣчей Габріэля и остановилъ его.

— Габріэль, сынъ мой! — воскликнулъ онъ: — да ты болѣе крайній, чѣмъ я думалъ! Подумай, гдѣ ты все это говоришь? Мы стоимъ подъ сводами великаго испанскаго собора!..

Но ужасъ и возмущеніе стараго священника еще болѣе возбуждали Габріэля, и онъ продолжалъ развивать свои взгляды.

— Повторяю, — говорилъ онъ:—Карлъ V былъ нѣмецъ до мозга костей и переносилъ несчастія Испаніи какъ иностранецъ. А послѣ него началось разложеніе. Филиппъ III довершилъ гибель страны, изгнавъ мавровъ; Филиппъ IV былъ порочный дегенератъ. Испанія покрылась тысячами монастырей и церквей. Число священниковъ и монаховъ все росло и росло, а численность населенія въ теченіе двухъ вѣковъ спустилась отъ тридцати милліоновъ до семи. Инквизиція убивала культуру, войны истощали силы, усиленная эмиграція въ Америку уносила всѣ лучшіе рабочіе элементы страны. И эта эпоха варварства и застоя наступила какъ разъ тогда, когда вся остальная Европа развивалась и шла впередъ. Испанія, стоявшая такъ долго впереди всѣхъ народовъ, очутилась въ хвостѣ. Короли, обуревае-

мые гордостью, начали безумную войну для возстановленія прежняго блеска, но это привело къ новому пораженію. Испанія становилась все болѣе и болѣе католической и все болѣе и болѣе бѣдной и невѣжественной. Невѣжество и нищета по всей странѣ, усѣянной монастырями и церквами, были невообразимыя, и когда кончилось владычество австрійцевъ, Испанія была такъ безсильна, что чуть не наступилъ раздѣлъ ея между европейскими державами; ее чуть не постигла судьба другой католической страны въ Европѣ—Польши. Насъ спасли только распри королей.

— Однако,—попробовалъ-было возражать донъ Антолинъ,—если время это было такимъ ужаснымъ, почему испанцы терпѣли? Почему не было такихъ возстаній, какъ въ наше время?

— Развѣ это было возможно? Власть католичества, поддерживавшаго власть монархіи, убила народный духъ;—мы до сихъ поръ страдаемъ отъ послѣдствій этой болѣзни, длившейся цѣлые вѣка. Чтобы спасти страну отъ гибели, пришлось призвать на помощь иностранцевъ, — явились Бурбоны. Во время войны за испанское наслѣдство призваны были нѣмецкіе и англійскіе генералы и офицеры. Не было испанцевъ, способныхъ командовать войскомъ. При Филиппѣ V и Филиппѣ VI все управленіе страны было въ рукахъ иностранцевъ. Единственное спасеніе было въ анти-клерикализмѣ, и его внесли въ Испанію иностранцы—Бурбоны. Карлъ III первый началъ борьбу противъ церковной власти, — и церковь стала плакаться на преслѣдованія, на то, что у нея отнимаютъ ея права и главное — ея имущества. Но для страны политика Карла III была счастьемъ; она воскресила національную жизнь. Въ политикѣ Карла сказались отголоски англійской революціи. Но принципъ наслѣдственности погубилъ дѣло просвѣщеннаго короля. Слѣдующіе короли не продолжили его дѣла, а наступившая французская революція такъ напугала представителей монархической власти, что они потеряли голову уже навсегда. Страхъ передъ революціей снова обратилъ ихъ къ церкви, какъ единственной опорѣ; опять іезуиты и монахи сдѣлались и остались до сихъ поръ совѣтчиками королей. Наши революціи были мимолетными,—въ народѣ слишкомъ сказалось долгое церковное рабство, и всѣ испанскія возстанія останавливаются у порога церкви. Вы можете быть спокойны— народъ не ворвется въ стѣны собора. Но вы сами знаете, ч[illegible] это не потому, что воскресъ религіозный духъ прежнихъ вѣков[illegible] Испанцы равнодушны къ вопросамъ вѣры по недомыслію. О[illegible] вѣрны традиціямъ вѣры, въ которой ихъ воспитали, но нико[illegible] не размышляютъ о религіи. Они—ни вѣрующіе, ни атеисты

нимаютъ за вѣру то, что принято, и живутъ въ какой-то умствен- спячкѣ. Всякій проблескъ критической мысли убивается стра- ь передъ осужденіемъ другихъ. Судъ закоснѣлаго въ пред- удкахъ общества замѣнилъ прежнюю инквизицію. Всякій вѣкъ, разбивающій рамки общепринятаго, возбуждаетъ общій ъ и осуждаетъ себя на нищету или на одиночество. Нужно быть имъ, какъ всѣ,—иначе нѣтъ возможности существовать. И вотъ му у насъ невозможна оригинальная мысль, невозможны отворныя революціи. Вѣра умерла въ испанцахъ, но хара- ъ націи не измѣнился. Остался культъ традицій, прегра- ющій путь къ прогрессу. Даже революціонеры считаются съ разсудками. Конечно, церковь бѣдна въ сравненіи съ ея кними несмѣтными богатствами, но положеніе ея еще прочное. а у насъ будутъ попрежнему бояться суда людей и стра- ься каждой новой идеи—до тѣхъ поръ вамъ нечего бояться революціи: какъ она ни будетъ бушевать, васъ она не коснется.

Донъ Антолинъ разсмѣялся.

— Теперь я совсѣмъ тебя не понимаю, Габріэль. Я возму- щался твоими словами и думалъ, что ты, какъ многіе другіе, жаждешь революціи и водворенія республики, которая отниметъ у насъ все. А ты, оказывается, всѣмъ не доволенъ. Я радъ. Ты не страшный врагъ — ты не слишкомъ многаго требуешь. Но послушай, неужели ты дѣйствительно думаешь, что Испанія те- ерь еще въ такомъ же дикомъ состояніи, какъ въ тѣ вѣка, о оторыхъ ты говоришь? Я все слышу о желѣзныхъ дорогахъ, фа- рикахъ и заводахъ, наполняющихъ города и возвышающихся ысоко надъ колокольнями церквей.

— Прогрессъ, конечно, есть,—пренебрежительно отвѣтилъ 'абріэль.—Политическія революціи привели Испанію въ связь съ Европой, и потокъ захватилъ и насъ,—какъ онъ захватилъ дикія лемена Америки. Но мы идемъ слѣдомъ за другими, безъ всякой инціативы, плывемъ по теченію, въ то время какъ сосѣди, олѣе сильные, плывутъ впереди насъ. Въ чемъ результаты про- ресса въ Испаніи? Наши желѣзныя дороги, очень плохія, при- адлежатъ иностранцамъ; промышленность, въ особенности самое лавное—металлургія—тоже въ рукахъ иностранныхъ капитали- овъ. Національная промышленность прозябаетъ подъ гнетомъ рварскаго протекціонизма. Въ деревняхъ деньги все еще пря- тъ въ потаенномъ мѣстѣ и отдаютъ въ ростъ, не употребляя живое дѣло. Милліоны гектаровъ земель пропадаютъ безъ авильнаго орошенія. Обработка неорошенныхъ земель—у насъ ственный родъ земледѣлія, и въ этомъ сказывается фана-

тизмъ, вѣра въ молитвы и небесныя воды, а не въ плодотворный трудъ рукъ человѣческихъ. Рѣки высыхаютъ лѣтомъ, а когда наполняются зимой, то наступаютъ губительныя наводненія. Есть достаточно камня для построекъ церквей, но нѣтъ—для плотинъ и бассейновъ. Воздвигаютъ колокольни и вырываютъ деревья, которыя привлекали бы дождь. Но самая ужасная язва нашего земледѣлія—рутинность крестьянъ, отвергающихъ всякіе научные пріемы во имя старыхъ традицій. Невѣжество возводится въ національную гордость. Въ другихъ странахъ рассадниками прогресса являются школы и университеты —у насъ же они создаютъ интеллигентный пролетаріатъ, который гонится только за мѣстами. Учатся, чтобы имѣть дипломъ, обезпечивающій заработокъ. Профессора и ученые большею частью—адвокаты или доктора, занятые своей профессіей и не интересующіеся наукой. Вся испанская наука—изъ вторыхъ рукъ, все переведено съ французскаго, да и эти переводы мало кто читаетъ;—всѣ заняты практическими интересами; студенты абсолютно не развиты; ихъ отрываютъ отъ дѣтскихъ игрушекъ, чтобы послать обучаться практическимъ знаніямъ, и послѣ короткаго ученья они становятся нашими управителями, законодателями и юристами. Развѣ это не смѣшно?

Габріэль не смѣялся, но донъ Антолинъ и другіе восторженно зааплодировали его словамъ. Старику священнику была пріятна всякая критика современности, и онъ выразилъ одобреніе Габріэлю.

— Наша страна обезсилена,—сказалъ Габріэль.—Въ другихъ странахъ сохраняютъ остатки старины, а у насъ, гдѣ процвѣтали всѣ виды европейскаго искусства,—римское, мавританское,—все гибнетъ отъ недостаточнаго присмотра. Народъ уничтожаетъ драгоцѣннѣйшіе памятники старины. Вся Испанія—запыленный и запущенный музей со старымъ хламомъ, не привлекающимъ даже туристовъ. Даже развалины у насъ развалились!

Донъ Мартинъ, молодой священникъ, молча глядѣлъ въ глаза Габріэлю, и въ его глазахъ свѣтился восторгъ. Другіе слушали, опустивъ голову, зачарованные смѣлостью рѣчей, прозвучавшихъ въ церковныхъ стѣнахъ. Донъ Антолинъ улыбался,—его забавляли слова Габріэля, хотя онъ былъ увѣренъ въ ихъ яв[illegible] нелѣпости. Становилось уже темно, солнце зашло, и Марi[illegible] стала звать дядю домой.

— Сейчасъ, сейчасъ, иду,—сказалъ донъ Антолинъ,—я то[illegible] еще долженъ ему что-то сказать.

— Послушай,—сказалъ онъ,—обращаясь къ Габріэлю:-

вотъ все такъ осуждаешь. Какое же ты предлагаешь средство, чтобы поправить дѣло? Скажи намъ, и потомъ пойдемъ домой. Становится холодно.

Онъ посмотрѣлъ на Габріэля, улыбаясь съ отеческимъ сожалѣніемъ, глядя на него какъ на ребенка...

— Увы,—отвѣтилъ Габріэль,—я не знаю средства. Насъ можетъ исцѣлить только научный прогрессъ. Испанія слишкомъ отдалилась отъ свѣта науки, который доходитъ до насъ только въ холодныхъ, слабыхъ отблескахъ. Мы слишкомъ горѣли вѣрой, и теперь обезсилѣли, какъ люди, испытавшіе серьезную болѣзнь въ ранней юности и навсегда оставшіеся безсильными, осужденные на преждевременную старость.

— Знаемъ мы,—сказалъ донъ Антолинъ, направляясь къ дверямъ своей квартиры. — Наука... о ней постоянно говорятъ въ такихъ случаяхъ... Нѣтъ, лучшая наука—это любить Бога. До свиданья.

— До свиданья, донъ Антолинъ. Но не забывайте вотъ чего: мы никогда не выходили изъ-подъ власти вѣры и меча. То вѣра, то мечъ управляли нами. А никогда не было рѣчи о наукѣ. Она никогда не властвовала въ Испаніи хотя бы однѣ сутки.

VII.

Послѣ этой бесѣды, Габріэль сталъ избѣгать разговоровъ съ дономъ Антолиномъ, раскаиваясь въ своей неосторожности: онъ боялся, что его выгонятъ и изъ собора. Зачѣмъ бороться противъ неискоренимыхъ предразсудковъ? Зачѣмъ напрасно кружить головы горсти соборныхъ служителей? Обращеніе нѣсколькихъ существъ, привязанныхъ къ прошлому, какъ улитки къ скалѣ, не можетъ содѣйствовать духовному освобожденію человѣчества. Эстабанъ тоже совѣтовалъ ему быть осторожнымъ, потому что донъ Антолинъ призвалъ его и сталъ освѣдомляться, откуда у Габріэля взялись такія опасныя мысли. Онъ обѣщалъ не поднимать скандала, въ виду того, что онъ былъ гордостью семинаріи, но требовалъ, чтобы больше такіе „митинги“ не повторялись въ стѣнахъ собора, и чтобы онъ не развращалъ служащихъ. Живя гостемъ въ соборѣ, не благородно подтачивать его основы.

Этотъ послѣдній доводъ убѣдилъ Габріэля, и онъ сталъ избѣгать встрѣчъ со своими друзьями, не приходилъ къ сапожнику, а когда видѣлъ, что всѣ они собираются въ галереѣ послушать его, шелъ на верхъ къ регенту, который былъ счастливъ,

что можетъ играть ему новыя пьесы. Когда Габріэль сильно кашлялъ, онъ переставалъ играть, и между ними завязывались длинныя бесѣды всегда на одну и ту же тему—о музыкѣ.

— Замѣтили ли вы, донъ Габріэль,—сказалъ однажды донъ Луисъ,—что Испанія очень печальна, но не поэтичной грустью другихъ странъ, а дикой, грубой скорбью? Испанія знаетъ или громкій смѣхъ, или рыданія, но не знаетъ ни улыбки, ни разумной веселости. Она смѣется, оскаливая зубы; душа ея всегда мрачна какъ пещера, гдѣ страсти мечутся, какъ звѣри въ клѣткѣ.

— Вы правы: Испанія печальна,—отвѣтилъ Габріэль.—Она уже не ходитъ вся въ черномъ, какъ въ прежнее время, но душа у нея мрачная, живущая отголосками инквизиціи, страхомъ костровъ. Нѣтъ у насъ открытой веселости.

— Это всего замѣтнѣе въ музыкѣ,—сказалъ донъ Луисъ.— Нѣмцы танцуютъ томные или бѣшеные вальсы, или съ кружкой пива въ рукахъ поютъ беззаботныя студенческія пѣсни. Французы хохочутъ и пляшутъ съ порывистыми движеніями, готовые сами смѣяться надъ своими обезьяньими ужимками. У англичанъ танцы похожи на спортъ здоровыхъ атлетовъ. А наши народные танцы носятъ священническій характеръ, напоминающій экстазъ танцующихъ священнослужителей, которые падаютъ въ концѣ-концовъ у ногъ алтаря съ обезумѣвшими глазами. А наше пѣніе? Пѣсни прекрасны, но сколько въ нихъ отчаянія, до чего онѣ надрываютъ душу народа, любимое развлеченіе котораго— видъ крови на аренахъ цирка! Говорятъ объ испанской живости, объ андалузской веселости... Хороша она!.. Я разъ былъ въ Мадридѣ на андалузскомъ праздникѣ. Всѣ хотѣли быть веселыми, пили много вина. Но чѣмъ больше они пили, тѣмъ лица становились болѣе мрачными. Мужчины обмѣнивались злыми взглядами; женщины топали ногами, хлопали въ ладоши съ затуманеннымъ взоромъ, точно музыка опустошила ихъ мозгъ. Танцовщицы извивались какъ змѣи, сжавъ губы, съ неприступнымъ, надменнымъ взглядомъ, какъ баядерки, исполняющія священный танецъ. По временамъ раздавалось пѣніе на монотонный и сонный мотивъ, съ острыми выкриками, какъ у человѣка, падающаго пораженнымъ на смерть. Слова пѣсенъ были прекрасны, но печальны, какъ жалобы узника въ тюрьмѣ. Содержаніе всѣхъ пѣсенъ—одно и то же: ударъ кинжала въ серд измѣнницы, месть за оскорбленіе матери, прощаніе съ міро передъ казнью—похоронная поэзія, сжимающая сердце и уб вающая радость. Даже въ гимнахъ женской красотѣ говорит о крови и кинжалахъ... Мы—печальный народъ и можемъ пѣ

только съ угрозами и слезами. Намъ нравятся только тѣ пѣсни, въ которыхъ есть стоны и предсмертный хрипъ.

— Это совершенно понятно,—возразилъ Габріэль.—Испанскій народъ любилъ своихъ королей и своихъ священниковъ, и сталъ походить на нихъ. Онъ веселъ грубымъ весельемъ монаха. Предметы нашего смѣха всегда одни и тѣ же: уродство нищеты, паразиты на тѣлѣ, мѣдный тазъ благороднаго гидальго, уловки нищаго, который крадетъ кошелекъ у товарища, ловкая кража у благочестивыхъ дамъ въ церкви, хитрость женщинъ, которыхъ держатъ взаперти, болѣе порочныхъ, чѣмъ женщины, пользующіяся полной свободой... Испанская грусть—дѣло нашихъ королей, мрачныхъ, больныхъ, мечтавшихъ о міровой власти въ то время, какъ народъ умиралъ съ голоду. Когда дѣйствительность не оправдывала ихъ надеждъ, они становились мрачными ипохондриками, приписывали свои неудачи карѣ Господней и, чтобы умилостивить небо, предавались жестокому благочестію. Не напрасно уже много вѣковъ черный цвѣтъ сталъ цвѣтомъ испанскаго двора: угрюмость и печаль королей были наказаніемъ природы за ихъ фанатическій деспотизмъ, и отъ королей мрачность духа перешла къ народу.

Габріэль радъ былъ, что могъ свободно изливать накипѣвшія въ немъ мятежныя чувства передъ музыкантомъ, и воодушевился, говоря о вліяніи вѣковъ инквизиціи на народъ. Но среди пламенныхъ рѣчей онъ закашлялся сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, и бесѣда оборвалась.

— Не пугайтесь, донъ Луисъ,—сказалъ онъ, собираясь уходить.—У меня такіе припадки бываютъ каждый день; я боленъ, и мнѣ не слѣдуетъ такъ много говорить. Но я не могу молчать, — до того меня волнуетъ мысль о томъ, какъ погубили нашу страну монахи.

Вскорѣ Габріэль сталъ опять видаться со своими друзьями, которые, по выраженію сапожника, не могли жить безъ него. Друзья собирались теперь на башнѣ у звонаря, чтобы избѣжать инквизиторскихъ взглядовъ дона Антолина. По утрамъ Габріэль сидѣлъ подлѣ своей племянницы, глядя, какъ она шьетъ на машинѣ, и смотрѣлъ на ея грустное лицо, когда она молчаливо склонялась надъ работой. Они очень сблизились, проводя вмѣстѣ время въ одинокомъ помѣщеніи Эстабана, который уходилъ изъ дому, избѣгая общества дочери. Ихъ сближала также болѣзнь. По ночамъ Габріэль, который не могъ уснуть отъ душившаго его кашля, слышалъ стоны племянницы. Встрѣчаясь утромъ, они обмѣнивались тревожными вопросами о здоровьи другъ друга: каж-

дый изъ нихъ забывалъ о своихъ страданіяхъ, видя передъ собой страданіе другого. Саграріо была очень больна, но ея молодое лицо оставалось красивымъ, глаза сверкали оживленіемъ и нѣжная грустная улыбка придавала ей особую прелесть... Изъ любви къ дядѣ, Саграріо не позволяла ему такъ долго сидѣть подлѣ себя, находя, что ему нужно движеніе, и боясь стѣснять его собою. Онъ уходилъ тогда къ своимъ друзьямъ, собиравшимся у звонаря, и находилъ тамъ всѣхъ своихъ прежнихъ слушателей, въ томъ числѣ и доня Мартина, который пробирался туда тайкомъ, а также и сапожника; онъ работалъ по ночамъ, чтобы возмѣстить время, которое проводилъ, слушая Габріэля. Самый дикій и смѣлый изъ всѣхъ былъ звонарь Маріано. Онъ быстро освоился съ новыми идеями и сразу принялъ самые крайніе идеалы Габріэля.

— Я вполнѣ раздѣляю твои убѣжденія, Габріэль, — говорилъ онъ, — и въ сущности всегда ихъ раздѣлялъ. Я считалъ, что не должно быть бѣдныхъ, что всѣ должны работать, и что нужно помогать другъ другу... Я съ этими мыслями и пошелъ въ горы, надѣвъ бойну и взявъ ружье въ руки. Я всегда думалъ, что религію выдумали богатые, чтобы примирить обездоленныхъ съ ихъ судьбой, давъ имъ надежду на вознагражденіе на небѣ. И выдумка не дурна. Кто послѣ смерти не нашелъ блаженства—не придетъ вѣдь жаловаться.

Однажды въ свѣтлое весеннее утро Габріэль вмѣстѣ со своими друзьями, собравшимися у Маріано, пошелъ на колокольню—поглядѣть на знаменитый большой колоколъ, La Gorda, котораго онъ не видѣлъ съ дѣтства. Поднявшись по спиральной лѣстницѣ изъ комнатки звонаря, всѣ они стали у огромной рѣшетки, замыкавшей клѣтку для колокола, и стали глядѣть внизъ, на живописный видъ разстилавшагося у ихъ ногъ Толедо. Прямо противъ собора возвышался Альказаръ, величественно поднявшійся выше собора, точно храня высокій духъ построившаго его императора, цезаря католицизма, борца за вѣру, державшаго однако церковь у своихъ ногъ.

Вокругъ собора раскинулись зданія города, и дома исчезали среди безчисленныхъ церквей и монастырей, наводнившихъ Толедо. Церковь заполонила Толедо, въ которомъ въ прежніе вѣка кипѣла промышленность, и до сихъ поръ подавляла своей каменной громадой мертвый городъ. На нѣсколькихъ колокольняхъ развѣвался маленькій красный флагъ съ изображенной на немъ причастной чашей: это означало, что тамъ служитъ первую службу посвященный въ санъ новый священникъ.

— Когда бы я ни поднялся сюда,—сказалъ донъ Мартинъ, сѣвъ около Габріэля,—всегда развѣвается гдѣ-нибудь этотъ флагъ. Церковь неустанно пополняетъ свои ряды новыми избранниками, а большинство вступающихъ въ нее избираетъ духовную карьеру только для того, чтобы пріобщиться къ богатствамъ и могуществу церкви. Бѣдные! И меня вѣдь тоже посвящали съ пышностью, среди клубовъ ладана, и семья моя плакала отъ счастья и умиленія, гордясь тѣмъ, что я сталъ служителемъ Господнимъ. Но на слѣдующій день послѣ торжества начались будни, началась нужда, приходилось вымогать мольбами возможность имѣть кусокъ хлѣба—зарабатывать семь дуро въ мѣсяцъ.

— Да,—сказалъ Габріэль, кивая головой въ знакъ сочувствія словамъ молодого священника.—Вы—первыя обманутыя жертвы. Прошло время, когда всѣ священники жили въ богатствѣ. Несчастные юноши, надѣвающіе рясу съ надеждой на митру, похожи на эмигрантовъ, которые отправляются въ далекія страны, славившіяся цѣлыми вѣками какъ неисчерпаемые источники богатствъ, и убѣждаются, попавъ туда, что богатства истощены, что тамъ—бо́льшая нужда, чѣмъ у нихъ дома.

— Правда, Габріэль. Время могущества церкви прошло. Но все-таки церковь еще достаточно богата, чтобы доставить довольство всѣмъ своимъ членамъ. Но духъ равенства, который приписывается церкви, не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Напротивъ того, нигдѣ нѣтъ такого безпощаднаго деспотизма, какъ въ церкви. Церковь стала аристократичной насквозь. Кто достигъ митры, тотъ навсегда свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Въ государственной жизни чиновниковъ удаляютъ со службы, министровъ смѣняютъ, военныхъ лишаютъ военнаго званія, даже королей свергаютъ съ престола. Но папа и епископы не могутъ быть никѣмъ смѣщены и не несутъ никакой отвѣтственности. А если какой нибудь-возмущенный несправедливостями священникъ вздумаетъ протестовать, окажется живымъ человѣкомъ подъ рясой—его объявляютъ сумасшедшимъ. Въ завершеніе лицемѣрія, они провозглашаютъ, что въ лонѣ церкви живется лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, и что только безумецъ можетъ возмутиться противъ нея.

— Какая ложь—продолжалъ донъ Мартино, все болѣе воодушевляясь,—все, что̀ говорится о бѣдности церкви! Эта бѣдность—очень относительная. Церковь уже не владѣетъ большей половиной богатствъ всей страны, какъ прежде, но все-таки государство тратитъ на церковь больше, чѣмъ на все другое. На церковь въ бюджетѣ опредѣляется сорокъ милліоновъ, а на на-

родное образованіе—девять, на помощь неимущимъ—одинъ милліонъ. Чтобы сохранить добрыя отношенія съ Богомъ, испанцы тратятъ въ пять разъ больше, чѣмъ на обученіе грамотѣ. Но, помимо этого, церковь получаетъ субсидіи отъ разныхъ министерствъ — на миссіи въ разныхъ странахъ, на содержаніе духовниковъ въ арміи и флотѣ. Она собираетъ огромныя деньги на поддержаніе папскаго двора, на перестройки и поддержку церквей, собираетъ огромныя пожертвованія съ частныхъ лицъ, получаетъ субсидіи отъ городскихъ совѣтовъ... Словомъ, церковь имѣетъ ежегодно отъ государства и частныхъ жертвователей болѣе трехсотъ милліоновъ въ годъ... И все-таки она стонетъ и жалуется на бѣдность. Триста милліоновъ—я точно подсчиталъ... А я получаю семь дуро и большинство священниковъ живетъ впроголодь—а деньги идутъ въ пользу церковной аристократіи. Подумай, Габріэль, какъ мы обмануты! Отказаться отъ радостей семьи и любви, отъ мірскихъ благъ, облечься въ черное траурное платье—и зарабатывать не больше любого каменьщика, мостящаго улицу! Когда церковь утратила свою первенствующую роль въ мірѣ, то только мы, мелкіе служители вѣры, пострадали отъ этого. Священники бѣдны, соборъ бѣденъ, но князья церкви получаютъ попрежнему тысячи дуро, и каноники спокойно поютъ, сидя въ своихъ креслахъ и не заботясь о хлѣбѣ насущномъ.

Пробило двѣнадцать часовъ... Звонарь исчезъ. Послышался скрипъ цѣпей и балокъ, отъ громоваго удара содрогнулась вся башня. „Горда" заглушила всѣ другіе колокола рядомъ съ нею. Черезъ минуту раздались изъ Альказара воинственный бой барабановъ и звуки трубъ.

— Пойдемъ, — сказалъ Габріэль. — Напрасно Маріано не предупредилъ насъ, чтобы не оглушить такъ неожиданно.—И онъ прибавилъ, улыбаясь:—Вѣчно то же самое. Много шума—и никакого дѣла.

Приближался праздникъ Тѣла Господня. Жизнь въ соборѣ шла обычнымъ чередомъ. Въ верхнемъ монастырѣ много говорили о здоровьи кардинала, которое очень ухудшилось отъ волненій, вслѣдствіе его ссоры съ каноникамн. Говорили даже, что у него былъ припадокъ, и что жизнь его въ опасности.

— У него болѣзнь сердца, — утверждалъ Тато, который всегда точно зналъ, что происходитъ во дворцѣ архіепископа.- Донья Визитаціонъ плачетъ какъ кающаяся Магдалина и проклинаетъ каноииковъ.

За обѣдомъ Эстабанъ сталъ говорить о томъ, съ какой пы

ностью праздновался въ прежнія времена надвигающійся праздникъ, и скорбѣлъ о паденіи церкви.

— Ты не увидишь прежняго блеска, — говорилъ онъ Габріэлю.—Теперь отъ прежняго остался только обычай украшать фасадъ церкви драгоцѣнными коврами. Но уже не выставляютъ „Гигантовъ" въ рядъ передъ дверью прощенія, и процессія совсѣмъ заурядная.

Регентъ тоже жаловался:

— А месса, синьоръ Эстабанъ!.. Самая жалкая для такого большого праздника. Приглашаютъ четырехъ музыкантовъ и исполняютъ нѣсколько отрывковъ Россини, самыхъ коротенькихъ, чтобы вышло подешевле. Лучше бы уже при такихъ условіяхъ довольствоваться органомъ.

По старому обычаю, наканунѣ праздника военная музыка играла вечеромъ передъ соборомъ, и весь городъ сбѣжался слушать ее, радуясь развлеченію среди однообразной будничной жизни. Къ этому дню съѣзжались гости изъ Мадрида на бой быковъ, назначенный на слѣдующій день. Звонарь пригласилъ своихъ друзей слушать музыку въ греко-римской галлереѣ на верху главнаго фасада. Въ тотъ часъ, когда донъ-Антолинъ закрылъ двери верхняго монастыря и тамъ потушены были всѣ огни, Габріэль и его друзья поднялись наверхъ къ звонарю, и къ нимъ присоединилась, по настоянію дяди, Саграріо. Пришла и блѣдная, больная жена сапожника съ груднымъ ребенкомъ. Всѣ они сѣли у каменной балюстрады и стали смотрѣть внизъ, на городъ.

Городская ратуша украшена была гирляндами огней. Среди деревьевъ гуляли группы молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, а за ними слѣдовали кадеты, тонкіе и стройные въ своихъ турецкихъ шароварахъ. Надъ ярко освѣщенной площадью высилось темное, ясное и глубокое небо, усѣянное сверкающей пылью звѣздъ.

И когда кончилась музыка и потухли огни, обитатели собора долго еще оставались на галереѣ, будучи не въ силахъ оторваться отъ волшебнаго вида неизмѣримаго пространства надъ головой и Толедо—у подножья собора.

Видъ неба вызывалъ наивныя замѣчанія о строеніи неба у невѣжественныхъ служителей храма, и въ отвѣтъ на ихъ слова Габріэль сталъ по ихъ настоянію говорить имъ о самыхъ элементарныхъ научныхъ понятіяхъ, — но его простое объясненіе строенія земли было для его слушателей откровеніемъ, опрокидывающимъ всѣ ихъ твердыя представленія, внушенныя церковью.

То, что онъ сказалъ имъ о строеніи неба и земли, оглушило ихъ своей новизной, и они наперерывъ, волнуясь какъ передъ катастрофой, срывающей все, что для нихъ было опорой жизни, стали предлагать вопросы о всѣхъ основныхъ истинахъ, преподанныхъ имъ въ соборѣ.

На все Габріэль отвѣчалъ отрицательно; все, что они читали до сихъ поръ, онъ назвалъ ложью—и они уже были такъ охвачены его вліяніемъ, такъ вѣрили ему, что его отрицаніе стало для нихъ закономъ. Въ эту ночь подъ праздникъ Тѣла Господня бесѣда на вышкѣ древняго собора разрушила въ душахъ наивно-вѣрившихъ людей все, что ихъ связывало съ общественнымъ и религіознымъ строемъ родины ихъ духа — толедскаго собора.

VIII.

Рано утромъ на слѣдующій день Габріэль, выйдя на галерею верхняго монастыря, увидѣлъ дона Антолина, который раскладывалъ свои книжечки съ билетами для обзора храма и повѣрялъ ихъ. Габріэль пожелалъ ему удачи на праздникъ, и донъ Антолинъ сказалъ, что дѣйствительно надѣется на большой наплывъ пріѣзжихъ и на то, что можно будетъ много выручить за билеты. Онъ не преминулъ при этомъ поговорить о бѣдности собора и о томъ, какъ необходимо изыскивать источники дохода.

— Послушай, Габріэль,—сказалъ онъ, помолчавъ, съ лукавой улыбкой:—вотъ ты хотѣлъ заработать немного денегъ, чтобы помочь брату. Сегодня представляется случай. Хочешь принять участіе въ процессіи, везти колесницу съ священною ракой?

Предложеніе дона Антолина было, конечно, сдѣлано съ ироніей, и Габріэль хотѣлъ отвѣтить отказомъ, но онъ вдругъ рѣшилъ перехитрить стараго священника и принять его предложеніе. Онъ хотѣлъ къ тому же дѣйствительно что-нибудь заработать, зная, какъ нуждается братъ.

— Ты, конечно, не захочешь, — саркастически прибавилъ донъ Антолинъ, — ты слишкомъ крайній, и счелъ бы недостойнымъ себя возить раку по улицамъ.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Габріэль.—Я готовъ принят ваше предложеніе,—можетъ быть только, трудъ этотъ мнѣ не п силамъ?

— Не безпокойся,—отвѣтилъ донъ Антолинъ,—возить буду другіе; тутъ будетъ человѣкъ десять, а ты только будешь одним изъ нихъ. Я скажу, чтобы тебя не слишкомъ утруждали.

— Тогда отлично, донъ Антолинъ. Я радъ заработку, и сейчасъ пойду въ соборъ.

Больше всего онъ рѣшился принять предложеніе стараго священника изъ желанія пройтись по улицамъ Толедо, куда онъ ни разу не выходилъ, скрываясь въ соборѣ. Кромѣ того, ему казалось пикантнымъ, что онъ, невѣрующій, будетъ возить передъ толпой католическую святыню. Для него это было символомъ отрицанія, скрывающагося подъ внѣшней пышностью католическаго культа, символомъ исчезнувшей вѣры—въ то время, какъ донъ Антолинъ, напротивъ того, увидалъ въ согласіи Габріэля побѣду церкви.

Когда Габріэль спустился въ соборъ, месса уже началась. У дверей ризницы взволнованно говорили о важномъ событіи, нарушившемъ торжественность праздника. Архіепископъ не спустился въ соборъ и не приметъ участія въ процессіи. Говорили, что онъ боленъ, но всѣ отлично знали, что наканунѣ онъ ходилъ гулять довольно далеко, въ монастырь за городомъ, и знали, что онъ не явился изъ злобы на канониковъ.

Габріэль вошелъ въ церковь и сталъ разглядывать группы монахинь, молодыхъ дѣвушекъ, воспитанницъ разныхъ пансіоновъ, въ черныхъ платьяхъ съ красными или синими лентами, офицеровъ военной академіи. Больше всего выдѣлялись среди дѣвушекъ воспитанницы института благородныхъ дѣвицъ, въ черныхъ платьяхъ съ кружевными мантильями, сильно набѣленныя и нарумяненныя, какъ полагалось молодымъ аристократкамъ, съ сверкающими черными глазами; ихъ вызывающая граціозность напоминала женщинъ на картинахъ Гойи.

Габріэль увидѣлъ также своего племянника Тато въ пышной красной мантіи. Онъ стукалъ палкой о плиты и окруженъ былъ цѣлой толпой пастуховъ, мужчинъ и женщинъ въ пестрыхъ нарядахъ. Спустившись съ горъ къ великому празднику, они осматривали храмъ, вытаращивъ глаза, ослѣпленные и оглушенные музыкой и огнями, и Тато, который казался имъ принцемъ въ своей роскошной одеждѣ, давалъ имъ объясненія, которыя они едва понимали отъ волненія.

Заглянувъ за рѣшетку хора, Габріэль увидѣлъ собравшихся тамъ канониковъ и священниковъ другихъ церквей. По срединѣ стоялъ его другъ регентъ въ туго накрахмаленномъ стихарѣ и дирижировалъ дюжиной музыкантовъ и пѣвцовъ. На алтарѣ стояла знаменитая рака, въ видѣ маленькой готической часовни, изумительно тонкой работы.

Мало-по-малу являлись приглашенные участвовать въ про-

цессіи: городскіе жители въ черныхъ сюртукахъ, професора академіи, офицеры городской гвардіи въ старинныхъ мундирахъ, дѣти, одѣтыя ангелами, но во вкусѣ Помпадуръ, съ кружевными жабо, въ туфляхъ съ красными каблуками, съ привязанными за плечами крылышками и митрой съ плюмажемъ на бѣлокурыхъ парикахъ. Костюмы всѣхъ участвующихъ въ процессіи были XVIII-го вѣка; парча и бархатъ украшали бѣдныхъ служителей, которымъ нечего было ѣсть; главный алтарь увѣшанъ былъ драгоцѣнными коврами, а ризы епископа и священниковъ сверкали золотомъ.

Приближался часъ процессіи, и въ церкви началось оживленіе; хлопали двери, бѣгали служители съ озабоченными лицами. Послѣ окончанія мессы, органъ заигралъ оглушительный маршъ, загудѣли колокола и раздавалась команда офицеровъ, выстраивавшихъ войска передъ соборомъ.

— Иди на свое мѣсто, пора!—сказалъ донъ Антолинъ, подойдя къ Габріэлю, и подвелъ его къ алтарю, гдѣ стояла рака.

Габріэль и еще восемь или девять человѣкъ приподняли ковры съ боковыхъ сторонъ и вошли въ клѣтку, на которой помѣщена была рака. Ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы толкать повозку, которая двигалась на колесахъ, спрятанныхъ подъ коврами. Они должны были только сдвинуть повозку съ мѣста, а спереди два служителя, въ бѣлыхъ парикахъ и черныхъ одеждахъ, везли ее за ручки спереди и сзади. Такъ возили колесницу по извилистымъ улицамъ, и должность Габріэля заключалась въ томъ, чтобы давать сигналы, когда останавливаться.

Священная колесница медленно пустилась въ путь, и вся толпа опустилась на колѣни, когда двинулась процессія изъ собора. Процессія двигалась по улицамъ, мимо балконовъ, украшенныхъ старинными коврами, торжественно и медленно. Габріэлю тяжело было ступать, стоя въ подвижной клѣткѣ, но ему все-таки пріятно было очутиться на улицахъ, хотя шумъ толпы съ непривычки оглушалъ его. Онъ внутренно улыбался, думая о томъ, какъ бы поражена была толпа, набожно опускавшаяся на колѣни, узнавъ, кто такой тотъ, чьи глаза выглядывали изъ-подъ раки. Многіе изъ офицеровъ, сопровождавшихъ пр[illegible] цессію, навѣрное знали о существованіи Габріэля и считали [illegible] врагомъ общества. И вотъ этотъ отверженный, который сп[illegible] тался въ соборѣ, какъ птица, укрывающаяся въ нишахъ соб[illegible] отъ непогоды, возитъ святыню по улицамъ благочестиваго [illegible] рода.

Уже далеко за полдень процессія вернулась въ соборъ, и, пропѣвъ послѣдніе псалмы, священники быстро снимали одежды и спѣшили домой—завтракать. Шумная церковь быстро опустѣла и снова погрузилась въ молчаніе и мракъ.

Когда Эстабанъ увидѣлъ Габріэля, вышедшаго изъ-подъ раки, онъ разсердился.

— Ты убиваешь себя. Развѣ тебѣ по силамъ такая работа? Что это была за нелѣпая фантазія?

Габріэль улыбнулся. Да, фантазія, но онъ о ней не жалѣлъ, такъ какъ погулялъ по городу, скрытый отъ всѣхъ, и брату будетъ на что нѣсколько дней варить обѣдъ.

Эстабанъ былъ тронутъ жертвой брата и, въ благодарность за нее, былъ добръ къ дочери; когда они вернулись домой, онъ разговаривалъ съ ней за завтракомъ.

Днемъ верхній монастырь опустѣлъ. Донъ Антолинъ быстро спустился—продавать билеты посѣтителямъ; Тато и звонарь тайкомъ ушли, разряженные, на бой быковъ. Саграріо, не работавшая въ праздникъ, отправилась къ женѣ садовника, чтобы помочь ей чинить одежду своей многочисленной семьи.

Габріэль вышелъ на галерею подышать воздухомъ, какъ вдругъ вбѣжалъ туда донъ Антолинъ съ ключами въ рукахъ.

— Его преосвященство идетъ сюда; онъ хочетъ посидѣть въ саду. Вотъ тоже фантазія! Говорятъ, онъ сегодня въ ужасномъ настроеніи.

Онъ быстро побѣжалъ отворять дверь, соединяющую верхній и нижній монастыри, а Габріэль спрятался за колоннами, чтобы оттуда поглядѣть на этого страшнаго князя церкви, котораго онъ еще ни разу не видѣлъ. Кардиналъ появился въ сопровожденіи двухъ священниковъ. Онъ былъ очень тученъ, но держался прямо. На черной расѣ, окаймленной краснымъ, висѣлъ золотой крестъ. Кардиналъ опирался на посохъ и имѣлъ очень воинственный видъ; золотыя кисти его шляпы падали на жирный розовый затылокъ, покрытый бѣлыми прядями волосъ. Онъ озирался маленькими пронзительными глазами, точно высматривая какое-нибудь запущеніе и ища предлога излить на чемъ-нибудь свое дурное настроеніе духа... Пройдя по галереѣ, онъ спустился о лѣстницѣ, ведущей въ нижній монастырь, и Габріэль, приіонившись къ барьеру, видѣлъ, какъ онъ направился въ садъ. амъ онъ остановилъ своихъ провожатыхъ и пошелъ одинъ по авной аллеѣ къ бесѣдкѣ, гдѣ сидѣла и дремала Томаса, опу-ивъ на колѣни свое вѣчное вязанье. При звукѣ шаговъ она гренепулась и, увидавъ кардинала, вскрикнула отъ изумленія:

— Донъ Себастіанъ... Вы пришли сюда!

— Я хотѣлъ навѣстить тебя, — отвѣтилъ кардиналъ съ доброй улыбкой, садясь.—Что жъ тебѣ всегда приходить ко мнѣ! И я, въ свою очередь, пришелъ къ тебѣ.

Онъ опустилъ руку въ глубину рясы, вынулъ золотой портсигаръ и закурилъ папиросу. У него былъ теперь довольный видъ человѣка, который былъ радъ освободиться отъ необходимости быть суровымъ, чтобы внушать почтеніе.

— Такъ, значитъ, вы не больны?—спросила садовница.— Я ужъ собиралась пойти справиться о вашемъ здоровьи у доньи Визитаціонъ.

— Глупости! Я отлично себя чувствую и нарочно не пошелъ въ соборъ для того, чтобы разозлить каноников. Это привело меня въ отличное настроеніе. Я нарочно пришелъ къ тебѣ, чтобы знали, что болѣзнь была только предлогомъ, но что я не явился въ соборъ не изъ гордости, а изъ чувства собственнаго достоинства, такъ какъ вотъ же я вышелъ изъ дворца—навѣстить своего стараго друга садовницу.

Онъ хохоталъ при мысли о томъ, какъ будутъ злиться въ хорѣ, узнавъ, что онъ пришелъ сюда.

— Но это не единственный поводъ для моего посѣщенія, Томаса, — продолжалъ онъ. — Мнѣ было скучно дома; къ Визитаціонъ пріѣхали подруги изъ Мадрида, и мнѣ захотѣлось поболтать съ тобой здѣсь, въ прохладномъ саду... Какая ты, Томаса, еще бодрая; ты худощавая, живая и такъ хорошо сохранилась, а я заплылъ жиромъ и мучаюсь; спать не могу отъ боли по ночамъ. У тебя волосы еще черные и зубы цѣлы—не такъ, какъ у меня. А все-таки мы съ тобой старики и намъ немного осталось жить... Ахъ, если бы вернуть время, когда я приходилъ маленькимъ служкой за твоимъ отцомъ и отнималъ у тебя твой завтракъ! Помнишь, Томаса?

Старикъ и старуха забыли о разницѣ ихъ общественнаго положенія и съ братскимъ чувствомъ существъ, приближающихся къ смерти, вспоминали свое дѣтство. Вокругъ нихъ ничто не измѣнилось, ни садъ, ни монастырь, ни соборъ,—и прелатъ, оглядываясь вокругъ себя, могъ вообразить себя тѣмъ же маленькимъ служкой, какимъ онъ былъ полвѣка тому назадъ.

— Помнишь, какъ твой покойный отецъ смѣялся надо мнс когда я говорилъ, что сдѣлаюсь толедскимъ архіепископом Когда я былъ посвященъ въ епископы, я вспомнилъ его н смѣшки и жалѣлъ, что онъ умеръ. Онъ бы плакалъ отъ радост видя митру на головѣ бывшаго маленькаго служки. Я сохран-

привязанность къ твоей семьѣ. Вы были хорошими людьми, и сколько разъ я бы голодалъ безъ васъ...

— Что вы, что вы, монсиньоръ! Нечего объ этомъ вспоминать. Я вотъ должна была бы благодарить васъ за то, что вы такой добрый и простой, несмотря на вашъ высокій санъ... Да и для васъ хорошо, что вы такой,—прибавила она съ обычной откровенностью.—Такихъ друзей, какъ я, у васъ не много. Васъ окружаютъ льстецы и негодяи, и будь вы бѣдный сельскій священникъ, никто бы на васъ и не глядѣлъ, а Томаса оставалась бы вашимъ вѣрнымъ другомъ. Я васъ и люблю за то, что вы привѣтливы и просты. Будь вы надменный человѣкъ, какъ другіе епископы, я бы поцѣловала вашъ перстень и—до свиданья. Кардиналу мѣсто во дворцѣ, а садовницѣ—въ саду.

Архіепископъ съ улыбкой слушалъ Томасу, и они стали вспоминать свое общее дѣтство. Томаса вспомнила также, какъ онъ явился въ Толедо навѣстить своего дядю, соборнаго каноника, когда онъ учился въ военной школѣ.

— Какой вы тогда были красивый въ своемъ мундирѣ и каскѣ!—вспоминала Томаса.—Вы и мнѣ тогда говорили любезности о моей красотѣ... Помню, когда вы уѣхали, мой шуринъ сказалъ мнѣ: „Онъ навсегда снялъ рясу. Его дядѣ никогда не уговорить его стать священникомъ".

Кардиналъ съ гордостью улыбнулся, вспоминая время, когда онъ былъ блестящимъ драгуномъ.

— Да,—сказалъ онъ,—это было безуміемъ моей молодости. Въ Испаніи есть только три пути для человѣка съ нѣкоторыми способностями: мечъ, церковь и судейская карьера. У меня была кипучая кровь—я избралъ мечъ. Но, къ несчастью, я былъ солдатомъ въ мирное время, и не могъ сдѣлать карьеры. Чтобы не опечалить послѣдніе годы жизни моего дяди, я вернулся къ прежнимъ занятіямъ и вернулся въ лоно церкви. На обоихъ путяхъ можно служить Богу и отечеству. Но повѣрь мнѣ, и теперь, нося кардинальскую мантію, я вспоминаю съ удовольствіемъ о времени, когда былъ драгуномъ. Я иногда съ завистью смотрю на кадетъ. Можетъ быть, я былъ бы лучшимъ солдатомъ, чѣмъ они... Если бы мнѣ довелось жить въ тѣ времена, когда прелаты [illegible]ли сражаться съ маврами... какимъ бы настоящимъ толедскимъ [illegible]рхіепископомъ я былъ!

Донъ Себастіанъ выпрямился, гордясь остатками прежней [illegible]лы.

— Я знаю,—сказала Томаса,—что вы всегда сохраняли духъ [illegible]ина. Я часто говорила священникамъ, которые болтаютъ вздоръ

про васъ:—не шутите съ его преосвященствомъ. Съ кардинала можетъ статься, что онъ войдетъ какъ-нибудь въ хоръ и разгонитъ всѣхъ, сыпля удары направо и налѣво.

— Да мнѣ и не разъ хотѣлось это сдѣлать,—признался кардиналъ, и глаза его сверкнули.—Но меня сдерживало достоинство моего сана. Я вѣдь долженъ быть мирнымъ пастыремъ... Бываютъ однако минуты, когда терпѣніе мое лопается, и я съ трудомъ удерживаюсь, чтобы не кинуться съ кулаками на этихъ бунтовщиковъ...

Донъ Себастіанъ сталъ возбужденно говорить о своей борьбѣ съ канониками. Ему было отрадно подѣлиться своими волненіями со старымъ другомъ дѣтства.

— Ты не представляешь себѣ, Томаса, сколько я отъ нихъ терплю.—Я здѣсь владыка, и они обязаны мнѣ повиновеніемъ,—а они вѣчно бунтуютъ и жить мнѣ не даютъ своими распрями. Въ глаза они низкопоклонствуютъ, а за спиной—жалятъ какъ змѣи... Пожалѣй меня, Томаса! Когда я подумаю объ ихъ низостяхъ—я съ ума схожу... Въ сущности, конечно, что̀ мнѣ за дѣло до ихъ интригъ! Я знаю, что въ концѣ концовъ они падутъ къ моимъ ногамъ. Но ихъ злословіе убиваетъ меня... Вѣдь что̀ они, негодяи, говорятъ о существѣ, которое мнѣ дороже всего на свѣтѣ!.. Это меня смертельно поразитъ.

Онъ приблизился къ садовницѣ и понизилъ голосъ:

— Ты вѣдь знаешь мое прошлое,—я тебѣ довѣряю и ничего не скрывалъ. Ты знаешь, что̀ такое для меня Визитаціонъ, и знаешь — не отпирайся, навѣрное знаешь, что̀ про нее говорятъ, какія клеветы распространяютъ... А вѣдь правду я не могу открыть, не могу провозгласить ее громогласно: увы, мнѣ запрещаетъ это мое платье. Я безконечно страдаю, безгранично бѣшусь и не могу играть комедію, не умѣю скрывать мое бѣшенство... Не могу выразить тебѣ мою муку. Не имѣть права открыто сказать, что у меня были подъ рясой живыя чувства, что я зналъ любовь... и что моя дочь живетъ подъ моимъ кровомъ! Другіе оставляютъ своихъ дѣтей, а во мнѣ сильно отцовское чувство. Отъ всего прошлаго, отъ былого счастья у меня осталась только Визитаціонъ.—Она живой портретъ своей матери; я ее безконечно люблю. И это счастье они отравляютъ с ими грязными толками. Развѣ не слѣдуетъ задушить ихъ за э

Отдаваясь чарамъ воспоминаній, онъ сталъ опять разсказыв Томасѣ о своей связи съ одной дамой въ Андалузіи. Ихъ сбли сначала одинаковое благочестіе, потомъ дружба перешла въ менную любовь. Они были всю жизнь вѣрны другъ другу, х

тайну своей любви отъ міра, и наконецъ она умерла, оставивъ ему дочь. Клеветы, которыя распускали каноники о мнимой племянницѣ дона Себастіана, выводили его изъ себя.

— Они считаютъ ее моей любовницей!—воскликнулъ онъ съ возмущеніемъ.—Мою чистую дочь они считаютъ потерянной женщиной... Точно я, старикъ, да еще больной, сталъ бы думать объ удовольствіяхъ... Безсовѣстные!.. За меньшія оскорбленія отплачивали прежде кровью.

— Пусть ихъ болтаютъ, не все ли вамъ равно? Господь на небѣ знаетъ вѣдь правду.

— Конечно, но это не можетъ меня успокоить. У тебя самой есть дѣти, и ты знаешь, какъ ревниво родительское сердце относится ко всему, что̀ касается своего ребенка... Одинъ Господь вѣдаетъ, какъ я страдаю. Я вѣдь осуществилъ самыя честолюбивыя мечты моей молодости. Я облеченъ высшей церковной властью, сижу на архіепископскомъ престолѣ—и все же я болѣе несчастливъ, чѣмъ когда-либо. Именно мое высокое положеніе не позволяетъ мнѣ очиститься отъ клеветъ, открывъ правду. Пожалѣй меня, Томаса. Любить дочь все болѣе и болѣе возрастающей любовью—и выносить, что эту чистую нѣжность принимаютъ за гнусную старческую страсть!..

Глаза дона Себастіана, эти суровые глаза, отъ взгляда которыхъ дрожала вся епархія, увлажнились слезами.

— Еще другія заботы гнетутъ меня,—продолжалъ онъ исповѣдываться старой садовницѣ.—Я боюсь будущаго. Ты знаешь, я скопилъ большія богатства, такъ какъ хорошо управлялъ своими землями и деньгами, такъ какъ думалъ о томъ, чтобы обезпечить мою дочь, и, не будучи скупымъ, умѣлъ умножать свои доходы. Моя дочь будетъ очень богата послѣ моей смерти. Я мечталъ о томъ, что она при моей жизни выйдетъ замужъ за хорошаго человѣка. Но она не хочетъ разстаться со мной, и къ тому же она слишкомъ благочестива. Это меня пугаетъ... Я боюсь, что когда меня не станетъ, ею овладѣютъ какія-нибудь монашескія конгрегаціи—есть вѣдь такія, которыя спеціально гонятся за богатыми наслѣдствами—для славы Господней, конечно,—и я дрожу при мысли, что она можетъ попасться въ ихъ когти. ...рустно подумать, что я всю жизнь копилъ—для того, чтобы ...рмить какихъ-нибудь жирныхъ іезуитовъ или монахинь съ ...льшими чепцами, которыя даже не говорятъ по-испански... ...ня пугаетъ слабая воля моей дочери.

— Но нѣтъ!—воскликнулъ онъ, помолчавъ, властнымъ тономъ. ...еужели Господь такъ покараетъ меня? Скажи—ты своимъ про-

стымъ, открытымъ умомъ можешь вѣрнѣе судить, чѣмъ ученые богословы,—скажи, развѣ моя жизнь дурная и я заслужилъ гнѣвъ Господень?

— Вы, донъ Себастіанъ? Господи, помилуй!.. Вы—такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе, и вы даже лучше другихъ, потому что вы не хитрите и не лицемѣрите.

— Ты права, я человѣкъ, какъ всѣ другіе... Мы, занимающіе высокое положеніе въ церкви, стоимъ на виду, какъ святые въ нишахъ. Но насъ можно считать святыми только на разстояніи. Для тѣхъ, кто насъ ближе знаетъ, мы люди со всѣми человѣческими слабостями. Лишь очень немногіе съумѣли уберечься отъ человѣческихъ страстей... Я надѣюсь,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—что когда пробьетъ мой часъ, Господь не отринетъ меня въ своемъ милосердіи. Въ чемъ мое преступленіе? Въ томъ, что я любилъ мать моего ребенка, какъ мой отецъ любилъ мою мать,—въ томъ, что у меня есть ребенокъ, какъ у многихъ апостоловъ и святыхъ. Но вѣдь безбрачіе священниковъ—измышленіе людей, правило церковной дисциплины, а плоть и ея требованія—отъ Бога... Приближеніе смертнаго часа пугаетъ меня, и часто по ночамъ я томлюсь сомнѣніями и дрожу. Но въ сущности вѣдь я служилъ Господу, какъ умѣлъ. Живи я въ прежнія времена, я защищалъ бы вѣру мечомъ, сражаясь противъ еретиковъ. А теперь я церковный пастырь и борюсь противъ безвѣрія... Да, Господь помилуетъ меня и приметъ меня въ лоно свое. Правда вѣдь, Томаса?

Садовница улыбнулась, и слова ея медленно прозвучали въ предвечерней тишинѣ:

— Успокойтесь, донъ Себастіанъ!—сказала она.—Я знала многихъ, которые считались святыми, и они не стоили васъ. Они бы во имя спасенія души бросили на произволъ судьбы своихъ дѣтей... Нѣтъ, истинныхъ святыхъ нѣтъ здѣсь. Всѣ люди,—только люди... Не нужно раскаиваться въ томъ, что слѣдуешь влеченію сердца. Господь не даромъ вселилъ въ насъ любовь къ дѣтямъ. Все остальное,—цѣломудріе, безбрачіе—все это вымышлено церковью, чтобы отдѣлить себя отъ простыхъ смертныхъ... Вы, донъ Себастіанъ, человѣкъ, и чѣмъ болѣе вы слѣдуете влеченіямъ своего сердца, тѣмъ лучше. Господь проститъ васъ.

IX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника Тѣла Господня донъ Антолинъ пришелъ къ Габріэлю и предложилъ ему занятіе, которое, по его мнѣнію, должно было подходить ему.

— Хочешь—сказалъ онъ—спускаться каждый день въ соборъ днемъ и показывать достопримѣчательности собора иностранцамъ? Ты знаешь всѣ языки и сможешь объясняться съ ними. Намъ ты этимъ окажешь услугу, а тебѣ это не будетъ стоить большого труда. А жалованье... потомъ можно будетъ что-нибудь выцарапать для тебя изъ бюджета, но пока нельзя... средства собора слишкомъ ограниченны.

Габріэль, видя озабоченный видъ Антолина, когда онъ заговорилъ о деньгахъ, сейчасъ же согласился. Онъ вѣдь былъ гостемъ въ соборѣ, и долженъ былъ воспользоваться случаемъ отблагодарить за гостепріимство.

Съ этого дня Габріэль ежедневно спускался въ соборъ, когда собирались проѣзжіе туристы. Донъ Антолинъ считалъ ихъ всѣхъ лордами или герцогами, такъ какъ считалъ, что только знатные люди могли себѣ позволить роскошь путешествій, и раскрывалъ глаза отъ изумленія, когда Габріэль объяснялъ ему, что многіе изъ этихъ путешественниковъ—сапожники изъ Лондона или лавочники изъ Парижа, которые дѣлали во время праздничнаго отдыха экскурсіи въ древнюю страну мавровъ.

Въ сопровожденіи сторожей и дона Антолина Габріэль показывалъ разложенныя и разставленныя въ огромныхъ витринахъ богатства собора: статуи изъ массивнаго серебра, ларцы изъ слоновой кости съ искусной рѣзьбой, золотыя и эмалевыя блюда, драгоцѣнные камни—брилліанты огромныхъ размѣровъ, смарагды, топазы и безчисленныя нити жемчуга, падающія градомъ на одежды Мадоннъ. Иностранцы восхищались этими богатствами, но Габріэль, привыкнувъ ежедневно глядѣть на нихъ, оставался равнодушнымъ къ обветшалой роскоши стариннаго храма. Все потускнѣло въ немъ, брилліанты не сверкали, жемчугъ казался мертвымъ—дымъ кадильницъ и затхлый воздухъ наложили на все отпечатокъ тусклости. Онъ добросовѣстно переводилъ иностранцамъ объясненія дона Антолина, повторяя ихъ по двадцати разъ сряду съ нѣсколько саркастической торжественностью.

Однажды, во время обзора, одинъ флегматичный англичанинъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, у васъ нѣтъ пера изъ крыльевъ святого архангела Михаила?

— Нѣтъ, — и мы очень объ этомъ жалѣемъ, — отвѣтилъ Габріэль еще болѣе серьезнымъ тономъ, чѣмъ англичанинъ. — Но эту реликвію вы найдете въ другомъ соборѣ. Нельзя же все собрать только здѣсь.

Больше всего посѣтители восторгались богатствами ризницы, коллекціей драгоцѣнныхъ облаченій съ драгоцѣнными вышивками, воспроизводившими библейскія и евангельскія сцены съ живостью свѣжихъ красокъ. На этихъ драгоцѣнныхъ тканяхъ запечатлѣно было все прошлое собора, имѣвшаго въ прежнія времена милліонные доходы и содержавшаго цѣлую армію вышивальщиковъ, скупавшаго тончайшія полотна Валенціи и Севильи, чтобы воспроизводить на нихъ золотомъ и шелками сцены изъ священнаго писанія и изъ жизни святыхъ мучениковъ. Всѣ героическія преданія церкви были увѣковѣчены здѣсь иглой въ эпоху, когда еще нельзя было закрѣпить ихъ посредствомъ книгопечатанія.

Вечеромъ Габріэль возвращался въ верхній монастырь, утомленный этими осмотрами мертвой пышности. Вначалѣ его развлекала мѣняющаяся толпа иностранцевъ, но постепенно ему стало казаться, что всѣ они на одно лицо. Все тѣ же англичанки съ сухими, спокойными лицами, все тѣ же вопросы, тѣ же „О!“ условнаго восхищенія и та же манера презрительно отворачиваться, когда осмотръ кончался.

Но послѣ вида всѣхъ этихъ скопленныхъ и спящихъ богатствъ нищета соборнаго люда казалась ему еще болѣе нестерпимой. Сапожникъ представлялся ему еще болѣе желтымъ и несчастнымъ въ затхломъ воздухѣ своего жилья, жена его еще болѣе измученной и больной. Ея грудной ребенокъ умиралъ отъ недостатка питанія, какъ ему разсказывала Саграріо, проводившая теперь почти весь день у сапожника, помогая справляться съ хозяйствомъ, такъ какъ мать сидѣла неподвижно, держа ребенка у груди, въ которой не было молока и глядя на свое дитя глазами полными слезъ.

Габріэль осмотрѣлъ ребенка, золотушнаго и худого какъ скелетъ, и покачивалъ головой въ то время, какъ сосѣдки предлагали разныя средства для его леченія.

— Да, ребенокъ боленъ отъ голода, — сказалъ онъ племянницѣ. — Только отъ голода.

Онъ дѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы спасти ребенка, купилъ молока для него, но желудокъ больного не переваривалъ слишкомъ тяжелой для него пищи. Томаса привела ему корм

лицу, но та послѣ двухъ дней перестала ходить, устрашась давать грудь безкровному, похожему на трупъ младенцу. Томаса собрала нѣсколько денегъ у канониковъ, несмотря на протесты зятя, который настаивалъ на изгнаніи сапожника, позорящаго соборъ своей нищетой. Заботы Габріэля, Томасы и Саграріо достигли того, что вся семья сапожника стала нѣсколько лучше питаться, но младенца нельзя было спасти. Онъ вскорѣ умеръ, и горе матери было неописуемо. Она кричала, какъ раненое животное, неустаннымъ рѣзкимъ крикомъ, а сапожникъ молча плакалъ, разсказывая, что ребенокъ умеръ какъ птичка, — совсѣмъ какъ маленькая птичка. Всѣ друзья собрались вокругъ сапожника и его жены. Звонарь Маріано мрачно взглянулъ на Габріэля.

— Ты все знаешь,—сказалъ онъ.—Скажи, правда, что онъ умеръ отъ голода?

А Тато, съ свойственной ему необузданностью, громко возмущался и кричалъ.

— Нѣтъ на свѣтѣ справедливости,—повторялъ онъ.—Нельзя, чтобы такъ продолжалось... Подумать только, что бѣдный ребенокъ умеръ отъ голода въ домѣ, гдѣ золото течетъ ручьемъ, и гдѣ столько бездѣльниковъ ходятъ въ золотѣ!

Когда тѣло младенца унесли на кладбище, бѣдная мать стала биться головой объ стѣну отъ отчаянія. На ночь Саграріо и другія сосѣдки пришли, чтобы провести ночь подлѣ нея. Отчаяніе привело ее въ бѣшеное состояніе, — ей хотѣлось во что бы то ни стало найти виновника своего несчастья и она осыпала проклятіями всю аристократію собора.

— Это донъ Антолинъ во всемъ виноватъ! Этотъ старый ростовщикъ тянетъ изъ насъ жилы... Ни гроша вѣдь не далъ на ребенка. А Марикита... Ни разу не зашла къ намъ... Распутная дѣвка... только и знаетъ, что наряжаться для кадетъ!

Напрасно сосѣдки увѣщали ее не кричать изъ страха передъ дономъ Антолиномъ. Другія, напротивъ того, возмущались такой трусостью.

— Пусть донъ Антолинъ и его племянница слышатъ! Тѣмъ лучше! Всѣ мы достаточно настрадались отъ жадности дона Антолина и надменности Марикиты. Нельзя всю жизнь дрожать передъ этой парочкой! — Господь вѣдаетъ, что̀ дѣлаютъ дядя и племянница, когда остаются вдвоемъ...

Въ сонномъ царствѣ собора пронесся духъ мятежа, и это было слѣдствіемъ безсознательнаго вліянія Габріэля. Его слова пробудили въ обитателяхъ верхняго монастыря смутныя отрывочныя идеи и возбудили ихъ спящій духъ. Они вдругъ почувство-

вали, что рабство ихъ не должно вѣчно длиться, что долгъ человѣка — возставать противъ несправедливости и деспотизма. Донъ Антолинъ сталъ замѣчать, что творится неладное. Его должники стали грубо отвѣчать на его напоминанія и отказывать ему въ повиновеніи. Особенно нагло отвѣчалъ ему Тато. Кромѣ того и племянница постоянно жаловалась ему на презрительное отношеніе къ ней сосѣдокъ, на ихъ грубости и оскорбленія, и ей говорили въ лицо, что ея распутный дядя высасываетъ кровь изъ бѣдняковъ, чтобы оплачивать ея наряды.

У дона Антолина лопнуло терпѣніе, и онъ пошелъ жаловаться кардиналу. Но тотъ обругалъ его за то, что онъ жалуется, вмѣсто того, чтобы проявить свой авторитетъ и водворить порядокъ въ соборѣ. Онъ пригрозилъ ему отставкой, если онъ не съумѣетъ самъ справиться съ своимъ населеніемъ верхняго монастыря.

Бѣдный донъ Антолинъ былъ въ отчаяніи. Онъ вздумалъ было принять строгія мѣры, главнымъ образомъ прогнать сапожника, но объ этомъ узнали, и всѣ, въ особенности же Тато, смотрѣли на него при встрѣчахъ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что онъ боялся, какъ бы ему не пришлось плохо отъ бунтарей. Больше всѣхъ его пугалъ звонарь своимъ мрачнымъ молчаливымъ видомъ. Кромѣ того и Эстабанъ уговаривалъ его не прогонять сапожника, потому что крутыя мѣры къ добру не приводятъ.

Въ ужасѣ отъ всего этого онъ обратился къ заступничеству Габріэля.

— Поддержи меня, Габріэль!—просилъ онъ. — Дѣло плохо кончится, если ты не вступишься. Всѣ оскорбляютъ меня и мою племянницу... и я наконецъ повыгоню отсюда всѣхъ. Кардиналъ далъ мнѣ полную свободу дѣйствія... Не понимаю, какой тутъ вѣтеръ подулъ. Точно какой-то демонъ, сорвавшійся съ цѣпи, проникъ сюда и бродитъ въ верхнемъ монастырѣ. Всѣ переродились.

Габріэль отлично понималъ, что этимъ демономъ донъ Антолинъ считаетъ именно его. И это была правда. Самъ того не желая, Габріэль, который хотѣлъ, живя въ соборѣ, только укрыться отъ людей, принесъ съ собой смуту и перевернулъ всю жизнь соборнаго люда. Въ соборъ, жившій переживаніями шестнадцатаго вѣка, ворвался съ нимъ революціонный духъ. Спящіе пр снулись, устыдились своей отсталости и тѣмъ горячѣе воспр нимали новыя идеи, не задумываясь о послѣдствіяхъ.

Трусливое отступленіе дона Антолина было первой побѣд смѣльчаковъ, и они уже теперь не прятались, а собирали открыто на галереѣ верхняго монастыря и громко обсужда

смѣлыя идеи Габріэля на глазахъ дона Антолина; онъ сумрачно бродилъ одинъ съ требникомъ въ рукахъ и поглядывалъ на сборище, въ глубинѣ души надѣясь, что все обойдется болтовней, которая разсѣется какъ дымъ.

Но самъ Габріэль, болѣе чѣмъ донъ Антолинъ, ужасался дѣйствія своихъ словъ. Ему хотѣлось отдохнуть, укрывшись подъ сѣнью собора, но по ироніи судьбы въ немъ проснулся агитаторъ, возбудившій опасное броженіе умовъ. Братъ его, не понимая вполнѣ, до чего опасность была велика, все-таки предостерегалъ его съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ.

— Ты вскружилъ головы этимъ несчастнымъ твоими рѣчами,— говорилъ онъ.— Будь остороженъ. Они слишкомъ невѣжественны и не съумѣютъ остановиться въ должныхъ предѣлахъ...

Габріэль былъ согласенъ съ братомъ до нѣкоторой степени, но его охватилъ прежній проповѣдническій жаръ, и онъ продолжалъ говорить своимъ друзьямъ о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, который наступитъ послѣ соціальнаго кризиса. Но его вѣра была вся направлена на будущее. Онъ не думалъ, что человѣчество можетъ достигнуть желанныхъ результатовъ сейчасъ, и говорилъ, что теперешнее человѣчество должно только подготовлять путь людямъ грядущихъ вѣковъ, совершенствуясь само и проповѣдуя принципы справедливости и равенства.

Слушатели его, продолжая относиться къ нему съ благоговѣніемъ, не довольствовались однако этими отдаленными перспективами. Имъ хотѣлось воспользоваться сейчасъ же самимъ тѣми благами, которыя онъ рисовалъ имъ;—они, какъ дѣти, тянулись къ лакомству, которое имъ показывали издалека. Самопожертвованіе во имя будущаго счастья человѣчества не привлекало ихъ. Изъ рѣчей Габріэля они извлекли только убѣжденіе въ несправедливости своей доли и увѣренность въ своемъ правѣ на счастье. Они не возражали ему, но Габріэль чувствовалъ, что въ нихъ зарождается такая же глухая враждебность, какъ въ его прежнихъ товарищахъ въ Барцелонѣ, когда онъ излагалъ имъ свои идеалы и возставалъ противъ насильственныхъ дѣйствій. Прежніе пламенные ученики стали отдаляться отъ учителя и часто собирались безъ него на колокольнѣ у звонаря, возбуждая другъ друга жалобами на несправедливость и нужду, угнетавшую ихъ. Звонарь, мрачный, нахмуривъ брови, кричалъ, продолжая вслухъ свои мысли:

— И подумать только, что въ церкви накоплено столько ненужныхъ богатствъ! Грабители!.. Разбойники!

Вслѣдствіе охлажденія къ нему учениковъ, Габріэль могъ

опять проводить цѣлые дни съ Саграріо, къ радости дона Антолина, который думалъ, что онъ окончательно разошелся съ своими друзьями. Въ награду за это онъ досталъ Габріэлю заработокъ: умеръ одинъ изъ двухъ ночныхъ сторожей собора, и донъ Антолинъ предложилъ Габріэлю замѣнить его, т.-е. проводить ночи въ соборѣ, получая за это двѣ пезеты въ день. Габріэль принялъ предложеніе, не взирая на свое слабое здоровье. Двѣ пезеты въ день—его братъ получалъ не болѣе того, и ихъ средства такимъ образомъ могли удвоиться. Какъ же не воспользоваться такимъ счастливымъ обстоятельствомъ!

На слѣдующій вечеръ Саграріо, въ разговорѣ съ дядей, выразила преклоненіе передъ его готовностью взять на себя какой угодно трудъ для поддержки семьи. Спускалась ночь. Они стояли у барьера на галереѣ верхняго монастыря. Внизу виднѣлись темныя верхушки деревьевъ. Они были одни. Сверху, изъ комнатки регента, раздавались нѣжные звуки фисгармоніи и мирная ночь обвѣвала ласковымъ прикосновеніемъ ихъ души. Съ неба спускалась таинственная свѣжесть, успокаивающая душу и будящая воспоминанія.

Чтобы убѣдить Саграріо, что съ его стороны не было никакой заслуги въ томъ, что онъ готовъ нести службу въ соборѣ, Габріэль сталъ разсказывать ей о своемъ прошломъ, о прежнихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, и говорилъ, что очень легко переносилъ все, пока былъ одинъ, но что его жизнь стала мучительной, когда вмѣстѣ съ нимъ страдала въ скитаніяхъ и Люси.

— Ты бы ее полюбила,—сказалъ онъ Саграріо.—Она была мнѣ истинной подругой по духу, хотя настоящей любви я къ ней не питалъ. Бѣдная Люси была некрасивая, анемичная дѣвушка, выросшая въ рабочемъ кварталѣ большого города. Прекрасны были только ея глаза, расширенные отъ холодныхъ ночей, проведенныхъ на улицѣ, отъ страшныхъ сценъ, которыя происходили при ней, когда она жила у родителей и отецъ ея возвращался пьяный домой и колотилъ всю семью. Какъ всѣ дѣвушки ея класса, она рано увяла... Я любилъ ее изъ жалости къ ея судьбѣ, типичной для всякой молодой работницы, красивой въ дѣтствѣ, но утратившей красоту въ ужасныхъ условіяхъ трудовой жизни.

Габріэль разсказалъ со слезами о послѣднемъ свиданіи ней въ госпиталѣ въ Италіи. Она сидѣла въ креслѣ и попроси у него розъ. У него не было денегъ на кусокъ хлѣба, но о взялъ нѣсколько грошей у товарища, еще болѣе бѣднаго, чѣ

онъ, и принесъ ей цвѣтовъ... А потомъ она умерла, и онъ не зналъ даже, гдѣ ее похоронили.

— Я бы не могла сдѣлать то, что̀ дѣлала она, дядя,—сказала Саграріо, взволнованная разсказомъ.

— Зови меня Габріэлемъ и говори мнѣ „ты“!—взволнованно сказалъ Габріэль.—Ты замѣнила мнѣ Люси, и я опять не одинъ... Я долго разбирался въ моихъ чувствахъ и теперь знаю: я люблю тебя, Саграріо.

Молодая женщина отступила отъ изумленія.

— Не отходи отъ меня, Саграріо, не бойся!—сказалъ Габріэль.—Мы слишкомъ много страдали въ жизни, чтобы думать о радостяхъ жизни. Мы—двѣ жертвы, осужденныя умереть въ этомъ монастырѣ, служащемъ намъ убѣжищемъ. Но вотъ почему я полюбилъ тебя—мы равны въ нашихъ страданіяхъ. Меня ненавидятъ, считая врагомъ общества; тебя чуждаются—какъ падшей. Надъ нами тяготѣетъ рокъ—наши тѣла подточены ядомъ. Такъ возьмемъ же, прежде чѣмъ умереть, у любви высшее счастье,—какъ бѣдная Люси просила розъ.

Онъ сжималъ руки молодой женщины, которая не могла выговорить ни слова отъ волненія и плакала сладкими слезами.

— Я полюбилъ тебя,—продолжалъ Габріэль,—съ той минуты, какъ ты вернулась сюда. Я читалъ въ твоей простой и нѣжной душѣ и видѣлъ, что и ты привязалась ко мнѣ, что я тебѣ близокъ... Скажи, я не ошибся? Ты любишь меня?

Саграріо безмолвно плакала и не могла поднять глазъ на Габріэля. Наконецъ она сказала:

— Я плачу отъ счастья. За что меня любить? Я давно уже не гляжусь въ зеркало, боясь вспомнить утраченную молодость... Могла ли я подумать, что вы читаете въ моей душѣ?!.. Я бы умерла и не открыла своей тайны... Да, я люблю тебя... Ты—лучшій изъ людей!

Они долго стояли молча, взявшись за руки, и взгляды ихъ обращены были на темный садъ.

— Ты будешь моей подругой,—грустно сказалъ Габріэль.—Наши жизни будутъ связаны, пока смерть не разрознитъ ихъ. Я буду защищать тебя, твоя нѣжность усладитъ мою жизнь. [М]ы будемъ любить другъ друга какъ святые, которые знали [эк]стазъ любви, не допуская радостей плоти. Мы—больные, и у [на]съ были бы несчастныя, жалкія дѣти. Не будемъ же умно[ж]ать горе на землѣ, создавая обездоленныя существа. Пре[до]ставимъ богатымъ ускорять вырожденіе ихъ касты наслѣдниками своихъ пороковъ.

Онъ обнялъ за талію молодую женщину и свободной рукой приподнялъ ея лицо..

Глаза ея блестѣли отъ слезъ.

— Мы будемъ—тихо сказалъ онъ—любить другъ друга съ такой чистотой, какую не представлялъ себѣ еще ни одинъ поэтъ. Эта безгрѣшная ночь, въ которую мы сознались другъ другу въ нашей грустной любви—наша свадебная ночь... Поцѣлуй меня, подруга моей жизни!

Среди ночной тишины они обмѣнялись долгимъ поцѣлуемъ. А надъ ними изъ комнаты регента раздавались похоронные звуки Бетховенскаго квартета.

X.

Габріэль началъ свою службу въ началѣ іюля. Его товарищъ, Фидель, былъ чахлый маленькій человѣкъ, который постоянно кашлялъ, носилъ, не снимая даже и лѣтомъ, свой теплый плащъ. Фидель объяснялъ ему всѣ подробности ночного бдѣнія, объяснялъ, какъ хорошо организована охрана, какъ невозможно пробраться въ храмъ вору, и говорилъ, что въ виду этого и не грѣхъ соснуть. Но, къ несчастью, кардиналъ придумалъ новую уловку, чтобы мучить бѣдныхъ служителей. Въ церкви были установлены аппараты, которые нужно было отворять каждые полъ-часа, чтобы засвидѣтельствовать, что сторожъ не спитъ. Утромъ донъ Антолинъ провѣрялъ этотъ контрольный аппаратъ и при малѣйшемъ упущеніи назначалъ штрафъ.

— Дьявольская выдумка!—жаловался сторожъ.—Теперь приходится устраиваться такъ, что каждый изъ двухъ сторожей спитъ по очереди, въ то время какъ его товарищъ беретъ на себя обязанность караулить при аппаратѣ.

Габріэль по своей природной добротѣ большей частью сторожилъ все время за товарища, который очень полюбилъ его за это. Когда Фидель не могъ спать отъ кашля, онъ болталъ съ Габріэлемъ, разсказывалъ ему о своей нуждѣ или о разныхъ происшествіяхъ во время ночныхъ бдѣній въ соборѣ, причемъ каждый разъ повторялъ, что бояться воровъ нечег что соборъ отлично охраняется, и прибавлялъ, что въ крайне случаѣ есть всегда возможность позвонить въ маленькій к локолъ, призывающій канониковъ въ церковь, и что если (этотъ звонъ раздался среди ночи, весь городъ сбѣжался бы і одинъ мигъ, понявъ, что въ соборѣ случилось несчастіе.

По утрамъ Габріэль возвращался домой, весь дрожа отъ холода, и его встрѣчала Саграріо, кипятила ему молоко, и когда онъ ложился въ постель, она приносила ему чашку горячаго молока, все время сѣтуя на то, что онъ убиваетъ себя службой. Выспавшись утромъ, онъ выходилъ на галерею, гдѣ встрѣчалъ своихъ бывшихъ учениковъ, которые однако относились къ нему теперь съ какимъ-то пренебреженіемъ. Донъ Антолинъ жаловался Габріэлю, что всѣ они становятся нестерпимо грубыми, что Тато грозитъ убивать людей, такъ какъ ему не позволили убивать быковъ. Габріэль улыбался, говоря, что они еще не хорошо усвоили новыя идеи и потому болтаютъ вздоръ. Но его смущалъ угрюмый видъ Маріано, который явно избѣгалъ его и уклонялся отъ его разспросовъ. Когда разъ Габріэль настойчиво присталъ къ нему, спрашивая, что̀ онъ имѣетъ противъ него, Маріано отвѣтилъ, что идеи Габріэля хорошія... но что, когда дѣло доходитъ до осуществленія теорій на практикѣ, онъ останавливается и бездѣльничаетъ, какъ всѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль случилось важное событіе въ соборѣ. Наступилъ соборный праздникъ, и кардиналъ, явившись въ соборъ, наслаждался своей властью надъ ненавистными ему каноннками, всячески старался ихъ унизить, очень злился и волновался — и среди службы ему сдѣлалось дурно, и его принесли на носилкахъ домой умирающимъ...

Когда закрывали двери собора, Габріэль спустился туда одинъ, такъ какъ его товарищъ Фидель былъ боленъ и уже много дней не приходилъ сторожить.

— Ну, что̀ съ кардиналомъ? — спросилъ Габріэль звонаря, который ждалъ его со связкой ключей въ рукѣ.

— Умираетъ, — можетъ быть, даже умеръ.

И онъ прибавилъ:

— Знаешь, Габріэль, сегодня всю ночь соборъ будетъ освѣщенъ. Статуя Мадонны будетъ стоять всю ночь на главномъ алтарѣ, и всѣ свѣчи будутъ зажжены вокругъ.

Онъ помолчалъ, точно не рѣшаясь продолжать говорить, но этомъ прибавилъ:

— Тебѣ, вѣрно, скучно одному... Можетъ быть, я приду къ тебѣ на часокъ...

Когда Габріэля заперли въ соборѣ, онъ увидѣлъ, что алтарь ритъ яркимъ свѣтомъ. Онъ обошелъ весь храмъ и, убѣдившись, что нигдѣ никто не спрятанъ, надѣлъ плащъ на плечи

и сѣлъ, поставивъ подлѣ себя корзину съ провизіей. Онъ сталъ разсматривать черезъ рѣшетку статую Мадонны въ пышномъ одѣяніи, покрытомъ драгоцѣнными каменьями, съ ожерельями, серьгами и браслетами, сверкавшими камнями огромной цѣнности..

Когда наступила ночь, Габріэль поѣлъ, потомъ взялъ принесенную съ собой книгу и сталъ читать. Часы медленно проходили, и каждые полъ-часа Габріэль подходилъ къ контрольному аппарату. Ровно въ десять часовъ тихо открылась одна изъ боковыхъ дверей. Габріэль вспомнилъ обѣщаніе Маріано, но удивился, услышавъ шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Кто идетъ?—крикнулъ онъ.

— Мы,—глухо отвѣтилъ голосъ Маріано. — Я вѣдь тебѣ говорилъ, что мы придемъ.

Когда пришедшіе подошли, то при свѣтѣ отъ алтаря Габріэль увидѣлъ, кромѣ Маріано, также Тато и сапожника. Они принесли бутылку водки и стали подчивать его.

— Вы вѣдь знаете, что я не пью,—сказалъ Габріэль.—Но куда это вы отправляетесь такіе разряженные?

Тато быстро отвѣтилъ, что донъ Антолинъ заперъ двери въ девять часовъ, и что они всѣ рѣшили провести ночь въ городѣ, и уже были въ кафè и угостились на славу.

Всѣ трое были видимо навеселѣ, и Габріэль сталъ ихъ упрекать, говоря, что пьянство унижаетъ бѣдняковъ.

— Ну, ужъ сегодня особенный денекъ, дядя, — сказалъ Тато.—Пріятно видѣть, когда умираетъ кто-нибудь изъ важныхъ. Я кардинала одобрялъ, вы знаете, но все таки радъ, что и его часъ насталъ.

Они усѣлись и стали громко разговаривать, особенно Маріано, безъ умолку болтавшій о богатствѣ кардинала, о доньѣ Визитаціонъ, о радости каноииковъ.

Прошло около часа. Маріано пытался нѣсколько разъ прервать разговоръ, точно собираясь сказать нѣчто очень важное, но все не рѣшаясь. Наконецъ онъ рѣшился.

— Послушай, Габріэль,—сказалъ онъ.—Время проходитъ, а у насъ еще много дѣла впереди. Уже одиннадцать часовъ. Нечего мѣшкать.

— Чтò ты хочешь сказать?—удивленно спросилъ Габрі

— Я буду кратокъ. Пора всѣмъ намъ разбогатѣть. устали отъ нищеты. Мы—ты самъ это замѣтилъ—избѣгали т въ послѣднее время. Это оттого, что ты ученый, а настоя дѣло могутъ сдѣлать только люди дѣйствія. Ты намъ говор

все объ очень далекихъ революціяхъ, а для насъ важно только настоящее. Такъ вотъ что мы рѣшили. Ты одинъ сегодня сторожишь въ соборѣ. Мадонна стоитъ на алтарѣ, вся покрытая драгоцѣнностями, которыя обыкновенно заперты въ ризницѣ. Дѣло самое простое. Снимемъ съ нея всѣ украшенія и поѣдемъ всѣ въ Мадридъ. Намъ нужно будетъ нѣсколько времени скрываться. Это не трудно, въ виду связей Тато въ мірѣ тореадоровъ, а потомъ уѣдемъ за-границу. Ты всюду бывалъ, ты поможешь намъ устроиться. Потомъ уѣдемъ въ Америку, продадимъ тамъ камни и будемъ всѣ богаты.

— Вы предлагаете мнѣ совершить воровство!—съ ужасомъ воскликнулъ Габріэль.

— Воровство? Такъ что же такое? Вѣдь ограбленные—мы... У насъ съ дѣтства отняли всякую надежду на нашу долю счастья въ жизни... Да и кого мы грабимъ? Статуѣ Мадонны не нужны драгоцѣнности, которыми она обвѣшана... а наши дѣти мрутъ съ голода... Скорѣе, Габріэль! Нечего терять времени.

Габріэль уже не слушалъ его, съ ужасомъ увидѣвъ, какая пропасть отдѣляла его отъ его учениковъ, какъ они въ своемъ невѣжествѣ, удрученные своей нищетой, ложно поняли его благородныя стремленія и видѣли въ его освободительныхъ идеяхъ предлогъ устроиться самимъ хорошо, хотя бы на счетъ ближняго. Въ нихъ слишкомъ сильно говорилъ голосъ эгоизма, и все, что они извлекли изъ его ученій, это—сознаніе своей нужды. Лишь бы самимъ спастись отъ нужды—объ остальныхъ несчастныхъ они не думали. Тѣ, которыхъ онъ считалъ своими учениками, были такіе же люди, какъ всѣ. Гдѣ найти высшій типъ человѣка, облагороженный разумомъ, способный на всѣ жертвы во имя солидарности,—гдѣ человѣкъ свѣтлаго будущаго?

— Нечего терять времени,—повторилъ звонарь.—Намъ достаточно пяти минутъ, и тогда сейчасъ убѣжимъ всѣ вмѣстѣ.

— Нѣтъ,—твердо сказалъ Габріэль.—Я не допущу этого.— И мнѣ горько, что вы думали найти во мнѣ сообщника.

— Довольно, Габріэль!—грубо прервалъ его звонарь.—Мы пришли предложить тебѣ хорошее дѣло, а ты отвѣчаешь намъ ругательствами. Довольно болтать. Замолчи и слѣдуй за нами— силой поведемъ тебя къ счастью. Впередъ, товарищи!

Они поднялись втроемъ и приблизились къ рѣшеткѣ. Тато ткнулъ дверцы, и онѣ раскрылись.

— Остановитесь!—крикнулъ Габріэль.

Видя, что онъ не можетъ отвратить ихъ отъ ихъ замысла, онъ сталъ между ними и алтаремъ. Но звонарь оттолкнулъ его.

— Убирайся!—крикнулъ онъ. — Разъ ты не можешь намъ помочь, предоставь намъ дѣйствовать однимъ... Ты, что-ли, боишься Мадонны? Мы вѣдь знаемъ, что она чудесъ не совершаетъ.

— Если вы подойдете къ алтарю, я позвоню...

При этой угрозѣ сапожникъ схватилъ связку ключей, замахнулся ими и стукнулъ Габріэля по головѣ съ такой силой, что онъ упалъ на полъ, потерявъ сознаніе, и струйка теплой крови оросила ему лицо.

Онъ очнулся въ большой залѣ съ бѣлыми стѣнами, куда солнце входило сквозь рѣшетчатое окно, на кровати подъ грязнымъ одѣяломъ. У него давило въ вискахъ, точно вся тяжесть собора давила ему голову. Онъ не могъ пошевельнуться и передъ глазами былъ красноватый туманъ.

Онъ увидѣлъ наклоненную надъ собой голову въ полицейской треуголкѣ, съ огромными усами. Очевидно, какъ только онъ пріоткрылъ вѣки, его хотѣли допросить. Какой-то господинъ въ черномъ сюртукѣ подошелъ къ его кровати въ сопровожденіи двухъ другихъ съ портфелями подъ мышкой. Этотъ господинъ видимо что-то сказалъ; Габріэль видѣлъ, какъ шевелились его губы, но ничего не слышалъ. Затѣмъ глаза его сомкнулись.

Когда онъ снова поднялъ вѣки, ему показалось, что онъ видитъ брата Эстабана, окаменѣвшаго отъ ужаса, среди группы полицейскихъ, и еще болѣе смутно увидѣлъ черты своей нѣжной подруги, Саграріо, которая глядѣла на него съ безконечной любовью. Больше онъ уже ничего не увидѣлъ. Глаза его закрылись навсегда. Въ самую минуту смерти раздался голосъ у его постели:

— Негодяй! Теперь мы его выслѣдили. Сведемъ наконецъ съ нимъ счеты!

Но никакихъ счетовъ уже съ нимъ не сводили. На слѣдующій день тѣло его вынесли въ покойницкую, чтобы похоронить его въ общей могилѣ,—и тайна его смерти ушла вмѣстѣ съ нимъ въ землю, гдѣ хоронятъ вмѣстѣ все величіе и все безуміе и все горе человѣческихъ жизней.

Съ испанскаго З. В.

НАШИ „КАДЕТЫ“ и „ЛѢВЫЕ“

Письмо въ Редакцію.

II *).

Намъ предстоитъ теперь перейти еще къ одному недостатку, порождаемому утопизмомъ лѣвыхъ, — къ ихъ нетерпимости. Человѣку, вѣрующему въ соціализмъ не только какъ въ теорію общественнаго развитія, но и какъ въ нравственную заповѣдь, трудно допустить, чтобы его можно было опровергать по искреннему убѣжденію,—и болѣе, чѣмъ какой-либо политическій дѣятель другой партіи, онъ способенъ заподозривать въ своемъ противникѣ корыстные мотивы или, по крайней мѣрѣ, безсознательный классовый эгоизмъ: Карлъ Марксъ подалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ неудобнаго пріема полемики, въ которой вопросъ сводится съ научной почвы на личныя обличенія,— или отъ серьезнаго возраженія люди отдѣлываются насмѣшками, какъ и самъ Марксъ въ вопросѣ о происхожденіи прибыли [1]). Во время выборной горячки, въ приподнятомъ настроеніи, какое создаетъ революція, личныя нападки встрѣчаютъ очень благодарную почву, и наши собранія, къ сожалѣнію, были неоднократно свидѣтелями инсинуацій противъ тѣхъ, кто стоялъ ближе всего къ лѣвымъ по своей политической программѣ и кто на выборахъ являлся для нихъ самымъ опаснымъ конкуррентомъ.

---

*) См. выше: нояб., стр. 329.

[1]) „Капиталъ“ Маркса, т. I, гл. VII, „Производство сверхстоимости“.

Но нетерпимость, разъ проникшая въ человѣка, проявляется во всемъ и обращается отнюдь не противъ однихъ враговъ. Напротивъ, чѣмъ кто ближе, чѣмъ больше съ нимъ соприкосновенія, тѣмъ яростнѣе споръ, тѣмъ рѣзче взаимныя анаѳемы. Для соціалъ-демократа, какъ и для преданнаго сына церкви, цѣнно каждое слово учителей, дорогъ каждый штрихъ въ новомъ ученіи о спасеніи рода человѣческаго отъ грѣха и проклятія частной собственности, а потому онъ съ болѣзненной нетерпимостью относится ко всему, что можетъ исказить чистоту ученія или совратить послѣдователей на ложный путь компромисса. Отсюда, во-первыхъ, мелочная разработка мельчайшихъ разногласій и неясностей въ писаніяхъ родоначальниковъ и руководителей партіи, наивная преданность ихъ изреченіямъ, пустая игра понятіями подъ названіемъ „углубленія" теоріи; во-вторыхъ, споры между однопартійниками, по своей мелочности и въ то же время страстности имѣющіе себѣ равныхъ только въ сектантскихъ распряхъ. Непосвященнаго во всѣ тайны партійной теоріи и номенклатуры читателя или слушателя эти споры приводятъ иногда въ недоумѣніе, ибо обѣ стороны, казалось бы, говорятъ одно и то же, или взаимно осыпаютъ другъ друга одними и тѣми же упреками. Дурная привычка, пріобрѣтенная въ борьбѣ съ буржуазными противниками, даетъ себя знать и здѣсь, и, переходя въ спорахъ на личную почву, сотоварищи изъ разныхъ фракцій начинаютъ уличать другъ друга въ измѣнѣ народу и угощаютъ эпитетами, среди которыхъ: „хвостистъ", „парламентскій кретинъ", „буржуазный пошлякъ" еще представляютъ не самыя сильныя выраженія. Они не только тратятъ энергію и силы во взаимной борьбѣ, которая возгарается иногда въ самый острый моментъ дѣйствія, но и отталкиваютъ многихъ свидѣтелей, не понимающихъ сущности разногласія, но утомленныхъ и раздраженныхъ однимъ видомъ этого пустого единоборства. Весь этотъ дремучій лѣсъ техническихъ терминовъ и теоретическихъ положеній, въ которомъ даже средне-образованный человѣкъ не въ силахъ разобраться, охлаждаетъ и мертвитъ партію настолько же, насколько живая вѣра въ свое дѣло и рвеніе служить ему привлекаютъ къ ней сердца. То, что по существу является для партіи декораціей, чему она придаетъ чрезмѣрно большое значеніе, по нежеланію сознаться въ своемъ истинномъ идеалистическомъ характерѣ, — туманная запутанная догма,—именно она выдвигается на первый планъ, порабощаетъ мысль и окружаетъ партію колюч[illegible] изгородью, чрезъ которую трудно добраться до истиннаго ея соде[illegible] жанія. Въ другихъ соціалистическихъ партіяхъ и фракціяхъ мены этого догматизма и нетерпимости именно потому, что нѣтъ та[illegible] стройной выработанной догмы и крѣпкой организаціи, но зато мел[illegible]

ность разногласій приводитъ тутъ къ безконечному дробленію на фракціи и лишаетъ ихъ всякой практической силы.

Важнѣе, чѣмъ этотъ недостатокъ,—пріемы, допускаемые крайними лѣвыми въ политической борьбѣ. О террорѣ писалось уже много, и мы здѣсь не будемъ вновь подвергать обсужденію его цѣлесообразность или допустимость. Для нашего предмета болѣе важно не столько примѣненіе террористическихъ средствъ, сколько отношеніе къ этому вопросу со стороны крайнихъ. Обыкновенно, когда о немъ говорится, то единственное, что̀ приводятъ въ защиту его тѣ, кто его оправдываетъ,—указаніе на то, что это есть проклятая необходимость. Но въ отношеніи къ совершаемымъ актамъ террора далеко не всегда преобладаетъ именно эта точка зрѣнія: изъ нея во всякомъ случаѣ вытекаетъ отвращеніе къ самымъ дѣйствіямъ, хотя и объясняемымъ ссылкой на необходимость. Между тѣмъ, обыкновенно, даже люди, не сочувствующіе имъ, смотрятъ на нихъ съ полнымъ равнодушіемъ; иные оцѣниваютъ ихъ, какъ сраженіе на войнѣ, по степени успѣха. А тѣ же люди въ сужденіяхъ о современномъ порядкѣ всегда выставляютъ, какъ одно изъ его возмутительнѣйшихъ явленій,—войну. Говоря о политическомъ убійствѣ, его часто спокойно называютъ казнью, а между тѣмъ громогласно требуютъ уничтоженія смертной казни, осуждая самый принципъ ея. Такимъ образомъ, всякое дѣяніе оцѣнивается подъ угломъ зрѣнія своей позиціи. Терминологія перевертывается, смотря по тому, о какой сторонѣ идетъ дѣло, а терроръ бываетъ иногда до того схожъ съ проявленіями крайней реакціи, что пристрастіе сужденія особенно бросается въ глаза: нѣтъ словъ, чтобы заклеймить погромъ евреевъ, но ночные походы и сожженіе усадебъ съ безсмысленнымъ истребленіемъ имущества—немногимъ лучше, и бомба—не гуманнѣе висѣлицы. Едва-ли есть что-либо, болѣе вредящее идеаламъ партіи, чѣмъ примѣненіе такихъ средствъ, которыя должны бы осуждаться во имя этихъ самыхъ идеаловъ. Если при этомъ становятся на точку зрѣнія необходимости, то этимъ только подчеркиваютъ свою зависимость отъ условій момента, т.-е., какъ-разъ то, что̀ въ корнѣ противорѣчитъ общему духу того идеализма, которымъ воодушевлена лѣвая половина нашей оппозиціи. Это есть тотъ самый духъ компромисса, заимствованія оружія изъ вражескаго арсенала, на который нападаютъ въ полемикѣ съ кадетами. Можно утверждать, что си а всегда рѣшала великіе конфликты, и что таковы природа человѣ а и свойство его исторіи, но вѣдь это доказываетъ, что мы безси ьны переродить человѣчество, что исторія будетъ вѣчно повторя ся, что новое не имѣетъ абсолютной цѣнности передъ стары ъ! При чемъ тогда идеи, проповѣдуемыя крайними лѣвыми, чего мо чо ожидать отъ человѣчества, если люди, желающіе вести его

впередъ, не находятъ иного орудія, какъ то же насиліе, которымъ двигалась исторія въ теченіе тысячелѣтій? Усилія начать совершенно новую эру въ исторіи человѣчества, дать міру неслыханное раньше міровоззрѣніе, обновить общество—разбиваются о повтореніе старыхъ пріемовъ борьбы; отсрочка царства общаго мира и упраздненія кровавой борьбы до неизвѣстнаго будущаго—подрываетъ вѣру вообще въ силу идей, которыя, чтобы быть проведены въ жизнь, нуждаются въ помощи силъ, имъ рѣзко противоположныхъ.

Цѣль оправдываетъ средства болѣе или менѣе для каждой партіи, но у лѣвыхъ партій этотъ принципъ сталкивается съ самыми основными ихъ идеями, а между тѣмъ никто не проводитъ его дальше, чѣмъ они. Это вытекаетъ вновь изъ того же психологическаго основанія: если то, что̀ я хочу провести въ жизнь, составляетъ для меня предметъ непоколебимаго вѣрованія и принимается за абсолютную истину по крайней мѣрѣ для нынѣшней эпохи, то всѣ остальные соображенія и принципы блѣднѣютъ передъ этимъ господствующимъ результатомъ всякой моей дѣятельности. Во имя этого высшаго принципа и идеала можно дозволить себѣ все; ради торжества его, нѣтъ жертвы, которую вѣрующій поколебался бы принести,—и потому такихъ же жертвъ онъ требуетъ и отъ другихъ. Не только прямые враги не возбуждаютъ въ немъ сожалѣнія, но даже случайныя и невинныя жертвы, попадающія въ сферу дѣйствій террориста, не идутъ въ счетъ: они принесли себя на алтарь освобожденія отечества, хотя бы у нихъ предварительно и не спрашивали о готовности къ такой жертвѣ. Каляевъ, откладывавшій свое покушеніе съ громаднымъ рискомъ для себя, чтобы только не погубить случайно лишняго человѣка, представляетъ рѣдкое явленіе, и чѣмъ дальше идетъ революція и возрастаетъ озлобленіе, тѣмъ небрежнѣе съ обѣихъ сторонъ смотрятъ на проливаемую кровь.

Нѣтъ сомнѣнія, что выполнители террористическихъ актовъ несутъ рискъ и часто платятся за нихъ головой, но одного самопожертвованія, разумѣется, недостаточно, чтобы причислить человѣка къ лику героевъ; нужно, чтобы его поступокъ былъ общимъ мнѣніемъ признанъ справедливымъ: гимнастъ, ломающій себѣ шею изъ любви къ искусству, совершенно безразличенъ для общества; изступленный фанатикъ вреденъ для него, и не изъ дѣйствій террористовъ могла быть выведена похвала имъ, а напротивъ, дѣянія подлежали бы по-хвалѣ или порицанію, смотря по оцѣнкѣ ихъ общаго характера. Меж[ду] тѣмъ, среди крайнихъ лѣвыхъ это геройство даетъ поводъ къ од[ной] изъ самыхъ несимпатичныхъ тенденцій,—безпрестанному самовосхв[а]-ленію. Разумѣется, болѣе всего хвалятся не тѣ, кто дѣйствитель[но] выказалъ свое мужество, а ихъ сотоварищи, ничего великаго не

вершившіе и кичащіеся чужими заслугами. Одна принадлежность къ партіи, проявляющей, по ихъ мнѣнію, такъ много героизма, даетъ имъ поводъ смотрѣть на остальное человѣчество сверху внизъ и только за собой признавать право на народную благодарность; все совершающееся въ исторіи пріобрѣтаетъ особую партійную окраску, всѣ успѣхи освободительнаго движенія приписываются только партіи, всѣ иные факторы игнорируются, и въ концѣ концовъ складывается культъ силы въ самомъ грубомъ, неприкрашенномъ видѣ. И опять-таки боязнь упрека въ трусости или недостаточной радикальности, въ равнодушіи къ угнетенію народа или въ буржуазныхъ предразсудкахъ—мѣшаетъ протестовать противъ культа силы тѣхъ, кто по духу ему вовсе не сочувствуетъ. То, что̀ во всякомъ случаѣ составляетъ слабость партіи,—приноровленіе къ времени,—обращается въ ея главную доблесть, и обманчивая простота разрубанія запутанныхъ вопросовъ—вмѣсто разрѣшенія ихъ—отвлекаетъ политическую мысль отъ культурныхъ и единственно прочныхъ способовъ разрѣшенія кризиса.

Убѣжденные въ своей правотѣ и нравственномъ превосходствѣ люди не стѣсняются навязывать свои взгляды тѣмъ, кто ихъ недостаточно живо воспринимаетъ, и иногда борются за народъ противъ самого народа. Деспотизмъ по отношенію къ рядовымъ членамъ партіи, насиліе надъ несогласными—отмѣчались прессой нѣсколько разъ. Въ 1906 г., лѣтомъ, въ Петербургѣ нѣкоторые рабочіе стали подвергать издѣвательствамъ и избіеніямъ своихъ товарищей черносотенцевъ, и только Плехановскій „Курьеръ“ возвысилъ голосъ протеста противъ расправы, доказывая, что насиліе нельзя примѣнять даже къ „черной сотнѣ“. Эта послѣдняя идея, къ сожалѣнію, еще весьма мало проникла въ умы людей, считающихъ себя отъявленными врагами всякаго деспотизма. Неразборчивость въ средствахъ, кромѣ кровавыхъ актовъ, ведетъ къ мелочнымъ выходкамъ: личная травля противниковъ, распространеніе если не завѣдомо ложныхъ, то явно пристрастныхъ слуховъ, несбыточныя обѣщанія, даваемыя народу, и невѣрная картина положенія вещей, рисуемая съ цѣлью укрѣпить положеніе партіи,—всему этому мы были свидѣтелями въ эпоху наибольшаго торжества лѣвыхъ, когда, казалось бы, они легче могли обойтись безъ этихъ пріемовъ. Во время московскаго возстанія разсылались по провинціи, погруженной въ неизвѣстность о ходѣ революціи, телеграммы: „Сражаемся съ остатками императорскихъ войскъ“, или: „Въ Кремлѣ выкинуто красное знамя“, и т. п., какъ будто подобныя свѣдѣнія могли сколько-нибудь помочь дѣлу и не были заранѣе обречены на постыдное разоблаченіе живости послѣ провала всего предпріятія. За время недолгаго господства лѣвыхъ въ иныхъ городахъ въ памятные декабрьскіе дни, и успѣвали возстановить противъ себя населеніе нетерпимостью и

деспотизмомъ, производили обыски и выемки оружія совершенно по-полицейски, не давали на народныхъ собраніяхъ сказать слово своимъ противникамъ. Когда въ университетѣ получили преобладаніе крайніе, они производили такое же давленіе на товарищей на сходкахъ, такъ же требовали увольненія правыхъ профессоровъ, какъ въ прежнее время департаментъ полиціи выгонялъ неблагонадежныхъ профессоровъ и высылалъ лѣвыхъ студентовъ. Одна магическая фраза, что они дѣйствуютъ во имя народа и ради народа, уполномочивала лѣвыхъ на всякія требованія и на полное распоряженіе этимъ самымъ народомъ, хотя бы онъ по невѣжеству своему не понималъ ихъ требованій и не обнаруживалъ полной охоты помогать имъ. Въ періодъ, когда Москва была покрыта баррикадами, обыватель оказался между двухъ огней: начальство приказывало запирать ворота, возстанцы приказывали отпирать; правительство регулировало движеніе по улицамъ, хватая всѣхъ встрѣчавшихся послѣ извѣстнаго часа; революція регулировала торговлю, обязывая лавочниковъ продавать свои товары по таксѣ. Анекдотъ о лавочникѣ, подавшемъ по-установленной казенной формѣ прошеніе въ революціонный комитетъ о разрѣшеніи повысить цѣны, хорошо характеризуетъ чувства рядового москвича, который вмѣсто стараго начальства почувствовалъ надъ собой не свободу, а только новое начальство. Пренебреженіе къ интересамъ жителей, вызывавшее полное отчужденіе ихъ, было одной изъ причинъ неудачи возстанія: народъ нельзя облагодѣтельствовать помимо его воли, и насиліемъ завоевывать сочувствіе не приходится: никого не вгонишь въ рай дубиной,—наши крайніе лѣвые доказали на себѣ то же, что фанатики иного вѣка и лагеря.

Перечисленные недостатки лѣвыхъ усугубляются нѣкоторыми обстоятельствами, лежащими въ условіяхъ времени и современной русской жизни. Во-первыхъ, то ученіе, которымъ вдохновляются лѣвыя партіи, направляетъ все ихъ вниманіе на соціальное переустройство общества. Вопросы личной нравственности отступаютъ на задній планъ, такъ какъ личность признается безсильной передѣлать міръ единоличными усиліями; всѣ недостатки, пороки и преступленія современниковъ объясняются общественнымъ строемъ,—безправіемъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности,—и считается наивнымъ призывать людей къ личному совершенствованію, пока не измѣнены условія общественной жизни. Но это налагаетъ отпечатокъ и на кодексъ личной нравственности самихъ членовъ партіи. Мы не однократно сравнивали нашихъ лѣвыхъ съ религіозными сектантами, но здѣсь встрѣчается важная и невыгодная для первыхъ разница

о, чтобы занимать свое мѣсто въ сектѣ или церкви, необхо-
ило всегда соблюдать въ своей личной жизни извѣстный ре-
ъ поведенія; секты даже старались превзойти другъ друга
[ясь] нравственностью своихъ членовъ. Напротивъ, въ лѣвыхъ
ъ, какъ во всѣхъ политическихъ организаціяхъ, вопросы прав-
іе отходятъ на второй планъ, а въ силу вышесказаннаго тео-
каго воззрѣнія имъ придается менѣе всего значенія, хотя про-
въ они охотно укоряютъ въ личныхъ проступкахъ. Отвращеніе
го буржуазнаго вырабатываетъ пренебреженіе ко всякой мо-
сподствующей въ современномъ, т.-е. буржуазномъ обществѣ,—
ке пролетарской морали мы еще пока не знаемъ. Если однѣ до-
ли,—напр., преданность народу, солидарность съ товарищами,—
о культивируются, то другія, въ томъ числѣ самыя необходи-
благоустроенномъ обществѣ, остаются вовсе въ пренебреже-
ке столь простую вещь, какъ соглашеніе съ другими пар-
трудно было находить, потому что нельзя было гарантировать,
рѣшительную минуту лѣвые не измѣнятъ внезапно своихъ
ь, вопреки всякимъ даннымъ обѣщаніямъ: въ печати былъ
оглашенъ фактъ несоблюденія межпартійнаго договора при выборахъ
комиссіи по амнистіи въ Государственной Думѣ [1]), но такой случай—
не единственный, и едва-ли даже лѣвые сознаютъ недопустимость
подобнаго отношенія къ союзникамъ, хотя и временнымъ,—ибо все по-
крывается, все оправдывается однимъ аргументомъ, что такъ нужно
для партіи, слѣдовательно для народа, а вообще съ кадетами и про-
чими буржуями церемониться нечего. Отвергая современное обще-
ство и его мораль, крайніе представители лѣваго образа мыслей
иногда выбрасываютъ вмѣстѣ съ нею за бортъ правила, установлен-
ныя во взаимныхъ отношеніяхъ даже варварскихъ племенъ, какъ за-
чатокъ международнаго права,—какъ будто самая идея права претитъ
имъ; постоянно ссылаясь на то, что они ведутъ войну съ правитель-
ствомъ, они забываютъ о томъ, что есть нормы, которыя и на войнѣ
охраняютъ по установленному международному соглашенію права
какъ воюющихъ сторонъ, такъ въ особенности нейтральныхъ лицъ.

Иною причиною, чрезвычайно вредно повліявшею на характеръ
лѣвыхъ партій, было ихъ оффиціальное положеніе или, вѣрнѣе, отсут-
ствіе всякаго оффиціальнаго положенія. Вся ихъ предшествующая
жизнь въ силу этого протекла въ подпольѣ, и послѣ краткаго времени
свободы имъ опять пришлось вернуться туда же. Но и въ дни свободы
привычки, зарожденныя въ „подпольѣ“, давали себя чувствовать,—
прежде всего, крайнее озлобленіе противъ существующаго режима.

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1907 г., № 124.

Если они рѣзко отвергаютъ всякій компромиссъ съ нимъ, если они упрекаютъ кадетовъ въ слабости къ нему и не находятъ въ нихъ достаточно святой ненависти къ угнетенію, то это оттого, что кадеты не испытывали на себѣ въ такой степени тягость режима, не понесли столько жертвъ. Гоненіе было настолько привычнымъ состояніемъ для лѣвыхъ, что легальное существованіе другой партіи возбуждало въ нихъ подозрѣніе въ ея недостаточной честности и демократичности: когда во время первыхъ выборовъ въ Думу кадетамъ еще было дозволено работать открыто, хотя и съ препятствіями, то лѣвые смотрѣли на нихъ чуть не какъ на правительственную партію. Если лѣвыя партіи съ легкимъ сердцемъ прибѣгаютъ къ крайнимъ способамъ борьбы, если всякое бѣдствіе, постигающее противниковъ, возбуждаетъ въ нихъ злорадство, то все это можетъ быть извиняемо тѣмъ, что они сами испытали на себѣ примѣненіе самыхъ крайнихъ мѣръ и, можно сказать, родились и выросли среди всяческаго рода бѣдствій. Но какъ бы это ни объяснять, все-таки оно вредно отражается на ихъ дѣятельности, лишаетъ необходимаго спокойствія и сдержанности: выступая на широкую арену, дѣйствуя во имя народа, они иногда вносятъ старые счеты, желчность и партійную ненависть тамъ, гдѣ нужно бы подняться на высоту общихъ чувствъ и интересовъ. Отсутствіе государственной широты взгляда—можетъ быть, самая характерная черта и самый крупный недостатокъ лѣвыхъ партій, но онъ цѣликомъ можетъ быть приписанъ ихъ загнанности. Общество, которое вынуждено укрываться въ подпольѣ, можетъ существовать не иначе, какъ въ тѣсномъ кружкѣ,—зато мелочность кружковщины, нетерпимость, порожденная самымъ духомъ партіи, проникаетъ всю ея дѣятельность, и когда ходъ событій выноситъ ее на широкое поприще, она не можетъ отдѣлаться отъ мелочной придирчивости, подозрительнаго недовѣрія ко всѣмъ, стоящимъ внѣ ея ограды, не можетъ поступиться хоть частью тѣхъ идей, которыя сдѣлались ей еще дороже, благодаря гоненіямъ, которыя она перенесла за нихъ, и, конечно, она не въ силахъ сразу перемѣнить всѣ пріемы и методы дѣйствія; споръ между двумя лѣвыми партіями—народныхъ соціалистовъ и соціалъ-революціонеровъ—живо характеризуетъ переломъ, переживаемый партіей, выходящей изъ „подполья“ на свѣтъ Божій.

Было еще одно свойство минувшаго режима, которое отравляло всю русскую оппозицію, но въ особенности лѣвый флангъ ея. Такъ какъ всякое проявленіе опасной для правительства дѣятельности, даже въ области просвѣщенія, преслѣдовалось, и администрація была настолько подозрительна, что пресѣкала иногда самыя невинныя начинанія, если усматривала въ нихъ покушеніе на крамолу,—то даже общественнымъ дѣятелямъ, не преслѣдовавшимъ никакихъ полити-

дѣлей, приходилось всячески изворачиваться, чтобы избѣ-
й и преградъ на своемъ пути. Трудно оцѣнить весь вредъ,
несла русской общественной жизни эта проклятая необхо-
ѣчно оглядываться, придумывать благонамѣренныя формы
чтобы оградить отъ преслѣдованій свои начинанія, при-
отреблять условленную терминологію, прибѣгать къ высо-
ювителямъ и пріискивать извиненія для такихъ предпріятій,
заслуживали бы только поощренія и благодарности прави-
Рабій духъ зависимости и скрытности проникалъ все; до
степени мы всѣ имъ заразились и утратили простоту и
ть въ нашемъ общественномъ обиходѣ. Но, конечно, во сто
ше приходилось лгать и изворачиваться партіямъ, которыя
вили себѣ цѣлью то, что въ другихъ обществахъ начальство
отыскивать въ области заднихъ мыслей и затаенныхъ намѣ-
, кто прямо шли на политическую борьбу, хотя бы просто
анду идей политической свободы, должны были пользоваться
ными, нелегальными путями и прибѣгать ко всевозможнымъ
ваннымъ формамъ дѣятельности. Оффиціально они должны
имать совершенно невинныя названія, скрывать свои мысли,
оступки, иногда самыя имена, если только хотѣли сдѣлать
ь. Вся ихъ работа была покрыта таинственностью и осно-
мѣньи построить обманчивую внѣшность. А когда дѣло до-
отвѣтственности, ее старались отрицать. Это было, можетъ
по-рыцарски, но только такимъ путемъ могли они существо-
смотря на то, что прежній режимъ сохраняется еще въ
лѣ, всѣ партіи сознаютъ необходимость измѣнить теперь
ѣйствія, по возможности выходить съ открытымъ забраломъ;
о желанія, старая привычка даетъ себя чувствовать, и даже
еніяхъ между партіями господствуетъ та же скрытность и
вость, какая прежде диктовалась необходимостью по отно-
администраціи.

я въ подполье оппозицію, правительство усиливало ту осо-
ея, которую она имѣетъ всегда въ тѣхъ странахъ, гдѣ отлу-
государственныхъ дѣлъ: оторванность отъ жизни, теоретич-
ихъ программъ. Казалось бы, что лѣвые, шедшіе въ народъ,
съ нимъ общавшіеся, должны бы быть ближе къ жизни,
е, чѣмъ, напр., кадеты; на дѣлѣ же выходило наоборотъ.
ъ, то, что мы назвали „идеалистичностью" лѣвыхъ, мѣшало
ь вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; во-вторыхъ, широкаго
ъ народомъ они все-таки были лишены; они видѣли из-
лиже къ нимъ стоявшіе слои, главнымъ образомъ, фабричный
ать, а онъ какъ-разъ дальше всего отходитъ отъ массы на-

рода и самъ по численности составляетъ небольшую часть народа; да и здѣсь лѣвые сходились тѣсно только съ тѣми, кто „работалъ" въ партіи, а это по условіямъ времени могли быть только или самые развитые, или самые смѣлые изъ народа. Оттого у лѣвыхъ сложилось совершенно неправильное представленіе о народѣ, который считался готовымъ къ революціи еще до войны: естественная склонность преувеличивать плоды собственной дѣятельности, т.-е. агитаціи, и опять то же старое свойство—вѣрить въ то, на что надѣешься—помогало самоослѣпленію. Эта ошибка въ свою очередь повліяла и на другія партіи: казалось, что лѣвые могутъ правильнѣе судить о народѣ, вращаясь постоянно въ средѣ его, и вся переоцѣнка силъ первой Государственной Думы имѣла въ этомъ свой источникъ. Весьма многихъ лѣвыхъ даже революція ничему не научила, и еще много испытаній и разочарованій надо имъ пережить, чтобы видѣть народъ, какимъ онъ есть.

Равнымъ образомъ, и всѣ вопросы государственнаго преобразованія рѣшались у лѣвыхъ отвлеченно, теоретически, не считаясь съ настроеніемъ населенія и обычаями разныхъ областей. Во всемъ блескѣ высказался этотъ безудержный теоретизмъ въ „Проектѣ основного земельнаго закона", внесенномъ въ первую Думу 33-мя членами трудовой группы, и въ готовности авторовъ его подчинить тому же общинному режиму всѣ области Россіи, со включеніемъ западныхъ, вѣками привыкшихъ къ частной земельной собственности. Привычка мыслить по шаблону, сводить всѣ общественныя явленія къ немногимъ установленнымъ въ правовѣрномъ ученіи принципамъ, мѣшаетъ лѣвымъ понять все, что выходитъ за предѣлы этого кругозора. Классовая борьба, какъ объясненіе всѣхъ соціальныхъ явленій, исчерпываетъ для нихъ всю философію исторіи и общественную психологію: величайшее недоумѣніе возбуждалъ у лѣвыхъ думцевъ видъ польскихъ крестьянъ, сидящихъ въ одной партіи со своими помѣщиками; требованіе автономіи, національная сплоченность—все это было непредусмотрѣно и казалось имъ совсѣмъ нестоящимъ, неважнымъ въ сравненіи съ классовыми интересами.

Всѣ подобныя отклоненія представляются пережиткомъ стараго, предразсудкомъ, сантиментальностью, и тѣмъ страннѣе, что лѣвые не могли понять значенія этихъ силъ, что ихъ міровоззрѣніе тоже основано на чувствахъ состраданія къ народу и ненависти къ угнетателямъ, а сами они являютъ весьма почтенный примѣръ защиты интересовъ чуждаго имъ класса.

Привыкнувъ мыслить по трафареткѣ, лѣвыя партіи и дѣйствовали во все время революціи въ соотвѣтствіи съ этимъ. Отсюда эта поразительная рутинность въ пріемахъ политиковъ, считающихъ себя наиболѣе передовыми: вѣчныя повторенія тѣхъ же выкриковъ, одни

тѣ же рецепты тактики, упорство въ отстаиваніи самыхъ крайнихъ формъ борьбы, въ убѣжденіи, будто они-то именно и есть самыя дѣйствительныя, хотя событія совершенно наглядно опровергли этотъ предразсудокъ; неумѣнье быстро оріентироваться въ новомъ положеніи, какое создалось для лѣвыхъ въ Думѣ, и примѣненіе на думской трибунѣ митинговыхъ пріемовъ воздѣйствія на слушателей,—все это объясняетъ слабость, проявленную лѣвыми въ то время, когда обстоятельства складывались для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ когда-либо, и ихъ неумѣнье закрѣпить свою позицію въ Думѣ, гдѣ они сразу получили больше голосовъ, чѣмъ въ какомъ-либо старомъ парламентѣ, и гдѣ имѣли еще больше вліянія, чѣмъ могли бы разсчитывать по числу своихъ голосовъ. Лѣвые могутъ быть чѣмъ угодно,—идеалистами, фанатиками, героями,—но до сихъ поръ они никогда еще не были государственными людьми.

Есть еще одна особенность въ лѣвыхъ партіяхъ, которая объясняетъ послѣднее обстоятельство. Огромный процентъ членовъ лѣвыхъ партій состоитъ изъ молодежи; даже въ Думѣ былъ замѣтенъ болѣе молодой составъ трудовой группы, сравнительно съ кадетами; но въ провинціи въ массѣ членовъ юный возрастъ лѣвыхъ бросается въ глаза еще болѣе. Явленіе это отнюдь не случайно: нигдѣ идеализмъ не встрѣчаетъ такой благодарной почвы, какъ среди молодежи; всякая несправедливость и угнетеніе дѣйствуютъ на нее съ непривычки много сильнѣе, чѣмъ на зрѣлыхъ людей, а быстрота реакціи въ молодости на всѣ жизненныя впечатлѣнія составляетъ общеизвѣстный психологическій законъ; сложность жизненныхъ явленій молодому человѣку неизвѣстна, оцѣнить удѣльный вѣсъ различныхъ факторовъ исторіи онъ не въ состояніи и болѣе всего склоненъ рисовать себѣ міръ соотвѣтственно своему вкусу, пренебрегая всѣми противорѣчіями его и перескакивая черезъ всѣ предвидимыя препятствія. Все то, что мы говорили про идеалистическій типъ человѣчества, примѣнимо къ молодежи въ усиленной степени, и потому партія, которая вообще страдаетъ свойственными этому типу недостатками, способна только еще укрѣпиться въ нихъ отъ прилива къ ней молодежи. Но отказаться отъ участія молодежи лѣвые не могли, потому что, во-первыхъ, это было практически неосуществимо, а во-вторыхъ, молодые люди приносили неизмѣримую пользу своей энергичной и вездѣсущей пропагандой. Значительной частью успѣха на выборахъ лѣвые обязаны именно этой преданной, неутомимой молодежи, иррегулярному войску, какого не было у другихъ партій. Характерно, что и въ этомъ даже отношеніи, какъ и въ остальныхъ, кадеты стояли на полпути между умѣренными и лѣвыми партіями: молодежь была и у нихъ, она тоже сыграла свою роль особенно на первыхъ выборахъ, но никогда к.-д.

партія не держалась въ такой степени силами и жертвами своей молодежи, какъ лѣвые.

Какъ и всегда, молодежь, бросаясь въ крайность, утрируетъ тѣ принципы, которымъ служитъ: протестъ противъ всѣхъ установленныхъ условій современнаго общества не можетъ не привлекать ее своей смѣлостью и широтой открываемыхъ горизонтовъ, которые ей кажутся весьма близко достижимыми, и оппозиція противъ существующаго принимаетъ у нихъ рѣзкій, иногда дѣтски-наивный, иногда юношески-задорный характеръ. Отвергается не только буржуазная чопорность, но и общепринятая сдержанность въ манерахъ и выраженіяхъ; рѣзкость же рѣчи и безцеремонность дѣйствій кажутся проявленіемъ особой смѣлости и непримиримости; вмѣстѣ съ буржуазной культурой выкидываютъ за бортъ культуру вообще. Демократизмъ, понимаемый въ самомъ узкомъ, буквальномъ смыслѣ, заставляетъ пренебрегать уже усвоенною культурою, отличающей интеллигенцію отъ народа. Цѣль всѣхъ передовыхъ дѣятелей—поднять народъ до уровня господствующихъ нынѣ классовъ — перевертывается прямо въ противоположное: въ стремленіе слиться съ народомъ, подражать ему во всемъ, даже въ той некультурности, которая составляетъ самое тяжелое наслѣдіе его прошлаго; въ традиціонномъ благочестивомъ изображеніи нигилиста въ видѣ неопрятнаго юноши съ умышленно-грубой рѣчью и растрепаннымъ платьемъ—заключается доля истины. Можетъ быть, больше всего стала замѣчаться внѣшняя распущенность молодежи въ университетахъ съ тѣхъ поръ, какъ она получила тамъ свободу распоряжаться собой, вошла членомъ въ составъ „universitas" на извѣстныхъ правахъ; вмѣсто того, чтобы тѣмъ болѣе чувствовать свою связь съ нимъ и уваженіе къ нему, стали выставлять на показъ свое пренебреженіе къ нему. Если бы оно еще выражалось только въ куреніи на лекціи и въ неснианіи шапокъ въ аудиторіяхъ, это коробило бы только глазъ и причиняло нѣкоторыя физическія неудобства лекторамъ. Но пренебреженіе распространялось въ особенности на самихъ лекторовъ, изъ которыхъ въ лѣвыхъ партіяхъ состоятъ немногіе, а остальные, какъ кадеты или и того хуже, „умѣренные", подвергались огульному осужденію, какъ буржуи. Не только университетъ, сама наука лишилась того ореола, которымъ она была окружена, и поколѣніе, воспитавшееся въ такихъ чувствахъ, не будетъ склонно руководиться ею въ своихъ дѣйствіяхъ. Партіи, поклонявшіяся наукѣ, на самомъ дѣлѣ пренебрегали ею, и, конечно, интересы и авторитетъ партіи всегда перевѣшивали авторитетъ „университета". Русская молодежь лишилась солидной поддержки и руководства въ ту самую минуту когда они были особенно ей необходимы.

Говоря о лѣвыхъ, мы, во-первыхъ, не всегда проводили различіе между отдѣльными фракціями лѣваго лагеря, потому что хотѣли отмѣтить тѣ черты, которыя, по нашему мнѣнію, общи имъ всѣмъ; во-вторыхъ, мы говорили, о тѣхъ элементахъ этого лагеря, которые являются типичными. Несомнѣнно, что на ряду съ идеалистами, которые даютъ тонъ, тамъ имѣется много реальныхъ политиковъ, приставшихъ къ лѣвымъ партіямъ по теоретическому сочувствію программѣ, хотя бы они не закрывали глазъ на невыполнимость ея въ настоящее время; еще больше такихъ, которые причисляютъ себя къ лѣвымъ партіямъ безъ особеннаго вниманія къ отдѣльнымъ пунктамъ программъ, просто изъ желанія поддержать тѣхъ, кто находится въ наиболѣе рѣзкой оппозиціи къ существующему режиму. Кадетская тактика медленнаго завоеванія и осторожной обороны, когда не хватаетъ силъ на побѣду, не всѣмъ по душѣ. Ошибочный, но серьезный и искренній мотивъ заставляетъ многихъ, признающихъ положительныя стороны кадетской партіи, считать, что для отрицательной работы разрушенія стараго строя лѣвые пригоднѣе. Событія послѣднихъ лѣтъ, кажется, достаточно доказали ошибочность этого взгляда, и, можетъ быть, этотъ опытъ повліяетъ на перегруппировку внутри самихъ лѣвыхъ партій. Но ходъ вещей поставилъ передъ ними еще другую, болѣе серьезную задачу, тоже касающуюся личнаго состава партій.

Въ тотъ моментъ, когда революція, казалось, торжествовала побѣду и лѣвые шли въ гору, они испытали одну опасность, угрожающую всѣмъ партіямъ на пути къ побѣдѣ: къ нимъ стали приставать элементы не только не типичные для партіи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо вредные для нея. Само собою разумѣется, что къ тѣмъ, кто пользуется фаворомъ общественнаго мнѣнія, кого, повидимому, ожидаетъ на завтра побѣда и власть, льнутъ всѣ помнящіе въ политикѣ прежде всего личный разсчетъ или слѣдующіе за модой. Промежуточная область между кадетами и лѣвыми заполнена колеблющимися элементами, которые, смотря по обстоятельствамъ и по направленію общественнаго вѣтра, говорятъ то „мы“ про кадетовъ и „вы“ про лѣвыхъ, то какъ разъ наоборотъ. Во Франціи, гдѣ соціалисты въ лицѣ Бріана и Вивіани уже достигли власти, выработался особый терминъ „соціалисты-карьеристы“, если вѣрить г. Луначарскому, который въ своемъ памфлетѣ противъ „Трехъ кадетовъ“ титулуетъ Клемансо „великимъ кадетомъ“. Характерна и пожалуй симпатична ненависть, какую выказываетъ къ этимъ карьеристамъ г. Луначарскій, но мы сомнѣваемся, чтобы онъ былъ такъ же послѣдователенъ и неумолимъ къ тѣмъ, кто пойдетъ рядомъ съ нимъ и будетъ повторять ортодоксальный символъ вѣры: карьеристы есть не только въ правительствѣ, но и въ революціи, и приливъ ихъ создаетъ партіи

ложное представленіе о ея могуществѣ. У такихъ людей слово, конечно, отстоитъ очень далеко отъ дѣла, и названія идеалистовъ они ни въ какомъ смыслѣ не заслуживаютъ.

Вторая категорія людей, которая начала приставать къ лѣвымъ еще до революціи,—это неуравновѣшенныя натуры, ищущія острыхъ ощущеній и какихъ-то невѣдомыхъ мистическихъ новыхъ словъ. Странная связь между марксизмомъ и декадентствомъ, можетъ быть, уже обращала на себя вниманіе многихъ, хотя, насколько мы знаемъ, объясненія ей еще не дано. Достаточно странно уже, когда люди, привыкшіе воспринимать всякое новое слово, одновременно увлекаются соціализмомъ и философіей Ничше. Какъ можно подѣлить свои симпатіи поровну между апостоломъ соціалъ-демократіи Марксомъ и пророкомъ аристократическаго сверхъ-человѣка,—это тайна тѣхъ головъ, которыя способны на такое совмѣщеніе. Но тутъ еще психологически понятно и почтенно исканіе правды, хотя бы на діаметрально противоположныхъ дорогахъ,—люди просто не разобрались въ своихъ симпатіяхъ и переживутъ со временемъ кризисъ, который ихъ окончательно прибьетъ къ тому или къ другому берегу. Напротивъ, вреднымъ элементомъ являются тѣ, для кого марксизмъ и революція—не болѣе, какъ средство щекотать нервы, какъ они же въ искусствѣ гоняются за вычурными чувствами и парадоксальными положеніями. Они вовсе не помощники въ работѣ, и только компрометируютъ дѣло, которому служатъ по-дилеттантски. Это — люди, которые чувствуютъ не опредѣленный протестъ противъ современнаго общества, а какое-то смутное влеченіе къ перемѣнамъ, часто лишь отъ пресыщенія настоящимъ, изъ котораго они успѣли извлечь, какъ имъ кажется, весь сокъ. Къ сожалѣнію, такое теченіе, повидимому, усиливается по мѣрѣ того, какъ неудача практической работы поощряетъ неопредѣленное мечтательство.

Но есть еще третья категорія случайныхъ приспѣшниковъ лѣвыхъ партій, наиболѣе опасная во всѣхъ смыслахъ. Когда революціонное движеніе стало обостряться, когда во имя его стали совершаться акты, на которые способенъ былъ или фанатикъ, или попросту острожный типъ, то къ лѣвымъ партіямъ пристали люди, для которыхъ вся затѣянная борьба была лишь удобнымъ поприщемъ для развертыванія своихъ уголовныхъ талантовъ. Дикія страсти, разыгрывавшіяся при аграрныхъ погромахъ, удобный способъ раздѣлываться съ враг[illegible] подъ флагомъ борьбы за свободу, привлекали мародеровъ револю[illegible] Чѣмъ больше распалялась революція, тѣмъ больше проступалъ э[illegible] элементъ. Нападеніе на какое-нибудь крупное должностное лицо о[illegible] яснялось его вліяніемъ на общій ходъ политическихъ событій. убійство городовыхъ и урядниковъ не имѣло иного значенія, [illegible]

месть за какія-нибудь притѣсненія обывателя полицейскимъ чиномъ. Попавъ на эту опасную наклонную плоскость, легко было пойти по ней все дальше: притѣсненія—понятіе относительное, и часто могли быть предлогомъ для сведенія личныхъ счетовъ. Еще хуже дѣло обстоитъ съ экспропріаціями: тамъ, гдѣ революціонное „выступленіе" даетъ непосредственную выгоду самому герою его, да еще выгоду столь осязательную, какъ извѣстное количество презрѣннаго металла, соблазнъ слишкомъ великъ для всѣхъ неустойчивыхъ элементовъ, даже искренно приставшихъ къ партіи. Но когда профессіональный воръ видитъ, сколь легко можетъ онъ вызвать нѣкоторое сочувствіе и стать героемъ, предаваясь своему обычному занятію, то, разумѣется, только глупостью или невѣжествомъ можно объяснить, что онъ еще не всегда пользуется этимъ оправданіемъ. Растлѣніе, которое отъ этого проникаетъ въ революціонный лагерь, хуже того, какое вызываетъ въ арміи мародерство, а между тѣмъ военные законы караютъ послѣднее безжалостно.

Лѣвые безусловно виноваты въ томъ, что дали укрѣпиться въ своей средѣ такимъ отрицательнымъ элементамъ. Наивное довѣріе ко всякому, кто назывался ихъ именемъ и успѣлъ повторять заученныя фразы, побуждало принимать въ свою среду людей, которые не отличались отъ заурядныхъ негодяевъ. Когда еще движеніе только-что начиналось, лѣвые не желали видѣть ни сомнительности состава нѣкоторой части своей братіи, ни рискованности пріемовъ борьбы, какіе они ввели въ обиходъ. Они сердились, когда имъ говорили про хулигановъ партіи, и смѣялись надъ опасеніями, что ихъ тактика заведетъ всю страну въ трясину. Уже въ прошломъ году среди руководителей началась реакція противъ крайностей максимализма, но какъ будто не хватало мужества или послѣдовательности бить въ центръ, — категорически отвергнуть извѣстные пріемы борьбы: дѣло всегда ограничивалось фразами, на которыя всѣмъ мелкимъ хулиганамъ и экспропріаторамъ было въ высокой степени наплевать, дисциплина же партіи расшатывалась все больше, а между тѣмъ партія несла отвѣтственность за все, что гдѣ-либо дѣлалось, хотя бы облыжно, подъ вывѣской революціи. Поразительная исторія съ Казанцевымъ показываетъ, что первый попавшійся проходимецъ, даже членъ враждебной партіи, могъ безъ труда распоряжаться членами партіи, ихъ же руками бороться съ революціей. Сколько агентовъ охранной полиціи такимъ же образомъ проникали въ партію, этого не скажутъ, конечно, сами лѣвые, и нѣкоторые процессы показали, что теперь уже невозможно опредѣлить даже на судѣ, гдѣ кончается агентъ, гдѣ начинается максималистъ, гдѣ кончается революція и гдѣ начинается простой разбой. Иные поклонники крайнихъ убѣжденій иногда готовы даже въ Стенькѣ Ра-

зинѣ видѣть народнаго героя. Въ рядахъ партіи они могутъ теперь наблюдать такихъ же сподвижниковъ Разина въ новомъ видѣ и оцѣнивать вѣрнѣе ихъ достоинства. Когда нужно было вербовать „дружину", то, конечно, уже не спрашивалось о нравственныхъ качествахъ человѣка, и по существу дѣла въ дружину шли отбросы деревни, тѣмъ болѣе когда это обѣщало матеріальную выгоду, такъ что наивные организаторы этой механики не знали потомъ, какъ отдѣлаться отъ своихъ сотрудниковъ. И когда они переставали платить имъ, иные изъ нихъ отправлялись въ охранное отдѣленіе и тамъ зарабатывали еще лучше прежняго: политика сдѣлалась предметомъ денежной спекуляціи, и всѣ великіе принципы окончательно тонули въ грязи.

Мы старались анализировать психологическую основу нашихъ „лѣвыхъ партій". Безъ сомнѣнія, историкъ нашего времени не остановится на этомъ и попытается поставить въ связь развитіе того типа, какой теперь зовется у насъ лѣвымъ, съ общими условіями развитія страны. Это не входитъ въ нашу задачу: мы хотѣли лишь очертить явленіе такимъ, каково оно есть, и старались объяснить съ этой точки зрѣнія нѣкоторыя особенности нашей политической жизни и взаимнаго отношенія партій. Мы въ особенности противополагаемъ лѣвымъ кадетовъ, потому что они волей судьбы оказались участниками одного общаго движенія, и до извѣстной степени судьба движенія зависѣла отъ того, будутъ ли они соперниками или союзниками. Исторія рѣшила вопросъ въ смыслѣ перваго, и, считая этотъ фактъ капитальной роковой ошибкой освободительнаго движенія, мы не можемъ не признать, что онъ былъ далеко не случаенъ, а объяснялся всѣмъ духомъ обѣихъ партій. Обычное шаблонное противоположеніе ихъ, какъ конституціонной и революціонной партій, далеко не исчерпываетъ различія; для многихъ причина розни остается темною, и не разъ въ средѣ безпартійныхъ зрителей она возбуждала недоумѣніе. Многія чувства, симпатіи, стремленія у кадетовъ—общія съ лѣвыми, и однако на каждомъ шагу тѣ и другіе сталкивались. Одни хотѣли реальныхъ реформъ, другіе мечтали о коренномъ переворотѣ всей народной жизни; одни цѣнили то немногое, что̀ имѣли въ рукахъ,—другіе пренебрежительно смотрѣли на это, потому что надѣялись когда-нибудь завоевать все. Кадеты продвигали возмож дальше свою программу, чтобы создать общую почву для совмѣсти работы, — лѣвые упорно не хотѣли видѣть въ к.-д. партіи ниче кромѣ буржуазности; кадеты старались поддержать добрыя отноше съ своими „друзьями слѣва", отдавали справедливость тѣмъ досто ствамъ, какія у нихъ были, бережно относились къ ихъ самолюбі

али или насмѣшками надъ кадетской благовоспитанностью, или инсинуаціями по части буржуазныхъ интересовъ и жажды портфелей. Можетъ быть даже, недостатки лѣвыхъ нѣсколько усилились вслѣдствіе слабой критики отъ ближайшихъ сосѣдей ихъ справа, мнѣніе которыхъ все-таки было не вполнѣ безразлично для лѣвыхъ. Глубокая рознь оставалась неразъясненной, старанія договориться только приводили къ взаимному раздраженію. Если преимущество науки, практической подготовки и выдержки было на сторонѣ кадетовъ, то у лѣвыхъ была особаго рода сила, которая иногда заставляла кадетовъ отступать передъ ними. Эта сила — большая энергія, непоколебимая вѣра въ свое дѣло и готовность ко всѣмъ жертвамъ для торжества его.

Бываютъ минуты въ жизни народовъ, когда пылъ воодушевленія, подъемъ чувствъ и полетъ фантазіи даютъ силу выбиться изъ заколдованнаго круга, перескочить черезъ всѣ препятствія на пути: въ такія минуты идеалисты-фанатики могутъ быть нужнѣе, чѣмъ уравновѣшенные политики, обдумывающіе каждый шагъ и умѣющіе дѣйствовать только нормальными способами, ходить по торной дорогѣ. Россія была въ 1905 году близка къ такому моменту. Казалось, что огутъ сыграть роль вдохновителей и вождей движенія, — ітеллигенція и часть народа отворачивалась отъ кадетовъ, ›мныхъ (такъ считали тогда) требованій и робкаго образа Но опытъ показалъ, что лѣвые были неспособны къ той проьной роли, какая имъ предназначалась. Для широкаго обще› движенія они были слишкомъ партійниками, для руководства ей слишкомъ доктринерами, для народа слишкомъ далекими, іи и чуждыми людьми.

идеалистическій элементъ, какой заключаютъ въ себѣ лѣвыя редставляетъ необходимую составную часть народной жизни, › ему не въ практической политикѣ: это дрожжи, которыя гѣбу, но сами не могутъ стать хлѣбомъ. Лѣвыя партіи стоятъ эредъ кризисомъ, отъ котораго зависитъ ихъ дальнѣйшее суніе: если онѣ хотятъ войти въ кругъ политическихъ партій ать дѣйствительное вліяніе на ходъ государственной жизни, ны отказаться отъ своего утопизма; если онѣ хотятъ сохраэистотѣ свои принципы, онѣ должны уйти изъ политики и › себя культу своихъ идей и проповѣданію ихъ въ мірѣ, ›дготовить его къ осуществленію ихъ идеала. Несомнѣнно, ›имиримые доктринеры и идеалисты, которые могутъ выбрать ›слѣднее, но мы полагаемъ, что партія, какъ цѣлое, не стоитъ ѣ сектантовъ и не страдаетъ ихъ узкостью. Протекшій усской революціи былъ первымъ экзаменомъ лѣвымъ партіямъ,

какъ и всѣмъ русскимъ политическимъ дѣятелямъ; они могутъ сохранить право на дальнѣйшее вліяніе только при условіи, что съумѣютъ воспользоваться уроками этого прошлаго. Очередная задача—это дифференціація лѣвыхъ партій: выдѣленіе небольшого ядра утопистовъ-теоретиковъ, съ одной стороны, окончательный разрывъ съ подозрительными элементами, съ другой, и выработка такой платформы, которая, отражая въ себѣ нынѣшніе идеалы, съумѣла бы вылить ихъ въ доступную практически осуществимую форму. Участіе германской соціалъ-демократіи въ парламентской жизни вызвало въ ней переоцѣнку цѣнностей, поставило вопросы въ новой формулировкѣ, ибо вліяніе на дѣла и вытекающее отсюда чувство отвѣтственности за судьбу отечества отразились на всей психикѣ партіи. Этимъ объясняется появленіе ревизіонизма, противъ котораго возстали вѣрующіе идеалисты, а между тѣмъ ходъ вещей поведетъ все къ большему углубленію въ практическую работу и къ все большему преобладанію реализма. Тотъ же кризисъ предстоитъ пережить и нашей соціалъ-демократіи, какъ и другимъ соціалистическимъ партіямъ: партія н. с. — первый опытъ въ этомъ направленіи: лихорадочный темпъ революціи заставляетъ наши партія въ годъ-два переживать то, на что за-границей потребовались десятки лѣтъ. Героическій періодъ, пережитый лѣвыми, будетъ еще, можетъ быть, долго носиться въ ихъ воображеніи, окруженный ореоломъ, но они не должны давать себя отуманивать этимъ призракомъ. Вопросъ сводится къ тому, смогутъ ли наши лѣвые отъ мечты перейти къ дѣйствительности и изъ сектантовъ стать государственными людьми.

Одновременно съ этимъ идеализмъ долженъ будетъ перешагнуть узкіе предѣлы политическихъ партій и искать истины не только въ планахъ экономическаго переустройства общества. Мы не въ состояніи теперь еще предсказать его пути, но самая неудача лѣвыхъ повліяетъ на то, что прежнія рамки будутъ покинуты, и идеализмъ перестанетъ быть монополіей соціалистовъ. Однако тѣ, кто негодуетъ или оплакиваетъ увлеченіе соціализмомъ, должны помнить, что общество не можетъ жить безъ идеализма, что одинъ идеалъ можетъ смѣнять другой только по извѣстнымъ законамъ, и что соціализмъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока не явится новое высшее нравственное ученіе, которое преодолѣетъ его свободной силой своего нравственнаго вліянія, своего соотвѣтствія потребностямъ и духу времени.

И. Езерскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1907.

Первыя засѣданія третьей Государственной Думы.—Адресъ Думы и пренія о немъ.— Результатъ, достигнутый соглашеніемъ между союзомъ 17-го октября и партіей народной свободы. — Министерская декларація. — „Россія“ и адвокатура. — А. Н. Турчаниновъ и Ю. Г. Жуковскій †.

Тяжелое зрѣлище представляла собою третья Государственная Дума въ первые дни послѣ ея открытія. Сближеніе октябристовъ съ правыми, повлекшее за собою преобладаніе послѣднихъ въ президіумѣ
грозы по адресу лѣвыхъ, не встрѣчавшія достаточно сильнаго
со стороны предсѣдателя; вызывающій тонъ побѣдителей;
ее нарушеніе равновѣсія между партіями, крайне стѣсни-
мѣры по отношенію къ представителямъ печати — все это
ло ожидать прискорбныхъ осложненій и, быть можетъ, рѣ-
ыхъ шаговъ назадъ, къ старому режиму. Можно было на-
естественнымъ, что любители скандаловъ, занимавшіеся ими
второй Думѣ, заводятъ рѣчь о „пирогѣ, именуемомъ Россіей“;
ыло не удивляться и тому, что у нихъ находятся подража-
тающіеся раздѣлить народныхъ представителей на „борю-
ъ *Россіей*“ и „желающихъ ей процвѣтанія“ — но болѣе чѣмъ
было услышать изъ устъ бывшаго кандидата въ предсѣдатели
доумѣніе о томъ, что̀ такое оппозиція? „Въ странахъ парла-
къ“ — такъ былъ мотивированъ вопросъ графа А. А. Бобрин-
„гдѣ министерство избирается отъ парламента, понятна оппо-
инистерству, но у насъ? Оппозиція чему и кому?“ Много-
участіе въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи не могло
зать гр. Бобринскому, что безъ оппозиціи немыслима обще-
і работа, что гдѣ рѣшаются серьезныя дѣла, тамъ неизбѣжно
ніе большинства и меньшинства, и притомъ въ видѣ сило-

ченныхъ группъ, а не случайныхъ, мимолетныхъ комбинацій. Отрицаніе оппозиціи, исходя отъ гр. Бобринскаго, могло означать только одно: отрицаніе законодательнаго характера Государственной Думы, низведеніе ея на степень законосовѣщательнаго учрежденія, *мнѣнія* котораго, чего бы они ни касались, не обязательны для всемогущей, ни съ кѣмъ не раздѣляющей своихъ полномочій власти. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ не во-время, не кстати, но съ намѣреніемъ, едва прикрытымъ, было, такимъ образомъ, достаточно, чтобы передъ Думой сталъ во всей своей неотложности вопросъ о ея собственномъ значеніи и назначеніи — и вмѣстѣ съ тѣмъ о свойствѣ новаго государственнаго строя. Какъ только рѣшено было составить отвѣтный адресъ на Высочайшее привѣтствіе, никто не сомнѣвался въ томъ, что на этой почвѣ придется коснуться животрепещущей темы. Начались попытки соглашенія между партіями, изъ которыхъ ни одна не располагала большинствомъ голосовъ. Октябристы, исполнивъ принятыя ими, во время выборовъ президіума, обязательства передъ правыми, составили свой проектъ адреса. Въ адресной коммиссіи онъ встрѣтилъ возраженія и справа, и слѣва; рѣшено было, однако, положить его въ основаніе преній. До поздняго вечера 13-го ноября нельзя было предвидѣть, къ какому результату приведетъ первая принципіальная борьба мнѣній въ третьей Думѣ. Прослѣдимъ главнѣйшіе фазисы этой борьбы, окончившейся, какъ извѣстно, принятіемъ адреса въ его первоначальномъ видѣ, безъ измѣненій и дополненій.

Напомнимъ, прежде всего, текстъ адреса: — „Всемилостивѣйшій Государь! Вашему Императорскому Величеству благоугодно было привѣтствовать насъ, членовъ Государственной Думы третьяго созыва, и призвать на предстоящіе намъ законодательные труды благословеніе Всевышняго. Считаемъ долгомъ выразить Вашему Императорскому Величеству чувства преданности Верховному Вождю Россійскаго Государства и благодарности за дарованныя Россіи права народнаго представительства, упроченныя основными законами Имперіи. Вѣрьте намъ, Государь, мы приложимъ всѣ наши силы, всѣ наши познанія, весь нашъ опытъ, чтобы укрѣпить обновленный Манифестомъ 17-го октября Вашею Монаршею Волею государственный строй, успокоить отечество, утвердить въ немъ законный порядокъ, развить народное просвѣщеніе, поднять всеобщее благосостояніе, упрочить величіе и мощь нераздѣльной Россіи и тѣмъ оправдать довѣріе къ нам Государя и страны“. Поправки, наиболѣе отклонявшіяся отъ это текста, были предложены съ одной стороны трудовиками, съ другой представителями не-русскихъ народностей. Послѣдняя клонилась къ тому, чтобы вставить послѣ словъ: „поднять всеобщее благосостояні слова: „удовлетворить справедливыя стремленія народностей, вхо

щихъ въ составъ государства". Нельзя не удивляться тому, что большинствомъ, составившимся вслѣдствіе присоединенія октябристовъ къ правымъ, отклонена поправка, столь скромная по формѣ и столь основательная по содержанію. Въ самомъ дѣлѣ, неужели не заслуживаютъ вниманія *справедливыя* домогательства народностей — домогательства, въ теченіе долгихъ лѣтъ не имѣвшія даже возможности высказаться прямо и открыто? Неужели осуществимъ подъемъ *всеобщаго* благосостоянія, пока цѣлые милліоны населенія напрасно ожидаютъ устраненія преградъ, задерживающихъ, затрудняющихъ общественное ихъ развитіе? Быть можетъ, передъ глазами нѣкоторыхъ группъ большинства носился пугающій призракъ „автономій"; быть можетъ, имъ казалось, что подъ цвѣтами „справедливыхъ стремленій" скрывается змѣя „національнаго самоопредѣленія". Напрасно, въ такомъ случаѣ, они поддались чувству страха: опредѣлить мѣру и сущность *справедливыхъ* стремленій было бы дѣломъ будущаго. Принять поправку, предложенную отъ имени поляковъ, литовцевъ, мусульманъ и евреевъ гг. Дмовскимъ, Булатомъ, Хасмамедовымъ и Нисселовичемъ, значило бы лишь взять на себя обязательство разсмотрѣть, всесторонне и безпристрастно, въ чемъ именно и какъ должно быть измѣнено къ лучшему положеніе окраинъ и инородцевъ. Пожелаемъ, чтобы отказъ отъ такого обязательства не былъ дурнымъ предзнаменованіемъ для дальнѣйшей дѣятельности Думы.

Рѣчи гг. Дмовскаго и Хасмамедова были выслушаны Думой спокойно; рѣчи гг. Булата и Нисселовича слишкомъ часто прерывались криками: *довольно!* но все-таки могли быть доведены до своего нормальнаго конца, и поправка, внесенная этими ораторами, была подвергнута баллотировкѣ. Иная участь постигла поправку, предложенную отъ имени трудовиковъ, г. Ляхницкимъ. Рѣчь, произнесенная имъ въ ея защиту—какъ и рѣчь другого представителя той же партіи, г. Петрова,—съ самаго начала сопровождалась шумомъ, котораго не въ силахъ былъ унять предсѣдатель, и закончилась среди смѣха, шиканья и свиста. Что же было смѣшного въ словахъ г. Ляхницкаго? Онъ предложилъ слѣдующую прибавку къ адресу: „Дума, къ глубокому прискорбію, не можетъ не заявить Вашему Императорскому Величеству, что она приноситъ свое привѣтствіе лишь отъ небольшой части населенія, проведшей своихъ представителей на основаніи закона 3-го іюня, изданнаго правительствомъ при нарушеніи основныхъ законовъ и лишившаго права представительства широкіе слои населенія". Членораздѣльными звуками оратору никто не возражалъ, но по окончаніи преній было заявлено требованіе рѣшить предварительно вопросъ, слѣдуетъ ли голосовать его поправку. Большинствомъ голосовъ (противъ кадетовъ и лѣвыхъ) на этотъ во-

просъ былъ данъ отрицательный отвѣтъ. Оправдывается ли такое рѣшеніе, съ формальной стороны, постановленіями наказа—объ этомъ мы теперь говорить не будемъ; для насъ достаточно подчеркнуть его внутреннюю нецѣлесообразность. Зажать ротъ—не значитъ опровергнуть; устранить обсужденіе закона 3-го іюня—не значитъ покончить съ возбуждаемыми имъ сомнѣніями. Рано или поздно Думѣ придется разсмотрѣть ихъ—и самымъ удобнымъ къ тому поводомъ были именно пренія объ адресѣ. Отъ большинства зависѣло отклонить поправку трудовиковъ или предложить вмѣсто нея другую оцѣнку закона 3-го іюня; но не слѣдовало отнимать у меньшинства возможность высказаться о томъ, къ чему невольно и неотступно возвращается мысль.

Съ поправками, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, Дума расправилась быстро: все вниманіе свое она отдала вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ положенію дѣлъ, созданному манифестомъ 17-го октября. Съ правой стороны шло настойчивое требованіе подчеркнуть неприкосновенность *самодержавія*; партія народной свободы противопоставляла ему требованіе признать, прямо и открыто, *конституціонный* характеръ новаго государственнаго строя. Среднее положеніе занимали октябристы, находя, что составленнымъ ими проектомъ адреса истинное значеніе новаго строя освѣщено съ достаточною ясностью. По мѣрѣ того, какъ разгорался споръ, невозможность соглашенія между группами, до тѣхъ поръ образовавшими „правый блокъ", становилась все болѣе и болѣе очевидной. Лидеръ октябристовъ, А. И. Гучковъ, въ самомъ началѣ преній назвалъ манифестъ 17-го октября „актомъ добровольнаго отреченія монарха отъ права неограниченности", а свою партію—партіей „конституціоналистовъ"; но этимъ еще не была предрѣшена судьба поправки о самодержавіи. Шансы ея принятія уменьшались съ каждою рѣчью крайнихъ правыхъ. Все опредѣленнѣе подчеркивался смыслъ, который они придаютъ словамъ *самодержавіе* и *самодержецъ*. Сначала эти слова звучали лишь какъ термины легальнаго языка, усвоеннаго текстомъ торжественнаго обѣщанія членовъ Думы; затѣмъ въ нихъ стали вкладывать содержаніе, идущее гораздо дальше формы и прямо въ разрѣзъ съ закономъ. „Разъ въ основныхъ законахъ"—читаемъ мы, напримѣръ, въ рѣчи г. Балаклѣева (члена союза русскаго народа),—„сказано, что верховная власть принадлежитъ царю, то, значитъ, никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что у насъ строй самодержавный, что у насъ *монархія чистая* [1])... Кто далъ намъ актъ 17-

---

[1]) „Чистымъ", въ смыслѣ абсолютнаго, именовался король испанскій Фердинандъ VII-ой (el re netto). Не таковы воспоминанія, связанныя съ его царствованіемъ, чтобы воскрешеніе ихъ нашими „ультра-монархистами" можно было назвать удачнымъ.

октября и кто далъ другіе акты, послѣ 17-го октября? Не самодержавный ли царь? Слѣдовательно, тутъ нѣтъ ограниченія власти, нѣтъ ея раздѣленія, а есть только осуществленіе этой власти самодержавнымъ царемъ... Осуществленіе власти должно дѣлаться черезъ чье-нибудь посредство. *Вотъ этими-то посредниками и являются государственныя учрежденія, въ томъ числѣ Государственная Дума* и Государственный Совѣтъ". Въ достоинствѣ откровенности этимъ словамъ, низводящимъ народное представительство на степень исполнительнаго органа, отказать нельзя... Въ упрощенномъ видѣ то же самое сказалъ деп. Сушковъ, воскликнувъ: „Что доказывать то, что̀ не требуетъ доказательствъ? Въ Россіи самодержавіе есть и всегда будетъ, ибо народъ русскій не желаетъ ничего, кромѣ русскаго царя-самодержца... Въ Высочайшемъ повелѣніи 17-го октября сказано, что ни одинъ законъ не имѣетъ силу безъ одобренія. Да, одобряйте! Вѣдь тамъ не сказано утверждайте, а только одобряйте. *Ну и одобряйте*"! И все это подкрѣплялось угрозами по адресу „несогласно мыслящихъ". Деп. Володимеровъ выразилъ опасеніе, что неупоминаніе въ адресѣ о самодержавіи можетъ имѣть грозныя послѣдствія. Деп. Тимошкинъ увѣщевалъ не произносить слова: *конституція*; „если вы его произнесете, то погубите нашу Россію, погибнете и вы съ ней сами". По увѣренію г. Данилюка, „многомилліонный волынскій и русскій народъ раньше пожертвуетъ жизнью, нежели позволитъ ограничить самодержавіе неограниченной власти". Разнузданность крайнихъ правыхъ дошла до того, что одному изъ депутатовъ, стоявшихъ за „страшное слово", было брошено въ лицо обвиненіе въ *клятвопреступничествѣ*. Понятно, что все это вызвало реакцію. Изъ рѣчи гр. А. А. Уварова видно, что многіе изъ числа тѣхъ, кто готовъ былъ прежде подать голосъ за указаніе въ адресѣ на самодержавіе, пришли къ другому рѣшенію, когда услышали „собственное личное пониманіе" русскаго государственнаго строя, вынесенное на свѣтъ ораторами изъ среды крайнихъ правыхъ. Въ рѣчахъ октябристовъ все громче и тверже подчеркивалось признаніе конституціи; М. Я. Капустинъ, П. В. Каменскій и въ особенности В. М. Петрово-Соловово далеко, въ этомъ отношеніи, оставили за собою А. И. Гучкова. Противъ вызова, звучавшаго въ словахъ приверженцевъ старины, В. М. Петрово-Соловово протестовалъ „не только съ точки зрѣнія парламентской этики, но и съ точки зрѣнія справедливости". И вотъ, въ концѣ концовъ поправка, внесенная крайними правыми, была отклонена не только лѣвыми (въ составъ которыхъ теперь входятъ конституціоналисты-демократы), но и октябристами: въ образовавшемся такимъ образомъ „лѣвомъ блокѣ" оказалось 212 членовъ Думы (противъ 146). Не менѣе характеренъ дальнѣйшій ходъ дѣла. Къ авторамъ адреса—октябристамъ—при-

соединились съ одной стороны умѣренные, передъ тѣмъ голосовавшіе съ крайними правыми, съ другой — кадеты, не настаивавшіе больше на включеніи въ адресъ прямого указанія на конституціонный характеръ установленнаго манифестомъ 17-го октября государственнаго строя. Крайніе правые, въ виду отклоненія ихъ поправки, воздержались отъ участія въ голосованіи адреса; точно такъ же поступили—по совершенно другимъ причинамъ, объясненнымъ выше—трудовики и представители польскаго коло, послѣ чего адресъ, въ первоначальной своей редакціи, былъ принятъ единогласно.

Итакъ, большинствомъ Думы, избранной на основаніи закона 3-го іюня, существующій въ Россіи образъ правленія если не ipsissimis verbis, то implicite признанъ *конституціоннымъ*. Не маловажнымъ, при данной обстановкѣ, можетъ быть названъ и такой результатъ. Само собою разумѣется, однако, что прямое обозначеніе предмета настоящимъ его именемъ всегда имѣетъ преимущество передъ перифразой, даже весьма прозрачной. Что же заставило октябристовъ остановиться на полъ-дорогѣ? „Мы рѣшили“ — читаемъ мы въ рѣчи А. И. Гучкова,—„что не время и не мѣсто теперь заниматься государственно-правовыми дебатами. Теперь нужно констатировать тотъ фактъ, что даны широкія права народу, возможность участвовать въ государственномъ строительствѣ, въ общемъ обновленіи и возрожденіи нашего отечества. Поэтому мы не называемъ того, что дано, тѣмъ спорнымъ терминомъ, о которомъ говорятъ со всѣхъ сторонъ... Не словами берусь я обратить въ конституціоналистовъ тѣхъ, которые еще борются съ совершившимся государственнымъ переворотомъ. Не словами буду убѣждать я ихъ, но я вѣрю въ то, что мирная и лойяльная работа третьей Государственной Думы примиритъ ихъ съ этимъ переворотомъ. И черезъ годъ, черезъ два, можетъ быть и раньше, не будетъ того спора о политической формѣ, который теперь насъ раздираетъ. Будетъ вынуто то жало, которое столько времени растравляетъ и бередитъ наше народное дѣло“. Несмотря на всю осторожность А. И. Гучкова, ему не удалось предупредить „государственно-правовые дебаты“: они разгорѣлись съ такой же силой, какъ если бы въ проектѣ адреса была поставлена крупная точка надъ i. Конечно, никакими словами нельзя достигнуть того, чтобы противники „совершившагося государственнаго переворота“ обратились въ его защитниковъ или хотя бы просто признали его какъ фактъ, г- подлежащій болѣе ни игнорированью, ни отрицанію; но „споръ о і литической формѣ“ окончится тѣмъ скорѣе, чѣмъ яснѣе и полнѣе буд освѣщены всѣ его элементы... Нѣсколько иную мотивировку споса дѣйствій, избраннаго октябристами, далъ въ своей рѣчи М. Я. І пустинъ. „Мы должны“—сказалъ онъ—„употреблять такія слова,

торыя существуютъ въ нашихъ государственныхъ актахъ. Ни въ манифестѣ 17-го октября, ни въ нашихъ основныхъ законахъ этого термина нѣтъ. Этотъ терминъ — научный въ области государственнаго права, условный — въ обиходѣ, въ понятіи прессы. Конституціонный строй есть нѣчто такое, что̀ можетъ существовать и безъ этого термина". Конечно, безусловно необходимымъ не можетъ считаться ни одинъ терминъ; не отъ имени зависитъ бытіе вещи или осуществленіе идеи—но точность и опредѣленность терминологіи одинаково важна и въ наукѣ, и въ жизни. Она способствуетъ устраненію недоразумѣній и перетолкованій; знаменуя собою твердую рѣшимость, она служитъ залогомъ неуклоннаго проведенія началъ, выражаемыхъ словомъ. Съ измѣненіемъ правовыхъ основъ измѣняется и языкъ, употребляемый правомъ; нѣтъ причины бояться появленія неологизмовъ, нѣтъ причины держаться исключительно въ сферѣ издавна принятыхъ выраженій. Слово *конституція* хорошо именно тѣмъ, что оно вызываетъ длинный рядъ представленій, соединяемыхъ съ нимъ не въ силу этимологическаго его происхожденія, а въ силу продолжительнаго историческаго опыта. „Могучъ и силенъ нашъ языкъ" — воскликнулъ, въ своей заключительной рѣчи, Ѳ. Н. Плевако,—„и въ немъ вы найдете выраженія для самой широкой свободы, которая возможна на землѣ". Это совершенно вѣрно, но не въ этомъ дѣло. Въ русскомъ языкѣ, какъ онъ ни богатъ, нѣтъ, въ настоящую минуту, такого слова, которое само по себѣ, безъ поясненій и дополненій, означало бы собою все обнимаемое иностраннымъ словомъ: *конституція*. Послѣднее понятно для всѣхъ, слѣдящихъ хотя бы за нашей періодической прессой — понятно, слѣдовательно, и для широкихъ народныхъ слоевъ, въ которыхъ пробудился интересъ къ государственной жизни. Много, въ разное время, вводилось у насъ учрежденій, раньше появившихся за границей — и если они получали право гражданства, то безъ труда усвоивались и соотвѣтствующіе имъ термины. Нельзя не пожалѣть, поэтому, о недостаткѣ рѣшительности, обнаруженной октябристами. Ихъ рѣчи будутъ прочитаны тысячами, текстъ адреса — сотнями тысячъ; неяснымъ или вовсе неизвѣстнымъ останется для многихъ и многихъ, что̀ именно хотѣло сказать, принимая адресъ, большинство Государственной Думы.

Поразительно слаба аргументація, которою съ правой стороны старались подорвать, во время преній объ адресѣ, самую идею конституціоннаго строя. Историческіе экскурсы г. Пуришкевича исходили изъ предположенія, что Россія остается такою, какою она была полвѣка или вѣкъ тому назадъ. Не привились тогда конституціонныя стремленія на русской почвѣ—не могутъ, слѣдовательно, привиться ни на ней и теперь. Со счетовъ скидывается, такимъ образомъ, весь

громадный запасъ опыта, накопленный въ продолженіе цѣлаго столѣтія, скидываются всѣ глубокія перемѣны, происшедшія въ учрежденіяхъ, въ нравахъ, въ настроеніи народныхъ массъ. Не болѣе цѣнны теоретическія разсужденія г. Маркова 2-го, существованіемъ множества *конституцій* пытавшагося доказать несуществованіе *конституціи* какъ понятія, какъ идеи. Онъ допрашивалъ своихъ принципіальныхъ противниковъ, какую конституцію они имѣютъ въ виду—бельгійскую или турецкую, финляндскую или японскую,—и не хотѣлъ видѣть, что рѣчь идетъ о конституціи русской, основы которой созданы манифестомъ 17-го октября. Онъ придавалъ громадное значеніе тому, что у насъ монархъ не присягаетъ на вѣрность конституціи, какъ будто бы только присягой обезпечивается исполненіе однажды данныхъ обѣщаній и соблюденіе законовъ. Онъ поставилъ Государственную Думу на одинъ уровень съ судомъ присяжныхъ, какъ будто бы есть что-нибудь общее между рѣшеніемъ отдѣльныхъ судебныхъ дѣлъ и властнымъ участіемъ въ законодательствѣ... Профессоръ Вязигинъ не пошелъ дальше игры словами, утверждая, что конституцію (въ смыслѣ организаціи, устройства) имѣетъ и абсолютная монархія. Протоіерей Рознатовскій противопоставилъ „самодержавію, основанному на религіи и нравственности", „принципъ конституціи, основанной на игрѣ народныхъ страстей". Депутату Балаклѣеву осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, что есть конституціи октроированныя: онъ „призналъ бы русскую конституцію существующею въ такомъ лишь случаѣ, еслибы основные законы были даны, при отсутствіи царя, какимъ-нибудь учредительнымъ собраніемъ". Депутату Шечкову одинаково дороги акты 6-го августа и 17-го октября, хотя послѣднимъ изъ нихъ упраздненъ первый, одинаково дороги акты 20-го февраля и 3-го іюня, хотя одинъ изъ нихъ противорѣчитъ другому. Епископъ Митрофанъ отожествилъ отказъ отъ *неограниченнаго* самодержавія съ *сложеніемъ* верховной власти, т.-е. съ отреченіемъ отъ нея. Онъ возвратился къ старой мысли о какомъ-то существенномъ различіи между монархами западно-европейскими и русскими, какъ будто „преданность и почтеніе къ правителямъ" не были свойственны французамъ временъ Людовика XIV-го или пруссакамъ временъ Фридриха II-го въ такой же мѣрѣ, какъ русскимъ людямъ XVII-го или XVIII-го вѣка... Отмѣтимъ еще одну характерную черту преній 13-го ноября: ораторы изъ среды крайнихъ правыхъ нѣсколько разъ говорили отъ имени *народа*. „За лѣвыми"—воскликнулъ, напримѣръ, депутатъ Машкевичъ — „стоятъ, какъ всѣм стало ясно съ акта 3-го іюня, сотни, а за нами—милліоны; настоящіе выборы показали, что въ прошлыя двѣ Думы всѣ лѣвые проходили благодаря только инородческому элементу". „Народное сознаніе по отношенію къ самодержавію совершенно тождественно съ тѣм

что я сказалъ"—читаемъ мы въ рѣчи протоіерея Рознатовскаго, которую другой членъ союза русскаго народа (депутатъ Балаклѣевъ) назвалъ „крикомъ страдающей народной души". Въ третью Думу, по выраженію деп. Образцова, „пришла Русь", пришла „по наказу народа". Депутатъ Сушковъ предлагалъ членамъ Думы назваться „представителями отъ русскаго народа". На „милліонный народъ" ссылался, какъ мы уже видѣли, и депутатъ Данилюкъ. Логическаго вывода изъ всѣхъ этихъ увѣреній не сдѣлалъ, однако, никто изъ правыхъ: никто изъ нихъ не указалъ на необходимость новаго избирательнаго закона, при дѣйствіи котораго члены Государственной Думы съ бо́льшимъ основаніемъ могли бы считать и называть себя представителями народа. Въ самомъ дѣлѣ, если народная масса раздѣляетъ взгляды тѣхъ, кто теперь выступаетъ отъ ея имени, отчего бы не призвать ее всю къ голосованію, отчего бы не подтвердить ея авторитетомъ мысли, теперь приписываемыя ей безъ всякаго на то права? Къ чему тогда мѣры предосторожности, принятыя закономъ 3-го іюня по отношенію къ крестьянамъ, къ чему устраненіе ихъ изъ землевладѣльческихъ съѣздовъ, къ чему сокращеніе числа выборщиковъ-крестьянъ, къ чему избраніе депутатовъ отъ крестьянъ не одними крестьянами, какъ прежде, а всѣмъ избирательнымъ собраніемъ, переполненнымъ представителями крупнаго землевладѣнія [1]), гдѣ, при такомъ порядкѣ, что один изъ членовъ союза русскаго народа (деп. Володимеровъ) называетъ „историческимъ фактомъ", *удовлетворенность* населенія Россіи послѣ манифеста 3-го іюня"?

Какъ бы прискорбны ни были недомолвки адреса, какъ бы недостаточно ни было его содержаніе, ни въ чемъ не пошедшее дальше самыхъ общихъ и потому неопредѣленныхъ положеній, онъ могъ бы послужить исходной точкой для дальнѣйшей работы, если бы министерство выразило готовность понять его именно въ томъ смыслѣ, какой дало ему большинство Думы. Этимъ былъ бы положенъ конецъ колебаніямъ, несовмѣстнымъ съ нормальнымъ ходомъ политической жизни; установлено было бы внѣ всякихъ сомнѣній значеніе государственнаго строя, созданнаго манифестомъ 17-го октября. Не таково, къ сожалѣнію, содержаніе деклараціи, прочитанной П. А. Столыпинымъ, 16-го ноября, въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ: „Монаршая воля"—читаемъ мы въ заключительномъ отдѣлѣ деклараціи — „неоднократно являла доказательства того, насколько

[1]) Припомнимъ факты, приведенные по этому поводу въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи.

Верховная власть, несмотря на встрѣченныя Ею на пути чрезвычайныя трудности, дорожитъ самыми основаніями законодательнаго порядка, вновь установленнаго въ странѣ и опредѣлившаго предѣлы Высочайше дарованнаго ей представительнаго строя. Проявленіе Царской власти во всѣ времена показывало также воочію народу, что *историческая самодержавная власть* и свободная воля Монарха являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта власть и эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана, въ минуты потрясеній и опасности для государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды". Разсматриваемыя сами по себѣ, эти слова могли бы быть понимаемы различно; но, слѣдуя за адресомъ, тремя днями раньше принятымъ Думою, они получаютъ совершенно опредѣленный смыслъ. Говоря объ *исторической* самодержавной власти, декларація усвоиваетъ себѣ, очевидно, точку зрѣнія рѣчей, произнесенныхъ ораторами крайней правой во время преній объ адресѣ. Это подтверждается словами, сказанными предсѣдателемъ совѣта министровъ въ позднѣйшей его рѣчи: „нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ". Вполнѣ понятенъ восторженный пріемъ, встрѣченный декларацiей со стороны правыхъ: они увидѣли въ ней реваншъ за только-что понесенное ими пораженіе. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, обсужденіе деклараціи еще не окончено: но болѣе чѣмъ вѣроятно, что большинство, которымъ она будетъ одобрена, составится не изъ тѣхъ элементовъ, которыми былъ принятъ адресъ. Опять повысятся упавшіе-было фонды непримиримыхъ противниковъ новаго порядка; опять сдѣлается спорнымъ вопросъ, допускающій, съ точки зрѣнія народнаго блага, только одно рѣшеніе; опять придется начать съ начала дѣло сближенія между центромъ и умѣренной лѣвой—дѣло, отъ удачи котораго такъ сильно зависитъ судьба законодательной думской работы. Слабый лучъ свѣта, блеснувшій вечеромъ 13-го ноября, слишкомъ легко можетъ быть поглощенъ вновь надвигающеюся тьмою.

Текущая жизнь неотступно ставитъ у насъ на очередь вопросъ о значеніи оффиціозной печати. Въ Россіи первая попытка создать этотъ видъ прессы была сдѣлана въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуеву, любившему красно говорить и широковѣщательно писать и вѣрившему именно поэтому, въ силу фразы, пришло на мысль, что газета, имъ вдохновляемая и руководимая, можетъ сдѣлаться подходящимъ орудіемъ власти. Къ тормазамъ дѣйствія, которые начинала пускать в

шая реакція, ему казалось не лишнимъ присоединить торій. 1-го января 1862 года, стала выходить „Сѣверная Почта", долженствовавшая служить въ одно и то же время и оффиціальнымъ вѣстникомъ правительственныхъ мѣръ, и полу-оффиціальнымъ истолкователемъ правительственныхъ намѣреній и взглядовъ. Какую важность придавалъ новой газетѣ ея основатель, видно уже изъ того, что главнымъ ея редакторомъ состоялъ одно время А. В. Никитенко, потомъ И. А. Гончаровъ. Предполагалось, очевидно, привлечь къ ней крупныя литературныя силы и упрочить за нею авторитетъ не только внѣшній, но и внутренній. Смѣлыя надежды не оправдались: уже съ половины 1863-го года редактированье „Сѣверной Почты" перешло въ руки, мало общаго имѣвшія съ литературой, да и раньше фальшиво поставленная газета не играла замѣтной роли въ нашей именно тогда оживившейся и окрѣпшей ежедневной печати. Рядомъ съ „Московскими" и „С.-Петербургскими Вѣдомостями", рядомъ съ „Голосомъ" для „Сѣверной Почты" не оказалось мѣста въ сферѣ вниманія русскаго общества. Она держалась по инерціи, пока министромъ внутреннихъ дѣлъ оставался П. А. Валуевъ, но при преемникѣ его очень скоро уступила мѣсто чисто оффиціальному „Правительственному Вѣстнику". Пользовались ли какіе-либо органы печати, въ то время и позже, субсидіями отъ того или другого вѣдомства—это вопросъ, на который даже теперь нельзя дать опредѣленнаго отвѣта; несомнѣнно лишь одно—что вакансія, образовавшаяся съ исчезновеніемъ „Сѣверной Почты", была замѣщена только одиннадцать лѣтъ спустя, когда въ февралѣ 1880-го года, вслѣдъ за возвышеніемъ гр. Лорисъ-Меликова, появился „Берегъ". Въ силу недостаточно еще разъясненныхъ причинъ, образъ дѣйствій новоявленнаго оффиціоза оказался далеко не гармонирующимъ съ характеромъ „диктатуры сердца", и азета г. Цитовича быстро сошла со сцены. Прошло болѣе четверти ѣка, прежде чѣмъ за первыми двумя опытами послѣдовали третій и етвертый. Кабинетъ Витте-Дурново основалъ „Русское Государство", рекратившееся при И. Л. Горемыкинѣ, но при П. А. Столыпинѣ пять призванное къ жизни подъ именемъ „Россіи".

Никогда и нигдѣ оффиціозная печать не достигала такого широаго развитія, какъ во Франціи временъ второй имперіи. Подъ гнетомъ екрета 1852 года, подчинившаго прессу административному произy, едва могли существовать, въ небольшомъ числѣ, оппозиціонныя даже просто независимыя газеты. Полнѣйшій просторъ предоставнъ былъ апологетамъ мнимо-демократическаго абсолютизма. Ихъ съ аго начала было нѣсколько: „Constitutionnel", „Patrie", „Pays" съ наковымъ усердіемъ и одинаковымъ отсутствіемъ безкорыстія пѣли лебный гимнъ мыслямъ и актамъ новаго режима. Въ концѣ пятидеся-

тыхъ годовъ къ нимъ присоединилась „France", болѣе приличная, болѣе сдержанная, служившая иногда отголоскомъ тайныхъ плановъ императора. Ни одной изъ этихъ газетъ не удалось, однако, заслужить уваженіе или хотя бы просто вниманіе общества; ни одна изъ нихъ не выдвинула дарованій, способныхъ стать дѣйствительною опорой для правительства. Безцвѣтный Поленъ Лимейракъ, грубый, беззастѣнчивый Кассаньякъ, вкрадчивый Лагеронньеръ, инспирированными брошюрами проложившій себѣ дорогу въ императорскій сенатъ—всѣ они умѣли только бѣжать за колесницей власти: очищать передъ ней дорогу имъ было не по силамъ. Когда, въ 1868-мъ году, французская печать получила нѣкоторую свободу, оффиціозныя газеты оказались совершенно непригодными для борьбы. Напрасно императоръ присоединилъ къ ихъ сонму свой личный органъ („Peuple français", подъ редакціей Клемана Дювернуа); популярность и вліяніе доставались исключительно оппозиціоннымъ газетамъ. Съ паденіемъ имперіи исчезаетъ—или, по меньшей мѣрѣ, существенно измѣняется въ своемъ характерѣ—и созданная ею оффиціозная пресса. Чтобы найти нѣчто ей подобное, нужно обратиться къ Пруссіи временъ Бисмарка. Когда, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, возгорѣлась борьба между короной и палатой депутатовъ, защита безбюджетнаго управленія и внѣ-законной военной реорганизаціи была ввѣрена газетамъ, безусловно зависимымъ отъ министерства: сначала оффиціальной („Sternzeitung"), потомъ оффиціозной („Norddeutsche Allgemeine Zeitung"). Послѣдняя пережила эпоху конфликта, раздѣляя иногда свою задачу съ другими органами печати (напр. „Post", гдѣ въ 1875 г. появилась извѣстная статья: „Krieg in Sicht", вызвавшая заступничество за Францію со стороны Россіи). Въ активъ правительства этимъ путемъ не было внесено рѣшительно ничего: въ побѣдахъ Бисмарка самый сильный микроскопъ не откроетъ слѣда услугъ, оказанныхъ ему „рептиліями" [1]). Съ теченіемъ времени, мѣсто оффиціозныхъ газетъ стали заступать въ Германіи оффиціозные журналисты, помѣщающіе доставляемыя имъ сообщенія или подсказываемыя имъ статьи въ разныхъ органахъ печати. Объ этомъ видѣ правительственнаго воздѣйствія на прессу мы теперь говорить не будемъ; для нашей цѣли достаточно показать, что газеты, систематически, покорно и не безвозмездно служащія правительству, ни при какихъ условіяхъ

[1]) Вознагражденіе за газетныя услуги уплачивалось одно время изъ процен съ „вельфскаго фонда" (т.-е. съ секвестрованныхъ суммъ ганноверскаго коро скаго дома), получившаго въ публикѣ, подъ вліяніемъ одного изъ Бисмарковс „крылатыхъ словъ", прозвище, „Reptilienfonds". Отсюда именованіе *рептиліи*, лагаемое къ наемнымъ перьямъ.

ть приносить пользы ни государству, ни даже лицамъ, въ минуту стоящимъ у власти.

ъ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что проводить свои взгляды посредство основанной или пріобрѣтенной имъ газеты хочетъ эрство, мало чѣмъ стѣсненное въ своихъ дѣйствіяхъ вообще и шенію къ печати въ особенности. Не подлежитъ никакому ю, что въ такой газетѣ громадная масса публики будетъ относъ предубѣжденіемъ, ничѣмъ непобѣдимымъ. Слишкомъ сильно чувствоваться недостатокъ того, что англичане называютъ ау". Не найдетъ отголоска слово, которому нельзя дать соотвѣтаго отпора; заранѣе заподозрѣннымъ будетъ самое намѣреніе щаго, заранѣе поколеблена вѣра въ его искренность и убѣжъ. Преодолѣть эту преграду — задача непосильная даже для о таланта; но вѣроятно ли, чтобы крупный талантъ взялся за льное дѣло? Отсюда неизбѣжная безплодность, неизбѣжное ство привилегированной печати. Съ усовершенствованіемъ ственнаго строя все меньше и меньше остается мѣста для зовъ. Свобода, даже не совсѣмъ полная, всегда приводитъ азованію партій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, партійныхъ органовъ. ой изъ партій примыкаетъ или приближается, въ конститой странѣ, и министерство, каковъ бы ни былъ его составъ, бы ни были его усилія быть—или казаться—безпартійнымъ. обусловливается поддержка, находимая имъ въ партійной пеподдержка безкорыстная и уже по тому одному болѣе дѣйьная, чѣмъ та, которую можетъ дать „собственная" газета. Въ онфликта, „Kreuzzeitung" сослужила Бисмарку больше услугъ, о лейбъ-органъ; въ эпоху образованія сѣверо-германскаго союза нской имперіи, какъ и въ эпоху „культуркампфа", наиболѣе ую помощь онъ встрѣчалъ со стороны націоналъ-либеральной

Правда, добровольные союзники менѣе податливы, менѣе ивы; они могутъ отказать въ своемъ содѣйствіи, могутъ поего въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ условій — но соотнно этому поднимается его внутренняя цѣнность. Тамъ, гдѣ еская жизнь пустила глубокіе корни, „modus vivendi" правиа и печати устанавливается самъ собою. Если нѣкоторыя гамогутъ, по временамъ, считаться „министерскими", въ виду , господствующаго обыкновенно между ними и даннымъ миствомъ (или однимъ изъ министровъ), то это не низводитъ ихъ ень оффиціозныхъ, потому что ихъ образъ дѣйствій не диктуется нѣ и не измѣняется ни съ перемѣной кабинета, ни съ перемѣной инетѣ (т.-е. въ направленіи кабинета). „Journal des Débats", ѣръ, во время іюльской монархіи всегда являлся органомъ

праваго центра, все равно, находился ли послѣдній у власти или въ оппозиціи; нельзя было, поэтому, считать его оффиціозомъ Гизо или Моле. Не может быть причисленъ къ оффиціозамъ, по той же причинѣ, и современный намъ „Temps", представитель умѣреннаго демократизма.

Въ переходное время, переживаемое теперь Россіей, противъ существованія оффиціозной прессы одинаково говорятъ и остатки старины, и только-что возникающія новыя условія: остатки старины — потому что при стѣсненіяхъ, все еще тяготѣющихъ надъ печатью, общественное чувство не можетъ примириться съ исключительнымъ положеніемъ „вдохновляемой" газеты; новыя условія — потому что среди прессы, получившей уже партійный характеръ, нѣтъ недостатка въ волонтерахъ, ломающихъ копья за правящую власть. Явно нарушая справедливость, оффиціозная печать является, въ то же самое время, совершенно излишней. Для опубликованія своихъ актовъ и своихъ предположеній министерство имѣетъ свой оффиціальный органъ—„Правительственный Вѣстникъ". Выступая въ немъ прямо и открыто отъ своего имени, оно невольно взвѣшиваетъ каждое свое слово, говоритъ только то, что̀ необходимо довести до всеобщаго свѣдѣнія, и говоритъ такимъ тономъ, который соотвѣтствуетъ достоинству власти. Иное дѣло — сотрудники оффиціозной газеты. Невольно соперничая съ другими дѣятелями печати, они стараются писать занятно, бойко, хлестко—и слишкомъ легко забываютъ, что особенность ихъ положенія обязываетъ ихъ быть сдержанными. На первый планъ выступаетъ полемика, тѣмъ болѣе усердная, что рѣчь идетъ о защитѣ высокихъ хозяевъ или покровителей газеты. Если и въ независимой печати тяжелое впечатлѣніе производятъ порицанія, граничащія съ бранью, догадки, граничащія съ „чтеніемъ въ сердцахъ", то что̀ же сказать о нихъ, когда они встрѣчаются въ статьяхъ, внушенныхъ или апробованныхъ свыше? Не нарушается ли правило: „non bis in idem", когда къ репрессивнымъ или ограничительнымъ мѣрамъ присоединяются идущія изъ того же источника „обиды словомъ"?..

Конечно, однимъ оффиціознымъ характеромъ газеты не предрѣшается еще всецѣло ея нравственный и умственный уровень; она можетъ быть ведена съ бо̀льшимъ или меньшимъ искусствомъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ тактомъ; но опасность ложнаго пути для нея очень велика, а при данной обстановкѣ—почти неотвратима. Слишкомъ свѣжи еще преданія, подъ властью которыхъ жила на[...] бюрократія, самодовольная, самоувѣренная, проникнутая мыслью о „ограниченномъ умѣ подданныхъ"; слишкомъ еще остра борьба, [ко]торую она ведетъ противъ новыхъ народныхъ силъ и новыхъ общ[е]ственныхъ теченій. Для этой борьбы было основано „Русское Го[...]

дарство“; эту борьбу, со всѣми типичными ея чертами, продолжаетъ „Россія“. Убѣдиться въ томъ нетрудно: стоитъ только припомнить, къ какой темѣ всего охотнѣе возвращается и какъ ее трактуетъ оффиціозная газета. Вмѣсто того, чтобы обсуждать, спокойно и объективно, министерскіе законопроекты, вмѣсто того, чтобы знакомить читателей съ ближайшими намѣреніями правительства, „Россія“ посвящаетъ почти всѣ свои передовыя статьи нападеніямъ на оппозицію вообще и на партію народной свободы въ особенности—нападеніямъ, окрашеннымъ въ густо-партійный цвѣтъ и облекаемымъ въ самыя грубыя формы. „Радикальствующая кружковщина“, „люди, привыкшіе дѣйствовать исключительно при помощи обмановъ и интриги“, „неудавшаяся афера“, „кадетское искусство по части фабрикаціи полой воды“, „предательскій языкъ“, „совершенные забавники“—вотъ образчики выраженій, которыми „Россія“ осыпаетъ своихъ противниковъ. Кадеты, по ея словамъ—„политиканы по профессіи“, „опытные политическіе интриганы“; „кадеты—не политическая партія, а содружество, кружокъ лицъ, много лѣтъ совмѣстно работающихъ надъ основными задачами русской радикальствующей кружковщины“; „во всемъ кадетствующемъ обиходѣ давно уже нѣтъ ничего, кромѣ мелкой возни и мелкаго политиканства“. Этого мало: на ту же „кружковщину“ возлагается отвѣтственность за грабежи и политическія убійства; она, именно она „попыталась обратить инстинкты темныхъ массъ въ орудіе политической борьбы“; она — „истинный виновникъ образованія у насъ человѣка-звѣря“. Пока подобныя рѣчи раздаются въ „Новомъ Времени“ или „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, можно находить, что это въ порядкѣ вещей, что ничего другого нельзя и ожидать отъ добровольцевъ регресса или застоя; но такъ ли и то ли слѣдовало бы говорить газетѣ, тѣсно связанной съ властью? Сосредоточивая свои усилія на борьбѣ съ одною изъ политическихъ партій и ведя эту борьбу въ явно-пристрастномъ духѣ и тонѣ, въ правѣ ли она утверждать, что не состоитъ „органомъ партійныхъ вожделѣній“? Въ обсужденіе текущихъ вопросовъ она не вноситъ ничего новаго, ничего своего; направленіе, которое она проводитъ, имѣетъ другихъ защитниковъ, болѣе талантливыхъ и, главное, болѣе свободныхъ—или, по крайней мѣрѣ, кажущихся болѣе свободными. Отъ родственныхъ ей „правыхъ“ газетъ „Россія“ отличается еще однимъ: онѣ издаются на астныя средства, и ихъ никто не заставляетъ выписывать и читать, она издается на счетъ казны, и у нея, повидимому, есть обязательные одписчики [1]). Къ участію въ расходахъ по изданію партійной газеты

[1]) Насъ наводитъ на эту мысль прочитанное нами въ газетахъ сообщеніе о есьма крупномъ числѣ экземпляровъ „Россіи“, получаемыхъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ.

не должно быть привлекаемо государство, не должны быть привлекаемы должностныя лица.

Чтобы дорисовать характеристику „Россіи", остановимся на статьѣ: „Язвы нашей присяжной адвокатуры". Что оффиціозной газетѣ не нравится политическое „credo" многихъ присяжныхъ повѣренныхъ—это совершенно понятно; неудивительно также, что „передовой образъ мыслей" большинства настраиваетъ ее враждебно противъ всего сословія. Не мѣшало бы только быть болѣе осторожнымъ въ выраженіи этой вражды. „Малѣйшая отсталость или уравновѣшенность направленія"—увѣряетъ „Россія"—„сейчасъ же отмѣчается товарищеской средой, и горе несчастному. Онъ испытаетъ на себѣ тяжесть корпораціоннаго общественнаго мнѣнія, къ нему строже отнесутся корпоративныя учрежденія; при случаѣ товарищи допекутъ его такъ, какъ допекаетъ своего несноснаго конкуррента изъ образованныхъ старый провинціальный приказный, т.-е. *всякимъ подвохомъ*". Если авторъ статьи понимаетъ всю тяжесть обвиненія, взводимаго имъ въ этихъ словахъ не только на отдѣльныхъ адвокатовъ, но и на все сословіе, ему слѣдовало бы подтвердить ихъ хотя бы однимъ примѣромъ. Въ такія времена, какъ переживаемыя нами, нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ возможна, къ сожалѣнію, вездѣ, возможна и въ адвокатской сферѣ: но чтобы она выражалась въ *подвохѣ*, въ подъяческомъ подвохѣ—это непозволительно утверждать безъ доказательствъ... Приведя изъ совѣтскаго отчета цифры и, отчасти, поводы взысканій, наложенныхъ, въ теченіе года, на присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, газета восклицаетъ: „съ этой грязью рѣшительно не вяжется рядъ политическихъ выступленій петербургской адвокатуры. Имѣя въ средѣ своей коллегъ, замаранныхъ съ ногъ до головы, сословіе, пожалуй, поступило бы правильнѣе, если бы воздерживалось, напримѣръ, отъ требованій *добросовѣстнаго исполненія* правительствомъ обѣщанныхъ реформъ. Было бы скромнѣе въ общихъ собраніяхъ своихъ требовать отъ принимаемыхъ съ весьма условнымъ разборомъ товарищей по ремеслу бо́льшей добросовѣстности въ отправленіи своихъ профессіональныхъ обязанностей. А все время накидываемая мантія изъ освободительнаго образа мыслей, политики, науки и благотворительности сквозь зіяющія прорѣхи заставляетъ видѣть гноящіяся язвы живого адвокатскаго тѣла". Какимъ образомъ грязь, обнаруживаемая и безпощадно преслѣдуемая самими представителями адвокатуры, можетъ падать на все сословіе, какимъ образомъ политическимъ выступленіямъ однихъ присяжныхъ повѣренныхъ могутъ мѣшать не остающіеся безнаказанными профессіональные грѣхи другихъ—это тайна оффиціозной газеты. Противорѣчіе или лицемѣріе въ дѣятельности совѣта можно было бы усмотрѣть только тогда, если

онъ, предъявляя строгія требованія къ постороннимъ учрежденіямъ, отличался снисходительностью къ „своимъ". Ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не утверждаетъ и „Россія": совѣтъ, какъ видно изъ ея статьи, не отступалъ ни передъ временнымъ запрещеніемъ практики (6 случаевъ), ни передъ исключеніемъ изъ сословія (5 случаевъ). Сплошь и рядомъ судебная палата, разсматривая жалобы на совѣтъ, смягчаетъ постановленныя имъ рѣшенія. Съ большою разборчивостью и осторожностью совершался всегда и совершается, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ и пріемъ въ присяжные повѣренные. Если здѣсь встрѣчаются ошибки, то достаточнымъ объясненіемъ этому служить, съ одной стороны, многочисленность кандидатовъ въ присяжные повѣренные, съ другой—невозможность предвидѣть, какой характеръ приметъ будущая дѣятельность адвоката. Нѣтъ, какъ бы ни старалась „Россія", никто—кромѣ заранѣе во всемъ съ нею согласныхъ—не повѣритъ ей, что интересъ адвокатуры къ политикѣ, наукѣ и благотворительности служитъ только „мантіей съ зіяющими прорѣхами", плохо скрывающей глубокія язвы. Отсутствіе односторонности, профессіональной узкости—не слабая, а сильная сторона адвоката. Теперь меньше чѣмъ когда-либо наша адвокатура можетъ оставаться замкнутой въ самой себѣ. Слишкомъ сильно теченіе политической жизни, слишкомъ непосредственно соприкасается съ нимъ защита въ политическихъ процессахъ и въ процессахъ печати. На этой почвѣ она исполняла свой долгъ въ самыя трудныя эпохи—въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, во время управленія В. К. Плеве; на этой почвѣ она исполняетъ и будетъ исполнять его и теперь, несмотря на запугиванья и заподозриванья оффиціозной прессы.

Въ чемъ заключаются истинные идеалы русской присяжной адвокатуры—объ этомъ можно судить какъ нельзя лучше по впечатлѣнію, произведенному на дняхъ кончиной А. Н. Турчанинова. Присяжный повѣренный перваго призыва, многолѣтній членъ совѣта, въ послѣдніе годы почти безсмѣнный его предсѣдатель, настоящій „учитель" своихъ помощниковъ, всѣми любимый и уважаемый товарищъ, высоко чтимый магистратурой, онъ былъ образцовымъ исполнителемъ адвокатскаго долга—и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонникомъ опредѣленныхъ по-ітическихъ убѣжденій, открыто признанныхъ имъ, когда онъ согла-лся, при первыхъ выборахъ въ Государственную Думу, выступить › Петербургѣ выборщикомъ отъ партіи народной свободы. И эти ѣжденія не были для него моднымъ костюмомъ. Они служили для го руководящею нитью, когда ничто не предвѣщало еще близкаго сцвѣта политической жизни; они заставляли его принимать на себя

тяжелую обязанность защитника по такимъ процессамъ, какъ извѣстное дѣло *ста-девяноста-трехъ* или слишкомъ мало еще извѣстное „крожское“ дѣло. Девять дней тянулся въ Вильнѣ (въ сентябрѣ 1894-го года) судъ надъ несчастными крожскими крестьянами, сначала подвергшимися жестокимъ истязаніямъ за преданность своему храму, а потомъ присужденными къ тяжкой уголовной карѣ. Чрезвычайно кстати напомнилъ объ этомъ дѣлѣ и объ участіи въ немъ А. Н. Турчанинова г. Недзвѣцкій. Мы узнаемъ изъ его замѣтки, напечатанной въ „Рѣчи“ (№ 268), что на польскомъ языкѣ существуетъ цѣлая книга („Proces Krożan“), посвященная крожскому процессу — книга, разошедшаяся во многихъ тысячахъ экземпляровъ и встрѣчающаяся въ каждомъ польскомъ книгохранилищѣ. Въ этой книгѣ А. Н. Турчаниновъ и его товарищи по защитѣ—кн. А. И. Урусовъ, В. И. Жуковскій, С. А. Андреевскій—названы „свѣточами русской адвокатуры, которыми всякій народъ могъ бы гордиться“. И дѣйствительно, имъ удалось облегчить участь подсудимыхъ, несмотря на совокупность условій, до крайности неблагопріятныхъ. Дѣло разсматривалось не присяжными, а коронными судьями, съ участіемъ сословныхъ представителей—разсматривалось въ столицѣ сѣверо-западнаго края, все управленіе котораго, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, было заинтересовано въ возможно бо̀льшей строгости приговора [1]). Съ такими воспоминаніями въ прошедшемъ, съ вѣрностью имъ въ настоящемъ, наша присяжная адвокатура можетъ не бояться мелко-тенденціозныхъ нападеній.

Скончавшійся на дняхъ Ю. Г. Жуковскій принадлежалъ, почти полвѣка тому назадъ, къ числу видныхъ сотрудниковъ „Современника“. Его статья: „Вопросъ молодого поколѣнія“ послужила поводомъ, въ 1866-мъ году, къ одному изъ первыхъ у насъ процессовъ печати. Вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ (какъ однимъ изъ редакторовъ „Современника“), онъ былъ оправданъ с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ, но обвиненъ судебною палатою и присужденъ къ трехнедѣльному аресту на гауптвахтѣ. Послѣ разрыва съ Некрасовымъ, ознаменованнаго выходомъ въ свѣтъ нашумѣвшей въ свое время брошюры: „Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ“ [2]), и послѣ неудав-

[1]) Когда судебная палата, подъ вліяніемъ всего раскрытаго и ярко освѣщеннаго защитой, постановила ходатайствовать о смягченіи наказанія однимъ подсудимымъ (съ десяти лѣтъ каторги до одного года тюрьмы) и о совершенномъ помиловaніи другихъ, генералъ-губернаторъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою способствовать отклоненію ходатайства. Ходатайство, тѣмъ не менѣе, б[ыло] уважено—такъ горячо вступился за него старшій предсѣдатель палаты, въ обр[аще]ніи котораго къ министру юстиціи ясно слышится крикъ наболѣвшаго чувства.

[2]) Въ составленіи этой брошюры принялъ участіе М. А. Антоновичъ.

шейся попытки основать журналъ („Космосъ"), Ю. Г. Жуковскій сосредоточился на научныхъ занятіяхъ, которымъ и раньше посвящалъ много времени. Кромѣ трехъ отдѣльно изданныхъ книгъ („Политическія и общественныя теоріи въ XVI вѣкѣ", „Прудонъ и Луи Бланъ", неоконченная „Исторія политической литературы XIX-го вѣка"), онъ написалъ немало статей для нашего журнала („Вопросъ народонаселенія", 1871, № 1; „Пища, какъ предметъ экономіи", 1871, № 9; „Желѣзныя дороги, какъ предметъ экономіи", 1872, № 1; „Кэри и его теорія", 1872, № 10; „Карлъ Марксъ и его книга о капиталѣ", 1877, № 9; „Прямые налоги въ Россіи", 1881, № 2; „Вліяніе бумажныхъ денегъ на лажъ и цѣны", 1881, № 4; „Нашъ вексельный курсъ и товарныя цѣны", 1884, № 7). Послѣдніе годы жизни Ю. Г. Жуковскій отдалъ государственной службѣ: онъ былъ управляющимъ государственнымъ банкомъ, потомъ—сенаторомъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1907.

I.

— А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе второе, съ дополненіями и примѣчаніями. Книгоиздательство „Колосъ". С.-Петербургъ. 1908.

Старая, добрая книга, — какъ странно видѣть ее въ этой новой одеждѣ большихъ свѣжихъ страницъ и крупнаго шрифта! Такъ уютны были ея два небольшихъ томика съ ихъ старой мелкой печатью, съ пожелтѣвшей бумагой, съ робкими иниціалами, вмѣсто именъ Герцена, Бакунина, Огарева! За тридцать лѣтъ существованія, эта книга много читалась; она была одною изъ тѣхъ немногихъ книгъ, на которыхъ воспитывалась мысль русскаго образованнаго человѣка. Изъ этихъ немногихъ книгъ цѣлыхъ три написаны Пыпинымъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣмъ, что̀ до послѣдняго времени знала наша интеллигенція по исторіи русской общественной мысли въ XIX вѣкѣ, она, прямо или косвенно, обязана тремъ его работамъ: „Общественному движенію при Александрѣ I", „Характеристикамъ литературныхъ мнѣній" и этой книгѣ о Бѣлинскомъ. Но это были несходныя книги: послѣдняя коренннымъ образомъ разнилась отъ первыхъ двухъ, и то, что̀ она вносила въ сознаніе читателей, было во многомъ противоположно дѣйствію остальныхъ его книгъ. Тамъ, ученикъ и преемникъ Чернышевскаго, онъ продолжалъ дѣло, начатое „Очерками гоголевскаго періода": онъ ставилъ себѣ задачей свести къ единств многосложную картину развитія нашей общественной мысли, и пре метъ этого единства видѣлъ въ политическомъ самосознаніи. Тепер черезъ тридцать лѣтъ, мы иначе смотримъ на дѣло. Мы переста раціонализировать понятіе общества, мы знаемъ, какъ рискован сводить къ формулѣ всю духовную жизнь поколѣній, и задачу

общенія мы замѣняемъ другою: детальнымъ и конкретнымъ изученіемъ умственныхъ движеній въ ихъ живыхъ представителяхъ. Намъ нужно прежде всего добросовѣстно изучить все многообразное содержаніе *личнаго* сознанія въ прошломъ, какъ того требуютъ элементарные законы научности; обобщеніе само собою явится потомъ, и заранѣе можно предвидѣть, что оно будетъ шире всякой чисто-политической формулы. Тѣ двѣ книги Пыпина лежатъ внѣ этой новой сферы интереса. Онѣ сыграли свою роль, немаловажную по условіямъ времени, и онѣ еще долго сохранятъ свою цѣнность, какъ мастерская обработка обширнаго матеріала; но онѣ устарѣли съ точки зрѣнія общихъ идей и построенія.

Другое дѣло—книга о Бѣлинскомъ: она теперь, можно сказать, свѣжѣе и нужнѣе, чѣмъ тридцать лѣтъ назадъ. По самому своему содержанію, она какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ новому историческому интересу, и среди новѣйшихъ изслѣдованій этого рода нѣтъ ни одного, которое могло бы сравниться съ нею по обилію и важности матеріала. Здѣсь, въ оправѣ богатѣйшаго историческаго комментарія, дана полная нравственная біографія одного изъ самыхъ выдающихся представителей русскаго общества, данъ историко-психологическій портретъ изумительной яркости. Здѣсь передъ нами весь человѣкъ, раскрытый до глубочайшихъ тайниковъ своего духа,—точно горная расщелина, по которой геологъ изучаетъ исторію земной коры. Никакая исторія русской общественной мысли не дастъ намъ такого нагляднаго представленія о ходѣ духовной жизни въ нашемъ обществѣ, какъ эта частичная картина, гдѣ индивидуальное воочію становится историческимъ, гдѣ въ нѣдрахъ отдѣльнаго духа, изъ личныхъ тяжкихъ переживаній, рождается сознаніе, типичное для цѣлой эпохи. Величайшая заслуга Пыпина заключается въ томъ, что онъ не урѣзалъ этой картины соотвѣтственно *своимъ* умственнымъ интересамъ. Его самого, вѣроятно, мало интересовали тѣ пространныя разсужденія о безсмертіи личнаго духа, о женщинахъ и любви, объ условіяхъ и задачахъ личной жизни, которыми переполнены письма Бѣлинскаго. И однако онъ далъ намъ все это,—матеріалъ безцѣнный съ нашей точки зрѣнія, не только всего глубже вскрывающій и личность Бѣлинскаго, и характеръ эпохи, но и безотносительно первоклассный, по глубинѣ мыслей и пламенному волненію духа, отличающимъ какъ-разъ эти мѣста писемъ. Его заслуга въ томъ, что онъ не втиснулъ Бѣлинскаго въ схему, а удовольствовался скромной ролью вожатая, который показываетъ, но не поучаетъ.

Новое изданіе книги не оставляетъ желать ничего лучшаго. Редакція правильно поняла свою задачу—пополнить и обновить книгу такъ, какъ это сдѣлалъ бы, если бы успѣлъ, самъ Пыпинъ. Въ нее

внесены двоякаго рода дополненія изъ писемъ Бѣлинскаго, сохранившихся въ бумагахъ Пыпина: одни—въ текстъ, гдѣ это предполагалъ сдѣлать самъ Пыпинъ, судя по его размѣткамъ на одномъ изъ экземпляровъ стараго изданія, другія — послѣ текста; доведенъ до 1907 года списокъ литературы о Бѣлинскомъ, кончавшійся въ первомъ изданіи 1876 годомъ; наконецъ, приложены въ концѣ книги обширныя, очень дѣльныя примѣчанія, гдѣ на основаніи новѣйшей литературы о Бѣлинскомъ пополнены или исправлены свѣдѣнія, заключающіяся въ книгѣ. Такимъ образомъ, работа Пыпина осталась неприкосновенной, и въ то же время книга обновлена.

Нечего и говорить, съ какимъ интересомъ читаются новыя выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго. Нѣкоторыя изъ нихъ были опущены Пыпинымъ явно по несвоевременности или цензурнымъ условіямъ; таковы, напримѣръ, въ концѣ книги великолѣпная характеристика молодого Каткова и разсужденіе о письмахъ Герцена изъ „Avenue Marigny“. Таковы же и нѣкоторыя дополненія, вошедшія теперь въ текстъ. Страстная тирада о „гнусной рассейской дѣйствительности“, вставленная теперь на стр. 341, безъ сомнѣнія—одна изъ самыхъ пламенныхъ страницъ, написанныхъ Бѣлинскимъ. Еще выше, еще вдохновеннѣе тѣ неизвѣстныя доселѣ строки въ одномъ письмѣ къ Боткину, гдѣ вылилась страстная вѣра Бѣлинскаго въ будущее царство разума. Не можемъ устоять противъ соблазна привести ихъ здѣсь: краснорѣчивѣе еще никогда не высказывалась эта вѣра... И „настанетъ время—я горячо вѣрю этому,—настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы, когда преступникъ, какъ милости и спасенія, будетъ молить себѣ казни, и не будетъ ему казни, но жизнь останется ему въ казнь, какъ теперь смерть; когда не будетъ безсмысленныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: „я люблю другого“, любовникъ отвѣтитъ: „я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай къ тому, кого ты любишь“, и не приметъ ея жертвы, если по великодушію она захочетъ остаться съ нимъ, но подобно Богу скажетъ ей: хочу милости, а не жертвы... Женщина не будетъ рабою общества и мужчины, но, подобно мужчинѣ, свободно будетъ предаваться своей склонности, не теряя добраго имени, этого чудовища—условнаго понятія. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ, ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди, и, по глаголу апостола Павла Христосъ дастъ свою власть Отцу, и Отецъ-Разумъ снова воцарится но уже въ новомъ небѣ и надъ новою землею“.

Есть и для свѣтскихъ учителей жизни такой моментъ неоспоримой извѣстности, когда подъ каноническимъ ореоломъ меркнутъ и каменѣютъ живыя черты, и набожный поклонникъ съ равнодушнымъ почтеніемъ смотритъ на освященный ликъ, не ощущая жара, который когда-то воспламенялъ этотъ взоръ и согрѣвалъ эту застывшую маску. Таковъ до извѣстной степени у насъ и Бѣлинскій. Онъ канонизированъ, и молодежь къ нему равнодушна. Въ книгѣ Пыпина онъ опять живой встанетъ передъ нею, и его страстныя исканія, его любовь и ненависть, вся мятежная мудрость его духа снова огненной струею опалятъ сердца. Еще долго суждено ему стоять передъ нами безпримѣрнымъ зрѣлищемъ того, какъ боролись въ одномъ человѣкѣ пожирающая жажда догмата съ врожденнымъ стремленіемъ все къ большей истинѣ,—символъ вѣчной трагедіи человѣчества.

II.

— Michael Pokrowskij. Puschkin und Shakespeare. Separat-Abdruck aus dem „Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft". 43-ter Jahrg. Berlin. 1907.

Эта брошюра, принадлежащая перу извѣстнаго московскаго латиниста, проф. М. М. Покровскаго, ставитъ себѣ цѣлью выяснить вліяніе Шекспира не только на драматическую технику Пушкина (что̀ дѣлалось неоднократно), но и на общее его художественное міровоззрѣніе—и въ этомъ ея главная цѣнность. Покойный Н. И. Стороженко болѣе четверти вѣка назадъ мелькомъ коснулся этого вопроса въ своей университетской рѣчи объ „отношеніи Пушкина къ иностранной словесности" [1]), но обстоятельнаго изслѣдованія по этому предмету до сихъ поръ нѣтъ въ нашей литературѣ. Г. Покровскому надо зачесть въ заслугу уже то, что онъ въ полномъ объемѣ поставилъ этотъ вопросъ. Обычное представленіе ограничиваетъ вліяніе Шекспира на Пушкина узкою сферою драмы; слѣдовъ этого вліянія ищутъ въ „Борисѣ Годуновѣ", „Скупомъ рыцарѣ" и пр. — но дальше этихъ чисто-литературныхъ, техническихъ разысканій не идутъ. Между тѣмъ, вліяніе Шекспира на Пушкина, какъ показываетъ г. Покровскій, было несравненно глубже.

Авторъ исходитъ изъ той мысли, что врожденный Пушкину реализмъ прошелъ чрезъ три стадіи литературныхъ вліяній: французской поэзіи, Байрона и Шекспира. Путемъ мастерского анализа онъ пока-

---

[1]) Она перепечатана въ книгѣ: Н. Стороженко, „Изъ области литературы". 1902 г., стр. 327—338.

зываетъ, какъ Пушкинъ чрезъ Байрона освобождался отъ влiянiя французской школы, и какъ, далѣе, Байронъ уступилъ мѣсто Шекспиру, на которомъ, такъ сказать, окончательно освободился и окрѣпъ Пушкинскiй реализмъ. Изученiе Шекспира—говоритъ онъ—послужило для Пушкина не только стимуломъ къ драматическому творчеству, оно не только дало ему матерiалъ для выработки самостоятельной теорiи драмы: оно повлекло за собою цѣлый переворотъ въ его взглядахъ на искусство и явилось для него однимъ изъ важнѣйшихъ этаповъ на пути къ самосовершенствованiю. Пушкинъ какъ бы научается смотрѣть глазами Шекспира, и въ этомъ новомъ освѣщенiи все получаетъ для него иной характеръ: Байронъ и французскiй классицизмъ, современная русская литература и даже современныя событiя. На Шекспирѣ онъ научился правильно оцѣнивать трагедiи Байрона; теперь ему смѣшны эти трагическiе герои, которые и глотка воды требуютъ трагически, эти однообразно-ходульныя фигуры, какихъ нѣтъ въ дѣйствительности; для него образецъ — Шекспиръ, который не боится уронить своихъ героевъ, который заставляетъ ихъ держаться непринужденно, со всей беззаботностью жизни, такъ какъ увѣренъ, что въ нужный моментъ съумѣетъ вложить въ ихъ уста рѣчь, сообразную ихъ характеру. Теперь Пушкинъ цѣнитъ въ искусствѣ одно— художественную правду; характеренъ его отзывъ о „Мазепѣ" Байрона: великое созданiе—„но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла... Байронъ и не думалъ о немъ (о Мазепѣ): онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и все". Самъ онъ въ своей „Полтавѣ" ставитъ себѣ закономъ Шекспировскiй реализмъ: „Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторiи, а рѣчи его объясняютъ его историческiй характеръ". И этотъ реализмъ онъ вноситъ теперь во все; чрезвычайно мѣтко г. Покровскiй цитируетъ въ этой связи слѣдующiя строки Пушкина о процессѣ декабристовъ (изъ письма къ Дельвигу, январь, 1826 г.): „Съ нетерпѣнiемъ ожидаю рѣшенiя участи несчастныхъ и обнародованiя заговора... Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни—какъ французскiе трагики; но взглянемъ на трагедiю взглядомъ Шекспира".

Изъ этихъ общихъ Шекспировскихъ началъ Пушкинъ развиваетъ свою теорiю драмы. Правдоподобiе—говоритъ онъ—считается главнымъ условiемъ драматическаго искусства. Но вопросъ въ томъ, что называть правдоподобiемъ. Если искать его въ вѣрности костюма, подробностей быта и пр., то такого правдоподобiя мы не найдемъ даже величайшихъ драматическихъ писателей. Но есть другой, высшiй реализмъ: „истина страстей, правдоподобiе чувствованiй въ предлагаемы[хъ] обстоятельствахъ". Таковъ именно Шекспиръ, и потому намъ [не] странно, если его герои выражаются иногда какъ конюхи, „ибо г

чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія какъ простые люди".

И вотъ, слѣдуя этимъ принципамъ, Пушкинъ пишетъ своего „Годунова". Онъ самъ съ полной ясностью указываетъ, чему онъ научился у Шекспира: „По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романическимъ паѳосомъ и проч."; и въ другомъ мѣстѣ: „Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ". Ради этого Шекспировскаго правдоподобія, ради вѣрности характеровъ и эпохи, онъ изучаетъ Карамзина и лѣтописи.

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ его анализѣ драматическихъ произведеній Пушкина, имѣющемъ цѣлью наглядно выяснить этотъ ихъ реализмъ историческій и психологическій; насъ интересуетъ здѣсь только его общій выводъ. Этотъ общій выводъ съ несомнѣнностью устанавливаетъ наличность въ творчествѣ Пушкина особаго *шекспировскаго* періода, смѣнившаго періодъ байронизма. Вліяніе Шекспира надо признать даже гораздо болѣе глубокимъ и существеннымъ, нежели вліяніе Байрона, такъ какъ чрезъ Байрона Пушкинъ только прошелъ, а въ Шекспирѣ онъ нашелъ себя, чрезъ него достигъ художественнаго самосознанія. И сравнительно съ этимъ общимъ вліяніемъ Шекспира на его міровоззрѣніе — отступаютъ на задній планъ тѣ *прямыя* заимствованія у Шекспира, перечисленіемъ которыхъ обыкновенно ограничиваются изслѣдователи. Но съ точки зрѣнія чисто-литературной, разумѣется, и эта сторона дѣла представляетъ большой интересъ, и относящіяся сюда страницы г. Покровскаго даютъ рядъ мѣткихъ наблюденій. Онъ указываетъ, прежде всего, на самый выборъ темы: эпоха, хронологически совпадающая съ временемъ жизни Шекспира, эпоха смуты, глубокихъ государственныхъ потрясеній, сдвигающихъ съ мѣста всѣ органы власти и всѣ слои населенія; такія темы любилъ и Шекспиръ: таковы „Юлій Цезарь", „Антоній и Клеопатра" и большинство хроникъ. Близки къ Шекспиру и основныя подробности темы: Борисъ—узурпаторъ, насильственно устранившій законнаго царя и мучимый совѣстью — напоминаетъ Макбета, „Генриха IV" и пр. Вообще, все положеніе Бориса, какъ оно изображено Пушкинымъ, находитъ себѣ полную аналогію во всѣхъ сходныхъ драмахъ Шекспира — въ „Генрихѣ IV", „Юліѣ Цезарѣ" и др.: у него нѣтъ сторонниковъ между боярами, онъ не можетъ опереться на шаткую вѣрность народной массы, онъ знаетъ, что „живая власть для черни ненавистна, они любить умѣютъ только мертвыхъ" (мысль, встрѣчающаяся и у Шекспира). Самый характеръ Бориса, исторически-вѣрный у Пушкина, — одинъ изъ любимыхъ типовъ Шекспира.

честолюбецъ, какъ Генрихъ IV или Цезарь. Что знаменитое наставленіе Бориса Θеодору очень близко напоминаетъ соотвѣтствующую сцену въ „Генрихѣ IV“, это указывалось неоднократно. Непосредственное вліяніе Шекспира сказывается у Пушкина и въ манерѣ характеризовать различные классы общества (особенно придворныхъ), съ полнымъ соблюденіемъ индивидуальности каждаго отдѣльнаго ихъ представителя, и во введеніи сценъ изъ боевой жизни, и въ смѣшанномъ этнографическомъ составѣ воюющихъ сторонъ, — причемъ Пушкинскій капитанъ Маржеретъ представляетъ собою почти сколокъ съ капитана Флюэллена въ „Генрихѣ V“, — и во введеніи трактирной сцены (въ корчмѣ на литовской границѣ), какихъ много у Шекспира. Наконецъ, истинно-Шекспировскимъ духомъ проникнута у Пушкина характеристика народной массы, глубоко-реальная, ярко-окрашенная національно — и вмѣстѣ индивидуализирующая отдѣльную личность изъ толпы, какъ это мастерски умѣетъ дѣлать Шекспиръ.

Изслѣдованіе г. Покровскаго — несомнѣнно одна изъ самыхъ выдающихся работъ по изученію Пушкина, какія мы имѣемъ. Оно далеко не исчерпываетъ своей темы, но оно выдвигаетъ новый вопросъ, а главное—оно цѣнно своимъ методомъ, раскрывающимъ самыя основы міровоззрѣнія и творчества поэта, уясняющимъ букву ихъ духа.

III.

— Въ Катковскомъ лицеѣ. Записки стараго пансіонера (1875—1882). Выпускъ I. Москва. 1907.

Эта небольшая, въ сто слишнимъ страницъ, книжка представляетъ собою такой цѣнный историческій документъ, что ее не слѣдуетъ пройти молчаніемъ. Это—непритязательный разсказъ о внутреннемъ бытѣ Катковскаго лицея въ концѣ семидесятыхъ годовъ, и прежде всего—рядъ характеристикъ учительскаго персонала. Самъ по себѣ лицей не интересенъ, но разсказъ автора отличается такой живостью, его характеристики такъ мѣтки, что получается любопытнѣйшая картина школьныхъ нравовъ. Главный интересъ книжки, однако, не въ этомъ. Бо̀льшая ея половина удѣлена характеристикѣ Каткова, и авторъ съумѣлъ дать такое художественное изображеніе этого газетнаго властелина, которое надо признать лучшимъ изъ всего, что̀ написано у насъ о Катковѣ. Историческіе дѣятели бываютъ двухъ родовъ: одни, ничтожные сами по себѣ, пріобрѣтаютъ право на біографію въ силу особыхъ историческихъ условій, когда эти условія находятъ себѣ пищу въ какомъ-нибудь особенно-развитомъ свойствѣ ихъ мелкой личности и тѣмъ выдвигаютъ ихъ на передній планъ; таковы

Булгаринъ, Гречъ, Магницкій и пр. Но бываютъ другіе, люди о духа: тотъ же законъ совпаденія личныхъ свойствъ съ треми времени остается въ силѣ и для нихъ, но они и сами наютъ свою печать на эпоху и до извѣстной степени видоизмѣисторическія условія. Катковъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ ой категоріи, и потому онъ заслуживаетъ *личной* біографіи и характеристики. Послѣднюю и даетъ въ своей книжкѣ, и даетъ, емъ, мастерски, авторъ названной книжки.

ъ портретъ Каткова тѣмъ живѣе, что онъ весь составленъ точекъ, подмѣченныхъ непредубѣжденнымъ и зоркимъ дѣтскимъ мъ. Здѣсь предъ нами не Катковъ-политикъ, а только оригифигура, своей необычностью поразившая воображеніе мальэта фигура вышла настолько живою, что въ ней, повидимому, заключены всѣ основныя качества Каткова, которыя сдѣлали общественной жизни тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Мы приведемъ ю выдержекъ, художественность которыхъ утратилась бы въ зѣ.

ь, напримѣръ, Катковъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты смотриэкономовъ и пр., обходитъ зданіе лицея, внимательно все осмаспрашивая разъясненій и т. д. „Ему разсказывали, объясняли, юкорно слушалъ, дѣлалъ свои замѣчанія и возраженія. Впее оставлялъ о себѣ какъ о мужественномъ, строгомъ старикѣ, тельномъ хозяинѣ, прилагающемъ стараніе точно уяснить себѣ нить наблюдаемое. На ногахъ держался твердо, прямо и стойко. ъ глухимъ голосомъ, отрывисто и не совсѣмъ внятно, бормоча по-стариковски. Въ манерахъ проявлялъ много достоинства и юсти въ себѣ. Насмотрѣвшись, сколько нужно, круто поворакорпусомъ и продолжалъ шествіе"...

вотъ посѣщеніе пансіона во время репетиціи. Воспитанники олькими столами заняты приготовленіемъ уроковъ подъ приъ тутора. „Встрѣченный подошедшимъ къ нему туторомъ, поздоровавшись съ нимъ, Катковъ останавливался по срединѣ и вполголоса велъ съ нимъ бесѣду. Постоявъ нѣсколько връ какъ бы надумавшись, онъ сумрачно и разсѣянно направлялся му-нибудь столу.

„Чѣмъ, господа, занимаетесь?"—не очень дружелюбно обраонъ къ сидѣвшимъ, и на предупредительный въ нѣсколько гоотвѣтъ бралъ подаваемую книгу, отставлялъ ее отъ глазъ—ъ дальнозорокъ, — „а! Титъ Ливій! знаменитый римскій исто-и, удовлетворивъ любопытство, тотчасъ возвращалъ ее обратно". іонѣ жилъ и одинъ изъ его младшихъ сыновей, Андрей, больлунъ, причинявшій отцу много огорченій. Когда, обходя пан-

сіонъ и справившись у тутора о поведеніи сына, онъ получалъ мало утѣшительный отвѣтъ, имъ мгновенно овладѣвала ярость. „Катковъ едва сдерживался, чтобы тутъ же не разразиться бѣшенымъ воплемъ. Губы его синѣли, фигура цѣпенѣла. Черты лица зловѣще вытягивались. Богъ вѣсть, какъ обращался онъ съ дѣтьми дома; ходили слухи, что въ семьѣ онъ совершенный тиранъ; на глазахъ всѣхъ онъ сдерживался... Напряженной походкой направлялся онъ къ сыну, вскочившему передъ нимъ и вспыхнувшему какъ былинка, останавливался за нѣсколько шаговъ и сдавленнымъ, глухимъ рокотомъ произносилъ только ему одному понятныя слова какой-то неслыханной угрозы.— „Опять?!" — Казалось, онъ готовъ былъ предать его самой лютой казни". Туторъ старался успокоить его, и Катковъ, „нéхотя, какъ раненый звѣрь, ретировался". Когда сыновья его были въ юномъ возрастѣ, онъ расправлялся съ ними на глазахъ у всѣхъ: „какимъ-то особеннымъ тискомъ دралъ имъ уши, стараясь сдѣлать это наименѣе замѣтно. Но свирѣпость его взгляда въ такія минуты не ускользала отъ присутствовавшихъ".

Натура страстная и замкнутая въ себѣ, Катковъ не зналъ середины между угрюмой холодностью и рѣзкими вспышками, въ которыхъ, повидимому, всегда было что-то судорожное, почти дикое—даже когда это были вспышки скорби или вдохновенія. Авторъ разсказываетъ, что ежегодно, въ день поминокъ Леонтьева, весь лицей вмѣстѣ съ Катковымъ отправлялся на кладбище служить панихиду по покойномъ; какъ извѣстно, Катковъ былъ связанъ съ Леонтьевымъ тѣснѣйшей многолѣтней дружбой. И вотъ тутъ, по окончаніи службы, Катковъ обыкновенно пытался говорить. „Губы его приходили въ судорожное движеніе. Онъ выпрямлялся, оборачивался къ окружающимъ, бросалъ зажигающіе взоры. Но въ захватывавшей его обстановкѣ справиться со своимъ волненіемъ онъ былъ не въ силахъ. Голосъ измѣнялъ ему. Слышались отдѣльныя слова, всхлипыванія и заглушенныя рыданія. Окружающіе его успокоивали, отвлекали отъ его попытки". Въ другой сценѣ, которую рисуетъ авторъ, уже во весь ростъ встаетъ передъ нами Катковъ-политикъ. Это—рѣчь, которую говорилъ Катковъ лицейскимъ абитуріентамъ послѣ выпускного акта гдѣ-нибудь въ углу залы, когда оффиціальныя лица уже разъѣхались. „Онъ обращался сначала къ нѣсколькимъ лицамъ, вступившимъ съ нимъ въ бесѣду, но нароставшая кучка людей заставляла его говорить уже д всѣхъ... И теперь рѣчь его звучала бо̀льшимъ темпераментомъ, чѣ оффиціальная его рѣчь. Слышались въ ней отдаленные громовые р каты. Онъ постепенно воодушевлялся и, минутами, поднимался большой высоты чувства. Нервно напряженное лицо его блѣднѣ глаза бросали сухой блескъ, губы приходили въ судорожное движе

Рѣчь его стремилась каскадами: говорилъ онъ невнятно, отрывистыми и порывистыми фразами; издали ихъ совсѣмъ нельзя было разобрать, но было ясно, что говоритъ человѣкъ страстно взволнованный. Это были тѣ же призывы къ долгу, вѣрности и преданности, политическій катехизисъ Каткова, но онъ вносилъ въ нихъ уже элементъ предостерегающій, угрожающій. Онъ угрожалъ какому-то невидимому, злѣйшему своему врагу, собирающемуся отнять у него его дѣтей. Онъ защищалъ какъ бы свое личное дѣло. Подъ конецъ онъ готовъ былъ расчувствоваться: слезы проступали на его глазахъ".

Въ заключеніе нашихъ длинныхъ выписокъ, приведемъ еще одно мѣсто, гдѣ авторъ художественно изобразилъ внѣшность Каткова: эта страница стоитъ Рѣпинскаго портрета.

„Физіономія Каткова носила большею частью печать озабоченности, сумрачности. Рѣдко и скупо появлялась на его лицѣ улыбка. Она не была лишена своей очаровательности. Благодаря желтизнѣ лица, Катковъ казался нездоровымъ человѣкомъ. Въ иные дни физіономія его принимала даже совсѣмъ больной землистый колоритъ и являла признаки изнуренія. Fatum, написанный на ней, застывалъ въ мертвенную маску; глаза смотрѣли тускло, ротъ расползался, раскисалъ. Апатично ходилъ онъ по обширнымъ лицейскимъ палатамъ, двигался какъ сомнамбулъ. Приближенные шепоткомъ и съ удрученіемъ замѣчали, что онъ слишкомъ много работаетъ по ночамъ. Характеренъ былъ для Каткова его трагическій видъ. Эту черту сохранялъ онъ въ себѣ постоянно, и, повидимому, она была отъ него неотъемлема. Какое-то внутреннее вдохновеніе, вѣра въ себя, въ свое высокое назначеніе, сказывались въ его обличьи и фигурѣ. И вмѣстѣ проступали на его лицѣ черты страданія. Для всякаго, впервые видѣвшаго Каткова, не могло быть сомнѣнія, что передъ нимъ человѣкъ не заурядный... Въ привѣтливости Катковъ ни для кого особо щедръ не былъ. Доминирующій тонъ его былъ властный, наставительный, притомъ чаще недовольный; когда же онъ публично обращался съ рѣчью, тонъ этотъ принималъ оттѣнокъ пророческій, громящій. Послѣдній казался ему особенно любъ, и въ немъ находилъ онъ себя всего полнѣе, видѣлъ себя на наибольшей высотѣ призванія и долга. Превосходно служилъ ему голосъ, глухой, замогильный, исходившій какъ бы изъ пещерныхъ нѣдръ, роковой, предостерегающій. Голосу своему онъ, вѣроятно, не въ послѣдней степени былъ обязанъ своей карьерой въ высшихъ сферахъ. Онъ, несомнѣнно, импонировалъ и поражалъ своей оригинальностью. По крайней мѣрѣ автору не случалось въ жизни слышать подобнаго другого. Устами Каткова вѣщалъ дельфійскій оракулъ".

Нашими выписками мы далеко не исчерпали интереснаго содержанія этой книжки. Съ тѣмъ же художественнымъ мастерствомъ, ко-

торое читатели могли оцѣнить по приведеннымъ строкамъ, авторъ изображаетъ еще цѣлый рядъ лицъ, въ томъ числѣ нѣсколько такихъ, которые пріобрѣли позднѣе мѣстную или всероссійскую извѣстность: здѣсь—В. А. Грингмутъ, тогда еще молодой, способный преподаватель греческаго языка, съ вкрадчивой улыбкой и бархатнымъ голосомъ передъ лицомъ Каткова; и В. В. Н—ій, извѣстный своей дѣятельностью въ качествѣ цѣнзора, позднѣйшій директоръ Катковскаго лицея, Станишевъ и др. Надо съ интересомъ ждать продолженія этихъ интересныхъ воспоминаній о нашей недавней старинѣ.

IV.

— Г. Цыперовичъ. За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ. С.-Петербургъ. 1907.

О колымской ссылкѣ у насъ писали неоднократно, но книга г. Цыперовича не будетъ лишней. Она особенно цѣнна чрезвычайной обстоятельностью и подробностью свѣдѣній о бытѣ ссыльныхъ, а многочисленныя иллюстраціи еще увеличиваютъ ея наглядность. Книга написана просто, безъ притязаній на паѳосъ и безъ художественныхъ замашекъ, и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ до конца.

Когда-нибудь эти воспоминанія русскихъ ссыльныхъ будутъ производить на читателей такое же впечатлѣніе ужаса и недоумѣнія, какое производятъ на насъ разсказы о средневѣковыхъ пыткахъ, о дыбѣ, колесѣ и четвертованіи. Въ насъ, современникахъ и очевидцахъ, это страшное дѣло будитъ только тупую боль,—мы притерпѣлись и къ худшему. Но стоитъ только подойти поближе, стоитъ вслушаться въ одинъ изъ этихъ скорбныхъ разсказовъ, и весь ужасъ явленія встанетъ передъ вами въ своей потрясающей правдѣ. Она притягиваетъ, какъ бездна; не отрываясь, читаешь все дальше и дальше, съ какою-то болѣзненной жадностью, точно стремясь заглянуть на самое дно страданій. Дочитавъ книгу г. Цыперовича, испытываешь такое чувство, точно пережилъ тяжелый кошмаръ. Она разсказываетъ о недавнемъ прошломъ; десять лѣтъ, проведенныхъ авторомъ въ ссылкѣ, кончились только въ 1905 году. И она разсказываетъ о чудовищной неправдѣ и неимовѣрныхъ лишеніяхъ въ такомъ обыденномъ тонѣ, отъ котораго „паѳосъ дѣйствительности" выступаетъ еще вдесятеро ярче.

Ихъ везли десять мѣсяцевъ отъ Одессы до Колымска, и толь на седьмомъ мѣсяцѣ имъ сказали, куда ихъ везутъ. За мирную п[ро]паганду, т.-е. за мысль и слово, ихъ ссылали въ заполярную тунд[ру], о которой чиновникъ департамента полиціи сказалъ одному изъ с[сыльныхъ]

лаемыхъ: „О Средне-Колымскѣ мы ничего больше не знаемъ, кромѣ того, что тамъ жить нельзя. Поэтому мы туда и отправляемъ васъ". Это циничное заявленіе вполнѣ соотвѣтствовало истинѣ: начальство дѣйствительно ничего не знало о Колымскѣ, и тамъ дѣйствительно нельзя жить. Эта часть россійской имперіи впервые была изслѣдована, по остроумному замѣчанію автора, на *американскія* деньги русскими *государственными преступниками* (гг. Богоразомъ и Іохельсономъ, въ экспедиціи Jesup'a, 1899 г.), не только безъ поддержки, но при активномъ противодѣйствіи русскихъ властей. Авторъ приводитъ эти оффиціальныя бумаги, заслуживающія мѣста на страницахъ исторіи. Одна—открытый листъ за подписью Сипягина и Трепова, выданный гг. Богоразу и Іохельсону, отправляющимся въ составъ экспедиціи нью-іоркскаго музея естественныхъ наукъ на сѣверо-западъ Америки и сѣверо-востокъ Азіи для изученія инородцевъ и составленія этнографическихъ коллекцій для музея Императорской Академіи Наукъ; этимъ листомъ предписывалось „мѣстамъ и лицамъ, подвѣдомственнымъ министерству внутреннихъ дѣлъ, оказывать предъявителю всякое законное содѣйствіе къ исполненію возложенныхъ на него порученій". Это былъ приказъ явный; а въ то же время сибирскимъ властямъ былъ посланъ другой—конфиденціальный приказъ по этому же дѣлу, гдѣ министръ, сообщая о предстоящей поѣздкѣ гг. Богораза и Іохельсона, присовокуплялъ, что, въ виду прежней ихъ противоправительственной дѣятельности, „оказаніе имъ какого-либо содѣйствія по возложеннымъ на нихъ ученымъ трудамъ представляется совершенно несоотвѣтственнымъ".

Для того употребленія, которое власть дѣлала изъ этого края, ей и въ самомъ дѣлѣ довольно было знать, что тамъ жить нельзя,—и она широко пользовалась этимъ удобствомъ мѣстности. Не одинъ десятокъ молодыхъ жизней былъ на долгіе годы похороненъ здѣсь. Здѣсь точно нельзя было жить: объ этомъ свидѣтельствовала уже пустынность края, равнаго королевству, и заселеннаго едва десятью тысячами полудикихъ якутовъ, юкагировъ и др.; объ этомъ свидѣтельствовали и тяжелыя нервныя болѣзни, эндемически свирѣпствующія среди туземцевъ, особенно женщинъ (такъ-назыв. эмиряченье). Авторъ разсказываетъ о четырехъ скопцахъ, которые, будучи сосланы въ Верхне-Колымскъ, всѣ четверо тамъ одновременно повѣсились. Сюда, въ царство полярной зимы, бросали людей съ юга, выросшихъ въ культурной обстановкѣ, полныхъ энергіи. Это было хуже тюрьмы, хуже могилы. Жалкій городокъ, состоящій изъ сотни деревянныхъ лачугъ и юртъ; жалкая лачуга съ камелькомъ вмѣсто печи, съ льдиной, вмѣсто стекла въ окнѣ, согрѣвающаяся лишь пока топится камелекъ и остывающая за ночь до нуля; отсутствіе всякаго живого дѣла,

мертвое, убивающее душу, однообразіе жизни, неизмѣримая отдаленность отъ всего, что̀ дорого,—и все это при развитомъ сознаніи, при острой потребности дѣла, живыхъ впечатлѣній, при сильномъ умственномъ интересѣ: это ли не пытка! И эта пытка длилась годы. Почта приходила разъ десять въ годъ, и шла она изъ Якутска зимою мѣсяцъ, лѣтомъ—три и четыре мѣсяца. Ссыльные были почти поголовно люди безъ средствъ. Изъ казны имъ выдавалось по 18 руб. въ мѣсяцъ, а они платили за пудъ отвратительнаго хлѣба отъ четырехъ до шести рублей, за фунтъ сахара—отъ полтинника до рубля, и т. д.; семейные получали только на *одинъ* рубль больше. Заработковъ на мѣстѣ, разумѣется, нельзя было найти; начальство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы ссыльные не вступали въ общеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, и, напримѣръ, врачу-ссыльному, пожелавшему устроить чтеніе о тифѣ, было отказано въ разрѣшеніи. Не всѣ выносили эту жизнь; но такъ сильна надежда въ человѣкѣ, что изъ тридцати-девяти колымскихъ политическихъ ссыльныхъ, которыхъ перечисляетъ авторъ, покончили съ собою на мѣстѣ только четверо. По сравненію съ Колымскомъ даже страшный Шлиссельбургъ кажется сноснымъ; но были и такіе, которые вкусили того и другого: Яновичъ былъ присланъ въ Средне-Колымскъ послѣ двѣнадцати лѣтъ шлиссельбургской жизни, Суровцевъ—послѣ четырнадцати. Яновичъ и былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ, что̀ не вынесли ссылки.

V.

— С. Карасковичъ (Ющенко). Повѣсти и разсказы. С.-Петербургъ. 1907.

Неизвѣстное имя, банальное заглавіе, сѣро и неряшливо изданная книга—не хочется и раскрыть. Такіе сборники разсказовъ появляются теперь десятками. Журналы какъ-то замерли, и беллетристы—особенно тѣ, которымъ нѣтъ доступа въ аристократическіе альманахи „Знанія“ и „Шиповника“,—пошли издаваться отдѣльно. Это бываетъ полосой, какъ непогода лѣтомъ; бывали у насъ полосы стихотворныхъ сборниковъ, а нынѣшняя осень оказалась урожайной по части художественной прозы.—Вотъ серьезный томъ въ обложкѣ кирпичнаго цвѣта, на которой имя автора выведено автографомъ: Екатерина Э—ъ, а подъ нимъ—краснорѣчивое, особенно въ устахъ дамы, заглавіе: „На досугѣ“. Это еще только томъ I. Раскройте: тутъ съ десятокъ разсказовъ, и почти каждый—съ рекомендаціей: гдѣ былъ напечатанъ, и даже при какихъ обстоятельствахъ (одобренъ Чеховымъ!). Вотъ сѣрая, темно-сѣрая обложка и на ней шрифтомъ, безстрастно-же-

кимъ, какъ рокъ, изображено: Петръ Пильскій, „Разсказы“,—какъ бы въ ознаменованіе тѣхъ грозныхъ тайнъ, о которыхъ, если вѣрить предисловію, разсказываетъ книжка (она разсказываетъ „о тайнахъ вѣчности и гроба“). Вотъ ярко-красная обложка, на ней бѣлой краской начертано: Александръ Шеръ. „Разсказы“,—и это тоже „томъ I“. И сколько ихъ еще: Олигеръ, Корчемный, Муйжель, и проч., и проч. Есть даже цѣлые романы. Передъ нами сейчасъ ихъ два, діаметрально противоположныхъ. „Бюрократы“ („Окольный путь“ тожъ) г. Милина изданы очень сѣро, зато какая идея! Предисловіе развиваетъ ту мысль, что если бы всѣ наши бюрократы сдѣлались добросовѣстными работниками, въ Россіи воцарилось бы благоденствіе; какъ видно, авторъ—либералъ. Напротивъ, г. Шуфъ издалъ свой романъ изящнѣйшимъ образомъ: въ шестнадцатую долю, на великолѣпной бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, и снабдилъ его интригующимъ заглавіемъ: „Кто идетъ?“ Но что̀ дѣлать! Г. Шуфъ—консерваторъ. Онъ убѣжденъ, что революціи деньгами помогала та же Японія, и что „главную роль въ нашемъ освободительномъ движеніи играло еврейство“ (и масоны, какъ поясняется далѣе); все это подробно изъяснено великолѣпной печатью на изящнѣйшей бумагѣ.

Въ этомъ морѣ беллетристики, конечно, не все плохо—попадаются и дѣльныя вещи, но ихъ такъ мало, что читать все сплошь нѣтъ никакой возможности. Опасность здѣсь не велика; ни младенческое прекраснодушіе г. Милина, ни ядовитая злобность г. Шуфа не принесутъ большого вреда, потому что публика не станетъ читать ни того, ни другого: они заранѣе обезврежены собственной бездарностью. Но есть другая опасность, и противъ нея обязана бороться критика: въ этомъ морѣ беллетристики легко можетъ утонуть и навѣки заглохнуть настоящее дарованіе, если оно не граничитъ съ геніальностью или не склонно рекламировать себя эксцентричностью. Вотъ почему, между прочимъ, намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на невзрачную книгу г-жи Караскевичъ. Было бы слишкомъ жаль, если бы она прошла незамѣченной.

Съ глубокимъ наслажденіемъ читали мы, страница за страницей, эти благоуханныя, нѣжныя, чарующія повѣсти, въ которыхъ нѣтъ ничего ослѣпительнаго, но гдѣ каждая строка насыщена поэзіей. И странное дѣло: читая эту книгу, вамъ совсѣмъ не придетъ на мысль спрашивать, какой вѣры авторъ,—реалистъ ли онъ старой школы, или вкусилъ и новѣйшаго символизма. Онъ просто художникъ, на свой манеръ, и онъ рисуетъ жизнь, какъ это дѣлалъ Чеховъ; вѣдь и въ Чеховѣ символисты подъ-конецъ—и совершенно правильно—признали, что его реализмъ символиченъ въ высшемъ смыслѣ слова. Одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ особенностей дарованія г-жи Караскевичъ

заключается въ необыкновенномъ богатствѣ и отчетливости ея художественной памяти. Она знаетъ и отчетливо помнитъ массу конкретныхъ вещей—технику рыболовства и малороссійскую кулинарію, огородничество и постройку лодки; она знаетъ бытъ, нравы, одежду, суевѣріе своихъ дѣйствующихъ лицъ до мелочей, какъ Чеховъ, и даетъ все это легко, не справляясь въ записной книжкѣ и не перегружая деталями, свободно черпая изъ богатаго запаса зоркихъ наблюденій; можно съ увѣренностью сказать, что любой изъ своихъ крестьянскихъ разсказовъ со всѣми подробностями быта она была способна написать гдѣ-нибудь въ Петербургѣ или Парижѣ. Благодаря этой счастливой особенности все внѣшнее у нея такъ мѣтко и наглядно, что уже само по себѣ доставляетъ наслажденіе, какъ мастерское произведеніе живописца-жанриста.

Съ этимъ тѣсно связана другая черта творчества г-жи Караскевичъ. Въ ея разсказахъ совсѣмъ нѣтъ „слѣпыхъ пятенъ". Въ противоположность большинству беллетристовъ, она не ограничивается тщательной вырисовкой основной фабулы и героевъ своего разсказа: она съ полнымъ вниманіемъ выписываетъ и каждую эпизодическую фигуру, совершенно сохраняя перспективу, и тѣмъ не менѣе съ такой сосредоточенной силой, что каждая такая фигура, мелькомъ появляющаяся на сценѣ, стоитъ передъ читателемъ во всей своей самодовлѣющей значительности, во всемъ своеобразіи своихъ индивидуальныхъ чертъ и судебъ, какъ нѣкій маленькій міръ, полный въ себѣ и неповторяемый. Въ этомъ любовномъ вниманіи къ жизненному прохожему есть что-то необыкновенно-трогательное. Это не болѣе, какъ элементарное требованіе художественности, и оттого, что каждая фигура на картинѣ живетъ своей жизнью, главный узоръ выступаетъ тѣмъ выпуклѣе, и тѣмъ полнѣе жизненность всей картины. Такой интересъ ко всему, что̀ попадаетъ въ поле зрѣнія, и такую способность немногими чертами обрисовать случайное, мимоидущее,—въ данную минуту направить именно на него всю силу художественнаго созерцанія, какъ бы забывъ обо всемъ,—мы видѣли до сихъ поръ только у Толстого и Чехова. И это опять-таки свидѣтельствуетъ о сильномъ художественномъ дарованіи.

Разсказы г-жи Караскевичъ лишены всякой „идеи". Она ничего не доказываетъ,—она только разсказываетъ о жизни, какова она есть. Изъ тринадцати разсказовъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ, одиннадца имѣютъ мѣстомъ дѣйствія Подолье, приднѣстровскую Украйну. Здѣ есть разсказы чисто-жанровые, изъ крестьянской жизни, есть бытов повѣсти трагическаго содержанія, есть историческій разсказъ и эпохи послѣдняго польскаго возстанія. Въ центрѣ всего стоитъ че вѣкъ, индивидуальность; ее, эту живую личность, любитъ и съ

бовью рисуетъ авторъ. Г-жа Карасковичъ часто кончаетъ словами о томъ, что такого-то „поглотило человѣческое море". Она точно хочетъ вырвать изъ этой ужасной пустынности людского хаоса отдѣльную живую личность, и приласкать ее, и спасти отъ забвенія. Она объективна въ своихъ разсказахъ, но, помимо ея сознанія, каждая ея строка проникнута скорбной лаской къ человѣку. У нея есть любимцы между людьми: это, прежде всего, женщина, та „святая женская душа", которая, „любя, прощая, чуть дыша", томится и гаснетъ въ нашемъ душномъ мірѣ. Разсказы, посвященные ей,—лучшіе въ книгѣ („Новобрачная", „Дьяконица"). Невозможно передать, какъ чисты и прекрасны эти скорбные образы, какой поэзіей дышитъ простая повѣсть ихъ тайныхъ страданій и невыплаканныхъ слезъ. Ни одного лирическаго отступленія, ни одного поясняющаго слова, все—живопись и только живопись, но такой подборъ художественныхъ чертъ и такая чудная нѣжность колорита, что впечатлѣніе властно охватываетъ васъ и образъ остается незабвеннымъ.

И тотъ же чарующій колоритъ—во всемъ бытовомъ, въ сценахъ и типахъ изъ крестьянскаго быта и пр. Это не Тургеневская грусть, сладко-щемящая, вѣчная грусть о юности и женской любви; это скорѣе меланхолія подолянина, въ ней есть ширь и тишина и врожденная нѣжность. Эта книга не только по содержанію своему рисуетъ Приднѣстровье: она—областная по самому характеру обвѣвающей ее поэзіи, она—въ высшемъ смыслѣ слова „Heimatkunst", какъ говорятъ теперь нѣмцы. Тѣмъ дороже она намъ, какъ новая струна въ русской поэзіи. Россія слишкомъ бѣдна областнымъ творчествомъ; гдѣ и возникаетъ поэтъ—въ Литвѣ, на Кавказѣ, въ еврействѣ,—онъ пишетъ на своемъ языкѣ и слишкомъ сепаратиченъ. Это имѣетъ свои глубокія историческія причины, какъ и вообще духовный сепаратизмъ русскихъ окраинъ. Но фактъ остается печальнымъ фактомъ, и русской литературѣ это, конечно, не на пользу. Въ этомъ отношеніи талантливая книга г-жи Карасковичъ—одно изъ немногихъ счастливыхъ исключеній.

Тѣмъ немногимъ, что̀ мы сказали о ней, далеко не исчерпываются ея художественныя достоинства. Прежде всего, авторъ мастерски владѣетъ искусствомъ разсказывать; не ища эффектовъ, онъ умѣетъ сдѣлать интереснымъ всякій сюжетъ, и, сохраняя всюду свою мягкую манеру, умѣетъ и увлечь, и потрясти. На протяженіи всей книги есть лько одно лирическое мѣсто, но вся книга проникнута тѣмъ высимъ, имманентымъ лиризмомъ, которому имя—поэзія. Авторъ простъ всемъ, между прочимъ и въ языкѣ; его фабулы, психологія дѣйвующихъ лицъ и ихъ рѣчь—сама правда, и самое сложное, самое онкое онъ даетъ безъ подчеркиваній, съ той цѣломудренной, застѣнивой строгостью, которая роднитъ автора съ его героями.

Въ этой книгѣ виденъ большой и законченный художникъ. Въ ней есть недочеты, но о нихъ не хочется говорить; человѣкъ, *такъ* вступающій въ литературу, самъ найдетъ свой вѣрный путь. Только одинъ разсказъ показался намъ слабымъ, но и тотъ искупается великолѣпными послѣдними двумя страницами („Первая картина"). Лучшія же ея вещи, какъ „Зиновій Голубь", „Дьяконица" и др., принадлежатъ къ замѣчательнѣйшему, что̀ появилось въ нашей художественной литературѣ за послѣдніе годы.—М. Г.

VI.

— М. Г. Диканскій. Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія. Спб. 1908 г. Ц. 2 р.

Г. Диканскій издалъ свою книгу, потому что замѣтилъ признаки возникновенія въ нашемъ отечествѣ борьбы съ неблагопріятными жилищными условіями, а въ такой борьбѣ „блестящій опытъ нашихъ старшихъ по культурѣ братьевъ является цѣннымъ руководителемъ". Условія для возникновенія у насъ такой борьбы авторъ видитъ въ нарожденіи молодой русской демократіи и въ томъ, что „у насъ имѣется на лицо немалое количество среднихъ горожанъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ и постояннымъ заработкомъ, готовыхъ уже въ достаточной мѣрѣ къ неотложной борьбѣ съ жилищной нуждою, путемъ организаціи строительныхъ товариществъ на началахъ самопомощи". А что мы дѣйствительно вступаемъ на этотъ путь—доказательствомъ служитъ рядъ строительныхъ предпріятій, возникающихъ въ самое послѣднее время въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ. Но хотя, издавая свой трудъ, авторъ преслѣдуетъ практическую цѣль — эта послѣдняя не имѣетъ у него узкаго характера. Онъ предназначаетъ свою книгу не для спеціалистовъ, которые и безъ него съумѣютъ отыскать необходимыя практическія указанія въ матеріалахъ богатаго опыта соціальнаго домостроительства на Западѣ. Онъ имѣетъ въ виду лицъ, заинтересованныхъ въ практическомъ разрѣшеніи даннаго вопроса своими соціальными симпатіями или принадлежностью къ тому слою „среднихъ горожанъ", которые уже выступаютъ на путь борьбы съ жилищною нуждою. Такія лица естественно будутъ стремиться получить общее понятіе о постановк даннаго вопроса въ различныхъ цивилизованныхъ государствахъ, книга г. Диканскаго имѣетъ въ виду удовлетвореніе этой любозн тельности. Практическія задачи автора не лишили, поэтому, е трудъ общаго характера; онѣ только придали изложенію болѣе жи ненный, такъ сказать, характеръ.

Борьба съ неблагопріятными жилищными условіями ведется въ цивилизованныхъ государствахъ при помощи законодательныхъ мѣръ и путемъ сооруженія новыхъ домовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ гигіены, художественнаго вкуса и дешевизны. Изъ мѣръ перваго рода укажемъ на англійскій законъ 1890 г., предоставившій суду „самое широкое право принудительнаго отчужденія домовъ, оказавшихся вредными для общественнаго здоровья“, и обязывающій муниципалитеты, пріобрѣтающіе такіе дома, строить взамѣнъ ихъ „новые, отвѣчающіе санитарно-гигіеническимъ требованіямъ и непремѣнно для тѣхъ же самыхъ обитателей, которые жили тамъ до экспропріаціи; или на нѣмецкій законъ, согласно которому территорія города дѣлится на нѣсколько поясовъ, съ тѣмъ, что въ центральномъ поясѣ допускается сооруженіе 4—5-ти-этажныхъ зданій (главнымъ образомъ, для различныхъ помѣщеній, а не для жилья), въ слѣдующемъ—однимъ этажемъ ниже и т. д., а на самой окраинѣ зданія должны быть не выше двухъ этажей. Главнымъ предметомъ рѣчи автора служатъ, однако, попытки сооруженія удовлетворительныхъ помѣщеній для малодостаточнаго населенія. Первоначально такія попытки имѣли чисто филантропическій характеръ, и всѣмъ извѣстно имя Жоржа Пибоди, на деньги котораго въ Лондонѣ построено пять тысячъ удобныхъ и дешевыхъ квартиръ, вмѣщающихъ 20.000 малосостоятельныхъ жильцовъ. Другую категорію попытокъ этого рода представляютъ полу-филантропическія строительныя общества, довольствующіяся небольшимъ процентомъ на затрачиваемый ими на это дѣло капиталъ. Хотя въ Англіи въ разное время было основано до трехъ тысячъ такихъ обществъ, но въ общемъ филантропическія затѣи не получили широкаго распространенія, благодаря „скаредности континентальнаго буржуа“, какъ выражается Энгельсъ, и не частному капиталу предстоитъ великое дѣло оздоровленія городскихъ жилищъ. Гораздо бо̀льшіе результаты достигнуты въ этой области дѣятельностью строительныхъ товариществъ, состоящихъ изъ заинтересованныхъ лицъ. Капиталъ товариществъ составляется изъ взносовъ его членовъ; какъ только составится сумма, достаточная для сооруженія дома, она ссужается одному изъ членовъ на постройку дома или затрачивается на такое сооруженіе самимъ товариществомъ, а его членамъ передается готовый домъ или квартира. Наибольшимъ распространеніемъ такія общества пользуются въ Англіи и Америкѣ. Въ первой странѣ, въ 1903 г., ихъ было болѣе 2.000, владѣвшихъ капиталомъ въ 500 милліоновъ руб.; во второй—въ 1893 г.—насчитывалось до 6.000 товариществъ, имѣвшихъ до двухъ милліоновъ членовъ. Какъ показываютъ данныя 900 обществъ, до 70% членовъ ихъ принадлежатъ къ классу чиновниковъ, приказчиковъ и т. п. Другой типъ союзовъ задается цѣлью сооруженія обще-

ственныхъ домовъ, сдаваемыхъ не въ собственность, а въ пользованіе его членовъ.

Но „строительныя товарищества на началахъ самопомощи имѣютъ наибольшее значеніе для людей, прикрѣпленныхъ къ мѣсту и имѣющихъ болѣе или менѣе опредѣленный и постоянный заработокъ: чиновниковъ, мелкихъ торговцевъ, лицъ свободныхъ профессій, нѣкоторыхъ квалифицированныхъ рабочихъ и т. д.". Да и въ предѣлахъ названныхъ группъ населенія обезпеченіе, путемъ указанныхъ средствъ, добропорядочныхъ жилищъ было достигаемо при широкомъ содѣйствіи (кредитъ) муниципалитетовъ и государства. Что касается простыхъ рабочихъ, то здоровыя и дешевыя для нихъ жилища строятся муниципалитетами; но дѣло это находится лишь въ зародышѣ, и сколько-нибудь значительнаго улучшенія ихъ жилищныхъ условій, по мнѣнію автора, можно ожидать только отъ демократизированнаго государства.

Очень интересную часть разсматриваемаго нами труда составляютъ страницы, посвященныя технической и архитектурной части сооруженныхъ дешевыхъ квартиръ. Этому предмету отведено въ книгѣ довольно много мѣста, и онъ поясняется множествомъ плановъ фасадовъ и перспективныхъ рисунковъ зданій. Усовершенствованіе архитектурныхъ образцовъ построекъ для различныхъ слоевъ населенія г. Диканскій считаетъ даже главной заслугой строительныхъ обществъ, о которыхъ шла рѣчь выше. И надъ разрѣшеніемъ техническихъ и архитектурныхъ вопросовъ въ домахъ для малоимущихъ классовъ работали лучшіе архитекторы Германіи. Они задавались цѣлью создать типы зданій, гдѣ при возможно малыхъ затратахъ были бы достигнуты наибольшіе результаты въ отношеніи солнечнаго ихъ освѣщенія и вентиляціи. Для достиженія этихъ цѣлей стараются строить дома съ возможно большимъ числомъ обвѣтриваемыхъ стѣнъ, сооружаютъ очень большія окна, закругляютъ углы потолковъ, противоположные окну, уничтожаютъ углы комнатъ (недоступные прямому освѣщенію солнечными лучами), заполняя ихъ вентилируемыми шкафами для платья, не отдѣляютъ лѣстницы отъ улицы и тѣмъ предупреждаютъ образованіе плохо провѣтриваемыхъ помѣщеній; вмѣсто закрытыхъ дворовъ устраиваютъ скверы, провѣтриваемые наружнымъ воздухомъ, и т. д. Внутренность квартиръ въ свою очередь устраивается такимъ образомъ, чтобы возможно лучше оберечь жи[illegible] комнаты отъ газовъ, даваемыхъ кухней, и т. д. Въ послѣднее вр[illegible] стремятся еще индивидуализировать постройки въ отношеніи вн[illegible]няго вида, матеріала и т. п., „придавать дешевымъ домамъ при[illegible]ливый и красивый видъ и этимъ избѣжать жестокаго подчеркив[illegible] разницы между жилищами богача и бѣдняка".

Послѣднія страницы своей книги авторъ посвящаетъ квартирному вопросу и строительнымъ обществамъ въ Россіи. Квартирный вопросъ не поставленъ въ Россіи достаточно остро лишь по причинѣ ея малокультурности, потому что условія обитанія несостоятельныхъ классовъ у насъ гораздо хуже, чѣмъ въ Западной Европѣ. „Даже такія богатѣйшія фабрики, какъ, напр., извѣстная Богородско-Глуховская Мануфактура, держатъ тысячи рабочихъ въ условіяхъ, исключающихъ всякую возможность достойнаго человѣческаго существованія". Въ мелкихъ же заведеніяхъ жилищныя условія прямо отвратительны и на горныхъ промыслахъ, напр., представляютъ „скорѣе звѣриное логовище, чѣмъ человѣческое жилье".

Объ условіяхъ обитанія массы населенія нашихъ городовъ почти не имѣется изслѣдованій, и этого одного достаточно для того, чтобы оцѣнить всю степень равнодушія общества къ квартирному вопросу, какъ соціальному, а не личному. Соотвѣтственно сказанному въ самомъ примитивномъ положеніи находится у насъ и вопросъ о борьбѣ съ жилищной нуждой. Авторъ насчиталъ всего нѣсколько десятковъ строительныхъ обществъ — благотворительныхъ и взаимопомощи—на всю Россію, но и эти общества не отличаются особенно энергичной дѣятельностью. Подробнѣе авторъ останавливается на „Товариществѣ борьбы съ жилищной нуждой", основанномъ въ 1902 г. по иниціативѣ Д. А. Дриля и прекрасно устроившемъ такъ-называемый Гаваньскій Городокъ въ Петербургѣ. Но и это общество жалуется на равнодушіе къ его дѣлу и публики, способной оказать ему содѣйствіе, и того слоя населенія, въ интересахъ котораго дѣйствуетъ общество. Авторъ не находитъ удивительнымъ такое отношеніе общества къ „Товариществу". „Не только въ Россіи, но и повсюду въ Европѣ и Америкѣ строительныя учрежденія такого типа не привлекли къ себѣ ни большихъ капиталовъ, ни широкаго общественнаго сочувствія... Повсемѣстно строительныя предпріятія только тогда проникаютъ въ толщу народныхъ массъ, когда они являются дѣломъ рукъ нуждающихся. Все, что̀ дѣлается *для* народа, должно быть сдѣлано *черезъ* народъ—вотъ принципъ, положенный въ основу строительныхъ организацій на Западѣ".

VII.

— В. В. Краинскій. Община и кооперація. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ и Россіи. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Разсматриваемая книга читается съ большимъ интересомъ, такъ к ъ, при хорошемъ изложеніи, она трактуетъ очень интересный во-

просъ о значеніи общины и соотношеніи между общиной и кооперацiей и содержитъ интересныя мысли и сопоставленія. Авторъ построилъ цѣлое ученіе о происхожденіи земельной общины въ исторіи и соціальномъ ея значеніи въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Къ сожалѣнію, ученіе это не было результатомъ тщательнаго разбора матеріаловъ, касающихся соотвѣтствующихъ предметовъ. Въ части, болѣе или менѣе доступной компетенціи автора настоящей замѣтки, ученіе г. Краинскаго оказывается построеннымъ безъ фактовъ, вопреки фактамъ или путемъ самыхъ грубыхъ логическихъ пріемовъ, вродѣ аналогіи и заключенія отъ факта сосуществованія двухъ явленій къ ихъ причинной связи. Самые передѣлы общинной земли рисуются въ этомъ ученіи какъ послѣдствіе чуть ли не простого недоразумѣнія, и оказывается совершенно непонятнымъ, почему милліоны земледѣльцевъ въ Западной Европѣ упорно до сихъ поръ держатся старой системы мелкой черезполосицы или пополоснаго расположенія своихъ владѣній, относимой авторомъ къ категоріи общиннаго устройства. Авторъ спеціально трактуетъ объ общинѣ и исторіи крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Русская же научная литература объ общинѣ выяснила самыя мелкія детали этого учрежденія какъ въ ихъ statu quo, такъ и нерѣдко въ историческомъ развитіи. Авторъ же разсматриваемаго нами труда не только незнакомъ съ этой литературой, но и не знаетъ о ея существованіи. Г. Краинскій судитъ о русской литературѣ даннаго вопроса по иностраннымъ произведеніямъ и притомъ 60-хъ—70-хъ годовъ (какъ, напримѣръ, сочиненіе Мэна—„Древнѣйшая исторія учрежденій“), когда фактической матеріалъ о русской общинѣ былъ дѣйствительно очень скуденъ. Только этимъ предположеніемъ можно объяснить утвержденіе г. Краинскаго, что „въ русской литературѣ вопросъ о крестьянскомъ и общинномъ землевладѣніи имѣетъ исключительно полемическій характеръ“, и что „со времени реформы 1861 г. мы имѣемъ лишь крестьянскую деревню, какъ поселеніе и пополосное пользованіе землей, числящейся при ней. Это все то, на чемъ построены всѣ дебаты, проекты и идеи о русской земельной общинѣ“ (стр. 7, 9). При такой освѣдомленности въ вопросѣ, неудивительно, если авторъ основывается въ своихъ сужденіяхъ о фактическомъ состояніи общины на законодательныхъ нормахъ и оффиціальныхъ запискахъ.

Г. Краинскому неизвѣстна, повидимому, не только русская общи но и русская жизнь вообще. Ибо какъ иначе объяснять его п женіе, что поземельная община „доказала совершенную неспособн выдѣлять изъ себя элементы для колонизаціи и переселенія... и въ Россіи переселеніе не имѣетъ характера естественнаго кресть скаго движенія“ (стр. 29); или что „площадь культивируемой зе

при трехпольи и общинныхъ угодьяхъ составляетъ едва 40% крестьянскихъ владѣній" (стр. 131); что наши земскіе склады (сельско-хозяйственныхъ принадлежностей) „имѣютъ главную и почти исключительную кліентуру среди помѣщиковъ" (стр. 113); или что введеніе института земскихъ начальниковъ, т.-е. „установленіе особаго административнаго института, замѣнившаго упраздненную власть помѣщиковъ", было „вполнѣ логическимъ послѣдствіемъ желанія сохранить общинное землевладѣніе" (стр. 135).

Г. Краинскій берется рѣшать такіе вопросы, какъ происхожденіе пополоснаго землепользованія и передѣловъ земель. Въ этомъ отношеніи ему могла сослужить большую службу богатая литература о сибирской общинѣ, образующейся, такъ сказать, на нашихъ глазахъ. Но изъ богатаго русскаго опыта онъ ссылается только на примѣръ терскихъ казаковъ и строитъ ученіе, находящееся въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что извѣстно о происхожденіи общинныхъ распорядковъ изъ наблюденій эволюціи сибирской общины. Авторъ утверждаетъ, что задачей первоначальныхъ поселеній была главнымъ образомъ расчистка новинъ, что расчистка совершалась коллективнымъ трудомъ, что это создавало коллективное право общинъ на землю, и „отвоеванный у природы участокъ дѣлился по числу рабочихъ семей", такъ какъ отдѣльный общинникъ „не могъ указать на участокъ расчистки, отвоеванный у природы его личнымъ трудомъ". „Такимъ образомъ, поземельная община представляется намъ первобытной ассоціаціей, созданной для захвата земли, и, какъ ассоціація, она имѣетъ основную цѣль—развитіе заимочнаго владѣнія" (стр. 31). Полезная роль общины продолжается до тѣхъ поръ, пока расширеніе ея землевладѣнія не достигнетъ естественныхъ предѣловъ. Но община послѣ этого не упраздняется, какъ было бы желательно автору, а „переноситъ парцелляцію на общественныя земли и производитъ передѣлы всякій разъ, когда, при прежнихъ условіяхъ, пріобщала къ своимъ землямъ новый участокъ. Слѣдовательно, процессъ парцелляціи является здѣсь только сохраненіемъ обычая и примѣненіемъ нормъ первобытнаго права къ совершенно новымъ условіямъ производства" (стр. 29). „Съ этого момента общины теряютъ физіономію ассоціаціи и становятся слабыми, косными хозяйственными организмами. Онѣ легко подпадаютъ подъ власть внѣшней силы и власти" и служили „основнымъ базисомъ для развитія феодализма съ полнымъ порабощеніемъ населенія, неспособнаго оріентироваться въ новыхъ условіяхъ производства" (стр. 31). Въ этой гипотезѣ, высказываемой безъ тѣни сомнѣнія, авторъ почерпаетъ основаніе для возраженія тѣмъ, „кто отождествляетъ понятіе о земельной общинѣ съ понятіемъ уравнительнаго землепользованія". Такъ какъ введеніе передѣловъ было лишь

распространеніемъ обычая, выросшаго на почвѣ коллективнаго захвата земель, „вопреки новымъ условіямъ производства" и въ основѣ ихъ лежитъ „не трудовое начало, а лишь традиціонное право участія въ общемъ наслѣдственномъ имуществѣ", то они и „не имѣютъ въ себѣ ничего общаго съ уравнительнымъ землепользованіемъ" (стр. 31—32).

Излишне, кажется, распространяться о томъ, что и факты колонизаціи лѣсныхъ территорій Европейской Россіи, и факты эволюціи общиннаго землевладѣнія въ Сибири приводятъ какъ разъ къ обратнымъ заключеніямъ. Заимка новыхъ пространствъ и приведеніе ихъ въ культурное состояніе совершаются, какъ общее правило, индивидуально; а общинное регулированіе пользованія суммою всѣхъ окультуренныхъ отдѣльными семьями участковъ введено въ видахъ уравненія малоземельныхъ членовъ общины съ многоземельными.

Къ произвольнымъ предположеніямъ, вмѣсто изученія и анализа фактовъ, авторъ прибѣгаетъ и для объясненія современныхъ явленій соціальной жизни Западной Европы. Основная мысль г. Краинскаго заключается въ томъ, что при существованіи общиннаго или только пополоснаго землевладѣнія невозможно ни улучшеніе крестьянскаго хозяйства, ни распространеніе сельско-хозяйственной кооперація, играющей такую важную роль въ процессѣ развитія мелкаго земледѣлія. „Нѣтъ такой науки, которая допускала бы улучшеніе и интенсификацію земледѣлія при пополосномъ владѣніи" (стр. 141). Пополосное владѣніе „порождаетъ антагонизмъ между парцельными владѣльцами и ведетъ къ узкому эгоизму въ борьбѣ за сохраненіе своихъ имущественныхъ интересовъ" (стр. 103), препятствующему образованію союзовъ земледѣльцевъ для преслѣдованія разнаго рода хозяйственныхъ цѣлей. Первое положеніе опровергается, впрочемъ, самимъ авторомъ. Хотя Франція есть типическая страна мелкаго пополоснаго владѣнія, тѣмъ не менѣе крестьянское хозяйство здѣсь „процвѣтало и прогрессировало" и превратило Францію „въ цвѣтущій садъ". Можно было бы указать и на южно-германскія государства, гдѣ наблюдается одновременно и пополосность крестьянскаго землевладѣнія, и высокое состояніе крестьянскаго хозяйства. Второе утвержденіе г. Краинскаго находится въ бо̀льшемъ согласіи съ фактами. Наивысшее развитіе сельскохозяйственной кооперація наблюдается въ странѣ (Даніи) съ отрубными крестьянскими участками, а во Франціи кооперація гораздо менѣе распространена, чѣмъ въ Ге[illegible] маніи. Объясненіе перваго явленія завело бы насъ очень далеі[illegible] что же касается слабаго развитія сельскохозяйственной коопера[illegible] во Франціи, объясняемаго г. Краинскимъ тѣмъ, что „въ силу борь[illegible] за сохраненіе парцеллированныхъ угодій французскій крестьяни[illegible] былъ индивидуалистомъ въ крайней степени и вся его энергія [illegible]

глощалась этой борьбой" (стр. 97), то мы прежде всего напомнимъ о маломъ развитіи кооперацiи въ этой странѣ и внѣ области сельскаго хозяйства, причины чего, по мнѣнію французскихъ писателей, нужно искать въ слабой способности французовъ къ ассоціаціи... Много разъ подвимался даже вопросъ о томъ, „способна ли вообще французская раса понять и приспособиться къ какой бы то ни было другой формѣ ассоціаціи, кромѣ той, которая именуется государствомъ" (Жидъ). Кромѣ того, самъ г. Краинскій указываетъ на то, что продукты французскаго земледѣлія поглощаются главнымъ образомъ льнопрядильнями, сахарными заводами и предпріятіями по выдѣлкѣ растительнаго масла; а эти „дорого стоющія предпріятія не могли, конечно, быть организованы на кооперативныхъ началахъ" (стр. 97). Автору можно было бы указать, что и въ Германіи сельско-хозяйственная кооперація распространена особенно въ областяхъ (южныхъ) съ парцеллированными крестьянскими владѣніями.

Излишне, кажется намъ, пояснять, что отношеніе г. Краинскаго къ русской общинѣ—безусловно отрицательное. „Уничтоженіе общиннаго землевладѣнія является насущной демократической реформой настоящаго момента" — такъ заканчиваетъ авторъ свою книгу. Но послѣ всего изложеннаго выше читатель, надѣемся, не признаетъ этотъ новый походъ на русскую общину особенно для нея опаснымъ.

VIII.

— Статистическій Справочникъ. Выпускъ I. Населеніе и землевладѣніе Россіи по губерніямъ и сравнительныя данныя по нѣкоторымъ европейскимъ государствамъ. Спб. 1906. Ц. 25 к.—Выпускъ II. Финансы. Спб. 1906. Ц. 30 к.—Выпускъ III. Промышленность добывающая и обрабатывающая въ Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1906. Ц. 40 к

Недавно въ нашемъ журналѣ данъ былъ отзывъ о трудѣ г. Зака: „Соціально-политическія таблицы", заключающемъ статистическіе матеріалы по вопросамъ преимущественно хозяйственной жизни населенія различныхъ цивилизованныхъ государствъ. Изданіе этого труда, который обѣщаетъ повторяться ежегодно, казалось бы, дѣлаетъ излишнимъ „Статистическій Справочникъ", посвященный въ общемъ ѣмъ же предметамъ. Въ дѣйствительности, однако, это не такъ, итому что послѣднее изданіе даетъ гораздо болѣе подробныя свѣѣнія о хозяйственной жизни Россіи. Въ вышедшихъ трехъ выпускахъ Справочника" помѣщены данныя о населеніи, землевладѣніи, финанхъ, земледѣліи и индустріи; въ слѣдующемъ выпускѣ будутъ закончы таблицы промышленности и приведены свѣдѣнія о кредитѣ,

транспортѣ, торговлѣ, народномъ образованіи, преступности населенія и т. п.

Авторы „Статистическаго Справочника", гг. Дядиченко и Чермакъ, задались цѣлью „дать по возможности больше цифрового матеріала" и этимъ по возможности избавить читателя отъ необходимости искать мало доступные оффиціальные источники. Руководствуясь этой идеей, авторы включили въ свои таблицы такіе, напр., спеціальные предметы, какъ средній высѣвъ на десятину зерна или вѣсъ четверти различныхъ хлѣбовъ урожая опредѣленнаго періода; такія разновременныя и частью отрывочныя свѣдѣнія, какъ доходность крестьянской земли; такія сомнительной точности данныя, какъ вознагражденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старые годы, о которыхъ самъ источникъ, откуда заимствованы эти свѣдѣнія, говоритъ, что многообразные примѣнявшіеся имъ „искусственные пріемы для пополненія пробѣловъ въ извлеченныхъ изъ источниковъ матеріалахъ имѣли единственной цѣлью — возможность сочетанія однородныхъ губернскихъ данныхъ въ *раіонные итоги*"; между тѣмъ какъ въ „Справочникѣ" приводятся именно погубернскія, т.-е. наиболѣе сомнительныя цифры.

Преслѣдуя такъ настойчиво цѣль полноты содержанія „Справочника", авторы все-таки не достигли (да и не могли достигнуть) того, чтобы освободить читателя отъ необходимости обращенія къ первоисточникамъ, причемъ въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ вина этого лежитъ на составителяхъ. Въ вопросахъ сельско-хозяйственной промышленности, напр., авторы сами пользовались не первоначальными матеріалами, заключающимися въ періодическихъ изданіяхъ министерства земледѣлія и центральнаго статистическаго комитета, а сводными работами, вышедшими нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, по такимъ важнымъ предметамъ, какъ площадь посѣва, сборъ хлѣбовъ, количество домашняго скота, вознагражденіе труда и др., свѣдѣнія для пятидесяти губерній, сообщаемыя въ „Справочникѣ", не идутъ далѣе 1900 г., между тѣмъ какъ давно уже опубликованы данныя за послѣдующія пять лѣтъ (а теперь и за 1906 г.). Въ отдѣлѣ о занятіяхъ (вып. I) нѣтъ рубрики общественной службы (и даже не сказано, куда зачислены служащіе по выборамъ), не выдѣлены особо строительные рабочіе и прислуга; территорія Кавказа не раздѣлена на сѣверный и южный, составляющіе два совершенно различныхъ раіона, и т. д.

Составители „Справочника" задались, какъ намъ извѣстно, цѣлі сгруппировать какъ можно больше цифръ изъ различныхъ оффиціал ныхъ источниковъ. Этимъ они слагаютъ съ себя отвѣтственность вѣрность сообщаемыхъ ими данныхъ и какъ бы отказываются с критическаго отношенія къ послѣднимъ. Между тѣмъ, помимо офф

іальныхъ сборниковъ, заключающихъ первоначальные матеріалы, ко-
орыми, независимо отъ того или другого ихъ достоинства, при-
одится пользоваться, потому что они — единственные въ своемъ
одѣ, — авторы „Справочника" извлекали для себя цифры изъ из-
аній, имѣющихъ совершенно особый характеръ, изданій, подоб-
ыхъ извѣстнымъ матеріаламъ коммиссіи объ оскудѣніи центра, —
станавливающихъ самостоятельно различныя цифры, не имѣя для
того прямыхъ данныхъ, а прибѣгая къ сложнымъ и подчасъ—какъ
ни сами сознаются—„искусственнымъ" пріемамъ вычисленія. Такого
ода цифры не должны бы попадать въ „Справочникъ" иначе, какъ
о спеціальной ихъ провѣркѣ и съ особой о томъ оговоркой. Нѣкото-
ыя таблицы разсматриваемаго изданія заставляютъ предполагать, что
го составители, кромѣ того, недостаточно были внимательны къ ма-
еріаламъ, которыми они пользовались. Такъ, въ таблицѣ о занятіяхъ
ып. I), въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства заносятся безъ всякихъ по-
сненій цифры (перепись 1897 г.), относящіяся—что касается мел-
ихъ землевладѣльцевъ—не къ числу занятыхъ въ этой отрасли лицъ,
къ хозяйствамъ участковъ. Въ выпускѣ II „Справочника", на стр. 69,
тоитъ заголовокъ: „Общій ходъ выкупной операціи къ 1 января
904 г."; между тѣмъ какъ данныя этой таблицы относятся не ко
сей операціи, а лишь къ выкупу земель бывшими помѣщичьими
рестьянами, и источникъ, изъ котораго они заимствованы, даетъ воз-
ожность составить подобную же таблицу (безъ одной сравнительно
е важной графы) для всѣхъ разрядовъ крестьянъ.

Сдѣланныя выше замѣчанія не должны служить препятствіемъ
ому, чтобы признать трудъ гг. Дядиченко и Чермака весьма цѣн-
ымъ пріобрѣтеніемъ нашей бѣдной популярной статистической лите-
атуры. Мы называемъ это изданіе популярнымъ, потому что его цѣль
аключается въ приближеніи къ читателю того матеріала, который
іень мало ему доступенъ, но болѣе и болѣе привлекаетъ его, какъ
татистическая основа для различныхъ общественно-экономическихъ
оображеній и выводовъ. Въ „Справочникѣ" заключено, дѣйствительно,
іень много цифръ, а указанные выше его промахи—отъ каковыхъ,
рибавимъ кстати, не свободны и многія оффиціальныя изданія—не
безцѣниваютъ всего труда. Эти недостатки, къ тому же, могутъ быть
справлены, а если въ послѣдующихъ выпускахъ будутъ, кромѣ того,
ообщены новѣйшія данныя по важнѣйшимъ предметамъ (посѣвы,
рожаи, переселенія, финансы и т. п.), то разсматриваемое изданіе прі-
брѣтетъ ту свѣжесть матеріаловъ, какая нынѣ не во всемъ ему свой-
венна. Будемъ надѣяться, что составители выполнятъ и свое обѣ-
аніе приложить къ „Справочнику" пояснительныя замѣчанія къ та-
лицамъ,—безъ которыхъ читатель, не привыкшій къ обращенію со

статистическими матеріалами, запутается въ массѣ цифръ,—и дадутъ, кромѣ того, оглавленіе, которое облегчило бы отысканіе нужнаго предмета и замѣнило бы отсутствіе во многихъ таблицахъ общихъ заголовковъ. — В. В.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Ананьинъ, С. А. — Софистъ, діалогъ Платона. Переводъ съ греческаго. съ истор.-лит. введеніемъ и замѣчаніемъ къ діалогу. Кіевъ. 907.

Анатолій, архимандритъ.—Индіане Аляски, бытъ и религія ихъ. Од. 907.

Анучинъ, В.—Сказанія. Спб. 907. Ц. 50 к.

Бальмонтъ, К.—Три расцвѣта. Драма. Театръ юности и красоты. Спб. 907.

Берендтсъ, Э. Н. — О государствѣ. Бесѣды съ юнкерами Николаевскаго кавалерійскаго училища въ 1906-7 учебномъ году. Вып. I. Спб. 908.

Берсъ, А. — Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ (Дарвинизмъ въ этикѣ и роль религіи въ эволюціи этики). Спб. 908. Ц. 40 к.

——— Естественная исторія чорта, его рожденіе, жизнь и смерть. Спб. 908. Ц. 30 к.

Билимовичъ, Ал. — Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство Россіи. Кіевъ. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Бородкинъ, М.—Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 908.

Бруэръ.—Обыденныя явленія природы и жизни. Съ англ. Л. Богушевскій. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій, въ двѣнадцати томахъ, подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VIII. Спб. 907. Стр. 535. Ц. 1 р. 25 к.

Бюхеръ, Карлъ.—Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Перев. съ 5-го нѣм. изд. подъ ред. I. М. Кулишера. Вып. 2-й. Спб. 907. Ц. 75 к.

Варлаамъ, архим. — Ренанъ и его „Жизнь Іисуса". 2-е изд. Полт. 907. Ц. 75 к.

Ватсонъ, М.—Библіотека итальянскихъ писателей: № 5. Джакомо Леопарди, съ его портретомъ. № 6. Витторіо Альфіери, съ его портр. Спб. 908. Всего 10 выпусковъ; отдѣльно выпускъ 50 к.

Ведекиндъ, Фр. — Фейерверкъ. Избранные разсказы. Съ нѣм. А. Ф. Л. Москва. 907. Ц. 60 к.

Владиміровъ, проф., Л. Е.—Курсъ уголовнаго права. Ч. I: Основы нынѣшняго уголовнаго права. М. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Германъ, Густавъ.—На высотѣ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ нѣм. О. Г пова. Спб. 908. Ц. 50 к.

Головановъ, В. — Земельный вопросъ во второй Государственной Ду Спб. 907. Ц. 20 к.

Горемыкинъ, И. Л.—Аграрный вопросъ. Нѣкоторыя данныя къ обсужде его въ Государственной Думѣ. Спб. 907.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Томъ девятый: Начала русс

рственнаго права. Ч. III: Органы мѣстнаго управленія. Въ приложеніи фическій очеркъ съ портретомъ автора. Спб. 907. Ц. 4 р.

жковскій, Л. Б.—Общественное здравоохраненіе и капитализмъ. Тубер-, алкоголизмъ, венеризмъ, нервность—и условія борьбы съ ними. М. 907. к.

жилевскій, М. Г.—Историческій романъ (1853—56 гг.). По неизданнымъ ентамъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

инсюкъ, Н.—Гр. А. К. Толстой, его время, жизнь и сочиненія. М. 907.

—— Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Съ и біограф. очеркомъ. Вып. 1 и 2. М. 907. Ц. 1 р.

онео.—На темы о свободѣ. Сборникъ статей. Съ иллюстраціями. Ч. I и 5. 908. Ц. 2 р. 50 к.

ружининъ, А. Н. — Промысловый налогъ и акціонерныя предпріятія. 907.

носкинъ, Н. П., заслуж. проф. — Исторія Имп. Казанскаго университета выя сто лѣтъ его существованія. 1804 — 1904. Т. IV. Окончаніе части I (1819—1827). Каз. 1904.

дерманъ, Г.—Розы. Четыре одноактныя пьесы. Перев. О. Н. Чюминой. 08. Ц. 75 к.

натьевскій, К. В.—Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родо- и хронологической таблицъ и указателя именъ. 11-ое изд. Спб. 908. . 40 к.

банковъ, Д. Н.—Библіографическій Указатель по общественной медицин- итературѣ за 1890—1905 гг. М. 907. Ц. 2 р. 25 к.

блуковъ, Н.—Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. и по экономіи землевладѣнія и земледѣлія. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

еманъ-де-Грандпре.—Паденіе Портъ-Артура. Переводъ съ франц. и при- Генер. Штаба полковника Хвостова. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

ингеръ, Максъ.—Живопись и рисунокъ. Съ нѣм. перев. Е. Л. Спб. 907. к.

ндратьевъ, д-ръ, А. П. — Краткій курсъ военной гигіены, со включе- правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ ія. Съ 167 рис. Изд. 4-е. Спб. 907. Ц. 1. р. 25 к.

ркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. I: Введеніе и Общ Изд. 6-е. Подъ ред. и съ дополн. Э. Авалова. М. Горенберга и К. Со . Спб. 908. Ц. 3 р. 50 к.

емлевъ, Ан. Н.—Давидъ, царь Іудейскій. Историческая хроника въ 5 д. 08. Ц. 75 к.

льманъ, Н. К. Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа. 07.

витскій, В. — Къ вопросу объ экономическомъ значеніи крупныхъ и ъ заводско-земледѣльческихъ хозяйствъ. Харьк. 907. Ц. 30 к.

зинскій, С.—Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи. здательство „Серпъ". Спб. 907. Стр. 83. Ц. 20 к.

отинау, Францъ.—Естественная и соціальная религія. Спб. 908. Ц. 1 р.

елгуновъ, С. — Гдѣ выходъ? Крушеніе надеждъ и междоусобная война. 07. Ц. 15 к.

ельшинъ, Л. (П. Ф. Якубовичъ).—Н. А. Некрасовъ, его жизнь и литера- дѣятельность. Съ портретомъ Н. Некрасова. Спб. 907. Ц. 25 к.

Мережковскій, Д.—Вѣчные спутники. Маркъ Аврелій и Плиній Младшій. 3-е изд. Спб. 907. Ц. 30 к.

Михаилъ, архим., редакторъ-издатель. — Свобода и христіанство. Т. I: „Христосъ въ вѣкъ машинъ". Вопросы религіи и общественной жизни. Спб. 907.

Моритцъ, М.—Сборка и установка морскихъ паровыхъ машинъ. Перев. М. Кудреватаго. Спб. 907. Ц. 1 р. 40 к.

Наживинъ, Ив.—Въ долинѣ скорби. М. 907. Ц. 1 р.

Неводничанскій, И.—Матеріалы къ выясненію взаимоотношеній уральскихъ казаковъ и киргизъ-кайсаковъ. Спб. 907.

Озеровъ, П. Я. — Что̀ такое общество потребителей, какъ его основать и вести. 2-е изд. М. 908. Ц. 35 к.

Пеніонжкевичъ, К. — Систематическій сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Курсъ средн. учебн. заведеній. Вып. II: Теплота, свѣтъ, звукъ, магнетизмъ, электричество. Од. 907. Ц. 1 р.

Поліевктовъ, М. — Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ, послѣ Ништадтскаго мира. 1721—1725. Спб. 907. Ц. 2 р.

Прокоповичъ, С.—Рабочее движеніе въ Германіи. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Пыпинъ, А. Н.—Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, съ дополн. и примѣч. Спб. 908. Ц. 3 р. 50 к.

Ромакришно, Т.—Падмини. Разсказъ изъ индійской жизни. Перев. подъ ред. С. Сыромятникова. Спб. 907. Ц. 40 к.

Саводникъ, В.—Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. Ч. I и II. Изд. 3-ье. М. 907. Ц. 1 р. 35 к. и 1 р. 25 к.

Слонимскій, Л.—О монархіи. Изд. „Политической энциклопедіи". Спб. 907. Стр. 89. Ц. 40 к.

Сорель, Жоржъ.—Соціальные очерки современной экономіи. Дегенерація капитализма и дегенерація соціализма. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Съ итальян. Г. Кирдецовъ. М. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Станюковичъ, Вл.—Путевой Альбомъ. Спб. 907. Ц. 75 к.

Терешинъ, С. Я.—Курсъ физики для студентовъ-медиковъ. Съ 588 рис. и съ таблицею спектровъ. Спб. 908. Ц. 5 р.

Тормазовъ, С. — Загадка куренія: I — II. Объясненіе куренія. III. Вредъ. IV. Борьба съ нимъ и его эволюція въ будущемъ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Фейербахъ, Л. — О дуализмѣ и безсмертіи. Съ нѣм Н. Алексѣева. Спб. 908. Ц. 50 к.

Фойницкій, И. Я. — Курсъ уголовнаго права. Часть особенная: Посягательства личныя и имущественныя. 5-ое изд. Спб. 907. Ц. 3 р.

Штильманъ, Г.—Внѣ-парламентское законодательство въ конституціонной Россіи. Ст. 87-ая Осн. Гос. Зак. Спб 908. Ц. 25 к.

Ѳедоровъ, А.—Стихи. Спб. 908. Ц. 1 р.

— Sprawa gubernii Chełmskiej. Dokument Urzędowy. Krakow. 907. Ц. 50 к.

— *Troubetzkoï*, prince Grégoire. La politique Russe en Orient. Le schisme bulgare. (Extrait de la Revue d'histoire diplomatique). Paris. 907. Стр. 71.

— Библіографическій Сборникъ. Обзоръ литературы по новѣйшей истор Западной Европы. Вып. I: Франція. И. Бороздинъ.—Англія, М. Бердяносовъ. Германія, В. Перцовъ. № 2. М. 907. Ц. 35 к.

— Вліяніе колонизаціи на киргизское хозяйство. Спб. 907.

— Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. П. М. Головачева. Изд. М. Зензинова. М. 907. Ц. 1 р.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. 1906—1907 гг. Годъ 12-ый. Кіевъ. 907.

— Журналы засѣданій Совѣта Имп. Новороссійскаго университета за весеннее полугодіе 1907 года. Одесса. 907.

— Журналы Тверского очередного губернскаго земскаго собранія, сессіи 1906 года. Тв. 907.

— Законодательные проекты и предположенія партіи народной свободы. 1905—1907 гг. Подъ ред. Н. Астрова, Ѳ. Кокошкина, С. Муромцева, П. Новгородцева и кн. Д. Шаховского. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Золотое Слово вселенскаго учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя бесѣды св. Іоанна Златоуста. Къ 1500-лѣтію со дня кончины Святителя, съ изображеніемъ Святителя. Спб. 907. Ц. 60 к.

— Извѣстія Спб. Политехническаго Института. Т. VII: Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. Вып. 1 и 2. Спб. 907.

— Изданіе Товарищества „Знаніе“:—1) С. Юшкевичъ, Король, пьеса въ 4-хъ дѣйств. Ц. 60 к. — 2) Суставъ Флоберъ, Искушеніе св. Антонія, съ франц. Б. Зайцевъ. Ц. 30 к.—3) С. Найденовъ. Т. I:, Пьесы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—4) П. Кропоткинъ, Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Съ англ. В. Батуринскій. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губерніи. Вып. III: Сѣвообороты и системы полеводства. Ч. I: Крестьянское хозяйство. Сар. 906.

— Матеріалы для оцѣнки земель Харьковской губерніи. Старобѣльскій уѣздъ. Вып. III: Доходность крестьянской пашни. Харьк. 907.

— Московское Общество народныхъ университетовъ. Секція народной средней школы. 1906—7 учебный годъ. М. 907. Ц. 40 к.

— Особый Наказъ Судебнымъ установленіямъ Спб. Столичнаго мирового округа 1907 г. Спб. 907.

— Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея имени имп. Александра III въ Москвѣ за 1906 годъ. М. 907.

— Отчетъ Общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ. 1906 годъ (девятый). Спб. 907.

— Отчетъ Тверской губернской земской управы за 1905 г. Тв. 907.

— Памяти декабристовъ, съ 40 фотографіями и рисунками. Ц. въ бумажной папкѣ 3 р., въ коленкор.—4 р.

— Религія и Церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики. Вып. 1: В. Вреде, Павелъ (ап.). Вып. 2: Изъ исторіи ранняго христіанства. Сборникъ статей Гарнака, Велльгаузена, А. Юлихера. Съ нѣм. Н. Никольскій. М. 907. Ц. 35 и 90 к.

— Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся переговоровъ по заключенію Рыболовной Конвенціи между Россіей и Японіей. Августъ 1906—іюль 1907. Изд. мин. иностр. дѣлъ. Спб. 907.

— Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губерніи за 1906 г. Вып. 2. Сарат. 907.

— Статистическій Справочникъ. Вып. III: Промышленность добывающая обрабатывающая въ Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. іб. 908. Ц. 40 к.

— Таинственныя приключенія Шерлока Холмса, знаменитаго сыщика. ып. 1: Поимка Джека, убійцы женщинъ. М. 907. Ц. 15 к.

— Факты и мысли. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1907 г.

Начало парламентской сессіи въ Пруссіи.—Новый законопроектъ противъ польскаго землевладѣнія.—Узко-національная политика и ея результаты.—Вопросъ о прусской избирательной реформѣ.—Засѣданія имперскаго сейма.—Проектъ германскаго закона о союзахъ.—Пребываніе императора Вильгельма II-го въ Англіи.

Прусскій парламентъ очень похожъ на нашу третью государственную думу: онъ также состоитъ главнымъ образомъ изъ помѣщиковъ и капиталистовъ, имѣетъ также подавляющее консервативно-реакціонное большинство, подобранное искусственно при помощи односторонней избирательной системы, и также относится отрицательно или по меньшей мѣрѣ равнодушно къ соціально-политическимъ интересамъ и требованіямъ трудящихся массъ.

Но какая разница, однако, въ общемъ положеніи дѣлъ! Прусское правительство не потерпѣло никакого „Седана", а напротивъ, продолжаетъ успѣшно пользоваться плодами прежнихъ побѣдъ; политическій режимъ Пруссіи не подвергалъ государства случайностямъ придворной авантюристской политики, не доводилъ его до позора внѣшнихъ пораженій и катастрофъ, до разгрома арміи и гибели флота. Прусское правительство не имѣетъ за собою Мукдена и Цусимы; оно не является въ роли подсудимаго предъ лицомъ страны, не носитъ на себѣ тяжкой отвѣтственности за ея разореніе, и потому оно не лишено права говорить съ авторитетомъ отъ имени государственной власти, которая въ общемъ дѣйствовала разумно, осторожно и разсчетливо. Консерватизмъ прусскаго парламента и правительства не вызванъ желаніемъ извратить смыслъ событій и подавить общественное мнѣніе; онъ не явился результатомъ спеціальныхъ мѣръ, связанныхъ съ нарушеніемъ основныхъ законовъ, а установился естественно, подъ вліяніемъ общаго довѣрія къ честности и добросовѣстности правящихъ. Прусское правительство не нарушало никакихъ торжественныхъ обѣщаній и обязательствъ; оно не измѣняло избирательнаго закона для того, что[...] обезпечить себѣ большинство въ парламентѣ, а напротивъ, зак[...] этотъ остался въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ изданъ болѣе по[...] вѣка тому назадъ. Оттого политическая жизнь въ Пруссіи протека[...] спокойно, безъ потрясеній и безпорядковъ, несмотря на несоотвѣтс[...] между устарѣлымъ государственнымъ строемъ и назрѣвшими пот[...]

ностями народа, и внутренняя борьба происходитъ мирно, на почвѣ строгой законности.

Послѣдняя сессія прусскаго земскаго сейма, полномочія котораго кончаются весною будущаго года, открылась 26-го ноября (нов. ст.) чтеніемъ тронной рѣчи, заключающей въ себѣ мало утѣшительнаго для прогрессивныхъ партій. „Вся сущность этой рѣчи—какъ говоритъ умѣренный „Berliner Tageblatt"—сводится къ лозунгу: больше налоговъ и меньше народныхъ правъ! Правительство хочетъ брать, но не давать. Если бы Пруссія имѣла дѣйствительное народное представительство, то такое притязаніе было бы встрѣчено презрительнымъ смѣхомъ. Нынѣшняя „chambre introuvable" найдетъ вполнѣ естественнымъ это распредѣленіе правъ и обязанностей,—а именно, чтобы правительству даны были всѣ права, а народу—всѣ обязанности. Могутъ ли либеральныя партіи измѣнить что-нибудь въ этомъ печальномъ положеніи вещей—остается спорнымъ; тѣмъ болѣе должны онѣ стремиться къ тому, чтобы обстоятельства измѣнились въ Пруссіи, и чтобы подобная палата не возвращалась вновь".

Между прочимъ, правительство дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ въ узконаціональной борьбѣ противъ поляковъ и польскаго землевладѣнія. „Какъ показываетъ развитіе мѣстныхъ условій въ восточныхъ провинціяхъ монархіи,—сказано въ концѣ тронной рѣчи,—законныя полномочія правительства недостаточны для дѣйствительной охраны и укрѣпленія нѣмецкаго населенія въ этихъ областяхъ. Правительство вынуждено поэтому требовать расширенія своихъ полномочій и предложить на ваше разсмотрѣніе возвѣщенные въ этомъ смыслѣ еще въ прошлую сессію законопроекты. Оно убѣждено, что можетъ разсчитывать на полное содѣйствіе обѣихъ палатъ сейма въ этомъ серьезномъ національномъ вопросѣ". Внесенный вслѣдъ затѣмъ въ палату депутатовъ „проектъ закона о мѣрахъ къ укрѣпленію нѣмецкаго элемента въ восточной Пруссіи и Познани" отличается необыкновенною суровостью и находится въ прямомъ противорѣчіи съ основными началами гражданскаго права. Дѣло идетъ о принудительномъ отчужденіи имуществъ не для пользы всего государства и не для передачи земель крестьянамъ, а для замѣны существующихъ туземныхъ владѣльцевъ другими, пришлыми, единственное преимущество которыхъ заключается въ принадлежности ихъ къ господствующей національности. Прусскіе подданные польскаго происхожденія не признаются ›лноправными гражданами, и правительство ставитъ себѣ цѣлью вытѣснить ихъ изъ числа землевладѣльцевъ, поставивъ на ихъ мѣсто ·тинно-нѣмецкихъ людей. Коммиссія для устройства нѣмецкихъ поселеній среди польскихъ земель, учрежденная въ 1886 году по проекту смарка, предназначалась для покупки продаваемыхъ польскихъ имѣ-

ній въ видахъ перепродажи ихъ по участкамъ въ руки нѣмецких крестьянъ, для чего образованъ былъ особый фондъ изъ средств государственнаго казначейства;—въ этомъ не было еще ничего обид наго для поляковъ или несправедливаго по существу, такъ как успѣхъ предпринятаго дѣла зависѣлъ отъ состоянія земельнаго рынк и отъ доброй воли продавцовъ; теперь же пускается въ ходъ прину дительная сила государства, чтобы заставить польскихъ владѣльцев очистить мѣсто для нѣмцевъ. Поселенческій фондъ усиливается сраз на триста милліоновъ марокъ; сверхъ того, ассигнуется пятьдесят милліоновъ на пріобрѣтеніе болѣе крупныхъ помѣстій съ тѣмъ, чтоб продавать ихъ цѣликомъ въ нѣмецкія руки въ видѣ рентныхъ имѣній Право принудительнаго отчужденія дается государству королевским указомъ въ предѣлахъ точно обозначенныхъ мѣстностей; въ указѣ ж назначается срокъ, въ теченіе котораго это право должно быть осу ществлено. Вопросъ объ опредѣленіи мѣстностей, къ которымъ при мѣняется право отчужденія, рѣшается для каждой провинціи пр участіи совѣта изъ пяти довѣренныхъ лицъ, избранныхъ на три год провинціальнымъ собраніемъ; право быть избраннымъ въ этотъ совѣт имѣетъ всякій самостоятельный и полноправный обыватель германско имперіи, достигшій тридцати лѣтъ,—кромѣ только мѣстныхъ админи стративныхъ и полицейскихъ чиновниковъ. Послѣ того какъ совѣт той или другой изъ обѣихъ провинцій разсмотрѣлъ заключеніе посе ленческой коммиссіи, предсѣдатель послѣдней назначаетъ тотъ уча стокъ земли, который подлежитъ отчужденію въ силу предоставлен ныхъ коммиссіи правъ; это рѣшеніе доводится до свѣдѣнія собствен ника особой повѣсткою и публикуется въ оффиціальной правитель ственной газетѣ. Собственникъ и всякій, имѣющій какое-либо прав по отношенію къ данному имѣнію, можетъ оспаривать рѣшеніе пред сѣдателя поселенческой коммиссіи; предъявленный споръ разрѣшаетс министрами земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Отчуждені распространяется не только на самое имѣніе, но и на его прина лежности, если не постановлено иначе. Собственникъ отчуждаемо земли получаетъ полное вознагражденіе наличными деньгами; оцѣнк производится на основаніи общихъ правилъ объ отчужденіи частных имуществъ для государственныхъ надобностей.

Мотивы этого законопроекта, изложенные въ длинной вступитель ной рѣчи прусскаго министра-президента, князя Бюлова, производя тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, не ослѣпленныхъ узкимъ націонали момъ. Государство, имѣющее въ своемъ составѣ милліоны подданны разныхъ національностей, не можетъ и не должно превращаться орудіе спеціальныхъ корыстныхъ стремленій и интересовъ госпо ствующей народности; оно не должно отнимать какія-либо права

одной части населенія для доставленія несправедливыхъ выгодъ другой, болѣе многочисленной его части, если оно не желаетъ ослабить внутреннюю силу и единство страны; оно не можетъ и не должно становиться на почву національной нетерпимости и угнетенія, если оно претендуетъ на самостоятельную роль въ міровой политикѣ. Узко-національное государство, отвергающее всякіе инородные элементы или осуждающее ихъ на безправіе, закрываетъ для себя путь къ широкому свободному развитію, ставитъ свою будущность въ тѣсныя рамки и заранѣе лишаетъ себя права распространять свою власть на чужія племена и территоріи. Германская имперія, построенная на такихъ началахъ, никогда не достигнетъ мірового значенія Великобританіи и останется лишь ограниченною, національною, а не міровою державою; она не будетъ оказывать притягательное дѣйствіе на сосѣднія страны, каковы бы ни были успѣхи ея культуры, и не привлечетъ симпатій чужихъ народовъ, какъ не избѣгнетъ и внутренней національной борьбы, глухого недовольства и взаимнаго раздраженія среди различныхъ элементовъ своего населенія. Нынѣшняя прусско-германская политика, опирающаяся на традиціи великой эпохи національнаго объединенія, находится, очевидно, на ложномъ пути; она въ данномъ случаѣ оказывается слишкомъ мелочною, недальновидною и неразсчетливою.

Объясненія князя Бюлова по польскому вопросу были, вѣроятно, убѣдительны для большинства нѣмецкихъ патріотовъ; они указывали, съ одной стороны, на достигнутые уже благопріятные результаты, а съ другой—на крайнюю необходимость новыхъ, болѣе рѣшительныхъ шаговъ въ томъ же направленіи. Поселенческою коммиссіею до конца прошлаго года было пріобрѣтено всего около 326 тысячъ гектаровъ и изъ нихъ роздано 134 тысячи; устроено 315 новыхъ нѣмецкихъ поселковъ съ сотней тысячъ жителей; ежегодно прибавляется около 50 вновь основанныхъ деревень и населеніе увеличивается приблизительно на двѣнадцать тысячъ душъ. Только за послѣднія шесть лѣтъ прибавилось до 9.000 нѣмецкихъ крестьянскихъ и рабочихъ семействъ. Срочные платежи вносятся поселенцами исправно; такъ, за послѣдній годъ осталось за ними въ недоимкѣ менѣе одного процента общей суммы рентныхъ взносовъ. Поселенческіе участки твердо держатся въ рукахъ пріобрѣтателей; съ 1886 года только десятая доля этихъ хозяйствъ перемѣнила владѣльцевъ, въ томъ числѣ естественнымъ путемъ наслѣдованія. Однако, польскій элементъ въ Познани возрасталъ еще въ большей степени, вопреки всѣмъ преградамъ, и въ общемъ соперничество обѣихъ народностей было не въ пользу нѣмцевъ. Польское населеніе росло сильнѣе нѣмецкаго; польское землевладѣніе не сокращалось въ своемъ составѣ, и то, что теря-

лось въ одномъ мѣстѣ, возмѣщалось новыми покупками въ другомъ. Крупнымъ успѣхомъ для нѣмцевъ считалось уже поддержаніе равновѣсія въ дальнѣйшемъ ростѣ обѣихъ народностей; правительство оказывало нѣмецкимъ поселенцамъ всякія льготы, устраивало для нихъ ипотечные и ссудные банки, способствовало урегулированію долговыхъ обязательствъ и поддерживало постепенное культурное развитіе и упроченіе старыхъ и новыхъ нѣмецкихъ хозяйствъ. Такое же спеціальное покровительство предполагается въ будущемъ распространить и на нѣмецкое населеніе городовъ въ обѣихъ польскихъ провинціяхъ. Эта задача охраны и поддержанія своей національности, по словамъ канцлера, все болѣе входитъ въ общее сознаніе нѣмцевъ не только въ восточныхъ областяхъ, не только въ Пруссіи, но и во всей имперіи. Чувствуется—продолжалъ князь Бюловъ,—„что это дѣло касается цѣлой націи. Если бы правительство отказалось отъ этой политики, оно встрѣтило бы рѣшительный протестъ крупнѣйшей и далеко не худшей части нѣмецкаго народа... О системѣ истребленія по отношенію къ полякамъ не можетъ быть и рѣчи. Острое орудіе отчужденія будетъ служить намъ не для нападенія, а для обороны. Не съ нѣмецкой, а съ польской стороны ведется политика вытѣсненія... По статистическимъ даннымъ, за одиннадцать лѣтъ, съ 1896 по 1906 годъ, въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, не менѣе ста тысячъ гектаровъ перешло изъ нѣмецкихъ рукъ къ полякамъ. Мы должны непрерывно идти впередъ, чтобы доставить перевѣсъ нѣмецкому землевладѣнію надъ польскимъ и разъ навсегда уничтожить надежды на отторженіе этихъ провинцій отъ прусскаго государства".

Само собою разумѣется, что ссылка Бюлова на опасныя будто бы мечты о возстановленіи Польши сдѣлана лишь для подкрѣпленія аргументовъ другого рода, не имѣющихъ ничего общаго съ заботами внѣшней политики. Въ дѣйствительности патріотическія традиціи и мечтанія прусскихъ поляковъ замѣтно подчинялись вліянію нѣмецкой культуры и постепенно утрачивали свою активную силу и энергію, пока ихъ не задѣвали и не раздражали нѣмецкіе патріоты; польскій патріотизмъ въ Познани возродился и окрѣпъ только послѣ того какъ нѣмецкое національное чувство приняло боевой наступательный характеръ. Политика принудительнаго отчужденія, примѣненная спеціально къ полякамъ, неизбѣжно заставитъ ихъ ненавидѣть Пруссі усилить ихъ сплоченность и внутреннюю солидарность въ бор против угрожающихъ имъ опасностей и приведетъ къ обострен племенного антагонизма въ странѣ, гдѣ существовала полная возм ность мирнаго внутренняго развитія и культурнаго слiянія рав правныхъ народностей.

редовыя либеральныя партіи и весь сознательный рабочій классъ уссіи единодушно высказываются противъ политики правителью польскому вопросу; но оппозиція безсильна при дѣйствіи старой извращенной системы представительства, дающей незначительному меньшинству населенія обезпеченное большинство въ прусскомъ парламентѣ. При нынѣшнихъ условіяхъ прусскій земскій сеймъ вовсе не отражаетъ собою господствующаго настроенія страны. Коренная реформа избирательнаго права является поэтому настоятельною потребностью современной Пруссіи и служитъ предметомъ постоянныхъ разсужденій въ прогрессивной нѣмецкой печати; между тѣмъ объ этомъ насущномъ вопросѣ ничего не сказано въ тронной рѣчи, и правительство, конечно, не думаетъ добровольно отрекаться отъ великихъ преимуществъ, связанныхъ съ возможностью всегда располагать послушнымъ большинствомъ въ палатѣ депутатовъ. Нѣмецкіе либералы и свободомыслящіе горько жалуются иногда на судьбу, но неспособны предпринять что-либо для достиженія желательной перемѣны; могущественная въ народѣ соціалъ-демократическая партія долго ограничивалась пропагандою своихъ идей и общими теоретическими спорами, уклоняясь отъ активнаго участія въ текущихъ законодательныхъ вопросахъ, и между прочимъ упорно бойкотировала прусскіе парламентскіе выборы, — но въ послѣднее время она все сильнѣе переходитъ на сторону реальной политики, направленной прежде всего къ реформѣ прусскаго избирательнаго права. Это тяготѣніе къ реальнымъ политическимъ цѣлямъ особенно ясно сказалось на недавнемъ партійномъ съѣздѣ прусской соціалъ-демократіи въ Берлинѣ. Вопросъ о созданіи въ Пруссіи правильнаго народнаго представительства, къ которому открытъ былъ бы свободный доступъ пролетаріату, вызвалъ горячія пренія, закончившіяся 22 ноября принятіемъ слѣдующей резолюціи: „Прусская палата депутатовъ есть исключительное представительство владѣющихъ классовъ. Дѣятельность ея до сихъ была въ преобладающей мѣрѣ зловредна, реакціонна и враждебна народу. Основаніе этого классоваго господства заключается главнымъ образомъ въ существующей трехъ-классной системѣ, въ силу которой 85 процентовъ избирателей изъ низшихъ классовъ имѣютъ только половину правъ, принадлежащихъ 15 процентамъ высшихъ классовъ. Плодотворная, содѣйствующая культурѣ прогрессу, разсчитанная на участіе рабочихъ классовъ дѣятельность прусскаго парламента возможна только послѣ введенія всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права и тайнаго голосованія всѣхъ гражданъ старше двадцати лѣтъ, безъ различія пола, на основахъ пропорціональности. Партійный съѣздъ требуетъ отъ прусскихъ товарищей, чтобы они неустанно вели энергическую агитацію для

отмѣны существующаго избирательнаго права, составляющаго позоръ для прусскаго народа. Члены партіи обязываются всѣми доступными организованному пролетаріату цѣлесообразными средствами бороться противъ ничтожнѣйшей и постыднѣйшей изъ избирательныхъ системъ и не успокоиться до тѣхъ поръ, пока эта цѣль не будетъ достигнута". Съѣздъ принялъ также резолюцію протеста противъ всякаго ограниченія правъ поляковъ и инородцевъ.

Въ имперскомъ сеймѣ, несмотря на консервативный составъ его большинства, преобладаетъ другой, болѣе свободный духъ, чѣмъ въ прусской палатѣ депутатовъ, и это замѣтно отражается не только на характерѣ преній и тонѣ министерскихъ рѣчей, но и на содержаніи вносимыхъ правительствомъ законопроектовъ. Присутствіе боевой фаланги представителей рабочаго класса, которыхъ нѣтъ въ прусскомъ сеймѣ, даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу; они вносятъ въ парламентскія занятія убѣжденную страстность партійной борьбы и заставляютъ правительство внимательно прислушиваться къ требованіямъ и нуждамъ трудящагося населенія.

Въ засѣданіи 25 ноября обсуждался, напримѣръ, запросъ соціалъ-демократовъ о средствахъ противодѣйствія непомѣрному возвышенію цѣнъ на предметы первой необходимости. Мотивируя этотъ запросъ, депутатъ Шейдеманъ представилъ въ своей рѣчи цѣлый обвинительный актъ противъ экономической политики правительства и солидарныхъ съ нимъ промышленно-землевладѣльческихъ группъ. Первые предвѣстники хозяйственнаго кризиса — говорилъ Шейдеманъ — имѣются на лицо. „Пищевые продукты вздорожали за послѣднее десятилѣтіе болѣе чѣмъ на 30 процентовъ, а нѣкоторые, какъ мясо, — даже на 60 процентовъ. Консерваторы утверждаютъ, что въ этомъ виноваты либеральные мясники и мясные торговцы, а либералы обвиняютъ консервативныхъ сельскихъ хозяевъ, владѣльцевъ свиней и убойнаго скота. Но дороговизна есть несомнѣнное послѣдствіе преступной аграрной политики. Тѣ самые господа, которые стараются какъ можно шире открыть границы для привлеченія иностранныхъ рабочихъ, дѣлаютъ эти границы какъ можно болѣе тѣсными, когда дѣло идетъ о ввозѣ дешеваго мяса. Здѣсь практикуется систематически организованный грабежъ относительно нѣмецкаго населенія для пользы и наж[illegible] крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ странѣ, вынужденной питаться и[illegible] земнымъ хлѣбомъ, даются еще преміи тѣмъ, которые вывозятъ хлѣ[illegible] это — скандальное положеніе вещей! Совершенно невѣрно, что агр[illegible]ныя таможенныя пошлины полезны для сельскаго хозяйства: послѣд[illegible] терпитъ отъ нихъ только ущербъ, а выгоды имѣетъ только круп[illegible]

землевладѣніе. Это хищничество аграріевъ даетъ хорошую иллюстрацію къ ихъ словамъ о любви къ отечеству или высокомъ патріотизмѣ. Они просто грабятъ нѣмецкій народъ и посылаютъ хлѣбъ за-границу, чтобы съ жадностью проглатывать вывозныя преміи. Такъ же точно поступаютъ и промышленники, продающіе свои пушки подешевле иностраннымъ государствамъ, чтобы наши солдаты удобнѣе разстрѣливались въ случаѣ войны. Умѣренные либералы соединились съ консерваторами для лучшаго обезпеченія совмѣстнаго грабежа; а гдѣ мы видимъ грабежъ, тамъ должны быть и грабители. Этихъ господъ можно назвать шайкою разбойниковъ. Если политика новѣйшаго „блока" сводится къ соединенію либераловъ съ аграріями для облегченія грабежа, то весь этотъ блокъ есть не что̀ иное, какъ лучше одѣтая шайка разбойниковъ. Вся разница между нами и пресловутымъ блокомъ заключается въ томъ, что блокъ видитъ свою задачу въ требованіи новыхъ средствъ на пушки и броненосцы, или на орудія убійства, тогда какъ мы требуемъ средствъ для жизни. Слѣдовало бы немедленно пріостановить взиманіе всѣхъ пошлинъ на продукты, необходимые для питанія".

Рѣзкіе отзывы оратора о „грабителяхъ" и о „разбойничьей шайкѣ" нисколько не безпокоили президента, графа Штольберга, и вызывали какъ будто веселое настроеніе на скамьяхъ правой и центра; никто не раздражался суровыми нападками соціалъ-демократическаго оратора, и споръ принялъ чисто-дѣловое, серьезное направленіе, при послѣдовательномъ участіи представителей разныхъ парламентскихъ группъ. Новый имперскій министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бетманъ-Голльвегъ, въ подробной отвѣтной рѣчи, имѣвшей характеръ весьма содержательнаго и обстоятельнаго доклада, изложилъ разнообразныя фактическія данныя объ условіяхъ земледѣльческаго и промышленнаго хозяйства, которыми поддерживается дороговизна пищевыхъ продуктовъ, и добросовѣстно разобралъ всѣ доводы и заключенія интерпеллянта, безъ малѣйшаго оттѣнка предвзятой партійности; онъ доказывалъ, что экономическая политика правительства охраняетъ интересы не только крупнаго, но и мелкаго землевладѣнія и земледѣлія, и что въ частности пріостановка взиманія таможенныхъ пошлинъ доставила бы наибольше выгодъ спекулянтамъ и причинила бы огромный вредъ всему народному хозяйству, безъ прочнаго облегченія потребителей. Депутатъ Резике, одинъ изъ руководителей знаменитаго „союза сельскихъ хозяевъ", подкрѣпилъ указанія министра категорическимъ заявленіемъ, что насущные интересы крестьянства безусловно требуютъ сохраненія высокихъ таможенныхъ пошлинъ на сельско-хозяйственные продукты и что объ отмѣнѣ или пониженіи этихъ пошлинъ не можетъ быть и рѣчи. Прогрессисты и свободомыслящіе по-

очередно выступали съ возраженіями одновременно противъ доводовъ соціалъ-демократіи и противъ экономической политики правительства и аграріевъ; наиболѣе интересную рѣчь въ этомъ смыслѣ произнесъ извѣстный пасторъ Науманъ. Продолжительныя пренія не привели, конечно, ни къ какому непосредственному результату, но выяснили вопросъ съ различныхъ сторонъ и только лишній разъ подчеркнули то обстоятельство, что принципіальный антагонизмъ между соціалъ-демократіей и передовыми либералами является важнѣйшей преградой на пути плодотворныхъ внутреннихъ реформъ; между тѣмъ этотъ антагонизмъ кажется иногда чѣмъ-то искусственнымъ и могъ бы во многихъ случаяхъ уступить мѣсто соглашенію для совмѣстнаго дѣйствія по отдѣльнымъ практическимъ вопросамъ, если бы духъ компромисса не отвергался такъ рѣшительно и безплодно теоретиками и проповѣдниками соціализма.

Въ засѣданіи 28 ноября, при обсужденіи имперскаго бюджета, затронуты были тѣ же спорные вопросы внутренней политики, и не только либералы, но и консерваторы развивали такіе взгляды, которымъ не могли не сочувствовать и соціалъ-демократы. Предводитель партіи центра, депутатъ Шпанъ, выразилъ пожеланіе, чтобы въ Пруссіи установилась по меньшей мѣрѣ такая же политическая свобода, какая существуетъ въ государствахъ южной Германіи, и чтобы прусское правительство не прибѣгало къ мѣропріятіямъ, подобнымъ законопроекту противъ поляковъ. „Принудительное отчужденіе — говорилъ депутатъ Шпанъ — представляетъ собою недопустимое вмѣшательство въ область частныхъ правъ, противорѣчащее гражданскому кодексу. О польскомъ движеніи можно думать какъ угодно, но видѣть въ немъ опасность для цѣлости имперіи, для цѣлости Пруссіи, нельзя". Нѣкоторыя замѣчанія оратора о процессѣ Мольтке-Гардена, о распущенности аристократіи и о придворной камарильѣ дали канцлеру поводъ коснуться этихъ щекотливыхъ темъ. Князь Бюловъ энергически заступился за высшее сословіе, отрицалъ существованіе извращенныхъ нравовъ въ арміи и совѣтовалъ не вѣрить преувеличеннымъ и злостнымъ выдумкамъ; „я самъ—прибавилъ онъ—сдѣлался предметомъ позорныхъ клеветъ и нелѣпыхъ, возмутительныхъ подозрѣній". Искорененіе пороковъ, по его словамъ, больше всего озабочиваетъ монарха, который по чистотѣ своей семейной жизни можетъ служить образцомъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Что касается камарилы то въ прошломъ она несомнѣнно играла большую и нерѣдко пагубну роль при германскихъ дворахъ, но „по отношенію къ современности къ эпохѣ императора Вильгельма II—было бы несправедливо говорит о кружкѣ безотвѣтственныхъ закулисныхъ совѣтниковъ". Конечно,-продолжалъ канцлеръ,—„попытки отдѣльныхъ лицъ пріобрѣсть вліяніе

ніе встрѣчаются повсюду, въ каждой фракціи, въ каждой семьѣ, въ каждой фирмѣ; но каковъ долженъ быть монархъ, чтобы около него могла развиться камарилья, которая оказывала бы вліяніе на ходъ дѣлъ? Ибо камарилья безъ вліянія не есть вообще камарилья. Первое условіе успѣшнаго насажденія этого ядовитаго цвѣтка—несамостоятельность монарха и отчужденность его отъ общества. Нашему монарху дѣлались разные упреки, такъ какъ всякаго человѣка можно въ чемъ-либо упрекать. Но что онъ избѣгаетъ сношеній съ людьми и что онъ не имѣетъ своей собственной воли, — этого еще никто о немъ не сказалъ. Пора уже отбросить всѣ эти сплетни и толки о камарильѣ и отнести ихъ всецѣло къ прошлому"...

Впрочемъ, для каждаго ясно, что опроверженія канцлера не устраняютъ общеизвѣстныхъ фактовъ и не ослабляютъ ихъ значенія. Понятно, что монархъ съ самостоятельной волей и съ собственнымъ умомъ, часто мѣняющій свое мѣстопребываніе и привыкшій встрѣчаться съ людьми разнаго ранга и положенія, будетъ имѣть другую камарилью, чѣмъ тотъ, кто живетъ уединенно, тщательно оберегаемый отъ соприкосновенія съ своимъ народомъ; но камарилья можетъ процвѣтать въ обоихъ случаяхъ, ибо для нея нужно одно только условіе—исключительно высокое положеніе и могущество центральной фигуры, къ которой имѣютъ свободный доступъ только немногія избранныя личности или фавориты. Въ теченіе многихъ лѣтъ роль такого фаворита при Вильгельмѣ II игралъ князь Филиппъ Эйленбургъ, и группировавшійся около него интимный кружокъ имѣлъ всѣ признаки вліятельной и прочной камарильи. Эйленбургу приписывалось рѣшающее участіе въ канцлерскихъ и министерскихъ перемѣнахъ еще со временъ Бисмарка; онъ же, какъ говорятъ, способствовалъ возвышенію самого Бюлова, и канцлеръ не могъ забыть объ этомъ обстоятельствѣ, если оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Камарилья всегда приспособляется къ личности монарха, къ его достоинствамъ и слабостямъ;—самостоятельность его воли скажется въ прочности его привязанностей и привычекъ, въ упорствѣ его заблужденій и ложныхъ взглядовъ, тогда какъ безхарактерность и замкнутость жизни приводятъ къ неустойчивости всей придворной политики, къ частымъ внезапнымъ перемѣнамъ и къ господству необъяснимыхъ случайностей и противорѣчій. Опасность этихъ условій для государства ıрализуется лишь свободными парламентскими учрежденіями и отвѣтвеннымъ предъ ними министерствомъ,—какъ показываетъ примѣръ нгліи, гдѣ приближенные друзья и фавориты короля Эдуарда VII огутъ вліять только на его личныя развлеченія, а никакъ не на его фиціальныя дѣйствія и заявленія.

Въ германскій имперскій сеймъ внесенъ правительствомъ 25 ноября проектъ закона о союзахъ, который можно назвать весьма либеральнымъ. „Всѣ принадлежащіе къ имперіи—какъ гласитъ первый параграфъ—имѣютъ право образовывать союзы и собираться для цѣлей, не противорѣчащихъ уголовнымъ законамъ". Никакихъ ограниченій относительно числа участниковъ, ихъ пола и возраста, не предполагается, и это составляетъ важное нововведеніе сравнительно съ дѣйствующими до сихъ поръ правилами. По мѣстнымъ законамъ Пруссіи и многихъ другихъ германскихъ государствъ женщины не допускаются къ участію въ союзахъ политическаго характера и не могутъ присутствовать на собраніяхъ такихъ союзовъ; теперь признается въ этомъ отношеніи принципъ равноправности для лицъ обоего пола. Устраненіе несовершеннолѣтнихъ предоставляется родителямъ, опекунамъ и учебному начальству, и такимъ образомъ полиція избавляется отъ необходимости контролировать возрастъ участниковъ союзовъ и ихъ собраній. Каждый союзъ, имѣющій своимъ предметомъ дѣятельность въ области общественныхъ дѣлъ, долженъ имѣть правленіе и опредѣленное помѣщеніе; правленіе обязано въ теченіе недѣли со времени основанія союза сообщить мѣстному полицейскому вѣдомству списокъ своихъ членовъ и адресъ союза; о каждой перемѣнѣ состава и мѣстопребыванія правленія слѣдуетъ также сообщать въ теченіе недѣли. Кто желаетъ устроить публичное собраніе для обсужденія общественныхъ дѣлъ, долженъ заявить объ этомъ полиціи по крайней мѣрѣ за 24 часа до начала собранія, съ указаніемъ мѣста и времени; при выборахъ въ политическія корпораціи срокъ для заявленія сокращается до двѣнадцати часовъ. Центральное управленіе страны или области можетъ установить, при какихъ условіяхъ не требуется предварительныхъ заявленій для собраній, о которыхъ своевременно доведено до свѣдѣнія публики, съ соблюденіемъ указанныхъ сроковъ. Публичныя собранія подъ открытымъ небомъ допускаются не иначе какъ съ письменнаго разрѣшенія полиціи; тоже самое примѣняется къ процессіямъ, имѣющимъ проходить по улицамъ и площадямъ. Разрѣшеніе должно быть испрошено по меньшей мѣрѣ за 48 часовъ до начала собранія или процессіи, съ указаніемъ времени и мѣста; обычныя похоронныя или свадебныя шествія не нуждаются въ разрѣшеніи. Каждое собраніе должно имѣть своего руководителя; послѣдній или, при его отсутствіи, устроитель отвѣчаетъ за спокойствіе и порядокъ въ собраніи и уполномочивае объявить собраніе закрытымъ. Никто не долженъ являться на обп ственное собраніе или публичную процессію съ оружіемъ, если о не имѣетъ на это права или обязанности по службѣ. Самый спорі пунктъ законопроекта касается языка, обязательнаго для публичны собраній: всѣ разсужденія и пренія должны вестись по-нѣмецки; иск

ченія допускаются только съ разрѣшенія центральнаго вѣдомства страны или государства. Это ограниченіе будетъ особенно чувствительно для поляковъ, польскихъ ремесленниковъ и рабочихъ, которые окажутся такимъ образомъ фактически лишенными права, принадлежащаго всѣмъ нѣмецкимъ обывателямъ; здѣсь чувствуется тотъ же духъ національной нетерпимости и недовѣрія, которымъ проникнутъ законопроектъ о польскомъ землевладѣніи. Полиція можетъ посылать двухъ уполномоченныхъ на каждое публичное собраніе; уполномоченные имѣютъ право предъявить руководителю или, при отсутствіи его, устроителю собранія требованіе о закрытіи его, съ указаніемъ законныхъ къ тому основаній, а именно: если нужное разрѣшеніе не было получено; если отказано въ допущеніи уполномоченныхъ отъ полицейскаго вѣдомства; если не удалены вооруженные, незаконно присутствующіе на собраніи, и наконецъ, если по требованію уполномоченныхъ не отнято слово у ораторовъ, въ заявленіяхъ которыхъ усмотрѣнъ составъ преступленія или проступка, или которые, вопреки запрещенію, говорятъ на чужомъ языкѣ. За нарушеніе изложенныхъ правилъ назначается денежный штрафъ въ размѣрѣ до 600 марокъ, замѣняемый арестомъ для неимущихъ, или же арестъ на извѣстные сроки.

Можно предвидѣть заранѣе, что нѣкоторые параграфы этого законопроекта возбудятъ серьезныя пререканія и возраженія въ имперскомъ сеймѣ, особенно по вопросу объ обязательности нѣмецкаго языка; но въ общемъ выработанныя правительствомъ постановленія въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ свободу союзовъ и собраній въ предѣлахъ Германской имперіи, тѣмъ болѣе, что, при свойственной нѣмецкимъ административнымъ властямъ добросовѣстности, нельзя ожидать произвола или личнаго усмотрѣнія въ истолкованіи отдѣльныхъ статей закона.

Нѣмецкая печать придавала большое значеніе недавней поѣздкѣ императора Вильгельма II въ Англію и связывала съ этимъ путешествіемъ разные политическіе планы въ смыслѣ взаимнаго сближенія и соглашенія обѣихъ странъ; но англійскія газеты, повидимому, не раздѣляли подобныхъ ожиданій и относились къ событію довольно равнодушно, такъ какъ онѣ отлично знаютъ, что британская политика не зависитъ отъ разъѣздовъ и свиданій царственныхъ особъ. Германскій императоръ съ супругой прибылъ въ Портсмутъ 11-го ноября на яхтѣ „Гогенцоллернъ“, въ сопровожденіи выѣхавшаго ему на встрѣчу принца Уэльскаго; въ Виндзорскомъ замкѣ и затѣмъ въ Лондонѣ имъ былъ устроенъ торжественный пріемъ, состоялись обычные парадные обѣды и банкеты, произносились застольные спичи

болѣе или менѣе дипломатическаго содержанія, и остальное свободное время посвящалось различнымъ празднествамъ и главнымъ образомъ охотѣ. Оба монарха по обыкновенію обмѣнивались оффиціальными фразами о мирѣ и дружбѣ обѣихъ націй, причемъ Вильгельмъ II отличался особымъ краснорѣчіемъ и обнаруживалъ спеціальный интересъ къ общимъ вопросамъ культуры и просвѣщенія; спеціальная депутація отъ оксфордскаго университета, съ лордомъ Керзономъ во главѣ, поднесла ему почетный дипломъ на степень доктора гражданскаго права, что̀ дало императору поводъ произнести довольно интересную рѣчь о великомъ значеніи умственныхъ и научныхъ успѣховъ для политическаго могущества и процвѣтанія народовъ. На банкетѣ у лондонскаго лорда-мэра онъ выразился, между прочимъ, что считаетъ своею главною заслугою твердое сохраненіе мира между государствами, и что для этой цѣли онъ всегда старался поддерживать добрыя взаимныя чувства между націями; особенную же важность онъ придаетъ довѣрчивымъ отношеніямъ между Англіею и Германіею, въ чемъ безусловно солидаренъ съ нимъ нѣмецкій народъ.

Въ сношеніяхъ съ иностранными державами Вильгельмъ II всегда говоритъ и дѣлаетъ именно то, что̀ нужно для интересовъ Германской имперіи, и съ этой точки зрѣнія его новѣйшія миролюбивыя манифестаціи заслуживаютъ полнаго вниманія; но англичане не упускаютъ изъ виду его настойчивыхъ и неустанныхъ стремленій къ созданію сильнаго военнаго флота, и они помнятъ также, что главными противниками проектовъ сокращенія вооруженій на Гаагской конференціи мира были германскіе уполномоченные. Поэтому было бы слишкомъ наивно дѣлать серьезные практическіе выводы изъ успокоительныхъ увѣреній и заявленій, относящихся къ будущему; одно только несомнѣнно, что въ настоящее время прочный дружескій миръ съ Великобританіею составляетъ безусловную необходимость для Германіи, съ точки зрѣнія Вильгельма II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Octave Mirbeau*. „La 628. E. 8". Paris, 1908. (E. Fasquelle).

Октавъ Мирбо, авторъ „Дневника горничной" и „Дурныхъ пастырей"—рѣзкій обличитель современной Франціи. Врагами французской буржуазіи были, казалось бы, въ достаточной мѣрѣ, Золà и Мопассанъ. Но Октавъ Мирбо вноситъ нѣчто новое въ свое отношеніе къ нравамъ культурной Франціи и къ идейному міру, опредѣляющему эти нравы. Онъ не скорбитъ объ утраченныхъ добродѣтеляхъ добраго стараго времени, о плохомъ патріотизмѣ буржуа, о разлагающемся семейномъ началѣ, о паденіи нравственности во всѣхъ отношеніяхъ, какъ писатели натуралистической школы, которые въ своихъ общественныхъ идеалахъ стояли за твердые принципы гражданственности и возмущались только нарушеніемъ этихъ принциповъ въ нравахъ буржуазнаго общества. Самобытность Октава Мирбо—въ томъ, что онъ подвергаетъ критикѣ самые эти принципы и въ своихъ идеалахъ склоняется къ анти-общественности, къ анархическому индивидуализму, понимая это слово, конечно, не въ политическомъ, а въ идейно-нравственномъ смыслѣ. Октавъ Мирбо—одинъ изъ немногихъ убѣжденныхъ враговъ общественности въ современной Франціи, и въ этомъ смыслѣ онъ ближе къ анархистамъ, чѣмъ, напримѣръ, Золà, примыкавшій скорѣе къ соціализму. Октавъ Мирбо обличаетъ не только буржуазное общество, но касается того, чтò до сихъ поръ считалось неприкосновеннымъ: національная гордость, историческое прошлое, патріотизмъ—все это подвергается въ его произведеніяхъ необычайно сильной разрушительной критикѣ.

Октавъ Мирбо хорошо знаетъ свою Францію. Онъ уже не молодъ. Ему 64 года, и за нимъ долгое административное прошлое: онъ былъ су-префектомъ при Наполеонѣ III и знаетъ, какъ живетъ и какъ управляется страна. Несмотря на свои годы, Мирбо кажется молодымъ, благодаря своей необычайной живости. Высокій, стройный, съ умнымъ, нѣсколько сухимъ лицомъ, съ холодными, но часто вспыхивающими негодованіемъ глазами, съ быстрыми движеніями, онъ производитъ въ личной бесѣдѣ впечатлѣніе не столько художника, какъ вѣчно негодующаго борца. И таковъ онъ въ своей литературной и общественной дѣятельности. Мирбо стоитъ всегда въ рядахъ общественныхъ протестантовъ, всегда ведетъ противъ кого-нибудь рѣзкую полемику и считается однимъ изъ самыхъ талантливыхъ современ-

ныхъ публицистовъ. Его острое, безпощадное въ нападкахъ перо создало ему не мало враговъ; но при возникающихъ у него часто столкновеніяхъ по разнымъ общественнымъ вопросамъ, онъ почти всегда выходитъ побѣдителемъ, обладая всѣми качествами, нужными для литературной борьбы, въ особенности даромъ тонкой ироніи.

Послѣ длиннаго ряда литературныхъ произведеній, романовъ, въ которыхъ критика нравовъ („Дневникъ горничной"), изобличеніе французскаго духовенства („Себастьянъ Рокъ") чередовались съ анализомъ современной психологической извращенности („Садъ пытокъ"), послѣ сатирическихъ драмъ, каковы его знаменитая пьеса „Рабы наживы" (Les affaires sont les affaires) и „Дурные пастыри", гдѣ сказалось критическое отношеніе автора къ вожакамъ соціализма, вышла теперь въ свѣтъ новая, очень оригинальная книга Мирбо подъ заглавіемъ „628. E. 8". Это заглавіе—нумеръ автомобиля, на которомъ Мирбо совершилъ путешествіе по Бельгіи, Германіи и Голландіи. Книгу эту нельзя причислить къ литературѣ путевыхъ замѣтокъ или путевыхъ дневниковъ, потому что въ ней гораздо больше личнаго элемента, общихъ разсужденій автора по разнымъ поводамъ, чѣмъ объективныхъ свѣдѣній о странахъ, по которымъ онъ путешествовалъ. Но это именно и составляетъ очень большой интересъ книги Мирбо. Въ непринужденной передачѣ смѣняющихся впечатлѣній Мирбо говоритъ объ основахъ французской національной жизни, сравнивая ее съ жизнью другихъ странъ, и высказываетъ истины о Франціи, быть можетъ впервые высказываемыя съ такой смѣлостью и откровенностью устами француза. Чрезвычайно интересны именно эти сравнительныя сужденія о французахъ, нѣмцахъ, бельгійцахъ и голландцахъ, затѣмъ очень рѣзкая характеристика бельгійскаго короля Леопольда, а также нѣмецкаго „сверхъ-императора" Вильгельма, интересна глава о погромахъ въ Россіи, въ которой старый еврей, отплывающій изъ Антверпена въ Америку, разсказываетъ Мирбо о пережитыхъ имъ ужасахъ.

Мирбо—восторженный сторонникъ научнаго прогресса. Одно изъ завоеваній науки, или, вѣрнѣе, примѣненій науки къ удобствамъ жизни, особенно его восхищаетъ—это автомобиль. Его радуетъ возможность путешествовать со скоростью желѣзныхъ дорогъ, но безъ ихъ неудобствъ, и дѣйствительно знакомиться со странами, чрезъ которыя проѣзжаешь, а не мчаться по нимъ въ загороженныхъ клѣткахъ, не входя въ соприкосновеніе съ людьми и жизнью. Мирбо мечтаетъ о демократизаціи этого способа передвиженія, пока еще доступнаг лишь очень богатымъ людямъ, и думаетъ, что въ изобрѣтеніи автомобиля лежитъ залогъ будущаго дѣйствительнаго сближенія меж народами, истиннаго космополитизма, который долженъ разрушит національную замкнутость и національные предразсудки всѣхъ стран

На него самого автомобиль, очевидно, уже произвелъ желанное дѣйствіе, хотя, вѣроятно, тутъ дѣйствовали, помимо автомобиля, причины болѣе внутренняго свойства, т.-е. самая природа писателя, его образъ мыслей. Но во всякомъ случаѣ—фактъ, что Мирбо, судя по этой книгѣ, совершенно свободенъ отъ узкаго патріотизма и слѣпого націонализма. Онъ говоритъ, что причина этому—автомобиль. Въ такомъ случаѣ автомобиль—дѣйствительно мощное орудіе духовной культуры.

Мирбо полонъ благодарности къ этому изобрѣтенію. Въ очень остроумномъ предисловіи онъ посвящаетъ книгу фабриканту Шарону, у котораго пріобрѣтена его машина. Онъ какъ бы извиняется за то, что своей книгой дѣлаетъ ему рекламу, и разсказываетъ по этому случаю, какъ собственникъ буржуазной газеты „Journal“, въ которой онъ писалъ много лѣтъ, запрещалъ ему высказываться по поводу какихъ бы то ни было полезныхъ научныхъ открытій и изобрѣтеній—такъ какъ это дѣло платной рекламы и составляетъ доходъ газеты. А на вопросъ Мирбо, о чемъ же можно писать свободно, не лишая собственника газеты доходовъ за дорого оплачиваемую рекламу, издатель, подумавъ, сказалъ: „о порнографіи“. Вотъ широкая область, въ которой онъ охотно предоставляетъ сотрудникамъ полную свободу. Эта пикантная подробность газетныхъ нравовъ очень интересна—и для Россіи. Мирбо возмущается тѣмъ, что можно хвалить сколько угодно скверныя книги и скверныя картины, но нельзя, безъ подозрѣнія въ корыстномъ рекламированіи, отдать дань благодарности практическому изобрѣтенію, увеличивающему удобство и радость жизни. Нарушая обычай, Мирбо открыто хвалитъ фабриканта за совершенство испробованной имъ въ далекомъ путешествіи машины, и заканчиваетъ свое восхищеніе перечисленіемъ всѣхъ благодѣяній автомобиля. „Я могу примириться съ мыслью—говоритъ онъ,—что у меня отнимутъ мои книги и картины,—но не съ тѣмъ, чтобы я лишился автомобиля“. Автомобиль для Мирбо—вѣчно раскрытая новая книга, сокровищница знанія и удовольствія, которыя стоитъ только потрудиться воспринять,—вѣчно обновляющаяся галерея картинъ, живыхъ и неожиданныхъ, неизсякаемый источникъ для мысли и чувства.

Мирбо подробно и интересно разсказываетъ въ своей книгѣ исторію недавно развившагося автомобильнаго спорта. Онъ описываетъ среду темнаго дѣлового люда, въ томъ числѣ и опустившихся титулованныхъ аристократовъ, которые при возникновеніи автомобильнаго спорта эксплуатировали его на манеръ разныхъ другихъ темныхъ промысловъ. Онъ раскрываетъ любопытныя профессіональныя тайны, разсказываетъ, какъ въ гаражахъ обучали шофферовъ ловко портить механизмъ съ цѣлью выгодныхъ для нихъ самихъ и для фабрикантовъ починокъ, какъ надували автомобильныхъ собственниковъ, пугая

ихъ техническими терминами, заставляя ихъ платить по фантастическимъ счетамъ—только для того, чтобы не сознаться въ своемъ невѣжествѣ и произносить передъ другими мудреныя автомобильныя слова, помощью которыхъ ихъ обирали. Мирбо разсказываетъ забавные анекдоты о чванствѣ богатыхъ буржуа, которые становятся рабами своихъ шофферовъ изъ желанья казаться опытными спортсменами. Очень потѣшна исторія французской семьи, которую Мирбо встрѣчаетъ на бельгійской границѣ. Семья ѣдетъ въ Брюссель на плохой машинѣ — и вдругъ шофферъ заявляетъ, что нельзя ѣхать дальше, такъ какъ „сцѣпленіе не дѣйствуетъ". Хозяинъ ничего не понимаетъ, жена его и взрослыя дѣти невѣжественны, а шофферъ сыплетъ терминами, говоритъ о „карбураторѣ", „скоростяхъ" и т. д., и заставляетъ взбѣшенныхъ хозяевъ остаться тутъ, на границѣ, — или поѣздить нѣсколько дней по желѣзной дорогѣ, пока онъ отправится въ Парижъ и починитъ автомобиль въ гаражѣ. Въ эксперты для рѣшенія вопроса, дѣйствительно ли машина не годится, призываютъ шоффера Мирбо, Броссета, и онъ подтверждаетъ послѣ осмотра, что невозможно продолжать путешествіе, не поправивъ машину въ Парижѣ. А потомъ Мирбо узнаетъ отъ своего шоффера, что вся эта исторія—выдуманная, что машина была въ полномъ порядкѣ, но шофферъ—ревнивецъ, который хотѣлъ съѣздить въ Парижъ, чтобы накрыть свою жену—и надулъ съ этой цѣлью „своихъ буржуа". „Имъ подѣломъ,— прибавляетъ Броссетъ. — Нельзя же быть такими невѣжественными дураками". И про своего Броссета, и о его привычкахъ къ ловкому хозяйничанью бензиномъ и масломъ въ дорогѣ, а также о другихъ его профессіональныхъ уловкахъ Мирбо разсказываетъ много забавныхъ подробностей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ восхищается спеціальными качествами, выработанными его ремесломъ: остротой зрѣнія, умѣньемъ какъ птица оріентироваться въ пространствѣ и любовью къ машинѣ, къ которой онъ привязанъ, какъ къ живому существу. Онъ предпочитаетъ побѣды надъ пространствомъ побѣдамъ надъ женскими сердцами, и радости автомобилиста—всякимъ удовольствіямъ осѣдлой городской жизни. Броссетъ — новый типъ, созданный развитіемъ матеріальной культуры, типъ полуинтеллигента съ развитымъ и свободнымъ умомъ, но съ преобладаніемъ практичности и свободолюбія надъ совѣстливостью и сердечными эмоціями.

Психологія автомобилизма, описанія новой общественной касты, созданной имъ, различныхъ типовъ этой касты, типовъ эксплуататоровъ и жертвъ—составляютъ фабулу книги Мирбо, ея повѣствовательный элементъ,—очень интересный, такъ какъ эта сторона современной культурной жизни, сильно развивающаяся въ послѣднее время, если и не у насъ пока, то во всей западной Европѣ, еще не отразилась

до сихъ поръ въ литературѣ. А Мирбо такъ талантливо и живо изображаетъ вторженіе автомобиля въ жизнь, измѣнившіеся подъ его вліяніемъ нравы значительной части французскаго общества, что живо заинтересовываетъ своими описаніями и забавными бытовыми сценами.

Но преимущественное значеніе книги—не въ этомъ. Интересно главнымъ образомъ то, что Мирбо разсказываетъ и высказываетъ по поводу разныхъ путевыхъ впечатлѣній. Въ книгѣ его много блестящихъ и смѣлыхъ сужденій о національной французской жизни и о народностяхъ, съ которыми онъ сталкивается въ путешествіи, и безпристрастность этихъ сужденій поражаетъ въ французскомъ писателѣ. Французы искони отличаются замкнутостью своего націонализма, культомъ своей національной славы — и Мирбо является въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Его книга проникнута протестомъ противъ всѣхъ традицій исторической и національной гордости, и онъ говоритъ своимъ соотечественникамъ много горькихъ истинъ въ лицо.

Очень поучительна въ этомъ отношеніи глава, посвященная впечатлѣніямъ, которыя авторъ вынесъ изъ посѣщенія стариннаго города Рокруа. Это знаменитая крѣпость временъ Людовика XIV, городъ великаго Кондэ; тамъ Кондэ разбилъ испанцевъ. Но теперь Рокруа—забытое мѣсто, стоящее въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, и только капризъ автомобилиста завелъ Мирбо въ мертвый городъ, гдѣ ничто не напоминаетъ о великомъ прошломъ. Размышляя о времени величія Рокруа, Мирбо даетъ оригинальную характеристику „великой эпохи" и проводитъ столь же оригинальную параллель съ современной Франціей. Приводимъ эту страницу, заслуживающую особаго вниманія:

„Честные и проницательные историки — говоритъ Мирбо — начинаютъ теперь заново изучать исторію этого отвратительнаго вѣка, который продолжаютъ называть въ демократическихъ школахъ и либеральныхъ салонахъ великимъ вѣкомъ. Право, намъ нечего стыдиться нашего времени, хотя его стыдятся академіи, строгія хранительницы лжи минувшихъ вѣковъ. Что представляютъ изъ себя наши пороки, наша развращенность, наша продажность, наши жалкія маленькія панамы, если сравнить ихъ съ пороками, развратомъ, продажностью, предательствами знаменитаго двора, который все еще выставляется какъ образецъ чести, патріотизма, изящества и добродѣтели? Дѣтскія шалости, не болѣе... Мысли мои перенеслись съ благодарнымъ умиленіемъ къ нашимъ славнымъ радикаламъ и радикаламъ-соціалистамъ, которые, какъ тогдашняя знать, составляютъ теперь привилегированное сословіе — то, которое во всѣ времена, подъ разными названіями, но съ одинаковыми аппетитами, тянется все къ той же приманкѣ—къ почестямъ и деньгамъ... Какіе они всѣ славные и какъ я ихъ люблю!.. Они учтивы, любезны, сдержанны въ

публичномъ проявленіи своихъ страстей, не любятъ скандаловъ, которые всегда уродливы, избѣгаютъ слишкомъ шумныхъ интригъ, зная, что онѣ иногда опасны. Они—превосходные патріоты, твердые капиталисты, ловкіе посредники между сбереженіями и банками, твердые въ своихъ принципахъ собственники, и потому кто бы лучше, чѣмъ они, могъ охранять безсмертные принципы общественной сохранности, распредѣлять съ большей справедливостью манну бюджета между крупными аферами, которымъ они покровительствуютъ, и мелкими потребностями бѣдняковъ? Кромѣ того, они благовоспитанны, благопристойны и добродѣтельны, обладаютъ среднимъ развитіемъ, которое дѣлаетъ ихъ способными ко всѣмъ блестящимъ и выгоднымъ среднимъ должностямъ; они обладаютъ и утонченностью манеръ, которая дѣлаетъ общеніе съ ними пріятнымъ и предохраняетъ отъ досадныхъ сюрпризовъ; привычка къ выборнымъ кампаніемъ сблизила ихъ съ народомъ и научила даже самыхъ хмурыхъ изъ нихъ относиться благожелательно и просто къ низшимъ... До чего они выигрываютъ, если сравнить ихъ, одѣтыхъ въ черные сюртуки, съ вельможами, разодѣтыми въ шолкъ и кружева, грубыми и наглыми, невѣждами и ворами, лакеями и сводниками, хваленое изящество которыхъ заключалось въ томъ, что они рыгали другъ другу въ лицо, давали аудіенціи, совершая интимныя подробности туалета, ѣли неопрятно, пачкая лицо соусами, разводили—занимаясь, сами того не зная, бактереологіей—грязь подъ своими париками, и были ходячими очагами нечистотъ, распространяющими по корридорамъ Версаля, Медона, Люксембурга неистребимый запахъ мускуса и неопрятнаго тѣла... Эти ревностные слуги монархіи и религіи только то и дѣлали, что торговали своими должностями, всячески грабили казну, плутовали въ карты, приводили своихъ женъ, своихъ дочерей, своихъ любовницъ въ альковъ короля, своихъ сыновей—къ знаменитымъ содомитамъ королевской династіи. Ихъ рыцарская гордость считала большей честью, чѣмъ сражаться на полѣ брани — сражались они, впрочемъ, какъ львы — оказывать комнатныя услуги королю... Чудовищное и зловонное царствованіе, которое своей неопрятностью и своимъ грубымъ развратомъ возбуждаетъ чувство дурноты... Ни великолѣпіе дворцовъ, ни прелесть садовъ и парковъ, ни слава Ларошфуко, Паскаля, Лабрюйера, Корнеля, Расина, Мольера, ни мощный созидательный геній Кольбера, ни — что̀ выше и прекраснѣе всего этого—обличительная сила признаній портретовъ безсмертнаго Сенъ-Симона не могутъ загладить позоръ преступленія этого царствованія".

Въ этой исторической характеристикѣ и въ этой параллели яр всего сказался разрывъ Мирбо съ прошлымъ его страны, а также е. нѣсколько ироническое отношеніе къ современной французской

литикѣ. Въ своихъ общественныхъ теоріяхъ Мирбо стоитъ гораздо лѣвѣе господствующихъ радикальныхъ и даже соціалистическихъ партій, такъ какъ относится подозрительно ко всякой власти, даже сосредоточенной въ рукахъ самой крайней партіи. Всякій деспотизмъ—и единовластный, и партійный—его почти одинаково отталкиваетъ или, по меньшей мѣрѣ, не удовлетворяетъ. Онъ вѣритъ только въ созидательную силу духовно и нравственно свободной личности.

Національному чувству французовъ Мирбо наноситъ удары и во многихъ другихъ мѣстахъ своей книги. Онъ довольно зло смѣется надъ тѣмъ, до чего французы не знаютъ и не хотятъ знать ничего, что̀ происходитъ за границами ихъ отечества, какъ недовѣрчиво они относятся къ сосѣдямъ, какъ они заранѣе презираютъ все не-французское. Онъ разсказываетъ въ комичномъ тонѣ о своемъ въѣздѣ въ Германію, о томъ, какъ его предупреждали объ ужасахъ, ожидающихъ его на границѣ, и какъ на самомъ дѣлѣ таможенный смотритель оказался добродушнѣйшимъ человѣкомъ, который даже не взглянулъ на кипу рекомендательныхъ писемъ, припасенныхъ путешественниками для огражденія отъ свирѣпости нѣмецкихъ властей; какъ онъ только съ интересомъ осмотрѣлъ ихъ автомобиль, разспросилъ про его скорость, ничего не досматривая, и показалъ имъ, какимъ путемъ проѣхать въ ближайшій нѣмецкій городъ. Мирбо много разъ смѣется надъ французскимъ чванствомъ, осуждающимъ заранѣе всякаго иностранца, — только за то, что онъ не французъ, и говоритъ, что, напротивъ того, слѣдовало бы многому учиться у иностранцевъ. Описывая семью, которой пришлось остановиться при въѣздѣ въ Бельгію по капризу шоффёра, онъ изображаетъ обрюзглую фигуру растеряннаго буржуа, его сварливую уродливую жену, затѣмъ худосочную молодую дочь и сына, мальчика съ явными признаками вырожденія.—Истинно французская семья!—прибавляетъ онъ, рекомендуя своимъ соотечественникамъ не презирать и не относиться съ высокомѣріемъ къ не-французамъ, а поучиться на примѣрахъ здоровой, упорядоченной жизни. За предѣлами Франціи замѣчанія Мирбо—большей частью вѣрныя—звучатъ смѣлыми признаніями въ устахъ французскаго писателя.

Но если Мирбо относится критически къ своимъ соотечественникамъ, то не большую нѣжность вызываютъ въ немъ и непосредственные сосѣди французовъ — бельгійцы, говорящіе ихъ же языкомъ, но съ провинціальнымъ акцентомъ. Мирбо раздѣляетъ антипатію Бодлэра къ Брюсселю и доказываетъ, что въ этомъ городѣ, гдѣ все дѣлается по иностраннымъ образцамъ, гдѣ дома какъ въ Лондонѣ, уличныя кафэ какъ въ Берлинѣ, гдѣ грузно ѣдятъ и много пьютъ — не переставая все время говорить о Парижѣ, — что въ этомъ городѣ не можетъ быть настоящей литературы, настоящаго искусства, что комич-

ный провинціализмъ Бельгіи и бельгійцевъ, то, что онъ называетъ „accent belge", убиваетъ всякое свободное проявленіе духа. Всѣ тѣ бельгійцы, которые вошли въ ряды французскихъ писателей, покинули достаточно рано скучный, проникнутый насквозь бездарностью Брюссель. Мирбо иронически благодаритъ Брюссель за то, что онъ не пріютилъ изгнаника Гюго. Будь онъ гостепріимнѣе къ людямъ мощнаго духа, Викторъ Гюго поселился бы въ торговомъ Брюсселѣ, который Мирбо называетъ „царицей устричной торговли", и утратилъ бы окрыленность своихъ вдохновеній. Тогда Франція лишилась бы одного изъ своихъ истинныхъ поэтовъ. За то Брюссель пріютилъ изгнанника себѣ по плечу—Буланже. Но и тотъ не выдержалъ сѣрости Брюсселя и застрѣлился. Конечно, Мирбо сознательно преувеличиваетъ гибельное вліяніе Брюсселя въ этомъ случаѣ. Самоубійство Буланже не имѣло никакой связи съ городомъ, въ которомъ онъ поселился. Но и это самоубійство, случайно происшедшее въ Брюсселѣ, кажется Мирбо символичнымъ. Брюссель отталкиваетъ Мирбо торгашескимъ характеромъ своей жизни и провинціальностью своего населенія, во всемъ подражающаго парижанамъ и достигающаго этимъ подражаніемъ только каррикатурныхъ эффектовъ. Онъ разсказываетъ анекдотъ—конечно, выдуманный, но довольно характерный — о томъ, какъ одинъ французъ, котораго судили въ Брюсселѣ за совершонное имъ убійство — онъ ограбилъ и задушилъ богатую старуху — во время разбирательства его дѣла и защитительной рѣчи адвоката, знаменитаго Пикара, все время неудержимо хохоталъ. Его приговорили къ сравнительно мягкому наказанію, но послѣ засѣданія адвокатъ сталъ его бранить за неприличное поведеніе на судѣ. Оказалось, что французъ принялъ судебное разбирательство за представленіе, на которое его повели, чтобы развлечь его. Онъ былъ въ восторгѣ отъ удачной комичной имитаціи суда и судей.—„А вы говорите, что это настоящій судъ?—спросилъ онъ.—Это настоящіе судьи?.. Вы настоящій адвокатъ? Bien vrai!.." Эта каррикатурность Брюсселя и есть тотъ accent „belge", который невыносимъ для француза не только во французскомъ говорѣ бельгійцевъ, но и во всемъ характерѣ ихъ провинціальной торгашеской жизни.

Самымъ типичнымъ выразителемъ торгашеской Бельгіи Мирбо считаетъ ея короля Леопольда, котораго изображаетъ съ чрезвычайной рѣзкостью, и прямо называетъ аферистомъ, превратившимъ тронную залу въ дѣловую контору, гдѣ совершаются самыя постыдныя сдѣлк.

Конечно, главнымъ предметомъ обличеній служитъ афера съ Конг но и помимо этого Мирбо указываетъ на участіе короля во всѣ крупныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ въ Бельгіи — вплоть остэндскаго казино, гдѣ процвѣтаетъ рулетка. Въ забавной гла подъ заглавіемъ: „Тутъ не безъ короля" (Le Roi en est...) Мирбо р

сказываетъ, какъ при разныхъ обстоятельствахъ ему таинственно сообщали объ участіи короля въ разныхъ предпріятіяхъ.

„Тутъ не безъ короля!“—шепнулъ ему слуга въ только-что отстроенномъ великолѣпномъ отелѣ, въ которомъ фантастическіе счета превышали все, что гостинница представляла въ смыслѣ удобствъ. „Тутъ не безъ короля!“—сообщилъ ему съ гордостью тотъ же слуга, совѣтуя ему съѣздить въ Остэнде и побывать въ казино, открытомъ весь годъ, и гдѣ открыто стоятъ столы съ рулеткой, хотя игры оффиціально запрещены, и посмотрѣть также, какъ король съ демократической фамильярностью гуляетъ по пляжу подъ-руку съ Маркэ, знаменитымъ директоромъ цѣлаго ряда игорныхъ домовъ въ Европѣ. А когда Мирбо заглядывается на красивую молодую женщину, рѣзвящуюся со своими двумя очаровательными маленькими дочками на лужайкѣ передъ отелемъ, то швейцаръ, отвѣчая на его разспросы о томъ, кто она, даетъ нехотя объясненія и таинственно шепчетъ ему на ухо: „тутъ не безъ короля“... Конечно, всѣ столь распространенные разсказы о романтическихъ увлеченіяхъ стараго короля Леопольда, о Клео де-Меродъ, дополняютъ образъ жуира-дѣльца, какимъ Мирбо изображаетъ бельгійскаго короля, а со словъ бельгійскихъ дамъ онъ разсказываетъ еще и о возмущеніи дамъ высшаго круга, недовольныхъ тѣмъ, что король ищетъ развлеченій только за-границей, а у себя при дворѣ установилъ скучнѣйшій этикетъ и строго слѣдитъ за нравственностью придворнаго общества... Онъ пренебрегаетъ своими соотечественницами и очень нелюбезенъ, даже грубъ съ ними... Въ противовѣсъ всѣмъ этимъ обвиненіямъ, Мирбо приводитъ рѣчь одного апологета короля, который защищаетъ его довольно оригинальнымъ образомъ. Онъ хвалитъ короля за то, что онъ не замыкается въ своемъ королевскомъ достоинствѣ, а живетъ какъ всѣ, не скрывая своихъ слабостей и аппетитовъ, и, проявляя всѣ пороки—а также и качества—людей своего круга, оказываетъ услугу демократической Европѣ тѣмъ, что не хранитъ королевскаго престижа и болѣе похожъ на дѣльца,—напримѣръ, на предсѣдателя конкурса по дѣламъ бельгійскаго торговаго общества,—чѣмъ на царственную особу.—Можно его за это только поблагодарить,—заключаетъ этотъ сомнительный другъ и защитникъ короля-афериста.

И все-таки Мирбо заканчиваетъ главу о Бельгіи гимномъ нѣсколькимъ писателямъ, вышедшимъ изъ нея,—Метерлинку, Верхарну и Роденбаху. За любовь къ нимъ, надѣется онъ, ему простится ненависть къ ихъ провинціальной, плоской и торгашеской столицѣ. Не ко всей Бельгіи относится эта ненависть,—кружевной Брюгге, лихорадочно оживленный Антверпенъ и другіе фламандскіе и валлонскіе города онъ любитъ и цѣнитъ;—одинъ только Брюссель вызываетъ въ немъ враждебныя чувства—и это, можетъ быть, объясняется и чисто

литературными причинами. Въ Брюсселѣ много страдалъ Бодлэръ,— а Бодлэръ дорогъ сердцу Мирбо.

Кромѣ Бельгіи, Мирбо ѣздилъ по Голландіи, и видъ спокойныхъ, дѣятельныхъ, чистыхъ и красивыхъ голландскихъ городовъ съ ихъ музеями, каналами и разумной жизнью описанъ въ его книгѣ съ большимъ умиленіемъ и съ частыми размышленіями о томъ, какъ бы выиграла Франція, поучаясь на примѣрахъ трудолюбія этой маленькой страны, умѣющей упорствомъ отвоевывать у стихій благосостояніе своего народа.

Самое интересное въ книгѣ Мирбо—описаніе его путешествія по Германіи. Не въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, пристрастно осуждающимъ все нѣмецкое, онъ восхищается благоустройствомъ жизни, и по поводу, напримѣръ, удобныхъ и чистыхъ нѣмецкихъ гостинницъ даже въ небольшихъ городахъ говоритъ объ ужасахъ путешествія по французской провинціи, гдѣ въ лучшихъ гостинницахъ не соблюдаются самыя элементарныя правила гигіены. Но если ему нравится многое въ нѣмецкихъ нравахъ и въ практично приспособленной къ потребностямъ населенія нѣмецкой культурѣ, то къ оффиціальной Германіи онъ относится съ меньшей нѣжностью. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи глава подъ заглавіемъ: „Сверхъ-императоръ", въ которой онъ, влагая свои сужденія въ уста нѣкоего фонъ-Б., будто бы приближеннаго императора, даетъ чрезвычайно рѣзкую характеристику „короля-фанфарона", какъ онъ называетъ Вильгельма II. Нынѣшній германскій императоръ изображается въ этой характеристикѣ типичнымъ выразителемъ „Gründerzeit", наступившаго послѣ побѣды надъ Франціей, когда началось сооруженіе на скорую руку „міровой столицы" по чужимъ образцамъ. Вильгельмъ II съ его характеромъ выскочки, который хочетъ ослѣпить всѣхъ внѣшнимъ блескомъ, болѣе подходитъ къ своему времени, чѣмъ его мудрый, тихій по натурѣ отецъ,—къ которому онъ относится къ тому же съ нѣкоторой пренебрежительностью. Вильгельмъ II высокомѣрно возсѣдаетъ на тронѣ, который не онъ завоевалъ. Разбогатѣвшая послѣ войны нація, огрубѣвшая отъ побѣды, стремилась именно къ показному блеску—и его создалъ шумный Вильгельмъ. Въ частной жизни онъ „добрый малый", но какъ императоръ онъ отталкиваетъ даже людей, относящихся къ нему съ искреннимъ дружескимъ чувствомъ. Онъ образованъ—но его знанія поверхностны, кромѣ одной области-- географіи. Ее онъ знаетъ, потому что съ географіей связаны торг вые интересы. Его лихорадочное тщеславіе все болѣе и болѣе по титъ его характеръ. Прежде онъ интересовался литературой, иску ствомъ, теперь онъ весь поглощенъ своими честолюбивыми планам сдѣлался невыносимъ въ обращеніи, раздражителенъ и нетерпимъ.

этомъ, по словамъ фонъ-Б., будто бы въ значительной степени виновата императрица, ограниченная женщина, которая въ своемъ піэтизмѣ доходитъ до того, что сама просматриваетъ пьесы, принимаемыя королевскими театрами,—и вычеркиваетъ изъ нихъ слово „любовь". Берлинскій дворъ—самый скучный въ Европѣ. Безвкусіе императрицы повліяло и на императора, который въ достаточной степени насмѣшилъ Европу своими притязаніями на художественное творчество — и проявляетъ свой деспотическій дурной вкусъ, загромождая Берлинъ неуклюжими, уродливыми памятниками... И результатъ суетливости Вильгельма во внѣшней политикѣ и внутреннемъ управленіи—тотъ, по словамъ собесѣдника Мирбо, что его теперь не любятъ въ Германіи... Онъ утомляетъ, раздражаетъ всѣхъ—даже своихъ министровъ, заставляя ихъ вести политику постоянной лжи; раздражаетъ Европу, дѣлаясь для всѣхъ какимъ-то кошмаромъ. Нѣмцы—работящій, спокойный народъ; они начинаютъ теперь приходить въ себя отъ опьяненія показнымъ процвѣтаніемъ Германіи. Выработалась огромная организація промышленности, но чтобы пользоваться ею, нужно спокойствіе, а страна живетъ въ страхѣ постоянныхъ политическихъ осложненій, создаваемыхъ вѣчно суетливымъ императоромъ, который не умѣетъ сдерживать своей нервности... Молодое поколѣніе недовольно Вильгельмомъ за то, что онъ слишкомъ взвинтилъ жизнь, не сообразуясь съ національнымъ характеромъ, и за то, что въ сущности процвѣтаніе Германіи—только показное, и что въ политикѣ императоръ одержимъ маніей величія, которая можетъ дорого обойтись странѣ.

Эта характеристика германскаго императора умышленно вложена въ уста нѣмца, приближеннаго Вильгельма II, и какъ будто отражаетъ мнѣніе страны; но, конечно, въ ней сказывается крайне пристрастный судья—изъ враждебной страны. Во всякомъ случаѣ, она интересна и, можетъ быть, встрѣтитъ подтвержденіе и во мнѣніяхъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ выведеннаго въ книгѣ Мирбо друга императора.

Изъ другихъ главъ русскіе читатели прочтутъ съ особымъ интересомъ ту, въ которой описана встрѣча Мирбо съ старикомъ-евреемъ, потерявшимъ всю свою семью во время погромовъ на югѣ Россіи и разсказывающаго съ глубокой искренностью и простотой о пережитыхъ имъ ужасахъ. Сцены погромовъ описаны съ захватывающимъ паѳосомъ.

Интересная, какъ видно по передачѣ содержанія, книга Мирбо появляется одновременно съ французскимъ изданіемъ въ разрѣшенномъ авторомъ русскомъ переводѣ съ рукописи въ изданіи „Шиповника".—З. В.

ПОЛУВѢКОВОЙ ЮБИЛЕЙ
К. К. АРСЕНЬЕВА

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, 15 ноября, многочисленные почитатели и друзья Константина Константиновича Арсеньева чествовали исполнившееся пятидесятилѣтіе его литературной и общественной дѣятельности. Къ этому чествованію присоединились и различныя учрежденія, въ лицѣ своихъ представителей: Академія Наукъ, ея разрядъ изящной словесности, университеты: с.-петербургскій, поднесшій юбиляру дипломъ доктора государственнаго права „honoris causa"; московскій университетъ и юридическое ярославское общество, избравшіе его своимъ почетнымъ членомъ; за симъ послѣдовали многочисленныя депутаціи съ адресами въ честь юбиляра: отъ политехникума, литературнаго фонда, спб. юридическаго общества, совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отъ Городской Думы — городской голова Н. А. Рѣзцовъ, отъ коммиссіи по народному образованію—П. А. Потѣхинъ, отъ столичнаго мирового съѣзда, спб. губернскаго и лужскаго земства, отъ Вольнаго Экономическаго Общества и мн. др. Сверхъ того, было получено нѣсколько сотъ привѣтствій по почтѣ и по телеграфу со всѣхъ концовъ Россіи; на юбилеѣ присутствовало всего свыше 200 лицъ. Отъ с.-петербургской печати привѣтствовали юбиляра редакціи „Права", „Русскаго Богатства", „Руси", „Товарища", „Рѣчи", „Русскихъ Вѣдомостей" и мн. друг.

Редакція „Вѣстника Европы" обратилась къ своему ветерану-сотруднику съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Нашъ дорогой и высокочтимый Константинъ Константиновичъ! Начало изданія „Вѣстника Европы" — первый годъ его существованія—1866-й годъ—было вмѣстѣ и началомъ Вашего сотрудничества въ журналѣ: въ этомъ самомъ году появилась на его страницахъ Ваша первая статья (т. III, Истор. Хроника, стр. 83). Такимъ образомъ, изъ пятидесятилѣтія Вашего служенія литературѣ, сорокъ лѣтъ, можно сказать, принадлежатъ, значительною частью, „Вѣстнику Европы" (1866 — 1907 гг.): въ первыя пятнадцать лѣтъ (1866—1880 гг.) Ваши очерки и этюды, въ области исторіи, политики и литературы, были настолько многочисленны, что, изданные вмѣстѣ, составили бы хорошій томъ; въ послѣднія же двадцать-пять лѣт (1881—1906 гг.) — цѣлая четверть вѣка! —Вы отдались вполнѣ журналу, войдя въ составъ Редакціи и избравъ для себя важный е. отдѣлъ, а именно, ежемѣсячныя обозрѣнія журнала въ области наше

жизни, государственной и гражданской; вмѣстѣ взятое, все это составило бы свыше пятисотъ печатныхъ листовъ, помимо многочисленныхъ отдѣльныхъ этюдовъ и очерковъ, помѣщенныхъ Вами въ то же самое время въ журналѣ.

„Но не обширность Вашихъ трудовъ по журналу составляетъ ихъ главное достоинство: читатели его, безъ сомнѣнія, могутъ признать, что въ Вашихъ обозрѣніяхъ они всегда находили отзвукъ своего внутренняго чувства и отголосокъ своихъ мыслей о необходимости у насъ широкихъ государственныхъ реформъ; въ ту эпоху, еще недалекую отъ насъ, этотъ предметъ представлялся особенно труднымъ для трактата о немъ въ печати,—и Вы всегда находили возможность преодолѣвать такія трудности. Вотъ что̀ составляетъ вашу заслугу уже не предъ журналомъ, а предъ самимъ обществомъ, и вотъ теперь какая выпала на Вашу долю награда: Вы дожили до дней осуществленія того, что̀ еще очень недавно казалось рискованною мечтою! Это наилучшимъ образомъ завершило пятидесятилѣтіе Вашей литературной дѣятельности и дало Вамъ великую отраду увидѣть воочію всходы того, что̀ Вы сѣяли, съ великими усиліями и трудомъ, многіе годы, оставаясь всегда неуклонно на избранномъ Вами пути чести, правды и добра.

„Примите же, глубокоуважаемый Константинъ Константиновичъ, сердечное и дружеское поздравленіе Редакціи съ душевнымъ пожеланіемъ Вамъ здравія и новыхъ силъ для новыхъ трудовъ на пользу дальнѣйшаго, прочнаго и успѣшнаго развитія нашей новой политической и гражданской жизни“ [1]).

---

[1]) Изъ массы телеграммъ и писемъ, полученныхъ Редакціею для передачи К. К. Арсеньеву, мы не успѣли, за позднимъ временемъ, передать одно изъ такихъ писемъ, а потому помѣщаемъ его здѣсь, а именно, отъ редактора „Педагогическаго Сборника“, А. Н. Острогорскаго: „Многоуважаемый Константинъ Константиновичъ! Лично Вы меня едва-ли помните. Я одинъ изъ тѣхъ, что въ неясныхъ формахъ рисуется Вамъ, когда Вы говорите: „мой читатель“. Болѣе 25 лѣтъ я читаю „Вѣстникъ Европы“ и при полученіи каждой его книжки прежде всего берусь за чтеніе Внутренняго Обозрѣнія. За мѣсяцъ пережито много впечатлѣній, много передумано, и хочется провѣрить себя, разъяснить непонятое, оттого и ждешь дорогого собесѣдника, который въ свое время придетъ и дастъ отвѣты на твои вопросы и недоумѣнія, а иной разъ поставитъ тебя на такую точку зрѣнія, о какой ты и не думалъ, заставитъ задуматься и перерѣшить свои заключенія. У этого заочнаго собесѣдника я, а со мной, вѣроятно, и многіе другіе читатели многому научились. Научились прежде всего корректному отношенію къ своему противнику, уваженію къ законности, нераздѣльному съ критическимъ отношеніемъ къ закону, участливому и вдумчивому отношенію къ явленіямъ общественной жизни, признанію необходимости серьезныхъ, основательныхъ знаній для сужденія объ этихъ явленіяхъ. Заочная бесѣда съ Вами всегда просвѣтляла и вразумляла. Большое Вамъ спасибо за это.—Искренно Васъ уважающій—Алексѣй Острогорскій“.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1907.

Открытіе Думы и общія впечатлѣнія первыхъ трехъ недѣль.—Рѣчь Ѳ. И. Родичева и устраненіе его на пятнадцать засѣданій. — Опасный прецедентъ. — Приговоръ по дѣлу г. Гурко.—Дѣло крестьянскаго союза.—Постановленіе вологодскаго губернатора.—Юбилеи И. Е. Забѣлина и Н. Н. Златовратскаго.

„Я присутствовалъ на первомъ засѣданіи третьей Думы и могу резюмировать мои впечатлѣнія двумя словами: мнѣ казалось, что я нахожусь въ царствѣ призраковъ... Громовые раскаты „ура", но безъ дѣйствительнаго подъема духа, пѣніе народнаго гимна при отсутствіи національнаго чувства; „единодушное" избраніе предсѣдателя при полномъ разномысліи; фраза о „единствѣ и цѣлости Россіи", столь рѣзко контрастировавшая съ внутренней рознью и взаимной ненавистью собравшихся въ залѣ депутатовъ,—вотъ что приходилось видѣть и слышать 1 ноября въ Таврическомъ дворцѣ... Среди этихъ призраковъ, о дѣйствительности напоминали только безчисленныя перегородки въ залѣ: особая клѣтка для журналистовъ, лишенныхъ возможности сообщаться съ депутатами, непроходимые барьеры между депутатами и публикой, между мѣстами для публики и ложами Государственнаго Совѣта; наконецъ, невидимыя, но еще болѣе непреодолимыя внутреннія, психическія преграды между отдѣльными группами депутатовъ"...

Таковы впечатлѣнія, вынесенныя изъ перваго засѣданія княземъ Е. Трубецкимъ („Московскій Еженедѣльникъ", № 44). Три недѣли существованія Думы не изгладили этихъ тяжелыхъ впечатлѣній. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше раскрывается штриховъ, подтверждающихъ ихъ вѣрность. Громовое „ура" и звуки народнаго гимна не разъ затѣмъ оглашали стѣны Таврическаго дворца — и всегда вѣяло отъ криковъ и пѣнія чѣмъ-то казеннымъ, искусственно взвинченнымъ въ себѣ кричавшими и пѣвшими. „Фраза" о единствѣ и цѣлости Россіи повторялась затѣмъ чуть не въ каждомъ засѣданіи— и тоже всегда какъ фраза безъ реальнаго содержанія. Рознь взаимная ненависть депутатовъ уже имѣютъ за собою безчисленн факты. Факты же засвидѣтельствовали поразительную нетерпимо къ чужому мнѣнію, грубость по адресу противниковъ и склонно каждую минуту произвести скандалъ — со стороны наиболѣе ярк представителей третьей Думы.

„Горе побѣжденнымъ!“ Этотъ побѣдный кличъ чувствовался прежде въ поведенiи крайнихъ лѣвыхъ первой Думы. Онъ уже не чувствуется, а открыто всякiй день заявляетъ о себѣ въ поведенiи крайнихъ правыхъ въ третьей Думѣ. Въ оффицiозной прессѣ послѣ выборовъ усиленно подчеркивалось, насколько повысился процентъ депутатовъ съ среднимъ и высшимъ образовательнымъ цензомъ въ третьей Думѣ, сравнительно со второй и съ первой, и насколько больше третьи выборы дали представителей верхняго культурнаго класса—дворянства. На основанiи этихъ данныхъ, забывшiе выходки во второй Думѣ *писателя* Пуришкевича, *профессора* Сосоновича и крупнѣйшаго землевладѣльца и *аристократа* по рожденiю графа Бобринскаго—и ихъ „работоспособность“ по производству безпорядковъ—доказывали, что третьей Думѣ будутъ присущи дѣловитость и внѣшняя корректность. О первомъ пока судить преждевременно, но нельзя не замѣтить, что еще и тѣни не было того, что̀ опровергало бы неоднократно высказывавшiяся нами предположительныя сужденiя о „правой“ и „послушной“ Думѣ. Въ энергiи же не давать говорить лѣвымъ ораторамъ и какого-то дикаго изступленiя „господа“ третьей Думы далеко оставили позади себя сѣрыхъ мужиковъ и обладателей малаго имущественнаго и большого „тюремнаго ценза“ — первой и второй.

Въ iюльской хроникѣ 1906 г. мы писали: „Государственная Дума точно отражаетъ не одну идейную разноголосицу политическихъ воззрѣнiй. Наблюдая Думу, видишь передъ собой правдивое отраженiе всей русской общественности—ея настроенiя и даже ея поведенiя“. И далѣе, по поводу грубыхъ выходокъ противъ министровъ:—„Грубость и брань недостойны уважающихъ свое высокое званiе и свои высокiя обязанности представителей народа. И она не нужна: логика въ связи съ горячимъ, но сдержаннымъ чувствомъ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе бьютъ парламентскаго противника. Но развѣ грубость поведенiя вообще и особенно въ отношенiи людей иного образа мыслей не является одной изъ характерныхъ чертъ нынѣшняго состоянiя общества?“ [1]). Наблюдая третью Думу, приходится признать, что и она правдиво отражаетъ только не всю русскую общественность, а тѣ классы, изъ которыхъ по волѣ закона 3 iюня вышло ея большинство. И по поводу выходокъ противъ лѣваго меньшинства придится поставить тотъ же вопросъ, конечно, съ оговоркой, что онъ сается состоянiя крупно-землевладѣльческаго и вообще реакцiонныхъ ıассовъ общества. Маятникъ общественнаго настроенiя и поведенiя ıроко качнулся слѣва направо. Высокомѣрный, надменный и гру-

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1906 г., iюль, стр. 420 и 424.

бый тонъ голосовъ снизу вверхъ не несется. Онъ несется сверху внизъ—отъ верхнихъ слоевъ общества къ низшимъ. Онъ несется не изъ массъ къ численно ничтожнымъ слоямъ и потому раздается негромко, но побѣдныя ноты въ немъ звучатъ еще болѣе пронзительно...

Реакція не ломала головы надъ опредѣленіемъ своей „линіи поведенія". Реакція заимствовала линію поведенія лѣвыхъ общественныхъ группъ—только наоборотъ—и стала повторять ихъ ошибки и эксцессы. Въ дѣйствіяхъ и поведеніи третьей Думы это получило полное выраженіе. Лѣвое большинство первыхъ двухъ Думъ не давало мѣстъ въ президіумѣ правымъ; правое большинство третьей—не дало мѣстъ лѣвымъ. Трудовики и соціалъ-демократы въ первой Думѣ отказывались считаться съ основными законами и входили на каѳедру, чтобы черезъ Думу апеллировать къ народу,—крайніе правые въ третьей поставили своей главной задачей ниспроверженіе основныхъ законовъ, а когда ниспровергнуть конституцію внутри Думы имъ не удалось, составили и отправили свой особый адресъ. Большинство первой Думы третировало министерство и бурно аплодировало словамъ В. Д. Набокова: „власть исполнительная да подчинится власти законодательной",—большинство третьей съ восторгомъ принимало каждое слово деклараціи правительства, насквозь проникнутой требованіемъ подчиненія законодательной власти руководительству власти исполнительной, и шумной оваціей отвѣтило П. А. Столыпину на вырвавшееся у Ѳ. И. Родичева рѣзкое сопоставленіе. И такъ во всемъ, вплоть до распредѣленія занятій. Первыя двѣ Думы, уже когда коммиссіи были завалены работой, засѣдали по четыре дня въ недѣлю—третья еще до начала коммиссіонныхъ работъ ограничила свои засѣданія до двухъ дней. Третья Дума есть Дума „наоборотъ". Но если не можетъ быть иного отношенія, кромѣ отрицательнаго, къ прямымъ эксцессамъ въ дѣйствіяхъ и поведеніи законодательнаго учрежденія, то что̀ сказать объ обратныхъ? Подражательность въ злобѣ и мстительности обнажаетъ въ человѣкѣ природу раба. „Я былъ слабъ—меня давили, съ моими воззрѣніями, желаніями, требованіями не хотѣли считаться. Я силенъ — я буду давить, я не буду считаться ни съ чѣмъ, чего я не хочу". Можно ли найти другой, болѣе антисоціальный и антигосударственный стимулъ дѣятельности?...

„Въ основу новой системы выборовъ—говорилъ въ Думѣ 16 нояб соціалъ-демократъ г. Покровскій 2-ой—положенъ принципъ обрат пропорціональнаго представительства". Многое, очень многое на дитъ на мысль, что обратно пропорціонально представившая на леніе Дума тотъ же принципъ положитъ въ основу своихъ зако

ельныхъ трудовъ. П. А. Столыпинъ обращался въ декларации къ намъ третьей Думы, какъ къ „посланнымъ сюда страною (?) для успокоенія и упроченія ея могущества“. На это гр. В. А. Бобскій отвѣчалъ: „Мы *поможемъ* правительству подавить анархію и кратить безсмысленное и жестокое пролитіе крови, которое поро-и и наши уродливо сложившіяся семьи, и наши уродливыя школы. *постараемся* обезпечить честнымъ и трудящимся людямъ споное житье и возможность трудиться. Мы *постараемся* довести ану до мира и порядка“. -Бурные аплодисменты въ центрѣ и справа—значится далѣе въ стенографическомъ отчетѣ. Конечно, полицейскій порядокъ странѣ необходимъ. Конечно, давно, давно пора положить конецъ „безсмысленному и жестокому пролитію крови“. Конечно, нужно и возрожденіе внѣшняго могущества Россіи. Но развѣ отъ отсутствія полицейскаго порядка страдаетъ всего болѣе страна,—страна не помѣщичьихъ усадебъ, а крестьянскихъ деревень, и не богатыхъ домовладѣльцевъ и стригущихъ купоны рантьеровъ въ городахъ, а городского пролетаріата—людей интеллектуальнаго и физическаго труда? Развѣ массы населенія забыли свой голодъ и свое безправіе? Развѣ въ ихъ глазахъ пролитіе крови породили семьи и школы? Развѣ по сознанію „честныхъ и трудящихся людей“ отсутствіе полицейскаго спокойствія есть то главное и основное, что препятствуетъ ихъ труду и спокойной жизни? Развѣ массы населенія въ силахъ сейчасъ приносить въ жертву внѣшнему могуществу нужды просвѣщенія и поднятіе экономическаго благосостоянія страны? Развѣ они не остались при формулированномъ освободительнымъ движеніемъ убѣжденіи, что отъ Думы должны идти самостоятельное творчество и созиданіе, а не готовность и стараніе помогать правительству?... Зачѣмъ конституція, зачѣмъ выборы, зачѣмъ Дума? Это забыто въ центрѣ и среди правыхъ третьей Государственной Думы, какъ выкинуто изъ мыслей ихъ избирателями. Но населеніемъ это не забыто. И Думѣ, избранной не страною, тѣмъ болѣе слѣдовало бы поступать прямо пропорціонально волѣ и мучительно наболѣвшимъ нуждамъ народа. Только тогда она могла бы не оправдать, какъ сказано въ адресѣ, а *заслужить* довѣріе страны....

Рѣчь Ѳ. И. Родичева, въ засѣданіи 17 ноября, по единодушному зыву, какъ его сторонниковъ, такъ и политическихъ противниковъ, ла образцомъ ораторскаго искусства. „Можно соглашаться или не глашаться съ содержаніемъ его рѣчи—пишетъ думскій хроникеръ Новаго Времени“,—но необходимо признать, что она была произнеа съ выдающимся темпераментомъ, съ необычайнымъ подъемомъ

той высшей энергіи, которою отмѣчены прирожденные ораторы. Можно спорить съ пониманіемъ національнаго вопроса и патріотизма, развитымъ ораторомъ; но нельзя не признать, что ни самъ Родичевъ, ни какой бы ни было другой депутатъ во всѣхъ трехъ Думахъ никогда не захватывалъ парламента съ равною силою. Родичева прерывали, но его слушали съ болѣзненнымъ вниманіемъ"... Въ чтеніи рѣчь Ѳ. И. Родичева не производитъ исключительно-сильнаго впечатлѣнія. Но, читая ее, нельзя не чувствовать, какъ сильна она была въ устномъ изложеніи передъ аудиторіей, въ которой наканунѣ подъ аплодисменты прославлялась сила, а только-что проповѣдывалось человѣконенавистничество. Ораторъ билъ и убивалъ своихъ враговъ ужасными въ ихъ простотѣ и ясности вопросами. „Стала ли правдой—спрашивалъ онъ—старая статья основного закона, говорящая, что Русская Имперія управляется на точномъ основаніи законовъ? Можетъ ли каждый изъ насъ быть увѣренъ, что право его не можетъ быть нарушено ради государственной пользы, ради мгновеннаго пониманія случайнымъ носителемъ власти этой пользы? Можемъ ли мы сказать: „домъ мой—зàмокъ"? Можемъ ли мы ручаться за то, что представителями власти, ради государственной цѣли, домъ этотъ не будетъ сожженъ"?... „Намъ указали на то, что съ преступленіями будутъ бороться силой. А кто же объявитъ будущихъ побѣжденныхъ преступниками"?... „Намъ говорятъ: мы признàемъ за извѣстной категоріей русскихъ подданныхъ права, равныя съ другими, въ тотъ день, когда они насъ возлюбятъ. Я задаю себѣ вопросъ: чтò же, нарушеніемъ правъ достигается любовь народа"?... „Чтò же, убавится правъ у русскихъ гражданъ, если въ этихъ правахъ будутъ сравнены съ ними поляки"?...

По мѣрѣ того какъ Ѳ. И. Родичевъ гвоздь за гвоздемъ вбивалъ въ душу слушателей эти уничтожающіе вопросы, атмосфера въ правой половинѣ залы повышалась. Его прерывали, отъ него требовали немедленно приводить доказательства словъ, называть имена, ему кричали: „довольно"! Душевная подавленность злобно настроенной людской толпы всегда проявляется раздраженно, бурно, рѣзко и грубо. Подходя къ концу рѣчи, Родичевъ сказалъ: „когда русская власть находитъ въ борьбѣ съ эксцессами революціи только одно средство, видитъ только одинъ палладіумъ —(жестъ въ воздухѣ, образно показывающій вѣшаніе и висѣлицу)—въ томъ, чтò г. Пуришкевичъ назвалъ Муравьевскимъ воротникомъ, и то, чтò потом быть можетъ, назовутъ Столыпинскимъ галстукомъ"... Тутъ произошелъ взрывъ, оборвавшій фразу. Накопившееся раздраженіе разразилось безобразнымъ скандаломъ. Сотни голосовъ справа закрича „Долой! Вонъ! Выбросить его! Долой! Вонъ его!"—По отчетамъ газе

въ воздухѣ повисли „трехъ-этажныя“ ругательства. Депутаты повскакали съ мѣстъ, бросились къ каѳедрѣ. Стали мелькать сжатые кулаки, кто-то схватилъ стаканъ, чтобы бросить его въ оратора. Предсѣдатель собралъ бумаги и ушелъ. Только через двадцать минутъ шумъ утихъ, и члены Думы разошлись по фракціямъ.

По возобновленіи засѣданія, Н. А. Хомяковъ предложилъ Думѣ примѣнить къ Ѳ. И. Родичеву высшую мѣру взысканія и удалить его на пятнадцать засѣданій, „въ виду того, что онъ былъ виновникомъ всего того, что̀ случилось, въ виду того, что онъ позволилъ себѣ оскорбить высшаго представителя правительства Его Императорскаго Величества и позволилъ себѣ оскорбить его въ стѣнахъ этого почтеннаго собранія“. Большинство всѣхъ присутствовавшихъ противъ 96 приняли предложеніе предсѣдателя. Передъ голосованіемъ Родичевъ сказалъ: „Я беру свои слова назадъ. Я не имѣлъ намѣренія оскорблять ни Государственную Думу, ни депутата Пуришкевича, ни тѣмъ болѣе предсѣдателя совѣта министровъ. Я принесъ свои личныя извиненія предсѣдателю совѣта министровъ и настаиваю въ настоящую минуту только на одномъ: въ мои намѣренія никакихъ оскорбленій не входило и слова мои должны быть возстановлены въ стенограммѣ въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ произнесъ. Я думаю, что со временемъ вы сами убѣдитесь въ томъ, что то, что̀ я сказалъ, не только было сказано совершенно искренно, но и соотвѣтствуетъ полной объективной правдѣ“... „Это не извиненіе!“—раздались голоса справа.

Остановимся на примѣненіи къ Ѳ. И. Родичеву 38-ой статьи учрежденія Государственной Думы. Законъ гласитъ: „Въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Государственной Думы, онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы“. Текстъ закона совершенно ясенъ: членъ Думы можетъ быть устраненъ отъ участія въ собраніяхъ только за „нарушеніе порядка“. За злоупотребленіе свободой слова онъ можетъ быть остановленъ предсѣдателемъ, можетъ быть лишенъ слова и можетъ получить отъ предсѣдателя замѣчаніе. Но никогда за сказанное съ каѳедры онъ не можетъ быть подвергнутъ ни удаленію изъ даннаго засѣданія, ни устраненію на опредѣленный срокъ. Такая постановка вопроса очевидно представляется единственно нормальной. Одинъ предсѣдатель занимаетъ въ Думѣ надпартійное положеніе, и потому ему одному возможно предоставленіе ограниченій драгоцѣннѣйшаго права членовъ Думы—права свободнаго слова. Съ другой стороны, никакой эксцессъ слова не создаетъ условій не-

терпимости для того, кто нарушилъ предѣлы свободы, и также условій необходимости его удаленія. Кто говоритъ съ мѣста, кто прерываетъ ораторовъ, кто не исполняетъ распоряженій предсѣдателя, кто шумитъ или стучитъ, тотъ долженъ быть удаленъ, ибо онъ мѣшаетъ занятіямъ. Въ случаяхъ особенно рѣзкаго нарушенія порядка, законъ предоставляетъ Думѣ—къ удаленію изъ даннаго засѣданія, т.-е. къ мѣрѣ пресѣкающей, присоединить устраненіе — мѣру карательную. Но обѣ эти мѣры тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой, какъ по существу, такъ и формально, въ текстѣ закона. Нѣтъ смысла удалять изъ засѣданія того, кто произнесъ съ каѳедры грубое, бранное или оскорбительное слово: онъ его произнесъ, занятія же могутъ продолжаться безпрепятственно. Какую реакцію это слово вызвало въ слушателяхъ — сказавшаго не касается. Если же нѣтъ смысла его удалять, то нѣтъ ни логическаго, ни юридическаго основанія устранять его отъ участія въ будущихъ засѣданіяхъ.

Въ практикѣ первой Думы ст. 38-ая не имѣла примѣненія ни разу. Въ практикѣ второй — она примѣнялась дважды: одинъ разъ къ г. Пуришкевичу и другой разъ—къ гг. Пуришкевичу, Созоновичу и Келеповскому. И оба раза именно за нарушеніе порядка: за обращеніе къ Думѣ съ предложеніемъ, которое не было заявлено предсѣдателю, и за послѣдующее неподчиненіе предсѣдательской власти; во второй разъ — за крикъ, шумъ и отказъ добровольно удалиться послѣ состоявшагося о томъ рѣшенія Думы. Съ нарушеніемъ порядка желалъ связать и Н. А. Хомяковъ свое предложеніе объ устраненіи Ѳ. И. Родичева. Во главу мотивовъ онъ положилъ, что г. Родичевъ „былъ виновниковъ всего того, что̀ случилось“. Да, за словами г. Родичева послѣдовали шумъ и безобразный скандалъ. Да, если бы онъ не говорилъ своей рѣчи, г. Крупенскій не расшибъ бы руки о каѳедру, гр. В. Бобринскій не сломалъ бы пюпитра и предсѣдателю не пришлось бы просить Думу дать ему возможность предсѣдательствовать и „умолять“ депутатовъ помнить, „что въ ихъ руки Высочайшею волею данъ священный сосудъ, чистоту и неприкосновенность котораго каждый изъ нихъ долженъ блюсти, какъ самого себя“ — по крайней мѣрѣ въ тотъ день и въ ту минуту, когда ему пришлось просить и умолять. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что слова г. Родичева, а не несдержанность правыхъ депутатовъ были причиной безпорядка? „Не смѣй говорить непріятныхъ намъ словъ, а — мы нарушимъ порядокъ!“ — вотъ, въ сущности, что̀ сказали свои голосованіемъ г. Родичеву двѣсти слишкомъ депутатовъ,—если о нить голосованіе подъ угломъ зрѣнія точнаго смысла 38-й статьи. Китаѣ, если сынъ позоветъ отца, тотъ побѣжитъ, упадетъ, слом ногу и потомъ отъ зараженія крови умретъ—сына признаютъ от

убійцей и подвергнуть смертной казни. Въ Европѣ пока еще иначе понимаютъ виновность.

Устраненіе Ѳ. И. Родичева создало чрезвычайно опасный прецедентъ, а нѣкоторыя подробности устраненія дали характерную иллюстрацію для „Думы наоборотъ". Путемъ устраненія оппозиціонныхъ членовъ за злоупотребленіе свободой слова большинство можетъ совсѣмъ заглушить голоса несогласно съ нимъ мыслящаго меньшинства. Роль цензоровъ правые депутаты стремились на себя взять даже во второй Думѣ. Но тамъ они были въ меньшинствѣ и потому могли только отмѣчать цензуру рѣчей — криками съ мѣстъ, доносительными отвѣтами съ каѳедры и производствомъ безпорядка. Въ третьей же Думѣ они хозяева положенія, и если останутся на почвѣ создавшагося прецедента, то будутъ цензуровать рѣчи властно. Партійная цензура парламентскихъ рѣчей — путь скользкій. Отъ устраненія за рѣзкую форму одинъ незамѣтный шагъ до устраненія за рѣзкое содержаніе, а отсюда еще менѣе замѣтный — до устраненія за содержаніе рѣчи, не раздѣляемое партіями большинства. Въ рѣчи П. Н. Милюкова по поводу деклараціи была такая фраза: „Послѣ всего сказаннаго, вы поймете, что правительствомъ руководитъ не звѣзда, а тѣ самые блуждающіе огни, которые руководили политикой Александра III и благодаря которымъ государство вошло въ трясину". Эта фраза была встрѣчена справа выразительнымъ шиканьемъ и прервана замѣчаніемъ г. Крупенскаго: „Я думаю, надо воздержаться отъ критики Императора".

Послѣднія слова рѣчи г. Родичева не заключали въ себѣ ни бранныхъ, ни рѣзкихъ выраженій. Въ нихъ заключалось рѣзкое и обидное сопоставленіе. Рѣзкой и обидной была мысль оратора, образно выраженная, но не слова сами по себѣ. Изъ примѣровъ злоупотребленія свободой слова во второй Думѣ всего ближе подходитъ къ настоящему случаю вопросъ, съ которымъ г. Шульгинъ обратился съ каѳедры къ фракціи соціалистовъ-революціонеровъ: „А что, господа, нѣтъ ли у васъ съ собой бомбы?"—Тогда этотъ вопросъ тоже вызвалъ шумъ, крики и требованіе удаленія г. Шульгина. Центръ Думы, однако, удаленію воспротивился. Въ случаѣ 17 ноября октябристскій центръ поступилъ иначе. По газетнымъ отчетамъ, именно октябристы особенно настойчиво потребовали, чтобы къ г. Родичеву была примѣнена высшая мѣра парламентскаго взысканія. Какъ легко догадаться, исключительная грандіозность скандала была при этомъ лишь внѣшнимъ поводомъ, нужнымъ для установленія формальной связи требованія съ закономъ. Въ дѣйствительности же оно основывалось на томъ, что г. Родичевъ „позволилъ себѣ оскорбить высшаго представителя правительства". Въ первой Думѣ говорили: „по-

зволилъ себѣ", или „осмѣлился"—про министровъ. Въ этомъ, конечно, проявлялось совершенно ненормальное воззрѣніе на отношенія между членами Думы и министрами. Но и противоположное воззрѣніе столь же ненормально. Какъ ни высоко положеніе предсѣдателя совѣта министровъ, — положеніе члена Думы тоже высокое: законъ 3 іюня все-таки сохранилъ фикцію о народномъ избраніи и о народномъ представительствѣ. И правые члены третьей Думы твердо стоятъ на этой фикціи. Они говорятъ отъ имени народа, называютъ себя народными представителями и только самые крайніе изъ нихъ хотятъ снять—по выраженію г. Плевако—величественную тогу законодателей и замѣнить ее рубашкой безвластныхъ совѣтчиковъ. Ни министры не подчинены членамъ Думы, ни члены Думы не подчинены министрамъ. Въ Думѣ они равноправны. А потому равноцѣннымъ же представляется оскорбленіе и тѣхъ и другихъ. Если сопоставленіе, сдѣланное Ѳ. И. Родичевымъ, большинство Думы сочло оскорбленіемъ П. А. Столыпина и если за это оскорбленіе оно устранило его отъ участія въ пятнадцати засѣданіяхъ, то оно должно было одинаково реагировать на слово „цареубійцы", брошенное цѣлой группѣ членовъ Думы, и на слово „клятвопреступникъ", брошенное нѣсколько дней раньше Ѳ. И Родичеву.

Большинство Думы 17 ноября отдáлось всецѣло партійной страстности и раздраженію и, утративъ спокойствіе, утратило чувство мѣры. Ѳ. И. Родичевъ сдѣлалъ все, что̀ самая придирчивая, но разумная цензура могла отъ него потребовать: онъ заявилъ, что беретъ свои слова назадъ, поскольку они были лично оскорбительны для предсѣдателя совѣта министровъ, ибо въ его намѣренія не входило оскорблять кого бы то ни было. Но его объясненія не удовлетворили правыхъ. Они кричали: „Это не извиненіе!"—Чего же они хотѣли? Чтобы онъ, какъ ребенокъ передъ педагогомъ, принесъ раскаяніе въ своихъ мысляхъ, и чтобы мысли свои, а не форму ихъ выраженія, онъ взялъ назадъ?.. Правительство въ оффиціальномъ сообщеніи „Освѣдомительнаго бюро" выпукло подчеркнуло неслужебный характеръ инцидента. Передъ фамиліями министровъ въ сообщеніи нѣтъ обозначенія чиновъ и званій, а стоятъ имена и отчества. Но тутъ же рядомъ еще болѣе выпукло подчеркнута высота положенія П. А. Столыпина сравнительно съ положеніемъ члена Думы, Ѳ. И. Родичева.

Вотъ текстъ сообщенія: „Въ засѣданіи Государственной Ду[мы] 17 ноября членъ Государственной Думы Родичевъ, въ рѣчи по пово[ду] правительственнаго заявленія, позволилъ себѣ оскорбительное вы[ра]женіе по отношенію къ Петру Аркадьевичу Столыпину. *По требо[ва]нію*, предъявленному ему отъ имени Петра Аркадьевича Столыпин[а]

Петромъ Михайловичемъ фонъ-Кауфманомъ, княземъ Борисомъ Александровичемъ Васильчиковымъ, Петромъ Алексѣевичемъ Харитоновымъ, Дмитріемъ Александровичемъ Философовымъ и Иваномъ Григорьевичемъ Щегловитовымъ, присутствовавшими при произнесеніи Г. Родичевымъ упомянутой рѣчи,—извиниться *въ присутствіи свидѣтелей* до возобновленія засѣданія Государственной Думы и независимо отъ рѣшенія ея по этому вопросу,—г. Родичевъ явился въ кабинетъ предсѣдателя совѣта министровъ и въ присутствіи Николая Алексѣевича Хомякова и Николая Николаевича Львова принесъ *требуемое* извиненіе". Больно ударили по достоинству Думы эти „позволилъ себѣ", „по требованію", „въ присутствіи свидѣтелей", „принесъ требуемое извиненіе" и эта буква „Г" передъ фамиліей вмѣсто имени и отчества Ѳ. И. Родичева. Больно ударила тоже не по Ѳ. И. Родичеву и форма принятія П. А. Столыпинымъ извиненія. Какъ писали газеты, предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ: „я васъ прощаю"—и отвернулся...

Если (не вѣрнѣе ли сказать: когда?) третья Дума обратится въ департаментъ законодательныхъ дѣлъ,—что возможно и безъ измѣненія основныхъ законовъ,—то она перестанетъ заслонять собою интересъ ко всѣмъ другимъ общественнымъ явленіямъ. Но пока она еще только собирается стать департаментомъ, интересъ къ ней естественно настолько великъ, что и крупные явленія и факты проходятъ почти незамѣченными. Даже судебная ликвидація дѣла Гурко-Лидваля, которое менѣе года назадъ было предметомъ толковъ вездѣ и всюду, не остановила на себѣ общественнаго вниманія въ той мѣрѣ, какъ этого можно было ожидать. А при разборѣ закончившагося 21 ноября въ петербургской судебной палатѣ процесса крестьянскаго союза, вмѣсто отчетовъ, газеты сообщили, когда дѣло началось, и затѣмъ воспроизвели наиболѣе красивыя слова изъ рѣчей защитниковъ и одну голую сущность приговора.

Что касается дѣла г. Гурко, то малое вниманіе къ нему проявила, впрочемъ, только, такъ называемая, большая публика. Въ слояхъ же высшей бюрократіи за нимъ слѣдили съ напряженіемъ, результатъ процесса до сихъ поръ обсуждается, и горячее отношеніе къ дѣлу чиновничьихъ круговъ нашло яркое отраженіе въ излюбленныхъ этими кругами органахъ печати—въ „Новомъ Времени" и въ „Гражданинѣ". Но и усилія „распространенной" газеты не создали вокругъ приговора широкаго общественнаго интереса. Нельзя отрицать, что одна изъ причинъ коренится въ томъ, что скандальная сторона дѣла не

нашла подтвержденія на судѣ. Но главное въ другомъ. Главная причина та, что при все еще лихорадочномъ темпѣ общественной жизни, разъ фактъ становится прошлымъ, онъ съ поразительной быстротой забывается. Общественная мысль, занятая споромъ, есть въ Россіи конституція или нѣтъ, раньше, чѣмъ судъ, ликвидировала забвеніемъ лидвалевскую эпопею. При другихъ условіяхъ, и безъ скандальной стороны, дѣло г. Гурко было бы рельефно отмѣчено, какъ завѣренная безстрастнымъ судомъ кричащая иллюстрація самовластія и произвола, возведенныхъ въ государственный принципъ.

Реакціонная печать, конечно, отмѣтила дѣло подъ діаметрально противоположнымъ угломъ зрѣнія. Г. Бодиско въ „Гражданинѣ" объяснилъ обвинительный приговоръ тѣмъ, что совѣсть сенаторовъ „была придавлена жидовско-революціонно-освободительной прессой". Г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени", также усмотрѣвъ причину всѣхъ причинъ въ евреяхъ и въ еврейской прессѣ, блеснулъ, по его мнѣнію, повидимому, чрезвычайно оригинальной и уничтожающей постановкой вопроса. „Въ лицѣ энергическаго товарища министра—писалъ онъ—на скамьѣ (точнѣе креслѣ) подсудимыхъ сидѣло не только правительство, но весь старый порядокъ, все наше прошлое, т.-е. живая часть исторіи нашей,—скажите скверной, но единственной, какую намъ Богъ послалъ". И далѣе: „Сѣвъ на скамью подсудимыхъ добровольно (ибо, какъ выяснилось, въ судебномъ процессѣ не было серьезной нужды),—правительство, несмотря на формально обвинительный приговоръ, вышло изъ суда оправданнымъ—по крайней мѣрѣ въ сознаніи общества, внимательно слушавшаго это дѣло. Было несчастье, была ошибка, оплошность,—но *преступленія* въ процессѣ Гурко не было, если не считать преступленіемъ двѣнадцатимѣсячную пытку надъ несчастнымъ подсудимымъ со стороны газетныхъ гарпій".

Что въ лицѣ г. Гурко на креслѣ подсудимаго сидѣли „не только правительство, но весь старый порядокъ, все наше прошлое, т.-е. живая часть нашей исторіи",—г. Меньшиковъ правъ. И именно такъ ставился вопросъ съ самаго начала возникновенія дѣла тѣми, на кого ополчается г. Меньшиковъ. Считать свое „я" выше закона и потому переходить за предѣлы власти—обычный у насъ пріемъ дѣятельности чиновниковъ на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы. Этотъ пріемъ дѣйствительно есть „весь нашъ старый порядокъ" и если не все наше прошлое, то большая его часть, а вмѣстѣ съ тѣмъ часть живой исторіи. Но что это единственная исторія, „каку намъ Богъ послалъ",—въ этомъ монополистъ патріотизма глубо заблуждается. Разъ старый порядокъ сталъ прошлымъ, значитъ, ист рія была не сплошь скверная,—значитъ, въ ней были зароды того, что старый порядокъ не смогъ вытравить, что одержало

побѣду въ возвѣщенныхъ словахъ и что готовится къ побѣдѣ въ осуществленіи словъ на дѣлѣ. Столь же глубоко онъ заблуждается въ дальнѣйшемъ разсужденіи.

Какъ печально было бы состояніе русскаго общества, если бы въ его сознаніи правительственная система самовластія и произвола вышла изъ суда надъ г. Гурко оправданною! Какъ оно низко стояло бы въ своемъ правопониманіи, если бы, подобно г. Меньшикову, считало, что въ признанныхъ сенатомъ фактахъ процесса г. Гурко было несчастіе, но не было преступленія! „Я не юристъ" — заявляетъ г. Меньшиковъ и оцѣниваетъ процессъ по слѣдующей упрощенной схемѣ: сенатомъ не установлено ни корыстной цѣли у осужденнаго, ни связи между сдачей подряда Лидвалю и знакомствомъ осужденнаго съ г-жей Эстеръ и съ хозяйкой кафе-шантаннаго хора; съ другой стороны, не установлено отсутствія у г. Гурко служебнаго усердія; а потому преступленія въ его дѣйствіяхъ не было. Общественныя массы тоже не посвящены въ тонкости юриспруденціи. Но развѣ нужно быть юристомъ по образованію, чтобы видѣть всю нелѣпость и искусственную фальшь приведенной схемы? Вручая агентамъ власти управленіе государственными и общественными интересами, государство предъявляетъ къ нимъ требованія гораздо бóльшія, чѣмъ думаетъ г. Меньшиковъ. Правовое государство не можетъ отказываться и не отказывается отъ объективной регламентаціи дѣятельности своихъ агентовъ. Оно создаетъ для ихъ дѣятельности опредѣленныя законныя рамки, переходъ за которыя, независимо отъ мотивовъ, воспрещается подъ страхомъ наказанія, т.-е. составляетъ преступное дѣяніе. Опытъ жизни давно научилъ, что неограниченныя диктаторскія полномочія чиновничества къ добру не приводятъ, особенно въ дѣлахъ денежныхъ и хозяйственныхъ. А потому, на ряду съ запретомъ личной стяжательности, законъ запрещаетъ нарушеніе формъ, которыми обставлено совершеніе хозяйственныхъ операцій. И дѣло г. Гурко блестящимъ образомъ подтвердило реальное значеніе этихъ формъ и мудрость закона, ограничивающаго чиновничье самомнѣніе.

Еще два слова — о размѣрѣ назначеннаго г. Гурко наказанія. Статья 341-я уложенія о наказаніяхъ предоставляетъ суду въ нормальныхъ случаяхъ превышенія власти, „смотря по важности дѣла и сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ", избирать одну изъ слѣдующихъ каръ: отрѣшеніе отъ должности, или исключеніе изъ службы, или заключеніе въ крѣпости на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Въ случаяхъ же особенно важныхъ виновный — говоритъ законъ — подвергается лишенію правъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Г. Гурко—какъ видно изъ этого перечня—присужденъ къ низшему изъ положенныхъ въ законѣ

наказаній. Если его дѣяніе не относить къ случаямъ особенно важнымъ, то мы согласны, что сенатъ имѣлъ основаніе остановиться на отрѣшеніи отъ должности вмѣсто исключенія изъ службы или заключенія въ крѣпости. При опредѣленіи индивидуальной виновности лица, обычность совершенія однородныхъ правонарушеній въ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, не можетъ не служить обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину и уравновѣшивающимъ другое указаніе закона — „важность дѣла". Но какъ могъ сенатъ „случай" г-на Гурко—случай, имѣвшій слѣдствіемъ милліонный убытокъ казны и замедленіе въ доставленіи продовольственнаго хлѣба голодающимъ, не отнести къ категоріи *особенно* важныхъ—это намъ представляется совершенно непонятнымъ.

Процессъ 27 лицъ, обвинявшихся по 126 ст. новаго уголовнаго уложенія за принадлежность къ „всероссійскому крестьянскому союзу", есть актъ грандіозной судебной драмы, которой общее названіе—„судебная ликвидація дней свободы" и которая долго еще, повидимому, будетъ развертываться. Это не рядъ отдѣльныхъ процессовъ, а именно одна общая судебная драма.

Въ „дни свободы" уголовный законъ, предусматривающій образованіе и дѣятельность преступныхъ сообществъ и политическую пропаганду, не дѣйствовалъ, и захваченная революціоннымъ настроеніемъ общественная мысль считала его умершимъ. Но въ дѣйствительности онъ былъ живъ и только спалъ. Кончились „дни свободы"—онъ проснулся, и совершонное стало оцѣниваться подъ угломъ зрѣнія нормъ, составленныхъ тогда, когда господствовали условія, не только ничего не имѣющія общаго съ фактическими условіями конца 1905 г., но весьма далекія даже отъ условій современнаго момента. Передъ изданіемъ манифеста 17 октября и въ первое время послѣ—вся русская общественная жизнь была сплошнымъ преступленіемъ. Что̀ было совершено до манифеста, то покрыла амнистія. А, что̀ было совершено послѣ манифеста, то нѣтъ-нѣтъ и выплываетъ на свѣтъ, какъ предметъ судебнаго разбирательства для назначенія живымъ людямъ уголовныхъ каръ. Непримиримое противорѣчіе между реальной правдой жизни и формальной правдой утратившаго внутренній смыслъ закона составляетъ первый глубоко драматическій моментъ во всѣхъ подобнаго рода процессахъ.

Въ то же время всякій разъ встаютъ давящіе вопросы: почему судятъ по 126 статьѣ крестьянскій союзъ и соціалъ-демократовъ и почему не судятъ кадетовъ и октябристовъ? Почему въ процессѣ „всероссійскаго крестьянскаго союза" на скамьѣ подсудимыхъ сидѣ 27 лицъ, а не тысячи, не сотни тысячъ? По обвинительному акту и

которымъ изъ этихъ 27 лицъ предъявлялись, среди другихъ, такія, напримѣръ, обвиненія: въ томъ, что въ концѣ ноября 1905 г. въ такихъ-то селахъ и уѣздахъ петербургской губерніи они „на собраніяхъ уговаривали крестьянъ присоединиться къ всероссійскому крестьянскому союзу и произносили рѣчи, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго въ Россіи общественнаго строя"; или одному изъ подсудимыхъ въ томъ, что тогда же онъ „уступилъ свой домъ подъ собраніе, на которомъ шла завѣдомо для него преступная агитація, а затѣмъ, составивъ преступный приговоръ о присоединеніи къ всероссійскому крестьянскому союзу, уговорилъ мѣстныхъ крестьянъ подписать таковой"; или другому—въ томъ, что онъ „уговорилъ мѣстныхъ крестьянъ подписать приговоръ, въ коемъ заключались заявленія—объ отказѣ въ уплатѣ податей, о необходимости федеративнаго устройства россійскаго государства и другія, явно преступныя". Развѣ все это были, въ ноябрѣ 1905 г., единичныя явленія? Развѣ не по всей Россіи тогда на крестьянскихъ сходахъ и собраніяхъ произносились „возбуждающія" рѣчи? Развѣ не со всей Россіи летѣли тогда въ газеты, въ партійныя организаціи и, случалось, въ присутственныя мѣста—летѣли совершенно открыто, за полными подписями—крестьянскіе приговоры съ „явно преступными" заявленіями? Развѣ въ петербургской губерніи были тогда устраиваемы только занесенныя въ обвинительный актъ крестьянскія „преступныя" собранія, на которыхъ и т. д., а не устраивались такія собранія каждый день и въ каждой деревнѣ? Развѣ власть, если бы она хотѣла и могла, лишена была юридической возможности предать суду всѣхъ участниковъ крестьянскаго союза и другихъ столь же преступныхъ по буквѣ закона организацій?.. Сдѣлать это она фактически не могла: всю Россію сажать на скамью подсудимыхъ нельзя. Но съ фактической невозможностью совѣсть не можетъ мириться, когда изъ-за невозможности судить всѣхъ—судятъ и подвергаютъ карамъ нѣкоторыхъ. Случайность въ выборѣ лицъ при отправленіи правосудія есть второй, не менѣе драматическій моментъ въ судебной ликвидаціи дней свободы.

Третій—заключается въ томъ, что цѣль первой части ст. 126 уголовнаго уложенія—борьба съ „вредными ученіями соціализма и коммунизма", въ которыхъ законъ не различаетъ элементовъ ученій ни по степени вреда, ни по степени радикализма въ ниспроверженіи существующаго въ государствѣ общественнаго строя. По смыслу 126-й ст., все, что клонится къ ниспроверженію установленныхъ закономъ взаимныхъ отношеній общественныхъ классовъ, сообщаетъ преступный характеръ союзу, партіи или обществу, которые завѣдомо поставили цѣлью своей дѣятельности таковое ниспроверженіе. А посему, какъ преступна по 126-й ст. дѣятельность, направленная къ со-

ціализаціи земли, такъ равно преступна и направленная къ рѣшенію аграрнаго вопроса на началахъ принудительнаго отчужденія; какъ преступна дѣятельность, направленная къ обобществленію орудій производства, такъ преступна и направленная къ установленію восьмичасового рабочаго дня и уголовной охраны труда въ его борьбѣ съ капиталомъ. Если же такъ, то по 126 ст. или должно карать, вмѣстѣ съ соціалистами,—октябристовъ и кадетовъ, или нельзя карать ни тѣхъ, ни другихъ.

Наконецъ, четвертый драматическій моментъ собственно въ процессахъ крестьянскаго союза—политическая роль, сыгранная союзомъ въ дни свободы. „Гдѣ работали мѣстныя организаціи крестьянскаго союза, тамъ не было погромовъ". Это говорили въ первой Думѣ С. В. Аникинъ и князь П. Д. Долгоруковъ. „Въ нашей курской губерніи,—сказалъ въ рѣчи 15-го іюня кн. Долгоруковъ,—въ моемъ суджанскомъ уѣздѣ, я содѣйствовалъ этой организація, и тамъ эта организація довольно широко развилась на югѣ уѣзда и имѣла совершенно мирный характеръ. Когда весь сѣверъ нашего уѣзда былъ объятъ пожарами, погромами и разными эксцессами, за которые поплатились всѣ классы населенія очень больно, у насъ на югѣ въ это страшное и трудное время все прошло мирно". Таково и общее впечатлѣніе, оставленное союзомъ. Онъ далъ исходъ метавшейся мысли въ деревнѣ и тѣмъ способствовалъ умиротворенію, а не разжиганію страстей. „Страшныя" слова на бумагѣ казались для крестьянъ дѣломъ, сдѣлавъ которое, они уже не шли жечь и грабить.

Судебная палата вынесла сравнительно мягкій приговоръ. Десять подсудимыхъ приговорены къ крѣпости (высшій срокъ 1 годъ 3 мѣсяца) съ зачетомъ предварительнаго заключенія. Остальные оправданы.

Заимствуемъ изъ газеты „Сѣверъ" слѣдующее постановленіе вологодскаго губернатора: „1907-го года октября 23-го дня, разсмотрѣвъ представленный мнѣ рапортъ полиціймейстера гор. Вологды, отъ 20-го сего октября за № 2.138, изъ коего видно, что 18-го октября, по окончаніи литургіи въ Спасо-Всеградскомъ соборѣ въ гор. Вологдѣ, когда крестный ходъ съ иконами и хоругвями, въ томъ числѣ и хоругвью союза русскаго народа, миновалъ „Каменный мостъ" и продолжалъ шествіе къ каѳедральному собору, при исполненіи народна гимна,—противъ магазина Гусева по бульвару проходилъ инженер технологъ Алексѣй Васильевичъ Скрябинъ, не пожелавшій, войдя і соприкосновеніе съ названной выше процессіей, снять шапку, всл ствіе чего неизвѣстнымъ лицомъ шапка была сбита съ г. Скрябі и послѣдній, по заявленію его, получилъ нѣсколько ударовъ, и п

нимая во вниманіе: 1) что означенный демонстративный поступокъ г. Скрябина могъ вызвать со стороны религіозно настроенной и возбужденной оскорбительнымъ неуваженіемъ къ ея вѣрованіямъ и убѣжденіямъ громадной толпы дальнѣйшія избіенія лицъ, почему-либо заподозрѣнныхъ въ несочувствіи процессіи; 2) что предположеніе о неумышленности поступка г. Скрябина отпадаетъ вслѣдствіе отказа его дать полиціи какія-либо по сему поводу объясненія; 3) что пострадавшими лицами до прибытія достаточной воинской силы ранѣе всего могли бы оказаться многочисленные въ гор. Вологдѣ политическіе ссыльные, представители городского самоуправленія (какъ это было 1-го мая 1906 года), евреи, а также нѣкоторые извѣстные въ городѣ по своему участію въ такъ-называемомъ освободительномъ движеніи присяжные повѣренные, и 4) что главной задачей администраціи является предупрежденіе возможности какихъ-либо погромовъ и безпорядковъ, съ какой бы стороны они ни исходили,—я признаю демонстративный поступокъ г. Скрябина провокаторской попыткой нарушить мирное торжество большей части населенія и вызвать безпорядки, вслѣдствіе чего и на основаніи 1-го пункта обязательнаго постановленія отъ 15-го іюня 1907 года, основаннаго на Высочайшемъ указѣ 3-го іюня 1907 года, постановилъ: инженеръ-технолога Алексѣя Васильевича Скрябина подвергнуть аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ, считая срокъ со дня заарестованія. О настоящемъ постановленіи объявить г. Скрябину и приведеніе въ исполненіе этого постановленія поручить вологодскому полиціймейстеру. Подлинное подписалъ: и. д. губернатора А. Хвостовъ".

Постановленіе такъ много само говоритъ за себя, что, думаемъ, оно не нуждается въ разборѣ... И что̀ за безпокойный человѣкъ г. Скрябинъ! Побили—ну, и бѣги скорѣй домой, радуйся, что ножемъ не пырнули и съ миромъ отпустили. А онъ—права искать, жаловаться, начальство, озабоченное безопасностью политическихъ ссыльныхъ, евреевъ и извѣстныхъ по своему участію въ такъ-называемомъ освободительномъ движеніи присяжныхъ повѣренныхъ,—безпокоить!...

Въ Москвѣ происходило недавно чествованіе *семидесятилѣтней* дѣятельности И. Е. Забѣлина, одного изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ гечественной исторіи, автора замѣчательныхъ изслѣдованій о домашемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ, о русской жизни съ древнихъ ременъ, о прошломъ города Москвы. Въ „Вѣстникѣ Европы" И. Е. омѣстилъ двѣ обширныя статьи: „Древности Москвы" (1867 г., № 1 и 2) и „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ" 871 г., №№ 1 и 2). Несмотря на свой преклонный возрастъ, И. Е.

продолжаетъ неутомимо трудиться, и русская наука можетъ ожидать отъ него еще многаго.—Съ большой задушевностью былъ отпразднованъ въ Москвѣ и юбилей Н. Н. Златовратскаго, превосходно изучившаго крестьянскую жизнь и изобразившаго ее въ цѣломъ рядѣ талантливыхъ произведеній. Во многомъ расходясь съ Г. И. Успенскимъ, онъ не меньше любилъ народъ и не меньше сдѣлалъ для освѣщенія „мужицкой" психологіи.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.

Душеприказчики по духовному завѣщанію бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даніиловича *Спасовича*, объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, что ст. 6 означеннаго завѣщанія гласитъ слѣдующее: „Авторскими правами на сочиненія мои на польскомъ и русскомъ языкахъ я распоряжаюсь такимъ образомъ, что они прекращаются съ момента моей смерти. Предоставляю право перепечатыванія моихъ произведеній каждому желающему".

Душеприказчики покорнѣйше просятъ редакціи другихъ изданій не отказать въ перепечатаніи настоящаго сообщенія.

II. — Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ.

Голодная деревня доживаетъ передъ новымъ урожаемъ наиболѣе тяжкіе свои мѣсяцы. Все съѣдено, все, что можно было продать, продано, и въ то самое время, когда необходимо чрезвычайное напряженіе силъ для полевыхъ работъ, изнуреніе послѣ долгихъ мѣсяцевъ голода дошло до крайней степени. Отовсюду идутъ тревожныя вѣсти о растущей нуждѣ и объ увеличившейся заболѣваемости населенія, а изъ Уфимской, Самарской и Оренбургской губерній, кромѣ того, объ огромномъ распространеніи тифа и цынги. Цынга начала свое ужасное дѣло теперь въ Казанской губерніи и коснулась уже Саратовской. И при недостаточности и неурядицахъ продовольственнаго дѣла совершенно необходима для наиболѣе обезсиленной части населенія помощь общественная.

Состоящій при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитетъ оказываетъ помощь голодающимъ черезъ образованныя изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей Отдѣленія, которыя въ настоящее время дѣйствуютъ въ 11 губерніяхъ: Самарской, Уфимской, Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской, Воронежской, Пензенской, Костромской и Области Войска Донского. Отдѣленія организуютъ помощь главнымъ образомъ на средства, собираемыя Комитетомъ В. Э. Общества (нѣкоторыя изъ нихъ также частью на средства Комитета Московскаго Пироговскаго Общества). Къ работѣ привлечены наиболѣе живые мѣстные люди; они коллективно вырабатываютъ правильные пути и раціональныя формы помощи, опредѣляя предварительными изслѣдованіями болѣе всего нуждающіяся въ помощи мѣста. Создана такимъ образомъ обширная организація общественнаго характера, у котораго лежитъ на рукахъ большое дѣло.

Силами этой соединенной организаціи прокармливается въ настоящее время свыше 118 тысячъ человѣкъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Казанскимъ Отдѣленіемъ (совмѣстно съ мусульманскимъ его подотдѣломъ) открыто 180 столовыхъ и 105 пекаренъ, которыя кормятъ 32 тысячи чел.; въ 75 столовыхъ Самарскаго Отдѣленія продовольствуется до 20 тыс. чел., у Саратовскаго Отдѣленія 122 столовыхъ съ 20.500 тыс. столующихся, у Нижегородскаго—32 столовыхъ съ 6.160 чел., Уфимскаго—194 столовыхъ и 9.613 кормящихся, и кромѣ того, Уфимское Отдѣленіе прокармливаетъ въ Оренбургской губ. до 8.000 чел., Симбирское продовольствуетъ свыше 6 тыс. чел., въ Пензенскомъ 19 столовыхъ и 1.542 чел., и кромѣ того—20 столовыхъ въ Керенскомъ у. Въ Области Войска Донского продовольствовалось до 13 тыс. чел. (въ настоящее время помощь администраціей прекращена); въ Задонскомъ уѣздѣ Ворон. губ. 1 столовая съ 400 чел. кормящихся; кромѣ того, въ Орловской губ. 1 столовая на 100 чел. О числѣ получающихъ помощь въ Воронежскомъ уѣздѣ и Костромской губерніи, гдѣ дѣло организовано недавно, свѣдѣній у Комитета пока еще нѣтъ.

Дѣло помощи вездѣ расширяется подъ давленіемъ растущей нужды. И для того, чтобы его поддержать, необходимы большія средства. Между тѣмъ, въ настоящее время кромѣ тѣхъ по большей части незначительныхъ суммъ, которыя имѣются въ Отдѣленіяхъ, Комитетъ располагаетъ всего лишь около 17 тыс. рублей. Положеніе создалось чрезвычайно тревожное. Если не увеличится значительно притокъ пожертвованій въ Комитетъ, то придется закрывать дѣйствующія теперь столовыя и пекарни, отказывая въ помощи въ самое тяжелое время самой вопіющей нуждѣ. Поэтому Комитетъ снова обращается съ призывомъ къ обществу о пожертвованіяхъ для поддержанія дѣятельности организаціи, работающей исключительно на общественныя средства и общественными силами и осуществляющей въ себѣ чисто общественныя начала.

Съ благодарностью Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить слѣдующія наиболѣе крупныя пожертвованія единовременныя, поступившія къ нему: изъ Нью-Іорка отъ американскаго комитета по оказанію помощи голодающимъ въ Россіи 103.750 франковъ, изъ Норвегіи черезъ ред. газеты „Morgenblaten“ 2.250 р., отъ 2-го Спб. Общества Взаимнаго Кредита 12.453 р., отъ А. Н. Пушечникова 5.200 р., съ вечера въ Одессѣ 5.439 р., г-жи Панкѣевой изъ Херсона 5.000 р., г. Гофмана съ концерта 4.888 р., отъ Одесскаго Взаимнаго Кредита 3.000 р., Торговаго дома Нейшеллеръ 3.000 р., служащихъ въ Спб. Технологич. Институтѣ 2.200 р., Спб. скотопромышленной и мясной биржи 2.000 р., Одесскаго Гор. Кредитнаго Общества 2.000 р., гг. Мотовиловыхъ 2.000 р., Тов. бр. Нобеля, кромѣ 9 тыс. пуд. керосина, 2.000 р., отъ Кіевской конторы сахарозаводчиковъ два вагона сахара и др.

Пожертвованія принимаются въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (Спб., Забалканскій, 33) ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 час. утра и до 6 ч вечера.

Предсѣдатель *Л. Ю. Явейнъ*.—Казначей *А. М. Безбородовъ*.

III. — Отъ Международнаго Комитета для помощи б... ботнымъ рабочимъ Россіи.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи принялъ изданіе литературно-художественнаго сборника, посвящ въ Россіи памяти Александра Ивановича Герцена.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, тетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу все литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объед щимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художеств критико-публицистической и научной литературы, такъ и произв партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго кл объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и за-границей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь М народному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Ко проситъ обращаться за справками и высылать рукописи по а M-r N. Herzen, prof., Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ, въ сборникѣ будутъ напечатаны неизданная А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ" и письма къ нему Фогта, Карлейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предсѣдатель проф. *Н. Герценъ.*
Секретарь *К. Злинченко.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1907 году.

Хроника.

Новые террористическіе акты.—Статистика репрессій. — В. А. Грингмутъ † (стр. 354).—Декабрь.—Первыя засѣданія третьей Государственной Думы. — Адресъ Думы и пренія о немъ.—Результатъ, достигнутый соглашеніемъ между союзомъ 17-го октября и партіей народной свободы.—Министерская декларація. —„Россія" и адвокатура.—А. Н. Турчаниновъ и Ю. Г. Жуковскій † (стр. 807).

II. Литературное Обозрѣніе.—Январь.—I. „Очерки и разсказы", М. П. Чехова. — II. „Повѣсти и разсказы", Б. Лазаревскаго.—**А. К.**—III. Агафоновъ, В. К., Наука и жизнь.—IV. Котляревскій, Н., Декабристы. — V. Лемке, Мих., Политическіе процессы.—**Евг. Л.**—VI. И И. Янжулъ, Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. —VII. А. Скворцовъ, Аграрный вопросъ и Государственная Дума.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 361).—Февраль. —I. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки. — II. Айхенвальдъ, Ю., Силуэты русскихъ писателей, вып. I.—III. Львовъ-Рогачевскій, В., Борьба за жизнь. Сборникъ статей, —IV. Герценъ, А. И., Проблемы культуры, съ франц. - V. Г. Джорджъ, Общественныя задачи, съ англ. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—VI. Мультатули. Повѣсти, сказки и легенды. – VII. Eranos, Сборникъ статей по литературѣ и исторіи.—**Евг. Л.**—VIII. Петръ Вейнбергъ, Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. — **З. В.** — IX. Н. Карѣевъ, Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. — **П. Ш-ій.** — X. Д. Менделѣевъ, Къ познанію Россіи. — XI. Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи. — XII. Храневичъ, В., Очерки экономическаго быта въ Царствѣ Польскомъ.—Бр. И. и П. Лопатины, Очерки исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ.—XIII. Какъ устраиваются городскія общественныя работы. (Опытъ германскихъ городовъ). Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. А. Гагена.—**В. В.** —Новыя книги и брошюры (стр. 812).— Мартъ.—I. Щеголевъ, П. Е., Изъ исторіи „конституціонныхъ" вѣяній въ 1879-1881 гг. „Былое". Декабрь, 1906.—II. Щукинскій сборникъ, вып. VI. — III. Рубакинъ, Н. А., Чистая публика и интеллигенція изъ народа.—IV. Ивановъ-Разумникъ, Исторія русской общественной мысли, т. I-II.—V. Тургеневъ, Н., Россія и русскіе. Ч. I.—Бар. А. Розенъ, Записки декабриста. — Собраніе стихотвореній декабристовъ.—VI. Армянская муза. — **Евг. Л.**—VII. Библіотека великихъ писателей. В. I: Пушкинъ.—**W.**—VIII. Вопросы колонизаціи. — IX. П. Мижуевъ, Документальная исторія одной стачки.— X. Статистика землевладѣнія 1905 г.— **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 335).—Апрѣль.— I. Кириллъ, Одиннадцать дней на „Потемкинѣ". — II. Соціализмъ въ Англіи. Состав. С. Веббъ.— III. А. В. Погожевъ, Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи.—**В. В.**— IV. Сочиненія Пушкина: Переписка. П. р. В. Саитова.—V. Соперники христіанства, проф. Ѳ. Зѣлинскаго.—VI. Сочиненія А. Щапова, т. I-II.—**Евг. Л.** — VII. Р. Трейманъ, Тираноборцы, перев. съ нѣм. п. р. М. Рейснера. — **П. Ш-ій.** — VIII. Г. И. Бобриковъ, Государственность въ современности —**Л. С.**—Новыя книги и брошюры (стр. 772). — Май.— I. Полное собраніе писемъ М. И. Глинки, т. I.—II. Н. А. Лейкинъ, въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. — III. П. Хельчицкій, Сѣть вѣры, съ чешскаго Ю. Анненковъ. — IV. Галерея шлиссельбургскихъ узниковъ.—**М. Г.**—V. Литературно-художественные Альманахи, изд. „Шиповникъ", кн. 1-я.—**З. В.**—VI. Т. Шевченко, „Кобзарь", русск. перев. п. р. И. Бѣлоусова.—**Ж-кій.** — VII. И. Озеровъ, Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги. VIII. Ренс Штурмъ, Бюджетъ, перев. А. Изгоева. — IX. М. Загряцковъ, Соціальная дѣятельность городск. самоуправл. на Западѣ, вып. 1. — X. А. Кафодъ, Борьба съ черезполосицею въ Россіи и за-границею. – XI. Статистическій ежегодникъ Московъ. губ. за 1906. Часть I. —**В. В.** - Новыя книги и брошюры (стр. 356).—Іюнь.—I. П. Кропоткинъ, Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Съ англ. В. Батуринскій.—II. Записки И. Пущина о Пушкинѣ.—III. Евг. Бобровъ, проф., Дѣла и люди, сборникъ статей.—IV. Ник. Поярковъ, Поэты нашихъ дней.—V. Н. Романовъ, А. А. Ивановъ и значеніе его творчества.—VI. М. Чайковскій, Катерина Сіенская.—**М. Г.** —VII. Сервантесъ, перев. „Донъ-Кихота" съ исп. М. В. Ватсонъ.—**Л. Ш.** — VIII. Я. М. Бѣлый, Изъ недавней старины. — IX. А. Коровинъ, Опытъ анализа главныхъ факторовъ личнаго алкоголизма.— X. Кн. П. Долгоруковъ и П. Петрункевичъ, Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. — XI. Статистика землевладѣнія 1905 года. Изд. Мин. Вн. Дѣлъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 768). — Іюль.—I. Н. Барсковъ, Жизнь и Труды М. П. Погодина кн. 21-я. — II. А. Амфитеатровъ и Аничковъ, Побѣдоносцевъ.—III. Н. Кузнецовъ... шенинниковъ, Угасающая Башкирія. IV. В. Стефаникъ, Разсказы, съ украин

Май. — Два мѣсяца подъ угрозой „разгона".—Условія работы Думы.—Сужденія по законопроекту о контингентѣ новобранцевъ.—Инцидентъ, вызванный г. Зурабовымъ.—Положеніе предсѣдателя Думы.—Два слова о средней школѣ.—Новый приказъ ген. Думбадзе.—В. Ю. Скалонъ † (стр. 423). — Іюнь. — Партіи и партійность внѣ Думы и въ Думѣ.—Численный составъ и общая характеристика думскихъ фракцій. — Думскія коммиссіи. — Трагическое положеніе въ Думѣ православныхъ священниковъ. — Ликвидація чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ (стр. 853).—Іюль.—Роспускъ второй Государственной Думы.—Послѣдніе два дня передъ роспускомъ.—Требованіе правительства объ устраненіи соціалъ-демократической фракціи.—Оборванная роспускомъ работа думскихъ коммиссій.—Впечатлѣнія роспуска.—Ближайшія перспективы.—Земскій съѣздъ.—Новыя правила о печати.—Изъ рѣчи костромского губернатора (стр. 420). — Августъ. — „Сперва успокоеніе—потомъ реформы". —Внутренняя противорѣчивость тезиса. —Что значитъ успокоеніе? — Практическое совпаденіе лозунга октябристовъ съ лозунгомъ боевой реакціи.—Основная задача минуты. — Какая въ Россіи форма правленія? — Разоблаченія объ убійствѣ Г. Б. Іоллоса.—А. А. Мухановъ † (стр. 835). — Сентябрь. — О политическомъ утомленіи и политическомъ отдыхѣ. — Вѣрно ли опредѣленіе: „страна отдыхаетъ"? — Неуспѣшность проведенія въ жизнь закона о самоуправленіи крестьянской общины. — Перемѣна ролей въ вопросѣ объ общинѣ. — Неудачныя усилія землеустроительныхъ коммиссій. — Циркуляръ о раздѣленіи избирательныхъ съѣздовъ (стр. 421).—Октябрь.—Начало выборовъ въ третью Думу.—Роль православнаго духовенства на выборахъ и вѣроятная—въ Думѣ.—Дѣйствительно ли вторая Дума была неработоспособна? — Составъ предстоящаго церковнаго собора.—Л. Н. Толстой объ убійствахъ.—PS. (стр. 863).—Ноябрь.—Вторая годовщина манифеста 17-го октября. — Что позади и что рисуется въ ближайшемъ будущемъ? — Своеобразная юридическая аргументація возврата къ абсолютизму.— Загадочное толкованіе избирательнаго закона и избраніе г. Шмида.—Новая иллюстрація къ старой темѣ о законѣ и законности (стр. 438). — Декабрь.— Открытіе Думы и общія впечатлѣнія трехъ недѣль.—Рѣчь Ѳ. И. Родичева и устраненіе его на пятнадцать засѣданій. — Опасный прецедентъ.—Приговоръ по дѣлу г. Гурко.—Дѣло крестьянскаго союза.— Постановленіе вологодскаго губернатора. —Юбилеи И. Е. Забѣлина и Н. Н. Златовратскаго (стр. 882).

VI. Извѣщенія. — I. Отъ „Попечительства Трудовой Помощи" (янв., 445; февр., 896; мар., 432; апр., 852).—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія (янв., 445; февр., 896; мар., 432; іюнь, 868).—III. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра (янв. 445).—IV. Положеніе о преміи имени почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ Анатолія Ѳедоровича Кони (мар., 432; апр., 852; май, 439).—V. Отъ Комитета Литературнаго фонда (іюнь, 868). — VI. Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи (авг., 850; окт., 880; нояб., 456; дек., 901). — VII. Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ (окт., 880; дек., 899).— VIII. Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича (окт., 880; нояб., 456; дек. 899).

VII. Библіографическій Листокъ. —Январь. — Переписка Пушкина, изд. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. Саитова, т. I.—Пушкинъ и его современники, вып. IV.—Церковь и государство въ Россіи, С. Мельгунова.—Князь Серебряный, пов. гр. А. К. Толстого, 40-ое изданіе.— Февраль. — Русскіе портреты XVIII и XIX стт. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. Т. II, вып. 4. — А. Брикнеръ, Смерть Павла I.—М. Сервантесъ, Донъ-Кихотъ Ламанчскій; съ испанскаго М. В. Ватсонъ, ч. I.—Зѣлинскій, Ѳ., Соперники христіанства.—Павловъ, Е., На Дальнемъ Востокѣ въ 1905 году. — Мартъ. — Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ имп. Александра и Наполеона. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—Изъ эпохи освободительнаго движенія, вып. II. Н. Д. Кузьмина-Караваева.—Исторія русской литературы. Т. IV. А. Н. Пыпина.—Исторія „чартизма". Р. Гамшеджа.—Апрѣль.— Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VII, ч. 1-ая.—Судьба капиталистической Россіи, В. В. — Босфоръ и Дарданеллы, С. Горяинова. —Политическая Энциклопедія, п. р. Л. З. Слонимскаго, т. I, вып. 4-й.—Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи, Н. Карѣева, 9-ое изданіе.—Май.— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изд. Великаго Князя Николая Михаиловича, т. III, вып. I.— Ал. Веселовскій, Этюды и характеристики. — „Письма темныхъ людей", перев. И. Куна, п. р. Д. Егорова.—Морозовъ, Н., Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.—Митрофа-

Книга двѣнадцатая. — Декабрь. стр.

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.—Фототипія.